ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. І. Златоустъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1897.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ 20 марта 1897 года.

Ректоръ Академіи, Епископъ *Іоаннъ*.

Reprinted by
JUH

Скоропечатня и литографія Ив. Ѳ. Пухира. Телѣжный пер., 3—5.



Теперешній видъ Св. Софіи — мѣста служенія Св. І. Златоуста.

Святаго отца нашего Іоанна Златоуста

БЕСѢДЫ НА РАЗНЫЯ МѢСТА СВ. ПИСАНІЯ.

БЕСѢДА

на притчу о должникѣ десятью тысячами талантовъ, взыскивавшемъ сто динаріевъ (Матѳ. XVIII, 23–35), и о томъ, что злопамятство хуже всякаго грѣха.

КАКЪ будто возвратился я къ вамъ изъ дальняго пути,— такъ чувствую себя сегодня. Для любящихъ, когда имъ нельзя быть вмѣстѣ съ тѣми кого любятъ, нѣтъ никакой пользы отъ близости. Потому и мы, оставаясь дома, чувствовали себя ничѣмъ не лучше странниковъ, такъ какъ не могли въ минувшее время бесѣдовать съ вами. Но простите: молчаніе было не отъ лѣности, а отъ болѣзни. Теперь вы радуетесь тому, что мы освободились отъ болѣзни, а я радуюсь, что снова наслаждаюсь вашей любовью. Для меня и тогда, когда я былъ боленъ, тягостнѣе самой болѣзни было то, что не могъ я участвовать въ этомъ

любезномъ собраніи, и теперь когда оправился отъ болѣзни, вожделѣннѣе самого здоровья то, что имѣю возможность спокойно наслаждаться вашей любовью. Не такъ горячка жжетъ тѣла одержимыя ею, какъ наши души—разлука съ любимыми, и какъ тѣ ищутъ чашъ и стакановъ съ холодной водой, такъ эти — любимыхъ лицъ. Это хорошо знаютъ тѣ, кто привыкъ любить. Такъ вотъ, когда освободились мы отъ болѣзни, насытимся опять другъ другомъ, если только можно когда-нибудь насытиться, потому что любовь не знаетъ насыщенія, но, постоянно наслаждаясь любимыми, болѣе и болѣе воспламеняется. Зная это, питомецъ любви, Павелъ, сказалъ: *ни единому же ничимъ же должни бывайте, точію еже любити другъ друга* (Римл. XIII, 8). Этотъ только долгъ всегда дается и никогда не выплачивается; здѣсь постоянно быть въ долгу хорошо и достохвально. Въ разсужденіи долга мы хвалимъ тѣхъ, кто ничего не долженъ, а въ отношеніи къ любви одобряемъ и почитаемъ всегдашнихъ должниковъ, — и что тамъ служитъ признакомъ безсовѣстности, то здѣсь — признакъ добросовѣстности, никогда, то есть, не выплачивать долга любви. Не тяготитесь же продолжительностію предполагаемой рѣчи: нѣкоей дивной пѣсни хочу научить васъ, взявъ въ руки не мертвую лиру, но, вмѣсто струнъ, натянувъ исторію Писанія и заповѣди Божіи. И какъ арфисты, взявъ пальцы учениковъ, тихонько прикладываютъ ихъ къ струнамъ, и пріучая ударять съ искусствомъ, выучиваютъ ихъ изъ мертвыхъ тоновъ и струнъ извлекать звукъ, нѣжнѣе и пріят-
18 нѣе всякаго голоса, — такъ сдѣлаемъ и мы. Взявши, вмѣсто пальцевъ, умъ вашъ и прикладывая его къ заповѣдямъ Божіимъ, попросимъ любовь вашу касаться ихъ съ умѣньемъ, чтобы этимъ увеселеніемъ привести вамъ въ восторгъ не собраніе людей, но ликъ ангеловъ. Не довольно того, чтобы только прослѣдить Божественныя слова; нѣтъ, требуется еще доказательство отъ дѣлъ. Какъ на арфѣ ударяетъ по струнамъ игрокъ искусный, ударяетъ и неискусный, но одинъ наводитъ на слушателя скуку, другой увеселяетъ и восхищаетъ его; пальцы одинаковы и струны однѣ, да не одно искусство: такъ и въ отношеніи къ Божественному Писанію, — многіе конечно узнаютъ Божіи слова, но не всѣ получаютъ пользу, не всѣ приносятъ плодъ; причина та, что они не углубляются въ сказанное и безъ искусства касаются арфы. Дѣйствительно, что въ игрѣ на арфѣ искусство, то въ отношеніи къ Божіимъ законамъ доказательство отъ дѣлъ. Вотъ мы уже ударили по одной струнѣ во всю четыредесятницу, читая вамъ законъ о клятвахъ, и—по милости Божіей—многія уста слушателей научились у насъ мелодіи этого закона, и бросивъ дурную привычку, вмѣсто того, чтобъ клясться Богомъ, всегда при каждомъ разго-

ворѣ носятъ на языкѣ: *ей* и *ни* и *повѣрь*; пусть будетъ нудить ихъ
безчисленное множество дѣлъ, они не рѣшатся пойти дальше [1]).

2. А какъ для спасенія мало намъ соблюденія одной заповѣди
то вотъ сегодня поведемъ васъ и къ другой. Если еще и не всѣ
исполнили прежній законъ (о клятвахъ), такъ съ теченіемъ вре-
мени, отставшіе догонять опередившихъ. И дѣйствительно, я узналъ,
что усердіе къ этому таково, что объ этой заповѣди, и дома и
за трапезой, бываетъ состязаніе у мужей съ женами, у рабовъ съ
свободными; и блаженными назвалъ я тѣхъ, которые такимъ обра-
зомъ вкушаютъ пищу. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть святѣе
той трапезы, отъ которой изгнано пьянство и объяденіе и всякая
неумѣренность, и въ которую, вмѣсто того, введено дивное состя-
заніе о соблюденіи Божіихъ законовъ, (гдѣ) и мужъ смотритъ за
женою, чтобы она не впала въ бездну клятвопреступленія, — а
жена наблюдаетъ за мужемъ, и преступника ожидаетъ величай-
шее наказаніе; (гдѣ) и господинъ не стыдится слышать обличе-
ніе отъ рабовъ, и самъ исправляетъ въ этомъ рабовъ? Не погрѣ- 19
шитъ, кто назоветъ такой домъ Церковію Божіей. Въ самомъ дѣлѣ,
гдѣ столько цѣломудрія, что и во время пиршества помышляютъ
о божественныхъ законахъ, и всѣ присутствующіе другъ предъ
другомъ ревнуютъ и состязаются объ этомъ, оттуда явно всякій
демонъ и лукавая сила изгнаны, а присутствуетъ тамъ Христосъ,
радуясь о святомъ соревнованіи своихъ рабовъ, обильно даруя
имъ всякое благословеніе. Поэтому, оставивъ наконецъ ту запо-
вѣдь (такъ какъ знаю, что по милости Божіей исполненіе ея рас-
пространится во всемъ городѣ, потому что вы сдѣлали усердное
начало и прочное основаніе), перейду къ другой — къ презрѣнію
гнѣва. Какъ на арфѣ мало того, чтобы извлечь мелодію изъ одной
струны, но должно пройти по всѣмъ струнамъ съ надлежащею строй-
ностью; такъ и въ отношеніи къ душевной добродѣтели недоста-
точно намъ для спасенія, какъ я сказалъ, одной заповѣди, но
должно со тщаніемъ соблюдать ихъ всѣ, — если только хотимъ
такой мелодіи, которая пріятнѣе и полезнѣе всякой гармоніи. Уста
твои научились не клясться? Языкъ научился вездѣ говорить:
„*ей*“ и „*ни*“? Пусть онъ научится удерживаться отъ всякой брани
и прилагать еще большее стараніе объ этой заповѣди, потому что
здѣсь требуется отъ насъ и трудъ большій. Тамъ нужно было
только одолѣть привычку, а въ отношеніи къ гнѣву нужно го-
раздо большее стараніе: сильна эта страсть, часто даже внима-
тельныхъ увлекаетъ въ самую бездну погибели. Итакъ, отнеситесь
терпѣливо къ продолжительности слова. Страшно было бы намъ,

[1]) Т. е. сказать какую-нибудь клятву.

получая ежедневно раны на площадяхъ, въ домахъ, отъ друзей, отъ сродниковъ, отъ враговъ, отъ сосѣдей, отъ слугъ, отъ жены, отъ сына, отъ своихъ собственныхъ помысловъ, даже и одного раза не позаботиться объ уврачеваніи этихъ ранъ, особенно когда знаемъ, что этотъ способъ врачеванія не требуетъ издержекъ и не причиняетъ боли. Не желѣзо держу я теперь въ рукѣ, но вмѣсто желѣза беру слово, которое острѣе всякаго желѣза и отсѣкаетъ всякую грѣховную гниль, а боли не причиняетъ никому, кого рѣжутъ. Нѣтъ у меня огня въ правой рукѣ, но есть ученіе, которое сильнѣе огня; не причиняетъ оно обжога, но, сводя наростъ зла, доставляетъ освобожденному отъ зла, вмѣсто боли, великое удовольствіе.

Не требуется здѣсь много времени, не требуется трудовъ, не требуется денегъ: довольно только захотѣть — и все для добродѣтели у насъ сдѣлано. Подумаемъ только о величіи Бога, повелѣвающаго и дающаго законъ—и получимъ достаточное наставленіе и убѣжденіе: мы не отъ себя говоримъ, но ведемъ всѣхъ васъ къ Законодателю. Слѣдуйте же за нами и слушайте божественные законы. Гдѣ же сказано о гнѣвѣ и злопамятствѣ? Во многихъ и другихъ мѣстахъ, но особенно въ той притчѣ, которую (Господь) сказалъ ученикамъ своимъ, начавъ такъ: *Сего ради уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже восхотѣ стязатися о*
20 *словеси съ рабы своими. Наченшу же ему стязатися, приведоша ему единаго должника тмою талантъ. Не имущу же ему воздати, повелѣ и продати, и жену его, и чада, и вся елика, имѣяше, и отдати. Падъ убо рабъ* къ ногамъ его, умоляль его, *глаголя: Господи! потерпи на мнѣ, и вся ти воздамъ. Милосердовавъ же Господь раба того, прости его и долгъ отпусти ему. Изшедъ же рабъ той обрѣте единаго отъ клевретъ своихъ, иже бѣ долженъ ему стомъ пенязь: и емь его давляше, глаголя: отдаждь ми, имже еси долженъ. Падъ убо клевретъ его на нозѣ его, моляше его, глаголя: потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти. Онъ же не хотяше; но ведъ всади его въ темницу, дондеже воздастъ должное. Видѣвше же клеврети его бывшая, сжалиша си зѣло и пришедша сказаша господину своему. Тогда призвавъ его господинъ его, глагола: рабе лукавый! весь долгъ онъ отпустихъ тебѣ, понеже умолилъ мя еси: не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета твоего, якоже и азъ тя помиловахъ;* тогда *предаде его мучителямъ, дондеже воздастъ весь долгъ* ему. *Тако и Отецъ мой небесный сотворитъ вамъ, аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ прегрѣшенія ихъ* (Матѳ. XVIII, 23—35).

3. Такова притча! Надо же сказать, для чего Господь предложилъ ее съ присовокупленіемъ причины, потому что Онъ не просто сказалъ: *уподобися царствіе небесное,* но: *сего ради уподобися цар-*

ствіе небесное. Для чего же прибавлена причина? Онъ бесѣдовалъ съ
учениками о непамятозлобіи и училъ ихъ обуздывать гнѣвъ и
не обращать много вниманія на оскорбленія, дѣлаемыя намъ дру-
гими, говоря такъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и
обличи его между тобою и тѣмъ единымъ. Аще тебе послушаетъ,
пріобрѣлъ еси брата твоего* (Матѳ. XVIII, 15). Когда объ этомъ и
тому подобнымъ Христосъ бесѣдовалъ съ учениками, и училъ ихъ
любомудрію, Петръ первоверховный въ ликѣ апостоловъ, уста уче-
никовъ, столпъ церкви, утвержденіе вѣры, основаніе исповѣданія,
ловецъ вселенной, возведшій родъ нашъ изъ бездны заблужденія
на небо, вездѣ пламенный и исполненный дерзновенія, а лучше
сказать, болѣе любви, нежели дерзновенія, между тѣмъ какъ всѣ
молчали, приступаетъ къ Учителю и говоритъ: *колькраты согрѣшитъ
въ мя братъ мой, и отпущу ли ему до седмь кратъ* (ст. 21)? Въ одно
время онъ и спрашиваетъ, и обѣщаетъ, и еще не будучи настав-
ленъ, уже показываетъ усердіе! Ясно зная, что сердце Учителя на-
клонено къ человѣколюбію, и что тотъ больше всѣхъ угождаетъ
Ему, кто больше всѣхъ прощаетъ грѣхи ближнимъ, и не взыски-
ваетъ за нихъ строго, онъ, чтобы угодить Законодателю, говоритъ:
до седмь кратъ? И потомъ, чтобы ты зналъ, что такое человѣкъ
и что Богъ, и какъ щедрость человѣка, до чего бы ни простира-
лась, въ сравненіи съ обиліемъ (милости) Бога, бѣднѣе всякой
бѣдности, и что наша доброта въ отношеніи къ несказанному чело-
вѣколюбію Его то же, что капля въ отношеніи къ безпредѣльному
морю,— послушай, что говоритъ Христосъ, когда Петръ сказалъ: *до
седмь кратъ,* и подумалъ о себѣ, будто показалъ великое усердіе и ще- 21
дрость: *не глаголю тебѣ: до седмь кратъ, но до седмьдесятъ кратъ седме-
рицею.* Иные полагаютъ, что это значитъ семьдесятъ семь; не такъ
однако: напротивъ, это безъ малаго пятьсотъ, потому что семью семь-
десятъ составляетъ четыреста девяносто. И не подумай, возлюблен-
ный, что эта заповѣдь тяжела. Если ты простишь согрѣшившему въ
день разъ, и другой, и третій, то оскорбитель твой, хотя бы былъ
совсѣмъ каменный, хотя бы былъ свирѣпѣе самыхъ демоновъ, не
будетъ столько безчувственъ, чтобы опять впасть въ тотъ же
грѣхъ, но, образумленный многократнымъ прощеніемъ, сдѣлается
лучше и скромнѣе. Да и ты, если будешь въ состояніи столько
разъ оставить безъ вниманія сдѣланные противъ тебя грѣхи, прі-
обрѣтши навыкъ отъ одного, другого и третьяго прощенія, не
почувствуешь уже труда отъ такого любомудрія: часто прощая,
пріучишься не огорчаться грѣхами ближняго (противъ тебя). Услы-
шавъ это, Петръ сталъ въ изумленіи, заботясь не только о себѣ,
но и о тѣхъ, которые будутъ ему ввѣрены. Итакъ, чтобы онъ не
сдѣлалъ того же, что сдѣлалъ и въ отношеніи къ другимъ запо-

вѣдямъ, Господь предварительно отклонилъ его отъ всякаго вопроса. Что же такое онъ сдѣлалъ въ отношеніи къ другимъ заповѣдямъ? Если Христосъ повелѣвалъ когда что-нибудь, повидимому, трудное, (Петръ), выходя прежде другихъ (учениковъ), спрашивалъ и развѣдывалъ на счетъ заповѣди. Такъ, когда приступилъ богачъ и вопрошалъ Христа о вѣчной жизни, и узнавъ, что должно дѣлать для достиженія совершенства, *отъиде скорбя о стяжаніи* (Мар. x, 22),—и когда Христосъ сказалъ, что *удобѣе верблюду сквозѣ иглинѣ уши проити, неже богату въ царствіе Божіе внити* (ст. 25),—Петръ, хотя уже отказался отъ всего, не удержалъ при себѣ даже и сѣти, но бросилъ и свое ремесло, и рыбачью лодку, подошедши сказалъ Христу: *и кто можетъ спасенъ быти* (ст. 26)? Замѣть здѣсь и скромность ученика и горячность его Не сказалъ онъ: ты заповѣдуешь невозможное; повелѣніе тяжко; законъ суровъ. Однакожъ и не промолчалъ, но показалъ и заботливость о другихъ, и воздалъ Учителю должную со стороны ученика честь, сказавъ такъ: *и кто можетъ спасенъ быти?* Еще не сдѣлался онъ пастыремъ, а имѣлъ душу пастырскую; еще не получилъ начальства, а показывалъ попечительность, приличную начальнику, заботясь о всей вселенной. Если бы онъ былъ богатъ и владѣлъ множествомъ денегъ, иной, можетъ быть, сказалъ бы, что онъ предложилъ этотъ вопросъ, безпокоясь не о другихъ, но о самомъ себѣ и заботясь о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Теперь же бѣдность освобождаетъ его отъ этого подозрѣнія и показываетъ, что онъ такъ безпокоился и развѣдывалъ, и хотѣлъ узнать отъ учителя о пути ко спасенію, заботясь о спасеніи другихъ. Поэтому и Христосъ, ободряя его, сказалъ: *невозможная отъ человѣкъ, возможна суть у Бога* (ст. 27). Не подумай говорить, будто вы остаетесь безпомощными; Я въ этомъ дѣлѣ участвую съ вами, и трудное дѣлаю удобнымъ и легкимъ. Опять, когда Христосъ бесѣдовалъ о бракѣ и женѣ, и говорилъ, что *отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю любодѣйствовати* (Матѳ. v, 32), и когда убѣждалъ прощать женѣ всякое преступленіе, кромѣ одного прелюбодѣянія,—Петръ, въ то время, какъ другіе молчали,
22 подошелъ и сказалъ Христу: *аще тако есть вина человѣку съ женою, лучше есть не женитися* (Матѳ. xix, 10).

Смотри и здѣсь, какъ онъ и соблюлъ должное почтеніе къ Учителю и показалъ попечительность о спасеніи другихъ, заботясь и здѣсь не о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Итакъ, чтобы и здѣсь [1]) не сказалъ онъ чего-либо подобнаго, Господь притчею предупредилъ возраженіе съ его стороны. Поэтому и сказалъ Еван-

[1]) Т. е. по отношенію къ заповѣди о прощеніи обидъ.

гелистъ: *сего ради уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже восхотѣ стязатися о словеси съ рабы своими*,— показывая, что Онъ говоритъ эту притчу для того, чтобы ты зналъ, что если бы ты и *семьдесятъ разъ седмерицею* въ день оставилъ брату согрѣшенія, то не сдѣлалъ бы еще ничего великаго, но далеко, несказанно далеко отстоялъ бы отъ человѣколюбія Господня, и далъ бы не столько, сколько получилъ.

4. Послушаемъ же притчи: она кажется ясною сама по себѣ, однакожъ содержитъ въ себѣ несказанное сокровище мыслей. *Уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже восхотѣ стязатися о словеси съ рабы своими.* Не пробѣгай безъ вниманія это изреченіе, но открой мнѣ судилище то, и вошедши въ свою совѣсть, подумай о томъ, что сдѣлано тобою во всю жизнь. И когда услышишь, что (царь) считается съ рабами своими, представь себѣ и царей, и военачальниковъ, и градоправителей, и богатыхъ и бѣдныхъ, и рабовъ и свободныхъ, и всѣхъ: *всѣмъ бо намъ явитися подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ* (2 Кор. v, 10). Если ты богатъ,—подумай, что отдашь отчетъ, на блудницъ истратилъ ты деньги, или на бѣдныхъ; на тунеядцевъ и льстецовъ, или на нуждающихся; на распутство, или на человѣколюбіе; на удовольствіе, лакомство и пьянство, или на вспоможеніе несчастнымъ? И не въ одной только тратѣ потребуютъ у тебя отчета, но и въ пріобрѣтеніи имущества: праведными ли трудами собралъ ты его, или хищеніемъ и лихоимствомъ; получивъ ли родительское наслѣдство, или разоривши домы сиротъ и расхитивши имущества вдовицъ? Какъ мы у своихъ слугъ требуемъ отчета, не только въ расходѣ денегъ, но и въ приходѣ, допрашивая, откуда и отъ кого, и какъ, и сколько получили они денегъ,—такъ и Богъ требуетъ отъ насъ отчета не только въ употребленіи, но и въ пріобрѣтеніи. И не богачъ только, но и бѣдный даетъ отчетъ—въ бѣдности: благодушно-ли и съ благодареніемъ ли перенесъ бѣдность, не впалъ ли въ уныніе, не подосадовалъ ли, не возроптали ли на Божій Промыслъ, видя другого въ роскоши и удовольствіяхъ, а себя въ нуждѣ? Какъ у богача потребуютъ отчета въ милостынѣ, такъ у бѣднаго въ терпѣніи, или—лучше—не въ терпѣніи только, но и въ самой
милостынѣ, потому что бѣдность не мѣшаетъ милостынѣ: свидѣ- 23
тель—вдовица, положившая двѣ лепты—и этимъ малымъ вкладомъ превзошедшая тѣхъ, которые положили по-многу. И не богатые только да бѣдные, но и начальники съ судьями истязуются съ великою строгостью: не извратили ли они правду, не произнесли ли приговора надъ подсудимыми по пристрастію или по ненависти, не дали ли, уступивъ лести, неправеднаго рѣшенія, или, по злопамятству, не сдѣлали ли зла невиннымъ?

Да и не свѣтскіе только начальники, но и предстоятели церквей дадутъ отчетъ въ своемъ начальствѣ, и они особенно подвергнутся строжайшимъ и тягчайшимъ взысканіямъ. Тотъ, кому ввѣрено служеніе слова, дастъ тамъ строгій отчетъ, не опустилъ ли по лѣности или по злорадству чего-либо такого, что бы сказать надлежало, и доказалъ ли на дѣлѣ, что изъяснилъ онъ все и не скрылъ ничего полезнаго. Опять, получившій епископство, сколько на высшую взошелъ онъ степень, столько же строжайшій дастъ и отчетъ, не только въ ученіи и предстательствѣ за бѣдныхъ, но и въ испытаніи рукополагаемыхъ и въ безчисленномъ множествѣ другихъ дѣлъ. На это-то указывая, Павелъ и писалъ Тимоѳею: *руки скоро не возлагай ни на кого же, и не пріобщайся чужимъ грѣхомъ* (1 Тим. v, 22). И, давая наставленіе евреямъ касательно ихъ начальниковъ, устрашалъ (епископовъ) другимъ образомъ, говоря такъ: *повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покоряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. xiii, 17). Но не въ однихъ дѣлахъ, а и въ словахъ тогда дадимъ отчетъ. И мы, ввѣривъ слугамъ своимъ деньги, требуемъ у нихъ отчета во всемъ; такъ и Богъ, ввѣривъ намъ (даръ) слова, взыщетъ за его употребленіе. Такъ мы истязуемы будемъ и дадимъ строгій отчетъ въ томъ, не безсмысленно ли и не попусту ли тратили слова, потому что не столько вредна пустая трата денегъ, сколько безсмысленное, суетное и напрасное употребленіе словъ. Напрасная трата денегъ дѣлаетъ иногда ущербъ имѣнію, а слово, произнесенное безъ разсужденія, разоряетъ цѣлые домы, губитъ и разрушаетъ души. Ущербъ имѣнія можно опять поправить, а слово, разъ вылетѣвшее, возвратить назадъ нельзя.

А что мы дадимъ отчетъ въ словахъ, послушай, что говоритъ Христосъ: *глаголю же вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы* (на земли), *воздадятъ о немъ слово въ день судный: отъ словесъ бо своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися* (Матѳ. xii, 36. 37). И не только въ своихъ словахъ мы дадимъ отчетъ, но и въ слушаніи (чужихъ словъ), напр. не внялъ ли ты ложному обвиненію ближняго; потому что сказано: *да не пріимеши слуха суетна* (Исх. xxiii, 1). Если же пріемлющіе *слухъ суетный* не получатъ извиненія, то какое оправданіе будутъ имѣть тѣ, кто клевещетъ и оговариваетъ?

5. И что говорю я о словахъ и о слухѣ, когда мы подлежимъ взысканію даже за помыслы? Это самое показывая, и Па-
24 велъ говорилъ: *тѣмже прежде времени ничтоже судите, дондеже пріидетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы и объявитъ совѣты сердечныя* (1 Кор. iv, 5). И псалмопѣвецъ говоритъ: *яко помышленіе человѣческое исповѣстся Тебѣ* (Пс. lxxv, 11). Что такое:

помышленіе человѣческое исповѣстся Тебѣ? То есть, не коварно ли и злонамѣренно говорилъ ты съ братомъ, не хвалилъ ли его устами и языкомъ, а въ сердцѣ не пожелалъ ли зла и не позавидовалъ ли ему? На это же самое указывая, т. е. что мы подвергнемся суду не за одни дѣла, но и за помыслы, Христосъ сказалъ: *иже воззритъ на жену, ко еже вождельти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. v, 28). Хотя грѣхъ не вышелъ еще въ дѣло, а остается пока въ сердцѣ, но и при этомъ не можетъ остаться безъ вины тотъ, кто смотритъ на красоту женскую для того, чтобы возжечь похоть блудную. Итакъ, когда услышишь, что господинъ *стязуется о словеси съ рабы своими,* не проходи безъ вниманія этого изреченія, но представь себѣ людей всякаго достоинства, всякаго возраста, обоихъ половъ, мужей и женъ, подумай, каково тогда будетъ судилище, припомни всѣ грѣхи свои. Хоть самъ ты и забудешь свои преступленія, но Богъ никогда не забудетъ, и представитъ всѣ (грѣхи) предъ глаза наши, если только мы не предупредимъ загладить ихъ теперь покаяніемъ и исповѣдью и тѣмъ, что никогда не будемъ злопамятствовать на ближняго. Для чего же Онъ дѣлаетъ этотъ разсчетъ? Не потому, чтобы Онъ не зналъ (какъ не знать Тому, Кто зналъ всѣ вещи прежде ихъ бытія?), но для того, чтобы убѣдить тебя—раба, что всѣмъ, чѣмъ ни долженъ ты, долженъ по правдѣ; а лучше сказать, не для того, чтобы ты только узналъ, но чтобы и очистился. Такъ и пророку для этого повелѣлъ Онъ говорить о грѣхахъ іудеевъ: *глаголи,* говоритъ, *беззаконія ихъ дому Іаковлю, и грѣхи ихъ дому Израилеву* (Ис. LVIII, 1), не для того, чтобы они только услышали, но чтобы исправились. *Наченшу же ему стязатися, приведоша ему единаго должника тмою талантъ* (Матѳ. XVIII, 34). Такъ, вотъ сколько ему было довѣрено, и столько-то онъ издержалъ! Огромное количество долга! Но бѣда была не въ этомъ только, но и въ томъ еще, что онъ первый приведенъ былъ къ господину. Если бы привели его въ слѣдъ уже за многими другими исправными (должниками), не такъ было бы удивительно то, что господинъ не разгнѣвался: исправность вошедшихъ прежде могла сдѣлать его болѣе снисходительнымъ къ послѣдующимъ за ними неисправнымъ. Но что введенный первымъ оказался неисправнымъ, и, не смотря на такую неисправность, нашелъ однакожъ господина человѣколюбивымъ, вотъ это особенно удивительно и необычайно. Люди, когда найдутъ должниковъ, обрадуются такъ, какъ будто бы нашли добычу и ловъ, и дѣлаютъ все, чтобы взыскать весь долгъ; если же это не удается имъ по бѣдности должниковъ, то они гнѣвъ свой изъ-за денегъ изливаютъ на бѣдное тѣло несчастныхъ: сѣкутъ и бьютъ его, и нано-

сятъ ему тьму зла. А Богъ, напротивъ, все двигалъ и направлялъ къ тому, чтобы освободить его (должника) отъ долговъ. У насъ взыскать (долгъ)—богатство, а у Бога простить—богатство. Мы богатѣемъ, когда получимъ долги, а Богъ тогда особенно бываетъ богатъ, когда проститъ долги; богатство Божіе есть спасеніе людей, какъ говоритъ Павелъ: *богатъ сый во всѣхъ (и на всѣхъ) призывающихъ Его* (Рим. x, 12). Но, можетъ быть, скажетъ кто: какъ же это, тотъ, кто хотѣлъ оставить и простить вину, приказалъ продать его? Это-то самое особенно и доказываетъ его человѣколюбіе. Но не будемъ спѣшить, послѣдуемъ въ порядкѣ за разсказомъ притчи. *Не имущу же ему воздати*, говорится. Что значитъ: *не имущу ему воздати?* Опять усиленное свидѣтельство о неисправности (должника). Когда говорится: *не имущу ему воздати,* говорится не что иное, какъ то, что онъ былъ чуждъ добродѣтелей, не имѣлъ ни одного добраго дѣла, которое бы можно было вмѣнить ему въ отпущеніе грѣховъ, потому что вмѣняются, несомнѣнно вмѣняются, намъ въ отпущеніе грѣховъ добрыя дѣла, какъ и вѣра въ правду: *не дѣлающему, вѣрующему же во оправдающаго нечестива, вмѣняется вѣра его въ правду* (Рим. IV, 5). И что говорю о вѣрѣ и о добрыхъ дѣлахъ, когда и скорби вмѣняются намъ въ разрѣшеніе грѣховъ? Это доказываетъ Христосъ притчею о Лазарѣ, когда вводитъ Авраама, говорящимъ богачу, что Лазарь *воспріялъ въ животѣ своемъ злая,* и за это *здѣ утѣшается* (Лук. XVI, 25). Доказываетъ и Павелъ, когда пишетъ къ Коринѳянамъ о прелюбодѣѣ, и говоритъ такъ: *предайте таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется* (1 Кор. V, 5). Вразумляя и другихъ грѣшниковъ, онъ говорилъ такъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и спятъ довольни. Аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были. Судими же отъ Гопода, наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. XI, 30—32). Если же вмѣняются намъ въ оставленіе грѣховъ и искушеніе, и болѣзнь, и немощь, и изможденіе плоти, которыя мы терпимъ непроизвольно и не сами себѣ причиняемъ, тѣмъ болѣе (вмѣняются) подвиги, совершаемые нами добровольно и съ усердіемъ. Но этотъ (должникъ) былъ чуждъ всякаго добра, а грѣховъ имѣлъ невыносимое бремя; поэтому и говорится: *не имущу же ему воздати, повелѣ его продати* (Матѳ. XVIII, 25). Отсюда-то особенно можно узнать человѣколюбіе господина, что онъ и сдѣлалъ разсчетъ, и приказалъ продать его, потому что и то и другое сдѣлалъ онъ для того, чтобы не продать его. Изъ чего это видно? Изъ конца. Если бы онъ хотѣлъ продать его, кто бы воспрепятствовалъ, кто бы удержалъ?

6. Итакъ, для чего же онъ приказалъ, не имѣя намѣренія исполнить (этого приказанія)? Для того, чтобы увеличить страхъ

(должника). А страхъ увеличилъ угрозой для того, чтобы заставить его просить (о пощадѣ), а просить заставилъ для того, чтобы имѣть случай къ прощенію. Могъ онъ, конечно, простить его и до просьбы, но не сдѣлалъ этого, чтобы должника не сдѣлать худшимъ. Могъ дать прощеніе и прежде расчета, но чтобы тотъ, не зная тяжести своихъ грѣховъ, не сдѣлался безчеловѣчнѣе и жесточе къ ближнимъ, для этого напередъ показалъ ему великость долга, а потомъ простилъ ему все. Въ самомъ дѣлѣ, если и послѣ того, какъ сдѣланъ былъ расчетъ, показанъ долгъ, произнесена угроза и объявленъ приговоръ, которому долженъ былъ подвергнуться (этотъ человѣкъ), онъ былъ такъ жестокъ и безчеловѣченъ къ товарищу, то до какой бы жестокости не дошелъ
онъ, когда бы ничего этого не было? Для того Богъ сдѣлалъ и 26
устроилъ все это, чтобы предотвратить такое безчеловѣчіе его. Если же онъ ничѣмъ этимъ не исправился, то вина уже не въ учителѣ, а въ томъ, кто не принялъ исправленія. Однакожъ посмотримъ, какъ онъ прикрываетъ свою язву. *Падши*, говорится, къ ногамъ его, *моляше его, глаголя: потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти* (Матѳ. XVIII, 26). Не сказалъ вѣдь, что не можетъ заплатить: таковъ ужъ обычай у должниковъ—обѣщать, хоть и ничего не могутъ отдать, лишь бы избѣжать настоящей бѣды.

Послушаемъ всѣ мы, нерадящіе о молитвѣ, какова сила моленій? Этотъ должникъ не показалъ ни поста, ни нестяжательности, и ничего другого подобнаго; однакожъ, лишенный и чуждый всякой добродѣтели, лишь только попросилъ онъ господина, то и успѣлъ преклонить его на милость. Не будемъ же ослабѣвать въ молитвахъ. Кто можетъ быть грѣшнѣе этого должника, который виновенъ былъ въ столькихъ преступленіяхъ, а добраго дѣла, ни малаго, ни великаго, не имѣлъ? Однакожъ онъ не сказалъ себѣ: я не имѣю дерзновенія, покрытъ стыдомъ; какъ могу приступить? Какъ могу просить? А такъ говорятъ многіе изъ согрѣшающихъ, недугуя дьявольскою робостью! Ты не имѣешь дерзновенія? Для того и приступи, чтобы пріобрѣсти великое дерзновеніе. Тотъ, кто хочетъ съ тобой примириться, не человѣкъ, предъ которымъ бы пришлось тебѣ стыдиться и краснѣть; это Богъ, желающій, больше тебя, освободить тебя отъ грѣховъ. Не столько ты желаешь собственной безопасности, сколько Онъ ищетъ твоего спасенія; и—это Онъ показалъ намъ самыми дѣлами. Ты не имѣешь дерзновенія? Потому-то и можешь имѣть дерзновеніе, что ты въ такомъ расположеніи духа; величайшее дерзновеніе въ томъ, чтобы не думать, что имѣешь дерзновеніе, равно какъ и величайшій стыдъ—оправдывать себя предъ Господомъ. Этотъ нечистъ [1]), хотя

[1]) Т. е. кто оправдываетъ себя предъ Богомъ.

бы былъ святѣе всѣхъ людей; напротивъ, считающій себя послѣднимъ между всѣми становится праведнымъ. И свидѣтели того, что я говорю, фарисей и мытарь. Не станемъ же отчаиваться изъ-за грѣховъ, не станемъ унывать, но будемъ приходить къ Богу, припадать, умолять, какъ сдѣлалъ это должникъ, доселѣ показавшій доброе расположеніе. Что не палъ онъ духомъ, не повергся въ отчаяніе, исповѣдалъ грѣхи, попросилъ нѣкоторой отсрочки и замедленія—все это хорошо, и (обнаруживаетъ) сокрушенное сердце и смиренную душу. Но послѣдующее уже не похоже на прежнее: что пріобрѣлъ онъ усердною мольбою, все это вдругъ погубилъ гнѣвомъ на ближняго. Теперь перейдемъ къ образу прощенія: узнаемъ, какъ господинъ простилъ его, и какъ дошелъ до этого. *Милосердовавъ*, говорится, *Господь* его, *прости его, и долгъ отпусти ему* (Матѳ. XVIII, 27). Тотъ просилъ отсрочки, этотъ далъ прощеніе; стало быть, тотъ получилъ больше, чѣмъ сколько просилъ. Потому и Павелъ говоритъ: *могущему вся творити по преизбыточествію, ихже просимъ, или разумѣемъ* (Еф. III, 20). Ты не можешь и помыслить, сколько Онъ готовъ дать тебѣ. Не стыдись же; не
27 краснѣй; или—лучше—стыдись грѣховъ, только не отчаивайся, не оставляй молитвы, но, хоть ты и грѣшникъ, приступи, чтобы примирить съ собой Владыку, чтобы дать Ему случай показать Свое человѣколюбіе въ прощеніи твоихъ грѣховъ. Стало быть, если побоишься приступить, помѣшаешь Его благости, преградишь путь щедротамъ Его милосердія, сколько это зависитъ отъ тебя.

Итакъ, не будемъ упадать духомъ, не будемъ нерадѣть о молитвахъ. Хотя бы мы низринулись въ самую глубину порока, Онъ можетъ скоро извлечь насъ и оттуда. Никто не согрѣшилъ столько, сколько этотъ (должникъ); всякій видъ зла сдѣлалъ онъ; это показываютъ десять тысячъ талантовъ (долга). Никто не былъ такъ бѣденъ, какъ онъ. Это явно изъ того, что ему нечѣмъ было заплатить. И однакожъ, кому все измѣнило, того могла спасти сила молитвы. Такъ молитва, скажутъ, столько сильна, что можетъ освободить отъ казни и мученія того, кто оскорбилъ Господа безчисленными дѣлами и поступками? Да, столько можетъ она, человѣкъ! Впрочемъ, все это совершаетъ она не одна, но имѣетъ величайшаго споборника и помощника въ человѣколюбіи Бога, пріемлющаго молитву, которое и здѣсь [1]) совершило все, и самую молитву сдѣлало сильною. На это указывая, Христосъ сказалъ: *милосердовавъ же Господь его, прости его и долгъ отпусти ему,* дабы ты зналъ, что и послѣ молитвы, какъ и прежде молитвы, все сдѣлала благость Владыки. *Изшедъ же рабъ той, обрете единого отъ*

[1]) Въ отношеніи къ должнику.

клевретъ своихъ, иже бѣ долженъ ему стомъ пѣнязь; и емь его давляше, глаголя: отдаждь ми, имже еси долженъ (Матѳ. XVIII, 28). Что можетъ быть преступнѣе этого? Еще въ ушахъ его раздавались слова благодѣянія — и онъ забылъ уже о человѣколюбіи господина!

7. Видишь, какое благо помнить (свои) грѣхи? Вѣдь и этотъ (должникъ), если бы постоянно помнилъ ихъ, не былъ бы такъ жестокъ и безчеловѣченъ. Поэтому всегда говорю, и не перестану повторять, что весьма полезно и нужно намъ постоянно помнить всѣ наши поступки. Ничто не можетъ сдѣлать душу такъ любомудрою и смиренною, и кроткою, какъ постоянное помятованіе о грѣхахъ. Поэтому и Павелъ помнилъ грѣхи, сдѣланные имъ не только послѣ купели, но и до крещенія, хотя они и были уже изглажены совершенно. Если же онъ помнилъ грѣхи, сдѣланные до крещенія, тѣмъ болѣе намъ должно помнить сдѣланные нами послѣ крещенія. Помятуя объ нихъ, мы не только изгладимъ ихъ, но и будемъ ко всѣмъ людямъ снисходительнѣе, а Богу послужимъ съ большимъ усердіемъ, изъ памятованія о грѣхахъ познавая несказанное Его человѣколюбіе. Этого не сдѣлалъ (должникъ) этотъ; но, забывъ великость долга, забылъ и благодѣяніе. А забывъ благодѣяніе, онъ сталъ злымъ къ товарищу и злобою къ нему погубилъ все, что получилъ отъ Божія человѣколюбія. *Емь его, давляше, глаголя: отдаждь ми, имъ же еси долженъ.* Не сказалъ: отдай мнѣ сто динаріевъ, потому что стыдился малости долга, но: *отдаждь ми, имъ же еси долженъ.* Онъ же *падъ на нозѣ его, моляше* 28
его, глаголя: потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти (Матѳ. XVIII, 29). Тѣми же словами, посредствомъ которыхъ тотъ нашелъ прощеніе, и этотъ проситъ о спасеніи. Но тотъ, по безмѣрной жестокости, не тронулся этими словами, и не подумалъ, что самъ онъ спасся посредствомъ этихъ же словъ. Если бы онъ даже простилъ, такъ и это не было бы уже дѣломъ человѣколюбія, но долгомъ и обязанностью. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ сдѣлалъ это прежде, чѣмъ былъ разсчетъ (съ господиномъ), и послѣдовало то рѣшеніе, и онъ получилъ такое благодѣяніе, поступокъ его былъ бы дѣломъ его собственнаго великодушія: теперь же, послѣ такого дара и прощенія стольких грѣховъ, онъ былъ уже обязанъ, какъ бы неизбѣжнымъ нѣкоторымъ долгомъ, не злопамятствовать на товарища. Однакожъ онъ не сдѣлалъ этого и не подумалъ, какъ велика разность между прощеніемъ, которое самъ онъ получилъ, и — которое онъ долженъ бы оказать товарищу. Въ самомъ дѣлѣ, великую увидишь разность не только въ количествѣ долговъ, но только въ достоинствѣ лицъ, но и въ самомъ образѣ (прощенія). Тамъ долгъ былъ десять тысячъ талантовъ, а здѣсь сто динаріевъ; тотъ провинился предъ господиномъ, а его должникъ предъ това-

рищемъ; тотъ сдѣлалъ бы милость, получивъ свое добро, а господинъ простилъ ему все, не видѣвъ отъ него никакого добра, ни малаго, ни великаго. Но должникъ ни о чемъ этомъ не подумалъ, а вдругъ, воспламенившись гнѣвомъ, *давляше его и всади въ темницу. Видѣвше же клеврети его,* говорится, вознегодовали. Такъ товарищи осуждаютъ прежде, чѣмъ господинъ, чтобы позналъ ты кротость господина. Услышавъ (объ этомъ), господинъ его и, призвавъ его, опять начинаетъ съ нимъ судъ, и не просто такъ, произноситъ приговоръ, но напередъ входитъ въ разбирательство. И что говоритъ? *Рабе лукавый, весь долгъ онъ отпустихъ тебѣ* (ст. 31).

Что можетъ быть добрѣе господина? Когда тотъ долженъ былъ ему десять тысячъ талантовъ, онъ не оскорбилъ его даже словомъ, не назвалъ и злымъ, но только приказалъ продать; и это для того, чтобы освободить его отъ долговъ. А какъ тотъ оказался злымъ къ своему товарищу, тогда-то (господинъ) уже гнѣвается и раздражатся, дабы зналъ ты, что онъ легче прощаетъ грѣхи противъ него самого, нежели противъ ближнихъ. И такъ дѣлаетъ Онъ не только здѣсь, но и въ другихъ случаяхъ. *Аще убо,* говоритъ, *принесеши даръ твой ко алтарю, и ту помянеши яко братъ твой имать нѣчто на тя:* иди *прежде смирися съ братомъ своимъ, и тогда пришедъ, принеси даръ твой* (Матѳ. v, 23—24). Видишь, какъ Онъ вездѣ наше предпочитаетъ своему и не ставитъ ничего выше мира и любви къ ближнему. И опять въ другомъ мѣстѣ: *отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати* (Матѳ. v, 32), а чрезъ Павла даетъ законъ такой: *аще который мужъ жену имать невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея* (1 Кор. vii, 12). Если она, говоритъ, сдѣлаетъ прелюбодѣяніе, отвергни ее; а если будетъ невѣрующая, не отвергай: если, то есть, согрѣшитъ противъ тебя, брось ее, а если противъ Меня, оставь при себѣ. Такъ и здѣсь,
29 когда тотъ сдѣлалъ столько грѣховъ противъ Него (Бога), Онъ простилъ; а согрѣшилъ онъ противъ товарища, хоть гораздо менѣе и легче, чѣмъ противъ господина, тогда не простилъ, но подвергъ наказанію. Теперь назвалъ его и злымъ, а тогда не оскорбилъ даже и словомъ. Поэтому здѣсь и прибавлено, что (господинъ) *прогнѣвався, предаде его мучителямъ;* но этого не прибавилъ Онъ, когда требовалъ у него отчета въ десяти тысячахъ талантовъ, дабы зналъ ты, что то (прежнее) рѣшеніе произошло не отъ гнѣва, но отъ попечительности, спѣшившей къ прощенію, а болѣе всего раздражилъ Его этотъ грѣхъ. Что же можетъ быть хуже злопамятства, когда оно отъемлетъ назадъ и явленное уже человѣколюбіе Божіе; и когда то, къ чему не могли расположить Его грѣхи должника, заставилъ сдѣлать гнѣвъ на ближняго?

Между тѣмъ написано, что *нераскаянны дарованія Божія* (Рим. XI, 29). Какъ же здѣсь, послѣ того, какъ даръ уже оказанъ, и человѣколюбіе явлено, приговоръ опять отмѣненъ? Ради злопамятства. Итакъ, не погрѣшитъ, кто назоветъ этотъ грѣхъ тягчайшимъ всякаго грѣха: другіе грѣхи всѣ были прощены, а этотъ не только (самъ) не могъ быть прощенъ, но возобновилъ опять и другіе грѣхи, которые были уже изглажены совсѣмъ.

Такимъ образомъ, злопамятство есть двойное зло, потому что (само) никакого не имѣетъ извиненія предъ Богомъ, да и другіе грѣхи наши, хоть они и прощены будутъ, опять возобновляетъ и ставитъ противъ насъ, — что сдѣлало оно и здѣсь. Ничего, ничего такъ не ненавидитъ и не отвращается Богъ, какъ человѣка злопамятнаго и коснящаго въ гнѣвѣ. Это въ особенности показалъ Онъ здѣсь; да и въ самой молитвѣ заповѣдалъ намъ говорить такъ: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѳ. VI, 12).

Итакъ, зная все это, и написавъ эту притчу на сердцахъ, какъ вспомнимъ, что мы потерпѣли отъ сорабовъ, подумаемъ, что
(сами) сдѣлали мы противъ Владыки, — и страхомъ за свои соб- 30
ственные грѣхи мы скоро можемъ отогнать гнѣвъ на чужія прегрѣшенія. Такъ, если ужъ помнить грѣхи, то помнить должно только свои: помня собственные грѣхи, о чужихъ мы никогда и не подумаемъ; а коль скоро о тѣхъ забудемъ, эти легко придутъ намъ на мысль. Если бы и этотъ (должникъ) помнилъ о десяти тысячахъ талантовъ, то не вспомнилъ бы ста динаріевъ. Но какъ забылъ о тѣхъ, такъ за эти сталъ душить товарища, и желая истребовать немногое, и тѣхъ (ста динаріевъ) не получилъ, да и привлекъ на свою голову тяжесть (долга) въ десять тысячъ талантовъ. Поэтому смѣло скажу я, что этотъ грѣхъ тяжелѣе всякаго другого; или—лучше—не я, но Христосъ изрекъ это настоящею притчею. Въ самомъ дѣлѣ, если бы этотъ грѣхъ не былъ тяжелѣе долга въ десять тысячъ талантовъ, то есть, несказаннаго множества грѣховъ, они не были бы снова вызваны чрезъ него. Итакъ, ни о чемъ столько не будемъ стараться, какъ объ очищеніи себя отъ гнѣва и примиреніи съ тѣми, которые имѣютъ на насъ неудовольствіе, зная, что ни молитва, ни милостыня, ни постъ, ни участіе въ таинствахъ, ни другое что подобное не защититъ насъ въ тотъ день (суда), если мы будемъ злопамятствовать; тогда какъ, напротивъ, побѣдивъ этотъ грѣхъ, можемъ получить нѣкоторое снисхожденіе, хоть у насъ будетъ и множество грѣховъ. Не мое это слово, но самого Бога, который тогда будетъ судить насъ. Какъ здѣсь (въ притчѣ) сказалъ Онъ, что *тако и Отецъ Мой небесный сотворитъ вамъ, аще отпустите кійждо отъ*

сердецъ вашихъ (Матѳ. XVIII, 35), такъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Матѳ. VI, 14). Итакъ, чтобы намъ и здѣсь проводить жизнь тихую и безмятежную, и тамъ получить прощеніе и оставленіе (грѣховъ), будемъ только дѣятельно стараться о примиреніи со всѣми врагами, какихъ только имѣемъ. Такимъ образомъ мы преклонимъ на милость къ себѣ и Владыку нашего, хотя бы и согрѣшили безъ числа, и получимъ будущія блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА НА СЛОВА:

„Отче, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты“ (Матѳ. XXII, 39) [1].

31 1. Глубокую рану нанесли мы недавно хищникамъ и любостяжателямъ, не для того, чтобы повредить имъ, но чтобы исправить ихъ, не по ненависти къ людямъ, но по отвращенію къ порокамъ. Такъ и врачъ разрѣзываетъ рану не по непріязни къ больному тѣлу, но желая истребить болѣзнь и язву. Сегодня же дадимъ имъ немного успокоиться, чтобы они отдохнули отъ боли и чтобы, получая непрестанные удары, они не отвратились отъ врачеванія. Такъ поступаютъ и врачи: послѣ разсѣченій они прикладываютъ пластыри и лѣкарства и медлятъ нѣсколько дней, придумывая средства, облегчающія боль. Подражая имъ, и мы сегодня дадимъ отдыхъ тѣмъ людямъ, чтобы они извлекли пользу изъ нашей бесѣды, и будемъ вести рѣчь о догматическихъ истинахъ обративъ вниманіе на прочитанное. Въ самомъ дѣлѣ многіе, я думаю, недоумѣваютъ, почему Христосъ сказалъ это; а можетъ быть и имѣющіеся въ наличности еретики злонамѣренно пользуются сказаннымъ и чрезъ это многихъ изъ простѣйшихъ братій доводятъ до паденія.

И такъ мы и этимъ заградимъ доступъ, и недоумѣвающихъ избавимъ отъ безпокойства и смущенія; взявъ сказанное, изреченіе, займемся имъ и войдемъ въ глубину его мыслей. Недостаточно вѣдь одного чтенія, если вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ и разумѣнія. Такъ и евнухъ Кандакіи читалъ, но пока не пришелъ учитель, который объяснилъ ему то, что онъ читалъ, дотолѣ не

---

[1]) Полное заглавіе этой бесѣды слѣдующее: *Отче, аще... Ты; и противъ маркіонитянъ и манихеевъ, и о томъ, что не должно вызываться на опасности, но предпочитать всякой воли—волю Божію.*

получилъ большой пользы (Дѣян. VIII, 27). Поэтому, чтобы и съ нами не случилось того же, внимательно выслушайте сказанное, напрягите умъ, предстаньте съ душею, незанятою ничѣмъ другимъ; пусть будетъ зрѣніе ваше остро, умъ напряженъ, душа свободна отъ житейскихъ заботъ, чтобы намъ не бросать словъ въ терніе или на камни, или при дорогѣ, но, чтобы, воздѣлывая плодоносную и тучную ниву, мы могли пожать обильные плоды. Если вы будете такъ внимать сказанному, то и для насъ сдѣлаете трудъ болѣе легкимъ и для васъ самихъ сдѣлаете разумѣніе болѣе удобнымъ. Что же было прочитано? *Отче, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія.* Что значатъ эти слова Христовы? Нужно яснѣе истолковать это изреченіе и потомъ предложить разрѣшеніе. Что же значатъ эти слова? *Отче, аще возможно есть*, отклони крестъ. Что говоришь ты? Развѣ Онъ не знаетъ, возможно ли это, или невозможно? Кто можетъ сказать это? Хотя такія выраженія свойственны незнающему, потому что частица: *аще*, выражаетъ обыкновенно неувѣренность, но, какъ я сказалъ, 32
не должно останавливаться на словахъ, а нужно обращаться къ мыслямъ и узнавать цѣль говорящаго, причину и время и, сообразивъ все это, находить такимъ образомъ заключающійся въ нихъ смыслъ. Неизреченная Премудрость, Тотъ, Который знаетъ Отца такъ, какъ Отецъ знаетъ Сына, какъ могъ не знать этого? Знаніе страданій не больше знанія существа Божія, которое Онъ одинъ точно знаетъ. *Якоже*, говоритъ Онъ, *знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца* (Іоан. x, 15). И что я говорю о Единородномъ Сынѣ Божіемъ? Даже и пророки повидимому не незнали этого, а точно и знали и предсказывали съ великою увѣренностію, что это должно быть, что это непремѣнно будетъ.

Послушай, какъ они различнымъ образомъ всѣ предсказываютъ о крестѣ. Во-первыхъ, патріархъ Іаковъ; онъ, обращая рѣчь ко Христу, говоритъ: *отъ лѣторасли, сыне мой, возшелъ еси* (Быт. XLIX, 9), называя лѣтораслію дѣву и выражая чистоту Маріи. Потомъ, указывая на крестъ, говоритъ: *возлегъ, уснулъ еси яко левъ, и яко скименъ: кто возбудитъ Его?* Успокоеніемъ и сномъ онъ назвалъ смерть Христову и со смертію соединилъ воскресеніе, сказавъ, *кто возбудитъ Его?* Другой никто, а самъ Онъ Себя. Поэтому и Христосъ говорилъ: *область имамъ положити душу мою, и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. x, 18); и еще: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19). Что же значитъ: *возлегъ, уснулъ еси яко левъ?* Какъ левъ бываетъ страшенъ не только тогда, когда бодрствуетъ, но и когда спитъ, такъ и Христосъ былъ грозенъ не только до креста, но и на самомъ крестѣ, и въ самой смерти; и тогда Онъ совершалъ великія чудеса, помрачая солнце,

расторгая камни, потрясая землю, раздирая завѣсу, устрашая жену Пилата, обличая Іуду, потому что тогда послѣдній сказалъ: *согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную* (Матѳ. XXVII, 4); и жена Пилата объявила: *ничтоже тебѣ и праведнику тому, много бо пострадахъ во снѣ его ради* (ст. 19). Тогда тьма объяла вселенную и явилась ночь среди дня; тогда смерть истощилась, и сила ея ослабѣла:
38 *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* (Матѳ. XXVII, 52). Все это предсказывая издревле и выражая, что Христосъ и распинаемый будетъ грозенъ, патріархъ говоритъ: *возлегъ, уснулъ еси яко левъ*. Не сказалъ: уснешь, но: *уснулъ*, въ удостовѣреніе того, что это непремѣнно будетъ. Пророки обыкновенно во многихъ мѣстахъ говорятъ о будущемъ, какъ о прошедшемъ, потому что какъ невозможно, чтобы прошедшее не было, такъ невозможно, чтобы и предсказанное ими, хотя оно и будущее, не исполнилось. Поэтому они предсказываютъ о будущемъ въ видѣ прошедшаго времени, чтобы тѣмъ показать неизбѣжное и непремѣнное исполненіе предсказаній. Такъ и Давидъ, предсказывая о крестѣ, говорилъ: *ископаша руцѣ мои и нозѣ мои*. Не сказалъ: ископаютъ, но: *ископаша. Исчетоша вся кости моя*. И не только объ этомъ говорилъ, но и о томъ, что сдѣлали воины: *раздѣлиша ризы моя себѣ и о одежди моей меташа жребій* (Псалм. XXI, 17—19). И не только объ этомъ, но и о томъ, что дали Христу вкусить желчь и напоили Его уксусомъ: *и даша* говоритъ, *въ снѣдь мою желчь и въ жажду мою напоиша мя оцта* (Пс. LXVIII). Также и другой пророкъ, предсказывая о томъ, что Христа пронзили копьемъ, говоритъ: *и воззрятъ нань, Егоже прободоша* (Зах. XII, 10). Исаія же, пророчествуя о крестѣ въ другомъ отношеніи, сказалъ: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ. Во смиреніи Его судъ Его взятся* (Ис. LIII, 7, 8).

2. Замѣть же, какъ каждый изъ нихъ говоритъ о будущемъ, какъ бы о прошедшемъ, выражая этимъ временемъ непремѣнное и неизмѣнное исполненіе предсказаннаго. Такъ и Давидъ, описывая то же судилище, говоритъ: *вскую шаташася языцы, и людіе поучишася тщетнымъ: предсташа царіе земстіи и собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его* (Пс. II, 1, 2). И не только говоритъ онъ о судилищѣ, о крестѣ, и о томъ, что было на крестѣ, но и о предателѣ, который вмѣстѣ со Христомъ жилъ и раздѣлялъ съ Нимъ трапезу. *Ядый*, говоритъ, *хлѣбы моя возвеличи на мя запинаніе* (XL, 10). И о словахъ, которыя Онъ имѣлъ произнести на крестѣ, пророчествуетъ такъ: *Боже, Боже мой, вскую оставилъ Мя еси* (Пс. XXI, 1). Также и о гробѣ: *положиша Мя въ ровѣ преисподнемъ, въ темныхъ и сѣни смертнѣй* (Пс. LXXXVII 7). И о воскресеніи: *яко не оставиши душу мою во адѣ, ниже даси преподобному твоему видѣти*

истлѣнія (Пс. xv, 10), И о вознесеніи: *взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласъ трубнѣ* (Пс. xlvi, 6). И о сѣденіи одесную Отца: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Псал. cix,1). А Исаія приводитъ и причину этого, когда говоритъ, что Онъ *ради беззаконій людей моихъ ведеся на смерть*, и что такъ какъ *вси яко овцы заблудихомъ*, то Онъ закалается. Затѣмъ, изъясняя и важность дѣла, прибавляетъ: *язвою Его мы вси исцѣлѣхомъ;* и еще: *Той грѣхи многихъ вознесе* (Ис. liii, 5—12). 31
Если же пророки знали о крестѣ, и о причинѣ креста, и о томъ, что совершено крестомъ, и о погребеніи, и о воскресеніи, и о вознесеніи, и о предательствѣ, и о судилищѣ, и все это съ точностію описали, то какъ не знаетъ объ этомъ Самъ пославшій ихъ и повелѣвшій возвѣстить это? Кто изъ здравомыслящихъ можетъ сказать это? Видишь ли, что не должно останавливать вниманія на однихъ словахъ? Здѣсь не только это возбуждаетъ недоумѣніе, но и послѣдующія слова возбуждаютъ еще большее недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ Онъ? *Отче, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія.* Здѣсь представляется, будто Онъ не только не знаетъ, но и отказывается отъ креста. Слова эти значатъ: если можно, говоритъ, то Я хотѣлъ бы не подвергаться распятію на крестѣ и умерщвленію. Между тѣмъ Петру, верховному изъ апостоловъ, когда этотъ говорилъ Ему: *милосердъ Ты, Господи, не иматъ быти Тебѣ сіе*, Онъ сдѣлалъ столь сильную укоризну, что сказалъ: *иди за Мною, сатано, соблазнъ Ми еси: яко не мыслиши яже суть Божія, но человѣческая* (Матѳ. xvi, 22, 23), хотя незадолго предъ тѣмъ назвалъ его блаженнымъ. Христу казалось такъ несообразнымъ не быть распятымъ на крестѣ, что апостола, который получилъ откровеніе отъ Отца, былъ названъ блаженнымъ, получилъ ключи отъ неба, Онъ назвалъ сатаною и соблазномъ и укорилъ его, какъ не мыслящаго, *яже суть Божія*, за то, что сказалъ Ему: *милосердъ Ты, Господи, не иматъ быти Тебѣ сіе,* чтобы быть распятымъ на крестѣ. Итакъ, укорившій столь сильно ученика и сдѣлавшій ему такое замѣчаніе, послѣ такихъ похвалъ назвавшій его сатаною, за то, что онъ говорилъ: Ты не будешь распятъ, — какъ самъ не хотѣлъ быть распятымъ на крестѣ? Какъ же послѣ этого, изображая добраго пастыря, Онъ поставилъ особеннымъ признакомъ его добродѣтели то, чтобы умирать за овецъ своихъ, сказавъ такъ: *Азъ есмь пастырь добрый; пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы?* И не остановился на этомъ, но еще прибавилъ: *а наемникъ, иже нѣсть пастырь, видитъ волка грядуща, и оставляетъ овцы и бѣгаетъ* (Іоан. x, 11, 12). Если доброму пастырю свойственно умирать за овецъ своихъ, а не хотѣть подвергаться этому свойственно наемнику,

то какъ Онъ самъ, называя себя добрымъ пастыремъ, проситъ освободить Его отъ смерти? Какъ же Онъ говорилъ: *Азъ полагаю душу мою о Себѣ* (Іоан. х. 18)? Если Ты самъ полагаешь душу Свою, то почему просишь другаго, чтобы не полагать ея? Какъ же и Павелъ, удивляясьЕму за эту рѣшимость, говоритъ: *иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу: но Себе истощилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. п, 7, 8,)? И самъ Христосъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ такъ: *сего ради Мя Отецъ любитъ, яко Азъ душу Мою полагаю, да паки пріиму ю* (Іоан. х, 17). Если же Онъ не хочетъ этого, но отказывается и проситъ Отца, то какъ Онъ любимъ, *сего ради?* Любовь бываетъ къ тому, что происходитъ по желанію. И еще почему Павелъ говоритъ: любите другъ друга, *якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ, и предаде Себе за ны* (Еф. v, 2)? Также и самъ Христосъ предъ распятіемъ говорилъ? *Отче пріиде часъ, про-*
35 *слави Сына Твоего* (Іоан. xvii, 1), называя славою крестъ? Какъ же тамъ Онъ отказывается, а здѣсь даже проситъ поспѣшить? А что крестъ есть слава, объ этомъ послушай, какъ говоритъ евангелистъ: *не убо бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. vii, 39). Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: еще не была дана благодать, потому что вражда Божія къ людямъ еще не была прекращена, такъ какъ еще не предшествовалъ крестъ. Крестъ разрушилъ вражду Божію къ людямъ, совершилъ примиреніе, сдѣлалъ землю небомъ, соединилъ людей съ ангелами, разрушилъ твердыню смерти, сокрушилъ могущество діавола, уничтожилъ силу грѣха, избавилъ землю отъ заблужденія, ниспровергъ ихъ жертвенники, истребилъ смрадъ жертвъ, насадилъ добродѣтель, основалъ церкви. Крестъ—желаніе Отца, слава Сына, радость Духа, похвала Павла: *мнѣ же*, говоритъ онъ, *да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. vi, 14). Крестъ яснѣе солнца, свѣтлѣе лучей, потому что, когда оно помрачилось, тогда онъ возсіялъ; солнце помрачилось тогда, не уничтожившись, но бывъ побѣждено свѣтомъ креста. Крестъ разодралъ наше рукописаніе, сдѣлалъ ненужною темницу смерти; крестъ—знакъ Божественной любви: *тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ* (Іоан. iii, 16). Также и Павелъ говоритъ: *аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его* (Рим. v, 10). Крестъ—неразрушимая стѣна, непреодолимое оружіе, опора богатыхъ, богатство бѣдныхъ, огражденіе обижаемыхъ, оружіе подвергающихся нападеніямъ, обузданіе страстей, основаніе добродѣтели, знаменіе чудное и удивительное. *Родъ сей знаменія ищетъ*, сказалъ Господь, *и*

знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны (Матѳ. xii, 39). Также и Павелъ говоритъ: *понеже и іудеи знаменія просятъ, и еллини премудрости ищутъ: мы же проповѣдуемъ Христа распята* (1 Кор. xxii, 23). Крестъ отверзъ рай, ввелъ въ него разбойника, и родъ человѣческій, который готовъ былъ погибнуть, и не достоинъ былъ даже земли, привелъ въ царство небесное. Такъ много благъ было и бываетъ отъ креста, — и, скажи мнѣ, Христосъ не хочетъ быть распятымъ? Кто можетъ сказать это? А если бы Онъ не хотѣлъ, то кто принудилъ Его? Кто заставилъ? Для чего же Онъ предпосылалъ пророковъ, которые предвозвѣщали, что Онъ будетъ распятъ, если Онъ не намѣренъ былъ распяться и не хотѣлъ подвергнуться этому? И для чего Онъ назвалъ крестъ *чашею*, если Онъ не хотѣлъ быть распятымъ? Вѣдь этимъ именно выражается желаніе, которое Онъ имѣлъ по этому предмету. Какъ для жаждущихъ пріятна чаша, такъ для Него распятіе на крестѣ; поэтому Онъ и говорилъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами* (Лук. xxii, 15), сказавъ это не безъ причины, но потому, что послѣ вечери предстоялъ Ему крестъ.

3. Итакъ, тотъ, кто называетъ это дѣло славою, укоряетъ ученика за возраженіе Ему, поставляетъ признакомъ добраго пастыря смерть за овецъ, говоритъ, что Онъ *желаніемъ желаетъ* этого, 36
и добровольно идетъ на это дѣло, почему проситъ, чтобы его не было? А если бы Онъ не хотѣлъ, то развѣ трудно было остановить тѣхъ, которые приступали къ Нему? Теперь же видишь, Онъ самъ поспѣшаетъ къ этому. Когда приступали къ Нему, Онъ сказалъ: *кого ищете?* Отвѣчаютъ ему: *Іисуса*. Онъ говоритъ имъ: *Азъ есмь: и идоша вспять, и падоша на земли* (Іоан. xviii, 6). Такъ, Онъ сначала ослѣпилъ ихъ и показалъ, что Онъ могъ избѣжать, а потомъ предалъ Себя, чтобы ты зналъ, что Онъ не по необходимости, или принужденію, или насилію приступившихъ подвергся этому, но добровольно, по собственному предъизбранію и желанію и по давнему приготовленію къ этому. Для того и пророки были предпосылаемы, и патріархи предсказывали, и словами и дѣлами крестъ былъ предъизображаемъ. И жертвоприношеніе Исаака означало крестъ; поэтому и сказалъ Христосъ: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ славу Мою: и видѣ возрадовася* (Іоан. viii, 56). Патріархъ возрадовался, увидѣвъ образъ креста, а Онъ отказывается отъ самаго креста? И Моисей побѣждалъ Амалика потому, что показывалъ образъ креста; и безчисленное множество событій можно видѣть въ ветхомъ завѣтѣ, которыя предъизображали крестъ. Для чего же было такъ, если Тотъ, Кто имѣлъ быть распятымъ, не хотѣлъ этого? Послѣдующее возбуждаетъ еще больше недоумѣній. Сказавъ: *да мимоидетъ отъ Мене чаша сія,* Онъ присовокупилъ:

обаче не якоже Азъ хощу, но якоже ты (Матѳ. xxvi, 39). Здѣсь, буквально, мы находимъ два противоположныя одно другому желанія, т. е. Отецъ желаетъ, чтобы Онъ былъ распятъ, а самъ Онъ не желаетъ. Между тѣмъ вездѣ мы видимъ, что Онъ желаетъ одного и того же съ Отцемъ, предъизбираетъ одно и то же съ Нимъ. Такъ, когда Онъ говоритъ: дай имъ, какъ Я и Ты едино *да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. xvii, 11, 21)—выражаетъ не что иное, какъ то, что у Отца и Сына одна воля. И когда Онъ говоритъ: *яже Азъ глаголю,* не Я говорю но *Отецъ, во Мнѣ пребываяй, Той творитъ дѣла* эти (Іоан. xiv, 10),—выражаетъ тоже. И когда Онъ говоритъ: *о Себе не пріидохъ* (Іоан. vii, 28), и: *не могу Азъ о Себе творити ничесоже* (Іоан. v, 30),—выражаетъ не то, будто Онъ не имѣетъ власти говорить или дѣлать—нѣтъ—но хочетъ показать съ точностію, что Его воля согласна съ волею Отца и на словахъ и на дѣлѣ, и во всѣхъ распоряженіяхъ одна и та же у Него съ Отцемъ, какъ уже неоднократно мы объясняли, потому что слова: *о Себе не глаголю,* означаютъ не лишеніе власти, а согласіе. Какъ же здѣсь Онъ говоритъ: *обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты?* Можетъ быть, мы причинили вамъ много труда, но ободритесь; хотя и много сказано, но я хорошо знаю, что ваше усердіе сильно; да и рѣчь моя приближается, наконецъ, къ самому разрѣшенію. Для чего же такъ сказано? Слушайте съ вниманіемъ. Ученіе о воплощеніи Бога было весьма неудобопріемлемо. Это чрезмѣрное человѣколюбіе Его и великое снисхожденіе было
87 страшно и требовало многихъ въ самомъ дѣлѣ приготовленій, чтобы оно было принято. Представь, каково было слушать и поучаться, что Богъ неизреченный, нетлѣнный, непостижимый, невидимый, необъятный, *въ руцѣ* котораго *концы земли* (Псал. xciv, 4), *призираяй на землю творяй ю трястися, прикасаяйся горамъ и* заставляющій ихъ дымиться (Псал. ciii, 32), Котораго славы, явленной не вполнѣ, не могли видѣть даже херувимы, но распростертыми крыльями покрывали свои лица (Ис. vi 2),—Тотъ, Который превосходитъ всякій умъ и превышаетъ разумѣніе, оставивъ ангеловъ, архангеловъ и всѣ высшія разумныя силы, благоволилъ сдѣлаться человѣкомъ, принять плоть, созданную изъ земли и персти, войти въ утробу Дѣвы, быть носимымъ во чревѣ девять мѣсяцевъ, питаться молокомъ и испытать все человѣческое. Такъ какъ имѣвшее совершиться было столь удивительно, что и по совершеніи многіе не вѣруютъ этому, Онъ предпосылаетъ напередъ пророковъ, которые возвѣщали то же самое. Такъ патріархъ предвозвѣщалъ это, когда говорилъ: *отъ лѣторасли, сыне мой, возшелъ еси: возлегъ, уснулъ еси яко левъ* (Быт. xlix, 9). Исаія говоритъ: *се Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ сына, и наречеши имя Ему Емма-*

нуилъ (Ис. VII, 14); и въ другомъ мѣстѣ: *возвѣстихомъ* Его, *яко отроча, яко корень въ земли жаждущей* (Ис. LIII, 2). Жаждущею землею онъ называетъ чрево Дѣвы, потому что оно не принимало сѣмени человѣческаго, и не испытало совокупленія, но родило Его безъ брака. И еще: *отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ* (Ис. IX, 6); и еще: *изыдетъ жезлъ изъ корене Іессова, и цвѣтъ отъ корене его взыдетъ* (Ис. XI, 1). А Варухъ у Іереміи говоритъ: *сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ нему: изобрѣте всякъ путь хитрости и даде ю Іакову отроку своему и Исраилю возлюбленному отъ Него: посемъ на земли явися и съ человѣки поживе* (Вар. III, 37, 38). И Давидъ, указывая на пришествіе Его во плоти, сказалъ: *снидетъ, яко дождь на руно, и яко капля каплющая на землю* (Пс. LXXI, 6) потому что Онъ тихо и кротко вошелъ во чрево Дѣвы.

4. Впрочемъ этого еще не довольно, но и по пришествіи, чтобы не считали событія призракомъ, Онъ удостовѣряетъ въ этомъ дѣлѣ не однимъ только появленіемъ, но въ теченіе продолжительнаго времени, и прошедши все человѣческое. Такъ, не прямо входитъ Онъ въ человѣка совершеннаго и полнаго, но во чрево Дѣвы, такъ что потерпѣлъ и ношеніе во чревѣ, и рожденіе, и питаніе молокомъ, и возрастаніе, и продолжительностію времени и различіемъ всѣхъ возрастовъ удостовѣрилъ въ истинѣ событія. И этимъ не ограничивается удостовѣреніе, но, облекшись плотію, Онъ попускаетъ ей терпѣть недостатки природы, алкать и жаждать, спать и утомляться; наконецъ, шествуя и на крестъ, Онъ попускаетъ ей испытать свойственное плоти. Потому и капли пота истекали изъ нея, и ангелъ является укрѣплять ее, и печалится она и скорбитъ,—потому что прежде, чѣмъ сказать тѣ слова, Онъ говорилъ: *душа моя* смутилась и *прискорбна есть до смерти* (Матѳ. XXVI, 38). Если же при всѣхъ этихъ дѣйствительныхъ событіяхъ злыя уста діавола чрезъ Маркіона понтійскаго, Валентина, Манихея персянина и многихъ другихъ еретиковъ рѣшились извратить ученіе о домостроительствѣ и распространить сатанинскую молву, будто Христосъ ни воплощался, ни облекался плотію, а было это только видѣніемъ, призракомъ, представленіемъ и обольщеніемъ, не смотря на то, что объ этомъ свидѣтельствуютъ Его страданія, смерть, погребеніе, алчба, то, если бы ничего такого не было, не гораздо ли болѣе діаволъ посѣялъ бы этихъ преступныхъ мыслей нечестія? Поэтому-то Онъ, какъ алкалъ, какъ спалъ, какъ утомлялся, какъ ѣлъ, какъ пилъ, такъ проситъ избавить Его и отъ смерти, показывая свое человѣчество и немощь природы, которая не можетъ безъ страданія лишиться настоящей жизни. Подлинно, если бы Онъ не говорилъ ничего такого, то еретикъ могъ бы сказать: если Онъ былъ че-

38

ловѣкомъ, то Ему надлежало и испытать свойственное человѣку. Что же именно? То, чтобы приближаясь къ распятію на крестѣ, страшиться и скорбѣть и не безъ скорби лишаться настоящей жизни, потому что въ природу вложена любовь къ настоящей жизни. Поэтому Онъ, желая показать истинное облеченіе плотію и удостовѣрить въ истинѣ этого домостроительства, съ великою ясностію обнаруживаетъ свои сттраданія. Это одна причина. Но есть и другая, не меньше этой. Какая же именно? Христосъ, пришедши, хотѣлъ научить людей всякой добродѣтели; а научающій учитъ не только словомъ, но и дѣломъ; это самое лучшее ученіе учителя. Такъ кормчій, посадивъ ученика, показываетъ ему, какъ держать руль, присоединяя и слово къ дѣлу; онъ и не говоритъ только и не дѣлаетъ только; подобнымъ образомъ и домостроитель, поставивъ желающаго научиться отъ него, какъ строится стѣна, показываетъ ему это дѣломъ, показываетъ и словомъ; точно такъ же (поступаетъ) и ткачъ, и вышиватель украшеній, и золотыхъ дѣлъ мастеръ, и мѣдникъ, и всякое искусство имѣетъ учителемъ слово и дѣло. Поэтому, и Христосъ, пришедши научить насъ всякой добродѣтели, и словами внушаетъ, что̀ должно дѣлать, и Самъ дѣлаетъ. *Иже сотворитъ и научитъ*, говоритъ Онъ, *сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. v, 19). Посмотри, Онъ заповѣдалъ быть кроткими и смиренными и училъ этими словами. Смотри же, какъ онъ научаетъ тому же самому и дѣлами. Сказавъ: *блажени нищіи духомъ, блажени кротцыи* (Матѳ. v, 3—5), Онъ показываетъ, какъ должно исполнять это. Какъ же научилъ Онъ? *Пріемъ лентіонъ, препоясася: и* умылъ ноги учениковъ (Іоан. xiii, 4, 5). Что можетъ сравниться съ такимъ смиреніемъ? Такъ Онъ научаетъ этому не только словами, но и дѣлами. Также и кротости и перенесенію обидъ Онъ научаетъ дѣлами. Какъ? Когда ударилъ Его рабъ первосвященника, Онъ сказалъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что Мя біеши* (Іоан. xviii, 23)? Онъ заповѣдалъ молиться за враговъ: и этому опять научилъ дѣлами: восшедши на крестъ, сказалъ: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. xxiii, 34). Какъ заповѣдалъ молиться, такъ и самъ молится, научая тебя такъ
89 молиться, и самъ не бездѣйствуя въ прощеніи врагамъ. Также Онъ заповѣдалъ благотворить ненавидящимъ насъ и дѣлать добро злословящимъ насъ (Матѳ. v, 44); это же онъ исполнялъ и на дѣлѣ, потому что изгонялъ бѣсовъ изъ іудеевъ, которые называли Его бѣснующимся, благодѣтельствовалъ гнавшимъ Его, питалъ злоумышлявшихъ противъ Него, руководилъ къ царствію желавшихъ распять Его. Еще, желая расположить учениковъ своихъ къ нестяжательности, Онъ говорилъ имъ: *не стяжите злата, ни сребра*,

ни мѣди при поясѣхъ вашихъ (Матѳ. x, 9); этому же училъ Онъ и дѣлами, когда говорилъ: *лиси язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити* (Матѳ. VIII, 20). У него не было ни стола, ни дома, ни другого чего-нибудь подобнаго, не потому, чтобы Онъ не могъ имѣть это, но потому, что училъ людей идти этимъ путемъ. Такимъ же образомъ Онъ училъ ихъ и молиться. Ученики сказали Ему: *научи ны молитися* (Лук. XI, 11). Потому Онъ и молится, чтобы они научились молиться. И не молиться только, но и тому, какъ должно молиться, нужно было научить ихъ. Поэтому Онъ далъ и слѣдующую молитву: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя твое: да пріидетъ царствіе твое: да будетъ воля твоя, яко на небеси и на земли: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь: и остави намъ грѣхи наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашымъ: и не введи насъ во искушеніе* (Матѳ. VI, 9—13; Лук. XI, 2—4), т. е. въ опасность, подъ козни. Такъ, заповѣдавъ молиться: *и не введи насъ во искушеніе*, Онъ научаетъ тому же и самымъ дѣломъ, когда говоритъ: *Отче, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія*, научая всѣхъ святыхъ не подвергаться опасностямъ, не бросаться на нихъ самимъ, но ожидать нападающихъ и являть всякое мужество, а не самимъ стремиться къ нимъ, и не самимъ первымъ идти на бѣдствія. Для чего? Для того, чтобы внушить смиренномудріе и избавить отъ обвиненій въ тщеславіи. Потому и здѣсь, когда Онъ говорилъ эти слова, Онъ *прешедъ молися*, говоритъ (евангелистъ), и послѣ молитвы сказалъ ученикамъ: *тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною? Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ. XXVI, 40, 41). Видишь ли, какъ Онъ не только молится, но и убѣж- 40
даетъ: *духъ убо бодръ*, говоритъ, *плоть же немощна* (Матѳ. XXVI, 41). Это говорилъ Онъ для того, чтобы предохранить души ихъ отъ тщеславія, удалить отъ гордости, сдѣлать ихъ смиренными и пріучить къ кротости. Такимъ образомъ, какъ Онъ хотѣлъ научить ихъ молиться, такъ и Самъ молился по-человѣчески, не по Божеству—потому что Божество не причастно страданію—а по человѣчеству, Онъ молился, чтобы научить насъ молиться и всегда просить объ избавленіи отъ бѣдствій; но если это будетъ невозможно, то съ любовію принимать угодное Богу. Потому Онъ и сказалъ: *обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты;* не потому, чтобы иная воля Его, и иная Отца; но чтобы научить людей, хотя бы они бѣдствовали, хотя бы трепетали, хотя бы угрожала имъ опасность, хотя бы не хотѣлось имъ разставаться съ настоящею жизнію, не смотря на это предпочитать собственной волѣ волю Божію. Такъ и Павелъ, научившись этому, исполнялъ то и другое

на самомъ дѣлѣ. Онъ и просилъ избавить его отъ искушеній: *о семъ*, говоритъ, *трикраты Господа молихъ* (2 Кор. xii, 8); и, такъ какъ это не угодно было Богу, говорилъ: *тѣмже благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, во изгнаніихъ* (2 Кор. xii, 10). Эти слова, можетъ быть, не ясны; поэтому я поясню ихъ. Павелъ подвергался многимъ опасностямъ и молилъ Бога, чтобы избавиться отъ опасностей. Но услышалъ отъ Христа: *довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 9). Когда такимъ образомъ онъ узналъ волю Божію, то наконецъ подчинилъ волю свою волѣ Божіей. Итакъ, этою молитвою Христосъ научилъ насъ тому и другому,—чтобы мы не стремились къ опасностямъ и даже молились, чтобы не впасть въ нихъ, но если онѣ постигнутъ насъ, то переносили бы ихъ мужественно и предпочитали собственной волѣ волю Божію. Зная это, будемъ молиться, чтобы намъ никогда не впадать въ искушеніе, а если впадемъ, то будемъ просить Бога, чтобы Онъ намъ далъ терпѣніе и мужество, и станемъ предпочитать волю Его всякому нашему желанію. Такимъ образомъ мы и настоящую жизнь проведемъ безопасно и достигнемъ будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ЖИЗНИ ПО БОГУ И НА СЛОВА:

„Узкая врата"... и пр. (Матѳ. vii, 14), и изъясненіе молитвы: «Отче нашъ».

41 1. Чтеніе всего боговдохновеннаго Писанія сообщаетъ внимательнымъ познаніе благочестія, но досточтимое Писаніе евангельское есть превосходнѣйшее изъ высочайшихъ ученій, потому что содержащіяся въ немъ изреченія суть глаголы высочайшаго Царя. Поэтому и страшнымъ наказаніемъ угрожается тѣмъ, которые не соблюдаютъ въ точности сказаннаго Имъ. Въ самомъ дѣлѣ, если преступающій законы земныхъ начальниковъ подвергается неумолимому наказанію, то не тѣмъ ли болѣе будетъ преданъ нестерпимымъ мученіямъ преступающій повелѣнія небеснаго Владыки? Если же велика опасность отъ невниманія, то будемъ съ великимъ тщаніемъ внимать словамъ, сейчасъ прочитаннымъ намъ изъ Евангелія. Какія же это слова? *Узкая врата*, говоритъ Господь, *и тѣсный путь, вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ*

его; и еще: *пространная врата и широкій путь, вводяй въ пагубу, и мнози суть входящія имъ* (Мат. VII, 13. 14).

Часто слушая эти слова и взирая на заботы людей о предметахъ пустыхъ, я весьма удивляюсь истинѣ сказаннаго. Подлинно, всѣ идутъ широкимъ путемъ, всѣ увлекаются настоящими предметами, и нисколько не думаютъ о будущихъ; непрестанно стремятся къ тѣлеснымъ удовольствіямъ, а души свои оставляютъ истощаться голодомъ, и получая каждый день безчисленное множество ранъ, нисколько не чувствуютъ бѣдственнаго состоянія, въ какомъ они находятся; въ случаѣ тѣлесныхъ болѣзней ходятъ ко врачамъ и приглашаютъ ихъ къ себѣ въ домъ, даютъ имъ весьма большія награды, показываютъ великое терпѣніе и переносятъ болѣзненное врачеваніе, чтобы возвратить здоровье тѣлу; а когда страдаетъ душа, то совершенно не заботятся и не стараются возвратить ей вожделѣнное здоровье, хотя хорошо знаютъ, что тѣло смертно и тлѣнно и подобно весеннимъ цвѣтамъ,—потому что оно, подобно имъ, увядаетъ, засыхаетъ и предается тлѣнію,—между тѣмъ какъ о душѣ знаютъ, что она почтена безсмертіемъ и сотворена по образу Божію, и что ей ввѣрены бразды управленія этимъ животнымъ (тѣломъ). Подлинно, что возница для колесницы, или кормчій для корабля, или музыкантъ для музыкальнаго орудія-тѣмъ же Создатель поставилъ душу для этого земнаго сосуда, Она держитъ бразды, движетъ рулемъ, ударяетъ въ струны; и когда дѣлаетъ это хорошо, то производитъ согласнѣйшіе звуки добродѣтели; а когда или слишкомъ ослабляетъ звуки, или напрягаетъ ихъ больше надлежащаго, то нарушаетъ и искусство и благозвучіе. Такою-то душею пренебрегаютъ многіе изъ людей, не удостоивая ея даже и малѣйшаго попеченія, а все время своей жизни тратятъ на заботы о тѣлѣ. Одни избираютъ жизнь море- 42
плавателей — и борются съ волнами и вѣтрами, нося съ собою жизнь и смерть и полагая надежду спасенія въ немногихъ доскахъ; другіе предпринимаютъ труды земледѣлія, запрягая рабочихъ воловъ и воздѣлывая землю, то сѣя сѣмена и пожиная жатву, то насаждая растенія и собирая съ нихъ плоды, и все время у нихъ проходитъ въ этихъ трудахъ; иные занимаются торговлею и для нея совершаютъ путешествія по землѣ и морю, предпочитаютъ чужую страну своей и, оставляя отечество, родныхъ, друзей, женъ и дѣтей, для малыхъ выгодъ ведутъ жизнь страническую. И нужно ли исчислять всѣ занятія, которыя люди изобрѣли для потребностей тѣлесныхъ, въ которыхъ проводя дни и ночи, они стараются сохранить здоровье своего тѣла, а между тѣмъ душу, алчущую и жаждущую, изсохшую и загрязненную и подвергшуюся безчисленному множеству золъ, оставляютъ безъ вни-

манія? Но послѣ многихъ трудовъ и усилій они и смертное тѣло не защищаютъ отъ смерти, и безсмертную душу вмѣстѣ съ смертнымъ тѣломъ подвергаютъ вѣчнымъ мученіямъ.

2. Поэтому, горько оплакивая объемлющее души людей невѣжество и покрывающую ихъ густую мглу, я желалъ бы найти какое-нибудь возвышенное мѣсто, съ котораго мнѣ можно было бы видѣть весь родъ человѣческій; желалъ бы имѣть и голосъ, который оглашалъ бы всѣ предѣлы и слышенъ былъ бы для всѣхъ, живущихъ на землѣ, чтобы стать и взывать, и провозгласить слова Давида: *сынове человѣчестіи, доколѣ тяжкосердіи, вскую любите суету и ищете лжи,* предпочитая небесному земное, вѣчному временное, безсмертному тлѣнное (Псал. vi, 3)? Доколѣ вы будете закрывать глаза и заграждать уши и не слушать божественнаго голоса, ежедневно взывающаго: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ: всякъ бо просяй пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзется* (Матѳ. vii, 7, 8)? Но такъ какъ нѣкоторые несовершенные, склонные болѣе къ предметамъ житейскимъ и увлекающіеся плотскими помыслами, совершаютъ молитвы не надлежащимъ образомъ, то общій Владыка преподалъ намъ наставленіе въ молитвѣ, когда сказалъ: *молящеся, не лишше глаголите, якоже язычницы: мнятъ бо, яко во многоглаголаніи своемъ услышани будутъ* (Матѳ. vi, 7), называя излишнимъ многоглаголаніемъ рѣчи, состоящія изъ множества словъ, но не приносящія никакой пользы.

Запрещая многоглаголаніе, Господь внушаетъ то, что молящіеся не должны просить скоропреходящаго и погибающаго: ни красоты тѣлесной, которая увядаетъ отъ времени, изглаждается отъ болѣзни, исчезаетъ при смерти, потому что такова тѣлесная
48 красота, она—кратковременный цвѣтъ, не долго являющійся весною юности, и скоро увядающій отъ времени, а если кто захочетъ изслѣдовать самую сущность ея, то будетъ въ состояніи тѣмъ болѣе презирать ее, такъ какъ она есть не что иное, какъ влага, кровь, сокъ и жидкость съѣденной пищи, чрезъ которую и глаза, и щеки, и носъ, и брови, и уста, и все тѣло получаетъ полноту, если же прекратится приливъ этотъ, то совершенно исчезнетъ и благообразіе лица,—ни денежнаго богатства, которое подобно рѣчнымъ водамъ притекаетъ и утекаетъ, переходитъ то къ одному, то къ другому, убѣгаетъ отъ тѣхъ, кто удерживаетъ его, и не остается у тѣхъ, кто любитъ его, подвергается безчисленному множеству бѣдствій отъ моли, отъ разбойниковъ, отъ клеветниковъ, отъ пожаровъ, отъ кораблекрушеній, отъ нападеній враговъ, отъ возстаній народа, отъ злобы рабовъ, отъ потери записей, отъ приращеній и уменьшеній и отъ прочихъ золъ, которыя у любящихъ

богатство происходятъ отъ любостяжанія,—ни почетной власти, которую также сопровождаетъ множество скорбей, изнурительныя заботы, частыя безсонницы, козни завистниковъ, враждебные замыслы ненавистниковъ, краснорѣчіе риторовъ, благовидными словами утаивающее истину и подвергающее судей великой опасности. Есть, дѣйствительно есть многоглаголивые пустословы, которые просятъ у всевышняго Бога такихъ и подобныхъ предметовъ, и нисколько не цѣнятъ благъ истинныхъ. Врача не учатъ больные употребленію лѣкарствъ, а только принимаютъ предлагаемое имъ, хотя бы и болѣзненъ былъ способъ врачеванія; и кормчему мореплаватели не приказываютъ держать руль и направлять судно именно такъ, а не иначе, но, сидя на скамьяхъ, они довѣряютъ его знанію не только во время благопріятнаго плаванія, но и тогда, когда подвергаются крайней опасности; а одному Богу, который точно знаетъ, что можно дать намъ съ пользою, люди не здравомыслящіе не хотятъ предать себя, но просятъ у Него вреднаго, какъ полезнаго, поступая подобно тому больному, который проситъ врача дать ему не то, что искореняетъ болѣзнь, а то, чѣмъ питается вещество, производящее болѣзнь. Врачъ же не слушается просьбы больного, а, хотя бы видѣлъ его плачущимъ и рыдающимъ, болѣе слѣдуетъ закону своего искусства, нежели преклоняется на его слезы, и это непослушаніе мы называемъ не безчеловѣчіемъ, но человѣколюбіемъ, потому что, слушаясь больного и дѣлая угодное ему, врачъ поступилъ бы съ нимъ, какъ врагъ, сопротивляясь же ему и не удовлетворяя желанія, оказываетъ ему милость и человѣколюбіе. Такъ и Врачъ нашихъ душъ не станетъ давать просящимъ того, что будетъ во вредъ имъ. И чадолюбивые отцы, когда малыя дѣти просятъ ножа или горячихъ угольевъ, не соглашаются дать имъ, потому что знаютъ, какъ вредно дать имъ это. А нѣкоторые изъ людей, впадшихъ въ крайнее безуміе, не только просятъ у всевышняго Бога тѣлесной красоты, богатства, власти и тому подобнаго, но возстаютъ противъ своихъ враговъ, умоляютъ послать имъ какое-нибудь наказаніе, и
Того, Кого просятъ быть къ самимъ себѣ милостивымъ и чело- 44
вѣколюбивымъ, въ отношеніи къ врагамъ своимъ хотятъ сдѣлать немилостивымъ и нечеловѣколюбивымъ. Господь, желая предотвратить это, заповѣдуетъ *не лишше глаголати,* и внушаетъ, что нужно говорить въ молитвѣ, въ немногихъ словахъ научая всякой добродѣтели, потому что эти слова заключаютъ въ себѣ не только наставленіе къ молитвѣ, но и руководство къ совершенной жизни.

3. А какія это слова и какой смыслъ ихъ, изслѣдуемъ съ великимъ тщаніемъ и будемъ твердо хранить ихъ, какъ законы

Божіи. *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ* (Матѳ. vi, 9). О какое чрезмѣрное человѣколюбіе! О, какая превосходная честь! Какое слово будетъ въ состояніи воздать благодарность подающему намъ такія блага? Посмотри, возлюбленный, на уничиженность твоей и моей природы, вникни въ сродство ея, въ эту землю, пыль, грязь, глину, пепелъ, потому что мы созданы изъ земли, и опять наконецъ разлагаемся въ землю. Представивъ это, подивись неизслѣдимому богатству великой благости къ намъ Божіей, по которой заповѣдано тебѣ называть Его *Отцемъ*, земному—небеснаго, смертному—безсмертнаго, тлѣнному—нетлѣннаго, временному—вѣчнаго, бывшему вчера и прежде грязью—существующаго прежде вѣковъ Бога. Но не напрасно наученъ ты произносить это слово, а для того, чтобы, благоговѣя предъ именемъ Отца, произносимымъ собственнымъ языкомъ твоимъ, ты подражалъ Его благости, какъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: будьте подобны *Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. v, 45). Поэтому не можетъ называть человѣколюбиваго Бога Отцемъ своимъ тотъ, кто имѣетъ настроеніе души звѣрское и безчеловѣчное, потому что онъ не хранитъ свойствъ благости, какія есть у небеснаго Отца, но измѣнился въ звѣрскій видъ и лишился божественнаго достоинства, по словамъ Давида: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Псал. xlviii, 21). Въ самомъ дѣлѣ, когда кто нападаетъ какъ волъ, лягаетъ какъ оселъ, злопамятствуетъ какъ верблюдъ, насыщаетъ чрево какъ медвѣдь, похищаетъ какъ волкъ, уязвляетъ какъ скорпіонъ, хитритъ какъ лисица, ржетъ на женщинъ какъ неистовый конь, то какъ можетъ такой (человѣкъ) произносить слово, свойственное сыну, и называть Бога Отцемъ своимъ? Чѣмъ же можно назвать такого человѣка? Звѣремъ? Но звѣри страдаютъ какимъ-нибудь однимъ изъ этихъ недостатковъ; а онъ, соединяя въ себѣ всѣ, сталъ безсмысленнѣе безсловесныхъ. Да что говорю я—звѣремъ? Такой человѣкъ свирѣпѣе всякаго звѣря. Тѣ, будучи свирѣпыми по природѣ, при помощи человѣческаго искусства часто дѣлаются кроткими, а онъ, будучи человѣкомъ и имѣя способность измѣнять свирѣпость, свойственную звѣрямъ по природѣ, на кротость, несвойственную ихъ природѣ, какое будетъ имѣть оправданіе, когда обращаетъ свою природную кротость въ свирѣпость, не свойственную своей природѣ, и имѣя возможность дѣлать свирѣпое по природѣ кроткимъ, дѣлаетъ себя, кроткаго по природѣ свирѣпымъ,—когда, имѣя способность укрощать льва и дѣлать его ручнымъ, доводитъ свой гнѣвъ до свирѣпости большей, чѣмъ у льва? У этого звѣря два неблагопріятныхъ обстоя-

тельства, и то, что онъ не имѣетъ разсудка, и то, что онъ яростнѣе всѣхъ; однако, при помощи данной отъ Бога мудрости, и его звѣрская природа укрощается. Тотъ, кто побѣждаетъ природу въ звѣряхъ, въ себѣ самомъ губитъ добро природы и воли; тотъ, кто дѣлаетъ льва какъ бы человѣкомъ, себѣ самому попускаетъ
сдѣлаться изъ человѣка львомъ; сообщаетъ льву то, что выше 45
его природы, а въ себѣ самомъ не сохраняетъ и свойственнаго природѣ. Какъ же такой человѣкъ можетъ называть Бога Отцемъ? Слѣдовательно тотъ, кто кротокъ и человѣколюбивъ къ ближнимъ и не мститъ согрѣшающимъ противъ него, но воздаетъ за обиды благодѣяніями, безукоризненно можетъ называть Бога Отцемъ. И вникни въ точность выраженія, какъ Онъ заповѣдуетъ намъ взаимную любовь, и соединяетъ всѣхъ дружелюбнымъ расположеніемъ. Онъ не повелѣлъ говорить: *Отче мой, иже еси на небесѣхъ*, но: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ,* для того, чтобы, научившись имѣть общаго Отца, мы оказывали братское расположеніе другъ другу. Притомъ, желая научить, чтобы мы оставили землю и земное, и не преклонялись внизъ, а взяли крылья вѣры и, возлетѣвъ выше воздуха и поднявшись выше эѳира, стремились къ называемому Отцу, Онъ заповѣдалъ говорить: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ,*—не потому, чтобы Богъ находился только на небесахъ, но чтобы насъ, пресмыкающихся по землѣ, расположить къ стремленію на небеса и, озаривъ красотою небесныхъ благъ, обратить туда всѣ наши желанія.

4. Далѣе Онъ прибавилъ второе изреченіе, сказавъ: *да святится имя Твое.* Впрочемъ пусть никто не имѣетъ безразсудной мысли, будто Богу даруется прибавленіе святости словами: *да святится имя Твое;* Онъ святъ, и всесвятъ, и святѣйшій святыхъ. И серафимы приносятъ ему такое пѣснопѣніе, непрестанно взывая: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: исполнь небо и земля славы Его* (Ис. VI, 3). Какъ тѣ, которые приносятъ хвалы царямъ и называютъ ихъ царями и самодержцами, не даютъ имъ то, чего они не имѣютъ, но славословятъ то, что они имѣютъ, такъ и мы не сообщаемъ Богу святости, какъ-бы не бывшей у Него, когда говоримъ: *да святится имя Твое;* но прославляемъ находящуюся у Него, потому что *святится* здѣсь сказано вмѣсто: *да прославится.* Итакъ, научимся этимъ словомъ вести жизнь добродѣтельную, чтобы люди, видя ее, прославляли небеснаго Отца нашего, какъ и въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. V, 16). Послѣ этого мы научены говорить: *да пріидетъ царствіе Твое* (Матѳ. VI, 10), потому что, претерпѣвая насиліе отъ плотскихъ страстей и подвергаясь без-

численнымъ искушеніямъ, мы имѣемъ нужду въ царствѣ Божіемъ, *да не царствуетъ грѣхъ въ мертвеннѣмъ тѣлѣ* нашемъ, *во еже послушати его въ похотехъ его*, и *да не представляемъ уды* наши *оружія неправды грѣху*, но *да представляемъ оружія правды Богови* и *воинствуемъ* для Бога вѣковъ (Рим. vi, 12, 13). Кромѣ того мы научаемся—не слишкомъ прилѣпляться къ настоящей жизни, но презирать настоящее и желать будущаго, какъ постояннаго, и искать царства небеснаго и вѣчнаго, а здѣшними пріятностями не увлекаться, ни благообразіемъ тѣлеснымъ, ни обиліемъ богатства,
46 ни множествомъ стяжаній, ни драгоцѣнностію камней, ни великолѣпіемъ домовъ, ни званіями градоправителей и военачальниковъ, ни багряницею и діадемою, ни яствами, сластями и всякаго рода роскошью, ни чѣмъ-нибудь другимъ изъ предметовъ, услаждающихъ наши чувства, но, отказавшись отъ всего этого, непрестанно искать царства Божія. Такимъ образомъ научивъ насъ и этой добродѣтели, Господь повелѣлъ говорить: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.* Возбудивъ въ насъ любовь къ будущему и желаніе царства небеснаго и пронзивъ насъ этимъ желаніемъ, Онъ заповѣдуетъ говорить: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.* Дай намъ, Господи,—говоритъ,—подражать жизни небесной, чтобы и мы желали того, чего желаешь самъ Ты; помоги нашей волѣ ослабѣвающей и хотя желающей исполнять дѣла Твои, но удерживаемой немощію плоти; простри руку стремящимся идти, но принуждаемымъ хромать; душа легка, но ее обременяетъ плоть; та быстро стремится къ небесному, а эта тяготѣетъ къ земному, но при Твоей помощи и невозможное будетъ возможнымъ, *да будетъ же воля твоя, яко на небеси, и на земли.*

5. Такъ какъ Онъ упомянулъ о землѣ, а существамъ, происшедшимъ изъ нея и живущимъ на ней и облеченнымъ земнымъ тѣломъ, нужна соотвѣтственная пища, то необходимо Онъ присовокупилъ: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь* (Матѳ. vi, 11) Онъ повелѣлъ просить хлѣба *насущнаго,* не для объяденія, а для питанія, восполняющаго истраченное въ тѣлѣ и отклоняющаго смерть отъ голода,—не роскошныхъ столовъ, не разнообразныхъ яствъ, произведеній поваровъ, изобрѣтеній хлѣбопековъ, вкусныхъ винъ и прочаго, тому подобнаго, что услаждаетъ языкъ, но обременяетъ желудокъ, помрачаетъ умъ, помогаетъ тѣлу возставать на душу и дѣлаетъ этого жеребенка непослушнымъ возницѣ. Не этого просить научаетъ насъ заповѣдь, но *хлѣба насущнаго*, т. е. обращающагося въ существо тѣла и могущаго поддержать его. Притомъ и его заповѣдано намъ просить не на великое число лѣтъ, а столько, сколько нужно намъ на настоящій день. *Не пецытеся убо,* сказалъ Господь, *на утрей* (Матѳ. vi, 34). И для чего

заботиться о завтрашнемъ днѣ тому, кто, можетъ быть, и не увидитъ завтрашняго дня, кто предпринимаетъ трудъ, а не пожинаетъ плода? Надѣйся на Бога, который *даетъ пищу всякой плоти* (Псал. cxxxv, 15). Тотъ, Кто даровалъ тебѣ тѣло, вдохнулъ душу, сдѣлалъ тебя животнымъ разумнымъ и приготовилъ для тебя всѣ блага прежде, нежели создалъ тебя, какъ презритъ тебя созданнаго, *иже сіяетъ солнце свое на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Матѳ. v, 45)? Итакъ, надѣясь на Него, проси пищи только на настоящій день, а объ завтрашнемъ предоставь заботу Ему, какъ и блаженный Давидъ говоритъ: *возверзи на Господа печаль твою, и той тя препитаетъ* (Пс. LIV, 23). Научивъ, такимъ образомъ, этими словами высокому любомудрію и зная, что невозможно, чтобы мы, какъ люди, облеченные смертнымъ тѣломъ, не падали, онъ научилъ еще говорить: *и остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашымъ* (Матѳ.
vi, 12). Этими словами доставляется три блага вмѣстѣ: достиг- 47
шихъ высоты добродѣтелей Онъ научаетъ смиренномудрію и увѣщеваетъ не полагаться на свои подвиги, но бояться, трепетать и помнить о прежнихъ грѣхахъ, какъ поступалъ и божественный Павелъ, который послѣ безчисленныхъ подвиговъ говорилъ: *яко Іисусъ Христосъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ* (I Тимоѳ. I, 15). Не сказалъ: *я былъ*, но *есмь*, выражая, что онъ непрестанно памятовалъ о дѣлахъ своихъ. Итакъ, достигшимъ высоты добродѣтелей Господь доставляетъ этими словами безопасность въ смиренномудріи; а падшимъ послѣ благодати святаго крещенія не попускаетъ отчаиваться въ своемъ спасеніи, но научаетъ ихъ просить у Врача душъ врачества прощенія. Кромѣ того эти слова научаютъ человѣколюбію. Господь хочетъ, чтобы мы были кротки къ виновнымъ, незлопамятны къ согрѣшающимъ противъ насъ, прощеніемъ ихъ пріобрѣтали прощеніе себѣ и сами предъуготовляли себѣ мѣру человѣколюбія, потому что мы просимъ столько даровать намъ, сколько сами даемъ ближнимъ, и испрашиваемъ себѣ такого же прощенія, какое даруемъ своимъ должникамъ. Сверхъ того намъ заповѣдано говорить: *и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго* (Матѳ. vi, 13). Подлинно, много скорбей причиняется намъ отъ діавола, много и отъ
людей, или явно оскорбляющихъ, или тайно злоумышляющихъ. И 48
тѣло, иногда возставая на душу, наноситъ тяжкій вредъ; а иногда подвергаясь различнымъ болѣзнямъ, причиняетъ намъ скорби и страданія. Поэтому, такъ какъ много различныхъ бѣдствій нападаетъ на насъ со многихъ сторонъ, и мы научены испрашивать у Бога всяческихъ избавленія отъ нихъ, потому что при Его запрещеніи, прекращается всякое смятеніе, буря превращается въ тишину

и пристыженный лукавый удаляется, какъ нѣкогда, оставивъ людей, онъ удалился въ свиней, даже не осмѣлившись сдѣлать и этого безъ приказанія (Матѳ. VIII, 31). А кто не имѣетъ власти даже надъ свиньями, тотъ какъ можетъ овладѣть людьми бодрствующими и внимательными, охраняемыми Богомъ и признающими Его Царемъ своимъ? Поэтому и въ концѣ молитвы Онъ выразилъ царство и силу и славу Божію, сказавъ: *яко Твое есть царствіе и сила и слава во вѣки, аминь* (Матѳ. VI, 13). Этого, говоритъ, я прошу у Тебя потому, что знаю, что Ты Царь всего, имѣешь вѣчную державу, можешь сдѣлать все, чего ни захочешь, и обладаешь неотъемлемою славою. За все же это будемъ благодарить удостоившаго насъ такихъ благъ, такъ какъ Ему подобаетъ всякая слава, честь и держава, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о разслабленномъ, спущенномъ чрезъ кровлю; о томъ, что онъ не тотъ же самый, о которомъ говорится у Іоанна; и о равенствѣ Сына съ Отцемъ.

49 1. Бесѣдуя недавно о разслабленномъ, лежавшемъ на одрѣ при купели, мы нашли богатое и великое сокровище, не землю раскопавъ, а вникнувъ въ его душу; нашли сокровище, заключающееся не въ серебрѣ, въ золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, но въ твердости, любомудріи, терпѣніи и великой надеждѣ на Бога, которая драгоцѣннѣе всякаго золота и всякаго богатства [1]). Вещественное богатство подвергается и нападеніямъ разбойниковъ, и наговорамъ клеветниковъ, и хищенію воровъ, и злоумышленіямъ рабовъ, а когда избѣгаетъ всего этого, обладателямъ его часто причиняетъ величайшій вредъ, раздражая глаза завистниковъ, и чрезъ то производя безчисленныя бури. Духовное же богатство далеко отъ всѣхъ этихъ непріятностей и выше всякаго такого бѣдствія, не боится ни разбойниковъ, ни воровъ, ни завистниковъ ни самой смерти. Оно и смертію не разлучается съ обладателемъ, но тогда особенно и дѣлается для имѣющихъ его надежнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ, сопровождаетъ ихъ и переходитъ съ ними въ

[1]) Разумѣется 12-я бесѣда противъ аномеевъ, въ которой говорится о разслабленномъ, лежавшемъ при овчей купели (Іоан. V, 2—9).

жизнь будущую, бываетъ дивнымъ заступникомъ тѣхъ, съ которыми переходитъ туда, и дѣлаетъ милостивымъ къ нимъ Судію.

Это богатство и мы нашли въ великомъ изобиліи, сокрытымъ въ душѣ разслабленнаго. Свидѣтели тому вы сами, съ великимъ усердіемъ черпавшіе его, но не исчерпавшіе. Таково свойство духовнаго богатства: оно подобно потокамъ водъ, или—лучше—превосходитъ и ихъ обиліе, умножаясь тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе почерпающихъ его. Входя въ душу каждаго, оно не раздѣляется и не уменьшается, но принимается каждымъ всецѣло, и остается постоянно неиждиваемымъ и никогда неоскудѣвающимъ. Такъ случилось и тогда. Столь многіе приступали къ этому сокровищу, и всѣ почерпали оттуда по своимъ силамъ; но что я говорю о васъ, когда оно съ того времени и до настоящаго дня, сдѣлавъ безчисленное множество людей богатыми, само остается во всей свое цѣлости. Не будемъ же утомляться при этомъ духовномъ изобиліи, но сколько возможно будемъ почерпать и нынѣ, и посмотримъ на человѣколюбіе Владыки, посмотримъ и на терпѣніе раба. Тридцать восемь лѣтъ находясь въ неизлѣчимой болѣзни и постояно испытывая страданія, онъ не роптал, не произносилъ богохульныхъ словъ, не укорялъ Создателя, но мужественно и съ великою кротостію переносилъ свое несчастіе. Откуда же, скажетъ кто-нибудь, это видно? О прежней жизни его въ Писаніи ничего ясно не сказало вѣдь намъ, а только открыло, что *тридесять и осмь лѣтъ имяше въ недузѣ своемъ* (Іоан. v, 5, 6), а что онъ не ропталъ, не негодовалъ, не озлоблялся, этого оно не прибавило. Нѣтъ, оно открыло и это, если вникнуть внимательно, а не поверхностно и не какъ-нибудь. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты слышишь, съ какою кротостію бесѣдовалъ онъ съ подошедшимъ къ нему Христомъ, который былъ неизвѣстенъ ему и почитался за простого человѣка, то можешь представить и прежнее его любомудріе. Когда Христосъ сказалъ: *хощеши ли цѣлъ быти* (Іоан. v, 6), то онъ не сказалъ ничего такого, чего можно было ожидать, напримѣръ: ты видишь, что я лежу столько времени разслабленнымъ, и спрашиваешь, хочу ли я быть здоровымъ? Не издѣваться ли пришелъ ты надъ моими страданіями, не порицать ли, не насмѣхаться ли и шутить надъ несчастіемъ? Ничего такого онъ не сказалъ и не подумалъ, 50
но съ кротостію отвѣчалъ: *ей, Господи* (Іоан. v, 7). Если же по истеченіи тридцати осьми лѣтъ онъ былъ такъ смиренъ, такъ кротокъ, когда у него сокрушена была вся крѣпость и сила мыслей, то представь, каковъ онъ долженъ былъ быть въ началѣ страданій. Вы всѣ знаете, что больные бываютъ не одинаково раздражительны въ началѣ болѣзни, и по прошествіи долгаго времени, но больные особенно бываютъ неспокойны, когда болѣзнь задер-

живается на долгое время: тогда они бываютъ несносны для всѣхъ. А этотъ, по прошествіи столькихъ лѣтъ такъ любомудрствуя, такъ незлобиво отвѣчая, показываетъ, что онъ и въ прежнее время переносилъ свое несчастіе съ великою благодарностію. Итакъ, размышляя объ этомъ, будемъ и мы подражать терпѣнію подобнаго намъ раба; его разслабленіе можетъ укрѣпить наши души, потому что нѣтъ человѣка столь слабаго и нерадиваго, который бы, представивъ величіе этого несчастія, не сталъ переносить мужественно всѣ приключающіяся бѣдствія, хотя бы они были самыя тяжкія. Такимъ образомъ не только исцѣленіе его, но и болѣзнь послужила намъ къ величайшей пользѣ: исцѣленіе его побудило души слушателей къ славословію Владыки, а болѣзнь его и разслабленіе расположило васъ къ терпѣнію и побудило къ такой же ревности, или—лучше—и чрезъ него открылось человѣколюбіе Божіе. Подлинно, самое пораженіе такою болѣзнію и продолженіе недуга на столько времени есть дѣло величайшаго попеченія Божія. Какъ художникъ золотыхъ вещей, бросая въ горнило золото, оставляетъ его плавиться въ огнѣ дотолѣ, пока не увидитъ, что оно сдѣлалось чистѣйшимъ, такъ точно и Богъ попускаетъ душамъ людей искушаться бѣдствіями дотолѣ, пока не сдѣлаются онѣ чистыми и свѣтлыми, пока отъ этого искушенія не пріобрѣтутъ великой пользы. Такъ и это есть величайшій видъ благодѣянія.

2. Итакъ, не будемъ смущаться и падать духомъ, когда постигаютъ насъ искушенія. Если художникъ золотыхъ вещей знаетъ, сколько времени нужно держать золото въ печи и когда вынимать его оттуда, и не допускаетъ оставаться ему въ огнѣ до того, чтобы оно испортилось и перегорѣло,—тѣмъ болѣе знаетъ это Богъ, и когда Онъ видитъ, что мы сдѣлались болѣе чистыми, то избавляетъ отъ искушеній, чтобы отъ избытка бѣдствій мы не преткнулись и не пали. Не будемъ же роптать и малодушествовать, если случится что-нибудь неожиданное, но предоставимъ Знающему это съ точностію очищать нашу душу, доколѣ Онъ хочетъ, потому что Онъ дѣлаетъ это съ пользою и ко благу искушаемыхъ.

Поэтому одинъ премудрый предлагаетъ такое увѣщаніе: *чадо, аще приступаеши работати Богу, уготови душу твою во искушеніе, управи сердце твое и потерпи и не скоръ буди во время наведенія* (Сир. II, 1. 2). Ему, говоритъ, предоставь все, потому что Онъ точно знаетъ, когда нужно извлечь насъ изъ печи бѣдствій. Поэтому всегда должно ввѣряться Ему, за все благодарить и все переносить благодушно, благодѣтельствуетъ ли Онъ, или наказы-
51 ваетъ, такъ какъ и послѣднее—видъ благодѣянія. Вѣдь и врачъ не тогда только, когда омываетъ, питаетъ и выводитъ больного

въ сады, но и тогда, когда прижигаетъ и отсѣкаетъ, одинаково бываетъ врачемъ; и отецъ не тогда только, когда ласкаетъ сына, но и тогда, когда выгоняетъ его изъ дому, когда укоряетъ и наказываетъ, одинаково бываетъ отцемъ, и не менѣе, чѣмъ тогда, когда хвалитъ. Поэтому, зная, что Богъ любвеобильнѣе всѣхъ врачей, не изслѣдуй, не требуй отъ Него отчета во врачеваніи, но хотя бы онъ захотѣлъ дать намъ облегченіе, хотя бы наказывалъ, будемъ принимать то и другое одинаково, потому что тѣмъ и другимъ Онъ ведетъ насъ къ здоровью, приближаетъ къ Себѣ, и зная, въ чемъ каждый изъ насъ имѣетъ нужду, и что полезно каждому, и какъ и какимъ образомъ можно намъ спастись, Онъ такимъ путемъ и ведетъ насъ. Послѣдуемъ же, куда бы Онъ ни повелѣлъ идти, и не будемъ допытываться причины, повелѣваетъ ли Онъ намъ идти путемъ легкимъ и удобнымъ, или труднымъ и тяжелымъ, какъ и этому разслабленному. Такимъ образомъ, одинъ видъ благодѣянія состоялъ въ томъ, что Богъ столько времени очищалъ его душу, ввергнувъ ее въ пламя искушеній, какъ бы въ нѣкоторое горнило; а другой не меньше этого состоялъ въ томъ, что самъ Онъ былъ присущъ ему въ этихъ искушеніяхъ и доставлялъ ему великое утѣшеніе. Онъ поддерживалъ его, подкрѣплялъ, простиралъ руку помощи и не допускалъ до паденія. Впрочемъ, когда ты слышишь, что здѣсь Онъ самъ присутствовалъ, не отнимай заслугъ у разслабленнаго, — какъ у него, такъ и у всякаго другого человѣка искушаемаго и терпѣливо переносящаго искушенія. Подлинно, хотя бы мы были тысящекратно любомудрыми, хотя бы были крѣпче и сильнѣе всѣхъ, но если не будетъ Его содѣйствія, мы не въ состояніи будемъ переносить даже малаго искушенія. Но что я говорю о насъ слабыхъ и ничтожныхъ? Хотя бы кто былъ Павломъ, или Петромъ, или Іаковомъ, или Іоанномъ, безъ помощи свыше онъ легко побѣждается, претыкается и падаетъ. Объ этомъ я прочитаю вамъ слова самого Христа. Онъ сказалъ Петру: *се сатана проситъ, дабы сѣялъ васъ, яко пшеницу: Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* (Лук. XXII, 31, 32). Что значитъ: *сѣять*? Водить, обводить, колебать, двигать, потрясать, терзать, какъ бываетъ съ веществами, просѣваемыми чрезъ рѣшето; но Я, говоритъ, не допустилъ, зная, что вы не можете перенести искушенія, потому что выраженіе: *да не оскудѣетъ вѣра твоя*, показываетъ, что если бы Христосъ допустилъ, то вѣра его оскудѣла бы. Если же Петръ, пламенно любившій Христа, многократно отдававшій душу свою за Него, всегда выступавшій первымъ изъ лика апостоловъ, ублажаемый Учителемъ и названный Петромъ за то, что имѣлъ непоколебимую и неизмѣнную вѣру, былъ бы низложенъ и отпалъ бы отъ исповѣданія, если бы Хри-

стосъ попустилъ діаволу искусить его, какъ тотъ хотѣлъ, то кто другой можетъ устоять безъ Его помощи? Поэтому и Павелъ говоритъ: *вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. x, 13). Не только, говоритъ, Онъ не посылаетъ искушенія сверхъ силы, но и при искушеніи по силѣ при-
52 сутствуетъ, поддерживая насъ и укрѣпляя, если мы сами напередъ привнесемъ должное съ нашей стороны,—готовность, надежду на Него, благодарность, твердость, терпѣніе, потому что не только въ опасностяхъ, превышающихъ наши силы, но и въ самыхъ опасностяхъ, постигающихъ насъ по силамъ, мы имѣемъ нужду въ помощи свыше, если хотимъ стоять мужественно. И въ другомъ мѣстѣ апостолъ говоритъ: *яко же избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше, яко возмощи намъ утѣшити сущыя во всякой скорби, утѣшеніемъ, имже утѣшаемся сами отъ Бога* (2 Кор. I, 5, 4). Такъ и утѣшалъ его Тотъ же, Кто попустилъ подвергнуться искушенію. Посмотри еще, какое попеченіе оказываетъ Христосъ и послѣ исцѣленія разслабленнаго. Отошедши, Онъ не оставилъ его, но, встрѣтивъ въ храмѣ, сказалъ: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. v, 14). Если бы Онъ попустилъ наказаніе по ненависти, то не избавилъ бы отъ него, не предохранилъ бы и на будущее время; но слова: *да не горше ти что будетъ*—означаютъ предостереженіе отъ будущихъ бѣдствій. Онъ прекратилъ болѣзнь, но не прекратилъ заботливости; истребилъ недугъ, но не истребилъ страха,—чтобы сдѣланное благодѣяніе осталось неразрушеннымъ. Попечительному врачу свойственно не только прекращать настоящія болѣзни, но предохранять и отъ будущихъ; то же сдѣлалъ и Христосъ, укрѣпивъ душу разслабленнаго напоминаніемъ о прошедшемъ. Такъ какъ часто, по минованіи того, что огорчало насъ, проходитъ и памятованіе объ этомъ, то Онъ, желая, чтобы оно осталось навсегда, говоритъ: *ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ*.

3. И не только изъ этого можно видѣть попеченіе и кротость Его, но и изъ самой кажущейся укоризны. Онъ не провозгласилъ предъ всѣми грѣховъ разслабленнаго, но о томъ, что этотъ потерпѣлъ свои страданія за грѣхи, сказалъ, а какіе были грѣхи, не объявилъ; не сказалъ: ты согрѣшилъ такъ и такъ, ты преступилъ то и то, но указавъ на это однимъ простымъ словомъ: *ктому не согрѣшай*, и сказавъ лишь столько, сколько нужно было для напоминанія, сдѣлалъ его болѣе осторожнымъ на будущее время, и для насъ обнаружилъ все его терпѣніе, мужество и любомудріе, поставивъ его въ необходимость плачевно высказать все свое несчастіе и открыть свое стараніе: *егда*, говоритъ, *прихожду азъ, инъ преждс*

мене ввергнетъ (Іоан v, 7),—грѣховъ же его не провозгласилъ. Какъ мы желаемъ прикрыть свои дѣла, такъ и Богъ желаетъ этого еще болѣе, нежели мы; поэтому исцѣленіе Онъ совершилъ предъ всѣми, а увѣщаніе или совѣтъ преподалъ наединѣ. Господь никогда не провозглашаетъ грѣховъ нашихъ, развѣ когда видитъ, что мы не чувствуемъ ихъ. Такъ и слова: *алчуща* вы видѣли Меня, и не напитали, *жаждуща, и не напоисте* (Матѳ .xxv, 42, 44), говоритъ Онъ въ настоящее время для того, чтобы намъ не слышать этихъ словъ въ будущемъ. Онъ угрожаетъ, провозглашаетъ здѣсь для того, чтобы не провозгласить тамъ; точно такъ и городъ ниневитянъ Онъ угрожалъ разрушить для того, чтобы не разрушить его. Если бы Онъ хотѣлъ открывать грѣхи наши, то не предсказывалъ бы, что откроетъ ихъ; а теперь пред- 53
сказываетъ для того, чтобы,.вразумившись страхомъ открытія ихъ, если не страхомъ наказанія, мы очистились отъ всего. Это бываетъ и при крещеніи. Онъ приводитъ человѣка къ водной купели, не открывая никому грѣховъ его, но даръ выставляетъ на видъ предъ всѣми и дѣлаетъ явнымъ, а грѣховъ никто другой не знаетъ, кромѣ Его самого и получающаго прощеніе. То же было и съ разслабленнымъ; Онъ сдѣлалъ обличеніе безъ свидѣтелей; или—лучше—сказанныя слова были не только обличеніемъ, но и оправданіемъ: какъ бы оправдываясь въ такомъ злополучіи его и желая внушить ему и показать, что не напрасно и не безъ причины Богъ попустилъ ему страдать столько времени, Онъ напомнилъ разслабленному о грѣхахъ и сказалъ причину болѣзни. Найдя его, говорится, *въ церкви, рече ему: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. v, 14).

Итакъ, получивъ столько пользы отъ прежняго разслабленнаго, теперь мы приступимъ къ другому, о которомъ повѣствуется и у Матѳея (гл. ix). И въ рудокопняхъ, если въ какомъ мѣстѣ найдетъ кто-нибудь золото, тамъ еще больше раскапываетъ; такъ я знаю, что многіе, изъ простыхъ читателей, думаютъ, будто разслабленный, упоминаемый у четырехъ евангелистовъ, одинъ и тотъ же; однако же это не такъ. Поэтому нужно возбудиться и слушать внимательно. Вопросъ касается немаловажныхъ предметовъ: эта бесѣда, предложивъ надлежащее разрѣшеніе, будетъ полезна и противъ язычниковъ, и противъ іудеевъ, и противъ многихъ изъ еретиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ они укоряютъ евангелистовъ въ противорѣчіи и разногласіи; но это не такъ; да не будетъ; хотя и различны лица, но одна благодать Духа, движущая душу каждаго; а гдѣ благодать Духа, любовь, радость, миръ, тамъ нѣтъ борьбы и противоположности, несогласія и какого-нибудь разнорѣчія. Какимъ же образомъ мы раскроемъ, что этотъ разслабленный не тотъ, а другой, отличный отъ того? По многимъ призна-

камъ,—и по мѣсту, и по времени, и по обстоятельствамъ, и по дню, и по способу исцѣленія, и по прибытію Врача, и по одиночеству исцѣленнаго. Что же изъ этого, скажетъ кто-нибудь, развѣ и въ другихъ случаяхъ обстоятельства не различно разсказываются нѣкоторыми изъ евангелистовъ? Но иное дѣло говорить различно, иное—противоположно; то не производитъ никакого разногласія и противорѣчія; а это, нынѣ предстоящее намъ, представляло бы великое противорѣчіе, если не допустить, что разслабленный, находившійся при купели, былъ другой, отличный отъ описаннаго у трехъ евангелистовъ. А дабы вы знали, что значитъ—говорить различно, и что значитъ—говорить противорѣчиво, я представлю примѣры: одинъ изъ евангелистовъ сказалъ, что Христосъ несъ крестъ, а другой—что Симонъ Киринейскій; но здѣсь нѣтъ никакого разногласія и противорѣчія. Какъ же, скажутъ, нѣтъ противорѣчія въ словахъ: нести и не нести? Потому, что было то и другое. Когда вышли изъ преторія, то несъ Христосъ; а когда пошли далѣе, то Симонъ взялъ отъ Него крестъ и несъ. Также о
54 разбойникахъ: одинъ говоритъ, что оба хулили Его, а другой говоритъ, что одинъ заграждалъ уста поносившему; но и здѣсь опять нѣтъ противорѣчія. Почему? Потому, что и здѣсь было то и другое: сначала оба они поступали нечестиво, а послѣ, когда совершились знаменія—земля поколебалась, камни распались и солнце сокрылось—тогда одинъ изъ нихъ перемѣнился, сдѣлался благоразумнѣйшимъ, позналъ Распятаго и исповѣдалъ царство Его. Дабы ты не думалъ, что это произошло съ нимъ по какой-нибудь необходимости и по насилію отъ кого-нибудь внутренно принуждавшаго его, и не предавался сомнѣніямъ, Писаніе представляетъ тебѣ, какъ одинъ и на крестѣ не оставилъ своего прежняго нечестія, чтобы ты зналъ, что другой сдѣлался лучшимъ, измѣнившись добровольно и самъ собою, при помощи благодати Божіей.

4. Много и другихъ можно находить въ Евангеліяхъ событій, которыя по-видимому представляютъ противорѣчія; на самомъ же дѣлѣ въ нихъ нѣтъ противорѣчія, а совершилось сказанное какъ однимъ, такъ и другимъ, хотя не въ одно и то же время, только одинъ сказалъ о томъ, что̀ было прежде, а другой—что̀ было послѣ. Здѣсь же нѣтъ ничего подобнаго; но множество упомянутыхъ признаковъ показываетъ хотя сколько-нибудь внимательнымъ, что иной былъ этотъ разслабленный, а иной—тотъ. И это можетъ быть не малымъ доказательствомъ того, что евангелисты согласны между собою и не противорѣчатъ другъ другу. Если бы разслабленный былъ одинъ и тотъ же, то было бы великое разногласіе; если онъ другой, то всякое противорѣчіе уничтожается.

Выскажемъ же теперь самыя причины, по которымъ мы утвер-

ждаемъ, что этотъ разслабленный — не тотъ. Какія же именно? Тотъ исцѣляется въ Іерусалимѣ, а этотъ въ Капернаумѣ; тотъ при водной купели, а этотъ въ нѣкоторомъ домѣ; вотъ доказательства отъ обстоятельствъ мѣста. Тотъ исцѣляется въ праздникъ; вотъ доказательство отъ времени. Тотъ былъ въ разслабленіи тридцать восемь лѣтъ, а объ этомъ ничего подобнаго не говоритъ евангелистъ; вотъ также доказательство отъ времени. Тотъ исцѣленъ въ субботу; вотъ доказательство и отъ дня, потому что если бы и этотъ былъ исцѣленъ въ субботу, то не умолчалъ бы объ этомъ евангелистъ Матѳей, и не остались бы спокойными присутствовавшіе іудеи: если они, несмотря на то, что онъ былъ исцѣленъ не въ субботу, негодовали по другой причинѣ, то, если бы имѣли поводъ въ самомъ времени исцѣленія, тѣмъ болѣе не пощадили бы обвиненій противъ Христа. Еще: этого приносятъ ко Христу, а къ тому приходитъ самъ Христосъ. У того не было ни одного человѣка, который бы помогъ ему: *Господи*, говоритъ онъ, *человѣка не имамъ* (Іоан. v, 7); а этотъ имѣлъ много ближнихъ, которые даже спустили его чрезъ кровлю (Марк. II, 4). У того Христосъ прежде души исцѣлилъ тѣло, потому что напередъ избавилъ его отъ разслабленія, и потомъ сказалъ: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай;* а здѣсь не такъ, но исцѣлилъ напередъ душу его, сказавъ ему: *дерзай чадо, отпущаются ти грѣси твои* (Матѳ. IX, 2), и потомъ избавилъ отъ разслабленія. Итакъ, изъ всего этого ясно открывается намъ, что этотъ разслабленный — не тотъ. Теперь нужно, обратившись къ началу повѣствованія, посмотрѣть, какъ Христосъ исцѣлилъ того, и какъ этого, и почему различно: почему того въ субботу, а этого не въ субботу, къ тому самъ пришелъ, а этого
допустилъ принести къ Себѣ, и почему у того исцѣлилъ прежде 55
тѣло, а у этого прежде душу. Не напрасно и не безъ причины Онъ дѣлаетъ это, какъ премудрый и промыслительный. Обратимъ же вниманіе и посмотримъ на самого Врачующаго. Если тогда, когда врачи разсѣкаютъ, или прижигаютъ, или другимъ какимъ-нибудь способомъ разрѣзываютъ и отдѣляютъ пораженный и больной членъ, многіе окружаютъ и больного и совершающаго это врача, то намъ здѣсь нужно сдѣлать тоже тѣмъ болѣе, чѣмъ выше Врачъ и чѣмъ тяжелѣе болѣзнь, исцѣляемая не человѣческимъ искусствомъ, а Божественною благодатію. Тамъ нужно бываетъ смотрѣть и на разсѣкаемую кожу, и на текущую кровь, и на очищаемую гнилость, и выносить много непріятнаго при такомъ зрѣлищѣ, много прискорбнаго и болѣзненнаго не только отъ вида ранъ, но и отъ страданія тѣхъ, надъ которыми совершается прижиганіе и отсѣченіе,—потому что нѣтъ человѣка столь каменнаго, который бы, присутствуя при такихъ страждущихъ и

слыша ихъ стоны, не тронулся, не смутился и не почувствовалъ великой скорби въ душѣ,—но при всемъ томъ, побуждаясь желаніемъ посмотрѣть, мы переносимъ все это. Здѣсь же не предстоитъ видѣть ничего подобнаго, ни подносимаго огня, ни вонзаемаго желѣза, ни текущей крови, ни страдающаго и издающаго вопли больного; а причиною тому—премудрость Врача, которая не имѣетъ нужды ни въ чемъ подобномъ внѣшнемъ, но достаточно сильна сама по себѣ. Для него достаточно только повелѣть—и исчезаютъ всѣ бѣдствія. И не то удивительно, что Онъ совершаетъ исцѣленія съ такою легкостію, но то, что и безъ боли, не причиняя никакого страданія исцѣляемымъ. Поэтому, такъ какъ здѣсь и большеее чудо, и важнѣйшее исцѣленіе, и чуждое всякой скорби удовольствіе для зрителей, то посмотримъ внимательно на врачующаго Христа. *И влѣзъ въ корабль, прейде, и пріиде во свой градъ, и се принесоша Ему разслаблена на одрѣ лежаща, и видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ, рече разслабленному: дерзай, чадо, отпущаются ти грѣхи твои* (Матѳ. IX, 1). Эти люди ниже сотника по вѣрѣ (Лук. VII, 2), но выше разслабленнаго, находившагося при купели. Тотъ ни Врача не влекъ къ себѣ, ни больного не приводилъ ко Врачу; но приступилъ къ Нему, какъ къ Богу, и сказалъ: только *рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой* (Лук. VII, 7). Эти не влекли Врача къ себѣ въ домъ, и въ этомъ отношеніи они равны сотнику; но больного принесли къ Врачу,—и въ этомъ отношеніи ниже его, потому что не сказали: только *рцы слово*. А въ сравненіи съ разслабленнымъ, лежавшимъ при купели, они гораздо выше. Тотъ сказалъ: *Господи, человѣка не имамъ, да егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купѣль* (Іоан. V, 7); а эти знали, что для Христа не нужно ничего, ни воды, ни купели, ни другого чего-нибудь подобнаго. Однако Христосъ исцѣлилъ отъ болѣзней не только слугу сотника, но и того и этого, и не сказалъ: такъ какъ ты принесъ меньшую вѣру, то равномѣрное получишь и врачеваніе; но того, кто оказалъ бóльшую вѣру, отпустилъ съ похвалами и вѣнцами, сказавъ: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ* (Лук. VII, 9), и того, кто принесъ меньшую вѣру, хотя нисколько не похвалилъ, однако не лишилъ исцѣленія, равно какъ и того, который не оказалъ никакой вѣры. Какъ врачи, исцѣляя одну и ту же болѣзнь,
56 отъ однихъ получаютъ сто золотыхъ монетъ, а отъ другихъ половину, отъ иныхъ еще меньше, а отъ нѣкоторыхъ и совершенно ничего не получаютъ, такъ точно и Христосъ отъ сотника принялъ великую и неизреченную вѣру, отъ этого меньшую, а отъ того даже никакой, и однако исцѣлилъ всѣхъ. Почему же Онъ удостоилъ благодѣянія и не принесшаго ничего? Потому, что онъ не по нерадѣнію и не по безчувственности души не оказалъ вѣры, а

потому, что не зналъ Христа и никогда не слыхалъ ни о какомъ— ни о маломъ, ни о великомъ Его чудѣ. Поэтому онъ и получилъ прощеніе, что выражаетъ и евангелистъ, когда говоритъ: *не вѣдяше, кто есть* (Іоан. v, 13), и только по одному наружному виду узналъ Христа, когда встрѣтилъ Его во второй разъ.

5. Нѣкоторые говорятъ, что этотъ разслабленный получилъ исцѣленіе только потому, что принесшіе его имѣли вѣру; но это не такъ. *Видѣвъ*, говорится, *вѣру ихъ*, не принесшихъ только, но и принесеннаго (Марк. II, 5). Чтоже, скажутъ, развѣ по вѣрѣ одного не исцѣляется другой? Я не думаю,—развѣ только тогда, когда или по незрѣлости возраста, или по чрезмѣрной слабости онъ самъ не въ состояніи вѣровать. А какъ же, скажутъ, въ сказаніи о хананеянкѣ вѣровала мать, а исцѣлилась дочь? И съ другой стороны, если не вѣровалъ сотникъ, то какъ слуга его всталъ и исцѣлился? Это потому, что сами больные не могли вѣровать. Послушай, что говоритъ хананеянка: *дщи моя злѣ бѣснуется*, и иногда *падаетъ во огнь*, иногда *въ воду* (Матѳ. xv, 22; xvii, 15): омраченная же въ умѣ, бѣснующаяся, немогущая никогда придти въ себя и нездоровая—какъ могла бы увѣровать?

И въ сказаніи о сотникѣ то же, что о хананеянкѣ; слуга его лежалъ дома, не зная самъ Христа, кто Онъ былъ: какъ же могъ онъ вѣровать въ Того, кого незналъ и о комъ никогда не получалъ никакихъ свѣдѣній? Но здѣсь нельзя сказать этого; разслабленный вѣровалъ. Откуда это видно? Изъ самаго способа, какимъ онъ былъ принесенъ. Ты не просто слушай, что его спустили чрезъ кровлю; но представь, каково было больному перенести такія страданія. Вы знаете, что больные бываютъ такъ малодушны и своенравны, что часто и на постели отвергаютъ врачебныя пособія и рѣшаются скорѣе переносить страданія отъ болѣзней, чѣмъ терпѣть непріятность отъ этихъ пособій. А этотъ согласился и выйти изъ дому и быть вынесеннымъ на площадь и показаться такому множеству присутствовавшихъ. Больные иногда рѣшаются скорѣе умереть, нежели открыть свое несчастіе. А этотъ больной не такъ поступилъ, но, видя зрѣлище переполненнымъ, входъ заключеннымъ, пристань загражденною, согласился быть спущеннымъ чрезъ кровлю. Такъ изобрѣтательно сильное желаніе; такъ благоуспѣшна любовь. Подлинно, *ищай обрѣтаетъ и толкущему отверзется* (Лук. xi, 10). Онъ не сказалъ ближнимъ своимъ: что это значитъ? За- 57
чѣмъ вы безпокоитесь? Зачѣмъ спѣшите? Подождемъ, пока домъ опустѣетъ и зрѣлище кончится; когда собравшіеся уйдутъ, тогда мы будемъ имѣть возможность подойти къ Нему наединѣ и сообщить Ему объ этомъ. Для чего предъ взорами всѣхъ выставлять на видъ мои несчастія, и безобразно спускаться сверху? Ничего

такого онъ не сказалъ ни самому себѣ, ни несшимъ его, но считалъ вожделѣннымъ для себя сдѣлать столь многихъ свидѣтелями своего исцѣленія. И не только изъ этого можно видѣть его вѣру, но и изъ самыхъ словъ Христовыхъ. Когда онъ былъ спущенъ и поднесенъ, то Христосъ говоритъ ему: *дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси.* Услышавъ это, онъ не выразилъ неудовольствія, не возроптадъ, не сказалъ Врачу: что это?—я пришелъ исцѣлиться отъ одной болѣзни, а Онъ исцѣляетъ отъ другой?—это предлогъ, обольщеніе, прикрытіе слабости,—Ты отпускаешь грѣхи, которые невидимы? Ничего такого онъ не сказалъ и не подумалъ, но ожидалъ, предоставивъ Врачу принять путь къ врачеванію, какой Ему угодно. Поэтому и Христосъ не пришелъ къ нему, а ожидалъ, чтобы онъ пришелъ, дабы показать вѣру его всѣмъ. Развѣ не могъ Онъ сдѣлать доступъ удобнымъ? Но ничего такого не сдѣлалъ, для того, чтобы всѣмъ показать его усердіе и пламенную вѣру. Какъ къ тому, который страдалъ тридцать восемь лѣтъ, Онъ пришелъ самъ потому, что при немъ никого не было, такъ этого, имѣвшаго многихъ ближнихъ, Онъ ожидалъ къ Себѣ, дабы и этого вѣру сдѣлать явною чрезъ его принесеніе, и того одиночество показать намъ чрезъ свое пришествіе къ нему, и дабы какъ усердіе перваго, такъ и терпѣніе послѣдняго открыть всѣмъ, особенно же тогда присутствовавшимъ. Завистливые и человѣконенавистные іудеи обыкновенно ненавидѣли благодѣянія, получаемыя ближними, и подвергали подозрѣнію чудеса Христовы, то говоря, что Онъ исцѣляетъ въ субботу, то указывая на жизнь получавшихъ благодѣянія: *сей аще бы былъ пророкъ, видѣлъ бы, кто* была жена, прикасавшаяся *Ему* (Лук. VII, 39),—не понимая, что врачу особенно свойственно обращаться съ больными и всегда находиться среди недужныхъ, а не убѣгать и не удаляться отъ нихъ. Это и самъ Онъ, обращаясь къ нимъ, говорилъ: *не требуютъ здравіи врача, но болящіи* (Матѳ. IX, 12). Итакъ, чтобы они опять не обвиняли Его въ томъ же, Онъ напередъ показываетъ, какъ пришедшіе достойны врачеванія за вѣру, которую они оказали. Поэтому Онъ обнаружилъ и одиночество того разслабленнаго, и пламенную вѣру и усердіе этого; поэтому того Онъ исцѣлилъ въ субботу, а этого не въ субботу, дабы ты, видя, что іудеи и въ другіе дни обвиняютъ и порицаютъ Христа, зналъ, что и тогда они обвиняли Его не за несоблюденіе закона, но по своей нестерпимой зависти. Почему же Онъ не приступилъ напередъ къ исцѣленію разслабленія, а сказалъ: *дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси?* И это сдѣлано весьма мудро. Такъ и врачи обыкновенно прежде не болѣзни лѣчатъ, а истребляютъ ихъ источники; напримѣръ: часто, когда глаза страдаютъ отъ дурныхъ мокротъ и гнойной влаги, врачъ, оставляя

пользованіе больной вѣжди, лѣчитъ голову, гдѣ находится корень
и источникъ болѣзни. Такъ сдѣлалъ и Христосъ, истребляя напе- 58
редъ источникъ золъ. А источникъ и корень и мать всѣхъ золъ—грѣхъ. Онъ разслабляетъ наши тѣла; онъ производитъ болѣзни. Поэтому и здѣсь Христосъ говоритъ: *дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси*,—и тамъ сказалъ: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ*, выражая тѣми и другими словами, что эти болѣзни произошли отъ грѣховъ. И вначалѣ, въ первыя времена по сотвореніи, болѣзнь вошла въ тѣло Каина отъ грѣха. Онъ послѣ братоубійства, послѣ такого преступленія, получилъ тогда разслабленіе въ тѣлѣ, потому что *трясеніе* значитъ не что иное, какъ разслабленіе (Быт. IV, 14). Когда сила, скрѣпляющая это животное (тѣло), дѣлается слабою и уже не можетъ поддерживать всѣ члены, то оставляетъ ихъ безъ своей помощи, послѣ чего они, опустившись, трясутся и колеблются.

6. Это выразилъ и Павелъ. Укоряя коринѳянъ въ нѣкоторомъ грѣхѣ, онъ сказалъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи* (1 Кор. XI, 30). Поэтому и Христосъ напередъ уничтожаетъ причину золъ, и словами: *дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси*, оживляетъ умъ разслабленнаго, ободряетъ упадшую его душу; слова стали дѣломъ и, вошедши въ совѣсть, коснулись самой души и прекратили всякое уныніе. Подлинно, ничто не доставляетъ столько удовольствія и не даетъ столько дерзновенія, какъ возможность ни въ чемъ не обвинять самого себя. *Дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси*. Гдѣ отпущеніе грѣховъ, тамъ и усыновленіе. Такъ и мы не прежде можемъ назвать Бога Отцемъ, какъ омывъ грѣхи въ купели святыхъ водъ. Когда мы выходимъ оттуда, сбросивъ это худое бремя, тогда и говоримъ: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ* (Матѳ. VI, 9). Почему же съ болѣвшимъ тридцать восемь лѣтъ Онъ поступилъ не такъ, но прежде исцѣлилъ его тѣло? Потому, что въ немъ продолжительностію времени были истреблены грѣхи: великость искушенія можетъ облегчать бремя грѣховъ, какъ и о Лазарѣ Господь говоритъ, что *онъ воспріялъ злая своя, и здѣ утѣшается* (Лук. XVI, 25). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *утѣшайте люди моя, глаголите въ сердце Іерусалиму, яко пріятъ отъ руки Господни сугубы грѣхи своя* (Ис. XL, 1, 2). И еще пророкъ говоритъ: *Господи, миръ даждь намъ, вся бо воздалъ еси намъ* (Ис. XXVI, 12), выражая, что наказанія и мученія доставляютъ прощеніе грѣховъ; и изъ многихъ другихъ мѣстъ можно доказать это.

Такимъ образомъ, мнѣ кажется, Господь не говорилъ тому разслабленному объ отпущеніи грѣховъ, а только предостерегъ его на будущее время потому, что продолжительностію болѣзни грѣхи его уже были изглажены; или, если же такъ, то потому,

что онъ еще не зналъ ничего великаго о Христѣ; поэтому Онъ напередъ и приступилъ къ меньшему, къ явному и очевидному' къ исцѣленію тѣла; а съ этимъ разслабленнымъ поступилъ не такъ, но видя, что онъ вѣровалъ болѣе и имѣлъ душу болѣе
59 возвышенную, сталъ говорить съ нимъ прежде о тягчайшей болѣзни; и кромѣ всего этого для того, чтобы показать свое равенство съ Отцемъ. Какъ тамъ Онъ исцѣлилъ въ субботу, желая отклонить слушателей отъ іудейскаго ея соблюденія, и въ самыхъ обвиненіяхъ найти поводъ доказать свое равенство съ Родителемъ, такъ точно и здѣсь, предвидя, что̀ имѣли сказать іудеи, Онъ произнесъ эти слова, чтобы въ нихъ найти основаніе и поводъ доказать свое равенство съ Родителемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не одно и то же—безъ всякаго порицанія и обвиненія, самому отъ себя, начать рѣчь объ этомъ, или, когда другіе высказываютъ обвиненія, предложить то же самое въ ходѣ рѣчи и въ видѣ оправданія. Первый способъ доказательства отвращалъ слушателей; а послѣдній былъ менѣе тяжелъ для нихъ и болѣе удобопріемлемъ; и потому вездѣ мы видимъ, что Онъ такъ поступалъ и не столько словами, сколько дѣлами доказывалъ свое равенство съ Отцемъ. Это выражаетъ и евангелистъ, когда говоритъ, что *гоняху Іисуса іудеи, яко не токмо разоряше субботу, но и Отца своего глаголаше Бога, равенся творя Богу* (Іоан. v, 16. 18), что̀ гораздо важнѣе, потому что дѣлами своими Онъ доказывалъ это самое. Что же завистливые и злые іудеи, мучившіеся отъ чужихъ благъ и во всемъ искавшіе поводовъ къ порицанію? *Что сей*, говорятъ они, *хулитъ? Никто не можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ* (Матѳ. ix, 3, Марк. ii, 7)? Какъ тамъ они гнали Его за то, что Онъ нарушилъ субботу, а Онъ по поводу самыхъ обвиненій въ видѣ оправданія показалъ свое равенство съ Родителемъ, сказавъ: *Отецъ мой дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. v, 17), такъ точно и здѣсь изъ самыхъ обвиненій Онъ доказываетъ свое единство съ Отцемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сказано? *Никтоже можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ.* Итакъ, когда они сами положили такое опредѣленіе, сами внесли правило, сами предписали законъ, то Онъ опровергаетъ ихъ собственными ихъ словами. Вы, говоритъ, исповѣдали, что одному только Богу свойственно отпускать грѣхи, —слѣдовательно равенство (мое съ Богомъ Отцемъ) несомнѣнно. И не они только говорятъ объ этомъ, но и пророкъ говоритъ такъ: *кто Богъ, яко же Ты?* Потомъ объясняя, что̀ свойственно Богу, присовокупляетъ: *отъемляй беззаконія и оставляяй нечестія* (Мих. vii, 18). Поэтому, если кто-нибудь другой окажется дѣлающимъ тоже самое, то и Онъ—Богъ и Богъ (такой же), какъ и Тотъ. Но посмотримъ, какъ Христосъ доказываетъ имъ это,

какъ кротко и снисходительно и со всею попечительностью. *И се нѣцыи отъ книжникъ рѣша въ себѣ: сей хулитъ* (Матѳ. IX, 4); не высказали этого слова, не произнесли языкомъ, но сокровенно подумали въ душѣ. Что же Христосъ? Онъ обнаружилъ сокровенныя помышленія ихъ, желая показать имъ силу своего Божества прежде доказательства посредствомъ исцѣленія тѣла разслабленнаго. А что одному только Богу, Его Божеству, свойственно открывать сокровенныя мысли души, объ этомъ въ Писаніи говорится: *Ты единъ вѣси сердца* (3 Цар. VIII, 39). Видишь ли, что слово *единъ* опять говорится не въ отличіе отъ Сына? Въ самомъ дѣлѣ, если одинъ Отецъ знаетъ сердца, то какъ же Сынъ знаетъ сокровенныя мысли души? *Самъ бо вѣдяше*, сказалъ евангелистъ, *что бѣ въ человѣцѣ* (Іоан. II. 25); и Павелъ, выражая, что знать сокровенное свойственно Богу, сказалъ: *испытаяй же сердца* (Рим. VIII, 27), приписавъ этимъ словамъ такую же силу, какая заключается въ имени: Богъ. Какъ въ томъ случаѣ, если я скажу: посылающій дожди, я укажу самымъ дѣломъ не на другого кого-нибудь, а на Бога, потому что это свойственно только Ему; и если скажу: возводящій солнце, то, хотя и не прибавлю имени: Богъ, самымъ дѣломъ укажу на Него,—такъ точно и Павелъ, сказавъ: *испытаяй сердца*, выразилъ, что Ему только свойственно испытывать сердца. Если бы такое выраженіе имѣло не одну и ту же силу съ именемъ: Богъ, для указанія на Того, о Комъ намъ говорится, то онъ не употребилъ бы одного только этого выраженія. И если бы это было дѣломъ общимъ у Него съ съ тварію, то мы не узнали бы, о комъ говорится, такъ какъ общность дѣла производила бы недоумѣніе въ душѣ слушателей. Итакъ, когда усвояется это ствойство Отцу, то усвояется и Сыну, равенство съ которымъ несомнѣнно открывается и отсюда. Поэтому Онъ и говоритъ: *вскую вы мыслите лукавая въ сердцахъ своихъ? Что бо есть удобѣе, рещи: отпущаются ти грѣси, или рещи: востани и ходи* (Матѳ. IX, 4)?

7. Вотъ и второе доказательство представляетъ Онъ касательно отпущенія грѣховъ. Отпустить грѣхи гораздо важнѣе, нежели исцѣлить тѣло, и столько важнѣе, сколько душа важнѣе тѣла. Какъ разслабленіе есть болѣзнь тѣла, такъ грѣхъ—болѣзнь души; но это, хотя и большее, было не видно; а то, хотя и меньшее, было видно. Поэтому, намѣреваясь употребить меньшее для доказательства большаго и желая показать, что Онъ поступилъ такъ по ихъ немощи и снисходя къ ихъ слабости, Онъ говоритъ: *что удобѣе рещи: отпущаются ти грѣси, или рещи: востани и ходи?* Почему же Онъ для нихъ приступаетъ къ меньшему? Потому, что явное служитъ яснѣйшимъ доказательствомъ

неявнаго. Поэтому Онъ и не возстановлялъ разслабленнаго дотолѣ, пока не сказалъ имъ: *но да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи: тогда глагола разслабленному: востани и* ходи (Матѳ. IX, 6). Онъ какъ бы такъ сказалъ: отпущеніе грѣховъ есть бо́льшее знаменіе, но для васъ Я присовокупляю и меньшее, такъ какъ послѣднее вы считаете доказательствомъ перваго. Какъ тогда, когда Онъ похвалилъ сотника, сказавшаго: *токмо рцы слово и исцѣлѣетъ отрокъ мой: ибо и азъ глаголю сему: иди, и идетъ: и другому: пріиди, и приходитъ* (Матѳ. VIII, 8 9). Онъ укрѣпилъ душу его похвалами; и какъ, обличая іудеевъ, обвинявшихъ Его за субботу, въ томъ, что Онъ нарушаетъ законъ, доказалъ, что Онъ можетъ измѣнять законы,—такъ точно и здѣсь, когда Ему сказали, что Онъ *равенся творитъ Богу*, Онъ, обѣщая то̀, что́ принадлежитъ только Отцу, укоряя ихъ и обличая и дѣлами доказывая, что Онъ не богохульствуетъ, представилъ намъ неоспоримое доказательство, что Онъ можетъ дѣлать то же, что́ и Родитель. Замѣть же, какъ Онъ желаетъ доказать, что принадлежащее только Отцу принадлежитъ и Ему; Онъ не просто возста-
61 вилъ разслабленнаго, но сказавъ: *да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи.* Такъ онъ желалъ и старался доказать особенно то, что Онъ имѣетъ одинаковую власть съ Отцемъ.

8. Итакъ, будемъ тщательно удерживать въ памяти все это, равно какъ и сказанное вчера и прежде того дня, и молить Бога, чтобы оно осталось неизмѣннымъ въ нашей душѣ, и съ своей стороны будемъ прилагать стараніе и приходить сюда постоянно. Такимъ образомъ и прежде сказанное мы сохранимъ и другое вновь пріобрѣтемъ; а если что-нибудь изгладится временемъ, то легко можемъ возвратить непрерывнымъ ученіемъ. И не догматы только пребудутъ цѣлыми и неповрежденными, но и въ поведеніи будетъ соблюдаться великая осмотрительность, и проведемъ мы настоящую жизнь въ радости и душевномъ спокойствіи. Подлинно, какая бы скорбь ни возмущала душу, когда мы придемъ сюда она легко можетъ прекратиться, потому что и теперь Христосъ присутствуетъ, и приступающій къ Нему съ вѣрою удобно можетъ получить исцѣленіе. Борется ли кто съ постоянною бѣдностію, имѣетъ ли недостатокъ въ необходимомъ пропитаніи и часто ложится спать голоднымъ? Пришедши сюда и выслушавъ Павла, который говоритъ, что онъ проводилъ жизнь въ голодѣ, въ жаждѣ и наготѣ, и не одинъ, не два и не три дня, но постоянно переносилъ это, — а это именно выражаютъ слова его: *до нынѣшняго часа и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ* (1 Кор. IV, 11), — онъ получитъ достаточное утѣшеніе, научившись изъ сказаннаго, что не по не-

нависти и забвенію о немъ Богъ попустилъ ему жить въ бѣдности, — потому что если бы это было слѣдствіемъ ненависти, то Онъ не поступилъ бы испытывать это Павлу, который былъ любезенъ Ему больше всѣхъ людей,—а по попеченію и промышленію и съ цѣлію—вести къ большему любомудрію. Подвергается ли кто-нибудь другой болѣзни и безчисленнымъ страданіямъ тѣлеснымъ? Достаточнымъ утѣшеніемъ для него могутъ быть тѣла этихъ разслабленныхъ, и вмѣстѣ съ ними блаженный и доблестный ученикъ Павловъ, который постоянно находился въ болѣзняхъ и никогда не имѣлъ отдохновенія отъ продолжительной немощи, какъ и Павелъ говорилъ: *мало вина пріемли стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. v, 23), а не просто недуговъ. Иной оклеветанъ, такъ что распространилась о немъ худая молва въ народѣ, и это наполняетъ скорбію душу его и терзаетъ ее непрестанно? Такой, пришедши и услышавъ: *блажени есте, егда поносятъ вамъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Матѳ. v, 11. 12), отложитъ всякую скорбь и получитъ всякую радость, потому что Господь сказалъ: *возрадуйтеся и взыграйте, егда пронесутъ имя ваше яко зло* (Лук. vi, 22, 23). Такимъ образомъ Онъ утѣшаетъ тѣхъ, о которыхъ говорится худо; а тѣхъ, которые говорятъ худое, Онъ устрашаетъ другими словами: *всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово*, какъ о добромъ, такъ и о худомъ (Матѳ. xii, 36). Иной потерялъ дочь, или сына, или кого-нибудь изъ близкихъ? И тотъ, пришедши сюда, и услышавъ Павла, который скорбѣлъ въ настоящей жизни, и желалъ видѣть будущую, и тяготился пребываніемъ, выйдетъ отсюда съ достаточнымъ врачествомъ отъ словъ его: объ усопшихъ же (κεκοιμημένων) *не хощу васъ не вѣдѣти, братіе, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Солун. iv, 13). Не сказалъ: объ умершихъ (ἀποθνησκόντων), но: *объ усопшихъ*, выражая, что 62
смерть есть сонъ. Какъ тогда, когда мы видимъ спящаго, мы не тревожимся и не смущаемся, ожидая, что онъ непремѣнно встанетъ,—такъ и тогда, когда увидимъ умершаго, не будемъ смущаться и падать духомъ,—потому что и это сонъ, хотя продолжительнѣйшій, однако сонъ же. Такъ названіемъ усыпленія онъ утѣшилъ плачущихъ и отразилъ возраженія невѣрующихъ. Если, говоритъ, ты нетерпѣливо оплакиваешь усопшаго, то дѣлаешься подобнымъ невѣрующему, который не имѣетъ надежды воскресенія. Тотъ справедливо плачетъ, такъ какъ не можетъ нисколько любомудрствовать о будущемъ; а ты, получившій столько доказательствъ касательно жизни будущей, зачѣмъ впадаешь въ ту же слабость, какъ и онъ? Поэтому и говоритъ: объ

усопшихъ же *не хощу васъ не вѣдѣти, да не скорбите, якоже и прочіи, не имущіи упованія.*

Не изъ Новаго только, но и изъ Ветхаго Завѣта можно заимствовать достаточное утѣшеніе. Такъ, когда ты слышишь объ Іовѣ, который послѣ потери имущества, послѣ погибели стадъ, потерялъ не одного, двухъ, или трехъ, а цѣлый сонмъ дѣтей въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, при такихъ душевныхъ добродѣтеляхъ, то хотя бы ты былъ слабѣе всѣхъ, можешь легко ободриться и сдѣлаться терпѣливымъ. Ты, человѣкъ, по крайней мѣрѣ находился при больномъ сынѣ, видѣлъ его лежащимъ на одрѣ, слышалъ послѣднія слова его, присутствовалъ при послѣднемъ вздохѣ, закрылъ ему глаза и заключилъ уста; онъ же не присутствовалъ при своихъ дѣтяхъ, когда они испускали духъ, не видѣлъ ихъ при смерти, но однимъ гробомъ послужилъ для всѣхъ ихъ домъ, и на одну и ту же трапезу излился ихъ мозгъ вмѣстѣ съ кровію,—и бревна, и черепицы, и пыль, и раздавленныя тѣла, все смѣшалось вмѣстѣ. Однако и послѣ столь многихъ и столь великихъ золъ онъ не плакалъ и не роггалъ, но что говорилъ? *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. I, 21). Эти слова будемъ говорить и мы при всѣхъ обстоятельствахъ, случающихся съ нами; случится ли потеря имущества, болѣзнь тѣлесная, обида, клевета, или какое-нибудь другое изъ человѣческихъ бѣдствій, будемъ говорить: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки.* Если мы будемъ такъ любомудрствовать, то никогда не потерпимъ никакого зла, хотя бы испытывали безчисленное ихъ множество, но произойдетъ больше пользы, нежели вреда, больше благъ, нежели золъ; этими словами ты сдѣлаешь милостивымъ къ тебѣ Бога, и отразишь насиліе врага. Какъ только языкъ произноситъ эти слова, тотчасъ отбѣгаетъ діаволъ; а когда онъ отбѣгаетъ, тогда удаляется и облако печали, вмѣстѣ съ удаленіемъ его разсѣиваются и прискорбные наши помыслы; и кромѣ всего этого ты пріобрѣтешь всѣ блага и здѣшнія, и не-
3—64 бесныя. Вѣрный примѣръ этого въ Іовѣ, въ апостолахъ, которые, презрѣвъ для Бога здѣшнія бѣдствія, получили вѣчныя блага. Будемъ же покорными, и станемъ радоваться всему случающемуся и благодарить человѣколюбиваго Бога, чтобы намъ и настоящую жизнь провести благополучно, и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава, честь и держава всюду, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о тѣхъ, которые не пришли въ церковное собраніе; о томъ, что не должно оставлять безъ вниманія надписанія божественныхъ писаній; о надписи на жертвенникѣ и о новопросвѣщенныхъ.

1. Что это? Чѣмъ далѣе простираются у насъ праздники, тѣмъ малочисленнѣе дѣлаются собранія. Но не будемъ нерадивыми 67
мы—присутствующіе; собранія дѣлаются меньшими по количеству, но не меньшими по усердію, меньшими по числу, но не меньшими по расположенію. Они дѣлаются меньшими, *да искусніи явлени бываютъ въ васъ* (1 Кор. XI, 19), для того, чтобы мы узнали—кто приходитъ въ годовой праздникъ по привычкѣ, кто по расположенію къ божественнымъ изреченіямъ, кто по желанію слушать о духовныхъ предметахъ. Въ предыдущій воскресный день весь городъ былъ здѣсь, ограды были наполнены, народъ уподоблялся волнамъ приливавшимъ и отливавшимъ; но для меня ваша тишина вожделѣннѣе тѣхъ волнъ, для меня ваше спокойствіе достопочтеннѣе того шума и смятенія. Тогда можно было считать присутствовавшія тѣла, а теперь — души, исполненныя благочестія. Если бы это собраніе, малочисленное и состоящее больше изъ бѣдныхъ, и то собраніе, многочисленное и составленное больше изъ богатыхъ,—если бы оба эти собранія кто-нибудь захотѣлъ положить на вѣсы для взвѣшиванія, то нашелъ бы, что первое имѣетъ перевѣсъ. Вы меньше по количеству, но достопочтеннѣе по усердію. Такъ бываетъ и съ взвѣшиваемыми вещами: если бы кто, взявъ десять золотыхъ статировъ, положилъ ихъ на одну чашку вѣсовъ, а на другую чашку сто мѣдныхъ монетъ, то сто мѣдныхъ монетъ перетянули бы вѣсы на свою сторону; но десять золотыхъ по превосходнѣйшему свойству своему имѣютъ перевѣсъ надъ ними, какъ важнѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе по существу своему. Такъ немногіе по числу бываютъ драгоцѣннѣе и полезнѣе многихъ. Но что я представляю вамъ примѣры отъ обыкновенныхъ предметовъ, когда нужно привести изреченіе Божіе, свидѣтельствующее объ этомъ? Что же говорится въ немъ? *Лучше единъ праведникъ*, творящій волю Господню, *нежели тысяща грѣшникъ* (Сирах. XVI, 3). Бываетъ, подлинно часто бываетъ одинъ человѣкъ равноцѣненъ тысячамъ. И что я говорю: одинъ человѣкъ бываетъ равноцѣненъ тысячамъ? Бываетъ важнѣе и достопочтеннѣе и самой вселенной. Свидѣтельство на это я представлю изъ словъ Павла. Упомянувъ о людяхъ бѣдныхъ, гонимыхъ,

оскорбляемыхъ, угнетаемыхъ, онъ говоритъ такъ: *проидошавъ милотехъ, въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ міръ* (Евр. xi, 37, 38). Что говоришь ты? Ужели міръ не стоилъ ихъ, терпѣвшихъ лишенія и озлобленія и не имѣвшихъ отечества? Развѣ ты не видишь, сколь немногихъ ты про-
68 тивопоставляешь столь многимъ? Вижу, говоритъ, потому и сказалъ я, что *міръ не бѣ достоинъ* ихъ. Я хорошо знаю свойства этихъ монетъ. Поставивъ землю и море, царей и правителей, и вообще весь родъ человѣческій, и противопоставивъ имъ двухъ или трехъ бѣдныхъ, я смѣло могу сказать, что эти бѣдные вѣсятъ больше. Они были изгоняемы изъ отечества, но имѣли отечествомъ горній Іерусалимъ; они проводили жизнь въ бѣдности, но были богаты благочестіемъ; они были ненавистны людямъ, но любезны Богу. Кто же это были? Илія, Елисей и всѣ подобные имъ. Не смотри на то, что они нуждались въ необходимой пищѣ, но на то, что уста Иліи заключили и отверзли небо, а милоть его обратила назадъ Іорданъ.

Представляя это, я и радуюсь и скорблю: радуюсь о васъ, присутствующихъ, а скорблю о тѣхъ, не присутствующихъ; очень скорблю, печалюсь и сокрушаюсь сердцемъ. И кто изъ людей самыхъ нечувствительныхъ не станетъ скорбѣть, видя, что дѣла діавола удостоиваются бóльшей ревности? Между тѣмъ, если бы они удостоивались даже равной ревности (съ дѣлами благочестія), и тогда не было бы намъ никакого прощенія, никакого оправданія; а когда они удостоиваются гораздо большей, то какое остается намъ оправданіе? На зрѣлища приглашаютъ каждый день, и никто не лѣнится, никто не отказывается, никто не ссылается на множество занятій; но, какъ готовые и свободные отъ всякой заботы, бѣгутъ всѣ: ни старецъ не стыдится своей сѣдины, ни юноша не боится пламени своей природной похоти, ни богатый не опасается унизить свое достоинство. А когда нужно идти въ церковь, тогда, какъ бы нисходя съ какой-либо высокой степени и унижая свое достоинство, онъ медлитъ и идетъ лѣниво и потомъ надмевается, какъ будто онъ сдѣлалъ какое-нибудь одолженіе Богу; въ театръ же, гдѣ онъ видитъ и слышитъ развратное, спѣшитъ, не думая унизить ни себя, ни свое богатство, ни благородство. Желалъ бы я знать, гдѣ теперь тѣ, которые въ тотъ день безпокоили насъ,—потому что присутствіе ихъ было причиною безпокойства; желалъ бы знать, что они дѣлаютъ, какое дѣло, болѣе необходимое, чѣмъ занимающее теперь насъ, заняло ихъ. Но никакого у нихъ нѣтъ занятія, а одно только тщеславіе. Что же можетъ быть безумнѣе этого? Для чего ты, человѣкъ, высокомудрствуешь и думаешь, что дѣлаешь намъ одолженіе, если, при-

шедши сюда, бываешь внимательнымъ и слушаешь то, что относится къ спасенію твоей души? Для чего это, скажи мнѣ? И чѣмъ ты превозносишься? Богатствомъ? Шелковыми одеждами? А того не подумаешь, что онѣ—пряди червей и изобрѣтенія иноплеменниковъ; что ихъ употребляютъ и блудницы, и развратники, и 69
расхитители гробницъ, и разбойники? Познай истинное богатство и оставь эту надменную и пустую гордость; размысли о тлѣнности своей природы. Ты—земля и пыль, пепелъ и прахъ, дымъ и тѣнь, трава и цвѣтъ травный. И такою природою, скажи мнѣ, ты гордишься? Что можетъ быть смѣшнѣе этого? Но ты начальствуешь надъ многими людьми? А что пользы въ этомъ, когда ты, начальствуя надъ людьми, самъ плѣнникъ и рабъ страстей? Какъ если бы кто-нибудь дома подвергался побоямъ и получалъ раны отъ рабовъ, а внѣ по выходѣ на площадь сталъ гордиться начальствомъ надъ другими,—такъ и тебя бичуетъ тщеславіе, наноситъ тебѣ раны распутство, ты—рабъ всѣхъ страстей, и ты гордишься, что начальствуешь надъ своими соплеменниками? О, если бы ты дѣйствительно начальствовалъ надъ ними, былъ равнымъ имъ по чести!

2. Я говорю это для обвиненія не богатыхъ, а худо пользующихся богатствомъ. Богатство не зло, если мы захотимъ пользоваться имъ, какъ должно; а зло—гордость и тщеславіе. Если бы богатство было зломъ, то мы всѣ не молились бы войти въ нѣдра Авраама, который имѣлъ триста осмнадцать рабовъ, рожденныхъ въ его домѣ. Богатство слѣдовательно—не зло, а зло—беззаконное употребленіе его. Какъ прежде, говоря о пьянствѣ, я не вино осуждалъ—потому что *всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже отметно, со благодареніемъ пріемлемо* (1 Тим. IV, 4);—такъ и теперь я не богатыхъ обвиняю и не богатство осуждаю, а худое употребленіе богатства, истрачиваемаго на распутство. Потому оно и называется богатствомъ (χρήματα), чтобы мы распоряжались (χρησώμεθα) имъ, а не оно нами; потому оно и называется стяжаніемъ (κτήματα), чтобы мы владѣли (κτησώμεθα) имъ, а не оно нами. Для чего же раба ты дѣлаешь своимъ господиномъ? Для чего извращаешь порядокъ? Но я желалъ бы знать, что дѣлаютъ теперь не пришедшіе въ собраніе и чѣмъ они занимаются. Они или играютъ въ кости, или непремѣнно занимаются житейскими дѣлами, исполненными безпокойства. А если бы ты, человѣкъ, присутствовалъ здѣсь, то былъ бы въ покоѣ и въ пристани; домоправитель не пришелъ бы безпокоить тебя, управитель не смущалъ бы, рабъ не тревожилъ бы житейскими дѣлами, и никто другой не огорчалъ бы тебя; проводя время спокойно, ты наслаждался бы слушаніемъ божественнаго ученія. Здѣсь нѣтъ никакихъ волненій, нѣтъ ника-

кого смятенія, но благословеніе, молитвы, духовное собесѣдованіе, преселеніе на небо: отсюда вышелъ бы ты, получивъ залогъ царства небеснаго. Для чего же ты, оставивъ эту богатую трапезу, перешелъ къ другой, непріятнѣйшей, и оставивъ пристань, промѣнялъ тишину на безпокойство? Прискорбно, что нѣтъ здѣсь бѣдныхъ, которые тогда присутствовали, но не такъ прискорбно, какъ то, что нѣтъ здѣсь богатыхъ. Почему? Потому, что бѣдные, содержа себя трудами рукъ своихъ, имѣютъ необходимыя занятія, заботятся о ежедневной работѣ, пекутся о пропитаніи дѣтей, наблюдаютъ за женою, и если бы не трудились, то не могли бы поддерживать своей жизни. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы составить рѣчь въ защиту ихъ, но чтобы показать, сколь большого осужденія достойны богатые. Чѣмъ большими пользуются они удобствами, тѣмъ большаго достойны осужденія, потому что ничто подобное не удерживаетъ ихъ.

70 Не видите ли вы іудеевъ, враждующихъ противъ Бога, противящихся Духу Святому, жестоковыйныхъ? Но не пришедшіе сюда хуже всѣхъ ихъ. Если тѣмъ священники приказываютъ не дѣлать ничего седмь, десять, двадцать, тридцать дней,—они не противорѣчатъ, хотя что можетъ быть несноснѣе такого бездѣйствія? Они запираютъ двери, не зажигаютъ огня, не приносятъ воды, и ничѣмъ другимъ изъ подобныхъ нуждъ не позволяютъ себѣ заниматься; они бываютъ связаны бездѣйствіемъ, какъ бы цѣпью, и однако не противорѣчатъ. А я не говорю ничего такого, не говорю: не дѣлай ничего седмь дней, или десять дней: но: удѣли мнѣ два часа въ день, а прочіе оставь себѣ,—и ты не удѣляешь мнѣ и этой части. Лучше сказать: не мнѣ удѣли эти два часа, а самому себѣ, чтобы тебѣ получить нѣкоторое утѣшеніе отъ молитвы отцевъ, чтобы выйти отсюда исполненнымъ благословеній, чтобы отойти огражденнымъ со всѣхъ сторонъ, чтобы, принявъ духовное оружіе, ты сдѣлался непобѣдимымъ и неуловимымъ для діавола. Что можетъ быть пріятнѣе, скажи мнѣ, пребыванія здѣсь? Если бы нужно было проводить здѣсь цѣлые дни, что вожделѣннѣе этого? Что безопаснѣе этого мѣста, гдѣ столько братьевъ, гдѣ Духъ Святый, гдѣ посреди стоитъ Іисусъ и Отецъ Его? Гдѣ найдешь ты другое такое общество, другое собраніе, другой соборъ? Столько здѣсь благъ на трапезѣ въ поученіяхъ, въ благословеніяхъ, въ молитвахъ, въ совѣщаніяхъ,—и ты обращаешься къ другимъ собесѣдованіямъ? Какое ты имѣешь оправданіе? Это сказалъ я не для того, чтобы слушали вы,—вы не имѣете нужды въ такихъ лѣкарствахъ, доказавъ дѣлами свое здоровье, послушаніе, показавъ усердіемъ свою любовь,—но я сказалъ это вамъ съ тѣмъ, чтобы отъ васъ услышали тѣ, которыхъ нѣтъ здѣсь. Не

говорите имъ только, что осуждалъ непришедшихъ сюда, но разскажите имъ всю рѣчь мою съ самаго начала. Напомните имъ объ іудеяхъ, напомните имъ о житейскихъ дѣлахъ; скажите, сколько лучше здѣшнее собраніе; скажите, какую оказываютъ они заботливость о дѣлахъ мірскихъ; скажите, какая послѣдуетъ награда тѣмъ, которые собираются сюда. Если вы скажете только, что я осуждалъ ихъ, то возбудите въ нихъ гнѣвъ, нанесете рану, а лѣкарства не приложите; но если вы объясните имъ, что я осуждалъ ихъ не какъ врагъ, а какъ сѣтующій другъ, и убѣдите ихъ, что *достовѣрнѣе суть язвы друзей, нежели вольная лобзанія враговъ* (Притч. xxvii, 6), то они примутъ осужденіе съ великимъ удовольствіемъ, потому что обратятъ вниманіе не на слова, а на расположеніе говорящаго. Такъ врачуйте братьевъ вашихъ. Мы отвѣчаемъ за спасеніе васъ присутствующихъ, а вы—за спасеніе непришедшихъ. Сами мы не можемъ имѣть сношенія съ ними; мы 71
будемъ сноситься съ ними чрезъ васъ, чрезъ ваше наставленіе; ваша любовь пусть будетъ для насъ нѣкоторымъ мостомъ къ нимъ; сдѣлайте, чтобы наши слова чрезъ вашъ языкъ достигли до ихъ слуха. Впрочемъ, можетъ быть, уже достаточно сказано о непришедшихъ и не нужно прибавлять ничего больше. Можно бы сказать и больше, но чтобы не потратить всего времени на такое осужденіе, не доставляя никакой пользы вамъ присутствующимъ, мы теперь предложимъ и вамъ нѣкоторую необыкновенную и новую пищу,—необыкновенную и новую, говорю, не по отношенію къ духовной трапезѣ, но необыкновенную для вашего слуха.

3. Въ прежніе дни мы говорили вамъ объ апостольскихъ изреченіяхъ и евангельскихъ, когда бесѣдовали объ Іудѣ, говорили вамъ и о пророческихъ; теперь хотимъ сказать изъ Дѣяній Апостольскихъ. Потому я и называю эту пищу и необыкновенною, и вмѣстѣ обыкновенною: обыкновенная она потому, что слѣдуетъ по порядку божественныхъ Писаній, а необыкновенная потому, что вашъ слухъ, можетъ быть, не привыкъ слышать о такомъ предметѣ. Многимъ эта книга даже неизвѣстна, а многимъ кажется ясною, и потому оставляется безъ вниманія, такъ что для однихъ знаніе, а для другихъ незнаніе служитъ поводомъ къ безпечности. Поэтому, чтобы и незнающіе и считающіе себя хорошо знающими уразумѣли, что она содержитъ въ себѣ много глубокихъ мыслей, необходимо сегодня исправить небрежность тѣхъ и другихъ. Но прежде всего нужно узнать, кто написалъ эту книгу, потому что таковъ порядокъ лучшаго изслѣдованія,—напередъ узнать писателя, человѣкъ ли онъ, или Богъ. Если онъ человѣкъ, то мы отвергнемъ его, потому что Господь говоритъ: *не зовите себѣ учителя на земли* (Матѳ. xxiii 8, 9), а если Богъ, то примемъ, потому что наше ученіе

свыше, и таково достоинство этого зрѣлища—не учиться ничему отъ людей, но отъ Бога чрезъ людей.

Итакъ, нужно изслѣдовать, кто писатель (этой книги), когда онъ написалъ, и о чемъ, и для чего постановлено читать ее въ этотъ праздникъ, потому что, можетъ быть, вы въ теченіе всего года не слышите чтенія этой книги. Подлинно, и это знать полезно, а затѣмъ нужно изслѣдовать, почему она имѣетъ такое надписаніе: *Дѣянія Апостольскія*, потому что надписаній не должно оставлять безъ вниманія и не вдругъ обращаться къ началу сочиненія, но напередъ должно разсматривать названіе книги. Какъ у насъ голова дѣлаетъ вѣдомымъ остальное тѣло, и лице, находящееся наверху, служитъ къ его открытію, такъ и надписаніе, поставленное наверху, предъ сочиненіемъ въ заглавіи его, дѣлаетъ для насъ болѣе извѣстнымъ прочее, содержащееся въ писаніи. Не видите ли и на изображеніяхъ царскихъ, какъ вверху начертывается изображеніе съ надписью царя, а внизу въ основаніи пишутся трофеи, побѣды, подвиги? Тоже можно видѣть и въ писаніяхъ. Вверху начертано царское изображеніе, а внизу написаны побѣды, трофеи, подвиги. Такъ мы поступаемъ и тогда, когда
72 получаемъ письмо: не вдругъ разрываемъ перевязку и не тотчасъ читаемъ находящееся внутри, но напередъ обращаемъ вниманіе на внѣшнюю надпись и изъ нея узнаемъ, кто послалъ и кому слѣдуетъ получить. Какъ же, не безразсудно ли въ дѣлахъ житейскихъ оказывать такое усердіе, и не возмущаться, и не тревожиться, но дѣлать каждое дѣло по порядку, а здѣсь негодовать и спѣшить скорѣе приступить къ началу? Хотите ли знать, сколько силы въ надписаніи, сколько важности, какое сокровище находится въ заглавіяхъ писаній? Послушайте, чтобы вамъ не пренебрегать надписаніемъ божественныхъ книгъ. Нѣкогда Павелъ пришелъ въ Аѳины. Въ этой самой книгѣ написано повѣствованіе объ этомъ. Онъ нашелъ въ городѣ не божественную книгу, а идольскій жертвенникъ; нашелъ и надпись слѣдующую: *невѣдомому Богу*, и не прошелъ мимо, но чрезъ надпись жертвенника ниспровергъ самый жертвенникъ (Дѣян. XVII, 23). Такъ святый Павелъ, имѣвшій благодать Духа, не прошелъ мимо надписи жертвенника, а ты не обращаешь вниманія на надписи Писаній? Онъ не оставилъ безъ вниманія того, что написали аѳиняне идолопоклонники, а ты не считаешь необходимымъ того, что написалъ Духъ Святый? Какое же ты можешь имѣть оправданіе? Но посмотримъ, сколь великая польза бываетъ отъ надписи. Когда ты увидишь, что такую силу оказала надпись, начертанная на жертвенникѣ, то поймешь, что гораздо больше могутъ значить надписи божественныхъ Писаній. Павелъ вошелъ въ городъ и

нашелъ жертвенникъ, на которомъ было написано: *невѣдомому Богу*. Что нужно было дѣлать? Жители всѣ были язычники, всѣ нечестивые. Что же слѣдовало дѣлать? Говорить изъ Евангелій? Но они стали бы насмѣхаться. Изъ пророческихъ писаній и изъ закона? Но они не повѣрили бы. Что же онъ сдѣлалъ? Онъ прибѣгнулъ къ жертвеннику и оружіемъ враговъ побѣдилъ ихъ самихъ. Здѣсь исполнилось то, что онъ говоритъ: *всѣмъ быхъ вся, іудеемъ, яко іудей, беззаконнымъ, яко беззаконенъ* (1 Кор. IX, 20—23). Онъ увидѣлъ жертвенникъ, увидѣлъ надпись, и возсталъ духомъ. Такова благодать Духа; она производитъ то, что получившіе ее отвсюду извлекаютъ пользу; таково наше оружіе духовное, *плѣняюще*, говоритъ онъ, *всякъ разумъ въ послушаніе Христово* (2 Кор. X, 5). Итакъ, онъ увидѣлъ жертвенникъ и не устрашился, но обратилъ жертвенникъ въ свою пользу, или—лучше—оставивъ письмена, измѣнилъ ихъ смыслъ. Какъ военачальникъ на войнѣ, увидѣвъ въ отрядѣ непріятелей храбраго воина и потомъ взявъ этого воина за волосы, переставилъ бы его въ свой отрядъ и заставилъ бы сражаться за себя, такъ сдѣлалъ и Павелъ: нашедши надпись, начертанную на жертвенникѣ, какъ бы въ отрядѣ непріятелей, онъ перевелъ ее въ свой отрядъ, чтобы она вмѣстѣ съ Павломъ воевала противъ аѳинянъ, а не дѣйствовала вмѣстѣ съ аѳинянами противъ Павла, потому что эта надпись была мечемъ аѳинянъ, была копьемъ непріятелей, но этотъ самый мечъ отсѣкъ непріятелямъ голову. Не было бы такъ удивительно, если бы онъ побѣдилъ собственнымъ своимъ оружіемъ, потому что это понятно; а то ново и необыкновенно, когда оружіе непріятелей и ихъ злоухищренія обращаются противъ непріятелей, когда мечъ, который они заносятъ на насъ, наноситъ имъ самимъ смертельную рану.

4. Такова сила Духа. Такъ поступилъ нѣкогда и Давидъ. 73
Онъ вышелъ безъ оружія, чтобы ясно открылась благодать Божія. Пусть, говоритъ, не будетъ ничего человѣческаго, когда за насъ ратоборствуетъ Богъ. Итакъ, онъ вышелъ безъ оружія—и ниспровергъ ту башню. Затѣмъ, такъ какъ не имѣлъ оружія, онъ подбѣжалъ и схватилъ мечъ Голіаѳа, и такимъ образомъ отсѣкъ голову иноплеменнику. Такъ поступилъ и Павелъ съ этою надписью. А чтобы способъ его побѣды сдѣлался болѣе яснымъ, я раскрою вамъ силу надписи. Итакъ, Павелъ нашелъ въ Аѳинахъ жертвенникъ, на которомъ было написано: *невѣдомому Богу*. Кто же былъ этотъ невѣдомый, какъ не Христосъ? Видишь ли, какъ онъ *плѣнилъ* эту надпись, не во вредъ написавшимъ, а на спасеніе имъ и пользу? Что же, скажутъ, неужели аѳиняне написали ее для Христа? Если бы аѳиняне написали ее для

Христа, то это не было бы такъ удивительно; а то удивительно, что они написали въ одномъ смыслѣ, а онъ могъ дать тому же самому другой смыслъ. Прежде всего необходимо сказать, почему аѳиняне написали: *невѣдомому Богу.* Почему же они написали? Они имѣли много боговъ, или—вѣрнѣе—много бѣсовъ, потому что *вси бози языкъ бѣсове* (Псал. xcv, 5). Они имѣли боговъ и отечественныхъ и чужеземныхъ. Видите, какъ это смѣшно. Если Богъ есть, то онъ не можетъ быть чужеземнымъ, потому что Онъ владыка всей вселенной. Итакъ, однихъ изъ боговъ они приняли отъ отцевъ, другихъ отъ сосѣднихъ народовъ, какъ-то: отъ скиѳовъ, отъ ѳракійцевъ, отъ египтянъ, и если бы вы были свѣдущи во внѣшней наукѣ, то я разсказалъ бы вамъ всѣ эти повѣсти. Поэтому, такъ какъ они не всѣхъ боговъ приняли съ самаго начала, но мало по малу боги были вводимы у нихъ, одни отъ предковъ, а другіе при собственномъ ихъ поколѣніи, то, собравшись, они сказали другъ другу: какъ этихъ мы не знали, а потомъ впослѣдствіи приняли и признали, такъ можетъ случиться, что есть иной невѣдомый, Богъ истинный, но неизвѣстный намъ, который по этому незнанію нашему пренебрегается нами и не почитается. Что же вышло? Они поставили жертвенникъ и написали; *невѣдомому Богу,* выражая надписью слѣдующее: если есть какой другой Богъ, еще неизвѣстный намъ, то мы будемъ почитать и Его. Посмотри на крайнее суевѣріе. Поэтому и Павелъ въ началѣ рѣчи сказалъ: *по всему зрю вы аки благочестивыя* (Дѣян. xvii, 22), потому что вы почитаете не только извѣстныхъ вамъ боговъ, но и еще неизвѣстныхъ вамъ. Они по сказанной причинѣ написали: *невѣдомому Богу,* а Павелъ такъ объяснилъ это. Они сказали это о другихъ богахъ, а онъ обратилъ то же самое ко Христу, плѣнивъ смыслъ (надписи) и поставивъ ее съ собою въ свой отрядъ: *его же убо,* говоритъ, *невѣдуще чтете вы, сего азъ проповѣдую* (Дѣян. xvii, 23), потому что невѣдомый Богъ есть никто другой, какъ Христосъ. И посмотри на его благоразуміе духовное. Они могли обвинять его такъ: ты предлагаешь слуху нашему странное ученіе, вносишь новости, вводишь Бога, котораго мы не знаемъ. Поэтому, желая отклонить подозрѣніе въ нововведеніи и показать, что онъ проповѣдуетъ не новаго Бога, но того, котораго они еще прежде почитали служеніемъ, онъ прибавилъ: *егоже невѣдуще чтете, сего азъ проповѣдую вамъ.* Вы, говоритъ, предупредили меня; ваше богопочитаніе
74 предварило мою проповѣдь. Не обвиняйте же, будто я ввожу новаго Бога; я возвѣщаю Того, Котораго вы не зная почитаете, хотя недостойнымъ Его образомъ, однако почитаете, потому что для Христа не такой ставится жертвенникъ, а одушевленный и духовный; но я могу возвести васъ отъ этого и къ тому. Такъ и іудеи

нѣкогда почитали Бога, но потомъ отстали отъ чувственнаго богопочитанія, и перешли къ духовному, увѣровавъ всѣ. Видишь ли мудрость Павла? Видишь ли его благоразуміе? Видишь ли, какъ онъ одержалъ надъ ними побѣду не посредствомъ евангельскихъ изреченій или апостольскихъ, но посредствомъ надписи? Не оставляй же безъ вниманія, возлюбленный, надписанія божественныхъ изреченій. Если ты будешь внимателенъ и осмотрителенъ, то и въ постороннемъ найдешь нѣчто полезное; а если будешь нерадивъ и безпеченъ, то и отъ божественныхъ Писаній не будетъ тебѣ никакой пользы. Какъ умѣющій извлекать выгоду отвсюду извлекаетъ ее, такъ не умѣющій, хотя бы нашелъ сокровище, остается ни съ чѣмъ. Хотите ли, я представлю вамъ и другой подобный примѣръ того, какъ нѣкто говорилъ въ иномъ смыслѣ, а евангелистъ обратилъ силу сказаннаго въ свою пользу? Слушайте же внимательно, чтобы вамъ уразумѣть, какъ и онъ плѣнилъ смыслъ (рѣчи) въ послушаніе Христово, чтобы вамъ узнать, что, если мы можемъ плѣнять себѣ чужое, то тѣмъ болѣе, трудясь надъ собственнымъ, получимъ пользу. Первосвященникомъ въ въ тотъ годъ былъ Каіафа. И это было слѣдствіемъ нечестія іудеевъ, потому что они унизили достоинство священства, сдѣлавъ первосвященниковъ продажными. А прежде не было такъ, но только лишь со смертію оканчивалось священство первосвященника; тогда же и живые лишаемы были этой чести. Итакъ, первосвященникомъ въ тотъ годъ былъ Каіафа, который вооружалъ іудеевъ противъ Хриcта и говорилъ, что ему должно умереть, хотя не могъ обвинить Его ни въ чемъ, но бывъ снѣдаемъ завистію. Такова зависть: такъ воздаетъ она за благодѣянія! Поэтому, приводя и причину злоумышленія, онъ говорилъ: *уне есть, да единъ человѣкъ умретъ, а не весь языкъ погибнетъ* (Іоан. XI, 50). Посмотри, какъ сила этого изреченія была на нашей сторонѣ, дабы тебѣ уразумѣть, что, хотя это были слова священника, но смыслъ ихъ могъ сдѣлаться духовнымъ. *Уне есть, да единъ человѣкъ умретъ, а не весь языкъ погибнетъ. Сего же о себѣ не рече*, говоритъ евангелистъ, а потому, что былъ архіерей *лѣту тому, прорече*, что Христу должно умереть не только за іудеевъ, но и за всѣ народы (Іоан. XI, 51); поэтому онъ и сказалъ, что *уне есть, да единъ человѣкъ умретъ, а не весь языкъ погибнетъ*. Видишь ли силу Божію, какъ она заставляетъ языкъ враговъ говорить за истину?

5. Итакъ о томъ, чтобы не оставлять безъ вниманія надписей божественныхъ Писаній, довольно сказано, если вы будете помнить. Еще хотѣлъ бы я сказать, кто писатель этой книги, когда и для чего онъ написалъ ее. Но пока удержимъ въ памяти сказанное, а это отложимъ на слѣдующій день, если Богу будетъ угодно. Я хочу

75 наконецъ обратить рѣчь къ новопросвѣщеннымъ. Новопросвѣщенными же я называю не тѣхъ только, которые крещены за два, за три, или за десять дней, но и за годъ, и больше того, потому что и ихъ можно такъ назвать. Если мы будемъ оказывать великое попеченіе о своей душѣ, то можно быть новопросвѣщенными и по прошествіи десяти лѣтъ, если мы сохранимъ обновленіе, доставленное намъ крещеніемъ, потому что не время дѣлаетъ новопросвѣщеннымъ, а чистая жизнь. А невнимательный можетъ и чрезъ два дня потерять достоинство этого названія. Я приведу вамъ и примѣръ того, какъ новопросвѣщенный вскорѣ, чрезъ два дня, потерялъ и благодать и честь новопросвѣщеннаго, а приведу примѣръ для того, чтобы вы, видя паденіе, берегли собственное спасеніе, потому что примѣромъ не устоявшихъ только, но и падшихъ, вамъ нужно исправляться и назидаться. Симонъ волхвъ, говорится въ Писаніи, обратился и, принявъ крещеніе, оставался при Филиппѣ, взирая на знаменія; но спустя не много дней, возвратился къ своему нечестію и за деньги хотѣлъ купить спасеніе. Что же сказалъ Петръ этому новопросвѣщенному? *Въ желчи горести и союзъ неправды зрю тя суща: молися Богу, аще убо отпустится ти* это нечестіе (Дѣян. VIII, 23. 22). Еще не вышелъ онъ на подвиги, и уже палъ непростительнымъ паденіемъ. Итакъ, какъ чрезъ два дня можно пасть и потерять названіе и благодать новопросвѣщеннаго, такъ и спустя десять лѣтъ, и двадцать, и даже до послѣдняго дня можно сохранить это свѣтлое и почтенное имя и состояніе. Свидѣтель этому апостолъ Павелъ, который въ старости просіялъ еще болѣе. Такъ какъ это обновленіе происходитъ не отъ природы, но въ выборѣ того или другого состоянія мы сами властны, то отъ насъ зависитъ и состарѣвшись остаться юными. Что касается тѣла, то хотя бы иной употреблялъ всѣ усилія, хотя бы принималъ всѣ мѣры, и не изнурялъ его, оставлялъ его дома, не обременялъ его трудами и постоянными работами, при всемъ томъ по закону природы непремѣнно постигнетъ его старость; а съ душею не такъ: если ты не будешь изнурять ее и истощать житейскими трудами и мірскими заботами, то она навсегда остается свѣтлою, сохраняя юность. Не видите ли вы эти звѣзды на небесахъ? Уже шесть тысячъ лѣтъ онѣ свѣтятъ намъ, и ни одна изъ нихъ не сдѣлалась темнѣе. Если же тамъ, гдѣ дѣйствуетъ природа, столь долго остается свѣтъ непомраченнымъ, то не гораздо ли болѣе тамъ, гдѣ дѣйствуетъ воля, свѣтлость можетъ остаться такою же, какъ она сіяла вначалѣ? Или лучше, если мы захотимъ, то она не только останется такою, но и сдѣлается еще свѣтлѣе, такъ что сравнится съ самими лучами солнечными.

Хочешь ли знать, какъ можно быть новопросвѣщеннымъ и спустя много времени? Послушай, что̀ говоритъ Павелъ къ людямъ, крещеннымъ за много времени предъ тѣмъ. *Въ нихъ же являетеся, якоже свѣтила въ мірѣ, слово животно придержаще въ похвалу мнѣ* (Филип. II, 15. 16). Вы сняли съ себя старую, разодранную одежду, помазались духовнымъ мvромъ, всѣ сдѣлались свободными; пусть же никто не возращается къ прежнему рабству; ваши дѣла — борьба и подвигъ.

Никто изъ рабовъ не подвизается, никто изъ слугъ не ведетъ ратоборства; но если найденъ будетъ какой-нибудь рабъ, то съ наказаніемъ исключается изъ числа воиновъ. И не только въ воинскомъ дѣлѣ, но и на олимпійскихъ играхъ господствуетъ такой же обычай. Спустя тридцать дней, проведенныхъ здѣсь, борцовъ выводятъ и обводятъ по предмѣстіямъ города, и когда всѣ зрители сядутъ на зрѣлищѣ, то провозвѣстникъ возглашаетъ: не можетъ ли кто обвинить этого въ чемъ-нибудь? Когда такимъ образомъ онъ будетъ избавленъ отъ всякаго подозрѣнія въ рабствѣ, тогда и выступаетъ на подвиги. Если же діаволъ не допускаетъ рабовъ на свои подвиги, то какъ ты, будучи рабомъ грѣха, осмѣливаешься выступать на подвиги Христовы? Тамъ провозвѣстникъ говоритъ: не можетъ ли кто обвинить этого въ чемъ-нибудь; а здѣсь Христосъ не такъ говоритъ, но хотя бы всѣ обвиняли человѣка прежде его крещенія, Онъ говоритъ: Я приму его, освобожу отъ рабства и, сдѣлавъ свободнымъ, выведу на подвиги. Видишь человѣколюбіе Подвигоположника? Онъ не изслѣдываетъ прежняго, но требуетъ отчета въ послѣдующемъ. Когда ты былъ рабомъ, то имѣлъ безчисленное множество обвинителей: совѣсть, грѣхи, всѣхъ бѣсовъ; но никто изъ нихъ, говоритъ Онъ, не возбудилъ Меня противъ тебя, и Я не призналъ тебя недостойнымъ Моихъ подвиговъ, но допустилъ къ борьбѣ—не за твое достоинство, а по Моему человѣколюбію; не отступай же и подвизайся, хотя бы нужно было бѣгать, хотя бы вступать въ рукопашный бой, хотя бы испытывать всѣ виды ратоборства,—и не скрытно, не тщетно, не напрасно. Послушай, какъ поступилъ Павелъ: лишь только вышелъ изъ воды, тотчасъ послѣ крещенія онъ началъ подвизаться, проповѣдывалъ, что *сей есть Сынъ Божій* (Дѣян. IX, 22), и съ перваго же дня приводилъ іудеевъ въ смущеніе. Но ты не можешь проповѣдывать, не имѣешь дара учительства? Поучай дѣлами и поведеніемъ, свѣтомъ дѣяній. *Да просвѣтится*, сказалъ Господь, *свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. V, 16). Не можешь приводить іудеевъ въ смущеніе словами? Сдѣлай, чтобы они приходили въ смущеніе отъ твоего поведенія, сдѣлай, чтобы

и язычники пришли въ смущеніе отъ твоей перемѣны. Когда они увидятъ, что тотъ, который прежде былъ распутнымъ, порочнымъ, безпечнымъ, развратнымъ, вдругъ перемѣнился, и послѣ благодатнаго измѣненія показываетъ перемѣну въ поведеніи, то не придутъ ли они въ смущеніе и не скажутъ ли, какъ говорили нѣкогда іудеи о слѣпомъ: *не сей ли есть, сей есть, онъ же есть* (Іоан. іх, 8, 9)? Это—слова людей, приведенныхъ въ смущеніе, которые сомнѣваются въ извѣстномъ имъ, разногласятъ съ самими собою, не вѣрятъ собственному сознанію и собственнымъ глазамъ. Тотъ избавился отъ слѣпоты тѣлесной, а ты избавился отъ слѣпоты душевной; тотъ сталъ смотрѣть на это солнце, а ты взирай на Солнце правды. Ты позналъ Владыку: дѣлай же достойное этого знанія, чтобы тебѣ получить и царство небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, слава, честь, держава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

въ собраніи, бывшемъ чрезъ нѣсколько времени въ древней церкви, на надписаніе Дѣяній Апостольскихъ, и о томъ, что добродѣтельная жизнь полезнѣе знаменій и чудесъ, и чѣмъ отличается дѣятельность отъ знаменій.

77 1. Послѣ долгаго времени опять мы возвратились къ нашей матери, къ этой вожделѣнной и любезной для всѣхъ церкви, къ матери нашей всѣхъ и церквей. Подлинно, она—мать не только потому, что старше другихъ по времени, но и потому, что основана руками апостольскими. Бывъ часто разрушаема за имя Христово, она опять была возстановляема силою Христовою, потому что не апостольскія только руки основали ее, но и изреченіе Владыки апостоловъ оградило ее новымъ и необыкновеннымъ способомъ огражденія. Не дерева и камни Онъ сложилъ, чтобы построить ея ограду; не проводилъ рва извнѣ, не вколачивалъ свай и не воздвигалъ башенъ, чтобы обезопасить ее; но изрекъ только два простыхъ слова—и этого достаточно было для нея вмѣсто стѣны, башни, рва и всякаго укрѣпленія. Какія же это слова, въ которыхъ заключается такая сила? *На семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Мат. xvi, 18). Вотъ стѣна, вотъ ограда,

вотъ укрѣпленіе, вотъ пристань и прибѣжище! Несокрушимость этой стѣны ты можешь видѣть изъ слѣдующаго. Христосъ не сказалъ, что только нападенія людей не одолѣютъ ея, но и самыя злоухищренія ада: *врата адова*, говоритъ, *не одолѣютъ ей*. Не сказалъ: не будутъ нападать на нее, но: *не одолѣютъ ей*,—будутъ нападать, но не побѣдятъ ея. А что значитъ: *врата адова?* Можетъ быть, это выраженіе не ясно. Разсмотримъ, что такое ворота города, и тогда узнаемъ, что такое *врата адова*. Воротами города называется входъ въ городъ; слѣдовательно и *врата адова* есть опасность, ведущая въ адъ. Такимъ образомъ, смыслъ словъ Его слѣдующій: хотя бы устремились и напали такія опасности, которыя въ состояніи увлечь насъ въ самый адъ, церковь останется непоколебимою. Онъ могъ не допустить, чтобы церковь испытывала бѣдствія: почему же допустилъ? Потому, что гораздо важнѣе допустить искушенія и сдѣлать, чтобы отъ нихъ не происходило никакого зла, нежели не допускать ихъ. Поэтому Онъ допустилъ всѣ искушенія, чтобы сдѣлать ее опытнѣйшею, такъ какъ *скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство* (Рим. v, 3, 4). А чтобы больше показать свою силу, Онъ исторгаетъ ее изъ самыхъ вратъ смерти. Для того Онъ и допустилъ быть бурѣ, но не допустилъ, чтобы утопала ладья. Такъ и кормчему удивляемся мы не тогда, когда онъ спасаетъ ладью, плывя съ попутнымъ вѣтромъ, или когда вѣтеръ дуетъ противъ кормы корабля, но тогда, когда море бушуетъ, волны ярятся, буря свирѣпствуетъ, а онъ, противопоставивъ стремленію вѣтровъ свое искусство, избавляетъ корабль отъ этой бури. 78
Такъ сдѣлалъ и Христосъ. Пустивъ Церковь носиться по вселенной, какъ корабль по морю, Онъ не уничтожилъ волненія, но избавилъ ее среди волненія, не утишилъ море, но обезопасилъ корабль; тогда какъ вездѣ возставали народы, подобно яростнымъ волнамъ, и злые духи нападали на нее, какъ буйные вѣтры, и со всѣхъ сторонъ поднималась буря, Онъ доставлялъ Церкви великую тишину; и, что поистинѣ удивительно, не только буря не потопила корабля, но еще корабль укротилъ бурю: непрестанныя гоненія не только не потопили Церкви, но сами сокрушились о Церковь. Какъ, какимъ образомъ и отъ чего? Отъ того изреченія, въ которомъ сказано: *врата адова не одолѣютъ ей*. Сколько усилій употребляли язычники, чтобы упразднить это слово, чтобы сдѣлать безсильнымъ это изреченіе, и не могли уничтожить его? Потому что это — изреченіе Божіе. Какъ на башню, построенную изъ адамантовыхъ камней и твердо связанную желѣзомъ, нападая со всѣхъ сторонъ, враги не могутъ ни пошатнуть зданія, ни разрушить его связей, но удаляются, нисколько не повредивъ башни и не причинивъ никакого зла, а только истощивъ собственныя силы, такъ

точно и на это изреченіе, какъ бы на высокую башню, крѣпко сооруженную среди вселенной, со всѣхъ сторонъ нападали язычники, но только обнаружили его крѣпость, а сами, истощивъ силы свои, умерли. Какихъ, въ самомъ дѣлѣ, злоумышленій не дѣлали они противъ этого изреченія? Выходили войска, поднималось оружіе, вооружались цари, волновались народы, возставали города, раздражались судіи, придумывались всякаго рода казни, не опущенъ ни одинъ видъ наказанія: и огонь, и желѣзо, и зубы звѣрей, и низверженіе со скалъ, и потопленіе, и пучина, и дерево, и крестъ, и печь, и всѣ, какія когда-либо виданы мученія, были употреблены въ дѣло; невыразимое множество угрозъ, неисчислимыя обѣщанія почестей, чтобы первыми устрашить, а послѣдними ослабить и обольстить. Не опущенъ былъ ни одинъ видъ обольщенія и насилія. Отцы предавали дѣтей, и дѣти отказывались отъ отцевъ, матери забывали о болѣзняхъ дѣторожденія, и нарушались законы природы. Но основанія Церкви и тогда не поколебались, и хотя война поднимаема была со стороны самыхъ
79 близкихъ, однако не коснулась ея стѣнъ, по тому же изреченію: *врата адова не одолѣютъ ей*. Не смотри, что это — слова; но они — слова Божіи. Словомъ Богъ утвердилъ небо и словомъ основалъ землю на водахъ (Псал. xxxii, 6. ciii, 5), устроивъ такъ, что вещество твердое и тяжелое держится на легкомъ и жидкомъ, и море, неудержимое въ ярости и поднимающееся такими волнами, словомъ оградилъ Онъ со всѣхъ сторонъ слабою стѣною, — пескомъ. Итакъ, чему ты удивляешься, если Тотъ, Кто словомъ утвердилъ небо, основалъ землю и положилъ предѣлъ морю, тѣмъ же словомъ оградилъ Церковь, которая драгоцѣннѣе неба, и земли, и моря?

2. Но, когда зданіе столь непоколебимо, стѣна столь неразрушима, то посмотримъ, какъ апостолы полагали основанія, сколь глубокій выкапывали ровъ, чтобы зданіе было непоколебимо. Они не выкапывали въ глубину; въ такомъ трудѣ они не имѣли нужды. Почему? Потому, что нашли прежнее, древнее основаніе, положенное пророками. Какъ человѣкъ, намѣревающійся построить большой домъ, нашедши старое основаніе, крѣпкое и непоколебимое, не разбираетъ этого основанія, не трогаетъ камней, но, оставивъ его неподвижнымъ, на немъ и воздвигаетъ новое и позднѣйшее зданіе, такъ и апостолы, намѣреваясь созидать это великое зданіе,—основанную по всей вселенной церковь,—не выкапывали въ глубину, а нашедши древнее основаніе, положенное пророками, не разбирали его, не трогали ихъ зданія и ученія, но оставивъ его неподвижнымъ, на немъ воздвигли свое ученіе, эту новую вѣру Церкви. А чтобы ты убѣдился, что они не трогали древняго осно-

ванія, но на немъ созидали, послушай самого премудраго строителя, Павла, который въ точности объясняетъ намъ это строеніе, потому-что онъ есть премудрый строитель: *яко премудръ архитектонъ*, говоритъ онъ, *основаніе положихъ* (I Кор. III, 10). Посмотримъ же, какъ полагалъ онъ основаніе. На другомъ, говоритъ онъ, древнемъ основаніи, положенномъ пророками. Откуда это видно? *Ктому нѣсте странни, но сожителе святымъ, наздани бывше на основаніи апостолъ и пророкъ* (Еф. II, 19, 20). Видишь ли основаніе и основаніе, одно—отъ пророковъ, а другое—отъ апостоловъ, положенное сверху? И то удивительно, что апостолы пришли не тотчасъ послѣ пророковъ, но спустя много времени. Почему? Потому, что такъ поступаютъ отличнѣйшіе изъ строителей: когда они положатъ основаніе, то не тотчасъ воздвигаютъ на немъ зданіе, чтобы неотвердѣвшее и недавно построенное основаніе не оказалось неспособнымъ вынести тяжесть стѣнъ. Поэтому они даютъ много времени камнямъ окрѣпнуть, и уже тогда, когда увидятъ, что камни хорошо скрѣпились, воздвигаютъ на нихъ и тяжелыя стѣны. Такъ сдѣлалъ и Христосъ: Онъ далъ основанію пророческому окрѣпнуть въ душахъ слушателей и ученію ихъ утвердиться, и когда увидѣлъ, что зданіе непоколебимо и священное ученіе внѣдрено такъ, что можетъ выдержать новое любомудріе, 80
тогда послалъ апостоловъ—воздвигнуть стѣны церкви на основаніи пророковъ. Поэтому апостолъ не сказалъ: построенные (οἰκοδομηθέντες) на основаніи пророковъ, но *наздани* (ἐποικοδομηθέντες), построенные сверху. Построимъ же, какъ они были *наздани*.

Но откуда мы узнаемъ это? Откуда, какъ не изъ книги Дѣяній, о которой мы и въ предыдущіе дни бесѣдовали съ вами? Кажется, тогда остался за нами небольшой долгъ, который нужно уплатить вамъ сегодня. Какой этотъ долгъ? Мы должны истолковать самое надписаніе книги, потому что оно не просто и не ясно, какъ думаютъ многіе, но требуетъ истолкованія. Какое же надписаніе книги? *Дѣянія Апостоловъ*. Не кажется ли оно яснымъ? Не кажется ли извѣстнымъ и очевиднымъ для всѣхъ? Но если вы вникнете въ эти слова, то вы увидите, какая глубина въ этомъ надписаніи. Почему писатель не сказалъ: *чудеса* апостоловъ? Почему не надписалъ: *знаменія* апостоловъ или: *силы и чудотворенія* апостоловъ, но: *Дѣянія Апостоловъ?* Не одно и то же—дѣянія и знаменія; не одно и то же—дѣянія и чудеса; не одно и то же—дѣянія, чудотворенія и силы; но великая разность между тѣми и другими. Дѣяніе есть дѣло собственнаго усердія, а чудо есть даръ божественной благодати. Видишь ли, какое различіе между дѣяніемъ и чудомъ? Дѣяніе есть плодъ человѣческихъ трудовъ, а чудо есть знакъ божественнаго дарованія; дѣяніе беретъ свое на-

чало отъ нашего произволенія, а чудо имѣетъ своимъ источникомъ благодать Божію; послѣднее—отъ горней помощи, а первое—отъ дольняго расположенія. Дѣяніе слагается изъ того и другого, и изъ нашего усердія и изъ божественной благодати, а чудо проявляетъ одну только вышнюю благодать, нисколько не имѣя нужды въ нашихъ трудахъ. Дѣяніе состоитъ въ томъ, чтобъ быть кроткимъ, цѣломудреннымъ, умѣреннымъ, обуздывать гнѣвъ, побѣждать похоть, подавать милостыню, являть человѣколюбіе, упражняться во всякой добродѣтели; это—дѣяніе, трудъ, усиліе наше. А чудо состоитъ въ томъ, чтобы прогонять бѣсовъ, отверзать очи слѣпымъ, очищать тѣла прокаженныхъ, укрѣплять разслабленные члены, воскрешать мертвыхъ и совершать другія подобныя чудотворенія. Видишь ли, какое различіе между дѣяніями и чудесами, дѣятельностію и знаменіями, нашимъ усердіемъ и Божіею благодатію?

3. Хочешь ли, я покажу тебѣ и другое различіе? Ради васъ я сегодня предлагаю это слово, чтобы вы узнали, что такое чудо и знаменіе. Чудо—больше и страшнѣе, и оно превосходитъ наше естество, а дѣяніе и образъ жизни, хотя меньше знаменій, но полезнѣе и плодотворнѣе, потому что воздаяніе бываетъ за труды и награда—за усердіе. И чтобы тебѣ убѣдиться, что дѣяніе плодотворнѣе и полезнѣе знаменія, вспомни, что добрая дѣятельность и безъ знаменій возводила совершавшихъ ее на небо, а чудеса и знаменія безъ доброй жизни не могли довести даже до преддверія къ нему. А какъ это, я покажу, вы же замѣчайте, какъ дѣянія
81 имѣютъ преимущество при раздаяніи наградъ, какъ знаменія сами по себѣ не спасаютъ тѣхъ, которые совершаютъ ихъ, а дѣяніе само по себѣ, безъ всего другого, доставляетъ спасеніе совершающимъ его. *Мнози рекутъ Мнѣ*, говоритъ Христосъ, *въ онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ?* Это — знаменіе и чудо. *Не Твоимъ ли именемъ бѣсы многи изгонихомъ, и силы многи сотворихомъ?* Видишь ли во всемъ этомъ знаменія и чудеса? Посмотримъ же, что говоритъ Богъ. Такъ какъ здѣсь одни только чудеса, и никакихъ добрыхъ дѣлъ, то *отъидите*, говоритъ Онъ, *отъ Мене, не вѣмъ васъ, дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. VII, 22, 23). Но если Ты не знаешь ихъ, то какъ знаешь, что они дѣлали беззаконіе? Такъ сказалъ Онъ, дабы ты зналъ, что слова: *не вѣмъ васъ*, означаютъ не незнаніе, но отчужденіе и отвращеніе. *Не вѣмъ васъ*. За что же, скажи мнѣ? *Не Твоимъ ли именемъ бѣсы изгонихомъ?* За то, говоритъ Онъ, Я чуждаюсь и отвращаюсь отъ васъ, что вы и при дарованіяхъ не сдѣлались лучшими, что вы, получивъ такую честь, остались при томъ же нечестіи. *Отъидите отъ Мене, не вѣмъ васъ.*

Что же? Неужели въ древности недостойные получали дарованія, и развратные по жизни совершали знаменія и удостоивались божественныхъ даровъ, не заботясь о добродѣтельной жизни? Получали по человѣколюбію Божію, а не по собственному достоинству. Тогда нужно было, чтобы ученіе благочестія посѣяно было вездѣ, потому что было начало и первые опыты вѣры. Какъ превосходный земледѣлецъ прилагаетъ великое попеченіе о новонасажденномъ деревѣ, которое недавно посадилъ онъ въ нѣдра земли и которое еще нѣжно, окапывая его со всѣхъ сторонъ, ограждая и камнями и терніемъ, чтобы оно не было вырвано вѣтрами, или испорчено животными, или не потерпѣло вреда отъ чего-нибудь другого, а когда увидитъ, что оно и укрѣпилось и поднялось въ высоту, то отнимаетъ ограды, потому что само дерево уже въ состояніи защитить себя отъ всякаго подобнаго вреда,—такъ было и съ вѣрою. Когда она была новонасажденною, когда она была нѣжною, когда она еще недавно насаждена была въ душахъ людей, то со всѣхъ сторонъ окружена была великими попеченіями; а когда она укрѣпилась, укоренилась и поднялась въ высоту, когда наполнила всю вселенную, тогда, наконецъ, Христосъ отнялъ ограды и уничтожилъ подпорки. Поэтому вначалѣ и недостойнымъ были подаваемы дарованія, потому что въ древности для вѣры нужна была эта помощь; теперь же и достойнымъ они не даются, потому что сила вѣры уже не имѣетъ нужды въ такой помощи. А дабы тебѣ убѣдиться, что и тѣ не ложно, но дѣйствительно совершали знаменія, и что дарованія были подаваемы и недостойнымъ людямъ, для того, чтобы, кромѣ вышесказаннаго, достигалась и другая цѣль, чтобы они, устыдившись дара Божія, оставили свое нечестіе,—вспомни объ Іудѣ, одномъ изъ двѣнадцати апостоловъ. Всѣ признаютъ, что онъ совершалъ знаменія, изгонялъ бѣсовъ, воскрешалъ мертвыхъ, очищалъ прокаженныхъ,
и однако онъ лишился царства небеснаго. Знаменія не могли 82
спасти его, потому что онъ былъ разбойникъ, воръ и предатель Господа. Это доказываетъ, что знаменія, безъ добраго поведенія, безъ жизни чистой и строгой, не могутъ спасти; а что добрая жизнь, не получающая утѣшенія отъ знаменій, и безъ ихъ помощи, сама по себѣ, можетъ съ дерзновеніемъ вводить людей въ царство небесное, о томъ послушай самого Христа, который говоритъ: *пріидите, благословеннiи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мате. xxv, 34). За что? За то, что они воскрешали мертвыхъ, очищали прокаженныхъ, изгоняли бѣсовъ? Нѣтъ; а за что? Вы видѣли Меня, говоритъ Онъ, *алчуща, и напитали, жаждуща, и напоисте Мя, нага, и одѣясте Мя, странна, и введосте* (Мате. xxv, 35, 36). Никакихъ чудесъ, а все добрыя

дѣла. Такимъ образомъ, какъ тамъ одни только чудеса, и тотчасъ наказаніе, потому что чудеса были безъ добрыхъ дѣлъ, такъ здѣсь одни только дѣла, а никакихъ чудесъ, и тотчасъ спасеніе, потому что добрыя дѣла сами по себѣ могутъ спасти тѣхъ, которые имѣютъ ихъ. Вотъ почему и этотъ блаженный, доблестный и дивный Лука надписалъ свою книгу: *Дѣянія Апостоловъ*, а не чудеса апостоловъ, хотя они совершали и чудеса. Чудеса были въ свое время и прошли, а дѣянія во всякое время должны оказывать всѣ, желающіе спастись. А такъ какъ мы должны соревновать не знаменіямъ, но дѣяніямъ апостоловъ, то онъ такъ и надписалъ свою книгу. Чтобы ты не сказалъ, или лучше — чтобы не сказали лѣнивые, когда мы убѣждаемъ ихъ подражать апостоламъ и говоримъ: подражай Петру, соревнуй Павлу, будь подобнымъ Іоанну, послѣдуй Іакову,—чтобы они не сказали: мы не можемъ, мы не въ состояніи, потому что апостолы воскрешали мертвыхъ, очищали прокаженныхъ, апостолъ, обуздывая безстыдное наше оправданіе, говоритъ: умолкни, не возражай; не чудеса, а добрая жизнь вводитъ въ царство небесное.

Итакъ, подражай жизни апостоловъ—и ты будешь имѣть нисколько не меньше апостоловъ. Не знаменія сдѣлали ихъ апостолами, но чистая жизнь. А что это составляетъ отличіе апостольства и признакъ учениковъ Христовыхъ, послушай, какъ самъ Христосъ указываетъ на этотъ признакъ. Онъ, начертывая образъ учениковъ своихъ и показывая, что составляетъ отличительный признакъ апостольства, сказалъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте. О семъ*, изъ чего? Изъ того ли, чтобы творить чудеса, воскрешать мертвыхъ? Нѣтъ, говоритъ: а изъ чего? *О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35). Любовь же относится не къ чудесамъ, а къ дѣятельности, потому что *исполненіе закона любы есть* (Рим. XIII, 10). Видишь ли признакъ учениковъ Христовыхъ? Видишь ли отличіе апостольства? Видишь ли образецъ? Видишь ли начертаніе? Не ищи же ничего болѣе. Самъ Владыка изрекъ, что любовь отличаетъ учениковъ Его. Итакъ, если ты имѣешь любовь, то ты сталъ апостоломъ и даже первымъ изъ апостоловъ.

83 4. Хочешь ли узнать то же и изъ другихъ мѣстъ? Христосъ бесѣдуя съ Петромъ сказалъ: *Петре, любиши ли Мя паче сихъ* (Іоан. XXI, 15)? А для полученія царства небеснаго ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ, какъ если мы окажемся любящими Христа такъ, какъ должно любить Его. Потомъ Онъ показалъ и признакъ. Какой же именно? При какихъ дѣлахъ мы можемъ любить Христа больше апостоловъ? Мертвыхъ ли воскрешая, или совершая другія какія-либо чудеса? Нѣтъ; но что совершая? По-

слушаемъ самого предмета любви — Христа. Если ты, говоритъ Онъ, *любиши Мя паче сихъ, паси овцы моя*. Вотъ и здѣсь одобряется дѣятельность, потому что заботиться о другихъ, сострадать, предстательствовать, не искать своего, но всего того, что долженъ имѣть пастырь, все это относится къ дѣятельности, а не къ чудесамъ и не къ знаменіямъ. Но апостолы, скажешь, за чудеса сдѣлались такими? Нѣтъ, не за чудеса, а за жизнь, и ею особенно они просіяли. Поэтому Христосъ и говорилъ имъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки яко да видятъ* люди не чудеса, но *добрая дѣла ваша, и прославятъ, Отца вашего, иже на небесѣхъ*. (Матѳ. v. 16). Видишь ли, какъ вездѣ блистаетъ дѣятельность, одобряется жизнь добродѣтельная? Хочешь ли, я покажу тебѣ, что и самъ Петръ, этотъ верховный изъ апостоловъ, который явилъ и высочайшій образъ жизни, и творилъ чудеса, превышающія естество человѣческое, если сравнить то и другое—и чудеса и жизнь его, удостоился чести болѣе за жизнь, чѣмъ за знаменія? Выслушай слѣдующее событіе. *Петръ и Іоаннъ восхождаста во святилище на молитву въ часъ девятый* (Дѣян. III, 1). Не читай безъ вниманія этого повѣствованія, но остановись тотчасъ на самомъ вступленіи въ него и замѣть, какая была между ними любовь, согласіе и единодушіе, какое во всемъ имѣли они общеніе между собою, и какъ они соединены были союзомъ божественной дружбы во всѣхъ дѣлахъ, и въ трапезѣ, и въ молитвѣ, и въ хожденіи, и во всемъ прочемъ являлись вмѣстѣ другъ съ другомъ. Если же эти столпы, твердыни, имѣвшіе великое дерзновеніе предъ Богомъ, нуждались во взаимной помощи и совершали все при взаимномъ содѣйствіи, то не гораздо ли болѣе мы, слабые, бѣдные и ничтожные, имѣемъ нужду во взаимной помощи? *Братъ отъ брата помогаемъ*, говоритъ Писаніе, *яко градъ твердъ* (Притч. XVIII, 19). И еще: *се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Псал. CXXXII, 1)? Были только Петръ и Іоаннъ, но они имѣли Іисуса посреди себя: *идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое*, сказалъ Онъ, *ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII, 20). Видишь ли, какъ важно быть вмѣстѣ? Но они не просто были вмѣстѣ: и мы теперь всѣ вмѣстѣ; но должно быть вмѣстѣ посредствомъ союза любви, по расположенію воли; и какъ тѣла наши теперь находятся близъ другъ друга и соединяются въ одномъ мѣстѣ, такъ должны соединяться и сердца. *Петръ и Іоаннъ восхождаста во святилище*. Но завѣса раздралась, святое святыхъ опустѣло, поклоненіе на одномъ мѣстѣ прекращено; Павелъ взываетъ: *на всякомъ мѣстѣ воздѣвайте преподобныя руки* (1 Тимоѳ. II, 8). Для чего же они идутъ въ храмъ на молитву? Не возвратились ли они опять къ іудейской немощи? Да не будетъ; но они снисходятъ къ немощнѣйшимъ, исполняя

изреченіе Павла, въ которомъ говорится: *быхъ іудеемъ яко іудей* (1 Кор. IX, 20). Они снисходятъ къ слабымъ, чтобы тѣ не
84 оставались слабыми. А съ другой стороны тамъ собирался весь городъ. Какъ искусные рыболовы ставятъ свои сѣти въ тѣхъ заливахъ рѣкъ, въ которыхъ собирается вся рыба, чтобы легче получить добычу, такъ точно и апостолы, эти духовные рыбари, спѣшили къ тому заливу, гдѣ собирался весь городъ, чтобы тамъ раскинуть сѣть Евангелія и легче получить добычу. Такъ поступали они, подражая Учителю, потому что и Христосъ говоритъ: *по вся дни при васъ былъ въ церкви* (Мат. XXVI, 55). Для чего *въ церкви?* Чтобы обратить къ Себѣ находящихся въ церкви. Такъ и апостолы пошли какъ бы на молитву, а намѣревались сѣять тамъ ученіе. *Во святилище на молитву въ часъ девятый.* И часъ этотъ былъ избранъ ими не напрасно. Я часто говорилъ вамъ, что въ этотъ часъ отверстъ рай и разбойникъ вошелъ въ него, что въ этотъ часъ уничтожено проклятіе, принесена жертва за вселенную, разсѣянъ мракъ, возсіялъ свѣтъ и чувственный и духовный. *Въ часъ девятый.* Когда другіе спятъ глубокимъ сномъ послѣ обѣда и опьяненія, тогда они, трезвые и бодрые, пламенѣя великою ревностію, спѣшили на молитву. Если же они имѣли нужду въ молитвѣ, въ молитвѣ столь напряженной, въ молитвѣ столь усердной, они, которые имѣли такое дерзновеніе предъ Богомъ, то что̀ будемъ дѣлать мы, страждущіе безчисленнымъ множествомъ ранъ и не прилагающіе къ нимъ врачества молитвы? Великое оружіе—молитва. Хочешь ли узнать, сколь великое оружіе—молитва? Апостолы оставляли попеченіе о бѣдныхъ для того, чтобы имѣть болѣе времени для упражненія въ молитвѣ. *Поставите убо*, говорили они, *мужи отъ васъ свидѣтельствовани седмь: мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ* (Дѣян. VI, 3).

5. Но, какъ я сказалъ,—не будемъ уклоняться отъ предмета, именно, что Петръ и показалъ дѣятельность и творилъ чудеса, и болѣе заслужилъ похвалу за дѣла,—онъ вошелъ во святилище помолиться; и вотъ тамъ хромой отъ чрева матери своей, котораго приносили къ дверямъ храма (Дѣян. III, 2). Отъ самаго рожденія составъ его былъ поврежденъ, и болѣзнь была выше врачебнаго искусства, чтобы тѣмъ болѣе открылась благодать Божія. Итакъ, этотъ хромой лежалъ при дверяхъ храма, и, увидѣвъ входящихъ апостоловъ, обратился къ нимъ, желая получить отъ нихъ милостыню. Что же Петръ? *Воззри на ны*, говоритъ онъ (Дѣян. III, 4). Достаточно взгляда, чтобы удостовѣриться въ бѣдности; не нужно ни словъ, ни доказательствъ, ни отвѣта, ни объясненія; одежда уже показываетъ тебѣ неимущаго. Вотъ это всецѣло дѣло апостольства—говорить бѣдному такъ, чтобы не отъ бѣдности только из-

бавить его, но и внушить ему: ты увидишь большее богатство. *Сребра*, говоритъ, *и злата нѣсть у мене: но еже имамъ, сіе ти даю: во имя Іисуса Христа востани и ходи* (Дѣян. III, 6). Видишь ли бѣдность и богатство: бѣдность въ деньгахъ и богатство 85
въ дарованіяхъ? Онъ не избавилъ отъ нищеты въ деньгахъ, но исправилъ нищету естества.

Посмотри на кротость Петра. *Воззри на ны.* Онъ не сталъ укорять, не сталъ порицать, какъ часто дѣлаемъ мы съ приступающими къ намъ, упрекая ихъ въ лѣности. Развѣ это заповѣдано тебѣ, человѣкъ? Богъ повелѣлъ тебѣ не упрекать въ лѣности, а помогать бѣдности; не сдѣлалъ тебя обличителемъ нечестія, а поставилъ врачемъ нечестія; не для того, чтобы ты порицалъ безпечность, но чтобы подавалъ руку лежащему; не для того, чтобы ты осуждалъ образъ жизни, но чтобы утолялъ голодъ. А мы поступаемъ напротивъ: не думая утѣшить приступающихъ къ намъ подаяніемъ денегъ, мы еще растравляемъ раны ихъ, осыпая ихъ укоризнами. Но (апостолъ) даже извиняется предъ бѣднымъ и говоритъ кротко, по словамъ Писанія: *приклони* безъ огорченія *ухо твое къ нищему, и отвѣщай ему мирная въ кротости* (Сирах. IV, 8). *Сребра и злата нѣсть у мене: но еже имамъ, сіе ти даю: во имя Іисуса Христа востани и ходи.* Здѣсь два обстоятельства: образъ жизни и чудо. Образъ жизни въ словахъ: *сребра и злата нѣсть у мене*, потому что къ жизни относится—не ставить ни во что земные предметы, отвергнуть имущество, презрѣть настоящую суетность; а чудо—возставить хромого, исцѣлить поврежденные члены. Итакъ, вотъ и образъ жизни и чудо. Посмотримъ же, за что Петръ удостоивается похвалы. Что говорилъ онъ? То ли, что онъ творилъ чудеса? Хотя и тогда онъ уже творилъ чудеса, однако не говорилъ этого, а что? *Се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебе идохомъ* (Матѳ. XIX, 27). Видишь ли жизнь и чудо, но жизнь получающую вѣнецъ? Что отвѣчалъ Христосъ? Онъ одобрилъ и похвалилъ это. *Глаголю вамъ*, сказалъ Онъ, *яко вы*, оставившіе домы свои и прочее,—не сказалъ: вы, воскрешавшіе мертвыхъ,—но: *вы, оставившіе имущество свое, сядете двоюнадесяте престолу;* и всякій, кто откажется отъ всего имущества своего, удостоится этой чести (Матѳ. XIX 28, 29). Ты не можешь возставить хромого, какъ Петръ? Но ты можешь сказать подобно ему: *злата и сребра нѣсть у мене.* Если скажешь это, то станешь близко къ Петру; или—лучше—если не скажешь, но сдѣлаешь это. Ты не можешь уврачевать сухую руку? Но ты можешь свою руку которая отъ безчеловѣчія сдѣлалась сухою, заставить протянуться изъ человѣколюбія. *Не буди*, говоритъ Писаніе, *рука твоя простерта на взятіе, а на отданіе согбена* (Сирах. IV, 35). Видишь ли, что не сухость, а безчеловѣчіе сгибаетъ руку? Выпрями же ее человѣко-

любіемъ и милостынею. Ты не можешь изгнать бѣса? Но ты изгони грѣхъ—и получишь большую награду. Видишь ли, какъ всегда жизнь и добрыя дѣла получаютъ большую похвалу и большее воздаяніе, нежели чудеса? Если хочешь, мы докажемъ это тебѣ и другимъ образомъ. Пришли къ нему, говоритъ евангелистъ, *седьмдесятъ учениковъ*, и радуясь говорили: *Господи, и бѣси повинуются намъ о имени Твоемъ.* И говоритъ имъ: *не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ* (Лук. x, 17—20). Видишь ли, какъ всегда жизнь удостоивается похвалы?

86 6. Повторимъ теперь вышесказанное. *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. xiii, 35). Вотъ въ жизни, а не въ чудесахъ указанъ признакъ учениковъ Христовыхъ. Петръ, *любиши ли Мя паче сихъ? Паси овцы моя* (Іоан. xxi, 13—17). Вотъ и другой признакъ, который также относится къ жизни. Третій признакъ: *не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ* (Лук. x, 20); и это опять дѣло жизни. Хочешь ли знать и четвертое доказательство на это? *Да просвѣтится*, сказалъ Господь, *свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. v, 16). Вотъ и здѣсь являются дѣла. Также, когда Онъ говоритъ: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, ради* Меня, *сторицею пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Матѳ. xix, 29), то хвалитъ дѣятельность и строгую жизнь. Видишь, какъ ученики Христовы познаются изъ того, что любятъ другъ друга; любящій Христа больше апостоловъ отличается тѣмъ, что пасетъ братію; имѣющимъ радоваться повелѣвается радоваться не о томъ, что они изгоняютъ бѣсовъ, но что они написаны на небѣ; прославляющими Бога оказываются сіяющіе дѣлами, и получающіе жизнь и стократное воздаяніе получаютъ этотъ даръ за отверженіе всего настоящаго. Подражай всѣмъ имъ и ты; тогда можешь и сдѣлаться ученикомъ Христовымъ, и быть причисленъ къ друзьямъ Божіимъ и прославлять Бога, и получить вѣчную жизнь, и нисколько не будетъ для тебя препятствіемъ къ полученію всѣхъ благъ то, что ты не творишь знаменій, если ведешь строгую жизнь. И самъ Петръ получилъ это имя не за чудеса и знаменія, но за ревность и искреннюю любовь: не за то, что воскрешалъ мертвыхъ, или исцѣлилъ хромого, онъ названъ такъ, но за то, что показалъ искреннюю вѣру съ исповѣданіемъ, онъ наслѣдовалъ это имя: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою.* За что? Не за то, что онъ творилъ чудеса, но за то, что сказалъ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѳ xvi, 16—18). Видишь, что и самое названіе Петра получило начало не отъ чудесъ, а отъ пламенной

ревности. Но когда я упомянулъ о Петрѣ, то мнѣ пришелъ на память и другой Петръ, общій нашъ отецъ и учитель ([1]), который, сдѣлавшись преемникомъ добродѣтелей того Петра, наслѣдовалъ и каѳедру его. Одно изъ преимуществъ нашего города то, что вначалѣ онъ имѣлъ учителемъ своимъ верховнаго изъ апостоловъ. Подлинно надлежало, чтобы городъ, прежде всей вселенной украсившійся именемъ христіанъ, имѣлъ пастыремъ своимъ перваго изъ апостоловъ. Но получивъ этого учителя, мы не удержали его до конца, а передали царствующему Риму; или—лучше—и мы удержали его до конца, потому что хотя мы не имѣемъ тѣла Петрова, но имѣемъ вѣру Петрову, какъ бы Петра; имѣя вѣру Петрову, мы имѣемъ самого Петра. Такимъ образомъ и взирая на подражающаго Петру, мы по видимому взираемъ на самого Петра. И Христосъ вѣдь 86—87
назвалъ Іоанна Иліею не потому, чтобы Іоаннъ былъ дѣйствительно Иліею, но потому, что онъ пришелъ въ духѣ и силѣ Иліи. Поэтому, какъ Іоаннъ названъ Иліею, потому, что пришелъ въ духѣ и силѣ Иліи, такъ и этотъ потому, что пришелъ съ исповѣданіемъ и вѣрою Петра, по справедливости можетъ быть удостоенъ и такого названія: сродство по жизни производитъ общеніе и въ названіяхъ. Будемъ же всѣ молиться, чтобы онъ достигъ и старости Петровой, потому что апостолъ и окончилъ жизнь въ старости: *егда же*, сказалъ ему Господь, *состарѣешися, пояшутъ тя и ведутъ, аможе не хощеши* (Іоан. XXI, 18). Будемъ же испрашивать и ему долголѣтней жизни, потому что продолжающаяся старость его дѣлаетъ еще болѣе цвѣтущею нашу духовную юность, которая да сохранится навсегда цвѣтущею молитвами и этого и и того Петра, благодатію же и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Т. е. епископъ антіохійскій Флавіанъ.

БЕСѢДА

О томъ, что чтеніе Св. Писаній полезно и что оно дѣлаетъ внимательнаго недоступнымъ для рабства и стѣснительныхъ обстоятельствъ, также о томъ, что названіе апостоловъ есть названіе многихъ достоинствъ и что апостолы получили силу и власть гораздо большую, чѣмъ внѣшніе властители и самые цари, и наконецъ къ новопросвѣщеннымъ.

87 1. Когда я, будучи призываемъ къ бесѣдѣ предъ такимъ множествомъ народа, посмотрю на бѣдность моего ума, то ужасаюсь и отступаю; но когда посмотрю на ваше усердіе и ненасытное желаніе слушать, то ободряюсь, возбуждаюсь и охотно вступаю на поприще ученія, потому что вы своимъ усердіемъ и желаніемъ слушать могли бы и каменную душу сдѣлать легче всякаго пера. Какъ животныя, живущія въ пещерахъ и въ теченіе зимы скрывающіяся въ скалахъ, увидѣвъ наступившее лѣто, оставляютъ убѣжища, собираются вмѣстѣ съ прочими животными и веселятся вмѣстѣ съ ними, такъ и душа моя, скрывавшаяся какъ бы въ нѣкоторой пещерѣ сознанія своей немощи, увидѣвъ усердіе вашей любви, оставляетъ пещеру, вступаетъ въ ваше собраніе и вмѣстѣ съ вами восторгается прекрасными восторгами Писаній, на духовномъ и божественномъ лугѣ, въ раю Писанія. Подлинно, чтеніе божественныхъ Писаній есть духовный лугъ и рай сладости, рай сладости превосходнѣйшій того рая. Этотъ рай Богъ насадилъ не на землѣ, а въ душахъ вѣрующихъ; этотъ рай Онъ поставилъ не въ Эдемѣ и не ограничилъ однимъ мѣстомъ на востокѣ, но распространилъ по всей землѣ и распростеръ до предѣловъ вселенной. А что Онъ распространилъ Писанія по всей вселенной, объ этомъ послушай пророка, который говоритъ: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Псал. XVIII, 5). Хотя бы ты отправился къ индійцамъ, которыхъ первыхъ озаряетъ восходящее солнце, хотя бы удалился на океанъ, или на британскія острова, хотя бы приплылъ въ Евксинскій понтъ, хотя бы достигъ сѣверныхъ странъ, вездѣ услышишь, какъ всѣ любомудрствуютъ
88 о томъ, что содержится въ Писаніи, другимъ языкомъ, но не другою вѣрою, различными нарѣчіями, но одинаковымъ умомъ. Хотя звуки голоса различны, но образъ благочестія неразличенъ; хотя они остаются варварами по языку, но любомудрствуютъ по мыслямъ; хотя они странны по нарѣчію, но благочестивы по жизни.

Видишь ли обширность рая, распростертаго до предѣловъ вселенной? Здѣсь нѣтъ змія; это мѣсто свободно отъ дикихъ звѣрей, и ограждается благодатію Духа. Этотъ рай, какъ тотъ, имѣетъ и источникъ, — источникъ, изъ котораго вытекаетъ множество рѣкъ, а не четыре. Не Тигръ, не Евфратъ, не египетскій Нилъ, и не индійскій Гангъ, но безчисленное множество рѣкъ изливаетъ этотъ источникъ. Кто говоритъ это? Самъ Богъ, даровавшій намъ такія рѣки. *Вѣруяй въ Мя*, говоритъ Онъ, *яко же рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. VII, 38). Видишь ли, какъ изъ этого источника вытекаютъ не четыре рѣки, а безчисленное множество? И не по множеству рѣкъ только, но и по естеству своему удивителенъ этотъ источникъ, потому что въ немъ не потоки воды, а дары Духа. Этотъ источникъ отдѣляется въ каждую душу вѣрующихъ, и не уменьшается; раздѣляется, и не истощается; распредѣляется, и не убавляется: во всѣхъ онъ находится всецѣло, и въ каждомъ всецѣло. Таковы дары Духа. Хочешь ли узнать свойство этихъ водъ, какъ они не похожи на тѣ, но гораздо лучше и удивительнѣе тѣхъ? Послушай опять самого Христа, бесѣдующаго съ самарянкою, чтобы тебѣ узнать обиліе этого источника. *Вода*, говоритъ Онъ, *юже Азъ дамъ вѣрующему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. IV, 14). Не сказалъ: *выходящей*; не сказалъ: *изливающейся*; но: *текущей* (ἁλλομένου) — указывая намъ потоками на ея изобиліе. Ключевыя воды обыкно- 89
венно исторгаются и вытекаютъ отвсюду, гдѣ источники не могутъ удержать ихъ въ своихъ нѣдрахъ, но будучи преодолѣваемы непрестаннымъ притокомъ, извергаютъ ихъ отвсюду. Поэтому, желая показать обиліе потоковъ, Онъ сказалъ: *текущія*, а не: выходящей. Хочешь ли узнать и свойство ея? Узнай изъ ея употребленія: она полезна не для жизни настоящей, но для жизни вѣчной. Будемъ же пребывать въ этомъ раю, будемъ сидѣть при этомъ источникѣ, чтобы намъ не потерпѣть того же, что потерпѣлъ Адамъ, и не лишиться рая; не будемъ принимать пагубнаго совѣта, не допустимъ къ себѣ обольщенія отъ діавола; будемъ пребывать внутри, потому что здѣсь великая безопасность,—будемъ пребывать въ чтеніи Писаній. Какъ сидящіе при источникѣ, наслаждающіеся его прохладою, и при наступленіи жара часто погружающіе въ него лице свое устраняютъ удушливый жаръ потоками, и, если безпокоитъ ихъ жажда, легко облегчаютъ мученіе, имѣя врачество вблизи въ источникѣ, такъ и находящійся при источникѣ божественныхъ Писаній, если почувствуетъ безпокоющій его пламень непристойной похоти, легко потушитъ пламень, погрузивъ душу въ эти воды; и если будетъ безпокоить его горячій гнѣвъ, воспламеняя сердце, какъ поджигаемый котелъ, то, покропивъ немного

этой воды, онъ тотчасъ укротитъ безстыдную страсть; и отъ всѣхъ порочныхъ помысловъ, какъ бы изъ среды пламени, избавляетъ душу чтеніе божественныхъ Писаній.

2. Поэтому и великій пророкъ Давидъ, зная пользу отъ чтенія Писаній, уподобляетъ того, кто постоянно внимаетъ Писаніямъ и наслаждается бесѣдою съ ними, растенію всегда цвѣтущему, стоящему при потокахъ водъ, когда говоритъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде, но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ Его поучится день и нощь; и будетъ яко древо насажденное при исходищахъ водъ* (Псал. I, 1—3). Какъ дерево, посаженное при источникахъ водъ, стоящее при самыхъ потокахъ получая постоянное орошеніе, бываетъ безопасно отъ всякой неблагопріятной погоды, не бо[illegible]я ни пламенныхъ лучей, не страшится ни сухаго воздуха, потому что, имѣя внутри себя самого достаточную влажность, скоро отражаетъ и отстраняетъ приступающій отвнѣ избытокъ всякой солнечной теплоты, такъ и душа, стоящая при потокахъ божественныхъ Писаній и постоянно напаяемая ими, собирая въ самой себѣ эти струи и росу Духа, бываетъ безопасною отъ всякихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ; хотя бы болѣзнь, хотя бы порицаніе, хотя бы клевета, хотя бы злословіе, хотя бы насмѣшки, хотя бы какая-нибудь лѣность, хотя бы всѣ бѣдствія вселенной напали на такую душу, она легко отражаетъ пламень страстей, находя достаточное утѣшеніе въ чтеніи Писаній. Подлинно, ни величіе славы, ни высота власти, ни присутствіе друзей, и ничто другое изъ вещей человѣческихъ не можетъ утѣшать въ скорби такъ, какъ чтеніе божественныхъ Писаній. Почему? По-
90 тому, что тѣ вещи тлѣнны и скоропреходящи,—почему и утѣшеніе отъ нихъ скоропреходящее,—а чтеніе Писаній есть собесѣдованіе съ Богомъ. Когда же Богъ утѣшаетъ находящагося въ скорби, то какое изъ настоящихъ обстоятельствъ можетъ повергнуть его въ уныніе?

Итакъ, будемъ внимательно заниматься чтеніемъ, не два только эти часа,—потому что для безопасности намъ недостаточно одного простого слушанія,—но постоянно; и пришедши домой, каждый пусть возметъ въ руки Библію и вникаетъ въ смыслъ сказаннаго, если онъ хочетъ получать постоянную и достаточную пользу отъ Писанія. И то дерево, которое стоитъ при потокахъ, не два или три часа сообщается съ водами, но каждый день и каждую ночь. Потому это дерево и украшается листьями, потому и изобилуетъ плодами,—хотя никто изъ людей не напаяетъ его,—что оно стоитъ при потокахъ, привлекаетъ къ себѣ влагу корнями и какъ бы какими-нибудь проходами передаетъ полезные соки всему своему

составу. Такъ и читающій постояно божественныя Писанія и стоящій при ихъ потокахъ, хотя бы не имѣлъ никакого толкователя, постояннымъ чтеніемъ, какъ бы нѣкоторыми корнями, пріобрѣтаетъ себѣ великую пользу. Потому и мы, зная ваши заботы, развлеченія, множество занятій, медленно и мало по малу ведемъ къ уразумѣнію Писаній, чтобы медленностію толкованія крѣпче удержать сказанное въ вашей памяти. Такъ и сильный дождь, проливаясь стремительно, омываетъ поверхость земли, но глубинѣ ея не приноситъ никакой пользы; а нисходящій на лице земли медленно и мало по малу, подобно елею, проникаетъ въ глубину ея проходами, какъ бы нѣкоторыми жилами, и, наполняя влагою нѣдра ея, дѣлаетъ ее способнѣйшею къ произведенію плодовъ. Поэтому и мы вливаемъ въ ваши души этотъ духовный дождь мало по малу,— потому что Писанія подобны духовнымъ облакамъ, а слова и мысли ихъ подобны дождю, который гораздо лучше обыкновеннаго дождя,—и вливаемъ въ васъ этотъ духовный дождь мало по малу для того, чтобы слова наши проникли въ самую глубину. Поэтому, уже четвертый день сегодня продолжая толкованіе, мы не могли пройти одного надписанія, но еще вращаемся около него. Лучше раскопать малое поле и, проникнувъ въ глубину, найти великое сокровище необходимаго, нежели, изрывъ по поверхности множество нивъ, трудиться безъ пользы, тщетно и напрасно. Знаю, что многіе негодуютъ на такую медленность; но я не смотрю на ихъ укоризны, а забочусь о вашей пользѣ. Тѣ, которые могутъ ходить быстрѣе, пусть подождутъ медленнѣйшихъ изъ братій; тѣ могутъ подождать этихъ, а слабѣйшіе не могутъ гнаться за тѣми. Поэтому и Павелъ говоритъ, что мы не должны преждевременно принуждать слабыхъ, которые не могутъ сравняться съ совершенствомъ сильныхъ, но должны мы сильные переносить немощи слабыхъ (1 Кор VIII, 9—13). Мы заботимся о вашей пользѣ, а не о пустой славѣ; поэтому и медленно излагаемъ мысли.

3. Такъ, въ первый день я говорилъ о томъ, что не должно оставлять безъ вниманія надписанія (священныхъ книгъ), когда прочиталъ вамъ и надпись на жертвенникѣ и показалъ мудрость 91
Павла, который воина чужого и стоявшаго въ отрядѣ непріятелей переставилъ въ собственный отрядъ. Этимъ окончилось все ученіе въ первый день. Затѣмъ во второй день мы изслѣдовали, кто писатель книги (Дѣяній) и благодатію Божіею нашли, чсо это—евангелистъ Лука, и подтвердили изслѣдованіе многими доказательствами какъ яснѣйшими, такъ и болѣе глубокими. Я знаю, что многіе изъ слушателей не слѣдили за послѣдними изъ упомянутыхъ доказательствъ; но, не смотря на то, мы не перестанемъ касаться болѣе тонкихъ мыслей. Яснѣшйее будетъ полезно для

людей простыхъ, а глубочайшее для тѣхъ, которые смотрятъ болѣе зорко. Эта трапеза должна быть различна и разнообразна, потому что различны вкусы званныхъ. Итакъ, въ первый день мы бесѣдовали о надписаніи, во второй день о писателѣ книги, а въ третій день вчера говорили присутствовавшимъ о началѣ этой книги и показали, какъ знаютъ слушавшіе, что̀ такое дѣятельнсть и что̀ такое чудо, что̀ такое жизнь и что̀ такое знаменіе, чудотвореніе и сила, и какое различіе между тѣмъ и другимъ; какъ одно больше, а другое полезнѣе, и какъ одно само по себѣ доставляетъ царство (небесное), а другое, если не сопровождается дѣятельностію, оставляется внѣ его преддверія. Сегодня нужно сказать объ остальной части надписанія и объяснить, что значитъ имя *апостоловъ*, потому что то имя не простое, но оно есть названіе власти, власти величайшей, власти духовнѣйшей, власти вышней. Но будьте внимательны. Какъ въ житейскихъ дѣлахъ есть много властей, но не всѣ онѣ одинаковаго достоинства, а однѣ больше, другія меньше, напримѣръ,—если начнемъ исчисленіе съ низшей,—есть городской судья, есть выше его правитель народа, послѣ него есть другой большій начальникъ, также есть военачальникъ, есть намѣстникъ, есть и выше ихъ власть, власть консуловъ, и всѣ онѣ—власти, но не всѣ одинаковаго достоинства, такъ и властей духовныхъ много, но не всѣ онѣ одинаковаго достоинства, а всѣхъ ихъ болѣе—достоинство апостольства. Такъ отъ чувственнаго надобно руководить васъ къ духовному. Такъ поступилъ и Христосъ, когда въ бесѣдѣ о Духѣ упомянулъ о водѣ: *піяй отъ воды сея*, сказалъ Онъ, *вжаждется паки: а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки* (Іоан. IV 13, 14). Видишь ли, какъ Онъ руководилъ женщину отъ чувственнаго къ духовному? Такъ дѣлаемъ и мы, отъ низшаго восходимъ къ высшему, чтобы рѣчь была яснѣе. Поэтому бесѣдуя о власти, мы упомянули о власти не духовной, а чувственной, чтобы отъ этой руководить васъ къ той. Вы слышали, сколько исчислили мы житейскихъ властей, какъ однѣ изъ нихъ больше, а другія меньше, и какъ власть консуловъ стоитъ выше всѣхъ, какъ бы вершина и глава ихъ; посмотримъ же и на власти духовныя. Между властями духовными есть власть пророчества, есть другая власть—евангелиста, есть—пастыря, есть—учителя, есть—дарованій, есть—
92 исцѣленій, есть—толкованія языковъ. Все это—названія даровъ, а на дѣлѣ—степени начальства и власти. Пророкъ есть начальникъ; у насъ же изгоняющій бѣсовъ есть начальникъ; у насъ же пастырь и учитель есть начальникъ духовный; но всѣхъ ихъ больше—власть апостольская. Изъ чего это видно? Изъ того, что превосходнѣе всѣхъ ихъ апостолъ. Какъ между чувственными

властями консулъ, такъ между духовными апостолъ занимаетъ первое мѣсто. Послушаемъ самого Павла, который, исчисляя власти, на высшемъ мѣстѣ ставитъ апостольскую. Что же говоритъ онъ? *Овыхъ убо положи Богъ въ церкви первѣе апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей* и пастырей, *таже дарованія исцѣленій* (1 Кор. XII, 28).

Видишь ли главную изъ властей? Видишь ли, что апостолъ стоитъ на высотѣ и никого нѣтъ прежде и выше его? *Первѣе апостоловъ*, говоритъ онъ, *второе пророковъ, третіе учителей* и пастырей, *таже дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, роди языковъ*. И притомъ апостольство есть не только начало прочихъ властей, но и основаніе и корень. Какъ голова, находясь выше всего, не только есть начало и власть тѣла, но и корень, потому что нервы, управляющіе тѣломъ, исходя изъ нея, и произрастая изъ самаго мозга, и оживляясь духомъ, такимъ образомъ управляютъ всѣмъ животнымъ составомъ,—такъ и апостольство не только стоитъ выше, какъ начало и власть прочихъ дарованій, но и сосредоточивая содержитъ въ себѣ корни всѣхъ ихъ. Пророкъ не можетъ быть и апостоломъ и пророкомъ; апостолъ же непремѣнно есть и пророкъ имѣетъ и дары исцѣленій, и роды языковъ, и толкованіе языковъ; поэтому (апостольство) есть начало и корень дарованій.

4. А что это такъ, я представлю вамъ во свидѣтели Павла. Впрочемъ прежде нужно сказать, что такое *роди языковъ*. Что же такое *роди языковъ?* Въ древности крестившійся и увѣровавшій тотчасъ начиналъ говорить разными языками для проявленія Духа. Такъ какъ тогдашніе люди находились въ состояніи болѣе немощномъ, и плотскими глазами своими не могли созерцать духовныхъ дарованій, то имъ и сообщаемъ былъ чувственный даръ, чтобы духовное дѣлалось явнымъ: крестившійся тотчасъ начиналъ говорить и нашимъ языкомъ, и языкомъ персовъ, и языкомъ индійцевъ, и языкомъ скиѳовъ, такъ что и невѣрные могли узнать, что онъ сподобился Святаго Духа. Это было чувственнымъ знаменіемъ, т. е. такая рѣчь,—потому что ее слышали чувствомъ тѣлеснымъ, —но это чувственное знаменіе дѣлало явною для всѣхъ духовную и невидимую благодать Духа. Такое знаменіе и называлось *роди языковъ*, потому что человѣкъ, имѣвшій отъ природы одинъ языкъ, начиналъ говорить разными и инородными языками по благодати, и можно было видѣть, какъ человѣкъ, одинъ по числу, былъ разнообразнымъ по дарованіямъ, и имѣлъ различныя уста и различные 93
языки. Посмотримъ же, какъ апостолъ имѣлъ и это дарованіе и всѣ прочія. Объ этомъ онъ самъ говоритъ такъ: *паче всѣхъ васъ языки глаголю* (1 Кор. XIV, 18). Видишь ли, что онъ имѣлъ роды языковъ, и не только имѣлъ, но и въ большемъ изобиліи, нежели

всѣ прочіе вѣрующіе? Онъ не сказалъ только: я могу говорить языками, но и: *паче всѣхъ васъ языки глаголю*. На пророчество, которое онъ имѣлъ, онъ указываетъ слѣдующими словами: *Духъ же* говоритъ, *явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта* (1 Тим. IV, 1; 2 Тим. III, 1); а что́ говорить о томъ, что будетъ въ послѣднія времена, значитъ пророчествовать, это всякому извѣстно. *Сіе же вѣсте, яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта*. И еще: *глаголю вамъ словомъ Господнимъ, яко мы живущіи, оставшіи въ пришествіе* Его, *не имамы предварити умершихъ* (1 Сол IV, 15); и это—пророчество. Видишь ли, какъ онъ имѣлъ роды языковъ и пророчество? Хочешь ли знать, что онъ имѣлъ и дарованія исцѣленій? Но, можетъ быть, нѣтъ нужды доказывать это словами, когда мы знаемъ, что не только сами апостолы, но и одежда ихъ имѣла дарованіе исцѣленій. А что онъ былъ и учителемъ народовъ, объ этомъ онъ говоритъ во многихъ мѣстахъ; онъ заботился о всей вселенной и управлялъ церквами. Такимъ образомъ, когда ты слышишь: *первѣе апостоловъ, второе пророковъ, третіе* пастырей и *учителей, дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, роди языковъ*, то знай, что вся совокупность прочихъ дарованій сосредоточивается въ апостольствѣ, какъ въ главѣ. Не думали ли вы прежде, что имя апостоловъ просто? Вотъ, теперь вы узнали, какой глубокой смыслъ заключаетъ въ себѣ это имя. Это сказали мы не для того, чтобы показать собственную свою силу; это—не наши слова, а благодати Духа, которая возбуждаетъ отъ лѣности безпечныхъ, чтобы они ничего не оставляли безъ вниманія.

Итакъ, справедливо мы назвали апостольство духовнымъ консульствомъ. Апостолы суть начальники, рукоположенные отъ Бога; начальники, которые получили не разные народы и города, но которымъ всѣмъ вмѣстѣ ввѣрена вселенная. А что они были начальниками духовными, и это я постараюсь доказать, дабы послѣ доказательства вы знали, что апостолы настолько выше начальниковъ житейскихъ, насколько сами житейскіе начальники выше играющихъ дѣтей. Подлинно, это начальство гораздо выше того и больше сдерживаетъ нашу жизнь, такъ что, если бы оно прекратилось, то все разстроилось бы и разрушилось. Какіе знаки начальства и что долженъ имѣть начальникъ? Власть надъ темницею, чтобы онъ былъ властенъ однихъ связывать, а другихъ разрѣшать, однихъ выпускать, а другихъ ввергать туда; также власть рѣшать денежные долги, такъ чтобы онъ былъ властенъ— однихъ, бывшихъ должными, освобождать, а другимъ приказывать уплатить долги; еще власть—осуждать на смерть и освобождать отъ смерти; или, вѣрнѣе, это—власть не начальника, а одного
94 только царя, или даже и царю не принадлежитъ вполнѣ этотъ даръ,

потому что онъ освобождаетъ не отъ смерти уже умершаго, а только отъ осужденія на смерть: приговоръ онъ можетъ отмѣнить, а возвратить къ жизни отъ смерти не можетъ; худшее въ его власти, а лучшаго онъ не имѣетъ. Далѣе начальника мы отличаемъ по поясу, по голосу глашатая, по жезлоносцамъ, по колесницѣ, по мечу; все это—знаки власти. Посмотримъ же, имѣетъ ли и власть апостольская эти знаки. Имѣетъ, и притомъ не такіе, но гораздо лучшіе. Дабы ты зналъ, что тѣ суть только названія вещей, а эти—истина вещей, и дабы ты убѣдился, что между ними такое же различіе, какое между дѣтьми, играющими въ начальники, и начальниками, дѣйствительно имѣющими власть, я начну, если хотите, исчислять съ власти ввергать въ узы. Мы сказали, что начальникъ властенъ связывать и разрѣшать. Посмотри же: и апостолы имѣютъ эту власть. Кого *аще свяжете на земли,* сказалъ имъ Господь, *будутъ* связаны на небесахъ; *и* кого *аще разрѣшите на земли, будутъ* разрѣшены *на небесѣхъ* (Мѳ. XVIII, 18). Видишь узы, и власть надъ узами; но названіе одно и то же, а сущность дѣла не одна и та же. Узы тамъ, узы и здѣсь; но одни на, землѣ, а другіе на небѣ; небо для нихъ—мѣсто узъ. Познай же величіе этой власти. Находящіеся на землѣ произносятъ приговоръ, и сила этого приговора проходитъ небеса. Какъ цари, находясь въ одномъ городѣ, изрекаютъ приговоры и законы, а сила этихъ приговоровъ и законовъ обтекаетъ всю вселенную, такъ и тогда апостолы, находясь на одномъ мѣстѣ, изрекали законы, а сила этихъ законовъ и этихъ узъ не только обтекала вселенную, но и восходила до самой высоты небесъ. Видишь узы и узы; но одни на землѣ, а другіе на небѣ, одни для тѣлъ, а другіе для душъ, или—лучше—и для душъ и для тѣлъ, потому что (апостолы) связывали не только тѣла, но и души.

5. Хочешь ли знать, что апостолы имѣли власть и прощать долги? И здѣсь ты увидишь великое различіе: они прощали не денежные долги, а долги грѣховъ. *Имже отпустите грѣхи,* сказалъ Господь, *отпустятся имъ: и имже держите, держатся* (Іоан. XX, 23). Нужно ли послѣ этого доказывать, что они осуждали и на смерть и возвращали отъ смерти, не отъ приговора только освобождая и веденія на смерть, но и умершихъ и уже подвергшихся тлѣнію возстановляя отъ смерти? Когда же они осуждали на смерть? Когда освобождали отъ смерти? Ананія и Сапфира были обличены въ святотатствѣ; хотя они украли собственныя деньги, но не смотря на то вина ихъ была святотатствомъ, потому что послѣ обѣщанія эти деньги уже не принадлежали имъ. Чтó же апостолъ? Послушай, какъ онъ, какъ бы сидя въ судилищѣ, приводитъ на судъ святотатца, дѣлаетъ допросъ, какъ судія, и потомъ

95 произноситъ приговоръ, не прежде допроса произноситъ приговоръ, хотя грѣхъ былъ очевиденъ, но что бы насъ, стоящихъ внѣ, убѣдить, что онъ справедливо произноситъ такой приговоръ, для этого онъ дѣлаетъ допросъ и говоритъ такъ: *почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому, и утаити отъ цѣны села? Сущее тебѣ, не твое ли бѣ? И проданное не въ твоей ли власти бяше? Не человѣкомъ солгалъ еси, но Богу* (Дѣян. v, 3, 4). Что же тотъ, услышавъ эти слова? *Падъ издше* (ст. 5). Видишь ли, что апостолы имѣютъ и мечъ? Когда ты услышишь слова Павла: *надъ всѣми же мечь духовный, иже есть глаголъ Божій* (Ефес. vi, 16, 17), то вспомни объ этомъ приговорѣ, при которомъ меча не было, но словомъ пораженный святотатецъ палъ. Видишь ли мечъ изощренный и обнаженный? Здѣсь не было ни желѣза, ни рукояти, ни рукъ; но вмѣсто руки языкъ, извлекающій слова вмѣсто меча, тотчасъ умертвилъ святотатца. Послѣ него вошла жена, и апостолъ хотѣлъ дать ей случай къ оправданію и поводъ къ прощенію, почему опять спрашиваетъ; *рцы ми, аще на толицѣ село отдаста* (Дѣян. v, 8)? Хотя онъ зналъ, что не за столько, но чтобы вопросомъ довести ее до раскаянія и признанія во грѣхахъ, и чтобы даровать ей прощеніе, онъ спрашиваетъ ее; она же и послѣ этого осталась безстыдною, почему и понесла общее съ мужемъ наказаніе. Видишь ли силу—ввергать въ узы? Видишь ли, какъ они властны посылать на смерть? Посмотримъ и на лучшее: какъ они освобождаютъ отъ смерти. Умерла Тавиѳа, ученица, отличавшаяся многими дѣлами милосердія; и тотчасъ бѣгутъ къ апостоламъ, потому что знали, что они имѣли власть надъ смертію и надъ жизнію, видѣли въ нихъ горнюю власть, нисшедшую долу. Что же сдѣлалъ Петръ, пришедши туда? *Тавиѳо*, сказалъ онъ, *востани* (Дѣян. IX, 40). Онъ не имѣлъ нужды ни въ чемъ, ни въ исполнителяхъ, ни въ служителяхъ, но достаточно было словъ его для воскрешенія; смерть услышала его голосъ—и не могла удержать мертвую. Видишь ли, каковы были слова этихъ судей? А слова внѣшнихъ судей слабы: хотя бы кто-нибудь изъ нихъ и отдалъ приказаніе, но если служитель не приведетъ этого въ исполненіе, то приказаніе остается тщетнымъ. А здѣсь нѣтъ нужды въ служителяхъ: онъ сказалъ—и тотчасъ исполнилось. Видишь ихъ узы, которые служатъ знакомъ власти; видишь, какъ они отпускаютъ грѣхи, какъ разрѣшаютъ смерть, какъ возвращаютъ къ жизни. Хочешь ли узнать поясъ ихъ? Христосъ послалъ ихъ препоясанными, не кожею, но истиною; это—поясъ святой и духовный, почему и сказано: *препоясани чресла ваша истиною* (Ефес. vi, 14); это — власть духовная, и потому она не требуетъ ничего чувственнаго: *вся слава дщере царевы внутрь* (Псал. XLIV, 14).

Но что? Не хочешь ли видѣть и палачей ихъ? Палачи суть тѣ, которые мучатъ виновныхъ, привѣшиваютъ къ дереву, строгаютъ ребра, наказываютъ, терзаютъ. Хочешь ли видѣть ихъ? У апостоловъ этимъ были не люди, а самъ діаволъ и бѣсы; облеченные тѣломъ и плотію, они имѣли служащими безплотные силы. 96
Послушай, съ какою властію повелѣвалъ имъ Павелъ. Говоря о блудникѣ, онъ писалъ: предайте *таковаго сатанѣ во измождение плоти* (1 Кор. v, 5). Тоже самое сдѣлалъ онъ и съ другими богохульниками: *предахъ ихъ*, говоритъ, *сатанѣ, да накажутся не хулити* (1 Тим. I, 20). Что еще остается показать? То ли, что они имѣли и колесницы? И на это у насъ есть доказательства. Такъ, когда Филиппъ крестилъ евнуха и наставилъ его въ священныхъ тайнахъ, и когда нужно было ему возратиться, то *Духъ восхити* его и изъ пустыни *обрѣтеся во Азотѣ* (Дѣян. VIII, 39, 40). Видишь ли колесницу окрыленную? Видишь ли колесницу, быстрѣйшую вѣтра? Еще: нужно было апостолу отправится въ рай; путь слишкомъ длинный и разстояніе безмѣрное; и онъ также вдругъ былъ восхищенъ и перенесенъ туда безъ труда и въ краткое мгновеніе времени. Таковы апостольскія колесницы! Былъ и голосъ глашатая, и также достойный этой власти. Имъ предшествовалъ не человѣкъ, провозглашая о нихъ, а благодать Духа, и явленіе чудесъ возвѣщало о нихъ громогласнѣе всякой трубы, и такимъ образомъ повсюду предшествовало имъ. И какъ начальники бываютъ окружены большимъ великолѣпіемъ, причемъ частные люди не смѣютъ просто обращаться съ ними, такъ было и съ апостолами. *Отъ прочихъ же*, говоритъ Писаніе, *никтоже смѣяше прилѣплятися имъ, но величаху ихъ людіе* (Дѣян. v, 13). Видишь ли, что они имѣли силу ввергать въ узы и власть прощать долги, имѣли и мечъ, и были препоясаны поясомъ, и шествовали на колесницѣ, и предшествовалъ имъ возгласъ, громогласнѣйшій всякой трубы, и были окружены они большимъ великолѣпіемъ?

6. Теперь нужно было бы показать и всѣ доблестныя дѣла ихъ и тѣ благодѣянія, которыя они совершили для вселенной, потому что и то свойственно начальникамъ, чтобы не только пользоваться честію, но и оказывать великое попеченіе и покровительство подчиненнымъ. Впрочемъ уже сказано больше надлежащаго. Поэтому, отложивъ это до другой бесѣды, постараюсь предложить увѣщаніе новопросвѣщеннымъ. Никто пусть не считаетъ этого совѣта несвоевременнымъ. Я прежде сказалъ, что не только чрезъ десять и двадцать дней, но и чрезъ десять и двацать лѣтъ можно посвященныхъ въ тайны называть новопросвѣщенными, если они остаются внимательными. Какое же было бы для нихъ самое лучшее увѣщаніе? То, когда бы мы напомнили имъ объ

образѣ рожденія, и первомъ и второмъ, естественномъ и духовномъ, и показали, какое различіе между тѣмъ и другимъ рожденіемъ. Впрочемъ имъ не нужно учиться этому отъ насъ; самъ сынъ грома, возлюбленный Христу Іоаннъ, скажетъ имъ объ этомъ. Что же говоритъ онъ? *Елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. I, 12). Потомъ, напоминая имъ о первомъ рожденіи, и по сравненію съ нимъ объясняя важность настоящей благодати, онъ говоритъ такъ: *иже не отъ крове, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (Іоан. I, 13). Однимъ словомъ онъ выразилъ ихъ благородство. О, чистое чревоношеніе! О, духовное рожденіе! О, новое чадородіе, безъ утробы зачатіе, безъ
97 чрева рожденіе, безъ плоти плодъ, плодъ духовный, плодъ благодати и человѣколюбія Божія, плодъ исполненный радости и веселія! Но не таково первое рожденіе; оно начинается слезами Какъ только дитя выходитъ изъ утробы и вынимается изъ чрева, то первый крикъ его сопровождается слезами, какъ сказалъ нѣкто: *первый гласъ подобный всѣмъ испустихъ плача* (Премуд. VII, 3). Съ плачемъ бываетъ вступленіе въ жизнь, со слезами. начало ея, которыми природа предвозвѣщаетъ будущія страданія. Почему плачетъ дитя, выходя на свѣтъ? Потому, что прежде грѣхопаденія Богъ сказалъ: *раститеся и множитеся* (Быт. I, 28), что было благословленіемъ; а послѣ грѣхопаденія сказалъ: *въ болѣзнехъ родиши чада* (Быт. III, 16), что было наказаніемъ. И не слезы только бываютъ при рожденіи, но и пелены и повязки; слезы при рожденіи, слезы и при смерти; пелены при рожденіи, пелены и при смерти, чтобы ты зналъ, что эта жизнь оканчивается смертію и стремится къ этому концу. Но не таково духов-
98 ное рожденіе. Здѣсь нѣтъ ни слезъ, ни пеленъ; но родившійся бываетъ свободенъ и приготовленъ къ подвигамъ; у него свободны и руки и ноги, чтобы онъ могъ и бѣгать и вступать въ ратоборство; здѣсь нѣтъ плача, нѣтъ слезъ, но привѣтствія, лобзанія и объятія братій, признающихъ въ родившемся собственный членъ и принимающихъ его какъ бы послѣ продолжительнаго отсутствія. Такъ какъ онъ прежде просвѣщенія былъ врагомъ, а послѣ просвѣщенія сталъ другомъ общаго всѣмъ намъ Владыки, то всѣ мы сорадуемся ему, почему это лобзаніе и называется *миромъ,* чтобы мы знали, что Богъ прекратилъ вражду и приблизилъ насъ къ Себѣ. Будемъ же постоянно соблюдать, будемъ сохранять этотъ миръ, будемъ продолжать это дружество, чтобы намъ достигнуть и вѣчныхъ обителей, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава, честь и держава Отцу, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о томъ, что не безопасно для слушателей молчать о сказанномъ въ церкви, и для чего Дѣянія читаются въ пятидесятницу, и почему Христосъ по воскресеніи являлся не всѣмъ, и о томъ, что яснѣе лицезрѣнія Онъ представилъ доказательства воскресенія посредствомъ знаменій апостоловъ.

1. Большую часть долга, который мы приняли на себя по над- 97
писанію Дѣяній Апостольскихъ, мы уплатили вамъ въ предшествовавшіе дни; но такъ какъ еще остался отъ него небольшой остатокъ, то я рѣшился уплатить вамъ и его сегодня. А тщательно ли вы храните сказанное и съ великою ли ревностію соблюдаете, объ этомъ знаете вы, получившіе серебро и имѣющіе отдать въ этомъ серебрѣ отчетъ Господу въ тотъ день, когда тѣ, которымъ ввѣрены таланты, будутъ призваны и станутъ давать отчетъ,—когда Христосъ, пришедши, потребуетъ это серебро отъ торговцевъ съ приращеніемъ. *Подобаше убо тебѣ*, сказалъ Господь, *вдати сребро Мое торжникомъ: и пришедъ Азъ взялъ быхъ* его *съ лихвою* (Матѳ. xxv, 27). О, великое и неизреченное человѣколюбіе Владыки! Запрещая людямъ брать лихву, Онъ самъ требуетъ лихвы. Почему? Потому, что та лихва неодобрительна и достойна осужденія, а эта похвальна и достойна великаго одобренія. То приращеніе, разумѣю денежное, причиняетъ вредъ и получающему и дающему, губитъ душу получающаго и увеличиваетъ бѣдность дающаго. Подлинно, что можетъ быть жесточе того, когда кто-нибудь извлекаетъ для себя выгоду изъ бѣдности ближняго и пользуется несчастіями братій; когда кто-нибудь, показывая видъ человѣколюбія, оказываетъ всякое безчеловѣчіе, и, повидимому простирая руку, ввергаетъ въ пропасть нуждающагося въ помощи? Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Не для того пришелъ къ твоимъ дверямъ бѣдный, чтобы ты увеличилъ его бѣдность, но чтобы ты избавилъ его отъ бѣдности, а ты дѣлаешь то же, что дѣлаютъ
примѣшивающіе ядъ къ лѣкарствамъ. Какъ тѣ, примѣшивая ядъ 98
къ обыкновенной пищѣ, дѣлаютъ незамѣтнымъ свой умыселъ, такъ и эти, подъ видомъ человѣколюбія скрывая гибельное лихоимство, не даютъ замѣтить вредъ имѣющимъ пить это смертоносное лѣкарство. Поэтому благовременно приложить сказанное о нѣкоторомъ грѣхѣ и къ тѣмъ, которые отдаютъ въ ростъ и берутъ взаймы. Что же сказано объ этомъ грѣхѣ? *На время*, сказано, *наслаждаетъ гортань: послѣди же горчае желчи обрящеши и изощ-*

ренну паче меча обоюду остра (Прит. v, 3—4). Тоже бываетъ и съ тѣми, которые берутъ взаймы. Когда нуждающійся принимаетъ деньги, то получаетъ нѣкоторое малое и временное утѣшеніе; но послѣ, когда приращеніе увеличится и бремя сдѣлается выше силъ, то эта пріятность, услаждавшая гортань, сдѣлается горче желчи и острѣе меча обоюдуостраго, когда онъ принужденъ будетъ вдругъ лишиться всего отцовскаго достоянія.

2. Отъ чувственнаго обратимъ рѣчь къ духовному. *Подобаше тебѣ вдати сребро Мое торжникомъ* (Мате. xxv, 27), сказалъ Господь, называя торговцами серебра васъ, слушающихъ эти слова. Для чего же Богъ назвалъ васъ торговцами? Для того, чтобы научить всѣхъ прилагать такое же усердіе къ изслѣдованію сказаннаго, какое тѣ оказываютъ при разсматриваніи принимаемыхъ монетъ. Какъ торговцы отвергаютъ подложную и поддѣльную монету, а настоящую и истинную принимаютъ, отличая неподлинную отъ подлинной, такъ поступай и ты: не всякое слово принимай, но неправильное и худое отвергай отъ себя, а здравое и спасительное слагай въ душѣ. Есть, дѣйствительно есть и у тебя вѣсы и
99 безмѣнъ, сдѣланные не изъ мѣди и желѣза, но состоящіе изъ чистоты и вѣры; при помощи ихъ и изслѣдуй всякое слово. Потому и сказано: будьте искусными торжниками,—не съ тѣмъ, чтобы вы, стоя на площади, пересчитывали серебро, но чтобы вы изслѣдывали слова со всякимъ тщаніемъ. Потому и апостолъ Павелъ говоритъ: *вся* искушайте, но *добрая* только *держите* (1 Сол. v, 20). И не потому только Онъ назвалъ васъ торговцами, что вы должны изслѣдовать, но и потому, что вы должны употреблять получаемое въ дѣло. Если бы и торговцы, получивъ деньги, только заперли ихъ дома и не передавали другимъ, то прекратилась бы вся ихъ торговля; точно то же бываетъ и съ слушателями. Если ты, принявъ ученіе, удержишь его у себя и не передашь другимъ, то весь твой трудъ погибнетъ. Поэтому мы видимъ ихъ на торжищахъ каждый день входящими и выходящими. Тоже пусть будетъ и съ ученіемъ. Между торговцами мы видимъ, какъ одни отдаютъ деньги, другіе тотчасъ принимаютъ и уходятъ, и это можно видѣть всякій день; отчего, хотя иные и не имѣютъ у себя собственныхъ денегъ, но, пользуясь надлежащимъ образомъ чужими, пріобрѣтаютъ для себя великую выгоду. Такъ поступай и ты. Эти изреченія не твои, а Духа Святаго; но если ты сдѣлаешь изъ нихъ доброе употребленіе, то получишь себѣ великую духовную пользу. Потому Богъ и назвалъ васъ торговцами. А почему ученіе Онъ назвалъ серебромъ? Потому, что какъ серебро имѣетъ на себѣ отпечатаннымъ царскій образъ,—если оно не имѣетъ его, то не есть подлинное серебро, а называется поддѣльнымъ,—

такъ и ученіе вѣры должно имѣть на себѣ отпечатлѣннымъ образъ Слова. Съ другой стороны, употребленіе серебра поддерживаетъ всю нашу жизнь и служитъ основаніемъ для всѣхъ договоровъ, и купить ли нужно что-нибудь или продать, все это мы дѣлаемъ посредствомъ него. Тоже бываетъ и съ ученіемъ: это духовное серебро служитъ причиною и основаніемъ духовныхъ договоровъ. Такъ, хотимъ ли мы пріобрѣсти что-нибудь отъ Бога, мы напередъ представляемъ слова молитвы, и потомъ получимъ то, чего просимъ; видимъ ли брата безпечнаго и погибающаго, мы пріобрѣтемъ ему спасеніе и доставимъ жизнь, предложивъ слово ученія.

Итакъ, нужно со всѣмъ тщаніемъ хранить и соблюдать все, чтобы сообщать это и другимъ,—потому что отъ насъ требуется приращеніе и этого серебра. Будемъ же внимательно принимать его, чтобы мы могли сообщать это серебро и другимъ, — потому что каждый, если захочетъ, имѣетъ возможность учить. Ты не можешь назидать столь великую церковь; но можешь вразумить свою жену. Ты не можешь бесѣдовать съ такимъ множествомъ людей; но можешь научить своего сына. Ты не можешь предлагать слова ученія такому народу; но можешь исправить своего раба. Такое собраніе учениковъ не превышаетъ и твоихъ силъ; такая мѣра ученія не превосходитъ твоего разумѣнія; но вы еще удобнѣе, нежели мы, можете исправлять всѣхъ ихъ. Я бесѣдую съ 100
вами однажды или иногда дважды въ недѣлю; а ты постоянно въ своемъ домѣ имѣешь учениковъ: жену, дѣтей, рабовъ—и вечеромъ, и за трапезою, и во весь день можешь исправлять ихъ. Кромѣ того такое врачеваніе бываетъ и удобнѣе. Я, бесѣдуя среди такого множества людей, не знаю, какая тревожитъ васъ душевная страсть; поэтому и бываю принужденъ въ каждомъ поученіи предлагать всѣ врачества; а вамъ нѣтъ нужды поступать такъ, но съ меньшимъ трудомъ вамъ можно произвести большее исправленіе; вы хорошо знаете грѣхи живущихъ вмѣстѣ съ вами, и потому можете произвести скорѣйшее исцѣленіе.

3. Итакъ, возлюбленные, не будемъ нерадѣть о живущихъ вмѣстѣ съ нами, потому что величайшее наказаніе и невыразимое мученіе предстоитъ тѣмъ, которые нерадятъ о своихъ домашнихъ. *Аще кто*, говоритъ апостолъ, *о своихъ, паче же о домашнихъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. v, 8). Видишь ли, какъ Павелъ поражаетъ тѣхъ, которые нерадятъ о своихъ домашнихъ? И весьма справедливо, потому что кто нерадитъ о своихъ, тотъ будетъ ли заботиться о чужихъ? Знаю, что я часто внушалъ вамъ это; но никогда не перестану повторять это внушеніе, хотя я самъ уже не подлежу отвѣтственности

за безпечность другихъ. *Подобаше убо тебѣ,* сказалъ Господь, *вдати сребро Мое торжникомъ,* и больше ничего не требовалъ. Я же отдалъ серебро, и потому не подлежу никакой отвѣтственности; но хотя я невиненъ и свободенъ отъ наказанія въ этомъ отношеніи, однако, какъ будто виновный и подлежащій наказанію, страшусь и трепещу за ваше спасеніе.

Итакъ, пусть никто не слушаетъ духовныхъ бесѣдъ безъ вниманія и съ нерадѣніемъ. Я не безъ причины и не напрасно дѣлаю длинныя вступленія, но для того, чтобы сказанное лучше удерживалось въ вашей памяти, чтобы вы не уходили домой, произведши только шумъ и рукоплесканія тщетно и напрасно, потому что я не забочусь о вашихъ похвалахъ, но пекусь о вашемъ спасеніи. Подвизающіеся на зрѣлищѣ, въ награду за это, получаютъ похвалу отъ народа; а мы не для этого выходимъ сюда, но для того, чтобы получить назначенную за это награду отъ Господа. Для того мы постоянно и внушаемъ вамъ это, чтобы сказанное проникло до глубины души вашей. Какъ изъ растеній тѣ, которыя пустили корни въ глубину, не колеблются отъ порывовъ вѣтра, такъ и мысли, чѣмъ глубже лежатъ въ душѣ, тѣмъ труднѣе колеблются отъ вліянія обстоятельствъ. Скажи мнѣ, возлюбленный: если бы ты увидѣлъ своего сына томящимся отъ голода, то оставилъ ли бы его безъ вниманія и не перенесъ ли бы все, чтобы утолить его голодъ? Если же ты не оставилъ бы безъ вниманія того, кто алчетъ хлѣба, то неужели можешь пренебрегать тѣмъ, кто томится голодомъ божественнаго ученія? Какъ могъ бы ты тогда достойно называться отцемъ? Этотъ голодъ тѣмъ тяжелѣе того, чѣмъ важнѣйшею оканчивается смертію, почему здѣсь нужно употреблять и больше старанія. *Воспитывайте,* говоритъ
101 апостолъ, *чадъ своихъ въ наказаніи и ученіи Господни* (Ефес. VI, 4). Вотъ самая лучшая забота отцевъ; вотъ истинное попеченіе родителей; тамъ я признаю естественное родство, гдѣ оказываютъ большее попеченіе о духовномъ. Впрочемъ довольно сказано для вступленія; теперь нужно и уплатить долгъ. Для того я и велъ большую и длинную рѣчь объ этомъ, чтобы вы приняли предлагаемое со всѣмъ тщаніемъ. Какой же тотъ долгъ, которымъ мы прежде остались должными? Можетъ быть, вы забыли объ этомъ? Въ такомъ случаѣ намъ нужно напомнить вамъ и напередъ прочитать росписку, по которой мы прежде сдѣлали уплату, и сказать, чтò было уплачено, чтобы изъ уплаченнаго видѣть, что еще остается уплатить. Чтò же уплачено прежде? Тогда я сказалъ, кто писатель книги Дѣяній, кто сочинитель этого слова, или лучше, не сочинитель этого слова, а служитель, потому что не самъ онъ произвелъ сказанное, но онъ послужилъ сказанному.

Сказалъ я и о самыхъ Дѣяніяхъ, и что значитъ названіе *Дѣяній*; сказалъ и объ имени апостоловъ; теперь нужно сказать, почему отцы наши установили читать книгу Дѣяній въ Пятидесятницу. Вы, можетъ быть, помните, что мы тогда обѣщали сказать и объ этомъ. Не напрасно въ самомъ дѣлѣ, и не безъ причины отцы назначили намъ это время, но сдѣлали такъ по нѣкоторой мудрой причинѣ; не для того, чтобы подчинить нашу свободу необходимости, но чтобы, снисходя къ скудости немощныхъ, возвести ихъ къ богатству познанія. А что они дѣйствительно для этого соблюдали времена, не себя самихъ подчиняя необходимости соблюденія, но стараясь снизойти къ немощнымъ, послушай что̀ говоритъ Павелъ: *дни смотряете, и мѣсяцы, и времена, и лѣта. Боюся, еда како всуе трудихся въ васъ* (Гал. IV, 10, 11). А ты самъ развѣ не соблюдалъ дней, временъ и годовъ? Что же? Если мы видимъ, что тотъ, кто запрещаетъ соблюдать дни, мѣсяцы, времена и годы, самъ соблюдалъ ихъ, что̀ скажемъ мы, отвѣчай мнѣ? То ли, что онъ противорѣчитъ самъ себѣ и опровергаетъ самъ себя? Да не будетъ; но то, что онъ, желая исправить слабость соблюдающихъ времена, самъ снисходитъ къ нимъ такимъ соблюденіемъ. Такъ поступаютъ и врачи: пищу, подаваемую больнымъ, они сами отвѣдываютъ прежде, не потому, чтобы сами нуждались въ этой пищѣ, но стараясь исцѣлить немощь ихъ. Такъ поступалъ и Павелъ: не имѣя никакой нужды въ соблюденіи временъ, онъ соблюдалъ времена, чтобы соблюдающихъ избавить отъ немощи этого соблюденія. Когда же Павелъ соблюдалъ времена? Слушайте со вниманіемъ, увѣщеваю васъ. *Въ грядущій день*, говорится въ Писаніи, *пріидохомъ въ Милитъ. Суди бо Павелъ мимо ити Ефесъ, яко да не будетъ ему закоснѣти во Асіи: тщашебося, аще возможно будетъ* ему *въ день пятьдесятный быти во Іерусалимѣ* (Дѣян. XX, 15, 16). Видишь ли, какъ тотъ, который говоритъ: *не соблюдайте дней, и мѣсяцевъ, и временъ*, самъ соблюдалъ день Пятидесятницы?

4. И не только день онъ соблюдалъ, но и мѣсто, потому что онъ 102
спѣшилъ не только прибыть ко дню Пятидесятницы, но и провести его въ Іерусалимѣ. Что дѣлаешь ты, блаженный Павелъ? Іерусалимъ разрушенъ, святое святыхъ опустошено по опредѣленію Божію, прежнія учрежденія прекратились, самъ ты взываешь къ Галатамъ: вы надѣющіеся оправдаться *закономъ, отъ благодати отпадосте* (Галат. V, 4); для чего же ты опять ведешь насъ въ рабство закону? Не маловажное дѣло узнать, не противорѣчитъ ли Павелъ самъ себѣ. И не дни только соблюдалъ Павелъ, но соблюдалъ и другія заповѣди закона; а между тѣмъ онъ взываетъ къ Галатамъ:

се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ (Гал. v, 2)..

Такъ, тотъ самый Павелъ, который говоритъ: *аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ,* самъ обрѣзалъ, какъ извѣстно, Тимоѳея. Нашелъ, говорится въ Писаніи, Павелъ въ Листрахъ нѣкотораго юношу, *сына жены нѣкія іудеаныни вѣрны, отца же еллина, обрѣза его,* потому что не хотѣлъ посылать необрѣзаннаго учителемъ (Дѣян. xvi, 1—3). Чтó дѣлаешь ты, блаженный Павелъ? Словомъ уничтожаешь обрѣзаніе, а дѣломъ снова поддерживаешь его? Не поддерживаю, говоритъ онъ, но уничтожаю его дѣлами. Тимоѳей былъ сынъ жены іудейской вѣрной, а отцемъ имѣлъ эллина, изъ рода необрѣзанныхъ. Но такъ какъ Павелъ намѣревался послать его учителемъ къ іудеямъ, то не хотѣлъ посылать его необрѣзаннымъ, чтобы съ самаго начала не заградить дверей ученію. Такимъ образомъ, пролагая путь къ уничтоженію обрѣзанія и открывая путь ученію Тимоѳея, онъ совершилъ надъ нимъ обрѣзаніе, чтобы уничтожить обрѣзаніе. Поэтому онъ и говоритъ: *быхъ іудеемъ яко іудей* (1 Кор. ix, 20). Не для того Павелъ сказалъ это, чтобы быть іудеемъ, а чтобы убѣдить остававшихся іудеями не быть больше іудеями. Потому онъ и обрѣзалъ Тимоѳея, чтобы уничтожить обрѣзаніе. Итакъ обрѣзаніемъ онъ воспользовался противъ обрѣзанія. И Тимоѳей принялъ обрѣзаніе для того, чтобы онъ могъ быть принятъ іудеями, и чтобы пришедши мало по малу отклонить ихъ отъ соблюденія обрѣзанія. Видишь ли, для чего Павелъ соблюдалъ и пятьдесятницу и обрѣзаніе? Хотите ли, я покажу вамъ, какъ онъ соблюдалъ и другія постановленія закона? Слушайте внимательно. Пришелъ онъ нѣкогда въ Іерусалимъ, и апостолы, увидѣвъ его, сказали ему: *видиши ли, брате* Павелъ, *колико темъ есть іудей* сошедшихся: *и вси увѣстишася о тебѣ, яко отступленію учиши отъ закона. Что убо есть? Сотвори, еже ти глаголемъ: суть у насъ мужіе обѣщавше себе Богу: сія поимъ, очистися съ ними,* и остриги съ ними голову, чтобы дѣломъ убѣдились, *яко возвѣщенная имъ о тебѣ ничто же суть, но* хранишь *и самъ законъ* Моисеевъ (Дѣян. xxi, 20—24). Видите ли удивительное снисхожденіе? Онъ соблюдаетъ времена, чтобы уничтожить соблюденіе временъ; совершаетъ обрѣзаніе, чтобы прекратить обрѣзаніе; приноситъ жертву, чтобы уничтожить жертвоприношеніе. А что дѣйствительно для этого онъ такъ поступалъ, послушай его самого: *быхъ подзаконнымъ,* говоритъ онъ, *яко подзаконенъ, да подза-*
108 *конныя пріобрящу: и свободенъ сый отъ всѣхъ, всѣмъ себе поработихъ* (1 Кор. ix, 20, 19). А поступалъ такъ Павелъ, подражая своему Господу. Какъ Тотъ, *во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу: но Себе истощилъ, зракъ раба пріимъ,* и будучи

свободенъ, сдѣлался рабомъ (Фил. II, 6, 7); такъ и этотъ бывъ свободенъ отъ всѣхъ, поработилъ себя всѣмъ, чтобы пріобрѣсти всѣхъ. Господь, принявши наше естество, сдѣлался рабомъ, чтобы рабовъ сдѣлать свободными: *приклони небеса и сниде* (Псал. XVII, 10), чтобы пребывающихъ долу возвести на небо. *Приклони небеса;* не сказано: оставилъ небеса и сошелъ, но *приклони*, чтобы для тебя сдѣлать болѣе легкимъ восходъ на небеса. Ему по возможности подражалъ и Павелъ, почему и говорилъ: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. IV, 16). А какъ ты, блаженный Павелъ, сдѣлался подражателемъ Христу? Какъ? Такъ, что я ни въ чемъ не ищу своей пользы, но пользы многихъ, чтобы они спаслись, и *свободенъ сый отъ всѣхъ, всѣмъ себе поработихъ.* Подлинно, нѣтъ ничего лучше этого порабощенія, потому что оно доставляетъ свободу другимъ. Павелъ былъ духовный рыбарь: *сотворю вы,* сказалъ Господь, *ловца человѣкомъ* (Матѳ. IV, 19), потому онъ и поступалъ такъ. И рыболовы, увидѣвъ, что рыба хватается за уду, не тотчасъ вытаскиваютъ ее, но ослабивъ отпускаютъ ее на нѣкоторое разстояніе, ожидая, пока крюкъ хорошо вонзится, чтобы такимъ образомъ вѣрнѣе вытащить добычу; такъ поступали тогда и апостолы: они закидывали словесную уду ученія въ душу іудеевъ; эти напрасно противодѣйствовали, держась обрѣзанія, праздниковъ, соблюденія временъ, жертвоприношеній, стриженій и прочаго тому подобнаго; апостолы всюду слѣдовали за ними и не отступали. Ты, говоритъ, требуешь обрѣзанія, я не противлюсь, но послѣдую тебѣ; ты хочешь жертвоприношенія, я приношу жертву; ты желаешь, чтобы я, оставившій твой образъ жизни, остригся, я готовъ исполнить это требованіе; ты повелѣваешь мнѣ соблюдать Пятидесятницу, и въ этомъ я не противорѣчу; куда бы ты ни повелъ меня, я слѣдую и уступаю, ожидая, пока уда слова углубится въ тебя такъ, чтобы вѣрнѣе можно было отвлечь весь народъ вашъ отъ древняго служенія и образа жизни; для этого я и пришелъ изъ Ефеса въ Іерусалимъ. Видишь ли, сколько Павелъ уступалъ въ словесной ловлѣ рыбъ? Видишь ли, какъ апостолы соблюдали времена, соглашались на обрѣзаніе, и участвовали въ жертвоприношеніяхъ не для того, чтобы возвратиться къ древнему образу жизни, но чтобы привязанныхъ къ образамъ привести къ истинѣ? Сидящій на высотѣ, если постоянно будетъ оставаться на высотѣ, то никогда не можетъ поднять лежащаго внизу; но должно напередъ тому спуститься, чтобы потомъ возвысился этотъ. Поэтому и апостолы нисходили съ высоты евангельскаго образа жизни, чтобы возвести іудеевъ отъ низости іудейскаго образа жизни на эту высоту.

5. Отсюда видно, что соблюденіе временъ и все прочее совер-

шалось съ пользою и во благо. Посмотримъ же теперь, почему
104 книга Дѣяній Апостольскихъ читается во время Пятидесятницы.
Все это мы предложили вамъ для того, чтобы вы, когда увидите соблюденіе временъ, не подумали, будто апостолы страдали іудейскимъ образомъ мыслей. Но слушайте внимательно, увѣщеваю васъ; то, о чемъ будетъ сказано, составляетъ немаловажный предметъ изслѣдованія. Въ день креста мы читаемъ все, относящееся ко кресту; въ великую субботу опять о томъ, что Господь нашъ былъ преданъ, распятъ, умеръ по плоти, погребенъ; почему же Дѣянія Апостольскія мы читаемъ не послѣ Пятидесятницы, когда они происходили и начались? Я знаю, что многіе не знаютъ этого; поэтому нужно подтвердить это изъ самой книги Дѣяній, дабы вы знали, что Дѣянія Апостольскія начались не съ Пятидесятницею, но во время, слѣдовавшее за Пятидесятницею. Поэтому справедливо кто-нибудь можетъ спросить: почему установлено читать о крестѣ въ день креста и страданія, а Дѣянія Апостольскія мы читаемъ не въ тѣ самые дни и не въ то время, въ которое они совершались, но предупреждаемъ это время? Не тотчасъ послѣ того, какъ воскресъ Христосъ, апостолы стали совершать чудеса, но сорокъ дней Онъ пребывалъ съ ними на землѣ. Почему — сорокъ дней, это мы объяснимъ въ другое время; теперь же обратимся къ предмету нашей рѣчи и замѣтимъ, что Христосъ не тотчасъ по воскресеніи вознесся на небо, но сорокъ дней пребывалъ съ учениками на землѣ, и не просто пребывалъ, но и обращался съ ними, принималъ участіе въ ихъ трапезѣ, бесѣдовалъ съ ними, и по прошествіи сорока дней восшелъ къ Отцу на небеса; но и не тогда они стали творить чудеса, а прошли еще другіе десять дней, и уже по исполненіи Пятидесятницы посланъ былъ имъ Духъ Святый; тогда, принявъ огненные языки, они и начали творить чудеса. Все это, возлюбленные, мы подтвердимъ вамъ изъ Писаній; именно, — что Онъ пребывалъ съ ними сорокъ дней, что Духъ Святый низшелъ послѣ Пятидесятницы, что тогда апостолы приняли огненные языки, что съ того времени они и начали совершать знаменія. Кто же говоритъ о всемъ этомъ? Ученикъ Павла, достотчимый и великій Лука, начавшій рѣчь свою такъ: *первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити даже до дне, въ оньже, заповѣдавъ Апостоломъ Духомъ Святымъ, ихже избра, вознесеся. Предъ нимиже и постави Себе жива по страданіи своемъ, во мнозѣхъ истинныхъ знаменіихъ деньми четыредесятьми являяся имъ, и глаголя, яже о царствіи Божіи: съ нимиже и ядый, повелѣ имъ отъ Іерусалима не отлучатися* (Дѣян. I, 1—4). Видишь ли, что Господь по воскресеніи пребывалъ сорокъ дней на землѣ, говорилъ о царствѣ Божіемъ и обра-

щался съ апостолами? Видишь ли, что Онъ принималъ участіе и въ ихъ трапезѣ? И *повелѣ имъ*, говоритъ, *отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отча, еже слышасте отъ Мене: яко Іоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися ду-* 105
хомъ Святымъ не по мнозѣхъ сихъ днехъ (Дѣян. I, 4, 5). Объ этомъ говорилъ Спаситель въ теченіе сорока дней. *Они же убо сошедшеся вопрошаху Его, глаголюще: Господи, аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево? Рече же къ нимъ: нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти: но пріимете силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидѣтеліе во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи, и даже до послѣднихъ земли. И сія рекъ, зрящымъ имъ взятся, и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ* (Дѣян. I, 6—9). Видишь, какъ Христосъ пребывалъ съ ними на землѣ сорокъ дней и вознесся на небеса. Но посмотримъ, въ Пятидесятницу ли посланъ былъ Духъ Святый. *И егда скончавашася*, говорится въ Писаніи, *дніе Пятьдесятницы, бысть внезапу съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну: и явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни, сѣде же на единѣмъ коемждо ихъ* (Дѣян. II, 1—3). Видите ли точное указаніе на то, что Христосъ оставался на землѣ сорокъ дней и что апостолы еще не творили чудесъ? И какъ могли они творить чудеса, не получивъ еще благодати Святаго и животворящаго Духа?

Видите ли, что Іисусъ вознесся на небо послѣ сорока дней? Видите ли еще, что чрезъ десять дней послѣ того апостолы стали творить чудеса? Потому что по исполненіи дней Пятидесятницы ниспосланъ былъ Духъ Святый. Теперь остается рѣшить, почему Дѣянія Апостольскія читаются въ Пятидесятницу. Если бы апостолы тогда начали совершать знаменія, т. е. по воскресеніи Господа, то тогда и слѣдовало бы читать эту книгу: какъ относящееся ко кресту мы читаемъ въ день креста, равнымъ образомъ относящееся къ воскресенію—въ день воскресенія, и въ каждый праздникъ читаемъ относящееся къ этому празднику, такъ слѣдовало бы о чудесахъ апостольскихъ читать въ дни апостольскихъ знаменій.

6. Почему же мы не тогда читаемъ о нихъ, но тотчасъ послѣ креста и воскресенія? Всю причину этого выслушайте со вниманіемъ. Тотчасъ послѣ креста мы возвѣщаемъ воскресеніе Христово, а доказательствомъ воскресенія служатъ знаменія апостольскія, знаменія же апостольскія излагаются въ этой книгѣ (Дѣяній). Такимъ образомъ чѣмъ особенно подтверждается истина воскресенія Господня, то отцы установили читать тотчасъ послѣ креста и живоноснаго воскресенія. Итакъ для того, возлюбленные, тотчасъ послѣ креста и воскресенія мы читаемъ о знаменіяхъ

апостольскихъ, чтобы намъ имѣть ясное и несомнѣнное доказательство воскресенія. Ты не видѣлъ Самого воскресшаго глазами
106 тѣлесными, но видишь Его воскресшаго очами вѣры; этими глазами ты не видѣлъ Самого воскресшаго, но при помощи тѣхъ чудесъ увидишь Его воскресшаго. Явленіе знаменій руководитъ тебя къ созерцанію вѣрою. И то, что именемъ Его совершались знаменія, было лучшимъ и яснѣйшимъ доказательствомъ (воскресенія), нежели явленіе Самого воскресшаго. Хочешь ли узнать, какъ это лучше подтверждаетъ истину воскресенія, чѣмъ если бы Онъ Самъ явился предъ глазами всѣхъ людей? Слушайте внимательно, потому что многіе спрашиваютъ объ этомъ и говорятъ: почему Господь воскресши не явился тотчасъ іудеямъ? Это вопросъ излишній и напрасный. Если бы была надежда обратить іудеевъ къ вѣрѣ, то Онъ не преминулъ бы по воскресеніи явиться всѣмъ. А что не было надежды, чтобы Онъ, явившись имъ по воскресеніи, обратилъ ихъ къ вѣрѣ, это видно изъ событія съ Лазаремъ. Воскресивъ этого четверодневнаго мертвеца, смердѣвшаго и истлѣвавшаго, и повелѣвъ ему, связанному повязками, выйти предъ глазами всѣхъ, Онъ не только не обратилъ ихъ къ вѣрѣ, но и возбудилъ ненависть, потому что собравшись они хотѣли даже убить Его за это (Іоан. XII, 10). Если же тогда, когда Онъ воскресилъ другого, они не увѣровали, то, если бы Онъ, воскресивъ Себя, явился имъ, не пришли ли бы они опять въ неистовство противъ Него? И хотя они не могли бы имѣть никакого успѣха, но показали бы свое нечестіе покушеніемъ.

Поэтому, желая избавить ихъ отъ излишняго неистовства, Онъ сокрылъ Себя, потому что сдѣлалъ бы ихъ еще болѣе достойными наказанія, если бы явился имъ послѣ крестныхъ страданій. Потому, щадя ихъ, Онъ и сокрылъ Себя отъ ихъ взоровъ, а показалъ явленіемъ знаменій, потому что слышать слова Петра: *во имя Іисуса Христа востани и ходи* (Дѣян. III, 6), значило не меньше, какъ и видѣть Самого воскресшаго. А что дѣйствительно это есть величайшее доказательство воскресенія и удобнѣе приводитъ къ вѣрѣ, чѣмъ послѣднее, и что явленіе знаменій, совершаемыхъ во имя Его, лучше могло убѣдить умы людей, нежели лицезрѣніе Самого воскресшаго, это видно изъ слѣдующаго: Христосъ воскресъ и явился ученикамъ; но и между ними нашелся нѣкто невѣрующій, Ѳома называемый Дидимъ, и нужно было ему вложить руки въ язвы гвоздиныя, нужно было и осязать ребра Его (Іоан. XX, 24). Если же ученикъ, обращавшійся съ Нимъ три года, участвовавшій въ трапезѣ Господней, видѣвшій величайшія знаменія и чудеса, слушавшій бесѣды Господа, увидѣвъ Его воскресшаго, не прежде увѣровалъ, какъ осмотрѣвъ язвы гвозди-

ныя и раны отъ копья, то скажи мнѣ, могла ли бы увѣровать вселенная, если бы увидѣла Его воскресшаго? Кто можетъ сказать это? И не только съ этой, но и съ другой стороны мы покажемъ, что знаменія убѣждали больше, чѣмъ лицезрѣніе воскресшаго. Народъ, услышавъ Петра, сказавшаго хромому: *во имя Іисуса Христа востани и ходи,* увѣровалъ во Христа въ числѣ трехъ тысячъ, а потомъ въ числѣ пяти тысячъ мужей; ученикъ же, увидѣвъ воскресшаго, не вѣровалъ. Видишь ли, какъ первое гораздо удобнѣе приводило къ вѣрѣ въ воскресеніе? Увидѣвъ воскресшаго, и собственный ученикъ Его не вѣровалъ, а увидѣвъ знаменія, и враги увѣровали. Такъ послѣднее было дѣйствитель- 107
нѣе и яснѣе перваго, и болѣе располагало и увѣряло ихъ въ воскресеніи. Но что я говорю о Ѳомѣ? И прочіе ученики не увѣровали при первомъ видѣніи. Выслушай объ этомъ внимательно, но не осуждай ихъ, возлюбленный: если Христосъ не осудилъ ихъ, то не осуждай ихъ и ты. Ученики увидѣли дѣло дивное и необычайное, увидѣли воскресшимъ перворожденнаго изъ мертвыхъ; а такія величайшія чудеса обыкновенно сначала поражаютъ, пока со временемъ не утвердятся въ душахъ вѣрующихъ; тоже было тогда и съ учениками. Когда воскресшій изъ мертвыхъ Христосъ сказалъ имъ: *миръ вамъ*, тогда они, говоритъ евангелистъ, *убоявшеся и пристрашни бывше, мняху духъ видѣти, и рече имъ Іисусъ: что смущени есте?* И потомъ, показавъ имъ руки и ноги, *еще невѣрующимъ имъ отъ радости и чудящымся, рече имъ: имате ли что снѣдно здѣ*, желая чрезъ это увѣрить ихъ въ воскресеніи (Лук. XXIV, 36—41). Тебя не убѣждаютъ, говоритъ Онъ, ни ребра, ни раны; пусть же по крайней мѣрѣ убѣдитъ трапеза.

7. А чтобы тебѣ вѣрнѣе узнать, что Онъ для того сказалъ: *имате ли что снѣдно здѣ*, дабы они не подумали, что предъ ними призракъ, или духъ, или привидѣніе, но истинное и дѣйствительное воскресеніе, послушай, какъ Петръ этимъ доказываетъ воскресеніе. Сказавъ: *сего Богъ воскреси и даде Ему явленну быти намъ свидѣтелемъ преднареченнымъ,* онъ потомъ, приводя доказательство воскресенія, прибавилъ: *иже съ Нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. X, 40, 41). Поэтому и въ другомъ мѣстѣ Христосъ, воскресивъ мертвую и желая увѣрить въ воскресеніи, сказалъ: *дадите ей ясти* (Марк. V, 43). Итакъ, когда ты услышишь, что Онъ *постави Себе жива, денми четыредесятми являяся имъ, и ядый съ ними,* то знай причину этого вкушенія пищи, именно: Онъ вкушалъ пищу, не имѣя самъ въ ней нужды, но желая исправить немощь учениковъ. Отсюда видно, что чудеса и знаменія апостоловъ были величайшимъ доказательствомъ воскресенія (Христова).

Почему и самъ Онъ говоритъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12). Такъ какъ предшествовавшій крестъ соблазнялъ весьма многихъ, то и нужны были послѣ того бóльшія знаменія. Если бы умершій Христосъ остался въ смерти и во гробѣ и не воскресъ, — какъ говорятъ іудеи, — и не восшелъ на небеса, то не только не совершались бы бóльшія знаменія послѣ креста, но и прежде совершенныя должны были бы потерять силу. Слушайте меня здѣсь со вниманіемъ; то, что говорю я, служитъ доказательствомъ несомнѣнности воскресенія; поэтому я повторю сказанное. Христосъ прежде творилъ чудеса, воскрешалъ мертвыхъ, очищалъ прокаженныхъ, изгонялъ бѣсовъ; потомъ Онъ былъ распятъ и, какъ говорятъ беззаконные іудеи, не воскресъ изъ мертвыхъ. Что же мы скажемъ имъ? Слѣдующее: если Онъ не воскресъ, то какъ послѣ того именемъ Его совершаемы были
108 бóльшія знаменія? Никто изъ живущихъ, когда умиралъ, по смерти не совершалъ бóльшихъ знаменій, а здѣсь послѣ этого были чудеса бóльшія и по образу совершенія и по своему свойству. Были бóльшія по свойству, потому что никогда тѣнь Христова не воскрешала мертвыхъ, а тѣни апостоловъ совершили много такого. Были знаменія бóльшія и по образу совершенія, потому что тогда Онъ Самъ повелѣніемъ совершалъ чудеса, а послѣ креста служители Его, призывая досточтимое и святое имя Его, совершали бóльшія и высшія дѣла, въ которыхъ больше и славнѣе проявилась сила Его. Въ самомъ дѣлѣ, гораздо важнѣе, когда другой творилъ чудеса, призывая имя Его, чѣмъ когда Онъ самъ совершалъ тоже своимъ повелѣніемъ. Видишь ли, возлюбленный, бóльшія и по свойству и по образу совершенія знаменія, совершенныя апостолами послѣ воскресенія Христова? Итакъ, они — несомнѣнное доказательство воскресенія. Чтó говорилъ я, тó опять повторю: если бы Христосъ умерши не воскресъ, то и знаменія должны были бы окончиться и прекратиться; а теперь они не только не прекратились, но и происходили послѣ этого важнѣйшія и славнѣйшія. Если бы Христосъ не воскресъ, то другіе именемъ Его не совершали бы такихъ знаменій, потому чтó одна и таже сила совершала чудеса и прежде креста и послѣ креста, только прежде креста чрезъ самого (Христа), а послѣ — чрезъ учениковъ Его. А чтобы доказательство воскресенія было яснѣе, и славнѣе, для этого послѣ креста были знаменія бóльшія и высшія. Но откуда извѣстно, — скажетъ невѣрный, — что тогда были знаменія? А откуда извѣстно, что Христосъ былъ распятъ? Изъ божественныхъ Писаній, скажешь. Точно, изъ священныхъ Писаній извѣстно, что тогда были знаменія и что Христосъ былъ распятъ; они повѣст-

вуютъ о томъ и другомъ. Если же противникъ скажетъ, что апостолы не совершали знаменій, то еще больше покажетъ ихъ силу и божественную благодать (тѣмъ), что они безъ знаменій обратили къ благочестію такую вселенную. Это—величайшее знаменіе и дивное чудо, что люди бѣдные, ничего неимѣвшіе, незнатные, неученые, простые, презираемые и числомъ двѣнадцать, могли безъ знаменій привлечь къ себѣ столько городовъ, племенъ народовъ, царей, властителей, философовъ, риторовъ и, такъ сказать, всю землю. Хочешь ли видѣть знаменія, совершающіяся и нынѣ? Я покажу тебѣ знаменія еще бо́льшія прежнихъ: не одного мертваго воскрешаемаго, не одного слѣпого прозирающаго, но всю землю, свергнувшую мракъ заблужденія; не одного прокаженнаго очищаемаго, но столько народовъ, исцѣлившихся отъ грѣховной проказы и очистившихся банею пакибытія. Чего еще больше этихъ знаменій ищешь ты, человѣкъ, видя такую перемѣну вселенной, происшедшую внезапно?

8. Хочешь ли знать, какъ Христосъ даровалъ прозрѣніе вселенной? Прежде люди не считали дерева и камня деревомъ и камнемъ, а называли безчувственныя вещи богами: такъ они были ослѣплены; теперь же они узнали, что̀—дерево и что̀ — камень, и увѣровали что̀ — Богъ, потому что одною вѣрою созерцается это безсмертное и блаженное Существо. Хочешь ли видѣть и другое знаменіе воскресенія? Ты увидишь его въ
душѣ учениковъ; и это знаменіе сдѣлалось бо́льшимъ послѣ 109
воскресенія. Всѣмъ извѣстно, что и тотъ, кто хорошо расположенъ къ человѣку при его жизни, по смерти его, можетъ быть, и не воспоминаетъ объ немъ, а кто не хорошо расположенъ къ живому человѣку и оставилъ его при жизни, тотъ тѣмъ болѣе забываетъ о немъ послѣ смерти. Поэтому, никто изъ людей, оставивъ и покинувъ друга-учителя, при его жизни, не станетъ дорожить имъ послѣ его смерти, особенно если за привязанность къ нему увидитъ угрожающія ему безчисленныя опасности. Но вотъ, чего ни съ кѣмъ не бываетъ, то́ произошло со Христомъ и апостолами: тѣ, которые отреклись и отстали отъ Него при Его жизни, оставили Его, когда Онъ былъ взятъ, и разбѣжались, тѣ послѣ безчисленныхъ поношеній и креста стали такъ высоко почитать Его, что и души свои положили за исповѣданіе и вѣру въ Него. Если бы Христосъ умерши не воскресъ, то какъ объяснить, что тѣ, которые при жизни Его разбѣжались отъ угрожавшей опасности, по смерти Его подвергли себя за Него безчисленнымъ опасностямъ? Прочіе всѣ разбѣжались, а Петръ даже отрекся отъ Него съ клятвою трижды; но тотъ, кто отрекся отъ Него съ клятвою трижды и устрашился угрозы простой служанки, по смерти Его,

желая убѣдить насъ самымъ дѣломъ, что онъ видѣлъ самого воскресшего, внезапно перемѣнился такъ, что не устрашился цѣлаго народа, вошелъ въ собраніе іудеевъ и сказалъ, что распятый и погребенный воскресъ изъ мертвыхъ въ третій день и восшелъ на небеса, и что онъ самъ не боится никакого бѣдствія. Откуда же у него явилась такая смѣлость? Откуда болѣе, какъ не отъ увѣренности въ воскресеніи? Такъ какъ онъ видѣлъ Его, бесѣдовалъ съ Нимъ, слышалъ Его предсказанія о будущемъ, то и подвергалъ себя опасности за Него, какъ за живого, и съ такою смѣлостію рѣшался на всѣ бѣдствія и получилъ столь великую силу и столь великое дерзновеніе, что умеръ за Него и распятъ на крестѣ внизъ головою. Итакъ, когда ты видишь, что совершаются бóльшія знаменія, и что ученики, прежде оставившіе Его, стали питать бóльшую привязанность къ Нему и оказываютъ бóльшее дерзновеніе, и во всѣхъ отношеніяхъ произошла блистательнѣйшая перемѣна обстоятельствъ и все пришло въ надежное и отрадное состояніе, то убѣдись самымъ опытомъ, что дѣла Христовы не продолжались только до Его смерти, но за смертію послѣдовало воскресеніе, и что распятый живетъ и пребываетъ постоянно неизмѣннымъ Богомъ. Если бы Онъ не воскресъ и не ожилъ, то ученики не совершали бы послѣ того знаменій бóльшихъ, чѣмъ какія совершаемы были прежде креста. Тогда и ученики оставили Его; а теперь притекаетъ къ Нему вся вселенная, и не только Петръ, но и тысячи другихъ, и еще больше послѣ Петра, такихъ, которые не видали Его, предали за Него души свои, отдали свои головы на отсѣченіе и претерпѣли без-
110 численное множество бѣдствій, чтобы умереть, сохранивъ цѣлою и неприкосновенною вѣру въ Него. Какимъ же образомъ мертвый и пребывающій во гробѣ, — какъ говоришь ты, іудей, — явилъ во всѣхъ, бывшихъ и послѣ апостоловъ, такую силу и могущество, убѣдивъ ихъ покланяться Ему одному и рѣшиться претерпѣть все и пострадать, чтобы не потерять вѣру въ Него? Видишь ли во всемъ этомъ ясное доказательство воскресенія: въ знаменіяхъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ, въ расположеніи учениковъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ, въ опасностяхъ, которымъ подвергались вѣрующіе? Хочешь ли видѣть, что и сами враги боялись Его силы и могущества, и тревожились гораздо больше послѣ креста? Послушай и объ этомъ со вниманіемъ. *Видяще же,* говорится въ Писаніи, *іудеи Петрово дерзновеніе и Іоанново, и разумѣвше, яко человѣка некнижна еста и проста, дивляхуся* (Дѣян. IV, 13), и боялись, не потому, что они были неученые, но потому, что, будучи неучеными, они побѣждали всѣхъ мудрецовъ; *и видяще исцѣлѣвшаго человѣка съ нима стояща, ничтоже имяху противорещи* (Дѣян.

IV, 14), тогда какъ прежде противорѣчили, видя совершаемыя знаменія. Почему же тогда они не противорѣчили? Ихъ языкъ удержала невидимая сила распятаго; Онъ заградилъ имъ уста; Онъ обуздалъ ихъ дерзость; поэтому они и стояли, не могши ничего сказать вопреки. А когда они и говорили, то, посмотри, какъ обнаруживали свой страхъ: *хощете,* говорятъ они, *навести на ны кровь человѣка сего* (Дѣян. V, 28). Но если Онъ простой человѣкъ, то отчего ты боишься крови Его? Сколькихъ пророковъ убилъ ты, іудей, сколькихъ праведниковъ умертвилъ, и не страшился крови никого изъ нихъ: отчего-же здѣсь ты боишься? Поистинѣ, потрясъ совѣсть ихъ распятый, и они, не будучи въ силахъ скрыть своего смущенія, невольно предъ противниками и исповѣдаютъ собственное безсиліе. Когда они распинали Его на крестѣ, то кричали: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Матѳ. XXVII, 25): такъ они презирали кровь Его! А послѣ креста, увидѣвъ возсіявшую силу Его, они страшатся, смущаются и говорятъ: *хощете навести на ны кровь человѣка сего.* Если Онъ былъ обманщикъ и богопротивникъ, какъ говорите вы, беззаконные іудеи, то отчего вы боитесь Его крови? Напротивъ, слѣдовало бы даже хвалиться этимъ убіеніемъ, если бы Онъ былъ дѣйствительно таковъ. Но такъ какъ Онъ былъ не таковъ, то они и трепещутъ.

9. Видишь ли, какъ вездѣ и сами враги смущаются и страшатся? Видишь ли ихъ смущеніе? Узнай и человѣколюбіе распятаго. Они говорили: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Мат. XXVII, 25), а Христосъ не такъ поступилъ, но, умоляя Отца, говорилъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Если бы кровь Его была на нихъ и на дѣтяхъ ихъ, то изъ числа дѣтей ихъ не были бы апостолы, также не увѣровали бы вдругъ три тысячи и пять тысячъ. Видишь ли, какъ они были жестоки и безчеловѣчны къ своимъ дѣтямъ и отрекались отъ самой природы, а Богъ былъ человѣколюбивѣе всѣхъ отцевъ и любвеобильнѣе матерей? Кровь Его была на нихъ и на 111
дѣтяхъ ихъ, но не на всѣхъ дѣтяхъ, а только на тѣхъ, которыя подражали нечестію и беззаконію отцевъ, и только тѣ, которыя были сынами ихъ не по преемству природы, а по произвольному безумію, подверглись бѣдствіямъ.

Замѣть еще благость и человѣколюбіе Божіе и съ другой стороны. Онъ не тотчасъ навелъ на нихъ наказаніе и бѣдствія, но спустя сорокъ и болѣе лѣтъ послѣ креста. Самъ Спаситель былъ распятъ при Тиверіѣ, а городъ ихъ взятъ при Веспасіанѣ и Титѣ. Почему же Онъ медлилъ столько времени? Онъ хотѣлъ дать имъ время для покаянія, чтобы они оставили свои грѣхи и загладили преступленія. Но такъ какъ они, и получивъ время для покаянія, остались неисцѣльными, то Онъ, наконецъ, навелъ на нихъ

наказаніе и бѣдствія, и разрушивъ городъ, изгналъ и разсѣялъ ихъ по всей вселенной, впрочемъ показавъ и въ этомъ свое человѣколюбіе. Онъ разсѣялъ ихъ для того, чтобы они видѣли, какъ распятому ими Христу поклоняются по всей вселенной, чтобы, видя поклоненіе, воздаваемое Ему отъ всѣхъ, и познавъ Его силу, они сознали чрезмѣрность собственнаго нечестія и сознавъ обратились къ истинѣ. Такъ самое изгнаніе было для нихъ назиданіемъ и наказаніе вразумленіемъ, потому что если бы они остались въ землѣ іудейской, то не убѣдились бы въ истинности пророковъ. А что говорили пророки? *Проси отъ Мене, и дамъ ти языки достояніе твое, и одержаніе твое концы земли* (Псал. II, 8). Поэтому іудеямъ надлежало достигнуть предѣловъ земли, чтобы увидѣть собственными глазами, что Христосъ обладаетъ и предѣлами земли. Также другой пророкъ говоритъ: *и поклонятся Ему кійждо отъ мѣста своего* (Соф. II, 11). Поэтому надле-
112 жало имъ разсѣяться по всѣмъ мѣстамъ земли, чтобы увидѣть собственными глазами, что каждый поклоняется Ему съ мѣста своего. И еще другой сказалъ: *наполнится земля вѣдѣнія* Господня, *якоже вода многа* для покрытія морей (Авв. II, 14). Поэтому надлежало имъ разойтись по всей землѣ, чтобы увидѣть ее исполненною вѣдѣнія Господня, и моря, т. е. эти духовныя церкви, исполненными благочестія. Для этого Богъ разсѣялъ ихъ по всей землѣ, потому что, если бы они остались въ Іудеѣ, то не узнали бы этого. Онъ хочетъ, чтобы они сами собственными глазами удостовѣрились и въ истинности пророковъ и въ Его силѣ, чтобы они, если вразумятся, были приведены чрезъ это къ истинѣ, а если останутся въ нечестіи, то не имѣли бы никакого оправданія въ страшный день суда. Для того Онъ и разсѣялъ ихъ по всей вселенной, чтобы и мы получили отсюда нѣкоторую пользу, т. е. видя исполненіе тѣхъ пророчествъ о разсѣяніи ихъ и о взятіи Іерусалима, которыя предсказали Даніилъ, когда онъ упоминалъ о *мерзости запустѣнія* (Дан. IX, 27), и Малахія, когда онъ говорилъ, что *и въ васъ затворятся двери* (Мал. I, 10), и Давидъ, и Исаія и многіе другіе пророки, чтобы мы, видя прогнѣвавшихъ Господа такъ наказанными, лишенными отечественной свободы и всѣхъ собственныхъ законовъ и отеческихъ преданій, познали Его силу, предсказавшую и исполнившую это, — чтобы враги изъ нашихъ благъ увидѣли силу Его, а мы изъ ихъ наказаній познали неизреченное Его человѣколюбіе и могущество, и во всю свою жизнь прославляли Его, дабы намъ получить и вѣчныя и неизреченныя блага, благодатію и человѣкобіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, честь и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

по прочтеніи мѣста: Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ (Дѣян. xi, 1), когда всѣ ожидали, что будетъ сказана бесѣда на начало ix гл. Дѣяній,—о томъ, что призваніе Павла есть доказательство воскресенія.

1. Можно ли это снести? Можно ли стерпѣть? Собраніе у насъ 113
съ каждымъ днемъ становится меньше. Городъ полонъ людей, а
церковь пуста; площадь, театры и портикъ полны, а домъ Божій
пустъ. А лучше, если сказать правду, городъ пустъ, а церковь
полна людей. Людьми называть должно не тѣхъ, которые на площади,
а васъ, которые въ церкви; не тѣхъ безпечныхъ, а васъ-
усердныхъ; не тѣхъ, которые пристрастились къ житейскому, а
васъ, которые житейскому предпочитаете духовное. Не тотъ чело-
вѣкъ, у кого есть тѣло и голосъ человѣческій, а тотъ, у кого 114
есть душа человѣческая и душевное настроеніе. А о душѣ чело-
вѣческой ничто такъ не свидѣтельствуетъ, какъ любовь къ слову
Божію; равно ничто такъ не показываетъ и не обличаетъ души
скотоподобной и неразумной, какъ пренебреженіе къ слову Божію.
Хочешь знать, что небрегущіе о слышаніи слова Божія, этимъ
небреженіемъ, потеряли человѣчество (τὸ εἶναι ἄνθρωποι), и утра-
тили самое природное достоиство свое? Скажу вамъ не свое слово,
но пророческое реченіе, подтверждающее мою мысль, чтобы вы
видѣли, что нелюбящіе духовныхъ словъ не могутъ быть и
людьми, чтобы вы видѣли, что городъ у насъ обезлюдѣлъ. Громо-
гласнѣйшій Исаія, этотъ созерцатель чудныхъ видѣній, удостоив- 115
шійся еще во плоти видѣть серафимовъ и слышать ту таинствен-
ную пѣснь,—онъ, вошедши въ многолюдную столицу іудейскую,
то есть, въ Іерусалимъ, стоя на срединѣ площади, тогда какъ
окружалъ его весь народъ,—желая показать, что не слушающій
пророческихъ словъ не-человѣкъ, взывалъ такъ: *пріидохъ, и не
бяше человѣка; звахъ, и не бѣ послушающаго* (Ис. L, 2). И въ до-
казательство, что онъ сказалъ это, не по совершенному недостатку
присутствующихъ, но изъ-за безпечности слушателей, послѣ словъ:
пріидохъ, и не бяше человѣка, прибавилъ: *и не бѣ послушающаго.*
Стало быть, присутствующіе были, только не считались присут-
ствующими, потому что не слушали пророка. Поэтому онъ, какъ
пришелъ, *и не бяше человѣка,* звалъ, *и не бѣ послушающаго,* обра-
щаетъ рѣчь къ стихіямъ, и говоритъ: *слыши, небо, и внуши, земле*
(Ис. i, 2). Я, говоритъ, посланъ къ людямъ,—къ людямъ, имѣю-
щимъ умъ; но такъ какъ нѣтъ у нихъ ни разсудка, ни чувства,

то обращаюсь съ словомъ къ стихіямъ, не имѣющимъ чувства, въ обличеніе одаренныхъ чувствомъ, но не пользующихся этимъ преимуществомъ. Такъ говоритъ и другой пророкъ, Іеремія. И онъ, стоя среди множества іудеевъ, въ томъ же самомъ городѣ, какъ будто бы не было никого, восклицалъ такъ: *кому возглаголю и засвидѣтельствую* (Іер. VI, 10)? Что говоришь? Видя такое множество людей, спрашиваешь, съ кѣмъ заговорить тебѣ? Да, говоритъ, тѣлъ много, но—не людей; много тѣлъ, у которыхъ нѣтъ слуха. Поэтому и прибавилъ: *не обрѣзана ушеса ихъ, и слышати не возмогутъ*. Видишь, что все это не-люди, изъ-за того, что не слышатъ? Тотъ (Исаія) говоритъ: *пріидохъ, и не бяше человѣка; звахъ, и не бѣ послушающаго*, а этотъ (Іеремія) говоритъ: *кому возглаголю и засвидѣтельствую? Не обрѣзана ушеса ихъ, и слышати не возмогутъ*. Если же пророки о присутствующихъ говорятъ, что они не-люди, потомучто не внимали усердно словамъ (пророческимъ), то что́ сказать намъ о тѣхъ, которые не только не слушаютъ, но и не хотятъ войти въ это святилище, о тѣхъ, которые блуждаютъ внѣ этого священнаго стада, находятся вдали отъ этого матерняго дома, на распутіяхъ и переулкахъ, какъ безпорядочныя и лѣнивыя дѣти? И эти, оставя отцовскій домъ, бродятъ кое-гдѣ внѣ, и цѣлые дни проводятъ въ дѣтскихъ играхъ. Отъ этого такія дѣти часто теряютъ и свободу, и жизнь, попадаются въ руки похитителей и воровъ, и часто, въ наказаніе за вольность, подвергаются смерти, потому что тѣ, взявши ихъ, и снявъ (съ нихъ) золотыя украшенія, или топятъ ихъ въ волнахъ рѣчныхъ, или, если захотятъ поступить съ ними нѣсколько человѣколюбивѣе, отводятъ ихъ въ чужую землю и лишаютъ свободы. Это же бываетъ и съ неприходящими въ церковь. И они, какъ уклонятся отъ отчаго дома и пребыванія здѣсь, попадаются въ уста еретиковъ и на языки враговъ истины, а эти, схвативъ ихъ,
116 какъ похитители, и отнявъ у нихъ златое украшеніе вѣры, тотчасъ убиваютъ ихъ, не бросая въ рѣку, но погружая въ мутные догматы злочестія.

2. Ваше бы дѣло позаботиться о спасеніи этихъ братьевъ и привести ихъ къ намъ, какъ бы они ни противились, какъ бы ни упорствовали, какъ бы ни отговаривались, какъ бы ни огорчались. Это упорство и нерадѣніе свойственно дѣтской душѣ. Но вы исправьте ихъ душу, столько еще несовершенную. Ваше дѣло заставить ихъ быть людьми. Какъ мы того, кто отвращается человѣческой пищи и ѣстъ, со скотами, тернія и травы, не можемъ назвать человѣкомъ, такъ точно не можемъ назвать человѣкомъ и того, кто не любитъ истинной и приличной душѣ человѣческой пищи, т. е. слова Божія, но сидитъ въ мірскихъ собраніяхъ

и сборищахъ, гдѣ всегда бездна разврата, и питается нечестивыми рѣчами. Человѣкъ, по-нашему, не тотъ, кто только питается хлѣбомъ, но кто, преимущественно предъ этою пищею, вкушаетъ божественныя и духовныя слова. И (для удостовѣренія), что это—человѣкъ, послушай Христа, который говоритъ: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. IV, 4). Стало быть, (необходимая для) жизни нашей пища—двоякая: одна хуже, другая лучше; и надобно болѣе всего принимать эту послѣднюю, чтобы и питать душу, и не давать ей мучиться голодомъ. Вамъ бы слѣдовало сдѣлать нашъ городъ полнымъ людей. Такъ какъ обезлюдѣлъ этотъ великій и многолюдный городъ, то вамъ бы слѣдовало оказать это благодѣяніе отчизнѣ своей,—привлечь братьевъ (сюда), сообщивъ имъ, что вы слышали здѣсь. Въ самомъ дѣлѣ, и въ томъ, что мы вкушали трапезы, удостовѣряемъ (другихъ) не тогда, когда только хвалимъ трапезу, но когда можемъ и не вкушавшимъ ея дать что-нибудь изъ бывшихъ на ней яствъ. Это и вы сдѣлайте теперь, и тогда непремѣнно будетъ одно изъ двухъ,—или вы убѣдите ихъ возвратиться къ намъ, или, если они и останутся въ своемъ упорствѣ, то напитаются вашимъ языкомъ, а вѣрнѣе, возвратятся (сюда) непремѣнно. Не захотятъ же они кормиться милостынею, тогда какъ могутъ по праву вкушать этой отеческой трапезы. Я твердо надѣюсь и вѣрю, что вы это дѣлаете, или уже сдѣлали, или сдѣлаете, потому что и самъ я непрестанно внушалъ это, и вы обогащены познаніемъ и можете вразумлять и другихъ. Теперь же время предложить вамъ нашу трапезу, конечно, ничтожную, скудную и весьма бѣдную, съ прекрасною однакожъ приправою,—съ вашимъ усердіемъ къ слушанію. Трапезу дѣлаетъ самою пріятною не одна дороговизна кушаньевъ, но и алчба званныхъ: такимъ образомъ и великолѣпная трапеза является скудною, когда гости приходятъ безъ голода, и бѣдная кажется богатою, когда садятся за нее голодные. Поэтому и другой нѣкто, зная, что о дороговизнѣ трапезы судятъ не по качеству кушаньевъ, но по расположенію гостей, говоритъ вотъ какъ: *душа, въ сытости сущи, сотамъ ругается: души же нищетнѣй и горькая сладка являются* 117
(Притч. XXVII, 7), не потому, чтобы перемѣнялось самое свойство предлагаемыхъ яствъ, но потому, что расположеніе гостей отнимаетъ у нихъ вкусъ. Если же горькое, отъ голода званныхъ, кажется сладкимъ, тѣмъ болѣе скудное кажется богатымъ. Потому-то и мы, хотя и крайне бѣдные, подражаемъ богатымъ учредителямъ пировъ, приглашая васъ, въ каждое собраніе, къ нашей трапезѣ. А это дѣлаемъ мы, не на свое полагаясь богатство, но будучи увѣрены въ избыткѣ вашего вниманія.

3. Уплатили мы вамъ весь долгъ касательно надписи, т. е., надписи Дѣяній Апостольскихъ. Слѣдовало бы теперь взяться и за начало этой книги и сказать, что̀ такое значитъ: *первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити* (Дѣян. I, 1). Но не позволяетъ мнѣ соблюсти этотъ порядокъ Павелъ, который зоветъ языкъ нашъ къ себѣ и къ своимъ подвигамъ. Мнѣ хочется видѣть его, какъ ведется онъ въ Дамаскъ, связанный не желѣзною цѣпью, но Господнимъ гласомъ; хочется видѣть, какъ поймана эта великая рыба, приводившая въ кипѣніе все море, воздвигавшая на Церковь тысячи волнъ; хочется видѣть, какъ она поймана, не удою, но словомъ Господнимъ. Какъ рыболовъ какой, сидя на высокомъ камнѣ, и поднявъ удилище, опускаетъ уду сверху въ море; такъ и Господь нашъ, открывшій духовную ловитву, какъ бы сидя на высокомъ камнѣ небесномъ, опустилъ сверху, какъ уду, этотъ голосъ и сказалъ: *Савле, Савле, что Мя гониши* (Дѣян. IX, 4), и такимъ образомъ поймалъ эту великую рыбу. И что̀ было съ тою рыбою, которую, по повелѣнію Господню, поймалъ Петръ, тоже случилось и съ этою. И у этой рыбы въ устахъ нашелся статиръ[1]), — только статиръ нечистый, потому что (Павелъ) имѣлъ ревность, *но не по разуму* (Рим. X, 2). Поэтому Богъ, даровавъ ему (истинное) познаніе, сдѣлалъ эту монету настоящею; и, что бываетъ съ пойманными рыбами, тоже было и съ Павломъ. Какъ тѣ, лишь только извлечены будутъ изъ моря, слѣпнутъ; такъ и этотъ, лишь только взялъ уду и извлеченъ былъ, тотчасъ ослѣпъ. Но эта слѣпота заставила прозрѣть всю вселенную. Все это хочется мнѣ видѣть. Вѣдь, если бы постигла насъ война съ иноплеменниками, и враги, ополчившись, сильно безпокоили насъ; потомъ вождь иноплеменниковъ, строившій тысячу козней, приведшій въ безпорядокъ всѣ дѣла наши, повсюду возбудившій смятеніе и волненіе, грозившій разрушить и сжечь самый городъ, а насъ отвести въ неволю,—если бы онъ вдругъ былъ нашимъ царемъ связанъ и приведенъ плѣнникомъ въ городъ: мы всѣ, съ женами и дѣтьми, выбѣжали бы на такое зрѣлище. И теперь, какъ открылась война, когда іудеи все возмущали и приводили въ безпорядокъ, и строили множество козней противъ безопасности Церкви, а главою непріятелей былъ Павелъ, который больше всѣхъ и дѣлалъ и говорилъ,
118 все волновалъ и возмущалъ; и теперь, какъ связалъ его Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Царь нашъ, — связалъ и привелъ плѣнникомъ того, кто все приводилъ въ безпорядокъ: не выйдемъ ли всѣ мы на это зрѣлище, чтобы видѣть, какъ онъ ведется плѣн-

[1]) Еврейская монета.

никомъ? И ангелы, смотря тогда съ небесъ, какъ онъ былъ связанъ и веденъ, ликовали, не потому только, что видѣли его связаннымъ, но потому, что представляли себѣ, какъ многихъ людей избавитъ онъ отъ узъ; не потому, что увидѣли его ведомымъ за руку, но потому, что помышляли, сколь многихъ людей поведетъ онъ съ земли на небо. Такъ они радовались, не потому, что видѣли его ослѣпшимъ, но потому, что помышляли, какъ многихъ выведетъ онъ изъ мрака. Иди, сказалъ (ему Господь), къ язычникамъ, и, освободивъ ихъ отъ тьмы, переведи ихъ въ царство любви Христовой (Дѣян. XXVI, 17, 18). Вотъ почему я, оставя начало (книги Дѣян. Апост.), спѣшу перейти къ срединѣ ея. Павелъ и любовь къ Павлу заставили меня сдѣлать этотъ скачекъ. Да, Павелъ и любовь къ Павлу! Простите мнѣ, а лучше, не простите, но соревнуйте мнѣ въ этой любви. Кто любитъ нечистою любовію, тотъ имѣетъ причину просить прощенія; но кто любитъ такою (какъ я) любовію, тотъ долженъ красоваться ею, долженъ дѣлать многихъ сообщниками этого расположенія и въ тысячахъ (людей) возбуждать подобную своей любовь. Притомъ, еслибы возможно было, (намъ), идя (прямымъ) путемъ и простираясь впередъ по порядку сказать и о томъ, что (въ книгѣ Дѣян. Апост. помѣщено) прежде, и дойти до того, что въ срединѣ ея, мы не перешли бы тотчасъ къ срединѣ, оставя начало; но, такъ какъ законъ отцевъ повелѣваетъ—послѣ Пятидесятницы отлагать эту книгу, и вмѣстѣ съ окончаніемъ этого праздника прекращается чтеніе книги, то я побоялся, чтобы, тогда какъ остановимся мы на изъясненіи начала (книги), не ускользнула отъ нашего разсмотрѣнія дальнѣйшая исторія. Поэтому я отступилъ отъ начала расказа, и, держась за вступленіе исторіи, какъ бы сзади головы, велѣлъ вамъ остановиться и стать въ началѣ пути. Коснувшись головы разсказа, я смѣло уже буду разсматривать все остальное, хоть и пройдетъ праздникъ. Никто тогда не станетъ обвинять насъ въ неблаговремености, потому что самая необходимость послѣдовательности избавитъ насъ отъ обвиненій въ неблаговременности. Вотъ почему я отъ вступленія перешелъ къ срединѣ. А что невозможно было дойти до Павла, идя (прямымъ) путемъ, но что скорѣе бы эта книга (Дѣян. Апост.) убѣжала отъ нашего языка и заперла предъ нами двери, это покажу вамъ изъ самаго вступленія, хотя это ясно уже и само собою.

4. Въ самомъ дѣлѣ, если мы половину праздника [1]) упо-

---

1) Подъ праздникомъ разумѣется все время отъ дня Пасхи до дня Сошествія Св. Духа.

требили на то, что прочитали и изъяснили только одну надпись [1]), то, когда бы мы рѣшились, начавъ со вступленія, пустить слово и въ самое море книги, сколько бы употребили времени на то, чтобы дойти до сказаній о Павлѣ? А лучше постараюсь выяснить вамъ это изъ самаго вступленія. *Первое слово сотворихъ о всѣхъ, о Өеофиле* (Дѣян. I, 1). Сколько, думаете, здѣсь вопросовъ? Первый: для чего (ев. Лука) напоминаетъ ему (Өеофилу) о первой своей
119 книгѣ [2]). Второй: для чего называетъ (эту книгу) словомъ (λόγον), а не Евангеліемъ, между тѣмъ какъ Павелъ называетъ ее Евангеліемъ, когда говоритъ о Лукѣ такъ: *егоже похвала во Евангеліи по всѣмъ церквамъ* (2 Кор. VIII, 18). Третій: для чего говоритъ: *о всѣхъ, яже сотвори Іисусъ*. Если Іоаннъ, этотъ возлюбленный Христовъ, имѣвшій такое дерзновеніе, удостоившійся приклониться къ святой той груди, почерпнувшій оттуда источники Духа, если уже онъ не осмѣлился сказать этого, но былъ такъ остороженъ, что сказалъ: *аще бы по единому писана быша вся, яже сотвори Іисусъ, ни самому, мню, міру вмѣстити пишемыхъ книгъ* (Іоан. XXI 25), то какъ этотъ (Лука) осмѣлился сказать: *первое слово сотворихъ о всѣхъ, о Өеофиле, яже сотвори Іисусъ?* Развѣ этотъ вопросъ кажется вамъ маловажнымъ? Притомъ, тамъ (въ Евангеліи сказано): *державный Өеофиле* (Лук. I, 3), имя съ прилагательнымъ почетнымъ. А святые не просто такъ говорили, и мы, кажется, уже отчасти доказали и то, что въ Писаніи ни одна іота, ни одна черта не употреблена напрасно. Итакъ, если столько вопросовъ во вступленіи, то какъ много времени потратили бы мы, когда бы стали разсматривать все по порядку? Вотъ, почему я долженъ былъ, миновавъ промежутокъ [3]), идти къ Павлу. Для чего же мы, предложивъ вопросы, не присовокупили рѣшенія ихъ? Чтобы пріучать васъ—не все только разжеванную принимать пищу, но и самимъ (вамъ) изобрѣтать рѣшеніе мыслей, какъ это дѣлаютъ голубки. И онѣ своихъ птенцовъ, доколѣ тѣ остаются въ гнѣздѣ, кормятъ изъ своего рта; когда же успѣютъ вывесть ихъ изъ гнѣзда, и увидятъ, что крылья у нихъ выросли, то болѣе уже не дѣлаютъ этого, но приносятъ зерно во рту и показываютъ (дѣтямъ), и, какъ птенцы, выжидавшіе (пищи), подойдутъ близко, матери, оставивъ пищу на землѣ, велятъ самимъ имъ подбирать ее. Такъ поступили и мы: взявши духовную пищу на уста, мы пригласили васъ, какъ будто хотѣли представить вамъ, по обычаю, рѣшеніе; а какъ вы пришли и надѣялись получить, мы оста-

[1]) Книги Дѣяній Апостольскихъ.
[2]) Евангеліи.
[3]) Т. е. отъ начала I гл. Дѣян. Апост. до IX гл.

вили (васъ), чтобы вы сами подобрали мысли. Такъ, оставивъ вступленіе, спѣшимъ къ Павлу. И скажемъ не только о томъ, сколько пользы онъ принесъ церкви, но и о томъ, сколько вреда, потому что необходимо намъ сказать и объ этомъ. Скажемъ, какъ онъ противодѣйствовалъ слову проповѣди, какъ воевалъ со Христомъ, какъ гналъ апостоловъ, какъ питалъ враждебные замыслы, какъ больше всѣхъ обезпокоилъ Церковь. Но никто не стыдись слышать это о Павлѣ: это служитъ не къ обвиненію, но къ похвалѣ его. Позорно было бы для него не то, что онъ, прежде бывши злымъ, послѣ сталъ добрымъ, но то, еслибы онъ, прежде бывши добрымъ, послѣ перешелъ на сторону зла: о дѣлахъ всегда судятъ по ихъ концу. И о кормчихъ, хотя бы они потерпѣли тысячу крушеній, пока не успѣютъ придти въ пристань, мы не отзываемся худо, когда они привели наполненный грузомъ корабль, потому что конецъ покрылъ прошедшее. И борцевъ, хотя бы они прежде побѣждены были тысячу разъ, если 120
только одержатъ побѣду въ борьбѣ изъ-за вѣнца, мы, изъ-за прежнихъ пораженій, не лишаемъ похвалъ, какія слѣдуютъ за такую побѣду. Такъ же сдѣлаемъ и относительно Павла. И онъ, хотя потерпѣлъ безчисленныя кораблекрушенія, но, когда пришелъ въ пристань, то привелъ корабль, полный груза. Какъ Іудѣ нисколько не принесло пользы то, что онъ прежде былъ ученикомъ, а потомъ сдѣлался предателемъ, такъ и этому (Павлу) нисколько не повредило то, что онъ прежде былъ гонителемъ, а послѣ сталъ благовѣстникомъ. Это служитъ къ похвалѣ Павла, не потому, что онъ разрушилъ церковь, но потому, что онъ же опять создалъ ее; не потому, что противодѣйствовалъ слову (проповѣди), но потому, что послѣ того, какъ противодѣйствовалъ слову, самъ же опять распространилъ его; не потому, что преслѣдовалъ апостоловъ, не потому, что разсѣялъ стадо (Христово), но потому, что, разсѣявъ стадо, послѣ самъ же собралъ его.

5, Что можетъ быть удивительнѣе этого? Волкъ сдѣлался пастыремъ; тотъ, кто упивался кровію овецъ, сталъ собственную кровь проливать за спасеніе овецъ! Хочешь знать, какъ онъ упивался кровію овецъ, какъ окровавленъ былъ языкъ его? *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни* (Дѣян. IX, 1). Но этотъ дышащій угрозою и убійствомъ, и проливающій кровь святыхъ, послушай, какъ проливалъ свою кровь за святыхъ. *Аще по человѣку*, говоритъ онъ, *со звѣремъ борохся въ Ефесѣ* (1 Кор. XV, 32), и опять: *по вся дни умираю* (ст. 31), и опять: *вмѣнихомся яко овцы заколенія* (Рим. VIII, 36). И это говорилъ тотъ, кто былъ при томъ, когда проливали кровь Стефана, и кто одобрялъ убіеніе его (Дѣян. VII, 58, VIII, 1). Видишь, какъ волкъ сдѣлался пастыремъ? Такъ

стыдно ли вамъ слышать, что онъ (ап. Павелъ) прежде былъ гонителемъ, хулителемъ и обидчикомъ (1 Тим. I, 13)? Видите ли, какъ прежняя вина послужила къ бо́льшему прославленію его? Не говорилъ ли я вамъ въ предшедствовавшемъ собраніи, что чудеса послѣ креста были больше чудесъ до креста? Не доказалъ ли вамъ, и чудесами, и благостію (εὐνοίας) учениковъ, какъ прежде Христосъ воскрешалъ мертвыхъ повелѣніемъ, а послѣ дѣлала это тѣнь рабовъ Его? Какъ тогда самъ Онъ творилъ чудеса словомъ, а послѣ рабы Его совершили бо́льшія чудеса именемъ Его? Не сказалъ ли я вамъ о врагахъ (І. Христа), какъ Онъ устрашилъ совѣсть ихъ, какъ покорилъ себѣ всю вселенную? Какъ чудеса послѣ креста были больше чудесъ до креста?— Сродно тогдашнему и сегодняшнее слово. Въ самомъ дѣлѣ, какое чудо можетъ быть больше того, которое совершилось надъ Павломъ? Петръ отрекся Іисуса живого, а Павелъ исповѣдалъ умершаго. А привлечь и покорить душу Павлову—это чудо было больше, чѣмъ воскресить мертвыхъ тѣнію. Тамъ повиновалась природа, и не противорѣчила повелѣвающему, здѣсь надлежало покорить свободную волю, которая властна и не покориться: значитъ, велика сила Того, кто покорилъ. Из-
121 мѣнить волю было гораздо важнѣе, чѣмъ исправить природу, слѣдовательно, то, что Павелъ обратился ко Христу послѣ креста и гроба, было чудо, бо́льше всѣхъ прочихъ чудесъ. Христосъ для того и попустилъ ему выказать всю вражду, и потомъ призвалъ его, чтобы сдѣлать несомнѣннымъ доказательство воскресенія и слово (христіанскаго) ученія. Петра, напримѣръ, могли бы подозрѣвать, когда онъ говорилъ о Христѣ, потому что иной изъ безстыдныхъ людей могъ сказать что-нибудь (противъ него). Я сказалъ: изъ безстыдныхъ, потому что и тамъ доказательство было ясно. И онъ (Петръ) прежде отрекся Христа и отрекся съ клятвою; но послѣ исповѣдалъ того же самаго (Христа) и предалъ за Него жизнь свою. А если бы Христосъ не воскресъ, то отрекшійся живого не вытерпѣлъ бы тысячи смертей для того, чтобы не отречься умершаго. Потому и Петръ представилъ ясное доказательство воскресенія. Однакожъ безстыдные могли сказать, что, такъ какъ онъ былъ ученикъ (І. Христа), имѣлъ съ Нимъ общеніе въ трапезѣ, и провелъ съ Нимъ три года, такъ какъ пользовался Его ученіемъ, и, обольщенный Имъ, вдался въ обманъ, то и проповѣдуетъ о Его воскресеніи. Но когда увидишь, что Павелъ, который не видѣлъ Христа, не слушалъ Его, не пользовался Его ученіемъ, воевалъ противъ Него и послѣ креста, умерщвлялъ вѣрующихъ въ Него, все возмущалъ и приводилъ въ безпорядокъ,—(когда увидишь, что) онъ вдругъ перемѣнился и трудами проповѣди превзошелъ всѣхъ друзей Христовыхъ, какой, скажи

мнѣ, будешь имѣть предлогъ къ безстыдству, не вѣря ученію о воскресеніи? Если бы Христосъ не воскресъ, кто бы привлекъ и привелъ къ себѣ такъ жестокаго и безчеловѣчнаго, распаленнаго враждою и разъяреннаго на подобіе звѣря? Скажи мнѣ, іудей, кто заставилъ Павла обратиться къ Христу? Петръ? Іаковъ? Іоаннъ? Но всѣ они боялись и трепетали его, и не только до обращенія его, но и тогда, когда онъ сталъ въ числѣ друзей (Христовыхъ), когда Варнава, взявши его за руку, привелъ въ Іерусалимъ, и тогда они боялись пристать къ нему; война уже прекратилась, а страхъ еще былъ на апостолахъ. Итакъ тѣ, которые еще боялись его и тогда, какъ онъ перемѣнился, смѣли ли убѣждать его, когда онъ былъ врагомъ и непріятелемъ? Могли ли даже приблизиться, или стать, или раскрыть уста, и даже явиться? Никакъ, нѣтъ; это было дѣломъ не человѣческаго усилія, но божественной благодати. Итакъ, если Христосъ, какъ вы говорите, былъ мертвъ, и ученики Его, пришедши, украли Его, то какъ болѣе велики были чудеса послѣ креста? Какъ болѣе сильно доказательство могущества? Христосъ не только перемѣнилъ врага (своего) и верховнаго вождя вашей войны,—хотя, еслибы и это только Онъ сдѣлалъ, то плѣнить врага и непріятеля было бы дѣломъ величайшей силы,—но вотъ Онъ сдѣлалъ не только это, а и гораздо больше этого: Онъ не только перемѣнилъ (Павла), но и сдѣлалъ его такъ близкимъ къ Себѣ, такъ расположилъ возлюбить Себя, что ему ввѣрилъ даже всѣ дѣла Церкви: *сосудъ*, говоритъ Господь, *избранъ Ми есть сей, пронести имя Мое предъ языки и царми* (Дѣян. IX, 15), и заставилъ его потрудиться болѣе (прочихъ) 122
апостоловъ за ту Церковь, противъ которой онъ прежде воевалъ.

6. Хочешь знать, какъ (Христосъ) перемѣнилъ его, какъ сдѣлалъ его близкимъ, какъ привлекъ къ Себѣ, какъ помѣстилъ между первыми изъ друзей своихъ? Никому изъ людей не благоволилъ Онъ открыть такія тайны, какія—Павлу. Откуда это видно? *Слышахъ*, говоритъ (о себѣ Павелъ), *неизреченны глаголы, ихже неяптъ есть человѣку глаголати* (2 Кор. XII, 4). Видишь, какую любовь показалъ врагъ, непріятель? Поэтому необходимо разсказать и прежнюю жизнь его: это покажетъ намъ и человѣколюбіе и силу Божію, человѣколюбіе, потому что сдѣлавшаго столько зла Богъ восхотѣлъ спасти и привлечь къ Себѣ, а силу, потому что, восхотѣвъ, возмогъ. Это покажетъ намъ и душу Павла, т. е., что онъ ничего не дѣлалъ по упорству, или по страсти къ человѣческой славѣ, какъ іудеи, но (все дѣлалъ) по ревности, конечно не правильной, все же по ревности, о чемъ и самъ онъ взывалъ такъ: для того *помилованъ быхъ, яко не вѣдый сотворихъ въ невѣрствіи* (1 Тим. I, 13). И, удивляясь человѣколюбію Божію, говорилъ онъ:

да во мнѣ первомъ покажетъ Христосъ все долготерпѣніе, за образъ (въ примѣръ) *хотящихъ вѣровати Ему въ жизнь вѣчную* (ст. 16). И въ другомъ мѣстѣ опять говорилъ, что Богъ *величество силы Его* показалъ наипаче *въ насъ вѣрующихъ* (Ефес. I, 19). Видишь, какъ прежняя жизнь Павла показала и человѣколюбіе, и силу Божію, и искренность расположенія самого Павла? Это и въ посланіи къ Галатамъ привелъ онъ въ доказательство того, что не для людей перемѣнился онъ, но обратила его сила Божія. *Аще бо быхъ человѣкомъ*, говоритъ онъ, *угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ* (Гал. I, 10). Откуда же видно, что ты принялъ проповѣдь (Христову) не изъ угожденія людямъ? *Слышасте*, говоритъ, *мое житіе иногда въ жидовствѣ, яко по премногу гонихъ Церковь Божію, и разрушахъ ю* (ст. 13). Но онъ не обратился бы къ вѣрѣ, если бы хотѣлъ угождать людямъ. Почему? Онъ былъ почитаемъ іудеями, наслаждался великимъ покоемъ, и пользовался особеннымъ уваженіемъ; слѣдовательно, не перешелъ бы (изъ угожденія людямъ) къ жизни апостоловъ, покрытой безславіемъ, исполненной бѣдствій. Такимъ образомъ, это внезапное оставленіе почести отъ іудеевъ и покойной жизни, и переходъ къ жизни апостоловъ, сопряженной съ тысячью смертей, есть сильнѣйшее доказательство того, что Павелъ обратился не по человѣческому какому-либо расчету. Поэтому и мы захотѣли представить прежнюю жизнь его, и показать, какою пылалъ онъ ревностію противъ Церкви, чтобы ты, когда увидишь его великое попеченіе о Церкви, возблагоговѣлъ предъ Богомъ, который все творитъ и претворяетъ. Поэтому и ученикъ Павла [1]) точно и весьма выразительно разсказалъ намъ о прежнихъ (дѣлахъ его) въ слѣдующихъ словахъ: *Савлъ же еще дыхая пре-*
128 *щеніемъ и убійствомъ на ученики Господни.* Хотѣлъ бы я начать сегодня и вступленіе [2]), хотѣлъ бы приступить къ началу разсказа [3]), но вижу въ одномъ имени море мыслей. Подумай, въ самомъ дѣлѣ, какой вопросъ тотчасъ рождаетъ намъ это имя *Савлъ*. Въ посланіяхъ, вижу я, употреблено другое имя: *Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ, званъ апостолъ* (Рим. I, 1); *Павелъ и Сосфенъ, Павелъ званъ апостолъ* (1 Кор. I, 1); *се азъ Павелъ глаголю вамъ* (Гал. V, 2). Какъ здѣсь, такъ и вездѣ называется Павломъ, а не Савломъ. Для чего же онъ прежде назывался Савломъ, а послѣ названъ Павломъ? Это непустой вопросъ: вотъ сейчасъ является и Петръ, и онъ прежде назывался Симономъ, а послѣ названъ Кифою; и сыны Зеведея, Іаковъ и Іоаннъ, переименованы сынами грома (Мар. III,

1) Евангелистъ Лука.
2) Къ жизнеописанію Павла.
3) О Павлѣ.

16, 17). И не только въ новомъ, но и въ ветхомъ завѣтѣ находимъ, что Авраамъ прежде назывался Аврамомъ, а потомъ Авраамомъ; Іаковъ сперва назывался Іаковомъ, а послѣ Израилемъ, и Сарра прежде называлась Сарою, а потомъ Саррою. Словомъ, пе- 124
ремѣна именъ побуждаетъ насъ къ большему изслѣдованію, и я боюсь, чтобы мнѣ, пустивши многіе потоки рѣкъ, не затопить слово ученія. Какъ въ землѣ влажной, гдѣ ни станешь копать, вездѣ выбѣгаютъ источники, такъ и въ землѣ божественнаго Писанія, гдѣ ни станешь раскапывать, вездѣ станутъ вытекать многія рѣки, оттого и весьма страшно пустить сегодня всѣ эти рѣки вдругъ. Поэтому, заградивъ нашъ потокъ, отошлю вашу любовь къ священному источнику сихъ предстоятелей и учителей [1])— къ этому чистому, упоительному и сладкому источнику, который выходитъ изъ самаго духовнаго камня [2]). Приготовимъ же умъ къ принятію ученія, къ напоенію себя духовными потоками, чтобы открылся въ насъ источникъ воды, текущей въ жизнь вѣчную, которую и да получимъ всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава, честь и держава Отцу, со святымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

къ роптавшимъ на продолжительность поученій и къ тѣмъ, которые недовольны были краткостію ихъ; объ имени Савла и Павла, и о томъ, для чего первый человѣкъ названъ былъ Адамомъ, — что это было полезно и благотворно, — и къ новопросвѣщеннымъ.

1. Что намъ сдѣлать сегодня? Видя, какъ васъ много, боюсь 123
распространять слово, потому что, когда поученіе продолжается дольше, вы, я вижу, толпитесь, тѣснитесь, и непріятность отъ тѣсноты препятствуетъ вамъ внимательно слушать, такъ какъ слушатель, не имѣя простора, не можетъ усердно внимать тому, что говорится.

---

[1]) Разумѣются епископы Сиріи, которые приходили въ Антіохію—столицу сирійскую, или по дѣламъ епархіальнымъ, или чтобы послушать знаменитаго проповѣдника—св. Златоуста.

[2]) Т. е. Христа, 1 Кор. x, 4.

Итакъ, видя, что васъ много, я, какъ сказалъ, опасаюсь распространять слово. Но, съ другой стороны, смотря на ваше усердіе, боюсь сократить поученіе, потому что жаждущій, если напередъ не увидитъ, что чаша полна, не охотно поднесетъ ее къ устамъ; онъ хоть и не выпьетъ ее всю, желаетъ однакожъ видѣть ее полною. Поэтому не знаю я, какъ мнѣ поступить въ (настоящей) бесѣдѣ. Хочется мнѣ и краткостію слова облегчить вашъ трудъ, и обширностію его удовлетворить вашему усердію. Но я часто дѣлалъ и то и другое, и ни разу не избѣгалъ порицанія. Знаю, что часто я, щадя васъ, прекращалъ слово прежде конца, и на меня поднимали ропотъ имѣющіе душу ненасытимую, постоянно услаждающіеся божественными струями и никогда не насыщающіеся, тѣ блаженные, которые алчутъ и жаждутъ правды (Матѳ. v, 6),—и я, убоявшись ихъ ропота, опять шелъ дальше, продолжалъ слово, и за это терпѣлъ нареканіе, потому что тѣ, кому нравятся краткія поученія, встрѣчаясь (со мною), просили щадить ихъ немощь и сокращать слова. Итакъ, когда вижу, что вамъ
124 тѣсно, спѣшу окончить слово; но когда примѣчаю, что вы, не смотря на тѣсноту, не отступаете, а расположены идти дальше, мнѣ хочется дать свободу языку. *Тѣсно ми отвсюду* (Дан. xiii, 22). Что мнѣ дѣлать? Кто служитъ одному господину и обязанъ подчиняться одной волѣ, тотъ легко можетъ угождать владыкѣ и не погрѣшать. А у меня много господъ, и я обязанъ служить такому многолюдству, съ такими разнообразными требованіями. Впрочемъ это сказалъ я не потому, чтобы тяготился такимъ рабствомъ,—да не будетъ!—и не потому, чтобы желалъ освободиться отъ вашего господства. Для меня нѣтъ ничего почетнѣе этого рабства: не столько царь восхищается діадемою и порфирою, сколько я теперь красуюсь служеніемъ вашей любви. За тѣмъ царствомъ слѣдуетъ смерть, а этому служенію, если оно хорошо будетъ пройдено, уготовано царство небесное. *Блаженъ вѣрный рабъ и мудрый, его же постави Господь его даяти житомѣріе* сорабамъ его. *Аминь глаголю вамъ: надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его* (Матѳ. xxiv, 45—47. Лук. xii, 42). Видишь, каковъ плодъ этого служенія, если оно (пройдено) будетъ усердно? Оно поставляетъ (раба) надъ всѣмъ имѣніемъ господина. Итакъ, не убѣгаю отъ служенія, потому что служу вмѣстѣ съ Павломъ. И онъ говоритъ: *не себе проповѣдаемъ, но Христа Іисуса Господа: себе же самѣхъ рабовъ вамъ Іисуса ради* (2 Кор. iv, 5). И что говорить о Павлѣ? Если *во образѣ Божіи сый умали Себе, зракъ раба пріимъ* ради рабовъ (Фил. ii, 7), то что за важность, если я, рабъ, сдѣлался рабомъ сорабамъ (моимъ) ради себя самого? Итакъ, это сказалъ я не потому, чтобы хотѣлъ освободиться отъ вашего господства,

но потому, что желаю получить (отъ васъ) прощеніе, если предложу трапезу не всѣмъ угодную. А лучше, сдѣлайте то, что скажу 125
теперь. Вы, не могущіе никогда насытиться, но алчущіе и жаждущіе правды, и требующіе продолжительныхъ словъ, будьте снисходительны, когда, ради немощи братій вашихъ, обычная мѣра поученія сокращается. А вы, любящіе краткія слова и немощные, потерпите, ради ненасытимыхъ вашихъ братій, небольшой трудъ, нося *тяготы другъ друга, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. VI, 2). Не видите ли, какъ борцы на олимпійскихъ играхъ, въ самый полдень, стоятъ среди театра на аренѣ, какъ въ печи, и, точно мѣдныя какія статуи, воспринимаютъ солнечные лучи обнаженнымъ тѣломъ, и борются на солнцѣ, въ жару и въ пыли, чтобы увѣнчать лавровыми листьями свою, столько вытерпѣвшую, голову? А вамъ, въ награду за слушаніе, уготованъ не лавровый вѣнокъ, но вѣнецъ правды, и мы не удерживаемъ васъ до полудня, но, снисходя къ вашей немощи, отпускаемъ васъ въ самомъ началѣ дня, когда воздухъ еще прохладенъ и не раскаленъ паденіемъ (солнечныхъ) лучей,—не заставляемъ васъ принимать эти лучи на обнаженную голову, но вводимъ подъ этотъ прекрасный сводъ и подъ кровлею доставляемъ вамъ прохладу, всячески заботясь о вашемъ удобствѣ, чтобы вы могли долго слушать. Не будемъ же слабѣе дѣтей нашихъ, ходящихъ въ школу. Они раньше полудня не смѣютъ возвратиться домой; только что отставши отъ молока, только что отнятыя отъ груди, не достигши еще пятилѣтняго возраста, съ тѣломъ молодымъ и нѣжнымъ, показываютъ совершенное терпѣніе; хоть безпокоитъ ихъ жаръ, или жажда, или другое что, они до самаго полудня терпятъ и переносятъ, сидя въ школѣ. Такъ, если не другому кому, то этимъ дѣтямъ будемъ подражать мы, мужи, достигшіе полнаго возраста. Если у насъ недостаетъ терпѣнія слушать слова о добродѣтели, то кто повѣритъ намъ, что мы подымемъ самые труды добродѣтели? Если мы такъ не расположены къ слушанію, то откуда видно будетъ, что мы будемъ ревностны къ дѣлу? Если откажемся отъ легчайшаго, какъ перенесемъ труднѣйшее? Однакожъ, тѣснота велика, давка большая! Но послушай: нудящіе себя *восхищаютъ* царствіе небесное (Матѳ. XI, 12), и *узокъ и тѣсенъ путь, вводяй въ животъ* (Матѳ. VII, 14). Итакъ, когда мы идемъ узкимъ и тѣснымъ путемъ, то и самимъ намъ нужно стѣснять и нудить себя, чтобы можно было пройти узкимъ и тѣснымъ путемъ. Кто ширится, тотъ не такъ легко пройдетъ тѣснымъ путемъ, какъ тотъ, кто сжимаетъ себя, нудитъ и стѣсняетъ.

2. Да и вопросъ сегодня у насъ не о маловажныхъ вещахъ, но о такомъ изслѣдованіи, которое вчера только начато, но не

окончено по множеству представившихся предметовъ. Чтожъ это такое? Мы начали разсуждать о перемене именъ, какія Богъ далъ Святымъ. Предметъ этотъ съ перваго разу кажется маловажнымъ, но, если вникнуть тщательно, заключаетъ въ себѣ великое сокровище. Вѣдь и золотоносную землю — въ рудникахъ люди не-
126 опытные и разсматривающіе безъ вниманія считаютъ только обыкновенною землею, не заключающею въ себѣ ничего болѣе, какъ и всякая другая земля, но кто разсматриваетъ ее опытнымъ глазомъ, тѣ понимаютъ достоинство этой земли, и, бросивъ ее въ огонь, открываютъ все ея превосходство. Такъ и въ отношеніи къ божественному Писанію: тѣ, которые читаютъ слова безъ вниманія, думаютъ, что это простыя слова и нѣтъ въ нихъ ничего особеннаго, а разсматривающіе ихъ очами вѣры, — испытывая ихъ огнемъ духа, какъ тѣ орудіями искусства,—легко увидятъ все, заключающееся въ нихъ золото. Съ чего же началось то изслѣдованіе? Мы вѣдь не безъ причины пустились въ это разсмотрѣніе,— чтобы кто-нибудь не сталъ упрекать насъ въ непослѣдовательности; нѣтъ, мы захотѣли разсказать о дѣлахъ Павла, по случаю чтенія Дѣяній Апостольскихъ, и коснулись начала этой исторіи. А начало повѣствованія нашли вотъ какое: *Савлъ же дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни* (Дѣян. IX, 1). Васъ тотчасъ поразила перемѣна имени, потому что во всѣхъ посланіяхъ и въ ихъ вступленіяхъ находимъ, что онъ называется не Савломъ, а Павломъ; и это [1]) было не съ нимъ однимъ, но и со многими другими. И Петръ прежде назывался Симономъ, и сыны Зеведеовы, Іаковъ и Іоаннъ, переименованы послѣ сынами громовыми да и въ ветхомъ завѣтѣ, извѣстно, то же было съ нѣкоторыми. Такъ, Авраамъ, прежде называвшійся Аврамомъ, послѣ наименованъ Авраамомъ, и Сарра прежде называлась Сарою, а послѣ названа Саррою, и Іакову послѣ дано имя Израиля. Такъ мнѣ показалось неприличнымъ пройти безъ вниманія такое сокровище именъ. Это же бываетъ и съ свѣтскими начальниками; и у нихъ употребляются двойныя имена. Смотри, напримѣръ: *пріятъ*, сказано, Филикса Поркій Фистъ (Дѣян. XXIV, 27); и еще: *бѣ со Анѳипатомъ Сергіемъ Павломъ* (Дѣян. XIII, 9); и тотъ, который предалъ Христа іудеямъ, назывался Понтіемъ Пилатомъ. И не только у начальниковъ, но и у воиновъ часто двойныя имена; да и участныхъ людей, по нѣкоторымъ причинамъ и обстоятельствамъ, бываютъ двойныя названія. Но, что касается до нихъ, намъ никакой нѣтъ пользы доискиваться, почему они такъ названы; а когда даетъ имя Богъ, то надобно показать все усердіе, чтобы найти причину.

---

[1]) Перемѣна именъ

Богъ, обыкновенно, ничего ни говоритъ, ни дѣлаетъ безъ причины и безъ намѣренія, но все (и говоритъ, и дѣлаетъ) съ свойственною Ему премудростію. Итакъ, почему же (Павелъ) назывался Савломъ, когда гналъ (церковь), и переименованъ въ Павла, когда увѣровалъ? Нѣкоторые говорятъ, что, доколѣ онъ возмущалъ, колебалъ и приводилъ въ безпорядокъ все, и волновалъ церковь, до тѣхъ поръ назывался Савломъ, имѣя названіе по своему дѣлу—по тому самому, что волновалъ (σαλεύειν) церковь, а какъ оставилъ эти неистовства, пересталъ возмущать, прекратилъ брань, кончилъ преслѣдованіе, то и переименованъ Павломъ отъ того, что пересталъ (ἀπὸ τοῦ παύσασθαι). Но такое объясненіе неосновательно и несправедливо, и я выставилъ его для того только, чтобы вы не увлекались пустыми толкованіями. Во первыхъ, это имя (Савла) дали ему родители его, которые не были пророками и не предвидѣли будущаго. Потомъ, если бы онъ назывался Савломъ потому, что волновалъ и возмущалъ церковь, то слѣдовало бы ему и сложить имя тотчасъ послѣ того, какъ онъ пересталъ возмущать церковь; но вотъ мы видимъ, что возмущать церковь онъ пересталъ, а имени не оставилъ, но еще назывался Савломъ. И чтобы вы не подумали, будто я говорю это, обманывая васъ, раскажу вамъ объ этомъ сначала. *Изведше*, сказано, Стефана и *каменіемъ побиваху его: и свидѣтеліе положиша ризы своя при ногу юноши, нарицаемаго Савла* (Дѣян. VII, 58), и опять: *Савлъ же бѣ соизволяя убійству его* (VIII, 1), и въ другомъ мѣстѣ: *Савлъ же озлобляше церковь, въ домы входя и влача мужи и жены* (VIII, 3), и еще: *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни* (IX, 1), и опять: *слыша гласъ, глаголющь ему: Савле, Савле, что Мя гониши* (IX, 4)? Такъ съ сихъ поръ уже слѣдовало бы ему сложить имя, потому что онъ пересталъ гнать. Чтоже, тотчасъ ли онъ сложилъ? Никакъ; и это видно изъ послѣдующаго,—смотрите: *воста же Савлъ отъ земли, и отверстыма очима своима ни единаго видяше* (IX, 8), и еще: *рече же Господь Ананіи: поиди на стогну, нарицаемую Правую, и взыщи въ домѣ Іудовѣ Савла именемъ* (—11), и опять: вошедши Ананія, сказалъ: *Савле брате, посла мя Господь явлейтися на пути, яко да прозриши* (—17). Потомъ онъ началъ проповѣдать *и смущаше іудеи* (—22); однакожъ и въ это время не сложилъ имени, но еще назывался Савломъ: *увѣданъ же*, говоритъ Писаніе, *бысть Савлу совѣтъ* іудеевъ (—24). И здѣсь ли только (называется онъ такъ)? Нѣтъ; но—былъ, говорится, голодъ и *изволиша* ученики *послати* во Іерусалимъ *на службу* святымъ; *послаша же рукою Варнавлею и Савлею* (XI, 29—30). Вотъ уже онъ служитъ святымъ, а еще называется Савломъ. И послѣ этого, Варнава пришелъ въ Антіохію и, *видѣвъ* тамъ *благодать Божію* и множество

127

бывшихъ тамъ вѣрующихъ, *изыде въ Тарсъ взыскати Савла* (—23, 25). Вотъ онъ и обращаетъ многихъ, а именуется Савломъ. И еще: *бяху*, говорится, *въ церкви, сущей во Антіохіи, пророцы и учителіе, Симеонъ, нарицаемый Нигеръ, и Лукій Киринеанинъ, и Манаилъ, со Иродомъ четверовластникомъ воспитанный, и Савлъ* (—XIII, 1). Вотъ онъ сдѣлался и учителемъ, и пророкомъ, а назывался еще Савломъ. И опять: *служащимъ же имъ Господеви и постящимся, рече Духъ Святый: отдѣлише Ми Варнаву и Савла* (—2),

3. Вотъ и отдѣляется онъ Духомъ, а имени еще не слагаетъ! Только тогда, когда онъ пришелъ въ Саламинъ, когда нашелъ волхва, тогда Лука говоритъ о немъ: *Савлъ же, иже и Павелъ, исполнився Духа Свята, рече* (—9). Здѣсь-то было начало переиме-
128 нованія. Не поскучаемъ же этимъ изслѣдованіемъ объ именахъ. Вѣдь и въ житейскихъ дѣлахъ отысканіе именъ очень важно: оно нерѣдко возобновляетъ знакомства спустя много времени, открываетъ забытое родство, разрѣшаетъ судебные споры, прекращаетъ ссоры, потушаетъ войны, и бываетъ причиною примиренія. Если же и открытіе именъ такъ много значитъ въ житейскихъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе въ духовныхъ. Впрочемъ, прежде всего надобно съ точностію разграничить самые вопросы. Итакъ, спрашивается во-первыхъ, для чего нѣкоторымъ изъ святыхъ Богъ давалъ имена, а другимъ не давалъ? Дѣйствительно, и въ новомъ, и въ ветхомъ завѣтѣ, онъ не всѣмъ святымъ Самъ далъ имена. А что было въ новомъ завѣтѣ, тоже и въ ветхомъ—для того, чтобы ты зналъ, что одинъ Господь обоихъ завѣтовъ. Такъ, въ новомъ завѣтѣ Христосъ наименовалъ Симона Петромъ и сыновъ Зеведеовыхъ, Іакова и Іоанна, сынами громовыми, и только ихъ однихъ, а изъ прочихъ учениковъ никого, но оставилъ ихъ съ тѣми же именами, какія сначала дали имъ ихъ родители. А въ ветхомъ завѣтѣ Богъ переименовалъ Авраама и Іакова, но (не переименовалъ) ни Іосифа, ни Самуила, ни Давида, ни Илію, ни Елисея, ни другихъ пророковъ, а оставилъ ихъ съ прежними именами. Такъ первый вопросъ — тотъ, для чего одни изъ святыхъ переименованы, а другіе нѣтъ? Второй за нимъ—тотъ, для чего изъ этихъ (переименованныхъ) одни получили имя въ зрѣломъ возрастѣ, а другіе сначала, и даже до своего рожденія? Петра, Іакова и Іоанна Христосъ переименовалъ въ зрѣломъ ихъ возрастѣ, а Іоанну Крестителю далъ имя еще до Его рожденія: пришелъ ангелъ Господень и сказалъ: *не бойся, Захаріе: жена твоя, Елисаветъ, родитъ сына, и наречеши имя ему Іоаннъ* (Лук. I, 13). Видишь, имя (дано) до рожденія? Это было и въ ветхомъ завѣтѣ. Какъ въ новомъ Петръ, Іаковъ и Іоаннъ переименованы и стали называться двоякимъ именемъ въ зрѣломъ возрастѣ, а Іоаннъ Кре-

ститель получилъ имя прежде самаго зачатія и рожденія, такъ и въ ветхомъ Авраамъ и Іаковъ переименованы въ зрѣломъ возрастѣ,—потому что одинъ прежде назывался Аврамомъ, а потомъ названъ Авраамомъ, а другой прежде именовался Іаковомъ, потомъ названъ Израилемъ. Но Исаакъ уже не такъ, онъ получаетъ имя прежде самаго рожденія; и какъ тамъ ангелъ сказалъ: жена твоя зачнетъ во чревѣ и родитъ сына, *и наречеши имя ему Іоаннъ* такъ и здѣсь Богъ сказалъ Аврааму: *жена твоя Сарра родитъ сына, и наречеши ему имя Исаакъ* (Быт. XVII, 19). Итакъ, первый вопросъ: почему одни переименованы, а другіе нѣтъ? Второй за нимъ: отчего одни въ зрѣломъ возрастѣ, а другіе еще прежде рожденія,—и это въ обоихъ завѣтахъ? Мы обратимся прежде ко
второму,—потому что такимъ образомъ и первый будетъ яснѣе; 120
посмотримъ на тѣхъ, которые получили имена сначала, и восходя мало-по-малу, дойдемъ до перваго человѣка, получившаго имя отъ Бога, чтобы вопросы рѣшились съ самаго начала. Итакъ, кому первому Богъ далъ имя? Кому же иному, какъ не тому, кто первый сотворенъ, потому что (до него) и не было никакого другого человѣка, которому бы можно было дать имя? Какъ же онъ назвалъ его? По-еврейски Адамомъ. Это имя не греческое, и въ переводѣ на греческій языкъ значитъ не иное что, какъ—земный. Эдемъ означаетъ дѣвственную землю, а это была та страна, въ которой насадилъ Богъ рай. *Насади,* говоритъ Писаніе, *Богъ рай во Едемѣ на востоцѣхъ* (Быт. II, 8), чтобы зналъ ты, что рай былъ дѣломъ рукъ не человѣческихъ; земля была дѣвственною, не принимала въ себя плуга, не была избороздена, но, не тропутая руками земледѣльцевъ, по одному повелѣнію (Божію) произрастила тѣ древа. Поэтому-то (Богъ) и назвалъ ее Эдемомъ, что значитъ дѣвственная земля. Эта дѣва была образомъ иной дѣвы. Какъ эта земля произрастила намъ рай, не принявши въ себя сѣмянъ, такъ и та (Дѣва), не пріявши сѣмени мужескаго, произрастила намъ Христа. Итакъ, если іудей спроситъ у тебя: какъ родила Дѣва? Скажи ему: а какъ дѣвственная земля произрастила тѣ чудныя древа, потому что Эдемъ по-еврейски значитъ: дѣвственная земля? И если кто не вѣритъ, пусть спроситъ у знающихъ еврейскій языкъ, и увидитъ, что таково именно значеніе имени Эдемъ. Хоть я говорю съ незнающими (еврейскаго языка), однакожъ не хочу поэтому обмануть васъ, но, стараясь сдѣлать васъ непобѣдимыми, изъясняю вамъ все съ точностію, какъ будто бы здѣсь присутствовали знающіе это противники. Итакъ, поелику человѣкъ созданъ былъ изъ эдемской дѣвственной земли, то и названъ Адамомъ по имени матери. Такъ дѣлаютъ часто и люди, называя рождающихся дѣтей по имени матерей; такъ и Богъ

созданнаго изъ земли человѣка назвалъ, по имени матери, Адамомъ: та—Эдемъ; онъ—Адамъ.

4. Но чтоже изъ этого за польза? Люди называютъ (дѣтей) по имени матерей въ честь родившихъ женъ: Богъ для чего назвалъ (человѣка) по имени матери? Что, великое или малое, хотѣлъ Онъ сдѣлать изъ этого? Точно, — Онъ ничего не дѣлаетъ безъ причины и безъ намѣренія, но (все дѣлаетъ) съ великимъ разумомъ и премудростію, *такъ какъ разума его нѣсть числа* (Псал. CXLVI, 5). Эдемъ значитъ — земля; Адамъ—земной, перстный, изъ земли рожденный. Для чего же Богъ такъ назвалъ его? Этимъ именемъ Онъ хотѣлъ напомнить ему ничтожество природы его, и на имени, какъ бы на мѣдномъ столпѣ, выставить низость его происхожденія, чтобы имя учило его смиренномудрію, чтобы не слишкомъ много думалъ онъ о своемъ достоинствѣ. Мы, уже по самому опыту ясно знаемъ, что мы — земля, а онъ не видалъ, что-
130 бы кто-либо прежде его умеръ и обратился въ прахъ, но прекрасно было тѣло его, и сіяло подобно золотой статуѣ, только что вынутой изъ горна. Итакъ, чтобы красота вида не надмила его гордостію, (Богъ) противопоставилъ ей имя, которое могло дать достаточный урокъ смиренія, потому что и діаволъ уже готовъ былъ придти (къ Адаму), и внушать ему гордость, готовъ былъ сказать ему: *будете яко бози*. Итакъ, чтобы онъ, помня свое имя, вразумлявшее его, что онъ земля, никогда не мечталъ о равенствѣ съ Богомъ, (Богъ) предупреждаетъ его совѣсть посредствомъ имени, напередъ давая ему, въ самомъ наименованіи, достаточное предостереженіе противъ навѣта, угрожавшаго ему со стороны лукаваго демона, въ одно время и напоминая ему родство его съ землею, и показывая все благородство природы, какъ бы такъ говоря: если кто скажетъ тебѣ, что ты будешь какъ Богъ, вспомни имя (свое)—и получишь достаточный урокъ, чтобы не принять такого внушенія, вспомни о матери (своей),—и изъ этого родства познай (свое) ничтожество, не для того, чтобы научиться уничиженію, но чтобы никогда не впасть въ гордость. Поэтому и Павелъ говоритъ: *первый человѣкъ* Адамъ *отъ земли перстенъ* (1 Кор. XV, 47). Онъ хотѣлъ изъяснить намъ, что значитъ имя — Адамъ, потому и сказалъ: *отъ земли перстенъ. Вторый человѣкъ Господь съ небесе*. Здѣсь нападаютъ на насъ еретики, и говорятъ: вотъ, Христосъ не принялъ на себя плоти, потому что (апостолъ) говоритъ: *вторый человѣкъ Господь съ небесе*. Слышишь: *вторый человѣкъ*, и говоришь, что не принялъ на себя плоти? Что можетъ сравниться съ этимъ безстыдствомъ? Въ самомъ дѣлѣ, какой человѣкъ не имѣетъ плоти? (Апостолъ) для того и назвалъ Его (Христа) человѣкомъ, и вторымъ человѣкомъ, чтобы и изъ числа, и изъ природы ты увидѣлъ Его

сродство (съ нами). Кто же, скажешь, этотъ *вторый человѣкъ? Господь съ небесе.* Но, меня, скажешь, соблазняетъ мѣсто, о которомъ говорится—*съ небесе.* Когда ты услышишь, что *первый человѣкъ* Адамъ *отъ земли перстенъ,* ужели считаешь его землянымъ и думаешь, что онъ только перстный и не имѣетъ (въ себѣ) безтѣлесной силы,—то есть, души и ея природы? Кто можетъ это сказать? Стало быть, какъ слыша объ Адамѣ, что онъ былъ перстный, не думаешь, что онъ былъ тѣломъ безъ души, такъ и слыша: *Господь съ небесе,* не отвергай воплощенія изъ-за прибавленія: *съ небесе.* Такимъ образомъ первое имя достаточно оправдано: Адамъ названъ такъ по имени матери для того, чтобы не думалъ о себѣ свыше своей силы, чтобы былъ огражденъ противъ обольщенія со стороны діавола, который точно и сказалъ: *будете яко бози.* Теперь же перейдемъ къ другому человѣку, который еще до рожденія получилъ имя отъ Бога, и преркатимъ слово. Кто же послѣ Адама получилъ отъ Бога имя еще до своего рожденія? Исаакъ. *Се,* сказалъ Богъ, *Сарра жена твоя* зачнетъ во чревѣ *и родитъ сына, и наречеши имя ему Исаакъ* (Быт. XVII, 19). И Сарра, какъ родила его, дала ему имя Исаакъ, говоря: *смѣхъ мнѣ сотвори Господь* (XXI, 6). Почему? *Кто,* говоритъ, *возвѣститъ Аврааму, яко млекомъ питаетъ отроча Сарра* (—7)? Теперь слушайте меня со вниманіемъ, чтобы увидѣть вамъ чудо. Не сказала (Сарра), что 131
она родила дитя, но — что *млекомъ питаетъ.* Чтобы не счелъ кто младенца подкинутымъ, источники молока удостовѣряли въ законности его рожденія; такъ что, и самъ онъ, вспоминая свое имя, (впослѣдствіи) находилъ (въ немъ) достаточное вразумленіе о своемъ чудесномъ рожденіи. Потому говорила она: *смѣхъ мнѣ сотвори Господь,* что всѣ видѣли, какъ женщина, состарѣвшаяся и дожившая до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, имѣетъ груднаго младенца. Смѣхъ напоминалъ о милости Божіей, а питаніе млекомъ свидѣтельствовало о чудесномъ рожденіи, потому что это было не дѣло природы, но вполнѣ дѣйствіе благодати. Потому и Павелъ говоритъ: *по Исааку обѣтованія чада есмы* (Гал. IV, 28). Какъ тамъ сдѣлала все благодать, такъ и здѣсь произошелъ онъ изъ утробы, уже охладѣвшей. Ты вышелъ изъ холодной воды: значитъ, что для него была утроба, то для тебя купель водная. Такъ, видишь сходство рожденія? Видишь единство благодати? Видишь, какъ природа вездѣ бездѣйственна, и все совершаетъ сила Божія? Поэтому-то, мы *по Исааку обѣтованія чада есмы.* Но есть еще одинъ 132
вопросъ: объ насъ сказано, что мы *не отъ крове, ни отъ похоти плотскія* (Іоанн. I, 13). Какъ же это? И Исаакъ *не отъ крове,* потому что—*престаша Саррѣ бывати женская* (Быт. XVIII, 11). Изсякли источники крови, истощилось сѣмя рожденія, безплодна

была дѣятельность природы: и—Богъ явилъ Свою силу. Вотъ мы и кончили изъясненіе имени Исаака. Остается перейти къ Аврааму, сынамъ Зеведеовымъ и Петру; но, чтобы не наскучить вамъ продолжительностію, отложимъ это до другой бесѣды, и окончимъ слово, попросивъ васъ, рожденныхъ по (образу) Исаака, подражать кротости, скромности, и всякой другой добродѣтели Исаака, чтобы, молитвами этого праведника и всѣхъ этихъ предстоятелей, всѣ мы могли войти въ нѣдра Авраамовы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава, честь и держава Отцу, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

къ упрекавшимъ за обширность вступленій, и о томъ, что терпѣть упреки полезно; также, для чего Павелъ переименованъ не тотчасъ, какъ только увѣровалъ,—что эта перемѣна произошла съ нимъ, не по принужденію, но по свободной волѣ его; и на слова: ***Савле, Савле, что Мя гониши*** **(Дѣян. IX, 4).**

131 1. Нѣкоторые изъ любезныхъ нашихъ (слушателей) стали упрекать насъ за то, что мы очень распространяемъ вступленія своихъ поученій; а справедливо, или несправедливо стали упрекать, это узнаете вы тогда, какъ выслушаете и наше оправданіе, и затѣмъ произнесете судъ какъ бы во всенародномъ судилищѣ. Я, съ своей стороны, еще не входя въ объясненіе этого дѣла приношу имъ благодарность за упреки, потому что эти упреки происходятъ отъ добраго, а не отъ злого расположенія; а я могу сказать о себѣ, что люблю любящаго меня не тогда только, какъ онъ хвалитъ, но—и когда упрекаетъ меня и исправляетъ. Хвалить безъ разбора все, доброе и худое, свойственно не другу, но льстецу и насмѣшнику; напротивъ, хвалить за доброе дѣло, и упрекать за проступокъ — вотъ долгъ друга и доброжелателя. И чтобы вамъ увѣриться, что безъ разбора хвалить все и прославлять за все, свойственно не другу, но обманщику, (вотъ что) говоритъ Богъ: *людіе мои, блажащіи васъ льстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ* (Ис. III, 12). Итакъ, не люблю врага и тогда, какъ онъ хвалитъ (меня); люблю друга, и когда онъ упрекаетъ. Тотъ, хоть и цѣлуетъ меня, противенъ; этотъ, хоть уязвляетъ меня,

любезенъ: поцѣлуй того подозрителенъ, рана отъ этого есть признакъ заботливости (его обо мнѣ). Поэтому нѣкто говоритъ: *достовѣрнѣе суть язвы друга, нежели вольная лобзанія врага* (Притч. xxvii, 6). Чтó говоришь? Раны лучше поцѣлуевъ? Да, говоритъ, потому что смотрю не на качество того, что дѣлается, но на рас- 182
положеніе дѣлающихъ. Хочешь узнать, какъ это *достовѣрнѣе язвы друга, нежели вольная лобзанія врага?* — Облобызалъ Господа Іуда (Матѳ. xxvi, 49), но его лобзаніе проникнуто было предательствомъ, въ его устахъ скрывался ядъ, его языкъ полонъ былъ лукавства. Уязвилъ Павелъ коринѳскаго развратника, но за то и спасъ. А какъ, скажешь, уязвилъ? Предавши его сатанѣ: *предайте,* говоритъ, *таковаго сатанѣ во измождение плоти* — для чего? *да духъ спасется въ день Господа Іисуса* (1 Кор. v, 5). Видѣлъ ты раны спасительныя? Видѣлъ лобзаніе предательское? Такъ-то *достовѣрнѣе язвы друга, нежели вольная лобзанія врага.* Это усмотримъ не только на людяхъ, но и на Богѣ, и на діаволѣ. Тотъ—другъ, а этотъ—врагъ; тотъ—Спаситель и Промыслитель, а этотъ—обольститель и зложелатель. Но этотъ облобызалъ нѣкогда, а тотъ уязвилъ. Какъ же этотъ облобызалъ, а тотъ уязвилъ? Одинъ сказалъ: *будете яко бози* (Быт. iii, 5), а другой: *земля еси, и въ землю отыдеши* (ст. 19). Кто же принесъ больше пользы, тотъ ли, который сказалъ: *будете яко бози,* или тотъ, который сказалъ: *земля еси, и въ землю отыдеши?* Одинъ грозилъ смертію, другой обѣщалъ безсмертіе; но обѣщавшій безсмертіе выгналъ и изъ рая, а грозившій смертію возвелъ на небо. Видишь, какъ *достовѣрнѣе язвы друга, нежели вольная лобзанія врага.* Поэтому я, и не входя въ объясненіе, благодарю упрекающихъ. Они, правильно ли, или неправильно упрекаютъ, дѣ- 183
лаютъ это не съ тѣмъ, чтобы посрамить, но — чтобы исправить; напротивъ, враги, если и справедливо упрекаютъ, то упрекаютъ не съ тѣмъ, чтобы исправить, но — чтобы обезславить. Первые, слѣдовательно, похвалою хотятъ сдѣлать (хвалимаго) болѣе совершеннымъ, а послѣдніе, если и хвалятъ, стараются чрезъ это уронить.

Впрочемъ, какъ бы упрекъ ни происходилъ, великое благо имѣть силу терпѣть упреки и обличенія, а не раздражаться. *Ненавидяй обличенія,* сказано, *безуменъ* (Притч. xii, 1). Не сказано: такія, или такія обличенія, но просто: *обличенія.* Въ самомъ дѣлѣ, если другъ обличилъ тебя справедливо, исправь грѣхъ; если же онъ упрекнулъ безъ основанія, такъ похвали его за намѣреніе, одобри цѣль, поблагодари за дружбу: этотъ упрекъ происходитъ отъ крѣпкой дружбы. Не будемъ же огорчаться, когда насъ обличаютъ. Весьма много добра для жизни нашей произойдетъ отъ того, если всѣ мы будемъ и обличать согрѣшающихъ, и сами

легко переносить обличенія въ грѣхахъ. Чтó лѣкарства для ранъ, то обличенія для грѣховъ. Значитъ, какъ отвергающій лѣкарства неразуменъ, такъ и не принимающій обличеній безразсуденъ. Но многіе часто раздражаются, думая про себя и говоря: „мнѣ ли, умному и образованному, терпѣть отъ такого-то?“ А того не знаютъ, что это самое доказываетъ крайнюю ихъ глупость. *Видѣхъ*, говоритъ Соломонъ, *мужа непщевавша себе мудра быти, упованіе же имать безумный паче его* (Притч. XXVI, 12). Поэтому и Павелъ говоритъ: *не бывайте мудри о себѣ* (Рим. XII, 16). Сколько ни уменъ ты, сколько ни проницателенъ въ добрѣ, но ты—человѣкъ и имѣешь нужду въ совѣтникѣ. Одинъ Богъ ни въ чемъ не нуждается; Онъ одинъ не имѣетъ нужды и въ совѣтникѣ. Почему объ Немъ одномъ и говорится: *кто уразумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ ему бысть* (Рим. XI, 34)? А мы, люди, какъ бы умны ни были, тысячекратно подвергаемся упрекамъ, и этимъ обличается слабость нашей природы. *Не могутъ*, сказано, *вся быти въ человѣцѣхъ* — почему? *яко не безсмертенъ сынъ человѣческій* (Сир. XVII, 28, 29). Чтó свѣтлѣе солнца? Однакожъ и оно затмѣвается. Какъ этотъ (солнечный) ясный свѣтъ, этотъ блестящій лучъ закрываетъ наступившая тьма, такъ часто и на нашъ умъ, сіяющій, свѣтящій какъ бы въ самый полдень, находитъ глупость и затемняетъ его; и вотъ, умный не видитъ дѣла, а кто и глупѣе его, тотъ видитъ дѣло лучше его. А такъ бываетъ для того, чтобы и умный не гордился, и простой человѣкъ не почиталъ себя несчастнымъ. Великое благо — быть въ состояніи сносить обличенія; великое благо умѣть обличать, — это (послѣднее) есть признакъ величайшей заботливости (о ближнемъ). Но вотъ мы, если увидимъ, что у кого либо туника [1]) свалилась съ плечъ, или другая одежда лежитъ худо, замѣчаемъ ему это и поправляемъ; а если увидимъ, что у него жизнь развращенная, то не выронимъ ни слова. Если увидимъ, что онъ ведетъ позорную жизнь, то проходимъ мимо; между тѣмъ худое положеніе одежды только смѣшно, а (грѣховное состояніе) души опасно и бѣдственно. Ты видишь, скажи мнѣ, что братъ твой стремится въ пропасть, живетъ небрежно, не смотритъ на чтó слѣдуетъ, — и не подаешь руки, не поднимаешь
134 падшаго, не упрекаешь и не обличаешь, но думаешь, что лучше не огорчить и не обезпокоить его, чѣмъ позаботиться о его спасеніи? Какое же получишь ты отъ Бога снисхожденіе и прощеніе? Не слышалъ ли ты, что Богъ іудеямъ (повелѣлъ) не оставлять безъ попеченія рабочій скотъ даже враговъ, когда онъ блуждаетъ,

[1]) Исподнее платье, которое греки и римляне носили подъ тогою или верхнимъ платьемъ.

и не проходить мимо его, когда онъ упалъ (Исх. xxiii, 4, 5; Втор. xxii, 1). Такъ іудеямъ повелѣвается не оставлять безъ попеченія животныхъ вражескихъ, а мы не позаботимся о душахъ братьевъ, которыя падаютъ каждый день? Какъ же, не крайняя ли это жестокость и звѣрство — не прилагать о людяхъ и такой заботливости, какую они (іудеи) о безсловесныхъ? Это-то и привело въ безпорядокъ все, это-то испортило нашу жизнь, что мы и сами не сносимъ великодушно обличеній, и другихъ не хотимъ обличать. Мы потому и тяжки (для другихъ) съ своими обличеніями, что сами раздражаемся, когда насъ обличаютъ. Если бы братъ твой узналъ, что, обличивъ тебя, онъ похваленъ тобою, то и самъ отплатилъ бы (тебѣ) тѣмъ же, когда бы ты сталъ обличать его.

2. Хочешь знать, что, хотя бы ты былъ весьма уменъ, весьма совершенъ и взошелъ на самую высоту добродѣтели, однакожъ имѣешь нужду въ совѣтникѣ, исправителѣ и обличителѣ? Выслушай древнюю исторію. Не было ничего равнаго Моисею: онъ былъ, сказано, *кротокъ паче всѣхъ человѣкъ* (Числ. xii, 3), другъ Богу, обогащенъ мірскою мудростію, и исполненъ духовнаго знанія. *Наказанъ бысть*, говорится, *Моисей всей премудрости Египетстѣй* (Дѣян. vii, 12). Видишь, что его образованіе было совершенно? И *бѣ силенъ* (Моисей) въ словѣ, и въ иной добродѣтели [1]). Но выслушай и другое свидѣтельство. Съ многими, сказано, пророками бесѣдовалъ Богъ, но ни съ однимъ не бесѣдовалъ такъ: съ другими посредствомъ гаданій и сновъ, а съ Моисеемъ *лицемъ къ лицу* (Втор. xxxiv, 10). Какое еще нужно тебѣ свидѣтельство о его (Моисея) добродѣтели, болѣе важное этого, когда Владыка всѣхъ бесѣдуетъ съ рабомъ, какъ съ другомъ (Исх. xxxiii, 11)? Итакъ, Моисей былъ мудръ и по внѣшнему, и по внутреннему образованію; былъ силенъ въ словѣ и дѣлѣ; повелѣвалъ самой природѣ, потому что былъ другомъ Господа природы; вывелъ изъ Египта столь великій народъ, раздѣлилъ море, и опять соединилъ его; словомъ, явилось (чрезъ Моисея) чудо новое: въ первый разъ тогда увидѣло солнце, какъ черезъ море не переплываютъ но переходятъ, — какъ по глубинѣ морской переправляются не на веслахъ и судахъ, а на коняхъ. И однакожъ этотъ мудрый, сильный въ словѣ и дѣлѣ, другъ Бога, повелѣвавшій природѣ, сдѣлавшій столько чудесъ, не понялъ дѣла, весьма понятнаго для большей части людей, а тесть его, человѣкъ необразованный и простой, понялъ это дѣло и показалъ, самъ же Моисей не дошелъ до

---

[1]) ἐν λόγῳ, καὶ ἄλλῃ ἀρετῇ. Въ славянск. текстѣ: *бѣже силенъ въ словесѣхъ и дѣлѣхъ*. Дѣян. vii, 22.

него. Какое же это дѣло? Послушайте — и узнаете, что всякій, будь онъ равенъ Моисею, имѣетъ нужду въ совѣтникѣ, и что вещи, укрывающіяся отъ великихъ и важныхъ людей, часто не укрываются отъ малыхъ и простыхъ. Когда Моисей вышелъ изъ Египта и былъ въ пустынѣ, *стояху предъ* нимъ *вси людіе* (Исх. XVIII, 13—16), шестьсотъ тысячъ, и онъ рѣшалъ жалобы всѣхъ, у кого только была ссора другъ съ другомъ. Увидѣвши, что онъ такъ дѣлаетъ, тесть его Іоѳоръ, человѣкъ необразованный, жившій въ пустынѣ,
135 не знавшій ни законовъ, ни правилъ общежитія, напротивъ, жившій въ нечестіи (а какое можетъ быть, болѣе этого, сильное доказательство невѣжества—вѣдь нѣтъ ничего безумнѣе язычниковъ?), однакожъ этотъ иноплеменникъ, нечестивецъ, невѣжда, увидѣвши, что Моисей дѣлаетъ не такъ, поправилъ его—мудраго и разумнаго, и друга Божія. Сказавъ: *почто* сіи *предстоятъ тебѣ* (ст. 14), и узнавъ причину, онъ говоритъ Моисею: *не право ты твориши* сіе (ст. 17). Совѣтъ съ укоризною, и однакожъ Моисей не раздражился; нѣтъ, терпѣливо снесъ этотъ мудрый, разумный и другъ Божій, начальствовавшій надъ столькими тысячами. Вѣдь, и это немаловажно, что его училъ человѣкъ необразованный и простой. И не надмили его—ни чудеса, имъ совершенныя, ни великая власть; и не постыдился онъ того, что его поправляли при подчиненныхъ. Нѣтъ, подумавъ, что, хотя онъ и совершилъ великія знаменія, однакожъ имѣетъ человѣческую природу, отъ которой часто укрывается многое, онъ скромно принялъ совѣтъ. А многіе, чтобы не показать, что они нуждаются въ совѣтѣ, нерѣдко скорѣе рѣшаются лишиться пользы, ожидаемой отъ совѣта, нежели принять вразумленіе и исправить грѣхи; лучше хотятъ оставаться въ невѣжествѣ, чѣмъ поучиться: о томъ не разсуждаютъ, что не ученіе, а незнаніе—позорно, что унизительно не учиться, а оставаться въ невѣжествѣ, не обличеніямъ подвергаться, а грѣшить безъ исправленія. Вѣдь можетъ, точно можетъ и человѣкъ малый и простой найтись въ иномъ дѣлѣ, въ которомъ часто не найдется умный и великій. Зная это, Моисей со всею скромностію слушалъ своего тестя, когда онъ совѣтовалъ и говорилъ: *сотвори себѣ тысященачальники, стоначальники, пятьдесятоначальники, десятоначальники: и слово неудоборѣшительное донесутъ къ тебѣ*, легкое *же да судятъ они* (Исх. XVIII, 21, 22). Услышавъ это, Моисей не устыдился, не покраснѣлъ, не посовѣстился подчиненныхъ, не сказалъ про себя: „меня станутъ презирать подчиненные, если я, начальникъ, буду учиться у другого тому, что мнѣ дѣлать“; напротивъ, онъ послушался и исполнилъ приказаніе. И не постыдился онъ не только своихъ современниковъ, но и насъ, потомковъ; напротивъ, какъ бы красуясь даннымъ ему отъ тестя вразумленіемъ, не только тогдашнихъ людей, но и жив-

шихъ послѣ него доселѣ, и тѣхъ, которые во всей вселенной будутъ жить впредь до пришествія Христова, научилъ чрезъ Писаніе тому, что самъ онъ не могъ усмотрѣть, что слѣдовало ему дѣлать, и тому, что принялъ совѣтъ отъ тестя. А мы, если увидимъ, что есть сторонній человѣкъ при томъ, какъ насъ обличаютъ и исправляютъ, приходимъ въ замѣшательство, выходимъ изъ себя, думаемъ, что мы уже пропали. Не такъ Моисей, нѣтъ: видя предъ собою столько тысячъ современниковъ, а лучше сказать, столько тысячъ жившихъ на всей землѣ послѣ него доселѣ, не постыдился, но всѣмъ каждодневно возвѣщаетъ чрезъ Писаніе, что чего самъ онъ не усмотрѣлъ, то усмотрѣлъ тесть его. Для чего же онъ сдѣлалъ такъ, и это происшествіе предалъ памяти? Чтобы намъ внушить—никогда высоко не думать о себѣ, хотя бы мы были умнѣе всѣхъ, и не гнушаться совѣтами другихъ, хотя бы они были хуже всѣхъ. Такъ, если кто, будь даже слуга, посовѣтуетъ что-либо доброе, прими совѣтъ; но если что-либо вредное, будь онъ человѣкъ самаго высокаго сана, отринь внушеніе, потому что вездѣ должно смотрѣть не на качество совѣтующихъ лицъ, но на самое 136
свойство совѣта. Такъ поступилъ и Моисей, и этимъ учитъ насъ не стыдиться обличеній, хотя бы притомъ былъ весь народъ. Вотъ отличіе самое важное, вотъ великая честь, вотъ слава самаго высокаго любомудрія—великодушно терпѣть обличеніе. Не такъ теперь хвалимъ и прославляемъ Іоѳора за то, что онъ вразумилъ Моисея, какъ удивляемся этому святому за то, что онъ и непостыдился вразумленія при столь многихъ свидѣтеляхъ, и предалъ памяти это событіе, показавъ во всемъ этомъ свое любомудріе, и что совершенно пренебрегъ мнѣніемъ толпы.

3. Но, желая оправдаться въ обширности вступленій, мы опять сдѣлали большое вступленіе, впрочемъ не безъ причины и не безъ намѣренія, а потому, что разсуждали съ вами о самыхъ важныхъ и необходимыхъ предметахъ,—о томъ, чтобы намъ великодушно терпѣть обличенія, чтобы ревностно обличать и исправлять согрѣшающихъ. Нужно же наконецъ представить оправданіе въ обширности (вступленій), и сказать, для чего дѣлаемъ длинныя вступленія. Для чего же дѣлаемъ это? Мы бесѣдуемъ съ такимъ множествомъ (слушателей), — съ людьми, у которыхъ есть жены, которыя управляютъ домами, проводятъ жизнь въ ежедневной работѣ, въ дѣлахъ мірскихъ. И худо не это одно, что они непрестанно заняты, но и то еще, что приходятъ сюда къ намъ только однажды въ недѣлю. Итакъ, чтобы наши слова были имъ удобовразумительны, мы стараемся наше ученіе сдѣлать яснѣе посредствомъ вступленій. Кто не имѣетъ никакого дѣла, но постоянно занимается Писаніемъ, тому

не нужны вступленія, не нужно приготовленіе; нѣтъ, онъ, лишь только услышитъ говорящаго, понимаетъ смыслъ рѣчи. Но человѣкъ, бóльшую часть времени проводящій въ дѣлахъ мірскихъ, а сюда приходящій на малое и краткое время, если не выслушаетъ вступленія, если не увидитъ, что ему со всѣхъ сторонъ напередъ открыть путь къ слову, выйдетъ отсюда безъ всякой пользы. Впрочемъ, не это только причиною обширности нашихъ вступленій; есть и другая, не менѣе важная причина. Изъ этого множества слушателей, одни приходятъ, а другіе часто не приходятъ. Итакъ, необходимо — пришедшихъ похвалить, а не пришедшихъ побранить, чтобы тѣ отъ похвалъ стали еще усерднѣе, а эти изъ-за упрековъ бросили лѣность. Есть и еще причина, по которой вступленія нужны для васъ. Мы часто беремъ для бесѣды предметъ довольно обширный, — такой, котораго невозможно довести до конца въ одинъ день, напротивъ, намъ бываетъ нуженъ и второй и третій и четвертый день для изъясненія того же самаго предмета. Поэтому надобно и въ этотъ второй день повторить конецъ прежняго поученія, чтобы чрезъ такое соединеніе конца съ началомъ сдѣлать изслѣдованіе яснѣе для присутствующихъ, и чтобы слово, лишенное связи съ предыдущимъ, не было темно для слушателей. И чтобы увѣриться тебѣ, что слово безъ вступленія никому не будетъ понятно, вотъ я, для опыта, представляю теперь слово безъ вступленія. *Воззрѣвъ же нань Іисусъ рече: ты еси Симонъ сынъ Іонинъ: ты наречешися Кифа, еже сказуется Петръ* (Іоан. I, 42). Видите, понимаете ли вы это изреченіе? Знаете ли связь и причину, почему оно сказано? Это оттого, что я предложилъ это изреченіе безъ вступленія, и поступилъ такъ же, какъ еслибы кто вывелъ на зрѣлище человѣка, закрытаго со всѣхъ сторонъ. От-
137 кроемъ же его, давши ему вступленіе. Недавно было здѣсь у насъ слово о Павлѣ, когда мы бесѣдовали объ именахъ, и изслѣдовали, почему онъ нѣкогда назывался Савломъ, а потомъ названъ Павломъ. Отсюда перешли мы къ древней исторіи, и пересмотрѣли всѣхъ имѣвшихъ прозванія. Потомъ тутъ же вспомнили и о Симонѣ, и о Христовыхъ словахъ, сказанныхъ ему: *ты еси Симонъ сынъ Іонинъ: ты наречешися Кифа, еже сказуется Петръ.* Видишь, какъ незадолго казавшееся непонятнымъ стало теперь понятнѣе? Точно, какъ тѣлу нужна голова, дереву корень и рѣкѣ источникъ, такъ и слову вступленіе. Итакъ, когда мы поставили васъ на начало того же пути, и показали связь (настоящей бесѣды съ предыдущими), то займемся уже самымъ вступленіемъ исторіи (о Павлѣ). *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни* (Дѣян. IX, 1).

А въ посланіяхъ называется онъ Павломъ: для чего же Святый Духъ перемѣнилъ ему имя? Какъ господинъ, купивъ раба и желая показать ему свою власть надъ нимъ, перемѣняетъ ему имя, такъ и Святый Духъ сдѣлалъ тогда. Онъ взялъ Павла въ плѣнъ, и этотъ недавно еще поступилъ подъ власть Святаго Духа, Который поэтому перемѣнилъ ему имя, чтобы онъ изъ этого узналъ (новую) власть надъ собою. Что нареченіе именъ есть знакъ власти, это весьма ясно видно и изъ того, что мы дѣлаемъ, но еще яснѣе будетъ изъ того, что Богъ сдѣлалъ съ Адамомъ. Желая вразумить его, что онъ царь и владыка всего, (Богъ) привелъ къ нему всѣхъ звѣрей *видѣти, что наречетъ я* (Быт. II, 19), чѣмъ и показалъ, что нареченіе именъ служитъ подтвержденіемъ власти. Если же хотите видѣть это и у людей, и знать, что берущіе рабовъ изъ плѣна часто перемѣняютъ имъ имена, послушайте, что сдѣлалъ вавилонскій царь. Онъ, взявши въ плѣнъ Ананію, Азарію и Мисаила, не оставилъ ихъ при прежнихъ именахъ, но назвалъ — Седрахомъ, Мисахомъ и Авденаго (Дан. I, 6, 7). Но почему (Святый Духъ) переименовалъ Павла не тотчасъ, а спустя долгое время? Потому, что, еслибы переименовалъ его тотчасъ послѣ его обращенія, не сдѣлалась бы явною перемѣна Павла и обращеніе къ вѣрѣ. Напротивъ, что случается съ рабами, т. е. что они, какъ убѣгутъ и тотчасъ же перемѣнятъ свои имена, такъ и становятся неизвѣстными, тоже было бы и съ Павломъ, если бы онъ переименованъ былъ тотчасъ, какъ оставилъ іудеевъ и пришелъ къ намъ, никто не узналъ бы, что онъ—гонитель сталъ евангелистомъ. А знать, что онъ—гонитель, и сдѣлался апостоломъ, было весьма важно. Это-то и смиряло іудеевъ, что они видѣли, какъ учитель, стоявшій за нихъ, сталъ противъ нихъ. Итакъ, чтобы внезапная перемѣна имени не скрыла перемѣны воли, (Святый Духъ) попускаетъ Павлу долго носить прежнее имя: пусть, когда узнаютъ всѣ, что это тотъ, который прежде гналъ церковь, пусть тогда уже, какъ это будетъ извѣстно всѣмъ, перемѣнитъ онъ и имя. А что это настоящая причина, послушай, какъ самъ онъ говоритъ: *пріидохъ въ страны Сирскія и Киликій-*
скія. Бѣхъ же незнаемъ лицемъ церквамъ іудейскимъ, яже въ Па- 138
лестинѣ [1]) (Гал. I, 21, 22). Если же онъ не былъ извѣстенъ церквамъ, бывшимъ въ Палестинѣ, гдѣ онъ жилъ, тѣмъ болѣе—бывшимъ въ другихъ мѣстахъ. *Бѣхъ же незнаемъ лицемъ*, говоритъ а не именемъ. Почему *незнаемъ лицемъ?* Потому что никто изъ вѣрующихъ не смѣлъ и видѣть его, когда онъ преслѣдовалъ насъ: такъ онъ дышалъ убійствомъ, такого исполненъ былъ не-

---

[1]) Въ славянск. текстѣ: *яже о Христѣ.*

истовства! Потому, если куда онъ приходилъ, всѣ удалялись, всѣ убѣгали, и не осмѣливались и взглянуть на него: такъ онъ свирѣпствовалъ противъ вѣрующихъ! Они (вѣрующіе) только слышали, что тотъ, кто нѣкогда гналъ насъ, теперь благовѣтствуетъ вѣру, которую прежде истреблялъ (ст. 23). Итакъ, поелику (христіане палестинскіе) лично не знали Павла, а только слышали (о немъ), то, еслибы ему тотчасъ перемѣнено было имя,—и слышавшіе не узнали бы, что тотъ, кто гналъ вѣру, проповѣдуетъ. Такъ какъ они знали, что Павелъ прежде назывался Савломъ, то, если бы онъ тотчасъ по обращеніи названъ былъ Павломъ, и затѣмъ кто-либо возвѣстилъ имъ, что проповѣдуетъ Павелъ, гнавшій церковь, они не узнали бы, что это именно онъ,—оттого, что онъ назывался не Павломъ, а Савломъ. Вотъ почему (Святый Духъ) оставилъ его долго носить прежнее имя,—чтобы онъ сдѣлался извѣстенъ всѣмъ вѣрующимъ, даже отдаленнымъ и невидавшимъ его.

4. Итакъ, достаточно показано, для чего Павлу не тотчасъ перемѣнено имя. Теперь надобно обратиться къ самому началу слова. *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни.* Что значитъ *еще?* Что такое онъ сдѣлалъ прежде, что (евангелистъ Лука) говоритъ *еще?* Это *еще* указываетъ на человѣка, который прежде сдѣлалъ много зла. Что же онъ сдѣлалъ? А какого, скажи мнѣ, зла онъ не сдѣлалъ? Наполнилъ Іерусалимъ кровію, умерщвляя вѣрующихъ, раззорялъ церковь, преслѣдовалъ апостоловъ, убилъ Стефана, не щадилъ ни мужей, ни женъ. Послушай, что говоритъ ученикъ его: *Савлъ же озлобляше церковь, въ домы входя и влача мужы и жены* (Дѣян. VIII, 3). Для него мало было торжища; нѣтъ, онъ вторгался и въ домы: *въ домы входя,* говоритъ. И не сказалъ (дѣеписатель): „уводя", или: „исторгая" мужей и женъ, но: *влача мужы и жены,* какъ будто бы говорилъ о звѣрѣ. *Влача мужы и жены,*—не только мужей, но и женъ. Онъ не стыдился и природы, не щадилъ и пола, не трогался и слабостію. А дѣлалъ онъ это по ревности, а не по (слѣпой) ярости. Поэтому іудеи, дѣлавшіе это же, достойны осужденія, а онъ, хотя дѣлалъ то же, заслуживаетъ прощенія. Тѣ самыми дѣлами своими доказали, что они дѣлали это для чести и славы отъ народа; онъ — не для этого, но изъ ревности по Богѣ, хоть и безъ разсужденія. Оттого тѣ женъ оставляли въ покоѣ, а возставали на мужей, потому что видѣли, что на этихъ перешла честь ихъ (іудеевъ); а Павелъ, такъ какъ движимъ былъ ревностію, возставалъ на всѣхъ. Итакъ, представивъ все это въ умѣ, и видя, что Павелъ еще не насытился, Лука сказалъ: *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни.* Не насытило его

убіеніе Стефана, не удовлетворило его желанію преслѣдованіе
церкви; нѣтъ, онъ стремился далѣе, и нигдѣ не останавливался
въ неистовствѣ, потому что это была ревность. Нѣтъ, онъ только
что возвратился отъ убіенія Стефана, какъ и началъ преслѣдо-
вать апостоловъ; и поступилъ точно такъ, какъ если бы свирѣ-
пый волкъ, напавъ на стадо овецъ, схватилъ оттуда ягненка и
растерзалъ его своими зубами, и отъ этого похищенія сдѣлался 130
еще свирѣпѣе. Такъ и Савлъ напалъ на ликъ апостольскій, схва-
тилъ оттуда агнца Христова, Стефана, растерзалъ его, и отъ
этого убійства сдѣлался еще свирѣпѣе. Вотъ почему сказано *еще*.
Кого бы не насытило это убійство? Кого бы не усмирила кротость
убиваемаго и молитва, которую онъ, побиваемый камнями, возно-
силъ за побивающихъ: *Господи не постави имъ грѣха сего* (Дѣян.
VII, 60)? Вотъ почему гонитель сдѣлался благовѣстникомъ: вскорѣ
по убіеніи (Стефана) онъ перемѣнился,—Богъ услышалъ голосъ
того. И точно, Стефанъ заслуживалъ быть услышаннымъ, какъ
за будущую добродѣтель Павла, такъ и за свое собственное испо-
вѣданіе: *Господи, не постави имъ грѣха сего*. Пусть слышатъ это
всѣ, у кого есть враги, всѣ, кого обижаютъ. Хоть бы ты потер-
пѣлъ тысячу оскорбленій, но еще не побитъ камнями, какъ Сте-
фанъ. И смотри, что дѣлается. Одинъ источникъ, Стефановъ,
заграждался—и открывался другой, который выпускалъ изъ себя
тысячи рѣкъ. Умолкли Стефановы уста—и тотчасъ раздалась
Павлова труба. Такъ Богъ никогда совершенно не оставляетъ
прибѣгающихъ къ Нему, но самъ даетъ имъ большіе дары, не-
жели какіе отнимаютъ у нихъ враги. Въ самомъ дѣлѣ, не та-
кого воина враги исторгли изъ воинства (христіанскаго), какого,
вмѣсто его, поставилъ Христосъ. *Савлъ же еще*... Это *еще* указы-
ваетъ и на нѣчто другое, именно на то, что Христосъ привлекъ
его къ себѣ тогда, какъ онъ еще неистовствовалъ, еще свирѣп-
ствовалъ, былъ еще въ полной силѣ ярости, еще дышалъ убій-
ствомъ. Не подождалъ, пока прекратится болѣзнь, потухнетъ
страсть и усмирится этотъ свирѣпый, и потомъ уже привлекъ
его къ себѣ: нѣтъ, взялъ его въ самомъ жару его неистовства,
чтобы показать Свою силу, то есть, что Онъ побѣждаетъ и одо-
лѣваетъ гонителя въ самомъ полномъ его опьяненіи, когда еще
пылала въ немъ ярость. И врачу мы удивляемся особенно тогда,
когда онъ съумѣетъ потушить и совершенно прекратить горячку
на высшей ея степени и пламень недуга въ крайней силѣ его.
Такъ было и съ Павломъ: когда онъ былъ въ самомъ сильномъ
огнѣ, тогда-то голосъ Господа, какъ упавшая съ неба роса, со-
вершенно освободилъ его отъ недуга. *Савлъ же еще дыхая пре-*

щеніемъ и убійствомъ на ученики Господни. Оставилъ народъ [1]), и напалъ уже на главныхъ [2]). Какъ желающій вырубить дерево, оставивъ вѣтви, высѣкаетъ снизу корень, такъ точно и онъ пошелъ на учениковъ, чтобы истребить корень проповѣди.

Но корнемъ проповѣди не ученики были, но Владыка учениковъ. Поэтому Онъ и говорилъ: *Азъ есмь лоза, вы же рождіе* (Іоан. xv, 5). А корень тотъ неодолимъ: поэтому, чѣмъ болѣе вѣтвей отсѣкали, тѣмъ въ большемъ количествѣ и длиннѣе онѣ вновь выростали. Такъ отсѣченъ Стефанъ—и выросъ Павелъ и увѣровавшіе чрезъ Павла. *Бысть же,* говоритъ (Лука), *внегда приближитися ему къ Дамаску, внезапу облиста его свѣтъ отъ небесе: и падъ на землю, слыша гласъ, глаголющъ ему: Савле, Савле, что Мя гониши?* (Дѣян. ix, 3, 4). Для чего прежде не голосъ сошелъ, но свѣтъ осіялъ его? Чтобы онъ спокойно выслушалъ голосъ. Человѣкъ, слишкомъ занятый какимъ-нибудь дѣломъ и объятый сильнымъ гнѣвомъ, если и тысячи (людей) будутъ звать его, не обращается
140 къ нимъ, потому что онъ весь преданъ своему предмету: такъ, чтобы не случилось этого и съ Павломъ, чтобы онъ, опьяненный неистовствомъ отъ (прежнихъ своихъ) дѣлъ, не отвергнулъ голоса, или даже совсѣмъ не услышалъ его, вслѣдствіе того, что всѣ мысли свои обратилъ на опустошеніе (церкви), Христосъ свѣтомъ сперва ослѣпилъ глаза его, укротилъ ярость, усмирилъ совсѣмъ душевную бурю, и водворилъ въ сердцѣ его совершенную тишину, и потомъ уже испустилъ голосъ, дабы (Савлъ), послѣ того, какъ низложится въ немъ гордость, уже трезвою мыслію внималъ словамъ (Господа). *Савле, Савле, что Мя гониши?* Слова не столько упрекающаго, сколько защищающагося! *Что Мя гониши?* Въ чемъ, маломъ или великомъ, можешь упрекнуть Меня? Чѣмъ ты обиженъ отъ Меня? Тѣмъ ли, что Я воскресилъ вашихъ мертвецовъ, очистилъ прокаженныхъ, изгналъ демоновъ? Но за это надлежало покланяться Мнѣ, а не гнать Меня. И чтобы тебѣ увѣриться, что эти слова: *что Мя гониши?* суть болѣе слова защищающагося, послушай, какъ и Отецъ Его (І. Христа) обращался къ іудеямъ съ такими же словами. Какъ Онъ говоритъ: *Савле, Савле, что Мя гониши?*—такъ и Тотъ говорилъ іудеямъ: *людіе Мои, что сотворихъ вамъ, или чимъ оскорбихъ васъ* (Мих. vi. 3)? *Савле, Савле, что Мя гониши?*—Вотъ ты лежишь на землѣ, вотъ ты связанъ безъ цѣпи! Точно какъ господинъ, словивъ и связавъ раба, многократно бѣгавшаго и дѣлавшаго много худого, говоритъ ему—связанному: что мнѣ теперь сдѣлать съ тобою?

[1]) т. е. простыхъ вѣрующихъ.
[2]) т. е. апостоловъ.

вотъ ты въ рукахъ моихъ?—такъ и Христосъ, взявъ Павла, повергъ на землю, и видя, что онъ трепещетъ, испуганъ и не можетъ ничего дѣлать, говоритъ: *Савле, Савле, что Мя гониши?* Къ чему будетъ эта ярость? Къ чему неистовство? Къ чему неблаговременная ревность? Къ чему оковы и нападенія? Къ чему эта свирѣпость? Вотъ ты будешь теперь неподвиженъ, и не увидишь гонимаго; ты, который быстро ходилъ и бѣгалъ вездѣ, теперь нуждаешься въ вожатомъ. Дѣйствительно, Христосъ для того и говоритъ ему теперь: *что Мя гониши?* чтобы онъ зналъ, что и въ предшедшее время (Господь) уступалъ ему добровольно, что ни прежнее (попущеніе) не происходило отъ слабости, ни настоящее (пораженіе) отъ жестокости, но и то отъ человѣколюбія, и это отъ благопопечительности. Что же Павелъ? *Кто еси, Господи?* Изъ прежняго попущенія позналъ власть, изъ настоящаго ослѣпленія понялъ могущество; теперь уже исповѣдуетъ владычество (Господа): *кто еси, Господи?* Видишь, какая признательная душа; видишь, какое благородное сердце; видишь, какая прямая совѣсть! Не сталъ упорствовать, не сталъ спорить, но тотчасъ призналъ Владыку. Не какъ іудеи, которые и видя, что мертвые воскресаютъ, слѣпые прозираютъ, прокаженные очищаются, не только не прибѣгали къ дѣлавшему это (І. Христу), но еще называли Его обманщикомъ; нѣтъ, Павелъ не такъ, но тотчасъ обратился. Что же Христосъ? *Азъ есмь Іисусъ, егоже ты гониши* (Дѣян. IX, 5). А почему не сказалъ: Я—Іисусъ воскресшій, Я—Іисусъ, сѣдящій одесную Бога, но: *Азъ есмь Іисусъ, его же ты гониши?* Сказалъ такъ для того, чтобы поразить его умъ, сокрушить его душу. Послушай, какъ Павелъ, спустя долгое время и послѣ безчисленныхъ своихъ подвиговъ, плакалъ объ этомъ: *азъ есмь*, говорилъ онъ, *мній* изъ всѣхъ *апостоловъ: иже нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ: зане гонихъ церковь* (1 Кор. XV, 9). Если же плакалъ объ этомъ послѣ безчисленныхъ подвиговъ и столь долгаго времени, то какъ прилично было 141
ему скорбѣть въ то время, когда онъ еще не совершилъ ни одного подвига, а уже сознавалъ себя виновнымъ въ гоненіи и слышалъ тотъ голосъ!

5. Но здѣсь возстаютъ на насъ (противники). А вы не поддайтесь утомленію, хоть бы наступилъ вечеръ, потому что рѣчь у насъ о Павлѣ, — о Павлѣ, который три года день и ночь поучалъ учениковъ (Дѣян. XX, 31). Итакъ, здѣсь нѣкоторые возстаютъ и говорятъ: что же удивительнаго, что Павелъ обратился? Богъ, вѣдь, какъ будто веревку, накинулъ на шею его голосъ тотъ—и такъ привлекъ его къ себѣ. Слушайте внимательно. Здѣсь слово наше направлено и противъ язычниковъ, и противъ іудеевъ, которые думаютъ свое невѣріе прикрыть клеветою на праведниковъ,

а того не знають, что они дѣлаютъ такимъ образомъ двойной грѣхъ: и не отвергаютъ своего заблужденія, и усиливаются взносить такія обвиненія на святого (человѣка) Божія. Но мы, при помощи благодати Божіей, оправдаемъ его. Въ чемъ же состоитъ обвиненіе? Богъ, говорятъ, привлекъ его къ себѣ насильно. Какъ насильно? скажи мнѣ. Призвалъ его съ неба. Ты совершенно увѣренъ, что (Богъ) призвалъ его съ неба? Такъ и тебя Онъ зоветъ сегодня тѣмъ же голосомъ, но ты не слушаешь. Видишь ли, что дѣло произошло не насильно? Если бы тутъ было принужденіе, то и тебѣ надлежало бы послушаться; если же ты не слушаешь, то и онъ, очевидно, послушался по доброй волѣ. И чтобы вы увѣрились, что призваніе (Божіе), конечно, много содѣйствовало спасенію Павла, какъ и всѣхъ другихъ людей, однакожъ не отняло у него собственныхъ подвиговъ и заслугъ, пріобрѣтаемыхъ силою воли, и не стѣснило его свободы, но что онъ, напротивъ, обратился добровольно и по собственному расположенію, это объясню другимъ примѣромъ. Іудеи слышали раздавшійся съ неба на волнахъ іорданскихъ голосъ, не Сына, но Отца, говорившій о Христѣ: *Сей есть Сынъ мой возлюбленный* (Матѳ. III, 17), и однакожъ говорятъ: Сей есть *лстецъ* (XXVII, 63). Видишь, какая явная борьба? Видишь, какая открытая война? Видишь, что вездѣ нужна добрая воля и душа прямая и незанятая страстію? Вотъ, и тамъ голосъ, и здѣсь голосъ: но одинъ (Павелъ) повиновался, а другіе (іудеи) упорствовали. Притомъ, (на Іорданѣ) не только голосъ, но и Духъ въ видѣ голубя. Какъ крестилъ Іоаннъ, а крестился Христосъ, то, чтобы (іудеи), судя по-человѣчески, крещающаго не почли бо́льшимъ, чѣмъ крещаемаго, пришелъ голосъ, и отличилъ Этого отъ того. И какъ неизвѣстно было, о комъ голосъ произносилъ слова свои: то пришелъ Духъ Святый въ видѣ голубя, привлекая этотъ голосъ на главу Христову. Но, хотя (Отецъ) и возвѣстилъ о Немъ (І. Христѣ) голосомъ, и указалъ на Него Духомъ, а сверхъ сего и Іоаннъ взывалъ: *нѣсмь достоинъ отрѣшити ремень сапогу его* (Лук. III, 16), и множество было другихъ свидѣтельствъ и словами и дѣлами; однакожъ ко всему этому іудеи были слѣпы, а лучше сказать, все видѣли, но ничему—ни словамъ, ни дѣламъ—не вѣрили, потому что сердце ихъ было предзанято безумною любовію къ славѣ человѣческой. Объ этомъ-то и евангелистъ го-
142 воритъ, то есть, что *мнози отъ* іудеевъ *вѣроваху въ Него, но князей ради не исповѣдоваху, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ* (Іоан. XII, 42); и самъ Христосъ говорилъ: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищуще* (Іоан. V, 43). Не такъ Павелъ; нѣтъ, услышавъ только одинъ голосъ Его, гонимаго, тотчасъ притекъ (къ Нему), тотчасъ

покорился, и показалъ въ себѣ совершенную перемѣну. Если вы не утомились продолжительностію слова, то предложу еще болѣе близкій примѣръ. Іудеи слышали и Сына, и слышали также, какъ слышалъ Павелъ; слышали и въ такое же время, въ какое слышалъ Павелъ, — и, не смотря на это, не увѣровали. Павелъ услышалъ голосъ, когда неистовствовалъ, когда свирѣпствовалъ, когда преслѣдовалъ учениковъ: такъ и іудеи. Гдѣ и когда? Вышли они ночью, съ фонарями и свѣтильниками, для взятія Его (Іисуса): они думали, что нападаютъ на простого человѣка. И вотъ, желая показать имъ Свою силу, и что Онъ Богъ, а они идутъ противъ рожна, (Христосъ) говоритъ имъ: *кого ищете* (Іоан. XVIII, 4)? Стояли передъ Нимъ и близко — и не видѣли Его; но Самъ искомый помогаетъ имъ найти себя, чтобы они знали, что Онъ добровольно идетъ на страданіе, что, если бы Онъ не восхотѣлъ имъ попустить, они не овладѣли бы Имъ. Какъ же бы они, въ самомъ дѣлѣ, овладѣли Имъ, когда не могли и найти Его? Что говорю: не могли найти Его? Они не могли даже видѣть Его, тогда какъ Онъ былъ передъ ними; и не только не могли видѣть Его, когда Онъ былъ передъ ними, но и тогда, когда отвѣчали на вопросъ Его, не знали, кто былъ передъ ними: такъ Онъ чрезмѣрно ослѣпилъ глаза ихъ! И не только ослѣпилъ, но даже повергъ ихъ Своимъ голосомъ на землю. Когда Онъ сказалъ: *кого ищете?*—они всѣ *идоша вспять* отъ этихъ словъ. Какъ Павла голосъ низложилъ и повергъ на землю, такъ и ихъ всѣхъ этотъ голосъ низринулъ на землю; какъ тотъ не видѣлъ гонимаго имъ, такъ и они не видѣли искомаго ими; какъ тотъ ослѣпъ во время своего неистовства, такъ и они ослѣпли во время самаго неистовства. И тотъ (ослѣпъ), когда шелъ вязать учениковъ, и они тому же подверглись, когда вышли связать Христа. И тамъ узы, и здѣсь узы; и тамъ гоненіе, и здѣсь гоненіе; и тамъ ослѣпленіе, и здѣсь ослѣпленіе; и тамъ голосъ, и здѣсь голосъ; словомъ: одинаковое проявленіе силы Христовой, одинаковыя врачества, но не одинаково исправленіе, потому что больные были весьма различны. Чтò, въ самомъ дѣлѣ, безчувственнѣе, чтò неблагодарнѣе ихъ? Упали назадъ, и опять встали, и опять напали! Не безчувственнѣе ли камней были они? И чтобы они знали, что Онъ точно тотъ, кто сказалъ имъ: *кого ищете?*—и повергъ ихъ назадъ, (Іисусъ) опять, какъ они встали, говоритъ имъ: *кого ищете?* Они отвѣчаютъ: *Іисуса*; и говоритъ имъ: *рѣхъ вамъ, яко Азъ есмь* (Іоан. XVIII, 7, 8). Какъ бы такъ говоритъ Онъ: узнайте, что Я тотъ же самый, который сказалъ раньше: *кого ищете?* и который повергъ васъ. Но изъ этого не вышло никакой пользы; нѣтъ, они остались въ томъ же ослѣпленіи. Все это сличая одно съ другимъ, познай достовѣрно, что

Павелъ обратился не по принужденію, но отъ доброй души и по чистой совѣсти.

6. Если вы будете терпѣливы и благодушны, я представлю и другой ближайшій (примѣръ), неопровержимо доказывающій,
143 что Павелъ обратился къ Господу не по принужденію. Павелъ впослѣдствіи пришелъ въ Саламинъ, что на (островѣ) Кипрѣ, и нашелъ тамъ нѣкоего волшебника, который находился съ проконсуломъ Сергіемъ. Павелъ, исполнившись Духа Святаго, сказалъ ему: *о, исполненне всякія лсти и всякія злобы, сыне діаволь, не престанеши ли развращая пути Господни правыя* (Дѣян. XIII, 10)? Это (говорилъ бывшій) гонитель. Прославимъ же Того, Кто его обратилъ. Прежде вы слышали, что онъ *озлобляше церковь, въ домы входя, и влача мужы и жены, предаяше въ темницу* (Дѣян. VIII, 3); теперь видите, какъ смѣло онъ защищаетъ проповѣдь. *Не престанеши ли развращая пути Господни правыя? И нынѣ се рука Господня на тя, и будеши слѣпъ, не видя до времене* (—XIII, 10, 11). То самое врачество, которое ему возвратило (духовное) зрѣніе, Павелъ употребилъ и надъ волшебникомъ, но этотъ остался въ ослѣпленіи, чтобы ты зналъ, что Павла привело (къ Іисусу Христу) не одно призваніе, но и его собственное расположеніе. Если бы причиною этого (обращенія Павла) было одно пораженіе слѣпотою, то этому же надлежало бы быть и съ волшебникомъ, однакожъ не было. Нѣтъ, онъ-то ослѣпъ, а проконсулъ, увидя происшедшее, увѣровалъ (XIII, 12). Одинъ принялъ лѣкарство, а другой прозрѣлъ. Видите, что значитъ доброе расположеніе сердца,—что значитъ упорство и ожесточеніе! Волшебникъ ослѣпъ, но самъ онъ не получилъ отъ этого пользы, потому что былъ упоренъ, а проконсулъ позналъ Христа. Но достаточно уже доказано, что Павелъ обратился добровольно и по расположенію. Теперь хочу, чтобы вы твердо знали вотъ эту истину, что Богъ не дѣлаетъ насилія не хотящимъ, но влечетъ только желающихъ. Поэтому (Христосъ) говоритъ: *никтоже приходитъ ко Мнѣ, аще не Отецъ Мой привлечетъ его* (Іоан. VI, 44). Влекущій влечетъ желающаго, лежащаго на землѣ и простирающаго руку. И чтобы вамъ увѣриться, что (Богъ) не дѣлаетъ никому насилія, но что, если Онъ и хочетъ, а мы не хотимъ, дѣло спасенія нашего распадается, не потому, чтобы воля Его была немощна, но потому, что Онъ не хочетъ никого принудить, необходимо этотъ предметъ разсмотрѣть, такъ какъ многіе часто пользуются этимъ предлогомъ къ оправданію своей безпечности, и, увѣщеваемые къ принятію просвѣщенія [1]), къ перемѣнѣ образа жизни на лучшій и къ другимъ подобнымъ

---

[1]) т. е. таинства крещенія.

подвигамъ, но при всемъ томъ оставаясь въ небрежности и нерадѣніи, отвѣчаютъ такъ, что, если Богу будетъ угодно, то Онъ убѣдитъ меня—и я перемѣнюсь. Я и не осуждаю ихъ, напротивъ, еще весьма одобряю, за то, что они прибѣгаютъ къ волѣ Божіей; 144
только хочу, чтобы они и сами дѣлали, что должны съ своей стороны, а потомъ уже и говорили: если Богу будетъ угодно. Если ты, предавшись сну и лѣности, не будешь стараться о добрыхъ дѣлахъ, а станешь только ссылаться на волю Божію, у тебя никогда не будетъ ничего добраго. Богъ, какъ сказалъ я, никогда никого не ведетъ къ Себѣ силою и принужденіемъ; нѣтъ, Онъ всѣмъ хочетъ спастись, но никого не принуждаетъ, какъ и Павелъ говоритъ: *иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. II, 4). Какъ же не всѣ спасаются, если Онъ всѣмъ хочетъ спастись? Это оттого, что не всѣхъ воля слѣдуетъ за Его волей, а Онъ никого не принуждаетъ. Такъ (Христосъ) говоритъ и къ Іерусалиму: *Іерусалиме, Іерусалиме, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте*? Что же? *Се оставляется домъ вашъ пустъ* (Лук. XIII, 34, 35). Видишь, что если Богъ и хочетъ, но мы не предаемся (волѣ Его), то остаемся въ погибели? Богъ, еще разъ повторяю, готовъ спасти человѣка, не принужденно, не противъ воли, но по доброй волѣ и расположенію (самого человѣка). Люди,—хотятъ или не хотятъ рабы ихъ,—желаютъ надъ ними быть господами и владычествовать, имѣя въ виду не пользу рабовъ, но свою собственную выгоду; но Богъ, не имѣя ни въ чемъ недостатка и желая показать тебѣ, что не нуждается ни въ чемъ нашемъ, требуетъ нашего служенія только для нашей же пользы, и все дѣлаетъ, не по Своей нуждѣ, къ нашему благу, если мы приступимъ (къ Нему) добровольно, охотно и съ признательностію за самое порабощеніе. Тѣхъ же, кои не хотятъ и уклоняются, Онъ не принуждаетъ и не неволитъ, желая этимъ показать, что не Онъ долженъ благодарить насъ за служеніе наше, а мы—Его за Его господство. Итакъ, зная это, и размышляя о человѣколюбіи Господа, будемъ вести жизнь свою, по возможности, соотвѣтственно Его благости, чтобы получить намъ и царство небесное, котораго да достигнемъ всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому, съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА,

содержащая порицаніе не бывшихъ въ церкви и увѣщаніе къ бывшимъ о томъ, чтобы заботились о братіяхъ; также на начало посланія къ Кориноянамъ: Павелъ званъ (1 Кор. I, 1), и о смиренномудріи.

143—144 1. Когда посмотрю на вашу малочисленность и вижу, что наше стадо уменьшается въ каждое собраніе, то и скорблю, и радуюсь: радуюсь изъ-за васъ, которые здѣсь теперь; скорблю изъ-за тѣхъ, которыхъ здѣсь нѣтъ. Вы достойны похвалъ за то, что не стали безпечнѣе и отъ малочисленности; они заслуживаютъ порицанія за то, что не возбуждаются къ усердію и вашею ревностію. Поэтому и называю васъ счастливыми и блаженными за то, что вамъ нисколько не повредила безпечность тѣхъ; а тѣхъ почитаю жалкими и оплакиваю за то, что имъ не принесла никакой пользы ваша ревность. Не слышали они, что говоритъ пророкъ: *изволихъ приметатися въ дому Бога паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ* (Псал. LXXXIII, 11). Не сказалъ: изволихъ *жить* въ дому Бога моего, ни: *обитать*, ни: *войти*, но: *изволихъ приметатися*. Я радъ, говоритъ, быть и въ числѣ послѣднихъ; доволенъ буду и тѣмъ, если
145 удостоюсь войти въ преддверіе; почту за величайшій даръ, если меня поставятъ между послѣдними въ домѣ Бога моего. Любовь усвояетъ себѣ общаго всѣхъ Господа: такова уже любовь. *Въ дому Бога моего*. Любящій желаетъ видѣть не только самого любимаго, и не только домъ его, но и преддверіе; и не только преддверіе дома, но и самую улицу и переулокъ [1]); и если увидитъ хоть одежду или обувь друга, думаетъ, что предъ нимъ самъ другъ его. Таковы были пророки: такъ какъ они не видѣли безтѣлеснаго Бога, то взирали на храмъ, и въ немъ представляли себѣ присущимъ самого Бога. *Изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ*. Всякое мѣсто, всякій домъ,—будетъ ли то судилище, или сенатъ, или частный домъ,—въ сравненіи съ домомъ Божіимъ, есть селеніе грѣшниковъ, потому что хоть и тамъ бываютъ молитвы и моленія, но неизбѣжно бываютъ также раздоры, и ссоры, и брани, и совѣщанія о житейскихъ дѣлахъ: а этотъ домъ (Божій) чистъ отъ всего этого. Вотъ почему тѣ мѣста—селенія грѣшниковъ, а это—домъ Божій. И какъ пристань, защищенная отъ вѣтровъ и волнъ, даетъ

---

[1]) Гдѣ т. е. домъ любимаго человѣка.

полную безопасность входящимъ въ нее судамъ, такъ и домъ Божій, какъ бы исторгая входящихъ въ него изъ бури мірскихъ дѣлъ, даетъ имъ стоять спокойно и безопасно, и слушать слово Божіе. Это мѣсто есть школа добродѣтели, училище любомудрія. Приди, не только во время собранія, когда бываетъ чтеніе Писанія, духовное поученіе, и соборъ честныхъ отцевъ; нѣтъ, и во всякое другое время приди только въ преддверіе—и тотчасъ отложишь житейскія заботы. Войди въ преддверіе—и какъ бы вѣтерокъ какой духовный повѣетъ на твою душу. Эта тишина внушаетъ страхъ и учитъ любомудрію, возбуждаетъ умъ и не даетъ помнить о настоящемъ, переноситъ тебя съ земли на небо. Если же такъ полезно быть здѣсь и безъ собранія, то какую пользу получаютъ здѣсь присутствующіе, и какую потерю несутъ отсутствующіе тогда, когда пророки вопіютъ со всѣхъ сторонъ, когда апостолы благовѣствуютъ, когда Христосъ стоитъ посреди, когда Отецъ одобряетъ происходящее (здѣсь), когда Духъ Святый сообщаетъ свою радость?

Хотѣлъ бы я знать, гдѣ теперь уклонившіеся отъ собранія, что удержало ихъ и отвлекло отъ этой священной трапезы,—о чемъ у нихъ разговоръ? Впрочемъ, я хорошо знаю это: они или разговариваютъ о вещахъ непристойныхъ и смѣшныхъ, или предались житейскимъ заботамъ, а занятіе тѣмъ и другимъ непростительно и заслуживаетъ самаго строгаго наказанія. О первыхъ не нужно и говорить и доказывать: но что и тѣ, которые ссылаются предъ нами на домашнія дѣла и говорятъ, будто неизбѣжная надобность по этимъ дѣламъ удерживаетъ ихъ (отъ присутствія въ церкви),—что и эти люди не могутъ получить прощенія, такъ какъ призываются сюда только однажды въ недѣлю, между тѣмъ и въ это время не хотятъ предпочесть духовное земному—это ясно изъ Евангелія. Званные на духовное брачное пиршество 146
извинялись вотъ какъ: одинъ купилъ рабочихъ воловъ, другой купилъ землю, третій женился; однакожъ они наказаны (Лук. XIV, 18—24). Дѣла необходимыя, но и они не извинительны, когда призываетъ Богъ, потому что все, необходимое для насъ, ниже Бога. Сперва честь Богу, а потомъ уже забота о прочемъ. Какой слуга, скажи мнѣ, станетъ заботиться о своемъ домѣ прежде, чѣмъ исполнитъ господскую службу? Такъ не странно ли—по отношенію къ людямъ, гдѣ господство—голое имя, оказывать господамъ такое почтеніе и повиновеніе, а къ истинному Владыкѣ, не только нашему, но и горнихъ силъ, не имѣть и такого уваженія, какое оказываемъ подобнымъ намъ рабамъ? О, еслибы вы могли войти въ ихъ [1])

[1]) т. е. не пришедшихъ въ церковь.

совѣсть, тогда ясно увидѣли бы, сколько у нихъ ранъ, сколько терній! Какъ земля, необработываемая руками земледѣльца, глохнетъ и заростаетъ кустарникомъ, такъ и душа, не пользующаяся духовнымъ наставленіемъ, произращаетъ тернія и волчцы. Если и мы, каждодневно слушающіе пророковъ и апостоловъ, едва удерживаемъ свой гнѣвъ, едва обуздываемъ ярость, едва укрощаемъ похоть, едва извергаемъ изъ себя гной зависти, и постоянно напѣвая своимъ страстямъ стихи изъ божественнаго Писанія, едва усмиряемъ этихъ наглыхъ звѣрей, то они, никогда не пользующіеся этимъ врачествомъ и не слушающіе божественнаго любомудрія,—они какую, скажи мнѣ, могутъ имѣть надежду на спасеніе? Хотѣлось бы мнѣ быть въ состояніи показать вашимъ глазамъ душу ихъ: вы увидѣли бы, какъ она нечиста, осквернена, разстроена, унижена и безнадежна! Какъ тѣла не пользующихся банею покрываются множествомъ пыли и грязи, такъ и душа, не пользующаяся духовнымъ ученіемъ, покрывается великою нечистотою грѣховъ. Здѣшнее [1]) есть духовная баня, теплотою Духа очищающая всякую нечистоту; еще болѣе, огонь Духа очищаетъ не только нечистоту, но и самый цвѣтъ. *Аще*, говоритъ Богъ, *будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. I, 18); пусть, то есть, грѣховная скверна такъ крѣпко вопьется въ существо души, что получитъ уже неизмѣнный цвѣтъ краски, и тогда Я могу перевести ее въ противуположное состояніе, потому что довольно одного Моего мановенія—и всѣ грѣхи истребятся.

2. Это говорю не для того, чтобы вы слышали, потому что вы, по благодати Божіей, не имѣете нужды въ лѣкарствахъ; но—чтобы они [2]) узнали объ этомъ чрезъ васъ. Если бы я могъ знать мѣста, въ которыхъ они собираются, то не сталъ бы безпокоить вашу любовь; но какъ мнѣ одному невозможно узнать такое множество народа, то вамъ поручаю попеченіе о вашихъ братіяхъ. Позаботьтесь о своихъ братіяхъ, привлеките ихъ, призовите. Знаю, что вы уже часто дѣлали это, но мало—дѣлать это часто, надобно дѣлать до тѣхъ поръ, пока не убѣдите ихъ и не привлечете сюда. Знаю, что вы безпокоили ихъ, что нерѣдко казались имъ тяго-
147 стными, что не могли убѣдить ихъ, и отъ этого стали менѣе усердны; но да утѣшитъ васъ Павелъ, который говоритъ: *любы вся уповаетъ, всему вѣру емлетъ, николиже отпадаетъ* (1 Кор. XIII, 7, 8). Ты сдѣлай свое: и пусть онъ (ближній) не приметъ врачества, ты все же получишь награду отъ Бога. Съ земли, если бросишь въ нее сѣмена, и она не произраститъ колосьевъ, на-

[1]) т. е. церковь и все, что есть и совершается въ церкви.

[2]) т. е. не пришедшіе въ церковь.

добно уйти съ пустыми руками; не такъ съ душею; нѣтъ, ты преподай ей ученіе, и, пусть она не послушаетъ твоихъ словъ, не смотря на это, ты получишь полную награду,—такую, какую (получилъ бы), еслибы она послушала, потому что Богъ смотритъ не просто на конецъ дѣлъ, а на расположеніе дѣлающихъ, и, судя по нему, опредѣляетъ награды. Итакъ, прошу васъ: что дѣлаютъ пристрастные къ зрѣлищамъ конскихъ бѣговъ, то же сдѣлайте и вы. А что они дѣлаютъ? Съ вечера собираются всѣ вмѣстѣ, ходятъ другъ къ другу въ домы до зари, назначаютъ себѣ и другія мѣста, чтобы, собравшись вмѣстѣ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ идти на сатанинское то зрѣлище. Какъ они усердствуютъ и увлекаютъ другъ друга на погибель души, такъ вы заботьтесь о своей душѣ и спасайте другъ друга, и, предъ наступленіемъ (церковнаго) собранія, (каждый изъ васъ) подойди къ дому брата, подожди его у дверей, и, какъ выйдетъ онъ, останови его. Хотя бы звали (его) тысячи надобностей, не уступай ему и не давай приняться ни за что мірское, прежде, чѣмъ приведешь его въ церковь и заставишь пробыть тамъ во все продолженіе собранія. Пусть будетъ онъ спорить и противорѣчить, пусть станетъ представлять тысячу отговорокъ, не склоняйся и не уступай, но, сказавъ и внушивъ ему, что и другія дѣла его будутъ гораздо успѣшнее, когда онъ приступитъ къ нимъ, выстоявши всю службу (церковную), помолившись и принявъ благословеніе отцевъ,—и связавши его этими и подобными словами, веди къ этой священной трапезѣ, чтобы получить тебѣ двойную награду: и за себя, и за его приходъ (въ церковь). Нѣтъ сомнѣнія, что, если мы употребимъ столько ревности и усердія къ уловленію безпечныхъ, то достигнемъ спасенія. Какъ бы ни были они безпечны, безстыдны и упорны, но, устыдившись такого постоянства вашей рѣшимости, бросятъ наконецъ лѣность. Вѣдь они какъ ни безчувственны, не жесточе, однакожъ, того судіи, который и Бога не зналъ, и людей не стыдился (Лук. XVIII, 2); между тѣмъ и его жестокаго, суроваго, желѣзнаго, твердаго какъ алмазъ, преклонила неотступная просьба одной вдовицы. Какого же извиненія надѣяться намъ, если, тогда какъ вдовица успѣла преклонить и сдѣлать милостивымъ судію жестокаго, и Бога не боявшагося, и людей не стыдившагося, мы не успѣемъ привлечь братьевъ, которые гораздо мягче и скромнѣе этого судіи, когда притомъ увѣщеваемъ ихъ для ихъ же блага? Объ этомъ я часто говорилъ, и не перестану говорить, пока не увижу, что больные выздоровѣли. Каждый день буду искать ихъ, пока не успѣю, при 148
помощи вашего усердія, найти. Усердно прошу и васъ развѣдывать о безпечныхъ съ такою же, съ какою я теперь говорю это,

скорбію, съ такимъ же усиліемъ. Не мнѣ одному, но и вамъ Павелъ повелѣлъ заботиться о своихъ сочленахъ: *утѣшайте*, говоритъ онъ, *другъ друга* сими словами [1]), *якоже и творите;* и опять: *созидайте* другъ друга (1 Сол. v, 11). Велика награда пекущимся о братьяхъ, и весьма велико наказаніе незаботящимся и небрегущимъ о ихъ спасеніи.

3. Поэтому я твердо надѣюсь и увѣренъ, что вы исполнить слова мои съ великимъ усердіемъ, и потому прекращу здѣсь увѣщаніе, и постараюсь привести васъ къ трапезѣ Павловой. *Павелъ званъ Апостолъ* (1 Кор. I, 1). Это часто и вы слышали, и мы читали: но слова (Писанія) должно не только прочитывать, но и тпонимать, иначе не будетъ намъ никакой пользы отъ чтенія. Сокро вище, доколѣ ходятъ по нему, не показываетъ богатства; нѣтъ, надобно напередъ раскопать его, спуститься внизъ, и такъ найти все (сокрытое) богатство. Тоже и съ Писаніемъ: если не изслѣдуешь глубины его, то одно чтеніе не покажетъ сокровища заключающихся (въ Писаніи) благъ. Если бы довольно было одного чтенія то Филиппъ не сказалъ бы евнуху: *убо разумѣеши ли, яже чтеши* (Дѣян. VIII, 30)? Если бы довольно было чтенія, Христосъ не сказалъ-бы іудеямъ: *испытайте Писанія* (Іоан. V, 39). А изслѣдующій не останавливается на поверхности, но нисходитъ въ самую глубину. Вѣдь и въ самомъ вступленіи (посланія) вижу великое море мыслей. Въ свѣтскихъ письмахъ привѣтствія бываютъ просто только для изъявленія почтенія, а здѣсь не такъ; напротивъ, самое начало исполнено великой мудрости, потому что не самъ Павелъ говоритъ, но Христосъ движетъ его душою. *Павелъ званъ*. Это слово *Павелъ* есть, конечно, одно только простое имя, но оно заключаетъ въ себѣ такое сокровище мыслей, которое уже извѣстно вамъ по опыту. Если вы помните, то знаете, что я цѣлые три дня говорилъ только объ этомъ имени, изъясняя причины, по которымъ прежде называемый Савлъ послѣ названъ Павломъ, также для чего онъ не принялъ это имя тотчасъ по обращеніи къ вѣрѣ, но долго еще носилъ то (имя), которое сначала дали ему родители. При этомъ изслѣдованіи мы открыли великую премудрость и попечительность Божію и о насъ, и о святыхъ тѣхъ [2]). Если и люди даютъ имена своимъ дѣтямъ не просто, но—то по отцѣ, то по дядѣ, то по другимъ предкамъ,— тѣмъ болѣе Богъ далъ имена своимъ рабамъ не просто и не безъ основанія, но съ великою мудростію. Люди часто называютъ своихъ дѣтей именами умершихъ и въ честь усопшихъ и въ отраду себѣ, находя въ такомъ названіи

[1]) Ἐν τοῖς λόγοις τούτοις; этихъ словъ въ славянск. текстѣ нѣтъ.

[2]) т. е. которымъ Богъ перемѣнилъ имена.

дѣтей облегченіе своей скорби о кончинѣ умершихъ; а Богъ въ имени святыхъ, какъ на мѣдномъ столбѣ, полагаетъ напоминаніе 149
и урокъ добродѣтели.

Такъ, Петра Онъ назвалъ этимъ именемъ по добродѣтели, желая въ имени его заключить доказательство твердости его вѣры, чтобы въ своемъ имени (Петръ) имѣлъ всегдашняго учителя этой твердости. Такъ и Іоанна и Іакова назвалъ (сынами громовыми) по громогласію ихъ въ проповѣди. Но, чтобы не наскучить повтореніемъ того, о чемъ было говорено,—оставивъ это, скажу только, что имена святыхъ, и сами по себѣ, почтенны для боголюбивыхъ, и страшны согрѣшающимъ. Такъ Павелъ послѣ того, какъ принялъ Онисима, этого бѣглеца и похитителя господскихъ денегъ послѣ того, какъ обратилъ его и посвятилъ въ тайны вѣры, — желая возвратить его господину, вотъ что писалъ къ нему: *сего ради многое имѣя дерзновеніе во Христѣ повелѣвати тебѣ, еже потребно есть: любве же ради паче молю: таковъ сый якоже Павелъ старецъ, нынѣ же и узникъ Іисуса Христа* (Филим. VIII, 9). Видишь ли, что (Павелъ) предложилъ три причины: узы за Христа, свое состояніе по возрасту и уваженіе, внушаемое его именемъ? Такъ какъ онъ одинъ просилъ, то постарался изъ одного просителя за Онисима сдѣлать трехъ, — Павла, старца и узника. Видишь ли, что и самыя имена (святыхъ) почтенны и любезны вѣрующимъ? Если названіе имени любимаго дитяти часто заставляетъ отца, и противъ воли, оказать милость ради любимаго имени,—тѣмъ болѣе надлежало такъ быть съ святыми. А для удостовѣренія, что (имена святыхъ) были страшны согрѣшающимъ, какъ страшны нерадивымъ дѣтямъ имена учителей, послушай, какъ это именно далъ разумѣть Павелъ въ посланіи къ Галатамъ. Такъ какъ они уклонились въ іудейскую немощь [1]) и были въ опасности потерять самую вѣру (христіанскую), то Павелъ, желая возстановить ихъ и убѣдить не примѣшивать ничего іудейскаго къ евангельскому ученію, писалъ имъ вотъ какъ: *се азъ, Павелъ, глаголю вамъ, яко, аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. V, 2). Ты сказалъ: *азъ*; для чего же прибавилъ еще имя? Развѣ этого: *азъ* недостаточно было для означенія, кто пишетъ? Нѣтъ, чтобы ты зналъ, что и одного прибавленія имени достаточно для пораженія слушателей, поэтому (Павелъ) прилагаетъ свое имя, желая напомнить имъ (Галатамъ) объ учителѣ. И съ нами случается то же самое: когда вспомнимъ о святыхъ, то, если мы въ безпечности, пробуждаемся, если въ безстрашіи, устрашаемся. Такъ, когда услышу я объ апостолѣ Павлѣ, то представляю себѣ, какъ онъ

[1]) т. е., обрѣзаніе и другіе обряды іудейскіе.

былъ въ скорбяхъ, въ тѣснотахъ, въ побояхъ, въ темницахъ, въ глубинѣ (морской) день и ночь (2 Кор. xi, 23—28), какъ онъ восхищенъ былъ на третіе небо, слышалъ въ раю неизреченныя слова (xii, 2—4), представляю себѣ это избранное орудіе, невѣстоводителя Христова, который желалъ бы самъ отлученъ быть отъ Христа за братьевъ своихъ (Рим. ix, 3). Точно какъ будто какая золотая цѣпь, открывается уму внимательныхъ рядъ подвиговъ (святого) при воспоминаніи объ его имени. А отъ этого бываетъ
150 намъ немалая польза.

4. Можно бы еще и болѣе сказать объ имени (Павла), но, чтобы намъ коснуться и второго слова, прекратимъ здѣсь разсмотрѣніе имени, и перейдемъ теперь къ этому слову. Какъ имя: *Павелъ* доставило намъ великое богатство, такъ и слово: *званъ*, если только рѣшимся мы изслѣдовать его съ надлежащимъ усердіемъ, дастъ намъ такой же, или еще и обильнѣйшій, предметъ для созерцанія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вынувшій изъ какого-либо украшенія или діадемы царской одинъ только камень, можетъ, продавши этотъ драгоцѣнный камень, и купить великолѣпные домы и дорогія поля, толпы слугъ и множество другихъ предметовъ,—такъ и въ отношеніи словъ Божіихъ, если захочешь изъяснить смыслъ одного реченія, оно доставитъ тебѣ великое духовное богатство, не тѣмъ, чтобы принесло домы, или слугъ, или десятины земли, но тѣмъ, что возбудитъ души внимательныхъ къ благочестію и любомудрію. Вотъ и это самое слово: *званъ*, смотри, къ какой ведетъ насъ исторіи духовныхъ дѣлъ. Впрочемъ, должно прежде узнать, что такое значитъ это *званъ*, а потомъ разсмотрѣть, для чего (Павелъ) такъ написалъ въ посланіяхъ только къ Коринѳянамъ и Римлянамъ, а ни къ кому другому: не безъ причины же и не безъ основанія онъ дѣлаетъ это. Если и мы не безъ разбора дѣлаемъ надписи своихъ писемъ, но, посылая письмо къ низшимъ, пишемъ: такой-то такому-то; а когда посылаемъ къ равнымъ, то получающаго письмо называемъ въ надписи и господиномъ; когда же пишемъ къ гораздо высшимъ по достоинству, то прибавляемъ множество и другихъ наименованій, выражающихъ глубокое почтеніе,—если и мы наблюдаемъ такую разборчивость, и не ко всѣмъ пишемъ одинаково, но судя по различію лицъ, получающихъ письма, употребляемъ такія или другія названія; то тѣмъ болѣе Павелъ писалъ однимъ такъ, а другимъ иначе, не безъ причины и не безъ основанія, но съ нѣкоторою духовною мудростію. Что Павелъ ни въ одномъ изъ другихъ посланій не назвалъ себя, въ самомъ вступленіи посланія, призваннымъ, это можемъ мы узнать, пробѣжавъ самыя начала посланій. Остается намъ сказать, для чего онъ сдѣлалъ это; только мы напередъ покажемъ, что̀ значитъ

званъ и что Павелъ хотѣлъ внушить намъ этимъ словомъ. Что же онъ хочетъ внушить намъ, называя себя призваннымъ? То, что онъ не самъ первый пришелъ къ Господу, но послушался, бывъ призванъ; не самъ искалъ и нашелъ, но найденъ, когда блуждалъ; не самъ первый воззрѣлъ на свѣтъ, но свѣтъ (небесный) пролилъ свои лучи на его взоръ, и, ослѣпивъ ему плотскіе глаза, потомъ открылъ внутренніе. Итакъ, онъ называетъ себя призваннымъ, желая вразумить насъ, что онъ всѣ свои добрыя дѣла приписываетъ не себѣ, но призвавшему его Богу. Кто отворилъ мнѣ, говоритъ онъ, ворота на арену и открылъ поле для борьбы, тотъ— виновникъ и вѣнцовъ; кто сдѣлалъ начало и посадилъ корень, тотъ далъ мнѣ и возможность произрастить впослѣдствіи плоды. Поэтому онъ и въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *паче всѣхъ потрудихся*, прибавилъ: *не азъ же, но благодать, яже со мною* (1 Кор. XV, 10). Итакъ, слово: *званъ* означаетъ не другое что, какъ то, что 151
Павелъ не усвоялъ себѣ ни одного изъ своихъ подвиговъ, но всѣ приписывалъ Господу Богу. Это и Христосъ внушалъ ученикамъ, говоря: *не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ* (Іоан. XV, 16). На это же самое и апостолъ указываетъ въ томъ же посланіи, говоря: *тогдаже познаю, якоже и познанъ бызъ* (1 Кор. XIII, 12); теперь, то есть, не я первый позналъ, но самъ напередъ былъ познанъ, потому что, когда онъ гналъ и опустошалъ церковь, тогда призвалъ его Христосъ, сказавъ: *Савле, Савле, что мя гониши* (Дѣян. IX, 4)? Вотъ, почему онъ называетъ себя призваннымъ. А почему онъ такъ написалъ къ коринѳянамъ? Коринѳъ—главный городъ Ахаіи, и былъ богатъ духовными дарами, чему и надлежало быть такъ, потому что онъ впервые [1]) услышалъ проповѣдь отъ Павла. Какъ виноградникъ, обработанный искуснымъ и рачительнымъ земледѣльцемъ, изобилуетъ листьями и всегда обремененъ бываетъ множествомъ плодовъ, такъ и этотъ городъ, впервые воспользовавшись ученіемъ Павла, какъ бы обработкою искуснаго земледѣльца, и долгое время наслаждаясь его мудростію, украсился всѣми благами. Въ немъ не только было обиліе духовныхъ даровъ, но и великій избытокъ мірскихъ благъ, потомучто онъ превосходилъ другія города и внѣшнею ученостію, и богатствомъ, и могуществомъ. Эти-то блага и надмили его гордостію, а чрезъ гордость раздѣлили на разныя части.

Таково свойство гордости: она расторгаетъ союзъ любви, отдѣляетъ людей другъ отъ друга, и всякаго, кѣмъ она обладаетъ, заставляетъ жить особо отъ прочихъ. Какъ стѣна, раздувшись, разрушаетъ зданіе, такъ и душа, надмившись гордостію, не мо-

[1]) Ср. Дѣян. XVIII, 1, 8—11; 1 Кор. I, 14—17; II, 1. 3; III, 6, 10.

жетъ быть въ союзѣ съ другими. Это самое случилось тогда съ коринѳянами: они стали спорить между собою, разсѣкли церковь на множество частей, поставили себѣ много другихъ (кромѣ Павла) учителей, и, раздѣлившись на общины и особыя братства, нанесли вредъ достоинству церкви, потому что достоинство церкви поддерживается тѣмъ, когда составляющіе ее соблюдаютъ между собою связь, (какая должна быть между членами) тѣла.

5. Надобно, впрочемъ, показать вамъ и то, что коринѳяне впервые услышали проповѣдь отъ Павла, что они обогащены были духовными дарами, что обладали и мірскими выгодами, и что, возгордившись этими выгодами, раздѣлились между собою, и одни изъ нихъ перешли на сторону однихъ, а другіе — на сторону другихъ (учителей). Итакъ, для удостовѣренія, что они впервые услышали ученіе отъ Павла, послушай, какъ самъ Павелъ указалъ на это. *Аще бо*, говоритъ онъ, *и многи пѣстуны имате о Христѣ* Іисусѣ, *но не многи отцы: о Христѣ бо Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ* (1 Кор. IV, 15). А кто родилъ, тотъ первый выводитъ на свѣтъ рожденнаго. И опять: *азъ насадихъ, Аполлосъ напои* (III, 6); здѣсь показываетъ, что онъ первый посѣялъ ученіе (между коринѳянами). А что они богаты были духовными дарами, видно вотъ изъ чего: *благодарю Бога моего о благодати Божіей, даннѣй вамъ о Христѣ Іисусѣ: яко во всемъ обогатистеся о Немъ, яко вамъ не лишитися ни во единомъ дарованіи* (—I, 4, 5).
152 Потомъ, что они обладали внѣшнею мудростію, это показалъ намъ (Павелъ) тѣми многими и пространными словами, которыя онъ направляетъ противъ этой мудрости. Въ другомъ посланіи онъ нигдѣ не дѣлалъ этого, а здѣсь [1]) сильно осуждалъ (внѣшнюю мудрость), и—весьма справедливо. Такъ какъ отъ нея произошла опухоль, то надъ нею (Павелъ) употребилъ и рѣзаніе, говоря такъ: *не посла мене Христосъ крестити, но благовѣстите: не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ* (—I, 17). Смотри, какое обвиненіе противъ внѣшней мудрости: она не только не содѣйствуетъ благочестію, но еще бываетъ помѣхою и препятствіемъ. Какъ прекрасныя тѣла и благовидныя и красивыя лица, если получатъ какое-либо стороннее украшеніе, утрачиваютъ славу собственной красоты, потому что честь этой славы похищаютъ себѣ румяны, притиранья и другія прикрасы; если же не употребишь на нихъ ничего посторонняго, то гораздо лучше выкажешь красоту ихъ, когда одинъ видъ ихъ самъ собою будетъ дѣйствовать и пользоваться вполнѣ удивленіемъ: такъ бываетъ и съ вѣрою— этою духовною невѣстою. Если придашь ей что-либо внѣшнее,—

[1]) т. е. въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ.

богатство, или власть, или силу краснорѣчія, то унизишь ея славу, потому что не дашь проявиться всему блеску ея, но раздробишь славу ея на многія части; напротивъ, если предоставишь ей дѣйствовать самой по себѣ, устранивъ все человѣческое, тогда вѣрно выкажется вся красота ея, тогда ясно просіяетъ неодолимая сила, когда т. е., не воспользовавшись ни богатствомъ, ни мудростію, ни властію, ни знатностію рода, ни другими человѣческими пособіями, она побѣдитъ и преодолѣетъ все,—когда чрезъ людей ничтожныхъ, низкихъ, неимущихъ, бѣдныхъ и неученыхъ одолѣетъ и нечестивыхъ риторовъ, и философовъ, и тирановъ, и всю вселенную.

Потому Павелъ и говорилъ: *пріидохъ не по превосходному словеси, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе* (1 Кор. II, 1), и: *буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ* (—I, 27). Сказалъ не просто: *буяя*, но: *буяя міра;* а конечно, безумное міра не есть безумное и предъ Богомъ, напротивъ, многіе изъ кажущихся здѣсь (въ мірѣ) безумными предъ Богомъ умнѣе всѣхъ другихъ, точно такъ, какъ и многіе изъ живущихъ здѣсь въ бѣдности предъ Богомъ богаче всѣхъ. Такъ и Лазарь въ мірѣ былъ бѣднѣе всѣхъ, а на небѣ сталъ всѣхъ богаче. Итакъ, безумными міра (Павелъ) называетъ тѣхъ, которые не имѣютъ изощреннаго языка, не обладаютъ свѣтскою ученостію, лишены краснорѣчія. И этихъ-то людей *избра*, говоритъ, *Богъ, да премудрыя посрамитъ*. Какъ же, скажи мнѣ, эти посрамляются чрезъ тѣхъ? На дѣлѣ. Когда вдову, сидящую у воротъ и просящую милостыни, а часто и увѣчную, спросишь о безсмертіи души, о воскресеніи тѣлъ, о промыслѣ Божіемъ, о наградахъ по заслугамъ, о тамошнемъ отчетѣ, о страшномъ судилищѣ, объ уготованномъ добродѣтельнымъ блаженствѣ, объ угрожающихъ грѣшникамъ наказаніяхъ, и обо всемъ прочемъ, и она отвѣтитъ съ точностію и полною увѣренностію; а философъ и тотъ, кто много хвастаетъ прическою волосъ и тростію, послѣ многихъ и долгихъ курсовъ ученія, послѣ многихъ и напряжен- 153
ныхъ занятій, не можетъ и заикнуться, не смѣетъ и рта раскрыть объ этихъ предметахъ: тогда хорошо узнаешь, какъ *буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ*. Чего эти мудрые по гордости и высокомѣрію не могли найти,—потому что уклонились отъ ученія Духа, и совершенно предались своимъ умствованіямъ,—то самые бѣдные и презрѣнные люди, лишенные всякаго мірского образованія, узнали съ совершенною точностію,—потому что довѣрились небесному наставленію. Но (апостолъ) не останавливается на этомъ въ осужденіи мірской мудрости; нѣтъ, онъ прибавляетъ еще другое, сильнѣйшее осужденіе, говоря: *премудрость міра сего буйство у Бога есть* (1 Кор. III, 19), и, преподавая слушателямъ

наставленіе, опять съ совершеннымъ презрѣніемъ (къ земной мудрости) и съ силою говорилъ имъ: *аще кто мнится мудръ быти въ васъ, въ* этомъ вѣкѣ *буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (ст. 18), и опять: *писано есть: погублю премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергу* (—I, 19), и опять: *Господь вѣсть помышленія человѣческа, яко суть суетна* (—III, 20).

6. Такъ, отсюда видно, что коринѳяне обладали (мірскою) мудростію. А что они гордились и надмевались, опять явствуетъ изъ этого же посланія. Осудивши въ одномъ мѣстѣ блудодѣя, Павелъ прибавилъ слѣдующія слова: *и вы разгордѣсте* (1 Кор. V, 2), А что они отъ гордости разсорились между собою, и это самое показалъ онъ, сказавъ: *идѣже бо въ васъ зависть и рвеніе и распри, не плотстіи ли есте, и по человѣку ходите* (—III, 3)? Въ чемъ же выразилась ссора? Они раздѣлились между многими начальниками, почему (Павелъ) и говоритъ: *глаголю же се, яко кійждо васъ глаголетъ: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ* (—1, 12). Говоритъ это не потому, чтобы они предались Павлу и Кифѣ и Аполлосу; нѣтъ, этими именами онъ хочетъ прикрыть виновниковъ раздора, чтобы, обнаруживъ ихъ, не сдѣлать упорнѣе и не довести до большаго безстыдства. А что въ самомъ дѣлѣ они предались не Павлу и Петру и Аполлосу, но нѣкоторымъ другимъ, и это видно изъ послѣдующихъ словъ. Осудивъ ихъ за этотъ раздоръ, онъ прибавилъ вотъ что: *сія же, братіе, преобразихъ* (отнесъ) *на себе и Аполлоса васъ ради, да въ васъ научитеся не паче написанныхъ мудрствовати, да не единъ по единому гордитеся на другаго* (1 Кор. IV, 6). Многіе изъ простыхъ людей, не имѣя, чѣмъ самимъ гордиться и укорять ближняго, поставивъ начальниковъ надъ собою, ихъ-то заслугами возгордились предъ другими, и—мудрость ихъ учителей сдѣлалась для нихъ поводомъ къ превозношенію предъ другими: а это было верхомъ тщеславія — не имѣя, чѣмъ самимъ хвалиться, воспользоваться чужими преимуществами кь превозношенію предъ другими. Итакъ, какъ они и надмились гордостію, и разсорились, и раздѣлились на многія части, и высоко возмечтали о своей вѣрѣ, какъ будто сами отъ себя изобрѣли, а не свыше и отъ благодати Божіей получили
154 догматы истины, — то Павелъ, желая смирить ихъ гордость, въ самомъ началѣ (посланія) тотчасъ назвалъ себя призваннымъ, какъ бы такъ говоря: если я, учитель, не изобрѣлъ ничего самъ отъ себя, и не самъ первый пришелъ къ Богу, но послушался уже тогда, какъ призванъ былъ, то вы, ученики, отъ меня принявшіе догматы, какъ можете высокоумствовать, какъ будто бы сами изобрѣли ихъ?! Поэтому и далѣе говорилъ имъ: *кто бо тя разсуж-*

даетъ (отличаетъ)? *Что же имаши, его же нѣси пріялъ? Аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемь* (— IV, 7)?

Итакъ это слово: *званъ* есть не другое что, какъ урокъ смиренномудрія, низложеніе надменности, укрощеніе высокомѣрія. Ничто, точно ничто не можетъ такъ обуздывать и воздерживать насъ, какъ смиренномудріе, когда т. е. мы бываемъ скромны, смиренны и никогда нисколько не мечтаемъ о себѣ. Вѣдая это, и Христосъ, когда приступалъ къ преподаянію духовнаго того ученія, началъ съ увѣщанія къ смиренномудрію, и, отверзши уста, напередъ постановилъ этотъ законъ словами: *блажени нищіи духомъ* (Матѳ. V, 3). Кто намѣревается строить большой и великолѣпный домъ, тотъ полагаетъ и основаніе соотвѣтственное, чтобы оно могло выдержать тяжесть, которая впослѣдствіи будетъ лежать на немъ: такъ и Христосъ, начиная возводить въ душахъ учениковъ великое зданіе любомудрія, напередъ полагаетъ увѣщаніе къ смиренномудрію, какъ твердое и непоколебимое основаніе, — первую и нижнюю часть зданія, зная, что, когда эта добродѣтель вкоренится въ сердцахъ слушателей, то и всѣ прочія добродѣтели могутъ уже безопасно назидаться. Слѣдовательно, когда нѣтъ въ человѣкѣ этой добродѣтели, тогда онъ напрасно, попусту и безъ пользы будетъ трудиться, хотя и совершитъ всѣ прочія добродѣтели. Какъ человѣкъ, построившій домъ на пескѣ, хоть и подъялъ трудъ, но не получилъ пользы, потому что не положилъ надежнаго основанія,—такъ, сколько бы кто ни сдѣлалъ добра, безъ смиренномудрія, погубитъ и испортитъ все. А смиренномудріе разумѣю не то, что на словахъ и на языкѣ, а то, что въ сердцѣ, отъ души, въ совѣсти,—что видѣть можетъ одинъ Богъ. Эта добродѣтель, одна и сама по себѣ достаточна къ умилостивленію Бога, что и доказалъ мытарь. Не имѣя ничего добраго и не могши похвалиться хорошими дѣлами, онъ сказалъ только: *буди милостивъ мнѣ грѣшнику* (Лук. XVIII, 12)—и вышелъ праведнѣе фарисея; между тѣмъ это были слова еще не смиренномудрія, но искренняго сознанія. Смиренномудріе состоитъ въ томъ, когда человѣкъ, признавая въ себѣ великія совершенства, нисколько не мечтаетъ о себѣ; а сознаніе — въ томъ, когда человѣкъ, будучи грѣшникомъ, самъ исповѣдуетъ это. Если же не сознавшій въ себѣ ничего добраго, исповѣдавъ то, чѣмъ онъ былъ, такъ преклонилъ Бога на милость,—то какимъ дерзновеніемъ будутъ пользоваться тѣ, которые могли бы указать на множество своихъ добродѣтелей скрываютъ однакожъ таковыя, и ставятъ себя въ числѣ послѣднихъ? Такъ-то сдѣлалъ и Павелъ: будучи первымъ изъ всѣхъ пра- 155
ведниковъ, онъ называлъ себя первымъ изъ грѣшниковъ (1 Тим. I, 15); и не только называлъ себя такъ, но и былъ убѣжденъ въ

этомъ, узнавъ отъ Учителя, что, и сдѣлавши все, мы должны называть себя рабами, ничего нестоющими (Лук. XVII, 10). Вотъ, въ чемъ состоитъ смиренномудріе! Подражайте же ему вы, у которыхъ есть добрыя дѣла, а мытарю—вы, которые обременены грѣхами. Будемъ признавать себя такими, каковы мы на дѣлѣ; будемъ ударять въ грудь и заставлять душу свою нисколько не мечтать о себѣ. Если мы будемъ въ такомъ расположеніи, то оно послужитъ у насъ достаточнымъ приношеніемъ и жертвою, какъ и Давидъ сказалъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. L, 19). Не сказалъ только: *смиренно*, но еще и: *сокрушенно;* а сокрушенное переломлено, и уже не можетъ, хоть и захочетъ, подняться вверхъ. Такъ и мы,
156 не только смиримъ нашу душу, но и сокрушимъ и пронзимъ; а она сокрушается, когда постоянно помнитъ о своихъ грѣхахъ. Когда такъ смиримъ ее, она, если и захочетъ, не будетъ въ состояніи подняться до гордости, потому что совѣсть, подобно уздѣ, будетъ удерживать ее отъ надменія, будетъ укрощать и умѣрять во всемъ. Такимъ образомъ возможемъ мы обрѣсти и благодать у Бога: *елико*, сказано, *великъ еси, толико смиряйся, и предъ Господемъ обрящеши благодать* (Сир. III, 18). А кто обрѣлъ благодать у Бога, тотъ не почувствуетъ никакой непріятности, но можетъ и здѣсь, съ Божіей благодатью, легко перенести всѣ несчастія, и избѣгнуть уготованныхъ тамъ грѣшникамъ наказаній, потому что благодать Божія будетъ ему вездѣ предшествовать и во всемъ содѣйствовать къ добру. Ее-то да удостоимся получить всѣ мы, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на слова Апостола: Не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ, вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ и пр. (Рим. V, 3).

155 1. Трудно земледѣльцу—запрягать воловъ, влачить плугъ, проводить борозду, бросать сѣмена, переносить непогоду, терпѣть холодъ, вырывать ровъ, отстранять избытокъ воды, наплывающей на сѣмена, возвышать берега рѣкъ и посреди нивы проводить глубочайшія борозды; но эти труды, производящіе утомленіе, дѣлаются легкими и удобными, когда земледѣлецъ представляетъ

въ будущемъ цвѣтущую жатву, изощренный серпъ, гумно, наполненное снопами, и зрѣлые плоды, привозимые домой съ великою радостію. Такъ и кормчій смѣло вступаетъ въ свирѣпыя волны, часто презираетъ и непогоду, и ярящееся море, и непостоянные вѣтры, рѣшается переносить и морскія бури и длинные переходы, когда представляетъ груды товара и пристани плаванія и видитъ происходящее оттого неисчислимое богатство. Такъ и воинъ переноситъ раны, принимаетъ облака стрѣлъ, терпитъ и голодъ, и холодъ, и продолжительныя путешествія, и опасности въ сраженіи, представляя пріобрѣтаемые такимъ образомъ трофеи, побѣды и вѣнцы. Но для чего я упомянулъ объ этомъ, или что́ значатъ эти примѣры? Я хочу чрезъ это предложить вамъ увѣщаніе къ слу-
шанію и побужденіе къ подвигамъ добродѣтели. Если каждый 156
изъ упомянутыхъ трудное считаетъ легкимъ въ надеждѣ на будущее, и притомъ на такое, которое, если кто изъ нихъ и въ состояніи будетъ достигнуть, прекращается съ настоящею жизнію,— то гораздо болѣе вамъ должно прилежать къ слушанію духовнаго ученія и мужественно переносить борьбу и подвиги для вѣчной жизни. Притомъ тѣ надѣются на временныя невѣрныя блага, и часто, оставаясь при одномъ ожиданіи благъ, они такъ и оканчиваютъ жизнь, услаждаясь надеждами, а на самомъ дѣлѣ не достигая ожидаемаго, и между тѣмъ испытывая для нихъ тягчайшія бѣдствія. Такъ, напримѣръ: земледѣлецъ послѣ многихъ своихъ трудовъ и усилій часто въ то самое время, когда онъ изощряетъ серпъ и готовится къ жатвѣ, отъ происшедшаго въ хлѣбѣ поврежденія, или отъ множества саранчи, или отъ чрезмѣрныхъ дождей, или отъ какого-нибудь другого бѣдствія, происшедшаго, отъ неблагопріятной погоды, уходитъ домой съ пустыми руками перенесши всякіе труды, но не получивъ ожидаемыхъ плодовъ. Подобнымъ образомъ и кормчій, радующійся множеству товаровъ, съ великимъ удовольствіемъ поднимавшій паруса и проплывшій многія моря, часто при самомъ устьѣ пристани, ударившись о встрѣтившуюся скалу или подводный камень и какой-нибудь утёсъ, или подвергшись другому какому-нибудь подобному неожиданному обстоятельству, теряетъ весь товаръ и едва успѣваетъ спасти
обнаженное тѣло свое послѣ безчисленныхъ опасностей. Такъ и 157
воинъ, бывшій на многихъ сраженіяхъ, отражавшій противниковъ и побѣждавшій враговъ, иногда при самомъ ожиданіи побѣды теряетъ жизнь, не получивъ совершенно никакой пользы отъ трудовъ и опасностей. Но наши дѣла не таковы: у насъ надежды вѣчныя, неизмѣнныя, твердыя и не прекращающіяся съ этою временною жизнію, а имѣющія въ виду жизнь нетлѣнную, блаженную и вѣчную, и не только не измѣняющіяся отъ неблагопріятной по-

годы и неожиданныхъ обстоятельствъ, но не разрушаемыя и самою смертію. Отъ этихъ же надеждъ можно видѣть плоды, блистающіе и въ самыхъ случайныхъ обстоятельствахъ, и обильное и великое воздаяніе. Поэтому и блаженный Павелъ взывалъ: *не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ* (Римл. v, 3). Не будемъ, увѣщеваю васъ, оставлять эти слова безъ вниманія; но если рѣчь привела насъ опять, не знаю какимъ образомъ, къ пристани прекраснаго кормчаго Павла, то займемся его изреченіемъ, хотя краткимъ, но научающимъ насъ великому любомудрію. Что же значатъ эти слова, и что внушаетъ онъ намъ, когда говоритъ: *не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ*? Если угодно, обратимъ рѣчь ученія немного выше, и мы увидимъ весьма ясно силу мыслей, здѣсь сообщаемую намъ. Пусть же никто не утомляется тѣломъ, но пусть вмѣсто росы будетъ желаніе духовнаго слушанія. Такъ, у насъ рѣчь о скорби, желаніи вѣчныхъ благъ, терпѣніи и воздаяніи за это тѣмъ, которые не пали. Что же значитъ: *не точію*? Кто сказалъ это, тотъ выражаетъ, что онъ говорилъ намъ о многихъ другихъ предшествовавшихъ благахъ, къ которымъ прибавляетъ и это,—благо отъ скорби. Поэтому онъ и говоритъ: *не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ*. Чтобы сказанное было яснѣе, потерпите краткое время, пока мы будемъ вести рѣчь о предметѣ отдаленнѣйшемъ.

Когда апостолы возвѣщали божественное ученіе и ходили по всей вселенной, сѣя слово благочестія, исторгая заблужденіе съ корнемъ, разрушая отцовскія установленія нечестивыхъ, истребляя всякое беззаконіе, очищая землю, повелѣвая отстать отъ идоловъ, ихъ храмовъ, жертвенниковъ, торжествъ и обрядовъ, а признавать одного и единственнаго Бога всѣхъ и питать надежды на будущее, говорили объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, любомудрствовали о воскресеніи и бесѣдовали о царствѣ небесномъ, тогда изъ-за этого загорѣлась война жестокая и убійственнѣйшая изъ всѣхъ войнъ, все исполнилось безпокойства, смятенія и тревоги, всѣ города, и всякій народъ, и домы, и обитаемыя и необитаемыя страны, такъ какъ древніе обычаи были потрясаемы, столько господствовавшіе предразсудки ниспровергаемы, и новые вводимы
158 догматы, о которыхъ никто никогда не слыхалъ; противъ этого гнѣвались цари, негодовали начальники, возмущались простые люди, волновались площади, свирѣпствовали судилища, обнажались мечи, заготовлялись оружія, грозили законы. Отъ этого поднимались наказанія, мученія, угрозы и все, что у людей считается страшнымъ. Какъ бываетъ на морѣ, когда оно бушуетъ и производитъ ужасныя кораблекрушенія, нисколько не лучше того было тогда и состояніе вселенной: отецъ отказывался отъ сына за его благо-

честіе, невѣстка ссорилась съ свекровью, братья отдѣлялись другъ отъ друга, господа свирѣпствовали противъ слугъ, какъ бы самая природа возставала противъ себя самой, и не только междуусобная, но и междукровная война происходила въ каждомъ домѣ. Слово, проходя подобно мечу и отдѣляя больное отъ здороваго, производило вездѣ великое смущеніе и состязаніе, и подавало поводъ вездѣ появляться враждѣ и нападеніямъ на вѣрующихъ. Отсюда—одни были отводимы въ темницы, другіе—въ судилища, третьи — на путь, ведущій къ смерти; у однихъ были отбираемы имущества, другіе часто лишались и отечества и самой жизни, и со всѣхъ сторонъ падали на нихъ бѣдствія, какъ проливные дожди: внутри борьба, отвнѣ опасности, отъ друзей, отъ чужихъ, отъ самыхъ соединенныхъ другъ съ другомъ природою.

2. Все это видѣлъ блаженный Павелъ, наставникъ вселенной, учитель небесныхъ догматовъ, и такъ какъ бѣдствія были подъ руками и совершались предъ глазами, а блага были только въ надеждахъ и обѣтованіяхъ, т. е. царство небесное, воскресеніе и полученіе тѣхъ благъ, которыя превышаютъ всякій умъ и всякое слово, печи же, сковороды, мечи, наказанія и всякаго рода мученія и смерти были не въ надеждахъ, а на опытѣ, и притомъ люди, имѣвшіе вступать въ такіе подвиги, еще недавно были обращены къ вѣрѣ отъ жертвенниковъ, идоловъ, роскоши, невоздержанія и пьянства, и еще не привыкли представлять ничего высокаго о вѣчной жизни, но были склонны болѣе къ благамъ настоящимъ, такъ что естественно было, что многіе изъ нихъ предавались малодушію среди ежедневныхъ мученій, ослабѣвали и отпадали,—то посмотри, что дѣлаетъ причастникъ неизреченныхъ таинъ, и внемли мудрости Павла. Онъ часто бесѣдуетъ съ ними о будущемъ, поставляетъ на видъ награды, показываетъ вѣнцы, ободряя ихъ и утѣшая надеждами вѣчныхъ благъ. И что говоритъ онъ? *Непщую бо, яко недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися намъ* (Рим. VIII, 18). Для чего указываешь мнѣ, говоритъ, на раны, жертвенники, палачей, наказанія, мученія отъ голода, изгнанія, бѣдность, узы и оковы? Все, что хочешь, представь изъ почитаемаго у людей бѣдствіями, и ты не скажешь ничего такого, что могло бы сравниться съ тѣми наградами, вѣнцами и воздаяніями: то прекращается съ настоящею жизнію, а это не имѣетъ конца въ безпредѣльномъ вѣкѣ; то проходитъ какъ временное, а это пребываетъ постоянно, какъ безсмертное. На то же самое указываетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *еже бо нынѣ легкое печали* 159
(2 Кор. IV, 17), посредствомъ количества показывая неважность качества и непродолжительностію времени облегчая бремя. Такъ какъ тогдашнія обстоятельства были бѣдственны и тяжки, то непродолжи

тельностію ихъ онъ облегчаетъ это бремя и говоритъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея, по преумноженію преспѣяніе* вѣчную *тяготу славы содѣловаетъ намъ, не смотряющымъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна* (2 Кор. IV, 17, 28). И еще, возводя ихъ къ мысли о величіи тамошнихъ благъ, онъ представляетъ саму природу болѣзнующею и воздыхающею отъ настоящихъ бѣдствій и сильно желающею благъ будущихъ, какъ совершенныхъ, и говоритъ такъ: *яко и тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже донынѣ* (Рим. VIII, 22). Почему она воздыхаетъ? Почему болѣзнуетъ? Ожидая будущихъ благъ и желая перемѣны къ лучшему: *яко и сама*, говоритъ, *тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. VIII, 21). Впрочемъ, когда ты слышишь, что она воздыхаетъ и болѣзнуетъ, то не думай, будто она одарена разумомъ, но помни свойственный Писанію образъ рѣчи. Когда Богъ чрезъ пророковъ желаетъ возвѣстить людямъ что-нибудь великое и пріятное, то представляетъ и самые неодушевленные предметы чувствующими величіе совершаемыхъ чудесъ, не для того, чтобы мы называли природу чувствующею, но чтобы можно было представить величіе чудесъ посредствомъ случающагося съ людьми. Такъ и мы, когда случится что-нибудь неожиданное, имѣемъ обыкновеніе говорить, что самый городъ сѣтовалъ, и самый помостъ былъ прискорбенъ; и когда идетъ рѣчь о людяхъ страшныхъ и имѣющихъ звѣрское настроеніе духа, то также говорятъ: онъ колебалъ самыя основанія, и самые камни трепетали его, не потому, чтобы дѣйствительно камни трепетали его, но чтобы можно было представить чрезмѣрность звѣрскаго сердца и ярость его. Поэтому и дивный пророкъ Давидъ, возвѣщая блага, дарованныя іудеямъ, и радость ихъ по освобожденіи изъ Египта, говорилъ: *во исходѣ Израилевѣ отъ Египта, дому Іаковля отъ людей варваръ, бысть Іудея святыня Его, Израиль область Его. Море видѣ и побѣже, Іорданъ возвратися вспять: горы взыграшася яко овни, и холми яко агнцы овчіи отъ лица Господня* (Псал. CXIII, 1—4). Между тѣмъ нигдѣ никто не слыхалъ такого событія. Правда, море и Іорданъ возвращались назадъ по повелѣнію Божію; но горы и холмы не скакали, а только, какъ я выше сказалъ, желая представить чрезмѣрность удовольствія и облегченіе отъ египетскаго изнуренія, дарованное имъ, онъ говорилъ, что и самые неодушевленные предметы прыгали и скакали при полученныхъ ими благахъ. Равнымъ образомъ, когда Богъ хочетъ возвѣстить что-нибудь прискорбное, происходящее отъ нашихъ грѣховъ, то говоритъ: *восплачется вино, возрыдаетъ виноградъ* (Ис. XXIV, 7); и въ другомъ мѣстѣ: *путіе Сіони рыдаютъ* (Плач. Іер. I, 4), и даже говоритъ, что предметы безчувственные плачутъ: *стѣны дщере Сіони* излейте *слезы* (Плач.

Іер, II, 18); также говорится, что и самая земля и Іудея сѣтуетъ и опьянѣла отъ скорби, не потому, чтобы стихіи чувствовали, но, какъ я выше сказалъ, каждый изъ пророковъ хотѣлъ чрезъ это пред- 160
ставить чрезмѣрность благъ, подаваемыхъ намъ Богомъ, и наказаній, посылаемыхъ на насъ за наше нечестіе. Поэтому блаженный Павелъ также представляетъ природу воздыхающею и болѣзнующею для того, чтобы по возможности показать величіе даровъ Божіихъ, ожидающихъ насъ послѣ настоящей жизни.

3. Но все это, скажутъ, въ надеждахъ; а человѣкъ малодушный и бѣдствующій, недавно обратившійся отъ идолослуженія и не умѣющій любомудрствовать о будущемъ, не очень назидается такими словами, но желаетъ и въ настоящее время получить нѣкоторое утѣшеніе. Поэтому-то и этотъ мудрый учитель, все знающій, не только утѣшаетъ будущими благами, но ободряетъ и настоящими радостями. И во-первыхъ, онъ исчисляетъ дарованныя вселенной блага, которыя не въ надеждахъ и ожиданіи, но уже на опытѣ и дѣйствительно получены, — которыя служатъ величайшимъ и яснѣйшимъ доказательствомъ и будущихъ и ожидаемыхъ благъ, — и потомъ, предложивъ пространную рѣчь о вѣрѣ и упомянувъ о праотцѣ Авраамѣ, который, несмотря на природу, отказывавшую ему быть отцемъ, надѣялся, ожидалъ и вѣровалъ, что сдѣлается, потому и сдѣлался отцемъ, — и отсюда возводя слушателей къ тому, что не должно никогда впадать въ слабость помысловъ, но назидаться и ободряться величіемъ вѣры и мудрствовать высоко, говоритъ послѣ того и о величіи полученныхъ благъ. Въ чемъ же это? Въ томъ, говоритъ, что Богъ предалъ за насъ, неблагодарныхъ, своего Сына Единороднаго, истиннаго, возлюбленнаго, и насъ, обремененныхъ безчисленными грѣхами и изнуренныхъ такимъ бременемъ преступленій, не только избавилъ отъ грѣховъ, но и сдѣлалъ праведными, не заповѣдавъ намъ ничего труднаго, тяжкаго или невыносимаго, но потребовавъ отъ насъ только вѣры, сдѣлалъ праведными и святыми, объявилъ сынами Божіими, поставилъ наслѣдниками царства и сонаслѣдниками Единороднаго, обѣщалъ воскресеніе, нетлѣніе тѣлъ, жизнь съ ангелами, превышающую всякое слово и разумѣніе, пребываніе на небесахъ и собесѣдованіе съ Нимъ самимъ, и оттуда уже излилъ благодать Святаго Духа, освободилъ насъ отъ власти діавола и избавилъ насъ отъ бѣсовъ, ослабилъ грѣхъ, уничтожилъ проклятіе, сокрушилъ врата ада, отверзъ рай, послалъ не ангела и не архангела, но самаго Единороднаго для спасенія нашего, какъ говоритъ Онъ черезъ пророка: *не ходатай, ниже ангелъ, но самъ Господь спасе ихъ* (Ис. LXIII, 9). Не блистательнѣе ли это безчисленныхъ вѣнцовъ, что мы освящены, оправданы, и

притомъ вѣрою и чрезъ нисшествіе съ небесъ Единороднаго Сына Божія для насъ, что Отецъ за насъ предалъ возлюбленнаго Своего, что мы получили Духа Святаго, и притомъ со всею легкостію, что удостоились неизреченной благодати и дара? Итакъ, сказавъ это
161 и объяснивъ все въ краткихъ словахъ, апостолъ опять обратилъ рѣчь къ надеждѣ. Сказавъ: *оправдившеся убо вѣрою, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, Имже и приведеніе обрѣтохомъ вѣрою во благодать сію, въ нейже стоимъ,* онъ присовокупилъ: *и хвалимся упованіемъ славы Божія* (Рим. v, 1, 2). Такимъ образомъ, онъ сказалъ и о совершившемся, и о будущемъ: то, что мы оправданы, что Сынъ закланъ за насъ, что чрезъ Него мы приведены къ Отцу, получили благодать и даръ, избавились отъ грѣховъ, имѣемъ миръ съ Богомъ и сдѣлались причастниками Святаго Духа, есть уже совершившееся; а къ будущему относится та неизреченная слава, о которой онъ и говоритъ въ прибавленныхъ словахъ: *въ ней же стоимъ и хвалимся упованіемъ славы Божія.* Но такъ какъ надежда, какъ я выше сказалъ, не очень способна назидать и ободрять малодушнаго слушателя, то замѣть, что̀ онъ еще дѣлаетъ, и посмотри на твердость и любомудрый умъ Павла. Изъ того самаго, что повидимому печалитъ, тревожитъ и смущаетъ слушателя, изъ этого онъ сплетаетъ вѣнцы утѣшенія и хвалы. Исчисливъ все вышесказанное, онъ, наконецъ, прибавляетъ: не о томъ только я скажу, говоритъ, о чемъ сказалъ, т. е. что мы освящены и оправданы Единороднымъ, что получили благодать, миръ, даръ, отпущеніе грѣховъ, общеніе Святаго Духа, и при томъ со всею легкостію, безъ трудовъ и усилій, а одною вѣрою, что Богъ послалъ Единороднаго Сына, и одно уже даровалъ, а другое обѣщалъ, именно славу неизреченную, безсмертіе, воскресеніе тѣлъ, жизнь ангельскую, обращеніе со Христомъ, пребываніе на небесахъ, потому что все это онъ изобразилъ въ словахъ: *и хвалимся упованіемъ славы Божія.*

Такъ не о томъ только онъ говоритъ, что было и будетъ, но и то самое, что между людьми считается прискорбнымъ, именно: судилища, заключеніе, смерть, угрозы, голодъ, пытки, сковороды, печи, разграбленіе, войны, осады, сраженія, возмущенія, состязанія—и это онъ поставляетъ въ число даровъ и благодѣяній; потому что не о томъ только, что выше сказано, должно радоваться и восхищаться, но и этимъ нужно хвалиться, какъ говоритъ онъ: *нынѣ радуюся во страданіяхъ моихъ о васъ, исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей* (Колос. I, 14). Видишь ли душу твердую, умъ высокій, духъ непоколебимый, который восхищается не вѣнцами только, но утѣшается и подвигами, радуется не наградамъ только, но восторгается и трудами, веселится не отъ воздая-

ній только, но хвалится и самою борьбою? Не говори мнѣ о царствѣ небесномъ, о тѣхъ нетлѣнныхъ вѣнцахъ, о наградахъ, но и самое настоящее, исполненное скорби, трудовъ и великихъ страданій, поставь на видъ, и я могу доказать, что этимъ должно хвалиться еще болѣе. Во внѣшнихъ подвигахъ борьба доставляетъ 162
трудъ, а вѣнцы — удовольствіе; но здѣсь не такъ, а еще прежде вѣнцовъ самые подвиги приносятъ великую радость. Чтобы вы убѣдились, что это дѣйствительно такъ, вспомните каждаго изъ святыхъ, изъ каждаго поколѣнія, какъ говоритъ апостолъ: *образъ пріимите, братія, злостраданія и долготерпѣнія, пророки, иже глаголаша именемъ Господнимъ* (Іак. v, 10). И тотъ самый апостолъ, который сегодня предложилъ намъ этотъ подвигъ и составилъ настоящее духовное зрѣлище, т. е. Павелъ, послѣ того, какъ онъ исчислилъ безчисленныя бѣдствія каждаго изъ святыхъ, которыя неудобно пересказывать теперь, прибавляетъ: *проидоша въ милотехъ, въ козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихъ же не бѣ достоинъ міръ*, и при всемъ томъ радуясь (Евр. xi, 37, 38). Тоже самое можно видѣть и тогда, когда апостолы, послѣ заключенія въ темницѣ и злословій, получивъ бичеванія, были изгоняемы. Въ самомъ дѣлѣ, что говорится о нихъ? *Они же убо идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя* Христа *сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. V, 41).

4. Это было и у насъ; если кто хочетъ знать, о чемъ я говорю, то пусть припомнитъ, что случилось во время гоненій. Выступила дѣвица нѣжная и не знавшая брака, имѣющая тѣло нѣжнѣе воска; потомъ, привязанная къ дереву со всѣхъ сторонъ, была мучима и терзаема скобленіемъ по бокамъ и истекала кровью, но какъ бы невѣста, сидящая въ брачномъ чертогѣ, благодушно переносила совершаемое надъ нею, для царства небеснаго, получая вѣнцы въ самыхъ подвигахъ. Представь же, каково было — видѣть властителя съ войсками, изощренными мечами и столь многимъ оружіемъ, побѣждаемаго одною дѣвицею. Видишь ли, что и самая скорбь сопровождается величайшею хвалою? Свидѣтели сказаннаго—вы сами. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ мученики еще не получили воздаяній, ни наградъ, ни вѣнцовъ, но разрѣшились въ пыль и прахъ, мы стекаемся въ честь ихъ со всѣмъ усердіемъ, составляемъ духовное зрѣлище, прославляемъ ихъ и увѣнчиваемъ ихъ за раны и кровь, за пытки и мученія, за ихъ скорби и воздыханія: такъ самыя скорби сопровождаются хвалою еще прежде воздаянія! Представь, каковъ былъ Павелъ тогда, когда онъ жилъ въ темницахъ и былъ приводимъ въ судилища, какъ славенъ, какъ блистателенъ и знаменитъ являлся онъ предъ всѣми, особенно же предъ тѣми, которые нападали и враждовали

противъ него. Но что я говорю: былъ славенъ предъ людьми, — если онъ и для бѣсовъ былъ страшенъ болѣе тогда, когда былъ бичуемъ? Когда онъ находился въ узахъ, когда подвергался кораблекрушеніямъ, тогда и совершалъ величайшія знаменія, тогда особенно и побѣждалъ противныя силы. Поэтому, зная хорошо пользу, происходящую для души отъ этихъ скорбей, онъ говорилъ: *егда немощствую, тогда силенъ есмь*; и потомъ прибавлялъ: *тѣмже*
163 *благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, во изгнаніихъ, въ тѣснотахъ, да вселится въ мя сила Христова* (2 Кор. XII, 10, 9). Поэтому и говоря къ нѣкоторымъ, жившимъ въ Коринѳѣ, и укоряя тѣхъ изъ нихъ, которые высокомудрствовали о себѣ, а другихъ осуждали, онъ, соблюдая характеръ посланія и находясь въ необходимости представить намъ изображеніе своихъ подвиговъ, составилъ его не изъ знаменій, не изъ чудесъ, не изъ почестей, не изъ удовольствій, но изъ заключеній въ узы, судилищъ, голода, холода, борьбы, козней, и говорилъ имъ такъ: *служителіе ли Христовы суть? Не въ мудрости глаголю: паче азъ;*—и объясняя это выраженіе: *паче*, и свое преимущество, продолжалъ: *въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертехъ многащи* и пр.: *аще хвалитися подобаетъ, о немощи моей похвалюся* (2 Кор. XI, 23—30).

Видишь ли, что этимъ онъ хвалится гораздо болѣе, нежели восхищается блистательными вѣнцами, и потому говоритъ: *не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ?* Что же значитъ: *не точію?* Не только, говоритъ, мы не падаемъ духомъ, испытывая скорби и бѣдствія, но какъ бы болѣе и болѣе преуспѣвая въ чести и славѣ, особенно хвалимся среди приключающихся бѣдствій. Далѣе, сказавъ, что отъ скорбей происходитъ величайшая слава, хвала и радость, - а извѣстно, что слава доставляетъ и удовольствіе, потому что гдѣ удовольствіе, тамъ конечно есть и слава, и гдѣ такая слава, тамъ конечно есть и удовольствіе,—показавъ, что терпѣніе скорбей сопровождается славою, знаменитостію и радостію, онъ говоритъ о другомъ величайшемъ ихъ слѣдствіи, о нѣкоторомъ величайшемъ и дивномъ плодѣ ихъ. А какой этотъ плодъ, посмотримъ. *Вѣдяще*, говоритъ онъ, *яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. V, 3. 5). Что значитъ: *вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ?* Отъ этого происходитъ тотъ величайшій плодъ, что человѣкъ, подвергающійся скорбямъ, дѣлается болѣе крѣпкимъ. Какъ изъ деревъ тѣ, которыя стоятъ въ, мѣстахъ тѣнистыхъ и безвѣтренныхъ, бываютъ хотя цвѣтисты по виду, но изнѣжены и слабы, и скоро повреждаются отъ всякаго напора вѣтровъ, а тѣ, которыя стоятъ на высокихъ вершинахъ горъ, колеблются многими и ве-

ликими вѣтрами, переносятъ частыя перемѣны воздуха, потрясаются жесточайшими бурями и засыпаются обильнымъ снѣгомъ, бываютъ крѣпче всякаго желѣза; подобно тому какъ тѣла, воспитываемыя во многихъ и различныхъ удовольствіяхъ, украшаемыя нѣжными одеждами, часто омываемыя и намащаемыя и съ излишествомъ изнѣживаемыя разными родами пищи, дѣ- 164
лаются совершенно негодными къ подвигамъ благочестія и къ трудамъ и достойны величайшаго наказанія, — такъ точно и души: тѣ, которыя ведутъ жизнь, чуждую бѣдствій, наслаждаются удовольствіями, пріятно занимаются настоящими предметами и жизнь безпечальную предпочитаютъ терпѣнію скорбей для царства (небеснаго), по примѣру всѣхъ святыхъ, бываютъ нѣжнѣе и слабѣе всякаго воска и готовятся въ пищу вѣчному огню; а тѣ, которыя подвергаются опасностямъ, трудамъ и бѣдствіямъ скорби для Бога, и воспитываются въ нихъ, бываютъ крѣпче самаго желѣза или тверже адаманта, отъ частаго перенесенія бѣдствій дѣлаясь неодолимыми для нападающихъ и пріобрѣтая нѣкоторый непобѣдимый навыкъ къ терпѣнію и мужеству. И какъ тѣ, которые въ первый разъ вошли на корабль, чувствуютъ тошноту и головокруженіе, смущаясь, испытывая непріятное ощущеніе и подвергаясь умопомраченію; а тѣ, которые часто и долго бывали на моряхъ, плавали по безчисленнымъ волнамъ и испытывали частыя кораблекрушенія, смѣло рѣшаются на такое путешествіе: такъ точно и душа, претерпѣвшая много искушеній и подвергающаяся великимъ скорбямъ, привыкши къ трудамъ и пріобрѣвши навыкъ къ терпѣнію, бываетъ не боязлива, не робка и не смущается приключающимися скорбными обстоятельствами, но отъ постояннаго упражненія въ случайностяхъ и частаго испытанія разныхъ приключеній дѣлается способною переносить съ великою легкостію всѣ случающіяся бѣдствія. Это самое и выражаетъ мудрый устроитель небесной жизни, когда говоритъ: *не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ*, потому что еще прежде царства и небесныхъ вѣнцовъ мы получаемъ отсюда величайшую награду, такъ какъ отъ частыхъ скорбей душа наша дѣлается болѣе крѣпкою и помыслы становятся болѣе твердыми. Итакъ, зная все это, возлюбленные, будемъ мужественно переносить приключающіяся печальныя обстоятельства, какъ происходящія по волѣ Божіей и для нашей пользы, не будемъ унывать и падать духомъ при встрѣчѣ съ искушеніями, но, стоя со всѣмъ мужествомъ, будемъ непрестанно благодарить Бога за всѣ оказанныя намъ благодѣянія, чтобы намъ и насладиться настоящими благами и удостоиться будущихъ даровъ, благодатію, щедротами и человѣколюбіемъ Го-

спода нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на слова Апостола: Вѣмы, яко любящымъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое (Римл. VIII. 28), о терпѣніи и о томъ, сколько пользы отъ скорбей.

165 1. Какъ будто спустя долгое время я возвратился къ вамъ,—въ такомъ расположеніи духа нахожусь я сегодня. Хотя я былъ заключенъ дома по причинѣ тѣлесной болѣзни, но какъ будто былъ отлученъ далеко отъ вашей любви, такъ я чувствовалъ себя. Кто умѣетъ любить искренно, но не можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ, кого любитъ, тотъ, хотя бы жилъ съ нимъ въ одномъ и томъ же городѣ, будетъ чувствовать себя нисколько не лучше живущихъ въ чужой странѣ. Это знаютъ тѣ, которые знаютъ любовь. Поэтому простите намъ, прошу васъ: не отъ лѣности нашей происходила эта разлука, но болѣзнь тѣлесная была причиною молчанія. Знаю, что теперь всѣ вы радуетесь, что мы избавились отъ болѣзни, а я радуюсь не только тому, что избавился отъ болѣзни, но и тому, что опять могу видѣть вожделѣнныя ваши лица и утѣшаться вашею любовію по Богѣ. Какъ многіе изъ людей, по избавленіи отъ болѣзни, ищутъ сосудовъ, чашъ и прохладительныхъ напитковъ, такъ для меня пріятнѣе всякой радости ваше собраніе; оно для меня и причина выздоровленія и источникъ радости. Итакъ теперь, когда по благодати Божіей мы опять встрѣтились другъ съ другомъ, заплатимъ вамъ долгъ любви, если только можно когда-нибудь заплатить его. Этотъ одинъ долгъ не имѣетъ конца, но чѣмъ болѣе уплачивается, тѣмъ болѣе возростаетъ; и какъ въ деньгахъ мы хвалимъ тѣхъ, которые ничего не должны, такъ здѣсь мы ублажаемъ тѣхъ, которые должны много. Поэтому и учитель вселенной Павелъ въ посланіи говоритъ: *ниединому же ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга* (Рим. XIII, 8), желая, чтобы мы и постоянно платили этотъ долгъ, и постоянно оставались должными, и никогда не уплачивали этого долга, пока не окончимъ настоящую жизнь. Какъ быть должнымъ деньгами тяжело и непріятно, такъ не быть постоянно должнымъ этимъ долгомъ—достойно осужденія. А дабы тебѣ убѣдиться, что

это дѣйствительно такъ, послушай мудрости дивнаго учителя, какъ онъ предложилъ увѣщаніе. Сказавъ напередъ: *ниединому же ничимже должни бывайте,* онъ потомъ присовокупилъ: *точію еже любити другъ друга,* желая, чтобы всякій нашъ долгъ здѣсь былъ уплаченъ, а этотъ долгъ оставался постоянно неуплаченнымъ,
потому что это особенно поддерживаетъ и скрѣпляетъ нашу 166
жизнь. Итакъ, когда мы знаемъ, сколько пользы отъ этого долга и что онъ, уплачиваясь, больше возростаетъ, постараемся теперь и мы, сколько можно, отдать долгъ, которымъ остаемся должными вамъ не по лѣности или по какой-нибудь невнимательности, но по приключившейся болѣзни, предложивъ краткую бесѣду вашей любви и заимствовавъ предметъ бесѣды отъ того же самаго диннаго учителя вселенной; о чемъ онъ говорилъ сегодня въ посланіи къ Римлянамъ, то и мы, представивъ, припомнимъ, и послѣ долгаго времени (молчанія) предложимъ вашей любви духовное угощеніе. Но необходимо сказать, что было прочитано, дабы вы, припомнивъ сказанное, съ большею легкостію усвоили себѣ наши слова. *Вѣмы,* говоритъ онъ, *яко любящымъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое* (Рим. VIII, 28). Для чего сказано такое вступленіе? Ничего напрасно и безъ цѣли не говоритъ эта блаженная душа, но всегда прилагаетъ представляющимся болѣзнямъ соотвѣтственныя духовныя врачества.

Что же означаютъ слова его? Такъ какъ многія искушенія со всѣхъ сторонъ окружали тогда обращавшихся къ вѣрѣ, и безпрерывныя были ухищренія со стороны врага, непрестанныя козни, и не успокоивались противники проповѣди, однихъ ввергая въ темницы, другихъ подвергая изгнаніямъ, иныхъ увлекая во многія другія пропасти, то, подобно тому какъ отличный военачальникъ, видя противника, дышущаго великою яростію, обходитъ своихъ вездѣ, ободряетъ ихъ, укрѣпляетъ, приготовляетъ, располагаетъ къ мужеству, дѣлаетъ готовыми поднять руки противъ врага и не бояться его нападеній, но съ твердымъ духомъ стоять противъ него, поражать его, если можно, въ самое лице его, и не страшиться противодѣйствія ему;—такимъ же образомъ этотъ блаженный, эта достигающая до небесъ душа, желая ободрить души вѣрующихъ и стараясь возстановить лежащій долу, такъ
сказать, умъ ихъ, началъ рѣчь свою такъ: *вѣмы же, яко любя-* 167
щымъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое. Видишь ли апостольское благоразуміе? Онъ не сказалъ: я вѣдаю, но: *вѣмы,*—присоединяя и ихъ къ изъявленію согласія на сказанную мысль, что любящимъ Бога все содѣйствуетъ ко благу. Замѣть точность выраженій апостольскихъ. Онъ не сказалъ: любящіе Бога избѣгаютъ бѣдствій, освобождаются отъ искушеній; но: *вѣмы,* говоритъ, т. е.

мы увѣрены, мы убѣждены, на самомъ опытѣ получили доказательства, *вѣмы, яко любящымъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое.*

2. Какая, думаете вы, сила заключается въ этомъ краткомъ изреченіи? *Вся*, говоритъ, *поспѣшествуютъ во благое.* Не указывай мнѣ здѣсь на пріятное, не представляй только покой и безопасность, но и противное тому, темницы, скорби, козни, ежедневныя нападенія, и тогда увидишь въ точности силу изреченія. Чтобы не отвлекать любовь вашу слишкомъ далеко,—если хотите, мы представимъ немногое изъ того, что происходило съ этимъ блаженнымъ, и вы увидите силу изреченія. Когда онъ, ходя всюду, сѣя слово благочестія, исторгая плевелы и стараясь насадить истину въ душѣ каждаго, былъ въ одномъ городѣ Македоніи, какъ повѣствуетъ намъ блаженный Лука, составившій книгу Дѣяній, то встрѣтилъ нѣкоторую служанку, имѣвшую злаго бѣса и не могшую молчать, но ходившую и хотѣвшую посредствомъ этого бѣса сдѣлать апостоловъ извѣстными вездѣ, и, прогнавъ его съ великою властію, словомъ и повелѣніемъ, какъ бы какого-нибудь негоднаго раба, избавилъ ее отъ злаго бѣса. Послѣ этого жителямъ того города слѣдовало бы смотрѣть на апостоловъ какъ на благодѣтелей и спасителей и всякаго рода почитаніемъ воздать имъ за такое благодѣяніе, а они воздаютъ противнымъ. Послушай, чѣмъ они воздаютъ имъ. *Видѣвше*, говоритъ дѣеписатель, *господіе ея, яко изыде надежда стяжанія ихъ, поемше Павла и Силу, влекоша на торгъ ко княземъ, и приведше ихъ къ воеводамъ, и многи давше имъ раны, всадиша въ темницу, завѣщавше темничному стражу твердо стрещи ихъ* (Дѣян. XVI, 9—23). Видите ли крайнее нечестіе жителей того города? Видите ли терпѣніе и твердость апостоловъ? Подождите немного, и вы увидите и Божіе человѣколюбіе. Онъ, какъ премудрый и провидящій, не вначалѣ и при первомъ случаѣ избавляетъ отъ бѣдствій, но когда усилятся всѣ мѣры враговъ и когда дѣлами доказано будетъ терпѣніе подвижниковъ Его, тогда и являетъ собственную помощь, чтобы никто не могъ говорить, будто они потому рѣшаются на опасности, что увѣрены, что съ ними не случится ничего непріятнаго. Поэтому Онъ нѣкоторымъ и попускаетъ терпѣть бѣдствія, по своей неизреченной премудрости, а нѣкоторыхъ избавляетъ отъ нихъ, чтобы ты изъ всего позналъ чрезмѣрное человѣколюбіе Его, и то, что Онъ, соблюдая для нихъ большія награды, часто попускаетъ усиливаться бѣдствіямъ. Такъ Онъ поступилъ и здѣсь.
168 Послѣ такого чуда и благодѣянія, которое оказали изгнавшіе безстыднаго бѣса, Онъ попустилъ имъ получить удары и быть посаженными въ темницу, потому что отсюда особенно и открылась сила Божія. Поэтому-то блаженный Павелъ и говорилъ:

сладцѣ убо похвалюся паче въ немощехъ моихъ, да вселится въ мя сила Христова; и еще: *егда немоществую, тогда силенъ есмь,*—называя немощію непрестанныя искушенія (2 Кор. XII, 9, 10). Но, можетъ быть, здѣсь кто-нибудь недоумѣваетъ, почему они изгнали бѣса, который не говорилъ ничего противнаго имъ, но еще дѣлалъ ихъ извѣстными, потому что онъ много дней кричалъ, говоря: *сіи человѣцы раби Бога вышняго суть, иже возвѣщаютъ намъ путь спасенія* (Дѣян. XVI, 17). Не удивляйся, возлюбленный: и это было дѣломъ благоразумія апостольскаго и благодати Духа. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не говорилъ ничего противнаго имъ, но дабы, чрезъ это сдѣлавшись достойнымъ довѣрія, бѣсъ не могъ и въ другихъ дѣлахъ увлекать людей болѣе простыхъ, для того апостолъ заградилъ ему уста и изгналъ его, не допустивъ ему говорить тó, чтó выше его достоинства. Это сдѣлалъ онъ, подражая своему Господу, потому что и къ Нему приступая говорили: *вѣмы тя, кто еси, святый Божій* (Лук. IV, 34); однако Онъ изгонялъ говорившихъ такъ. А совершалось это въ обличеніе безстыдныхъ іудеевъ, которые, видя каждый день происходившія чудеса и безчисленныя знаменія, не вѣрили, между тѣмъ какъ бѣсы признавали и исповѣдывали Его Сыномъ Божіимъ.

3. Впрочемъ, возвратимся къ предмету нашей рѣчи. Чтобы вы знали, какъ любящимъ Бога все содѣйствуетъ ко благу, нужно прочитать вамъ весь разсказъ объ этомъ событіи, чтобы и отсюда вы увидѣли, какъ послѣ ударовъ, послѣ темницы, все во благо имъ обратила благодать Божія. Но посмотримъ, какъ излагаетъ это блаженный Лука. *Таково завѣщаніе пріемъ*, говоритъ онъ, темничный стражъ *всади ихъ во внутреннюю темницу, и ноги ихъ заби въ кладѣ* (Дѣян. XVI, 24). Замѣть, какъ усиливаются бѣдствія, чтобы и терпѣніе апостоловъ сдѣлалось блистательнѣйшимъ и неизреченная сила Божія стала явною для всѣхъ. Выслушай и дальнѣйшее. *Въ полунощи же*, продолжаетъ онъ, *Павелъ и Сила молящеся пояху Бога* (Дѣян. XVI, 25). Посмотри на возвышенную душу, посмотри на бодрствующій умъ; не будемъ, возлюбленные, оставлять этихъ словъ безъ вниманія. Не напрасно обозначилъ онъ намъ и время, сказавъ: *въ полунощи же*, но желая показать, что тогда какъ надъ всѣми другими тяготѣетъ пріятный сонъ и смежаетъ ихъ вѣжди, — особенно же тѣ, которые обременены многими скорбями, обыкновенно предаются въ это время сну,—тогда какъ, говоритъ, сила сна господствовала вездѣ, тогда они, *молящеся пояху Бога*, представляя величайшее доказательство своей любви къ Нему. Какъ мы, страдая тѣлесными болѣзнями, ищемъ общества людей близкихъ, чтобы разговоромъ съ ними утолить силу боли, такъ и эти святые, пламенѣя любовію къ Господу и вознося священныя

169 пѣсни, даже не чувствовали своихъ скорбей, но всецѣло предавались молитвѣ и возносили свое дивное пѣснопѣніе, такъ что темница сдѣлалась церковію, и всякое мѣсто освящалось пѣснопѣніемъ этихъ святыхъ. И можно было видѣть чудныя и дивныя дѣла, какъ люди, связанные колодкою, не встрѣчали никакого препятствія къ пѣснопѣнію. Такъ, человѣку бодрствующему, внимательному и имѣющему пламенную любовь къ Богу ничто никогда не можетъ препятствовать бесѣдовать съ Господомъ. Богъ, говоритъ Онъ, *приближайся Азъ есмь, а не Богъ издалеча* (Іерем. ххііі, 23); и еще въ другомъ мѣстѣ: *еще глаголющи ти*, реку: *се пріидохъ* (Ис. LVIII, 9). Гдѣ душа бодрствующая, тамъ умъ окрыляется и освобождается, такъ сказать, отъ узъ тѣла, возлетаетъ къ предмету любви и, презирая землю и становясь выше всего видимаго, стремится къ Нему. То же самое было и съ этими святыми. Посмотри на внезапное дѣйствіе ихъ пѣснопѣній и какъ они, находясь въ темницѣ, будучи связаны колодкою и поставлены на ряду съ мошенниками и преступниками, не только не потерпѣли никакого вреда, но еще больше просіяли отъ этого и свѣтомъ собственной добродѣтели озарили всѣхъ, бывшихъ въ темницѣ, потому что голосъ священныхъ пѣсней ихъ, входя въ душу каждаго изъ узниковъ, измѣнялъ ее, такъ сказать, и преобразовывалъ. *Внезапу же*, говоритъ дѣеписатель, *трусъ бысть велій, яко поколебатися основанію темничному: отверзошася же абіе двери вся, и всѣмъ юзы ослабѣша* (Дѣян. XVI, 26). Видишь ли силу пѣснопѣній Богу? Не только сами, возносившіе пѣснопѣнія, получали утѣшеніе, но и сдѣлали то, что со всѣхъ оковы спали, чтобы на самомъ дѣлѣ видно было, какъ *любящымъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое*. Вотъ и удары, и темница, и колодка, и пребываніе съ преступниками,—и однако все это сдѣлалось причиною благъ и поводомъ къ славѣ, не только для апостоловъ и бывшихъ въ темницѣ узниковъ, но и для самаго темничнаго стража. *Возбуждся же*, говорится, *темничный стражъ и, видѣвъ отверсты двери темницы, извлекъ ножъ, хотяше себе убити, мня избѣгшя юзники* (Дѣян. XVI, 27). Посмотри здѣсь на человѣколюбіе Божіе, которое превышаетъ всякое слово. Для чего все это совершается *въ полунощи?* Не для чего иного, какъ для того, чтобы дѣло устроилось безъ шума и спокойно, и чтобы совершилось спасеніе темничнаго стража. Въ самомъ дѣлѣ, когда сдѣлалось землетрясеніе и двери отворились, оковы спали со всѣхъ, тамъ находившихся, никому изъ нихъ не было допущено уйти оттуда. Замѣть здѣсь и съ другой стороны премудрость Божію. Все прочее, т. е. землетрясеніе и открытіе дверей, произошло для того, чтобы всѣ на дѣлѣ узнали, каковы были находившіеся тогда въ темницѣ, что они были не простые люди, но выйти оттуда никому не было

допущено, чтобы это не подавало повода къ опасностямъ для темничнаго стража. А что это справедливо, послушай, какъ темничный стражъ, лишь только замѣтилъ случившееся и подумалъ, что нѣкоторые разбѣжались, не дорожилъ самою жизнію своею. *Извлекъ* 170
ножъ, говорится, *хотяше себе убити*. Но вездѣ бодрствовавшій и предусмотрительный, блаженный Павелъ, собственнымъ голосомъ исторгнулъ агнца изъ пасти дикаго звѣря. Онъ *возгласи гласомъ веліимъ, глаголя: ничтоже сотвори себѣ зла: вси бо есмы здѣ* (Дѣян. xvi, 28). О, крайнее смиренномудріе! Онъ не думалъ высоко о себѣ при такомъ событіи, не напалъ на темничнаго стража, не позволилъ себѣ произнести что-нибудь надменное, но въ числѣ узниковъ, преступниковъ и злодѣевъ поставилъ и себя самого, сказавъ: *вси есмы здѣ*. Видишь ли, сколь великое показываетъ онъ смиренномудріе и не приписываетъ себѣ ничего больше находившихся тамъ злодѣевъ? Посмотри затѣмъ и на темничнаго стража, который приступаетъ къ нему уже не какъ къ одному изъ прочихъ. Ободрившись и *просивъ свѣщи*, онъ *вскочи, и трепетенъ бывъ, припаде къ Павлу и Силѣ, и изведъ ихъ вонъ, рече: господіе, что ми подобаетъ творити, да спасуся* (Дѣян. xvi, 29, 30)? Видите ли, какъ *любящымъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое*? Видите ли, какъ уничтожена хитрость діавола, какъ недѣйствительными оказались козни его? Когда они изгнали бѣса, то онъ устроилъ, что они были посажены въ темницу, думая чрезъ это поставить препятствіе распространенію проповѣди. Но вотъ и темница послужила для нихъ поводомъ къ духовному пріобрѣтенію.

4. Такъ и мы, если будемъ внимательны, можемъ получать пользу, не только находясь въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, но и въ скорбяхъ, и тогда еще болѣе, чѣмъ при благополучіи, потому что благополучіе, какъ бываетъ по большей части, дѣлаетъ людей безпечными,—а скорбь, заставляя быть внимательными, дѣлаетъ достойными и вышней помощи, особенно когда мы въ надеждѣ на Бога оказываемъ терпѣніе и твердость во всѣхъ приключающихся скорбяхъ. Не будемъ же сѣтовать, когда постигаютъ насъ бѣдствія, но будемъ болѣе радоваться, потому что это бываетъ поводомъ къ нашей славѣ. Поэтому и Павелъ говорилъ: *вѣмы же, яко любящымъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое.* Но посмотримъ на пламенную душу тѣхъ святыхъ. Когда они услышали слова темничнаго стража: *что ми подобаетъ творити да спасуся,* то медлили ли они, отложили ли, пренебрегли ли оглашеніемъ? Нѣтъ; но что сказали они ему? *Вѣруй въ Господа Іисуса Христа, и спасешися ты и весь домъ твой* (Дѣян. xvi, 31). Посмотри на апостольскую попечительность. Они не довольствуются его спасеніемъ, но чрезъ него хотятъ и всѣхъ домашнихъ его уловить

ученіемъ благочестія, нанося діаволу смертельную рану. *И крестися самъ и свои ему вси абіе, и возрадовася со всѣмъ домомъ своимъ, вѣровавъ Богу* (Дѣян. XVI, 33, 34).

Отсюда мы научаемся никогда нисколько не медлить въ дѣлахъ духовныхъ, но всякое случающееся время считать удобнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если эти святые не хотѣли отложить дѣла ночью, то какое оправданіе будемъ имѣть мы, пренебрегая духовною пользою въ другое время? Видишь ли темницу, сдѣлавшуюся церковію? Видишь ли жилище преступниковъ, внезапно обратившееся въ молитвенный домъ, и священнодѣйствіе, тамъ совер-
171 шаемое? Такъ важно — бодрствовать и никогда не пренебрегать духовною пользою, но всякое время считать удобнымъ для такого пріобрѣтенія. Поэтому хорошо говорилъ этотъ блаженный въ посланіи: *яко любящымъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое.* Это изреченіе будемъ и мы, увѣщеваю васъ, имѣть начертаннымъ въ душѣ нашей и не будемъ никогда сѣтовать, когда подвергнемся въ этой жизни какимъ-нибудь прискорбнымъ обстоятельствамъ, или тѣлеснымъ болѣзнямъ, или какимъ-либо другимъ печальнымъ случаямъ; но, руководясь великимъ любомудріемъ, будемъ противиться всякому искушенію, зная, что если мы будемъ внимательны, то можемъ получать пользу отъ всего и еще больше отъ искушеній, чѣмъ отъ благопріятныхъ обстоятельствъ; не будемъ никогда падать духомъ, представляя, сколько пользы отъ терпѣнія, равно не будемъ питать ненависти и къ тѣмъ, которые подвергаютъ насъ искушеніямъ, потому что хотя они дѣлаютъ это, имѣя собственную цѣль, но общій Владыка попускаетъ это, желая, чтобы мы и чрезъ это пріобрѣтали духовныя блага и получили награду за терпѣніе. Итакъ, если мы будемъ въ состояніи съ благодарностію
172 переносить приключающіяся бѣдствія, то изгладимъ не малую часть грѣховъ нашихъ. Если Господь, видя такое сокровище и учителя вселенной подвергающимся каждый день опасностямъ, допускалъ это, не потому, чтобы Онъ презиралъ своего подвижника, но потому, что приготовлялъ для него пространнѣйшее поприще, дабы даровать ему блистательнѣйшіе вѣнцы, то что можемъ сказать мы, исполненные безчисленныхъ грѣховъ и за это часто впадающіе въ искушенія, чтобы, получивъ за нихъ наказаніе здѣсь, удостоиться хотя малаго милосердія и получить въ тотъ страшный день неизреченныя блага? Размышляя объ этомъ въ самихъ себѣ, будемъ мужественно принимать все, чтобы намъ и получить награду за терпѣніе отъ человѣколюбиваго Господа, и изгладить множество грѣховъ нашихъ, и сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

противъ непришедшихъ въ собраніе и на слова апостола: Аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его (Римл. xii, 20), и о злопамятствѣ.

1. Нисколько, кажется, мы не имѣли успѣха, предложивъ вамъ 171—172
недавно пространную рѣчь о ревности къ собраніямъ (церковнымъ); церковь у насъ опять остается безъ чадъ. Поэтому опять я принужденъ быть строгимъ и тяжелымъ, — укорять присутствующихъ, осуждать отсутствующихъ; послѣднихъ за то, что они не оставляютъ своей лѣности, а васъ за то, что нерадите о спасеніи братій. Я принужденъ быть тяжелымъ и строгимъ не для себя и собственнаго своего пріобрѣтенія, но для васъ и вашего спасенія, которое для меня дороже всего. Кто хочетъ, пусть огорчается и называетъ меня тяжелымъ и безстыднымъ; но я не перестану постоянно твердить объ одномъ и томъ же, потому что для меня нѣтъ ничего лучше такого безстыдства. Можетъ быть, подлинно можетъ быть, что вы, устыдившись если не другого чего, то по крайней мѣрѣ этого, чтобы не слышать непрестанно напоминанія объ одномъ и томъ же, будете когда-нибудь имѣть попеченіе о вашихъ братіяхъ. Какая мнѣ польза отъ похвалъ, если я не буду видѣть васъ преуспѣвающими въ добродѣтели? И какой мнѣ вредъ отъ молчанія слушателей, если я буду видѣть возрастающимъ ваше благочестіе? Похвала проповѣднику — не рукоплесканіе, но ревность слушателей о благочестіи, не шумъ во время слушанія, но усердіе во всякое время. Шумное одобреніе, какъ только вышло изъ устъ, то разсѣеваясь въ воздухѣ изчезаетъ, а исправленіе слушателей доставляетъ неоскудѣвающую и безсмертную награду
и говорящему и слушающимъ. Крикъ вашего одобренія дѣлаетъ 173
говорящаго славнымъ здѣсь, а благочестіе вашей души доставляетъ учителю дерзновеніе предъ престоломъ Христовымъ. Поэтому, если кто изъ говорящихъ желаетъ чего-нибудь, то пусть желаетъ не рукоплесканій, но пользы слушателей. Не маловажное зло—нерадѣніе о братіяхъ, но достойное крайняго мученія и неизбѣжнаго наказанія. Это показалъ примѣръ зарывшаго талантъ въ землю. Онъ не подвергся никакому осужденію за собственную жизнь и не сдѣлалъ ничего худого въ скрытіи таланта, потому что возвратилъ его цѣлымъ; и однако оказался виновнымъ въ способѣ употребленія денегъ. Онъ не удвоилъ ввѣреннаго, и за это былъ наказанъ. Отсюда видно, что, хотя бы мы были усердны и внимательны, хотя бы имѣли великую охоту къ слушанію божественн Писаній, этого не достаточно для нашего спасенія. Должно

удвоять ввѣренный залогъ; удвоеннымъ же онъ дѣлается тогда, когда вмѣстѣ съ собственнымъ спасеніемъ мы принимаемъ на себя попеченіе и о других. Тотъ сказалъ: *се имаши твое* цѣлымъ; но этого недостаточно было для его оправданія. *Подобаше убо,* говоритъ Господь, *вдати* ввѣренное *торжникомъ* (Матѳ. XXV, 25—27). И замѣть, какъ легки заповѣди Господа. Люди заставляютъ отдающихъ въ займы деньги господина отвѣчать и за ихъ возвращеніе; ты отдалъ, говорятъ, ты и требуй назадъ; мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, кто взялъ. Но Богъ поступаетъ не такъ; Онъ повелѣваетъ только отдать, а за возвращеніе уже не дѣлаетъ насъ отвѣтственными. Во власти говорящаго — совѣтовать, а не производить убѣжденіе. Поэтому я дѣлаю, говоритъ Онъ, тебя отвѣтственнымъ за отдачу, а не за возвращеніе. Что легче этого? Между тѣмъ рабъ называлъ жестокимъ Господа, столь кроткаго и человѣколюбиваго. Таковы привычки рабовъ неблагодарныхъ и нерадивыхъ: они всегда слагаютъ вину своихъ грѣховъ на господъ. За это онъ и былъ наказанъ и связанный отведенъ во тьму кромѣшнюю. Чтобы и намъ не подвергнуться тому же, будемъ передавать ученіе братіямъ, хотя бы они слушались, хотя бы не слушались. Слушаясь, они принесутъ пользу и себѣ и намъ, а не слушаясь, они на себя навлекутъ неизбѣжное наказаніе, намъ же не могутъ причинить ни малѣйшаго вреда. Мы сдѣлали свое дѣло, подавъ совѣтъ; если же они не послушаются, то намъ не можетъ быть отъ этого никакого вреда. Предосудительно не то, когда мы не произвели убѣжденія, а то, когда не подали совѣта; послѣ совѣта и увѣщанія, частаго и непрестаннаго, Богъ потребуетъ отчета уже не отъ насъ, а отъ нихъ. Я желалъ бы точно знать, что вы стараетесь убѣждать ихъ, и постоянно ли остаются они въ нерадѣніи: тогда я не сталъ бы безпокоить васъ; но теперь боюсь, не отъ вашей ли небрежности и безпечности они остаются неисправимыми. Невозможно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы человѣкъ, непрестанно слушающій увѣщанія и наставленія, не сдѣлался лучшимъ и усерднѣйшимъ. Простонародна пословица, которую я намѣреваюсь сказать, но и она подтверждаетъ тоже самое. Капля
174 воды, говорится, долбитъ камень непрестаннымъ своимъ паденіемъ. Что ужъ мягче воды? И что тверже камня? Однако постоянство побѣждаетъ природу. Если же постоянство побѣждаетъ природу, то гораздо болѣе оно можетъ преодолѣть волю. Христіанство не шутка, возлюбленные, и не маловажное дѣло. Непрестанно мы говоримъ это, и нисколько не имѣемъ успѣха.

2. Какъ, думаете вы, огорчаюсь я, припоминая, что въ праздники множество собравшихся уподобляется обширнымъ водамъ моря, а теперь не собралась и малая часть изъ того множества?

Гдѣ же теперь тѣ, которые тѣснили насъ въ праздники? Ихъ я ищу, объ нихъ скорблю, представляя, какое погибаетъ множество призываемыхъ ко спасенію, какую терплю я потерю братій, какъ мало число спасающихся, и большая часть тѣла церкви уподобляется мертвому и неподвижному тѣлу. Но, скажутъ, что до этого намъ? Къ вамъ особенно и относится это, къ вамъ, которые не заботитесь о нихъ, не убѣждаете и не совѣтуете, къ вамъ, которые не принуждаете ихъ, не влечете насильно и не отклоняете отъ великаго нерадѣнія. Не для себя самого только должно быть полезнымъ, но и для многихъ, какъ показалъ Христосъ, назвавъ насъ солію, закваскою и свѣтомъ (Матѳ. v, 13, 14). Эти предметы полезны и благодѣтельны для другихъ. Такъ свѣтильникъ свѣтитъ не для себя самого, но для находящихся во мракѣ; и ты—свѣтильникъ, не для того, чтобы ты одинъ пользовался свѣтомъ, но чтобы руководилъ заблуждшаго. Что пользы въ свѣтильникѣ, если онъ не свѣтитъ находящемуся во мракѣ? Что пользы и въ христіанинѣ, если онъ никому не приноситъ пользы, никого не руководитъ къ добродѣтели? Также соль не себя только поддерживаетъ, но укрѣпляетъ и согнивающія тѣла, не допускаетъ имъ портиться и погибать. Такъ точно и ты: если Богъ сдѣлалъ тебя солію духовною, то поддерживай и укрѣпляй гніющіе члены, т. е. безпечныхъ и нерадивыхъ изъ братій, и избавивъ ихъ отъ безпечности, какъ бы отъ нѣкоторой гнилости, соедини съ прочимъ тѣломъ Церкви. Потому Онъ назвалъ тебя и закваскою (Матѳ. xiii, 33): закваска не себя заквашиваетъ, но прочее смѣшеніе, великое и безмѣрное, хотя сама она мала и незначительна. Такъ точно и вы: хотя вы и малы числомъ, но будьте велики и сильны вѣрою и усердіемъ по Богу. Какъ закваска, не смотря на свою малость, не бываетъ безсильною, но дѣйствуетъ по причинѣ заключающейся въ ней теплоты и свойственной ей силы, такъ точно и вы можете гораздо большихъ возбудить къ одинаковой съ вами ревности, если захотите. Но могутъ ссылаться на жаръ, потому что я слышу, какъ говорятъ: теперь сильная духота, несносный жаръ, 175
мы не можемъ переносить затрудненій и тѣсноты въ толпѣ, обливаясь потомъ и изнемогая отъ жара и тѣсноты. Мнѣ стыдно за такихъ людей, повѣрьте; это—отговорки женщинъ, или—лучше—отговорки недостаточныя для оправданія и ихъ, у которыхъ тѣла нѣжнѣе и природа слабѣе. Хотя и стыдно опровергать такое оправданіе, однако это необходимо. Если они не стыдятся представлять такія отговорки, то тѣмъ болѣе не должно стыдиться намъ, опровергая ихъ. Что же скажу я представляющимъ такія отговорки? Я хочу напомнить имъ о трехъ отрокахъ, бывшихъ въ печи и пламени, которые, видя огонь, со всѣхъ сторонъ окружав-

шій ихъ, объявшій и тѣло ихъ, и глаза, и самое дыханіе, не переставали пѣть съ тварями священную и таинственную пѣснь Богу, но стоя тогда посреди пламени, усерднѣе, чѣмъ находящіеся на лугу, возсылали славословіе общему всѣхъ Господу; а вмѣстѣ съ этими тремя отроками и о львахъ вавилонскихъ, о Даніилѣ и его рвѣ (Дан. vi, 24). И не только объ этомъ прошу ихъ вспомнить, но и о другомъ рвѣ и пророкѣ, о погрязшемъ въ тинѣ до самой шеи Іереміи (Іер. xxxviii, 6). Вышедши изъ рвовъ, я хочу ввести ссылающихся на жаръ въ темницу и показать тамъ Павла и Силу, связанныхъ колодкою, обремененныхъ ранами и язвами, пораженныхъ по всему тѣлу множествомъ ударовъ, и въ полночь воспѣвающихъ Бога и совершающихъ это священное всенощное бдѣніе (Дѣян. xvi, 25). Не безразсудно ли, тогда какъ эти святые, находясь въ печи, въ огнѣ, во рвѣ, посреди звѣрей, въ тинѣ, въ темницѣ, въ колодкѣ, въ ранахъ, подъ стражею и среди невыносимыхъ бѣдствій, никогда не ссылались ни на что подобное, но съ великою готовностью и пламеннымъ усердіемъ постоянно пребывали въ молитвахъ и священныхъ пѣснопѣніяхъ, мы, не потерпѣвъ ни малаго, ни великаго изъ исчисленныхъ бѣдствій, по причинѣ жара, малой теплоты и пота пренебрегаемъ собственнымъ своимъ спасеніемъ и, оставивъ здѣшнія собранія, блуждаемъ внѣ, растлѣваясь въ собраніяхъ, не имѣющихъ ничего здраваго? Такова роса божественныхъ изреченій, и ты ссылаешься на жаръ? *Вода*, говоритъ Христосъ, *юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. iv, 14), и еще: *вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки изъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. vii, 38). Ты, имѣя источники и рѣки духовныя, скажи мнѣ, боишься жара чувственнаго? А на торжищѣ, гдѣ такой шумъ, тѣснота и великій зной, скажи мнѣ, почему ты не жалуешься на духоту и жаръ? Не можешь ты сказать, что тамъ можно наслаждаться прохладнѣйшимъ воздухомъ, а здѣсь у насъ собрался весь удушливый жаръ; совершенно напротивъ, здѣсь и отъ лежащихъ на полу плитъ и отъ прочихъ удобствъ въ устройкѣ храма, — потому что онъ поднимается на огромную высоту,—воздухъ легче и прохладнѣе, а тамъ вездѣ сильные лучи солнца, великая тѣснота, дымъ и пыль, и другія
176 гораздо большія непріятности. Отсюда видно, что эти безразсудныя отговорки происходятъ отъ безпечности, отъ души нерадивой и лишенной пламени Духа.

3. Объ этомъ распространяюсь я теперь не столько для нихъ, сколько для васъ, которые не привлекаете ихъ, не отклоняете отъ безпечности и не приводите къ этой спасительной трапезѣ. И слуги, намѣреваясь исполнить общую службу, призываютъ сво-

ихъ сослуживцевъ, а вы, намѣреваясь совершить эту духовную службу, не заботитесь о своихъ сослуживцахъ, лишающихся пользы. А что, скажешь, если они сами не хотятъ? Сдѣлай, чтобы они захотѣли, непрестанною настойчивостію; если они увидятъ нашу настойчивость, то непремѣнно захотятъ. Но это — предлогъ и отговорка. Сколько здѣсь отцевъ, съ которыми не стоятъ вмѣстѣ сыновья ихъ? Неужели трудно было тебѣ привести съ собою и дѣтей? Отсюда видно, что и прочіе остаются внѣ (церкви) не только по собственной своей безпечности, но и по вашему пренебреженію. Если же не прежде, то по крайней мѣрѣ теперь исправьтесь, и пусть приходитъ въ церковь каждый съ своимъ сочленомъ, и отецъ сына, сынъ отца, мужья женъ, жены мужей, господинъ раба, братъ брата, другъ друга, пусть побуждаютъ и привлекаютъ въ здѣшнее собраніе; или—лучше—не только друзей, но и враговъ будемъ призывать въ эту общую сокровищницу благъ. Когда врагъ увидитъ твою заботливость о немъ, то непремѣнно прекратитъ вражду.

Скажи ему: неужели ты не стыдишься іудеевъ, которые съ такою точностію соблюдаютъ субботу и съ самаго вечера прекращаютъ всякія работы? Какъ только они увидятъ въ пятницу, что солнце склоняется къ западу, то прекращаютъ договоры и оканчиваютъ торговлю; и если кто, купивъ что-нибудь у нихъ предъ вечеромъ, придетъ вечеромъ и принесетъ плату, то они не позволяютъ себѣ принять ее и получить серебро. Но что я говорю о платѣ за проданное и о договорахъ? Если бы предстояло получить сокровище, то они скорѣе рѣшились бы лишиться прибыли, нежели нарушить законъ. Такъ іудеи соблюдаютъ законъ, и притомъ безвременно, и съ такою точностію держатся они установленія, которое не приноситъ имъ никакой пользы, но еще вредитъ; а ты, который выше тѣни, удостоился видѣть Солнце правды, стремишься къ небесной жизни, принялъ истину, не оказываешь усердія даже одинаковаго съ тѣми, которые безвременно прилежатъ къ недоброму дѣлу, но, будучи призываемъ сюда на малую часть дня, не хочешь употребить и этого времени на слушаніе божественныхъ изреченій? Какое же, скажи мнѣ, можешь ты получить прощеніе? Какое можешь сказать основательное и справедливое оправданіе? Невозможно, невозможно столь безпечному и нерадивому получить когда-нибудь прощеніе, хотя бы онъ тысячекратно ссылался на нужды житейскихъ дѣлъ. Развѣ ты не знаешь, что, если ты пришедши помолишься Богу и примешь участіе въ здѣшнемъ собраніи, то предстоящія тебѣ дѣла будутъ гораздо успѣшнѣе? Ты имѣешь житейскія заботы? Для нихъ и приходи сюда, чтобы, пріобрѣтши благоволеніе Божіе пребыва- 177

ніемъ здѣсь, ты вышелъ съ безопасностію, чтобы тебѣ имѣть Бога помощникомъ, чтобы тебѣ сдѣлаться непобѣдимымъ для бѣсовъ при помощи вышней Десницы. Если ты воспользуешься молитвами отцевъ, примешь участіе въ общей молитвѣ, выслушаешь божественныя изреченія, пріобрѣтешь помощь Божію, и такимъ образомъ выйдешь отсюда огражденный этимъ оружіемъ, то и самъ діаволъ не посмѣетъ взглянуть на тебя, не только что злые люди, которые стараются злословить и клеветать. Если же ты выйдешь изъ дома на торжище безъ этого оружія, то легко будешь уловляемъ всѣми врагами. Оттого многое и въ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ идетъ у насъ не по нашему желанію, что мы не о духовномъ напередъ заботимся, а потомъ о житейскомъ, но извратили порядокъ. Отъ этого и правильный ходъ дѣла извратился и все у насъ исполнилось великаго смятенія. Какъ, думаете вы, огорчаюсь я и скорблю, когда подумаю, что при наступленіи торжества и праздника стекается весь городъ, хотя бы никто не приглашалъ,—а по прошествіи торжества и праздника, хотя бы мы провели весь день надрываясь и приглашая васъ, никто не внимаетъ? Часто представляя это въ умѣ, я тяжко вздыхалъ и говорилъ самому себѣ: для чего предлагать увѣщаніе или совѣтъ, когда вы дѣлаете все просто и по привычкѣ и нисколько не становитесь усерднѣйшими отъ нашего наставленія? Если въ праздники вы нисколько не нуждаетесь въ нашемъ увѣщаніи, а по прошествіи ихъ нисколько не пользуетесь нашимъ наставленіемъ, то не дѣлаете ли излишними наши слова, сколько это зависитъ отъ васъ?

4. Можетъ быть, многіе изъ слушающихъ это негодуютъ. Но не такъ думаютъ безпечные; иначе они оставили бы свое нерадѣніе, подобно намъ, которые каждый день заботимся о васъ. Получаешь ли ты столько прибыли отъ внѣшнихъ дѣлъ, сколько причиняешь вреда самому себѣ? Невозможно изъ другого собранія или общества выходить съ такою пользою, какую доставляетъ пребываніе здѣсь,—укажешь ли на судилище, или на мѣсто совѣщаній, или на самый царскій дворецъ. Не управленіе народами и городами, не распоряженіе войсками преподаемъ мы приходящимъ сюда, но другую власть, важнѣе самаго царствованія, или—лучше—не мы преподаемъ, но благодать Духа.

Какая же это власть, важнѣе царствованія, которую получаютъ приходящіе сюда? Здѣсь они научаются господствовать надъ постыдными страстями, царствовать надъ порочною похотію, удерживать гнѣвъ, подавлять зависть, порабощать тщеславіе. Не столько важенъ царь, сидящій на царскомъ престолѣ и облеченный діадемою, сколько человѣкъ, возведшій въ самомъ себѣ здра-

вый разумъ на престолъ власти надъ рабскими страстями и 178
облекшій свою голову господствомъ надъ ними, какъ бы нѣкоторою блистательною діадемою. Что пользы, скажи мнѣ, въ багряницѣ, въ золотыхъ одеждахъ и вѣнцѣ съ дорогими камнями, когда душа плѣнена страстями? Что пользы отъ внѣшней свободы, когда господственная способность въ насъ раболѣпствуетъ постыднымъ и жалкимъ образомъ? Какъ тогда, когда горячка скрывается въ глубинѣ и сожигаетъ всѣ внутренности, нѣтъ никакой пользы отъ того, что поверхность тѣла не терпитъ ничего подобнаго, такъ и тогда, когда у насъ душа терзается внутренними страстями, нѣтъ пользы ни отъ внѣшней власти, ни отъ царскаго сѣдалища, если умъ съ великимъ насиліемъ низвергается съ престола владычества надъ страстями, покоряется имъ и страшится ихъ возстанія. Чтобы этого не было пророки и апостолы отвсюду стекаются укротить наши страсти, исторгнуть изъ насъ всякое свирѣпое безразсудство и преподать намъ власть важнѣе царствованія. Поэтому я и говорилъ, что лишающіе себя такого попеченія получаютъ смертельную рану, испытывая такой вредъ, какой не испытывается ни отъ чего другого; а напротивъ, приходящіе сюда получаютъ такую пользу, какой не могли бы получить ни отъ чего другого, какъ и доказано было въ нашей бесѣдѣ. *Да не явишися предъ Господемъ тощъ*, говорилъ законъ (Исх. xxIII, 15), т. е. не приходи безъ жертвъ. Если же не должно входить безъ жертвъ въ домъ Божій, то тѣмъ болѣе не должно— въ собранія къ братіямъ; лучшая та жертва и приношеніе, когда ты войдешь сюда съ душею. Не видите ли, какъ ученые голуби, вылетая, увлекаютъ за собою и другихъ? Такъ будемъ поступать и мы. Въ самомъ дѣлѣ, какое будетъ у насъ оправданіе, когда безсловесныя животныя могутъ уловлять подобныхъ себѣ животныхъ, а мы, отличенные словомъ и мудростію, пренебрегаемъ такою ловлею? Въ прежней бесѣдѣ, убѣждая васъ, я говорилъ: пусть каждый изъ васъ подходитъ къ домамъ ближнихъ, вышедшихъ ожидаетъ, удерживаетъ и ведетъ къ общей матери; пусть подражаетъ людямъ пристрастнымъ къ зрѣлищу, которые, со всѣмъ усердіемъ собираясь вмѣстѣ, съ ранняго утра ожидаютъ этого беззаконнаго зрѣлища. Но такое увѣщаніе наше нисколько не имѣло успѣха. Поэтому я опять говорю, и не перестану говорить, пока не произведу убѣжденія. Никакой пользы не принесетъ слушаніе, если оно не будетъ сопровождаться дѣятельностію. Даже мы навлечемъ на себя тягчайшее наказаніе, если, непрестанно слушая одно и тоже, не будемъ исполнять ничего изъ сказаннаго. А что за это предстоитъ тягчайшее наказаніе, послушай Христа, который говоритъ: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ,*

грѣха не быша имѣли: нынѣ же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ (Іоан. XV, 22); и апостолъ говоритъ: *не слышателіе бо закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона оправдятся* (Римл. II, 13). Это говоритъ онъ къ слушающимъ; а чтобы научить и говорящаго, что и ему не будетъ никакой пользы отъ ученія, если ученіе его не будетъ сопровождаться дѣятельностію и соотвѣтственною слову жизнію, послушай, какъ обращаются къ нему и
179 апостолъ и пророкъ. Одинъ говоритъ: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, и воспріемлеши завѣтъ Мой усты твоими; ты же возненавидѣлъ еси наказаніе* (Псал. XLIX, 16, 17). Также и апостолъ, обращаясь къ тѣмъ, которые слишкомъ много думаютъ о себѣ за свое ученіе, говоритъ такъ: *уповая себе вожда быти слѣпымъ, свѣта сущымъ во тмѣ, наказателя безумнымъ, учителя младенцемъ: научая убо иного, себе ли не учиши* (Рим. II, 19, 20)? Если же ни мнѣ говорящему моя рѣчь, ни вамъ слушающимъ слушаніе не можетъ принести пользы безъ исполненія того, что̀ говорится, но еще служитъ къ бо̀льшему осужденію, то не будемъ ограничивать нашего усердія только слушаніемъ, но станемъ исполнять сказанное на дѣлѣ. Хорошо—заниматься постоянно слушаніемъ божественныхъ изреченій; но это добро бываетъ безполезно, когда оно не соединяется съ пользою, происходящею отъ послушанія. Итакъ, чтобы вамъ не напрасно собираться сюда, со всѣмъ усердіемъ, какъ я часто просилъ и не перестану просить, приводите къ намъ братій, убѣждайте заблуждающихся, совѣтуйте не словомъ только, но и дѣломъ. Лучшее наставленіе—наставленіе образомъ жизни, наставленіе дѣятельностію. Хотя бы ты ничего не говорилъ, но вышедши изъ собранія, своимъ видомъ, взоромъ, голосомъ, походкою и всякимъ другимъ положеніемъ тѣла показалъ отсутствовавшимъ людямъ ту пользу, какую ты получилъ здѣсь, то этого достаточно для наставленія и увѣщанія. Намъ должно выходить отсюда такъ, какъ изъ неприступнаго святилища, какъ бы мы сошли съ самыхъ небесъ, ставъ скромными, любомудрыми, говорящими и дѣлающими все благопристойно; и жена, видя своего мужа возвращающагося изъ собранія, и отецъ сына, и сынъ отца, и рабъ господина, и другъ друга, и врагъ врага, всѣ пусть чувствуютъ, какую пользу мы получаемъ здѣсь; а они почувствуютъ, если увидятъ, что вы сдѣлались болѣе скромными, болѣе благочестивыми. Представь, въ какія посвященъ тайны ты, посвященный въ нихъ, съ кѣмъ вмѣстѣ ты возносишь таинственную пѣснь, съ кѣмъ взываешь *трисвятое*. Научи находящихся внѣ, что ты ликовалъ вмѣстѣ съ серафимами, что ты принадлежишь къ высшему сонму, что ты причисленъ къ лику ангеловъ, что ты бесѣдовалъ съ Господомъ,

что ты обращался со Христомъ. Если мы такъ настроимъ себя, то по выходѣ отсюда, не будемъ нуждаться въ словахъ для отсутствующихъ, но по нашей пользѣ они почувствуютъ собственную потерю, и скоро прибѣгнутъ, чтобы получить то же. Видя красоту вашей души, проявляющуюся въ самыхъ чувствахъ, они, хотя бы были нерадивѣе всѣхъ, проникнутся любовію къ вашему благообразію. Въ самомъ дѣлѣ, если красота тѣлесная трогаетъ взирающихъ на нее, то гораздо болѣе благообразіе душевное можетъ тронуть зрителя и возбудить къ соревнованію. Будемъ же украшать нашего внутренняго человѣка, и то, что говорится здѣсь, будемъ помнить внѣ, потому что тамъ особенно благовременно воспоминать объ этомъ. Какъ ратоборецъ, чему научится въ учи- 180
лищѣ ратоборства, тó и показываетъ при подвигахъ, такъ точно и намъ, чему мы научимся здѣсь, тò и должно показывать во внѣшнихъ дѣлахъ.

5. Итакъ, помни то, что говорится здѣсь, чтобы, когда выйдешь и нападетъ на тебя діаволъ—или посредствомъ гнѣва, или посредствомъ тщеславія, или посредствомъ другой какой-нибудь страсти—ты, вспомнивъ о здѣшнемъ ученіи, могъ легко уклониться отъ сѣтей лукаваго. Не видите ли вы на поприщахъ ратоборства, какъ учители юношей, послѣ безчисленныхъ подвиговъ, по причинѣ старости, получившіе наконецъ увольненіе отъ ратоборства, сидя внѣ оградъ близъ самой пыли, подсказываютъ находящимся внутри и вступающимъ въ борьбу, чтобы они схватили руку, чтобы увлекли ногу, чтобы взялись за спину, и много другого подобнаго говорятъ, напримѣръ: если сдѣлаешь тò и тò, тогда легко сразишь противника,—и такимъ образомъ весьма много помогаютъ ученикамъ? Такъ и ты взирай на учителя твоего, блаженнаго Павла, который послѣ безчисленныхъ вѣнцовъ, находясь теперь внѣ поприща, т. е. настоящей жизни, подсказываетъ намъ подвизающимся и взываетъ посредствомъ посланій, когда видитъ одержимыхъ гнѣвомъ и злопамятствомъ и терзаемыхъ какою-нибудь страстію: *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его* (Рим. XII, 20). И какъ учитель юношей говоритъ: если сдѣлаешь то и то, тогда преодолѣешь противника, такъ и онъ прибавляетъ: *сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его.* Но между тѣмъ, какъ я читаю эту заповѣдь, представляется вопросъ, который повидимому рождается изъ нея и многимъ подаетъ поводъ говорить противъ Павла, который я и хочу предложить вамъ сегодня. Что же волнуетъ мысли тѣхъ, которые не хотятъ изслѣдовать все тщательно? Павелъ, говорятъ, отклоняя отъ гнѣва и убѣждая быть кроткими и добрыми къ ближнимъ, еще болѣе раздражаетъ ихъ и располагаетъ къ гнѣву. Въ самомъ дѣлѣ въ словахъ: *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби*

его, аще ли жаждетъ, напой его, содержится заповѣдь прекрасная, исполненная любомудрія и полезная какъ для дѣлающаго, такъ и для получающаго это; но слѣдующія затѣмъ слова приводятъ въ великое недоумѣніе и повидимому несогласны съ мыслію, выраженною въ первыхъ. Въ чемъ же это? Въ томъ, что онъ говоритъ: *сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его*. Этими словами, говорятъ, онъ причиняетъ вредъ и дѣлающему и получающему благодѣяніе, обжигая голову послѣдняго и налагая на нее горячихъ угольевъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть столько добра отъ напитанія и напоенія, сколько зла отъ наложенія кучи угольевъ? Такимъ образомъ и получающему благодѣяніе, говорятъ, онъ дѣлаетъ зло, подвергая его бо́льшему наказанію, а съ другой стороны и оказывающему благодѣяніе причиняетъ вредъ, потому что и послѣдній какую можетъ получить пользу отъ благодѣянія врагамъ, если будетъ дѣлать это въ надеждѣ навлечь на нихъ наказаніе? Кто питаетъ и поитъ врага для того, чтобы собрать горячія уголья на голову его, тотъ не можетъ быть человѣколюбивымъ и добрымъ, но безчеловѣченъ и жестокъ,—посредствомъ малаго благодѣянія причиняя невыразимое мученіе. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть жесточе питающаго для того, чтобы собрать горячіе
181 уголья на голову питаемаго? Таково возраженіе. Теперь надобно предложить и разрѣшеніе, чтобы ты изъ того самаго, что́ повидимому унижаетъ слова заповѣди, ясно увидѣлъ всю мудрость законодателя. Какое же это разрѣшеніе?

Хорошо зналъ этотъ великій и доблестный мужъ, что тяжелое и трудное дѣло—скоро примириться съ врагомъ, тяжелое и трудное не по своему свойству, но по нашему нерадѣнію. Притомъ онъ заповѣдалъ не только примириться, но и напитать, что́ гораздо тяжелѣе перваго: если нѣкоторые, только видя своихъ оскорбителей, ожесточаются, то какъ они рѣшились бы напитать ихъ алчущихъ? Но что я говорю: видя? Если кто напомнитъ объ нихъ и произнесетъ одно только имя ихъ, то растравляетъ рану въ душѣ нашей и усиливаетъ раздраженіе. Поэтому-то Павелъ, зная все это и желая неудобоисполнимое и трудное сдѣлать удобнымъ и легкимъ, и расположить того, кто не хочетъ даже видѣть своего врага, сдѣлаться его благодѣтелемъ, прибавилъ *угліе огненно*, чтобы онъ, побуждаясь надеждою наказанія, рѣшился на благодѣяніе оскорбившему его. Какъ рыбакъ, закрывъ уду со всѣхъ сторонъ приманкою, бросаетъ ее рыбамъ, чтобы онѣ, прибѣгая къ обычной пищѣ, удобнѣе были пойманы и удержаны, такъ точно и Павелъ, желая расположить обиженнаго дѣлать благодѣяніе обидѣвшему, предлагаетъ не пустую уду любомудрія, но, закрывъ ее горячими угольями, какъ бы нѣкоторою приманкою, надеждою

наказанія склоняетъ оскорбленнаго къ благодѣянію оскорбителю; а когда тотъ уже склонился, то удерживаетъ его и не допускаетъ удалиться, такъ какъ самое свойство дѣла привязываетъ его къ врагу, и какъ бы такъ говоритъ ему: если ты не желаешь по благочестію напитать обидчика, то напитай по крайней мѣрѣ въ надеждѣ наказанія. Онъ знаетъ, что, если тотъ приступитъ къ такому благодѣянію, то будетъ начатъ и продолжится путь къ примиренію. Никто, вѣдь никто не можетъ имѣть врагомъ того, котораго онъ питаетъ и поитъ, хотя бы вначалѣ онъ и дѣлалъ это въ надеждѣ наказанія. Время въ своемъ теченіи ослабляетъ и силу гнѣва. И какъ рыбакъ, если бы бросилъ пустую уду, не поймалъ бы рыбы, но, закрывъ ее, незамѣтнымъ образомъ внѣдряетъ уду въ уста приближающагося животнаго, такъ и Павелъ, если бы не предложилъ надежду наказанія, не убѣдилъ бы обиженныхъ приступить къ благодѣянію обидѣвшимъ. Поэтому желая тѣхъ самыхъ, которые уклоняются, негодуютъ и раздражаются при одномъ взглядѣ на враговъ, склонить къ величайшимъ благодѣяніямъ для нихъ, онъ предложилъ *угліе огненно*—не для того, чтобы подвергнуть тѣхъ неизбѣжному наказанію, но чтобы, убѣдивъ обиженныхъ надеждою наказанія оказывать благодѣянія врагамъ, убѣдить ихъ съ теченіемъ времени оставить и весь свой гнѣвъ.

6. Такъ онъ утишилъ оскорбленнаго; посмотри же, какъ онъ примиряетъ и оскорбившаго съ обиженнымъ. И во-первыхъ—са- 182
мымъ способомъ благодѣянія, потому что никто не можетъ быть такъ низокъ и безчувственнъ, чтобы, получая питье и пищу, не захотѣлъ быть рабомъ и другомъ того, кто дѣлаетъ это для него; а во-вторыхъ — страхомъ наказанія. Повидимому къ питающему обращаетъ онъ слова: *сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его;* но преимущественно они направлены противъ оскорбителя, чтобы по страху наказанія онъ не остался навсегда врагомъ, но зная, что пища и питіе весьма много могутъ повредить ему, если онъ останется постоянно при своей враждѣ, прекратилъ бы гнѣвъ. Такимъ образомъ онъ въ состояніи будетъ погасить горячія уголья. Такъ наказаніе и предстоящее мученіе располагаетъ оскорбленнаго благотворить оскорбившему, и оскорбителя устрашаетъ, исправляетъ и заставляетъ примириться съ тѣмъ, кто питаетъ и поитъ его. Слѣдовательно, двойными узами онъ соединяетъ обоихъ ихъ между собою,—узами благодѣянія и наказанія. Трудно начать и сдѣлать приступъ къ примиренію; а когда онъ сдѣланъ какимъ бы то ни было образомъ, тогда все послѣдующее будетъ легко и удобно. Хотя бы оскорбленный сначала питалъ своего врага въ надеждѣ наказанія ему, но, чрезъ самое питаніе сдѣлавшись его другомъ, онъ можетъ отвергнуть желаніе наказанія,

потому что сдѣлавшись другомъ, онъ уже не станетъ питать примирившагося съ нимъ въ такомъ ожиданіи. Также и обидчикъ, видя, что обиженный вознамѣрился питать и поить его, поэтому самому и по страху предстоящаго ему наказанія, оставитъ всякую вражду, хотя бы онъ былъ тысящекратно жестокъ, какъ желѣзо и адамантъ, стыдясь благорасположенности питающаго и опасаясь предстоящаго ему наказанія, если и по принятіи пищи онъ останется врагомъ.

Поэтому-то апостолъ и не остановился здѣсь въ своемъ увѣщаніи, но когда уничтожилъ гнѣвъ того и другого, тогда исправляетъ и расположеніе ихъ и говоритъ: *не побѣжденъ бывай отъ зла* (Рим. XII, 21). Если, говоритъ, ты остаешься злопамятнымъ и мстительнымъ, то повидимому ты побѣждаешь его, а между тѣмъ самъ побѣждаешься зломъ, т. е. гнѣвомъ, такъ что, если хочешь побѣдить, то примирись и не мсти. Блистательная побѣда — та, когда ты побѣждаешь зло добромъ, т. е. незлопамятствомъ, оставивъ гнѣвъ и злопамятство. Но этихъ словъ сначала не принялъ бы оскорбленный и пылающій гнѣвомъ. Поэтому апостолъ, когда насытилъ его гнѣвъ, тогда представилъ ему и лучшее побужденіе къ примиренію и не дозволилъ оставаться при дурной надеждѣ наказанія. Видишь ли мудрость законодателя? А дабы ты убѣдился, что по немощи тѣхъ, которые иначе не хотѣли примириться между собою, онъ предложилъ такую заповѣдь,—послушай, какъ Христосъ, предлагая ту же самую заповѣдь, назначилъ не ту же самую награду, но сказавъ: *любите враги ваша, добро творите ненавидящымъ васъ*—что̀ и значитъ питать и поить—не присовокупилъ: дѣлая это, вы собираете горячія уголья на головы ихъ, но
183 что? *яко да будете* подобны Отцу вашему, *иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. V, 44). И справедливо. Онъ бесѣдовалъ съ Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ и съ ликомъ прочихъ апостоловъ; потому онъ и назначилъ такую награду. Если же скажешь, что при всемъ томъ заповѣдь эта тяжела, то опять еще болѣе ты дашь намъ возможность оправдать Павла, а себя самого лишишь всякаго оправданія. Почему? Потому что—я покажу тебѣ—это дѣло, которое кажется тяжелымъ, было исполняемо даже въ ветхомъ завѣтѣ, когда еще не было проявляемо такого любомудрія. Поэтому и Павелъ не собственными словами выразилъ заповѣдь, но употребилъ тѣ самыя слова, которыми выразился вначалѣ предложившій эту заповѣдь, чтобы не оставалось никакого оправданія неисполняющимъ ея. Слова: *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его, аще ли жаждетъ, напой его,* употребилъ первый не Павелъ, но Соломонъ (Притч. XXV, 21, 22). Потому онъ и употребилъ эти слова, чтобы убѣдить слушателя, что весьма постыдно—древній законъ, кото-

рый часто былъ исполняемъ и ветхозавѣтными, теперь—при такомъ высокомъ любомудріи—считать тяжелымъ и труднымъ. А кто, скажутъ, изъ ветхозавѣтныхъ исполнялъ его? Многіе, особенно же Давидъ съ большею полнотою. Онъ не только напиталъ и напоилъ врага, но и находящагося въ опасности неоднократно избавлялъ отъ смерти и, имѣя возможность умертвить его, пощадилъ и разъ, и два, и многократно. Саулъ такъ не терпѣлъ и ненавидѣлъ его послѣ безчисленныхъ его благодѣяній, послѣ блистательныхъ побѣдъ и спасенія отъ Голіаѳа, что не могъ даже слышать его имени и называлъ его по имени отца. Такъ нѣкогда, при наступленіи праздника, когда онъ составилъ противъ Давида нѣкоторый умыселъ и приготовилъ злыя козни, но не видѣлъ его пришедшимъ, спросилъ: гдѣ *сынъ Іессеевъ* (1 Цар. xx, 27); назвалъ его по имени отца, какъ не желая по враждѣ вспомнить его имени, такъ и думая незнатностію отца помрачить знаменитость праведника,—жалко и несчастно думая, потому что, хотя бы онъ и могъ порицать за что-нибудь отца, это нисколько не вредило Давиду. Каждый отвѣчаетъ за свои дѣла, и за нихъ только можетъ быть одобряемъ или порицаемъ. А здѣсь онъ, не могши сказать о Давидѣ ничего худого, выставлялъ на видъ незнатность его происхожденія, надѣясь такимъ образомъ помрачить его знаменитость; это было крайне безумно. Какая, въ самомъ дѣлѣ, вина—происходить отъ незнатныхъ и уничиженныхъ родителей? Но онъ не умѣлъ такъ любомудрствовать. Итакъ, Саулъ называлъ Давида сыномъ Іессеевымъ; а Давидъ, нашедши его спящимъ внутри пещеры, назвалъ его не сыномъ Кисовымъ, но именемъ почетнымъ: *да не будетъ ми*, сказалъ онъ, *нанести руку мою на Христа Господня* (1 Цар. xxvi, 11). Такъ онъ чистъ былъ отъ гнѣва и всякаго злопамятства! Онъ называетъ помазанникомъ Господнимъ того, который столько обижалъ его, жаждалъ его крови, послѣ безчисленныхъ благодѣяній часто старался умертвить его. Онъ не смотрѣлъ на то, чтò достоинъ былъ потерпѣть Саулъ, но смотрѣлъ на то, что нужно было сдѣлать или сказать ему самому; это—высшій предѣлъ любомудрія. Какъ? Захвативъ врага, какъбы въ темницѣ, связаннаго двойными, или—лучше—тройными узами, и тѣснотою мѣста, и отсутствіемъ помощниковъ, и нуждою сна, 184
ты не требуешь отъ него отчета и не подвергаешь его наказанію? Нѣтъ, говоритъ; я смотрю теперь не на то, что достоинъ потерпѣть онъ, а на то, что слѣдуетъ дѣлать мнѣ. Онъ не смотрѣлъ на легкость убійства, но смотрѣлъ на выполненіе свойственнаго ему любомудрія. Между тѣмъ что изъ тогдашнихъ обстоятельствъ недостаточно было для побужденія его къ убійству? То ли, что врагъ былъ преданъ ему связаннымъ? Вы конечно знаете, что какъ

скоро мы приступаемъ къ дѣламъ легкимъ и надежда на исполненіе пробуждаетъ въ насъ большее желаніе дѣйствовать, какъ было тогда и съ нимъ.

Военачальникъ ли, совѣтовавшій тогда и побуждавшій его? Воспоминаніе ли о прошедшемъ? Но ничто не побудило его къ убійству; напротивъ, самая легкость убійства отклонила его отъ этого. Онъ думалъ, что Богъ для того предалъ ему врага, чтобы доставить ему поводъ и случай къ большему любомудрію. Итакъ вы, можетъ быть, удивляетесь, что онъ не вспомнилъ ни объ одномъ изъ прошедшихъ своихъ бѣдствій; я же гораздо больше удивляюсь ему еще по другой причинѣ. По какой? По той, что и страхъ будущаго не побудилъ его къ умерщвленію врага. Онъ хорошо зналъ, что Саулъ, избѣгнувъ рукъ его, опять возстанетъ противъ него; но рѣшился лучше самъ подвергаться опасности, пощадивъ врага, чѣмъ для собственной безопасности убить непріятеля. Что можетъ сравниться съ этою великою и благородною душею, которая, тогда какъ законъ повелѣвалъ вырывать око за око и зубъ за зубъ и воздавать равнымъ (Втор. XIX, 21), не только не сдѣлалъ этого, но показалъ еще большее любомудріе? Между тѣмъ, если бы онъ и убилъ тогда Саула, то и тогда не лишился бы похвалы за любомудріе, не только потому, что отмстилъ, не первый начавъ насиліе, но и потому, что законъ: *око за око* — исполнилъ бы съ большою кротостію. Не за одно убійство воздалъ бы однимъ убійствомъ, но за много смертей, которыми тотъ угрожалъ ему, не разъ и не два, но многократно стараясь убить его, онъ воздалъ бы одною смертію; или—лучше—не только это, но и то, что опасность въ будущемъ расположила его къ мщенію, и это вмѣстѣ съ вышесказаннымъ доставило бы ему цѣлый вѣнецъ терпѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, кто гнѣвается и домогается наказанія за сдѣланное ему прежде, тотъ не можетъ получить похвалу за терпѣніе; а того, кто, оставивъ все прошедшее, многое и тяжкое, опасался за будущее и заботился о своей безопасности, и потому принужденъ былъ обратиться къ мщенію, никто не лишилъ бы вѣнцовъ кротости.

7. Но Давидъ не сдѣлалъ этого, а показалъ необыкновенное и дивное любомудріе. Ни воспоминаніе о прошедшемъ, ни страхъ будущаго, ни совѣтъ военачальника, ни пустынность мѣста, ни удобность убійства, и ничто другое не побудило его къ убійству,
185 но какъ бы благодѣтеля, сдѣлавшаго ему много добра, такъ онъ пощадилъ врага и обидчика. Какое же оправданіе будемъ имѣть мы, которые помнимъ прошедшіе проступки и мстимъ оскорбившимъ насъ, тогда какъ этотъ невинный, претерпѣвшій столько золъ и ожидавшій еще большихъ и тягчайшихъ по избавленіи

врага, щадилъ его такъ, что рѣшился лучше самъ подвергаться опасности и жить въ страхѣ и трепетѣ, чѣмъ по справедливости убить того, кто намѣревался сдѣлать ему множество зла?

Такъ любомудріе Давида можно видѣть изъ того, что онъ не только не убилъ врага, при такой нуждѣ, но даже не произнесъ противъ него и хульнаго слова, котораго притомъ оскорбляемый не могъ бы и услышать. Мы часто и о друзьяхъ отсутствующихъ говоримъ худое, а онъ не поступилъ такъ и со врагомъ, сдѣлавшимъ ему столько зла. Итакъ, изъ этого можно видѣть его любомудріе; человѣколюбіе же его и попечительность видны изъ того, что̀ сдѣлалъ онъ послѣ. Отрѣзавъ край одежды и взявъ сосудъ для воды (1 Цар. XXIV, 5; XXVI, 13), отошедши далеко и ставши, онъ воззвалъ и показалъ это пощаженному, поступивъ такъ не изъ тщеславія и честолюбія, но желая дѣлами убѣдить его, что напрасно и тщетно тотъ считалъ его врагомъ, и надѣясь чрезъ это расположить его къ дружелюбію. Впрочемъ и такимъ образомъ не убѣдивъ его и имѣя возможность убить его, онъ опять рѣшился лучше удалиться изъ отечества и жить въ чужой странѣ и бѣдствовать каждый день, добывая себѣ необходимое пропитаніе, нежели, оставаясь дома, оскорблять обидчика. Что можетъ быть кротче его души? Поистинѣ справедливо говорилъ онъ: *помяни Господи Давида и всю кротость его* (Псал. CXXXI, 1). Будемъ же подражать ему и мы; не будемъ ни говорить, ни дѣлать худого врагамъ, но будемъ даже благодѣтельствовать имъ по силамъ; чрезъ это мы сдѣлаемъ больше добра самимъ себѣ, нежели имъ. *Аще отпущаете врагамъ вашимъ*, сказалъ Господь, *отпустится вамъ* (Матѳ. VI, 14). Прости грѣхи раба, чтобы тебѣ получить прощеніе грѣховъ отъ Господа; если онъ сильно оскорбилъ тебя, то чѣмъ больше ты простишь, тѣмъ большее и самъ получишь прощеніе. Потому мы и научены говорить: *остави намъ, яко и мы оставляемъ* (Матѳ. VI, 12), чтобы мы знали, что мѣра прощенія первоначально зависитъ отъ насъ. Такимъ образомъ, чѣмъ больше зла сдѣлаетъ намъ врагъ, тѣмъ больше окажетъ благодѣяній. Поспѣшимъ же и постараемся примириться съ обидѣвшими насъ, справедливо ли или несправедливо они гнѣваются. Если ты примиришься здѣсь, то избавишься отъ суда тамъ; если же вражда останется, между тѣмъ наступившая смерть прекратитъ ненависть, то тамъ необходимо постигнетъ тебя судъ. Какъ многіе изъ людей, ссорящихся другъ съ другомъ, если рѣшаютъ ссору между собою 186
дружелюбно внѣ судилища, то избавляются отъ убытка, страха и многихъ опасностей, полагая конецъ ссорѣ по желанію обѣихъ сторонъ, если же обращаются къ судьѣ, то бываетъ часто и трата денегъ, и наказаніе, и нескончаемая остается вражда, такъ точно

и здѣсь, если мы прекратимъ вражду въ настоящей жизни, то избавимся отъ всякаго наказанія, если же, оставшись врагами, придемъ на то страшное судилище, то непремѣнно подвергнемся крайнему осужденію по опредѣленію Судіи, и получимъ неизбѣжное наказаніе оба: и несправедливо гнѣвающійся — за то, что несправедливо гнѣвается, и справедливо гнѣвающійся—за то, что злопамятствовалъ, хотя и по справедливости, потому что, хотя бы мы и несправедливо терпѣли зло, нужно давать прощеніе обидѣвшимъ. Посмотри, какъ Господь располагаетъ и побуждаетъ несправедливо обидѣвшихъ мириться съ обиженными. *Аще*, говоритъ Онъ, *принесеши даръ твой ко алтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ* (Матѳ. v, 23, 24). Не сказалъ: приготовь, принеси жертву, но: *смирися*, и тогда принеси. Оставь ее, говоритъ, пусть она лежитъ, чтобы необходимость ея принесенія заставила тебя невольно идти для примиренія съ гнѣвающимся справедливо. Посмотри еще, какъ Онъ побуждаетъ идти къ оскорбившему насъ, когда говоритъ: *отпущайте* должникамъ вашимъ, *да и Отецъ вашъ отпуститъ согрѣшенія ваша* (Марк. xi, 25). Не малую назначилъ онъ награду, но весьма много превышающую важность самаго дѣла. Итакъ, помня все это и представляя воздаяніе, назначенное за это, и то, сколь небольшого труда и старанія нужно для заглажденія грѣховъ, будемъ прощать оскорбившимъ насъ. Чего другіе едва достигаютъ посредствомъ поста, воздыханій, молитвъ, вретища, пепла и многократнаго раскаянія, т. е. заглажденія грѣховъ своихъ, того намъ можно легко достигнуть безъ вретища, пепла и поста, если только мы истребимъ изъ души гнѣвъ и будемъ искренно прощать обидѣвшимъ насъ. Богъ же мира и любви, исторгнувъ всякое раздраженіе, озлобленіе и гнѣвъ изъ души нашей, да дастъ намъ, какъ сочленамъ, тѣсно соединиться другъ съ другомъ, и согласно, одними устами и одною душею, постоянно возсылать Ему подобающія благодарственныя пѣснопѣнія Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДЫ

на слова: Цѣлуйте Прискиллу и Акилу и проч. (Римл. XVI, 3).

СЛОВО 1-е

1. Многіе изъ васъ, я думаю, удивляются этому отдѣленію про- 187
читаннаго изъ апостольскаго посланія, или—лучше—считаютъ эту часть посланія неважною и излишнею, потому что она содержитъ только привѣтствія, непрерывно слѣдующія одни за другими: поэтому и я, вознамѣрившись сегодня говорить о другомъ, оставилъ тотъ предметъ и готовъ остановиться на этомъ, дабы вы убѣдились, что въ священныхъ Писаніяхъ нѣтъ ничего лишняго и ничего неважнаго, хотя бы то была одна іота, хотя бы одна черта, но и простое привѣтствіе открываетъ намъ великое море мыслей. Что я говорю: простое привѣтствіе? Часто прибавленіе и одной буквы привноситъ цѣлый рядъ мыслей. Это можно видѣть въ имени Авраама. И не безразсудно ли,—когда кто получаетъ письмо отъ друга, то читаетъ не только содержаніе письма, но и находящееся внизу привѣтствіе и по нему особенно заключаетъ о расположеніи писавшаго; а когда пишетъ Павелъ, или—лучше—не Павелъ, но благодать Духа провѣщаетъ посланіе къ цѣлому городу и къ такому множеству народу, а чрезъ нихъ и ко всей вселенной, то считать что-нибудь изъ написаннаго излишнимъ, пробѣгать безъ вниманія и не помышлять о томъ, что отъ этого все извратилось? Оттого, подлинно оттого мы впали въ великое нерадѣніе, что читаемъ не всѣ Писанія, но, избирая тȯ, чтȯ считаемъ болѣе яснымъ, на прочее не обращаемъ никакого вниманія. Оттого вошли и ереси, что мы не хотимъ читать всего состава (Писанія), что считаемъ нѣчто въ немъ излишнимъ и неважнымъ. Поэтому всѣмъ прочимъ мы усердно занимаемся, не только излишнимъ, но и безполезнымъ вреднымъ; а знаніе Писаній у насъ пренебрегается и презирается. Люди, страшно привязанные къ зрѣ-
лищу конскихъ ристалищъ, могутъ со всею точностію назвать и 188
имена, и стадо, и породу, и отечество, и воспитаніе коней, и годы ихъ жизни, и быстроту бѣга, и который изъ нихъ съ которымъ состязаясь одержитъ побѣду, и какой конь изъ какой будучи выпущенъ ограды и съ какимъ наѣздникомъ одержитъ верхъ на ристалищѣ и перебѣжитъ соперника. Также занятые плясками не меньше тѣхъ, но еще больше обнаруживаютъ безумную страсть къ тѣмъ, которые безчинствуютъ на зрѣлищахъ, т. е. къ шутамъ и плясунамъ, пересказывая и родъ ихъ, и отечество, и воспитаніе, и все прочее. А мы, когда спрашиваютъ насъ, сколько и какія посланія Павла, не умѣемъ сказать и числа ихъ. Если же

нѣкоторые и знаютъ число ихъ, то на вопросъ о городахъ, къ которымъ писаны посланія, отвѣчать не могутъ. Евнухъ и иноземецъ, развлекаемый множествомъ заботъ по множеству дѣлъ, такъ прилежно занимался Библіею, что даже во время путешествія не оставался празднымъ, но, сидя на колесницѣ, съ великимъ тщаніемъ занимался чтеніемъ божественныхъ Писаній; а мы, не имѣя и малой части его занятій, изумляемся, слыша даже названія посланій, не смотря на то, что каждый воскресный день собираемся здѣсь и наслаждаемся слушаніемъ божественныхъ Писаній. Впрочемъ, чтобы намъ не употребить всей бесѣды на одни обличенія, представимъ теперь самое привѣтствіе, которое кажется излишнимъ и ненужнымъ. Когда оно будетъ объяснено и когда будетъ показана польза, какую оно доставляетъ внимательно слушающимъ его, тогда больше обнаружится вина тѣхъ, которые пренебрегаютъ
189 такими сокровищами и выпускаютъ изъ рукъ духовное богатство. Какое это привѣтствіе? *Цѣлуйте*, говоритъ апостолъ, *Прискиллу и Акилу, споспѣшника моя о Господѣ* (Римл. xvi, 3). Не кажется ли это простымъ привѣтствіемъ, не представляющимъ намъ ничего великаго и важнаго? Посвятимъ же ему одному всю бесѣду, или—лучше—сегодня, при всемъ стараніи, мы не въ состояніи будемъ исчерпать для васъ всѣ мысли, заключающіяся въ этихъ немногихъ словахъ, но необходимо отложить для васъ и на другой день множество соображеній, рождающихся отъ этого малаго привѣтствія. Поэтому я намѣреваюсь теперь объяснить не все это привѣтствіе, а только часть его, начало и вступленіе. *Цѣлуйте Прискиллу и Акилу.*

2. Во-первыхъ, надобно подивиться добродѣтели Павла, какъ онъ, которому ввѣрена была вся вселенная, который вмѣщалъ въ душѣ своей и землю, и море, и всѣ города подъ солнцемъ, и варваровъ и эллиновъ, и столько народовъ, такъ заботился объ одномъ мужѣ и объ одной женѣ. Во-вторыхъ, нужно подивиться и тому, какую бдительную и попечительную имѣлъ онъ душу, помня не только всѣхъ вообще, но и въ частности каждаго изъ почтенныхъ и благородныхъ людей. Теперь нисколько не удивительно, что такъ поступаютъ предстоятели церквей, потому что и тѣ смятенія прекратились, и они принимаютъ на себя попеченіе объ одномъ только городѣ; а тогда не только великость опасностей, но и разстояніе пути, и множество заботъ, и непрерывныя войны, и непостоянное всегда и у всѣхъ пребываніе, и многія другія еще бóльшія обстоятельства въ состояніи были изгладить изъ памяти и самыхъ близкихъ; однако не изгладили этихъ людей. Почему же они не изгладились? По великодушію Павла, по его горячей и искренней любви. Онъ такъ удерживалъ ихъ въ душѣ своей, что часто

вспоминалъ о нихъ и въ посланіяхъ. Но посмотримъ, кто и каковы это были люди, которые такъ привязали къ себѣ Павла и привлекли къ себѣ любовь его. Не консулы ли какіе-нибудь, или военачальники, или правители, или облеченные какимъ-либо другимъ отличіемъ, или владѣвшіе великимъ богатствомъ, и изъ числа предводителей города? Нельзя сказать ничего такого, а совершенно напротивъ: это были люди бѣдные и неимущіе, жившіе трудами рукъ своихъ. *Бяху бо*, говоритъ Писаніе, *скинотворцы хитростію* (Дѣян. XVIII, 3). И однако Павелъ не стыдился и не считалъ безчестіемъ для царственнаго города и для народа, высоко думавшаго о себѣ, заповѣдывать, чтобы они привѣтствовали этихъ ремесленниковъ, и не думалъ, что дружбою къ этимъ оскорбитъ тѣхъ: такъ онъ всѣхъ училъ тогда любомудрствовать. Мы часто, имѣя родственниковъ, которые немного бѣднѣе насъ, чуждаемся близости къ нимъ и считаемъ безчестіемъ, если когда-нибудь окажемся ихъ родственниками; а Павелъ не поступаетъ такъ, но даже хвалится этимъ, и не современникамъ только, но и всѣмъ потомкамъ объявилъ, что тѣ скинотворцы были первыми въ числѣ друзей его. 190
Пусть никто не говоритъ мнѣ: что важнаго и удивительнаго, если онъ, занимавшійся самъ тѣмъ же ремесломъ, не стыдился своихъ соремесленниковъ? Что говоришь ты? Это-то самое особенно и важно и удивительно. Въ самомъ дѣлѣ, не столько тѣ, которые могутъ указать на знаменитость предковъ, стыдятся низшихъ, сколько тѣ, которые нѣкогда были въ томъ же низкомъ состояніи, а потомъ вдругъ достигли какой-либо славы и знаменитости. А что не было никого славнѣе и знаменитѣе Павла, что онъ былъ знатнѣе самихъ царей, это всякому извѣстно. Кто повелѣвалъ бѣсами, воскрешалъ мертвыхъ, повелѣніемъ своимъ могъ ослѣплять и исцѣлять ослѣпшихъ, чьи одежды и тѣнь прекращали всякаго рода болѣзни, того, очевидно, можно было почитать уже не человѣкомъ, а нѣкоторымъ ангеломъ, сшедшимъ съ неба. Но не смотря на то, что онъ пользовался такою славою, вездѣ возбуждалъ удивленіе, и гдѣ бы ни являлся, всѣхъ обращалъ къ себѣ, онъ не постыдился скинотворца и не считалъ этого униженіемъ для людей, имѣвшихъ такія отличія. Въ церкви римской вѣроятно было много знаменитыхъ людей, которыхъ онъ понуждалъ привѣтствовать тѣхъ бѣдняковъ. Онъ зналъ, вѣрно зналъ, что благородство состоитъ не въ блескѣ богатства и не во множествѣ денегъ, но въ скромности нравовъ, такъ что люди, не имѣющіе ея, а гордящіеся славою своихъ родителей, хвалятся однимъ только пустымъ именемъ благородства, а не самымъ дѣломъ; или—лучше—и самое имя часто отнимается у нихъ, если кто будетъ восходить къ дальнѣйшимъ предкамъ этихъ

благородныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если станешь тщательно изслѣдовать о человѣкѣ знаменитомъ и славномъ, который можетъ назвать благороднаго отца и дѣда, то часто найдешь, что прадѣдомъ его былъ человѣкъ низкій и неизвѣстный; равнымъ образомъ, если мы, восходя мало по малу, изслѣдуемъ весь родъ людей, считающихся низкими, то часто найдемъ, что древнѣйшими ихъ предками были правители и военачальники, а потомъ они переродились въ пастуховъ лошадей и свиней. Зная все это, Павелъ не высоко цѣнилъ эти отличія, но искалъ благородства души и ему удивляться училъ другихъ. Такимъ образомъ мы получаемъ уже и отсюда немалую пользу, (научаясь) не стыдиться никого изъ людей простыхъ, обращать вниманіе на душевную добродѣтель, а всѣ наши внѣшнія преимущества считать излишними и безполезными.

3. Можно получать отсюда и другую не меньшую пользу, которая особенно ограждаетъ нашу жизнь, если употребляется надлежащимъ образомъ. Какая же это? Та, чтобы не осуждать брака и не считать препятствіемъ и помѣхою на пути, ведущемъ къ добродѣтели—имѣть жену, воспитывать дѣтей, управлять домомъ и заниматься ремесломъ. Вотъ и здѣсь были мужъ и жена, управляли мастерскою, занимались ремесломъ, и показали любомудріе гораздо болѣе совершенное, чѣмъ живущіе въ монастыряхъ. Откуда это извѣстно? Изъ того, какъ привѣтствовалъ ихъ Павелъ,
191 или—лучше—не изъ того, какъ онъ привѣтствовалъ, но изъ тѣхъ словъ, которыми послѣ онъ свидѣтельствовалъ о нихъ. Сказавъ: *цѣлуйте Прискиллу и Акилу,* онъ присовокупилъ и ихъ достоинство. Какое же именно? Не сказалъ: богатыхъ, знаменитыхъ, благородныхъ, но что? *Споспѣшника моя о Господѣ* (Римл. XVI, 3). А съ этимъ ничто не можетъ сравниться въ отношеніи къ добродѣтели. И не отсюда только можно видѣть добродѣтель ихъ, но и изъ того, что онъ пробылъ у нихъ не одинъ день, или два, или три, но цѣлыхъ два года. Какъ мірскіе начальники никогда не рѣшились бы остановиться у людей простыхъ и незначительныхъ, но отыскиваютъ великолѣпные домы какихъ-нибудь значительныхъ мужей, чтобы незначительность лицъ, которыя принимаютъ ихъ, не унизила величія ихъ достоинства, такъ поступали и апостолы: они останавливались не у всякаго, у кого случится, но какъ тѣ ищутъ великолѣпія дома, такъ они искали добродѣтели души и, тщательно развѣдавъ о нужныхъ для нихъ людяхъ, останавливались у нихъ. Этого требовалъ и законъ, данный Христомъ. *Въ оньже градъ*, или *домъ внидете*, говорилъ Онъ, спросите, кто въ немъ достойный, *и ту пребывайте* (Лук. IX, 4). Слѣдовательно, тѣ (Прискилла и Акила) были достойны Павла; если же

они были достойны Павла, то достойны и ангеловъ. Эту хижину я смѣло могъ бы назвать и небомъ и церковію, потому что гдѣ былъ Павелъ, тамъ былъ Христосъ: *искушенія ли*, говоритъ онъ, *ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. XIII, 3), а гдѣ былъ Христосъ, тамъ постоянно привитали и ангелы.

Если же они и прежде оказались достойными служенія Павлу, то представь, какими сдѣлались они, проживъ вмѣстѣ съ нимъ два года, наблюдая и видъ его, и походку, и взоръ, и родъ одежды, и входы, и исходы, и все прочее. У святыхъ не одни только слова, наставленія и увѣщанія, но и весь вообще образъ жизни бываетъ для внимательныхъ достаточнымъ урокомъ любомудрія. Представь, каково было видѣть Павла, когда онъ совершалъ вечерю, обличалъ, утѣшалъ, молился, плакалъ, выходилъ и входилъ. Если мы, имѣя только четырнадцать посланій его, носимъ ихъ по всей вселенной, то тѣ, которые имѣли у себя самый источникъ посланій, языкъ вселенной, свѣтъ церквей, основаніе вѣры, столпъ и утвержденіе истины, какими не могли сдѣлаться, живя вмѣстѣ съ такимъ ангеломъ? Если одежды его были страшны для бѣсовъ и имѣли столь великую силу, то сожительство съ нимъ какой не могло привлечь благодати Духа? Видѣть одръ Павла, постель его, обувь его,—недостаточнымъ ли это было для нихъ побужденіемъ къ постоянному сокрушенію? Если бѣсы, видя одежды его, трепетали, то тѣмъ болѣе вѣрные и жившіе вмѣстѣ съ нимъ сокрушались, видя ихъ. Не излишне изслѣдовать и то, почему онъ въ привѣтствіи поставилъ Прискиллу прежде мужа, не сказавъ: *цѣлуйте Акилу и Прискиллу*, но: *Прискиллу и Акилу*. И это онъ сдѣлалъ не безъ основанія, но, мнѣ кажется, потому, что видѣлъ въ ней больше благочестія, чѣмъ въ мужѣ. А что сказанное—не догадка, это можно видѣть и изъ Дѣяній (Апостольскихъ). Въ са- 192
момъ дѣлѣ, Аполлоса, человѣка краснорѣчиваго и свѣдущаго въ Писаніяхъ, но знавшаго только крещеніе Іоанново, она, принявъ, наставила въ пути Божіемъ и сдѣлала совершеннымъ учителемъ (Дѣян. XVIII, 24, 25). При апостолахъ женщины не заботились о томъ, о чемъ заботятся нынѣшнія—какъ бы одѣться въ великолѣпныя одежды и прикрасить лице свое умываньями и притираньями, и мучать мужей своихъ, заставляя покупать и платье болѣе дорогое, чѣмъ у сосѣдки и женщины равнаго званія, и бѣлыхъ муловъ, и золоченую сбрую, и евнуховъ для прислуги, и большую толпу служанокъ, и все прочее, относящееся къ смѣшной пышности. Отказавшись отъ всего подобнаго и отвергнувъ мірскую гордость, (женщины при апостолахъ) домогались только одного, какъ бы сдѣлаться общниками апостоловъ и участвовать въ одной и той же съ ними ловитвѣ. Поэтому не одна Прискилла была

такова, но и всѣ другія. Такъ о нѣкоторой Персидѣ Павелъ говоритъ: *яже много трудися о насъ* (Римл. XVI, 12), хвалитъ и Марію и Трифену за эти труды, за то, что онѣ трудились съ апостолами и посвящали себя на тѣ же подвиги. Какъ же въ посланіи къ Тимоѳею онъ говоритъ: *женѣ же учити не повелѣваю, ниже владѣти мужемъ* (1 Тимоѳ. II, 12)? Это тогда, когда и мужъ благочестивъ, и имѣетъ ту же вѣру, и участвуетъ въ той же мудрости; а когда онъ невѣрный и заблуждающійся, тогда апостолъ не лишаетъ ее власти учить. Такъ въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ говоритъ: *и жена аще имать мужа невѣрна, да не оставляетъ его. Что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. VII, 13, 16)? Какъ же вѣрная жена можетъ спасти невѣрнаго мужа? Оглашая его, наставляя и приводя къ вѣрѣ, какъ и эта Прискилла Аполлоса. Съ другой стороны, когда Павелъ говоритъ: *женѣ учити не повелѣваю*, то разумѣетъ ученіе съ амвона, бесѣду въ общемъ собраніи, свойственную священникамъ; а частнымъ образомъ увѣщевать и совѣтовать онъ не запретилъ, потому что, если бы послѣднее было запрещено, то онъ не похвалилъ бы Прискиллу за то, что она дѣлала это.

4. Пусть слушаютъ это мужи, пусть слушаютъ и жены: послѣднія для того, чтобы подражать той, которая была одного съ ними пола и одинаковой природы, а первые для того, чтобы имъ не оказаться слабѣе женщины. Какое мы будемъ имѣть оправданіе, какое прощеніе, когда женщины показываютъ столько усердія и столько любомудрія, а мы непрестанно будемъ заняты мірскими дѣлами? Пусть узнаютъ это и начальники и подчиненные, и священники и находящіеся въ званіи мірянъ, чтобы первые не удивлялись богатымъ и не гонялись за великолѣпными домами, но искали добродѣтели съ бѣдностію, не стыдились бѣднѣйшихъ братій и не избѣгали ни скинотворца, ни кожевника, ни пурпуропродавца, ни мѣдника, оказывая уваженіе только лицамъ, облеченнымъ властію; а подчиненные не считали своего состоянія
193 препятствіемъ къ принятію святыхъ, но, помня о вдовѣ, которая приняла Илію, имѣя только горсть муки (3 Цар. XVII, 10), и о тѣхъ, которые два года держали у себя Павла, открывали свои домы нуждающимся и все, что имѣютъ, дѣлили со странниками. Не говори мнѣ, что нѣтъ у тебя рабовъ для прислуги. Хотя бы у тебя было ихъ множество, Богъ повелѣваетъ тебѣ самому собирать плодъ гостепріимства. Поэтому Павелъ, обращаясь къ женѣ, вдовицѣ, и заповѣдуя ей принимать странниковъ, повелѣлъ дѣлать это ей самой, а не чрезъ другихъ, потому что, сказавъ: *аще странныя пріятъ*, присовокупилъ: *аще святыхъ нозѣ умы* (1 Тим. V, 10). Не сказалъ: если издерживала деньги, или приказывала

слугамъ дѣлать это, но: *если дѣлала это сама.* Поэтому и Авраамъ, имѣя триста осьмнадцать домочадцевъ, самъ побѣжалъ къ стаду, принесъ тельца и устроилъ все прочее, и жену сдѣлалъ участницею въ плодахъ гостепріимства. Для того и Господь нашъ Іисусъ Христосъ родился въ ясляхъ и по рожденіи воспитывался въ домѣ, и въ возрастѣ не имѣлъ, гдѣ главу приклонить, чтобы всѣмъ этимъ научить тебя — не обольщаться великолѣпными вещами настоящей жизни, но во всемъ любить простоту, искать бѣдности, избѣгать богатства и украшаться внутренно. *Вся слава дщере царевы,* говоритъ Писаніе, *внутрь* (Пс. XLIV, 14). Если ты имѣешь расположеніе къ гостепріимству, то имѣешь все нужное для гостепріимства, хотя бы у тебя былъ одинъ только оволъ; если же ты человѣконенавистенъ и не любишь странниковъ, то, хотя бы ты имѣлъ изобиліе во всемъ, твой домъ тѣсенъ для странниковъ. Прискилла не имѣла ложа, украшеннаго серебромъ, но имѣла строгое цѣломудріе; не имѣла постели, но обладала волею привѣтливою и гостепріимною; не имѣла блестящихъ колоннъ, но имѣла блистательную красоту души; не имѣла стѣнъ, обложенныхъ мраморомъ, ни пола, испещреннаго драгоцѣнными камнями, но сама была храмомъ Духа. Это похвалилъ, этимъ восхищался Павелъ; поэтому онъ два года прожилъ безотлучно въ ихъ домѣ; поэтому онъ постоянно вспоминаетъ ихъ и воздаетъ имъ великую и дивную похвалу, не для того, чтобы сдѣлать ихъ болѣе извѣстными, но чтобы въ другихъ возбудить такую же ревность и убѣдить — считать счастливыми не богатыхъ и не облеченныхъ властію, но страннопріимныхъ, милостивыхъ, человѣколюбивыхъ, оказывающихъ великое дружелюбіе къ святымъ.

5. Узнавъ это изъ настоящаго привѣтствія, будемъ и мы показывать то же самыми дѣлами: не станемъ безъ разбора считать богатыхъ счастливыми, а бѣдныхъ унижать, не станемъ стыдиться ремеслъ и будемъ считать безчестіемъ не работу, но праздность и бездѣлье. Если бы работа была безчестіемъ, то не занимался бы ею Павелъ и не хвалился бы особенно ею, говоря такъ: *аще бо благовѣствую, нѣсть ми похвалы: кая убо ми есть мзда? Да благовѣствуяй безъ мзды положу благовѣстіе Христово* (1 Кор. IX, 16, 18). Если бы ремесло было безчестіемъ, то онъ не повелѣлъ бы, чтобы неработающіе и не ѣли (1 Сол. III, 10). Одинъ только грѣхъ служитъ къ безчестію, а его обыкновенно пораждаетъ праздность, и не одинъ только и два, или три, но всякій вообще порокъ. По- 194
этому и нѣкто премудрый, показывая, что праздность научила всякому злу, и бесѣдуя о слугахъ, говоритъ: *вложи его въ дѣло, да не празденъ будетъ* (Сир. XXXIII, 28). Что узда для коня, то работа для

нашей природы. Если бы праздность была добромъ, то все произращала бы земля незасѣянная и невоздѣланная; но она не производитъ ничего такого. Нѣкогда Богъ повелѣлъ ей произвести все безъ воздѣланія, но теперь не дѣлаетъ такъ, а заповѣдалъ людямъ и запрягать воловъ, и влачить плугъ, и проводить борозду, и бросать сѣмена, и многими другими способами ухаживать и за виноградною лозою, и за деревьями, и за сѣменами, чтобы занятіе работою отклоняло душу работающихъ отъ всякаго зла. Вначалѣ, чтобы показать Свою силу, Онъ устроилъ такъ, что все произошло безъ нашихъ трудовъ: *да прозрастить земля быліе травное*, сказалъ Онъ (Быт. I, 11), и тотчасъ все зацвѣло; но послѣ не такъ, но повелѣлъ, чтобы земля произращала при помощи и нашихъ трудовъ, дабы ты зналъ, что Онъ ввелъ трудъ для нашей пользы и нашего блага. Хотя наказаніемъ и мученіемъ кажутся слова: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. III, 19), но на самомъ дѣлѣ они—нѣкоторое внушеніе и вразумленіе и врачество противъ ранъ, происшедшихъ отъ грѣха. Поэтому и Павелъ непрестанно работалъ, не только днемъ, но даже и ночью. Это возвѣщаетъ онъ, когда говоритъ: *нощь бо и день дѣлающе, да не отяготимъ ни единаго отъ васъ* (1 Сол. II, 9). И не для удовольствія только и душевнаго отдыха онъ занимался работою, какъ дѣлаютъ многіе изъ братій, но прилагалъ такое усердіе къ труду, что могъ помогать и другимъ. *Требованію моему*, говоритъ онъ, *и сущымъ со мною послужистѣ руцѣ сіи* (Дѣян. XX, 34). Человѣкъ, повелѣвавшій бѣсами, бывшій учителемъ вселенной, которому ввѣрено было попеченіе о всѣхъ живущихъ на землѣ, который съ великимъ усердіемъ заботился о всѣхъ церквахъ, находящихся подъ солнцемъ, о племенахъ, народахъ и городахъ, работалъ день и ночь и нимало не отдыхалъ отъ этихъ трудовъ; а мы, не имѣющіе и малѣйшей части заботъ его, или даже не могущіе и представить ихъ въ умѣ своемъ, проводимъ жизнь постоянно въ праздности. Какое же будемъ мы имѣть оправданіе, скажи мнѣ, или какое прощеніе? Оттого всякаго рода зло вошло въ жизнь, что многіе считаютъ величайшимъ достоинствомъ — не заниматься своими ремеслами и крайнимъ позоромъ—показаться свѣдущимъ въ чемъ-нибудь подобномъ. А Павелъ не стыдился въ одно и то же время держать ножъ въ рукахъ и сшивать кожи, и бесѣдовать съ людьми, находящимися въ почестяхъ, но даже хвалился этимъ, когда приходили къ нему тысячи славныхъ и знаменитыхъ людей; и не только не стыдился дѣлать это, но и въ своихъ посланіяхъ, какъ бы на мѣдномъ столбѣ, объявлялъ о своемъ ремеслѣ. Такъ, чему онъ вначалѣ научился, тѣмъ занимался и впослѣдствіи, и послѣ того, какъ восхищенъ былъ до третьяго неба, послѣ того, какъ пе-

ренесенъ былъ въ рай, послѣ того, какъ слышалъ отъ Бога неизреченные глаголы; а мы, недостойные и подошвъ его, стыдимся 195
того, чѣмъ онъ хвалился, и согрѣшая каждый день, не обращаемся и не считаемъ этого безчестіемъ, а того, чтобы жить праведными трудами, избѣгаемъ, какъ чего-то постыднаго и смѣшного. Какую же, скажи мнѣ, мы будемъ имѣть надежду спасенія? Стыдящемуся слѣдуетъ стыдиться грѣха, — оскорбить Бога и сдѣлать что-нибудь недолжное, а ремеслами и работами надобно даже хвалиться. Такимъ образомъ чрезъ занятіе работою мы и дурные помыслы легко исторгнемъ изъ души, и будемъ помогать нуждающимся, и не станемъ безпокоить двери другихъ, и исполнимъ законъ Христовъ, который говоритъ: *блаженнѣе есть паче даяти, нежели принимати* (Дѣян. xx, 35). Для того намъ и даны руки, чтобы мы и себѣ помогали, и увѣчнымъ по тѣлу доставляли, по возможности, все необходимое изъ нашего имущества, такъ что, если кто живетъ въ праздности, то, хотя бы онъ и былъ здоровъ, онъ несчастнѣе одержимыхъ горячкою; эти имѣютъ извиненіе въ своей болѣзни и могутъ найти состраданіе, а тѣ, позоря тѣлесное здоровье, справедливо всѣми ненавидятся, какъ преступающіе законы Божіи, и причиняющіе вредъ трапезѣ немощныхъ, и дѣлающіе свою душу худшею. Въ самомъ дѣлѣ, не въ томъ только зло, что тогда какъ надлежало бы питаться собственными средствами
и собственными трудами, они безпокоятъ домы другихъ, но что 196
они и сами становятся хуже всѣхъ. Нѣтъ, подлинно нѣтъ ничего въ мірѣ, что не портилось бы отъ бездѣйствія. Такъ, вода стоячая загниваетъ, а текучая и всюду разливающаяся сохраняетъ свою доброту; и желѣзо, лежащее безъ движенія, становится слабѣе и хуже, и точится большою ржавчиною, а находящееся въ дѣлѣ становится гораздо полезнѣе и красивѣе, блистая нисколько не хуже всякаго серебра; и земля, остающаяся въ покоѣ, какъ всякій можетъ видѣть, не произращаетъ ничего хорошаго, но дурныя травы, тернія, волчцы и безплодныя деревья, а получающая воздѣлываніе обильно производитъ питательные плоды. Вообще сказать, всякое существо отъ бездѣйствія портится, а отъ свойственной ему дѣятельности становится полезнѣйшимъ. Итакъ, зная все это, сколько вреда отъ праздности и сколько пользы отъ дѣятельности, будемъ первой избѣгать, а послѣдней держаться, чтобы намъ и настоящую жизнь прожить благопристойно, и нуждающимся помогать изъ своего имущества, и, усовершивъ свою душу, получить вѣчныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО 2-е

объ Акилѣ и Прискиллѣ и о томъ, что не должно худо говорить о священникахъ Божіихъ.

195 1. Убѣдились ли вы, что не должно считать излишнимъ ничего изъ находящагося въ божественномъ Писаніи? Научились ли тщательно изслѣдывать и надписи, и имена, и простыя привѣтствія, написанныя въ божественныхъ изреченіяхъ? Я думаю, что уже никто изъ трудолюбивыхъ не позволитъ себѣ пропустить безъ вниманія какія-нибудь слова, помѣщенныя въ Писаніяхъ, будетъ ли то перечисленіе именъ, или счетъ лѣтъ, или простое кому-нибудь привѣтствіе. Впрочемъ, чтобы это убѣжденіе было тверже, займемся и сегодня остальною частію привѣтствія Прискиллѣ и Акилѣ. Самое вступленіе къ нему доставило намъ не мало пользы. Оно научило насъ, какое добро — трудъ, и какое зло — праздность, и какова была душа Павла, какъ бдительна и заботлива, оказывая великое попеченіе не только о городахъ, племенахъ и народахъ, но и о каждомъ отдѣльно вѣрующемъ. Оно показало, что бѣдность нисколько не служитъ препятствіемъ къ гостепріимству, что вездѣ нужны не богатство и деньги, но добродѣтель и благочестивое расположеніе души, и что славнѣе всѣхъ люди, имѣющіе страхъ Божій, хотя бы они были доведены до крайней бѣдности. Такъ Прискиллу и Акилу, скинотворцевъ и ремесленниковъ, притомъ жившихъ въ бѣдности, мы теперь ублажаемъ больше всѣхъ царей; облеченные почестями и властію
196 проходятся молчаніемъ, а скинотворецъ съ женою прославляются во всей вселенной. Если же здѣсь они пользуются такою славою, то, представь, какихъ воздаяній и вѣнцовъ удостоятся они въ тотъ день (послѣдняго суда); но и прежде того дня не мало и удовольствія, и пользы, и славы получили они, проживъ столько времени вмѣстѣ съ Павломъ. Какъ я говорилъ прежде, такъ и теперь скажу и не перестану говорить, что не только ученіе, или увѣщаніе и совѣтъ, но и самый видъ святыхъ доставлялъ много удовольствія и пользы, и даже самое употребленіе одеждъ и самый родъ обуви. Подлинно, много пользы происходитъ для нашей жизни отъ того, чтобы знать, въ какой мѣрѣ они пользовались необходимымъ. Они не только не выходили изъ предѣловъ нужды, но иногда не пользовались и всѣмъ самымъ необходимымъ, а жили и въ голодѣ, и въ жаждѣ, и въ наготѣ. Такъ Павелъ, заповѣдуя ученикамъ, говорилъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими доволни будемъ* (1 Тим. VI, 8); а о себѣ самомъ говоритъ: *до нынѣш-*

няго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ (1 Кор. IV, 11). Но въ то время какъ я говорилъ, мнѣ пришло на мысль нѣчто, заслуживающее изслѣдованія, о чемъ и необходимо сказать теперь. Что же это такое? Я говорилъ, что и видъ апостольскихъ одеждъ доставляетъ намъ великую пользу; но между тѣмъ 197
какъ я говорилъ объ этомъ, мнѣ пришелъ на мысль законъ, который далъ Христосъ апостоламъ и который говоритъ: *не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни сапогъ, ни жезла въ путь* (Матѳ. x, 9, 10); а между тѣмъ оказывается, что Петръ имѣлъ сапоги. Такъ, когда ангелъ пробудилъ его отъ сна и выводилъ изъ темницы, то сказалъ ему: *вступи въ плесницы твоя и облецыся въ ризу твою, и послѣдствуй ми* (Дѣян. XII, 8). И Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею говоритъ: *фелонь, егоже оставихъ въ Троадѣ у Карпа, грядый принеси, и книги, паче же кожаныя* (2 Тим. IV, 13). Что говоришь ты? Христосъ заповѣдалъ не имѣть и сапоговъ, а ты имѣешь и фелонь, а у другого есть и сапоги? Если бы это были люди обыкновенные и не всегда повиновавшіеся Учителю, то здѣсь не было бы и вопроса; но такъ какъ они предали Ему души свои, были верховными и первыми изъ учениковъ и во всемъ повиновались Христу, а Павелъ не только исполнялъ заповѣданное, но и восходилъ выше назначенныхъ предѣловъ, и тогда какъ Христосъ заповѣдалъ жить отъ благовѣстія, онъ жилъ трудами рукъ своихъ и такимъ образомъ дѣлалъ нѣчто больше заповѣданнаго, то дѣйствительно достойно изслѣдованія, почему они, во всемъ повинуясь Христу, въ этомъ случаѣ повидимому нарушаютъ законъ Его? Нѣтъ, они не нарушаютъ его. Рѣчь объ этомъ будетъ намъ полезна не только для оправданія тѣхъ святыхъ, но и для загражденія устъ язычникамъ. Многіе, разоряющіе домы вдовицъ, лишающіе одежды сиротъ, присвояющіе имущество всѣхъ, по настроенію своему нисколько не лучшіе волковъ, живущіе чужими трудами, — видя иногда нѣкоторыхъ изъ вѣрныхъ по болѣзни тѣлесной одѣтыми въ нѣсколько одеждъ, тотчасъ указываютъ намъ на законъ Христовъ и говорятъ такія слова: не заповѣдалъ ли вамъ Христосъ не имѣть двухъ одеждъ, ни сапоговъ? Какъ же вы нарушаете постановленный на это законъ? И потомъ, сильно посмѣявшись и похохотавши, и наругавшись надъ братомъ, уходятъ. Поэтому, чтобы этого не было, обуздаемъ теперь и ихъ безстыдство. Конечно, можно было бы избавиться отъ нихъ, сказавъ только слѣдующее. Что же именно? Вотъ что: если ты считаешь Христа достойнымъ вѣры, то справедливо представляешь это и спрашиваешь у насъ; если же ты не вѣришь Ему, то для чего указываешь на законы Его? На самомъ же дѣлѣ, когда ты хочешь

осуждать насъ, то Христосъ кажется тебѣ достойнымъ вѣры законодателемъ; а когда нужно покланяться и удивляться Ему, то не оказываешь никакого уваженія къ общему Владыкѣ вселенной.

2. Но, чтобы они не подумали, будто мы говоримъ это по невозможности защищаться, приступимъ къ самому рѣшенію вопроса. Какое же будетъ рѣшеніе? Для этого нужно посмотрѣть, кому, и когда, и почему Христосъ заповѣдалъ это. Въ самомъ дѣлѣ, не только самыя сказанныя слова надобно разсматривать, но и лице, и время, и причину, и все это должно тщательно изслѣдовать. Разсматривая внимательно, мы найдемъ, что это заповѣдано было не всѣмъ, но однимъ апостоламъ, и имъ не на-
198 всегда, но на нѣкоторое опредѣленное время. Откуда это видно? Изъ самыхъ словъ (Господа). Призвавъ двѣнадцать учениковъ, Онъ сказалъ имъ: *на путь языкъ не идите, и во градъ самарянскій не внидите. Идите же паче ко овцамъ погибшымъ дому Исраилева. Болящыя исцѣляйте, прокаженныя очищайте, бѣсы изгоняйте: туне пріясте, туне дадите: не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ* (Матѳ. x, 5—9). Посмотри на мудрость Учителя, какъ Онъ сдѣлалъ заповѣдь легкою. Сначала сказалъ Онъ: *болящыя исцѣляйте, прокаженныя очищайте, бѣсы изгоняйте* и щедро даровалъ имъ свою благодать, а потомъ заповѣдалъ это, обиліемъ знаменій дѣлая легкою и удобною эту бѣдность. Но не отсюда только видно, что имъ однимъ была дана указанная заповѣдь, но и изъ многаго другого. Такъ тѣхъ дѣвъ Господь наказалъ за то, что онѣ не имѣли елея въ свѣтильникахъ своихъ (Матѳ. xxv, 1—9); и другихъ Онъ осуждаетъ за то, что они видѣли Его алчущимъ—и не напитали, видѣли жаждущимъ—и не напоили (Матѳ. xxv, 41). А у кого нѣтъ ни мѣди, ни сапоговъ, а одна только одежда, тому какъ возможно было бы напитать другого, какъ одѣть нагого, какъ ввести въ домъ безпріютнаго? Кромѣ этого, то же самое будетъ ясно видно и изъ другого случая. Когда нѣкто подошелъ и сказалъ: *учителю, что сотворю, да имамъ животъ вѣчный*, и когда Христосъ перечислилъ всѣ заповѣди закона, а тотъ, продолжая спрашивать, говорилъ: *вся сія сохраних отъ юности моея: что есмь еще не докончалъ*,—то Онъ сказалъ ему: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищымъ, и гряди вслѣдъ Мене* (Матѳ. xix, 16—21). Если бы бѣдность была закономъ и повелѣніемъ, то надлежало бы съ самаго начала сказать это, и постановить закономъ и предписать въ видѣ повелѣнія, а не высказывать въ видѣ совѣта и увѣщанія. Въ самомъ дѣлѣ, когда Онъ говоритъ: *не стяжите злата, ни сребра,* то говоритъ какъ повелѣвающій; а когда говоритъ: *аще хощеши совершенъ быти*, то говоритъ, какъ совѣтующій и увѣщевающій. А не

одно и то же — совѣтовать и давать законъ. Кто даетъ законъ, тотъ желаетъ, чтобы предписанное непремѣнно было исполняемо; а кто совѣтуетъ и увѣщеваетъ и представляетъ на волю слушающаго избрать то, о чемъ говоритъ, тотъ дѣлаетъ слушателя властнымъ принять и не принять. Поэтому Онъ не просто сказалъ: *иди, продаждь имѣніе твое,* чтобы ты не считалъ этихъ словъ закономъ, а какъ? *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое,* дабы ты зналъ, что это дѣло зависитъ отъ воли слушающихъ.

Итакъ, что та заповѣдь дана была однимъ апостоламъ, ясно видно отсюда; но разрѣшенія вопроса мы еще не нашли. Въ самомъ дѣлѣ, если и однимъ имъ это было поставлено въ законъ, то почему они, получивъ заповѣдь не имѣть ни сапоговъ, ни двухъ одеждъ, оказываются имѣющими: одинъ—сапоги а другой—и фелонь? Что сказать на это? То, что и ихъ Христосъ не навсегда подчинилъ этому требованію закона, но, намѣреваясь идти на спасительную смерть, Онъ освободилъ ихъ отъ этого закона. Откуда это видно? Изъ самыхъ словъ Спасителя. Когда Онъ готовился идти на страданіе, то, призвавъ ихъ, сказалъ: *егда послахъ вы безъ влагалища и безъ мѣха, еда чесого лишени бысте? Они же,* отвѣчая, *рѣша: ничесоже. Рече же имъ: но нынѣ, иже имать влагалище, да возметъ, такожде и мѣхъ: а иже не имать, да продастъ* 199
ризу свою и купитъ ножъ (Лук. XXII, 35, 36). Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: апостоловъ ты дѣйствительно оправдалъ этими словами; но теперь требуется объяснить, почему Христосъ давалъ противоположныя заповѣди, то говоря: *не стяжите мѣха,* то повелѣвая: *иже имать влагалище, да возметъ, такожде и мѣхъ?* Почему же Онъ такъ поступилъ? Согласно съ Его премудростью и попечительностью объ ученикахъ. Вначалѣ Онъ заповѣдалъ имъ первое, чтобы они самымъ дѣломъ и опытомъ узнали силу Его, и, узнавъ, смѣло пошли потомъ по всей вселенной. Когда же они достаточно узнали силу Его, то Онъ хотѣлъ, чтобы они показали и собственную свою доблесть, не хотѣлъ до конца пѣстовать ихъ, но часто дозволялъ и попускалъ впадать имъ и въ искушенія, чтобы они не оставались навсегда безъ упражненія. Какъ учители плаванія сначала, подложивъ свои руки, съ великою тщательностію поддерживаютъ своихъ учениковъ, а спустя одинъ, два или три дня, часто, отнявъ свою руку, приказываютъ имъ самимъ поддерживать себя, а иногда попускаютъ имъ и немного погружаться и хлебнуть не мало воды, такъ точно и Христосъ поступилъ съ учениками. Вначалѣ и при первыхъ шагахъ Онъ не попустилъ имъ потерпѣть ни малаго, ни великаго, но вездѣ былъ присущъ имъ, ограждая и охраняя ихъ и все предо-

ставляя имъ въ изобиліи; а когда надлежало имъ показать и собственное мужество, то Онъ нѣсколько сократилъ свою благодать, заповѣдавъ имъ совершать многое и собственными силами. Поэтому-то, когда они не имѣли ни сапоговъ, ни пояса, ни посоха, ни мѣди, то не терпѣли ни въ чемъ недостатка: *еда чесого*, говоритъ Онъ, *лишени бысте? Они же*, отвѣчая, *рѣша: ничесоже*. А когда Онъ заповѣдалъ имъ имѣть и влагалище, и мѣхъ, и сапоги, то они оказываются и алчущими, и жаждущими, и нагогующими. Отсюда видно, что часто Онъ попускалъ имъ и подвергаться опасностямъ, и терпѣть бѣдствія, чтобы они заслужили какую-нибудь награду. Такъ и птицы поступаютъ съ своими птенцами: пока у тѣхъ перья нѣжныя, онѣ, сидя на гнѣздѣ, согрѣваютъ ихъ; а когда увидятъ, что они оперились и могутъ разсѣкать воздухъ, то сначала пріучаютъ ихъ летать около самаго гнѣзда, а потомъ ведутъ и далѣе, сначала слѣдуя за ними и поддерживая ихъ, а послѣ того предоставляя ихъ собственнымъ ихъ силамъ. Такъ поступилъ и Христосъ, воспитывая учениковъ въ Палестинѣ, какъ бы въ гнѣздѣ; когда же научилъ ихъ летать при Себѣ и подъ Своимъ руководствомъ, то наконецъ пустилъ ихъ летѣть по вселенной, заповѣдавъ имъ во многихъ случаяхъ находить помощь въ самихъ себѣ. А что это справедливо и что для того, дабы они узнали Его силу, Онъ лишилъ ихъ всего, послалъ ихъ въ одной одеждѣ и повелѣлъ идти безъ сапоговъ, это мы ясно увидимъ, выслушавъ самую рѣчь Его. Онъ не просто сказалъ имъ: возьмите влагалище и мѣхъ, но напомнилъ имъ о прежнемъ, сказавъ такъ: *егда послахъ вы безъ влагалища и мѣха, еда чесого лишени бысте?* Т. е. не все ли было у васъ безъ всякаго недостатка, не пользовались ли вы великимъ изобиліемъ? А теперь Я желаю, чтобы вы и сами подвизались, желаю, чтобы вы испытали и бѣдность. Поэтому уже не подчиняю васъ требованію прежняго закона, но позволяю имѣть и влагалище, и мѣхъ, чтобы
200 не подумали, что Я дѣйствую чрезъ васъ, какъ чрезъ бездушныя орудія, но чтобы и вы могли показать собственное любомудріе.

3. Что же, скажешь, развѣ не большая обнаружилась бы благодать, если бы они постоянно такъ жили? Но въ такомъ случаѣ они не сдѣлались бы столь славными, потому что если бы они не испытали никакой скорби, ни бѣдности, ни гоненія, ни притѣсненія, то прожили бы въ бездѣйствіи и безпечности; а теперь Христосъ благоволилъ, чтобы не благодать только просіяла, но обнаружилась и доблесть учениковъ, дабы впослѣдствіи кто-нибудь не сталъ говорить, что они не привнесли ничего отъ себя самихъ, но все совершилось по мановенію Божію. Конечно, Богъ могъ до конца сохранить ихъ при такомъ изобиліи, но Онъ не восхотѣлъ

этого по многимъ и необходимымъ причинамъ, о которыхъ мы часто говорили любви вашей: одна именно та, о которой мы сейчасъ сказали; другая, не менѣе важная, та, чтобы они научились быть скромными; и третья та, чтобы имъ не воздавали славы бóльшей, нежели какая слѣдуетъ человѣку. По этимъ и по многимъ другимъ причинамъ попустивъ имъ подвергаться многимъ неожиданнымъ искушеніямъ, Онъ не восхотѣлъ оставить ихъ подъ строгостію прежняго закона, но смягчилъ и облегчилъ суровость того любомудрія, чтобы жизнь для нихъ не сдѣлалась тяжкою и невыносимою, если бы они часто были оставляемы въ опасности и принуждены были хранить тотъ строгій законъ. Впрочемъ, такъ какъ этотъ неясный предметъ надобно объяснить, то необходимо сказать и слѣдующее. Сказавъ: *иже имать влагалище, да возметъ, такожде и мѣхъ*, Онъ присовокупилъ: *а иже не имать, да продастъ ризу свою и купитъ ножъ* (Лук. XXII, 36). Что это значитъ? Не вооружаетъ ли учениковъ Тотъ, который сказалъ: *аще кто тя ударитъ въ десную ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. V, 39)? Тотъ, который заповѣдалъ благословлять злословящихъ, терпѣть оскорбленія, молиться за гонителей, потомъ вооружаетъ учениковъ, и притомъ однимъ мечемъ? И какой былъ въ этомъ смыслъ? Если бы непремѣнно нужно было вооружить, то надлежало бы снабдить не однимъ только мечемъ, но и щитомъ, и шлемомъ, и латами. Подлинно, если бы Онъ намѣревался устроить это по-человѣчески, то кому не показалось бы смѣшнымъ такое повелѣніе? Въ самомъ дѣлѣ, хотя бы они взяли безчисленное множество такого оружія, и тогда одиннадцать человѣкъ что значили бы предъ такими нападеніями и кознями столькихъ племенъ, властителей, городовъ и народовъ? Могли ли бы они выслушать голосъ ржущаго коня? Не пришли ли бы они въ ужасъ при одномъ видѣ войска, будучи воспитаны на озерахъ и рѣкахъ и малыхъ ладьяхъ? Для чего же Онъ говоритъ это? Для того, чтобы указать на козни іудеевъ и на то, что они намѣреваются схватить Его. Но ясно Онъ не хотѣлъ сказать этого, а сказалъ прикровенно, чтобы опять не смутить ихъ. Подобно тому, какъ слыша слова Его: *еже во уши слышите, проповѣдите на кровѣхъ, и еже слышите во тмѣ, рцыте во свѣтѣ* (Матѳ. X, 27), ты разумѣешь не то, будто Онъ заповѣдуетъ оставить улицы и площадь и проповѣдывать на кровляхъ — потому что не видно, чтобы ученики дѣлали это — но слова: *на кровѣхъ* и: *во свѣтѣ* выражаютъ смѣлость; а слова: *во уши* и: *во тмѣ* означаютъ: то, что вы слышали въ малой части вселенной и въ одной странѣ — Палестинѣ, возвѣщайте по всей землѣ. Не во тьмѣ и не на ухо въ самомъ дѣлѣ бе- 201
сѣдовалъ Онъ съ ними, а часто на высокихъ горахъ и въ синагогахъ. Такъ надобно разумѣть и здѣсь. Поэтому, какъ тамъ, слыша

о кровляхъ, мы разумѣли иное, такъ и здѣсь, слыша о мечахъ, мы будемъ разумѣть не то, будто Онъ повелѣлъ пріобрѣсть мечи, но то, что мечами Онъ выражаетъ угрожающія козни и что Ему предстоитъ потерпѣть отъ іудеевъ то, что Онъ потерпѣлъ. Это видно изъ дальнѣйшихъ Его словъ. Сказавъ: *да купитъ ножъ*, Онъ присовокупилъ: *подобаетъ бо, да скончается писанное о Мнѣ,* что *со беззаконными вмѣнися* (Лук. xxii, 37). Когда же они, не понявъ сказаннаго, отвѣчали: *се ножа здѣ два*, то Онъ говоритъ: *доволно есть* (Лук. xxii, 38). Между тѣмъ этого не было довольно. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Онъ хотѣлъ, чтобы они пользовались пособіями человѣческими, то не только двухъ или трехъ, но и ста мечей было бы не довольно; а такъ какъ Онъ не хотѣлъ, чтобы они пользовались пособіями человѣческими, то и два меча были излишни. Впрочемъ, Онъ не объяснилъ этой прикровенной рѣчи; такъ, мы видимъ, Онъ и часто дѣлалъ. Когда не понимали сказаннаго, то Онъ оставлялъ и опускалъ это, предоставляя послѣдующимъ событіямъ объясненіе сказаннаго. То же Онъ сдѣлалъ и при другомъ случаѣ. Бесѣдуя о своемъ воскресеніи, Онъ говорилъ такъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. ii, 19),—однако ученики не поняли этихъ словъ; а что они не поняли, на это указалъ евангелистъ, сказавъ: *егда же воста Іисусъ*, тогда *вѣроваша словеси Его и писанію* (Іоан. ii, 22), и опять въ другомъ мѣстѣ: *не у бо вѣдяху, яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути* (Іоан. xx, 9).

4. Впрочемъ, вопросъ рѣшенъ достаточно; обратимся къ остальной части привѣтствія. Итакъ, что же сказано и отъ чего мы дошли до этого? Мы ублажали Прискиллу и Акилу за то, что они жили вмѣстѣ съ Павломъ, что они тщательно изучали въ немъ и родъ одежды, и видъ обуви, и все прочее. Отсюда родился у насъ тотъ вопросъ; именно, мы изслѣдовали, почему, тогда какъ Христосъ повелѣлъ не имѣть совершенно ничего, кромѣ одной только одежды, апостолы оказываются имѣвшими и сапоги и фелонь. Затѣмъ было доказано, что, употребляя это, они не нарушали закона, а напротивъ точно соблюдали его. Мы говорили объ этомъ не для того, чтобы поощрять васъ къ умноженію богатства, или побудить къ пріобрѣтенію бо́льшаго, нежели сколько нужно, но чтобы вы могли отвѣчать невѣрующимъ, которые насмѣхаются надъ нашимъ ученіемъ. Христосъ, отмѣнивъ прежній законъ, не заповѣдалъ имѣть ни домовъ, ни рабовъ, ни ложъ, ни серебряныхъ сосудовъ, и ничего другого подобнаго, но только освободилъ насъ отъ требованія прежде сказаннаго. И Павелъ такъ увѣщевалъ: *имѣюще пищу и одѣяніе,* говоритъ онъ, *сими доволни будемъ* (1 Тим. vi, 8). А то, что превышаетъ нужду, надобно издерживать на нуждающихся, какъ и поступали тѣ, Прискилла и Акила. Поэтому Павелъ и хва-

лить ихъ, и прославляетъ, и воздаетъ имъ величайшую честь. Сказавъ: *цѣлуйте Прискиллу и Акилу, споспѣшника моя о Господѣ,* онъ присовокупляетъ и причину такой любви. Какую же именно? *Иже по души моей,* говоритъ, *своя выя положиша* (Рим. XVI, 4). Такъ за это, можетъ быть, скажетъ кто-нибудь, ты любишь и привѣтствуешь ихъ? Конечно, потому что, если бы даже одно это было, они достойны были бы похвалы. Кто спасъ военачальника, тотъ спасъ воиновъ; кто избавилъ отъ опасности врача, тотъ возвратилъ здоровье больнымъ; кто укрылъ отъ бури кормчаго, тотъ
охранилъ отъ волнъ цѣлый корабль. Такъ и тѣ, которые сохра- 202
нили учителя вселенной и пролили кровь свою для его спасенія, стали общими благодѣтелями вселенной, своею попечительностью объ учителѣ доставивъ спасеніе всѣмъ ученикамъ. А дабы ты зналъ, что они не только въ отношеніи къ учителю были таковы, но и въ отношеніи къ братіямъ оказывали такую же попечительность, выслушай дальнѣйшее. Сказавъ: *иже по души моей своя выя положиша,* онъ присовокупилъ: *имже не азъ единъ благодарю, но и вся церкви языческія* (Рим. XVI, 4). Что говоришь ты? Скинотворцевъ, бѣдняковъ, ремесленниковъ, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ необходимой пищи, благодарятъ всѣ церкви языческія? Какую же пользу могли принести эти двое столь многимъ церквамъ? Какое имѣли они обиліе богатства? Какое величіе власти? Какое дерзновеніе предъ начальниками? Обилія богатства и силы предъ властителями они не имѣли, но что важнѣе всего этого, они въ преизбыткѣ имѣли благородное усердіе и душу, готовую на опасности. Поэтому они и сдѣлались благодѣтелями и спасителями многихъ. Въ самомъ дѣлѣ, не столько могутъ принесть пользы церквамъ люди богатые, но малодушные, сколько бѣдные, но великодушные. Пусть никто не считаетъ этихъ словъ странными; это вѣрно и подтверждается самыми дѣлами. У богатаго много поводовъ — потерпѣть вредъ: онъ боится за домъ, за слугъ, за поля, за сокровища, какъ бы кто не отнялъ у него чего-нибудь изъ этого. Кто владѣетъ многимъ, становится рабомъ многаго. Напротивъ бѣдный, какъ человѣкъ свободный и чуждый всѣхъ этихъ поводовъ, есть левъ, дышащій огнемъ, имѣетъ душу отважную и, отрѣшившись отъ всего, легко дѣлаетъ все, что можетъ принесть пользу церквамъ, хотя бы нужно было обличить, хотя бы укорить, хотя бы потерпѣть множество бѣдствій для Христа; однажды пренебрегши настоящею жизнію, онъ удобно и съ великою легкостію совершаетъ все. И чего, скажи мнѣ, бояться ему? Чтобы кто-нибудь не отнялъ у него сокровищъ? Но этого нельзя сказать. Чтобы не лишиться отечества? Но вся поднебесная — городъ для него. Чтобы кто-нибудь не уменьшилъ его на-

слажденій и охранной стражи? Но, отказавшись отъ всего этого, онъ имѣетъ жительство на небѣ и стремится къ будущей жизни. Хотя бы нужно было отдать самую душу и пролить кровь, онъ не откажется. Поэтому такой человѣкъ и сильнѣе, и богаче властителей, и царей, и народовъ, и всѣхъ вообще. А чтобы ты убѣдился, что эти слова не лесть, но что дѣйствительно люди, ничего не имѣющіе, преимущественно предъ всѣми могутъ говорить свободно, посмотри, сколько богатыхъ было во время Ирода, сколько сильныхъ? Но кто выступилъ на средину, кто обличилъ тирана, кто защищалъ оскорбляемые законы Божіи? Изъ богатыхъ никто; а бѣдный и нищій, не имѣвшій ни ложа, ни стола, ни крова, житель пустыни — Іоаннъ, этотъ одинъ и первый со всею смѣлостію обличалъ тирана, обнаруживалъ прелюбодѣйный его бракъ и въ присутствіи и въ слухъ всѣхъ произносилъ осуждающій его приговоръ. Также прежде него великій Илія, не имѣвшій ничего,
203 кромѣ милоти, одинъ съ великимъ мужествомъ обличилъ нечестиваго и беззаконнаго Ахава. Такъ ничто не даетъ такой смѣлости въ рѣчахъ, не располагаетъ быть отважнымъ во всѣхъ бѣдствіяхъ, не дѣлаетъ столько непобѣдимыми и сильными, какъ то, чтобы не имѣть ничего и не быть связану ничѣмъ. Поэтому, кто хочетъ пріобрѣсть великую силу, тотъ пусть полюбитъ бѣдность, пусть презираетъ настоящую жизнь, пусть считаетъ за ничто смерть. Такой человѣкъ не только больше богатыхъ и начальниковъ, но и самихъ царей, въ состояніи будетъ принести пользу для церквей. Цари и богатые, что ни дѣлали бы, дѣлаютъ посредствомъ денегъ, а такой человѣкъ часто совершаетъ многое и великое и посредствомъ опасностей и смерти. Чѣмъ кровь драгоцѣннѣе всякаго золота, тѣмъ жертва послѣдняя важнѣе первой.

5. Таковы были и эти гостепріимцы Павла, Прискилла и Акила: они не имѣли изобилія въ имуществѣ, но имѣли душу богаче всякаго богатства, ожидая смерти каждый день, провождая жизнь среди убійствъ и крови и постоянно испытывая мученичество. Оттого наши дѣла въ тѣ времена и процвѣтали, что такъ ученики съ учителями и такъ учители съ учениками были соединены. Вѣдь не объ этихъ однихъ говоритъ Павелъ, но и о многихъ другихъ. Такъ въ посланіяхъ къ Евреямъ, Ѳессалоникійцамъ и Галатамъ онъ свидѣтельствуетъ, что всѣ подвергались многимъ искушеніямъ, и объясняетъ въ посланіяхъ своихъ, что они были гонимы, и изгоняемы изъ отечества, и лишаемы имущества, и терпѣли бѣдствія до самой крови, и вся ихъ жизнь была подвижническая, и однако они не отказались бы отдать на отсѣченіе самые члены свои за учителей. Такъ въ посланіи къ Галатамъ онъ говоритъ: *свидѣтельствую бо вамъ, яко, аще бы было*

мощно, очеса ваша извертѣвше, дали бысте ми (Галат. IV, 15); и Епафродита, бывшаго у колоссянъ, онъ хвалитъ за то же, когда говоритъ: *болѣ близъ смерти: но Богъ помилова его: не егоже токмо, но и мене, да не скорбь на скорбь пріиму* (Филип. II, 27). Это сказалъ онъ, выражая, что поистинѣ онъ скорбѣлъ бы о смерти ученика. Также и добродѣтель его онъ открываетъ предъ всѣми въ словахъ: *зане даже до смерти приближися, презрѣвъ душу свою, да исполнитъ ваше лишеніе, службы яже ко мнѣ* (Филип. II, 30) Кто можетъ быть блаженнѣе ихъ, и кто несчастнѣе насъ? Они и кровь и душу свою отдавали за учителей, а мы часто не рѣшаемся произнести и простого слова за общихъ отцовъ, но слыша, какъ ихъ злословятъ, поносятъ и свои и чужіе, не заграждаемъ устъ говорящимъ, не удерживаемъ, не укоряемъ.

О, если бы сами мы не были первыми ихъ (отцовъ) поносителями! Теперь даже отъ невѣрующихъ нельзя слышать такихъ злословій и порицаній, какія противъ начальствующихъ произносятся тѣми, которые, повидимому, принадлежать къ вѣрующимъ и соединены съ нами. Нужно ли послѣ этого изслѣдовать, отчего произошла такая безпечность и такое нерадѣніе о благочестіи, когда мы такъ враждебно расположены къ нашимъ отцамъ? Нѣтъ, подлинно нѣтъ ничего, что могло бы такъ разстроивать и разрушать Церковь, или—лучше—нѣтъ ничего другого, что могло бы такъ легко дѣлать это, какъ то, когда ученики съ учителями, и дѣти съ отцами, и подчиненные съ начальниками не соединены весьма тѣсно. Кто злословитъ брата, тотъ устраняется отъ чтенія 204
божественныхъ Писаній; *вскую воспріемлеши завѣтъ мой усты твоими,* говоритъ Богъ, и потомъ, приводя причину, прибавляетъ: *сѣдя на брата твоего клеветалъ еси* (Псал. XLIX, 16—20); а ты, осуждая духовнаго отца, считаешь себя достойнымъ входить въ священное преддверіе? Съ чѣмъ это сообразно? Если злословящіе отца или мать наказываются смертію (Исх. XXI, 17), то какого достоинъ будетъ наказанія дерзающій злословить того, кто необходимѣе и важнѣе родителей? И онъ не страшится, чтобы земля, разверзшись, совершенно не поглотила его, или молнія, ниспадши свыше, не сожгла хульный языкъ его? Развѣ не слышалъ ты, что потерпѣла сестра Моисея, когда стала говорить противъ начальника, какъ она сдѣлалась нечистою, подверглась проказѣ, испытала крайнее безчестіе, и, на смотря на то, что братъ ея молился и припадалъ къ Богу, не получила прощенія? А между тѣмъ она положила (при рѣкѣ) этого святого, заботилась объ его воспитаніи, вначалѣ содѣйствовала тому, чтобы мать сдѣлалась его кормилицею и чтобы дитя не было воспитано на рукахъ иноплеменниковъ, а впослѣдствіи предводительствовала

сонмомъ женщинъ, какъ Моисей сонмомъ мужей, вмѣстѣ съ нимъ переносила всѣ бѣдствія, и, хотя была сестрою Моисея, однако ничто не помогло ей избѣжать гнѣва Божія за ея злословіе; и Моисей, который умолилъ Бога за такой народъ послѣ невыразимаго его нечестія,—и онъ, припадая и прося прощенія сестрѣ, не могъ умилостивить Бога, но еще услышалъ сильную укоризну, чтобы мы знали, какъ велико зло — порицать начальниковъ и осуждать жизнь другихъ. Подлинно, въ тотъ день (будущаго суда) Богъ будетъ судить насъ не только за то, въ чемъ мы грѣшили, но и за то, въ чемъ осуждали другихъ; и часто грѣхъ, легкій по своему свойству, дѣлается тяжкимъ и непростительнымъ оттого, что согрѣшающій осуждаетъ другого. Можетъ быть, слова эти не ясны; постараюсь поэтому объяснить ихъ. Согрѣшилъ кто-нибудь, и строго осудилъ другого, совершившаго тотъ же грѣхъ: за это въ тотъ день онъ подвергнется наказанію не такому, какого требуетъ свойство грѣха его, но больше чѣмъ двойному и тройному,—потому что Богъ назначитъ ему наказаніе не сообразно съ тѣмъ, въ чемъ онъ самъ согрѣшилъ, но за то, что строго осудилъ другого, который согрѣшилъ въ томъ же. А что это справедливо, я еще больше объясню, какъ обѣщалъ вамъ, изъ бывшихъ примѣровъ. Фарисей, хотя самъ ни въ чемъ не согрѣшилъ, жилъ праведно и могъ указать много своихъ добрыхъ дѣлъ, когда осудилъ мытаря, хищника, корыстолюбца и беззаконнѣйшаго человѣка, подвергся такому осужденію, что его ожидаетъ наказаніе большее, чѣмъ какое слѣдовало этому. Если же онъ, самъ не согрѣшивъ ни въ чемъ, но простымъ словомъ осудивъ другого грѣшника, который своими беззаконіями былъ извѣстенъ всѣмъ, подвергся такому наказанію, то мы, много согрѣшая каждый день и между тѣмъ осуждая жизнь другихъ, которая притомъ никому неизвѣстна и не открыта, представь, какому подвергнемся наказанію, какъ лишимся всякаго прощенія. *Имже бо судомъ судите*, сказалъ Господь, *судятъ вамъ* (Матѳ. VII, 2).

6. Поэтому я прошу, убѣждаю и умоляю отстать отъ этой дурной привычки. Священникамъ, о которыхъ говоримъ худо, мы
205 нисколько не повредимъ, не только тогда, когда говоримъ ложь, но когда и правду,—такъ и фарисей нисколько не повредилъ мытарю, но еще принесъ ему пользу, хотя говорилъ объ немъ правду; а самихъ себя мы подвергнемъ крайнимъ бѣдамъ,—такъ и фарисей вонзилъ мечъ въ себя самого и отошелъ, получивъ смертельную рану. Итакъ, чтобы и намъ не потерпѣть того же, будемъ удерживать невоздержный языкъ. Если фарисей, злословившій мытаря, не избѣгъ наказанія, то мы, злословя отцовъ своихъ, какое будемъ имѣть оправданіе? Если Маріамъ, однажды позло-

словившая брата, подверглась такому осужденію, то какая надежда на спасеніе намъ, когда мы каждый день осыпаемъ начальствующихъ безчисленными злословіями? Пусть никто не говоритъ мнѣ, что то былъ Моисей; вѣдь и я могу сказать, что то была Маріамъ. Впрочемъ, чтобы ты ясно понялъ и то, что, хотя бы священники даже подлежали осужденію, и тогда ты не имѣешь права осуждать ихъ жизнь, послушай, что говоритъ Христосъ о начальникахъ іудейскихъ: *на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекутъ вамъ* дѣлать, дѣлайте, *по дѣломъ ихъ не творите* (Матѳ. XXIII, 2, 3). Что можетъ быть хуже тѣхъ, ревность которыхъ губила учащихся у нихъ? Однако, не смотря на это, Онъ не лишилъ ихъ достоинства, не сдѣлалъ презрѣнными для подчиненныхъ: и весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, если бы подчиненные получили такую власть, то мы увидѣли бы, какъ они всѣхъ лишили бы власти и свергли бы съ сѣдалища. Вотъ почему и Павелъ, укоривъ іудейскаго первосвященника, и сказавъ: *бити тя имать Богъ, стѣно повапленая: и ты сѣдиши судя ми* (Дѣян. XXIII, 3), когда услышалъ слова нѣкоторыхъ, останавливающихъ его: *архіерею ли Божію досаждаеши?*— то, желая показать, какую должно воздавать честь и уваженіе начальствующимъ, что сказалъ?—*не вѣдахъ, яко архіерей* Божій *есть* (Дѣян. XXIII, 4, 5). Вотъ почему и Давидъ, застигнувъ беззаконнаго Саула, дышавшаго убійствомъ и достойнаго тяжкаго наказанія, не только пощадилъ жизнь его, но не позволилъ себѣ даже произнести противъ него обиднаго слова, и, приводя причину этого, сказалъ: *яко Христосъ Господень есть* (1 Цар. XXIV 7). И не отсюда только, но и изъ другихъ событій весьма ясно можно видѣть, какъ далекъ долженъ быть подчиненный отъ того, чтобы исправлять дѣла священниковъ. Такъ нѣкогда, при возвращеніи кивота, когда нѣкоторые изъ подчиненныхъ, увидѣвъ его наклонившимся и готовымъ упасть, поправили его, то подверглись наказанію на томъ же самомъ мѣстѣ, будучи поражены Господомъ и пали мертвыми. Между тѣмъ они не сдѣлали ничего худого; они не наклонили кивота, а поправили, когда онъ наклонился и готовъ былъ упасть. Но чтобы ты вполнѣ убѣдился въ достоинствѣ священниковъ и въ томъ, какъ непозволительно человѣку подвластному и принадлежащему къ числу мірянъ исправлять такія дѣла, Богъ умертвилъ ихъ среди множества народа, съ великою силою устрашая всѣхъ прочихъ и внушая никогда не приближаться къ недоступнымъ предметамъ священства. Въ самомъ дѣлѣ, если бы каждый, подъ предлогомъ исправленія худо сдѣланнаго, сталъ присвоять себѣ достоинство священства, то никогда не было бы недостатка въ предлогахъ къ исправленію, и всѣ пе-

ремѣшались бы между собою такъ, что мы не различили бы ни начальника, ни подчиненнаго. Никто пусть не думаетъ, будто я говорю это въ осужденіе священниковъ (по благодати Божіей,
206 какъ и вы знаете, они показываютъ великую честность во всемъ и никогда никому не подавали никакого повода къ ихъ осужденію), но говорю для того, чтобы вы знали, что, если бы даже вы имѣли дурныхъ отцовъ и тягостныхъ учителей, и тогда не безопасно и не безвредно было бы для васъ хулить ихъ и злословить. Если о родителяхъ тѣлесныхъ одинъ мудрый говоритъ: *аще и разумомъ оскудѣваетъ, прощеніе имѣй* (Сирах. III, 13),—такъ какъ что ты воздашь имъ за то, что они дали тебѣ?—то тѣмъ болѣе должно соблюдать этотъ законъ въ отношеніи къ отцамъ духовнымъ; и каждому должно осматривать и разбирать свою собственную жизнь, чтобы намъ не услышать въ тотъ день: *лицемѣре, что видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, бервна же, еже есть во оцѣ твоемъ, не чуеши* (Матѳ. VII, 3)? Такъ, лицемѣрамъ свойственно предъ народомъ и въ глазахъ всѣхъ цѣловать руки священиковъ, касаться колѣнъ ихъ, просить помолиться за нихъ и, имѣя нужду въ крещеніи, прибѣгать къ дверямъ ихъ, а дома и на площадяхъ этихъ виновниковъ и служителей такихъ благъ для насъ осыпать безчисленными злословіями, или сочувствовать другимъ злословящимъ. Если отецъ дѣйствительно не хорошъ, то почему ты считаешь его достойнымъ вѣры служителемъ страшныхъ таинствъ? Если же онъ кажется тебѣ достойнымъ вѣры служителемъ таинствъ, то для чего ты допускаешь, чтобы другіе злословили его, не заграждаешь ихъ уста, не выражаешь своего неудовольствія, не приходишь въ негодованіе, чтобы получить великую награду отъ Бога и похвалу отъ самихъ хулителей? Вѣдь они, хотя бы были тысящекратно дерзкими, конечно будутъ хвалить и одобрять тебя за твою заботливость объ отцахъ; напротивъ, если мы не будемъ дѣлать этого, всѣ станутъ осуждать насъ, даже и сами хулители. Кромѣ того прискорбно еще и то, что мы и тамъ подвергнемся крайнему осужденію. Подлинно, ничто такъ не вредитъ церквамъ, какъ эта болѣзнь. Какъ тѣло, не надлежащимъ образомъ связанное покровомъ нервовъ, испытываетъ много болѣзней и дѣлаетъ жизнь не въ жизнь, такъ и Церковь, не связанная крѣпкими и нерасторжимыми узами любви, испытываетъ множество войнъ, усиливаетъ гнѣвъ Божій и подаетъ поводъ ко многимъ искушеніямъ. Чтобы этого не было, чтобы намъ не прогнѣвать Бога, не умножить нашихъ бѣдствій, не навлечь на себя неизбѣжнаго наказанія, и не наполнить нашей жизни многими горестями, обратимъ языкъ нашъ къ благословенію, будемъ каждый день разбирать нашу собственную жизнь и, предоставивъ судить о жизни дру-

гихъ Тому, Кто въ точности знаетъ тайное, будемъ сами осуждать собственные свои грѣхи. Такимъ образомъ можно будетъ намъ избѣгнуть и огня геенскаго. Какъ тѣ, которые разбираютъ чужіе грѣхи, нисколько не заботятся о своихъ собственныхъ, такъ тѣ, которые боятся осматривать жизнь другихъ, будутъ обращать великое вниманіе на свои проступки; а помышляя о своихъ грѣхахъ, и каждый день осуждая ихъ и требуя отъ самихъ себя наказанія за нихъ, они будутъ имѣть тогда кроткаго къ нимъ Судію. Это и Павелъ выражаетъ, когда говоритъ: *аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были отъ Господа* (1 Кор. XI, 31). Итакъ, чтобы намъ избѣгнуть такого приговора, оставивъ все прочее, будемъ заботиться о собственной жизни, укрощать помыслъ, влекущій ко грѣхамъ, располагать совѣсть къ сокрушенію и требовать отъ самихъ себя отчета въ дѣлахъ своихъ. Такимъ образомъ мы можемъ облегчить бремя грѣховъ, получить полное прощеніе, провести настоящую жизнь съ удовольствіемъ и сподобиться благъ будущихъ, благодатію и человѣколюбіемъ 207—208
Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на слова апостола: но блудодѣянія ради кійждо свою жену да имать (1 Кор. VII, 2).

1. И сегодня хочу я вести васъ къ источникамъ меда,—меда, 207
который никогда не производитъ пресыщенія. Таково свойство Павловыхъ словъ; и всѣ, которые наполняютъ сердца свои изъ этихъ источниковъ, говорятъ Духомъ Святымъ, или—лучше—всю сладость меда превосходитъ удовольствіе, получаемое отъ божественныхъ изреченій. Это выразилъ и пророкъ, сказавъ: *коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда устомъ моимъ* (Псал. CXVIII, 103). И не только слаще меда, но и драгоцѣннѣе золота и всякаго камня и чище всякаго серебра удовольствіе, получаемое отъ божественныхъ изреченій. *Словеса Господня*, говоритъ онъ же, *словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли, очищено седмерицею* (Пс. XI, 7). Поэтому и премудрый сказалъ: *ясти медъ много не* 208
добро: почитати же подобаетъ словеса славна (Притч. XXV, 28), потому что отъ перваго часто рождается болѣзнь, которой не было, а послѣдимъ мы можемъ освободиться и отъ того недуга, кото-

рый былъ; притомъ медъ, будучи сваренъ, портится, а божественныя изреченія, когда переварятся, тогда дѣлаются еще пріятнѣе и полезнѣе какъ для тѣхъ, которые усвоили себѣ ихъ, такъ и для многихъ другихъ. И кто слишкомъ много наслаждался трапезою чувственною, тотъ впослѣдствіи, отрыгая отъ этого, дѣлается непріятнымъ имѣющему съ нимъ общеніе, а отрыгающій отъ духовнаго ученія сообщаетъ ближнему великое благовоніе. Такъ Давидъ, постоянно насыщавшійся этою пищею, говорилъ: *отрыгну сердце мое слово благо* (Псал. XLIV, 2), потому что можно отрыгать и злое слово. Какъ при трапезѣ чувственной отъ свойства яствъ зависитъ и качество отрыжки, такъ точно по свойству изреченій,
209 какими питаются, производятъ и отрыжку многіе изъ людей. Напримѣръ, если ты пошелъ на зрѣлище и слушалъ блудныя пѣсни, то такія же слова ты непремѣнно будешь изрыгать и предъ ближнимъ; если же ты, пришедши въ церковь, участвовалъ въ слушаніи духовныхъ изреченій, то и отрыгать будешь ими. Вотъ почему и пророкъ говорилъ: *отрыгну сердце мое слово благо,* показывая намъ яства той трапезы, въ которой онъ постоянно участвовалъ. По тому же побужденію и Павелъ увѣщеваетъ такъ: *всяко слово гнило*, говоритъ, *да не исходитъ изъ устъ вашихъ: но точію еже есть благо* (Ефес. IV, 29). А какое, скажешь, слово *гнило*? Если узнаешь *благое*, то узнаешь и *гнилое*, потому что первое онъ выразилъ для различенія второго. А какое слово *благо*, объ этомъ ты не имѣешь нужды спрашивать у меня, потому что самъ Павелъ объяснилъ намъ его свойство. Сказавъ: *точію еже есть благо*, онъ прибавилъ: *къ созданію* церкви,—выражая, что *благо* то слово, которое назидаетъ ближняго. Поэтому какъ назидающее слово—*благо*, такъ разрушающее—гнило и негодно.

Такъ и ты, возлюбленный, если имѣешь сказать что-нибудь такое, отъ чего слушающій можетъ сдѣлаться лучшимъ, то не удерживай слова во время спасенія; а если не имѣешь ничего такого, но только рѣчи порочныя и развратныя, то молчи, чтобы не повредить ближнему. То слово гнилое, которое не назидаетъ слушателя, но еще развращаетъ его. Если онъ заботится о добродѣтели, то часто побуждается къ гордости; если же былъ беззаботенъ, то дѣлается еще нерадивѣе. Если ты имѣешь сказать слово постыдное и смѣшное, то молчи, потому что и то слово — гнило, которое дѣлаетъ болѣе разсѣянными и говорящаго и слушающаго и въ каждомъ воспламеняетъ порочныя пожеланія. Какъ для огня составляютъ пищу дрова и хворостъ, такъ для порочныхъ пожеланій — слова. Поэтому не должно непремѣнно высказывать все, что мы имѣемъ въ умѣ; но должно стараться удалять и изъ самаго ума порочныя пожеланія и всякую постыд-

ную мысль. Если же когда незамѣтнымъ образомъ мы допустимъ у себя нечистые помыслы, то не будемъ никогда выводить ихъ наружу языкомъ, но будемъ подавлять ихъ молчаніемъ. Какъ дикіе звѣри и пресмыкающіяся животныя, попавши въ яму, если найдутъ какой-нибудь выходъ на верхъ, то вышедши дѣлаются еще болѣе свирѣпыми, а если останутся навсегда заключенными внизу, то непремѣнно погибаютъ и легко пропадаютъ: такъ точно и порочныя пожеланія, если найдутъ какой-нибудь выходъ чрезъ наши уста и посредствомъ словъ, то усиливаютъ внутренній пламень, а если ты заключишь ихъ посредствомъ молчанія, то они дѣлаются слабѣе и истощаясь безмолвіемъ, какъ бы голодомъ, скоро умираютъ въ душѣ. Такимъ образомъ, если ты чувствуешь какое-нибудь постыдное пожеланіе, то не произноси постыднаго слова: этимъ ты погасишь и пожеланіе. У тебя нечисты мысли? Пусть же по крайней мѣрѣ будутъ чисты твои уста; не выноси вонъ этой грязи, чтобы не сдѣлать вреда и другому и самому себѣ, потому что не только говорящимъ, но и слушающимъ другихъ, когда говорятъ постыдное, придается много нечистоты. По-
этому прошу и совѣтую, не только не говорить такихъ словъ, но, 210
когда и другіе говорятъ, воздерживаться отъ слушанія, и постоянно прилѣпляться къ закону Божію. Поступающаго такъ и пророкъ ублажаетъ, когда говоритъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде: но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ Его поучится день и нощь* (Псал. I, 1, 2).

2. Въ мірскихъ собраніяхъ, хотя иногда и говорится что-нибудь доброе, но среди многаго дурного едва одно что-нибудь здравое скажутъ нѣкоторые; а въ божественныхъ Писаніяхъ все напротивъ: никогда не услышишь ты здѣсь ни одного дурного слова, но всѣ они исполнены спасенія и великаго любомудрія. Таковы и тѣ изреченія, которыя прочитаны намъ сегодня. Какія же именно? *А о нихже писасте ми,* говоритъ апостолъ, *добро человѣку женѣ не прикасатися. Но блудодѣянія ради кійждо свою жену да имать, и каяждо (жена) своего мужа* (1 Кор. VII, 1, 2). Павелъ преподаетъ законъ о бракахъ, и не стыдится, не уклоняется — и совершенно справедливо. Если Господь его почтилъ бракъ и не постыдился, но украсилъ это дѣло и присутствіемъ своимъ и даромъ—вѣдь Онъ принесъ и дары больше всѣхъ, превративъ воду въ вино — то какъ сталъ бы стыдиться рабъ, преподавая законъ о бракѣ? Не бракъ—порочное дѣло, но порочно прелюбодѣяніе, порочное дѣло — блудъ; а бракъ есть врачество, истребляющее блудъ. Не будемъ же безчестить его діавольскими торжествами, но, какъ поступили жители Каны Галилейской, такъ

пусть поступаютъ и нынѣ вступающіе въ бракъ: пусть они имѣютъ среди себя Христа. Но какъ, скажутъ, можетъ быть это? Чрезъ священниковъ. *Иже васъ пріемлетъ*, сказалъ Господь, *Мене пріемлетъ* (Матѳ. x, 40). Итакъ, если ты отгонишь діавола, если устранишь блудныя пѣсни, развратные напѣвы, непристойныя пляски, срамныя рѣчи, діавольскіе обряды, крикъ, необузданный смѣхъ и прочія безчинства, а введешь святыхъ служителей Божіихъ, то поистинѣ чрезъ нихъ будетъ присущъ и Христосъ съ своею матерью и братьями. *Иже бо аще сотворитъ волю Отца Моего*, говоритъ Онъ, *той братъ Мой, и сестра, и мати есть* (Матѳ. xii, 49). Знаю, что для нѣкоторыхъ я кажусь тяжкимъ и несноснымъ, внушая это и уничтожая древній обычай. Но объ этомъ я нисколько не безпокоюсь, потому что не въ лести отъ васъ, а въ пользѣ вашей я имѣю нужду, не въ рукоплесканіяхъ и въ похвалахъ, а въ преуспѣяніи и любомудріи. Пусть никто не говоритъ мнѣ, что таковъ обычай: гдѣ совершается грѣхъ, тамъ не упоминай объ обычаѣ; но, если совершаемое дурно, то, хотя бы и давній былъ обычай, оставь его; если же не дурно, то, хотя бы и не было обычая, введи и насади его. А что такія безчинства не составляютъ древняго обычая, но суть нѣкоторыя нововведенія, припомни, какъ Исаакъ вступилъ въ бракъ съ Ревеккою и какъ Іаковъ — съ Рахилью. Писаніе упоминаетъ объ этихъ бракахъ и говоритъ, какъ эти невѣсты были введены въ домы жениховъ, но не упоминаетъ ни о чемъ такомъ; они учреждали пир-
211 шество и обѣдъ лучше обыкновеннаго и близкихъ приглашали на бракъ, но не было тамъ ни флейтъ, ни свирѣлей, ни кимваловъ, ни неистовыхъ плясокъ, ни прочихъ всѣхъ нынѣшнихъ безчинствъ. А въ наше время поютъ пѣсни съ плясками въ честь Афродиты, воспѣвая и прелюбодѣянія, и нарушеніе брака, и незаконную любовь, и преступное кровосмѣшеніе, и много другихъ поютъ въ этотъ день пѣсней, исполненныхъ нечестія и безстыдства, и послѣ пьянства и такого безчинства съ срамными словами при всѣхъ выводятъ невѣсту. Какъ же, скажи мнѣ, ты требуешь отъ нея цѣломудрія, пріучая ее съ перваго дня брака къ такому безстыдству и распоряжаясь, чтобы предъ ея глазами совершалось и говорилось то, что непристойно слушать даже честнымъ невольникамъ? Столько времени отецъ съ матерью старался охранять дѣвицу, чтобы она не говорила и не слышала другого говорящимъ что-нибудь изъ такихъ рѣчей, устрояя и внутренніе покои, и женскія отдѣленія, и стражу, и двери, и запоры, и вечернія прогулки, и то, чтобы она не показывалась никому даже изъ близкихъ, и многое другое кромѣ этого; а ты своимъ приходомъ ниспровергаешь все это въ одинъ день, дѣлая ее безстыдною по-

средствомъ своего безчестнаго торжества и внѣдряя развратныя рѣчи въ душу невѣсты? Не отсюда ли столько послѣдующихъ золъ? Не отсюда ли прелюбодѣяніе и ревность? Не отсюда ли бездѣтство, вдовство и безвременное сиротство? Когда ты призываешь бѣсовъ такими пѣснями, когда исполняешь ихъ желанія срамными словами, когда вводишь въ домъ шутовъ и развратниковъ и составляешь цѣлое зрѣлище, когда наполняешь домъ блудницами и устрояешь у себя пиршество для всего сонма бѣсовъ, то чего. скажи мнѣ, ожидаешь ты добраго? Зачѣмъ же и приглашаешь ты священниковъ, намѣреваясь на другой день совершать такія дѣла? Хочешь ли показать гостепріимство, приносящее пользу? Пригласи сонмы бѣдныхъ. Но ты стыдишься и краснѣешь? Что же хуже такого безразсудства, — вводя въ домъ діавола, не считать этого дѣломъ постыднымъ, а Христа привести стыдиться? Подлинно, какъ вмѣстѣ съ приходящими въ домъ бѣдными приходитъ Христосъ, такъ среди ликующихъ тамъ шутовъ и развратниковъ ликуетъ діаволъ. И притомъ отъ этихъ издержекъ нѣтъ никакой пользы, а напротивъ, происходитъ великій вредъ; а за тѣ издержки ты скоро получишь великую награду. Никто въ городѣ не дѣлалъ этого? Но начни ты, постарайся быть первымъ учредителемъ такого добраго обычая, чтобы и потомки приписали его тебѣ. Кто станетъ соревновать, кто будетъ подражать этому обычаю, тотъ изъ внуковъ и правнуковъ на вопросъ желающихъ знать скажетъ, что такой-то первый ввелъ этотъ прекрасный законъ. Въ самомъ дѣлѣ, если на мірскихъ ристалищахъ, во время пиршествъ, многіе воспѣваютъ тѣхъ, которые придали особенное великолѣпіе этимъ безполезнымъ занятіямъ, то тѣмъ болѣе всѣ будутъ превозносить это духовное занятіе и воздавать благодарность первому, положившему такое дивное начало: и однимъ и тѣмъ же дѣломъ онъ сдѣлаетъ вмѣстѣ и гостепріимство и пользу Хотя и другіе будутъ совершать то же, но ты, который первый насадилъ это, получишь воздаяніе отъ этихъ плодовъ; чрезъ это скоро ты сдѣлаешься отцомъ, это и дѣтямъ послужитъ въ пользу и жениху съ невѣстою поможетъ достигнуть старости, потому что 212
какъ грѣшникамъ Богъ часто угрожаетъ, говоря: *будутъ чада ваша сироты и жены ваша вдовы* (Исх. XXII, 24), такъ тѣмъ, которые во всемъ повинуются Ему, Онъ обѣщаетъ даровать маститую старость и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ блага.

3. И отъ Павла можно слышать, что множество грѣховъ часто производило безвременную смерть. *Сего ради*, говоритъ онъ, *въ васъ мнози немощни и недужливы и усыпаютъ доволни* (1 Кор. XI. 30). А бѣдные, получая пропитаніе, не допускаютъ случиться ничему такому, но если случится что-нибудь неожиданное, весьма

скоро исправляютъ это, какъ можешь узнать изъ примѣра дѣвицы, жившей въ Іоппіи. Когда она лежала мертвою, то бѣдные, которыхъ она питала, стоя вокругъ нея и проливая слезы, воскресили ее и возвратили къ жизни (Дѣян. IX, 36—41). Столько молитва вдовъ и бѣдныхъ полезнѣе всякаго смѣха и ликованія! Тамъ веселіе на одинъ день, а здѣсь—постоянная польза. Представь, какъ важно, когда невѣста, принявъ на свою голову столько благословеній, входитъ въ домъ жениха. Какихъ это почтеннѣе вѣнцовъ? Какого полезнѣе богатства? Между тѣмъ совершающееся теперь бываетъ крайне безумно и безразсудно. Подлинно, если бы даже никакое наказаніе и никакое мученіе не угрожало такъ безчинствующимъ, то представь, какое мученіе для новобрачныхъ переносить столько срамныхъ словъ торжественно, въ слухъ всѣхъ, отъ людей пьяныхъ и разстроенныхъ въ умѣ. Бѣдные, получая милостыню, благословляютъ и молятся о поданіи множества благъ; а тѣ, послѣ пьянства и обжорства, бросаютъ на голову новобрачныхъ всю грязь насмѣшекъ, соревнуя въ этомъ другъ съ другомъ нѣкоторымъ діавольскимъ соревнованіемъ, и какъ будто собрались враги, такъ близкіе къ нимъ состязаются другъ съ другомъ, чтобы произносить о вступающихъ въ бракъ слыханныя или неслыханныя колкости, подражая непріятелямъ; и это состязаніе ихъ другъ съ другомъ заставляетъ жениха съ невѣстою испытывать чрезвычайный стыдъ.

Послѣ этого нужно ли намъ, скажи мнѣ, искать другого доказательства на то, что они дѣлаютъ и говорятъ это по внушенію бѣсовъ, движущихъ души ихъ? Кто будетъ сомнѣваться, что по внушенію бѣсовъ, движущихъ души ихъ, и говорится и дѣлается ими все это? Никто, потому что таковы дары діавола: злословіе, пьянство, омраченіе души. Если же кто считаетъ худымъ предзнаменованіемъ приводить вмѣсто того бѣдныхъ и станетъ называть это признакомъ несчастія, то пусть знаетъ, что кормить не бѣдныхъ и вдовъ, а развратныхъ и блудницъ, есть предвѣстіе всякой непріятности и безчисленныхъ золъ. Часто съ этого самаго дня блудница, уходя, похищала новобрачнаго отъ друзей въ плѣнъ свой, погашала любовь его къ невѣстѣ, разрушала благорасположеніе, уничтожала привязанность, прежде чѣмъ она усилилась, и бросала сѣмена прелюбодѣянія. Если ужъ не чего-нибудь другого, то этого должны были бы страшиться отцы и запрещать шутамъ и плясунамъ присутствовать на бракахъ. Бракъ установленъ не для того, чтобы мы распутствовали, не для того,
213 чтобы предавались блудодѣянію, но чтобы были цѣломудренными. Послушай Павла, который говоритъ: *но блудодѣянія ради кійждо свою жену да имать, и каяждо (жена) своего мужа да имать*

(1 Кор. VII, 2). Такъ, двѣ цѣли, для которыхъ установленъ бракъ: чтобы мы жили цѣломудренно и чтобы дѣлались отцами; но главнѣйшая изъ этихъ двухъ цѣлей — цѣломудріе. Послѣ того, какъ появилась похоть, введенъ и бракъ, пресѣкающій неумѣренность и побуждающій довольствоваться одною женою. А рожденіе дѣтей, конечно, происходитъ не отъ брака, но отъ словъ, сказанныхъ Богомъ: *раститеся и множитеся, и наполните землю* (Быт. I, 28); это доказываютъ тѣ, которые, вступивъ въ бракъ, не дѣлались отцами. Такимъ образомъ главная цѣль брака — цѣломудріе, особенно теперь, когда вся вселенная наполнилась нашимъ родомъ. Вначалѣ желательно было имѣть дѣтей, чтобы каждому оставить память и остатокъ послѣ своей жизни. Когда еще не было надежды на воскресеніе, но господствовала смерть, и умиравшіе думали, что послѣ здѣшней жизни они погибаютъ, тогда Богъ давалъ утѣшеніе въ дѣтяхъ, чтобы оставались одушевленные образы отшедшихъ, чтобы сохранился родъ нашъ, и умиравшіе и близкіе къ нимъ имѣли величайшее утѣшеніе въ ихъ потомкахъ. А дабы тебѣ убѣдиться, что поэтому особенно вожделѣнны были дѣти, послушай, что оплакиваетъ предъ Іовомъ жена его послѣ многихъ бѣдствій: *се*, говоритъ она, *потребися память твоя отъ земли, сынове твои и дщери твои* (Іов. II, 9). Также Саулъ говоритъ Давиду: *кленися ми, яко не искорениши сѣмене моего и имени моего по мнѣ* (1 Цар. XXIV, 22). Когда же наконецъ воскресеніе стало при дверяхъ, и нѣтъ никакого страха смерти, но мы идемъ къ другой жизни лучшей, нежели настоящая, то и забота о томъ сдѣлалась излишнею. Если же ты желаешь дѣтей, то можешь пріобрѣсти лучшихъ и полезнѣйшихъ теперь, когда введено нѣкоторое духовное чревоношеніе, лучшее рожденіе и полезнѣйшіе питатели старости. Слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ—одна цѣль брака, чтобы не предаваться блудодѣянію, и для этого введено такое врачество. Если же ты намѣреваешься и послѣ брака предаваться блудодѣянію, то излишне было тебѣ и вступать въ бракъ, безполезно и напрасно, и не только напрасно и безполезно, но и вредно, потому что не одинаковое дѣло—предаваться блуду, не имѣя жены, или послѣ брака опять дѣлать то же самое. Послѣднее уже не блудъ, а прелюбодѣяніе. Хотя и странны эти слова, но справедливы.

4. Знаемъ, что многіе называютъ прелюбодѣяніемъ только то, когда кто развращаетъ замужнюю женщину; но что касается до меня, то съ общественной ли блудницей, или съ рабою, или съ какою-нибудь другою женщиною, не имѣющею мужа, соединяется беззаконно и распутно человѣкъ, имѣющій жену, это я называю прелюбодѣяніемъ. Вина прелюбодѣянія зависитъ не только отъ

тѣхъ, которымъ наносится позоръ, но и отъ тѣхъ, которые наносятъ его. Не говори мнѣ теперь о внѣшнихъ законахъ, которые
214 женъ прелюбодѣйствующихъ влекутъ въ судилище и подвергаютъ наказаніямъ, а мужей, которые имѣютъ женъ и развратничаютъ съ служанками, оставляютъ безъ наказанія; я прочитаю тебѣ законъ Божій, который равно укоряетъ и жену и мужа и называетъ это дѣло прелюбодѣяніемъ. Сказавъ: *и каяждо (жена) своего мужа да имать*, апостолъ присовокупилъ: *женѣ мужъ должную любовь* (εὔνοιαν) *да воздаетъ* (1 Кор. VII, 3). Что хотѣлъ онъ выразить этими словами? Неужели то, чтобы онъ сберегалъ ей денежные доходы, чтобы хранилъ въ цѣлости приданое, чтобы доставлялъ драгоцѣнныя одежды, или роскошнѣйшій столъ, или блистательные выходы, или большую толпу слугъ? Что говоришь ты? Какого требуешь ты рода *любви?* И это все служитъ знакомъ любви. Нѣтъ, говоритъ апостолъ, ничего такого я не разумѣю, но говорю о цѣломудріи и чистотѣ. Тѣло мужа уже не принадлежитъ мужу, но женѣ. Пусть же онъ хранитъ въ цѣлости собственность ея, пусть не уменьшаетъ и не повреждаетъ ея. Вѣдь и изъ слугъ тотъ называется преданнымъ, который, принявъ имущество господъ, ничего не тратитъ изъ него. Поэтому, такъ какъ тѣло мужа есть собственность жены, то пусть мужъ будетъ вѣренъ въ отношеніи къ этому залогу. А что онъ дѣйствительно разумѣлъ это, когда сказалъ: *любовь да воздаетъ*, для того онъ присовокупилъ: *жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ: такожде и мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена* (1 Кор. VII, 4). Итакъ, когда ты видишь блудницу, соблазняющую, увлекающую, жаждущую твоего тѣла, то скажи ей: это тѣло не мое, но принадлежитъ моей женѣ, я не смѣю злоупотреблять имъ и отдать его другой женщинѣ. Такъ пусть поступаетъ и жена. Въ этомъ между ними совершенное равенство, хотя въ другихъ отношеніяхъ Павелъ отдаетъ большое преимущество мужу и говоритъ такъ: *обаче и вы по единому, кійждо свою жену сице да любитъ якоже и себе: а жена да боится (своего) мужа* (Ефес. V, 33), и еще: *мужъ глава есть жены*, и еще: *должна жена повиноватися мужу* (Ефес. V, 23, 22); также въ ветхомъ завѣтѣ сказано: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладити будетъ* (Быт. III, 16). Какъ же здѣсь онъ опредѣлилъ равную взаимность подчиненія и господства? Въ самомъ дѣлѣ, сказать: *жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ: такожде и мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена*— значитъ опредѣлить полное равенство. Какъ мужъ есть господинъ ея тѣла, такъ и жена — госпожа его тѣла. Почему же онъ опредѣлилъ такое равенство? Потому что тамъ необходимо превосходство; а здѣсь, когда дѣло идетъ о цѣломудріи и чистотѣ, то мужъ не

имѣетъ никакого преимущества предъ женою, но подобно ей наказывается, если нарушаетъ законы брака. И весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, не для того пришла къ тебѣ жена, оставила отца и мать и весь домъ, чтобы подвергаться оскорбленію, чтобы ты принималъ вмѣсто нея низкую служанку, чтобы дѣлалъ ей множество непріятностей; ты взялъ въ ней спутницу, подругу жизни, свободную и равночестную. Подлинно, не безразсудно ли, — получивъ приданое, показывать свою благорасположенность и нисколько не уменьшать его, а то, что драгоцѣннѣе всякаго приданаго, цѣломудріе и чистоту и тѣло свое, которое есть собственность жены, 215
растлѣвать и осквернять? Если ты истратишь приданое, то отвѣчаешь предъ тестемъ; а если потеряешь цѣломудріе, то дашь отчетъ Богу, который установилъ бракъ и вручилъ тебѣ жену. А что это справедливо, послушай, что говоритъ Павелъ о прелюбодѣяхъ: *тѣмже убо отметаяй, не человѣка отметаетъ, но Бога, давшаго Духа своего Святаго въ васъ* (1 Сол. IV, 8). Видишь ли, какъ слово Божіе внушаетъ, что прелюбодѣяніе состоитъ не только въ томъ, когда имѣющій жену совершаетъ блудъ съ женщиною замужнею, но и съ какою бы ни было блудницею? Какъ о женщинѣ, имѣющей мужа, мы говоримъ, что она прелюбодѣйствуетъ, съ слугою ли грѣшитъ она, или съ кѣмъ бы ни было, — такъ и о мужѣ мы должны сказать, что онъ прелюбодѣйствуетъ, когда, имѣя самъ жену, распутствуетъ, съ рабынею ли, или съ какой бы то ни было общественною блудницею. Не будемъ же пренебрегать своимъ спасеніемъ и отдавать душу свою діаволу чрезъ этотъ грѣхъ. Отсюда происходитъ множество бѣдствій, разрушающихъ домы и множество раздоровъ; отъ этого изсякаетъ любовь и уничтожается благорасположеніе. Какъ невозможно, чтобы человѣкъ цѣломудренный презиралъ свою жену и когда-нибудь пренебрегъ ею, такъ невозможно, чтобы человѣкъ развратный и безпутный любилъ свою жену, хотя бы она была прекраснѣе всѣхъ. Отъ цѣломудрія рождается любовь, а отъ любви безчисленное множество благъ. Итакъ, считай прочихъ женщинъ какъ бы каменными, зная, что если ты послѣ брака посмотришь похотливыми глазами на другую женщину, хотя бы общественную, хотя бы замужнюю, ты дѣлаешься виновнымъ въ грѣхѣ прелюбодѣянія. Каждый день повторяй себѣ эти слова; и если увидишь, что въ тебѣ возбуждается похоть къ другой женщинѣ и затѣмъ твоя жена отъ этого кажется тебѣ непріятною, то войди во внутреннюю комнату и, раскрывъ эту книгу, взявъ въ посредники Павла и непрестанно повторяя эти слова, погаси пламень.

Такимъ образомъ и жена опять будетъ для тебя вожделѣнною, потому что такое пожеланіе не станетъ истреблять твоего благо-

расположенія къ ней; и не только жена будетъ болѣе вожделѣнною, но и ты самъ окажешься гораздо почтеннѣйшимъ и благороднѣйшимъ. Нѣтъ, подлинно нѣтъ ничего постыднѣе человѣка, который блудодѣйствуетъ послѣ брака. Онъ чувствуетъ стыдъ не только предъ тестемъ и друзьями и встрѣчными, но и предъ самыми рабами. И не только это зло постигаетъ его, но и самый домъ кажется ему несноснѣе всякой темницы, тогда какъ онъ имѣетъ предъ глазами возлюбленную и постоянно мечтаетъ о блудницѣ.

5. Хочешь ли узнать въ точности, какъ велико это зло? Представь, какую жизнь ведутъ тѣ, которые подозрѣваютъ своихъ женъ, какъ непріятна имъ пища, непріятно питье. Имъ кажется, что столъ ихъ наполненъ отравами, и какъ отъ заразы, бѣгутъ они отъ своего дома, исполненнаго безчисленныхъ золъ. Нѣтъ у нихъ сна, не приноситъ имъ спокойствія ни ночь, ни общество друзей, ни самые лучи солнца; но самый свѣтъ считаютъ они несноснымъ для себя не только тогда, когда видятъ, что жена предается прелюбодѣянію, но даже если только подозрѣваютъ ее въ этомъ. Подумай же, что и жена терпитъ то же самое, когда слы-
216 шитъ отъ кого-нибудь, или только подозрѣваетъ, что ты предалъ себя блудной женщинѣ. Представляя это, не только избѣгай прелюбодѣянія, но не подавай повода и къ подозрѣніямъ; а если жена будетъ подозрѣвать несправедливо, то успокой ее и разувѣрь. Не по враждѣ, или гордости она дѣлаетъ это, но отъ заботливости и отъ того, что очень боится за свою собственность. Твое тѣло, какъ я выше сказалъ, есть ея собственность, и собственность драгоцѣннѣе всякаго имущества. Не обижай же ея въ важнѣйшемъ предметѣ и не наноси ей смертельной раны. Если презираешь ее, то побойся Бога, мстителя за такія дѣла, который угрожаетъ невыносимыми наказаніями за такіе грѣхи, потому что о тѣхъ, которые осмѣливаются дѣлать это, Господь говоритъ: *червь не умираетъ, и огонь не погасаетъ* (Марк. IX, 48). Еслиже не очень устрашаетъ тебя будущее, то побойся по крайней мѣрѣ настоящаго; многіе изъ тѣхъ, которые прилѣпляются къ блудницамъ, и здѣсь *злые злѣ погибли* (Матѳ. XXI, 41), пострадавъ отъ козней распутныхъ женщинъ. Онѣ, стараясь другъ передъ другомъ отклонить человѣка отъ сожительницы, соединенной съ нимъ бракомъ, и вполнѣ подчинить его своей любви, прибѣгали къ волшебствамъ, составляли чары и употребляли много обаяній; потомъ подвергнувъ его такимъ образомъ тяжкой болѣзни, предавъ тлѣнію и продолжительному гніенію и навлекши на него тысячи золъ, лишали настоящей жизни. Если ты, человѣкъ, не страшишься геенны, то побойся ихъ обаяній. Когда ты чрезъ такое распутство сдѣлаешься чуждымъ божественнаго содѣйствія

и лишишь себя вышней помощи, тогда блудница, смѣло взявъ тебя и призвавъ своихъ бѣсовъ, составивъ чары и устроивъ козни, весьма легко повредить твоему спасенію и выставить тебя на позоръ и посмѣяніе всѣмъ жителямъ города, такъ что они даже не пожалѣютъ о твоемъ злополучіи. И *кто помилуетъ*, говоритъ премудрый, *обаянника змѣемъ уязвлена, и всѣхъ приступающихъ къ звѣремъ* (Сирах. XII, 13)? Не говорю уже о потерѣ имущества, объ ежедневныхъ подозрѣніяхъ, надменности, наглости, оскорбленіи, которое блудницы дѣлаютъ глупцамъ; это горьче тысячи смертей. Отъ жены часто ты не переносишь и одного тяжелаго слова, а передъ блудницею, когда она даже бьетъ тебя, благоговѣешь. И ты не стыдишься, не краснѣешь, не желаешь, чтобы предъ тобою разверзлась земля? Какъ можешь ты войти въ церковь и воздѣть руки къ небу? Какъ призовешь Бога устами, которыми ты цѣловалъ блудницу? И ты не трепещешь, скажи мнѣ, и не боишься, чтобы когда-нибудь молнія, упавши свыше, не сожгла твою безстыдную голову? Хотя бы ты и укрылся отъ своей обиженной жены, но никогда не укроешься отъ недремлющаго ока. Такъ и тому прелюбодѣю, который говорилъ: *тма окрестъ мене и стѣны, кого убоюся*, премудрый отвѣчалъ: *очи Господни тмами темъ кратъ свѣтлѣйшіи солнца суть, прозирающіи* дѣла *человѣческія* (Сир. XXIII, 26—28). По всему этому и сказалъ Павелъ: *кійждо свою жену да иматъ, и каяждо (жена) своего мужа да иматъ. Женѣ мужъ должную любовь да воздаетъ: такожде и жена мужу* (1 Кор. VII, 2, 3). *Медъ каплетъ отъ устенъ жены блудницы, яже на время наслаждаетъ твой гортань, послѣди же горчае желчи обрящеши, и изощренну паче* 217
меча обоюдуостра (Притч. V, 3, 4). Поцѣлуй блудницы заключаетъ въ себѣ ядъ, ядъ тайный и скрытный. Зачѣмъ же ты гоняешься за удовольствіемъ, которое ведетъ къ осужденію, производитъ гибель, наноситъ неизлѣчимую рану, тогда какъ можно получать удовольствіе, не подвергаясь никакому злу? Съ свободною женою и удовольствіе, и безопасность, и покой, и честь, и красота, и добрая совѣсть; а тамъ великая горечь, великій вредъ, постоянное осужденіе. Хотя бы никто изъ людей не видалъ, совѣсть никогда не перестанетъ осуждать тебя; куда бы ты ни пошелъ, этотъ обвинитель будетъ слѣдовать за тобою, осуждая и громко взывая противъ тебя. Такимъ образомъ, кто ищетъ удовольствія, тотъ особенно и пусть избѣгаетъ общенія съ блудницами, потому что нѣтъ ничего горьче этой привычки, ничего непріятнѣе этого общенія, ничего порочнѣе этихъ нравовъ. *Елень любве и жребя твоихъ благодатей да бесѣдуетъ тебѣ: источникъ твоея воды да будетъ тебѣ* источникомъ (Притч. V, 19, 18). Имѣя чистый источникъ воды, для чего ты бѣжишь къ болоту, наполненному грязью, пах-

нущему геенною и невыразимымъ наказаніемъ? Какое ты будешь имѣть оправданіе, какое прощеніе? Если предающіеся блуду прежде брака осуждаются и наказываются, подобно тому человѣку, который былъ одѣтъ въ грязныя одежды, то тѣмъ болѣе—послѣ
218 брака. Здѣсь бываетъ двойное и тройное преступленіе, какъ потому, что они, наслаждаясь удовольствіемъ, устремились къ такому распутству, такъ и потому, что это дѣло не только блудъ, но признается и прелюбодѣяніемъ; это тяжелѣе всякаго грѣха. Будемъ же постоянно повторять это и самимъ себѣ и женамъ; поэтому и я заключу рѣчь тѣми же словами: *но блудодѣянія ради кійждо свою жену да имать, и кояждо (жена) своего мужа да имать. Женѣ мужъ должную любовь да воздаетъ, такожде и жена мужу. Жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ: такожде и мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена* (1 Кор. VII, 2—4). Тщательно соблюдая эти слова, и на площади, и дома, и днемъ, и вечеромъ, и за столомъ, и на ложѣ, и вездѣ, будемъ и сами стараться, и женъ научать, и мы говорить, и намъ говорить такъ, чтобы, цѣломудренно проживъ настоящую жизнь, сподобиться намъ и царства небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на слова: жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея: аще же умретъ, свободна есть, за него же хощетъ посягнути, точію о Господѣ: блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ (1 Кор. VII, 39—40).

217 1. Недавно блаженный Павелъ преподавалъ намъ законъ о бракѣ и правахъ брака, говоря въ посланіи къ Коринѳянамъ такъ: *о нихже писасте ми: добро человѣку женѣ не прикасатися: но блудодѣянія ради кійждо свою жену да имать, и каяждо (жена) своего мужа да имать* (1 Кор. VII, 1, 2). Поэтому и мы цѣлую бесѣду посвятили этимъ словамъ. Сегодня опять нужно бесѣдовать съ вами о томъ же предметѣ, потому что и сегодня тотъ же Павелъ говоритъ о томъ же. Вы слышали его вѣщаніе и изреченія: *жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея: аще же умретъ мужъ ея, свободна есть, за негоже хощетъ по-*

сягнути, точію о Господѣ: блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ, по моему совѣту: мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти (1 Кор. VII, 39, 40). Послѣдуемъ же за нимъ и сегодня, и будемъ бесѣдовать объ этомъ предметѣ, потому что, слѣдуя за Павломъ, чрезъ него мы непремѣнно будемъ слѣдовать за Христомъ, такъ какъ и онъ писалъ все не самъ по себѣ, а слѣдуя Христу. Подлинно, не маловажное дѣло—бракъ благоустроенный; равно какъ для тѣхъ, которые живутъ въ немъ не надлежащимъ образомъ, онъ бываетъ причиною множества несчастій. Жена какъ бываетъ помощницею, такъ часто бываетъ и вредительницею. Бракъ есть какъ пристань, такъ и кораблекрушеніе, не по своему свойству, но по расположенію худо живущихъ въ немъ. Кто соблюдаетъ его должнымъ образомъ по законамъ, тотъ послѣ дѣлъ на торжищѣ и всѣхъ разнообразныхъ золъ находитъ нѣкоторое утѣше- 218
ніе и отраду въ своемъ домѣ и въ своей женѣ; а кто принимаетъ на себя это дѣло необдуманно и какъ случилось, тотъ, хотя бы на торжищѣ наслаждался великимъ миромъ, по прибытіи домой встрѣчаетъ скалы и подводные камни. Поэтому, такъ какъ намъ предстоитъ опасность не въ маловажномъ дѣлѣ, то необходимо со вниманіемъ слушать сказанное и, кто намѣревается вступить въ бракъ, дѣлать это согласно съ законами Павла, или—лучше—съ законами Христа. Знаю, что многимъ эти слова кажутся новыми и странными; но не смотря на это, я не буду молчать, а напередъ прочитавъ вамъ законъ, потомъ постараюсь разрѣшить кажущееся въ немъ противорѣчіе. Какой же это законъ, который предложилъ намъ Павелъ? *Жена*, говоритъ онъ, *привязана есть закономъ*. Итакъ она не должна отдѣляться отъ живого мужа, принимать другого супруга, или вступать въ другой бракъ. И замѣть, съ какою точностію онъ употребляетъ самыя выраженія. Не сказалъ: пусть живетъ вмѣстѣ съ мужемъ, пока онъ живъ, но что? *Жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея*, такъ что, хотя бы онъ далъ ей запись отпущенія, хотя бы она оставила домъ и ушла къ другому, она связана закономъ, она и въ такомъ случаѣ—прелюбодѣйка.

Поэтому, если мужъ захочетъ отвергнуть жену, или жена оставитъ мужа, то пусть вспомнитъ это изреченіе и представитъ присущимъ Павла, который, осуждая ее, вѣщаетъ: *жена привязана есть закономъ*. Какъ бѣглые рабы, хотя оставляютъ господскій домъ, влекутъ за собою и свои цѣпи, такъ и жены, хотя бы оставили мужей, имѣютъ вмѣсто цѣпей законъ, который осуждаетъ 219
ихъ, обвиняетъ въ прелюбодѣяніи, осуждаетъ и тѣхъ, которые берутъ ихъ, и говоритъ: мужъ еще живъ, и дѣло это есть прелюбодѣяніе. *Жена привязана есть закономъ, въ елико время жи-*

ветъ мужъ ея. И *всякъ, иже пущеницу поиметъ, прелюбодѣйствуетъ* (Матѳ. v, 32). Когда же, скажешь, можно будетъ ей вступить во второй бракъ? Когда? Когда она освободится отъ цѣпей, когда умретъ мужъ. Объясняя это, апостолъ не прибавилъ такъ: когда *скончается* мужъ ея, она свободна выйти, за кого хочетъ, но: *аще умретъ* (κοιμηθῇ, упокоится),—какъ бы утѣшая ее во вдовствѣ и внушая оставаться при прежнемъ и не соединяться со вторымъ супругомъ. Не умеръ мужъ твой, а спитъ. Кто не ожидаетъ спящаго? Поэтому онъ и говоритъ: *аще же умретъ, свободна есть за негоже хощетъ посягнути*; не сказалъ: пусть вступаетъ въ бракъ, чтобы не показалось, будто онъ заставляетъ и принуждаетъ; онъ и не препятствуетъ желающей вступить во второй бракъ, и не заставляетъ нежелающую, но сказалъ законъ такой: *свободна есть за негоже хощетъ посягнути.* Называя ее свободною послѣ смерти мужа, онъ выразилъ, что прежде этого, при его жизни, она была рабою; а будучи рабою и подчиненною закону, хотя бы она получила тысячу разъ запись отпущенія, она по закону виновна въ прелюбодѣяніи. Рабамъ позволительно перемѣнять живыхъ господъ, а женѣ непозволительно перемѣнять мужей, при жизни мужа, потому что это — прелюбодѣяніе. Не указывай мнѣ на законы, постановленные внѣшними, дозволяющіе давать запись отпущенія и разводиться. Не по этимъ законамъ будетъ судить тебя Богъ въ тотъ день, а по тѣмъ, которые Онъ самъ постановилъ. И мірскіе законы дозволяютъ это не просто и не безъ ограниченія, но и они наказываютъ за это дѣло, такъ что и отсюда видно, что они неблагосклонно смотрятъ на этотъ грѣхъ, потому что виновницу развода они лишаютъ имущества и отпускаютъ безъ всего, и того, кто подаетъ поводъ къ разводу, наказываютъ денежнымъ убыткомъ; а они, конечно, не поступали бы такъ, если бы одобряли это дѣло.

2. Что же Моисей? И онъ дѣлалъ это по той же причинѣ. Но ты послушай Христа, который говоритъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. v, 20). Послушай также слѣдующихъ словъ Его: *отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати, и иже пущеницу поиметъ, прелюбодѣйствуетъ* (Матѳ. v, 32). Для того и пришелъ Единородный Сынъ Божій, для того принялъ зракъ раба, для того пролилъ драгоцѣнную кровь Свою, разрушилъ смерть, попралъ грѣхъ, даровалъ обильнѣйшую благодать Духа, чтобы возвести тебя къ высшему любомудрію. Впрочемъ и Моисей постановилъ такой законъ не безъ причины, но будучи вынужденъ снизойти къ немощи тѣхъ, которымъ онъ давалъ законъ. Они были скоры на убійство, родственною кровію

наполняли домы и не щадили ни своихъ, ни чужихъ; поэтому, чтобы они въ домахъ не убивали женъ, которыя сдѣлались имъ непріятными, онъ заповѣдалъ разводиться, предупреждая бóльшее зло—удобство къ убійствамъ. А что они были склонны къ убійству, послушай самихъ пророковъ, которые говорятъ: *созидающіи Сіона кровми и Іерусалима неправдами* (Мих. ш, 10); еще: *кровь съ кровми мѣшаютъ* (Ос. IV, 2); и еще; *руки ваша исполнены крове* (Ис. I, 15). А что они неистовствовали не только 220
противъ чужихъ, но и противъ своихъ, и на это указываетъ пророкъ, когда говоритъ: *и пожроша сыны своя и дщери своя бѣсовомъ* (Псал. CV, 37). А не щадившіе дѣтей своихъ не стали бы щадить женъ. Чтобы этого не было, Моисей и далъ такое дозволеніе. Поэтому и іудеямъ, которые спрашивали и говорили: какъ *Моисей заповѣда дати книгу распустную,* Христосъ, желая показать, что Моисей не въ противорѣчіе Ему написалъ этотъ законъ, говоритъ такъ: *Моисей по жестосердію вашему повелѣ, изъ начала же не бысть тако,* но *сотворивый искони мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть* (Матѳ. XIX, 4—19). Если бы это было хорошо, говоритъ, то Богъ не сотворилъ бы одного мужа и одну жену, но, сотворивъ одного Адама, сотворилъ бы двухъ женъ, если бы хотѣлъ, чтобы можно было одну отвергнуть, а другую принять; а здѣсь самымъ способомъ сотворенія Онъ постановилъ законъ, который теперь Я предписываю. Какой же именно? Тотъ, чтобы ту жену, которая сначала досталась, имѣть при себѣ постоянно; этотъ законъ древнѣе того, и настолько, насколько Адамъ древнѣе Моисея. Такимъ образомъ Я теперь не ввожу новаго закона, и не предлагаю страннаго ученія, но такое, которое старѣе и древнѣе Моисея. Не излишне выслушать и самый законъ Моисея, который онъ постановилъ объ этомъ. *Аще кто поиметъ жену,* говоритъ онъ, *и поживетъ съ нею, и будетъ аще не обрящетъ благодати предъ нимъ, яко обрѣте въ ней срамное дѣло,* (*да*) *напишетъ ей книгу отпущенія, и вдастъ* ей *въ руцѣ ея* (Втор. XXIV, 1). Смотри, онъ не сказалъ: пусть напишетъ и пусть дастъ, но что? *Напишетъ ей книгу отпущенія и дастъ ей въ руцѣ ея.* Между тѣмъ и другимъ великое различіе. Сказать: пусть напишетъ и пусть дастъ, свойственно повелѣвающему и требующему; а сказать: *напишетъ ей книгу отпущенія и дастъ ей въ руцѣ ея,* свойственно повѣствующему о томъ, что бываетъ, а не отъ себя предписывающему законъ. Если кто, говоритъ онъ, отвергнетъ жену *и отпуститъ ю изъ дому своего, и отшедши будетъ (жена) мужу иному, и аще возненавидитъ ю мужъ вторый, и напишетъ ей книгу отпущенія, и дастъ въ руцѣ ея, и отпуститъ ю изъ дому своего, или умретъ мужъ ея (вторый), иже бѣ ю поялъ себѣ въ жену, не возмо-*

жетъ мужъ первый отпустивый ю, возвратить и *пояти ю себѣ въ жену* (Втор. XXIV, 2—4). Потомъ въ знакъ того, что онъ не одобряетъ этого дѣла и не считаетъ его бракомъ, но снисходитъ къ немощи ихъ, послѣ того какъ сказалъ: *не возможетъ мужъ первый пояти ю себѣ въ жену,* онъ присовокупилъ: *по оскверненіи ея,* объясняя самымъ образомъ выраженія, что второй бракъ, при жизни перваго мужа, есть скорѣе оскверненіе, чѣмъ бракъ. Поэтому онъ и не сказалъ: по вступленіи ея въ бракъ. Видишь, что онъ говоритъ согласно съ Христомъ? Потомъ приводитъ и причину: *яко гнусно есть предъ Богомъ.* Такъ говоритъ Моисей; а пророкъ Малахія гораздо яснѣе Моисея выражаетъ то же самое, или—лучше—не Малахія, но Богъ чрезъ Малахію, и говоритъ такъ: *аще ли достойно призрѣти на жертву вашу, или пріяти пріятно изъ рукъ ва-*
221 *шихъ?* Потомъ, сказавъ это, говоритъ: *чесо ради жену юности твоя оставилъ еси,*—и желая показать, сколь велико это зло, и лишить сдѣлавшаго это всякаго оправданія, дальнѣйшими словами усиливаетъ осужденіе, продолжая такъ: *и та общница твоя, и жена завѣта твоего, и останокъ духа твоего,* и не иной *сотвори,* (Малах. II, 14. 15). Смотри: сколько онъ исчисляетъ правъ: во-первыхъ, со стороны возраста, *жена юности твоея;* далѣе, со стороны потребности: *и та общница твоя;* потомъ, со стороны образа сотворенія: *останокъ духа твоего.*

3. Ко всему этому Малахія прибавляетъ то, что важнѣе всего—достоинство Создателя, что̀ означаютъ слова: *не иной сотвори.* Ты не можешь, говоритъ, сказать, что тебя сотворилъ Богъ, а ее не Богъ, но нѣкто другой низшій Его, потому что одинъ и тотъ же привелъ въ бытіе ихъ обоихъ; итакъ, если не по чему другому, то по уваженію къ этому питай къ ней любовь. Если часто для рабовъ, ссорящихся другъ съ другомъ, служитъ побужденіемъ къ согласію то, что они должны служить одному и то̀му же господину, то тѣмъ больше такъ должно быть между нами, когда мы оба имѣемъ одного и того же Создателя и Владыку. Видишь ли, какъ еще въ ветхомъ завѣтѣ получили свое начало и предъуготовленіе заповѣди новаго любомудрія? Такъ какъ (іудеи) долгое время были воспитываемы закономъ и должны были перейти къ совершеннымъ заповѣдямъ, и ихъ общественныя учрежденія уже достигали конца, то пророкъ въ надлежащее время и ведетъ ихъ къ этому любомудрію. Будемъ же повиноваться такому прекрасному закону и хранить себя отъ всякаго стыда, не будемъ ни отвергать своихъ женъ, ни принимать отвергнутыхъ другими. Съ какимъ лицомъ ты будешь смотрѣть на мужа этой жены, какими глазами—на его друзей и слугъ? Если по смерти супруга взявшій его жену, увидѣвъ потомъ предъ собою одно только изображеніе

его, испытываетъ тяжелое и непріятное чувство, то видящій живого мужа своей сожительницы какую будетъ вести жизнь? Какъ будетъ входить въ домъ? Съ какими мыслями, какими глазами будетъ видѣть въ женѣ его свою?

Или—лучше—отпущенную никто не могъ бы справедливо назвать женою ни его, ни своею, потому что прелюбодѣйка—ничья жена. Она и въ отношеніи къ тому нарушила условія, и къ тебѣ пришла не согласно съ законами. Какимъ же было бы безуміемъ—вводить въ домъ то, что̀ исполнено такихъ золъ? Развѣ есть недостатокъ въ женщинахъ? Для чего же, тогда какъ есть много такихъ, которыхъ можно брать согласно съ законами и съ чистою совѣстію, мы обращаемся къ запрещеннымъ, разстроивая домы, производя междоусобныя брани, навлекая на себя вездѣ вражду, отверзая уста безчисленному множеству осуждающихъ, посрамляя собстненную жизнь и, что̀ всего тяжелѣе, приготовляя себѣ неизбѣжное наказаніе въ день суда? Въ самомъ дѣлѣ, что скажемъ мы тогда имѣющему судить насъ, когда, представивъ законъ и прочитавъ, Онъ скажетъ: Я повелѣлъ не брать отпущенной жены, сказавъ, что это дѣло—прелюбодѣяніе; какъ же ты осмѣлился 222
вступить въ запрещенный бракъ? Что̀ мы скажемъ и что̀ будемъ отвѣчать? Тамъ уже нельзя сослаться на свѣтскіе законы, но необходимо въ молчаніи и связанными идти въ геенскій огонь вмѣстѣ съ прелюбодѣями и осквернившими чужіе браки, потому что и отвергнувшій жену безъ причины, состоящей въ прелюбодѣяніи, и женившійся на отвергнутой, при жизни мужа, наказываются одинаково вмѣстѣ съ отвергнутою. Поэтому увѣщеваю, прошу и умоляю, мужей—не отвергать женъ, и женъ—не оставлять мужей, но слушать Павла, который говоритъ: *жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея: аще же умретъ мужъ ея, свободна есть за негоже хощешъ посягнути, точію о Господѣ.*

Какое же могутъ получить прощеніе тѣ, которые, не взирая на Павла, дозволяющаго и второй бракъ по смерти супруга и предоставляющаго такую свободу, осмѣливаются дѣлать это прежде смерти супруга? Какое могутъ имѣть оправданіе какъ тѣ, которые берутъ женъ при жизни мужей ихъ, такъ и тѣ, которые ходятъ къ общественнымъ блудницамъ? Вѣдь и это другой видъ прелюбодѣянія: имѣя дома жену, входить въ общеніе съ блудницами. Какъ жена, имѣющая мужа, отдавая себя рабу или комунибудь свободному, не имѣющему жены, дѣлается виновною предъ законами въ прелюбодѣяніи, такъ если и мужъ, имѣющій жену, грѣшитъ хотя бы съ общественною блудницею, хотя бы съ другою женщиною, не имѣющею мужа, то это дѣло признается прелюбодѣяніемъ. Итакъ, будемъ убѣгать и этого вида прелюбодѣянія. Вѣдь что̀

мы можемъ сказать, на что сошлемся, рѣшаясь на такія дѣла? Какой представимъ благовидный предлогъ? Естественное пожеланіе? Но предъ нами стоитъ данная намъ жена и лищаетъ насъ этого оправданія. Для того и установленъ бракъ, чтобы ты не блудодѣйствовалъ. Или — лучше — не только жена, но и многіе другіе, имѣющіе одно и то же съ нами естество, лишаютъ насъ этого оправданія. Когда подобный тебѣ рабъ, одаренный такимъ же тѣломъ, имѣющій такое же пожеланіе, побуждаемый такою же потребностію, не смотритъ ни на какую другую женщину, но остается довольнымъ одною своею женою, то какимъ оправданіемъ можетъ быть для тебя ссылка на пожеланіе? Но что я говорю объ имѣющихъ женъ? Представь себѣ людей, постоянно живущихъ въ въ дѣвствѣ, совершенно не причастныхъ браку и оказывающихъ великое цѣломудріе. Если же другіе безъ брака остаются цѣломудренными, то какое можешь получить прощеніе ты, блудодѣйствуя въ бракѣ? Пусть выслушаютъ это и мужья и жены, и вдовы и замужнія: ко всѣмъ, говоритъ Павелъ, и относится этотъ законъ: *жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея: аще же умретъ мужъ ея, свободна есть за негоже хощетъ посягнути, точію о Господѣ.* И имѣющимъ мужа, и не имѣющимъ, и вдовствующимъ, и вступающимъ во второй бракъ, и в сѣмъ вообще полезно это изреченіе. Имѣющая мужа не рѣшится, при жизни его, принадлежать другому, услышавъ, что она *привязана* къ нему, пока онъ живъ; также и лишившаяся мужа, если захочетъ вступить во второй бракъ, сдѣлаетъ это не просто и какъ случится, но согласно съ законами, постановленными Павломъ, который говоритъ: *свободна есть за негоже хощетъ посягнути, точію о Господѣ*, т. е. съ воздержаніемъ, съ честностію. Если же она рѣшится остаться вѣрною условіямъ съ умершимъ, то услышитъ о назначенныхъ ей вѣнцахъ, и укрѣпится въ своей рѣшимости. *Блаженнѣйша же есть,*
23 говоритъ апостолъ, *аще тако пребудетъ* (1 Кор. VII 40).

4. Видишь ли, какъ это изреченіе полезно для всѣхъ, снисходя къ немощи первыхъ и послѣднихъ не лишая принадлежащихъ имъ похвалъ? Какъ апостолъ поступилъ въ отношеніи къ браку и дѣвству, такъ и въ отношеніи къ первому и второму браку. Какъ тамъ онъ не запретилъ брака, чтобы не обременить немощнѣйшихъ, и не поставилъ его въ непремѣнную обязанность, чтобы желающихъ оставаться въ дѣвствѣ не лишить назначенныхъ вѣнцовъ, но показалъ, что бракъ—хорошее дѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ и объяснилъ, что дѣвство лучше; такъ точно и здѣсь опять онъ предлагаетъ намъ другія степени, объясняя, что вдовство лучше и выше, а второй бракъ—хуже и ниже, и такимъ образомъ ободряя сильнѣйшихъ и не желающихъ унижаться, и вмѣстѣ не

попуская пасть слабѣйшимъ. Сказавъ: *блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ*, и предупреждая, чтобы ты не подумалъ, будто это законъ человѣческій, услышавъ слова его: *по моему совѣту*, онъ присовокупилъ: *мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор. VII, 40). Поэтому ты не можешь сказать, что это—мнѣніе человѣческое, но это—опредѣленіе благодати Духа и законъ божественный. Итакъ, не будемъ думать, что это — слова Павла, но — Утѣшителя, который преподаетъ намъ такой законъ. Если же онъ говоритъ: *мнюся*, то говоритъ не какъ не знающій, но какъ умѣренный и скромный. Такимъ образомъ о томъ, что она *блаженнѣйша есть*, онъ сказалъ; а какъ *блаженнѣйша*, объ этомъ не прибавилъ, сдѣлавъ достаточное указаніе въ томъ, что онъ преподаетъ опредѣленіе Духа. Если же ты хочешь изслѣдовать это и сужденіемъ, то найдешь здѣсь великое обиліе доказательствъ, и увидишь, что вдова блаженнѣе не только по отношенію къ будущему вѣку, но и въ настоящей жизни. Это самое разумѣлъ Павелъ, какъ онъ и выразилъ, говоря о дѣвахъ. Увѣщевая и совѣтуя избрать дѣвство, онъ сказалъ такъ: *мню, яко добро человѣку тако быти за настоящую нужду*; и далѣе: *и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть* (1 Кор VII, 26, 28), разумѣя здѣсь не такую дѣву, которая отказалась вступать въ бракъ, но только не испытавшую брака, а не ту, которая обязалась обѣтомъ постояннаго дѣвства. *Скорбь же плоти имѣти будутъ таковіи, азъ же васъ щажду*. Этимъ однимъ простымъ словомъ онъ предоставилъ благоразумному слушателю припомнить все, и болѣзни рожденія, и воспитаніе дѣтей, и заботы, и болѣзни, и безвременныя смерти, и несогласія, и ссоры, и угожденіе безчисленному множеству мнѣній, и отвѣтъ за чужіе грѣхи, и принятіе безчисленныхъ скорбей въ одну душу. Отъ всѣхъ этихъ золъ избавляется избравшая дѣвство, и вмѣстѣ съ избавленіемъ отъ непріятностей имѣетъ въ надеждѣ великую награду въ будущей жизни. Зная все это, постараемся довольствоваться первымъ бракомъ; если же готовимся вступить во второй, то — надлежащимъ образомъ и съ должнымъ настроеніемъ, по законамъ Божіимъ. Поэтому апостолъ и сказалъ: *свободна есть за негоже хощетъ посягнути* и присовокупилъ: *точію о Господѣ*, предоставляя свободу и вмѣстѣ ограждая эту свободу, уступая власть и вмѣстѣ полагая этой власти предѣлы и законы со всѣхъ сторонъ, напр. — чтобы жена не принимала въ домъ мужей безпутныхъ и развратныхъ, или упражняющихся на зрѣлищахъ, или склонныхъ къ прелюбодѣянію, но съ честностію, съ цѣломудріемъ, съ благовѣніемъ, чтобы все дѣлалось во славу Божію. Такъ какъ 224
часто многія жены, по смерти первыхъ мужей, сначала предавались блудодѣянію, а потомъ принимали слѣдующихъ, и при-

думывали другіе нечистые способы жизни, то онъ и прибавилъ: *точію о Господѣ*, — чтобы второй бракъ не имѣлъ ничего подобнаго. Такимъ образомъ вдова можетъ избавиться отъ обвиненій. Всего лучше — ожидать умершаго мужа и соблюдать условія съ нимъ, избрать воздержаніе и находиться при оставшихся дѣтяхъ, чтобы пріобрѣсти большое благоволеніе отъ Бога. Если же кто захочетъ вступить во второй бракъ, то нужно дѣлать это съ цѣломудріемъ, — съ честностію, согласно съ законами, — потому что и это дозволяется, а запрещается только блудъ и прелюбодѣяніе. Его будемъ избѣгать, и имѣющіе женъ и не имѣющіе; не станемъ срамить свою жизнь, проводить смѣшной образъ жизни, осквернять тѣло, носить въ душѣ нечистую совѣсть. Какъ можешь ты войти въ церковь послѣ бесѣды съ блудницами? Какъ будешь простирать къ небу руки, которыми ты обнималъ блудницу? Какъ двигать языкъ и призывать Бога тѣми устами, которыми ты цѣловалъ блудницу? Какими глазами будешь смотрѣть на честнѣйшихъ изъ друзей? Но что я говорю о друзьяхъ? Хотя бы и никто не зналъ объ этомъ, ты самъ принужденъ будешь стыдиться себя самого и краснѣть предъ всѣми, а больше всего отвращаться отъ собственнаго тѣла. Если это не такъ, то почему ты послѣ такого грѣха бѣжишь въ умывальницу? Не потому ли, что ты считаешь самъ себя не чище всякой грязи? Какого другого желаешь ты бо́льшаго доказательства нечистоты дѣла, или какого ожидаешь опредѣленія отъ Бога, когда ты самъ, согрѣшившій, имѣешь такое понятіе объ этомъ дѣлѣ?

То, что сами себя признаютъ нечистыми, я весьма хвалю и и одобряю, а то, что принимаются не за надлежащій способъ очищенія, осуждаю и укоряю. Если бы это была только нечистота тѣлесная, то справедливо ты могъ бы очищать себя умовеніемъ въ умывальницѣ; но когда ты осквернилъ душу и сдѣлалъ ее нечистою, то ищи такого очищенія, которое могло бы смыть ея нечистоту. Какое же есть средство омовенія отъ этого грѣха? Горячіе источники слезъ, воздыханія, исходящія изъ глубины сердца, постоянное сокрушеніе, усердныя молитвы, милостыни и щедрыя милостыни, осужденіе сдѣланнаго, рѣшимость больше не дѣлать такихъ дѣлъ; такъ грѣхъ существенно смывается, такъ очищается нечистота души; а если мы не сдѣлаемъ этого, то хотя бы побывали во всѣхъ источникахъ рѣкъ, мы не будемъ въ состояніи смыть и малой части этого грѣха. Итакъ, гораздо лучше — и не испытывать этого отвратительнаго грѣха. Но если кто когда — нибудь падетъ, то пусть прилагаетъ тѣ врачества, давъ напередъ обѣщаніе—больше не впадать въ то же самое. А если мы, согрѣшивъ, будемъ осуждать уже сдѣланное, и потомъ опять начинать

то же, то не будетъ намъ никакой пользы отъ очищенія. Кто омывается и потомъ опять оскверняется тою же грязью, и кто разрушаетъ то, что построилъ и опять строитъ, чтобы разрушить, тотъ не пріобрѣтаетъ ничего больше, какъ только работаетъ и трудится напрасно. Такъ и мы, чтобы намъ не истратить жизни тщетно и напрасно, очистимъ прежніе грѣхи, и всю остальную жизнь будемъ проводить въ цѣломудріи, въ честности и въ прочихъ добродѣте- 225—226
ляхъ, чтобы, снискавъ себѣ милость Божію, удостоиться намъ царства небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛА

Максиму, и о томъ, какихъ должно брать женъ.

1. О томъ, что я не былъ въ прошедшемъ собраніи вашемъ, 225
я скорблю; а о томъ, что вы наслаждались обильнѣйшею трапезою, радуюсь. Влекущій вмѣстѣ со мною ярмо тогда провелъ намъ борозду, посѣялъ сѣмена обильною рѣчью и съ великою ревностію воздѣлалъ ваши души. Вы видѣли очищенный языкъ, слышали обработанную рѣчь, наслаждались водою, текущею въ жизнь вѣчную, созерцали источникъ, производящій рѣки чистаго золота. Говорятъ о нѣкоторой рѣкѣ, что она приноситъ частицы золота живущимъ при ней людямъ, не потому, чтобы вода по природѣ своей производила золото, но потому, что источники этой рѣки протекаютъ по металлическимъ горамъ, и рѣка, промывая тѣ горы и увлекая золотоносную землю, дѣлается сокровищемъ для жителей, доставляя имъ готовое богатство. Такой рѣкѣ подражалъ и этотъ учитель, напередъ проходя по Писаніямъ, какъ бы по металлическимъ горамъ, и потомъ принося душамъ вашимъ мысли, драгоцѣннѣе всякаго золота. Знаю, что наша рѣчь, покажется вамъ сегодня болѣе бѣдною. Вѣдь кто имѣетъ постоянно бѣдную трапезу, и между тѣмъ случайно приметъ участіе въ какой-нибудь богатѣйшей, а потомъ опять возвратится къ своей, тотъ еще болѣе почувствуетъ ея бѣдность. Но не смотря на то, я безъ лѣности приступлю къ дѣлу. Вы умѣете, научившись у Павла, *и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися* (Фил. IV, 12), и смотрѣть на богатыхъ и не презирать бѣдныхъ. Какъ любители вина и напитковъ радуются лучшему вину, но не отвращаются и отъ худшаго, такъ точно и вы, любя слушать божественныя изре-

ченія, радуетесь мудрѣйшимъ изъ учителей и къ менѣе совершеннымъ оказываете не малое усердіе и ревность. Люди сластолюбивые и изнѣженные бываютъ не довольны и дорогою трапезою; а благонамѣренные и трезвые, алкая и жаждая правды, съ великою охотою прибѣгаютъ и къ бѣдной. А что эти слова—не лесть, это весьма ясно вы доказали при прежней нашей бесѣдѣ съ вами. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы много говорили вамъ о бракахъ, доказывая, что отвергать женъ или брать отвергнутыхъ, при жизни прежнихъ мужей ихъ, значитъ несомнѣнно прелюбодѣйствовать, и читали законъ Христовъ, который говоритъ: *иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ, и отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати* (Матѳ. v, 32),—тогда я видѣлъ, какъ многіе, поникнувъ головою, ударяли себя по лицу и не могли подняться,—тогда и я, воззрѣвъ на небо, сказалъ: благословенъ Богъ, что мы проповѣдуемъ не мертвымъ ушамъ, но слова наши достигаютъ души слушателей
226 съ великою силою. Гораздо лучше — вовсе не грѣшить; но немаловажно для спасенія и то, чтобы согрѣшившій сокрушался, осуждалъ душу свою и съ великимъ тщаніемъ наказывалъ совѣсть свою; такое осужденіе есть часть оправданія и конечно ведетъ къ тому, чтобы больше не грѣшить. Поэтому и Павелъ, произведши печаль въ грѣшникахъ, радовался, не тому, что опечалилъ ихъ, но что посредствомъ печали исправилъ ихъ. *Радуюся*, говорилъ онъ, *не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе. Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ* (2 Кор. vii, 9, 10). Поэтому, о своихъ ли, или о чужихъ грѣхахъ вы скорбѣли тогда, вы достойны безчисленныхъ похвалъ. Кто скорбитъ о чужихъ, тотъ показываетъ апостольское состраданіе и подражаетъ тому святому, который говоритъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)? А кто терзается за свои грѣхи, тотъ избавляется отъ наказанія за дѣла, уже совершенныя, и въ будущемъ становится безопаснѣе посредствомъ этой скорби. Вотъ почему и я, видя поникшихъ головою, воздыхающихъ и ударяющихъ себя по лицу, радовался, представляя плоды этой печали. Поэтому и теперь я буду бесѣдовать съ вами о томъ же предметѣ, чтобы желающіе вступить въ бракъ, приступали къ этому дѣлу съ великою осмотрительностію. Если мы, намѣреваясь купить домы или рабовъ, изслѣдуемъ и развѣдываемъ и о продавцахъ, и о прежнихъ владѣльцахъ, также и касательно самыхъ продаваемыхъ — объ устройствѣ однихъ, о тѣлесномъ состояніи и душевномъ настроеніи другихъ; то гораздо больше намѣревающимся выбрать женъ должно имѣть такую же и еще бо́льшую

осмотрительность. Вѣдь худой домъ можно опять продать, и раба, оказавшагося негоднымъ, можно опять отдать продавшему, а взявшему жену нельзя опять отдать ее давшимъ, но совершенно необходимо имѣть ее при себѣ до конца, или, отвергнувъ ее за пороки, сдѣлаться виновнымъ въ прелюбодѣяніи по законамъ Божіимъ. Итакъ, когда ты намѣреваешься взять жену, то прочитай не внѣшніе только законы, но еще прежде нихъ законы, находящіеся у насъ, потому что по этимъ, а не по тѣмъ, будетъ судить тебя Богъ въ тотъ день; первые (законы), бывъ пренебрегаемы, часто причиняли денежный убытокъ; а послѣдніе, бывъ оставлены въ пренебреженіи, навлекаютъ на душу неизбѣжныя наказанія и неугасимый огонь.

2. А ты, когда намѣреваешься взять жену, бѣжишь съ великою заботливостью къ мірскимъ законникамъ и, не отступая отъ нихъ, со всею тщательностію развѣдываешь, что будетъ, если жена умретъ бездѣтною, что́ — если имѣя дитя, что́ — если имѣя двухъ или трехъ, какъ она будетъ пользоваться своимъ имѣніемъ при жизни отца, какъ послѣ его смерти, сколько на- 227
слѣдства перейдетъ къ ея братьямъ, и сколько къ супругу, когда онъ будетъ обладателемъ всего, такъ чтобы не позволить никому присвоить ни малѣйшей части ея имущества, и въ какомъ случаѣ онъ можетъ лишиться всего, — и о многомъ другомъ подобномъ ты развѣдываешь отъ нихъ и распрашиваешь, обсуждая и обозрѣвая все, чтобы никакимъ образомъ не перешло что-нибудь изъ имущества жены къ кому-нибудь изъ ея родственниковъ. Между тѣмъ, какъ я выше сказалъ, хотя бы и случилось что-нибудь неожиданное, убытокъ можетъ быть только денежный; однако ты не позволяешь себѣ ничего такого оставить безъ вниманія. Не безрасудно ли, — тогда, какъ намъ угрожаетъ потеря имущества, показывать такое усердіе, а тогда, какъ предстоитъ опасность нашей душѣ и отчетъ тамъ, не обращать никакого вниманія, между тѣмъ какъ слѣдовало бы прежде всего остального объ этомъ пещись, заботиться и развѣдывать.

Поэтому увѣщеваю и совѣтую тѣмъ, которые намѣреваются взять женъ, обратиться къ блаженному Павлу, прочитать написанные имъ законы о бракахъ и, узнавъ напередъ, что повелѣваетъ онъ дѣлать, когда случится жена злобная, коварная, преданная пьянству, злословная, безумная, или имѣющая какой-нибудь другой подобный недостатокъ, потомъ и разсуждать о бракѣ. Если ты увидишь, что онъ предоставляетъ тебѣ власть отвергать одну жену, когда найдешь въ ней одинъ изъ этихъ недостатковъ, и брать другую, то благодушествуй, избавившись отъ всякой опасности; а если онъ не позволяетъ этого, но повелѣваетъ жену, имѣющую всѣ прочіе недостатки, кромѣ прелюбодѣянія, любить

и держать въ своемъ домѣ, то охрани себя такъ, чтобы быть готовымъ переносить всю злобу жены. Если же это тяжело и трудно, то сдѣлай все и прими всѣ мѣры, чтобы взять жену добрую, благонравную и послушную, зная, что должно быть одно изъ двухъ, или, взявъ дурную жену, переносить ея злобу, или, не желая этого и отвергнувъ ее, быть виновнымъ въ прелюбодѣяніи. *Отпущаяй жену свою*, говоритъ Господь, *развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати, и иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ* (Матѳ. v, 32). Обсудивъ это хорошо прежде брака и узнавъ эти законы, будемъ всячески стараться, чтобы вначалѣ брать жену съ добрымъ настроеніемъ и соотвѣтствующую нашимъ нравамъ; взявъ такую, мы получимъ не только ту пользу, что никогда не отвергнемъ ея, но и будемъ любить ее съ великою силою—такъ, какъ повелѣлъ Павелъ. Онъ, сказавъ: *мужіе, любите своя жены*, не остановился только на этомъ, но показалъ намъ и мѣру любви: *якоже и Христосъ возлюби церковь* (Ефес. v, 25). А какъ, скажи мнѣ, Христосъ возлюбилъ церковь? Такъ, что предалъ Себя за нее. Поэтому, хотя бы надлежало умереть за жену, не отказывайся. Если Господь такъ возлюбилъ рабу, что предалъ за нее Себя самого, то тѣмъ болѣе тебѣ должно такъ любить подобную тебѣ рабу. Но посмотримъ, не красота ли этой невѣсты и добродѣтель ея души привлекли Жениха? Нельзя сказать это. Напротивъ, она была безобразна и нечиста, о чемъ можешь узнать изъ дальнѣйшаго. Сказавъ: *Себе предаде за ню*, апостолъ присовокупилъ: *да освятитъ ю, очистивъ банею водною* (Ефес, v, 26). Словами: *очистивъ ю*, онъ выразилъ, что прежде она была нечиста и осквернена, и притомъ не незначительною, но крайнею нечисто-
228 тою, потому что она оскверня̀лась смрадомъ и дымомъ, гноемъ и кровію, и множествомъ другихъ подобныхъ нечистотъ. Однако Онъ не отвратился отъ ея безобразія, но измѣнилъ непріятный видъ ея, пересоздалъ, исправилъ, простилъ ея грѣхи. Ему подражай и ты. Хотя бы множество грѣховъ сдѣлала противъ тебя супруга твоя, все отпусти и прости; хотя бы ты взялъ ее неблагонравною, исправь ее добротою и кротостію, какъ и Христосъ—Церковь. Онъ не только смылъ ея нечистоту, но изгладилъ и старость, истребивъ ветхаго человѣка, состоящаго изъ грѣховъ. Выражая также и это, Павелъ говоритъ: *да представитъ ю Себѣ славну церковь, не имущу скверны или порока* (Ефес. v, 27). Онъ сдѣлалъ ее не только прекрасною, но и молодою, не по свойствамъ тѣла, но по расположенію воли. И не только то удивительно, что Онъ, взявъ некрасивую, безобразную, гнусную и старую, не отвратился отъ ея безобразія, а еще предалъ Себя за нее на смерть и даровалъ ей невыразимую красоту, но и то, что и впослѣдствіи, видя ее часто оскверняющеюся

и получающею нечистоту, Онъ не отвергаетъ и не отстраняетъ ея отъ Себя, но постоянно врачуетъ и исправляетъ. Сколько людей, скажи мнѣ, послѣ принятія вѣры согрѣшали? Однако Онъ не отвратился отъ нихъ. Напримѣръ, у коринѳянъ блудникъ былъ членомъ церкви, но Богъ не отсѣкъ его, а исправилъ. Церковь галатская вся отступила и впала въ іудейство; и однако Онъ не отвергъ ея, но, исцѣливъ ее чрезъ Павла, возвелъ въ прежнее состояніе. Какъ въ тѣлахъ нашихъ, когда случится болѣзнь, мы не отсѣкаемъ члена, но истребляемъ болѣзнь,—такъ будемъ поступать и съ женою. Если будетъ въ ней какой-нибудь порокъ, то не жену отвергай, но истребляй этотъ порокъ. Жену можно исправить, а поврежденный членъ часто невозможно излѣчить; и однако мы, зная, что поврежденіе его неисцѣльно, не смотря на то не отсѣкаемъ его; часто многіе, имѣя кривую голень, хромую ногу, сухую и омертвѣвшую руку, или ослѣпшій глазъ, ни глаза не вырываютъ, ни ноги не отсѣкаютъ, ни руки не отрѣзываютъ, но видя, что для тѣла нѣтъ отъ нихъ никакой пользы, а напротивъ причиняется великое безобразіе для прочихъ членовъ, продолжаютъ имѣть ихъ по связи съ прочими членами. Поэтому не безразсудно ли, — тамъ, гдѣ исправленіе невозможно и пользы нѣтъ никакой, оказывать такую попечительность, а гдѣ добрыя надежды и удобное исправленіе, тамъ не употреблять врачеванія? Поврежденное отъ природы возстановить невозможно, а волю развращенную исправить возможно.

3. Если же скажешь, что и жена твоя больна неисцѣльно, и не смотря на великую попечительность твою не оставляетъ своего нрава, и тогда не должно отвергать ее, потому что и членъ больной неисцѣльно не отсѣкается. А она—членъ твой: *будета*, сказалъ Господь, *два въ плоть едину* (Быт. II, 24). Притомъ отъ попеченія о членѣ намъ не будетъ никакой пользы, если онъ останется больнымъ неисцѣльно; а за жену, если она остается неисцѣльно больною, предстоитъ намъ великая награда за то, что мы учимъ, руководимъ ее. Хотя бы она не получила никакой пользы отъ нашего наставленія, мы получимъ отъ Бога великую награду за терпѣніе, за то, что по страху предъ Нимъ мы оказывали 229
такое терпѣніе, кротко переносили злобу ея и держали ее, какъ членъ свой. Жена—необходимый членъ нашъ, и потому особенно должно любить ее. Этому самому научая, и Павелъ говорилъ: *тако должни суть мужіе любити своя жены, яко своя тѣлеса: Никто же бо когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю, якоже и* Христосъ *Церковь: зане уди есмы тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его* (Ефес. V, 28—30). Какъ Ева, говоритъ онъ, произошла изъ ребра Адамова, такъ и мы изъ ребра Христова. Это значитъ—

отъ плоти Его и отъ костей Его. Впрочемъ то, что Ева произошла изъ ребра Адамова, мы всѣ знаемъ и ясно сказано въ Писаніи, что Богъ навелъ на Адама *изступленіе*, и взялъ одно изъ реберъ его и создалъ жену; а то, что церковь произошла отъ ребра Христова, чѣмъ можно доказать? Писаніе объясняетъ и это. Когда Христосъ былъ вознесенъ на крестъ, пригвожденъ и умеръ, тогда *пришедше одинъ отъ воинъ* ребро *ему прободе, и изыде кровь и вода* (Іоан. xix, 34), и изъ этой крови и воды составилась вся церковь. Самъ Онъ свидѣтельствуетъ объ этомъ, когда говоритъ: *аще кто не возродится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе* небесное (Іоан. iii, 5). Кровь онъ называетъ духомъ. Мы рождаемся водою крещенія, а питаемся кровію. Видишь ли, какъ мы—отъ плоти Его и отъ костей Его, рождаясь и питаясь кровію Его и водою? И какъ во время сна Адамова создана была жена, такъ и во время смерти Христовой образовалась церковь изъ ребра Его. Но не потому только нужно любить жену, что она—членъ нашъ и отъ насъ получила начало своего существованія, но и потому, что объ этомъ самомъ Богъ поставилъ законъ, сказавъ такъ: *сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину* (Быт. ii, 24). Поэтому и Павелъ изрекъ намъ такой же законъ, чтобы всѣми мѣрами побудить насъ къ этой любви. И посмотри на мудрость апостольскую; не божественными только законами, и не человѣческими только онъ внушаетъ намъ любовь къ женамъ, но и тѣ и другіе приводитъ, перемѣшивая одни съ другими, чтобы высокій и любомудрый отъ высшихъ, а слабый отъ низшихъ и естественныхъ законовъ располагался къ любви. Поэтому, начиная съ благодѣяній Христовыхъ, онъ предлагаетъ увѣщаніе такъ: *любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби Церковь;* потомъ со стороны человѣческой: *тако должни суть мужіе любити своя жены, яко своя тѣлеса;* далѣе опять со стороны Христа: *зане уди есмы тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его;* затѣмъ опять со стороны человѣческой: *сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и при-*
230 *лѣпится къ женѣ своей;* и прочитавъ этотъ законъ, говоритъ: *тайна сія велика есть* (Ефес. v, 25—32). Почему, скажи мнѣ, она велика? Потому, что дѣвица, находившаяся все время внутри дома, никогда не видавшая жениха, съ перваго дня такъ привязывается и начинаетъ любить его, какъ собственное тѣло; равно и мужъ ту, которой онъ никогда не видалъ, съ которою никогда не разговаривалъ, съ перваго дня предпочитаетъ всѣмъ—и друзьямъ, и родственникамъ, и самимъ родителямъ. Также и родители, когда отнимаютъ у нихъ деньги по другому случаю, негодуютъ, сѣтуютъ и влекутъ отнявшихъ въ судилище; а человѣку, часто такому,

котораго они никогда не видали и не знали, вручаютъ и дочь свою и богатое приданое; притомъ дѣлаютъ это съ радостію, и не считаютъ отданнаго убыткомъ, но, видя дочь отводимую, не помнятъ о своей привычкѣ къ ней, не сѣтуютъ, не терзаются, а еще благодарятъ, и считаютъ вожделѣннымъ дѣломъ, видя уводимою изъ дома дочь и вмѣстѣ съ нею много богатства. Все это представляя, т. е. какъ оставляющіе родителей оба прилѣпляются другъ къ другу и тогдашній союзъ ихъ бываетъ сильнѣе столь долговременной привычки, и сознавая, что это не дѣло человѣческое, но Богъ внѣдрилъ такую любовь и устроилъ, что и отдающіе и отдаваемыя дѣлаютъ это съ радостію, Павелъ говоритъ: *тайна сія велика есть*. И какъ между дѣтьми, рожденное дитя при взглядѣ на родителей тотчасъ узнаетъ ихъ, еще не умѣя говорить,—такъ точно и женихъ и невѣста, безъ всякаго посредника, безъ чьего-нибудь увѣщанія и совѣта, при одномъ взглядѣ прилѣпляются другъ къ другу. Потомъ, замѣчая, что это же произошло и со Христомъ и въ особенности съ Церковію, апостолъ изумился и удивился. Какъ же это произошло со Христомъ и Церковію? Какъ женихъ, оставивъ отца, приходитъ къ невѣстѣ, такъ и Христосъ, оставивъ престолъ Отца, пришелъ къ невѣстѣ; не насъ возвелъ горѣ, но Самъ пришелъ къ намъ. Впрочемъ, когда ты слышишь, что Онъ оставилъ (Отца), разумѣй не переселеніе Его, но снисхожденіе, потому что, и будучи съ нами, Онъ былъ вмѣстѣ съ Отцомъ. Поэтому апостолъ и говоритъ: *тайна сія велика есть*. Она велика и въ отношеніи къ людямъ; а когда Я вижу, что это же самое произошло со Христомъ и Церковію, тогда я изумляюсь, тогда удивляюсь. Вотъ почему, сказавъ: *тайна сія велика есть*, онъ присовокупилъ: *азъ же глаголю во Христа и во церковь* (Ефес. v, 32). Итакъ, зная, сколь великое таинство—бракъ, и какого событія онъ есть образъ, не разсуждай о немъ просто и какъ случится, и не ищи обилія богатства, намѣреваясь взять невѣсту. Бракъ надобно считать не торговлею, а союзомъ жизни.

4. Я слыхалъ многихъ, которые говорили: такой-то, бывъ бѣднымъ, сдѣлался богатымъ посредствомъ брака; взявъ богатую жену, онъ разбогатѣлъ и теперь наслаждается. Что говоришь ты, человѣкъ? Ты хочешь получить прибыль отъ жены, и не стыдишься, не краснѣешь, не скрываешься въ землю, изыскивая такія способы пріобрѣтенія? Это ли слова мужа? Женѣ свойственно—только сберегать собираемое, сохранять доходы, заботиться о домѣ; для того Богъ и далъ ее, чтобы она помогала намъ въ этомъ и во всемъ прочемъ. Такъ какъ наша жизнь состоитъ изъ дѣлъ 231
двоякаго рода, общественныхъ и частныхъ, то Богъ, отдѣливъ одни

отъ другихъ, предоставилъ женѣ попеченіе о домѣ, а мужьямъ— всѣ дѣла гражданскія, дѣла на площади, судебныя, совѣщательныя, военныя и всѣ прочія. Жена не можетъ ни бросать копье, ни пускать стрѣлу, но можетъ взять прялку, ткать по основѣ и всѣ прочія домашнія дѣла хорошо исправлять. Она не можетъ подавать мнѣніе въ совѣтѣ, но можетъ подавать мнѣніе дома, и часто тѣ изъ домашнихъ дѣлъ, о которыхъ разсуждаетъ мужъ, она понимаетъ лучше его. Она не можетъ хорошо исправлять общественныя дѣла, но можетъ хорошо воспитывать дѣтей, а это— главное изъ пріобрѣтеній; можетъ замѣчать худыя дѣла служанокъ, заботиться о честности служащихъ, доставлять всѣ прочія удобства супругу и освобождать его отъ всякой подобной заботы въ домѣ, о сокровищахъ, о шерстяныхъ издѣліяхъ, о приготовленіи обѣда, о благообразіи одеждъ, заботясь обо всемъ такомъ, за что́ приниматься мужу и не прилично, и не удобно, хотя бы онъ употреблялъ много усилій. Подлинно, и то — дѣло промышленія и премудрости Божіей, что полезный въ важнѣйшихъ дѣлахъ бываетъ несвѣдущимъ и безполезнымъ въ менѣе важныхъ, чтобы необходимо было и занятіе жены. Если бы Онъ создалъ мужа способнымъ къ тому и другому, то женскій полъ былъ бы въ презрѣніи; съ другой стороны, если бы женѣ предоставилъ большее и полезнѣйшее, то жены стали бы надмеваться великою гордостію. Поэтому Онъ и не далъ того и другого одному, чтобы другой полъ не былъ униженъ и не казался лишнимъ, и не предоставилъ того и другого обоимъ равно, чтобы опять отъ равенства не произошло какой-нибудь борьбы и состязанія, когда жены стали бы домогаться одинаковой чести съ мужьями; но, промышляя о мирѣ и вмѣстѣ соблюдая свойственное каждому достоинство, Онъ раздѣлилъ нашу жизнь на двѣ части такъ, что необходимѣйшее и полезнѣйшее предоставилъ мужу, а меньшее и низшее—женѣ, чтобы первый по необходимости занятій его былъ нами уважаемъ, а послѣдняя по меньшей важности своего служенія не возставала противъ супруга.

Зная это всѣ, будемъ одного только искать (въ женахъ)— душевной добродѣтели и благородства нравовъ, чтобы наслаждаться миромъ, чтобы утѣшаться взаимнымъ согласіемъ и постоянною любовію. Кто взялъ богатую жену, тотъ взялъ себѣ болѣе госпожу, нежели жену. Если жены и безъ того бываютъ исполнены гордости и склонны къ честолюбію, то, когда и то будетъ имъ прибавлено, какъ онѣ могутъ быть сносными для супруговъ? А кто взялъ жену равную по состоянію, или бѣднѣйшую, тотъ взялъ себѣ помощницу и сотрудницу и внесъ въ домъ всѣ блага, потому что нужда бѣдности располагаетъ ее беречь своего мужа и во всемъ

слушаться его и повиноваться ему, и устраняетъ всякій поводъ къ несогласію, враждѣ, гордости и оскорбленію, а напротивъ, дѣлается союзомъ мира, единодушія, любви и согласія. Не будемъ же искать того, чтобы намъ получить денегъ, но чтобы наслаждаться миромъ и его пріятностями. Бракъ не для того, чтобы мы наполняли домы враждою и ненавистію, чтобы имѣли ссоры и распри, чтобы заводили несогласія другъ съ другомъ и дѣлали жизнь не въ жизнь, но для того, чтобы намъ пользоваться помощію, имѣть пристань, прибѣжище и утѣшеніе въ случающихся 232
бѣдствіяхъ, чтобы находить удовольствіе въ бесѣдѣ съ женою. Сколько богатыхъ, взявшихъ богатыхъ женъ, увеличившихъ свое состояніе, лишились и удовольствія и согласія, имѣя ежедневныя ссоры за столомъ, вступая въ состязанія? Сколько бѣдныхъ, которые взяли бѣднѣйшихъ женъ, и наслаждаются миромъ, и съ великою радостію взираютъ на это солнце; а богатые, при всей окружающей ихъ роскоши, изъ-за женъ молятъ себѣ смерти и освобожденія отъ настоящей жизни. Такъ, нѣтъ никакой пользы отъ богатства, если мы не найдемъ доброй души. Но что говорить о мирѣ и согласіи? Брать богатую жену часто бываетъ вредно и для самаго пріобрѣтенія богатства. Въ самомъ дѣлѣ, когда кто-нибудь издержитъ все свое состояніе, имѣя въ виду приданое жены, а потомъ приключится ей безвременная смерть, и онъ долженъ будетъ отдать все приданое ея родственникамъ, тогда, подобно тому какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе въ морѣ спасаютъ одно только свое тѣло, такъ точно и этотъ, послѣ многихъ непріятностей, ссоръ, распрей и судилищъ, едва выноситъ свободнымъ собственное тѣло. И какъ ненасытные изъ торговцевъ, наполнивъ корабль безчисленными тяжестями и наложивъ грузъ больше его силы, потопляли корабль и теряли все, такъ точно и вступающіе въ чрезмѣрно богатые браки, думая увеличить свое состояніе посредствомъ жены, часто теряютъ и то, что́ имѣли; какъ тамъ малая волна нападая потопляетъ корабль, такъ и здѣсь приключившаяся безвременная смерть лишаетъ его вмѣстѣ съ женою и всего имущества.

5. Представляя все это, будемъ обращать вниманіе не на деньги, а на доброту нравовъ, честность и благоразуміе. Жена благоразумная, кроткая и воздержная, хотя бы она была бѣдною, въ состояніи будетъ распорядиться и бѣдностію лучше, чѣмъ другая богатствомъ; между тѣмъ какъ развратная, невоздержная, сварливая, хотя бы нашла въ домѣ безчисленныя сокровища, расточитъ ихъ скорѣе всякаго вѣтра и ввергнетъ мужа вмѣстѣ съ бѣдностію въ безчисленныя несчастія. Итакъ, не будемъ искать богатства, но такую жену, которая могла бы хорошо пользоваться имѣющимся.

Напередъ ты узнай, какая причина брака и для чего онъ введенъ въ нашу жизнь, и ничего больше не ищи. Какая же причина брака и для чего Богъ установилъ его? Послушай Павла, который говоритъ: *но блудодѣянія ради кійждо свою жену да иматъ* (1 Кор. vii, 2). Не сказалъ: для избѣжанія бѣдности, или для пріобрѣтенія богатства; а—что? Для того, чтобы избѣжать блудодѣянія, чтобы обуздывать пожеланія, чтобы жить цѣломудренно, чтобы угождать Богу, довольствуясь собственною женою. Таковъ даръ брака, таковы плоды его, такова польза отъ него. Итакъ, не ищи меньшаго, оставивъ большее; богатство гораздо меньше цѣломудрія. Брать жену надобно только для того одного, чтобы избѣгать грѣха, чтобы избавиться отъ всякаго блудодѣянія; для того нужно вступать въ бракъ, чтобы онъ помогъ намъ вести жизнь цѣломудренную; а это будетъ въ томъ случаѣ, если мы будемъ брать такихъ невѣстъ, которыя могутъ принести къ намъ великое цѣломудріе, великую скромность. Красота тѣлесная, не соединенная съ душевною добродѣтелію, можетъ увлекать мужа двадцать или тридцать дней, а далѣе не будетъ имѣть силы, но обнаруживъ дурныя качества жены, уничтожитъ всю любовь; тѣ
233 же, которыя блистаютъ красотою душевною, чѣмъ больше проходитъ времени, и чѣмъ больше онѣ обнаруживаютъ свое благородство, тѣмъ сильнѣе дѣлаютъ привязанность въ своихъ мужьяхъ и болѣе воспламеняютъ ихъ любовь. Такимъ образомъ, когда между ними существуетъ пламенная и искренняя дружба, исключается всякаго рода блудодѣяніе, и даже никакая мысль о распутствѣ не приходитъ въ голову мужа, любящаго свою жену, но онъ остается всегда любящимъ собственную жену, и такимъ цѣломудріемъ пріобрѣтаетъ благоволеніе и покровительство Божіе на весь домъ свой. Такъ выбирали женъ добродѣтельные изъ древнихъ мужей, ища благородства души, а не обилія богатства. А что это справедливо, для примѣра я упомяну объ одномъ бракѣ. *Авраамъ бяше старъ, заматерѣвшій во днехъ*, говорится въ Писаніи, *и рече рабу своему старѣйшему дому своего, обладающему всѣми его: положи руку твою подъ стегно мое, и закляну тя Господемъ Богомъ небесе и земли, да не поймеши сыну моему Исааку жены отъ дщерей хананейскихъ, съ ними же азъ живу въ нихъ: но токмо на землю мою, идѣже родихся, пойдеши, и ко племени моему, и поймеши жену сыну моему оттуду* (Быт. xxiv, 1—4). Видищь ли добродѣтель этого праведника, какъ онъ заботился о бракѣ? Не призвалъ онъ ни сводницъ, какъ дѣлаютъ теперь, ни свахъ, ни болтливыхъ старухъ, но призвалъ своего слугу, и ему поручилъ это дѣло. И то служитъ величайшимъ знакомъ благочестія праотца, что онъ приготовилъ такого слугу, котораго нашелъ надеж-

нымъ служителемъ такого дѣла. Затѣмъ онъ ищетъ женщины не богатой, не красивой, но съ благородными нравами, и потому послалъ слугу въ столь дальній путь. Посмотри и на благоразуміе слуги. Онъ не сказалъ: что это значитъ? Столько народовъ около насъ, столько дочерей у людей богатыхъ, знатныхъ и славныхъ, а ты посылаешь меня въ столь далекую землю, къ людямъ неизвѣстнымъ? Къ кому тамъ я обращусь? Кто меня узнаетъ? Что̀, если они устроятъ мнѣ козни, или обманутъ меня? Вѣдь нѣтъ никого беззащитнѣе чужеземца. Ничего такого онъ не сказалъ, но, презрѣвъ все это, обратилъ вниманіе особенно на то, на что̀ нужно было обратить вниманіе, показавъ своимъ непротиворѣчіемъ послушаніе, а вопросомъ только о томъ, о чемъ больше всего нужно было развѣдать, обнаружилъ свое благоразуміе и попечительность. Что же это такое? О чемъ онъ спросилъ своего господина? *Еда убо не восхощетъ,* сказалъ онъ, *ити жена въ слѣдъ со мною, возвращу ли сына твоего въ землю, отъ нея же изшелъ еси?* Авраамъ отвѣчалъ: *да не возвратиши сына моего онамо. Господь Богъ небесе и земли, иже поя мя изъ дому отца моего, и отъ земли въ ней же родихся, иже глагола мнѣ, и кляся мнѣ, глаголя: тебѣ дамъ землю сію и сѣмени твоему, той послетъ Ангела своего предъ тобою,* и сдѣлаетъ благоуспѣшнымъ путь твой (Быт. XXIV, 5—7). Видишь ли вѣру мужа? Не пригласилъ онъ друзей, или родственниковъ, и никого другого, но въ Богѣ указалъ ему посредника и спутника. Далѣе, желая ободрить слугу, онъ не просто сказалъ: *Господь Богъ неба и земли,* но присовокупилъ: *иже поя мя изъ дому отца моего.* Вспомни, говоритъ, какъ мы совершали
такое путешествіе, какъ, оставивъ свою землю, нашли на чужой 234
большее благополучіе, какъ невозможное сдѣлалось возможнымъ. И не только это хотѣлъ онъ выразить словами: *иже поя мя отъ дому отца моего,* но и то, что онъ имѣетъ Бога должникомъ своимъ. Онъ—должникъ нашъ, говоритъ; Онъ самъ сказалъ: *тебѣ дамъ землю сію и сѣмени твоему;* поэтому, хотя мы и недостойны, Онъ самъ, по собственному обѣщанію, чтобы привести его въ исполненіе, будетъ присущъ, сдѣлаетъ благоуспѣшнымъ все предстоящее и приведетъ къ концу то, о чемъ мы молимся. Сказавъ это, онъ отпустилъ слугу. Потомъ и этотъ, прибывъ въ тамошнюю страну, не пошелъ ни къ кому изъ жителей того города, ни съ кѣмъ изъ людей не сталъ разговаривать, не созвалъ женщинъ; но посмотри, какъ и онъ, оставаясь вѣрнымъ, держался того посредника, котораго получилъ, бесѣдовалъ съ Нимъ однимъ, и, ставъ, молился такъ: *И рече: Господи Боже господина моего Авраама, благоустрой предо мною днесь.* Не сказалъ: *Господи Боже мой,* но что? *Господи Боже господина моего Авраама* (Быт. XXIV, 12).

Если я, говоритъ, ничтоженъ и недостоинъ, то представляю господина моего; не себѣ, а ему пришелъ я послужить; итакъ, призрѣвъ на его добродѣтель, помоги мнѣ во всемъ предстоящемъ.

6. Далѣе, чтобы ты не подумалъ, будто онъ требуетъ этого, какъ долга, выслушай слѣдующее: *и сотвори милость съ господиномъ моимъ Авраамомъ* (Быт. XXIV, 12). Хотя мы, говоритъ, сдѣлали множество добрыхъ дѣлъ, но желаемъ спастись благодатію и получить это отъ человѣколюбія Твоего, а не по долгу какому-нибудь и обязанности. Чего же хочешь ты? *Се азъ стахъ*, говоритъ, *у кладязя воднаго: дщери же живущихъ во градѣ исходятъ почерпати воды*. И будетъ дѣвица, ей же азъ реку: *преклони* мнѣ *водоносъ твой, да пію, и речетъ: пій ты и велблюды твоя напою, дондеже* всѣ *напіются: сію уготовалъ еси рабу твоему Исааку: и по сему увѣмъ, яко сотворилъ еси милость* господину моему Аврааму (Быт. XXIV, 13, 14). Посмотри на мудрость слуги, какой онъ поставляетъ признакъ. Онъ не сказалъ: которую я увижу ѣдущую на мулахъ, везомую на колесницѣ, сопровождаемую толпою евнуховъ и множествомъ прислуги, благообразную и блистающую тѣлесною красотою, эту и назначилъ Ты отроку твоему; но что? *Ей же азъ реку: преклони* мнѣ *водоносъ твой, да пію*. Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Для господина своего ищешь ты жену столь уничиженную, занимающуюся водоношеніемъ, имѣющую возможность разговаривать съ тобою? Да, говоритъ; онъ не послалъ вѣдь меня искать обилія богатства, ни знатности происхожденія, но благородства души. Часто многія изъ такихъ, которыя носятъ воду, вполнѣ обладаютъ добродѣтелью, а другія, живущія въ великолѣпныхъ домахъ, бываютъ хуже и негоднѣе всѣхъ. Далѣе, откуда узнаешь ты, что она—женщина добродѣтельная? По этому признаку, говоритъ, который я высказалъ. А что это за признакъ добродѣтели? Величайшій и несомнѣнный. Это—признакъ гостепріимства великій и самый очевидный. Смыслъ словъ его, хотя выраженный не тѣми же словами, слѣдующій: я ищу такой дѣвицы, которая такъ гостепріимна, что не отказываетъ ни въ какой услугѣ, какую можетъ оказать. И не безъ причины онъ искалъ этого. Онъ былъ изъ такого дома, который особенно отличался дѣлами гостепріимства, и потому старался прежде всего найти такую дѣвицу, которая нравомъ сходствовала бы съ его господами. Мы намѣрены,
285 говоритъ, вести ее въ домъ, открытый для странниковъ; поэтому, чтобы не происходило вражды и ссоры,—если мужъ ея станетъ дѣлиться съ другими своимъ имуществомъ, подражая отцу, и принимать странниковъ, а она, по своей излишней бережливости, станетъ останавливать и удерживать его, какъ часто бываетъ во многихъ домахъ,—я хочу знать, гостепріимна ли она, потому что

этому обязаны мы всѣми благами. Чрезъ это господинъ мой получилъ и жениха, чрезъ это сдѣлался отцемъ; закололъ тельца— и получилъ сына, замѣсилъ муки—и получилъ отъ Бога обѣтованіе о потомствѣ по числу звѣздъ. Такъ какъ отъ этого и дома у насъ произошли всѣ блага, то я прежде всего другого ищу этого. Не будемъ же останавливаться на томъ, что онъ просилъ воды, но обратимъ вниманіе на то, что гостепріимной душѣ свойственно не только давать просимое, но предлагать и больше просимаго. *И бысть*, говорится въ Писаніи, *прежде неже скончати ему глаголющу, се Ревекка исхождаше* (Быт. XXIV, 15); и исполнилось пророческое изреченіе: *еще глаголющу ти реку: се пріидохъ* (Ис. LVIII, 9). Таковы молитвы людей добродѣтельныхъ; прежде окончанія онѣ располагаютъ Бога къ исполненію просимаго. Такъ и ты, когда намѣреваешься взять жену, не прибѣгай къ людямъ, или къ женщинамъ, торгующимъ чужими несчастіями и ищущимъ только одного, какъ бы имъ самимъ получить награду, но прибѣгай къ Богу. Онъ не постыдится быть устроителемъ твоего брака. Онъ самъ далъ такое обѣщаніе: *ищите царствія* небеснаго, *и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33). Не говори: какъ я могу видѣть Бога? Развѣ будетъ Онъ разговаривать со мною и открыто бесѣдовать, чтобы я могъ подойти и спросить Его? Это — слова невѣрующей души. Богъ скоро и безъ разговора можетъ устроить все, чтó захочетъ, какъ было и при этомъ случаѣ. Слуга не слышалъ голоса и не видѣлъ никакого видѣнія, но стоя у источника молился, и тотчасъ получилъ просимое. *Бысть, прежде неже скончати ему глаголющу*, говорится, *Ревекка исхождаше, яже родися Ваѳуилу, сыну Мелхи, держащи водоносъ на рамѣхъ. Дѣвица же бяше доброзрачна зѣло: дѣва бѣ, мужъ не позна ея* (Быт. XXIV, 15, 16). Для чего говоришь ты мнѣ о тѣлесной красотѣ? Для того, чтобы ты узналъ ея превосходное цѣломудріе, чтобы убѣдился въ душевной красотѣ ея. Дивно цѣломудріе; но оно гораздо удивительнѣе, когда соединяется съ наружною красотою. Поэтому, намѣреваясь повѣствовать намъ и объ Іосифѣ и его цѣломудріи, Писаніе прежде упомянуло о тѣлесномъ его благообразіи, сказавъ: *и бяше* (Іосифъ) *добръ образомъ и красенъ взоромъ зѣло* (Быт. XXXIX, 6), а потомъ разсказало и о цѣломудріи его, показывая этимъ, что красота не вовлекла его въ развратъ. Подлинно, не красота—причина блудодѣянія, и не безобразіе—причина цѣломудрія. Многія изъ женщинъ, блиставшія тѣлесною красотою, еще больше блистали цѣломудріемъ; а другія, некрасивыя и безобразныя, были еще безобразнѣе душею, осквернивъ себя безчисленными блудодѣяніями. Не природа тѣла, а произволеніе души бываетъ причиною того и другого.

7. Не напрасно Писаніе дважды называетъ ее дѣвою. Сказавъ: *дѣвица бяше*, оно прибавило: *дѣва бѣ, мужъ не позна ея*. Такъ какъ многія изъ дѣвицъ, сохраняя тѣло свое нерастлѣннымъ, имѣютъ
236 душу исполненную великаго разврата, украшаются, чтобы привлечь къ себѣ отвсюду толпы поклонниковъ, и обольщаютъ взоры юношей, строя имъ козни и вовлекая ихъ въ пропасти, то Моисей, желая показать, что она не была такова, но была дѣвицею въ обоихъ отношеніяхъ, по тѣлу и по душѣ, говоритъ: *дѣва бѣ, мужъ не позна ея*. Между тѣмъ у ней было много поводовъ, по которымъ она могла быть познанною мущинами: и во-первыхъ— ея красота тѣлесная, во-вторыхъ—образъ ея занятій. Если бы она постоянно сидѣла въ женскихъ покояхъ, какъ нынѣшнія дѣвицы, никогда не выходила на площадь и не оставляла родительскаго дома, то никакой похвалы не составило бы сказать о ней, что *мужъ не позна ея*. Но когда ты видишь, что она выходила на площадь, будучи вынужденною ежедневно однажды, дважды и болѣе ходить за водою, и при всемъ томъ осталась незнаемою никакимъ мущиною, тогда можешь видѣть въ этомъ особенную похвалу ей. Въ самомъ дѣлѣ, если иная дѣвица, не много разъ выходя на площадь, въ сопровожденіи многихъ служанокъ, и притомъ будучи не хороша собою и безобразна, часто теряетъ чистоту нравовъ отъ этихъ прогулокъ; то эта, ежедневно одна выходившая изъ родительскаго дома, и не только на площадь, но къ источнику для черпанія воды, гдѣ необходимо стекались и многіе другіе, не достойна ли великаго удивленія, когда она не испортилась нравами ни отъ частныхъ выходовъ, ни отъ красоты лица, ни отъ множества встрѣчавшихся, и ни отъ чего другого, но оставшись нерастлѣнною и по тѣлу и по душѣ, и сохранивъ цѣломудріе лучше тѣхъ, которыя сидятъ въ женскихъ покояхъ, пребыла такою, какой ищетъ Павелъ, когда говоритъ: *да будетъ свята тѣломъ и духомъ* (1 Кор. VII, 34)? *Сошедши же на кладязь, наполни водоносъ свой и взыде. Тече же рабъ во срѣтеніе ей и рече: напой мя мало отъ водоноса твоего: сія же рече: пій, господине. И потщася, и сня водоносъ на мышца своя, и напои его, дондеже напися. И рече: и велблюдомъ твоимъ налію, дондеже вси напіются. И потщася, и испраздни водоносъ въ поило: и тече паки на кладязь почерпнути воды, и влія велблюдомъ всѣмъ* (Быт. XXIV, 16—20).

Велико гостепріимство этой женщины, велико и цѣломудріе; то и другое весьма ясно можно видѣть какъ изъ дѣйствій, такъ и изъ словъ ея. Видишь ли, какъ ни цѣломудріе не вредило гостепріимству, ни гостепріимство не растлѣвало цѣломудрія? Въ томъ, что она не первая подошла и не сама начала разговаривать съ мущиною, обнаружилось ея цѣломудріе; а въ томъ, что

она не отказала въ просьбѣ и не уклонилась, обнаружилось гостепріимство и великое человѣколюбіе. Какъ въ томъ случаѣ, если бы она первая подошла и стала разговаривать съ нимъ, ничего не говорившимъ, она показала бы наглость и безстыдство, такъ въ томъ случаѣ, если бы она отказала ему въ его просьбѣ, обнаружила бы жестокость и безчеловѣчіе. Но она теперь не сдѣлала ни того ни другого: ни повредила гостепріимству для цѣломудрія, ни уменьшила достоинства цѣломудрія для гостепріимства, но всецѣло явила ту и другую добродѣтель, показавъ ожиданіемъ просьбы цѣломудріе, а услугою послѣ просьбы—невыразимое гостепріимство. Подлинно, было знакомъ невыразимаго гостепріимства то, чтобы доставить не только просимое, но предложить еще нѣчто больше просимаго. Хотя предложенное ею была вода, но она только въ этомъ и была властна тогда. А объ гостепріимныхъ обыкновенно судятъ не по драгоцѣнности даннаго, но по возможности, съ какою они даютъ. Такъ Богъ похвалилъ и подающаго чашу холодной воды, и о той, которая положила двѣ лепты, сказалъ, что она положила больше всѣхъ, потому что положила тогда все, что имѣла. Такъ и эта угостила добраго человѣка тѣмъ, больше чего не могла предложить ему. Не напрасно прибавлены слова: *потщася и рече* и тому подобныя, но чтобы ты видѣлъ усердіе, съ какимъ она дѣлала дѣло, не противъ воли, не по принужденію, не съ досадою и негодованіемъ. А это не маловажно. Часто и мы просили прохожаго, идущаго съ факеломъ, на нѣсколько времени остановиться, чтобы намъ зажечь, или несущаго воду, чтобы намъ напиться, но онъ не соглашался и отказывалъ съ негодованіемъ; а она не только наклонила для него водоносъ, но и для всѣхъ верблюдовъ налила воды, предпринявъ такой трудъ и съ великою охотою исполнивъ тѣлесное служеніе, по гостепріимству. Не дѣло только, но и готовность служитъ доказательствомъ ея добродѣтели; и человѣка незнакомаго и въ первый разъ встрѣтившагося тогда она называетъ господиномъ. Какъ свекоръ ея Авраамъ не спрашивалъ прохожихъ: кто вы и откуда, куда идете и откуда пришли?—но просто собиралъ плоды гостепріимства, такъ и она не сказала: кто ты, откуда и для чего пришелъ?—но, собирая обильные плоды гостепріимства, оставила все постороннее. И какъ торгующіе драгоцѣнностями и получающіе золото домогаются только одного, какъ бы получить выгоду отъ имѣющихъ деньги, а не стараются развѣдывать объ нихъ, такъ и она заботилась только объ одномъ, какъ бы собрать плоды гостепріимства, какъ бы получить совершенную награду. Она хорошо знала, что чужестранецъ стыдливъ больше всѣхъ и потому имѣетъ нужду въ великой привѣтливости и непытливой скром-

ности; и если мы станемъ распрашивать его и развѣдывать, то онъ тяготится и уклоняется и приходитъ съ неудовольствіемъ. Поэтому ни она не поступила такъ съ этимъ человѣкомъ, ни свекоръ ея не поступалъ такъ съ странниками, чтобы не отогнать добычи, но старался только услужить прохожимъ и, пріобрѣтши чрезъ нихъ тѣ плоды, какихъ желалъ, потомъ отпускалъ ихъ.

8. Вотъ почему онъ принялъ нѣкогда и ангеловъ; а если бы онъ сталъ развѣдывать, то дарованная ему награда была бы уменьшена. Подлинно, мы удивляемся ему не за то, что онъ принялъ ангеловъ, но за то, что принялъ, не зная ихъ. Если бы онъ угостилъ, зная ихъ, то не сдѣлалъ бы ничего удивительнаго, такъ какъ достоинство принятыхъ могло побудить человѣка самаго несострадательнаго и каменнаго къ человѣколюбію и благотворительности; но удивительно то, что онъ, считая ихъ за нѣкоторыхъ прохожихъ, предложилъ имъ такое угощеніе. Такова была и эта дѣвица; она не знала, кто былъ тотъ человѣкъ, зачѣмъ пришелъ, и что онъ прибылъ сватать ее, но считала его нѣкоторымъ странникомъ и путешественникомъ. Потому ей и дарована была большая награда за гостепріимство, что она съ такимъ радушіемъ приняла совершенно незнакомаго, вмѣстѣ съ тѣмъ сохранивъ и цѣломудріе. Она сдѣлала это не съ принужденіемъ и не безстыдно, не дерзко, не съ гнѣвомъ, но съ надлежащею скромностію. Это самое и выразилъ Моисей, сказавъ: *человѣкъ же выразумѣваше ю, и помолчеваше, да уразумѣетъ, аще благоустрои*
238 *Богъ путь ему* (Быт. XXIV, 21). Что значитъ: *выразумѣваше ю*? Внимательно наблюдалъ и видъ ея, и походку, и взоръ, и рѣчь, и все, узнавая по движеніямъ тѣла настроеніе души. Впрочемъ, онъ не ограничился однимъ этимъ, но употребилъ и другое испытаніе. Когда она напоила его, онъ не остановился на этомъ, но сказалъ ей: *чія еси дщерь, повѣждь ми, аще есть у отца твоего мѣсто (намъ) витати?* Что же она? Она незлобиво и кротко назвала отца, не обидѣлась и не сказала: кто ты, развѣдывающій, изслѣдующій и разспрашивающій о нашемъ домѣ; но что? *Дщерь*, говоритъ, *Вѳуилева есмь, сына Мелхина, его же роди Нахору: плевы и сѣна много у насъ, и мѣсто витати* (Быт. XXIV, 23—25). Какъ прежде она дала ему воды больше, чѣмъ сколько онъ просилъ,— онъ просилъ дать напиться только ему, а она предложила напоить и верблюдовъ, и напоила,—такъ и теперь: онъ просилъ только мѣста, а она предложила и соломы и сѣна и многаго другого, посредствомъ всего этого приглашая его и привлекая въ домъ свой, чтобы получить награду за гостепріимство. Не будемъ же слушать это небрежно и просто, но, размышляя съ собою о себѣ самихъ и сравнивая себя съ ними, станемъ такимъ образомъ

изучать добродѣтель этой женщины. Мы часто негодуемъ, принимая какихъ-нибудь знакомыхъ и родственниковъ, и тяготимся, если они проживутъ у насъ одинъ или два дня; а она съ великимъ радушіемъ привела въ домъ незнакомаго и чужестранца, и притомъ намѣреваясь услужить не только ему, но и столь многимъ верблюдамъ. Когда же онъ вошелъ въ домъ, посмотри, какъ онъ оказалъ еще большее благоразуміе. Ему предложены были хлѣбы для яденія, но онъ сказалъ: *не ямъ дондеже возглаголю словеса моя* (Быт. XXIV, 33).

Видишь ли, какъ онъ былъ бдителенъ и воздерженъ? Потомъ, когда ему предоставили говорить, посмотримъ, какъ онъ говоритъ имъ. Сказалъ ли онъ имъ такія выраженія, что онъ имѣетъ господина славнаго и знаменитаго, уважаемаго всѣми и пользующагося великимъ предпочтеніемъ между туземными жителями? Между тѣмъ онъ могъ, если бы захотѣлъ, сказать это, потому что Авраама туземные жители почитали, какъ царя Однако ничего такого онъ не сказалъ, но, оставивъ эти человѣческія преимущества, возвеличилъ его со стороны вышняго благоволенія, сказавъ такъ: *рабъ Авраамль есмь азъ: Господь же благослови господина моего зѣло, и возвысися: и даде ему овцы и тельцы, сребро и злато* (Быт. XXIV, 34, 35). Упоминаетъ о богатствѣ не для того, чтобы представить его богатымъ, но — благочестивымъ, потому что желаетъ восхвалить его не тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ, но что получилъ это отъ Бога. Потомъ говоритъ о женихѣ. *И роди Сарра, жена господина моего, сына единаго господину моему состарѣвшемуся ему* (Быт. XXIV, 36). Здѣсь онъ указываетъ на образъ рожденія этого сына, выражая, что и рожденіе его произошло по Божію промышленію объ Авраамѣ, а не естественнымъ порядкомъ. Такъ и ты, когда ищешь жениха, или невѣсты, прежде всего другого обращай вниманіе на то, благочестивы ли они, почиваетъ ли на нихъ великое благоволеніе свыше. Если это есть, то послѣдуетъ и все прочее; если же этого нѣтъ, то хотя бы житейскія блага были у нихъ въ великомъ изобиліи, не будетъ никакой пользы. Далѣе, чтобы не сказали: почему же онъ не взялъ никакой изъ туземныхъ женщинъ? — рабъ говоритъ: *закля мя (господинъ мой), глаголя: не поймеши* 239
жены сыну моему отъ дщерей Хананейскихъ, но въ домъ отца моего пойдеши, и въ племя мое, и поймеши жену сыну моему (Быт. XXIV, 37, 38). Впрочемъ, чтобы намъ, разсказывая все это событіе, не показаться скучными, перейдемъ къ концу. Разсказавъ, какъ онъ остановился у источника, какъ попросилъ пить у дѣвицы, какъ она дала больше просьбы, какъ при этомъ Богъ былъ посредникомъ, и обо всемъ разсказавъ съ точностію, онъ кончилъ рѣчь свою. Тѣ выслушавъ все это, не стали сомнѣваться и не оста-

лись невнимательными, но какъ бы по мановенію Бога, подвигшаго ихъ душу, тотчасъ обѣщали отдать дочь свою. *Отвѣщавъ же Лаванъ и Ваѳуилъ рекоста: отъ Господа пріиде дѣло сіе: не возможемъ ти противу рещи зло. Се Ревекка предъ тобою: поемь ю, иди: и да будетъ жена господину твоему, яко же глагола Господь* (Быт. XXIV, 50, 51). Кто не изумится, кто не подивится, сколько и какихъ препятствій уничтожено въ краткое мгновеніе времени? Подлинно, и то, что онъ былъ чужестранецъ, рабъ и неизвѣстный, и что было велико растояніе пути, и что не были извѣстны ни свекоръ, ни женихъ, и никто другой изъ ихъ родственниковъ, и каждое изъ этихъ обстоятельствъ само по себѣ достаточно было воспрепятствовать браку, и однако, ничто не воспрепятствовало, но все это оказалось легкимъ и родители смѣло ввѣрили ему невѣсту, какъ бы человѣку знакомому, живущему вблизи и издавна обращавшемуся съ ними. А причиною было то, что Богъ былъ среди нихъ. Какъ тогда, когда мы дѣлаемъ что-нибудь безъ Него, хотя бы все было легко и удобно, мы встрѣчаемъ пропасти, стремнины и безчисленныя неудачи; такъ тогда, когда Онъ присутствуетъ и содѣйствуетъ, хотя бы предстоящія дѣла были самыя затруднительныя, все становится легкимъ и удобнымъ. Не будемъ же ничего ни дѣлать, ни говорить прежде, нежели призовемъ Бога и испросимъ Его содѣйствія во всѣхъ дѣлахъ нашихъ, какъ поступилъ и этотъ рабъ.

9. Посмотримъ, какимъ образомъ онъ совершилъ бракъ, когда получилъ невѣсту. Взялъ ли онъ въ собою кимвалы, свирѣли, плясуновъ, тимпаны, флейты и другія выдумки? Ничего такого; но, взявъ только одну дѣвицу, онъ отправился, имѣя при себѣ ангела, сопровождавшаго и руководившаго ее, котораго послать съ нимъ господинъ его молилъ Бога, когда онъ выходилъ изъ дома. Такъ и была везена невѣста, не слыша ни флейтъ, ни арфы и ничего другого подобнаго, но имѣя на головѣ безчисленныя благословенія Божіи,—вѣнецъ блистательнѣе всякой діадемы; была везена облеченная не золотыми одеждами, но цѣломудріемъ, благочестіемъ, гостепріимствомъ и всѣми другими добродѣтелями; была везена не въ крытой колесницѣ, или съ какимъ-нибудь другимъ великолѣпіемъ, но сидя на верблюдѣ. При душевныхъ добродѣтеляхъ у дѣвицъ въ древности и тѣла цвѣли великимъ здоровьемъ,—потому что матери не такъ воспитывали ихъ, какъ теперь, не вредили имъ частыми омовеніями, благовонными мастями, искусственными притираніями, мягкими одеждами и другими безчисленными способами, дѣлая ихъ нѣжными болѣе надлежащаго, но воспитывали ихъ со всею строгостію. Поэтому у нихъ и тѣлесная красота была весьма цвѣтущая и истинная,

какъ естественная, а не искусственная и не изысканная. Поэтому 240
онѣ наслаждались совершеннымъ здоровьемъ, и красота ихъ была наилучшая, такъ какъ никакая болѣзнь не повреждала тѣла, и всякая изнѣженность была отвергнута. Труды, занятія и собственноручныя работы во всемъ устраняли всякую изнѣженность и доставляли крѣпость и прочное здоровье; а чрезъ это онѣ были и для мужей болѣе вожделѣнными и болѣе любезными, такъ какъ не только тѣло, но и душу онѣ сохраняли лучшими и цѣлыми. Итакъ, сидя на верблюдѣ, она приближалась къ той странѣ; но прежде, чѣмъ достигла ея, взглянувъ, увидѣла Исаака, и соскочила съ верблюда. Видишь ли крѣпость ея? Видишь ли хорошее здоровье? Соскочила съ верблюда! Такъ велика была у нихъ сила вмѣстѣ съ цѣломудріемъ. *И рече рабу: кто есть человѣкъ оный, иже идетъ по полю? Рече же рабъ: господинъ мой; она же веемши ризу лѣтнюю, облечеся* (Быт. xxiv, 95). Посмотри, какъ во всемъ обнаруживается ея цѣломудріе, какъ она была скромна, какъ была стыдлива. *И поя ее Исаакъ, и бысть ему жена, и возлюби ю: и утѣшися по Саррѣ, матери своей* (Быт. xxiv, 67). Не напрасно сказано, что онъ полюбилъ ее и утѣшился по Саррѣ, матери своей, но чтобы ты узналъ основанія этой привязанности и любви, которыя заключались въ самой пришедшей женщинѣ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, не полюбилъ бы такой жены, столь цѣломудренной, столь скромной, столь гостепріимной, человѣколюбивой и кроткой, мужественной по душѣ и крѣпкой по тѣлу? Это сказалъ я не для того, чтобы вы только слышали, или выслушавъ только хвалили, но чтобы вы подражали этому. Отцы подражайте попечительности праотца, съ какою онъ старался найти женщину неиспорченную, искалъ не богатства, не знатности рода, не красоты тѣлесной и ничего другого, но только благородства души; а матери такъ же воспитывайте дочерей своихъ. И вы, женихи, намѣреваясь вступить въ бракъ, вступайте съ такою же благопристойностью, устраняя пляски, смѣхъ, срамныя рѣчи, свирѣли, флейты, діавольскія изобрѣтенія, и все прочее, но всегда призывая Бога быть посредникомъ во всѣхъ дѣлахъ вашихъ. Если мы такъ станемъ устроять дѣла свои, то никогда не будетъ ни развода, ни подозрѣнія въ прелюбодѣяніи, ни повода къ ревности, ни ссоры и вражды, но будемъ наслаждаться великимъ миромъ и полнымъ согласіемъ; а за этимъ конечно послѣдуютъ и другія добродѣтели. Какъ тогда, когда жена враждуетъ съ мужемъ, не бываетъ ничего хорошаго въ домѣ, хотя бы всѣ другія дѣла шли успѣшно; такъ тогда, когда она единодушна и согласна съ нимъ, не будетъ ничего непріятнаго, хотя бы ежедневно поднимались безчисленныя бури. Если такимъ образомъ будутъ совершаться браки, то и дѣтей мы будемъ въ

состояніи руководить къ добродѣтели съ великою легкостію. Когда мать такъ скромна и благопристойна и украшена всякою добродѣтелію, то она безъ сомнѣнія можетъ и мужа привлечь и привязать къ себѣ любовію; а привязавъ его къ себѣ, она будетъ имѣть въ немъ усерднаго помощника въ заботахъ о дѣтяхъ, и Бога такимъ образомъ преклонитъ къ такому же о нихъ промышленію. А когда Онъ принимаетъ участіе въ такомъ добромъ домостроительствѣ и упражняетъ души дѣтей, тогда не будетъ ничего непріятнаго, домашнія дѣла потекутъ благоуспѣшно, при такомъ настроеніи предстоятелей дома, и каждый вмѣстѣ съ домомъ, т. е. женою своею, дѣтьми и прислугою, можетъ и здѣшнюю
241—242 жизнь провести со всею безопасностію, и войти въ царство небесное, котораго да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на слова апостола: Не хощу васъ не вѣдѣти, братіе, яко отцы наши вси подъ облакомъ быша, и вси сквозѣ море проидоша (1 Кор. X, 1).

241 1. Мореплаватели особенно любятъ ту часть моря, которая снабжена частыми заливами и островами. Море безъ пристаней, хотя бы оно было спокойно, возбуждаетъ въ плывущихъ великій страхъ; а гдѣ со всѣхъ сторонъ расположены заливы, пристани и берега, тамъ они плывутъ съ великою увѣренностію. Если когда и увидятъ они возмутившееся море, то, имѣя вблизи убѣжище, скоро и легко могутъ найти спасеніе отъ угрожающихъ бѣдствій. Вотъ почему не только тогда, когда они плывутъ близъ пристани, но и тогда, когда находятся вдали, они получаютъ великое утѣшеніе и отъ одного взгляда на нее. Обыкновенно не мало ободряетъ души ихъ и представляющаяся издали вершина горы, и поднимающійся дымъ, и стада овецъ, пасущихся подъ горою. А когда они входятъ въ самое устье пристани, тогда наслаждаются полною радостію. Тогда они и весла оставляютъ, и тѣла свои, страдавшія отъ соленой воды, освѣжаютъ хорошею водою, и вышедши на берегъ и повалявшись немного по землѣ нагими тѣлами, устраняютъ всѣ непріятности, происходящія отъ морепла-

ванія. Итакъ, подобно тому какъ мореплаватели особенно любятъ эту часть моря по причинѣ частыхъ и непрестанныхъ мѣстъ отдохновенія, такъ и я особенно люблю это время года, не потому, что мы избавились отъ зимы, не потому, что мы наслаждаемся лѣтомъ, и пріятно дуетъ зефиръ, но потому, что мы имѣемъ теперь частыя духовныя пристани, преемственно принимающія насъ: разумѣю торжества святыхъ мучениковъ. Подлинно, не столько пристани пловцовъ, сколько праздники этихъ святыхъ имѣютъ свойство оживлять вѣрующихъ. Тѣхъ пристани избавляютъ отъ нападенія морскихъ волнъ и долговременнаго плаванія; а участвующихъ въ торжествѣ мучениковъ воспоминаніе о святыхъ обыкновенно избавляетъ отъ смятенія въ душѣ, происходящаго отъ злыхъ и нечистыхъ духовъ и непристойныхъ помысловъ. Прихо- 242
дитъ ли кто сюда отягченный скорбію—хотя бы отъ общественныхъ, хотя бы отъ домашнихъ дѣлъ—онъ оставляетъ ее всецѣло и возвращается отсюда, сдѣлавшись спокойнѣе и бодрѣе, не отъ руля отступая и не весла откладывая, но свергая тяжелое и разнообразное бремя житейскихъ непріятностей и исполняясь въ душѣ великою радостію. Свидѣтелями всего этого вы сами, которые вчера наслаждались подвигами блаженнаго Варлаама, съ великимъ удовольствіемъ входили въ его пристань, омылись отъ горькой воды житейскихъ заботъ и отъ повѣствованій о немъ облегченными возвратились домой. А вотъ приближается и еще торжество въ честь другихъ мучениковъ. Но пока мы стремимся въ ихъ пристань, теперь станемъ подражать мореплавателямъ: какъ тѣ, переплывая море, обыкновенно поютъ, облегчая трудъ пѣснями, такъ и мы, прежде чѣмъ вступить въ пристань святыхъ, будемъ передавать другъ другу нѣкоторыя священныя изреченія, поставивъ предводителемъ этой прекрасной бесѣды блаженнаго Павла, и слѣдуя тѣмъ путемъ, какимъ онъ самъ повелѣваетъ. Какимъ же путемъ онъ повелѣваетъ намъ идти? Путемъ пустыни и чудесъ, тамъ совершившихся. Вы слышали сегодня, какъ онъ взываетъ и говоритъ: *не хощу же васъ не вѣдѣти, братіе, яко отцы наши вси подъ облакомъ быша, и вси сквозѣ море проидоша, и вси въ*
Моисеа крестишася, и вси тожде брашно духовное ядоша, и вси тожде 243
пиво духовное пиша: піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ. Но не во множайшихъ ихъ благоволи Богъ: поражени бо быша въ пустыни. Сія же образы намъ быша, яко не быти намъ похотникомъ злыхъ, якоже и они похотѣша. Ни идолослужители бывайте, якоже нѣцыи отъ нихъ, якоже есть писано: сѣдоша людіе ясти и пити и восташа играти. Ниже соблудимъ, якоже нѣцыи отъ нихъ соблудиша, и падоша во единъ день двадесять три тысящи. Ни да искушаимъ Христа, якоже нѣцыи отъ нихъ иску-

сиша и отъ змій погибоша. Ни ропщимъ якоже нѣцыи отъ нихъ роп-таша, и погибоша отъ всегубителя (1 Кор. x, 1—10). Эти слова повидимому ясны, но для внимательныхъ они представляютъ нѣкоторое немалое недоумѣніе. И во-первыхъ, неизлишне спросить: для чего апостолъ напоминаетъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ, и какимъ образомъ, бесѣдуя объ идоложертвенномъ, онъ перешелъ къ этому повѣствованію, къ изображенію случившагося въ пустынѣ? Онъ ничего не говоритъ напрасно и какъ случится, но при совершенной послѣдовательности всегда соблюдаетъ и строгое согласіе въ рѣчахъ своихъ. Почему же и отъ чего перешелъ онъ къ этому повѣствованію? Онъ укорялъ тѣхъ, которые неосторожно и безъ вниманія приступали къ идоламъ, вкушали отъ нечистой трапезы и касались идоложертвеннаго, и показавъ, что они чрезъ это производили двойной вредъ, соблазняя слабыхъ и сами дѣлаясь причастниками бѣсовъ, и достаточно смиривъ мудрованія ихъ прежде сказаннымъ и научивъ, что вѣрующему должно имѣть въ виду не только свою пользу, но и другихъ, затѣмъ желая сильнѣе внушить имъ страхъ, онъ напоминаетъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ. Такъ какъ они слишкомъ высоко думали о себѣ, какъ люди увѣровавшіе, освободившіеся отъ заблужденія, удостоившіеся вѣдѣнія, сдѣлавшіеся причастниками неизреченныхъ таинствъ и призванные къ небесному царству, то онъ, желая показать, что въ этомъ нѣтъ никакой пользы, если жизнь не будетъ соотвѣтствовать такой благодати, поучаетъ ихъ событіями изъ ветхозавѣтной исторіи.

2. Но и при этомъ остается много вопросовъ. Почему онъ не бесѣдуетъ съ ними словами Христовыми, находящимися въ Евангеліи, не напоминаетъ имъ о гееннѣ, о тьмѣ кромѣшной, о червѣ ядовитомъ, объ узахъ вѣчныхъ, объ огнѣ, уготованномъ діаволу и ангеламъ его, о скрежетѣ зубовъ и о другихъ невыразимыхъ мученіяхъ? Если онъ хотѣлъ устрашить, то надлежало бы сдѣлать это посредствомъ важнѣйшаго, а не того, что было въ пустынѣ. Хотя и тѣ были наказаны, но легко, кратковременно и въ одинъ день; а въ будущемъ имѣютъ быть наказанія вѣчныя и тягчайшія. Почему же онъ внушалъ имъ страхъ тѣми событіями, а не напоминалъ о словахъ Христовыхъ? Онъ могъ бы сказать имъ: не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи, какія Христосъ далъ заповѣди касательно тѣхъ, которые имѣютъ вѣру, но не показываютъ хорошей жизни; даже и тѣхъ людей, которые совершали чудеса и пророчествовали, Онъ лишилъ царства небеснаго, сказавъ: *мнози рекутъ Мнѣ во онъ день: Господи, Господи,*
244 *не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ и силы многія сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ, яко*

николиже знахъ вас, отъидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе (Мат. VII, 22, 23). И дѣвъ онъ не укоряетъ за вѣру и образъ мыслей, а за нечестивую жизнь, безчеловѣчіе и жестокосердіе, заключаетъ отъ нихъ брачный чертогъ; и одѣтаго въ нечистыя одежды онъ извергъ связаннымъ не за то, что тотъ не держался праваго ученія, но за то, что велъ порочную и нечистую жизнь; и тѣхъ, которыхъ онъ повелѣлъ ввергнуть въ огонь, уготованный діаволу и ангеламъ его, отослалъ туда не за то, что они отпали отъ вѣры, но за то, что никому никогда не оказывали милосердія. Обо всемъ этомъ и подобномъ апостолъ могъ бы напомнить имъ и сказать: не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи, что всѣ эти получили крещеніе, были причастниками таинствъ, показали много вѣры и имѣли совершенныя познанія; но такъ какъ они не вели жизни согласной съ вѣрою, то и лишены царства и преданы огню. Почему же онъ не сказалъ этого, но оставивъ все это, сказалъ такъ: *не хощу васъ не вѣдѣти, братіе, яко отцы наши вси подъ облакомъ быша*,—напоминаетъ имъ о томъ, что случалось при Моисеѣ, умолчавъ о томъ, что относится къ благодати? Не напрасно и не безъ какой-нибудь причины онъ дѣлаетъ это, потому что онъ былъ исполненъ великой мудрости. Почему же и для чего? По двумъ причинамъ: желая сильнѣе тронуть ихъ и вмѣстѣ показать, что ветхій завѣтъ имѣетъ великое сродство съ новымъ. Многіе изъ людей не вѣрятъ въ геенну, не признаютъ будущаго наказанія и думаютъ, что Богъ угрожаетъ червемъ неумирающимъ, огнемъ неугасающимъ, тьмою кромѣшною только для страха и вразумленія; но и они не могутъ не вѣрить прошедшему. О бывшемъ кто можетъ сказать, что его не было? Тому, что еще не открылось и не осуществилось на дѣлѣ, многіе не вѣрятъ, но никто, даже самый недобросовѣстный и безчестный, хотя бы и захотѣлъ, не можетъ не вѣрить тому, что уже было и исполнилось. Поэтому апостолъ желаетъ убѣдить ихъ въ правосудіи Божіемъ посредствомъ того, что весьма извѣстно, что уже исполнилось и отъ чего осталось много слѣдовъ, и какъ бы такъ говоритъ: если ты думаешь, что нѣтъ ни геенны, ни наказанія, ни мученій, и что Богъ только угрожаетъ этимъ, то, размысливъ о прошедшемъ, повѣрь и будущему. Если одинъ и тотъ же Богъ управляетъ и прошедшимъ и настоящимъ, и въ ветхомъ завѣтѣ и при благодати, какъ и дѣйствительно Онъ одинъ и тотъ же, то на какомъ основаніи Онъ, подвергнувъ наказанію и мученію тѣхъ грѣшниковъ, насъ, согрѣшающихъ такъ же, и еще гораздо хуже тѣхъ, оставитъ безъ наказанія? Я спрашиваю: блудодѣйствовали іудеи, и не были ли наказаны? Роптали, и не получали ли наказанія? Совершенно необходимо признать это. Какъ же наказавшій

тѣхъ оставитъ ненаказаннымъ тебя, дерзающаго дѣлать то же самое? Это было бы неосновательно. Но ты не подвергаешься наказанію здѣсь? Потому особенно и вѣрь въ геенну и будущее наказаніе, что ты не подвергаешься наказанію здѣсь. Если бы не имѣло быть никакого наказанія послѣ настоящей жизни, то ты,
245 согрѣшившій одинаково съ прежними, не оставался бы ненаказаннымъ. Такъ и ты, если встрѣтишься съ человѣкомъ безпечнымъ, безпутнымъ и преданнымъ разврату, и онъ станетъ говорить тебѣ, что нѣтъ ни мученій, ни геенны, а все это — басни, что Богъ только угрожаетъ этимъ, желая внушить страхъ, скажи ему: человѣкъ, ты не вѣришь будущему, потому что оно еще не явилось, не открылось и не совершилось предъ твоими глазами; но кто можетъ не вѣрить тому, что было и исполнилось? Представь Содомъ и Гоморру. Эта страна не за какой-либо иной грѣхъ понесли наказаніе, а за то, что жители этихъ городовъ допускали беззаконное кровосмѣшеніе и непозволительныя связи и совершенно извращали законы природы. Какъ же можетъ статься, чтобы Богъ, который тотъ же и тогда и теперь, наказавъ тѣхъ грѣшниковъ безъ всякаго снисхожденія, оставилъ ненаказаннымъ тебя, который, согрѣшая послѣ нихъ, достоинъ гораздо большаго наказанія и мученія, какъ получившій благодать и не вразумившійся ихъ наказаніями?

3. Поэтому-то Павелъ, не сказавъ ничего о гееннѣ, — такъ какъ многіе не вѣруютъ въ будущее, — желаетъ образумить ихъ тѣмъ, что уже совершилось и чему они достаточно вѣрили, хотя будущее болѣе страшно, прошедшее убѣдительнѣе для людей несовершенныхъ, и послѣднее обыкновенно устрашаетъ ихъ больше перваго. Вотъ почему онъ и указываетъ имъ на то, чему не могъ не вѣрить даже самый безстыдный, а вмѣстѣ съ тѣмъ наноситъ смертельную рану Маркіону, Манесу и всѣмъ, которые заражены одною съ ними болѣзнію. Въ самомъ дѣлѣ, если не одинъ и тотъ же Богъ ветхаго и новаго завѣтовъ, давшій и тѣ заповѣди, и будущее имѣющій произвести, то напрасно говоришь ты мнѣ это, Павелъ, и никакого страха ты не возбуждаешь въ слушателяхъ; слушатель можетъ сказать: если иной тотъ Богъ, и иной этотъ, то послѣдній, конечно, не станетъ судить по мнѣнію перваго и не съ тѣми же будетъ сообразоваться законами. Если Богу ветхаго завѣта угодно было всѣхъ наказывать и мучить, то для чего ты стращаешь и угрожаешь этимъ мнѣ? Я имѣю другого Владыку, который будетъ судить меня. Такимъ образомъ, если бы былъ иной Богъ ветхаго, и иной Богъ новаго завѣта, то Павелъ сдѣлалъ противное тому, что хотѣлъ сдѣлать: не только не устрашилъ слушателя, но избавилъ его отъ всякаго опасенія и страха,

чего не сдѣлалъ бы никто изъ людей самыхъ обыкновенныхъ и неразумныхъ, не только что Павелъ, исполненный такой мудрости. Отсюда очевидно, что одинъ и тотъ же Богъ, поразившій іудеевъ въ пустынѣ и имѣющій наказать согрѣшающихъ изъ насъ, потому что—опять скажу то же—если бы Онъ былъ не одинъ и тотъ же, то Павелъ не сталъ бы устрашать насъ въ будущемъ тѣмъ, что уже было совершено Имъ прежде; а такъ какъ Онъ одинъ и тотъ же, то апостолъ внушаетъ этимъ неотразимое ожиданіе наказаній, показывая, что нужно бояться и страшиться. Тотъ, кто наказалъ согрѣшившихъ отцовъ нашихъ, не пощадитъ и насъ, совершающихъ такіе же грѣхи. Впрочемъ, слѣдуетъ обратиться къ самому началу рѣчи и разобрать каждое слово со всею точностію. *Не хощу васъ не вѣдѣти, братіе.* Учениковъ онъ назвалъ братьями, не по достоинству ихъ, но по любви къ нимъ, называя ихъ этимъ именемъ. Онъ зналъ, хорошо зналъ, что нѣтъ ничего равнаго ей и что высочайшій видъ достоинства есть тотъ, который выражаетъ любовь. Этому прежде всего будемъ подражать и мы. Хотя 246
бы иные были гораздо ниже насъ, будемъ называть ихъ почтительнымъ именемъ—не только свободныхъ, но и рабовъ, не только богатыхъ, но и бѣдныхъ. И Павелъ почтилъ такимъ названіемъ не только богатыхъ между коринѳянами, не только свободныхъ, знатныхъ и славныхъ, но и простыхъ людей, и рабовъ, и всѣхъ вообще, потому что *о Христѣ Іисусѣ нѣсть рабъ, ни свободь,* нѣтъ ни варвара, ни скиѳа, ни мудраго, ни немудраго, но уничтожено всякое неравенство житейскаго достоинства (Гал. III, 28). И что удивительнаго, если Павелъ такъ называетъ подобныхъ себѣ рабовъ, когда и Владыка его такъ назвалъ родъ нашъ, сказавъ: *повѣмъ имя Твое братіи моей, посредѣ церкве воспою Тя* (Псал. XXI, 23). И не только назвалъ Онъ насъ братьями, но и Самъ благоволилъ сдѣлаться нашимъ братомъ, облекшись нашею плотію и сдѣлавшись причастникомъ одного съ нами естества. Этому самому удивляясь, Павелъ говорилъ: *не отъ ангелъ бо пріемлетъ* Богъ, *но отъ сѣмене Авраамова пріемлетъ: отнюдуже долженъ бѣ по всему подобитися братіи;* и еще: *понеже убо дѣти пріобщишася плоти и крови, и той приискреннѣ пріобщися тѣхже* (Евр. II, 14, 16, 17).

Слыша все это, исторгнемъ изъ души нашей высокомѣріе, гордость и всякую надменность, и съ великимъ тщаніемъ будемъ стараться называть ближнихъ именами почтительными и уважительными. Хотя это дѣло кажется маловажнымъ и ничтожнымъ, однако оно бываетъ причиною многихъ благъ; равно какъ противное тому часто производило много несогласій, ссоръ и вражды И не только это слово, но и слѣдующее нужно обсудить съ великою тщательностію. Сказавъ: *не хощу васъ не вѣдѣти, братіе,*

апостолъ присовокупилъ: *яко отцы наши вси*. Не сказалъ: іудеи, или исшедшіе изъ Египта; а—что? *Отцы наши вси*; показываетъ и свое смиренномудріе тѣмъ, что не отказывается отъ родства съ ними, хотя былъ столько выше ихъ по добродѣтели, и вмѣстѣ съ тѣмъ обуздываетъ безстыдный языкъ порицающихъ ветхій завѣтъ. Если бы онъ имѣлъ враждебное расположеніе къ этому завѣту, то не упомянулъ бы въ почтительныхъ выраженіяхъ о жившихъ тогда, которые всѣ подлежали осужденію. *Вси*. Не безъ причины и не напрасно сказалъ онъ это слово: *вси*, но съ великою мудростію. Не однажды только онъ произнесъ его, но и дважды, и трижды, и многократно, чтобы ты уразумѣлъ, что не безъ причины онъ употребилъ это слово. Сказавъ: *яко отцы наши вси подъ облакомъ быша*; онъ продолжаетъ: *и вси сквозѣ море проидоша, и вси въ Моисеа крестишася, и вси тожде брашно духовное ядоша, и вси тожде пиво духовное пиша*. Слышишь ли, какъ часто онъ повторяетъ: *вси*? Онъ не сдѣлалъ бы этого, если бы не хотѣлъ выразить какой-нибудь великой и дивной тайны. Если бы онъ употребилъ это слово просто, то достаточно было бы одинъ разъ сказать его и не повторять болѣе, и выразиться такъ: *яко отцы наши вси подъ облакомъ быша, и сквозѣ море проидоша, и въ Моисеа крестишася, и тожде брашно духовное ядоша, и тожде пиво духов-*
247 *ное пиша*. А между тѣмъ онъ не такъ сказалъ, но при каждомъ случаѣ прибавилъ: *вси*, отверзая намъ не малую дверь къ уразумѣнію его мысли, чтобы видѣть его мудрость. Для чего же онъ часто повторяетъ это слово? Онъ желаетъ показать, что есть великое сродство ветхаго завѣта съ новымъ, и что первый былъ образомъ послѣдняго и тѣнію будущаго. И, во-первыхъ, этимъ онъ показываетъ ихъ сходство. Какъ въ церкви,—это желаетъ онъ показать,—нѣтъ различія между рабомъ и свободнымъ, между пришельцомъ и гражданиномъ, старымъ и юнымъ, мудрымъ и немудрымъ, частнымъ человѣкомъ и начальникомъ, женою и мужемъ, но всякій возврастъ, всякое званіе и оба пола одинаково вступаютъ въ водную купель, хотя бы то былъ царь, хотя бы нищій, и получаютъ одинаковое очищеніе, и это особенно служитъ величайшимъ доказательствомъ нашего благородства, что мы посвящаемъ въ таинства одинаково и нищаго и носящаго багряницу и нѣтъ никакого преимущества у послѣдняго предъ первымъ по отношенію къ таинствамъ, въ такомъ же смыслѣ и о ветхомъ завѣтѣ онъ многократно употребляетъ слово: *вси*. Въ самомъ дѣлѣ ты не можешь сказать, что Моисей прошелъ по сушѣ, а іудеи по морю, богатые инымъ путемъ, а бѣдные инымъ, женщины подъ воздухомъ, а мущины подъ облакомъ, но *сквозѣ море вси, подъ облакомъ вси* и *въ Моисеа вси*. Такъ какъ этотъ

переходъ былъ прообразомъ будущаго крещенія, то прежде всего нужно было прообразовать то, что всѣ участвовали въ одномъ и томъ же, подобно тому, какъ и здѣсь равно участвуютъ въ одномъ и томъ же. А какъ, скажешь, это могло быть прообразомъ настоящаго? Когда ты узнаешь, что такое образъ и что истина, тогда я представлю тебѣ объясненіе и на это.

4. Что же такое тѣнь и что̀ истина? Мы обратимъ рѣчь къ изображеніямъ, которыя пишутъ живописцы. Ты часто видалъ, какъ на царскомъ изображеніи, нарисованномъ темною краскою, живописецъ проводитъ бѣлыя полосы, и изображаетъ царя и царскій престолъ, и коней, предстоящихъ ему, и копьеносцевъ, и враговъ связанныхъ и поверженныхъ. И однако, смотря на всѣ эти тѣни, ты не все узнаешь и не все понимаешь, но только неясно различаешь, что изображается человѣкъ и конь; а какой это царь и какой врагъ, ты не очень отчетливо видишь, пока наложенныя настоящія краски не изобразятъ лица ихъ и не сдѣлаютъ ихъ яснѣйшими. Поэтому, какъ въ этомъ изображеніи ты не требуешь всего, прежде наложенія настоящихъ красокъ, но, хотя бы ты получалъ нѣкоторое неясное представленіе о предметѣ, считаешь картину довольно совершенною, такъ разсуждай и о ветхомъ и новомъ завѣтѣ, и не требуй отъ меня всего точнаго представленія истины въ образѣ; тогда мы и будемъ имѣть возможность научить тебя, какъ ветхій завѣтъ имѣетъ нѣкоторое сродство съ новымъ, и тотъ переходъ (чрезъ Чермное море) съ нашимъ крещеніемъ. Тамъ вода, и здѣсь вода; здѣсь купель, тамъ море; здѣсь всѣ вступаютъ въ воду, и тамъ всѣ: въ этомъ сходство. Хочешь ли теперь узнать истину этихъ оттѣнковъ? Тамъ чрезъ море избавились отъ Египта; здѣсь (чрезъ крещеніе) отъ идолослуженія; тамъ потопленъ фараонъ, здѣсь — діаволъ. Тамъ потонули египтяне, здѣсь погребается ветхій, грѣховный человѣкъ. Видишь сходство образа съ истиною и превосходство истины предъ образомъ. Образъ не долженъ быть совершенно чуждымъ истинѣ — иначе онъ не будетъ образомъ; но съ другой стороны онъ не долженъ быть и равнымъ истинѣ — иначе онъ будетъ самою истиною, а долженъ оставаться въ своихъ предѣлахъ, и не имѣть всего, и не быть лишеннымъ всего, что̀ имѣетъ истина. Если бы онъ имѣлъ все, то былъ бы самою истиною, а если будетъ лишенъ всего, то не можетъ быть образомъ; но онъ долженъ одно имѣть, а другое оставить истинѣ. Итакъ, не требуй отъ меня всего въ событіяхъ ветхаго завѣта; но если получишь нѣкоторые малые и неясные намеки, принимай это съ любовію. Въ чемъ же сходство этого образа съ истиною? Въ томъ, что тамъ всѣ, и здѣсь всѣ; тамъ посредствомъ воды, и

248

здѣсь посредствомъ воды; тѣ освободились отъ рабства, и мы отъ рабства, но не такого: тѣ отъ рабства египтянамъ, а мы отъ рабства бѣсамъ; тѣ отъ рабства иноплеменникамъ, а мы отъ рабства грѣху; тѣ приведены къ свободѣ, и мы также, но не къ такой, а гораздо лучшей. Если же наши обстоятельства лучше и превосходнѣе тѣхъ, не смущайся этимъ. Таково особенное свойство истины — имѣть великое превосходство предъ образомъ, но не противоположность и не противорѣчіе. Что же значитъ: *вси въ Моисеа крестишася?* Эти слова, можетъ быть, неясны; постараюсь поэтому сдѣлать ихъ болѣе ясными. Разливалось тогда море предъ глазами израильтянъ, и повелѣно было имъ перейти этимъ страннымъ и необычайнымъ путемъ, которымъ никто изъ людей никогда не проходилъ. Они не рѣшались, уклонялись и боялись. Моисей прошелъ первый, а за нимъ и всѣ удобно послѣдовали. Это значитъ: *въ Моисеа крестишася;* повѣривъ ему, они такимъ образомъ осмѣлились вступить въ воду, имѣя предводителя путешествія. Тоже было и со Христомъ: выводя насъ изъ заблужденія, избавляя отъ идолослуженія и руководя къ царству, Онъ самъ проложилъ намъ путь, восшедши первымъ на небеса. Итакъ, подобно тому какъ израильтяне, повѣривъ Моисею, рѣшились идти, такъ и мы, вѣруя во Христа, смѣло совершаемъ свое странствованіе. А что именно это означаютъ слова: *вси въ Моисеа крестишася,* ясно изъ исторіи, такъ какъ они не крестились во имя Моисея. Если же мы не только имѣемъ въ Іисусѣ Христѣ предводителя, но и крещаемся во имя Его, тогда какъ израильтяне не крестились во имя Моисея, не смущайся и этимъ, потому что, какъ я сказалъ, истина должна имѣть нѣкоторое великое и неизреченное превосходство (предъ своимъ образомъ).

Видишь, что̀ въ крещеніи составляетъ образъ, и что — истину? Теперь я объясню тебѣ, какъ прообразована тамъ и (божественная) трапеза и пріобщеніе таинъ, если опять ты не будешь требовать отъ меня всего, а станешь смотрѣть на событія, какъ на тѣнь и образы. Сказавъ о морѣ, облакѣ и Моисеѣ, апостолъ присовокупилъ: *и вси тожде брашно духовное ядоша.* Какъ ты, говоритъ, выходя изъ водной купели, приступаешь къ трапезѣ,
249 такъ и они, по выходѣ изъ моря, приступили къ трапезѣ, новой и необыкновенной: разумѣю манну. И еще: какъ ты имѣешь необыкновенное питіе—спасительную кровь, такъ и они имѣли питіе необыкновеннаго рода, нашедши не источники и не текущія рѣки, но получивъ изъ камня твердаго и безводнаго весьма обильные потоки. Поэтому онъ и назвалъ это питіе *духовнымъ;* не потому, чтобы оно было такимъ по своей природѣ, но потому, что было такимъ по способу произведенія. Не

по закону природы оно дано было имъ, а по дѣйствію Бога, который велъ ихъ. Это самое и онъ подтверждаетъ въ словахъ своихъ. Сказавъ: *и вси тожде пиво духовное пиша,* — а питіемъ была вода, — и желая показать, что слово: *духовное* относится не къ свойству воды, а къ способу ея произведенія, онъ присовокупилъ: *піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ.* Не свойство камня, говоритъ, но сила дѣйствующаго Бога произвела эти потоки.

5. Здѣсь онъ съ корнемъ вырываетъ и ересь Павла Самосатскаго. Въ самомъ дѣлѣ, если все это совершалъ Христосъ, то какъ говорятъ, будто Онъ началъ существовать съ того времени, когда Марія родила Его? Если событія въ пустынѣ оказываются совершившимися раньше Маріи, а все это совершалъ Христосъ, по слову Павла, то необходимо Онъ былъ прежде этого рожденія и прежде этого чревоношенія, потому что несуществовавшій, конечно, не могъ бы совершать столь чудныхъ и необыкновенныхъ дѣлъ. Какъ словами: *вси сквозѣ море проидоша,* апостолъ изобразилъ величіе церкви, прообразованной издревле, такъ и словами: *вси тожде брашно духовное ядоша,* онъ выразилъ опять то же самое. Подобно тому, какъ въ церкви не иное тѣло принимаетъ богатый, а иное бѣдный, и не иную кровь тотъ, а иную этотъ, — такъ и тогда не иную манну получалъ богатый, а иную бѣдный, и не инымъ источникомъ пользовался тотъ, а инымъ худшимъ этотъ; но какъ теперь одна и та же трапеза, одна и та же чаша, одна и та же пища предлагается всѣмъ, приходящимъ сюда, такъ и тогда одна и та же манна, одинъ и тотъ же источникъ предлагались всѣмъ. И, что́ подлинно чудно и удивительно, нѣкоторые въ то время старались собирать (манны) больше надлежащаго, и такое любостяжаніе не приносило имъ никакой пользы. Доколѣ они соблюдали надлежащую мѣру, манна оставалась манною, а когда старались собирать болѣе, то любостяжаніе обращало манну въ червей; и хотя они дѣлали это не въ ущербъ другимъ, — потому что не похищая пищу у ближняго они собирали больше, — однако были осуждены за то, что желали большаго. Хотя они нисколько не вредили ближнему, но весьма много вредили себѣ самимъ, такимъ способомъ собиранія пріучаясь къ любостяжанію. Такимъ образомъ одно и то же служило и пищею и наукою богопознанія; вмѣстѣ и питало тѣла и научало душу, и не только питало, но и избавляло отъ трудовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно было ни запрягать воловъ, ни влачить плуга, ни проводить борозды, ни ожидать цѣлый годъ плодовъ, но они имѣли трапезу готовую, свѣжую, новую и ежедневную, и самымъ дѣломъ научались евангельской заповѣди — не заботиться о зав-

трашнемъ днѣ (Мѳ. vi, 34), такъ какъ не было никакой пользы отъ этой заботы, потому что если кто собиралъ больше, то собранное повреждалось и погибало и служило только обличеніемъ любостяжанія. Далѣе, чтобы не считали манны за дождь, падающій есте-
250 ственнымъ порядкомъ, въ день субботній ничего подобнаго не было; этимъ Богъ внушалъ имъ двѣ мысли, именно: что въ предшествующіе дни Онъ самъ производилъ этотъ дивный и необыкновенный дождь, и что въ этотъ день Онъ для того не посылалъ его, чтобы они невольно научались праздновать день субботній. И не по пищѣ только, но и по одеждѣ, и обуви, и по всему прочему можно было на самомъ дѣлѣ видѣть уже тогда исполняемыми заповѣди, данныя апостоламъ. Они, по распоряженію Божію, не имѣли ни дома, ни трапезы, ни ложа, ни второй одежды, ни обуви. Видишь, какое сходство ветхаго завѣта съ новымъ. Какъ послѣ Христосъ училъ апостоловъ касательно необходимыхъ потребностей, подобнымъ образомъ и у израильтянъ устроенъ былъ образъ жизни, и вся тварь готова была къ служенію имъ. Для чего же, скажешь, все это было? Богъ хотѣлъ поселить ихъ въ одномъ мѣстѣ вселенной и повелѣть, чтобы они постоянно тамъ служили Ему и не создавали ни храма, ни жертвенника ни въ какомъ другомъ мѣстѣ вселенной, но только тамъ приносили дары и жертвы, совершали празднества, читали законъ и исполняли всѣ прочія священныя обязанности. Поэтому, чтобы не подумали, будто и промыслъ Его ограничивается тѣмъ опредѣленнымъ мѣстомъ служенія и будто Онъ есть ихъ частный Богъ, Онъ предварительно показалъ силу свою въ чужой землѣ, въ Египтѣ, въ пустынѣ, гдѣ никто не служилъ Ему, гдѣ никто не покланялся Ему; и тварь иногда служила къ произведенію дѣйствій противныхъ ея природѣ, убѣждая самыхъ неразумныхъ приписывать Ему и первоначальное сотвореніе вещей. Такъ море однихъ потопляло, а другихъ спасало; и воздухъ то наносилъ градъ и губилъ иноплеменниковъ, то приносилъ манну и питалъ іудеевъ. Равно и земля производила то мошекъ ко вреду враговъ, то перепеловъ ко спасенію своихъ. Для тѣхъ и днемъ была тьма, для этихъ и ночью свѣтъ. Египтяне, имѣя текущій Нилъ, погибали отъ жажды и засухи, а израильтяне, странствуя въ пустынѣ сухой и знойной, пользовались водою въ большомъ изобиліи; тѣхъ одолѣвали жабы, а этихъ и исполины тамъ не могли преодолѣть.

6. Но для чего объ этомъ напомнилъ намъ блаженный Павелъ? По той причинѣ, о которой я сказалъ вамъ вначалѣ, чтобы ты зналъ, что ни крещеніе, ни отпущеніе грѣховъ, ни вѣдѣніе, ни пріобщеніе таинъ, ни священная трапеза, ни сподобленіе тѣла, ни пріобщеніе крови, и ничто другое не можетъ принести намъ

никакой пользы, если мы не станемъ вести жизнь честную, строгую и чуждую всякаго грѣха. А что дѣйствительно для этого онъ напомнилъ о такихъ событіяхъ, видно изъ того, что онъ, представивъ образъ крещенія въ морѣ и облакѣ, и образъ таинъ въ маннѣ и камнѣ, и сказавъ: *вси тожде брашно духовное ядоша, и тожде пиво духовное пиша*, присовокупилъ: *но не во множайшихъ ихъ благоволи Богъ* (1 Кор. x, 5). Послѣ столь многихъ, говоритъ, и столь великихъ чудесъ Богъ не возлюбилъ ихъ, а что? *Поражени быша въ пустыни.* Для чего же говоришь ты намъ объ этомъ, Павелъ? *Сія же образы намъ быша, яко не быти намъ похотникомъ злыхъ, якоже и они похотѣша, ни* быти *идолослужители, якоже нѣцыи отъ* 251
нихъ: якоже есть писано: сѣдоша людіе ясти и пити, и восташа играти (Исх. xxxii, 6). Посмотри на мудрость Павла. Онъ сказалъ о грѣхѣ, сказалъ и о причинѣ грѣха, сказалъ и о наказаніи за грѣхъ, научая насъ всѣмъ этимъ—остерегаться подражанія имъ. Причиною грѣха было объяденіе: *сѣдоша людіе ясти и пити.* Грѣхъ—самое *играніе.* Затѣмъ наказаніе: *поражени быша въ пустыни.* Далѣе: *ниже соблудимъ, якоже нѣцыи отъ нихъ соблудиша.* Здѣсь онъ не высказалъ причины блудодѣянія, а только наказаніе. Какое? *Падоша во единъ день двадесять три тысящы.* Почему же онъ не высказалъ причины, отъ которой происходило блудодѣяніе? Онъ предоставилъ любознательнымъ обратиться къ исторіи, и изъ ней узнать корень этого зла. Въ этомъ и состоитъ лучшій способъ врачеванія,—говорить, отъ чего происходятъ болѣзни, и прилагать врачевства къ ранамъ. Поэтому онъ и говоритъ: *сія же вся образы прилучахуся онѣмъ: писана же быша въ наученіе наше* (1 Кор. x, 11). Такимъ образомъ Тотъ самый, Кто сдѣлалъ все это и наказалъ непослушныхъ, вразумляетъ теперь насъ не только словами, но и самыми событіями; а это есть величайшій способъ вразумленія. Видишь ли, какъ для находящихся въ благодати онъ представилъ учителя, совершившаго такія дѣла въ ветхомъ завѣтѣ, внушая, что Одинъ и тотъ же и сдѣлалъ все то и говоритъ это чрезъ него? Если бы тамъ былъ кто-нибудь иной, то онъ не назвалъ бы тогдашнихъ событій *образами* настоящихъ и не сказалъ бы, что *сія писана быша въ наученіе наше*, не представилъ бы намъ такого учителя, котораго не признавалъ бы Богомъ, и не устрашалъ бы тѣмъ, что́ было сдѣлано Имъ тогда, насъ, имѣющихъ также впасть *въ руцѣ* Его. А теперь, желая внушить, что мы также имѣемъ *впасть въ руцѣ* Его и что тѣ и другіе люди, 252
тогдашніе и нынѣшніе, управляются Его законами, онъ напомнилъ о всемъ томъ и сказалъ: *писана быша въ наученіе наше.* Итакъ, зная это, будемъ вѣрить и прошедшему и будущему. Если же есть нѣкоторые, невѣрующіе будущему, то станемъ научать

ихъ усердію къ добродѣтели прошедшимъ, повѣствуя о случившемся съ содомлянами, разсказывая о бывшемъ во время потопа, напоминая о событіяхъ въ Египтѣ, чтобы они, вразумившись наказаніями другихъ и оказавъ лучшую жизнь, приняли и ученіе о геennѣ и о воскресеніи. Вѣдь и теперь всѣ, невѣрующіе суду, таковы не отъ чего иного, какъ отъ развратной жизни и порочной совѣсти,—такъ что, если мы очистимъ себя отъ грѣховъ и вразумимся страхомъ прошедшаго, то убѣдимся принять ученіе и о будущемъ. Какъ неправое ученіе обыкновенно ведетъ за собою дурную жизнь, такъ и развратная жизнь часто производитъ неправыя ученія. Итакъ, чтобы этого не случилось, будемъ повторять эти слова и себѣ самимъ и другимъ, постоянно сохранять правую вѣру и оказывать наилучшую жизнь, потому что со всѣхъ сторонъ доказано, что безъ нея и правое ученіе не принесетъ намъ никакой пользы. Да сподобимся же молитвами святыхъ и всѣхъ предстоятелей сохранить въ цѣлости правое ученіе, которое мы получили свыше и отъ предковъ, и сопровождать его сообразною съ нимъ жизнію, чтобы намъ получить обѣтованныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на слова апостола: Подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бываютъ (1 Кор. xi, 19).

251—252 1. Недавно это духовное зрѣлище наше было достаточно взволновано, когда я изображалъ вамъ словомъ Іерусалимъ плачущій и возвѣщающій о собственныхъ бѣдствіяхъ. Тогда я видѣлъ, какъ прискорбныя очи ваши источали потоки слезъ, видѣлъ изъ этого сѣтованія, что душа каждаго была исполнена воз-
253 дыханій и сокрушенія. Примѣтивъ это, я тотчасъ прекратилъ такое прискорбное изображеніе, превалъ свою рѣчь, и удержалъ вопль, который готовъ былъ вырваться изъ сердца каждаго. Душа, объятая печалію, не можетъ ничего здраваго ни говорить, ни слушать. Но почему теперь я напомнилъ вамъ объ этомъ? Потому, что имѣющее быть сказаннымъ сегодня сходно съ сказаннымъ тогда. Какъ то направлено было къ истребленію нашей безпечности въ жизни и исправленію лѣности въ дѣйствіяхъ, — такъ точно и то, что

мы скажемъ теперь о тщательномъ соблюденіи догматовъ, можетъ сдѣлать насъ болѣе твердыми, во всемъ совершенными и достигшими, по слову божественнаго апостола, *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста* (Еф. IV, 13). Тогда мы врачевали ваше тѣло, а теперь будемъ врачевать голову, тогда словами Іереміи, а теперь словами Павла.

Какія же эти слова Павла, которыя предстоитъ намъ объяснить сегодня? *Подобаетъ бо*, говоритъ, *и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ васъ* (1 Кор. XI, 19). Это—предметъ не маловажный. Въ самомъ дѣлѣ, если въ видѣ совѣта Павелъ говоритъ: *подобаетъ бо и ересемъ быти*, то вводители ересей не виновны. Но это не такъ, не такъ; это—слова не совѣтующаго, но предсказывающаго будущее. Какъ врачъ, видя больнымъ человѣка, преданнаго объяденію, пьянству и другимъ запрещеннымъ дѣламъ, говоритъ, что это разстройство должно произвести горячку, — говоритъ не въ видѣ закона или совѣта, но въ видѣ предсказанія о будущемъ, судя по настоящему; и какъ земледѣлецъ или кормчій, видя скопленіе облаковъ и удары грома съ молніею, говоритъ, что эти облака должны произвести непогоду и сильный дождь,—говоритъ не видѣ совѣта, но предсказанія о будущемъ: въ такомъ смыслѣ и Павелъ употребилъ слово *подобаетъ*. Такъ часто и мы, видя людей ссорящихся между собою и осыпающихъ другъ друга тяжкими злословіями, говоримъ, что должно произойти между ними столкновеніе и заключеніе ихъ подъ стражу,—говоримъ не въ видѣ увѣщанія или совѣта имъ — можетъ ли это быть?—но заключая по настощему о будущемъ. Такъ точно и Павелъ не въ видѣ совѣта говоритъ: *подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти*, но предсказывая и пророчествуя объ имѣющемъ случиться. А что онъ не совѣтуетъ быть ересямъ, доказываютъ слова, которыя самъ онъ говоритъ: *аще ангелъ благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. I, 8). Самъ онъ отвергаетъ обрѣзаніе, такъ какъ уже не благовременно было соблюдать его, и оно нарушало бы чистоту проповѣди, и говоритъ: *аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. V, 2). Какъ же, скажешь, онъ присовокупилъ и причину, сказавъ: *да искусніи явлени бываютъ*? Слово *да* въ Писаніяхъ часто означаетъ не причину, а слѣдствіе дѣла. Напримѣръ, Христосъ пришелъ и даровалъ прозрѣніе слѣпому; этотъ поклонился Ему; а іудеи, по исцѣленіи его, дѣлали все, чтобы затьмить это чудо, и гнали Христа. Тогда Онъ сказалъ: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да не видящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (Іоан. IX, 39). Неужели Онъ пришелъ для того, чтобы они стали слѣпыми? Онъ пришелъ не для этого, но такъ случилось,

и это слѣдствіе Онъ выразилъ въ видѣ причины. Еще: законъ
254 данъ былъ для того, чтобы воспрепятствовать совершенію грѣховъ, чтобы сдѣлать болѣе скромными тѣхъ, которые получили его. Но по нерадѣнію ихъ вышло противное,—грѣхи умножились; поэтому Павелъ и говоритъ: *законъ же привниде, да умножится прегрѣшеніе* (Рим. v, 20); между тѣмъ не для того онъ *привниде*, но чтобы уменьшить прегрѣшенія. А это случилось по развращенію тѣхъ, которые приняли его. Такъ точно и здѣсь слово: *да* означаетъ не причину, а слѣдствіе. О томъ же, что была другая причина ересей, что не для того были ереси, *да искусніи явлени бываютъ*, и что онѣ происходили по другимъ поводамъ, послушай Христа, который объясняетъ намъ это: *уподобися царствіе небесное*, говоритъ Онъ, *человѣку сѣявшу доброе сѣмя на селѣ своемъ: спящымъ же человѣкомъ, пріиде врагъ* человѣкъ *и всѣя плевелы* (Мѳ. xiii, 24, 25). Видишь ли, что ереси отъ того, что люди спали, были безпечны, не тщательно внимали сказанному? Итакъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: для чего же Христосъ попустилъ это?—Павелъ говоритъ: это попущеніе нисколько не вредитъ тебѣ; если ты *искусенъ*, то еще болѣе обнаружишься такимъ. Не все вѣдь равно стоять въ правой вѣрѣ тогда, когда никто не поставляетъ преткновеній и не соблазняетъ, или быть твердымъ и непоколебимымъ среди нападеній безчисленныхъ волнъ. Какъ напоры вѣтровъ, колебля дерева со всѣхъ сторонъ, дѣлаютъ ихъ болѣе крѣпкими, если они хорошо и твердо укоренились; такъ точно и души, утвердившіяся на основаніи правой вѣры, какія бы ни нападали на нихъ ереси, не развращаются, но дѣлаются болѣе сильными. А что, скажешь, бываетъ съ слабыми, легко развращающимися и падающими? И онѣ подвергаются этому не вслѣдствіе нападенія ересей, а вслѣдствіе собственной слабости; разумѣю слабость не естественную, а происходящую отъ воли, достойную осужденія, наказанія и мученія, которую мы сами властны исправить. Поэтому когда мы исправляемъ ее, то получаемъ похвалу, а когда не исправляемъ, то подвергаемся наказанію.

2. А чтобы ты убѣдился, что внимательнымъ ничто не можетъ причинить вреда, я постараюсь показать это и другимъ образомъ. Что можетъ быть злѣе и преступнѣе діавола? Но и этотъ злой, коварный и имѣющій великую силу, напавъ на Іова со всѣми своими кознями и истощивъ весь колчанъ стрѣлъ своихъ на домъ и тѣло праведника, не только ниспровергъ его, но сдѣлалъ еще болѣе славнымъ. Такъ Іовъ не получилъ тогда никакого вреда отъ самого діавола; а Іуда, какъ нерадивый и безпечный, не получилъ никакой пользы и отъ общенія со Христомъ, но остался предателемъ, послѣ многихъ увѣщаній и вну-

шеній; причиною то, что не желающаго (дѣлать добро) Богъ не принуждаетъ и не заставляетъ, какъ Онъ поступилъ и съ нимъ. Такимъ образомъ, если мы будемъ бодрствовать, то и діаволъ не можетъ повредить намъ; если же не станемъ бодрствовать, а будемъ безпечными, то и отъ полезнаго никогда не получимъ пользы, но даже потерпимъ величайшій вредъ. Таково зло — без- 255
печность. Такъ іудеи отъ пришествія Христова не только не получали пользы, но даже потерпѣли вредъ; впрочемъ не отъ Христа, а отъ собственной своей безпечности и нерадѣнія. Объ этомъ послушай, какъ говоритъ самъ Христосъ: *аще не быхъ*, говоритъ Онъ, *пришелъ и глаголахъ имъ, грѣха не быша имѣли: нынѣ же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ* (Іоан. XV, 22). Видишь ли, что пришествіе Его лишило ихъ прощенія и отняло у нихъ оправданіе? Таково зло — не быть внимательнымъ къ себѣ и не настраивать себя, какъ должно. Тоже можно видѣть и на тѣлахъ; того, кто страдаетъ зрѣніемъ, и самое солнце обыкновенно помрачаетъ, а здоровому и мракъ не можетъ вредить. Не напрасно я распространяюсь объ этомъ, но потому, что многіе, вмѣсто того, чтобы обвинять собственную свою безпечность и исправлять свое нерадѣніе и безчувственность, не дѣлаютъ этого, но всячески изыскиваютъ для себя разныя оправданія и говорятъ: если бы не было діавола, то мы не погибли бы; если бы не было закона, то мы не грѣшили бы; если бы не было ересей, то мы не падали бы. Это — ложныя оправданія и предлоги твои, человѣкъ! Внимательному ничто никогда не вредитъ, равно какъ спящему, безпечному и не заботящемуся о своемъ спасеніи ничто не приноситъ пользы. Это самое выражаетъ и Павелъ, когда говоритъ: *да искусніи явлени бываютъ въ васъ*, т. е. не смущайтесь и не бойтесь, ереси нисколько не могутъ повредить вамъ. Такимъ образомъ очевидно, что, если бы даже рѣчь была объ ересяхъ, и тогда изреченіе его не представляло бы затрудненія; оно есть пророчество, а не совѣтъ, предсказаніе, а не увѣщаніе; и слово: *да* означаетъ слѣдствіе, а не причину. Но что теперь у него рѣчь не о догматахъ, а о бѣдныхъ и богатыхъ, о яденіи и неяденіи, о невоздержаніи и пресыщеніи богатыхъ, и о забвеніи ими бѣдныхъ, для этого позвольте повторить сказанное имъ нѣсколько выше; иначе слова его не могутъ быть для васъ ясными. Когда апостолы начали сѣять слово благочестія, тотчасъ обратились три тысячи, а потомъ пять тысячъ человѣкъ, и у всѣхъ ихъ *бѣ сердце и душа едина*. А причиною такого согласія, скрѣпляющею любовь ихъ и столько душъ соединяющею въ одно, было презрѣніе богатства. *Ни единъ же*, говорится, *что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща* (Дѣян. IV, 32). Когда былъ исторгнутъ корень золъ, —

разумѣю сребролюбіе,—то привзошли всѣ блага и они тѣсно были соединены другъ съ другомъ, такъ какъ ничто не раздѣляло ихъ. Это жесткое и произведшее безчисленныя войны во вселенной выраженіе: *мое* и *твое,* было изгнано изъ той святой церкви, и они жили на землѣ, какъ ангелы на небѣ: ни бѣдные не завидывали богатымъ, потому что не было богатыхъ, ни богатые не презирали бѣдныхъ, потому что не было бѣдныхъ, *но бяху имъ вся обща: и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти*; не такъ было тогда, какъ бываетъ нынѣ. Нынѣ подаютъ бѣднымъ имѣющіе собственность, а тогда было не такъ, но отказавшись отъ обладанія собственнымъ богатствомъ, положивъ его предъ всѣми
256 и смѣшавъ съ общимъ, даже и незамѣтны были тѣ, которые прежде были богатыми, такъ что, если какая можетъ рождаться гордость отъ презрѣнія къ богатству, то и она была совершенно уничтожена, такъ какъ во всемъ у нихъ было равенство, и всѣ богатства были смѣшаны вмѣстѣ. И не отсюда только, но и изъ самаго способа отдачи имущества можно видѣть ихъ благочестіе. *Елицы бо господіе селомъ, или домовомъ бяху, продающе приношаху цѣны и полагаху при ногахъ апостолъ* (Дѣян. IV, 34, 35). Не сказано, что они отдавали въ руки апостоловъ, но *полагаху при ногахъ* ихъ, выражая этимъ уваженіе, почтеніе и благоговѣніе, какое они имѣли къ апостоламъ. Они считали это дѣло не отдачею, а больше полученіемъ. Это особенно и значитъ презирать богатство, это собственно и значитъ питать Христа, когда ты дѣлаешь это не съ высокомѣріемъ и гордостію, когда ты отдаешь такъ, какъ бы этимъ оказывая благодѣяніе больше самому себѣ, чѣмъ принимающему. Если же ты не такъ расположенъ, то и не давай; если ты не считаешь этого болѣе полученіемъ, нежели отдачею, то и не дѣлай подаянія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Павелъ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ такъ: *сказуемъ же вамъ, братіе, благодать Божію данную въ церквахъ Македонскихъ: яко яже во глубинѣ нищета ихъ избыточествова въ богатство простоты ихъ: яко по силѣ, свидѣтельствую, и паче силы доброхотни, со многимъ моленіемъ моляще насъ благодать и общеніе служенія, еже ко святымъ* исполнили они (2 Кор. VIII, 1—4). Видишь ли, какъ онъ удивляется имъ болѣе за то, что они съ благодарностію, прося и умоляя, щедро отдавали свое имущество?

3. Поэтому мы удивляемся и Аврааму,— не только потому, что онъ закололъ тельца и замѣсилъ муки, но и потому, что онъ съ великимъ удовольствіемъ и смиренномудріемъ принималъ странниковъ, выходя имъ на встрѣчу, услуживая имъ, называя ихъ господами, полагая, что онъ нашелъ сокровище безчисленныхъ благъ, когда видѣлъ проходящимъ какого-нибудь странника.

Такимъ образомъ бываетъ двойная милостыня, когда мы даемъ, и притомъ даемъ съ охотою: *доброхотна бо дателя*, говорится въ Писаніи, *любитъ Богъ* (2 Кор. IX, 7). Если же ты раздашь, хотя бы тысячи талантовъ, съ гордостію, надменностію и тщеславіемъ, то погубишь все,—подобно тому какъ фарисей, который отдавалъ десятую часть изъ своего имущества, но превозносился и надмевался этимъ, вышелъ изъ храма, погубивъ все. Не такъ было при апостолахъ, но съ радостію, съ веселіемъ, и считая величайшимъ для себя пріобрѣтеніемъ, вѣрующіе приносили деньги и считали вожделѣннымъ для себя, если апостолы удостоивали принять ихъ. Какъ тѣ, которымъ поручаются высокія должности и которые отправляются жить въ столичные города, совершенно продаютъ все свое имѣніе и такимъ образомъ переселяются, такъ точно поступали и тогдашніе люди, получивъ призваніе на небо, въ высшую столицу и въ тамошнее царство. Они знали, что небо—истинное ихъ отечество; и потому, обращая въ деньги свое имущество, препровождали его туда чрезъ руки апостоловъ. Подлинно, крайне безумно допускать чему-нибудь изъ нашего имущества оставаться здѣсь, тогда какъ мы сами спустя немного времени должны переселиться отсюда; а что останется, то будетъ ущербомъ. Итакъ, пусть все напередъ препровождается туда, гдѣ 257
потомъ и мы будемъ жить всегда. Это представляя, вѣрующіе и отдавали все свое имущество, и совершалось двоякое доброе дѣло: они облегчали бѣдность нуждающихся, и свое имущество дѣлали большимъ и безопаснѣйшимъ, перелагая сокровища свои на небо.

Отъ такого закона и нрава происходилъ тогда въ церквахъ дивный обычай: всѣ собравшіеся вѣрные не тотчасъ уходили домой по выслушаніи ученія, послѣ молитвъ, послѣ пріобщенія таинъ, по отпускѣ собранія, но богатые и болѣе достаточные, принося съ собою изъ дому хлѣба и яствъ, приглашали бѣдныхъ, устрояли общія трапезы, общія угощенія, общія вечери въ самой церкви, такъ что и отъ общенія въ трапезѣ, и отъ благоговѣнія къ мѣсту, и отъ всего у нихъ скрѣплялась любовь, и происходило для нихъ великое удовольствіе и великая польза. Бѣдные получали не малое утѣшеніе, и богатые великое благоволеніе какъ отъ питаемыхъ, такъ и отъ Бога, для котораго они дѣлали это,—и такимъ образомъ, пріобрѣтши великую благодать, уходили домой. Отъ этого обыкновенія происходило безчисленное множество благъ, а главное: въ каждомъ собраніи дружба ихъ дѣлалась болѣе или болѣе пламенною, послѣ того какъ и благодѣтельствующіе и благодѣтельствуемые соединялись между собою съ такимъ дружелюбіемъ. Съ теченіемъ времени коринѳяне стали нарушать этотъ обычай; богатые, угощаясь

между собою, презирали бѣдныхъ и часто не ожидали приходящихъ позже, замедлившихъ и задержанныхъ житейскими нуждами, какія бываютъ у бѣдныхъ. Отъ этого случалось, что они, приходя поздно, со стыдомъ удалялись, такъ какъ трапеза была уже снята, потому что тѣ спѣшили, а эти опаздывали. Поэтому Павелъ, видя въ этомъ обстоятельствѣ много золъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, — потому что у богатыхъ было презрѣніе къ бѣднымъ и великое пренебреженіе, а у бѣдныхъ недовольство и вражда къ богатымъ, и много другого, что́ могло произойти отъ этихъ золъ, — исправляетъ это дурное и прискорбное обыкновеніе. И посмотри, съ какимъ благоразуміемъ и кротостію онъ приступаетъ къ исправленію. Вначалѣ онъ говоритъ такъ: *сіе же завѣщавая не хвалю, яко не на лучшее, но на худшее сбирается* (1 Кор. xi, 17). Что значитъ: *не на лучшее?* Предки, говоритъ, и отцы ваши продавали свои имущества, помѣстья и владѣнія, имѣли все общимъ и питали великую любовь другъ къ другу; а вы, которые должны были бы подражать имъ, не только не дѣлаете ничего подобнаго, но и то единственное, что имѣли, потеряли, т. е. вечери, совершавшіяся въ собраніи. Потому онъ и говоритъ: *не на лучшее, но на худшее сбирается.* Тѣ предоставляли въ пользу бѣдныхъ все свое имѣніе, а вы, доставлявшіе имъ только трапезу, и этой лишили ихъ. *Первое убо, сходящымся вамъ въ церковь, слышу въ васъ распри сущыя, и часть нѣкую* и *вѣрую* (1 Кор. xi, 18).

4. Посмотри опять, какъ благоразумно онъ дѣлаетъ исправленіе. Не сказалъ: я не вѣрю, или: я вѣрю, но употребилъ сред-
258 нее выраженіе: *часть нѣкую* и *вѣрую;* не вполнѣ вѣрю, и не вполнѣ не вѣрю; тому или другому быть, это совершенно въ вашей власти. Если вы исправитесь, то я не вѣрю; а если останетесь такими же, то вѣрю. Такимъ образомъ онъ и не обвинилъ ихъ, и обвинилъ; не обвинилъ совершенно, чтобы дать имъ надежду на исправленіе и время для покаянія, и не оставилъ безъ обвиненія, чтобы они не остались при той же безпечности. Я еще не вполнѣ повѣрилъ, говоритъ онъ, — потому что это конечно означаютъ слова: *часть нѣкую вѣрую.* Такъ говорилъ онъ, желая расположить ихъ къ обращенію и исправленію, чтобы они отклонили и его — вѣрить хотя отчасти чему-нибудь подобному касательно ихъ. *Подобаетъ бо и ересемъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ васъ.* Скажи же: какія это ереси? Здѣсь слушайте со вниманіемъ; не о догматахъ говорится въ словахъ: *подобаетъ и ересемъ быти въ васъ*, но о несогласіи при трапезахъ. Сказавъ, *подобаетъ и ересемъ быти*, онъ прибавилъ и то, въ чемъ состоятъ эти ереси: *сходящымся убо вамъ вкупѣ, нѣсть Господскую вечерю ясти* (1 Кор. xi, 20). Что зна-

чить: *Господскую вечерю ясти? Нѣсть*, говоритъ, *Господскую вечерю ясти*, разумѣя ту вечерю, которую Христосъ преподалъ въ послѣднюю ночь, когда всѣ ученики были вмѣстѣ съ Нимъ. На этой вечери Господь и рабы всѣ возлежали вмѣстѣ; а вы всѣ — рабы, и между тѣмъ поступаете несогласно и отдѣляетесь другъ отъ друга. Онъ не изгналъ и предателя, — потому что и Іуда былъ тогда вмѣстѣ съ ними, — а ты отгоняешь брата. Вотъ почему апостолъ и говоритъ: *нѣсть Господскую вечерю ясти*, называя Господнею вечерію ту, которая совершается въ согласіи и при общемъ собраніи всѣхъ. *Кійждо бо свою вечерю предваряетъ въ снѣденіе, и овъ убо алчетъ, овъ же упивается* (1 Кор. xi, 21). Не сказалъ: одинъ алчетъ, другой ѣстъ; но названіемъ *опьяненія* болѣе трогаетъ ихъ. И тамъ и здѣсь, говоритъ, неумѣренность. Ты расторгаешься отъ пресыщенія, а тотъ истощается отъ голода; ты употребляешь больше, чѣмъ нужно, а тотъ не получаетъ и необходимаго. Это двоякое зло, происходящее отъ нарушенія равенства, онъ и называетъ *ересями*, потому что они враждебно были расположены другъ къ другу и производили распри, и одинъ алкалъ, а другой упивался. Хорошо сказалъ онъ: *сходящымся вамъ вкупѣ*. Для чего, говоритъ, вы сходитесь? Для чего это схожденіе, для чего общее собраніе, если трапеза не бываетъ общею? Блага, которыя мы получили, Господни: пусть же они и предлагаются нераздѣльно одинаковымъ съ нами рабамъ. *Еда бо домовъ не имате, во еже ясти и пити, или о церкви Божіей нерадите, и срамляете неимущыя* (1 Кор. xi, 22)? Ты думаешь, говоритъ, что оскорбляешь только брата; но это оскорбленіе распространяется и на мѣсто, потому что ты пренебрегаешь цѣлою церковію. Церковію называется оно потому, что принимаетъ всѣхъ вообще. Для чего же суетность дома твоего ты вносишь въ церковь? Если ты презираешь брата, то постыдись мѣста, потому что и церковь оскорбляется этимъ. И не сказалъ: лишаете неимущихъ, или: не жалѣете неимущихъ, но что? *Срамляете не имущыя*, — выразилъ невоздержаніе ихъ самымъ сильнымъ образомъ. Бѣднаго, говоритъ, не столько озабочиваетъ пища, сколько оскорбленіе. Посмотри, какъ кротко онъ оправдываетъ бѣднаго и какъ сильно укоряетъ богатыхъ. *Что вамъ реку? Похвалю ли вы? Не похвалю* за это? Что это значитъ? Послѣ объясненія гнусности поступка, слѣдуетъ легкая укоризна; 259
и весьма справедливо, — чтобы они не сдѣлались болѣе безстыдными. Прежде, чѣмъ показать гнусность поступка, онъ высказалъ рѣшительный приговоръ: *сіе же*, говоритъ, *завѣщавая не хвалю*; а когда обстоятельно доказалъ, что они виновны во многихъ прегрѣшеніяхъ, онъ употребилъ легкую укоризну, предоставляя са-

мымъ высказаннымъ доводамъ и объясненіямъ произвести сильнѣйшее обличеніе. Потомъ обращаетъ рѣчь къ таинственноіi трапезѣ, желая возбудить въ нихъ еще большій страхъ. *Азъ бо*, говоритъ, *пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ* (2 Кор. xi, 23). Какая здѣсь послѣдовательность? Ты говоришь объ общей вечери, а между тѣмъ напоминаешь о страшныхъ тайнахъ? Да, говоритъ, если эти духовныя тайны, если эта страшная трапеза предлагается всѣмъ вообще, и богатому и бѣдному, не больше пользуется ею богатый и не меньше бѣдный, но всѣмъ одна честь, одинъ доступъ, и, пока всѣ сподобятся и причастятся этой духовной и священной трапезы, предложенное не уносится, но всѣ священники стоятъ, ожидая и бѣднѣйшаго и нижайшаго изъ всѣхъ, то тѣмъ болѣе должно такъ поступать при чувственной трапезѣ. Вотъ почему онъ и напомнилъ о той вечери Господней. *Азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Іисусъ въ нощь, въ нюже преданъ бываше, пріемъ хлѣбъ и благодаривъ преломи, и рече: сіе есть тѣло Мое, еже за* многихъ *ломимое* во оставленіе грѣховъ; *сіе творите въ Мое воспоминаніе, такожде и чашу, по вечери, глаголя: сія чаша новый завѣтъ есть въ Моей крови* (1 Кор. xi, 23—25).

5. Далѣе, сказавъ многое о тѣхъ, которые недостойно причащаются тайнъ, сильно укоривъ и обличивъ ихъ, и научивъ, что принимающіе кровь и тѣло Христовы безъ вниманія и какъ случится подвергнутся наказанію одинаковому съ убійцами Христа, онъ опять обратилъ рѣчь къ предложенному предмету и сказалъ: *тѣмже братіе сходящеся ясти, другъ друга ждите. Аще ли кто алчетъ, въ дому да ястъ, да не въ грѣхъ сходитеся* (1 Кор. xi, 33, 34). Посмотри, какъ незамѣтно онъ осудилъ ихъ чревоугодіе. Не сказалъ: если вы алчете, но: *аще ли кто алчетъ*, чтобы каждый, стыдясь быть виновнымъ въ этихъ грѣхахъ, предварительно исправился.
260 Заключилъ онъ рѣчь угрозою наказанія, сказавъ: *да не въ грѣхъ сходитеся*, т. е. не въ осужденіе и на позоръ. Это не пища, говоритъ, это не трапеза, которая соединена со стыдомъ для брата, съ презрѣніемъ къ церкви, объяденіемъ или чревоугодіемъ. Это — не радость, а наказаніе и мученіе. Вы навлекаете на себя великое осужденіе, оскорбляя братьевъ, пренебрегая церковію, дѣлая святое мѣсто частнымъ домомъ чрезъ ядѣніе пищи отдѣльно между собою. Выслушавъ это, и вы, возлюбленные, заграждайте уста тѣмъ, которые безъ вниманія пользуются словомъ и ученіемъ апостольскимъ, исправляйте тѣхъ, которые употребляютъ Писанія во вредъ себѣ и другимъ. Вы узнали, о чемъ говорится въ словахъ: *подобаетъ и ересемъ быти въ васъ*, именно о несогласіи, бывшемъ при трапезахъ, такъ какъ *овъ убо алчетъ, овъ же упивается*·

А вмѣстѣ съ правою вѣрою будемъ являть и жизнь соотвѣтствующую догматамъ, оказывая великое человѣколюбіе къ бѣднымъ, великое попеченіе о нуждающихся; будемъ производить духовную куплю и не искать ничего больше того, что нужно. Въ этомъ богатство, въ этомъ пріобрѣтеніе, въ этомъ неистощимое сокровище, — чтобы передать все имущество свое на небо и затѣмъ быть увѣрену въ сохраненіи отложеннаго. Отъ милостыни мы получимъ двоякую пользу: ту, что уже не будемъ бояться за отданное имущество, чтобы разбойники, воры или негодные рабы не похитили его, и ту, что отложенное не будетъ оставаться безплоднымъ; но, какъ корень, посаженный въ тучную почву, приноситъ ежегодно зрѣлые плоды, такъ и серебро, помѣщенное въ руки бѣдныхъ, не только каждый годъ, но и каждый день приноситъ намъ духовные плоды, дерзновеніе предъ Богомъ, прощеніе грѣховъ, близость къ ангеламъ, чистую совѣсть, радость духовнаго торжества, непостыдную надежду, дивныя блага, которыя уготовалъ Богъ любящимъ Его и съ теплою и пламенною душею ожидающимъ милости пришествія Его, котораго да сподобимся всѣ мы, проживъ богоугодно настоящую жизнь, равно какъ и вѣчной радости спасаемыхъ, благодатію и щедротами истиннаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцемъ и Всесвятымъ Его Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о милостынѣ, произнесенная послѣ того, какъ онъ (св. Златоустъ) въ зимнее время прошелъ и увидѣлъ на площади бѣдныхъ и нищихъ, лежащихъ безъ призрѣнія.

1. Съ ходатайствомъ праведнымъ, полезнымъ и почетнымъ 261
для васъ предсталъ я сегодня предъ вами: уполномочили на него меня, не другой кто, а живущіе въ нашемъ городѣ бѣдные, не словами, не голосами или мнѣніемъ общественнаго совѣта, но жалкимъ и самымъ горестнымъ видомъ своимъ. Проходя чрезъ площадь и по улицамъ, и поспѣшая въ ваше собраніе, я видѣлъ много лежащихъ среди дороги людей, изъ которыхъ одни безъ рукъ, другіе безъ глазъ, иные покрыты струпьями и ранами, и выставляли на видъ тѣ особенно члены, которые нужно бы закрывать по причинѣ находящагося на нихъ гноя, и почелъ крайне

безчеловѣчнымъ — не сказать объ нихъ любви вашей, особенно когда, сверхъ сказаннаго [1]), побуждаетъ насъ къ этому и самое время года. Правда, и во всякое время нужно говорить о милостынѣ, потому что мы и сами имѣемъ великую нужду въ милости создавшаго насъ Господа; но особенно (это необходимо) въ настоящее время, когда такая большая стужа. Лѣтомъ бѣдные получаютъ великое облегченіе отъ самаго времени года: тогда они безопасно могутъ ходить и нагими, потому что солнечные лучи служатъ имъ вмѣсто одежды; они могутъ сидѣть прямо на мостовой и спокойно проводить ночи подъ открытымъ небомъ; не имѣютъ такой нужды ни въ обуви, ни въ винѣ, ни въ большомъ количествѣ пищи, но довольствуются водою изъ источниковъ, насыщаются одни самыми дешевыми овощами, другіе небольшимъ количествомъ сухихъ сѣмянъ, такъ какъ самое время года предлагаетъ имъ готовую трапезу. А не менѣе этого, есть тогда для нихъ и другое облегченіе—въ удобствѣ заниматься работами: въ ихъ-то особенно содѣйствіи нуждаются и строители домовъ и воздѣлыватели земли, и плавающіе по морямъ. Чтó для богатыхъ поля, дома и другіе источники доходовъ, то для бѣдныхъ — ихъ собственное тѣло, и весь доходъ ихъ отъ собственныхъ рукъ, а больше ни откуда. Такимъ образомъ лѣтомъ они получаютъ нѣкоторое облегченіе, въ зимнее же время противъ нихъ со всѣхъ сторонъ великая война и двойная осада, потому что внутри голодъ съѣдаетъ ихъ утробы, извнѣ стужа сжимаетъ и дѣлаетъ окоченѣлымъ тѣло ихъ. Поэтому (зимою) они нуждаются и въ бóльшемъ количествѣ пищи, и въ болѣе теплой одеждѣ, и въ кровли, и постели, и обуви, и во многомъ другомъ; а что всего хуже, не имѣютъ возможности заниматься и работами, потому что не позволяетъ время года. Итакъ, когда у нихъ и наибольшая нужда въ необходимомъ, а, сверхъ того, нѣтъ и работы, потому что никто ихъ, несчастныхъ, не нанимаетъ и не приглашаетъ въ услуженіе, вотъ мы, взамѣнъ нанимающихъ, употребимъ въ дѣло руки милосердныхъ, взявъ въ сотрудники себѣ въ этомъ дѣлѣ Павла, истиннаго покровителя и попечителя бѣдныхъ. Дѣйстви-
262 тельно, онъ такъ печется объ нихъ, какъ никто другой. Раздѣлившись съ апостоломъ Петромъ касательно учениковъ, онъ не раздѣлился въ попеченіи о бѣдныхъ, но, сказавъ: *десницы даша мнѣ и Варнавѣ общенія, да мы во языки, они же во обрѣзаніе*, присовокупилъ: *точію нищихъ да помнима: еже и потщахся сіе истое сотворити* (Гал. II, 9, 10). И точно, во всѣхъ своихъ посланіяхъ онъ заводитъ объ нихъ рѣчь, такъ что не найдешь ни одного, въ

[1]) т. е. о жалкомъ положеніи бѣдныхъ.

которомъ бы не было подобнаго увѣщанія. Зналъ онъ, хорошо зналъ, какъ важно это дѣло, поэтому и присовокупляетъ наставленіе о бѣдныхъ ко всѣмъ другимъ увѣщаніямъ и убѣжденіямъ своимъ, какъ бы полагая на зданіи прекрасную кровлю. Такъ сдѣлалъ онъ и здѣсь: побесѣдовавъ о воскресеніи, и исправивъ все прочее, онъ обратилъ наконецъ рѣчь къ милостынѣ, и сказалъ: *о милостыни же, яже ко святымъ, якоже устроихъ церквамъ галатійскимъ, тако и вы сотворяйте: по единѣй отъ субботъ кійждо васъ* и пр. (1 Кор. XVI, 1, 2). Смотри на мудрость апостола, какъ благовременно онъ коснулся этого предмета. Напередъ напомнилъ о будущемъ судѣ и страшномъ ономъ судилищѣ, о славѣ, которою облекутся праведные, и о вѣчной жизни, а потомъ уже предлагаетъ слово и о бѣдныхъ, чтобы слушатель, одушевившись пріятными надеждами и сдѣлавшись благорасположеннѣе, принялъ это наставленіе съ большимъ усердіемъ, когда въ немъ будетъ живъ страхъ суда, и душа станетъ услаждаться ожиданіемъ будущихъ благъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто въ состояніи любомудрствовать о воскресеніи и весь перенесся въ будущую жизнь, тотъ почтетъ за ничто все настоящее,—и богатство, и обиліе, и золото, и серебро, и драгоцѣнныя одежды, и удовольствія, и роскошный столъ, и все прочее, подобное этому, а кто считаетъ все это за ничто, тотъ весьма легко приметъ на себя попеченіе о бѣдныхъ. Поэтому и Павелъ хорошо (сдѣлалъ, что), приготовивъ напередъ умъ коринеянъ разсужденіемъ о воскресеніи, предложилъ потомъ и увѣщаніе.

И не сказалъ: о милостыни же, яже *къ бѣднымъ* или *къ нищимъ*, но: яже *ко святымъ*, научая этимъ слушателей почитать и бѣдныхъ, когда они благочестивы, и презирать богатыхъ, когда они небрегутъ о добродѣтели. Такъ онъ и царя назвалъ нечестивымъ и беззаконнымъ, когда тотъ былъ врагомъ Божіимъ, и бѣдныхъ—святыми, когда они скромны и честны. Нерона онъ называетъ тайною беззаконія, говоря: *тайна бо уже дѣется беззаконія* (2 Солун. II, 7), а бѣдныхъ, неимѣющихъ и насущнаго хлѣба, но питающихся подаяніемъ, назвалъ святыми. А вмѣстѣ съ этимъ онъ и коринеянамъ тайно внушалъ не высокомудрствовать и не гордиться полученіемъ такого повелѣнія, какъ будто бы они подавали (милостыню) людямъ низкимъ и презрѣннымъ, но твердо 263 знать и увѣрять себя, что, удостоиваясь имѣть общеніе въ скорбяхъ бѣдныхъ, они получаютъ величайшую почесть.

2. Между тѣмъ стоитъ труда разсмотрѣть и то, кто эти святые, потому что Павелъ упоминаетъ объ нихъ не только здѣсь, но и въ другомъ еще мѣстѣ, говоря такъ: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ служай святымъ* (Рим. XV, 25). Объ этихъ же самыхъ свя-

тыхъ упоминаетъ и Лука въ Дѣяніяхъ, когда, по поводу угрожавшаго великаго голода, говоритъ: *отъ ученикъ же, по елику кто имѣяше что, изволиша кійждо ихъ послати* къ нищимъ святыхъ, сущихъ во Іерусалимѣ (Дѣян. xi, 29). И въ томъ мѣстѣ, о которомъ я выше сказалъ, (объ нихъ же Павелъ говоритъ): *точію нищихъ да помнимъ, еже и потщахся сіе истое сотворити* (Гал. ii, 10). Когда мы, (говоритъ), раздѣлились между собою, и я (взялъ) язычниковъ, а Петръ іудеевъ, то съ общаго согласія положили, чтобы это раздѣленіе не касалось бѣдныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда они проповѣдывали, то проповѣдывали — одинъ іудеямъ, а другой язычникамъ; но когда заботились о бѣдныхъ, тогда уже (дѣлали) не такъ, чтобы одинъ заботился только о бѣдныхъ изъ іудеевъ, другой — о бѣдныхъ изъ язычниковъ; нѣтъ, каждый изъ нихъ имѣлъ великое попеченіе и о бѣдныхъ, бывшихъ между іудеями. Потому и говорилъ (Павелъ): *точію нищихъ да помнимъ, еже и потщахся сіе истое сотворити.* Кто же эти бѣдные, о которыхъ онъ говоритъ здѣсь и въ посланіи къ Римлянамъ и къ Галатамъ, за которыхъ просилъ и македонянъ? Это—бѣдные изъ іудеевъ, жившіе во Іерусалимѣ. А почему онъ такъ заботится объ нихъ? Развѣ не было бѣдныхъ и нищихъ въ каждомъ городѣ? Почему же онъ къ нимъ именно посылаетъ и объ нихъ проситъ всѣхъ? Не безъ основанія, не безъ причины и не по какому-либо пристрастію, но съ доброю и полезною цѣлію. Впрочемъ (для объясненія этого) надобно начать рѣчь нѣсколько издалека. Когда дѣла іудеевъ пришли въ упадокъ, и они, распявъ Іисуса, произнесли сами противъ себя этотъ приговоръ: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. xix, 15), и уже подпали подъ власть римлянъ,—тогда они и не могли управляться сами собою, какъ прежде, и не были совершенными рабами, какъ теперь, но стояли въ ряду союзниковъ, и, хотя платили царямъ подать и отъ нихъ принимали себѣ начальниковъ, однакожъ во многомъ пользовались и своими законами, и наказывали своихъ преступниковъ по отечественнымъ постановленіямъ. И что они дѣйствительно платили подать римлянамъ, это видно изъ того, что искушая Іисуса, (іудеи) спрашивали: *учителю, достойно ли есть дати кинсонъ Кесареви, или ни*; а Онъ, повелѣвъ имъ показать монету, отвѣчалъ: *воздадите Кесарева Кесареви, и Божія Богови* (Матѳ. xxii, 17—21). А Лука говоритъ, что и при храмѣ (іерусалимскомъ) были военачальники и тысяченачальники. Это достаточно доказываетъ, что іудеи были подвластны римлянамъ. А что они пользовались и собственными законами, видно изъ слѣдующаго. Они побили камнями Стефана, не приводя его въ судилище; умертвили Іакова брата Господня, распяли самаго Христа, тогда какъ судья призналъ Его совершенно не-

виннымъ и (хотѣлъ) отпустить. Поэтому-то онъ и умылъ руки, сказавъ: *неповиненъ есмь отъ* этой *крови* (Матѳ. xxvii, 24); и когда увидѣлъ, что они сильно настаиваютъ, то не произнесъ самъ приговора, но уклонился, а они, воспользовавшись собственною властію, сдѣлали потомъ все. Часто нападали они и на Павла.

Итакъ, поелику (іудеи) имѣли собственныя судилища, то отъ 264
этихъ (судилищъ) увѣровавшимъ соплеменникамъ ихъ приходилось терпѣть самыя тяжкія страданія. Были и въ другихъ городахъ и судилища, и законы, и начальники; но у язычниковъ никто не могъ, по своей волѣ, ни поражать мечемъ, ни побивать камнями тѣхъ, кто отступитъ отъ ихъ (вѣры), ни причинять имъ другое какое-либо зло; и кто былъ обличаемъ, что сдѣлалъ что-нибудь такое безъ приговора судей, тотъ самъ подвергался наказанію. Напротивъ, іудеи пользовались въ этомъ отношеніи большою свободою. Поэтому-то увѣровавшіе изъ нихъ терпѣли больше всѣхъ, находясь какъ бы среди волковъ, и не имѣя избавителя. Такъ (іудеи) много разъ бичевали и Павла; послушай, вотъ, онъ самъ объявляетъ и говоритъ объ этомъ: *отъ іудей пять краты четыредесять разве единыя пріяхъ, трищи палицами біенъ быхъ, единою каменьми наметанъ быхъ* (2 Кор. xi, 24, 25). Что это сказано не по догадкѣ, доказываетъ самъ Павелъ, пиша къ евреямъ: *воспоминайте первыя дни, въ нихже просвѣтившеся, многъ подвигъ подъясте страданій: ово убо, поношеньми и скорбми позоръ бывше: овоже, общницы бывше живущимъ тако: ибо разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте, вѣдяще имѣти себѣ имѣніе на небесѣхъ пребывающее и лучшее* (Евр. x, 32, 34). И давая наставленіе ѳессалоникійцамъ, онъ выставилъ на видъ этихъ же (вѣрующихъ изъ іудеевъ): *вы бо*, говоритъ, *подобницы бысте, братіе, церквамъ Божіимъ, сущимъ во Іудеи, зане таяжде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ іудей* (1 Сол. ii, 14). И такъ какъ (эти вѣрующіе) терпѣли больше всѣхъ, и не только не находили ни въ комъ (изъ іудеевъ) состраданія, но и были лишаемы всего своего имущества, водимы, влекомы и гонимы отъ всѣхъ, то Павелъ справедливо возбуждаетъ вѣрующихъ всѣхъ мѣстъ къ оказанію имъ помощи. Вотъ и здѣсь за нихъ же проситъ коринѳянъ, говоря: *о милостыни же, яже ко святымъ, якоже устроихъ церквамъ галатійскимъ, тако и вы сотворяйте* (1 Кор. xvi, 1).

3. Итакъ, кто эти святые, и почему (Павелъ) особенно заботится объ нихъ, это объяснено достаточно,—теперь надобно разсмотрѣть, для чего онъ упомянулъ о галатахъ. Почему не сказалъ: *о милостыни же, яже ко святымъ, тако сотворяйте: по единѣй отъ субботъ кійждо васъ да полагаетъ у себе сохраняя;* но, сказавъ: *о милостыни, яже ко святымъ*, присовокупилъ: *якоже устроихъ*

церквамъ галатійскимъ, тако и вы сотворяйте, Для чего онъ это
дѣлаетъ? И притомъ упоминаетъ не объ одномъ, не о двухъ и не
о трехъ городахъ, но о цѣломъ народѣ? Для того, чтобы корин-
ѳяне оказали бо́льшую готовность, и похвала другимъ возбудила
въ нихъ ревность. Затѣмъ, (апостолъ) говоритъ и о способѣ, ка-
кой онъ назначилъ (для собиранія милостыни): *по единѣй отъ
субботъ,* говоритъ, *кійждо васъ да полагаетъ у себе сохраняя, еже
аще что благопоспѣшится, да не егда пріиду, тогда собранія бываютъ*
(ст. 2). *Единою отъ субботъ*—назвалъ онъ день воскресный. По-
чему же онъ назначилъ для пожертвованій именно этотъ день?
Почему не сказалъ: во второй день послѣ субботы, въ третій день
послѣ субботы, или въ самую субботу? Не спроста и не безъ
цѣли, но съ тѣмъ, чтобы въ самомъ времени найти себѣ спобор-
265 ника къ возбужденію бо́льшаго усердія въ жертвователяхъ. по-
тому что благопріятное время—немаловажная вещь во всякомъ
дѣлѣ. Но отчего, скажешь, время это можетъ способствовать къ
убѣжденію — подавать милостыню? Оттого, что въ этотъ день
(воскресный) прекращается всякая работа, душа отъ успокоенія
становится веселѣе, а что̀ всего важнѣе—въ этотъ день мы по-
лучили безчисленное множество благъ. Въ этотъ день разрушена
смерть, истреблено проклятіе, уничтоженъ грѣхъ, сокрушены
врата адовы, связанъ діаволъ, прекращена долговременная брань,
совершилось примиреніе Бога съ человѣками, родъ нашъ вошелъ
въ прежнее, или гораздо лучшее, состояніе, и солнце увидѣло
удивительное и чудное зрѣлище — человѣка, сдѣлавшагося без-
смертнымъ. Обо всемъ-то этомъ и тому подобномъ желая напо-
мнить намъ, Павелъ вывелъ на средину этотъ день, дѣлая
его какъ бы ходатаемъ своимъ, и говоря къ каждому: подумай,
человѣкъ, сколь многія и великія блага получилъ ты въ этотъ
день, отъ какихъ избавился золъ, чѣмъ ты былъ прежде, и чѣмъ
сталъ послѣ того. Если мы празднуемъ дни своего рожденія, а
многіе изъ нашихъ слугъ и тѣ дни, когда они получили свободу,
проводятъ съ великимъ почтеніемъ, и одни устрояютъ пирше-
ства, а другіе — щедрые дарятъ и подарки, изъ особеннаго ува-
женія къ тому времени, тѣмъ болѣе намъ должно уважать тотъ
день, который по справедливости можно назвать днемъ рожденія
человѣческой природы. Мы пропадали—и нашлись, мертвы были—
и ожили (Лук. xv, 32), были врагами—и примирились (Рим. v, 10).
Поэтому и надобно чтить этотъ день честію духовною,—не пир-
шества устроять, не вино разливать, не упиваться и ликовать, но
довольствовать бѣднѣйшихъ братій нашихъ во всемъ. Это говорю
не для того, чтобы вы только хвалили, но чтобы и сами такъ
поступали. Не думайте, будто это сказано только къ коринѳянамъ;

нѣтъ, (сказано) и къ каждому изъ насъ, и ко всѣмъ, кто будетъ жить послѣ. Будемъ и мы дѣлать то же самое, что заповѣдалъ Павелъ: пусть каждый въ день воскресный откладываетъ дома деньги Господни [1]), и пусть это сдѣлается закономъ и неизмѣннымъ обычаемъ; тогда мы не будемъ уже имѣть нужды ни въ увѣщаніи, ни въ совѣтѣ, потому что такія дѣла дѣлать можетъ не столько слово и увѣщаніе, сколько привычка, утвердившаяся временемъ. Если мы постановимъ себѣ правиломъ—въ день воскресный откладывать что-нибудь въ пользу бѣдныхъ, то, хотя бы встрѣтилась тысяча нуждъ, не нарушимъ этого правила.

Сказавъ: *по единѣй отъ субботъ*, апостолъ прибавилъ: *кійждо васъ*. Не богатымъ только, говоритъ, внушаю это, но и бѣднымъ; не свободнымъ только, но и рабамъ; не мужамъ только, но и женамъ; пусть никто не будетъ свободенъ отъ этого служенія, ни лишенъ прибыли, но пусть всякій дѣлаетъ пожертвованіе. И бѣдность не можетъ быть препятствіемъ къ такому пожертвованію. Хотя бы ты былъ до крайности бѣденъ, но, вѣрно, не бѣднѣе той вдовы, которая принесла въ даръ все свое имѣніе (Лук. XXI, 2—4). Хотя бы ты былъ до крайности бѣденъ, но, вѣрно, не бѣднѣе жены сидонской, которая, имѣя только горсть муки, не отказалась принять пророка; видѣла она, что вокругъ ея ликъ дѣтей, и грозитъ голодъ, и нѣтъ у нея ничего болѣе въ запасѣ— и однакожъ приняла пророка съ великимъ усердіемъ (3 Цар. XVII, 10 и д.). А почему апостолъ сказалъ: *да полагаетъ у себе сохраняя?* Потому, что откладывающій (въ пользу бѣдныхъ), мо- 266
жетъ быть, постыдился бы и постѣснился и показать свое пожертвованіе, когда оно мало. Поэтому, говоритъ, ты береги и храни, а когда отъ частыхъ вкладовъ малое сдѣлается великимъ, тогда уже открывай. Не сказалъ притомъ: собирая, но: *сохраняя* (θησαυρίζων,—сберегая сокровище), чтобы ты зналъ, что эта издержка есть сокровище, что этотъ расходъ есть прибыль,—сокровище, лучшее всякаго сокровища. Это чувственное (сокровище) издерживается, и расхищается, и часто губитъ нашедшихъ его; а то небесное—совершенно напротивъ: всегда неуменьшаемо и безопасно отъ расхищенія, спасительно стяжавшимъ и получающимъ его. Оно не истребляется временемъ, не гибнетъ отъ зависти, но недоступно никакимъ злымъ умысламъ, и доставляетъ безчисленныя блага собирающимъ его.

4. Такъ, послушаемся и будемъ дѣлать это же и мы; пусть въ домахъ нашихъ хранятся, вмѣстѣ съ нашими собственными,

---

[1]) Χρήματα δεσποτικὰ т. е. приносимыя самому Господу въ лицѣ нищихъ по ученію Его (Матѳ. XXV, 40).



и священныя деньги, чтобы изъ-за нихъ сберегались и собственныя. Вѣдь, если въ царскомъ казно-хранилищѣ будутъ положены деньги кого-либо изъ подчиненныхъ, то и эти (деньги) совершенно безопасны изъ-за царскихъ. Такъ, если и въ твоемъ домѣ будутъ храниться деньги бѣдныхъ, откладываемыя въ день воскресный, то изъ-за нихъ и твои собственныя будутъ безопасны. Такимъ образомъ, по руководству Павла, ты содѣлаешься блюстителемъ своего имущества. Что я говорю? Отложенное послужитъ тебѣ поводомъ и побужденіемъ отложить еще больше. Сдѣлай только начало этой доброй привычкѣ, и ты уже самъ будешь побуждать себя (къ откладыванію милостыни), безъ всякаго приглашенія. Пусть же домъ каждаго изъ насъ сдѣлается такимъ образомъ церковію отъ хранящихся въ немъ священныхъ денегъ, потому что и здѣшнія [1]) сокровищницы образуются изъ тѣхъ [2]). Мѣсто, гдѣ лежатъ деньги бѣдныхъ, недоступно для демоновъ; и деньги, собираемыя на милостыню, ограждаютъ дома лучше всякаго щита, копья, оружія, силы тѣлесной и множества воиновъ. Итакъ, сказавъ: когда, кому и какъ надобно собирать эти деньги, Павелъ количество сбора предоставилъ самимъ жертвователямъ. Онъ не сказалъ: подай столько-то и столько-то,—чтобы такое повелѣніе не было тяжко, такъ какъ многіе ссылаются на бѣдность; чтобы бѣдные не говорили: что же, если мы не въ состояніи? Нѣтъ, мѣру подаянія онъ опредѣлилъ силою дающихъ: *кійждо васъ*, говоритъ, *да полагаетъ у себе сохраняя, еже аще что благопоспѣшится* (1 Кор. XVI, 2). Не сказалъ: что можетъ, или что найдется, но: *что благопоспѣшится*, показывая тѣмъ, что подающему будетъ содѣйствовать и высшая помощь, и благодать (Божія). Павелъ заботился не о томъ только, чтобы деньги подаваемы были бѣднымъ, но и о томъ, чтобы (это дѣлалось) съ совершеннымъ усердіемъ. И самъ Богъ повелѣлъ давать милостыню не для того, чтобы только насыщались бѣдные, но чтобы и подающіе получали благодѣяніе, и—даже больше для послѣднихъ, чѣмъ для первыхъ. Если бы Павелъ заботился только о бѣдныхъ, то повелѣлъ бы только подавать деньги, а не требовалъ бы усердія со стороны дающихъ; но вотъ теперь апостолъ и тамъ, и здѣсь старается особенно о томъ, чтобы подающіе подавали съ удовольствіемъ и радостію. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: *не отъ скорби, ни отъ нужды, доброхотна бо дателя любитъ Богъ*, не просто дающаго, но дѣлающаго это доброхотно (2 Кор. IX, 7). А въ другомъ мѣстѣ: *подаваяй, въ простотѣ; предстояй, со тщаніемъ; милуяй, съ добрымъ*

---

[1]) Т. е. церковныя.

[2]) Т. е. изъ домашнихъ.

изволеніемъ (Рим. XII, 8). Вѣдь то и милостыня, когда подаешь ее съ радостію и думаешь, что самъ больше получаешь, чѣмъ сколько даешь. Поэтому Павелъ всячески старается сдѣлать эту заповѣдь легкою, чтобы подаяніе было съ усердіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, смотри, сколько онъ представилъ обстоятельствъ, облегчающихъ тяжесть этого дѣла. Во-первыхъ повелѣваетъ, дѣлать подаяніе не одному, не двумъ или тремъ человѣкамъ, но всему городу, потому что слово *милостыня* (λογια) [1]) означаетъ не что иное, какъ сборъ или складчину общихъ подаяній. Во-вторыхъ, (указываетъ) на достоинство пріемлющихъ, потому что не сказалъ: бѣднымъ, но: святымъ. Въ-третьихъ, представляетъ примѣръ тѣхъ, которые тоже сдѣлали: *якоже устроихъ*, говоритъ, *церквамъ галатійскимъ*. Въ-четвертыхъ, показываетъ, что благопріятствуетъ этому самый день: *по единѣй отъ субботъ*, говоритъ, *кійждо васъ да полагаетъ у себе сохраняя*. Въ-пятыхъ, повелѣваетъ не всю милостыню подать вдругъ, но собирать исподоволь и по-немногу: а вѣдь не одно и то же велѣть принести все въ одинъ день, или раздробить приношеніе по частямъ на нѣсколько дней; такое раздробленіе дѣлаетъ и издержку нечувствительною. Въ-шестыхъ, не назначаетъ мѣры (подаянія), но предоставляетъ ее на волю дающихъ, и показываетъ, что въ этомъ помогаетъ и Богъ, потому что слова: *еже аще что благопоспѣшится* означаютъ то и другое. Къ этому присовокупилъ и седьмое обстоятельство, сказавъ: *да не егда пріиду, тогда собранія бываютъ*. Здѣсь онъ и поощряетъ ихъ ожиданіемъ своего личнаго присутствія, и утѣшаетъ указывая на время своего прибытія. Впрочемъ, не удовольствовался и этимъ, но прибавилъ еще и восьмое обстоятельство. Какое же? *Егда же пріиду*, говоритъ, *ихъ же аще искусите, съ посланми сихъ послю отнести благодать вашу*; и *аще достойно будетъ и мнѣ ити, со мною пойдутъ* (1 Кор. XVI, 3, 4). Смотри, какъ чужда тщеславія и смиренна эта блаженная и возвышенная душа, какъ она попечительна и сердобольна! Онъ не захотѣлъ и не рѣшился самъ, по собственному выбору, назначить людей для отнесенія денегъ (въ Іерусалимъ), но предоставилъ выборъ ихъ коринѳянамъ, и не почелъ для себя обидою, если избраніе этихъ людей состоится по мнѣнію и волѣ коринѳянъ, а не по мысли Павла; напротивъ, онъ нашелъ несообразнымъ, чтобы подаянія сдѣлали они, а людей для отнесенія подаяній выбралъ онъ. Поэтому онъ предоставилъ это имъ, являя, съ одной стороны, свое смиреніе, съ другой, избѣгая всякаго повода и самой тѣни оскорбительнаго (для него) подозрѣнія. Хотя онъ былъ свѣтлѣе и солнца и чистъ

[1]) Отъ греческаго глагола: λεγω собираю.

отъ всякаго дурного подозрѣнія, но и при этомъ однакожъ всячески старался и щадить слабыхъ, и избѣгать неправильнаго о себѣ мнѣнія. Поэтому и говоритъ: *егда же пріиду, ихъ же аще искусите, сихъ послю отнести благодать вашу.* Что говоришь? Такъ ты не плывешь, не берешь денегъ, а поручаешь это другимъ? Чтобы отъ этой мысли не ослабѣло усердіе ихъ, смотри, какъ онъ предотвращаетъ и это. Непросто вѣдь сказалъ: *ихже аще искусите, сихъ послю* но какъ? *Съ посланьми.* Тѣломъ, говоритъ, я и не буду присутствовать, но посредствомъ писемъ своихъ буду тамъ и приму участіе въ ихъ служеніи.

5. А мы достойны ли и тѣни Павла, или подножія его, послѣ того, какъ онъ, пользуясь такою славою у всѣхъ, отстраняетъ отъ себя всѣ почести, а мы досадуемъ и негодуемъ, если распорядители этихъ денегъ [1]) избираются не по нашей мысли, не по на-
268 шему рѣшенію и приговору, считаемъ обидою для себя, когда жертвующіе своимъ имѣніемъ дѣлаютъ это безъ нашего вѣдома и согласія? Посмотри еще, какъ онъ (ап. Павелъ) вездѣ помнитъ себя и нигдѣ не забывается: вѣдь не назвалъ онъ этого ни заповѣдію, ни милостынею, но *благодатію,* показывая тѣмъ, что какъ воскрешать мертвыхъ, изгонять демоновъ, очищать прокаженныхъ, такъ и облегчать бѣдность, и простирать руку помощи нуждающимся—есть дѣло благодати, и даже послѣднее болѣе, чѣмъ первое. Впрочемъ, хоть это и благодать, однакожъ и съ нашей стороны требуются усердіе и готовность, чтобы намъ рѣшиться и захотѣть, и сдѣлаться достойными благодати. Итакъ, Павелъ ободрилъ коринѳянъ, во-первыхъ, тѣмъ, что хочетъ послать свои письма, съ назначенными для отнесенія милостыни; а во-вторыхъ, еще болѣе этого тѣмъ, что обѣщается и самъ идти вмѣстѣ съ ними: *аще же,* говоритъ, *достойно будетъ и мнѣ ити, со мною пойдутъ.* Замѣчай и здѣсь мудрость его. Онъ и не отказался идти вмѣстѣ, и не обѣщалъ вдругъ, но предоставилъ и это на рѣшеніе дающихъ и сдѣлалъ ихъ полными распорядителями на счетъ его путешествія, объяснивъ, что онъ навѣрно отправится въ путь, если подаяніе будетъ такъ обильно, что побудитъ и его идти. Такъ должно разумѣть слова: *аще достойно будетъ.* Если бы онъ совершенно отказался отъ путешествія, то ослабилъ бы усердіе и ревность ихъ; опять, если бы выразилъ свое обѣщаніе нерѣшительно, также сдѣлалъ бы ихъ нерадивыми. Поэтому онъ и не отказывается рѣшительно, и не обѣщаетъ, но отдаетъ это на волю коринѳянъ, говоря: *аще достойно будетъ.* Слыша, что Павелъ желаетъ нести ихъ

---

[1]) Т. е. денегъ, собираемыхъ въ пользу бѣдныхъ и хранившихся при церквахъ.

подаянія, они приступали къ дѣлу съ большимъ усердіемъ и готовностію, чтобы святыя руки его распорядились ихъ подаяніемъ, и его молитвы присоединились къ ихъ пожертвованію. Если же коринѳяне, намѣреваясь поручить Павлу отнесеніе своихъ приношеній, дѣлали ихъ поэтому съ большимъ усердіемъ, то какое получишь снисхожденіе ты, когда имѣя возможность подать Господу Павла (потому что Онъ принимаетъ въ лицѣ бѣдныхъ), не дѣлаешь этого? Вѣдь и тотъ, кому ввѣрена была вся вселенная, и кто имѣлъ попеченіе о церквахъ всей подсолнечной, обѣщалъ участвовать въ распоряженіи деньгами для бѣдныхъ не иначе, какъ если сборъ ихъ будетъ значителенъ и достоинъ особаго вниманія. Размышляя объ этомъ, и мы, если понадобится — или самимъ намъ подать, или послужить другимъ въ распоряженіи ихъ подаяніемъ,—не полѣнимся (дѣлать это) и не будемъ унывать, какъ будто чрезъ это у насъ убавляется имущество. Земледѣлецъ, когда бросаетъ сѣмена въ землю и на это издерживаетъ все свое достояніе, не печалится, не скорбитъ, и эту трату считаетъ не потерею, но выгодою и прибылью, хотя надежда его и не несомнѣнна. Не странно ли же, что ты, который сѣешь не съ такою, но съ гораздо болѣе вѣрною надеждою, и можешь вручить серебро самому Христу,—уклоняешься, медлишь, и ссылаешься на бѣдность? Развѣ Богъ не могъ повелѣть землѣ, чтобы она произрастила чистое золото? Кто сказалъ: *да произраститъ земля быліе травное* (Быт. I, 11), и тотчасъ представилъ это быліе во всей красѣ, тотъ могъ повелѣть, чтобы и источники и рѣки текли вездѣ золотомъ. Но Онъ не восхотѣлъ этого, а оставилъ многихъ жить въ бѣдности, и для ихъ, и для твоей пользы. Бѣдность болѣе способствуетъ добродѣтели, нежели богатство; и за кѣмъ есть грѣхи, тѣ могутъ находить немалое утѣшеніе въ пособіи нуждающимся. Самъ Богъ такъ печется объ этомъ, что, когда Онъ пришелъ и облекся плотію, и жилъ съ людьми, то не отрекся и не почелъ за стыдъ—Самому заботиться о бѣдныхъ. Онъ столько умножалъ хлѣбы, однимъ повелѣніемъ творилъ все, что хотѣлъ, 269
могъ въ одну минуту представить тысячи сокровищъ, и однако не сдѣлалъ этого, но повелѣлъ ученикамъ своимъ имѣть ящикъ, носить, что туда опускали, и изъ этихъ денегъ помогать бѣднымъ. Когда Онъ прикровенно говорилъ Іудѣ о предательствѣ, ученики, не понимая, о чемъ шла рѣчь, подумали, что Онъ велѣлъ Іудѣ подать что-нибудь бѣднымъ, потому что этотъ, сказано, *ковчежецъ имѣяше, и вметаемая ношаше* (Іоан. XII, 6). Богъ много печется объ оказаніи милосердія, не только съ Его стороны намъ, но и съ нашей стороны подобнымъ намъ; Онъ и въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ даетъ множество законовъ объ этомъ, повелѣвая

быть милосердымъ всячески—и словами, и деньгами, и дѣлами. Моисей весьма часто говоритъ объ этомъ въ своихъ узаконеніяхъ; пророки отъ лица Божія вопіютъ: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6), и апостолы всѣ, согласно съ ними, и дѣлаютъ, и говорятъ. Не будемъ же нерадѣть объ этомъ дѣлѣ, потому что чрезъ него мы приносимъ величайшую пользу не бѣднымъ, а себѣ, и больше получаемъ, нежели даемъ.

6. Говорю объ этомъ не безъ причины, но потому, что многіе часто входятъ въ строгія изслѣдованія о нуждающихся, разспрашиваютъ объ ихъ отечествѣ, образѣ жизни, нравахъ, занятіяхъ и о здоровьѣ тѣлесномъ, дѣлаютъ имъ упреки и требуютъ отъ нихъ множества объясненій касательно ихъ здоровья. Оттого-то многіе (изъ бѣдныхъ) представляются изувѣченными по тѣлу, чтобы видомъ этого несчастія преклонить нашу жестокость и безчеловѣчіе. Лѣтомъ попрекать ихъ за это, хоть и жестоко, но не такъ еще, но зимою и во время стужи быть столь безжалостнымъ и безчеловѣчнымъ судіею и не оказывать имъ никакого снисхожденія за то, что ничего не дѣлаютъ, не есть ли верхъ жестокости? Для чего же, скажешь, Павелъ давалъ ѳессалоникійцамъ такой законъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Солун. III, 10)? Для того, чтобы и ты, услышавъ это, обращалъ слова Павла не къ бѣдному только, но и къ себѣ самому, потому что заповѣди Павла относятся не къ бѣднымъ только, но и къ намъ. Скажу и нѣчто тяжелое и непріятное; знаю, что разсердитесь, но, несмотря на это, скажу, потому что и говорю не для того, чтобы оскорбить васъ, но чтобы исправить. Мы попрекаемъ бѣдныхъ праздностію, которая часто заслуживаетъ и извиненія, а сами часто дѣлаемъ такія дѣла, которыя хуже всякой праздности. Но я, скажетъ иной, владѣю отцовскимъ наслѣдствомъ. Неужели же, скажи мнѣ, бѣдный долженъ погибнуть за то, что онъ бѣденъ и отъ бѣдныхъ (родителей), и не имѣлъ богатыхъ предковъ? Но поэтому-то особенно онъ и заслуживаетъ милосердія и состраданія со стороны богатыхъ. Ты, проводя часто цѣлый день въ театрѣ, или въ собраніяхъ и въ разговорахъ безполезныхъ, или даже вредныхъ, не думаешь, что дѣлаешь худо и ничѣмъ не занимаешься; а этого несчастнаго и жалкаго бѣдняка, который цѣлый день проводитъ въ прошеніи (милостыни), въ слезахъ и въ тысячѣ бѣдъ, осуждаешь и влечешь въ судилище, и требуешь отъ него отчета? Гдѣ же тутъ, скажи мнѣ, человѣческая совѣстливость? Итакъ, когда будешь говорить: что же скажемъ Павлу? говори такъ не бѣднымъ только, но и себѣ самому. А съ другой стороны, читай не только его угрозу, но и снисхожденіе, потому что (апостолъ), сказавъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*, присовокупилъ: *вы же,*

братіе, не стужайте доброе творяще (ст. 13). Но какой у нихъ благовидный предлогъ? Это, говорятъ, бѣглецы, пришельцы, него- 270
дяи; покинувъ свою родину, они стекаются въ нашъ городъ. Такъ, на это ли ты, скажи мнѣ, досадуешь и обрываешь вѣнокъ нашего города, что всѣ считаютъ его общею пристанью, и чужой городъ предпочитаютъ своему родному? Но надлежало бы радоваться и восхищаться тѣмъ, что всѣ прибѣгаютъ къ вашимъ рукамъ, какъ на общій рынокъ, и считаютъ этотъ городъ общею матерію. Не помрачайте же славы и не умаляйте чести, которою онъ пользуется издревле, отъ временъ отеческихъ. Нѣкогда, какъ угрожалъ голодъ всей землѣ, жители этого города [1]) отправили съ Варнавою и Савломъ немало денегъ жителямъ Іерусалима,—тѣмъ самымъ, о которыхъ и мы говорили въ этой бесѣдѣ. Какое же можемъ имѣть оправданіе или извиненіе, если наши предки питали на свой счетъ жившихъ вдали отъ нихъ, и сами ходили къ нимъ, а мы отгоняемъ и тѣхъ, которые изъ другихъ мѣстъ прибѣгаютъ къ намъ, и дѣлаемъ объ нихъ строгія розысканія, зная притомъ, что сами мы виновны во множествѣ грѣховъ? Если бы Богъ сталъ такъ же строго изслѣдовать наши дѣла, какъ мы — бѣдныхъ, мы не получили бы никакого прощенія, никакой милости. *Имже бо судомъ судите*, говоритъ Писаніе, *судятъ вамъ* (Матѳ. VII, 2). Будь же человѣколюбивъ и снисходителенъ къ сорабу, прости ему прегрѣшенія, сколь ни много ихъ, и будь милосердъ, дабы и самъ ты удостоился того же. Для чего самъ себѣ причиняешь безпокойства? Для чего дѣлаешь розысканія? Если бы Богъ повелѣлъ развѣдывать образъ жизни (бѣдныхъ), требовать отъ нихъ объясненій и тщательно изслѣдовать нравы ихъ, тогда не стали ли бы роптать многіе? Не сказали ли бы: что это такое? Богъ предписалъ намъ дѣло трудное: мы не можемъ изслѣдовать образъ жизни другихъ и знать, какіе такой-то сдѣлалъ грѣхи? Не сказали ли бы многіе и еще многое въ этомъ родѣ? А теперь, когда Онъ освободилъ насъ отъ всякаго такого розысканія и обѣщалъ полную награду (за подаяніе милостыни), будутъ ли получающіе ее злые, или добрые люди, мы сами на себя навлекаемъ безпокойства. Откуда же, скажете, видно, что мы получимъ награду за подаяніе милостыни, какъ добрымъ, такъ и не добрымъ? Изъ словъ самого Господа: *молитеся*, говоритъ онъ, *за творящихъ вамъ напасть и изгонящія вы, яко да будете* подобны Отцу *вашему, иже есть на небесѣхъ: яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. V, 44, 45). Какъ Господь твой, не смотря на то, что премногіе оскорбляютъ Его нече-

[1]) Т. е. Антіохіи.

стивыми словами, блудодѣйствуютъ, крадутъ, разбойничаютъ, раскапываютъ могилы и дѣлаютъ множество зла, не прекращаетъ своихъ ко всѣмъ благодѣяній, но, по своему человѣколюбію, всѣмъ посылаетъ солнечные лучи, дожди и плоды земные,—такъ поступай и ты, и, когда будетъ время для милости и человѣколюбія, облегчай бѣдность, прекращай голодъ, избавляй отъ скорби, и ничего больше не розыскивай. Если мы станемъ изслѣдовать образъ жизни (нуждающихся), то не окажемъ милости ни одному человѣку, но изъ-за такой неумѣстной пытливости останемся безплодными, никому не подадимъ помощи, и будемъ трудиться безъ всякой пользы и напрасно. Поэтому прошу васъ, оставивъ эту неумѣстную пытливость, подавайте (милостыню) всѣмъ нуждающимся, и дѣлайте это съ великою щедростію, чтобы и намъ са-
—272 мимъ удостоиться въ тотъ день (будущаго суда) великой милости и снисхожденія отъ Бога, которое и да получимъ всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава и честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на слова апостола: Имуще же той же духъ вѣры, по писанному (2 Кор. IV, 13), и на слова: вѣровахъ, тѣмже и возглаголахъ (Псал. CXV, 1, 2 Кор. IV, 13), и о милостынѣ.

271 1. Мудрѣйшіе изъ врачей, видя, что рана требуетъ желѣзнаго ножа, дѣлаютъ разсѣченіе; но дѣлаютъ это не безъ скорби и не безъ сострađанія, а скорбятъ и вмѣстѣ радуются не меньше самихъ испытывающихъ разсѣченіе; они скорбятъ по причинѣ боли, причиняемой разсѣченіемъ, а радуются выздоровленію, происходящему отъ него. Такъ поступилъ и Павелъ, мудрый врачъ душъ. Обличивъ нѣкогда коринѳянъ, которые имѣли нужду въ сильнѣйшемъ обличеніи, онъ и радовался и печалился: печалился потому, что причинилъ имъ скорбь, а радовался потому, что сдѣлалъ пользу. Выражая то и другое, онъ говорилъ: *яко аще и оскорбихъ*
272 *васъ* прежнимъ *посланіемъ, не раскаюся, аще и раскаялбыхся* (2 Кор. VII, 8). Почему онъ раскаялся? И почему опять не раскаивается? Раскаялся потому, что очень сильно поразилъ ихъ; не раскаивается потому, что исправилъ ихъ. А дабы ты убѣдился, что дѣйствительно поэтому, выслушай дальнѣйшее: *вижду бо, яко посланіе*

*оно, аще и къ часу, оскорби васъ. Нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте,
но яко оскорбистеся въ покаяніе* (2 Кор. VII, 8, 9). Если я, говоритъ,
на время опечалилъ васъ, то эта печаль кратковременная, а польза
постоянная. Позвольте же и мнѣ, прошу васъ, сказать эти слова
любви вашей: *яко аще и оскорбихъ васъ* прежнимъ увѣщаніемъ, *не* 273
раскаюся, аще и раскаялбыхся, потому что вижу, что тогдашнее
увѣщаніе и наставленіе, хотя на время опечалило васъ, но намъ
принесло много радости, *не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся
въ покаяніе.* Вотъ эта самая печаль ваша по Богѣ какое произвела
въ васъ усердіе. Сегодня у насъ собраніе блистательнѣйшее, зрѣлище торжественнѣйшее, сонмъ братіи многочисленнѣйшій. Это усердіе—плодъ той печали.

Поэтому, сколько тогда я скорбѣлъ, столько теперь радуюсь, видя духовный виноградникъ нашъ наполненнымъ плодами. Если при предложеніи яствъ чувственныхъ многочисленность гостей доставляетъ нѣкоторую честь и радость пригласившему ихъ, то тѣмъ болѣе это можетъ быть при предложеніи яствъ духовныхъ; между тѣмъ тамъ чѣмъ больше приглашенныхъ, тѣмъ больше истребляется предложеннаго и дѣлается большій расходъ, а здѣсь напротивъ—многочисленность собравшихся не только не истребляетъ, но еще умножаетъ трапезу. Если же тамъ расходъ доставляетъ удовольствіе, то тѣмъ болѣе здѣсь доставитъ это прибытокъ, потому что таково свойство духовныхъ яствъ: чѣмъ большему числу онѣ раздѣляются, тѣмъ больше умножаются. Итакъ, если у насъ трапеза полна, то я надѣюсь, что и благодать Духа будетъ сообщаться уму нашему, потому что когда она видитъ много присутствующихъ, тогда предлагаетъ обильнѣйшее угощеніе, не потому, чтобы она презирала немногихъ, но потому, что желаетъ спасенія многихъ. Поэтому и Павлу явившійся Христосъ повелѣлъ пройти другіе города и остановиться въ Коринѳѣ, сказавъ: *не бойся, но глаголи, и да не умолкнеши: зане людіе суть Ми мнози во градѣ семъ* (Дѣян. XVIII, 9, 10). Если ради одной овцы пастырь ходитъ по горамъ и лѣсамъ и пустынямъ, то, когда предстоитъ ему многихъ овецъ обратить отъ безпечности и заблужденія, не окажетъ ли онъ великаго усердія? А что онъ дѣйствительно не презираетъ и немногихъ, послушай, какъ Онъ самъ говоритъ: *нѣсть воля* Отца Моего, *да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ* (Матѳ. XVIII, 14). Ни малочисленность, говоритъ, ни незнатность не располагаетъ Его пренебрегать нашимъ спасеніемъ.

2. Итакъ, если таково попеченіе Его о малыхъ и немногихъ и таково о многихъ, то, предоставивъ все Его изволенію, обратимся къ изреченію Павла, прочитанному сегодня. Какое же это изреченіе? *Вѣмы бо,* говоритъ онъ, *яко аще земная наша храмина*

тѣла разорится (2 Кор. V, 1); или—лучше—обратимся выше, къ самому началу мысли. Какъ отыскивающіе источникъ, увидѣвъ влажное мѣсто, не только тамъ роютъ, но, руководясь этою влагою и жилою, простираются далѣе внутрь, пока не достигнутъ до самаго корня и начала потока,—такъ точно поступимъ и мы. Нашедши духовный источникъ, проистекающій изъ мудрости Павловой, мы, руководясь его изреченіемъ, какъ бы нѣкоторою жилою, пойдемъ къ самому корню мысли. Гдѣ же это начало и корень? *Имуще же той же духъ вѣры, по писаному: вѣровахъ, тѣмже*
274 *возглаголахъ; и мы вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ* (2 Кор. IV, 13). Что говоришь ты? Если бы ты не вѣровалъ, то и не говорилъ бы и стоялъ бы безмолвнымъ? Да, говоритъ; безъ вѣры не могу ни отверзть устъ, ни двинуть языка, ни раскрыть губъ, и будучи одаренъ даромъ слова, стою безмолвнымъ безъ ея наставленія. Какъ растеніе безъ корня не можетъ произращать плода, такъ безъ предварительнаго существованія вѣры не можетъ произойти и слово ученія. Поэтому и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе* (Рим. x, 10).

Что можетъ быть лучше этого дерева, или даже сравниться съ нимъ, когда не только вѣтви его, но и самый корень приноситъ плодъ: корень—оправданіе, а вѣтви—спасеніе? Поэтому онъ и говоритъ: *вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ*. Какъ палка, крѣпко поддерживая дрожащіе и отъ старости ослабѣвшіе члены, не допускаетъ поскользнуться и упасть, такъ точно и вѣра, надежнѣе палки подкрѣпляя нашу душу, колеблемую и волнуемую немощію помысловъ, и поддерживая силою собственной крѣпости, безопасно утверждаетъ ее и никогда не допускаетъ ей преткнуться, исправляя немощь помысловъ избыткомъ собственной силы, разгоняя происходящій отъ нихъ мракъ и озаряя собственнымъ свѣтомъ душу, сидящую въ смутныхъ помыслахъ, какъ бы въ темномъ домѣ. Поэтому лишенные ея находятся въ состояніи не лучшемъ того, въ какомъ живущіе во мракѣ, но подобно тому какъ тѣ и ударяются объ стѣны, и толкаются съ встрѣчными, и низвергаются въ овраги и пропасти, и глаза не приносятъ имъ никакой пользы, когда нѣтъ руководительнаго свѣта, такъ и лишенные вѣры и толкаютъ другъ друга, ударяются объ стѣны, и наконецъ низвергаются, увлекая сами себя въ бездну погибели.

3. Свидѣтелями этихъ словъ тѣ, которые похваляются мірскою мудростію и тщеславятся отпущенною бородою, истертымъ плащемъ и палкою. Они, послѣ длинныхъ и многихъ разсужденій, не видѣли камней, лежащихъ предъ ихъ глазами, потому что если бы они взирали на нихъ, какъ на камни, то не стали

бы почитать ихъ богами. Они возставали и другъ противъ друга и низвергались въ самую глубокую бездну нечестія не отъ чего иного, какъ отъ того, что довѣрялись во всемъ собственнымъ своимъ разсужденіямъ. Выражая и это, Павелъ сказалъ: *осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце: глаголющеся быти мудри, объюродѣша* (Рим. I, 21, 22). Далѣе, приводя доказательство ихъ помраченія и безумія, онъ прибавилъ: *и измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣннаго человѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ* (Рим. I, 23). Но весь этотъ мракъ вѣра, пришедши, изгоняетъ изъ души принявшаго ее; и какъ спущенный якорь удерживаетъ корабль, со всѣхъ сторонъ обуреваемый напоромъ вѣтровъ и заливаемый поднимающимися волнами, и укрѣпляетъ его среди моря, такъ точно, когда привходящіе отвнѣ помыслы обуреваютъ нашъ умъ, пришедшая вѣра надежнѣе якоря избавляетъ его отъ кораблекрушенія, приводя 275
его къ полному убѣжденію, какъ корабль въ тихую пристань. Выражая это самое, Павелъ сказалъ, что Богъ *далъ есть апостолы къ совершенію святыхъ, дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, да не бываемъ ктому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ* (Ефес. IV, 11—14). Видишь ли дѣйствіе вѣры, какъ она, какъ бы нѣкоторый надежный якорь, устраняетъ колебаніе? Объ этомъ онъ же пишетъ въ посланіи къ евреямъ, выражаясь о вѣрѣ такъ: *еже аки котву имамы души тверду же и извѣстну, и входящую во внутреннѣйшее завѣсы* (Евр. VI, 19). Дабы ты, услышавъ объ якорѣ, не подумалъ, что онъ влечетъ внизъ, апостолъ показываетъ, что необыкновенное свойство этого якоря то, что онъ влечетъ не внизъ, но возноситъ умъ вверхъ, поднимаетъ къ небу и вводитъ *во внутреннѣйшее завѣсы.* Завѣсою онъ назвалъ здѣсь небо. Почему и для чего? Потому, что какъ завѣса отдѣляла святое святыхъ отъ внѣшней части скиніи, такъ точно и это небо, подобно завѣсѣ распростертое среди созданія, отдѣляетъ отъ внѣшней части скиніи, т. е. отъ этого видимаго міра, святое святыхъ, т. е. горнее и высшее, *идѣже предтеча о насъ вниде Христосъ* (Евр. VI, 20).

4. Смыслъ словъ его слѣдующій: вѣра, говоритъ онъ, возвышаетъ нашу душу туда, не допуская ее угнетаться никакимъ изъ настоящихъ бѣдствій, но облегчая труды надеждою будущаго. Подлинно, кто взираетъ на будущее, надѣется на небесное и устремляетъ туда умственныя очи, тотъ не чувствуетъ скорби отъ настоящихъ бѣдствій, какъ не чувствовалъ и Павелъ и, объясняя причину такого любомудрія, говорилъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ* (2 Кор. IV, 17). Какъ и какимъ образомъ? *Не смо-*

трящымъ намъ видимыхъ, но не видимыхъ, очами вѣры (2 Кор. IV, 17, 18). Какъ очи тѣлесныя не видятъ ничего умственнаго, такъ очи вѣры не видятъ ничего чувственнаго. Но о какой вѣрѣ говоритъ здѣсь Павелъ? Названіе *вѣры* имѣетъ двоякое значеніе. Вѣрою называется та, которою нѣкогда апостолы совершали знаменія и о которой Христосъ сказалъ: *аще имате вѣру яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ* (Матѳ. XVII, 20). Также, когда ученики не могли избавить лунатика отъ бѣса и хотѣли узнать причину этого, то Онъ указываетъ имъ ее въ недостаткѣ вѣры, сказавъ: *за невѣрствіе ваше* (Матѳ. XVII, 19). И Павелъ объ этой же вѣрѣ говоритъ: *аще имамъ вѣру, яко и горы преставляти* (1 Кор. 13, 2). Равнымъ образомъ, когда Петръ, идя пѣшимъ по морю, началъ утопать, то Христосъ укорилъ его за недостатокъ этой же вѣры, сказавъ: *маловѣре, почто усумнѣлся еси* (Матѳ. XIV, 31)? Итакъ вѣрою называется та, которая совершаетъ знаменія и чудеса. Вѣрою же называется и та, которая руководитъ къ познанію Бога, по которой каждый изъ насъ есть вѣрный. О ней говоритъ апостолъ въ посланіи къ римлянамъ: *благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ, яко вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ* (Рим. I, 8); также къ ѳессалоникійцамъ: *отъ васъ*
276 *бо промчеся слово Божіе не токмо въ Македоніи и Ахаіи, но и во всяко мѣсто вѣра ваша, яже къ Богу, изыде* (1 Сол. 1, 8).

На какую вѣру онъ указываетъ здѣсь? Очевидно на вѣру познавательную, какъ показываютъ дальнѣйшія слова: *вѣруемъ*, говоритъ онъ, *тѣмже и глаголемъ*. Чему вѣруемъ? *Яко воздвигій Іисуса и насъ воздвигнетъ* силою своею (2 Кор. IV, 14). Но почему онъ называетъ ее *духомъ вѣры* и включаетъ въ число дарованій? Если вѣра есть дарованіе и только даръ Духа, а не наша заслуга, то и невѣрующіе не будутъ наказаны, и вѣрующіе не удостоятся похвалы, потому что таково свойство дарованій: за нихъ не получаютъ вѣнцовъ и наградъ, такъ какъ дарованіе не есть заслуга получившихъ его, а даръ щедрости подателя. Поэтому Господь повелѣлъ и ученикамъ не радоваться тому, что они изгоняли бѣсовъ, и лишилъ царства небеснаго тѣхъ, которые *пророчествовали Его именемъ и творили силы многи* (Матѳ. VII, 22), такъ какъ собственными заслугами они не могли похвалиться, а хотѣли спастись одними только дарованіями.

5. Итакъ, если и вѣра есть нѣчто такое, если въ ней мы ничего не привносимъ отъ себя, но все принадлежитъ благодати Духа, которая и внѣдряетъ ее въ наши души, и мы не получимъ за это никакой награды, то какъ же апостолъ говоритъ: *сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе* (Рим. X, 10)? Значитъ, вѣра есть также доброе дѣло увѣровавшаго. Какъ и въ

другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ тоже самое, когда говоритъ: *а не дѣлающему, вѣрующему же оправдающаго нечестива, вмѣняется вѣра его въ правду* (Рим. IV, 5), если все принадлежитъ благодати Духа? Какъ и патріарха Авраама онъ увѣнчалъ за нее безчисленными похвалами,—за то, что тотъ, презрѣвъ все настоящее, повѣрилъ съ надеждою сверхъ надежды (Рим. IV, 18)? Итакъ, для чего же апостолъ называетъ ее *духомъ вѣры?* Онъ хочетъ показать, что вначалѣ увѣровать и покориться призыву зависитъ отъ нашего благорасположенія; а послѣ того, какъ вѣра уже внѣдрена, мы имѣемъ нужду въ помощи Святаго Духа для того, чтобы она пребывала постоянно непоколебимою и неизмѣнною. Ни Богъ, ни благодать Духа не предваряетъ нашего расположенія, но, хотя призываетъ, однако ожидаетъ, чтобы мы пришли добровольно и по собственному желанію; а потомъ, когда мы уже пришли, тогда подаетъ отъ Себя всякую помощь. Такъ какъ діаволъ, послѣ того какъ мы приступили къ вѣрѣ, тотчасъ приходитъ, желая вырвать этотъ добрый корень и спѣша посѣять плевелы и повредить истинныя и чистыя сѣмена, то мы имѣемъ тогда нужду въ помощи Духа, дабы Онъ, присѣдя нашей душѣ, подобно трудолюбовому земледѣльцу, своимъ великимъ попеченіемъ и промышленіемъ со всѣхъ сторонъ ограждалъ новонасажденное растеніе вѣры. Поэтому апостолъ въ посланіи къ ѳессалоникійцамъ говоритъ: *Духа не угашайте* (1 Сол. V, 19), внушая, что по пришествіи благодати Духа мы будемъ недоступными для лукаваго бѣса и всѣхъ ухищреній его, потому что, если *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. XII, 3), тѣмъ болѣе никто не можетъ соблюсти вѣру свою безопасною и твердою, какъ только Духомъ Святымъ.

6. Но какъ можемъ мы привлечь къ себѣ помощь Духа и расположить Его пребывать въ насъ? Добрыми дѣлами и хорошею 277
жизнію. Какъ свѣтъ свѣтильника поддерживается елеемъ, съ уничтоженіемъ котораго и онъ прекращается и изчезаетъ,—такъ точно и благодать Духа: когда есть у насъ добрыя дѣла и душа орошается великою милостынею, пребываетъ въ насъ, какъ огонь, поддерживаемый елеемъ, а безъ нея отступаетъ и удаляется—какъ это и случилось съ пятью дѣвами. Такъ какъ онѣ, послѣ многихъ трудовъ и подвиговъ, не запасли на помощь себѣ человѣколюбія, то и не могли удержать при себѣ духовнаго дарованія, поэтому и были отлучены отъ брачнаго чертога и услышали страшныя слова, которыя тяжелѣе геенны: *отъидите, не вѣмъ васъ* (Матѳ. XXV 12, 41); поэтому и названы глупыми,—и справедливо, такъ какъ онѣ, преодолѣвъ сильнѣйшія похоти, были побѣждены слабѣйшею. Посмотри: онѣ побѣдили силу природы, обуздали бѣ-

шенную ярость, укротили волны похоти, живя на землѣ показали жизнь ангельскую, будучи облечены тѣломъ подражали безплотнымъ силамъ, и послѣ такого подвига не подавили въ себѣ страсти къ деньгамъ; поистинѣ глупыя и неразумныя,—потому-то онѣ и не удостоились прощенія. Ихъ паденіе было слѣдствіемъ одной безпечности. Онѣ были въ состояніи—угасить разженную такимъ пламенемъ печь похоти, переступить далѣе предѣловъ и сдѣлать больше заповѣданнаго, (потому что дѣвство не есть законъ, но предоставлено волѣ слушащихъ), и послѣ этого были побѣждены страстію къ деньгамъ. Что можетъ быть жалче ихъ, потерявшихъ съ головы своей вѣнецъ за малую часть серебра? Говорю это не съ тѣмъ, чтобы опустились руки дѣвственницъ, чтобы прекратить дѣвство, но чтобы онѣ не трудились безъ пользы, чтобы послѣ безчисленныхъ подвиговъ не удалились съ поприща неувѣнчанными и покрытыми стыдомъ. Дѣвство - дѣло доброе и вышеестественное; но и это доброе, великое и вышеестественное дѣло, не будучи соединено съ человѣколюбіемъ, не можетъ ввести даже въ преддверіе брачнаго чертога. Посмотри на могущество человѣколюбія и силу милостыни. Дѣвство безъ милостыни не могло довести даже до преддверія брачнаго чертога; а милостыня безъ дѣвства привела питомцевъ своихъ съ великою славою въ царство, уготованное *прежде сложенія міра*. Тѣ за то, что не оказывали щедрой милостыни, услышали: *отъидите, не вѣмъ васъ;* а эти, напоившіе жаждущаго и напитавшіе алчущаго Христа, хотя и не отличались дѣвствомъ, услышали: *пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. xxv, 34); и весьма справедливо, потому что дѣвственникъ и постникъ полезенъ только себѣ самому, а милостивый есть общая пристань обуреваемыхъ, избавляетъ ближнихъ отъ бѣдности и удовлетворяетъ нуждамъ другихъ. Изъ добрыхъ же дѣлъ тѣ обыкновенно цѣнятся выше, которыя служатъ на пользу другимъ.

7. Дабы ты убѣдился, что этого рода заповѣди преимущественно предъ всѣми другими угодны Богу, Христосъ, бесѣдуя о
278 постѣ и дѣвствѣ, упомянулъ о царствѣ небесномъ; а заповѣдуя о милостынѣ и человѣколюбіи и о томъ, чтобы мы питали въ себѣ милосердіе, указалъ на награду гораздо выше царства небеснаго: *яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. v, 45). Въ самомъ дѣлѣ, тѣ заповѣди особенно дѣлаютъ людей подобными Богу,—насколько людямъ возможно быть подобными Богу, — которыя служатъ къ общей пользѣ. Это самое выражая, Христосъ и сказалъ: *яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. v, 45). Такъ и вы, употребляя свои имущества по возможности на общую

пользу братій, подражайте Тому, Кто ниспосылаетъ блага свои всѣмъ одинаково. Велико достоинство дѣвства, и поэтому я желаю, чтобы оно особенно было соблюдаемо; но достоинство дѣвства состоитъ не въ воздержаніи только отъ брака, а въ человѣколюбіи, братолюбіи и состраданіи. Что пользы въ дѣвствѣ съ жестокостію? Что пользы въ цѣломудріи съ безчеловѣчіемъ? Ты не увлеклась тѣлесною похотію, но увлеклась страстію къ деньгамъ; ты не прельстилась наружностію человѣка, но прельстилась красотою золота; ты побѣдила сильнѣйшаго противника, но меньшій и слабѣйшій преодолѣлъ тебя и побѣдилъ. Поэтому твое пораженіе сдѣлалось постыднѣйшимъ; поэтому ты и не получила прощенія, какъ преодолѣвшая такое насиліе и укротившая самую природу, но предавшаяся сребролюбію, которое часто и рабы и варвары могли побѣждать безъ труда.

8. Зная все это, возлюбленные, и въ бракѣ живущіе и въ дѣвствѣ подвизающіеся, будемъ прилагать великое усердіе къ милостынѣ, потому что иначе невозможно достигнуть царства небеснаго. Если дѣвство безъ милостыни не могло привести въ царство, то какое другое доброе дѣло можетъ, или будетъ въ состояніи сдѣлать это безъ нея. Нѣтъ, никакое. Итакъ всею душею и всѣми силами будемъ подливать елея въ свѣтильники, и пусть это дѣлается щедро и постоянно, чтобы свѣтъ всегда былъ ясный и обильный. Ты смотри не на бѣднаго, который принимаетъ, но на Бога, который воздаетъ, не на того, кто, получаетъ серебро, но на того, кто дѣлается должникомъ твоимъ. Для того одинъ принимаетъ, а другой платитъ, чтобы съ одной стороны бѣдность и несчастіе принимающаго расположили тебя къ милости и состраданію, а съ другой богатство имѣющаго отдать, ручающагося за уплату съ великою прибавкою, внушало надежду на нѣкоторую выгоду и располагало къ милостынѣ съ большею щедростію. Кто, скажи мнѣ, имѣя въ виду получить во сто разъ болѣе и будучи совершенно увѣренъ въ уплатѣ, не отдастъ всего?

Не будемъ же беречь деньги, или—лучше—будемъ деньги беречь, потому что кто бережетъ свое имущество, тотъ полагаетъ его въ эту неприкосновенную сокровищницу, недоступную ни для разбойниковъ, ни для слугъ, ни для злыхъ завистниковъ и ни для какихъ козней. Если же ты, слыша и это, не рѣшаешься отдать что-нибудь изъ своего имущества, и ни стократное полученіе, ни несчастіе бѣднаго, и ничто другое не можетъ склонить тебя, то вспомни о своихъ грѣхахъ, войди въ сознаніе своей грѣховности, изслѣдуй всю свою жизнь, осмотри тщательно всѣ свои грѣхопаденія, и тогда, хотя бы ты былъ безчеловѣчнѣйшимъ изъ всѣхъ 279
людей, постоянно чувствуя страхъ за свои согрѣшенія и надѣясь

милостынею заслужить себѣ ихъ прощеніе, ты отдашь и самое тѣло твое, не только что деньги. Если страдающіе ранами, желая избавиться отъ болѣзней тѣлесныхъ, не жалѣютъ никакого имущества и готовы отдать даже самую одежду, чтобы избавиться отъ своей болѣзни,—то тѣмъ болѣе мы, желая избавиться милостынею отъ болѣзни душевной и отъ тяжкихъ ранъ грѣховныхъ, должны оказывать ее со всѣмъ усердіемъ. Притомъ въ болѣзняхъ, бросая серебро, нельзя вдругъ исцѣлиться отъ боли, но часто нужно испытать и разсѣченіе, и прижиганіе, и горькія лѣкарства, и голодъ, и холодъ, и другія тягчайшія предписанія; а здѣсь не такъ, но достаточно отдать серебро въ руки бѣдныхъ, и всѣ грѣхи тотчасъ омоются безъ боли и труда. Врачъ, исцѣляющій душу, не имѣетъ нужды ни въ пріемахъ, ни въ орудіяхъ, ни въ желѣзѣ, ни въ огнѣ; но Ему довольно сдѣлать только мановеніе, и всѣ грѣхи исчезаютъ изъ нашей души и обращаются въ ничто.

9. Не видишь ли, какіе суровые подвиги переносятъ монахи, возлюбившіе уединенную жизнь и удалившіеся на вершины горъ? Имѣя постелію землю, одѣваясь въ власяницу, облагая все тѣло веригами и заключивъ себя въ хижинѣ, они постоянно борются съ голодомъ, живутъ въ слезахъ и невыносимыхъ бодрствованіяхъ, чтобы омыть хотя малую часть своихъ прегрѣшеній; а тебѣ можно безъ всякихъ подобныхъ суровыхъ подвиговъ этимъ легкимъ и удобнымъ способомъ доказать свое благочестіе. Что за трудъ, скажи мнѣ, пользуясь имуществомъ, употреблять излишнее сверхъ нужды на бѣдныхъ? Если бы даже не было положено награды, если бы даже не было назначено воздаянія, то самое свойство дѣла не въ состояніи ли убѣдить самыхъ упорныхъ употреблять избытки на утѣшеніе нуждающихся? А когда за милостыню есть такіе вѣнцы, такія награды, такое прощеніе грѣховъ, то какое, скажи мнѣ, будутъ имѣть оправданіе тѣ, которые жалѣютъ денегъ и потопляютъ душу свою во грѣхахъ? Если же тебя ничто другое не располагаетъ, и не побуждаетъ къ состраданію и милостынѣ, то вспомни о неизвѣстности кончины и представь, что если ты не дашь бѣднымъ, то съ наступленіемъ смерти невольно оставишь все другимъ, и потому будь человѣколюбивымъ теперь. Подлинно, было бы крайне безумно—не давать добровольно другимъ нуждающимся изъ того, чего мы должны будемъ лишиться невольно, тогда какъ притомъ мы можемъ получить такія блага за эту щедрость. *Ваше избыточествіе*, говоритъ апостолъ, *да будетъ во онѣхъ лишеніе* (2 Кор. VIII, 14). Что значатъ эти слова? Ты получаешь больше, нежели даешь: даешь чувственное, а получаешь умственное и духовное; даешь серебро, а получаешь отпущеніе грѣховъ; ты избавляешь бѣднаго отъ голода, а онъ избавляетъ

тебя отъ гнѣва Божія. Это—нѣкоторая мѣна и торговля, приносящая прибытокъ, гораздо больше расхода, и выгоду значительнѣе. Расходъ состоитъ въ деньгахъ, а прибытокъ не въ деньгахъ только, но и въ отпущеніи грѣховъ, въ дерзновеніи предъ Богомъ, 280
въ царствѣ небесномъ и въ наслажденіи благами, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). Поэтому не нелѣпо ли, – тогда какъ купцы не жалѣютъ ничего изъ своего имущества, имѣя въ виду не какую-нибудь необыкновенную прибыль, но подобную истраченной суммѣ, мы, имѣя въ виду за тлѣнныя и преходящія блага пріобрѣсти не преходящія и тлѣнныя, но нетлѣнныя и безсмертныя, не оказываемъ такой же попечительности о своемъ имуществѣ, какъ и они? Нѣтъ, братіе, не будемъ такъ дурно заботиться о своемъ спасеніи; но зная примѣръ и дѣвъ, и отосланныхъ *въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Матѳ. XXV, 41), за то, что они не напитали и не напоили Христа, будемъ удерживать въ себѣ огонь Духа щедродательностію и обильною милостынею, дабы намъ не потерпѣть кораблекрушенія въ вѣрѣ. Вѣра имѣетъ нужду въ помощи и присутствіи Духа, чтобы ей оставаться непоколебимою; а помощь Духа обыкновенно подается за чистую жизнь и доброе поведеніе. Поэтому, если мы желаемъ имѣть твердую вѣру, то должны вести чистую жизнь, которая и располагаетъ Духа пребывать въ насъ и поддерживать силу вѣры. Невозможно, подлинно невозможно, чтобы проводящій нечистую жизнь не колебался и въ вѣрѣ.

10. Пустословящіе о судьбѣ и невѣрующіе спасительному ученію о воскресеніи впали въ бездну такого невѣрія вслѣдствіе нечистой совѣсти и развратныхъ дѣлъ. Какъ страдающіе горячкою, желая уничтожить жаръ, часто бросаются въ холодную воду и, на краткое время утишивъ боль, потомъ подвергаются сильнѣйшему пламени,—такъ точно и имѣющіе порочную совѣсть, стараясь найти утѣшеніе и не желая омыть грѣхи покаяніемъ, придумали господство судьбы и невѣріе воскресенію. Такимъ образомъ, утѣшая себя на краткое время холодными разсужденіями, они воспламенятъ для себя большій огонь геенны, когда, оставшись безпечными и потомъ перешедши туда, увидятъ, что каждый самъ долженъ дать отчетъ за свои прегрѣшенія. И дабы убѣдиться, что это справедливо и что злыя дѣла вредятъ твердости вѣры, послушай, что̀ говоритъ Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею. *Да воинствуеши*, говоритъ онъ, *доброе воинство, имѣя вѣру и благую совѣсть*,—а добрая совѣсть обыкновенно бываетъ отъ жизни и правыхъ дѣлъ,—*юже*, говоритъ, *нѣцыи отринувше, отъ вѣры отпадоша* (1 Тим. I, 18, 19). И еще въ другомъ мѣстѣ: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть: егоже нѣцыи желающе, заблудиша отъ вѣры* (1 Тим.

vi, 10). Видишь ли, что и тѣ потерпѣли кораблекрушеніе, и эти уклонились, потому что тѣ отвергли благую совѣсть, а эти предались сребролюбію? Тщательно размышляя обо всемъ этомъ, постараемся о добромъ образѣ жизни, чтобы получить намъ двойную награду,—одну, уготованную въ воздаяніе за дѣла, а другую въ воздаяніе за твердость въ вѣрѣ. Чтó пища для тѣла, тò жизнь для вѣры; и какъ плоть наша по естеству своему не можетъ под-
281 держиваться безъ пищи, такъ и вѣра—безъ добрыхъ дѣлъ, потому что *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. ii, 20). Осталось наконецъ сказать объ одномъ: что значитъ: *той же?* Апостолъ не сказалъ просто: *имуще духъ вѣры;* но что? *Имуще той же духъ вѣры.* Я желалъ бы объяснить и это; но такъ какъ вижу много потоковъ мыслей, проистекающихъ изъ этого простого слова, то опасаюсь, чтобы множествомъ того, что нужно будетъ сказать, не затопить всего сказаннаго и не сдѣлать безполезнымъ для васъ настоящаго поученія, повредивъ вамъ неумѣренностію. Поэтому, прекращая здѣсь бесѣду, прошу и умоляю васъ тщательно соблю-
282 дать сказанное,—все, что вы слышали о жизни, вѣрѣ, дѣвствѣ, человѣколюбіи и милостынѣ, и, твердо помня это, быть готовыми къ слушанію послѣдующаго. Тогда только наше собесѣдовательное зданіе будетъ прочно и непоколебимо, когда прежде сказанное будетъ хорошо внѣдрено въ вашихъ умахъ, а затѣмъ мы станемъ прилагать и дальнѣйшее. Богъ же, даровавшій и намъ сказать это, и вамъ выслушать съ усердіемъ, да сподобитъ насъ явить плоды отъ дѣлъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на слова апостола: имуще же той же духъ вѣры, по писаному (2 Кор. iv, 13), и противъ манихеевъ и всѣхъ, порицающихъ ветхій завѣтъ и отдѣляющихъ его отъ новаго, и о милостынѣ.

281 1. За мною старый долгъ—объяснить вамъ апостольское изреченіе. Вы, можетъ быть, забыли объ этомъ долгѣ по давности времени; но я не забылъ по своему влеченію къ вамъ. Такова любовь: она нѣчто неусыпное и заботливое; любящіе носятъ въ умѣ не только любимыхъ, но и все, что пообѣщаютъ имъ дать, помнятъ тверже будущихъ получателей. Такъ и нѣжная мать, сохранивъ для своихъ дѣтей остатки трапезы, не забудетъ, если они слу-

чайно и забудутъ, но, соблюдши это со всѣмъ усердіемъ, предлагаетъ и питаетъ алчущихъ. Если матери такъ нѣжны къ своимъ дѣтямъ, то намъ нужно оказывать настолько большее усердіе и попеченіе о вашей любви, насколько муки рожденія духовнаго сильнѣе мукъ рожденія естественнаго. Какая же была эта трапеза, остатки которой мы сохранили для васъ? Это апостольское изреченіе, доставившее намъ тогда обильную духовную пищу, одну часть котораго мы предложили вашему вниманію, а другую перенесли на настоящій день, чтобы множествомъ сказаннаго не истощить силы вашей памяти. Какое же это изреченіе? *Имуще же тойже духъ вѣры, по писаному: вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ: и мы вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ* (2 Кор. IV, 13). О какой вѣрѣ сказано,— о совершительницѣ ли знаменій, о которой Христосъ говоритъ: *аще имате вѣру яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ* (Матѳ. XVII, 20), или о насадительницѣ въ насъ познанія, по которой всѣ мы—вѣрные; также для чего сказано: *духъ вѣры*, и что такое самая эта вѣра,—обо всемъ этомъ мы по силамъ сказали тогда любви вашей, прибавивъ нѣсколько словъ и о милостынѣ. Но такъ какъ осталось еще объяснить, для чего сказано: *духъ вѣры тойже*, и множество сказаннаго тогда не дозволило обстоятельно заняться этимъ словомъ,—то мы сберегли его на настоящій день, и теперь вышли отдать вамъ этотъ долгъ. Итакъ, для чего апостолъ сказалъ: *тойже?* Онъ желаетъ пока- 282
зать великое сродство новаго завѣта съ ветхимъ; поэтому напомнилъ намъ и о пророческомъ изреченіи, сказавъ: *имуще же тойже духъ вѣры,* и прибавивъ: *по писаному: вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ.* Раньше и за много лѣтъ Давидъ сказалъ то самое (Псал. CXV, 10), что привелъ теперь Павелъ, объявляя, что та же самая благодать Духа и въ немъ тогда, и въ насъ теперь укоренила силу вѣры; и какъ бы такъ сказалъ: тотъ же самый Духъ вѣры, который говорилъ въ немъ, дѣйствуетъ и въ насъ.

2. Гдѣ теперь тѣ, которые порицаютъ ветхій завѣтъ, расторгаютъ тѣло Писанія, приписываютъ новый завѣтъ одному, а ветхій другому Богу? Пусть они слушаютъ Павла, заграждающаго безбожныя уста, обуздывающаго богоборный языкъ и показывающаго, что одинъ и тотъ же Духъ и въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ. Притомъ и самыя названія ихъ показываютъ намъ великое согласіе между завѣтами. Новый названъ такъ по отношенію къ ветхому, и ветхій по отношенію къ новому,—какъ и Павелъ говоритъ: *внегда же глаголетъ: новъ, обветши перваго* (Евр. VIII, 13). А если бы они не принадлежали одному и тому же Владыкѣ, то не могли бы называться ни этотъ новымъ, ни тотъ ветхимъ. Такъ это различіе въ названіяхъ показываетъ сродство того и другого завѣта;

и самое это различіе не по сущности, но по перемѣнѣ времени: только поэтому новое отличается отъ ветхаго; перемѣна времени, не означаетъ ни разности господства, ни умаленія одного предъ другимъ. Это выразилъ и Христосъ, когда сказалъ: *сего ради всякъ книжникъ, научивыйся царствію небесному, подобенъ есть человѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая* (Матѳ. XIII, 52). Видишъ ли стяжанія различныя, а власть одну? Какъ тамъ одинъ и тотъ же хозяинъ можетъ выносить новое и старое, такъ точно и здѣсь возможно, чтобы одному и томуже Богу принадлежали новый и ветхій завѣты; это самое особенно и показываетъ Его богатство и изобиліе, что Онъ не только созидаетъ новое, но и въ ветхомъ обнаруживаетъ изобиліе.

283 Такимъ образомъ между завѣтами есть только различіе въ названіяхъ, а не противорѣчіе и не противоположность. Ветхое бываетъ ветхимъ при новомъ; но это означаетъ не противорѣчіе и не противоположность, а только различіе въ названіи. Я даже позволю себѣ такое преувеличеніе, что хотя бы законы ветхаго завѣта были противоположны законамъ новаго, я съ большою настойчивостью утверждалъ бы, что и тогда не нужно было бы вводить другого Бога. Если бы онъ учреждалъ противоположные законы въ одно и то же время, однимъ и тѣмъ же людямъ, живущимъ въ одномъ и томъ же состояніи, находящимся въ однихъ и тѣхъ обстоятельствахъ, то такое мудрованіе, можетъ быть, имѣло бы нѣкоторое основаніе; но если предписаны одни законы однимъ, а другіе другимъ, тѣмъ въ одно время, а этимъ въ другое, тѣмъ въ однихъ обстоятельствахъ, а этимъ въ другихъ, то какая необходимость—вслѣдствіе различія законовъ вводить двухъ противоположныхъ законодателей? Я не вижу никакой; если же еретики могутъ сказать, то пусть скажутъ; но и они не въ состояніи будутъ. Такъ и врачъ часто дѣлаетъ много противоположнаго, не по противоположности въ мысляхъ, но съ одинаковою и съ одною и тою же мыслью. Онъ часто одно и то же тѣло и прижигаетъ и не прижигаетъ, и рѣжетъ и не рѣжетъ, даетъ пить то горькія, то сладкія лѣкарства; дѣйствія противоположны, но мысль, по которой это дѣлается, одинакова и одна и та же, потому что онъ имѣетъ въ виду одну цѣль,—здоровье больного. Поэтому не нелѣпо ли—врача не обвинять за то, что онъ дѣлаетъ много противоположнаго съ естествомъ одного и того же тѣла, а Бога порицать, если Онъ въ различныя времена и разнымъ людямъ давалъ различныя предписанія?

3. Итакъ, отсюда очевидно, что, если бы даже эти законы были противоположны, то и тогда не слѣдовало бы порицать (ветхій завѣтъ); но что они не противоположны, а только раз-

личны, возьмемъ въ руки самые законы. *Слышасте*, сказалъ Господь, *яко речено бысть древнимъ: не убіеши* (Матѳ. v, 21). Это— ветхозавѣтный законъ; посмотримъ на новозавѣтный: *Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть геенне огненнѣй* (Матѳ. v, 22). Скажи мнѣ: развѣ противоположны эти заповѣди? Кто изъ людей, имѣющій хотя сколько-нибудь смысла, можетъ сказать это? Если бы прежній законъ повелѣвалъ—не убивать, а этотъ повелѣвалъ (убивать), тогда, можетъ быть, кто-нибудь и сказалъ бы, что между ними есть противорѣчіе; если же тотъ повелѣваетъ не убивать, а этотъ повелѣваетъ даже и не гнѣваться, то послѣдній законъ есть усиленіе перваго, а не противорѣчіе ему. Тотъ уничтожилъ плодъ злобы—убійство, а этотъ вырвалъ и корень—гнѣвъ; тотъ пресѣкъ теченіе нечестія, а этотъ изсушилъ и самый источникъ его, потому что источникомъ и корнемъ убійства бываетъ ярость и гнѣвъ. Тотъ законъ приготовлялъ нашу природу, а этотъ пришедши восполнилъ недостатокъ. Гдѣ же противоположность, когда одинъ законъ пресѣкаетъ конецъ зла, а другой и начало? Тотъ руку очищалъ отъ крови, а этотъ освобождаетъ и самый умъ отъ порочныхъ пожеланій. Это свойственно законамъ согласнымъ между собою, а не противорѣчащимъ, что̀ всюду стараются подыскать враги истины, не замѣчая, что такимъ образомъ они навлекаютъ на новозавѣтнаго Бога великую вину легкомыслія и небреженія, потому что въ такомъ случаѣ окажется (да обратится это богохульство на 284
голову принуждающихъ насъ говорить это!), что Онъ неблаговременно устроилъ дѣла наши; а какъ это, я скажу. Руководство ветхаго завѣта подобно кормленію молокомъ, а любомудріе новаго завѣта подобно твердой пищѣ; никто, не вскормивши молокомъ, не подаетъ твердой пищи; а такъ поступилъ бы Богъ новаго завѣта, если бы не Онъ же былъ дарователемъ ветхаго. Прежде нежели вскормилъ молокомъ, руководствомъ закона, Онъ привелъ бы насъ къ твердой пищѣ. И не только этому обвиненію, но и другому еще большему они подвергаютъ Его, какъ будто бы Онъ только послѣ пяти слишкомъ тысячъ лѣтъ приступилъ къ промышленію о нашемъ родѣ. Если бы не Онъ былъ тотъ, кто чрезъ пророковъ, патріарховъ и другихъ праведныхъ мужей устроялъ все, касающееся насъ, а кто-нибудь другой кромѣ Его, то оказалось бы, что Онъ поздно и недавно сталъ промышлять о насъ, какъ бы подвигшись нѣкоторымъ раскаяніемъ. Но было бы недостойно не только Бога, а даже обыкновеннаго человѣка, если бы Онъ, попустивъ столь многимъ людямъ погибнуть въ теченіе столь долгаго времени, наконецъ въ послѣднія времена также приступилъ къ промышленію о немногихъ.

4. Видишь ли, какія хулы произносятъ на Бога тѣ, которые говорятъ, что одинъ законодатель новаго завѣта, а другой — ветхаго? Но все это прекращается, когда мы допустимъ что одинъ Богъ итого и другого завѣта. Тогда окажется, что Онъ мудро устроялъ дѣла касательно насъ, сначала посредствомъ закона, а теперь посредствомъ благодати, и не съ недавняго времени, не въ послѣднія времена, но издревле и съ самаго перваго дня сталъ промышлять о насъ. А чтобы еще болѣе сомкнуть уста ихъ, мы приведемъ теперь самыя изреченія пророковъ и апостоловъ, возвѣщающихъ, что одинъ законодатель новаго и ветхаго завѣта. Итакъ, пусть выступитъ освященный отъ чрева матери Іеремія, и ясно покажетъ намъ, что одинъ и тотъ же Богъ того и другого завѣта. Что же говоритъ онъ, объявляя отъ лица законодателя? *Завѣщаю вамъ завѣтъ новъ, не по завѣту, его же завѣщахъ отцемъ вашымъ* (Ірем. XXXI, 31, 32). Такимъ образомъ установитель новаго завѣта есть Богъ, давшій и ветхій. Этимъ пророкъ достаточно обуздалъ уста и послѣдователямъ Павла Самосатскаго, которые отвергаютъ предвѣчное бытіе Единороднаго. Если Онъ дѣйствительно не существовалъ прежде рожденія отъ Маріи и не имѣлъ бытія прежде, нежели явился во плоти, то какъ, не существуя, Онъ законополагалъ? Какъ Онъ могъ сказать: *завѣщаю вамъ завѣтъ новъ, не по завѣту, его же завѣщахъ отцемъ вашымъ*? Какъ онъ могъ завѣщать отцамъ ихъ, не существуя и не имѣя бытія, по ихъ ученію? Противъ іудеевъ и болѣющихъ іудейскими заблужденіями павліанъ это свидѣтельство пророка достаточно устойчиво. Но чтобы обуздать и манихеевъ, мы приведемъ свидѣтельство изъ новаго завѣта, такъ какъ они не оказываютъ никакого уваженія къ ветхому, или лучше, и къ новому, потому что и этотъ, который по видимому уважаютъ, они унижаютъ не менѣе того: во-первыхъ, отдѣленіемъ его отъ ветхаго они ослабили и достовѣрную часть его; вѣдь не малымъ
285 доказательствомъ истинности его содержанія было предсказаніе ветхозавѣтныхъ пророчествъ, которыя отвергши, они не чувствуютъ, что унизили апостоловъ больше пророковъ. Итакъ этимъ, во-первыхъ, они унижаютъ новый завѣтъ; а во-вторыхъ—исключеніемъ изъ него большой части. Но не смотря на то, сила его содержанія такова, что и изъ самыхъ остатковъ легко можно видѣть ихъ низость; урѣзанныя части кричатъ и вопіютъ, требуя соединенія съ прочими своими частями.

5. Какъ же мы докажемъ имъ, что одинъ законодатель новаго и ветхаго завѣта? Этими, оставшимися у нихъ, апостольскими изреченіями, которыя повидимому заключаютъ въ себѣ обвиненіе закона, а на самомъ дѣлѣ особенно возвышаютъ его и

показываютъ, что онъ есть вѣщаніе божественное и свыше пришедшее. И это было дѣломъ премудрости Духа, что обвинители закона, прельщенные готовымъ изреченіемъ, невольно и невѣдомо приняли защиту, написанную въ пользу его, чтобы если они захотятъ видѣть истину, то имѣли въ этомъ изреченіи руководство для себя, а если останутся въ невѣріи, то не имѣли бы уже никакого прощенія, какъ невѣрующіе ко вреду своего спасенія и тому, чему они повидимому вѣруютъ. Итакъ, гдѣ новый завѣтъ говоритъ, что одинъ законоположникъ его самого и ветхаго? Во многихъ и въ разныхъ мѣстахъ; но мы пока постараемся привести отрывокъ, и у манихеевъ сохраняющійся еще и теперь. Какой же онъ? *Глаголите ми, иже подъ закономъ хощете быти,* говоритъ апостолъ, *закона ли не слушаете, яко Авраамъ два сына имѣ: единаго отъ рабы, а другаго отъ свободныя* (Гал. IV, 21, 22)? Услышали еретики слова: *единаго отъ рабы*, и тотчасъ воспользовались ими; они думали, что эти слова—обвиненіе закона и, отрѣзавъ ихъ отъ связи съ прочими, удерживаютъ, какъ одобряющія ихъ. Мы же покажемъ изъ этого отрывка, что одинъ законоположникъ. *Авраамъ два сына имѣ: единаго отъ рабы, а другаго отъ свободныя. Яже суть,* говоритъ апостолъ, *иносказаема* (Гал. IV, 22, 24). Что значитъ: *иносказаема?* Событія ветхаго завѣта были прообразами событій завѣта благодати: какъ тамъ двѣ жены, такъ здѣсь два завѣта. Во-первыхъ, въ этомъ онъ показываетъ сродство новаго завѣта съ ветхимъ, когда этотъ былъ прообразомъ того; прообразъ не противоположенъ истинѣ, но сроденъ ей. Если бы Богъ ветхаго завѣта былъ противоположенъ Богу новаго, то ветхій не могъ бы прообразовать этими женами преимущество новаго завѣта; а если бы онъ и прообразовалъ, то Павлу не слѣдовало пользоваться этимъ прообразомъ. Если же скажутъ, что Павелъ сдѣлалъ это, снисходя къ немощи іудеевъ, то ему нужно было бы, проповѣдуя и эллинамъ, вводить эллинскіе образы, и напомнить объ историческихъ событіяхъ, бывшихъ у эллиновъ. Однако онъ не дѣлалъ этого,—и весьма справедливо, потому что эти событія не имѣли ничего общаго съ истиною, а іудейскія суть Божіи вѣщанія и законы; поэтому ветхозавѣтное и имѣетъ 286
великое сродство съ новымъ завѣтомъ.

6. Во-первыхъ, это показываетъ, что между новымъ и ветхимъ завѣтомъ великое согласіе, а во-вторыхъ, не меньше того и самая исторія. Какъ тогда были двѣ жены у одного мужа, такъ и теперь два завѣта у одного законодателя. Если бы законодателемъ новаго завѣта былъ одинъ, а ветхаго—другой, то апостолъ напрасно ввелъ бы эту исторію, потому что не одинъ былъ мужъ у Сарры, а другой у Агари, но у обѣихъ одинъ и тотъ же. Такимъ

образомъ, когда онъ говоритъ: *сія бо еста два завѣта* (Гал. IV, 24), то выражаетъ не что иное, какъ то, что они имѣютъ одного законодателя, какъ тѣ одного мужа—Авраама. Но одна была раба, скажутъ, а другая свободная. Что же изъ этого? Пока вопросъ, одинъ ли законодатель обоихъ завѣтовъ. Пусть они напередъ примутъ это; а потомъ мы отвѣтимъ имъ и на то. Какъ скоро ты принудишь ихъ принять это и убѣдиться, то все ихъ ученіе исчезнетъ, потому что, если откроется, что и ветхій завѣтъ принадлежитъ тому же законодателю, какъ и есть дѣйствительно, то весь споръ у насъ съ ними разрѣшенъ. Впрочемъ, чтобы и это не смущало васъ, вникнемъ тщательно въ изреченіе. Апостолъ не сказалъ: одинъ рабъ, а другой свободный; но: *единъ убо въ работу раждаяй* (Гал. IV, 24); а *въ работу раждаяй* самъ не всегда есть рабъ; и рожденіе въ рабство—вина не рождающаго, но дѣтей родившихся. Такъ какъ іудеи своею злобою сами лишили себя свободы и утратили благородство, то Богъ воспитывалъ ихъ въ постоянномъ страхѣ, какъ неразумныхъ рабовъ, наказывая мщеніями и угрозами. Такъ и теперь многіе отцы воспитываютъ своихъ дѣтей, не какъ дѣтей, но со страхомъ, свойственнымъ домочадцамъ; и вина не отцовъ, а дѣтей, заставившихъ отцовъ обращаться съ свободными, какъ съ рабами. Такъ и Богъ воспитывалъ тогдашній народъ такимъ страхомъ и мщеніемъ, какими свойственно было воспитывать неразумнаго домочадца; и это не служитъ ни къ осужденію Бога, ни къ обвиненію закона, но необузданныхъ іудеевъ, нуждавшихся въ болѣе сильной уздѣ. Впрочемъ и въ самомъ ветхомъ завѣтѣ найдутся многіе, которые были воспитываемы не такъ,—напримѣръ: Авель, Ной, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іосифъ, Моисей, Илія, Елиссей и всѣ остальные, ревновавшіе о любомудріи новаго завѣта. Въ самомъ дѣлѣ, не вслѣдствіе страха и наказаній, или угрозъ и мщенія, но по любви божественной и пламенному влеченію къ Богу они сдѣлались такими, какими были. Они не нуждались ни въ повелѣніяхъ, ни въ заповѣдяхъ и законахъ, чтобы избрать себѣ добродѣтель и избѣгать зла, но, какъ благородныя дѣти и свободныя, признавъ свое собственное достоинство, они безъ всякаго страха и наказанія сами предавались добродѣтели, а остальные всѣ іудеи уклонились въ зло и потому имѣли нужду въ уздѣ закона. Такъ, когда они сдѣлали тельца и поклонились изваянію, тогда услышали: *Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Второз. VI, 4); когда совершили убійства и растлили
287 женъ своихъ ближнихъ, тогда услышали: *не убій, не прелюбы сотвори,* и остальное все подобнымъ образомъ.

7. Такимъ образомъ, не вина закона—введеніе наказанія и мщенія, воспитаніе и вразумленіе іудеевъ, какъ домочадцевъ неразум-

ныхъ, но и величайшая слава и не малая похвала, что людей, преданныхъ такому нечестію, законъ могъ собственною настойчивостію удалить отъ нечестія, смягчить и сдѣлать послушными благодати и вести къ любомудрію новаго завѣта. Одинъ и тотъ же Духъ устроялъ все, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ, хотя и различнымъ образомъ. Посему Павелъ и сказалъ: *имуще же той же духъ вѣры, по писанному: вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ* (2 Кор. IV, 13).

И не поэтому только онъ сказалъ: *той же духъ;* но и по другой причинѣ, которая не меньше изложенной и которую я хотѣлъ изложить вамъ теперь же, но, боясь, чтобы вы не утратили сказаннаго, сберегу ее до другой бесѣды съ вами; а теперь прошу васъ помнить всю изложенную и тщательно хранить ее въ памяти, а вмѣстѣ приложить къ тому и добродѣтельную жизнь и присоединить ее къ чистотѣ ученія, *да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. III, 17), потому что не будетъ намъ никакой выгоды отъ праваго ученія, когда жизнь будетъ растлѣнна, какъ нѣтъ пользы отъ добродѣтельной жизни, при отсутствіи здравой вѣры. Чтобы намъ имѣть соразмѣрную пользу, обезопасимъ самихъ себя съ обѣихъ сторонъ, оказывая благородные плоды какъ во всемъ остальномъ, такъ между прочимъ и въ милостынѣ, о которой и я недавно бесѣдовалъ съ вами, оказывая ее со многою готовностію и многою щедростію. *Сѣяй скудостію,* говоритъ апостолъ, *скудостію и пожнетъ: а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. IX, 6). Что значитъ: *о благословеніи?* Со многою щедростію. Здѣсь, въ дѣлахъ житейскихъ, и жатва, и сѣяніе состоитъ изъ тѣхъ же сѣмянъ, потому что и сѣющій бросаетъ пшеницу, ячмень, или что-нибудь другое подобное, и жнущій пожинаетъ опять то же самое. Но въ милостынѣ не такъ, а иначе. Ты бросаешь серебро, а собираешь дерзновеніе къ Богу; даешь деньги, и берешь грѣховъ разрѣшеніе; доставляешь хлѣбъ и одежду, и за это тебѣ приготовляется царство небесное и безчисленныя блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9); а главное изъ всѣхъ благъ—то, что ты дѣлаешься подобнымъ Богу, по силѣ человѣческой. Такъ, бесѣдуя о милостынѣ и человѣколюбіи, Христосъ прибавилъ: *яко да будете подобни Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. V, 45). Ты не можешь поднять солнце, ни дожди посылать, ни такой вселенной благотворить; воспользуйся имѣющимися деньгами у тебя для благотворенія, и ты подобенъ будешь поднимающему солнце, насколько возможно человѣку сдѣлаться подобнымъ Богу.

288 8. Вникните тщательно въ сказанное. *На злыя*, говоритъ Онъ, *и благія*. Такъ и ты, когда творишь милостыню, не испытывай жизни бѣднаго и не требуй отъ него отчета въ его нравахъ. Милостынею потому и называется, чтобы мы подавали и недостойнымъ. Милующій не исправнаго, а согрѣшившаго милуетъ; исправный достоинъ похвалъ и вѣнцовъ, а грѣшникъ милости и снисхожденія. Такимъ образомъ мы и въ этомъ будемъ подражать Богу, если будемъ подавать и порочнымъ. Подумай, сколько живетъ во вселенной злословцевъ, преступниковъ, волшебниковъ, исполненныхъ всякаго зла; но и ихъ Богъ питаетъ каждый день, научая насъ простирать благотворительность на всѣхъ. А мы поступаемъ совершенно напротивъ. Мы отвращаемся не только отъ злыхъ или дурныхъ людей, но, когда подойдетъ къ намъ человѣкъ здоровый, подвергшійся бѣдности или по справедливости, или по свободѣ, или, можетъ быть, и по лѣности—допущу и это,—то мы, осыпавъ его порицаніями, безчестіями и безчисленными шутками, отсылаемъ его съ пустыми руками, понося здоровье, укоряя лѣность, требуя отчета. Неужели на это ты поставленъ, человѣкъ, чтобы необдуманно обвинять и укорять нуждающихся? Богъ повелѣлъ миловать и исправлять ихъ бѣдность, а не требовать отчета и презирать. Или ты хочешь исправить ихъ образъ жизни, отвлечь отъ лѣности, и на дѣло подвигнуть лѣнивца? Ты напередъ подай, и тогда укоряй, чтобы строгость не навлекла на тебя подозрѣнія въ жестокости, но чтобы тебѣ получить славу человѣка попечительнаго. Кто не подаетъ, а только укоряетъ, отъ того бѣдный отвращается, того ненавидитъ, на того даже смотрѣть не хотѣлъ бы; и весьма справедливо, такъ какъ онъ думаетъ, что укоризны происходятъ не отъ попечительности, а отъ нежеланія подать, какъ дѣйствительно и бываетъ. А кто укоряетъ послѣ подаянія, тотъ дѣлаетъ свое увѣщаніе удобопріемлемымъ,—потому что высказываетъ порицаніе не по безчеловѣчію, а изъ попечительности. Такъ поступилъ и Павелъ. Сказавъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже даястъ* (2 Сол. III, 10), онъ прибавилъ: *вы же не стужайте, доброе творяще* (2 Сол. III, 13). Эти заповѣди, повидимому, противопожны. Если лѣнивцамъ не должно и ѣсть, то какъ ты повелѣваешь дѣлать имъ добро? Но здѣсь нѣтъ противорѣчія,—да не будетъ. Для того, говоритъ онъ, я сказалъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*, чтобы не отъ милостыни отклонить намѣревающихся подать, но чтобы живущихъ въ праздности отклонить отъ праздности. Такимъ образомъ слова его: *ниже да ястъ*, возбуждаютъ однихъ къ дѣятельности страхомъ угрозы, а слова: *не стужайте, доброе творяще*, побуждаютъ другихъ къ милостынѣ указаніемъ на пользу этого. Дабы нѣкоторые,

услышавъ высказанную противъ тѣхъ угрозу, не перестали простирать руку помощи, онъ призываетъ ихъ къ благотворительности, говоря: *не стужайте, добро творяще.* Если и лѣнивому дашь, ты добро сдѣлаешь.

9. Тоже онъ выразилъ и въ дальнѣйшихъ словахъ. Сказавъ: *аще кто не послушаетъ словесе нашего посланiемъ, сего назнаменуйте, и не примѣшайтеся ему* (2 Сол. III, 14), и такимъ образомъ извергнувъ такого изъ священной ограды, онъ снова присоединяетъ его другимъ образомъ, располагая и склоняя къ нему мысли извергнувшихъ. Поэтому онъ и прибавилъ: *не аки,* говоритъ, *врага имѣйте его,* 289
но якоже брата (2 Сол. III, 15). Какъ тамъ, сказавъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ,* онъ снова повелѣлъ оказывать великое попеченiе о такихъ людяхъ имѣющимъ возможность къ тому такъ и здѣсь, сказавъ: *не примѣшайтеся ему,* онъ не устранилъ слушателей отъ попечительности о немъ, но повелѣлъ имъ тщательно заботиться о немъ, присовокупивъ слова: *и не аки врага имѣйте его, но якоже брата;* ты отдѣлился отъ общенiя съ нимъ, но не отдѣляйся отъ попеченiя о немъ; ты извергнулъ его изъ собранiя, но не отвергай его отъ любви; и это самое дѣлать онъ повелѣлъ по любви, для того, чтобы тотъ, чрезъ отлученiе сдѣлавшись лучшимъ, возвратился къ общенiю со всѣмъ тѣломъ. Такъ и отцы выгоняютъ изъ своего дома дѣтей не для того, чтобы они всегда оставались внѣ, но чтобы, вразумившись изгнанiемъ изъ дома, опять возвратились домой. Для обвинителей въ недѣятельности достаточно сказаннаго.

Но такъ какъ у многихъ есть еще другой заученый предлогъ къ оправданiю, исполненный безчеловѣчiя и жестокости, то необходимо опровергнуть и его, не для того, чтобы лишить ихъ оправданiя, но чтобы убѣдить ихъ оставить это мнимое и безполезное оправданiе, а вмѣсто того постоянно дѣлами прiобрѣтать оправданiе дѣйствительное и такое, которое можетъ предстательствовать предъ престоломъ Христовымъ.

Какое же это сухое и безполезное оправданiе многихъ? Я, говорятъ, воспитываю дѣтей, забочусь о домѣ, кормлю жену, имѣю много необходимыхъ расходовъ, поэтому я не въ состоянiи подавать милостыню приходящимъ ко мнѣ. Что говоришь ты? Ты воспитываешь дѣтей и поэтому не подаешь милостыни приходящимъ къ тебѣ? Но для нихъ-то тебѣ и должно подавать милостыню бѣднымъ, для этихъ самыхъ дѣтей и для покровительства имъ, чтобы небольшими деньгами тебѣ умилостивить Бога, который далъ ихъ тебѣ, чтобы оставить имъ предстателя въ Немъ и послѣ твоей смерти, чтобы привлечь на нихъ благоволенiе свыше этими деньгами, издерживаемыми для Бога. Не видишь ли, какъ

многіе часто вносятъ въ свои завѣщанія людей богатыхъ и сильныхъ, не имѣющихъ съ ними никакого родства, и дѣлаютъ ихъ сонаслѣдниками своихъ дѣтей, единственно для того, чтобы пожертвованіемъ небольшихъ денегъ доставить своимъ дѣтямъ обезпеченіе, и притомъ не зная, какъ послѣ смерти ихъ будутъ расположены сдѣлавшіеся участниками въ наслѣдствѣ? А ты, зная
290 человѣколюбіе, благость и справедливость своего Владыки, не сдѣлаешь Его участникомъ въ твоемъ завѣщаніи? Не сдѣлаешь Его сонаслѣдникомъ дѣтей твоихъ? Свойственно ли это, скажи мнѣ, отцу, любящему дѣтей? Если ты дѣйствительно печешься о рожденныхъ тобою дѣтяхъ, то оставь имъ такое письменное завѣщаніе, въ которомъ будешь имѣть должникомъ Бога. Это — величайшее наслѣдство, это—богатство, это — обезпеченіе. Введи Его въ участники наслѣдства здѣсь, чтобы Онъ ввелъ тебя и твоихъ дѣтей въ наслѣдство тамъ. Вотъ наслѣдникъ благородный, человѣколюбивый, благой, сильный, богатый, такъ что ни въ чемъ невозможно подозрѣвать общеніе Его. Потому милостыня и называется сѣяніемъ, что она есть не расходъ, а прибытокъ; но ты когда приступаешь къ сѣянію, не обращаешь вниманія на то, что издерживаешь запасы прежнихъ произведеній, а имѣешь въ виду еще несуществующую жатву будущихъ произведеній, притомъ не зная, что все будетъ въ твою пользу, — потому что и ржавчина, и градъ, и саранча, и неровность воздуха и многое другое обманываетъ нашу надежду на будущее; когда же нужно сѣять для неба, гдѣ нѣтъ никакой неровности воздуха, откуда изгнана всякая скорбь и непріятность, медлишь и отступаешь? Какое же ты найдешь прощеніе, если, бросая въ землю, дѣлаешь это со смѣлостію и готовностію, а когда нужно отдать въ руку Божію, то медлишь и нерадишь? Если земля возвращаетъ ввѣренное ей, то тѣмъ болѣе рука Божія все, что ни приметъ, съ избыткомъ возвратитъ тебѣ.

10. Итакъ, зная это, будемъ смотрѣть, подавая милостыню, не на расходъ, а на прибытокъ и на будущія надежды, и даже настоящую выгоду, потому что милостыня доставляетъ не только царство небесное, но и въ настоящей жизни безопасность и избытокъ. Кто сказалъ это? Самъ Тотъ, Кто властенъ сдѣлать это. Подающій изъ своего имѣнія бѣднымъ, сказалъ Онъ, *сторицею пріиметъ* въ этомъ вѣкѣ *и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Матѳ. XIX, 29). Видишь ли воздаянія, съ великимъ изобиліемъ подаваемыя въ той и въ другой жизни? Не будемъ же медлить и уклоняться, но каждый день будемъ приносить плоды милостыни, чтобы у насъ и настоящія дѣла текли благопріятно, и достигнуть намъ будущей жизни, которой да сподобимся всѣ мы благодатію и чело-

вѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со святымъ Духомъ, слава, честь, держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

еще на тѣ же слова: имуще же той же духъ вѣры, по писаному (2 Кор. IV. 13), и почему всѣ вообще пользуются благами, и о милостынѣ.

1. Въ предшествующее собраніе и бывшее еще прежде него 289
мы, взявъ одно изреченіе апостола, посвятили на объясненіе его всю бесѣду; и сегодня опять мы хотимъ заняться тѣмъ же самымъ изреченіемъ. Это мы дѣлаемъ нарочито для пользы вашей любви, а не для нашего прославленія, — не для того, чтобы явится какимъ то знающимъ и многодумающимъ, но чтобы открыть вамъ и мудрость
Павла, и возбудить усердіе въ васъ, я берусь за слова. Глубина 290
мудрости его становится очевиднѣе, когда изъ одного изреченія онъ намъ рождаетъ рѣки мыслей; вы же, узнавъ, что даже изъ одного апостольскаго слова можно извлечь неизреченное богатство любомудрія, не будете пробѣгать безъ вниманія посланій его, но питаясь этою надеждою, будете стремиться изслѣдовать съ великимъ
тщаніемъ каждое изъ находящихся тамъ изреченій. Если одно 291
изреченіе дало намъ предметы для бесѣдъ на три дня, то какое богатство доставитъ намъ цѣлый отдѣлъ, обозрѣваемый обстоятельно? Не будемъ же утомляться, пока не извлечемъ всего. Если тѣ, которые раскапываютъ золотые рудники, сколько бы оттуда ни извлекли богатства, не отстаютъ дотолѣ, пока не выберутъ всего золота, тѣмъ большее мы должны оказывать усердіе и стараніе въ изслѣдованіи божественныхъ изреченій. И мы также вырываемъ золото, но не чувственное, а духовное, потому что мы работаемъ не въ земныхъ рудникахъ, но въ рудникахъ Духа. Подлинно, посланія Павловы суть духовные рудники и источники: рудники, потому что они доставляютъ намъ богатство драгоцѣннѣе всякаго золота; источники, потому что они никогда не изсякаютъ, но сколько черпаешь оттуда, столько же—или еще болѣе—опять прибываетъ въ нихъ. Яснымъ доказательствомъ этого можетъ служить все прошедшее время. Съ тѣхъ поръ, какъ жилъ Павелъ, прошло уже до пять сотъ лѣтъ; и во все это время множество писателей, множество учителей и толкователей много и часто черпали оттуда, но не истощили заключающагося тамъ бо-

гатства. Это—не чувственное сокровище, потому оно не истощается отъ многочисленности вырывающихъ его, но ростетъ и множится. Но что я говорю о прежнихъ? Сколь многіе будутъ говорить послѣ насъ, а послѣ тѣхъ опять другіе, и однако этотъ богатый источникъ не изсякнетъ и этотъ рудникъ не оскудѣетъ? Духовенъ онъ, и не съ тѣмъ возникъ, чтобы издержаться когда-нибудь. Какое же это апостольское изреченіе, о которомъ я и недавно бесѣдовалъ съ вашею любовію? *Имуще же тойже духъ вѣры, по писаному: вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ* (2 Кор. IV, 13).

2. Въ то время мы изслѣдовали, для чего апостолъ сказалъ: *духъ вѣры тойже*, и изложили пока одну причину этого, именно ту, чтобы показать согласіе новаго завѣта съ ветхимъ. Дѣйствительно, когда открывается, что одинъ и тотъ же духъ вѣры двигалъ устами Давида, изрекшаго: *вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ*, и дѣйствовалъ на душу Павла, то очевидно, что между пророками и апостолами есть великое сродство, и необходимо слѣдуетъ, что между ветхимъ и новымъ завѣтомъ есть великое согласіе. Впрочемъ, чтобы, опять повторяю тоже самое, мы не обременили васъ, теперь мы изложимъ и другую причину, по которой апостолъ сказалъ: *тойже*. Мы и тогда обѣщали вамъ показать другую причину такого изреченія. Но будьте внимательны, потому что глубока мысль, которую я хочу сообщить любви вашей, и требуетъ проницательнаго ума и самой острой души; поэтому призываю васъ тщательно слѣдить за тѣмъ, что́ будетъ сказано. Если трудъ—нашъ, то выгода—ваша; или—лучше—это не нашъ трудъ, а даръ благодати Духа. Когда же Онъ предлагаетъ откровеніе, то ни говорящій, ни слушающіе не утомляются, потому что велика пріятность этого откровенія. Вникнемъ со тщательностію, потому что, хотя бы вы прослѣдили большую часть, но, если проспите малую часть, то не поймете всей рѣчи, потерявъ послѣдовательность изложенія. Какъ незнающіе пути и нуждающіеся въ руководствѣ другихъ, хотя бы долго шли вслѣдъ за ними, но если по кратковременной невнимательности потеряютъ путеводителя, то не получаютъ никакой пользы отъ прежняго слѣдованія за нимъ и останавливаются, не зная куда идти, такъ и слѣдящіе за
292 говорящимъ, если, прослушавъ почти все поученіе, будутъ невнимательны только малое время, то, потерявъ всю послѣдовательность рѣчи, не въ состояніи уже дойти до конца мыслей. Поэтому, чтобы и вамъ не потерпѣть того же, слушайте съ одинаковымъ вниманіемъ все, что будетъ сказано мною, пока не дойдемъ до самаго конца.

3. Итакъ, для чего апостолъ сказалъ: *имуще тойже духъ вѣры*? Онъ хочетъ показать и то, что какъ въ ветхомъ, такъ и

въ новомъ завѣтѣ вѣра есть матерь благъ. Впрочемъ необходимо начать рѣчь нѣсколько отдаленнѣе, тогда эта причина будетъ для насъ гораздо яснѣе. Въ чемъ же состоитъ эта причина? Въ то время, когда апостолъ говорилъ такія слова, великая война окружала вѣрныхъ, война тяжкая и непрерывная. Повсюду возставали противъ нихъ цѣлые города и народы, враждовали всѣ властители, вооружались цари, поднималось оружіе, изощрялись мечи, выступали войска, вымышлялись всякаго рода казни и мученія. Разграбленіе и отнятіе имуществъ, ссылки, ежедневныя смертныя казни, пытки и темницы, огонь, желѣзо, звѣри, висѣлица, колесо, пропасти, утесы, и все, что только можно придумать, употреблялось для истребленія вѣрныхъ. Но война не остановилась на этомъ, потому что не только она была воздвигаема врагами, но и самая природа раздѣлилась съ собою: отцы возставали на дѣтей, дочери ненавидѣли носившихъ ихъ во чревѣ, друзья отвращались отъ друзей; война мало по малу проникла въ круги родныхъ и въ семейства; и было тогда великое смятеніе во вселенной. Какъ корабль въ то время, когда поднимутся волны, соберутся тучи, разразятся громы, со всѣхъ сторонъ окружитъ судно мракъ, взбушуетъ море, поднимутся чудовища, нападутъ морскіе разбойники, и сами плывущіе на кораблѣ возстанутъ другъ противъ друга,—не можетъ избѣжать опасности, если высшая, сильная и великая десница не отразитъ смятенія и, прекративъ бурю, доставитъ тишину плывущимъ: такъ точно было и тогда, въ началѣ проповѣди. Не только отвнѣ поднималась буря, но и внутри часто возставали другъ противъ друга. Кто говоритъ это? Самъ Павелъ, который пишетъ: *внѣуду брани, внутрьуду боязни* (2 Кор. VII, 5). А что это было дѣйствительно такъ, что и учителей, и учениковъ окружали безчисленныя бѣдствія и война простиралась на всѣхъ, на это я привожу опять свидѣтельство Павла. Вы же помните все сказанное, чтобы, узнавъ опасности, искушенія и безчисленныя бѣдствія, въ которыхъ пребывали тогда вѣрующіе, вы больше благодарили и за это Бога, который разсѣялъ всѣ эти бѣдствія и даровалъ глубокій миръ, прекратилъ войну и устроилъ великую тишину,—чтобы никто изъ безпечныхъ не думалъ избѣгнуть наказанія, и никто изъ добродѣтельныхъ теперь не превозносился.

4. Подлинно не все равно—стоять ли мужественно среди свирѣпствующей со всѣхъ сторонъ войны и безчисленныхъ бѣдствій, или находясь теперь какъ бы въ пристани, и наслаждаясь полною безопасностію, оказывать такую же бодрость. Тогда вѣрующіе находились въ положеніи нисколько не лучше того, какъ мореплаватели, колеблемые въ морѣ и застигнутые бурею; а мы

298 теперь живемъ безопаснѣе находящихся въ пристани. Поэтому не будемъ ни превозноситься добрыми дѣлами, ни падать при встрѣчающихся искушеніяхъ, ни злоупотреблять безопасностію мира для нерадѣнія; но будемъ всегда трезвы и бдительны. Есть и у насъ борьба съ пожеланіями своей природы. На насъ не возстаютъ теперь люди, но возстаютъ плотскія удовольствія, не поднимаются войною властители и цари, но поднимается гнѣвъ, честолюбіе, зависть, клевета и безчисленныя душевныя страсти. Будемъ же, освободившись отъ тѣхъ искушеній, преодолѣвать эти. Я для того напомнилъ вамъ о тягостяхъ тогдашнихъ временъ, чтобы и теперь находящійся въ скорби получилъ отъ того достаточное утѣшеніе, и наслаждающійся полнымъ спокойствіемъ, не испытавъ тѣхъ опасностей, оказывалъ великое усердіе въ борьбѣ противъ непристойныхъ помысловъ, потому что все это писано *въ наше наученіе*, утѣшеніе и ободреніе (1 Кор. х, 11). Объ этомъ необходимо теперь сказать вамъ и изложить великіе ужасы, которые окружали тогда вѣрныхъ, не учителей только, но и учениковъ. Послушай же, что говоритъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ: *воспоминайте первыя дни, въ нихже просвѣтившеся, многъ подвигъ подъясте страданій* (Евр. х, 32). Не проходило даже краткаго времени, но тотчасъ, съ самаго начала оглашенія и наставленія, постигали ихъ искушенія и немедленно послѣ крещенія они подвергались опасностямъ; а что именно терпѣли они, послушай: *ово убо поношеньми и скорбьми позоръ бывше* (Евр. х, 33). Всѣ оплевывали ихъ, презирали, осмѣивали, вышучивали, называли глупыми и несмысленными за то, что они, оставивъ отеческій образъ жизни, приняли новое ученіе. А это не мало для поколебанія души, если вѣра не укоренена глубоко, потому что ничто такъ не уязвляетъ душу, какъ позоръ; ничто такъ не терзаетъ душу и сердце, какъ насмѣшки и злословія; многіе мужи часто падали отъ посрамленія. Говорю это теперь для того, чтобы мы твердо соблюдали вѣру. Если тогда, когда вся вселенная оскорбляла вѣрующихъ, они не падали, то тѣмъ болѣе должно твердо содержать ученіе истины теперь, когда вся вселенная перешла на нашу сторону. А что они не только твердо стояли среди обвиненій и поношеній и злословій, но еще радовались, терпя это, выслушай рядомъ стоящее: *и разграбленіе и имѣній вашихъ*, говоритъ апостолъ, *съ радостію пріясте* (Евр. х, 34). Видишь, какъ и имущества ихъ были отнимаемы въ древности, и для всѣхъ, желавшихъ обижать, были они жертвою. Такъ онъ говоритъ въ посланіи къ Евреямъ.

5. О ѳессалоникійцахъ же онъ опять свидѣтельствуетъ подобное: *и вы*, говоритъ, *подобницы бысте намъ и Господу, пріемше*

слово въ скорби мнозѣ (1 Сол. I, 6). Смотри: и эти были въ скорби и не просто, но *въ скорби мнозѣ*. Сильное было искушеніе, непрерывная опасность, не дававшая ни на малое время перевесть духъ тогдашнимъ подвижникамъ. И однако, терпя это, они не 294
досадовали и не приходили въ отчаяніе, а даже радовались. Откуда это видно? Изъ словъ Павла,—потому что, сказавъ: *въ скорби мнозѣ*, онъ прибавилъ: *съ радостію Духа Святаго* (1 Сол. I, 6), объявляя, что искушенія причиняли скорбь, но причина искушеній производила въ нихъ радость. Для ихъ утѣшенія достаточно было сознавать, что они терпѣли это за Христа. Поэтому въ тогдашнихъ христіанахъ я не столько удивляюсь тому, что они терпѣли скорби, сколько удивляюсь тому, что они радовались, претерпѣвая скорби для Бога. Душѣ благородной и боголюбивой свойственно—терпѣть скорби и злострадать; но мужественно переносить искушеніе и благодарить Того, Кто попускаетъ скорби, это—знакъ величайшаго мужества, это свойственно душѣ бодрственной и освободившейся отъ всего человѣческаго.

И не здѣсь только, но и въ другомъ мѣстѣ, желая показать, сколько бѣдствій терпѣли тогда вѣрующіе отъ близкихъ и сродниковъ—что было тяжелѣе всего—апостолъ говоритъ такъ: *вы бо подобницы бысте, братіе, церквамъ Божіимъ сущымъ во Іудеи*. Въ чемъ *подобницы? Зане тажде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей* (1 Сол. II, 14). Вотъ и война, и притомъ война междоусобная, которая причиняетъ гораздо большую скорбь. *Яко аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣлъ быхъ убо: ты же человѣче равнодушне, владыко мой и знаемый мой*, говоритъ псалмопѣвецъ (Псал. LIV, 13, 14); это происходило тогда прообразовательно. Поэтому они и имѣли нужду въ великомъ утѣшеніи. Павелъ, замѣчая это и видя, какъ управляемые имъ страдаютъ и подвизаются, изнуряются величіемъ бѣдствій и терпятъ скорби отъ непрерывныхъ ударовъ, различнымъ образомъ и ободряетъ ихъ мысли, и то говоритъ: *аще убо праведно у Бога, воздати скорбь оскорбляющимъ васъ, а вамъ оскорбляемымъ отраду съ нами* (2 Сол. I, 6, 7); то говоритъ: *Господь близъ, ни о чемже пецытеся* (Филип. IV, 6); и еще: *не отлагайте дерзновенія вашего: терпѣнія бо имате потребу, да волю Божію сотворше, пріимете обѣтованіе* (Евр. X, 35, 36); затѣмъ, укрѣпляя ихъ въ терпѣніи, прибавляетъ: *еще бо мало елико, елико, грядый пріидетъ, и не укоснитъ* (Евр. X, 37). Какъ дитя расплакавшееся, сѣтующее и ищущее матери, кто-нибудь изъ находящихся при немъ утѣшаетъ, говоря: еще немного подожди, и мать непремѣнно возвратится, такъ и Павелъ, видя тогдашнихъ вѣрующихъ сѣтующими, горько плачущими и желающими пришествія Христова по причинѣ невыносимой тя-

жести бѣдствій, въ утѣшеніе имъ говоритъ: *еще мало елико, елико, грядый пріидетъ и не укоснитъ.*

6. Итакъ отсюда ясно, что ученики страдали, терпѣли безчисленныя бѣдствія и, какъ бы агнцы въ самой срединѣ волковъ, подвергались нападеніямъ со всѣхъ сторонъ; а чтобы ты удостовѣрился, что и учители ихъ испытывали не меньшія, но еще тягчайшія страданія,—потому что чѣмъ болѣе они противодѣй-
295 ствовали врагамъ истины, тѣмъ болѣе возбуждали противъ себя гонителей,—выслушаемъ и это отъ того же, кто говорилъ намъ предыдущее. Въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ говоритъ такъ: *ни едино ни въ чемже дающе претыканіе, да служеніе* наше *безпорочно будетъ, но во всемъ представляюще себе якоже Божія слуги, въ терпѣніи мнозѣ, въ скорбехъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроеніихъ, въ трудѣхъ, въ бдѣніихъ, въ пощеніихъ* (2 Кор. VI, 3—5). Видишь ли, сколько онъ исчислилъ подвиговъ, какое множество искушеній? Далѣе, въ посланіи къ нимъ же, онъ говоритъ: *служителіе ли Христовы суть? Не въ мудрости глаголю: паче азъ* (2 Кор. XI, 23). Потомъ желая убѣдить насъ, что страданія за Христа гораздо блистательнѣе совершенія знаменій, представляя доказательство своего апостольства и показывая, что онъ лучше ихъ, т. е. не апостоловъ, а лжеапостоловъ, онъ заимствуетъ доказательство своего преимущества не отъ чудесъ и знаменій, но отъ непрерывныхъ опасностей, и говоритъ такъ: *въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертехъ многащи: отъ іудей пятькраты четыредесять развѣ единыя пріяхъ, трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся со мною, нощь и день въ глубинѣ сотворихъ, въ путныхъ шествіихъ множицею, бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи: въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ зимѣ и наготѣ, кромѣ внѣшнихъ* (2 Кор. XI, 23—28). Таковы черты истиннаго апостольства! Знаменія часто совершали и многіе другіе, которые однако не получили отъ чудесъ никакой пользы, но послѣ всего этого услышали: *отъидите, не вѣмъ васъ, дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. VII, 23); а изъ тѣхъ, кто можетъ сказать о себѣ то, что перечислилъ теперь Павелъ, никто не услышитъ подобнаго приговора, но съ великимъ дерзновеніемъ взойдетъ на небо и будетъ наслаждаться всѣми небесными благами.

7. Можетъ быть, бесѣда наша сдѣлалась слишкомъ длинною; но не безпокойтесь: мы не забыли обѣщанія и тотчасъ къ нему опять возвратимся. И на этомъ не напрасно мы помедлили, а желая большими доводами сдѣлать предметъ нашей рѣчи болѣе

несомнѣннымъ и болѣе яснымъ и вмѣстѣ ободрить скорбящія души, чтобы каждый изъ находящихся въ искушеніяхъ и опасностяхъ вышелъ отсюда съ достаточнымъ утѣшеніемъ, узнавъ, что посредствомъ страданій онъ дѣлается общникомъ Павла, или—лучше—Владыки ангеловъ, Христа; а участвующій въ Его страданіяхъ здѣсь будетъ общникомъ Его славы тамъ. *Понеже*, говоритъ апостолъ, *съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся* (Рим. VIII, 17); и еще: *аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся* (2 Тим. II, 12). Для вѣрующаго неизбѣжно—терпѣть скорби, потому что *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ* (2 Тим. III, 12); и еще: *чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе, управи сердце твое, и потерпи* (Сирах. II, 1, 2). 296
Прекрасны же, скажутъ, обѣтованія—съ самаго начала впадать въ искушенія! Велико побужденіе и утѣшеніе въ служеніи—тотчасъ вкусить опасности! Дѣйствительно, весьма великое и дивное и доставляющее величайшую выгоду. Какую же именно? Выслушайте рядомъ стоящее: *яко во огни искушается злато, и человѣцы пріятни въ пещи смиренія* (Сир. II, 5). Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: какъ золото, расплавляемое въ огнѣ, становится чище, такъ и душа, искушаемая скорбями и опасностями, дѣлается чище и свѣтлѣе и сбрасываетъ всю грѣховную нечистоту. Поэтому и Авраамъ сказалъ богатому: *Лазарь воспріялъ злая, и здѣ утѣшается* (Лук. XVI, 25). И Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ писалъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи: аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были. Судими же, отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. XI, 30—32). И блудника онъ предалъ *во измождение плоти, да духъ спасется* (1 Кор. V, 5), показывая, что отъ настоящаго искушенія происходитъ спасеніе и что опасности служатъ величайшимъ очищеніемъ души для тѣхъ, которые переносятъ ихъ съ благодарностію. Итакъ, мы достаточно показали, что вѣрующіе, какъ ученики, такъ и учители, испытывали скорби и терпѣли безчисленныя бѣдствія и не имѣли отдыха ни на малое время, будучи окружены со всѣхъ сторонъ различными и разнообразными нападеніями; а кто любознателенъ, тотъ можетъ и больше сказаннаго прочитать объ этомъ въ божественныхъ писаніяхъ.

8. Теперь обратимся къ нашему предмету. О чемъ предположено было сказать? О томъ, для чего Павелъ сказалъ: *имуще духъ вѣры тойже*. Для чего же онъ сказалъ это? Учениковъ смущало то, что бѣдствія были на опытѣ, а блага въ ожиданіи, первыя въ дѣйствительности, а послѣднія въ отдаленіи, и одно происходило, а другое ожидалось. И удивительно ли, что нѣкоторые такъ чувствовали тогда, въ началѣ проповѣди, если и теперь,

спустя столько времени, послѣ того какъ проповѣдь распространилась по всей вселенной, послѣ того какъ получено столько доказательствъ этихъ обѣтованій, многіе такъ же чувствуютъ?

И не только это смущало ихъ, но и нѣчто другое, не меньше того. Что же именно? Они думали въ себѣ, что въ ветхомъ завѣтѣ дѣла устроялись не такъ, но проводившіе праведную и цѣломудренную жизнь немедленно получали воздаянія и награды за добродѣтель, потому что не по воскресеніи тѣлъ и не въ будущей жизни, но здѣсь же, въ настоящей жизни, исполнялись для нихъ всѣ обѣтованія. *Аще*, сказано было, *возлюбиши Господа Бога твоего, благо ти будетъ, и умножитъ Богъ стада воловъ твоихъ, и паствы овецъ твоихъ: не будетъ въ васъ безчадный, ниже неплоды;* не будетъ у тебя ни *разслабленія*, ни *язи* (Втор. VII, 13—15); *послетъ Господь благословеніе свое въ хранилищахъ твоихъ, отверзетъ небо,*
297 *и дастъ тебѣ дождь ранный и поздній* (Втор. XXVIII, 8, 11, 14); *и постигнетъ млаченіе обраніе винограда, и обраніе винограда сѣятву* (Лев. XXVI, 4, 5). И много другихъ подобныхъ Богъ давалъ имъ обѣтованій, которыя всѣ и сбывались для нихъ въ настоящей жизни. Кто сообразительнѣе, тотъ уже предвидитъ разрѣшеніе вопроса. Такъ какъ тѣлесное здоровье, плодородіе земли, многочадіе и доброчадіе, маститая старость, превосходное состояніе временъ года, благополучіе, благовременные дожди, изобиліе мелкаго и крупнаго скота и всѣ вообще блага ниспосылались имъ въ настоящей жизни, и ничего не оставлялось въ надеждѣ, или по отшествіи отсюда, то вѣрующіе, представляя себѣ, что предки ихъ немедленно получали всѣ блага, а имъ всѣ награды и вѣнцы отложены до жизни будущей и всѣ блага обѣтованій извѣстны только по вѣрѣ, утомлялись и ослабѣвали, будучи принуждены проводить всю настоящую жизнь среди искушеній. Поэтому Павелъ, представляя это вмѣстѣ съ великостью постигавшихъ ихъ бѣдствій, т. е. что имъ Богъ обѣщалъ награду за труды по отшествіи отсюда, а предковъ ихъ вознаграждалъ здѣсь, и замѣчая, что отъ такихъ мыслей происходитъ въ нихъ многая беззаботность, хотѣлъ подкрѣпить ихъ и научить, что и при отцахъ ихъ дѣла устроялись такимъ же образомъ и многіе получили награду только вѣрою, и для этого напомнилъ имъ пророческое изреченіе, сказавъ: *имуще тойже духъ вѣры, по писаному: вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ.* Онъ какъ бы такъ говоритъ: и великій Давидъ, этотъ дивный и благородный пророкъ, получалъ воздаянія вѣрою, а не на опытѣ; иначе онъ не сказалъ бы: *вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ*, потому что вѣра есть осуществленіе предметовъ ожидаемыхъ, но не видимыхъ (Евр. XI, 1), а кто видитъ что-нибудь, тотъ, конечно, уже не ожидаетъ. Слѣдовательно, если онъ вѣро-

валъ, то вѣровалъ ожидаемому; если же онъ вѣровалъ ожидаемому, а ожидаемое еще не видно, то онъ еще не получалъ того, чему вѣровалъ. Поэтому апостолъ и говоритъ: *имуще тойже духъ вѣры,* т. е. ту же вѣру, которая была въ ветхомъ завѣтѣ, имѣемъ и мы. Поэтому и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, бесѣдуя о тогдашнихъ святыхъ: *проидоша въ милотехъ, и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ міръ* (Евр. xi, 37, 38); и далѣе, научая, что они бѣдствія терпѣли, а наградъ еще и теперь не получили, онъ прибавляетъ: всѣ они умерли съ вѣрою, *не пріявше обѣтованій, но издалеча видѣвше я и цѣловавше* (Евр. xi, 12, 39). Какъ же они видѣли ихъ, скажи мнѣ, когда онѣ еще не осуществились? Очами вѣры, проникающими небо и созерцающими все, тамъ находящееся.

9. Посмотри на премудрость Бога, какъ Онъ и показалъ имъ награды издали, и не далъ этихъ наградъ тотчасъ, дабы произвести въ нихъ большее терпѣніе; а показалъ издали для того, чтобы они, питаясь этими надеждами, не чувствовали тяжести настоящихъ трудовъ.

Но, можетъ быть, кто-нибудь изъ болѣе проницательныхъ слушателей подумаетъ, что бесѣда моя противорѣчитъ сама себѣ. 298
Если и прежніе, скажетъ, не получали немедленно благъ и воздаяній, то для чего ты такъ долго распространялся, исчисляя намъ благорастворенiе временъ года, тѣлесное здоровье, доброчадіе, многочадіе, благополучіе, изобиліе плодовъ, стада крупнаго и мелкаго скота и все вообще житейское счастіе? Что же мы скажемъ на это? То, что Богъ иначе руководилъ тогда большинство и слабѣйшую часть народа, а иначе мужей благородныхъ и стремившихся къ любомудрію новаго завѣта. Большинству, или тѣмъ, которые пресмыкались долу, не могли видѣть ничего великаго и простирать душевной надежды къ наслажденію благами будущими, Онъ подавалъ эти настоящія блага, подкрѣпляя немощь души ихъ, руководя ихъ чрезъ это къ совершенію добродѣтелей и возбуждая въ нихъ стремленіе къ добру; а Илію, Елисея, Іеремію, Исаію и вообще всѣхъ пророковъ и тѣхъ, которые принадлежали къ лику святыхъ и великихъ мужей, Онъ призывалъ къ небесамъ и къ благамъ, тамъ уготованнымъ для избранныхъ. Поэтому и Павелъ не просто всѣхъ перечислилъ, но тѣхъ, которые скитались въ милотяхъ и козьихъ кожахъ, были въ печи и въ темницѣ, убиты, побиты камнями, страдали отъ голода, отъ бѣдности, въ пустыняхъ, въ пещерахъ, въ ущеліяхъ земли, и претерпѣвали безчисленныя бѣдствія; потомъ онъ и сказалъ, что всѣ они скончались съ вѣрою и еще не получили исполненія обѣтованій, разумѣя не весь народъ іудейскій, но мужей подобныхъ Иліи. Если же кто

скажетъ: почему эти самые мужи еще и теперь не получили слѣдующихъ имъ вѣнцовъ?—тотъ пусть узнаетъ причину и этого отъ Павла. Сказавъ, что всѣ они умерли съ вѣрою, не получивъ исполненія обѣтованій, онъ присовокупилъ: *Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ* (Евр. XI, 40). Торжество, говоритъ онъ, будетъ общее, потому что удовольствіе будетъ выше, когда мы всѣ вмѣстѣ увѣнчаемся. То же бываетъ и на олимпійскихъ состязаніяхъ: участвующіе въ борьбѣ, или въ рукопашномъ бою, или во всѣхъ родахъ состязанія, совершаютъ подвиги въ разныя времена, но объявляются побѣдителями всѣ въ одно мгновеніе времени. Такъ бываетъ и на пиршествахъ: когда одни изъ гостей опередили, а другихъ еще нѣтъ, то хозяева, дѣлая честь задержаннымъ, велятъ опередившимъ и прибывшимъ подождать опоздавшихъ. Тоже сдѣлалъ и Богъ: такъ какъ Онъ призвалъ отличившихся предъ Нимъ изъ всей вселенной и разныхъ временъ на общее духовное пиршество, то предупредившимъ и уже пришедшимъ Онъ повелѣваетъ ожидать имѣющихъ придти послѣ, чтобы такимъ образомъ, въ присутствіи всѣхъ вмѣстѣ, и честь и радость была у всѣхъ одна.

10. Подумай, сколько чести, если Павелъ и подобные ему, Авраамъ и подобные ему и еще прежде него за столько лѣтъ подвизавшіеся и побѣждавшіе сидятъ теперь, ожидая нашего прославленія. А что Павелъ дѣйствительно еще не получилъ вѣнца, и никто другой изъ отличившихся предъ Богомъ отъ начала, и
299 не получатъ дотолѣ, пока не соберутся всѣ, имѣющіе быть увѣнчанными, до конца міра, объ этомъ послушай самого Павла, который говоритъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми праведный судія.* Когда? *Въ день онъ: не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшымъ явленіе Его* (2 Тим. IV 7, 8). И опять въ другомъ мѣстѣ объясняя, что наслажденіе благами будетъ даровано всѣмъ вмѣстѣ, въ посланіи къ Θессалоникійцамъ, онъ говоритъ: *аще убо праведно у Бога, воздати скорбь оскорбляющымъ васъ, а вамъ оскорбляемымъ отраду съ нами* (2 Сол. I, 6); и еще: *яко мы живущіи оставшіи въ пришествіе Господне, не имамы предварити умершихъ* (1 Сол. IV, 15); всѣмъ этимъ онъ выражаетъ, что наслажденіе небесными почестями должно быть тогда, когда соберутся всѣ вообще и вмѣстѣ. Это и предупредившимъ доставитъ великую радость, когда они будутъ наслаждаться тѣми неизреченными благами вмѣстѣ съ своими сочленами. Такъ отецъ, участвующій въ блестящей и стоившей многихъ издержекъ трапезѣ, тогда наслаждается ею съ большимъ веселіемъ, когда участвуетъ въ радости и веселіи со своими дѣтьми. Такъ и Павелъ и всѣ

подобные ему будутъ чувствовать большую сердечную радость, когда будутъ наслаждаться ею вмѣстѣ съ своими сочленами, потому что не такую нѣжность отцы оказываютъ дѣтямъ, какую имѣютъ заботливость тѣ о людяхъ, совершающихъ одинаковыя съ ними добрыя дѣла. Итакъ, чтобы и намъ быть въ числѣ тѣхъ, которые тогда получатъ почести, постараемся послѣдовать тѣмъ святымъ. Но какъ, скажутъ, мы можемъ послѣдовать имъ? Кто укажетъ намъ путь, ведущій туда? Самъ Владыка святыхъ, который не только научаетъ насъ послѣдовать имъ, но и сдѣлаться сожителями и сообщниками всѣхъ ихъ. *Сотворите себѣ*, говоритъ Онъ, *други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя* свои *кровы* (Лук. XVI, 9). Хорошо сказалъ Онъ: *въ вѣчныя*. Здѣсь, хотя бы у тебя былъ великолѣпный домъ, онъ непремѣнно разрушится, обветшавши отъ времени; или—лучше—еще прежде разрушенія его отъ времени, приключившаяся смерть изгонитъ тебя изъ этого великолѣпнаго жилища; и часто даже прежде смерти какія-нибудь хлопоты, или нападенія и замыслы клеветниковъ заставляютъ выйти изъ него. А тамъ не нужно опасаться ничего такого—ни тлѣнія, ни смерти, ни разрушенія, ни угрозъ клеветниковъ и ничего другого, но это—незыблемое и безконечное жилище! Поэтому Онъ и назвалъ его вѣчнымъ. *Сотворите себѣ други*, говоритъ, *отъ мамоны неправды*.

11. Посмотри, каково человѣколюбіе Владыки, какова благость и справедливость. Онъ не напрасно высказалъ такое прибавленіе. Такъ какъ у многихъ богачей богатство собрано грабежемъ и жадностію, то Онъ говоритъ: это дурно, и не слѣдовало тебѣ такъ собирать деньги; но такъ какъ ты уже собралъ, то отстань отъ грабежа и жадности и воспользуйся для должнаго своими деньгами. Не то я говорю, чтобы ты грабя оказывалъ милостыню, но чтобы ты, прекративъ жадность, воспользовался богатствомъ для милостыни и человѣколюбія. Кто не удерживается отъ грабежа, тотъ не можетъ совершать и милостыни; но, хотя бы онъ отдавалъ множество денегъ въ руки нуждающихся, деньги другихъ грабя и жадничая, онъ будетъ сочтенъ Богомъ наравнѣ съ человѣкоубійцами. Поэтому нужно напередъ отстать отъ жадности и тогда 300
подавать милостыню бѣднымъ. Велика сила милостыни, о которой мы бесѣдовали съ вами и въ прежнемъ собраніи, и теперь буду бесѣдовать. Впрочемъ пусть никто не принимаетъ частаго напоминанія объ этомъ за укоризну слушателямъ. И въ состязаніяхъ зрители поощряютъ тѣхъ изъ бѣгущихъ, которыхъ видятъ находящимися ближе къ наградѣ и имѣющихъ многія надежды на побѣду. Такъ и я, видя, что вы всегда съ великимъ усердіемъ принимаете слова о милостынѣ, и самъ чаще предлагаю увѣща-

ніе объ этомъ. Бѣдные—врачи нашихъ душъ, благодѣтели и предстатели, потому что ты не столько даешь имъ, сколько получаешь: даешь серебро, а получаешь царство небесное; облегчаешь бѣдность, и примиряешь себя съ Владыкою. Видишь ли, что воздаяніе не равномѣрно? То—на землѣ, а это—на небѣ; то гибнетъ, а это остается; то—тлѣнное, а это—выше всякаго тлѣнія. Для того отцы наши и поставили бѣдныхъ предъ дверями молитвенныхъ домовъ, чтобы одинъ видъ бѣдныхъ могъ даже въ самомъ нерадивомъ и безчеловѣчномъ пробудить воспоминаніе о милостынѣ. Когда здѣсь стоитъ сонмъ стариковъ, согбенныхъ, набросившихъ на себя рубища, изсохшихъ, загрязненныхъ, съ палками, съ трудомъ могущихъ держаться, часто и слѣпыхъ и изувѣченныхъ всѣмъ тѣломъ, то кто будетъ такимъ каменнымъ, такимъ адамантовымъ, чтобы устоять противъ этой старости, немощи, увѣчья, бѣдности, жалкой одежды и вообще всего, преклоняющаго его къ состраданію, и остаться неподдающимся на все это? Поэтому они и стоятъ предъ нашими дверями, видомъ своимъ сильнѣе всякаго слова склоняя и призывая входящихъ къ человѣколюбію. Какъ въ преддверіяхъ молитвенныхъ домовъ обыкновенно устрояются умывальницы, чтобы идущіе молиться Богу сначала омыли руки и тогда простирали ихъ на молитву,—такъ и бѣдныхъ отцы поставили предъ дверями подобно источникамъ и умывальницамъ, чтобы мы, какъ умываемъ руки водою, такъ, очистивъ напередъ душу человѣколюбіемъ, потомъ приступали къ молитвѣ.

12. Подлинно, не такъ вода по природѣ своей омываетъ нечистоты тѣла, какъ милостыня силою своею обтираетъ нечистоту души. Поэтому, какъ ты осмѣливаешься войти на молитву съ неумытыми руками—хотя и меньшая то вина,—такъ не входи никогда на молитву и безъ милостыни. Притомъ часто, имѣя и чистыя руки, мы не простираемъ ихъ на молитву, не омывъ ихъ напередъ водою: такова привычка! Тоже будемъ дѣлать и съ милостынею. Хотя бы мы и не сознавали за собою никакого великаго грѣха, однако будемъ очищать свою совѣсть милостынею. Ты на торжищѣ пріобрѣлъ себѣ много дурного: врагъ огорчилъ тебя; судья принудилъ тебя сдѣлать что-нибудь ненадлежащее; извергалъ часто неумѣстныя слова; другъ склонилъ тебя сдѣлать что-нибудь грѣховное, и ты во многомъ другомъ провинился, въ чемъ легко провиниться человѣку, обращающемуся на торжищѣ, предсѣдающему въ судилищахъ, участвующему въ городскихъ дѣлахъ; во всемъ этомъ ты приходишь просить у Бога прощенія и защиты. Брось же серебро въ руки бѣдныхъ и оботри эти нечистоты, чтобы съ дерз-
301 новеніемъ ты воззвалъ къ Тому, Кто можетъ отпустить тебѣ грѣхи. Если ты поставишь себѣ въ обычай никогда не приступать къ

этому священному преддверію безъ милостыни, то волею или неволею, никогда не опустишь этого добраго дѣла: такова привычка! И какъ всегда — допустимъ это! — ты не позволяешь себѣ молиться съ немытыми руками, потому что однажды на всегда поставилъ себѣ это въ привычку, такъ и въ отношеніи къ милостынѣ, если ты поставишь ее себѣ закономъ, то волею, или неволею, будешь исполнять его ежедневно, побуждаясь привычкою.

Молитва есть огонь, особенно когда она возсылается трезвенною и бодрствующею душею; но этотъ огонь нуждается и въ елеѣ, чтобы достигнуть до самыхъ небесныхъ сводовъ; а елей для этого огня есть не что иное, какъ милостыня. Подливай же этотъ елей щедро, чтобы ободряясь правымъ дѣломъ, ты могъ совершать молитвы съ бо́льшимъ дерзновеніемъ и большимъ усердіемъ. Какъ незнающіе за собою ничего добраго не могутъ и молиться съ дерзновеніемъ, такъ сдѣлавшіе что-нибудь правое и 302
послѣ праведнаго дѣла приступающіе къ молитвѣ, ободряясь воспоминаніемъ о сдѣланномъ добрѣ, возносятъ молитву съ большимъ усердіемъ. Поэтому, дабы наша молитва сдѣлалась сильнѣе и отъ того, что наша душа во время молитвы будетъ ободряться воспоминаніемъ о добрыхъ дѣлахъ, будемъ приходить на молитву съ милостынею и тщательно помнить все сказанное; а больше всего другого соблюдайте въ памяти то мое сравненіе, по которому я сказалъ, что бѣдные, стоя предъ дверями молитвенныхъ домовъ, выполняютъ такую же нужду въ отношеніи къ душѣ, какую умывальница въ отношеніи къ тѣлу. Если мы будемъ всегда помнить это, очищая такимъ образомъ постоянно свой умъ, то будемъ въ состояніи возносить чистыя молитвы, пріобрѣсть великое дерзновеніе предъ Богомъ и достигнуть царства небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на слова апостола: О, да бысте мало потерпѣли безумію моему (2 Кор. XI, 1).

1. Люблю я всѣхъ вообще святыхъ, особенно же блаженнаго
Павла, сосудъ избранный, трубу небесную, невѣстоводителя Христова. Я сказалъ это и объявилъ любовь, какую имѣю къ нему, для того, чтобы сдѣлать и васъ участниками въ этой любви. Любящіе плотскою любовію справедливо стыдятся признаваться въ ней, 301

такъ какъ и самихъ себя срамятъ и слушающимъ вредятъ, а любящіе духовною любовію пусть никогда не перестаютъ исповѣдать ее, потому что этимъ прекраснымъ признаніемъ они доставляютъ пользу и себѣ и слушателямъ. Та любовь—вина, а эта—похвала; та есть ненавистная страсть души, а эта—радость, веселіе и лучшее украшеніе души; та производитъ вражду въ умѣ любящихъ, а эта уничтожаетъ и существующую вражду и водворяетъ въ любящихъ великій миръ; отъ той не бываетъ никакой пользы, но еще великая трата денегъ и какія-то неразумныя издержки, извращеніе жизни, всецѣлое разстройство домовъ, а отъ этой — великое богатство правыхъ дѣлъ, великое изобиліе добродѣтелей. Притомъ любящіе благообразныя тѣла и увле-
902 кающіеся красивыми лицами, если сами мерзки и безобразны, отъ пристрастія къ тому не получаютъ прибыли для устраненія собственной уродливости, но еще оказываются болѣе мерзкими и противными; а при этой любви совершенно напротивъ. Любящій святую, благообразную, блестящую и прекрасную душу, хотя бы самъ былъ мерзокъ и безобразенъ, хотя бы былъ самый мерзкій изъ всѣхъ людей, отъ постоянной любви къ святымъ скоро сдѣлается такимъ же, каковъ любимый имъ. Подлинно и это—дѣло человѣколюбія Божія, что тѣла безобразнаго и изувѣченнаго невозможно исправить, а душу мерзкую и безобразную можно сдѣлать блестящею и прекрасною. Отъ благообразія тѣла не можетъ быть никакой выгоды; а отъ красоты души можетъ произойти столько благъ, сколько свойственно пріобрѣтать тому, кого любитъ Богъ. Объ этой красотѣ и Давидъ, воспѣвая во псалмахъ говоритъ: *слыши дщи, и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея* (Пс. XLIV, 11, 12),—разумѣя здѣсь красоту душевную, которая пріобрѣтается добродѣтелію и благочестіемъ.

903 2. Итакъ, если столько бываетъ выгоды для имѣющихъ общеніе со святыми, то участвуйте со мною въ любви и будемъ любить святого (Павла) съ великою силою. Если эта любовь войдетъ въ вашу душу и возжетъ блестящій пламень, то, хотя бы она нашла въ нашихъ мысляхъ что-нибудь тернистое, или каменистое, сухое и безчувственное, она одно уничтожитъ, а другое размягчитъ, и сдѣлаетъ нашу душу нѣкоторою широкою и тучною пашнею, способною къ принятію божественныхъ сѣмянъ. Никто не говори мнѣ, что Павла теперь нѣтъ, что онъ не видимъ для нашихъ глазъ, и какъ можно любить того, кто невидимъ? Для этой любви нѣтъ никакихъ препятствій. Можно любить и отошедшаго, и незримаго привѣтствовать, особенно когда каждый день мы видимъ столько и такихъ памятниковъ его добродѣтели,—

устроенныя по всей землѣ церкви, ниспроверженіе нечестія, перемѣну порочной жизни на лучшую, уничтоженіе заблужденія, разрушенные жертвенники, замкнутыя капища, безмолвіе демоновъ. Все это и тому подобное произвела сила слова Павлова, воодушевляемая божественною благодатію, и повсюду возжгла блестящій пламень благочестія. Вмѣстѣ съ такими правыми дѣлами мы имѣемъ отъ него и святыя посланія, которыя въ точности изображаютъ намъ черты этой блаженной души. Поэтому, какъ бы бесѣдуя съ самимъ Павломъ, присутствующимъ и пребывающимъ съ нами, съ усердіемъ будемъ слушаться написаннаго имъ, изслѣдовать внутренній смыслъ сказаннаго, узнавать, что значатъ слова, изреченныя имъ сегодня: *о, да бысте мало потерпѣли безумію моему: но и потерпите мя: ревную бо по васъ Божіею ревностію* (2 Кор. xi, 12). Что говоришь ты Павелъ? Повелѣвая ученикамъ поступать благоразумно со внѣшними, говоря: *слово ваше да бываетъ всегда во благодати, солію растворено, видѣти, како подобаетъ вамъ единому комуждо отвѣщавати* (Кол. iv, 5, 6); молясь о всѣхъ, чтобы они *исполнились премудрости духовной* (Кол, i, 9), самъ ты говоришь: *о да бысте мало потерпѣли безумію моему?* Недостаточно ли было бы для тебя громко сказать какое-нибудь неразумное слово, а ты еще объявляешь это ученикамъ, и не ученикамъ только объявляешь, но чрезъ посланіе дѣлаешь это извѣстнымъ и всѣмъ послѣдующимъ людямъ? Видите-ли, какъ должно не просто пробѣгать сказанное, но тщательно изслѣдовать каждое слово? Если просто прочитать это изреченіе, то оно возбуждаетъ недоумѣніе въ слушателяхъ, а если изслѣдовать его, то оно показываетъ великую мудрость Павла, великое его благоразуміе, неизреченную попечительность.

3. Что же значитъ это изреченіе? У коринѳянъ было много лжеапостоловъ, которые развращали ихъ, обвиняли Павла, подрывали его славу, какую онъ имѣлъ у учениковъ, иронически осмѣивая его и обвиняя въ хвастливости. Противъ нихъ онъ направляетъ рѣчь во многихъ мѣстахъ посланія, именно, когда говоритъ: *нѣсмы, якоже мнози, нечисто проповѣдающіи слово Божіе* (2 Кор. ii, 17); также, когда говоритъ: *безъ стуженія вамъ себе соблюдохъ*, и обѣщаетъ всегда сохранять это правило ненарушимымъ: *есть истина Христова во мнѣ, яко похваленіе сіе не заградится о мнѣ въ странахъ Ахайстѣхъ* (2 Кор. xi, 9, 10); и приводя причину этого, указываетъ на тѣхъ же нечестивыхъ въ словахъ: *почто? Зане* 304
не люблю ли васъ? Богъ вѣсть. А еже творю, и сотворю, да отсѣку вину хотящымъ вины (2 Кор. xi, 11, 12); и выше этого, увѣщевая учениковъ не поставлять его въ необходимость показать имъ свою силу, говоритъ такъ: *молю же, да не присущъ дерзаю надѣяніемъ,*

имже помышляю смѣти на нѣкія непщующыя насъ яко по плоти ходящихъ (2 Кор. x, 2). Тѣ самые, о которыхъ онъ говоритъ это, иронически на него клевеща, говорили такъ: посланія его имѣютъ многую надутость и безсмыслицу въ словахъ, а самъ онъ ничтоженъ, малоцѣненъ и негоденъ; поэтому, если бы онъ пришелъ сюда, онъ показался бы незаслуживающимъ никакого вниманія. Выражая это, онъ говорилъ: *но да не явлюся, яко страша васъ посланми: яко посланія убо, рече, тяжки и крѣпки, а пришествіе тѣла немощно, и слово уничижено* (2 Кор. x, 9, 10). Потомъ, обвиняя самихъ коринѳянъ, соблазнившихся, онъ говоритъ: *или грѣхъ сотворихъ себе смиряя, да вы вознесетеся* (2 Кор. xi, 7)? И снимая съ себя эту самую вину, опять говоритъ: *яко яцы же есмы словомъ посланій отстояще, таковіи и ту суще есмы дѣломъ* (2 Кор. x, 11). Итакъ у нихъ было много лжеапостоловъ, которыхъ онъ называетъ и *льстивыми дѣлателями*, выражаясь такъ: *таковіи бо лживи апостоли, дѣлатели лстивіи, преобразующеся во апостолы Христовы: и недивно: самъ бо сатана преобразуется во ангела свѣтла: не веліе убо, аще и служителіе его преобразуются, яко служители правды* (2 Кор. xi, 13—15). Такъ какъ они, выдумывая безчисленныя на него клеветы, вредили ученикамъ, убѣждая ихъ имѣть неприличное о немъ мнѣніе, то онъ вынуждается, наконецъ, приступить къ изложенію собственныхъ похвалъ,—потому что небезопасно было долѣе молчать. Поэтому, намѣреваясь изложить намъ собственные подвиги, откровенія, которыя онъ видѣлъ, и труды, которые подъялъ, и желая показать всѣмъ, что онъ дѣлаетъ это невольно' насилуемый, и потому, что видитъ необходимость, онъ однако называлъ это безуміемъ, сказавъ: *о да бысте мало потерпѣли безумію моему*. Я, говоритъ, намѣреваюсь сдѣлать неразумное дѣло—хвалить и прославлять самого себя; но причиною этого не я, а поставившіе меня въ такую необходимость; вслѣдствіе этого призываю васъ удержаться и за тѣми вину считать.

4. И посмотри на благоразуміе Павла. Сказавъ: *о, да бысте мало потерпѣли безумію моему: но и потерпите мя: ревную бо по васъ Божіею ревностію*, онъ не тотчасъ приступилъ къ изложенію своихъ похвалъ, но предварительно высказавъ еще нѣсколько словъ: *паки глаголю*, говоритъ, *да никтоже мнитъ мя безумна быти: аще ли ни, поне яко безумна пріимите мя*. И затѣмъ еще не коснулся изложенія, но прибавляетъ слѣдующее: *еже глаголю, не глаголю по Господѣ, но яко въ безуміи, въ сей части похвалы*. И послѣ этихъ словъ не осмѣлился приступить къ предмету, но сдерживаетъ свое стремленіе и говоритъ: *понеже мнози хвалятся по плоти, и азъ похвалюся: любезно бо пріемлете безумныя, мудри суще*. Потомъ опять отступаетъ и медлитъ и, сказавъ нѣсколько другихъ словъ,

опять продолжаетъ: *о немже аще дерзаетъ кто, несмысленно глаголю, дерзаю и азъ* (2 Кор. xi, 16—21); и тогда наконецъ, послѣ 305
столь многихъ оговорокъ, отважно взялся за изложеніе своихъ похвалъ. Какъ конь, намѣревающійся перескочить крутую стремнину, устремляется, чтобы переброситься, но увидѣвъ пропасть, обезсилѣетъ и отстраняется, а потомъ видя, что всадникъ сильнѣе побуждаетъ его, опять берется и опять испытываетъ тоже самое, и, чувствуя необходимость и насиліе, долго стоитъ и ржетъ на краю пропасти, чтобы, ободривъ себя, отважно осмѣлиться на это дѣло,—такъ и блаженный Павелъ, намѣреваясь какъ бы броситься въ нѣкоторую стремнину, въ изложеніе собственныхъ похвалъ, однажды, и дважды, и трижды, и многократно отступаетъ и говоритъ: *о, да быстe мало потерпѣли безумію моему;* еще: *да никтоже мнитъ мя безумна быти: аще ли ни, поне яко безумна пріимите мя;* еще: *еже глаголю по Господѣ, но яко въ безуміи, въ сей части похвалы*; еще: *понеже мнози хвалятся по плоти и азъ похвалюся: любезно бо пріемлете безумныя, мудри суще*; и еще: *о немже аще дерзаетъ кто, немысленно глаголю, дерзаю и азъ.* И многократно назвавъ себя неразумнымъ и несмысленнымъ, онъ потомъ уже едва осмѣливается приступить къ прославленію самого себя. *Евреи ли суть? и азъ. Израилите ли суть? и азъ. Сѣмя Авраамле ли суть? и азъ. Служителіе ли Христовы суть? и азъ* (2 Кор. xi, 22, 23). И здѣсь онъ не остановился на самомъ себѣ, но опять дѣлаетъ оговорку, продолжая такъ: *не въ мудрости глаголю, паче азъ.* И здѣсь не сталъ, но, послѣ изложенія всѣхъ своихъ похвалъ, говоритъ: *бызъ несмысленъ, хваляся: вы мя понудисте* (2 Кор. xii, 11). Онъ какъ бы такъ говоритъ: на тѣхъ я не обратилъ бы никакого вниманія, если бы ваше состояніе было твердо, если бы вы не уклонялись и не поколебались, потому что, хотя бы они постоянно говорили о насъ худо, мнѣ не было бы никакого вреда отъ ихъ поношенія; но такъ какъ я вижу, что паства развращается и ученики отступаютъ, то я счелъ неважнымъ тяжкое и непріятное дѣло, и вынужденъ быть бозумнымъ, излагая похвалы самому себѣ для васъ и вашего спасенія.

5. Таковъ обычай святыхъ: если они сдѣлаютъ что-нибудь худое, то торжественно это показываютъ, каждый день стонутъ и дѣлаютъ открытымъ для всѣхъ; если же—что-нибудь благородное и великое, то скрываютъ это и предаютъ забвенію. Такъ и этотъ святый (Павелъ) грѣхи свои, когда никто не насиловалъ, часто вспоминалъ и торжественно показывалъ, то говоря: *Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ* (1 Тим. i, 15), то говоря: *благодарю укрѣпляющаго мя Христа, яко вѣрна мя непщева, положивъ мя въ службу, бывша мя иногда*

хулника и гонителя и досадителя: но помилованъ быхъ, яко не вѣдый сотворихъ въ невѣрствіи (1 Тим. I, 12, 13); и еще: *послѣди же всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явися и мнѣ: азъ бо есмь мнiй апостолъ, иже нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ, зане гонихъ церковь Божiю* (1 Кор. XV, 7, 8); и еще: *мнѣ меншему всѣхъ святыхъ дана бысть благодать сія* (Еф. III, 8). Видишь ли, какъ онъ называетъ себя самымъ послѣднимъ не только изъ апостоловъ, но и вообще изъ всѣхъ вѣрующихъ, говоря: *мнѣ меншему всѣхъ святыхъ дана*
306 *бысть благодать сія?* Такъ онъ называетъ себя недостойнымъ даже спасенія, которое получилъ, потому что, сказавъ: *яко Христосъ Iисусъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ*, онъ, послушай, какую приводитъ причину на это: *но сего ради помилованъ быхъ, да во мнѣ первомъ покажетъ Iисусъ Христосъ все долготерпѣніе, за образъ хотящихъ вѣровати Ему въ жизнь вѣчную* (1 Тим. I, 15, 16). Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: не за достойную перемѣну жизни я избранъ — не думай этого—но для того, чтобы никто изъ жившихъ во злѣ, или враждовавшихъ противъ Христа, не отчаивался, видя спасеннымъ послѣдняго изъ всѣхъ,—того, въ сравненіи съ которымъ никто не былъ такъ враждебенъ Христу. Христосъ сказалъ о немъ: *яко сосудъ избранъ Ми есть сей, пронести имя Мое предъ языки и цармн* (Дѣян. IX, 15); а онъ, нисколько не надмеваясь такими похвалами, послѣ такого ободренія, продолжаетъ уничижать самъ себя, называя самъ себя первымъ изъ грѣшниковъ и изъясняя, что онъ помилованъ для того, чтобы никто изъ преданныхъ крайнему злу не отчаивался въ своемъ спасеніи, глядя на него и оказанное ему человѣколюбіе.

6. Итакъ грѣхи, безъ всякой необходимости, онъ каждодневно торжественно показываетъ во всѣхъ своихъ посланіяхъ, клеймя и дѣлая ихъ очевидными не только тогдашнимъ людямъ, но и всѣмъ, имѣвшимъ быть, послѣ; а похвалы свои излагать и тогда, когда видитъ необходимость, медлитъ и уклоняется. Это видно какъ изъ того, что онъ многократно называетъ это дѣло безуміемъ, такъ и изъ всего времени, въ продолженіе котораго онъ умалчивалъ о своемъ дивномъ и божественномъ откровеніи, потому что не тогда, и не за два, и не за три, и не за десять предъ тѣмъ лѣтъ, но гораздо прежде онъ былъ зрителемъ его. Для того онъ обозначаетъ и самое время, выражаясь такъ: *вѣмъ человѣка о Христѣ, прежде лѣтъ четыренадесяти, восхищена бывша до третіяго небесе* (2 Кор. XII, 2), чтобы ты зналъ, что онъ не сказалъ бы объ этомъ вслухъ и тогда, если бы не видѣлъ настоятельной необходимости. Если бы онъ хотѣлъ выставлять свои достоинства, то сказалъ бы объ этомъ откровеніи тотчасъ же, когда видѣлъ, или въ первый, во второй, или въ третій годъ; между тѣмъ онъ

четырнадцать лѣтъ былъ твердъ и молчалъ, и никому не высказалъ, но коринеянамъ только, и притомъ когда? Тогда, когда увидѣлъ, что народились лжеапостолы, — показывая этимъ, что онъ не сказалъ бы и тогда вслухъ, еслибы не видѣлъ такого растлѣнія, происшедшаго въ ученикахъ. Не такъ поступаемъ мы, а совершенно напротивъ: грѣховъ своихъ мы не помнимъ и одинъ день, и когда слышимъ другихъ напоминающими о нихъ, то раздражаемся, досадуемъ, считаемъ это заносчивостію и осыпаемъ ихъ безчисленными поношеніями; если же сдѣлаемъ какое-нибудь малое добро, то часто говоримъ о немъ, и напоминающимъ объ немъ изъявляемъ благодарность и считаемъ ихъ друзьями, хотя Христосъ постановилъ напротивъ—добрыя дѣла забывать, а грѣхи помнить. Это изъяснилъ Онъ намъ какъ увѣщаніемъ, которое Онъ преподалъ ученикамъ въ словахъ: *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключимы есмы* (Лук. xvii, 10), такъ и притчею о фарисеѣ, которому Онъ предпочелъ мытаря. Какъ этого оправдало воспоминаніе о грѣхахъ, такъ того погубило воспоминаніе о правыхъ дѣлахъ. И іудеямъ Богъ преподаль такое же увѣщаніе, сказавъ такъ: *Азъ есмь заглаждаяй беззаконія твоя Мене ради, и не* 307
помяну: ты же помяни (Ис. xliii, 25, 26).

7. Таковъ былъ обычай апостоловъ, таковъ пророковъ и всѣхъ вообще праведниковъ. Такъ Давидъ постоянно вспоминалъ о грѣхѣ своемъ, а о правыхъ дѣлахъ никогда, развѣ только когда былъ вынужденъ. Когда варварская война охватила Іудею, и все было исполнено опасностей, тогда онъ, будучи еще юношею и неопытнымъ въ войнѣ, оставивъ овецъ, пришелъ въ станъ, и найдя всѣхъ въ ужасѣ, страхѣ и трепетѣ, не испыталъ этого человѣческаго чувства и не предался страху, видя своихъ домашнихъ сдѣлавшимися малодушными; но, возвышаясь вѣрою надъ всѣмъ видимымъ, и обративъ взоры къ Царю небесъ, и исполнившись великой ревности, подошелъ къ воинамъ и братьямъ, обѣщая освободить ихъ отъ обдержащей опасности. Когда братья стали смѣяться надъ словами его,—потому что они не видѣли внутри его помазывающаго Бога и души его благородной, достигавшей до небесъ и исполненной великаго любомудрія, — тогда, оставивъ ихъ, онъ отошелъ къ другимъ. Когда же онъ былъ приведенъ къ царю и нашелъ его помертвѣвшимъ отъ страха, то сначала возстановляетъ его духъ и говоритъ: *да не ужасается сердце господину моему о семъ: рабъ твой пойдетъ и поборется со иноплеменникомъ симъ* (1 Цар. xvii, 32). Такъ какъ тотъ не вѣрилъ и говорилъ: *не возможеши пойти, яко ты дѣтищъ еси, сей же мужъ борецъ есть отъ юности своея* (1 Цар. xvii, 33), то по необходимости, Давидъ наконецъ вынуждается высказать себя похвалы. А что онъ

не желалъ этого, онъ доказалъ прежнимъ поведеніемъ своимъ, не сказавъ ничего о своихъ правыхъ дѣлахъ ни братьямъ, ни воинамъ, ни даже самому царю, пока не увидѣлъ его недовѣряющимъ, спорящимъ и препятствующимъ идти противъ врага. Да и что оставалось ему дѣлать? Замолчать ли похвалы? Но тогда царь не позволилъ бы выйти и освободить отъ обдержащей опасности. Поэтому онъ, молчавшій, когда слѣдовало, увидѣвъ обстоятельства, заставлявшія его сказать, уже не молчитъ, но говоритъ ему: *егда пасяше рабъ твой отца своего стадо, и егда прихождаше левъ или медвѣдица и восхищаще отъ стада овцу едину: и азъ въ слѣдъ его исхождахъ и поражахъ его, и исторгахъ изъ устъ его: и веемъ за гортань его умерщвляхъ его: и льва и медвѣдицу біяше рабъ твой, и будетъ иноплеменникъ необрѣзанный сей яко единъ отъ сихъ* (1 Цар. XVII, 34—36). Видишь ли, какъ онъ объяснилъ, почему сказалъ онъ о своихъ правыхъ дѣлахъ? Тогда, только тогда увѣрившійся царь наконецъ повелѣлъ ему выйти. И вышелъ онъ, и сразился, и побѣдилъ. Но если бы онъ не высказалъ похвалъ, то царь не довѣрилъ бы ему этого единоборства; не довѣривъ, не позволилъ бы ему выйти на борьбу; не дозволивъ этого, воспрепятствовалъ бы этому правому дѣлу; а если бы положено было препятствіе этому дѣлу, то и Богъ не прославился бы тогда, и городъ не избавился бы отъ окружавшихъ опасностей. Итакъ, чтобы не случилось столько неумѣстнаго и не было препятствій столь великому домостроительству, Давидъ принужденъ былъ сказать о своихъ подвигахъ. Какъ молчать святые знаютъ, когда нѣтъ никакой дѣйствительной нужды, такъ и говорить умѣютъ, когда видятъ настоятельную необходимость.

308 8. И не на немъ только, но и на Самуилѣ можно видѣть то же самое. Онъ, управляя столько лѣтъ народомъ іудейскимъ такъ, какъ желалъ Богъ, никогда не высказывалъ о себѣ вслухъ ничего великаго, хотя и могъ, если бы хотѣлъ, сказать многое, какъ-то: о своемъ воспитаніи съ самаго перваго возраста, о пребываніи во храмѣ, о своемъ дарѣ пророчества съ дѣтства, о послѣдующихъ войнахъ, о побѣдахъ, которыя онъ одержалъ, не оружіемъ защищаясь, но воюя съ Божія благословенія, — въ прежнія времена не говорилъ ничего такого. Когда же онъ намѣревался отказаться отъ управленія и вручить власть другому, тогда, наконецъ, вынужденъ былъ высказать похвалы себѣ и притомъ слабо. Созвавъ весь народъ, въ присутствіи и Саула, онъ сказалъ такъ: *се послушахъ гласа вашего, и поставихъ надъ вами царя: и азъ се ходихъ предъ вами отъ юности моея, и даже до днешняго дня, и состарѣхся. Отвѣщайте на мя предъ Господемъ и предъ христомъ Его: еда у кого телца взяхъ, или осля, или кого*

отъ васъ насилствовахъ, или кого утѣснихъ, или отъ руку нѣкоего пріяхъ мзду, или обущу и этимъ ослѣпилъ глаза мои? *Извѣщайте на мя и возвращу вамъ* (1 Цар. XII, 1—3). А какая, скажешь, была необходимость—говорить это? Многая и великая. Такъ какъ онъ намѣревался ввести въ управленіе ими Саула, то, желая посредствомъ оправданія себя научить его, какъ должно управлять и пещись о подданныхъ, онъ самихъ подчиненныхъ представляетъ свидѣтелями своего любомудрія. И это дѣлаетъ онъ не во время своей власти, чтобы кто-нибудь не сказалъ, будто они изъ боязни и по страху предъ нимъ свидѣтельствовали о томъ, чего не было, но когда онъ оставлялъ управленіе народомъ и дѣла правленія перешли къ другому, и не было никакой опасности для обвиняющаго,—тогда онъ и входитъ въ судъ съ ними. Между тѣмъ, если бы это былъ кто-нибудь другой, то сталъ бы злопамятствовать противъ іудеевъ и не захотѣлъ бы имѣть преемникомъ своимъ начальника справедливаго и умѣреннаго, не только по злопамятству, но и для того, чтобы его самого больше хвалили.

9. Подлинно, бываетъ у начальниковъ эта ужасная болѣзнь—желаніе, чтобы преемники ихъ власти были худыми и порочными. Если сами они были благородны, то думаютъ сдѣлаться болѣе блестящими, если преемники ихъ власти не будутъ такими же; а если они порочны и развратны, то думаютъ, что зло послѣдующаго начальника будетъ защитою собственной ихъ порочности. Не таковъ былъ этотъ блаженный, но онъ желалъ, молился и домогался, чтобы іудеи получили многимъ лучшее правленіе: такъ онъ былъ нѣженъ, такъ чистъ отъ зависти, такъ свободенъ отъ тщеславія! Онъ искалъ только одного — спасенія людей. Поэтому, при защитѣ себя, онъ преподалъ наставленіе и ихъ начальнику. Такъ какъ съ одной стороны призвать царя и сказать ему: будь справедливъ и умѣренъ и неподкупенъ, никого не насилуй и не дѣлай несправедливости, и не жадничай, — было бы тяжело и непріятно имѣвшему слышать это, а съ другой стороны, молчаніе было бы предательствомъ въ отношеніи къ народу, то онъ подъ видомъ защиты себя сдѣлалъ то и другое: и того научилъ, какимъ должно быть царю, и въ наставленіи избѣгъ непріятности. Повидимому онъ заботится только о себѣ, но научаетъ того, какъ 309
и какимъ образомъ должно пещись о подданыхъ. Разсмотри, съ какою тщательностію онъ доказываетъ свое непричастіе къ взяткамъ. Онъ не сказалъ: не отнялъ ли я у кого-либо изъ васъ полей, или золота, но того, что́ дешевле всего, — *обущу*, говоритъ онъ. Потомъ объявляетъ намъ и другую великую добродѣтель свою. Такъ какъ многіе изъ начальниковъ, если они воруютъ, то бываютъ справедливыми, умѣренными и ласковыми, не сами отъ

себя, но по принужденію совѣсти, потерявъ дерзновеніе вслѣдствіе кражи; а неподкупные бываютъ тяжкими и непріятными, опять не сами отъ себя, а по нѣкоторому тщеславію и вслѣдствіе своей неподкупности; и чтобы то и другое совмѣстилось въ одномъ человѣкѣ, это видѣть не легко, — то этотъ святой, желая показать, что онъ былъ выше того и другого, преодолѣвалъ и мздоимство и гнѣвъ, послѣ того какъ сказалъ: *еда у кого телца взяхъ*, не замолчалъ, но присовокупилъ: *или кого отъ васъ насилствовахъ, или кого утѣснихъ*, т. е. обидѣлъ? Смыслъ словъ его слѣдующій: никто не можетъ сказать, что я, хотя не бралъ, но потому, что не бралъ, былъ тяжкимъ, и непріятнымъ, и грубымъ и дикимъ. Поэтому онъ и сказалъ: *или кого отъ васъ насилствовахъ?* Что же они? Они отвѣчали: *ниже насилствовалъ еси намъ, ниже утѣснилъ еси насъ, ниже взялъ еси отъ руки чіея что* (1 Цар. XII, 4). А чтобы ты зналъ, что онъ говорилъ это и въ наставленіе самому царю, онъ присовокупилъ: *свидѣтель есть Господь, и свидѣтель христосъ Его* (1 Цар. XII, 5), показывая и внушая намъ то, что это свидѣтельство не было сдѣлано изъ угожденія ему, для чего и призвалъ во свидѣтели самого Вѣдущаго тайныя помышленія; это и служитъ доказательствомъ чистой совѣсти, потому что никто, развѣ только совершенно взбѣсившійся и изступленный, никогда не призоветъ Бога во свидѣтели своей совѣсти, если не будетъ весьма увѣренъ въ самомъ себѣ. Когда такимъ образомъ они засвидѣтельствовали слова его, то онъ указываетъ и еще на другую добродѣтель свою: напомнивъ о всемъ древнемъ, бывшемъ въ Египтѣ, о предстательствѣ Божіемъ и послѣдующихъ войнахъ, онъ напоминаетъ о сраженіи, бывшемъ при немъ, и неожиданной побѣдѣ; и сказавъ, какъ часто они за грѣхи свои были
310 предаваемы врагамъ, какъ онъ призывалъ Бога и избавлялъ ихъ отъ враговъ, и совокупляя новое съ древнимъ, продолжаетъ такъ: *посла Господь Іероваала, и Гедеона, и Варака, и Іефѳая и Самуила, и изъятъ вы изъ рукъ врагъ вашихъ окрестныхъ и обитасте уповающе* (1 Цар. XII, 11).

10. Видишь ли, какъ святые обыкновенно не говорили о своихъ добрыхъ дѣлахъ, развѣ иногда по принужденію? Поэтому и Павелъ, взирая на нихъ и тщательно умѣряя себя, потому что говорить что-нибудь о самомъ себѣ тяжело и несносно, сказалъ: *о, да бысте мало потерпѣли безумію моему*; не много, но *мало*, потому что и по нуждѣ онъ готовился не обильно излиться въ изложеніи похвалъ себѣ, но кратко пробѣгаетъ ихъ, и это притомъ для слушателей и ихъ спасенія. Какъ безъ нужды говорить о собственныхъ подвигахъ — крайне безумно, такъ при настоятельной нуждѣ и при побуждающей необходимости молчать о дѣлахъ

своихъ — было бы предательствомъ. Впрочемъ Павелъ, и видя необходимость, медлилъ и называлъ это дѣло безуміемъ, чтобы ты узналъ его благоразуміе, мудрость и великую твердость. Сказавъ: *еже глаголю, не глаголю по Господѣ,* онъ присовокупилъ: *въ сей части похвалы* (2 Кор. XI, 17). Не подумай, говоритъ, что я скажу объ этомъ всецѣло. Потому особенно я и прославляю его, и удивляюсь ему, и называю его мудрѣйшимъ, что онъ считалъ безумнымъ дѣломъ — хвалить и прославлять самого себя. Если же онъ, видя необходимость, называлъ это дѣло безуміемъ, то какого могутъ удостоиться прощенія, какую могутъ имѣть защиту тѣ, которые безъ нужды говорятъ много о самихъ себѣ, или заставляютъ говорить и другихъ? Итакъ, зная это, не будемъ только прославлять сказанное, но и подражать и соревновать и, забывая о правыхъ дѣлахъ своихъ, будемъ всегда помнить о грѣхахъ, чтобы мы могли себя и умѣрять, и, простираясь впередъ, получить награду вышняго званія, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

противъ тѣхъ, которые злоупотребляютъ апостольскимъ изреченіемъ: аще виною, аще истиною, Христосъ проповѣдаемъ есть (Филипп. I, 18), и о смиреніи.

1. Недавно упомянувъ о фарисеѣ и мытарѣ и снарядивъ 311
словомъ двѣ колесницы изъ добродѣтели и зла, мы показали, сколько въ смиренномудріи выгоды, а въ гордости сколько вреда. Эта будучи сопряжена даже съ праведностію, постами и десятинами, отстала; а та, будучи сопряжена даже съ грѣхомъ, упредила колесницу фарисея, хотя имѣла и худого возницу. И въ самомъ дѣлѣ, что хуже мытаря? Но такъ какъ онъ сокрушилъ свою душу и назвалъ себя грѣшникомъ, каковъ онъ и былъ, то превзошелъ фарисея, который могъ указать на свои посты и десятины и былъ свободенъ отъ всякаго зла. Отчего и почему? Потому что, хотя онъ и свободенъ былъ отъ жадности и грабежа, но мать всѣхъ золъ—тщеславіе и гордость—была вкоренена въ душѣ его. Поэтому и Павелъ предлагаетъ такое увѣщаніе: *дѣло свое да искушаетъ кійждо, и тогда въ себѣ точію хваленіе да иматъ, а не во иномъ* (Гал. VI, 4). А онъ сталъ осуждать всю вселенную и назвалъ

себя лучшимъ всѣхъ людей. Если бы онъ поставилъ себя выше только десяти или пяти, или двухъ, или одного человѣка, и это было бы невыносимо; но онъ не только предпочелъ самого себя вселенной, а еще осуждалъ всѣхъ. Поэтому онъ и отсталъ во время бѣга. Какъ корабль, прошедши безчисленное множество волнъ и избѣжавъ много бурь, потомъ при самомъ входѣ въ пристань ударившись о какую-нибудь скалу, теряетъ всѣ находящіяся въ немъ сокровища, такъ точно и этотъ фарисей выдержавшій труды поста и остальныхъ добродѣтелей, но не овладѣвшій языкомъ, потерпѣлъ тяжкое кораблекрушеніе въ самой пристани. Съ молитвы, отъ которой должно было получить пользу, выйти напротивъ съ такимъ вредомъ для себя, значитъ не что иное, какъ потерпѣть кораблекрушеніе въ пристани.

312 2. Итакъ, зная это, возлюбленные, хотя бы мы взошли на самую вершину добродѣтели, будемъ считать себя послѣдними изъ всѣхъ, научившись, что гордость можетъ низвергнуть невнимательнаго и съ самыхъ небесъ, а смиреномудріе можетъ изъ самой бездны грѣховъ поднять на высоту умѣющаго быть умѣреннымъ. Эта поставила мытаря впереди фарисея; а та — говорю о безуміи и гордости — превзошла силу безтѣлеснаго діавола; смиреномудріе же и сознаніе собственныхъ грѣховъ ввело въ рай разбойника прежде апостоловъ. Если же признающіе свои грѣхи доставляютъ себѣ такое дерзновеніе, то сознающіе въ себѣ много добраго и однако смиряющіе свою душу какихъ не приготовятъ себѣ вѣнцовъ? Если грѣхъ, будучи соединенъ со смиреномудріемъ, совершаетъ теченіе съ такою легкостію, что превосходитъ и упреждаетъ праведность, соединенную съ гордостію, то, если ты свяжешь его съ праведностію, куда не достигнетъ онъ, сколько не пройдетъ небесъ? Онъ конечно предстанетъ предъ самый престолъ Божій, среди ангеловъ, съ великимъ дерзновеніемъ. Опять, если гордость, будучи сопряжена съ праведностію, избыткомъ и тяжестію своего зла была въ состояніи низложить ея дерзновеніе, то, будучи соединена съ грѣхомъ, въ какую геенну не можетъ она низвергнуть одержимаго ею?

Говорю это не для того, чтобы мы не заботились о праведности, но чтобы избѣгали гордости; не для того, чтобы мы грѣшили, но чтобы были умѣренны. Смиренномудріе есть основаніе нашего любомудрія. Хотя бы кто безчисленное сверху построилъ — милостыню ли, молитвы ли, постъ ли, всякую ли добродѣтель, но если въ основаніе предварительно не положилъ этого, то все будетъ строиться тщетно и напрасно и легко разрушится, подобно зданію, построенному на пескѣ. Ничего нѣтъ, ничего изъ нашихъ правыхъ дѣлъ, что не нуждалось бы въ немъ; нѣтъ ни одного,

которое могло бы устоять безъ него. Укажешь ли на цѣломудріе, дѣвство, презрѣніе денегъ, или на что другое,—все нечисто, обременно проклятіемъ и отвратительно, если нѣтъ смиренія. Итакъ, будемъ всюду имъ начинать, въ словахъ, въ дѣлахъ, въ мысляхъ, и созидать все съ нимъ. 313

3. Но довольно сказано о смиренномудріи, не по достоинству этой добродѣтели, — никто не можетъ воспѣть ее по достоинству, — но для вразумленія вашей любви. Я хорошо знаю, что вы и послѣ немногаго сказаннаго съ великимъ усердіемъ будете привлекать къ себѣ эту добродѣтель. Но такъ какъ необходимо сдѣлать яснымъ и очевиднымъ апостольское изреченіе, читанное сегодня и повидимому подающее многимъ предлогъ къ легкомыслію, то чтобы нѣкоторые, извлекая отсюда пустое оправданіе, не стали нерадѣть о собственномъ спасеніи, теперь мы и обратимъ рѣчь къ нему. Какое же это изреченіе? *Аще виною*, говоритъ апостолъ, *аще истиною, Христосъ проповѣдаемъ есть* (Фил. I, 18). Многіе повторяютъ это просто и какъ случится, не читая ни предыдущаго, ни послѣдующаго, и, отдѣляя отъ связи съ прочими членами, предлагаютъ безпечнѣйшимъ на погибель собственной души. Стараясь отвлечь ихъ отъ здравой вѣры и потомъ видя, что тѣ робѣютъ и боятся этого дѣла, какъ не безопаснаго, и желая разсѣять ихъ страхъ, они приводятъ это апостольское изреченіе и говорятъ: Павелъ уступилъ это, сказавъ: *аще виною, аще истиною, Христосъ да будетъ проповѣдаемъ*. Но не такъ это, не такъ. И во-первыхъ, апостолъ не сказалъ: *да будетъ проповѣдаемъ*, но: *проповѣдаемъ есть*; а великое различіе между тѣмъ и другимъ. Сказать: *да будетъ проповѣдаемъ*, свойственно повелѣвающему; а сказать: *проповѣдаемъ есть*, прилично возвѣщающему. А что Павелъ законополагаетъ быть ересямъ, но отклоняетъ отъ нихъ всѣхъ, внимающихъ ему, послушай, что говоритъ онъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ, аще мы, или ангелъ съ небесе* (Гал. I, 8, 9). Не анаѳематствовалъ бы и себя и ангела, если бы признавалъ это дѣло безопаснымъ. И еще: *ревную бо по васъ*, говоритъ онъ, *Божіею ревностію: обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту (представити Христови): боюся же, да не како, яко же змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты яже о Христѣ* (2 Кор. XI, 2, 3). Вотъ и на простоту онъ указалъ и однако не призналъ этого простительнымъ. Если бы это было простительно, то не было бы опасности; а если бы не было опасности, то Павелъ не боялся бы; и Христосъ не повелѣлъ бы сожигать плевелы, если бы безразличнымъ было дѣломъ внимать и этому, и другому, и всѣмъ вообще.

4. Что же значатъ сказанныя слова? Я желаю разсказать

вамъ всю эту исторію, начавъ немного выше, потому что должно знать, въ какихъ обстоятельствахъ былъ Павелъ, когда онъ писалъ это. Итакъ, въ какихъ онъ былъ тогда обстоятельствахъ? Въ темницѣ, въ узахъ, невыносимыхъ опасностяхъ. Откуда это видно? Изъ самаго его посланія. Выше онъ говоритъ: *разумѣти же хощу вамъ, братіе, яко, яже о мнѣ, паче во успѣхъ благовѣствованія пріидоша: яко узы мои явленны о Христѣ быша во всемъ судищи и въ прочихъ всѣхъ: и множайшіи братія о Господѣ, надѣявшіися о узахъ моихъ, паче дерзаютъ безъ страха слово Божіе глаголати* (Фил I. 12—14.) Неронъ ввергнулъ его тогда въ темницу.
314 Какъ какой-нибудь разбойникъ, вошедши въ домъ, когда всѣ спятъ, и тихонько все беря себѣ, когда увидитъ кого-нибудь зажигающимъ свѣтильникъ, то погашаетъ свѣтъ и убиваетъ имѣющаго свѣтильникъ, чтобы ему можно было безстрашно тихонько обирать и грабить, такъ точно и тогда Неронъ, какъ бы какой разбойникъ и подрыватель стѣнъ, когда всѣ спали нѣкоторымъ глубокимъ и безчувственнымъ сномъ, грабилъ всѣхъ, разрывалъ браки, разрушалъ домы, показывая въ себѣ вообще всякій видъ зла; но когда увидѣлъ, что Павелъ возжигаетъ во вселенной свѣтильникъ — слово ученія, и обличаетъ его порочность, то старался и погасить проповѣдь и убить учителя, чтобы самому можно было дѣлать все свободно, и, связавъ этого святого, ввергнулъ его въ темницу. Тогда и писалъ это блаженный Павелъ.

Кто не будетъ пораженъ? Кто не удивится? Или — лучше — кто по достоинству будетъ пораженъ и надивится этой благородной и достигавшей до неба душѣ того, кто будучи связанъ и заключенъ въ Римѣ, писалъ къ филиппійцамъ изъ такого отдаленнаго мѣста? Вы знаете, какое разстояніе между Македоніею и Римомъ, но ни длина пути, ни продолжительность времени, ни обремененіе дѣлами, ни опасность и безпрерывныя бѣдствія и ничто другое не изгнало въ немъ любви и памяти объ ученикахъ, но всѣхъ ихъ онъ имѣлъ въ душѣ, и не такъ руки его были связаны узами, какъ душа была связана и плѣнена сильнымъ влеченіемъ къ ученикамъ. Выражая это самое въ началѣ посланія, онъ говоритъ: *за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ, во узахъ моихъ, и во отвѣтѣ и во извѣщеніи благовѣстія* (Фил. I, 7). Какъ царь, взошедши на престолъ съ зарею и сѣвъ въ царскихъ чертогахъ, тотчасъ принимаетъ отвсюду безчисленныя посланія, такъ точно и онъ, сидя въ темницѣ, какъ бы въ царскихъ чертогахъ, гораздо больше и принималъ и отправлялъ посланій, такъ какъ всѣ народы о всѣхъ своихъ дѣлахъ относились къ его мудрости; и устроялъ тѣмъ болѣе дѣлъ въ сравненіи съ царемъ, чѣмъ большая власть ему была ввѣрена. Въ его руки Богъ отдалъ не только

жителей римской области, но и всѣхъ иноземцевъ, и съ землею и моремъ. Объявляя это римлянамъ, онъ говоритъ: *не хощу же не вѣдѣти вамъ, братіе, яко множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ доселѣ, да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцѣхъ. Еллиномъ же и варваромъ, мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь* (Рим. I, 13, 14). Итакъ, каждый день онъ заботился то о коринѳянахъ, то о македонянахъ, въ какомъ состояніи—филиппійцы, въ какомъ—каппадокійцы, въ какомъ—галаты, въ какомъ — аѳиняне, въ какомъ — жители Понта, въ какомъ — вообще всѣ люди. Притомъ, принявъ на себя попеченіе о всей землѣ, онъ заботился не только о цѣлыхъ народахъ, но и объ одномъ человѣкѣ, и посылалъ посланія то объ Онисимѣ, то о прелюбодѣѣ коринѳскомъ. Онъ смотрѣлъ не на то, что одинъ былъ грѣшникъ и нуждался въ покровительствѣ, но на то, что это былъ человѣкъ, человѣкъ—драгоцѣннѣйшее для Бога существо, за котораго Отецъ не пощадилъ даже своего Единороднаго.

5. Не говори мнѣ, что такой-то бѣглецъ, разбойникъ, воръ, и исполненъ безчисленныхъ золъ, или что онъ нищъ и отвер- 315
женъ, и малоцѣненъ, и не достоинъ никакого слова; но ты подумай, что и за него умеръ Христосъ, и это для тебя будетъ достаточнымъ основаніемъ всячески позаботиться о немъ. Подумай, каковъ долженъ быть тотъ, котораго Христосъ столько почтилъ, что не пощадилъ даже своей крови. Если бы царь взялся за кого-нибудь пожертвовать собою, то мы не искали бы другого доказательства на то, что онъ великъ и желаненъ царю; я недумаю; смерть достаточно показала бы любовь къ нему умершаго. А теперь не человѣкъ, не ангелъ, не архангелъ, самъ Владыка небесъ, самъ Единородный Сынъ Божій, облекшись плотію, предалъ Себя за насъ. Не будемъ ли все дѣлать и хлопотать, чтобы почтенные такъ люди вкусили у насъ всякаго промышленія? Иначе какое мы будемъ имѣть оправданіе, какое прощеніе? Это самое выражая, Павелъ говорилъ: *не брашномъ твоимъ того погубляй, за него же Христосъ умре* (Рим. XIV, 15). Желая обратить тѣхъ, которые не уважаютъ своихъ братьевъ и презираютъ ихъ, какъ немощныхъ, расположить ихъ къ попечительности и склонить къ заботливости о ближнихъ, онъ прежде всего указалъ на смерть Владыки. Итакъ, сидя въ темницѣ, онъ писалъ къ филиппійцамъ изъ такого отдаленнаго мѣста. Такова любовь по Богѣ: она не пресѣкается ничѣмъ человѣческимъ, имѣя корни и воздаянія горѣ, на небесахъ. И что говоритъ онъ? *Разумѣти же хощу вамъ братіе* (Фил. I, 12). Видѣлъ ли промышленіе объ ученикахъ? Видѣлъ ли попеченіе учителя? Послушай же и о нѣжности учениковъ къ учителю, чтобы ты зналъ, что эта привязанность другъ

къ другу и дѣлала ихъ сильными и непреодолимыми. Въ самомъ дѣлѣ, если *братъ отъ брата помогаемь, яко градъ твердъ* (Прит. XVIII, 19), то тѣмъ болѣе столь многіе, связанные узами любви, могли отталкивать отъ себя всякій замыселъ порочнаго демона. Итакъ, намъ не нужно ни приводить доказательствъ, ни говорить о томъ, что Павелъ былъ привязанъ къ ученикамъ, если онъ и связанный заботился объ нихъ и каждый день умиралъ за нихъ сожигаемый сильнымъ влеченіемъ.

6. А что ученики были привязаны къ Павлу со всѣмъ усердіемъ, и не только мужи, но и жены, послушай, что говоритъ онъ о Фивѣ: *вручаю же вамъ Фиву сестру нашу, сущу служительницу церкве, яже въ Кенхреехъ: да пріимите ю о Господѣ достойнѣ святымъ, и споспѣшествуйте ей, о ней же аще отъ васъ потребуетъ вещи: ибо сія заступница многимъ бысть, и самому мнѣ* (Рим. XVI, 1, 2). Здѣсь онъ свидѣтельствуетъ объ ея усердіи, простиравшемся до *заступленія*; а Прискилла и Акила преданы были Павлу даже до смерти, какъ онъ пишетъ объ нихъ: *цѣлуйте Прискиллу и Акилу, иже по души моей своя выя положиша,* т. е. шли на смерть (Рим. XVI, 4). И еще о другомъ въ посланіи къ этимъ самымъ филиппійцамъ онъ говоритъ: *зане даже до смерти приближися, презрѣвъ душу свою, да исполнитъ ваше лишеніе службы яже ко мнѣ* (Филип. 2, 30). Видѣлъ ли, какъ они любили учителя, какъ думали объ его покоѣ болѣе души своей? Поэтому никто и не превзошелъ ихъ тогда. Говорю это не для того, чтобы мы только
316 слушали, но чтобы и подражали; простираю слово свое не къ однимъ подчиненнымъ, но и къ начальствующимъ, чтобы и ученики оказывали великую заботливость объ учителяхъ, и учители имѣли Павлову нѣжность къ подчиненнымъ, не только присутствующимъ, но и находящимся далеко. Подлинно, обитая во всей вселенной, какъ бы въ одномъ домѣ, такъ Павелъ заботился о спасеніи всѣхъ; и все свое оставивъ: узы, скорби, раны и стѣсненія, ежедневно узнавалъ и развѣдывалъ, каково состояніе учениковъ; и часто только для этого самаго онъ посылалъ то Тимоѳея, то Тихика. О послѣднемъ онъ говоритъ: дабы знать, *яже о васъ, и да утѣшитъ сердца ваша* (Ефес. VI, 22); а о Тимоѳеѣ: *ктому не терпя, послахъ его къ вамъ азъ, да не како искусилъ вы искушаяй* (1 Сол. III, 5). Также посылалъ онъ Тита въ другое мѣсто, и иного въ иное. Такъ какъ самъ онъ, будучи часто по необходимости удерживаемъ узами въ одномъ мѣстѣ, не могъ быть съ тѣми, которые составляли для него какъ бы его внутренности, то имѣлъ общеніе съ ними чрезъ своихъ учениковъ.

7. Итакъ, будучи тогда въ узахъ, онъ пишетъ филлипійцамъ: *разумѣти же хощу вамъ, братіе,* называя учениковъ братьями (Фил.

1, 12). Такова любовь. Она отвергаетъ всякое неравенство, не знаетъ преимущества и достоинства, но хотя бы кто былъ даже выше всѣхъ, нисходитъ къ низшему изъ всѣхъ, какъ поступалъ и Павелъ. Послушаемъ же, что желаетъ онъ сообщить имъ. *Яко, яже о мнѣ,* говоритъ, *паче во успѣхъ благовѣствованія пріидоша.* Какъ, скажи мнѣ, и какимъ образомъ? Ужели ты выпущенъ изъ темницы? Ужели сложилъ съ себя цѣпь, и не устрашимо проповѣдуешь въ городѣ?, Ужели, вшедъ въ церковь, ты простеръ длинныя и многія слова о вѣрѣ, и пріобрѣвъ многихъ учениковъ, ты отошелъ? Ужели мертвыхъ ты пробудилъ, и сдѣлался удивительнымъ? Ужели прокаженныхъ ты очистилъ, и были поражены безусловно всѣ? Ужели демоновъ ты прогналъ, и былъ возвышенъ? Нѣтъ, ничего такого, говоритъ онъ. Какъ же, скажи, произошелъ *успѣхъ* благовѣствованія? *Яко узы мои,* говоритъ, *явленны о Христѣ быша во всемъ судищи и въ прочихъ всѣхъ* (Фил. 1, 13). Что говоришь ты? Это ли успѣхъ? Это ли преуспѣяніе? Отъ этого ли распространеніе проповѣди, что всѣ узнали, что ты связанъ? Да, говоритъ онъ. Выслушай, чтобы ты узналъ, что узы не только не стали препятствіемъ, но и основаніемъ большаго дерзновенія: *яко множайшіи братія о Господѣ, надѣявшіися о узахъ моихъ, паче дерзаютъ безъ страха слово Божіе глаголати* (Фил. 1, 14). Что говоришь ты, Павелъ? Узы не тоску наложили, а смѣлость, не страхъ, а влеченіе? Эти слова непослѣдовательны. И я знаю это, говоритъ онъ; но это произошло не сообразно послѣдовательности дѣлъ человѣческихъ, а было сверхъ природы и совершилось по божественной благодати. Поэтому, что въ другихъ производило тоску, то ему доставляло смѣлость. Если кто возьметъ и заключитъ военачальника и сдѣлаетъ это явнымъ, то все войско обращаетъ въ бѣгство; равно, если кто удалитъ пастыря отъ паствы, то съ полною неустрашимостію угоняетъ овецъ; но не такъ бывало съ Павломъ, а совершенно напротивъ. Военачальникъ былъ связываемъ, а воины дѣлались усерднѣйшими и съ большимъ дерзновеніемъ нападали на противниковъ; пастырь былъ заключаемъ, а овцы не истреблялись и не разсѣевались.

8. Кто видалъ, кто слыхалъ, чтобы ученики и въ несчастіяхъ 317
учителей находили большее утѣшеніе? Какъ они не убоялись? Какъ не устрашились? Какъ не сказали Павлу: *врачу, исцѣлился самъ* (Лук. IV, 23), освободи себя самого отъ тяжкихъ бѣдствій, а потомъ доставишь и намъ безчисленныя блага? Почему не сказали они этого? Почему? Потому, что они благодатію Духа были научены, что все это происходило не по немощи, а по попущенію Христову, дабы истина болѣе просіяла, посредствомъ узъ, темницъ, скорбей и притѣсненій, возрастая и достигая большаго величія. Такъ *сила* Христова

въ немощи совершается (2 Кор. XII, 9). Если бы узы преткнули Павла и сдѣлали его или близкихъ къ нему боязливыми, то слѣдовало бы быть въ затрудненіи; а если онѣ произвели большую смѣлость и ввели въ большую славу, то должно поражаться и удивляться, какъ дѣло безчестное создало ученику славу, какъ дѣло, вносящее робость, во всѣхъ ихъ произвело смѣлость и утѣшеніе. Кто тогда не былъ бы имъ пораженъ, видя обложеннымъ цѣпями? Тогда и демоны особенно убѣгали, когда видѣли его находящимся въ темницѣ. Не такъ блестящею дѣлаетъ царскую главу діадема, какъ его руки цѣпь, не по ея собственной природѣ, но по благодати на рукахъ цвѣтущей. Вотъ почему это и дѣлалось для учениковъ великимъ утѣшеніемъ. Они видѣли тѣло его связаннымъ, а языкъ не связаннымъ, руки — скованными, а слово разрѣшеннымъ и быстрѣе солнечнаго луча обѣгающимъ всю вселенную. И то для нихъ дѣлалось утѣшеніемъ, когда они на дѣлѣ научались, что ничто изъ настоящаго не ужасно. Когда душа подлинно будетъ объята божественнымъ влеченіемъ и любовію, то она не обращается ни къ чему настоящему; но какъ неистовствующіе отважно осмѣливаются и на огонь, и на желѣзо, и на звѣрей, и на море, и на все, такъ и эти, неистовствуя нѣкоторымъ прекраснѣйшимъ и духовнѣйшимъ неистоствомъ, происходящимъ отъ цѣломудрія, презирали все видимое. Поэтому они, видя учителя связаннымъ, еще болѣе радовались, еще болѣе восхищались дѣлами, доказывая противникамъ, что они со всѣхъ сторонъ неприступны и неодолимы.

9. И вотъ тогда, какъ дѣла были въ такомъ положеніи, нѣкоторые изъ враговъ Павла, желая возбудить жесточайшую войну и усилить ненависть къ нему тирана, притворялись и сами проповѣдниками и проповѣдывали правую и здравую вѣру для того, чтобы распространить ученіе; но дѣлали это не потому, чтобы желали посѣять вѣру, но чтобы Неронъ, узнавъ, что проповѣдь возрастаетъ и ученіе распространяется, скорѣе ввергнулъ Павла въ пропасть. Итакъ, было два училища—учениковъ Павла и враговъ Павла,—проповѣдующихъ по истинѣ и проповѣдующихъ по сварливости и враждѣ къ Павлу. Выражая это, онъ и говоритъ: *нѣцыи убо по зависти и ревности Христа проповѣдуютъ,* указывая на враговъ, *друзіи же и за благоволеніе,* разумѣя здѣсь своихъ учениковъ. Потомъ опять о тѣхъ говоритъ: *ови убо отъ рвенія,* т. е. враги, *не-
318 чисть,* неискренно, но *мняще печаль нанести узамъ моимъ, ови же отъ любве,*—здѣсь опять онъ говоритъ о братіяхъ своихъ,—*вѣдяще яко во отвѣтъ благовѣствованія лежу. Что убо? Обаче всяцѣмъ образомъ, аще виною, аще истиною, Христосъ проповѣдаемъ есть* (Фил. I, 15—18). Поэтому напрасно и всуе относится это изреченіе къ

ересямъ, такъ какъ проповѣдавшіе тогда проповѣдывали не растлѣнное ученіе, но вѣру здравую и правую. Если бы они проповѣдывали растлѣнное и учили другому, рядомъ съ Павломъ, то не могли бы достигнуть того, чего желали. А чего они желали? Того, чтобы по возрастаніи вѣры и по умноженіи Павловыхъ учениковъ побудить Нерона къ большей войнѣ. Но если бы они проповѣдывали иное ученіе, то не умножили бы Павловыхъ учениковъ; не умноживъ же ихъ, не раздражили бы тирана. Итакъ, Павелъ не то говоритъ, будто они вводили растлѣнное ученіе, а то, что причина, по которой они проповѣдывали, была растлѣнною, такъ какъ иное дѣло сказать о *винѣ* проповѣди, и иное о самой проповѣди, что она не здравая. Проповѣдь бываетъ нездравою тогда, когда ученіе исполнено заблужденія; а *вина* будетъ нездравою тогда, когда хотя проповѣдь и здравая, но проповѣдующіе проповѣдуютъ не для Бога, но или по враждѣ, или для угожденія другимъ.

10. Итакъ, не то говоритъ онъ, будто они вводили ереси, но по неправому предлогу, а не по благочестію проповѣдывали то, что проповѣдывали. Они дѣлали это не для распространенія Евангелія, но для того, чтобы возбудить войну противъ него и подвергнуть его большей опасности; за это онъ и обвиняетъ ихъ. И посмотри, какъ точно онъ выразилъ это. *Мняще*, говоритъ, *печаль нанести узамъ моимъ* (Фил. 1, 16). Не сказалъ: *нанося*, но *мняще нанести*, т. е., думая; показываетъ, что хотя они и думаютъ такъ, но онъ самъ находится не въ такомъ состояніи, а напротивъ радуется распространенію проповѣди. Поэтому и присовокупилъ: *и о семъ радуюся, но и возрадуюся* (Фил. I, 18). Если бы ихъ ученіе заключало въ себѣ заблужденія, и они вводили ереси, то Павелъ не могъ бы радоваться; но такъ какъ ученіе ихъ было здравое и подлинное, то онъ и говоритъ: *радуюся и возрадуюся*. А что, если они, дѣлая это по враждѣ, губятъ самихъ себя? Но они даже невольно возращаютъ мое дѣло. Видѣлъ ли какова сила Павла, какъ онъ не уловляется никакими ухищреніями діавола? И не только не уловляется, но и этими самыми беретъ его въ руки. Подлинно велика низость діавола и порочность служителей его: подъ видомъ одинаковаго образа мыслей они желали погасить проповѣдь. Но *запинаяй премудрымъ въ коварствѣ ихъ* (1 Кор. III, 19) не допустилъ тогда быть этому. Выражая это самое, Павелъ говоритъ: *а еже пребыти во плоти, нужнѣйше есть васъ ради. И сіе извѣстнѣ вѣмъ, яко и спребуду вамъ всѣмъ* (Фил. I, 24, 25). Они домогаются лишить меня настоящей жизни, и для этого предпринимаютъ все; но Богъ не допускаетъ этого для васъ.

11. Помните же все это тщательно, чтобы вы со всею мудро-

стію могли исправлять тѣхъ, которые пользуются Писаніями и необдуманно, какъ случится, и на погибель ближнихъ. А мы бу-
319 демъ въ состояніи и помнить сказанное, и исправлять другихъ тогда, когда постоянно будемъ прибѣгать къ молитвѣ и призывать Бога, подающаго слово премудрости, чтобы Онъ далъ и разумѣніе слышаннаго и сохраненіе этого духовнаго залога точное и неодолимое. Часто, чего мы не въ силахъ совершить собственнымъ стараніемъ, легко можемъ исполнить посредствомъ молитвъ,— молитвъ постоянныхъ. Подлинно, нужно молиться всегда и непрестанно, въ скорби, и въ спокойствіи, и въ бѣдствіяхъ, и въ благахъ: въ спокойствіи и многихъ благахъ о томъ, чтобы они оставались неподвижными и неизмѣнными и никогда не прекращались; а въ скорби и во многихъ бѣдствіяхъ о томъ, чтобы увидѣть какую-нибудь полезную перемѣну, и чтобы они смѣнились въ тишину утѣшенія. Въ тишинѣ ты? Тогда проси Бога, чтобы эта тишина оставалась у тебя твердою. Наступившую бурю ты увидѣлъ? Напряженно проси Бога—пронести это волненіе и водворить послѣ бури тишину. Услышанъ ты? Благодари за то, что ты услышанъ. Не услышанъ? Имѣй терпѣніе, чтобы ты былъ услышанъ, потому что хотя Богъ иногда и отсрочиваетъ подаяніе, но дѣлаетъ это не по ненависти и отвращенію, а желая медленностію подаянія постоянно удерживать тебя при Себѣ, какъ поступаютъ и нѣжные отцы, которые отсрочкою подаянія мудро устраиваютъ постоянное пребываніе при себѣ нерадивѣйшихъ дѣтей. У тебя нѣтъ нужды въ посредникахъ къ Богу, ни во многомъ обращеніи и въ лести другимъ; но, хотя бы ты былъ одинокимъ и безъ предстателя, ты самъ собою, призвавъ Бога, устроишь все вполнѣ. Онъ обыкновенно склоняется не столько тогда, когда другіе призываютъ Его за насъ, сколько тогда, когда мы сами просимъ, хотя бы мы исполнены были множествомъ золъ. Если между людьми, когда мы много оскорбимъ кого-нибудь, но и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ будемъ являться къ опечаленнымъ нами, неотступностію и постояннымъ присутствіемъ въ глазахъ ихъ легко прекращаемъ ихъ вражду, то тѣмъ болѣе это можетъ быть въ отношеніи къ Богу.

12. Но ты недостоинъ? Сдѣлайся достойнымъ посредствомъ неотступности. А что дѣйствительно и недостойный можетъ сдѣлаться достойнымъ посредствомъ неотступности, что Богъ скорѣе склоняется тогда, когда мы сами призываемъ Его, нежели когда чрезъ другихъ, и что часто Онъ отсрочиваетъ подаяніе не для того, чтобы привести насъ въ затрудненіе и отпустить съ пустыми руками, а чтобы сдѣлаться Виновникомъ большихъ для насъ благъ,—эти три истины я попытаюсь объяснить вамъ читанною

сегодня притчею. Подошла ко Христу хананеянка, умоляя Его о своей бѣсноватой дочери, и взывая съ великою силою, говорила: *помилуй мя, Господи: дщи моя злѣ бѣснуется* (Матѳ. xv, 22). Вотъ—женщина иноплеменная, иноземная и не принадлежащая къ іудейскому гражданству. Что она иное, какъ не песъ, и не была ли недостойна получить просимое? *Нѣсть добро*, сказалъ Господь, *отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ* (ст. 26). Однако и она сдѣлалась достойною посредствомъ неотступности; и ее, бывшую псомъ, онъ не только возвелъ въ благородство дѣтей, но и отпустилъ со многими похвалами, сказавъ: *о, жено, велія вѣра твоя: буди тебѣ якоже хощеши* (ст. 28). Когда же Христосъ говоритъ: *велія вѣра*,—то не ищи никакого другого доказательства величія души этой женщины. Видѣлъ ли, какъ женщина недостойная сдѣлалась достойною посредствомъ неотступности? Желаешь ли 320
знать и то, что мы болѣе склоняемъ Его, призывая сами собою, нежели чрезъ другихъ? Когда она взывала, то ученики подошедши говорятъ; *отпусти ю, яко вопіетъ въ слѣдъ насъ*. Христосъ же говоритъ имъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева*. А когда она сама подошла, продолжая взывать, и сказала: *ей, Господи: ибо и пси ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ*,—то Онъ даровалъ ей благодать, сказавъ: *буди тебѣ якоже хощеши* (Матѳ. xv, 23—28). Видѣлъ ли, какъ Онъ, когда ученики просили, отказалъ, а когда она сама просила дара, взывая, то склонился на просьбу? Имъ Онъ говоритъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева;* а ей сказалъ: *велія вѣра твоя: буди тебѣ якоже хощеши*. Также прежде, въ началѣ прошенія, Онъ ничего не отвѣчалъ; а послѣ того, какъ она однажды, и дважды, и трижды приступила, Онъ даровалъ благодать, убѣждая насъ этимъ окончаніемъ, что Онъ отсрочивалъ подаяніе не для того, чтобы оттолкнуть ее, но чтобы показать всѣмъ намъ терпѣніе женщины. Если бы Онъ отсрочивалъ для того, чтобы оттолкнуть ее, то не далъ бы и въ концѣ; а такъ какъ Онъ желалъ показать всѣмъ ея любомудріе, то Онъ и молчалъ. Если бы Онъ далъ тотчасъ и въ самомъ началѣ, то мы не узнали бы мужества этой женщины. *Отпусти ю*, говорятъ ученики, *яко вопіетъ въ слѣдъ насъ*. Что же Христосъ? Вы слышите голосъ, говоритъ Онъ, а Я вижу ея мысли. Я знаю, что она имѣетъ говорить; Я не желаю оставить незамѣтнымъ сокрытое въ ея мысляхъ сокровище, но ожидаю и молчу, чтобы открыть его, представить и сдѣлать явнымъ для всѣхъ.

18. Итакъ, научившись всему этому, хотя бы мы были въ грѣхахъ и недостойны полученія (благъ), не будемъ сомнѣваться, узнавъ, что посредствомъ неотступности души мы будемъ въ

силахъ сдѣлаться достойными просимаго. И, хотя бы мы были безъ предстателя, не будемъ отказываться, узнавъ, что великое ходатайство то—чтобы самому приступать къ Богу съ великимъ усердіемъ. И если Онъ медлитъ и откладываетъ подаяніе, не будемъ падать, узнавъ, что это медленіе и отсрочка есть знакъ Его попеченія и человѣколюбія. Если съ такимъ своимъ убѣжденіемъ, съ душею скорбящею и теплою, и съ бодрственнымъ намѣреніемъ и такимъ, съ какимъ приступала хананеянка, будемъ приступать къ Нему и мы, то, хотя бы мы были псами, хотя бы сдѣлали что-нибудь ужасное, мы очистимся отъ своихъ собственныхъ золъ и получимъ такое дерзновеніе, что въ состояніи будемъ ходатайствовать и за другихъ,—подобно тому какъ и эта хананеянка не только сама получила дерзновеніе и много похвалъ, но была въ силахъ и дочь свою избавить отъ невыносимыхъ бѣдствій. Нѣтъ, подлинно нѣтъ ничего сильнѣе пламенной и искренней молитвы. Она разрѣшаетъ и настоящія бѣдствія, избавляетъ и отъ будущихъ наказаній. Поэтому, чтобы намъ съ пріятностію провести и настоящую жизнь, и туда отойти съ дерзновеніемъ, будемъ непрестанно совершать молитву съ великимъ усердіемъ и ревностію. Такимъ образомъ мы въ состояніи будемъ получить и настоящія блага, и наслаждаться благими надеждами; чего да сподобимся всѣ мы, благодатію, человѣколюбіемъ и щедротами Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, честь, держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на слова: Вдовица да причитается не менши лѣтъ шестидесяти (1 Тим. V, 9), и о воспитаніи дѣтей, и о милостынѣ.

321 1. Во-время благодать Духа устроила, что было читано то отдѣленіе апостольскаго посланія, которое вы слышали сегодня, потому что оно имѣетъ немалое сродство и связь съ недавно сказаннымъ, если не въ словахъ, то въ мысляхъ. Недавно было прочитано изреченіе: *не хощу же васъ, братіе, невѣдѣти о умерших* (1 Сол. IV, 13); и много было сказано тогда о воскресеніи, о томъ, что нужно благородно переносить таковыя страданія и благодарить Бога, берущаго близкихъ намъ. А сегодня прочитано слѣдующее: *вдовица да причитается не менши лѣтъ шестидесяти* (1 Тим. V, 9). Такъ какъ вдовство происходитъ отъ смерти и оно

особенно напрягаетъ боль и возбуждаетъ печаль, то, помня недавно сказанное, что̀ мы говорили въ утѣшеніе печалящихся, и, принявъ это со всѣмъ усердіемъ, положите съ тѣмъ въ хранилище своего ума. Названіе вдовства, повидимому, есть названіе несчастія, но на самомъ дѣлѣ оно не таково, а есть достоинство, честь и величайшая слава,—не позоръ, а вѣнецъ. Хотя вдова не имѣетъ сожителемъ своимъ мужа, но она имѣетъ сожителемъ Христа, отстраняющаго всѣ приходящія бѣдствія. При случающихся обидахъ вдовѣ достаточно — войти, преклонить колѣно, тяжко вздохнуть и пролить слезы, чтобы отстранить всякій навѣтъ обидчиковъ; оружіе вдовы это—слезы, воздыханія и непрестанныя молитвы; этимъ она можетъ отразить не только обиду
человѣческую, но и нападенія бѣсовскія. Вдова освободилась отъ 322
дѣлъ житейскихъ и уже идетъ къ небу, и то усердіе и служеніе, которое она оказывала мужу, можетъ употребить на дѣла духовныя. Если же скажешь, что въ древности вдовство было несчастіемъ, я скажу на то, что и смерть была проклятіемъ, но стала честію и достоинствомъ для тѣхъ, которые переносятъ пришествіе ея благородно. Такъ мученики вѣнчаются; такимъ самымъ образомъ и вдова восходитъ до великаго достоинства.

2. Ты желаешь знать, что такое вдова? Какъ она почтенна предъ Богомъ и угодна Ему, и есть величайшая защитница, какъ она, появившись, избавляетъ и примиряетъ съ Богомъ осужденныхъ, отвергнутыхъ, неимѣющихъ дерзновенія, ненавистныхъ Ему и лишенныхъ всякаго оправданія, и не только приноситъ имъ прощеніе и избавленіе отъ наказанія, но и великое дерзновеніе и блескъ, и содѣлываетъ ихъ чище солнечныхъ лучей, хотя бы они были отверженнѣе всѣхъ людей? Послушай самого Бога, который говоритъ къ іудеямъ: *егда прострете руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ, и аще умножите моленіе, не услышу васъ: руки бо ваша исполнены крове* (Ис. 1, 15). И однако съ этими преступными, человѣкоубійцами, непрямодушными, безчестными Онъ обѣщаетъ примириться, если они станутъ помогать переносящимъ несправедливость вдовицамъ. Послѣ того, какъ сказалъ: *отвращу очи мои* — и *не услышу,* Онъ говоритъ: *судите сиру и оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжимся: и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. I, 17, 18). Видишь ли,
какую силу имѣетъ вдовица, гдѣ она оказываетъ свое заступле- 323
ніе, не предъ начальникомъ и царемъ земнымъ, но предъ самимъ Царемъ небеснымъ? Какой она можетъ прекратить гнѣвъ,— примирить Владыку съ неизлѣчимо больными, избавить отъ невыносимаго наказанія, душу покрытую грязью грѣховъ омыть отъ этой нечистоты и довести до высшей чистоты? Поэтому не бу-

демъ презирать вдовствующей жены, но будемъ оказывать ей всякое попеченіе. Истинная вдовица есть наша заступница.

Впрочемъ нужно внимательно разсмотрѣть, о какой вдовицѣ здѣсь говоритъ онъ. И тѣ называются вдовами, которыя, впадши въ крайнюю бѣдность и будучи внесены въ списокъ, питаются на счетъ церковнаго имущества, какъ было при апостолахъ: *бысть же*, говорится, *роптаніе еллиновъ, яко презираеми бываху во вседневнѣмъ служеніи вдовицы ихъ* (Дѣян. VI. 1). И не такія только называются вдовицами, но и тѣ, которыя, не нуждаясь ни въ чемъ, пользуются довольствомъ и управляютъ своимъ домомъ, но только лишились мужа. Посмотримъ же, о какой вдовицѣ здѣсь говоритъ онъ въ словахъ: *вдовица да причитается не менши лѣтъ шестидесяти*: о той ли, которая нуждается въ помощи и имѣетъ надобность — питаться на счетъ церковныхъ имуществъ, или о ненуждающейся и живущей въ довольствѣ? Весьма очевидно, что о послѣдней. Когда онъ говоритъ о первой, изнуряемой голодомъ, то не назначаетъ времени и не требуетъ строгихъ нравовъ, но просто говоритъ: *аще кто вѣренъ или вѣрна имать вдовицы, да довлитъ ихъ, и да не тяготится церковь* (1 Тим. V, 17). Не сказалъ: когда она будетъ шестидесяти лѣтъ, не сказалъ: если она принимала странниковъ, если умывала ноги святыхъ (1 Тим. V, 10); и весьма естественно. Гдѣ должно исправить бѣдность, тамъ онъ не назначаетъ времени. Что, если пятидесятилѣтняя будетъ изнуряться голодомъ? Что, если юная будетъ имѣть уродливое тѣло? Не сидѣть ли ей, дожидаясь шестидесятаго года? Но это было бы крайне безчеловѣчно. Поэтому, когда нужно утолить голодъ, онъ не входитъ въ точное разсужденіе о годахъ и душевной добродѣтели; а когда нужно не бѣдность исправить, но доставить честь по достоинству, то естественно онъ предлагаетъ такое изслѣдованіе нравовъ.

3. Какъ есть лики дѣвъ, такъ въ древности были и лики вдовъ, и не позволялось имъ просто вписываться въ число вдовъ. Такимъ образомъ апостолъ говоритъ не о той, которая живетъ въ бѣдности и нуждается въ помощи, но о той, которая избрала себѣ вдовство. Для чего же и этой онъ назначаетъ годъ? Онъ зналъ, что юность есть какъ бы горящій костеръ и море, исполненное волнъ и многихъ смятеній. Поэтому, когда онѣ будутъ имѣть свободу отъ своего возраста, и будутъ пребывать въ старости какъ бы въ пристани, когда у нихъ угаснутъ пожеланія, тогда онъ безбоязненно вводитъ ихъ въ этотъ ликъ. А что, скажешь, развѣ многія, начавъ съ двадцатаго года, не блистали до конца, не несли ярма и
324 не показывали въ себѣ апостольской жизни? Неужели же, скажи мнѣ, мы станемъ препятствовать имъ, и, тогда какъ онѣ желаютъ

жить во вдовствѣ, мы будемъ принуждать ихъ вступать во второй бракъ? И какъ это достойно апостольской мысли? Что же значатъ слова его? Выслушайте со тщательностію, возлюбленные, самый признакъ этого изреченія. Онъ не сказалъ: *вдовица да будетъ не менши лѣтъ шестидесяти*, но: *вдовица да причитается*; также не сказалъ: *юныя вдовицы да не причитаются*, но: *юныхъ же вдовицъ отрицайся*, говоритъ онъ Тимоѳею (1 Тим. v, 11). Такъ какъ многіе изъ людей склонны къ злословію и изощрили языки свои противъ предстоятелей церкви, то онъ, желая избавить начальника отъ обвиненій, предписываетъ такіе законы и говоритъ: ты не принимай, ты не избирай. Если она сама собою и добровольно пожелаетъ избрать это, пусть дѣлаетъ; но ты пока не принимай ея, чтобы не сказали, что молодую вдову, которая желала вступить въ бракъ и управлять домомъ, такой-то принудилъ, и вслѣдствіе этого она пала и споткнулась. Ты не избирай ея, чтобы, если она падетъ, тебѣ быть свободнымъ отъ обвиненій; а если не падетъ, то съ большею безопасностію избрать ее въ приличное время. Когда же онъ говоритъ: *хощу юнымъ вдовицамъ посягати* чада рождати (1 Тим. v, 14), то послушай, о какихъ онъ говоритъ юныхъ,—о тѣхъ, которыя, послѣ кичливости ко Христу, желаютъ вступить въ замужество, болтливы, суетны, обходятъ дома, говорятъ недолжное, совратились въ слѣдъ сатаны. Сказавъ просто: *хощу юнымъ посягати*, онъ не замолчалъ, но говоритъ и то, какихъ онъ разумѣетъ юныхъ, и приводитъ ихъ паденія. Какія паденія? *Егда разсвирѣпѣютъ*, говоритъ, *противу Христа, посягати хотятъ, и праздны учатся обходити домы, и любопытны, глаголющыя яже не подобаетъ, и развратишася*. Въ слѣдъ кого? *Въ слѣдъ сатаны* (1 Тим. v, 11—15). Такимъ образомъ, если какія послѣ того, какъ избрали вдовство и приняли на себя все безчестіе этого состоянія, потомъ опять желаютъ вступить въ замужество, то лучше имъ приступить къ этому прежде, нежели онѣ приняты и безъ попранія договоровъ со Христомъ; а которая не такова, для той онъ не предлагаетъ необходимости второго брака.

4. А что это справедливо, видно изъ слѣдующаго. Если бы для всѣхъ женщинъ онъ поставилъ закономъ вступать въ супружество и господствовать надъ домомъ, то излишне онъ требовалъ бы, *аще чада воспитала есть, аще святыхъ нозѣ умы, аще скорбныхъ снабдѣ, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть;* излишне говорилъ бы и это: *бывши единому мужу жена* (1 Тим. v, 9. 10). Если ты повелѣваешь всѣмъ юнымъ вступать въ замужество, то какъ можетъ кто-нибудь быть женою одного мужа? Такимъ образомъ слова его относятся къ тѣмъ (невоздержнымъ). Такъ поступаетъ онъ и касательно брачнаго сожитія. Сказавъ: *не лишайте себе*

другъ друга, точію по согласію до времени, да пребываете въ пость и молитвѣ, и паки вкупѣ собирайтеся,—онъ для того, чтобы ты не подумалъ, что это дѣло—законъ, приводитъ и причину, послѣ говоря такъ: *да не искушаетъ васъ сатана: сіе же глаголю по совѣту, а не по повелѣнію*, по *невоздержанію вашему* (1 Кор. VII, 5, 6). Та-
325 кимъ образомъ, какъ тамъ говорится это не всѣмъ, но болѣе невоздержнымъ изъ людей и легкоуловляемымъ, такъ и здѣсь тѣмъ изъ женщинъ, которыя удобопреклонны и не могутъ сносить со тщательностію жизнь вдовства, — этихъ онъ уговариваетъ и совѣтуетъ вступать во второй бракъ. Вдовство — дѣло двоякое. Въ чемъ же оно двоякое? Оно есть оказаніе добрыхъ дѣлъ и преимущество величайшей чести. Какъ начальство есть двоякое дѣло, имѣетъ и дѣла и достоинство: достоинство начальства есть могущество, служеніе отъ народа и самое начальствованіе; а дѣла начальства—помогать терпящимъ несправедливость, препятствовать несправедливымъ, управлять городами, проводить ночи въ думахъ объ общественныхъ дѣлахъ, и многое другое,—такъ и вдовство имѣетъ и достоинство и дѣло: достоинство есть самое состояніе вдовства, величайшее, какъ мы показали впереди; а дѣло—не вступать вторично въ замужество, но довольствоваться первымъ мужемъ, воспитывать дѣтей, принимать странниковъ, умывать ноги святыхъ, довольствовать скорбныхъ, отдаваться всякому доброму дѣлу. Итакъ Павелъ, бесѣдуя объ этомъ, всѣ дѣла вдовы предоставляетъ совершать ей самой, а въ достоинство вдовы, въ ликъ и рядъ вдовъ не предоставляетъ ей войти, пока она не достигнетъ шестидесятаго года, и онъ едва не говоритъ такъ: пусть она совершаетъ дѣла вдовы, а чести этой удостоивается тогда, когда, оказавъ все, будетъ имѣть безопасность и по времени, и доказательство отъ дѣлъ, и свидѣтельство отвнѣ. Никто пусть не думаетъ, будто эти слова пригодны только женамъ; нѣтъ, они полезны и мужьямъ, чтобы и они любили и скончавшихся женъ своихъ, и не заставляли дѣтей жить вмѣстѣ съ львицами, приводя имъ мачихъ и ниспровергая всю свою безопасность.

5. Впрочемъ, говоря это, мы не законополагаемъ отвращаться отъ второго брака, но увѣщеваемъ и совѣтуемъ благоразумно довольствоваться первымъ. Иное дѣло—увѣщевать и совѣтовать, а иное—законополагать. Кто увѣщеваетъ и совѣтуетъ, тотъ предоставляетъ слушателю быть господиномъ въ избраніи совѣтовъ; а кто законополагаетъ, тотъ отнимаетъ эту возможность. Такъ и церковь не законополагаетъ того, а только увѣщеваетъ; и Павелъ предоставилъ второй бракъ, сказавъ такъ: *жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея: аще же умретъ мужъ ея, свободна есть за него же хощетъ посягнути, точію о Господѣ*:

блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ (1 Кор. VII, 39, 40). Какъ прекрасенъ бракъ, а лучше дѣвство, такъ прекрасенъ и второй бракъ, а лучше его первый и единственный. Итакъ, мы не отвергаемъ второго брака и не законополагаемъ этого, но увѣщеваемъ, если кто можетъ быть цѣломудреннымъ, оставаться при первомъ. Увѣщеваемъ и совѣтуемъ это и для самой безопасности дома: второй бракъ часто бываетъ началомъ и предлогомъ раздора и ежедневныхъ суматохъ. Часто мужъ, сидя за столомъ и вспомнивъ о первой женѣ при второй, тихо прослезится; а эта тотчасъ свирѣпѣетъ и приступаетъ, подобно дикому звѣрю, требуетъ отъ него
удовлетворенія за нѣжность къ той; и если онъ захочетъ хвалить 326
скончавшуюся, то основаніе похвалъ дѣлается предлогомъ для суматохи и раздора. Мы и съ врагами скончавшимися примиряемся, и послѣ ихъ жизни прекращаемъ вражду къ нимъ, а у женщинъ все напротивъ. Ту, которой она не видала, которой не слыхала, отъ которой не потерпѣла ничего ужаснаго, она ненавидитъ и отвращается, и самая смерть не погашаетъ ненависти. Кто видалъ, кто слыхалъ, чтобы съ завистію ревновали праху и враждовали противъ пепла?

6. Но бѣда не ограничивается этимъ, а хотя бы родились дѣти отъ второй жены, хотя бы нѣтъ, опять суматоха и раздоръ. Если они не родились, то она больше мучается и за это смотритъ на дѣтей первой жены, какъ на враговъ, причинившихъ ей величайшую несправедливость, при жизни ихъ яснѣе чувствуя собственное бездѣтство. Если же они рождаются, то опять не меньше бѣда. Часто мужъ, нѣжно расположенный къ отошедшей, обнимаетъ ея дѣтей, любя и вмѣстѣ сожалѣя о сиротствѣ ихъ; а эта всюду желаетъ отдать предпочтеніе своимъ дѣтямъ, а тѣхъ не желаетъ поставить даже въ рядъ братьевъ, по отверженныхъ домочадцевъ; все это можетъ низвратить домъ и сдѣлать для женившагося жизнь не въ жизнь. Поэтому мы увѣщеваемъ, если возможно, оставаться цѣломудренными, довольствоваться первымъ бракомъ, и ни женамъ не искать жениховъ, ни мужьямъ женъ, чтобы не низвратить всего дома.

Для чего же апостолъ, бесѣдуя о вдовствѣ, не удовольствовался только первымъ, высказаннымъ въ словахъ: *единому мужу жена* (1 Тим. V, 9)? Чтобы ты зналъ, что вдовою дѣлаетъ не просто только то, чтобы не вступать во второй бракъ, но и упражненіе въ добрыхъ дѣлахъ, милостыни, человѣколюбіи и служеніи странникамъ. Если дѣвамъ нисколько не принесло пользы дѣвство ихъ,—хотя дѣвство гораздо больше вдовства,—но онѣ отошли съ безчестіемъ, когда погасъ огонь въ свѣтильникахъ ихъ, такъ какъ онѣ не могли показать плодовъ человѣколюбія и милостыни

(Матѳ. xxv), то тѣмъ больше вдовамъ (не поможетъ ихъ вдовство). Итакъ Павелъ, слыша эту притчу и опасаясь за вдовъ, съ великою обстоятельностію разсуждаетъ объ этомъ предметѣ, чтобы онѣ, надѣясь на единобрачіе, не стали нерадѣть объ остальной добродѣтели; потому и говоритъ: *въ дѣлахъ добрыхъ свидѣтельствуема* (1 Тим. v, 10). Какъ дѣвство—хорошее дѣло, но безъ остального остается безплоднымъ и затворяетъ чертогъ жениха, такъ и вдовство—хорошее дѣло, но безъ остальной добродѣтели тщетно и излишне. Поэтому Павелъ и не ограничился увѣщаніемъ—не вступать вторично въ замужество, но и многаго другого, гораздо большаго и высшаго, требуетъ отъ вдовы. Какъ выбирающіе воиновъ ищутъ здоровья тѣлеснаго, такъ и онъ, избирая вдову въ воинство Христово, искалъ душевнаго здоровья и крѣпости и усердія ко всѣмъ добрымъ дѣламъ, говоря такъ: *аще чада воспитала есть, аще странныя пріятъ, аще святыхъ нозѣ умы, аще скорбныхъ снабдѣ,*
327 *аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (1 Тим. v, 10). Каждое изъ этихъ выраженій, повидимому, есть простое слово, но заключаетъ въ себѣ великую жизнь.

7. И во-первыхъ, если угодно, изслѣдуемъ то выраженіе, которое онъ поставилъ первымъ: *аще чада воспитала есть*. Здѣсь онъ говоритъ не о простомъ питаніи, которое по разумѣнію многихъ состоитъ въ томъ, чтобы не допускать дѣтей изнуряться голодомъ: такого пренебреженія никогда не допуститъ и самая необходимость природы; поэтому не нужно ни повелѣній, ни законовъ, чтобы вдовы питали свое порожденіе; но онъ говоритъ здѣсь о попеченіи касательно праведности, о воспитаніи, соединенномъ съ благочестіемъ, такъ что не воспитывающія дѣтей такимъ образомъ суть болѣе дѣтоубійцы, нежели матери. Это говорю я не только женамъ, но и мужьямъ. Часто многіе изъ отцовъ дѣлаютъ все и принимаютъ всѣ мѣры, чтобы у сына былъ прекрасный конь, блестящій домъ или многоцѣнное поле; а о томъ, чтобы у него была прекрасная душа и благочестивое намѣреніе, этому они не оказываютъ никакого вниманія. Это и разстроиваетъ всю вселенную,—то, что мы нерадимъ о собственныхъ своихъ дѣтяхъ, заботимся объ ихъ пріобрѣтеніяхъ, а душею ихъ пренебрегаемъ, допуская крайне безумное дѣло. Хотя бы и многи и многоцѣнны были пріобрѣтенія, но если нѣтъ могущаго распоряжаться ими съ добродѣтелью, то все погибнетъ и уйдетъ вмѣстѣ съ нимъ и можетъ принести пріобрѣтателю крайній вредъ; а если душа его будетъ благородна и любомудра, то хотя бы у него не было ничего отложено, онъ будетъ въ состояніи безбоязненно удерживать пріобрѣтенія всѣхъ. Итакъ, должно смотрѣть не на то, чтобы сдѣлать ихъ богатыми серебромъ и золотомъ и тому подобнымъ, но чтобы

они были достаточнѣе всѣхъ благочестіемъ, любомудріемъ и пріобрѣтеніемъ добродѣтели, чтобы они не нуждались во многомъ, чтобы не увлекались житейскими предметами и юношескими пожеланіями. Нужно тщательно смотрѣть и за входами ихъ и выходами, и за поведеніемъ и знакомствами, зная, что за небреженіе объ этомъ мы не будемъ имѣть прощенія отъ Бога. Если съ насъ потребуется отчетъ въ промышленіи объ остальныхъ, такъ какъ *никтоже,* говоритъ апостолъ, *своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. x, 24),—то насколько болѣе въ промышленіи о своихъ дѣтяхъ? Не поселилъ ли Я, скажетъ Богъ, его съ тобою сначала? Не приставилъ ли тебя къ нему учителемъ, предстателемъ, попечителемъ и начальникомъ? Не положилъ ли совершенно въ твои руки всю власть надъ нимъ? Въ нѣжномъ возрастѣ образовывать его и настроивать повелѣлъ Я; какое же ты можешь имѣть оправданіе, если пренебрегаешь его неповиновеніемъ? Что скажешь ты? То ли, что онъ необузданъ и грубъ? Но это должно было предвидѣть вначалѣ, когда онъ былъ способенъ къ обузданію и весьма молодъ, и обуздывать его тщательно, пріучать къ должному, настраивать, исцѣлять душевныя болѣзни его. Когда работа болѣе легка, тогда и должно исторгать шипы, такъ какъ при болѣе нѣжномъ возрастѣ ихъ легче вырвать; такъ и страсти, оставленныя въ пренебреженіи, возрастаютъ, и дѣлаются неудобоисправимыми. Поэтому и говоритъ премудрый: *преклони отъ юности выю* его, когда воспитаніе можетъ быть болѣе легкимъ (Сирах. vii, 25). И не только Богъ повелѣваетъ, но и самъ помогаетъ тебѣ въ этомъ 328
дѣлѣ. Какъ и какимъ образомъ? *Иже злословитъ отца своего или матерь свою,* говоритъ Онъ, *смертію да умретъ* (Исх. xxi, 16). Видишь ли, какую Онъ поставилъ имъ угрозу? Какимъ оградилъ опасеніемъ? Какъ сильною сдѣлалъ твою власть? Какое же можемъ мы сказать оправданіе, если Онъ самъ не щадитъ даже ихъ жизни, когда они оскорбляютъ насъ, а мы не допускаемъ имъ даже неудовольствія, при оскорбленіи ими Бога? Я, говоритъ Онъ, не откажусь даже умертвить оскорбившаго тебя; а ты не можешь опечалить даже словомъ поправшаго Мои законы. Можетъ ли это быть достойно прощенія? Ты видишь, что онъ оскорбляетъ Создателя—и не негодуешь, скажи мнѣ, и не устрашаешь и не порицаешь, притомъ зная, что самъ Богъ воспрепятствовалъ этому не потому, будто бы Ему былъ какой-нибудь вредъ отъ оскорбленія (такъ какъ Божество не можетъ потерпѣть), но для спасенія его же самого? Кто неразуменъ и безчувственъ по отношенію къ Богу, тотъ гораздо болѣе можетъ оскорбить своего родителя и собственную свою душу.

8. Итакъ, не будемъ безпечными, зная, что дѣти, хорошо настроенныя, и въ настоящей жизни будутъ уважаемыми и блестя-

щими. Человѣка, живущаго добродѣтельно и пристойно, всѣ стѣсняются и почитаютъ, хотя бы онъ былъ бѣднѣе всѣхъ; а отъ порочнаго и развратнаго всѣ отвращаются и ненавидятъ, хотя бы онъ пріобрѣлъ многій достатокъ. И не только у остальныхъ людей онъ будетъ въ уваженіи, но и для тебя — родителя будетъ болѣе желаненъ, представляя, кромѣ природы, еще другое не меньшее побужденіе къ любви — добродѣтель; и не только будетъ болѣе желаннымъ, но и болѣе полезнымъ для тебя, будучи твоимъ служителемъ, рабомъ, кормителемъ въ старости. Какъ неразумные въ отношеніи къ Богу презираютъ и родителей, такъ служащіе Создателю оказываютъ и родителямъ многую честь. Поэтому, чтобы тебѣ заслужить одобреніе и отъ Бога и отъ людей, сдѣлать для себя жизнь пріятною и избавиться отъ будущаго наказанія, показывай о немъ все свое стараніе. Что, дѣйствительно, нерадящіе о дѣтяхъ, хотя бы они во всемъ другомъ были исправны и умѣренны, за этотъ грѣхъ подвергнутся крайней отвѣтственности, я разскажу тебѣ одну древнюю исторію.

У іудеевъ былъ одинъ священникъ, во всемъ прочемъ исправный и умѣренный, по имени Илій. У этого Илія были два сына, предавшіеся крайнему нечестію; онъ не удерживалъ и не препятствовалъ, или — лучше — хотя и удерживалъ и препятствовалъ, но не съ надлежащею тщательностію и силою. Тогда какъ должно было наказывать ихъ плетью, выгонять изъ отеческаго дома, употреблять всѣ способы исправленія, онъ только увѣщевалъ и совѣтовалъ, говоря такъ: *ни, чада, не творите тако, яко не благъ слухъ, егоже азъ слышу о васъ* (1 Цар. II, 24). Что говоришь ты? Они оскорбили Владыку, а ты называешь ихъ чадами? Они не признаютъ Создателя, а ты признаешь родство съ ними? Поэтому, говоритъ, что онъ не вразумлялъ ихъ, такъ какъ вразумленіе состоитъ въ томъ, что мы не просто совѣтуемъ, но что наносимъ ударъ силь-
329 ный и рѣзкій, — такой, какого требуетъ гнилость язвы. Не достаточно только сказать или предложить увѣщаніе, но должно оградить многимъ страхомъ, чтобы пресѣчь легкомысліе юности. Итакъ, когда онъ, хотя увѣщевалъ, но не увѣщевалъ какъ должно было, то Богъ выдалъ ихъ врагамъ: во время происшедшаго сраженія они пали въ боевомъ строю, и самъ онъ, не перенесши вѣсти объ этомъ, упавши разбился и умеръ. Видишь ли, какъ справедливо я сказалъ, что отцы бываютъ и дѣтоубійцами, не принимая сильныхъ мѣръ въ отношеніи къ легкомысленнымъ дѣтямъ своимъ и не требуя отъ нихъ благоговѣнія къ Богу? Такимъ образомъ Илій сдѣлался дѣтоубійцею. Хотя сыновей его закололи враги, но виновникомъ убійства сдѣлался онъ, лишившій ихъ помощи Божіей своимъ легкомысліемъ о нихъ и оставившій ихъ непокры-

тыми и одинокими для желавшихъ схватить ихъ. И не только ихъ, но вмѣстѣ съ ними онъ погубилъ и себя самого.

9. Это же терпятъ многіе и изъ нынѣшнихъ отцовъ: не желая наказывать плетью, ни порицать словами, ни опечалить сыновей своихъ, живущихъ безпорядочно и беззаконно, они часто видятъ ихъ схваченными въ крайнихъ преступленіяхъ, отведенными въ судилище, обезглавленными чрезъ палачей. Когда ты не воспитываешь ихъ, когда ты не вразумляешь, смѣшавшись съ людьми преступными и развращенными и ставъ участникомъ въ ихъ нечестіи, они подвергаются общимъ законамъ и наказываются предъ глазами всѣхъ; и послѣ такого несчастія бываетъ бóльшій стыдъ, когда всѣ пальцемъ указываютъ на отца по смерти его сына и дѣлаютъ недоступною для него площадь. Какими глазами онъ въ состояніи будетъ взглянуть на встрѣчающихся съ нимъ послѣ такого безчестія и несчастія сына? Поэтому прошу и умоляю оказывать многое промышленіе о своихъ дѣтяхъ и всюду искать спасенія души ихъ. Ты—учитель всего дома, и тебѣ Богъ непрестанно предоставляетъ и жену и сыновей. Такъ Павелъ то говоритъ о женахъ: *аще ли чесому научитися хотятъ, въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ* (1 Кор. XIV, 35); то о дѣтяхъ: *воспитовайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни* (Ефес. VI, 4). Помышляй, что у тебя въ домѣ золотыя статуи—дѣти; каждый день настраивай и осматривай ихъ тщательно, и всѣми мѣрами упорядочивай и образовывай ихъ душу; подражай блаженному Іову, который, боясь за ошибки у нихъ и въ мысли, приносилъ за нихъ жертвы, и многое оказывалъ о нихъ промышленіе (Іов. I, 5); подражай Аврааму, который старался не о деньгахъ и пріобрѣтеніяхъ, но о божественныхъ законахъ, чтобы внушить потомкамъ тщательное ихъ соблюденіе. Объ этой добродѣтели его свидѣтельствуетъ Богъ, говоря такъ: *вѣмъ бо, яко заповѣстъ Авраамъ сыномъ своимъ правду и судъ* (Быт. XVIII, 19). Также и Давидъ, когда умиралъ, призвалъ сына своего и вмѣсто великаго наслѣдства внушалъ и непрестанно говорилъ ему слѣдующее: если ты, сынъ мой, пожелаешь жить по законамъ Божіимъ, то не постигнетъ тебя ничто неожиданное, но всѣ дѣла твои пойдутъ по теченію и будешь ты наслаждаться многою безопасностію; если же лишишься этой помощи, то не будетъ тебѣ никакой пользы отъ царства и отъ многой твоей силы. Это и подобное говорилъ онъ, хотя и не такими словами.

10. Это и мы, и при жизни и при смерти, будемъ говорить 330
своимъ собственнымъ дѣтямъ и убѣждать ихъ, что великое богатство и непогрѣшимое наслѣдство и безпечальное сокровище есть страхъ Божій; и будемъ стараться оставлять имъ не деньги гибнущія, но благочестіе пребывающее и неиждиваемое. Когда

нѣтъ благочестія, тогда и имѣющіяся деньги гибнутъ съ опасностями и крайнимъ стыдомъ; а когда оно есть, тогда и неимѣющееся прибываетъ. Если ты прекрасно возрастишь сына своего, то и онъ — своего собственнаго сына, а этотъ — своего сына; и какъ бы нѣкоторая лента и рядъ лучшей жизни все пойдетъ впередъ, получивъ начало и корень отъ тебя и принося тебѣ плоды попеченія о потомкахъ. Если бы отцы тщательно воспитывали своихъ собственныхъ дѣтей, то не нужно было бы ни законовъ, ни судилищъ, ни мщеній и наказаній и публичныхъ убійствъ; *праведнику*, говоритъ апостолъ, *законъ не лежитъ* (1 Тим. 1, 9). Но такъ какъ мы не заботимся о нихъ, то и подвергаемъ ихъ бо́льшему злу, и предаемъ въ руки палачей, и постоянно толкаемъ въ пропасть; *угождаяй сыну* своему, *обяжетъ струпы его*, говоритъ Премудрый (Сирах. xxx, 7). Что значитъ: *угождаяй?* Милующій, льстящій, услуживающій чрезъ мѣру. А онъ имѣетъ нужду въ строгости, попеченіи и угрозахъ. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы мы были слишкомъ жесткими къ дѣтямъ, но чтобы мы не являлись имъ презрѣнными. Если жена должна бояться мужа, то гораздо болѣе сынъ — отца. Не говори мнѣ, что невозможно превзойти юность. Если Павелъ требуетъ этого промышленія отъ жены вдовой, то гораздо больше — отъ мужей; если бы это было невозможно, то онъ и не повелѣвалъ бы. Но вся порочность происходитъ отъ нашего легкомыслія, отъ того, что мы не сначала и не съ перваго возраста руководимъ дѣтей къ благочестію. О томъ, чтобы они получили внѣшнее воспитаніе и поступили въ военную службу, мы стараемся, бросаемъ деньги, просимъ друзей и много ходимъ туда и сюда; а о томъ, чтобы они были въ уваженіи у Царя ангеловъ, не обращаемъ на это никакого вниманія. На зрѣлища ходить мы постоянно позволяемъ имъ, а въ церковь — не принуждаемъ никогда; если же однажды или дважды дитя побудетъ, то бываетъ тамъ безцѣльно, тщетно, напрасно и для забавы. Не такъ должно быть; но какъ посылая въ училище мы требуемъ отъ нихъ отчета въ наукахъ, такъ и въ церковь посылая, а еще болѣе ведя. Не другимъ ввѣрять ихъ, но самимъ съ ними нужно бы входить сюда, и должно было бы требовать, чтобы они помнили слышанное и преподаваемое здѣсь. Въ такомъ случаѣ, въ такомъ для насъ было бы легко и пріятно исправленіе дѣтей; если бы и дома они постоянно слышали отъ насъ бесѣды о любомудріи и совѣты имъ о должномъ, и здѣшнее присоединилось бы у нихъ къ тому, то скоро бы они показали намъ благородный плодъ этихъ прекрасныхъ сѣмянъ. Но мы не дѣлаемъ ничего такого, но у насъ необходимое — побочныя дѣла;
331 и если кто станетъ увѣщевать къ этому, тотчасъ смѣхъ; посему

и низвратилось все, и которыхъ не воспитываютъ родители, воспитываютъ внѣшніе законы.

11. Неужели ты не постыдишься и не покраснѣешь, скажи мнѣ, когда сына твоего будетъ наказывать и вразумлять судія, когда будетъ нуждаться во внѣшнемъ исправленіи тотъ, кто сначала жилъ вмѣстѣ съ тобою столько времени? Ты не будешь скрываться и прятаться? Какъ осмѣливаешься, скажи мнѣ, называться еще отцемъ, предавъ такимъ образомъ сына, не сдѣлавъ ему необходимаго побужденія, но оставивъ безъ вниманія растлѣніе его всякимъ зломъ? Если ты увидишь какого-нибудь бѣглаго раба бьющимъ палкою твое дитя, то досадуешь и гнѣваешься и негодуешь, жестче звѣря, приступивъ къ лицу ударившаго, а видя, какъ діаволъ каждый день бьетъ его, демоны вводятъ въ грѣхи, ты спишь, и не досадуешь, даже не выхватываешь своего сына отъ жесточайшаго звѣря? Опять, если онъ будетъ подъ дѣйствіемъ демона, ты бѣжишь ко всѣмъ святымъ и обременяешь живущихъ на вершинахъ горъ — избавить его отъ этого бѣснованія; а если грѣхъ, который жестче всякаго демона, непрестанно обременяетъ его, ты ничего не дѣлаешь?

Между тѣмъ обремененіе демономъ нисколько не жестко, потому что демонъ совершенно не можетъ ввергнуть въ геенну, но, если мы бодрствуемъ, то это искушеніе принесетъ намъ блестящіе и славные вѣнцы, когда мы будемъ съ благодарностію переносить такія нападенія; а кто живетъ во грѣхѣ, не имѣетъ средствъ спастись когда-нибудь, но необходимо и здѣсь подвергается безчестію, и по отшествіи туда опять безконечно наказывается. И однако, зная это, мы для очень немногаго прилагаемъ стараніе, а для весьма великаго не желаемъ даже подняться: видя бѣснующагося рыдаемъ, а видя согрѣшающаго даже не чувствуемъ, между тѣмъ какъ должно убиваться и горько плакать, а лучше— не плакать только, но и удерживать, обуздывать, совѣтовать, увѣщевать, устрашать, укорять, прогонять эту болѣзнь всякимъ способомъ врачеванія и подражать той вдовѣ, о которой говоритъ Павелъ: *аще чада воспитала есть* (1 Тим. v, 10), потому что не къ ней только, но и ко всѣмъ вообще онъ простираетъ это слово и всѣхъ увѣщеваетъ такъ: *воспитовайте чада въ наказаніи Господни* (Ефес. vi, 4). Это — первое и величайшее изъ благъ; его онъ прежде всего требовалъ и отъ вдовы; а затѣмъ говоритъ: *аще странныя пріятъ*. Что говоришь ты, скажи мнѣ? Отъ жены вдовой ты требуешь страннопріимства? Не довольно ли для ней воспитывать дѣтей? Нѣтъ, говоритъ, но должно присоединить и это: вмѣстѣ съ управленіемъ своими домашними, нужно имѣть промышленіе и о чужихъ и открывать свой домъ для странниковъ.

Скончался мужъ — трать все усердіе къ нему на странниковъ. А что, скажетъ кто-нибудь, если она бѣдна? Но она не бѣднѣе той вдовы, которая, имѣя немного муки и чванецъ елея, приняла великаго пророка Илію (3 Цар. XVII, 12). И тамъ были дѣти; но ни недостатокъ состоянія, ни сила голода, ни ожидаемая смерть, ни забота о дѣ-
332 тяхъ, ни вдовство, и ничто другое не стало препятствіемъ для страннопріимной женщины.

12. Такъ вездѣ изыскивается не мѣра имущества, но мѣра душевнаго расположенія. Великодушный и богатый душевнымъ расположеніемъ, хотя бы онъ былъ бѣднѣе всѣхъ людей деньгами, можетъ всѣхъ превзойти и страннолюбіемъ, и милостынею и остальнымъ всякимъ благорасположеніемъ; а мелочный и бѣдный душевнымъ расположеніемъ и пресмыкающійся по землѣ, хотя бы онъ былъ достаточнѣе всѣхъ, бываетъ бѣднѣе и недостаточнѣе всѣхъ; поэтому онъ и медлитъ и уклоняется отъ всего такого. Какъ бѣдному бѣдность не можетъ быть препятствіемъ къ милостынѣ по причинѣ его душевнаго богатства, такъ богатому достатокъ нисколько не можетъ содѣйствовать благорасположенію по причинѣ его душевной бѣдности. Примѣры этого близко: вдова и съ небольшимъ количествомъ муки приняла пророка, а Ахавъ, стяжавъ такое богатство, домогался еще и чужого (3 Цар. XVI, 33). Такъ не богатство денежное, но богатство душевное доставляетъ намъ удобство къ милостынѣ; и та вдова двумя только лептами превзошла множество богачей и бѣдность не стала ей препятствіемъ (Лук. XXI, 2, 4). Напротивъ эта самая бѣдность и сдѣлала милостыню ея бо́льшею, какъ и Павелъ говоритъ: *яже во глубинѣ нищета ихъ избыточествова въ богатство простоты ихъ* (2 Кор. VIII, 2). Вѣдь не на то нужно смотрѣть, что она бросила двѣ лепты, но что она, имѣя только ихъ, не пощадила себя и внесла все свое состояніе, — за это ей нужно удивляться и вѣнчать. Итакъ, намъ нужно не изобиліе, а готовность, когда мы принимаемъ странниковъ. Какъ при этой готовности не можетъ быть никакого вреда отъ бѣдности, такъ при отсутствіи ея не можетъ быть никакой пользы отъ достатка. Что̀ говоришь ты? Вдова заботится о дѣтяхъ и потому не можетъ служить странникамъ? Но потому самому она удобнѣе будетъ дѣлать это, имѣя общниками служенія сыновей своихъ, которые будутъ помогать ей и раздѣлять съ нею эту прекрасную дѣятельность. Такимъ образомъ множество дѣтей будетъ не препятствіемъ, но пособіемъ страннопріимства, и множество рукъ доставитъ этому служенію многое удобство. Не говори мнѣ о многоцѣнной трапезѣ; если она приметъ странника въ домъ свой, если предложитъ имѣющееся у ней, если окажетъ многое благорасположеніе, то готовъ всякій плодъ

страннопріимства. Если одна только чаша холодной воды доставляетъ царство небесное (Матѳ. x, 42), то принять подъ свою кровлю, сдѣлать общникомъ трапезы и доставить отдохновеніе,—это, скажи мнѣ, какого не принесетъ плода? Разсмотри точность Павла. Онъ требуетъ здѣсь не просто страннопріимства, но такого, которое соединено съ усердіемъ, пламенною душею и горячимъ расположеніемъ сердца. Сказавъ: *аще странныя пріятъ*, онъ присовокупилъ: *аще святыхъ ногъ умы* (1 Тим. v, 10). Не служанкамъ ей нужно поручать служеніе страннику, сидя самой съ гордостію, но быть самодѣятельною, схватывать себѣ этотъ плодъ, и никому не уступать этого прекраснаго сокровища. Какъ это, скажутъ, можетъ быть? Если она благородна, знатна, блестяща и знаменита по предкамъ, то неужели ей самой умывать ноги странника? Не будетъ ли это постыдно? Напротивъ постыдно — не 333
умывать, человѣкъ; хотя бы ты въ тысячу разъ поднималъ ея благородство, знатность и блескъ, она имѣетъ одну и ту же природу съ тѣмъ, кого омываютъ, есть раба подобная и равночестная тому, кому служитъ.

13. Подумай, Кто омылъ ноги ученикамъ, и перестань говорить мнѣ о благородствѣ. Общій Владыка вселенной, Царь ангеловъ омылъ ноги, препоясавшись полотенцемъ, и не только ученикамъ, но и самому предателю (Іоан. xііі, 4). Видишь ли, какое разстояніе между омывающимъ и омываемыми? И однако все это разстояніе Онъ прошелъ и Владыка омылъ раба, чтобы раба не стыдилась подобнаго себѣ раба. Для того Онъ омылъ и предателя, чтобы ты не сталъ говорить, что малоцѣненъ и презрѣненъ тотъ, которому нужно оказать служеніе. Если онъ малоцѣненъ и презрѣненъ, то еще не таковъ, какъ Іуда, и не сдѣлалъ тебѣ того, что́ сдѣлалъ тотъ Владыкѣ, рѣшившись на предательство послѣ безчисленныхъ благодѣяній. И однако, предвидя все это, Господь омылъ его, положивъ намъ законъ, что, хотя бы мы были выше всѣхъ, хотя бы мы были самыми блестящими и знаменитыми, хотя бы приходящіе къ намъ были хуже всѣхъ, мы поэтому не должны избѣгать служенія имъ и стыдиться ихъ ничтожности. А ты, жена, если видишь, что кто-нибудь помогаетъ тебѣ въ дѣлахъ житейскихъ, или содѣйствуетъ въ судилищѣ или въ чемъ-либо другомъ подобномъ, то и встрѣчаешь его, и принимаешь съ великимъ благорасположеніемъ, и цѣлуешь руки, и бросаешь серебро и исполняешь дѣла служанокъ; а если видишь, что Христосъ пришелъ къ тебѣ, то медлишь и уклоняешься отъ служенія Ему? Если ты не принимаешь странника, какъ Христа, то и не принимай; а если принимаешь, то не стыдись и омыть ноги Христовы. Не видишь ли ты, сколь многіе изъ гонимыхъ прибѣгали къ ногамъ статуй?

Хотя это — безчуственное вещество и бездушная мѣдь, но, такъ какъ это — изображенія царей, то они ожидали получить какую-нибудь пользу отъ ногъ ихъ. А ты, не безчувственныя ноги и не бездушное вещество, но созерцая идущій къ тебѣ образъ, имѣющій внутри себя Царя, не бѣжишь на встрѣчу, скажи мнѣ, не припадаешь къ ногамъ его и не служишь всякимъ способомъ? Какъ это можетъ быть достойно прощенія? Какого не причинитъ это стыда? Подумай, съ кѣмъ ты вступаешь въ общеніе, напыщаясь, поднимаясь до надменности и стыдясь служенія страннику? Ясно, что съ діаволомъ; потому что гордость — его болѣзнь. А если ты подбѣгаешь, то подумай, кому подражаешь? Своему Владыкѣ, и совершаешь дѣло Христово. Какой же стыдъ, скажи мнѣ, или какой позоръ вступать въ общеніе съ Владыкою? Итакъ стыдъ — стыдиться этого и считать позоромъ тó, что дѣлалъ Христосъ. Многое могутъ сдѣлать ноги святыхъ, входя въ домъ; онѣ освящаютъ самый помостъ, вносятъ сокровище безчисленныхъ благъ, исправляютъ разслабленную природу, утоляютъ голодъ, приносятъ многій достатокъ. Такъ и
334 ноги Иліи, вошедши въ домъ вдовицы, показали нѣкоторый новый и неожиданный способъ плодородія. Домъ вдовицы онъ сдѣлалъ пашнею, и кувшинъ ея — гумномъ. Тогда сталъ нѣкоторый новый способъ сѣянія и жатвы: она посѣяла въ уста праведника, и разсыпанное пожала изъ кувшина во многомъ изобиліи; посѣяла муку, и пожала муку; не нуждалась и въ волахъ, и въ ярмѣ, и въ плугѣ, и въ бороздахъ, и въ дождѣ, и воздухѣ, и серпѣ, и въ гумнѣ, и снопахъ, и въ вѣтрахъ, отдѣляющихъ мякину отъ плода, и въ мельницѣ, но въ одно мгновеніе времени нашла конецъ всѐго этого въ кувшинѣ; и два неоскудѣвающіе источника одинъ, — муки, а другой — елея, произвелъ голосъ пророка.

14. Таковы дары святыхъ; у нихъ много изобилія и легкости. Срываемое съ земли издерживается; а тѣ источники, ежедневно почерпаемые, не изсякали, но была равная борьба изсякновенія съ притокомъ. Такъ щедро дарятъ ноги святыхъ, или лучше — сказать — еще гораздо больше этого; и если бы моя бесѣда не была продолжительна, то я исчислилъ бы много такихъ даровъ. Но какъ, получая честь, онѣ приносятъ столько даровъ, такъ, получая безчестіе, онѣ доставляютъ великое наказаніе и неумолимый огонь. Откуда это очевидно? Послушай Самого Христа, который говорилъ ученикамъ: *въ онь же аще градъ или весь внидете, испытайте, кто въ немъ достоинъ есть, и ту пребудите: входяще же въ домъ, цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему* (Матѳ. x, 11, 12). Чтобы ты не сказалъ: я трачу деньги, издерживаю имущество, предлагая трапезу странникамъ, Онъ устрояетъ такъ, что самъ приходящій напередъ приноситъ тебѣ угощеніе и дары, превосхо-

дящіе всякій избытокъ. Какіе это? Снабженіе *миромъ*; ему нѣтъ ничего равнаго. Видишь ли, съ какимъ достаткомъ святый входитъ въ домъ? Это слово, хотя просто, но—основаніе безчисленныхъ благъ; въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть безопаснѣе того дома, который наслаждается миромъ? Притомъ святые испрашиваютъ принимающимъ ихъ миръ не только другъ съ другомъ, но и съ нами самими. Мы часто имѣемъ борьбу въ помыслахъ и, тогда какъ никто не безпокоитъ насъ, мы смущаемся, и порочныя пожеланія непрестанно возстаютъ въ насъ. И эту борьбу унимаетъ то слово святыхъ и производитъ внутри многую тишину, потому что въ одно время и онъ вслухъ произноситъ это слово и убѣгаетъ всякое діавольское внушеніе и неумѣстный помыслъ изъ нашей души, такъ что ты больше берешь, нежели даешь. *И аще убо*, говоритъ Господь, *градъ или домъ пріиметъ васъ, пріидетъ миръ вашъ нань, и иже аще не пріиметъ, отрясите прахъ ногъ вашихъ: аминь глаголю вамъ: отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморстѣй въ день судный, неже граду тому* (Мате. x, 13—15). Видишь ли, какой огонь навлекаютъ ноги святыхъ, встрѣчая безчестіе? Поэтому апостолъ повелѣваетъ омывать ихъ, чтобы онѣ, принимая это служеніе, доставляли намъ многое дерзновеніе предъ Богомъ; а вмѣстѣ и тому научаетъ онъ насъ этимъ увѣщаніемъ, чтобы мы всѣ дѣла страннопріимства совершали сами собою. Ты подражай Аврааму, сдѣлайся дочерью того, который, имѣя триста осьмнадцевъ домочадцевъ, самъ съ женою своею раздѣлялъ плодъ страннопріимства: онъ принесъ тельца, а она замѣсила муки. Со- 335
ревнуй имъ и ты, потому что не подача только денегъ, но и служеніе нуждающимся получаетъ многую награду. Поэтому и апостолы тѣхъ семерыхъ, между которыми былъ Стефанъ, поставили на такое служеніе (Дѣян. vi, 2, 3). Хотя отъ себя они ничего не доставляли бѣднымъ и лишь прекрасно распоряжались подаваемымъ другими, но они получили великую награду и за то, что подаваемымъ другими распоряжались прекрасно и со всею тщательностію.

15. Сдѣлайся же и ты прекрасною распорядительницею собственнаго своего имущества, чтобы тебѣ двоякій плодъ взять—раздачи и прекраснаго распорядительства. Не стыдись служить бѣдному собственными своими руками. Христосъ не стыдится протягивать руку и брать чрезъ бѣднаго, а ты станешь стыдиться протягивать руку и подавать серебро? Не крайне ли это безумно? Одно только постыдно—порокъ, жестокость, безчеловѣчіе; а благорасположеніе и милостыня и человѣколюбіе и служеніе нуждающимся дѣлаетъ насъ весьма славными. Чѣмъ болѣе ты богата и достаточна, тѣмъ болѣе будутъ хвалить тебя всѣ, когда ты бу-

дешь снисходить къ нищимъ и ничтожнымъ: не только люди, но и ангелы и Владыка ангеловъ; и не только Онъ хвалить, будетъ но и отплатитъ двойными дарами. Не только за милостыню, но и за смиренномудріе Онъ приготовитъ тебѣ многія награды. Не будемъ же стыдиться служенія бѣднымъ, ни отказываться—омывать ноги странниковъ; наши руки освящаются такимъ служеніемъ; и если ты прострешь ихъ на молитву послѣ этого служенія, то Богъ, видя ихъ, скорѣе умилостивится и подастъ просимое. Подавать деньги могутъ многіе; а чтобы самому служить нуждающимся и дѣлать это съ готовностію, любовію и братскою расположенностію, — для того нужна душа высокая, великая и любомудрая. Этого больше всего и требуетъ Павелъ, повелѣвая сострадать находящимся въ скорби, бѣдности и несчастныхъ обстоятельствахъ—такъ какъ бы мы сами находились въ тѣхъ же несчастіяхъ. *Поминайте юзники*, говоритъ онъ, *аки съ ними связани* (Евр. XIII, 3). Поэтому и здѣсь онъ не остановился только на этомъ, но прибавилъ и еще другое: *аще скорбныхъ снабдѣ, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (1 Тим. V, 10). Что значитъ *аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть?* Значитъ и въ темницу ходить, и узниковъ посѣщать, и больныхъ навѣщать, и скорбящихъ ободрять, и плачущихъ утѣшать, и всѣми способами исполнять все посильное и не отказываться рѣшительно ни отъ чего относящагося къ спасенію и успокоенію нашихъ братій. Если же отъ вдовой жены онъ требуетъ такихъ правыхъ дѣлъ, то какой защиты можемъ удостоиться мы—мужи, не дѣлая того, что̀ Павелъ заповѣдалъ дѣлать вдовымъ женамъ? Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: какъ онъ требуетъ отъ вдовой жены такой тщательности, когда онъ, бесѣдуя о дѣвствѣ, не сказалъ ничего такого? Отъ дѣвъ онъ требовалъ еще большаго любомудрія. Когда онъ
336 говоритъ: *раздѣлися жена и дѣва*, и еще: *не посягшая печется о господнихъ, како угодити Господеви*, и еще: *сіе же глаголю къ благообразію и благоприступанію Господеви безмолвну* (1 Кор. VII, 33—35),— то намекаетъ этими словами не на что иное, какъ на то, что дѣва, однажды отрѣшившись отъ всѣхъ житейскихъ дѣлъ, должна отдать всецѣло душу свою Богу, не имѣть ничего общаго съ землею и не заниматься то тѣмъ, то другимъ, но, всецѣло отказавшись отъ этого, тратить весь досугъ на дѣла духовныя. И притча о десяти дѣвахъ дѣлаетъ очевиднымъ намъ тоже самое. Зато онѣ и были исключены изъ брачнаго чертога, что не имѣли елея; а елей есть не что иное, какъ человѣколюбіе, и милостыня, и благорасположеніе, и предстательство за терпящихъ несправедливость, и утѣшеніе плачущихъ; этого онѣ не имѣли, потому отошли, и лишились брачнаго чертога (Матѳ. XXV).

16. Итакъ, зная все это, и жены, и мужья, и дѣвы, и замужнія, и вдовы, будемъ прилагать великое усердіе къ милостынѣ, и не станемъ говорить, что такой-то порочен и недостоинъ благодѣяній, такой-то ничтоженъ, такой-то презрѣненъ. Ты смотри не на достоинство нуждающагося въ помощи, а только на нужду. Хотя бы онъ былъ ничтоженъ, низокъ и презрѣненъ, Христосъ вмѣняетъ тебѣ это въ награду такъ, какъ бы Онъ самъ чрезъ него получалъ благодѣянія. Чтобы мы не взирали на достоинство тѣхъ, кому оказывается благодѣяніе, послушай, что говоритъ Онъ: *взалкахся, и дасте Ми ясти;* потомъ, когда тѣ отвѣчали: *когда Тя видѣхомъ алчуща и напитахомъ*, Онъ продолжаетъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV, 35—40). Такимъ образомъ намъ не осталось никакого предлога. Чтобы мы не говорили: гдѣ теперь найти подобныхъ Иліи, гдѣ подобныхъ Елисею, дай мнѣ такихъ мужей, и я со всею готовностію приму ихъ и не откажусь омыть ихъ ноги и послужить имъ всѣми способами, чтобы мы не говорили этого, Онъ самъ—что гораздо важнѣе —Владыка Иліи и Елисея и всѣхъ пророковъ обѣщалъ приходить къ намъ чрезъ бѣдныхъ, сказавъ: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе.*

Не пробѣгай безъ вниманія этихъ словъ. Выраженіе: *алчуща Мя видѣсте, и напитасте*, представляетъ четыре побужденія къ милостынѣ: достоинство просящаго—потому что просящій есть Владыка; потребность нужды — потому что Онъ алчетъ; легкость подаянія — потому что Онъ проситъ напитать Его и требуетъ только хлѣба, а не роскоши, и величіе дара—потому что за эту малость Онъ обѣщаетъ царство. Ты безчеловѣченъ, жестокъ и немилостивъ? Постыдись, говоритъ, Онъ, достоинства Того, Кто проситъ. Но тебя не пристыжаетъ Его достоинство? Тронься несчастіемъ. Но и несчастіе не преклоняетъ тебя на милость? Подай по легкости прошенія. Но ни достоинство, ни потребность нужды, ни удобство подаянія не можетъ убѣдить тебя? Подай же нуждающемуся ради величія обѣщанныхъ за это благъ. Видишь 337
ли четыре причины, которыя могутъ тронуть и самый камень, и мелочного, и глупца, и безжалостнаго, и самаго медлительнаго изъ всѣхъ людей? Какое же будетъ прощеніе тѣмъ, которые послѣ такого увѣщанія и совѣта презираютъ нуждающихся? Скажу къ этому и еще нѣчто другое: пусть выслушаютъ посвященные въ тайны. Когда нужно тебя напитать, то Онъ самъ не щадитъ даже Своей собственной плоти; когда нужно тебя напоить, то Онъ не щадитъ и не жалѣетъ собственной крови; а ты не удѣляешь ни хлѣба, ни чаши? Какое ты будешь имѣть прощеніе, беря такія и столь драгоцѣнныя блага, и щадя свои маловажныя? Смотри,

чтобы тебѣ, жалѣющему подавать Христу съ выгодою, часто не отдавать діаволу съ вредомъ. Когда не подаемъ бѣднымъ, мы даемъ обманщикамъ; часто воры или коварные слуги взявъ уходятъ, или теряемъ по другимъ обстоятельствамъ; а если и избѣгнемъ всего этого, то пришедшая смерть уноситъ человѣка нагимъ. Итакъ, чтобы этого не было, будемъ какъ взявшіе напередъ давать просящему Христу и откладывать въ нерасхищаемую сокровищницу, чтобы намъ быть увѣренными и въ сбереженіи и въ доходѣ. Онъ не только тщательно сохраняетъ то, чтò взялъ, но и опять
338 отдастъ тебѣ это съ очень многимъ прибавленіемъ. Не будемъ думать, что у насъ уменьшится имущество, когда мы подаемъ милостыню. Оно не уменьшается, но возрастаетъ; не издерживается, но умножается; происходящее есть нѣкоторый оборотъ и сѣяніе, или—лучше—оно выгоднѣе и безопаснѣе того и другого. Торговля подвергается и вѣтрамъ и морскимъ волнамъ и многимъ кораблекрушеніямъ, а сѣмена, — и засухамъ, и проливнымъ дождямъ, и другимъ неровностямъ воздуха; деньги же, повергаемыя въ руки Христовы, выше всякаго замысла. Никто не можетъ исхитить изъ рукъ взявшаго данное однажды; но оно тамъ остается, производя многіе и неизреченные плоды и принося намъ въ свое время богатую жатву. *Сѣяй скудостію*, говоритъ апостолъ, *скудостію и пожнетъ, а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. IX, 6). Будемъ же сѣять щедро, чтобы такъ намъ и пожать и насладиться вѣчною жизнію, которой да достигнемъ всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

объ Иліи и вдовицѣ, а также и о милостынѣ.

337 1. Въ тѣ дни, когда мы всѣ постились, я часто принимался говорить о милостынѣ, но былъ прерываемъ наступившимъ вечеромъ, прекращавшимъ теченіе нашей бесѣды. Впрочемъ это, можетъ быть, происходило по распоряженію Бога, устрояющаго полезное и отложившаго наставленіе объ этомъ предметѣ до настоящаго дня, дабы трапеза милосердія была предложена сегодня, когда вы не разсѣяны въ церкви, не потому, чтобы мы имѣли сказать что-нибудь великое и необыкновенное, но потому, что

велика и превосходна сила милостыни. Подлинно, великое дерзновеніе предъ Богомъ имѣетъ эта добродѣтель; какъ какая-нибудь царица нашей жизни, такъ она съ великою смѣлостію обыкновенно проходитъ небесные своды; и тѣ силы, которымъ ввѣрены врата небесныя, видя восходящую милостыню, съ великою честію отверзаютъ тѣ врата ради ея и другимъ добродѣтелямъ; а если видятъ ихъ идущими безъ милостыни, то запираютъ врата предъ
ними. Это видно изъ притчи о тѣхъ дѣвахъ, которыя не были 338
допущены въ священный чертогъ за то, что не имѣли въ своихъ свѣтильникахъ постояннаго елея (Матѳ. XXV). И замѣть различіе: милосердіе безъ дѣвства возводило имѣющихъ его на небо, а дѣвство безъ милосердія не въ силахъ было сдѣлать это. Если же такова сила этой добродѣтели, то со всѣмъ усердіемъ будемъ внимать бесѣдѣ объ ней. Но самымъ лучшимъ и краткимъ увѣщаніемъ къ выполненію этой добродѣтели было бы, если бы мы отвели васъ къ вдовѣ, жившей въ Сарептѣ Сидонской, потому что научающіе дѣлами бываютъ учителями достовѣрнѣе тѣхъ, которые совѣтуютъ словами; потому и вдовица будетъ для насъ лучшею наставницею въ этомъ дѣлѣ. Мы увѣщеваемъ словами, а она можетъ научить васъ дѣлами, имѣя притомъ сотрудницею своею другую (вдовицу), одинаковую съ нею по нравамъ, потому что двѣ такихъ вдовицы, одна — въ новомъ завѣтѣ, положившая
двѣ лепты, а другая — въ ветхомъ, удостоившаяся принять про- 339
рока. Обѣ онѣ имѣли одинаковую добродѣтель любомудрія и явили одинаковое дружелюбіе, показавъ намъ сходствомъ добрыхъ дѣлъ своихъ сродство самыхъ завѣтовъ. Какъ высокія башни, разставленныя по пристанямъ, которыя обыкновенно называютъ маяками, имѣя неугасимый огонь во всю ночь, блескомъ свѣта руководятъ блуждающихъ по морю къ безопасной пристани, такъ и онѣ, объемля дружелюбіе какъ бы какую пристань, свѣтомъ своего великодушія руководятъ находящихся въ глубочайшей ночи, потому что жизнь наша нисколько не лучше ночи, какъ и Павелъ говоритъ: *нощь прейде, а день приближися* (Рим. XIII, 12). Такъ блуждающихъ среди глубочайшей ночи по морю сребролюбія и готовыхъ утонуть онѣ призываютъ къ своей безопасности, имѣя постоянно горящій огонь человѣколюбія и сохраняя неугасимый свѣтъ милостыни.

2. Но о той въ другое время, а сегодня скажемъ вамъ о вдовѣ, жившей въ ветхомъ завѣтѣ. Притомъ, когда воздаются похвалы этой, то сплетаются вѣнцы похвалъ и той, потому что у кого добрыя дѣла одинаковы, для тѣхъ и похвалы общія. Во времена этой вдовы былъ тяжкій голодъ; не земля истощившись отказывалась приносить плоды, но грѣхи людей отвратили этотъ

даръ Божій. Итакъ, былъ голодъ тяжкій и жесточе всякаго голода; и этотъ голодъ навелъ Илія, призвавъ его, какъ бы какого-нибудь страшнаго слугу, чтобы вразумить подобныхъ ему рабовъ, оскорбляющихъ Владыку; или—лучше—призвали его грѣхи іудеевъ, а принесли его уста пророка: *живъ Господь Богъ*, говорилъ онъ, *аще будетъ дождь, точію отъ устъ* моихъ (3 Цар. XVII, 1).

Итакъ, было невыносимое бѣдствіе. Страшный голосъ пророка не только сдѣлалъ нѣдра земли безплодными, но истощилъ и самыя струи рѣкъ, и всѣ потоки тогда высохли. Какъ сильная и воспалительная горячка, поражая естество тѣла, не только изсушаетъ поверхность его, но, проникая и въ глубину, жжетъ самыя кости, такъ и бывшая тогда засуха не только опалила поверхность земли, но, проникнувъ и въ самыя нѣдра ея, извлекла изъ нея всю влагу. Что же Богъ говоритъ пророку? *Востани*, говоритъ Онъ, *и иди въ Сарепту Сидонскую:* заповѣдаю *тамо женѣ вдовицѣ препитати тя* (3 Цар. XVII, 9). Что это? Въ своемъ отечествѣ онъ не нашелъ никакого дружелюбія, и Ты посылаешь его въ чужую страну и притомъ къ женѣ вдовой? Если бы даже она была достаточною, если бы была богатѣйшею, если бы была женою самого царя, если бы имѣла сокровищницы, наполненныя множествомъ произведеній, то и тогда страхъ голода не сдѣлалъ ли бы воли ея безплодною больше самой земли? Чтобы пророкъ не сказалъ этого и не подумалъ, для того Богъ напередъ питалъ его чрезъ вороновъ, какъ бы такъ внушая ему этими событіями: если Я устроилъ, что неразумная природа оказала тебѣ гостепріимство, то гораздо болѣе разумная согласится сдѣлать это.

340 3. Вотъ почему вдовица — послѣ вороновъ. И нужно было видѣть, какъ пророкъ дѣлается зависимымъ отъ жены, какъ эта досягавшая до неба и божественная душа, доблестный и возвышенный Илія, въ видѣ странника и просителя приходитъ къ дверямъ вдовицы, и тѣми устами, которыя заключили небо, произноситъ слова просящихъ: дай мнѣ хлѣба, дай мнѣ воды. Это для того, чтобы ты зналъ, что нѣтъ ничего столь благопріятнаго, какъ домъ вдовой жены, какъ хижина, исполненная бѣдности и чуждая богатства и золъ, происходящихъ отъ богатства. Такое мѣсто свободно отъ шума, исполнено всякаго любомудрія и спокойнѣе всякой пристани. Такихъ жилищъ особенно ищутъ души святыхъ.

Итакъ, пророкъ пошелъ къ вдовицѣ, которая будетъ обличеніемъ іудейскаго нерасположенія къ страннопріимству, пошелъ къ вдовицѣ, научая этимъ всѣхъ, что іудеи справедливо подверглись наказанію. Богъ, намѣреваясь наказать кого-нибудь, не просто посылаетъ наказаніе и не довольствуется опредѣленіемъ Своего суда, но и предъ людьми оправдываетъ Себя дѣлами, подобно

судящемуся на общественномъ судѣ при сужденіяхъ множества присутствующихъ. И какъ судьи, когда намѣреваются приговорить кого-нибудь на смерть, садятся на возвышенномъ мѣстѣ, приказываютъ поднять завѣсы, собираютъ около себя весь городъ, и тогда, какъ бы на общественномъ зрѣлищѣ, начинаютъ судить виновнаго, предлагая ему вопросы предъ глазами и въ слухъ всѣхъ, приказывая прочитать запись его преступленій, и заставляя самаго обвиняемаго осудить свои преступленія, и потомъ произносятъ приговоръ,—такъ и Богъ, возсѣдая, какъ бы на возвышенномъ мѣстѣ—изреченіи Писанія, и поставивъ около Себя всю вселенную, предъ глазами и вслухъ всѣхъ производитъ изслѣдованіе грѣховъ, не записи повелѣвая прочитать и не письмена выставляя на средину, но представляя намъ самые грѣхи виновныхъ.

4. Такъ, когда Онъ намѣревался ниспослать страшныя молніи на содомлянъ и этимъ ужаснымъ пламенемъ истребить въ той странѣ города и народы, когда посылалъ на землю этотъ необыкновенный и чрезвычайный дождь, страшнѣе всякаго прежде бывшаго, какой солнце видѣло въ первый и единственный разъ, то прежде чѣмъ привелъ въ исполненіе это наказаніе, Онъ показалъ намъ нечестіе имѣющихъ быть наказанными, не записи прочитавъ, какъ я сказалъ, но представивъ самые грѣхи ихъ. Потому Онъ и послалъ ангеловъ, не для того только, чтобы они вывели Лота, но чтобы показали тебѣ пороки содомлянъ, что дѣйствительно и случилось. Когда Лотъ принялъ ихъ, то всѣ осадили домъ принявшаго гостей, окруживъ его со всѣхъ сторонъ; а руководила этою осадою нечистая страсть и желаніе беззаконнаго совокупленія, выходившее изъ предѣловъ возраста и природы. Не только юноши стали кругомъ, но и старцы; и сѣдина не удержала неистовства, и старость не погасила ярости, но можно было видѣть кораблекруше- 341
ніе въ пристани, беззаконное пожеланіе въ старости. Даже и этимъ не ограничилось ихъ беззаконіе, но когда Лотъ обѣщалъ имъ выдать дочерей своихъ, они и въ этомъ случаѣ не перестали настаивать, говоря, что не отступятъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ тѣхъ мужей, и угрожали причинить много зла тому, который обѣщалъ выдать дочерей своихъ изъ почтенія къ странникамъ. Видишь ли, какъ Богъ показалъ во всѣхъ отношеніяхъ нечестіе содомлянъ, и потомъ послалъ наказаніе? Чтобы ты послѣ, видя, какъ они наказываются, не смутился отъ величія ихъ несчастія и не сталъ вмѣстѣ съ ними обвинять Бога, но вмѣстѣ съ Богомъ осудилъ ихъ,—для этого Онъ, предварительно показавъ ихъ нечестіе, предотвратилъ всякое сожалѣніе объ нихъ и удалилъ насъ отъ состраданія къ нимъ. Тоже и теперь сдѣлалъ Онъ

съ пророкомъ. Чтобы ты, видя іудеевъ, изнуряемыхъ голодомъ, не скорбѣлъ, Онъ показываетъ тебѣ ихъ безчеловѣчіе, жестокость и недостатокъ гостепріимства, потому что они не только не приняли пророка, но даже грозили убить его, какъ видно изъ словъ Божіихъ. Онъ не сказалъ только: удались, но: и *скрыйся* (2 Цар. xvii, 3). Тебѣ, говоритъ Онъ, недостаточно для спасенія одного бѣгства, но нужно и скрыться съ великою тщательностію, потому что народъ іудейскій есть народъ, жаждущій крови пророковъ и привыкшій къ убіенію святыхъ; іудеи всегда обагряли свою десницу кровію пророковъ. И вотъ почему, когда Богъ высылалъ его изъ Іудеи, то говоритъ: *иди отсюду и скрыйся*; а когда посылалъ къ вдовицѣ, то говоритъ: *Азъ* заповѣдаю *ей* (3 Цар. xvii, 9). Видишь ли, какъ въ то время, когда пророку, нужно было бѣжать оттуда, Онъ повелѣваетъ сдѣлать это съ великою осторожностію; а когда нужно было прибѣгнуть сюда, то повелѣваетъ идти съ великимъ дерзновеніемъ и смѣлостію?

5. И не только это, но и нѣчто другое выразилъ Богъ удаленіемъ пророка къ вдовицѣ. Чтобы впослѣдствіи времени нѣкоторые, видя, какъ Христосъ, послѣ многихъ и неизреченныхъ благодѣяній, оказанныхъ Имъ въ Іудеи, послѣ воскрешенія многихъ мертвыхъ, послѣ возвращенія зрѣнія слѣпымъ, послѣ очищенія прокаженныхъ, послѣ изгнанія бѣсовъ, послѣ дивнаго и спасительнаго ученія, облагодѣтельствованными изгоняется, а язычниками, невидѣвшими и неслышавшими ничего такого, почитается, не стали удивляться, недоумѣвать и считать это дѣломъ невѣроятнымъ,—для того Богъ еще прежде за много лѣтъ примѣромъ рабовъ своихъ показываетъ намъ неблагодарность іудеевъ и дружелюбіе язычниковъ. Такъ Іосифа тѣ, кому онъ несъ пищу, покушались даже умертвить, а иноплеменникъ возвелъ на величайшую почесть. Такъ Моисея прогнали облагодѣтельствованные имъ іудеи, а принялъ иноплеменникъ Іофоръ и оказалъ ему великое дружелюбіе. Такъ Давида прогналъ Саулъ, послѣ отсѣченія головы Голіаѳу, послѣ безчисленныхъ опасностей, угрожавшихъ царю и городу, отъ которыхъ избавилъ ихъ Давидъ, а принялъ иноплеменный царь Анхусъ и оказалъ ему великую честь.
342 Такъ и теперь Илію іудеи прогнали, а вдовица приняла. Итакъ, когда ты увидишь, что Христа гонятъ іудеи и принимаютъ язычники, то, вспомнивъ древніе прообразы, не удивляйся истинѣ этого событія. Такъ и нынѣ ты слышалъ слова Христа, Который выражаетъ тоже самое. Обращаясь къ негодующимъ іудеямъ, Онъ говорилъ: *многи вдовицы бѣша во дни Иліины, и ни ко единой посланъ бысть Илія, токмо къ вдовицѣ* въ Сарептѣ Сидонской (Лук. iv, 25, 26). Но, можетъ быть, у кого-нибудь возникаетъ не-

доумѣніе, почему такому ревнителю о славѣ Божіей Богъ попустилъ терпѣть скорби и бѣдствія, то посылая его къ потоку, то ко вдовицѣ, то въ другое мѣсто, заставляя его переходить съ мѣста на мѣсто, какъ будто какого-нибудь изгнанника? Что онъ дѣйствительно терпѣлъ скорби и бѣдствія, объ этомъ послушай Павла, который говоритъ: *проидоша въ милотехъ, въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени.* (Евр. xi, 37). Для чего же Богъ попустилъ ему терпѣть скорби? Если бы онъ подвергалъ іудеевъ такому наказанію за грѣхи противъ него самого, то иной справедливо могъ бы сказать, что въ бѣдствіяхъ онъ испыталъ скорбь для того, чтобы сдѣлаться болѣе кроткимъ и смягчить свою жестокость. Если же онъ не изъ мщенія іудеямъ за дѣла противъ него самого, а за нечестіе ихъ и оскорбленіе Господа навелъ на нихъ такое несчастіе, то почему и самъ онъ участвуетъ въ ихъ бѣдствіяхъ, а не пользуется совершеннымъ спокойствіемъ и свободою? Потому что, если бы онъ самъ пользовался спокойствіемъ и богатою трапезою, между тѣмъ какъ другіе бѣдствуютъ и изнуряются голодомъ, то, можетъ быть, кто-нибудь дѣйствительно подумалъ бы, что это было дѣломъ жестокости, такъ какъ нисколько не казалось бы удивительнымъ, что человѣкъ, пользующійся довольствомъ, утѣшается чужими бѣдствіями. Вотъ почему Богъ попустилъ и самому ему участвовать въ несчастіи, испытать случившіяся бѣдствія и раздѣлять голодъ, дабы ты зналъ, что не голодъ (нуженъ былъ ему), но Божественная ревность дѣйствовала въ немъ, потому что онъ никакъ не рѣшился бы, при столь затруднительномъ положеніи, лишеніяхъ, скорбяхъ и бѣдствіяхъ, не отмѣнить угрозы, если бы произнесъ тотъ блаженный приговоръ не по великой ревности. Поэтому для него пріятнѣе было самому терпѣть бѣдствія и видѣть іудеевъ исправляющимися, чѣмъ отмѣнить угрожавшую нужду и видѣть ихъ возвратившимися къ прежнему нечестію.

6. Таковы вездѣ души святыхъ: для исправленія другихъ онѣ жертвуютъ собственною безопасностію. Итакъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ, что Илія продлилъ голодъ по жестокости своей, Богъ попустилъ и ему участвовать въ голодѣ, дабы ты узналъ любомудріе пророка. Кромѣ того, такъ какъ чудеса по свойству своему обыкновенно надмеваютъ чудотворцевъ, а взирающихъ на чудеса располагаютъ ставить тѣхъ выше человѣческой природы, то Богъ устранилъ то и другое, присоединивъ немощь природы. А что это такъ, легко можно удостовѣриться изъ словъ Павла. Именно, что чудеса надмеваютъ, объ этомъ послушай, какъ онъ говоритъ: *и за премногая откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ* (2 Кор. xii, 7).

А что чудеса располагають видящихъ и слышащихъ думать о чудотворцахъ выше надлежащаго, и это видно оттуда же. Ска-
343 завъ о своихъ откровеніяхъ, апостолъ говоритъ: *аще бо и восхощу похвалитися, не буду безуменъ: истину бо реку*. Почему же не хвалишься? *Щажду же, да не како кто вознепщуетъ о мнѣ паче, еже видитъ мя или слышитъ что отъ мене* (2 Кор. xII, 6). Чтобы чего-нибудь подобнаго не случилось и съ пророкомъ (такъ какъ хотя онъ и Илія, но онъ былъ человѣкъ), Богъ соединилъ съ чудомъ и слабость природы. Вотъ почему тотъ, кто распоряжался небесами, не могъ преодолѣть голода; тотъ, кто остановилъ плодородіе земли, не могъ остановить потребности желудка, но имѣлъ нужду въ женѣ вдовой, чтобы ты видѣлъ и божественную благодать и человѣческую немощь. И не только эту пользу принесло такое событіе, но еще и другую, не меньше этой. Какую же именно? Ту, чтобы, когда кто-нибудь станетъ призывать тебя къ пророческой ревности по Богѣ, ты не падалъ духомъ и не отчаивался, думая, что Илія былъ человѣкомъ другой природы, и потому онъ имѣлъ такое дерзновеніе предъ Богомъ. Это и выразилъ нѣкто, сказавъ: *Иліа человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ* (Іак. v, 17),— какъ бы такъ говоря: не думай, будто не возможно достигнуть до такой же высоты любомудрія, до какой достигъ онъ, потому что и онъ имѣлъ ту же природу, но дивное и божественное настроеніе его воли явило его гораздо выше прочихъ людей.

7. Но время уже возвратиться къ вдовицѣ. *Иде*, говорится въ Писаніи, *въ Сарепту Сидонскую*, и нашелъ жену вдовицу собиравшую дрова (3 Цар. xvII, 10). Начало достойное внутренней ея бѣдности! Что же? Возвратился ли пророкъ назадъ, увидѣвъ такое начало гостепріимства? Нѣтъ; онъ слушался божественнаго опредѣленія, *и возопи въ слѣдъ ея и рече: принеси ми воды. И иде взяти* (3 Цар. xvII, 11). Поистинѣ доблестная и любомудрая жена, и потому, сказать дерзновенно, достойная величія души пророка; впрочемъ, не дерзновенно сказанное, потому что если бы она не была достойною, то и не удостоилась бы принять этого святого. Какъ Христосъ говорилъ ученикамъ: *въ оньже аще градъ или весь внидете, испытайте, кто въ немъ достоинъ есть, и ту пребудите* (Матѳ. x, 11), такъ и здѣсь Богъ, зная, что эта жена больше всѣхъ достойна принять пророка, посылаетъ его туда, оставивъ всѣхъ другихъ. И изъ самыхъ дѣлъ увидимъ ея благородство. *Принеси ми*, сказалъ пророкъ, *воды въ сосудѣ*. Велика доброта жены. Уже то, что она отвѣчала, что вступила въ разговоръ, что не задержала его и не созвала всего города для наказанія этой божественной главы, не достойно ли изумленія и уди-

вленія? А что крайность отъ голода могла привести жену въ такой гнѣвъ, это можно видѣть изъ іудейскаго примѣра.

Елисей, ученикъ Иліи, этотъ сугубый Илія (такъ какъ въ этомъ ученикѣ можно было видѣть сугубаго учителя), впослѣдствіи времени предвозвѣстилъ голодъ; не самъ навелъ его, какъ Илія, но только предсказалъ, что имѣетъ быть голодъ. Что же сдѣлалъ царь, царствовавшій въ то время? Онъ надѣлъ вретище, говорится въ Писаніи, потому что несчастіе смирило его; однако и смирившись такъ, но услышавъ, какъ одна жена оплакивала бѣд- 344
ствія, происшедшія отъ голода, онъ пришелъ тогда въ такой гнѣвъ, что тотчасъ воскликнулъ: *сія да сотворитъ ми Богъ, и сія да приложитъ, аще будетъ глава* Елисея, сына Сафата, *на немъ днесь* (4 Цар. VI, 31). Видишь ли гнѣвъ царя? Познай же любомудріе этой жены; она, встрѣтивъ того, кто не предсказалъ только, но навелъ голодъ, и находясь близъ города, не пришла въ негодованіе, не раздражилась, не призвала другихъ для наказанія его, но еще и послушалась его съ великою кротостію.

8. Вы знаете, что, когда мы заняты какимъ-нибудь нужнымъ дѣломъ, то часто и на близкихъ смотримъ не съ удовольствіемъ, и ими бываемъ не довольны; а если угнетаетъ насъ такая скорбь, то и самый свѣтъ кажется намъ непріятнымъ. И это опять можно видѣть изъ примѣра іудеевъ. Такъ, когда Моисей пришелъ къ іудеямъ, возвѣщая имъ безчисленныя блага, избавленіе отъ угнетенія, свободу и возвращеніе въ древнее отечество, тогда видѣвшіе его, сказано въ Писаніи, *не послушаша его отъ малодушія и отъ дѣлъ жестокихъ* (Исх. VI, 9). Они, увидѣвъ принесшаго такую радостную вѣсть, отвратились отъ него; а эта, увидѣвъ пророка, пришедшаго не съ тѣмъ, чтобы прекратить голодъ, но чтобы еще быть въ тягость ей, не почувствовала ничего подобнаго. Тѣ были такъ грубы вслѣдствіе тяжести работъ; а эта, будучи угнетена не трудомъ, но сильнымъ голодомъ (а между трудомъ и голодомъ великое различіе), не только не отвратилась отъ подошедшаго къ ней мужа, но истощила все бѣдное состояніе свое, чтобы принять того, кто навелъ на нихъ голодъ. *И иде,* говорится въ Писаніи, *взяти воды, и возопи* пророкъ *и рече: пріими убо мнѣ и хлѣба,* и *ямъ* (3 Цар. XVII, 11). Что же жена? И при этомъ она не обнаруживаетъ неудовольствія, а что говоритъ? *Живъ Господь Богъ твой, аще есть у мене опрѣснокъ, но токмо горсть муки* (3 Цар. XVII, 12). Почему она божится? Пророкъ просилъ хлѣба, а она хлѣба не имѣла. Она боялась, чтобы, пока она будетъ печь, жарить, приготовлять и поэтому медлить, пророкъ, потерявъ терпѣніе, не удалился, и такимъ образомъ, чтобы не ушла добыча гостепріимства. Поэтому она предварила его клятвою, сказавъ: не

муки у меня нѣтъ, но печенаго хлѣба, а мука есть. И не клятвою только она удостовѣряетъ его въ этомъ, но и самыми очевидными дѣлами. *И се азъ*, говоритъ, *соберу два полѣнца, и вниду, и сотворю е дѣтемъ моимъ, и снѣмы, и умремъ* (3 Цар. xvii, 12).

Пусть выслушаютъ это тѣ, которые строятъ великолѣпные домы, покупаютъ драгоцѣнныя помѣстья, водятъ по торжищу стада рабовъ; или—лучше—пусть слушаютъ всѣ, и богатые и бѣдные, потому что послѣ такой вдовицы не остается оправданія никому. Сколько препятствій было у ней, и однако она всѣ преодолѣла и превзошла. Слушай же: она была иноплеменница; это — одно препятствіе; была сидонянка — другое препятствіе, потому что не одно и тоже быть просто иноплеменникомъ, или принадлежать Сидону, нечестивѣйшему городу; этотъ городъ привелъ
345 въ примѣръ крайняго нечестія Христосъ въ Евангеліи. Итакъ, она была иноплеменница, и сидонянка, и женщина, — пола слабаго и во всѣхъ отношеніяхъ нуждающагося въ помощи. Притомъ была и вдова — четвертое препятствіе; пятое, и большее изъ всѣхъ — забота о пропитаніи дѣтей. Пусть выслушаютъ это вдовицы и питающія дѣтей: вотъ и это не служило предлогомъ къ тому, чтобы не творить милостыни и не принимать странниковъ; оставалась одна только горсть муки, и послѣ нея ожидалась смерть. Ты, если бы даже истратилъ всѣ деньги, если бы лишилъ себя всего имущества, можешь придти къ дверямъ другихъ и получить утѣшеніе; а тогда невозможно было и просить: голодъ закрылъ всѣ прибѣжища. Но ничто изъ всего этого не послужило препятствіемъ. Укажу и на седьмое препятствіе, — на того, кто имѣлъ быть принятымъ женою. Онъ былъ не близкій и не знакомый ей, но иностранецъ и чужой, и по самому богопочитанію былъ отдѣленъ отъ нея; и не только иностранецъ и чужой, но и тотъ самый, кто навелъ голодъ.

9. Но ничто подобное не остановило этой жены; она дала пищу устамъ, которыя истребили всю ея пищу, и виновника голода напитала остатками голода. Чрезъ тебя, говоритъ она, все мое состояніе осталось въ этой горсти; но и этой горсти я не щажу для тебя, а себя и дѣтей предамъ смерти, чтобы ты, виновникъ бѣдствія, не испыталъ ни малѣйшаго присутствія бѣдствія. Кто можетъ представить себѣ другой, высшій примѣръ гостепріимства? Невозможно найти никакого. Она увидѣла странника, и тотчасъ забыла о природѣ, перестала думать о болѣзняхъ рожденія, и, видя сонмъ дѣтей, не смутилась. Я знаю и часто слыхалъ, какъ многіе говорятъ, что одинъ человѣкъ, увидѣвъ бѣднаго, снялъ съ себя одежду, которою одною былъ одѣтъ, и одѣлъ ею нагого, а самъ занялъ одежду у другого и пошелъ;

и этотъ поступокъ кажется великимъ и удивительнымъ. Подлинно, онъ великъ; но поступокъ этой вдовицы гораздо выше его. Тотъ, обнаживъ себя и одѣвъ нагого, могъ взять одежду у другого; а эта, отдавъ горсть муки, не могла получить другой горсти; и не опасность наготы угрожала ей, но послѣ того ожидалась смерть ея самой и дѣтей. Итакъ, если ей не воспрепятствовали ни бѣдность ни забота о пропитаніи дѣтей, ни жестокій голодъ, ни такая нищета, ни ожидаемая смерть, то какое оправданіе будемъ имѣть мы, богатые, какое — бѣдные? *Живъ Господь Богъ твой, аще есть у мене опрѣснокъ, но токмо горсть муки въ водоносѣ, и мало елеа въ чванцѣ: и се азъ соберу два полѣнца, и вниду, и сотворю е дѣтемъ моимъ, и снѣмы, и умремъ.* Эти жалкія, или — лучше — эти блаженныя и достойныя небесъ слова пусть каждый начертаетъ на стѣнахъ дома своего, въ спальнѣ, въ которой мы спимъ, въ комнатѣ, въ которой обѣдаемъ. И дома, и на торжищѣ, и въ собра- 346
ніяхъ друзей, и отправляясь въ судилище, и входя, и выходя, пусть каждый повторяетъ эти слова; и я очень увѣренъ, что хотя бы кто былъ каменнымъ, желѣзнымъ, или адамантовымъ, онъ не позволитъ пришедшему нищему отойти съ пустыми руками, если начертаетъ эти слова, если будетъ имѣть предъ глазами эту вдовицу.

Но, можетъ быть, кто скажетъ: приведи и ко мнѣ пророка, и я приму его съ такою же благосклонностію. Обѣщай это, и я приведу къ тебѣ пророка. Что я говорю: пророка? Я приведу къ тебѣ самого Владыку пророка, общаго нашего Бога и Господа Христа. Онъ самъ говоритъ: видѣли Меня алчущимъ — и напоили. (Матѳ. xxv, 35). Если же нѣкоторые не вѣрятъ этимъ словамъ и нерадятъ о человѣколюбіи, то они узнаютъ это тогда — чрезъ наказаніе и мученіе, потому что, какъ пренебрегшіе самого Христа, они подвергнутся невыносимому наказанію. Такимъ образомъ тѣ, которые питаютъ бѣдныхъ, какъ послужившіе самому Христу, войдутъ въ царство небесное.

10. Можетъ быть, сказано больше надлежащаго. Но, о, если бы можно было во всѣ дни предлагать бесѣды о милостынѣ! Если же для васъ и это кажется достаточнымъ, то кратко повторимъ все сказанное. Я сказалъ, почему пророкъ былъ посланъ къ вдовицѣ, — чтобы ты не презиралъ бѣдности, чтобы ты не удивлялся богатству, чтобы ты не считалъ богатаго счастливымъ, а живущаго въ бѣдности несчастнымъ и жалкимъ, чтобы ты узналъ нечестіе іудеевъ. Когда Богъ намѣревается наказать, то Онъ обыкновенно и предъ нами оправдывается посредствомъ самыхъ дѣлъ, чтобы ты впослѣдствіи, увидѣвъ общаго всѣхъ Спасителя гонимымъ іудеями и принимаемымъ язычниками, не удивлялся и не

смущался, напередъ узнавъ неблагодарность первыхъ и свойственный имъ обычай гнать благодѣтелей; чтобы ты не думалъ, будто молитва пророка и продолженіе наказанія было дѣломъ жестокости, но считалъ дѣломъ божественной ревности и заботливости; чтобы ты узналъ, что при величайшихъ подвигахъ наша природа имѣетъ нужду и во вразумленіи; чтобы ты, получая побужденія къ ревности, одинаковой съ ревностію пророка, не считалъ подражанія дѣломъ невозможнымъ. Сказалъ я о вдовицѣ, какъ она, находясь въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, изнуряемая голодомъ, не произнесла даже укорительнаго слова пророку, хотя это было естественно, какъ показалъ я изъ примѣра іудейской надменности; она не обнаружила ничего такого, но приняла пророка со всѣмъ дружелюбіемъ, и все бѣдное состояніе свое истощила въ честь его, несмотря на то, что была сидонянкою и иноплеменницею, и не слыхала ни пророковъ, любомудрствующихъ о милостынѣ, ни Христа говорящаго: видѣли Меня алчущимъ, и напитали. Какое же оправданіе будетъ у насъ, если мы, послѣ такихъ увѣщаній, послѣ обѣтованія такихъ наградъ и царства небеснаго, не достигнемъ до степени человѣколюбія одинаковой съ этою вдовицею? Она была сидонянка, иноплеменница, женщина вдовая, заботилась о многихъ дѣтяхъ, видѣла опасность голода и угрожающую смерть, имѣла принять человѣка незнакомаго и наведшаго голодъ, и однако не пожалѣла горсти муки;
317—348 а мы, получивъ пророчества, пользуясь божественнымъ ученіемъ, будучи въ состояніи много любомудрствовать о будущемъ, не видя притомъ и угрожающаго голода и владѣя гораздо бо́льшимъ имуществомъ, чѣмъ эта жена, какое можемъ представить оправданіе, когда жалѣемъ своего имущества и нерадимъ о собственномъ спасеніи? Итакъ, чтобы намъ избѣжать тѣхъ жестокихъ наказаній, будемъ оказывать всякое состраданіе къ бѣднымъ, дабы и намъ удостоиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о наслажденіи будущими благами и ничтожествѣ настоящихъ.

347 1. Силенъ жаръ и томителенъ зной, но не ослабилъ онъ вашего усердія и не изсушилъ расположенія къ слушанію (поученій). Таковъ пламенный и внимательный слушатель: подкрѣпляемый любовію къ слушанію, онъ легко перенесетъ все, только бы

исполнить это прекрасное и духовное желаніе свое, и—ни холодъ, ни зной, ни множество дѣлъ и заботъ, ни другое что-либо подобное не можетъ остановить его, тогда какъ лѣниваго и безпечнаго не пробудятъ—ни благорастворенiе воздуха, ни досугъ и свобода, ни удобство и легкость; нѣтъ, онъ продолжаетъ спать какимъ-то сномъ, достойнымъ всякаго осужденія. Но вы не таковы; нѣтъ, вы—лучшіе изъ живущихъ въ нашемъ городѣ. И точно, первые люди въ городѣ—вы, которые всегда такъ внимательны и бодры, и неотступно слѣдите за поученіями. Это зрѣлище [1]) для меня величественнѣе царскихъ чертоговъ. Что тамъ дается, то, каково бы ни было, прекращается вмѣстѣ съ настоящею жизнію, и причиняетъ множество безпокойствъ и тревогъ, а здѣсь ничего такого нѣтъ, напротивъ, и совершенная безопасность, и честь, свободная отъ тревогъ, и власть (ἀρχαί), неимѣющая конца, не прекращаемая и смертію, но тогда-то и дѣлающаяся болѣе безопасною. Въ самомъ дѣлѣ, не говори мнѣ, что такой-то возсѣдаетъ на колесницѣ, высоко поднимаетъ брови и окруженъ толпою тѣлохранителей; не говори ни объ его поясѣ, ни о крикѣ глашатая. Нѣтъ, покажи мнѣ отличіе начальника не въ этомъ, но въ его состояніи по душѣ, то есть, управляетъ ли онъ своими страстями, побѣждаетъ ли недуги (сердца), напримѣръ, обуздываетъ ли пристрастіе къ деньгамъ, укрощаетъ ли ненасытную любовь плотскую, не сохнетъ ли отъ зависти, не возмущается ли сильною страстію тщеславія, не боится ли и не трепещетъ ли бѣдности или неблагопріятной перемѣны, не умираетъ ли отъ этого страха. Такого-то покажи мнѣ начальника; вотъ
это—власть. Но если онъ, управляя людьми, самъ раболѣпствуетъ 348
страстямъ, о такомъ я скажу, что это рабъ болѣе всѣхъ людей. У кого внутри гнѣздится горячка, о томъ, хоть внѣшній видъ тѣла и нисколько не показываетъ этой болѣзни, врачи однакожъ навѣрное говорятъ, что онъ одержимъ сильною горячкой, тогда какъ простые люди этого не знаютъ. Такъ и я о человѣкѣ, у котораго душа въ рабствѣ и въ плѣну у страстей, не смотря на то, что внѣшній видъ его ничего такого не показываетъ, а (показываетъ) противное, скажу, что онъ — болѣе всѣхъ рабъ, потому что въ немъ глубоко гнѣздится грѣховная горячка, и насильственная власть страстей утвердилась въ самой душѣ. А кто сбросилъ съ себя эту власть, не увлекается злыми пожеланіями, и не страшится, не трепещетъ безразсудно нищеты и безславія, и прочихъ тягостей настоящей жизни, того, хоть онъ одѣтъ въ

[1]) т. е. собраніе въ церкви слушателей внимательныхъ.

рубище, сидитъ въ тюрьмѣ и закованъ въ цѣпи, назову начальникомъ, и свободнымъ, и царственнѣе царей.

2. Такая власть не покупается за деньги, и не имѣетъ завистниковъ; ея не знаютъ ни языкъ злорѣчиваго, ни глазъ зложелателя, ни ухищренія коварныхъ; нѣтъ, живя какъ бы въ неприступномъ убѣжищѣ любомудрія, она всегда остается неодолимою, и не уступаетъ не только другимъ обстоятельствамъ, но и самой смерти.

Это доказываютъ мученики: тѣла ихъ разрушились и обратились въ прахъ и пыль, но власть каждый день живетъ и дѣйствуетъ,—прогоняетъ демоновъ, искореняетъ недуги, возбуждаетъ цѣлые города и ведетъ сюда народъ. Сила этой власти, не только при жизни обладающихъ ею, но и по смерти ихъ, такова, что никто по принужденію, а всѣ идутъ сюда по доброй волѣ и съ
349 охотою, и нисколько не утомлются продолжительностію [1]). Видите, не напрасно я сказалъ, что это зрѣлище—величественнѣе царскихъ чертоговъ. Тамошнее похоже на засыхающія листья и мимотекующія тѣни, а даруемое здѣсь подобно алмазу, даже и его тверже, потому что вѣчно, непоколебимо и не подлежитъ никакой перемѣнѣ, безбоязненно приходитъ къ любящимъ его, свободно отъ брани и распри, отъ зависти и судилищъ, отъ козней и клеветы. Блага мірскія имѣютъ много завистниковъ, а духовныя, чѣмъ большему числу людей достаются, тѣмъ обильнѣе оказываются. Въ этомъ можно убѣдиться и изъ настоящаго слова. Если это слово, которое передаю всѣмъ, удержу я у себя, то буду бѣднѣе, а когда сообщаю всѣмъ, то, какъ бы бросая сѣмена въ чистую землю, умножаю тѣмъ свое достояніе, увеличиваю богатство, васъ всѣхъ дѣлаю богаче, да и самъ не дѣлаюсь отъ этого бѣднѣе, напротивъ — еще гораздо богаче. Не такъ съ деньгами, а совершенно напротивъ. Если бы у меня въ кладовой было золото, и я захотѣлъ раздавать его всѣмъ,—мое богатство, умаляясь чрезъ эту раздачу, не могло бы оставаться въ прежнемъ своемъ количествѣ.

3. Итакъ, когда духовныя блага такъ превосходны, когда получить ихъ весьма легко, такъ какъ онѣ желающимъ сообщаются даромъ, то возлюбимъ ихъ болѣе (всего), а тѣни бросимъ, и не будемъ бѣжать къ стремнинамъ и подводнымъ камнямъ. Чтобы усилить въ насъ эту любовь (къ благамъ духовнымъ), Богъ устроилъ такъ, чтобы мірскія блага исчезали еще прежде смерти своего обладателя. Въ самомъ дѣлѣ, не тогда, какъ скончается

---

[1]) т. е. какъ путешествія на поклоненіе св. мученикамъ, такъ и церковной службы, въ храмѣ ихъ совершаемой.

обладатель ихъ, не тогда только и онѣ кончаются, напротивъ, вянутъ и умираютъ еще при жизни его, чтобы скоротечность ихъ отвела отъ этой страшной заразы и самыхъ страстныхъ и безумныхъ искателей ихъ, открывая природу этихъ благъ и научая опытомъ, что онѣ безсильнѣе тѣни, и чрезъ это искореняя въ людяхъ самую любовь къ нимъ. Напримѣръ: богатство не только изчезаетъ съ кончиною богатаго, но даже оставляетъ его и при жизни; молодость убѣгаетъ отъ обладающаго ею, не только тогда, когда онъ скончается, но и когда еще дышетъ: она кончается на пути зрѣлаго возраста и уступаетъ старости. Равно и красота и благообразіе, еще при жизни женщины, кончается и переходитъ въ безобразіе; слава и могущество—тоже; почести и власть—однодневны и кратковременны, умираютъ скорѣе людей, обладающихъ ими; словомъ, мы видимъ, что и вещи [1]) ежедневно гибнутъ такъ же, какъ и тѣла (человѣческія). А это для того, чтобы мы, пренебрегая настоящимъ, прилѣплялись къ будущему, и искали наслажденія въ послѣднемъ, чтобы, ходя по землѣ, сердцемъ жили на небесахъ. Богъ создалъ два вѣка, одинъ настоящій, другой будущій, одинъ чувственный, другой духовный, одинъ доставляющій тѣлесное успокоеніе, другой — не тѣлесное (душевное), одинъ на опытѣ, другой въ надеждахъ, одному повелѣлъ быть поприщемъ, другому—мѣстомъ награды, первому въ 350
удѣлъ назначилъ борьбу, труды и подвиги, второму—вѣнцы, награды и воздаянія, одинъ сдѣлалъ моремъ, другой пристанью, одинъ—краткимъ, другой—нестарѣющимся и безконечнымъ. Итакъ, поелику многіе люди предпочитали духовнымъ благамъ чувственныя, то въ удѣлъ этимъ благамъ Онъ назначилъ скоротечность и кратковременность, чтобы, отвлекши этимъ отъ настоящаго, привязать людей крѣпкою любовію къ будущимъ благамъ. А такъ какъ эти послѣднія блага невидимы и духовны, существуютъ въ вѣрѣ и въ надеждахъ, то смотри, что Онъ дѣлаетъ. Пришедши сюда, принявъ нашу плоть и совершивъ чудное то домостроительство, Онъ чрезъ это будущія блага полагаетъ намъ предъ глазами, и такимъ образомъ удостовѣряетъ (въ ихъ существованіи) грубые умы наши. Такъ какъ онъ пришелъ, чтобы принести (къ намъ) жизнь ангельскую, землю сдѣлать небомъ, и дать (намъ) такія заповѣди, которыя исполняющихъ ихъ уподобляли бы безплотнымъ силамъ, то и сдѣлалъ людей ангелами, призвалъ ихъ къ высшимъ надеждамъ, расширилъ тѣсныя поприща (для борьбы), повелѣлъ стремиться къ высшему, восходить къ самымъ верхнимъ кругамъ небеснымъ, выступать противъ демоновъ

[1]) т. е. земныя блага.

и сражаться со всѣмъ воинствомъ діавола, (повелѣлъ) имѣя тѣло и находясь въ узахъ плоти, умерщвлять тѣла, прекращать волненіе страстей, плоть, какъ бы то ни было, носить на себѣ, и въ то же время усильно стараться сравниться съ безплотными силами.

4. Такъ какъ Онъ заповѣдалъ это, то смотри, что дѣлаетъ, какъ облегчаетъ подвигъ. Впрочемъ, если угодно, напередъ скажемъ о важности заповѣдей,—о томъ, какой высокій полетъ Онъ указалъ намъ, какъ, выводя почти изъ предѣловъ природы человѣческой, повелѣлъ всѣмъ переселиться на небо. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ законъ (Моисеевъ) повелѣваетъ: *око за око* (Исх. XXI, 24), Онъ говоритъ: *аще кто ударитъ тя въ десную ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. V, 39). Не сказалъ: только перенеси обиду благодушно и съ кротостію, но: поди еще дальше въ любомудріи, будь готовъ терпѣть больше, чѣмъ сколько хочется обидчику; великостью твоего терпѣнія побѣди дерзкую наглость его, пусть онъ удивится необычайной кротости твоей, и съ тѣмъ отойдетъ прочь. И далѣе говоритъ: *молитеся за творящихъ вамъ напасть*; молитеся за *враговъ вашихъ; добро творите ненавидящимъ васъ* (ст. 44). Предложилъ совѣтъ и о дѣвствѣ, говоря: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. XIX, 12). Такъ какъ оно, послѣ преслушанія (Адамова), отлетѣло и удалилось изъ рая, то Онъ, сошедши съ неба, опять приводитъ его, возвращая, какъ будто бѣглеца, въ прежнее отечество, и освобождая изъ дальней ссылки; пришедши (на землю), Онъ самъ родился отъ Дѣвы и перемѣнилъ законы природы; а такимъ образомъ въ самомъ началѣ (своей земной жизни) почтилъ дѣвство, являя матерь свою дѣвою. Итакъ, поелику Онъ, пришедши (на землю), предписывалъ такія заповѣди и требовалъ (отъ насъ) высокой жизни, то и награды давалъ соразмѣрныя трудамъ, и даже бòльшія и высшія. Но и эти (награды) были невидимы, только—въ надеждахъ, въ вѣрѣ и ожиданіи будущаго. Такъ какъ, заповѣди трудны и возвышенны, а воздаянія
851 и награды—въ вѣрѣ, смотри, что Онъ дѣлаетъ, какъ облегчаетъ подвигъ, какъ помогаетъ въ борьбѣ. Какъ и какимъ способомъ? Двумя слѣдующими путями: во-первыхъ, тѣмъ, что Самъ исполнилъ заповѣди, а во-вторыхъ, тѣмъ, что показалъ и положилъ предъ глазами (людей) награды. Одну часть Его ученія составляли заповѣди, а другую—награды. Заповѣдь: *молитеся за творящихъ вамъ напасть и изгоняющыя (вы)* (Матѳ. V, 44), а награда: *да будете сынове Отца вашего, иже на небесѣхъ* (ст. 45). Опять: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и иждenутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы, лжуще. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (ст. 11, 12). Видишь, одно—заповѣдь, а другое — награда? Опять: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое,*

и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ Мене, и имѣти имаши сокровище на небеси (Матѳ. XIX, 21). Видишь иную заповѣдь и награду? Одно повелѣлъ имъ (ученикамъ) дѣлать, а другое Самъ приготовилъ, и это было наградою и возмездіемъ. И опять: *всякъ, иже оставитъ домъ, и братію, и сестры,* — это заповѣдь; *сторицею пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдитъ* (ст. 29), — это награда и вѣнецъ.

5. Итакъ, поелику заповѣди были важны, а награды за (исполненіе) ихъ невидимы, — вотъ, что Онъ дѣлаетъ: Самъ выполняетъ ихъ на дѣлѣ, и вѣнцы полагаетъ намъ предъ глазами. Кому велятъ идти по непробитой дорогѣ, тотъ скорѣе и охотнѣе пойдетъ по ней, если увидитъ, что кто-нибудь пошелъ впереди его. Такъ и въ отношеніи къ заповѣдямъ, легко слѣдуютъ тѣ, которые видятъ идущихъ впереди ихъ. Итакъ, чтобы природѣ нашей легче было слѣдовать, Онъ, принявъ нашу плоть и природу, пошелъ въ ней и выполнилъ заповѣди на дѣлѣ. Такъ заповѣдь: *аще кто тя ударитъ въ десную ланиту, обрати ему и другую,* Онъ самъ исполнилъ, когда служитель архіерейскій ударилъ Его по щекѣ; Онъ не отмстилъ ему, но перенесъ съ такою кротостію, что сказалъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что мя біеши* (Іоан. XVIII, 23)? Видишь ли кротость, приводящую въ трепетъ? Видишь ли смиреніе, поражающее изумленіемъ? Получилъ ударъ не отъ какого-нибудь свободнаго человѣка, но отъ служителя, взросшаго подъ бичемъ, родившагося въ рабствѣ — и отвѣчаетъ съ такою кротостію! Такъ и Отецъ Его говорилъ іудеямъ: *людіе мои, что сотворихъ вамъ, или чимъ оскорбихъ васъ, или чимъ стужихъ вамъ? Отвѣщайте* (Мих, VI, 3). Какъ онъ говоритъ: *свидѣтельствуй о злѣ,* такъ и Отецъ Его: *отвѣщайте ми.* Какъ Онъ говоритъ: *что мя біеши?* такъ и Отецъ: *чимъ оскорбихъ васъ, или чимъ стужихъ?* Опять, когда Онъ хотѣлъ научить нестяжательности, смотри, какъ Самъ показываетъ ее на дѣлѣ, говоря: *лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити* (Матѳ. VIII, 20). Видишь, какая крайняя нестяжательность? Не было у Него ни стола, ни свѣтильника, ни дома, ни стула, ни другого чего такого. Училъ Онъ благодушно переносить злословіе, и показалъ это на дѣлѣ. Такъ, когда (іудеи) называли Его бѣсноватымъ и самаряниномъ, Онъ, хоть и могъ погубить и отомстить имъ за обиду, не сдѣлалъ однакожъ этого, напротивъ еще оказалъ имъ добро и изгналъ изъ нихъ демо- 352
новъ. Сказавъ: *молитеся за творящихъ вамъ напасть,* Самъ исполнилъ это, когда взошелъ на крестъ: когда Его распяли и пригвоздили (ко кресту), Онъ, вися на крестѣ, сказалъ: *отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Говорилъ же это не

потому, чтобы Самъ не могъ отпустить, но — чтобы научить насъ молиться за враговъ. Такъ какъ Онъ не только училъ на словахъ, но и выполнялъ свое ученіе на дѣлѣ, поэтому употребилъ и молитву. Итакъ, никто изъ еретиковъ, видя великое человѣколюбіе Его, да не думаетъ, будто эти слова показываютъ немощь Его. Онъ самъ сказалъ: *но да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи* (Матѳ. IX, 6). Нѣтъ, Онъ хотѣлъ учить, а учащій вводитъ свое ученіе, не только словами, но и дѣлами своими. Поэтому Онъ употребилъ и молитву. Такъ Онъ умылъ и ноги ученикамъ не потому, чтобы былъ меньше ихъ; нѣтъ, Онъ, будучи Богъ и Господь, только снизошелъ до такого смиренія.

6. Вотъ почему Онъ и говорилъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. XI, 29). А какъ еще иначе Онъ показалъ и положилъ намъ предъ глазами самыя награды и воздаянія, — послушай. Обѣщалъ Онъ воскресеніе тѣлъ, нетлѣніе, срѣтеніе (Его) на воздухѣ, восхищеніе на облакахъ; и это доказалъ на дѣлѣ. Какъ и какимъ способомъ? Тѣмъ, что, умерши, воскресъ; для того и былъ Онъ вмѣстѣ съ ними (учениками) въ продолженіе сорока дней, чтобы удостовѣрить ихъ и вразумить, каковы будутъ наши тѣла по воскресеніи. Опять, сказавъ чрезъ Павла: *восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе* Его *на воздусѣ* (1 Солун. IV, 17). Онъ и это доказалъ дѣлами. По воскресеніи, когда благоволилъ взойти на небо, Онъ, въ присутствіи ихъ (учениковъ), *взятся*, сказано, *и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ; и взирающе бяху, идущу Ему* (Дѣян. I, 9). Значитъ, и наше тѣло будетъ сообразно Его тѣлу, потому что изъ одного съ нимъ вещества, такъ какъ что съ главою, то и съ тѣломъ; что съ началомъ, то и съ концомъ. Это желая показать яснѣе, и Павелъ сказалъ: *иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его* (Филип. III, 21). Итакъ, если наше тѣло будетъ сообразно (тѣлу Іисуса Христа), то и пойдетъ тѣмъ же путемъ, и такъ же поднимется на облакахъ. Этого ожидай и ты въ воскресеніе. Такъ какъ слово о царствіи было темно для слушавшихъ Его тогда, потому Онъ, взошедши на гору, преобразился предъ учениками своими (Матѳ. XVII, 1, 2), чтобы открыть имъ будущую славу, и какъ бы въ зеркалѣ и хоть не ясно показать, каково будетъ наше тѣло. Но тогда [1]) явилось (тѣло) въ одеждахъ, а въ воскресеніе не такъ. Тѣло наше уже не будетъ нуждаться ни въ одеждахъ, ни въ покровѣ, ни въ домѣ, ни въ другомъ чемъ-либо подобномъ. Если Адамъ до преступленія не стыдился своей наготы,

[1]) т. е. во время преображенія Господня.

потому что облеченъ былъ славою, — тѣмъ болѣе наши тѣла, перешедши въ высшее и лучшее состояніе, не будутъ ни въ чемъ этомъ нуждаться. Поэтому-то и самъ Господь, когда воскресъ, то одежды свои оставилъ во гробѣ и въ пещерѣ погребальной, а тѣло воскресилъ нагимъ, окруженнымъ несказанною славою и 353—354
блаженствомъ. Зная это, возлюбленные, и будучи вразумлены словами и научены глазами, станемъ вести такую жизнь, чтобы, какъ восхищены будемъ на облакахъ, всегда жить вмѣстѣ съ Нимъ, и, спасшись Его благодатію, наслаждаться вѣчными благами, которыя да получимъ всѣ мы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о томъ, что не должно разглашать грѣховъ братій и молиться о вредѣ врагамъ.

1. Ублажаю васъ, возлюблечные, за усердіе, съ какимъ вы 353—354
стекаетесь въ отеческій домъ. Изъ этого усердія я съ увѣренностію заключаю и о душевномъ вашемъ здоровьѣ, потому что церковное училище есть дивная лѣчебница, лѣчебница не для тѣлъ, но для душъ. Она—духовна и исцѣляетъ не раны тѣлесныя, но грѣхи душевные; а для этихъ ранъ, грѣховъ, врачество—слово. Это врачество составлено не изъ растеній земныхъ, но изъ глаголовъ небесныхъ; его приготовили не руки врачей, но уста 355
пророковъ. Потому-то оно и всегда дѣйствительно; ни отъ продолжительности времени не ослабѣваетъ, ни отъ упорства болѣзней не теряетъ силу. Лѣкарства врачей имѣютъ оба эти недостатка: свѣжія они оказываютъ свою силу, а когда пройдетъ много времени, они, подобно состарившимся тѣламъ, становятся слабыми; часто также и упорство болѣзней лишаетъ ихъ силы, потому что они—лѣкарства человѣческія; а божественное врачество не таково, но и по прошествіи долгаго времени сохраняетъ всю свою силу. Съ того времени, какъ жилъ Моисей (ибо отъ него начало Писаній), оно уврачевало столько людей, и не потеряло своей силы; и никакая болѣзнь никогда не дѣлала его недѣйствительнымъ. Получать это врачество нужно не платою серебра, но кто имѣетъ искреннее желаніе и расположеніе, тотъ и получаетъ его себѣ всецѣло. Поэтому и богатые и бѣдные одинаково пользуются этимъ врачествомъ. Тамъ, гдѣ нужно платить деньги, богатый получаетъ пользу, а бѣдный часто уходитъ, не получивъ пользы, потому что

доходовъ его недостаточно для пріобрѣтенія лѣкарства. А здѣсь, такъ какъ не нужно тратить серебра, но должно показать вѣру и желаніе, то кто принесъ ихъ съ усердіемъ, тотъ больше всего и получаетъ пользу, потому что они (вѣра и желаніе) — плата за врачество. И богатый и бѣдный одинаково участвуютъ въ пользѣ, или—лучше—не одинаково участвуютъ въ пользѣ, но часто бѣдный уходитъ, получивъ большую. Почему? Потому, что богатый, занятый многими заботами, надменный гордостію, происходящею отъ богатства, преданный лѣности и безпечности, не съ великою ревностію и не съ великимъ усердіемъ принимаетъ врачество слушанія Писаній; а бѣдный, свободный отъ роскоши, невоздержанія и безпечности, употребляя все время на рукодѣлія и праведные труды, и отъ этого пріобрѣтая въ душѣ великое любомудріе, бываетъ болѣе внимательнымъ и твердымъ и съ большимъ усердіемъ внимаетъ сказанному, и потому, какъ принесшій большую плату, онъ уходитъ, получивъ большую пользу.

2. Это сказалъ я не въ осужденіе богатымъ вообще, и не въ похвалу бѣднымъ вообще, потому что и ни богатство — не зло, но зло—худое употребленіе богатства; ни бѣдность—не добро, но доброе пользованіе бѣдностію — добро. Богачъ, жившій при Лазарѣ, наказанъ не за то, что былъ богатъ, но за то, что былъ жестокъ и безчеловѣченъ. Бѣдный, почивающій въ нѣдрахъ Авраама, удостоился похвалы не за то, что былъ бѣденъ, но за то, что съ благодареніемъ переносилъ бѣдность. Изъ предметовъ (внимательно выслушайте эти слова, потому что они могутъ сообщить вамъ достаточное любомудріе, изгнать всякій развратный помыслъ и внушить правильное сужденіе о вещахъ), изъ предметовъ одни хороши по своему свойству, другіе напротивъ, а иные ни хороши, ни худы, но занимаютъ среднее мѣсто. Благочестіе хорошо по своему свойству, нечестіе худо; добродѣтель хороша, порокъ худъ;
356 а богатство и бѣдность сами по себѣ ни то, ни другое, но по волѣ пользующихся ими становятся или тѣмъ, или другимъ. Если ты употребляешь богатство на дѣла человѣколюбія, то этотъ предметъ послужилъ для тебя поводомъ къ добру; а если—на хищеніе, любостяжаніе и обиды, то ты обратилъ употребленіе его къ противному; но не богатство причиною этого, а тотъ, кто употребилъ богатство въ обиду ближнимъ. То же нужно сказать и о бѣдности; если ты мужественно переносишь ее, благодаря Господа, то этотъ предметъ послужилъ для тебя поводомъ и случаемъ къ полученію вѣнцовъ; а если ты за нее хулишь Создателя и осуждаешь промыслъ Его, то ты употребилъ ее во зло. Какъ тамъ не богатство бываетъ причиною корыстолюбія, но худо пользующійся богатствомъ, такъ и здѣсь не бѣдность мы будемъ обвинять въ

богохульствѣ, но того, кто не захотѣлъ благоразумно переносить ее. Всегда и хвала и ропотъ зависятъ отъ нашей воли и расположенія. Богатство хорошо, но не вообще, а для того, кому оно не служитъ въ грѣхъ; равнымъ образомъ и бѣдность худа, но не вообще, а въ устахъ нечестиваго, когда онъ ропщетъ, когда богохульствуетъ, когда негодуетъ, когда обвиняетъ Создателя.

3 Итакъ, не будемъ осуждать богатства, не будемъ порицать и бѣдности вообще, но — тѣхъ, которые не хотятъ хорошо пользоваться ими, потому что сами по себѣ они вещи безразличныя. Но, какъ я говорилъ (хорошо обратиться къ прежнему предмету), и богатый и бѣдный съ одинаковою свободою и смѣлостію пользуются здѣшними лѣкарствами, и даже часто бѣдный—съ большимъ усердіемъ. И не въ томъ только особенность этихъ лѣкарствъ, что они врачуютъ души, что не портятся отъ продолжительности времени, что не теряютъ своей силы отъ упорства болѣзни, что польза отъ нихъ предлагается даромъ, что это врачеваніе одинаково доступно и богатымъ и бѣднымъ, но въ нихъ есть и нѣчто другое, не меньшее этихъ благъ. Какое же именно? То, что о приходящихъ въ эту лѣчебницу мы не разглашаемъ. Приходящіе во внѣшнія лѣчебницы находятъ много зрителей ихъ ранъ, и если врачъ напередъ не откроетъ раны, то не прилагаетъ врачества; а здѣсь не такъ, но, видя множество страждущихъ, мы незамѣтнымъ образомъ совершаемъ ихъ врачеваніе. Мы не выводимъ грѣшниковъ на средину, чтобы такимъ образомъ объявить ихъ грѣхи, но, предлагая общее для всѣхъ ученіе, предоставляемъ совѣсти слушателей, чтобы каждый извлекалъ изъ сказаннаго врачество, соотвѣтствующее собственной его ранѣ. Слово ученія проистекаетъ изъ устъ говорящаго, заключая въ себѣ осужденіе порока, похвалу добродѣтели, укоризну разврату, хвалу цѣломудрію, осужденіе гордости, похвалу кротости, какъ бы различное и разнообразное, составленное изъ всѣхъ видовъ, лѣкарство; но взять пригодное и полезное для себя, это — дѣло каждаго изъ слушателей. Слово проистекаетъ открыто, но, внѣдряясь въ совѣсть каждаго, оно незамѣтнымъ образомъ производитъ свое врачеваніе, и часто еще прежде, нежели открылась болѣзнь, оно возвращаетъ здоровье.

4. Вы слышали вчера, какъ я прославлялъ силу молитвы, какъ осуждалъ тѣхъ, которые молятся небрежно, но никого изъ 357
нихъ я не объявилъ. Тѣ, которые сознали свое усердіе, получили похвалу за молитву и отъ похвалъ сдѣлались еще болѣе усердными; а тѣ, которые сознали свою небрежность, получили вразумленіе и оставили свое нерадѣніе; но ни тѣхъ, ни другихъ мы не знаемъ, и это незнаніе полезно и тѣмъ, и другимъ· а какъ это,

я скажу. Кто слышалъ похвалы за молитву и сознавалъ свое усердіе, тотъ впалъ бы въ гордость, если бы имѣлъ многихъ свидѣтелями похвалъ; а теперь, незамѣтно получивъ похвалу, онъ далекъ отъ всякаго тщеславія. Также и тотъ, кто сознавалъ свою небрежность, выслушавъ осужденіе, сдѣлался отъ осужденія лучшимъ, не имѣя никого изъ людей свидѣтелемъ вразумленія; а это принесло ему не малую пользу. Въ самомъ дѣлѣ, дорожа мнѣніемъ многихъ, мы, будучи худыми, пока думаемъ, что насъ не знаютъ, стараемся быть лучшими; а когда сдѣлаемся всѣмъ извѣстными и потеряемъ одобреніе, происходящее отъ неизвѣстности, то становимся болѣе безстыдными и нерадивыми. И какъ раны, открытыя и часто подвергающіяся вліянію холоднаго воздуха, дѣлаются болѣе жестокими, такъ и душа согрѣшившая становится болѣе безстыдною, если предъ многими обличается въ томъ, въ чемъ она согрѣшила. Итакъ, чтобы этого не случилось, слово наше врачевало васъ незамѣтно. А чтобы вы убѣдились, что это тайное врачеваніе приноситъ большую пользу, послушайте, что говоритъ Христосъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, обличи его;* не сказалъ: между тобою и городомъ, или между тобою и народомъ, но: *между тобою и тѣмъ единѣмъ* (Матѳ. XVIII, 15). Безъ свидѣтелей, говоритъ, пусть будетъ обличеніе, чтобы легко было измѣненіе къ лучшему. Такимъ образомъ великое благо дѣлать увѣщаніе не всенародное; довольно совѣсти, довольно этого неподкупнаго судіи. Не столько ты укоряешь согрѣшившаго, сколько собственная его совѣсть,— это болѣе горькій обвинитель,—и ты не точнѣе знаешь его проступки. Не прибавляй же раны къ ранамъ, объявляя согрѣшившаго, но дѣлай увѣщаніе безъ свидѣтелей. Это и мы дѣлаемъ теперь, какъ дѣлалъ и Павелъ, безъ свидѣтелей устрояя обличеніе согрѣшившаго между коринѳянами. И послушай, какъ это. Потому, говоритъ онъ, *братіе, преобразихъ сія на себѣ и Аполлоса* (1 Кор. IV, 6). Не самъ онъ и не Аполлосъ раздѣляли народъ и производили расколъ въ церкви; и между тѣмъ онъ неясно высказалъ обличеніе и, прикрывъ лица виновныхъ своимъ и Аполлосовымъ именами, какъ бы нѣкоторыми масками, далъ имъ возможность освободиться отъ такого нечестія. И еще: *да не паки пришедша мя смиритъ Богъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшившихъ и не покаявшихся о нечистотѣ и блуженіи, яже содѣяша* (2. Кор. XII, 21). Смотри, какъ и здѣсь неопредѣленно говоритъ онъ о согрѣшившихъ, чтобы, сдѣлавъ явное обличеніе, не довести души согрѣшившихъ до большаго безстыдства. Поэтому, какъ мы съ такою осторожностію дѣлаемъ обличенія, такъ и вы, увѣщеваю васъ, со всѣмъ усердіемъ принимайте исправленіе и тщательно внимайте тому, что говорится.

5. Мы говорили вамъ вчера о силѣ молитвы. Я показалъ, 358
какъ злобный діаволъ тогда строитъ козни. Такъ какъ онъ видитъ, что молитва доставляетъ намъ величайшую пользу, то особенно тогда и нападаетъ, чтобы отнять у насъ защиту, чтобы отпустить насъ домой съ пустыми руками. И какъ у начальствующихъ приближенные и находящіеся подлѣ самаго начальника, взирая враждебно на приходящихъ къ нему, далеко прогоняютъ ихъ палками, не дозволяя приблизиться, высказать свою скорбь и получить милость, такъ и діаволъ, видя приступающихъ къ Судіи, далеко прогоняетъ ихъ, не палкою, а нерадѣніемъ. Онъ знаетъ, хорошо знаетъ, что если они приступятъ бодрственно, и выскажутъ свои грѣхи, и возрыдаютъ пламенною душею, то отойдутъ, получивъ великое прощеніе,—потому что человѣколюбивъ Богъ; вотъ онъ и предупреждаетъ ихъ и отклоняетъ отъ собесѣдованія съ Богомъ, чтобы они не получили ничего, въ чемъ нуждаются. Воины начальствующихъ съ насиліемъ отгоняютъ приходящихъ, а этотъ—не дѣлая насилія, но обольщая насъ и ввергая въ нерадѣніе. Поэтому мы и недостойны прощенія, добровольно лишая благъ сами себя. Молитва, совершаемая съ усердіемъ, есть свѣтъ для ума и души, свѣтъ неугасаемый и постоянный. Поэтому діаволъ влагаетъ тысячи нечистыхъ помысловъ въ наши умы, и о чемъ мы никогда не думали, то собравъ во время молитвы вливаетъ въ наши души. И какъ вѣтры, часто стремясь съ противныхъ сторонъ, погашаютъ своимъ дуновеніемъ зажженный огонь свѣтильника, такъ и діаволъ, видя зажженнымъ въ насъ пламень молитвы, навѣваетъ отсюда и оттуда тысячи заботъ и не отстаетъ до тѣхъ поръ, пока не погаситъ свѣта. Но что дѣлаютъ зажигающіе тѣ свѣтильники, тоже будемъ дѣлать и мы. Что же они дѣлаютъ? Когда они видятъ, что устремляется сильный вѣтеръ, то, закрывъ пальцемъ отверстіе свѣтильника, заграждаютъ входъ вѣтру. Пока діаволъ нападаетъ извнѣ, мы будемъ въ состояніи противиться; когда же откроемъ ему двери души и примемъ врага внутрь, то уже не сможемъ нимало противиться ему, но, со всѣхъ сторонъ помрачивъ нашу память, какъ бы дымящійся свѣтильникъ, онъ оставитъ только уста—произносить пустыя слова. Но какъ тѣ закрываютъ пальцемъ отверстіе свѣтильника, такъ и мы оградимъ разумомъ нашу душу, заградимъ входъ злому духу, чтобы онъ не погасилъ свѣта нашей молитвы. Помните ли тотъ и другой примѣръ,—воиновъ и начальника, и свѣтильника? Для того мы предлагаемъ вамъ примѣры изъ предметовъ, съ которыми мы обращаемся, которые близки къ намъ, чтобы, вышедши отсюда и находясь дома, вы возобновляли въ памяти сказанное чрезъ предметы, которые на-

ходятся въ нашихъ рукахъ. Молитва — великое оружіе, великая защита.

6. Вы слышали вчера, какъ три отрока связанные сокрушили силу огня, какъ попрали пламень, какъ превзошли печь и восторжествовали надъ дѣйствіемъ стихіи? Послушайте сегодня опять, какъ доблестный и великій Исаакъ молитвою преодолѣлъ
359 самую природу тѣла. Тѣ сокрушили силу огня, а этотъ сегодня расторгъ оковы поврежденной природы. Узнай же, какъ онъ сдѣлалъ это. *Моляшеся*, говоритъ Писаніе, *Исаакъ о женѣ своей, яко неплоды бяше* (Быт. xxv, 21). Объ этомъ сегодня прочитано вамъ: вчера было слово о молитвѣ, и сегодня опять доказательство силы молитвы. Видите ли, какъ благодать Духа устроила, чтобы сегодняшнее чтеніе соотвѣтствовало сказанному вчера? *Моляшеся*, говоритъ Писаніе, *Исаакъ о Ревеккѣ женѣ своей, яко неплоды бяше*. Прежде всего нужно узнать, почему она была неплодна. И сама она и мужъ ея были жизни дивной и исполненной великаго цѣломудрія. Мы не можемъ сослаться на жизнь этихъ праведныхъ и сказать, что неплодіе было слѣдствіемъ грѣховъ. И не она одна была безплодною, но и мать его Сарра, которая родила его; и не только мать его была неплодною и жена, но и невѣстка, жена Іакова, Рахиль. Что же значитъ этотъ сонмъ безплодныхъ? Всѣ онѣ были праведны, всѣ жили добродѣтельно, всѣ получили одобреніе отъ Бога, потому что объ нихъ Онъ говорилъ: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль* (Исх. III, 6). Объ нихъ и Павелъ говоритъ такъ: *тѣмже не стыдится Богъ, Богъ нарицатися ихъ* (Евр. XI, 16). Много сказано имъ похвалъ въ новомъ завѣтѣ, много имъ похвалъ и въ ветхомъ. Во всѣхъ отношеніяхъ они были славны и превосходны, и всѣ имѣли женъ безплодныхъ и долгое время жили бездѣтными. Итакъ, когда ты видишь, что мужъ и жена живутъ добродѣтельно, когда видишь, что они любятъ Бога, преданы благочестію, и однако страдаютъ безчадіемъ, то не думай, что безчадіе есть непремѣнно воздаяніе за грѣхи. Много путей домостроительства Божія, намъ неизвѣстныхъ, и за все надобно благодарить, и жалѣть только о тѣхъ, которые живутъ въ нечестіи, а не о тѣхъ, которые не имѣютъ дѣтей. Часто Богъ дѣлаетъ полезное, но мы не знаемъ причины того, что дѣлается. Поэтому во всемъ нужно удивляться Его премудрости и прославлять Его неизреченное человѣколюбіе.

7. Эти слова могутъ назидать насъ въ нравственномъ отношеніи. Но надобно сказать и о причинѣ, по которой тѣ жены были безплодными. Какая же это причина? Та, чтобы ты, когда увидишь Дѣву, рождающую нашего общаго Господа, не былъ

невѣрующимъ. Такимъ образомъ ты упражняй свой умъ, размышляя объ утробѣ безплодныхъ, чтобы послѣ того, какъ увидишь, что поврежденная и заключенная утроба отверзается благодатію Божією для дѣторожденія, ты не удивлялся, слыша, что родила Дѣва; или лучше сказать—удивляйся и изумляйся, но не невѣруй чуду. Когда скажетъ тебѣ іудей: какъ родила Дѣва?—ты скажи ему: какъ родила безплодная и состарѣвшаяся? Тогда было два препятствія: преклонность возраста и неспособность природы; а въ Дѣвѣ было только одно препятствіе, то, что она была непричастна браку. Такъ безплодная предуготовляетъ путь Дѣвѣ. А дабы ты убѣдился, что для того предшествовали безплодныя, чтобы вѣрили рожденію Дѣвой, выслушай слова Гавріила, сказанныя къ ней. 360
Когда онъ пришелъ и сказалъ ей: *зачнеши во чревѣ и родиши Сына, и наречеши имя ему Іисусъ* (Лук. I, 31), то Дѣва изумилась и удивилась, и сказала: *како будетъ* мнѣ *сіе, идѣже мужа не знаю* (ст. 34)? Что же ангелъ? *Духъ Святый найдетъ на тя* (ст. 35). Не требуй, говоритъ онъ, естественнаго порядка, когда это событіе сверхъестественное; не думай о бракѣ и болѣзняхъ рожденія, когда этотъ способъ рожденія выше брака. *Како будетъ сіе,* говоритъ она, *идѣже мужа не знаю*? Но потому и *будетъ сіе,* что ты не знаешь мужа. Если бы ты познала мужа, то не удостоилась бы послужить этому дѣлу; такимъ образомъ, почему ты не вѣришь, потому самому и вѣруй; не удостоилась бы ты послужить этому дѣлу не потому, чтобы бракъ былъ зло, но потому, что дѣвство лучше; а пришествію Господа слѣдовало быть торжественнѣе нашего, потому что оно—царское, царь же входитъ путемъ торжественнѣйшимъ. Ему надлежало и пріобщиться рожденію, и отличаться отъ нашего. Потому и устрояется то и другое: родиться изъ чрева, это—общее съ нами; а родиться безъ брака, это—выше того, что бываетъ съ нами; быть зачатымъ и носимымъ во чревѣ, это свойственно человѣческой природѣ; а произойти зачатію безъ совокупленія, это превосходнѣе человѣческой природы. То и другое совершилось для того, чтобы ты зналъ превосходство рождающагося и общеніе Его съ тобою.

8. И смотри, какая мудрость въ томъ, что совершилось: ни превосходство (Его рожденія) не повредило сходству и сродству Его съ нами, ни сродство съ нами не помрачило превосходства; но то и другое открылось во всѣхъ дѣлахъ Его, и одно у Него было вполнѣ наше, а другое—отличное отъ нашего. Но, какъ я сказалъ, для того предшествовали безплодныя, чтобы повѣрили рожденію Дѣвой, чтобы и она сама была приведена къ вѣрѣ въ благовѣстіе и то обѣтованіе, которое услышала отъ ангела, сказавшаго: *Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ*

тя (Лук. I, 35). Такъ, говоритъ онъ, ты имѣешь родить; не смотри на землю; дѣйствіе приходитъ съ небесъ; это событіе отъ благодати Духа; не спрашивай у меня о природѣ и законахъ брака. Но такъ какъ эти слова превышали ея разумѣніе, то онъ хочетъ представить и другое доказательство. Замѣть, какъ безплодная руководитъ ее къ вѣрѣ въ это. Такъ какъ это доказательство превышало разумѣніе Дѣвы, то послушай, какъ онъ обращаетъ рѣчь къ предметамъ низшимъ, руководя ее посредствомъ чувственнаго. *И се*, говоритъ, *Елисаветъ, южика твоя, и та зачатъ сына въ старости своей: и сей мѣсяцъ шестый есть ей нарицаемѣй неплоды* (ст. 36). Видишь ли, что неплодная была для Дѣвы? Иначе для чего указалъ онъ ей на рожденіе родственницей? Для чего сказалъ: *въ старости своей?* Для чего прибавилъ: *нарицаемѣй неплоды?* Очевидно, всѣмъ этимъ онъ руководилъ ее къ вѣрѣ въ благовѣстіе. Для того онъ указалъ и на возрастъ и на
361 недостатокъ природы; для этого ожидалъ и времени, протекшаго отъ зачатія,—потому что не тотчасъ съ самаго начала онъ благовѣстилъ ей, но дождался, пока исполнилось у неплодной шесть мѣсяцевъ, чтобы увеличеніе чрева свидѣтельствовало о беременности и было несомнѣннымъ доказательствомъ зачатія. И посмотри опять на мудрость Гавріила. Онъ не напоминалъ ей ни о Саррѣ, ни о Ревеккѣ, ни о Рахили, хотя и онѣ были безплодныя и престарѣлыя, и то, что совершилось съ ними, было чудо; но это были древнія событія. А новое и недавнее, и совершающееся въ нашемъ родѣ, обыкновенно болѣе приводитъ насъ къ вѣрѣ въ чудеса, нежели древнее. Вотъ почему, оставивъ тѣхъ, онъ предложилъ ей уразумѣть имѣющее быть съ нею изъ примѣра родственницы ея Елисаветы, чтобы изъ этого примѣра возвести умъ ея къ собственному ея рожденію, страшному и превосходному. Такимъ образомъ между нашимъ рожденіемъ и Господнимъ было рожденіе безплодной, которое ниже дѣвственнаго, но выше нашего. Вотъ почему чрезъ Елисавету, посредницу, какъ бы чрезъ какой-нибудь мостъ, онъ возводитъ умъ Дѣвы отъ рожденія естественнаго къ сверхъестественному.

9. Хотѣлъ я сказать больше и изложить вамъ другія причины, по которымъ была безплодною Ревекка и Рахиль; но не позволяетъ время, заставляя поспѣшить рѣчью о силѣ молитвы. И это все я говорилъ для того, чтобы вы знали, какъ молитва Исаака разрѣшила безплодіе жены, молитва столь продолжительная. *Моляшеся*, говоритъ Писаніе, *Исаакъ о Ревеккѣ, женѣ своей, и послуша его Богъ* (Быт. XXV, 21). Не думай, что онъ призвалъ Бога и тотчасъ былъ услышанъ; онъ провелъ много времени въ молитвахъ къ Богу. Если хотите знать, сколько именно,

я скажу вамъ и это въ точности. Двадцать лѣтъ провелъ онъ, молясь Богу. Откуда это видно? Изъ самой послѣдовательности рѣчи. Писаніе, желая показать вѣру, терпѣніе и любомудріе праведника, не умолчало объ этомъ времени, но и объ немъ сказало намъ,—хотя прикровенно, чтобы пробудить насъ отъ нерадѣнія, а все же не оставило его неизвѣстнымъ. Послушай же, какъ оно прикровенно показало намъ время. *Бяше же Исаакъ лѣтъ четыредесяти*, говоритъ оно, *егда поятъ Ревекку, дщерь Ваѳуила Сирскаго* (Быт. XXV, 20). Видишь ли, сколько ему было лѣтъ, когда онъ женился? Сорока лѣтъ, говоритъ Писаніе, былъ онъ, когда взялъ Ревекку. Узнавъ, сколько лѣтъ было ему, когда онъ женился, посмотримъ затѣмъ, когда онъ сдѣлался отцемъ, и сколько было ему лѣтъ, когда онъ родилъ Іакова; и такимъ образомъ можемъ видѣть, сколько времени жена его оставалась безплодною, и то, что во все это время онъ молился Богу. Сколько же было ему лѣтъ, когда онъ родилъ Іакова? *Изыде*, говорится въ Писаніи, *Іаковъ придержася* рукою *пятѣ* брата *и* поэтому *нарече имя ему Іаковъ*, а тому *Исавъ. Исааку же бѣ шестьдесятъ лѣтъ егда роди ихъ* (Быт. XXV, 25, 26). Итакъ, если онъ, когда взялъ Ревекку, былъ сорока лѣтъ, а когда родилъ сыновей, былъ шестидесяти лѣтъ, то очевидно, что жена его оставалась безплодною въ теченіе двадцати лѣтъ, и что во все это время Исаакъ молился 362
Богу.

10. Мы же не стыдимся и не смущаемся, видя, какъ праведникъ двадцать лѣтъ ждалъ и не переставалъ молиться, а сами послѣ перваго или второго прошенія часто оставляя молитву и приходя въ негодованіе? Притомъ онъ имѣлъ великое дерзновеніе предъ Богомъ, и однако не негодовалъ на медленность дара, но оставался терпѣливымъ, а мы, будучи обременены безчисленнымъ множествомъ грѣховъ, имѣя нечистую совѣсть и не оказывая никакого благорасположенія къ Господу, если не будемъ услышаны прежде, нежели выскажемъ просьбу, падаемъ духомъ, унываемъ, оставляемъ молитву: оттого всегда мы и отходимъ съ пустыми руками. Кто изъ насъ двадцать лѣтъ молилъ Бога объ одномъ предметѣ, какъ этотъ праведникъ, или—лучше—кто только двадцать мѣсяцевъ?

Вчера я говорилъ, что многіе молятся небрежно, зѣваютъ, потягиваются, непрестанно оборачиваются во всѣ стороны и выказываютъ всякое неуваженіе къ молитвѣ; а сегодня я нашелъ и другое зло, присоединяющееся къ молитвамъ, еще болѣе пагубное, нежели то. Многіе, повергаясь ницъ, ударяя челомъ въ землю, проливая горячія слезы, горько изъ глубины вздыхая, простирая руки и показывая всю ревность, употребляютъ эту горячность и

усердіе противъ собственнаго спасенія. Они молятъ Бога не о своихъ грѣхахъ и просятъ не о прощеніи своихъ прегрѣшеній, но всю эту ревность возбуждаютъ въ себѣ противъ враговъ, дѣлая то же, какъ если бы кто, изостривъ мечъ, не противъ непріятелей употребилъ это оружіе, но поразилъ имъ собственную шею. Такъ и они возносятъ молитвы не объ отпущеніи собственныхъ грѣховъ, а о наказаніи враговъ; это и значитъ направлять мечъ противъ самихъ себя. И это придумалъ лукавый, чтобы мы губили себя всѣми способами, и нерадѣніемъ и ревностію. Одни своею невнимательностію къ молитвамъ оскорбляютъ Бога, показывая своею небрежностію неуваженіе къ Нему; а другіе, оказывая ревность, оказываютъ ее также противъ своего спасенія. Такой-то, говоритъ діаволъ, небреженъ: этого достаточно для меня, чтобы онъ не получилъ ничего; а этотъ ревностенъ и внимателенъ: что же дѣлать? Я не могу уничтожить его ревности и произвести въ немъ небрежность; устрою же погибель его иначе. Какъ? Сдѣлаю, чтобы онъ употребилъ ревность свою на беззаконіе, потому что молиться о вредѣ враговъ—дѣло беззаконное. Такимъ образомъ онъ отойдетъ, не только не получивъ никакой пользы отъ своей ревности, но потерпѣвъ вредъ больше происходящаго отъ небрежности. Таковы козни діавола: однихъ онъ губитъ чрезъ небрежность, а другихъ чрезъ самую ревность, когда она бываетъ не по заповѣдямъ.

11. Впрочемъ нужно выслушать и самыя слова такой молитвы, дабы видѣть, что эти слова свойственны уму дѣтскому и душѣ незрѣлой. Я стыжусь, намѣреваясь высказать ихъ, но не-
363 обходимо сказать, подражая этому неразумному языку. Какія же это слова? Отмсти за меня, говорятъ, врагамъ моимъ; покажи имъ, что и у меня есть Богъ. Не тогда, человѣкъ, узнаютъ они, что у насъ есть Богъ, когда мы будемъ негодовать, гнѣваться и досадовать; но тогда, когда мы будемъ смиренными, тихими, кроткими, и упражняться во всякомъ любомудріи. Такъ и Богъ сказалъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. v, 16). Понимаешь ли, что молиться Богу о вредѣ врагамъ значитъ оскорблять Бога? Какъ, скажешь, оскорблять Бога? Такъ, что Самъ Онъ сказалъ: *молитеся за враги ваша*, и установилъ этотъ божественный законъ (Матѳ. v, 44). Итакъ, когда ты просишь Законодателя нарушить собственные Его законы, молишь Его противорѣчить Самому Себѣ, и Того, Кто запретилъ тебѣ молиться о вредѣ врагамъ, умоляешь, чтобы Онъ услышалъ тебя, молящагося о вредѣ врагамъ,—то, поступая такъ, ты не молишься и не просишь, но оскорбляешь Законодателя и огорчаешь имѣ-

ющаго даровать тебѣ блага, происходящія отъ молитвы. Какъ же, скажи мнѣ, можетъ быть услышана твоя молитва, когда ты раздражаешь Того, Кто имѣетъ услышать? Поступая такъ, ты низвергаешь въ пропасть собственное спасеніе и бросаешься въ бездну, поражая врага предъ лицемъ Царя. Хотя ты не дѣлаешь этого руками, но ты поражаешь его словами, чего не осмѣливаешься дѣлать даже съ подобными себѣ рабами. Осмѣлься сдѣлать это предъ начальникомъ: тогда, хотя бы у тебя были тысячи добрыхъ дѣлъ, ты непремѣнно тотчасъ будешь отведенъ на смерть. Такимъ образомъ предъ начальникомъ ты не осмѣливаешься обидѣть равнаго себѣ, а дѣлая это предъ Богомъ, скажи мнѣ, какъ ты не трепещешь и не страшишься, во время прошенія и молитвы такъ раздражаясь, свирѣпствуя и показывая большую жестокость, чѣмъ тотъ, который требовалъ сто динаріевъ? А что ты наносишь большую обиду, чѣмъ этотъ, выслушай самое событіе. Нѣкто долженъ былъ господину десять тысячъ талантовъ; будучи не въ силахъ отдать, онъ просилъ не попустить, чтобы продажею его жены, дома и дѣтей, былъ выплаченъ долгъ господину. Видя его плачущимъ, господинъ сжалился и простилъ десять тысячъ талантовъ. Тотъ, выйдя и нашедши другого слугу, который былъ долженъ ему сто динаріевъ, сталъ душить его и требовать долга съ великою жестокостію и безчеловѣчіемъ. Услышавъ объ этомъ, господинъ ввергнулъ его въ темницу и прощенный прежде долгъ въ десять тысячъ талантовъ опять наложилъ на него, и такимъ образомъ этотъ наказанъ былъ за свою жестокость къ подобному себѣ рабу.

12. А ты, посмотри, сколько бываешь несправедливѣе и без- 364
чувственнѣе этого человѣка, молясь о вредѣ врагамъ. Тотъ не просилъ господина требовать, но самъ требовалъ сто динаріевъ; а ты молишь самого Господа объ этомъ безстыдномъ и запрещенномъ требованіи. Тотъ не въ глазахъ господина, но внѣ душилъ подобнаго себѣ раба; а ты дѣлаешь это въ самое время молитвы, стоя предъ Царемъ. Если же онъ, не прося господина о требованіи долга и поступивъ такъ по выходѣ отъ него, не получилъ прощенія, то ты, побуждая Господа къ такому запрещенному истязанію и поступая такъ предъ Его очами, какому, скажи мнѣ, не подвергнешься наказанію? Но твоя душа воспламеняется и возстаетъ при воспоминаніи о враждѣ, твое сердце возмущается, и, вспоминая о нанесшемъ тебѣ обиду, ты не можешь утишить волненія мыслей? Противопоставь этой горячности воспоминаніе о своихъ грѣхахъ и страхъ будущаго наказанія. Вспомни, сколько ты самъ виновенъ предъ Господомъ и что за все это долженъ дать Ему отчетъ, и этотъ страхъ непремѣнно удержитъ

тотъ гнѣвъ, такъ какъ онъ гораздо могущественнѣе этой страсти. Вспомни во время молитвы о геeннѣ, о наказаніи и мученіи—и врагъ даже на мысль тебѣ не можетъ придти. Сокруши свой умъ, смири душу воспоминаніемъ о своихъ преступленіяхъ, и гнѣвъ не въ состояніи будетъ смущать тебя. Но въ томъ и заключается причина всѣхъ золъ, что грѣхи другихъ мы изслѣдуемъ съ великою точностію, а свои пропускаемъ съ великою небрежностію. Между тѣмъ надобно было бы дѣлать напротивъ: собственные грѣхи всегда имѣть въ памяти, а о чужихъ никогда не думать. Если мы будемъ такъ поступать, то и Богъ будетъ къ намъ милостивъ и на ближнихъ мы перестанемъ вѣчно гнѣваться, и не будемъ имѣть никогда никакого врага; если же когда и будемъ имѣть, то немедленно прекратимъ вражду, и получимъ скорое прощеніе въ собственныхъ грѣхахъ. Подлинно, какъ тотъ, кто злопамятствуетъ противъ ближняго, не допускаетъ, чтобы онъ самъ былъ освобожденъ отъ наказанія за собственные грѣхи, такъ чистый отъ гнѣва скоро будетъ чистъ и отъ своихъ грѣховъ. Если мы, злые и раболѣпствующіе гнѣву, по заповѣди Божіей прощаемъ всѣ грѣхи, сдѣланные противъ насъ, то гораздо болѣе Онъ, человѣколюбивый и благій и чистый отъ всякой страсти, проститъ наши прегрѣшенія, чтобы за наше снисхожденіе къ ближнему воздать намъ прощеніемъ нашихъ собственныхъ грѣховъ, которое да сподобимся получить всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о томъ, что никому не должно отчаяваться, ни молиться о вредѣ врагамъ, ни падать духомъ, не получая просимаго; также къ мужьямъ о сохраненіи мира съ женами.

363—364 1. Я много благодаренъ вамъ, что́ вы усердно приняли бесѣду о молитвѣ, что сдѣлали меня блаженнымъ, потому что *блаженъ, повѣдаяй во уши послушающихъ* (Сир. xxv, 12). Въ этомъ я
365 убѣдился не только изъ рукоплесканій и похвалъ, но и изъ того, что видѣлъ васъ дѣлающими. Когда я убѣждалъ васъ не молиться о вредѣ врагамъ, и говорилъ, что, дѣлая это мы оскорбляемъ Бога и Его законамъ противопоставляемъ другіе, противные за-

коны [потому что Самъ Онъ сказалъ: *молитеся за враги* (Матѳ. 5, 44), а мы, молясь о вредѣ врагамъ, просимъ Его нарушить свой законъ], когда я говорилъ это и тому подобное, то видѣлъ, какъ многіе изъ васъ ударяли себя въ лице и грудь, горько стенали и простирали руки къ небу, прося прощенія за такія молитвы. Тогда и я, возведши очи къ небу, благодарилъ Бога, что такъ скоро слово ученія принесло намъ плодъ. Таково сѣяніе духовное: оно не требуетъ ни годовъ, ни временъ года, ни дней, но, если упадетъ на душу благородную, тотчасъ показываетъ цвѣтущій и зрѣлый колосъ, какъ и случилось вчера съ вами. Я сѣялъ слово сокрушенія, и произрасло стенаніе исповѣданія, стенаніе, заключающее въ себѣ великое богатство благъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мытарь, ударяя себя въ грудь и сказавъ: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. XVIII, 13), вышелъ оправданнымъ больше фарисея, то какое дерзновеніе должны пріобрѣсти мы, оказавъ въ короткое время такое сокрушеніе? Между тѣмъ нѣтъ ничего хуже мытаря; это — крайній предѣлъ нечестія, какъ и Христосъ объявилъ, часто приводя въ примѣръ крайняго зла блудницъ и мытарей; это — дерзкое насиліе, безнаказанное грабительство, безстыдный родъ корыстолюбія, безсчетное любостяжаніе, безчестная торговля; и однако тотъ, который жилъ въ такомъ нечестіи, могъ простыми словами смыть свой позоръ и получить болѣе, чѣмъ просилъ. Онъ молился, говоря: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику*; а Богъ не только былъ милостивъ, но и оправдалъ его больше фарисея. Вотъ почему и говоритъ Павелъ: *могущему же паче вся творити по преизбыточествію, ихже просимъ или разумѣемъ* (Ефес. III, 20). Но вѣдь и фарисей молился, и стоялъ въ храмѣ, и призывалъ того же Бога, и сказалъ больше словъ, и началъ молитву благодареніемъ; почему же онъ потерялъ и тѣ блага, какія имѣлъ, а тотъ получилъ и дерзновеніе, котораго не имѣлъ? Потому, что у нихъ былъ неодинаковъ образъ молитвы. Этотъ былъ исполненъ тщеславія, надменности и гордости, а тотъ великой скромности; поэтому-то тотъ, будучи обремененъ безчисленными грѣхами, всѣ сложилъ съ себя и получилъ оправданіе, а этотъ, привезши корабль, наполненный добрыми дѣлами, и милостынею, и постомъ, и ударивъ его какъ бы о какую-нибудь скалу, о тщеславные и гордые помыслы, потерпѣлъ кораблекрушеніе въ самой пристани, потому что повредить себѣ въ молитвѣ значитъ (то же, что) потерпѣть кораблекрушеніе въ пристани. Но это произошло не отъ свойства молитвы, а отъ воли его самого.

2. Видишь ли, что и молитвы недостаточно намъ для спасенія, если вмѣстѣ съ тѣмъ мы не будемъ молиться по заповѣдямъ, которыя далъ Христосъ? Какія же Онъ далъ заповѣди?

866 Молиться за враговъ, хотя бы они много оскорбляли насъ. Если мы не будемъ дѣлать этого, то неизбѣжно погибнемъ, какъ видно изъ примѣра фарисея. Если онъ, и не молясь о вредѣ врагамъ, а только предавшись тщеславію, подвергся такому осужденію, то какое наказаніе ожидаетъ тѣхъ, которые произносятъ длинныя и обильныя рѣчи противъ враговъ? Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Ты стоишь, прося прощенія своихъ грѣховъ, и наполняешь душу гнѣвомъ? Тогда какъ должно быть кротче всѣхъ тѣмъ, которые бесѣдуютъ съ Господомъ, молятся о собственныхъ прегрѣшеніяхъ, просятъ милости, человѣколюбія и прощенія, въ это время мы ожесточаемся, приходимъ въ ярость и наполняемъ уста желчію. Какъ можемъ мы, скажи мнѣ, получить спасеніе, принимая видъ просителей и вмѣстѣ произнося слова гордости и раздражая Господа сами противъ себя? Ты пришелъ врачевать собственныя раны, а не дѣлать болѣе тяжкими раны ближняго; это — время умилостивленія, время молитвы и стенанія, а не гнѣва, — слезъ, а не раздраженія, — сокрушенія, а не негодованія. Что же ты нарушаешь порядокъ, что вооружаешься противъ себя самого, что разрушаешь собственное свое зданіе? Молящемуся, прежде всего прочаго, должно имѣть кроткую душу, смиренный умъ, сокрушенное сердце; а кто вопіетъ противъ враговъ, тотъ никогда не можетъ удовлетворить этому, потому что онъ исполненъ гнѣва и ему несвойственно имѣть смиренный умъ.

Итакъ, не будемъ молиться о вредѣ врагамъ, но вмѣстѣ не будемъ вспоминать и о своихъ добрыхъ дѣлахъ, чтобы не потерпѣть того же, что фарисей. Какъ доброе дѣло—помнить о своихъ грѣхахъ, такъ доброе же дѣло—забывать о своихъ добрыхъ дѣлахъ. Почему? Потому, что памятованіе о своихъ добрыхъ дѣлахъ ведетъ насъ къ высокомѣрію, а памятованіе о грѣхахъ сокрушаетъ и смиряетъ душу; то дѣлаетъ насъ нерадивыми, а это дѣлаетъ ревностнѣйшими. Тѣ, которые не думаютъ, что у нихъ есть что-нибудь доброе, бываютъ усерднѣйшими къ пріобрѣтенію добра; а тѣ, которые думаютъ, что у нихъ лежитъ великій запасъ добра, надѣясь на это изобиліе, немного оказываютъ усердія къ пріобрѣтенію еще большаго.

3. Итакъ, не вспоминай о своихъ добрыхъ дѣлахъ, чтобы помнилъ объ нихъ Богъ. *Глаголи ты*, говоритъ Господь, *беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26); и еще: *не помяну беззаконій твоихъ, ты же помяни* (ст. 25). Но почему мытаря Богъ услышалъ такъ скоро, а Исаака оставилъ просить двадцать лѣтъ и молиться Ему о своей женѣ, и тогда уже склонился на молитвы праведника? Надобно предложить вамъ остатки вчерашняго ученія. Для чего же это сдѣлано было? Для того, чтобы изъ

случившагося съ мытаремъ ты узналъ человѣколюбіе Господа, Который скоро услышалъ, а изъ случившагося съ Исаакомъ узналъ торпѣніе раба, который поздно получилъ и не переставалъ молиться, чтобы ты, хотя бы былъ грѣшникомъ, не отчаивался, и 367
хотя бы былъ праведникомъ, не превозносился. *Не требуютъ здравіи врача, но болящіи* (Матѳ. IX, 12). Въ худомъ состояніи находился мытарь; поэтому Господь скоро простеръ ему руку; Исаакъ же былъ крѣпче, и потому Господь оставлялъ его, чтобы усилить его терпѣніе. Впрочемъ объ этомъ сказано нами отъ избытка. А нужно сказать, для чего жена его была безплодною. Для того (она была такою), чтобы ты, когда увидишь, что Дѣва сдѣлалась матерью, не былъ невѣрующимъ; чтобы, когда скажетъ тебѣ іудей: какъ родила Марія?—ты сказалъ ему: какъ родила Сарра, и Ревекка, и Рахиль? Когда имѣетъ быть какое-нибудь дивное и великое чудо, то ему предшествуютъ многіе образы. Какъ при входѣ царя предшествуютъ воины, чтобы царь, прибывши вдругъ, не былъ принятъ безъ приготовленія,—такъ и тогда, когда имѣетъ быть дивное чудо, предшествуютъ образы, чтобы мы напередъ приготовились, а не были поражены вдругъ и не пришли въ смущеніе отъ необычайности событія. Тоже и въ отношеніи къ смерти: предшествовалъ Іона, и настроилъ нашъ умъ. Послѣ трехъ дней изрыгнулъ его китъ, не нашедши въ немъ свойственной себѣ и сообразной пищи, потому что свойственная и сообразная пища смерти есть грѣховное естество: оттуда она произошла, оттого укрѣпилась, тѣмъ и питается. Какъ случается съ нами: когда мы незамѣтно проглотимъ камень, то сначала желудокъ своею силою принимается варить его, но когда найдетъ, что это—чуждая для него пища, то, употребивъ еще большее усиліе своей пищеварительной способности, не разлагаетъ его, а теряетъ собственную силу, такъ что не можетъ удержать и прежней пищи, но, ослабѣвъ, и ее вмѣстѣ съ нимъ изрыгаетъ съ великою болью,—такъ было и съ смертію. Она поглотила краеугольный камень, но не могла сварить его, вся сила ея изнемогла, почему вмѣстѣ съ нимъ она извергла и остальную пищу, какую имѣла, изрыгнувъ вмѣстѣ съ нимъ и человѣческую природу, потому что болѣе уже не могла удерживать ее до конца. Для того и безплодныя предшествовали, чтобы мы вѣрили въ рожденіе (Дѣвой), или—лучше—не только чтобы вѣрили въ это рожденіе, но, если тщательно будемъ изслѣдовать, то можемъ найти, что безплодіе было образомъ самой смерти.

4. Но будьте внимательны, потому что предметъ, о которомъ будетъ говорено, глубокъ; мы хотимъ сказать, какъ утроба Сарры своимъ неплодіемъ руководитъ насъ къ вѣрѣ въ воскресеніе. Какъ же она руководитъ насъ? Какъ она, будучи мертвою, по благодати

Божіей воскресла и произрастила живое тѣло Исаака,—такъ и Христосъ, умерши, возсталъ собственною силою. А что въ этихъ словахъ нѣтъ натяжки, послушай самого Павла, который говоритъ, сказавъ объ Авраамѣ, что онъ *не усмотри мертвости ложеснъ Сарриныхъ, но возможе вѣрою, давъ славу Богови, и извѣстенъ бывъ, яко еже обѣща, силенъ есть и сотворити,* т. е. сдѣлать, чтобы отъ мервыхъ тѣлъ родился живой сынъ (Рим. IV, 19—21), онъ затѣмъ, руководя насъ отъ той вѣры къ этой, прибавляетъ: *не писано же бысть за того единаго точію, яко вмѣнися ему, но и за ны.* Для чего? *Имже хощетъ,* говоритъ, *вмѣнитися, вѣрующимъ въ воскресившаго Іисуса Господа Нашего изъ мертвыхъ* (ст. 23, 24). Смыслъ словъ его слѣдующій: какъ Исаака воздвигъ (Богъ) отъ мертвыхъ тѣлъ, такъ воскре-
368 силъ и Сына Своего, бывшаго мертвымъ. Хочешь ли узнать, что безплодіе было прообразомъ и другого событія? Церковь имѣла родить множество вѣрующихъ; поэтому, чтобы ты не невѣрилъ, какъ родила эта бездѣтная, безплодная и нераждавшая, предшествовала ей безплодная по природѣ, пролагая путь безплодной по своей волѣ, и сдѣлалась Сарра прообразомъ церкви. Какъ та, будучи безплодною, родила въ старости, такъ и эта, будучи безплодною, родила въ послѣднія времена. А что это истинно, послушай Павла, который говоритъ: *мы же есмы чада свободныя* (Галат. IV, 31). Такъ какъ Сарра была образомъ церкви, и она была свободная, то поэтому онъ прибавилъ, что мы *чада свободныя.* И еще: *мы же, братія, по Исааку обѣтованія чада есмы* (ст. 18). Что значитъ: *обѣтованія?* Какъ его не природа родила, такъ и насъ родила не природа, но благодать Божія. И еще: *а вышній Іерусалимъ свободь есть, иже есть мати намъ* (ст. 26), — а это есть церковь, потому что *приступисте,* говоритъ онъ, *къ Сіонстѣй горѣ и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и церкви первородныхъ* (Евр. XII, 22, 23). Итакъ, если церковь есть вышній Іерусалимъ и Сарра есть образъ вышняго Іерусалима, какъ сказано: *двѣ* (жены) было, одна *въ работу раждая, яже есть Агарь,* вышній же Іерусалимъ *свободь есть, иже есть мати намъ* (Гал. IV, 24, 26), то очевидно, что Сарра была образомъ вышняго Іерусалима по своему рожденію и безплодію.

5. Знаю, что эти слова исполнены глубины; но если мы постараемся, то ничего изъ сказаннаго не останется непонятымъ нами. Эти слова таинственны и относятся къ догматамъ; если же вы желаете, то я вмѣстѣ съ тѣмъ скажу и о нравственной сторонѣ ихъ. Безплодною была жена для того, чтобы ты узналъ цѣломудріе мужа, такъ какъ онъ и не отвергъ ея, хотя тогда и не запрещалъ этого никакой законъ, и не взялъ другой при этой свободной, какъ многіе дѣлаютъ подъ предлогомъ чадородія,

удовлетворяя своей невоздержности, однихъ женъ удаляя, другихъ принимая, а иные противопоставляя имъ наложницъ и наполняя домы множествомъ раздоровъ. Не такъ поступалъ этотъ праведникъ, но онъ продолжалъ любить данную ему Богомъ жену, молилъ Господа природы разрѣшить узы природы и не укорялъ жены. Откуда же извѣстно, что онъ не укорялъ ея? Изъ самаго Писанія. Если бы онъ укорялъ, то Писаніе сказало бы и объ этомъ и не умолчало бы, потому что оно говоритъ и о добродѣтеляхъ праведниковъ и о недостаткахъ, чтобы мы послѣднихъ избѣгали, а первымъ подражали. Такъ, когда предъ его сыномъ невѣстка его, Рахиль, плакала и онъ сдѣлалъ ей укоризну, то Писаніе изложило то и другое и не скрыло. Когда она сказала: *даждь ми чада: аще же ни, умру азъ*, то что онъ отвѣчалъ ей? *Еда вмѣсто Бога азъ есмь, иже лиши тя плода утробнаго* (Быт. XXX, 1, 2). Требованіе женское и безразсудное! Ты говоришь мужу: даждь *ми чада*, а не обращаешься къ Господу природы? Поэтому и онъ, отвѣтивъ ей съ укоризною, остановилъ ея безразсудное требованіе и научилъ, кого должно просить. Но не такъ поступалъ самъ Исаакъ; онъ не говорилъ ничего подобнаго, и жена его не плакала предъ нимъ и не жаловалась.

Отсюда мы научаемся цѣломудрію и вѣрѣ. То, что онъ мо- 369
лился Богу, показываетъ его вѣру; то, что онъ не отвергъ жены, обнаруживаетъ намъ его цѣломудріе; а то, что онъ не укорялъ ея и не отчаивался, доказываетъ его терпѣніе, любомудріе, великую кротость и любовь къ женѣ. Не такъ, какъ нынѣ многіе дѣлаютъ въ такихъ обстоятельствахъ, прибѣгая къ снадобьямъ и волшебству, онъ не употреблялъ этихъ пустыхъ, безполезныхъ, вредныхъ и пагубныхъ для души средствъ, но, оставивъ все это и отвергнувъ всѣ человѣческія пособія, прибѣгъ къ Господу природы, Который одинъ можетъ исправить такіе недостатки.

6. Выслушайте это, мужья, — научитесь, жены; будемъ всѣ подражать праведнику. Пусть для жены не будетъ ничего драгоцѣннѣе ея мужа, а для мужа ничего вожделѣннѣе его жены. Въ томъ состоитъ крѣпость жизни всѣхъ насъ, чтобы жена была единодушна съ мужемъ; этимъ поддерживается все въ мірѣ. Какъ при потрясеніи основанія ниспровергается все зданіе, такъ и при супружескихъ раздорахъ разрушается вся наша жизнь. Смотри: міръ состоитъ изъ городовъ, города — изъ домовъ, домы — изъ мужей и женъ; поэтому, когда настанетъ вражда между мужьями и женами, то входитъ война въ домы; а когда они мятутся, тогда неспокойны бываютъ и города; когда же города приходятъ въ смятеніе, то по нобходимости и вся вселенная наполняется смятеніемъ, войною и раздорами. Поэтому и Богъ

особенно промышляетъ объ этомъ; потому Онъ и не дозволяетъ отвергать жену, развѣ только въ случаѣ прелюбодѣянія. А что, скажешь, если она сварлива, если небережлива и расточительна, если имѣетъ и множество другихъ недостатковъ? Переноси все мужественно и не отвергай ея за эти недостатки, но исправляй недостатки. Для того ты и занимаешь мѣсто головы, чтобы ты умѣлъ врачевать тѣло. Отъ тѣла нашего, хотя бы оно имѣло тысячу ранъ, мы не отсѣкаемъ головы. Такъ и жены не отдѣляй отъ себя, потому что жена у насъ занимаетъ мѣсто тѣла. Потому и блаженный Павелъ говорилъ: *тако должни мужіе любити своя жены, яко своя тѣлеса* (Ефес. v, 28). И для женъ тотъ же законъ у насъ: какъ любишь ты, жена, свою голову и цѣнишь ее, такъ цѣни и мужа. Мы не напрасно столько говоримъ объ этомъ предметѣ. Знаю, сколько благъ происходитъ оттого, когда нѣтъ раздора у жены съ мужемъ; знаю, сколькихъ золъ бываетъ причиною то, когда они ссорятся между собою. Тогда ни богатство, ни благочадіе, ни многочадіе, ни власть и могущество, ни слава и честь, ни изобиліе и роскошь, и никакое другое благосостояніе не можетъ радовать мужа или жену, если они въ раздорѣ другъ съ другомъ.

7. Будемъ же заботиться объ этомъ болѣе всего другого. Жена твоя имѣетъ недостатки? Дѣлай то, что дѣлалъ Исаакъ: молись Богу. Если онъ постоянствомъ въ молитвѣ уничтожилъ безсиліе природы, то тѣмъ болѣе мы, непрестанно молясь Богу, можемъ исправить недостатки воли. Если Богъ увидитъ, что ты изъ
370 повиновенія Его закону терпишь и благодушно переносишь грѣхи твоей жены, то Онъ поможетъ тебѣ научить ее и дастъ тебѣ награду за терпѣніе. *Что бо вѣси*, говоритъ апостолъ, *мужу, аще жену спасеши; или что вѣси, жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. vii, 16)? Не унывай же, говоритъ, и не отчаивайся: можетъ быть она и спасется; если же останется неисправимою, то ты не потеряешь награды за терпѣніе. Но если ты отвергнешь ее, то во-первыхъ, согрѣшишь тѣмъ, что нарушишь законъ и будешь виновенъ предъ Богомъ въ прелюбодѣяніи, потому что *всякъ отпущаяй жену свою*, говоритъ Господь, *развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати* (Матѳ. v, 32). Притомъ часто, взявъ и другую, болѣе ея тяжелую, ты грѣхъ уже сдѣлалъ, а покоя не найдешь. Если же возьмешь и лучшую, то не дано будетъ тебѣ наслаждаться чистымъ удовольствіемъ со второю, за то, что ты отвергнулъ прежнюю, сдѣлавшись виновнымъ въ прелюбодѣяніи, потому что отвергать прежнюю есть прелюбодѣяніе. Итакъ, когда ты увидишь какое-либо случившееся затрудненіе или въ супружествѣ, или въ другихъ обстоятельствахъ, то молись Богу: это единствен-

ный самый лучшій способъ избавиться отъ случающихся съ нами бѣдствій. Подлинно, молитва есть великое оружіе. Это я часто говорилъ, и теперь говорю, и не перестану говорить; хотя бы ты былъ грѣшникомъ,—посмотри на мытаря, который не былъ отвергнутъ, который очистился отъ такого множества грѣховъ. Хочешь ли знать, какъ важна молитва? Не столько значитъ дружба предъ Богомъ, сколько молитва. Это не мое слово; я самъ, по своему сужденію, не осмѣлился бы высказать этого; выслушай изъ Писанія, какъ молитва дѣлала то, чего не дѣлала дружба. *Кто отъ васъ*, говорится, *имать друга, и идетъ и речетъ ему: друже, даждь ми три хлѣбы: и той отвѣщавъ речетъ* ему: *двери затворены суть, дѣти на ложи суть: не твори ми труды. Глаголю же вамъ: аще и не дастъ ему, зане другъ ему есть, но за безочство его дастъ ему, елика требуетъ* (Лук. xi, 5—9). Видишь ли, какъ въ томъ, въ чемъ не успѣла дружба, успѣла неотступная просьба? Такъ какъ просившій былъ другъ, то, дабы ты не подумалъ, что онъ по этой причинѣ успѣлъ, сказано: *аще и не дастъ ему, зане другъ ему есть, но за безочство его дастъ ему*. Если и дружба, говоритъ, не сдѣлаетъ этого, то неотступная просьба сдѣлаетъ то, въ чемъ не успѣла дружба. Съ кѣмъ это было? Съ мытаремъ. Не былъ онъ другомъ Божіимъ, но сдѣлался другомъ. Итакъ, если бы даже ты былъ врагомъ, то чрезъ неотступную просьбу сдѣлаешься другомъ. Посмотри и на хананеянку, и послушай, что Господь сказалъ ей: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ* (Матѳ. xv, 26). Почему же Онъ сдѣлалъ, если это *не добро?* По неотступной просьбѣ жена достигла этого добра, дабы ты зналъ, что чего мы недостойны, того дѣлаемся достойными чрезъ неотступную просьбу.

8. Я сказалъ это для того, чтобы ты не говорилъ: я грѣшникъ, я не имѣю дерзновенія, у меня нѣтъ молитвы. Кто не думаетъ, что онъ имѣетъ дерзновеніе, тотъ имѣетъ дерзновеніе, но кто думаетъ, что онъ имѣетъ дерзновеніе, тотъ потерялъ дерзновеніе, подобно фарисею, а кто считаетъ себя отверженнымъ и презрѣннымъ, тотъ особенно и будетъ услышанъ, подобно мытарю. Посмотри, сколько ты имѣешь примѣровъ: хананеянку, мытаря, 371
разбойника на крестѣ, упомянутаго въ притчѣ друга, просившаго трехъ хлѣбовъ и получившаго не столько за дружбу, сколько за неотступную просьбу. Если бы каждый изъ нихъ сказалъ: я грѣшникъ, я стыжусь, и потому я не долженъ приступать, то не имѣлъ бы никакого успѣха. Но такъ какъ каждый изъ нихъ взиралъ не на множество грѣховъ своихъ, но на богатство Божія человѣколюбія, то получилъ дерзновеніе, осмѣлился и, будучи грѣшникомъ, просилъ не по достоинству своему, и каждый успѣлъ въ томъ,

чего желалъ. Будемъ же помнить все это и соблюдать; будемъ молиться непрестанно, бодрственно, съ дерзновеніемъ, съ благими надеждами, съ великимъ усердіемъ. Съ какою ревностію другіе
372 молятся о вредѣ врагамъ, съ такою ревностію мы будемъ молиться и за враговъ, и за своихъ братій, — и непремѣнно получимъ все полезное, потому что человѣколюбивъ Подающій, и не столько мы желаемъ получить, сколько Онъ желаетъ подать. Итакъ, зная все это, хотя бы мы погрузились въ крайнюю бездну нечестія, не будемъ и тогда отчаиваться въ своемъ спасеніи, но приступимъ съ благою надеждою, убѣдивъ самихъ себя, что мы непремѣнно получимъ, чего просимъ, если станемъ просить согласно съ установленными Имъ законами. *Могущему вся творити по преизбыточествію, ихже просимъ или разумѣемъ* (Ефес. III, 20), Христу, Царю всѣхъ, Богу нашему, подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Отцемъ и всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА,

сказанная въ старой церкви на слова апостола: егда же пріиде Петръ въ Антіохію, въ лице ему противустахъ (Гал. II, 11), и (въ ней святитель) доказываетъ, что это событіе было не распрею, а дѣломъ распорядительности.

371 1. На одинъ день я былъ взятъ отъ васъ, и будто цѣлый годъ отъ васъ былъ удаленъ. Такъ я досадовалъ и грустилъ. А что это истинно, вы знаете изъ того, что и сами вы испытали. Какъ грудной младенецъ, отнятый отъ материнской груди, куда бы ни унесли его, часто оборачивается во всѣ стороны, стараясь увидѣть свою мать, такъ точно и я, будучи далеко унесенъ отъ материнскихъ нѣдръ, часто озирался кругомъ, вездѣ ища вашего святого собранія. Впрочемъ я имѣлъ достаточное утѣшеніе въ томъ, что испытывалъ это изъ повиненія нѣжному отцу [1]), и награда послушанія покрыла мою беззаботность, происшедшую при
372 этомъ новомъ положеніи. Для меня блистательнѣе всякой діадемы

---

[1]) Разумѣется епископъ антіохійскій Флавіанъ.

и почтеннѣе вѣнца—быть вездѣ вмѣстѣ съ этимъ родителемъ; это для меня и украшеніе и безопасность: украшеніе, потому что я такъ расположилъ его къ себѣ и привлекъ къ своей любви, что онъ никакъ и никогда не хочетъ явиться безъ своего сына; безопасность, потому что, присутствуя и видя меня подвизающимся, онъ, конечно, окажетъ намъ и помощь своими молитвами. Какъ корабль безопасно доставляютъ въ пристань кормчіе, руль и дуновеніе вѣтра, такъ его благосклонность, любовь и молитвенная помощь лучше и вѣтра и кормчаго и руля направляютъ слово наше. Кромѣ того меня утѣшало и то, что вы наслаждались тогда 873
блестящею трапезою, и имѣли угостителя любочестиваго и щедраго. Мы узнали объ этомъ не по слуху только, но и самымъ опытомъ. Нѣкоторые передали намъ то, что̀ было сказано, и по остаткамъ мы сдѣлали заключеніе о цѣльномъ веселіи. Похвалилъ я виновника угощенія и подивился обилію и богатству (трапезы); а вмѣстѣ назвалъ блаженными и васъ за благорасположеніе и внимательность, по которой вы такъ тщательно сохраняете въ памяти сказанное, что можете передать и другому. Поэтому и мы охотно бесѣдуемъ съ вашею любовію. Подлинно, бросающій здѣсь сѣмена не при пути бросаетъ ихъ, и не въ терніе всыпаетъ, и не на камнѣ сѣетъ: такъ тучна и плодоносна ваша пашня умножающая всѣ сѣмена, принимаемыя ею въ свои нѣдра.

Если же когда-нибудь вы оказывали готовность и великое усердіе слушать меня,—какъ и дѣйствительно всегда оказывали,—то прошу и сегодня оказать мнѣ такое же одолженіе. Сегодня у насъ рѣчь не о незначительныхъ, но о важныхъ предметахъ. Поэтому мнѣ нужны глаза видящіе все зорко, умъ бдительный, разсудокъ внимательный, мысли упорядоченныя, душа неусыпная и бодрственная. Вы всѣ слышали чтеніе изъ апостола; и кто внимательно слушалъ читанное, тотъ знаетъ, что намъ предлежатъ сегодня великіе подвиги и усилія. *Егда же,* сказано, *пріиде Петръ во Антіохію, въ лице ему противустахъ* (Гал. II, 11).

2. Не смущаетъ ли каждаго изъ слушателей то, что Павелъ противосталъ Петру, что столпы церкви сталкиваются и нападаютъ другъ на друга? Поистинѣ они — столпы, поддерживающіе и носящіе кровъ вѣры, и столпы, и щиты, и очи тѣла церкви, и источники благъ, и сокровища, и пристанища; впрочемъ всякое названіе, какое бы кто ни далъ имъ, никогда не выразитъ ихъ достоинства. Но чѣмъ выше похвалы имъ, тѣмъ больше подвига намъ. Будьте же внимательны, потому что у насъ рѣчь объ отцахъ нашихъ, — чтобы опровергнуть обвиненія, взводимыя на нихъ людьми внѣшними, чуждыми вѣрѣ. *Егда же пріиде Петръ во Антіохію, въ лице ему противустахъ, яко зазоренъ бѣ.* Далѣе слѣдуетъ и при-

чина этого нареканія. *Прежде бо даже не пріити нѣкимъ отъ Іакова, съ языки ядяше: егда же пріидоша, опряташеся и отлучашеся, бояся сущихъ отъ обрѣзанія. И лицемѣришася съ нимъ и прочіи іудеи, яко и Варнаве пристати лицемѣрству ихъ. Но егда видѣхъ, яко не право ходятъ ко истинѣ благовѣствованія, рекохъ Петру предъ всѣми* (Гал. II, 11—14). И выше онъ говоритъ: *въ лице (противустахъ);* и здѣсь: *предъ всѣми.* Замѣтьте эти слова: *предъ всѣми. Аще ты іудей сый, язычески, а не іудейски живеши, почто языки нудиши іудейски жительствовати* (ст. 14)? Можетъ быть, вы похва-
374 лили Павла за дерзновеніе, за то, что онъ не устыдился достоинства лица, не смутился и присутствовавшихъ, за евангельскую истину. Но если это служитъ похвалою для Павла, то — посрамленіемъ для насъ, такъ какъ что̀ въ этомъ, что Павелъ поступилъ хорошо? Петръ поступалъ дурно, если *неправо ходилъ.* Что мнѣ пользы въ томъ, если изъ пары коней, запряженныхъ вмѣстѣ, который-нибудь одинъ хромаетъ? У меня теперь рѣчь не съ Павломъ, а съ внѣшними. Поэтому я и призываю васъ быть внимательными. Я даже увеличу осужденіе и сдѣлаю его болѣе сильнымъ, чтобы усилить ваше усердіе. Кто ведетъ борьбу, тотъ бываетъ бодрствующимъ; кто боится за отца, тотъ бываетъ внимательнымъ; кто слышитъ обвиненіе, тотъ желаетъ получить защиту. Итакъ, когда я начну усиливать обвиненіе, то не подумайте, что это—слова моего убѣжденія. Этими словами я хочу проникнуть во глубину вашей души, раскрыть вашъ умъ, чтобы, внѣдривъ мысли глубоко, сдѣлать сбереженіе ихъ безопаснымъ. Притомъ и для города вашего послужитъ похвалою то, что будетъ сказано. Въ немъ происходила эта борьба, въ немъ было это состязаніе, или лучше не состязаніе, а только кажущееся состязаніе, а на самомъ дѣлѣ полезнѣйшее всякаго мира, потому что не такъ крѣпко наши члены соединены между собою покровомъ жилъ, какъ крѣпко апостолы связаны были другъ съ другомъ узами любви.

8. Вы хвалите Павла? Послушайте же, какъ сказанное служитъ къ осужденію Павла, если мы не уловимъ сокровеннаго въ этихъ словахъ смысла. Что говоришь ты Павелъ? Ты укорилъ Петра, когда увидѣлъ его не прямо идущимъ къ истинѣ евангелія? Хорошо. Почему же *въ лице*? Почему *предъ всѣми.* Не должно ли было произойти обличенію безъ свидѣтелей? Какъ же ты открываешь судилище и дѣлаешь многихъ свидѣтелями осужденія? Кто не скажетъ, что ты дѣлаешь это по враждѣ, зависти и бранливости? Не ты ли самъ знаешь, сказавъ: *быхъ немощнымъ, яко немощенъ* (1 Кор. IX, 22)? Что значитъ быть *немощнымъ, яко немощенъ?* Снисходя и прикрывая ихъ раны, онъ говоритъ, и не до-

пуская впадать въ безстыдство. Если же ты такъ попечителенъ и человѣколюбивъ къ ученикамъ, то почему же ты сдѣлался безчеловѣчнымъ къ соапостолу? Развѣ ты не слышалъ словъ Христовыхъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ* (Матѳ. XVIII, 15)? А ты и обличаешь открыто и еще хвалишься этимъ дѣломъ. *Егда же*, говоришь, *пріиде Петръ во Антіохію, въ лице ему противустахъ.* И не только обличаешь открыто, но и, какъ бы на столбѣ изобразивъ это состязаніе письменами, дѣлаешь воспоминаніе объ немъ вѣчнымъ, чтобы не только присутствовавшіе тогда, но и всѣ жители вселенной узнали о событіи изъ посланія. Такъ ли поступили съ тобою апостолы въ Іерусалимѣ, когда пришелъ ты чрезъ четырнадцать лѣтъ, предложить имъ свое благовѣствованіе? Не ты ли говоришь: *по четыренадесяти лѣтѣхъ взыдохъ, и предложихъ имъ благовѣствованіе, наединѣ же мнимымъ* (Гал. II, 1, 2)? Что же? Когда ты хотѣлъ предложить имъ наединѣ, они воспрепятствовали этому, обнаружили и сдѣлали извѣстнымъ для всѣхъ? Нельзя сказать. Такъ ты предложилъ наединѣ, и никто не противорѣчилъ; а апостола ты обличаешь при всѣхъ? Ужели тамъ только ты насладился этою благосклонностію? Нѣтъ; и тогда, когда было нѣсколько тысячъ 375
іудеевъ, не съ такою ли же мудростію они поступили съ тобою? Не наединѣ ли оставшись съ тобою они говорили: *видиши ли, брате, колико темъ есть іудей вѣровавшихъ: и вси ревнители закону суть. Увѣстишася же о тебѣ, яко отступленію учиши отъ закона. Что убо есть? Сіе убо сотвори, еже ти глаголемъ: суть у насъ мужи, обѣщавше себе Богу. Сія поимъ очистися съ ними и иждиви на нихъ, да разумѣютъ, яко возвѣщенная о тебѣ ничтоже суть* (Дѣян. XXI, 20—24). Видишь ли, какъ они щадятъ тебя отъ подозрѣнія? Какъ скрываютъ тебя подъ маскою того распоряженія, сохраняя тебя жертвою, очистительными средствами? Почему же и ты не оказалъ такой же попечительности?

4. Если бы случившееся поистинѣ было борьбою и бранливостію, то эти обвиненія имѣли бы основаніе; но это — не борьба а только кажется ею; напротивъ, обнаруживаетъ великую мудрость и Павла и Петра и благорасположеніе ихъ другъ къ другу. Впрочемъ выслушаемъ эту кажущуюся укоризну. *Егда же пріиде Петръ во Антіохію, въ лице ему противустахъ.* Почему? *Яко зазоренъ бѣ.* Въ чемъ же состояла эта *зазорность? Прежде бо даже не пріити нѣкимъ отъ Іакова, съ языки ядяше: егда же пріидоша, опряташеся и отлучашеся, боюся сущихъ отъ обрѣзанія.* Что говоришь ты? Петръ трусливъ и немужественъ? Но не потому ли онъ и названъ Петромъ, что былъ непоколебимъ въ вѣрѣ? Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Постыдись названія, которое далъ этому ученику Господь.

Петръ трусливъ и немужественъ? Кто станетъ слушать такія слова твои? Не то знаетъ о немъ Іерусалимъ, и тогдашнее первое общество и церковь, въ которую онъ вступилъ первый, и первый произнесъ эти блаженныя слова: *сего Іисуса Богъ воскреси, разрѣшивъ болѣзни смертныя*; и еще: *не бо Давидъ взыде на небеса: глаголетъ бо самъ: рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Дѣян. II, 24—35).

Онъ ли, скажи мнѣ, трусливъ и немужественъ, — тотъ, который, среди такого ужаса и такихъ угрожавшихъ опасностей, съ такимъ дерзновеніемъ вошелъ въ среду этихъ кровожадныхъ псовъ, пламенѣвшихъ гнѣвомъ и дышавшихъ убійствомъ, и сказалъ, что Распятый ими и воскресъ, и находится на небесахъ, и сидитъ одесную Отца, и враговъ своихъ окружаетъ безчисленными бѣдствіями? Не удивишься ли ты ему, скажи мнѣ, и не увѣнчаешь ли даже за то одно, что онъ имѣлъ силу открыть свой ротъ, отверсть уста, стать, явиться только среди распявшихъ Его? Подлинно, какое слово, какой умъ можетъ представить его дерзновеніе и откровенность въ тотъ день? Никакой. Если еще прежде распятія на крестѣ іудеи сговорились отлучать отъ синагоги того, кто исповѣдуетъ Христа, то послѣ распятія и погребенія, слыша человѣка, который не только исповѣдуетъ Христа, но и со всѣмъ любомудріемъ проповѣдуетъ все вообще домостроительство (спа-
376 сенія), какъ они не устремились и по частямъ не разорвали того, кто первый изъ всѣхъ отважно осмѣлился противостать ихъ бѣщенству?

5. Подлинно, здѣсь важно не то, что онъ исповѣдалъ Христа, но то, что прежде остальныхъ всѣхъ вообще, когда тѣ бѣсновались и волновались отъ убійства, онъ исповѣдалъ съ дерзновеніемъ. Какъ на войнѣ при боевомъ строѣ, когда фаланга бываетъ сомкнута, мы особенно удивляемся выступающему раньше остальныхъ и разрывающему ея фронтъ, потому что не только этого одного дѣла, но и всѣхъ тѣхъ доблестей, которыя будутъ совершены послѣ другими, считается виновникомъ тотъ, кто сдѣлалъ начало и приступъ, — такъ точно нужно разсуждать и о Петрѣ, что онъ, вышедши первымъ и разорвавъ фронтъ фаланги іудеевъ, и произнесши длинную рѣчь къ народу, такимъ образомъ проложилъ путь и другимъ апостоламъ. Хотя Іоаннъ, хотя Іаковъ, хотя Павелъ, хотя другой кто и совершилъ послѣ что-нибудь великое, но превосходитъ всѣхъ вообще этотъ, проложившій имъ путь своимъ дерзновеніемъ, и открывшій входъ и давшій имъ возможность выступить съ полнымъ безстрашіемъ, подобно рѣкѣ съ сильнымъ теченіемъ, и увлекать за собою противниковъ, а души благосклонныхъ слушателей орошать непрестанно. Ужели послѣ креста

онъ сталъ такимъ? Еще до креста не былъ ли онъ горячѣе всѣхъ? Не былъ ли онъ устами апостоловъ? Не онъ ли говорилъ громко, когда всѣ другіе молчали? *Кого Мя глаголютъ человѣцы быти, Сына человѣческаго*, говорилъ Христосъ; *они же рѣша: ови убо Іоанна Крестителя, иніи же Илію, друзіи же Іеремію, или единаго отъ пророкъ. Вы же*, сказалъ Онъ, *кого Мя глаголете быти? Отвѣщавъ же Петръ, рече: Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѳ. XVI, 13—16). Христосъ сказалъ: *вы*; а за всѣхъ членовъ этого тѣла вслухъ говоритъ Петръ: такъ онъ былъ языкомъ апостоловъ и отвѣчалъ за всѣхъ. Ужели здѣсь только онъ былъ такимъ, а въ другихъ случаяхъ не оставлялъ ли своего усердія? Нисколько; но вездѣ и во всемъ онъ обнаруживалъ ту же ревность. Такъ, когда Христосъ сказалъ: *предадятъ Сына человѣческаго, и уязвятъ Его, и убіютъ*, онъ сказалъ: *милосердъ Ты, Господи; не иматъ быти Тебѣ сіе* (Марк. X, 34. Матѳ. XVI, 22). Не будемъ изслѣдовать то, что отвѣтъ былъ не обдуманъ, но что онъ принадлежалъ къ природному и пламенному влеченію. Еще, когда Христосъ взошелъ на гору и преобразился, былъ видѣнъ тамъ разговаривающимъ съ Ильею и Моисеемъ, опять и тамъ Петръ сказалъ: *аще хощеши, сотворимъ здѣ три сѣни* (Матѳ. XVII, 4).

6. Смотри, какъ онъ любилъ Учителя и замѣть внимательность его и благоразуміе. Такъ какъ ему, послѣ того необдуманнаго отвѣта, были заграждены уста, то здѣсь онъ предоставляетъ дѣло на волю Учителя, прибавляя: *аще хощеши*. Можетъ быть, говоритъ онъ, и теперь я скажу неосмотрительно, подвигаясь влеченіемъ. Поэтому, чтобы не получить того же самаго укора, онъ говоритъ: *аще хощеши*. Также, когда совершалась святая и страшная вечеря, и когда Іисусъ сказалъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя*, Петръ вслѣдствіе уже бывшаго укора не осмѣливался спросить Учителя; но по влеченію, которое питалъ, не могъ и молчать, старался узнать и не показаться поспѣшнымъ и неосмотрительнымъ (Матѳ. XXVI, 21). Какъ же онъ исполнилъ свое желаніе и 377
устроилъ самому себѣ безопасность? Такъ, чтобы желаніемъ узнать показать свое неудержимое влеченіе, а совершеніемъ этого не отъ себя, но предложеніемъ другому, выразить свою осторожность и всю вообще умѣренность. Тѣсно мнѣ отвсюду, говоритъ онъ, слово Владыки о предательствѣ; угрожаетъ великая опасность; стремнина съ обѣихъ сторонъ, молчать ли?—Но забота снѣдаетъ душу мою; сказать ли?—Но боюсь, какъ бы опять не получить укора. Поэтому онъ пошелъ среднимъ путемъ и, хотя былъ вездѣ впереди другихъ, здѣсь имѣлъ нужду въ дерзновеніи Іоанна, чтобы узнать, о чемъ было сказано. Ничѣмъ инымъ онъ не дышалъ и ничего не имѣлъ постоянно въ душѣ своей, кромѣ одного

только Учителя. Поэтому послѣ онъ смѣло шелъ на узы и на тысячи смертей и презиралъ всю настоящую жизнь. Принимая за Него бичеванія и нося раны на своемъ хребтѣ, онъ говорилъ бичевавшимъ: *не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати* (Дѣян. IV, 20). Видишь ли непоработимый духъ? Видишь ли непреодолимое дерзновеніе? Видишь ли душу, исполненную небеснаго влеченія и преданности? Какъ же ты осмѣливаешься говорить, что онъ, боясь *сущихъ отъ обрѣзанія, опряташеся и отлучашеся*? Много можно было бы сказать о Петрѣ и другого, доказывающаго его горячность, мужество и влеченіе, какое онъ имѣлъ ко Христу; но, чтобы не распространить бесѣды неблаговременно, довольно сказаннаго, потому что намъ сегодня предстоитъ не похвалы говорить ему, а разрѣшить кажущееся недоумѣніе и довести этотъ вопросъ до конца.

7. Посмотри и съ другой стороны, какъ невѣроятно это обвиненіе. Вначалѣ, когда онъ говорилъ: *сего Іисуса, егоже вы пригвоздше убисте, Богъ воскреси, разрѣшивъ болѣзни смертныя* (Дѣян. II, 24), тогда онъ находился среди враговъ, которые еще убивали, еще яростію кипѣли, еще хотѣли растерзать учениковъ, потому что страсть была въ нихъ еще сильна и умъ былъ исполненъ ярости. Но теперь, когда Павелъ писалъ это, былъ уже семнадцатый годъ проповѣди; сказавъ: *по тріехъ лѣтѣхъ взыдохъ во Іерусалимъ* (Гал. 1, 18), онъ далѣе говоритъ: *потомъ же по четыренадесяти лѣтѣхъ паки взыдохъ во Іерусалимъ* (Гал. II, 1). Итакъ тотъ, кто не страшился въ началѣ проповѣди, теперь послѣ столь долгаго времени страшится? Тотъ, кто не боялся въ Іерусалимѣ, боится въ Антіохіи? Тотъ, который не трепеталъ тогда среди окружавшихъ его враговъ, теперь, когда нѣтъ враговъ, а одни вѣрующіе и ученики, робѣетъ, боится и *неправо ходитъ*? Основательно ли—при кострѣ горящемъ и поднимающемся въ высоту быть отважно смѣлымъ, а угасшаго и обратившагося въ пепелъ бояться и трепетать? Если бы Петръ былъ труслибъ и немужественнымъ, то онъ боялся бы въ началѣ проповѣди, въ столицѣ іудейской, гдѣ всѣ были врагами, а не по прошествіи столь долгаго времени, не въ христіаннѣйшемъ городѣ, не въ присутствіи друзей и близкихъ. Такимъ образомъ ни время, ни мѣсто, ни свойство лицъ не дозволяютъ намъ принимать эти слова такъ, какъ сказано, и обвинять Петра въ трусости. Вы похвалили сейчасъ
378 сказанное? Сначала вы удивлялись Павлу и были поражены его дерзновеніемъ; а теперь вотъ бесѣда наша дала другой оборотъ обвиненію. Но какъ вначалѣ я сказалъ, что мнѣ нѣтъ никакой пользы, если при томъ, что Павелъ хорошо поступаетъ, Петръ окажется поступающимъ нехорошо,—потому что обвиненіе и нашъ

стыдъ останутся, этотъ ли или тотъ окажется погрѣшившимъ,—такъ и теперь тоже самое говорю опять, т. е. что мнѣ нѣтъ никакой пользы, если по отклоненіи обвиненія отъ Петра, Павелъ явится дерзко и неосмотрительно обвиняющимъ соапостола. Вотъ и этого освободимъ отъ обвиненій. Что? Петръ таковъ, а Павелъ не таковъ? Но что можетъ быть горячѣе Павла, который каждый день умиралъ за Христа? Впрочемъ теперь у насъ рѣчь не о мужествѣ,—потому что какъ это будетъ относиться къ дѣлу?—но о томъ, не враждебно ли онъ былъ расположенъ къ апостолу, или не была ли эта борьба дѣломъ какого-нибудь тщеславія и бранливости. Но это не возможно сказать, да не будетъ. Павелъ былъ слугою не только Петра, верховнаго между тѣми святыми, но и всѣхъ вообще апостоловъ, хотя превышалъ всѣхъ по своимъ трудамъ; и однако считалъ себя послѣднимъ изъ всѣхъ: *азъ бо есмь мній апостоловъ,* говоритъ онъ, *иже нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ* (1 Кор. xv, 9); и не только апостоловъ, а и всѣхъ вообще святыхъ: *мнѣ,* говоритъ онъ, *меншему всѣхъ святыхъ дана бысть благодать сія* (Ефес. III, 8).

8. Видишь ли сокрушенную его душу? Видишь ли, какъ онъ ставитъ себя ниже всѣхъ святыхъ, а не только апостоловъ? Притомъ, имѣя такое расположеніе ко всѣмъ, онъ зналъ и то, какимъ предпочтеніемъ долженъ былъ пользоваться Петръ, и уважалъ его больше всѣхъ людей, и вообще относился къ нему такъ, какъ тотъ заслуживалъ. Это видно изъ слѣдующаго. Вся вселенная на него смотрѣла, думы о церквахъ всей земли лежали на душѣ его, тысячи дѣлъ каждый день его озабочивали, отвсюду окружали его попеченія, распоряженія, исправленія, совѣты, увѣщанія, ученія, устроеніе безчисленныхъ дѣлъ, и однако, оставивъ все это онъ пошелъ въ Іерусалимъ, и предлогомъ къ путешествію не было ничего другого, какъ только видѣть Петра, какъ онъ самъ говоритъ: *взыдохъ во Іерусалимъ соглядати Петра* (Гал. I, 18); такъ онъ почиталъ его и ставилъ выше всѣхъ. Что же? Увидѣвъ его, тотчасъ удалился? Нѣтъ; но оставался у него пятнадцать дней. Скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ благороднаго и дивнаго воина, который по объявленіи войны, когда поставленъ боевой строй, борьба кипитъ, когда тысячи дѣлъ отвсюду призываютъ его, оставилъ боевой строй и отправился на свиданіе съ какимъ-нибудь другомъ, то ужели, скажи мнѣ, ты искалъ бы другого большаго доказательства благосклонности его къ тому человѣку? Не думаю. Такъ же разсуждай и о Павлѣ и Петрѣ. Подлинно и здѣсь установилась тяжкая война, было сраженіе и борьба не только съ людьми, но съ *началами, властьми,* и *міродержателями тьмы вѣка сего* (Ефес. VI, 12), борьба за спасеніе людей. И однако онъ такъ уважалъ 379

Петра, что при такой настоятельной и тѣснящей нуждѣ поспѣшилъ для него въ Іерусалимъ, оставался у него пятнадцать дней, и тогда отошелъ назадъ. Итакъ, вы узнали мужество Петра, поняли дружелюбное расположеніе Павла ко всѣмъ апостоламъ, къ самому Петру; теперь, наконецъ, необходимо приступить къ рѣшенію изслѣдованія. Если и этотъ любилъ Петра, и тотъ не былъ труслив и немужественъ, и бранливость и сопротивленіе не происходили изъ души, то что значатъ сказанныя слова? И для чего это было устроено?

9. Здѣсь будьте внимательны, и ободритесь и напрягите самихъ себя, чтобы ясно усвоить это оправданіе. И неумѣстно, чтобы я оставался при такомъ трудѣ, разрывая, а вы, съ пріятностію имѣющіе видѣть золото, легкомысленно пробѣжали мимо этой выгоды. Впрочемъ, необходимо начать рѣчь нѣсколько выше, чтобы сдѣлать для васъ наставленіе болѣе яснымъ. Когда Іисусъ восшелъ на небеса, исполнивъ наше домостроительство, то оставилъ слово ученія своимъ апостоламъ, какъ говоритъ Павелъ: *положивъ въ насъ слово примиренія*; и еще: *по Христѣ посолствуемъ, яко Богу молящу нами*, т. е. вмѣсто Христа (2 Кор. v, 19, 20). Итакъ тогда, когда они проповѣдывали по всей вселенной, не было никакой ереси; но весь родъ человѣческій имѣлъ два ученія, одно здравое, а другое растлѣнное. Всѣ жители земли были или язычниками, или іудеями; не было тогда ни Манихея, ни Маркіона, ни Валентина, вообще никакого другого еретика; для чего перечислять всѣ ереси? Плевелы, эта всевозможная порча ересей, посѣяны были уже послѣ пшеницы. Такимъ образомъ іудеевъ Христосъ поручилъ Петру, а язычниковъ предоставилъ Павлу. Это я говорю не отъ себя, но можно слышать отъ самого Павла, который говоритъ: *споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова и мнѣ во языки* (Гал. II, 8), разумѣя здѣсь подъ обрѣзаніемъ самый народъ. Откуда это видно? Изъ прибавочныхъ словъ, потому что сказавъ: *споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова и мнѣ*, говоритъ: *во языки*, выражая, что *обрѣзаніе* употребилъ онъ въ противоположность *языкамъ*. Но язычникамъ не обрѣзаніе противоположно, а іудеи, на которыхъ онъ намекнулъ чрезъ *обрѣзаніе*. Какъ бы такъ сказалъ: содѣйствовавшій Петру въ апостольствѣ къ іудеямъ, содѣйствовалъ и мнѣ—къ язычникамъ. Какъ мудрый царь, съ точностію зная способнаго, одному поручаетъ всадниковъ, другому главенство надъ пѣшими,—такъ точно и Христосъ, раздѣливъ свое воинство на двѣ части, обратилъ іудеевъ къ Петру, а язычниковъ къ Павлу. Войска различны, а царь одинъ. И какъ тамъ различіе войскъ состоитъ въ родѣ оружія, а не въ природѣ людей, такъ точно и здѣсь разли-

чіе является въ незначительномъ видѣ плоти, не въ измѣненіи сущности.

10. Итакъ, имъ двоимъ, какъ я сказалъ, поручены были оба 380 эти воинства. Если не удлинню своей бесѣды и если вы не утомитесь, то скажу вамъ и причину, по которой одному ввѣрены были іудеи, а другому язычники. Подлинно, достойно изслѣдованія, почему Павлу, который, бывъ тщательно наученъ отеческому закону, находился при ногахъ Гамаліила и былъ неукоризненъ въ правдѣ законной, ввѣрены не іудеи, но язычники; а рыбарю, неученому и незнавшему ничего такого, Петру, ввѣрено начальство надъ іудеями. Притомъ это послужитъ нѣсколько къ разрѣшенію и нашего вопроса, если мы будемъ въ состояніи хорошо объяснить это. Нельзя сказать, будто Христосъ, видя, что Павелъ медлитъ, уклоняется и избѣгаетъ начальства надъ своими, не хотѣлъ насиловать и принуждать его. Онъ показывалъ въ себѣ все совершенно противное этому; онъ не только не избѣгалъ начальства надъ іудеями, а напротивъ первый приступилъ къ этому, и, когда Христосъ повелѣвалъ ему идти къ язычникамъ, онъ просилъ поручить ему устроеніе спасенія іудеевъ; и претерпѣвая отъ нихъ многократно безчисленныя бѣдствія, тогда какъ ему уже было ввѣрено наставленіе язычниковъ, онъ не переставалъ просить за тѣхъ и говорилъ то такъ: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Рим. IX, 3); то такъ: *братіе, благоволеніе убо моего сердца, и молитва яже къ Богу по Израили есть во спасеніе* (Рим. X, 1). Почему же, не смотря на то, что онъ желалъ и домогался учить ихъ, Христосъ не дозволилъ ему проповѣдывать имъ, а вмѣсто нихъ послалъ его учителемъ къ язычникамъ? Выслушаемъ слова самого Христа, и Павла, повѣствующаго обо всемъ этомъ: *бысть же*, говоритъ онъ, *молящумися быти во изступленіи, и видѣти Христа, глаголюща ми: потщися и взыди скоро (изъ Іерусалима), зане не пріимутъ свидѣтельства твоего, еже о Мнѣ* (Дѣян. XXII, 17, 18). Господь сказалъ и причину удаленія: возненавидятъ тебя, говоритъ, и будутъ отвращаться; поэтому не примутъ тебя учителемъ. Между тѣмъ сдѣлать его учителемъ достовѣрнымъ и убѣдить ихъ достаточно могло и то самое, что нечеловѣческая перемѣна произошла. Въ самомъ дѣлѣ, человѣка, бывшаго въ такомъ неистовствѣ, пламенѣвшаго яростію и дышавшаго убійствомъ, и невѣрившаго ни Христу, творившему чудеса, ни апостоламъ Его, воскрешавшимъ мертвыхъ, никогда никакой человѣкъ не могъ бы измѣнить среди самаго его неистовства и то чрезмѣрное усердіе, которое онъ обнаруживалъ противъ проповѣди, убѣдить всецѣло и еще въ большей степени показать за исповѣданіе Христа; но по-

истинѣ это обращеніе и измѣненіе было дѣломъ силы Божественной.

11. Это выразилъ и самъ Павелъ, когда, изъявляя желаніе получить руководительство надъ іудеями, говорилъ Іисусу: *Господи, сами вѣдятъ, яко азъ бѣхъ всаждая въ темницу и бія вѣрующыя въ Тя, и егда изливашеся кровь Стефана, свидѣтеля Твоего, и самъ бѣхъ соизволяя убіенію его* (Дѣян. XXII, 19, 20). Это великое неистовство ручается за всю происшедшую перемѣну, что она не человѣческая какая-нибудь, но свыше и получила начало съ небесъ. Что же Христосъ? *Иди,* сказалъ Онъ, *яко Азъ во языки далече послю тя*
381 (Дѣян. XXII, 21). Недостаточно ли, говоритъ (Павелъ), этого для убѣжденія и самыхъ безчувственныхъ, что такая проповѣдь не человѣческая, но свыше человѣческой природы все происшедшее, и что поистинѣ Богъ совершилъ такую перемѣну и обращеніе? Достаточно, блаженный Павелъ, если изслѣдовать самую природу дѣлъ; но іудеи неразумнѣе всѣхъ: не изслѣдуя природы дѣлъ и не разсматривая естественность и вѣроятность и необходимость, они смотрятъ только на то, чтобы исполниться вражды. Ты смотришь на послѣдовательность дѣлъ, а Богъ знаетъ сокровеннѣйшіе ихъ помыслы,—поэтому Онъ и говоритъ: *иди, яко Азъ во языки далече послю тя,* чтобы самымъ разстояніемъ утолить ихъ ненависть.

Поэтому (и Павелъ) въ посланіяхъ ко всѣмъ остальнымъ полагаетъ свое имя въ началѣ посланій; а въ посланіи къ евреямъ не сдѣлалъ этого, и, не сказавъ, кто онъ и къ кому пишетъ, какъ обыкновенно дѣлалъ, просто началъ такъ: *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый отцемъ* нашимъ (Евр. I, 1). И это обнаруживаетъ мудрость Павлову. Дабы писаніе не подверглось ненависти вмѣстѣ съ нимъ, онъ, какъ бы какою маскою скрывъ себя отнятіемъ отъ него своего имени, незамѣтнымъ образомъ предлагаетъ имъ врачество увѣщанія. Такъ и мы, когда имѣемъ къ кому неблагопріятное расположеніе, то, хотя бы онъ говорилъ что-нибудь здравое, неохотно и не съ удовольствіемъ принимаемъ слова его; поэтому и тогда, чтобы не случилось того же, онъ отнялъ собственное названіе отъ посланія, дабы это не послужило препятствіемъ къ слушанію посланія. Вѣдь не одни только невѣрные іудеи, но и увѣровавшіе сами ненавидѣли его и отвращались. Такъ, когда онъ пришелъ въ Іерусалимъ, послушай, что̀ говоритъ ему Іаковъ и всѣ остальные: *видишь ли, брате, колико темъ есть іудей вѣровавшихъ: и вси ревнители закону суть: увѣсти-шася же о тебѣ, яко отступленію учиши отъ закона* (Дѣян. XXI, 20, 21). За это особенно они ненавидѣли его и отвращались.

12. Итакъ, вотъ причина, почему ему ввѣрены были не іудеи,

а вѣрующіе изъ язычниковъ. Получивъ же накопецъ ихъ, онъ не такъ, какъ Петръ, и не тѣмъ же путемъ приводилъ ихъ къ вѣрѣ, а другимъ. Впрочемъ, слыша: *другимъ*, ты не разумѣй различія проповѣди. Они оба проповѣдывали одно и тоже и іудеямъ и язычникамъ,—именно то, что Христосъ есть Богъ, что Онъ былъ распятъ и погребенъ и воскресъ и находится одесную Отца, что Онъ имѣетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и тому подобное, одинаково проповѣдывали и Павелъ и Петръ. Въ чемъ же было различіе? Въ наблюденіи яствъ, въ обрѣзаніи и въ остальныхъ іудейскихъ обычаяхъ. Петръ не осмѣливался явно и ясно сказать ученикамъ своимъ, что должно навсегда оставить это. Онъ боялся, чтобы, рѣшаясь преждевременно отнять эту привычку, не отнять вмѣстѣ съ нею и вѣры во Христа, такъ какъ душа іудеевъ, по причинѣ долговременной привязанности къ закону, не выдерживала еще слышать этихъ словъ. Поэтому блаженный Петръ переносилъ ихъ іудействующихъ. Какъ лучшій земледѣлецъ, посадивъ нѣжное растеніе близъ состарѣвшагося дерева, не осмѣливается 382
и не позволяетъ вырвать состарѣвшееся дерево, боясь, чтобы, извлекая его корни, не извлечь вмѣстѣ съ ними и молодого дерева, но даетъ прежде этому хорошо укрѣпиться и укорениться въ самыхъ нѣдрахъ земли, и тогда уже безопасно исторгаетъ старое, нисколько не опасаясь за молодое,—такъ точно поступалъ и блаженный Петръ: новонасажденной вѣрѣ предоставилъ хорошо укрѣпиться въ душахъ слушателей, чтобы, когда она укоренится, безбоязненно исторгнуть, наконецъ, всѣ іудейскіе предразсудки. Но Павелъ не такъ: онъ былъ свободенъ отъ всей этой необходимости, проповѣдуя язычникамъ, которые не имѣли никакого участія въ законѣ (Моисеевомъ) и не слыхали объ іудейскихъ обрядахъ. А что они дѣлали это не изъ противленія другъ другу, но изъ снисхожденія къ немощи учениковъ, это можно видѣть изъ того, что и Павелъ, подобно Петру, уступалъ въ томъ же самомъ, и не только уступалъ, но и самъ содѣйствовалъ, и Петръ поставлялъ закономъ ту же свободу, которую Павелъ проповѣдывалъ всѣмъ язычникамъ. Гдѣ же, скажутъ, можно видѣть то и другое? Въ самомъ Іерусалимѣ. Учитель язычниковъ и остригался, и приносилъ жертву, и совершалъ очищеніе, потому что этого требовало время и присутствіе многихъ іудеевъ. *Видиши ли*, говорили, *брате, колико темъ есть іудей* собравшихся: *и увѣстишася о тебѣ, яко отступленію отъ закона учиши* (Дѣян. XXI, 20, 21).

13. Такимъ образомъ онъ, будучи вынужденъ быть снисходительнымъ, іудействовалъ; но это было дѣломъ не убѣжденія, а домостроительства. Также и Петръ, учитель іудеевъ, вездѣ допускавшій обрѣзаніе и іудейскіе обряды по немощи учениковъ,

тогда, когда видѣлъ, что время освобождаетъ его отъ этой необходимости, и когда не безопасно было до такой степени пользоваться снисходительностію, а было время догматовъ и законовъ, послушай, что говоритъ. Когда пришли изъ Антіохіи спутники Павла и Варнавы, чтобы получить ясное свѣдѣніе объ этомъ самомъ, то *многу взысканію бывшу, воставъ Петръ рече: мужіе братіе, вы вѣсте, яко отъ днїй первыхъ Богъ въ насъ избра усты моими услышати языкомъ слово благовѣстія и вѣровати.* Потомъ, сказавъ еще нѣчто, онъ прибавилъ: *что убо искушаете Бога, хотяще возложити иго на выи учениковъ, егоже ни отцы наши ни мы возмогохомъ понести; но благодатію Господа Іисуса Христа вѣруемъ спастися, якоже и они* (Дѣян. xv, 7, 11). Видишь, что когда было время снисхожденію, то и Павелъ іудействовалъ; а когда не было времени снисхожденію, а нужно было предлагать догматы и законы, то и Петръ, оставивъ эту снисходительность, предлагаетъ точные и чистые догматы; и когда это было говорено, Павелъ присутствовалъ и слышалъ и, принявъ посланіе, самъ носилъ его повсюду, и слѣдовательно нельзя сказать, что онъ не зналъ мнѣнія апостола (Петра). Почему же теперь онъ обвиняетъ его въ этомъ и говоритъ: *боясь сущихъ отъ обрѣзанія* (Гал. II, 12)?

14. Чтобы вы знали самую исторію сказаннаго, я начну излагать вамъ немного выше; но будьте внимательны, призываю васъ, потому что мы спустились въ самую глубину разрѣшаемаго
383 вопроса. Іаковъ, братъ Господень, былъ тогда вначалѣ епископомъ церкви іерусалимской и предстоятелемъ всѣхъ увѣровавшихъ изъ іудеевъ. Случилось быть и въ Антіохіи іудеямъ, которые, увѣровавъ во Христа, — вслѣдствіе отдаленности отъ Іерусалима и того, что многіе увѣровавшіе изъ язычниковъ жили безбоязненно и внѣ іудейскихъ обрядовъ, — тихо и по малу и сами расположились отстать отъ іудейской привычки, содержать чистое и подлинное ученіе вѣры. Петръ, пришедши туда и увидѣвъ, что не было никакой нужды въ снисхожденіи, жилъ наконецъ по-язычески. Выраженіе Павла: *язычески жить*, значитъ жить безъ соблюденія іудейскихъ обрядовъ, не соблюдать ничего предписываемаго закономъ (іудейскимъ), какъ-то: обрѣзанія, субботы и прочаго подобнаго. Между тѣмъ какъ Петръ жилъ такимъ образомъ, пришли нѣкоторые іудеи отъ Іакова, т. е. изъ Іерусалима, которые вращаясь постоянно въ этой столицѣ и не видя никого жившимъ иначе, имѣли еще іудейскій предразсудокъ и держались многихъ изъ тѣхъ обрядовъ. Петръ, увидѣвъ, что пришедшіе изъ Іерусалима и отъ Іакова еще немощны, и боясь, чтобы они, соблазнившись, не отступили отъ вѣры, опять перемѣнился и, переставъ жить *язычески*, возвратился къ прежней

снисходительности, соблюдая разборчивость въ яствахъ. Іудеи, вращавшіеся въ Антіохіи, увидѣвъ, что онъ дѣлаетъ это, и не зная мысли его, съ какою онъ такъ поступалъ, увлеклись и сами и принуждены были іудействовать ради учителя. За это и обвиняетъ его Павелъ; а чтобы сказанное было для васъ болѣе яснымъ, я прочитаю вамъ наконецъ самыя слова апостольскія. *Егда же пріиде Петръ въ Антіохію, въ лице ему противустахъ, яко зазоренъ бѣ. Прежде бо даже не пріити нѣкимъ отъ Іакова,* т. е. изъ изъ Іерусалима, *съ языки ядяше,* т. е. съ находящимися въ Антіохіи. *Егда же пріидоша* нѣкоторые изъ Іерусалима, знающіе законъ, *опряташеся и отлучашеся, бояся сущихъ отъ обрѣзанія.* Кого? Пришедшихъ отъ Іакова. *И лицемѣришася съ нимъ и прочіи іудеи.* Какіе іудеи? Тѣ, которые вращались въ Антіохіи до прибытія іудеевъ изъ Іерусалима и не соблюдали никакихъ іудейскихъ обрядовъ. *Яко и Варнавѣ пристати лицемѣрству ихъ.* Вотъ, въ чемъ состоитъ кажущаяся вина.

15. Если желаете, я напередъ предложу оправданія, придуманныя другими, а потомъ попытаюсь предложить и свое собственное слово, предоставляя вамъ выборъ изъ сказаннаго. Какъ же нѣкоторые разрѣшаютъ этотъ вопросъ? Это не тотъ былъ Петръ, говорятъ, первый изъ апостоловъ, которому ввѣрены были Господомъ овцы, а какой-то другой, маловажный и негодный, и одинъ изъ многихъ. Откуда это видно? Изъ того, что Павелъ, сказавъ: *лицемѣришася съ нимъ и прочіи іудеи,* прибавилъ: *яко и Варнавѣ пристати лицемѣрству ихъ.* Выраженіе: *яко и Варнавѣ*— показываетъ, что это было гораздо удивительнѣе лицемѣріе 384
Петра, такъ какъ, сказавъ, что не только Петръ, но и Варнава (такъ поступали), онъ какъ бы поставилъ его выше, а Варнава не былъ выше того Петра. Но это не такъ. Не потому, будто Варнава былъ выше, онъ болѣе удивлялся этому, а почему? Потому, что тотъ былъ посланъ къ обрѣзаннымъ, а Варнава съ Павломъ проповѣдывалъ язычникамъ и вездѣ былъ связанъ вмѣстѣ съ Павломъ, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *или единъ азъ и Варнава не имамы власти еже не дѣлати* (1 Кор. IX, 6); и еще: *взыдохъ въ Іерусалимъ съ Варнавою* (Гал. II, 1); и вездѣ видишь его учащимъ вмѣстѣ съ Павломъ. Итакъ не потому, будто Варнава былъ выше Петра, Павелъ удивляется, что и самъ онъ увлекся, а потому, что онъ всегда проповѣдывалъ вмѣстѣ съ нимъ, не имѣлъ ничего общаго съ іудеями, но училъ между язычниками, и между тѣмъ самъ увлекся. А что дѣйствительно былъ апостолъ Петръ, о которомъ говорится все это, можно видѣть и изъ предыдущаго и изъ послѣдующаго. Сказать: *въ лице ему противустахъ,* и считать это дѣломъ важнымъ, значило не что иное, какъ показать, что онъ

не устыдился достоинства этого лица; а говоря о другомъ: *въ лице ему противустахъ*, Павелъ не считалъ бы этого дѣломъ важнымъ. Притомъ, если бы это былъ другой Петръ, то перемѣнчивость его не имѣла бы столько силы, чтобы привлечь и остальныхъ іудеевъ, потому что онъ не убѣждалъ и не совѣтовалъ, а только таился и устранялся, и эта уклончивость и устраненіе имѣли силу привлечь къ себѣ всѣхъ учениковъ по причинѣ достоинства его лица.

16. Итакъ, отсюда видно, что это былъ апостолъ Петръ. Если желаете, мы скажемъ и другое разрѣшеніе. Какое же это другое? Павелъ, говорятъ, справедливо укорялъ Петра, потому что онъ пользовался снисхожденіемъ чрезъ мѣру. Какъ самъ онъ былъ снисходителенъ къ іудеямъ, находясь въ Іерусалимѣ, такъ и тому нужно было, прибывъ въ Антіохію, смотрѣть не на іудеевъ, а на увѣровавшихъ изъ язычниковъ, потому что какъ тамъ, гдѣ всѣ были іудеи, Павелъ принужденъ былъ іудействовать, такъ и здѣсь, гдѣ большинство было изъ язычниковъ и городъ не представлялъ такой нужды въ снисхожденіи, не слѣдовало для немногихъ іудеевъ соблазнять столь многихъ язычниковъ. Но это не рѣшеніе, а напряженіе вопроса. Въ началѣ бесѣды я сказалъ, что мы не стараемся показать, что Павелъ справедливо укорялъ Петра, такъ какъ въ такомъ случаѣ вопросъ останется, Петръ окажется подлежащимъ порицанію, а намъ нужно изслѣдовать и освободить отъ вины и этого и того. Какъ же это будетъ? Если мы узнаемъ намѣреніе, съ какимъ одинъ укорялъ, а другой принималъ укоризну, и раскроемъ самую мысль ихъ. Какая же это мысль? Петръ сильно домогался освободить отъ іудейскаго обряда и пришедшихъ изъ Іерусалима отъ Іакова. Но если бы онъ самъ сталъ приводить въ исполненіе эту мысль и, пришедши, сказалъ: перестаньте пользоваться іудейскими обычаями, то соблазнилъ бы учениковъ, какъ говорящій вопреки самому себѣ и всему, что
385 самъ дѣлалъ въ прежнее время. Также если бы и Павелъ обратился къ нимъ съ рѣчью объ этомъ, то они не вняли бы и не выдержали бы словъ его. Тѣ, которые и безъ этого ненавидѣли его и отвращались вслѣдствіе такой молвы о немъ, еще болѣе отступили бы отъ него, если бы услышали отъ него такой совѣтъ. Что же происходитъ? Іудеевъ, пришедшихъ отъ Іакова, никто изъ нихъ не укоряетъ, а принимаетъ укоризну Петръ отъ Павла, чтобы обвиняемый отъ соапостола имѣлъ, наконецъ, справедливое дерзновеніе упрекнуть и своихъ учениковъ; укоряется Петръ, а исправляются ученики. Тоже бываетъ и въ житейскихъ договорахъ. Когда за нѣкоторыми остаются недоимки общественныхъ податей, то обязанные требовать отъ нихъ этого, совѣстясь и сты-

дясь приступить къ нимъ настойчиво, но желая получить лучшій случай и возможность дѣйствовать на нихъ сильнѣе, устрояютъ такъ, чтобы другіе изъ сослуживцевъ ихъ обирали ихъ, осыпали злословіями и причиняли имъ другія безчисленныя непріятности предъ глазами тѣхъ, чтобы показать, что они не сами собою и не отъ себя, но по принужденію отъ другихъ дѣйствуютъ въ отношеніи къ тѣмъ настойчиво, и такимъ образомъ оскорбленіе, наносимое имъ другими, служитъ для нихъ оправданіемъ предъ ихъ подчиненными.

17. Тоже произошло между Павломъ и Петромъ. За іудеями оставались нѣкоторые недоимки. Какія же? То, чтобы совершенно отстать отъ іудейства. Петръ сильно желалъ истребовать отъ нихъ эту недоимку и взыскать отъ нихъ чистую вѣру. Поэтому, желая имѣть больше возможности и поводъ для такого взысканія, онъ устраиваетъ такъ, что Павелъ сдѣлалъ ему сильный упрекъ и укоризну, дабы этотъ притворный упрекъ доставилъ ему справедливый поводъ и предлогъ къ дерзновенію въ отношеніи къ нимъ. Поэтому Павелъ и вначалѣ говоритъ: *въ лице ему противустахъ*; и здѣсь опять: *рекохъ Петру предъ всѣми* (Гал. II, 14). Подлинно, если бы онъ желалъ исправить апостола, то сдѣлалъ бы это наединѣ; а такъ какъ не объ этомъ онъ старался,—потому что онъ зналъ мысль, съ какою тотъ дѣлалъ все это,—но старался укрѣпить тѣхъ, которые давно хромали, то и дѣлаетъ упрекъ предъ всѣми. А Петръ выдерживаетъ, молчитъ и не возражаетъ, потому что онъ зналъ намѣреніе, съ какимъ Павелъ дѣлалъ упрекъ; и такимъ образомъ Петръ все исправилъ своимъ молчаніемъ, потому что его молчаніе было для іудеевъ наставленіемъ—не держаться болѣе обрядовъ закона. Учитель не промолчалъ бы, думали они, если бы не признавалъ справедливости упрека Павлова. Но, если угодно, выслушаемъ и самый упрекъ. *Рекохъ*, говоритъ онъ, *Петру предъ всѣми: аще ты іудей сый, язычески живеши*. Разсмотри благоразуміе; не сказалъ ему: ты худо дѣлаешь, живя по іудейски но обличаетъ его прежнее поведеніе, чтобы казалось, что увѣщаніе и совѣтъ были предложены не по мысли Павла, а по происшедшему уже рѣшенію Петра. Если бы онъ сказалъ: ты худо дѣлаешь, соблюдая законъ, то его стали бы порицать ученики Петровы; а теперь, услышавъ, что это увѣщаніе и исправленіе 386
были не по мысли Павла, а самъ Петръ такъ жилъ и имѣлъ въ своей душѣ это ученіе, они волею неволею оставались спокойными. Поэтому Петръ и не предлагаетъ своего мнѣнія, а принимаетъ обличеніе отъ другого, разумѣю Павла, и молчитъ, чтобы наставленіе сдѣлалось удобопріемлемымъ.

18. И не отсюда только можно видѣть благоразуміе Павла, но

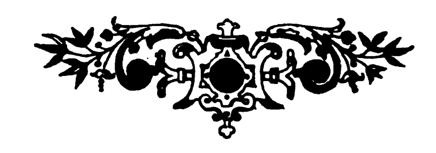
и изъ рядомъ сказаннаго. Онъ не сказалъ: *аще ты іудей сый язычески, а не іудейски* жилъ, но: *живеши,* т. е. и теперь держишься того же образа мыслей. И дальнѣйшія слова его исполнены великаго благоразумія. Сказавъ: *язычески живеши, іудей сый,* онъ не прибавилъ: для чего принуждаешь іудеевъ іудействовать, но что? *Почто языки,* говоритъ, *нудиши іудейски жителствовати,*—чтобы подъ видомъ оправданія своихъ собственныхъ учениковъ и подъ предлогомъ попеченія о язычникахъ убѣдить іудеевъ отстать отъ старой привычки. А что обвиненія были сдѣланы притворно, это ясно изъ самыхъ словъ. Сказавъ выше: *лицемѣришася съ нимъ и прочіи іудеи,* здѣсь онъ говоритъ: *почто языки нудиши іудейски жителствовати?* Между тѣмъ нужно было бы сказать: для чего ты іудеевъ принуждаешь іудействовать,—потому что увлекавшіеся были не изъ язычниковъ, а іудеи. Но если бы онъ это сказалъ, то его слово показалось бы жесткимъ и нисколько для него неприличнымъ, такъ какъ онъ былъ учитель язычниковъ; а теперь, подъ видомъ попеченія о своихъ собственныхъ ученикахъ, онъ дѣлаетъ упрекъ неотвѣтственный и свободный. Чтобы вы убѣдились, что сказанное имъ было не упрекомъ Петру, а увѣщаніемъ и наставленіемъ іудеямъ въ видѣ упрека Петру, выслушайте дальнѣйшее. *Мы естествомъ іудеи, а не отъ языкъ грѣшницы* (Гал. II, 15). Эти слова наконецъ—учителя, и уже не обращаетъ все къ Петру, а обобщаетъ слово. Если бы онъ съ самаго начала предложилъ это какъ учитель, то іудеи не вынесли бы словъ его; а теперь, начавъ съ упрека и повидимому сдѣлавъ справедливый упрекъ Петру, какъ бы увлекавшему вѣрующихъ изъ язычниковъ къ соблюденію обрядовъ закона, онъ безбоязненно приступаетъ, наконецъ, къ увѣщанію и совѣту, такъ какъ послѣдовательность рѣчи довела его до этого. Чтобы кто-нибудь, услышавъ: *почто языки нудиши іудейски жителствовати,* не подумалъ, будто только тѣмъ невозможно іудействовать, а іудеямъ предоставлено, онъ обращаетъ слово къ самимъ учителямъ. Что говорю я, продолжаетъ онъ, о язычникахъ или остальныхъ іудеяхъ? Напротивъ, *мы* — учители, *мы* — апостолы. И не это только право онъ называетъ, что они—учители и апостолы, но и то, что они будучи іудеями отъ предковъ, совершенно отстали отъ закона. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, привлекая къ этому другихъ? Видишь ли, какъ незамѣтнымъ образомъ онъ касается іудеевъ и предлагаетъ приличное наставленіе? Сказавъ: *мы естествомъ іудеи, а не отъ языкъ грѣшницы,* онъ приводитъ и разумную причину, по которой они отступили отъ іудейства: *увѣдѣвше же, яко не оправдится человѣкъ отъ дѣлъ закона, но токмо вѣрою Іисусъ Христовою: и мы во Христа Іисуса вѣровахомъ, да оправдимся отъ вѣры Христовы, а не отъ дѣлъ закона: зане не оправдится*

отъ дѣлъ закона всяка плоть, но токмо вѣрою Іисусъ Христовою (Гал. II, 16).

19. Видишь ли, какъ часто упоминаетъ онъ и о немощи закона и объ оправданіи вѣрою? И постоянно онъ употребляетъ эти названія, что свойственно не укоряющему, а учащему и совѣтую- 387
щему. Но, какъ я сказалъ, если бы онъ говорилъ это обращаясь къ іудеямъ, то все исчезло бы и погибло, такъ какъ не приняли бы его наставленія: когда же онъ обратилъ слово къ Петру, то тѣ незамѣтнымъ образомъ имѣли плодомъ для себя пользу, послѣ того какъ Петръ укоренъ и молчалъ, и весь образъ его мыслей открылся, не отъ него самого, но отъ соапостола, и прежнее его поведеніе стало извѣстнымъ. Потомъ, чтобы они не говорили между собою: а что, если и Петръ и Павелъ худо сдѣлали — онъ приводитъ справедливыя и безспорныя причины, почему не должно держаться іудейскихъ обычаевъ. Эти причины, состоять въ томъ, что законъ не можетъ оправдывать, а только вѣра. Здѣсь онъ пользуется болѣе кроткимъ словомъ, но идя далѣе, дѣлаетъ его болѣе жесткимъ и сильнымъ. *Аще ли ищущи оправдитися о Христѣ, обрѣтохомся и сами грѣшницы, Христосъ убо грѣху ли служитель* (Гал. II, 17)? Смыслъ словъ его слѣдующій: вѣра оправдываетъ и повелѣваетъ отстать отъ іудейскихъ обычаевъ, какъ уже прекратившихся; а если законъ еще властвуетъ и есть господинъ, и оставившій его судится за отступленіе, то Христосъ, повелѣвшій оставить его, окажется виновникомъ нашего преступленія, и не только не освободившимъ насъ отъ грѣха, но введшимъ въ грѣхъ. Если мы оставили законъ для вѣры, а оставлять законъ — грѣхъ, то вѣра, для которой мы оставили законъ, сама сдѣлалась причиною нашего грѣха. Когда такимъ образомъ онъ довелъ рѣчь до нелѣпости, то ему уже не было нужды ни въ какихъ доказательствахъ для опроверженія, а довольно было сказать: *да не будетъ*, такъ какъ нелѣпость отсюда признавалась сама собою. *Аще бо*, продолжаетъ онъ, *яже разорихъ, сія паки созидаю, преступника себѣ представляю* (Гал. II, 18). Здѣсь онъ обращаетъ рѣчь къ противному и показываетъ, что не преступать законъ, а не оставлять закона, вотъ что дѣлаетъ преступникомъ, и подъ видомъ собственнаго лица опять намекаетъ на Петра. Въ самомъ дѣлѣ, не нарушилъ ли Петръ разборчивости въ яствахъ, принявшись жить по-язычески? Поэтому возвратившись опять къ іудеямъ и живя съ ними, онъ окажется созидающимъ то, что разрушилъ.

20. Видишь ли, какъ вездѣ онъ держится рѣшенія Петра и раскрываетъ прежнее его поведеніе, чтобы іудеи приняли увѣщаніе повидимому не изъ устъ Павла, а отъ мнѣнія Петра, ко- 388

торое онъ показалъ дѣлами? Поэтому онъ и говоритъ: *бояся сущихъ отъ обрѣзанія,* и *яко зазоренъ бѣ,* и *яко неправо ходитъ ко истинѣ благовѣствованія.* А на самомъ дѣлѣ не такъ; да не будетъ; мы это доказали многими доводами; но какъ тогда Павелъ укорялъ, а Петръ слушая это молчалъ, чтобы не подорвать распоряженія Павла, и принялъ упрекъ, какъ бы поступивши неправильно, чтобы это послужило для него оправданіемъ предъ учениками, такъ точно онъ и теперь съ такою же мыслію, съ какою укорялъ Петра, пишетъ то, что написалъ къ галатамъ. Если тогда укоризна Петру и его молчаніе были полезны іудеямъ, то гораздо болѣе теперь этотъ разсказъ о немъ былъ бы полезенъ растлѣннымъ изъ галатовъ. Какъ тогда вращавшіеся въ Антіохіи, видя Петра сильно укоряющимъ и молящимъ, исправлялись этимъ обвиненіемъ учителя и его молчаніемъ, такъ и теперь галаты болѣвшіе іудейскими предразсудками, слыша разсказъ Павла о томъ, что Петръ *зазоренъ бѣ, и неправо ходитъ ко истинѣ благовѣствованія,* и что будучи укоряемъ за это молчалъ, получали отъ этого обвиненія величайшее наставленіе — не держаться болѣе іудейскихъ обычаевъ. Поэтому Павелъ и тогда укорялъ, и теперь упоминаетъ о сдѣланномъ тогда упрекѣ; но не меньше его нужно удивляться за это и Петру, принявшему все сказанное. Онъ исправилъ все, выдержалъ обвиненіе и промолчалъ. Такова выгода этого распоряженія. Такъ у насъ тотъ и другой апостолъ и отъ нареканій освобождаются и оказываются достойными безчисленныхъ похвалъ, какъ старавшіеся все и слушать и говорить для спасенія остальныхъ. Мы же наконецъ призовемъ Бога, связавшаго ихъ другъ съ другомъ узами единомыслія, да и насъ соединитъ любовію другъ къ другу, чтобы, имѣя единомысліе другъ съ другомъ по Богѣ, мы могли удостоиться увидѣть тѣхъ святыхъ и обрѣстись въ вѣчныхъ ихъ обителяхъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.



ОГЛАВЛЕНІЕ

I КН. III ТОМА ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО.

БЕСѢДЫ НА РАЗНЫЯ МѢСТА СВ. ПИСАНІЯ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. І. Златоустъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

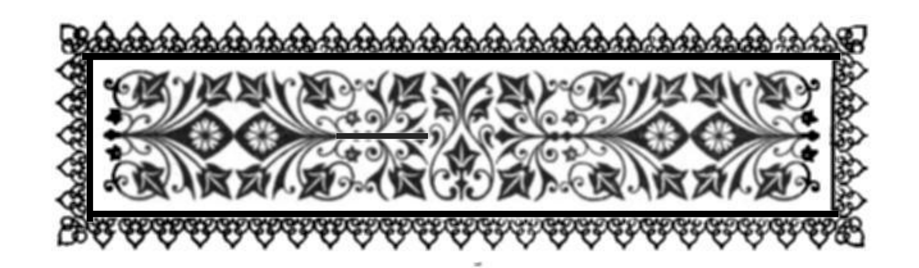


С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1897.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется. С.-Петербургъ 20 мая 1897 года.

Ректоръ Академіи, Епископъ *Іоаннъ*.

Скоропечатня и литографія Ив. Ѳ. Пухира. Телѣжный пер., 3—5.



Святаго отца нашего Іоанна Златоуста

БЕСѢДЫ, СЛОВА И ПИСЬМА.

БЕСѢДА

на Евтропія евнуха, патриція и консула.

ВСЕГДА, но особенно теперь благовременно сказать: *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. 1, 2). Гдѣ теперь пышная обстановка консульства? Гдѣ блестящіе свѣтильники? Гдѣ рукоплесканія и ликованія, пиршества и праздники? Гдѣ вѣнки и завѣсы? Гдѣ городской шумъ, и хвалебные клики на конскихъ бѣгахъ, и льстивыя рѣчи зрителей? Все это прошло: вдругъ подулъ вѣтеръ и сорвалъ листья, обнажилъ дерево и потрясъ его до основанія съ такою силою, что, казалось, вырветъ его съ корнемъ и разрушитъ самыя волокна его. Гдѣ теперь притворные друзья? Гдѣ пиры и обѣды? Гдѣ толпа тунеядцевъ, и ежедневныя возліянія вина, и изысканность поварского искусства, и поклонники могущества, льстившіе словомъ и дѣломъ? Все это было, какъ ночь и сновидѣніе, и съ наступленіемъ дня исчезло; это были весенніе цвѣты, и съ удаленіемъ весны всеувяло; была тѣнь — и прошла; былъ дымъ — и разсѣялся; были пузыри — и лопнули; была паутина — и расторглась. Посему мы и воспѣваемъ это духовное изреченіе, постоянно повторяя: *суета суетствій, всяческая суета*. Это изреченіе навсегда должно быть написано и на стѣнахъ, и на одеждахъ, и на площади, и на домѣ, и на дорогахъ, и на дверяхъ, и въ преддверіяхъ, а въ особенности на совѣсти каждаго, и

должно быть повторяемо постоянно. Такъ какъ коварство въ дѣлахъ, притворство и лицемѣріе принимаются многими за истину, то каждому должно всякій день и за обѣдомъ, и за ужиномъ, и въ собраніяхъ повторять ближнему и слышать отъ ближняго это
392 изреченіе: *суета суетствій, всяческая суета*. Не говорилъ ли я тебѣ постоянно, что богатство есть бѣглый рабъ? А ты насъ не слушалъ. Не говорилъ ли я, что оно — неблагодарный слуга? А ты не хотѣлъ вѣрить. Вотъ опытъ на дѣлѣ показалъ, что оно не только бѣглый и неблагодарный рабъ, но и человѣкоубійца; вѣдь оно теперь заставило тебя трепетать и страшиться. Не говорилъ ли я тебѣ,—хотя ты постоянно запрещалъ мнѣ говорить правду,— что я люблю тебя болѣе, чѣмъ льстецы, что я, обличая, забочусь о тебѣ болѣе, чѣмъ тѣ, которые угождаютъ? Не прибавлялъ ли я къ этимъ словамъ, что *достовѣрнѣе суть язвы друзей, нежели вольная лобзанія враговъ* [1]) (Притч. xxvii, 6)? Если бы ты переносилъ мои уязвленія, то ихъ лобзанія не причинили бы тебѣ этой смерти, потому что мои уязвленія производятъ здоровье, а ихъ лобзанія нанесли неизлѣчимую болѣзнь. Гдѣ теперь твои виночерпіи? Гдѣ тѣ, которые расталкивали предъ тобою народъ на площади и говорили тебѣ предъ всѣми тысячи похвалъ? Они разбѣжались, измѣнили дружбѣ, ищутъ для себя безопасности въ твоемъ мученіи. А мы не такъ: мы и тогда не оставляли тебя не смотря на твое негодованіе, и теперь падшаго тебя покрываемъ и защищаемъ. Церковь, которая терпѣла отъ тебя гоненіе, открыла для тебя свои нѣдра и приняла тебя, а зрѣлища, которымъ ты покровительствовалъ и изъ-за которыхъ ты часто негодовалъ на насъ, предали тебя и погубили. Мы никогда не переставали говорить: что ты дѣлаешь? Ты неистовствуешь противъ Церкви и самъ стремишься на край гибели. Но ты все это оставлялъ безъ вниманія. И вотъ конскія состязанія, поглотившія твое богатство, изощрили на тебя мечъ; а Церковь, испытавшая на себѣ твой безвременный гнѣвъ, обходитъ вездѣ, желая избавить тебя отъ сѣтей.

393 2. Это я говорю теперь, не попирая падшаго, но желая утвердить стоящихъ, не растравляя ранъ пострадавшаго, но желая сохранить здоровье еще нераненныхъ, не предавая утопающаго въ жертву волнамъ, но научая плывущихъ при попутномъ вѣтрѣ, чтобы они не потонули. Какъ можно достигнуть этого? Если мы будемъ помнить о непостоянствѣ человѣческихъ дѣлъ. И этотъ человѣкъ,— если бы онъ боялся непостоянства, не былъ бы теперь его жертвою. Но если онъ не исправился ни самъ по

[1]) Слав. Библ. — язвы друга, — лобзанія врага.

себѣ, ни при помощи другихъ, то по крайней мѣрѣ вы, гордящіеся своимъ богатствомъ, въ его несчастіи найдите для себя полезный урокъ. Нѣтъ ничего ничтожнѣе дѣлъ человѣческихъ. Какое бы слово ни употребилъ кто для обозначенія ихъ ничтожества, оно будетъ блѣднѣе истины. Назовешь ли ихъ дымомъ, или травою, или сномъ, или весенними цвѣтами, или чѣмъ бы то ни было, они дѣйствительно тлѣнны наравнѣ со всѣмъ этимъ; они даже менѣе, чѣмъ ничто. И при такомъ своемъ ничтожествѣ они еще подвергаютъ насъ великой опасности, какъ это видно изъ настоящаго случая. Кто былъ выше этого человѣка? Не превзошелъ ли онъ всѣхъ въ мірѣ своимъ богатствомъ? Не достигъ ли самой вершины почестей? Не всѣ ли трепетали предъ нимъ и боялись его? Но вотъ онъ сдѣлался несчастнѣе узниковъ, жалче рабовъ, бѣднѣе нищихъ, томимыхъ голодомъ, каждый день видя предъ собою изощренные мечи, и пропасть, и палачей, и веденіе на смерть. Онъ не помнитъ уже прежняго величія и даже не видитъ солнечнаго свѣта; самый полдень для него — глубочайшая ночь: заключенный въ стѣнахъ, онъ какъ бы лишенъ зрѣнія. Впрочемъ, сколько бы мы ни старались, мы не можемъ выразить словами то страданіе, какое онъ долженъ терпѣть, ожидая каждый часъ смертной казни. И нужны ли наши слова, когда онъ самъ ясно изобразилъ намъ это, какъ бы на картинѣ? Вчера, когда пришли за нимъ изъ царскаго дворца, съ тѣмъ, чтобы насильно взять его, и онъ прибѣжалъ къ святилищу, лице его было, какъ и теперь, нисколько не лучше, чѣмъ у мертвеца; а скрежетъ зубовъ, и дрожь, и трепетъ во всемъ тѣлѣ, и прерывистый голосъ, и онѣмѣвшій языкъ, и вся наружность были таковы, каковы могутъ быть у человѣка съ окаменѣвшею душею.

3. И это говорю я, не порицая и не издѣваясь надъ его несчастіемъ, но желая смягчить ваши души, склонить къ состраданію и убѣдить довольствоваться совершившимся наказаніемъ. Многіе у насъ столь безчеловѣчны, что даже и насъ укоряютъ за то, что мы приняли его въ святилище; поэтому я и выставляю на видъ его страданія, желая словами своими смягчить ихъ безчувственность.

И почему, скажи мнѣ, возлюбленный, ты негодуешь? Потому, говоришь, что нашелъ убѣжище въ Церкви тотъ, который постоянно враждовалъ противъ нея. Но потому особенно и нужно прославлять Бога, что Онъ попустилъ (противнику Церкви) впасть въ такую крайность, чтобы онъ позналъ и силу, и человѣколюбіе 394
Церкви,—силу въ томъ, что за вражду противъ нея онъ потерпѣлъ такое несчастіе, а человѣколюбіе въ томъ, что она, послѣ всѣхъ его притѣсненій, покрываетъ его теперь щитомъ, взяла его

подъ свои крылья и поставила внѣ всякой опасности, не вспомнивъ ни о чемъ изъ прежняго, но открывъ ему свои нѣдра съ великою любовію. (Для Церкви) это — самый славный трофей; это — (ея) блестящая побѣда; это посрамляетъ эллиновъ, это пристыжаетъ іудеевъ. Въ этомъ съ новымъ блескомъ проявилось величіе Церкви: взявъ въ плѣнъ врага, она не только щадитъ его, но когда всѣ оставляютъ его одинокимъ, она одна, какъ нѣжно любящая мать, скрыла его подъ своимъ покровомъ и стала противъ царскаго гнѣва, противъ ярости народа и противъ невыразимой ненависти. Это — украшеніе для алтаря. Какое, скажешь, украшеніе въ томъ, что алтаря касается человѣкъ преступный, корыстолюбецъ и грабитель? Не говори этого: и блудница коснулась ногъ Христовыхъ, а она была весьма преступна и нечиста, и однако это послужило для Іисуса не въ вину, а въ похвалу и великую славу, потому что нечистая не повредила чистому, но чистый и нескверный сдѣлалъ преступную блудницу чистою чрезъ прикосновеніе. Не будь же злопамятенъ ты, человѣкъ; мы — рабы Того, Который на крестѣ сказалъ: *отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. ххш, 34). Но, скажешь, онъ самъ заградилъ здѣшнее убѣжище разными указами и законами? Но вотъ онъ на дѣлѣ узналъ, что такое онъ сдѣлалъ, и своимъ поступкомъ самъ первый предъ лицомъ всей вселенной нарушилъ законъ, и (теперь) отсюда безъ словъ убѣждаетъ всѣхъ: не дѣлайте этого, чтобы вамъ не испытать того же. Несчастіе сдѣлало его учителемъ. И этотъ алтарь изливаетъ великій свѣтъ, оказываясь теперь особенно страшнымъ потому, что держитъ связаннымъ льва, подобно тому какъ царское изображеніе производитъ большее впечатлѣніе, когда оно представляетъ не просто царя на престолѣ, въ порфирѣ и діадемѣ, но и то, что подъ его ногою лежатъ варвары съ связанными назади руками и съ поникшими внизъ головами. Впрочемъ нѣтъ нужды въ убѣжденіи словами, когда вы сами свидѣтельствуете объ этомъ своимъ усердіемъ и стеченіемъ. Подлинно, свѣтлое у насъ сегодня зрѣлище и блестящее собраніе! Только въ святую Пасху я видѣлъ столько собравшагося народа, сколько вижу здѣсь теперь: такъ этотъ человѣкъ молча созвалъ всѣхъ: его дѣла прогремѣли громче трубы. И вотъ дѣвы, оставивъ свои покои, жены — свои комнаты, и мужья — рынокъ, всѣ вы собрались сюда, чтобы видѣть, какъ обличается человѣческая природа, какъ открывается тлѣнность житейскихъ дѣлъ и какъ съ лица блудницы, которое сіяло красотою вчера и третьяго дня, перемѣною судьбы словно губкою стираются притиранія и прикрасы, — вѣдь таково счастье, пріобрѣтаемое въ погонѣ за богатствомъ! — и она оказывается безобразнѣе всякой морщинистой старухи.

4. Такъ велика сила этого несчастія, что человѣка славнаго и знатнаго оно сдѣлало теперь ничтожнѣе всѣхъ. Войдетъ ли сюда богачъ — онъ получитъ (здѣсь) хорошій урокъ. Онъ увидитъ, какъ сокрушенъ и повергнутъ въ прахъ тотъ, кто потрясалъ всю 395
вселенную, какъ боится и трепещетъ онъ, оказавшись трусливѣе зайца и лягушки, безъ цѣпей прикованный къ этому столбу и вмѣсто оковъ связанный однимъ страхомъ. (Это зрѣлище) укротитъ пылъ (всякаго богача), разсѣетъ его надменность, и онъ, начавъ цѣнить человѣческія дѣла такъ, какъ слѣдуетъ ихъ цѣнить, выйдетъ отсюда, научившись на дѣлѣ тому, о чемъ Писанія говорятъ въ словахъ: *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный: изсше трава, и цвѣтъ отпаде* (Ис. XL, 6, 7); и еще: *яко трава скоро изсшутъ, и яко зеліе злака скоро отпадутъ* (Псал. XXXVI, 2); *яко дымъ дніе его* (Псал. CI, 4), и тому подобное. Въ свою очередь бѣдный, войдя и увидѣвъ такое зрѣлище, не будетъ считать себя несчастнымъ и оплакивать свою бѣдность, но станетъ благодарить свою нищету, за то, что она составляетъ для него безопасное убѣжище, безмятежную пристань и твердую стѣну. И не разъ, имѣя предъ глазами этотъ примѣръ, онъ предпочтетъ остаться въ томъ состояніи, въ какомъ находится теперь, чѣмъ, на короткое время получивъ власть (хотя бы) надъ всѣмъ міромъ, потомъ подвергнуть опасности и самую жизнь свою. Видишь, какъ отъ этого бѣгства его сюда—не малая польза и для богатыхъ и для бѣдныхъ, и для низкихъ и для высокихъ, и для рабовъ и для свободныхъ? Видишь, какъ отсюда каждый выходитъ, получивъ врачество, исцѣляясь отъ одного этого зрѣлища? Не смягчилъ ли я и вашего чувства и не отклонилъ ли гнѣва? Не истребилъ ли жестокости? Не склонилъ ли къ состраданію? Я весьма увѣренъ въ этомъ, и свидѣтельствуютъ о томъ ваши лица и потоки слезъ. Итакъ, если въ сердцахъ вашихъ камень превратился въ тучную и плодоносную ниву, то, произрастивъ плодъ милосердія и показавъ цвѣтущій колосъ состраданія, припадемъ теперь къ царю, или лучше, будемъ умолять человѣколюбиваго Бога смягчить гнѣвъ царя и сдѣлать нѣжнымъ его сердце, чтобы онъ оказалъ намъ полную милость. И уже съ того дня, когда этотъ человѣкъ нашелъ здѣсь убѣжище, произошла не малая перемѣна. Когда царь узналъ, что онъ прибѣжалъ въ это убѣжище, и когда собравшееся войско негодовало на его преступленіе и требовало его смерти, тогда царь произнесъ длинную рѣчь, чтобы укротить ярость войска, уговаривая обратить вниманіе не только на грѣхи (бѣглеца), но и на хорошія дѣла его, и объявляя, что за эти дѣла самъ онъ благодаренъ ему, а за другое прощаетъ его, какъ

человѣка. Когда же они опять настаивали на отмщеніи за оскорбленіе царя, взывая, прыгая, требуя смерти и потрясая копьями, тогда онъ, проливъ потоки слезъ изъ своихъ кротчайшихъ очей и напомнивъ о священной трапезѣ, къ которой прибѣгнулъ несчастный, такимъ образомъ наконецъ укротилъ ихъ гнѣвъ.

396 5. Теперь приложимъ и мы должное съ нашей стороны. Иначе какого вы удостоитесь прощенія, если, когда царь, самъ оскорбленный, не помнитъ зла, вы, не потерпѣвъ ничего подобнаго, будете показывать такой гнѣвъ? И какъ, по окончаніи этого зрѣлища, вы будете пріобщаться таинъ и произносить ту молитву, въ которой намъ заповѣдано говорить: *остави намъ, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѳ. VI, 12), если будете требовать наказанія вашему должнику? Но онъ сдѣлалъ великія несправедливости и обиды? И мы не отвергаемъ этого; но теперь время не суда, а милости, не разслѣдованія, а человѣколюбія, не допроса, а прощенія, не приговора и осужденія, а состраданія и помилованія. Поэтому, пусть никто не раздражается и не предается негодованію, но лучше будемъ умолять человѣколюбиваго Бога—продолжить жизнь несчастнаго и исторгнуть его изъ грозящей ему гибели, чтобы онъ загладилъ свои преступленія, и всѣ вмѣстѣ приступимъ къ человѣколюбивому царю, прося его во имя Церкви, во имя алтаря, даровать священной трапезѣ одного человѣка. Если это мы сдѣлаемъ, то и самъ царь будетъ доволенъ, и Богъ прежде царя одобритъ и воздастъ намъ великую награду за наше человѣколюбіе, потому что Онъ отвращается и ненавидитъ жестокаго и безчеловѣчнаго, а милосердаго и человѣколюбиваго принимаетъ и любитъ и, если это будетъ праведникъ, сплетаетъ ему свѣтлѣйшіе вѣнцы, а если грѣшникъ, прощаетъ ему грѣхи въ награду за его состраданіе къ подобному себѣ рабу. *Милости*, говоритъ Онъ, *хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6); и вездѣ въ Писаніяхъ ты видишь, что Онъ всегда этого ищетъ и говоритъ, что это служитъ къ отпущенію грѣховъ. Такъ и мы умилостивимъ Его, и тѣмъ избавимся отъ своихъ грѣховъ и украсимъ Церковь. Тогда и человѣколюбивый царь похвалитъ насъ, какъ я выше сказалъ, и весь народъ будетъ рукоплескать; тогда концы вселенной будутъ удивляться человѣколюбію и кротости нашего города, и жители всей земли, узнавъ о случившемся, будутъ прославлять насъ. Итакъ, чтобы намъ насладиться такими благами, припадемъ, будемъ просить и умолять, исторгнемъ изъ опасности плѣнника, бѣглеца, просящаго о помощи, чтобы и намъ самимъ сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА,

когда Евтропій, найденный внѣ церкви, былъ схваченъ, и о садѣ и писаніяхъ, и на слова: предста царица одесную тебѣ (Псал. XLIV, 10).

1. Пріятенъ лугъ, пріятенъ садъ, но гораздо пріятнѣе чтеніе 395—396
божественныхъ Писаній. Тамъ — увядающіе цвѣты, а здѣсь — цвѣтущія мысли; тамъ — дыханіе зефира, а здѣсь — вѣяніе Духа; тамъ служитъ оградою терновникъ, а здѣсь охраняетъ промыслъ Бо- 397
жій; тамъ — пѣніе кузнечиковъ, а здѣсь — рѣчи пророковъ; тамъ — удовольствіе отъ зрѣнія, а здѣсь — польза отъ чтенія; садъ — въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, а Писанія — по всей вселенной; садъ подчиненъ перемѣнамъ временъ года, а Писанія и зимою и лѣтомъ украшены листьями, обременены плодами. Будемъ же прилежны въ чтеніи Писаній. Если ты внимаешь Писанію, то оно удаляетъ отъ тебя уныніе, доставляетъ удовольствіе, истребляетъ злобу, укореняетъ добродѣтель, не допускаетъ бѣдствовать въ вихрѣ заботъ, подобно обуреваемымъ волнами. Море бушуетъ, а ты плывешь въ тишинѣ: у тебя кормчимъ чтеніе Писанія, а этого каната не расторгаетъ искушеніе обстоятельствъ. И самыя дѣла свидѣтельствуютъ, что я не лгу. На этихъ дняхъ Церковь была осаждена; приступило войско и метало огонь изъ глазъ, но маслины не изсушило; мечи были обнажены, но ранъ никто не получилъ; царскія двери были тѣснимы, но Церковь осталась въ безопасности, хотя здѣсь и разразилась война. Здѣсь искали убѣжавшаго, но мы предстояли, не страшась ихъ ярости. Почему? Мы имѣли вѣрный залогъ въ словахъ: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI, 18). Церковію я называю не только мѣсто, но и нравы, не стѣны церкви, но законы Церкви. Когда ты ищешь убѣжища въ Церкви, то ищи его не въ стѣнахъ, но въ (расположеніи) души, потому что Церковь — не стѣна и кровля, но — вѣра и жизнь.

Не говори, что преданъ Церковію тотъ, кто преданъ; если бы онъ не оставилъ Церкви, то не былъ бы преданъ. Не говори, что онъ искалъ убѣжища и былъ преданъ; не Церковь оставила

его, но онъ самъ оставилъ Церковь; не въ Церкви онъ былъ пре-
данъ, но внѣ ея. Зачѣмъ онъ оставилъ Церковь? Ты хотѣлъ
спастись? Тогда ты долженъ былъ держаться жертвенника; не
стѣны здѣсь доставляютъ безопасность, но промыслъ Божій. Ты
былъ грѣшникомъ? Богъ не отвергаетъ тебя; Онъ и пришелъ
призвати не праведники, но грѣшники на покаяніе (Мате. IX, 13).
Блудница спаслась, когда коснулась ногъ Его. Вы слышали чи-
танное сегодня? Это я говорю для того, чтобы ты никогда не сом-
нѣвался прибѣгать подъ кровъ Церкви. Пребывай въ Церкви и
не будешь преданъ Церковію. Если же ты убѣжишь изъ Церкви,
то Церковь не виновна. Если бы ты былъ въ ней, волкъ не во-
шелъ бы; а если выйдешь изъ нея, то будешь схваченъ звѣ-
ремъ, и это — не отъ ограды, но отъ твоего малодушія. Ничего
нѣтъ равнаго Церкви. Не говори мнѣ о стѣнахъ и оружіи;
стѣны отъ времени ветшаютъ, а Церковь никогда не старѣется;
стѣны разрушаются варварами, а Церкви не побѣждаютъ и
бѣсы. А что эти слова не хвастовство, о томъ свидѣтельствуютъ
дѣла. Сколько было нападавшихъ на Церковь, и нападавшіе
сами погибли? А она взошла выше небесъ. Таково вели-
чіе Церкви: когда нападаютъ на нее, она побѣждаетъ; когда
злоумышляютъ противъ нея, она преодолѣваетъ; притѣсняемая,
она прославляется; получаетъ раны — и не изнемогаетъ, среди яро-
398 сти волнъ не утопаетъ, въ порывахъ бури не терпитъ корабле-
крушенія, въ борьбѣ неодолима, въ сраженіи непобѣдима. Разра-
зилась эта война — и Церковь увѣнчана новою славою. Вы при-
сутствовали въ тотъ день и видѣли, сколько поднималось оружія,
ярость войска была сильнѣе огня, и мы спѣшили въ царскій
дворецъ. И что же? По благодати Божіей, ничто не смутило насъ.

2. Это говорю я для того, чтобы и вы подражали. Почему же
мы не смутились? Потому, что не боимся никакихъ настоящихъ
бѣдствій. И что составляетъ бѣдствіе? Смерть? Она — не бѣдствіе,
потому что чрезъ нее мы скорѣе достигаемъ безмятежной при-
стани. Или лишеніе имущества? *Нагъ изыдохъ отъ чрева матере
моя, нагъ и отыду* (Іов. I, 21). Или изгнаніе? *Господня земля и
исполненіе ея* (Псал. XXIII, 1). Или клеветы? *Радуйтеся и весели-
теся, егда рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, яко мзда ваша
многа на небесѣхъ* (Мате. V, 11, 12). Я видѣлъ мечи, и думалъ о
небѣ; ожидалъ смерти, и помышлялъ о воскресеніи; видѣлъ зем-
ныя страданія, и исчислялъ небесныя награды; смотрѣлъ на козни,
и представлялъ себѣ небесный вѣнецъ; самая цѣль борьбы обод-
ряла меня и утѣшала. Я былъ въ опасности, но это не причинило
мнѣ вреда, потому что одно только вредно — грѣхъ. Хотя бы вся
вселенная старалась вредить тебѣ, но, если ты самъ себѣ не бу-

дешь вредить, то не потерпишь вреда. Предательство только одно—отъ совѣсти; не предавай своей совѣсти, и никто не предастъ тебя. Я былъ въ опасности, но за то видѣлъ дѣла, или—лучше—видѣлъ, что мои слова сдѣлались дѣлами,—[что] моя бесѣда, произнесенная словами, была на площади проповѣдана дѣлами. Какая бесѣда? Та, которую повторялъ я всегда: подулъ вѣтеръ, и сорвалъ листья; *изсше трава, и цвѣтъ отпаде* (Ис. xl, 7); прошла ночь, и явился день; удалилась тѣнь, и явилась истина; взошли до небесъ, и ниспали въ долину. Волны, поднимавшіяся высоко, усмирены человѣческими дѣлами. Какимъ образомъ? Въ этомъ событіи данъ былъ намъ урокъ. И я говорилъ самому себѣ: ужели не вразумятся потомки? Ужели, еще не прошло двухъ дней, и случившееся предано забвенію? Но еще живы эти воспоминанія! Опять скажу, опять буду говорить. Какая оттого польза? Конечно, есть польза. Если услышатъ не всѣ, то услышитъ половина; если не услышитъ половина, то третья часть; если не третья, то четвертая; если не четвертая, то десять человѣкъ; если не десять, то пять; если не пять, то одинъ; хотя бы даже ни одинъ, я имѣю готовую награду. *Изсше трава, и цвѣтъ отпаде, глаголъ же Бога пребываетъ во вѣки* (Ис. xl, 7, 8).

3. Видите ли ничтожество дѣлъ человѣческихъ? Видите ли непрочность власти? Видите ли, что богатство, которое я всегда называлъ бѣглымъ рабомъ, есть не только бѣглый рабъ, но и человѣкоубійца? Оно не только оставляетъ тѣхъ, которые имѣютъ его, но и убиваетъ ихъ; когда привязываются къ нему, тогда особенно оно и предаетъ. Для чего ты заботишься о богатствѣ, которое сегодня у тебя, а завтра у другого? Для чего заботишься о богатствѣ, которое никогда нельзя удержать? Хочешь ли сберечь его, хочешь ли удержать его? Не зарывай его, но отдай его 399
въ руки бѣдныхъ. Богатство, какъ дикій звѣрь: если удерживаютъ его, оно убѣгаетъ, если расточаютъ, остается: *расточи*, говорится въ Писаніи, *даде убогимъ, правда его пребываетъ во вѣкъ* (Псал. cxi, 9). Расточай, чтобы оно оставалось, не зарывай, чтобы не убѣгало. Гдѣ ваше богатство?—охотно спросилъ бы я тѣхъ, которые ушли. Это говорю я, не обижая, — да не будетъ, — и не растравляя ранъ, но обращая кораблекрушеніе другихъ въ пристань для васъ. Когда явились воины, блеснули мечи, когда городъ былъ объятъ пламенемъ [возмущенія], когда діадема не имѣла силы, когда порфира была оскорбляема, когда все было въ неистовствѣ, тогда гдѣ было богатство, гдѣ серебряные сосуды, гдѣ серебряныя ложа? Гдѣ слуги? Всѣ они убѣжали. Гдѣ евнухи? Всѣ они обратились въ бѣгство. Гдѣ друзья? Они сняли маски. Гдѣ дома? Они заперты. Гдѣ деньги? Владѣлецъ ихъ убѣжалъ. А

самыя деньги гдѣ? Онѣ зарыты. Гдѣ же спрятано все это? Но не сталъ ли я тежелымъ, не сталъ ли несноснымъ, постоянно повторяя, что богатство предаетъ тѣхъ, которые худо пользуются имъ? Пришло время, которое показало истину этихъ словъ. Для чего ты удерживаешь богатство, которое во время искушенія не приноситъ тебѣ никакой пользы? Если оно имѣетъ силу, то пусть поможетъ тебѣ, когда ты впадешь въ нужду; если же тогда оно убѣгаетъ, то какая тебѣ отъ него польза? Самыя дѣла показываютъ это. Какая отъ него польза? Острые мечи, грозящая смерть, неистовое войско, ожиданіе такой грозы: а богатства нигдѣ нѣтъ. Куда ушелъ этотъ бѣглый рабъ? Самъ онъ приготовилъ тебѣ все это, и во время нужды убѣгаетъ. Многіе осуждаютъ меня, постоянно повторяя, что я нападаю на богатыхъ, какъ и они всегда нападаютъ на бѣдныхъ. Я нападаю на богатыхъ, но не вообще на богатыхъ, а на тѣхъ, которые худо пользуются богатствомъ. Я всегда говорю, что обвиняю не богача, но грабителя. Иное дѣло — богачъ и иное — грабитель; иное — достаточный и иное — корыстолюбивый. Различай предметы и не смѣшивай того, чего не должно смѣшивать. Ты богатъ? Я не препятствую. Ты грабитель? Я осуждаю. Ты владѣешь своимъ? Пользуйся имъ. Ты похищаешь чужое? Я не молчу. Хочешь побить меня камнями? Я готовъ пролить свою кровь, только бы остановить твой грѣхъ. Я не забочусь о ненависти, не забочусь о враждѣ; объ одномъ только забочусь — о преуспѣяніи слушателей. И богатые — мои дѣти, и бѣдные—мои дѣти; одна и та же утроба произвела тѣхъ и другихъ, при однѣхъ болѣзняхъ рожденія родились тѣ и другіе. Поэтому, когда ты притѣсняешь бѣднаго, я обвиняю тебя; притомъ ты не столько вредишь бѣдному, сколько — самому себѣ, потому что бѣдный не получаетъ никакого важнаго ущерба,—онъ терпитъ только денежный убытокъ,— а ты терпишь вредъ въ душѣ. Кто хочетъ, пусть поражаетъ меня; кто хочетъ, пусть побиваетъ меня камнями; кто хочетъ, пусть ненавидитъ меня; злоумышленія служатъ для меня залогомъ вѣнцовъ, и по числу ранъ—я ожидаю наградъ.

4. Такъ, я не боюсь злоумышленій; одного только боюсь — грѣха. Только бы во грѣхѣ не уличилъ меня кто-нибудь, и тогда пусть враждуетъ противъ меня вся вселенная; эта вражда дѣлаетъ меня болѣе славнымъ. Этому и васъ хочу я научить.
400 [Не страшитесь злоумышленій человѣка сильнаго, но страшитесь силы грѣха. Человѣкъ не причинитъ тебѣ вреда, если ты не поразишь самъ себя. Если у тебя нѣтъ грѣха, то пусть угрожаютъ тысячи мечей,—Богъ спасетъ тебя. Если же у тебя есть грѣхъ, то, хотя бы ты былъ въ раю, будешь изверженъ. Въ раю былъ Адамъ — и палъ; на гноищѣ былъ Іовъ—и увѣнчанъ. Какую пользу при-

несъ тому рай, и какой вредъ причинило этому гноище? Противъ того никто не злоумышлялъ, и онъ палъ; а противъ этого — діаволъ, и онъ увѣнчанъ. Не отнялъ ли у него діаволъ имущества? Но не отнялъ благочестія. Не лишилъ ли его дѣтей? Но не поколебалъ вѣры. Не растерзалъ ли его тѣла? Но не нашелъ сокровища. Не вооружилъ ли его жену? Но не повергъ воина. Не пускалъ ли въ него стрѣлы и копья? Но онъ не получилъ ранъ. Придвинулъ орудія, но не поколебалъ башни; навелъ волны, но не потопилъ корабля. Соблюдайте же этотъ законъ, увѣщеваю васъ и ногъ вашихъ касаюсь, если не рукою, то мыслію, и проливаю слезы. Соблюдайте этотъ законъ, и никто не причинитъ вамъ вреда. Никогда не ублажайте богатаго; никогда не считайте несчастнымъ никого, кромѣ находящагося во грѣхѣ; ублажайте того, кто—въ праведности. Не свойство вещей, но душевное расположеніе людей дѣлаетъ и тѣмъ и другимъ. Никогда не бойся мечей, если совѣсть не будетъ обвинять тебя; никогда не бойся въ борьбѣ, если чиста будетъ твоя совѣсть]. Гдѣ отшедшіе, скажи мнѣ? Не всѣ ли преклонялись предъ ними? Не всѣ ли, имѣющіе власть, болѣе другихъ трепетали предъ ними? Не имъ ли угождали? Но пришелъ грѣхъ, и все низпровергнуто; низкопоклонники сдѣлались судьями, льстецы — палачами; цѣловавшіе руки, сами влекли его (Евтропія) изъ церкви; кто вчера цѣловалъ руку, тотъ сегодня — врагъ. Почему? Потому, что и вчера неискренно любилъ. Пришло время, и обнажились маски. Не ты ли вчера цѣловалъ его руки, называлъ и спасителемъ, и покровителемъ, и благодѣтелемъ? Не ты ли придумывалъ тысячи похвалъ? Зачѣмъ же сегодня обвиняешь? Вчера хвалитель, а сегодня обвинитель? Вчера похвалы, а сегодня составляешь обвиненія? Что за перемѣна? Что за превращеніе?

5. Но я не таковъ: я сталъ защитникомъ того, кто злоумышлялъ противъ меня. Я потерпѣлъ множество бѣдствій, и не мстилъ, потому что я подражаю Господу моему, который на крестѣ сказалъ: *отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 24). Это я говорю для того, чтобы вы не заразились подозрительностію злыхъ людей. Сколько было перемѣнъ съ того времени, какъ я сдѣлался предстоятелемъ въ этомъ городѣ, и никто не исправляется! Говоря: никто, я не всѣхъ осуждаю; да не будетъ; не можетъ быть, конечно, чтобы эта тучная нива, принявъ сѣмена, не произвела плода! Но я ненасытенъ, я хочу, чтобы спаслись не немногіе, но всѣ. Если даже одинъ остается погибающимъ, и я погибаю и не колеблюсь подражать тому пастырю, который имѣлъ девяносто девять овецъ и пошелъ за одною заблудившеюся (Лук. XV, 4). Доколѣ деньги? Доколѣ серебро? Доколѣ золото? Доколѣ

возліянія вина? Доколѣ ласкательство слугъ? Доколѣ увѣнчанныя чаши? Доколѣ пиршества сатанинскія — служеніе волѣ діавола?

401 Развѣ ты не знаешь, что настоящая жизнь есть путешествіе? Развѣ ты — гражданинъ? Ты — путникъ. Понялъ ты, что я сказалъ? Ты не гражданинъ, а путникъ и странникъ. Не говорите: у меня такой-то городъ, а у меня такой-то. Ни у кого нѣтъ города; городъ — горѣ; а настоящее есть путь. И мы путешествуемъ каждый день, пока движется природа. А есть ли такой, кто на пути откладывалъ бы деньги? Есть ли такой, кто на пути зарывалъ бы золото? Когда ты войдешь въ гостинницу, то, скажи мнѣ, украшаешь ли эту гостинницу? Нѣтъ, но ѣшь и пьешь и спѣшишь выйти. Настоящая жизнь есть гостинница. Мы пришли и проводимъ здѣсь настоящую жизнь; постараемся же выйти съ доброю надеждою; ничего не будемъ оставлять здѣсь, чтобы не погубить тамъ. Когда ты войдешь въ гостинницу, то что говоришь слугѣ? — Смотри, куда кладешь вещи; не оставь чего-нибудь здѣсь, чтобы не пропало что-нибудь, ни одна мелочь, ни одинъ пустякъ, чтобы все принести намъ домой. Такъ и мы въ настоящей жизни будемъ смотрѣть на жизнь, какъ на гостинницу, и ничего не будемъ оставлять здѣсь, въ гостинницѣ, но все понесемъ въ отечество. Ты — путникъ и странникъ; или — лучше — ты меньше и путника. Какъ это? Сейчасъ объясню. Путникъ знаетъ, когда онъ входитъ въ гостинницу, и когда выходитъ, потому что онъ властенъ и выйти, и войти; а я, входя въ гостинницу, т. е. въ настоящую жизнь, не знаю, когда выйду. Иногда я приготовляю пропитаніе на долгое время, Господь внезапно взываетъ ко мнѣ: *безумне, яже уготовалъ еси, кому будутъ? Въ сію нощь душу твою истяжутъ* (Лук. xii, 20). Неизвѣстенъ выходъ, непрочно стяжаніе, тысячи стремнинъ, со всѣхъ сторонъ волны. Зачѣмъ же ты увлекаешься этимъ призракомъ до безумія? Зачѣмъ, оставивъ истину, прибѣгаешь къ тѣнямъ?

6. Это я говорю и не перестану говорить, возбуждая постоянную печаль и успокоивая раны, и не для падшихъ, но для устоявшихъ. Тѣ отошли и получили конецъ, а устоявшіе сдѣлались чрезъ ихъ несчастіе болѣе безопасными. Что же, скажешь, намъ дѣлать? Одно дѣлай: возненавидь деньги и люби свою жизнь. Отвергни имущество, не говорю — все, но отдѣли излишнее. Не желай чужого, не обирай вдовицы, не похищай у сироты, не овладѣвай ихъ домомъ. Я говорю не о лицахъ, но о дѣлахъ. Если же кого укоряетъ совѣсть, то онъ самъ виноватъ, а не мое слово. Зачѣмъ похищаешь тамъ, гдѣ зависть? Похищай тамъ, гдѣ вѣнецъ. Похищай не землю, а небо: *нудится царствіе небесное, и нуждницы восхищаютъ е* (Матѳ. xi, 12). Зачѣмъ похищаешь у бѣд-

наго, который жалуется? Похищай у Христа, который хвалитъ. Видишь ли безуміе и неистовство? Ты похищаешь у бѣднаго, который имѣетъ немногое? Христосъ говоритъ: у Меня похищай, и Я буду благодарить тебя за похищеніе; царство Мое похищай и бери силою. Если бы ты захотѣлъ похитить царство земное, или — лучше — если бы захотѣлъ даже подумать о томъ, ты былъ бы наказанъ; а царства небеснаго если не похитишь, тогда будешь наказанъ. Гдѣ житейское, тамъ зависть; а гдѣ духовное, тамъ любовь. Объ этомъ размышляй каждый день, чтобы, опять увидѣвъ послѣ двухъ дней кого-нибудь несущимся на колесницѣ, одѣтымъ въ шелковую одежду, надмевающимся, ты не смутился и не встревожился. Не хвали богатаго, но только того, кто жи- 402
ветъ праведно. Не охуждай бѣднаго, но научись имѣть о вещахъ правильное и необманчивое сужденіе.

Не удаляйся отъ Церкви; потому что нѣтъ ничего сильнѣе Церкви. Твоя надежда — Церковь, твое спасеніе — Церковь, твое убѣжище—Церковь. Она выше неба, обширнѣе земли. Она никогда не старѣетъ, но всегда цвѣтетъ. Поэтому Писаніе, выражая твердость ея и непоколебимость, называетъ ее горою; за ея непорочность называетъ ее дѣвою; за великолѣпіе называетъ ее царицею; за родство съ Богомъ называетъ ее дщерію; за многочадіе называетъ ее, бывшую безплодною, рождающею семерыхъ: множество названій, чтобы представить ея благородство! Какъ Господь ея имѣетъ много именъ: и отцемъ называется, и путемъ называется, и жизнью называется, и свѣтомъ называется, и мышцею называется, и очищеніемъ называется, и основаніемъ называется, и дверію называется, и безгрѣшнымъ называется, и сокровищемъ называется, и Господомъ называется, и Богомъ называется, и Сыномъ называется, и Единороднымъ называется, и изображеніемъ Божіимъ и образомъ Божіимъ называется,—развѣ достаточно одного имени для выраженія всего?—нѣтъ, но для того множество именъ, чтобы мы знали о Богѣ хотя немногое, — такъ и Церковь называется многими именами. Она называется дѣвою, хотя прежде была блудницею, потому что это и есть чудное дѣло Жениха, что Онъ взялъ блудницу, и сдѣлалъ дѣвою. Необыкновенныя и дивныя дѣла! Бракъ у насъ разрушаетъ дѣвство, бракъ у Бога возстановляетъ дѣвство. У насъ бывшая дѣвою, вступивъ въ бракъ, уже не дѣва; у Христа, бывшая блудницею, вступивъ въ бракъ, дѣлается дѣвою.

7. Пусть это одно объяснитъ еретикъ, изслѣдующій горнее рожденіе и говорящій: какъ родилъ Отецъ? Скажи ему: какъ Церковь, бывшая блудницею, сдѣлалась дѣвою? И какъ родившая осталась дѣвою? *Ревную бо по васъ Божіею ревностію*, говоритъ Павелъ, *обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представити Хри-*

стови (2 Кор. xi, 2). О, мудрость и разумѣніе! *Ревную бо по васъ Божіею ревностію.* Что это значитъ? *Ревную*, говоритъ онъ. Ревнуешь ты, духовный? *Ревную*, говоритъ, какъ *Богъ*. И Богъ ревнуетъ? Да, ревнуетъ, не страстію, но любовію и желаніемъ. *Ревную бо по васъ Божіею ревностію.*

Сказать ли тебѣ, какъ Богъ ревнуетъ? Видѣлъ Онъ, что земля развращается бѣсами, и отдалъ Сына своего. Конечно, слова, употребляемыя въ отношеніи къ Богу, имѣютъ не то же самое значеніе; напр., ревнуетъ Богъ, гнѣвается Богъ, раскаивается Богъ, ненавидитъ Богъ. Это — слова человѣческія, но смыслъ ихъ долженъ быть богоприличный. Ревнуетъ ли Богъ? *Ревную бо по васъ Божіею ревностію.* Гнѣвается ли Богъ? *Господи, да не яростію Твоею обличиши мене* (Псал. vi, 1). Даже не спитъ ли Богъ? *Востани, вскую спиши, Господи,* (Псал. xliii, 24)? Раскаивается ли Богъ? *Размыслихъ, яко сотворихъ* человѣка (Быт. vi, 7). Ненавидитъ ли Богъ? *Праздниковъ вашихъ и новомѣсячій ненавидитъ душа Моя* (Ис. i, 14). Но ты не обращай вниманія на простоту выраженій, а пойми богоприличный смыслъ ихъ. Ревнуетъ Богъ, потому что любитъ. Гнѣвается Богъ не страстію, но возмездіемъ и наказаніемъ. Спитъ
403 Богъ, но не сномъ, а долготерпѣніемъ. Принимай выраженія съ разборомъ. Такъ и тогда, когда слышишь, что Богъ рождаетъ, разумѣй не отсѣченіе, а единосущіе. Подлинно, много выраженій Богъ заимствовалъ отъ насъ, и мы — отъ Него, чтобы это послужило къ нашей чести.

8. Понялъ ли ты, что я сказалъ? Слушай со вниманіемъ, возлюбленный. Есть имена божескія, и имена человѣческія. Взялъ Онъ отъ меня, и самъ далъ мнѣ. Дай мнѣ свои, говоритъ Онъ, и возьми Мои. Въ Моихъ ты имѣешь нужду; не Я нуждаюсь, но ты; такъ какъ Моя сущность нетлѣнна, а ты — человѣкъ, облеченный плотію, то ты и ищешь выраженій плотскихъ, чтобы ты, облеченный плотію, могъ чрезъ извѣстныя тебѣ слова уразумѣть превышающія тебя понятія. Какія же имена Онъ взялъ отъ меня, и какія далъ мнѣ? Самъ Онъ Богъ, и меня назвалъ богомъ; тамъ таково естество предмета, а здѣсь почетное имя. *Азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси* (Псал. lxxxi, 6). Здѣсь слова, а тамъ дѣйствительное естество. Онъ назвалъ меня богомъ, потому что я удостоенъ чести. Самъ Онъ назвался человѣкомъ и сыномъ человѣческимъ, назвался путемъ и дверію, назвался камнемъ. Эти имена Онъ взялъ отъ меня, а тѣ отъ себя далъ мнѣ. Для чего Онъ назвался путемъ? Для того, чтобы ты узналъ, что чрезъ Него мы восходимъ къ Отцу. Для чего назвался камнемъ? Чтобы ты позналъ истинность и непоколебимость вѣры. Для чего назвался основаніемъ? Чтобы ты зналъ, что Онъ носитъ все. Для

чего назвался корнемъ? Чтобы ты зналъ, что на Немъ мы произрастаемъ. Почему назвался пастыремъ? Потому, что Онъ пасетъ насъ. Почему назвался овцею? Потому, что за насъ Онъ принесъ Себя въ жертву и сдѣлался очищеніемъ. Почему назвался жизнію? Потому, что Онъ воскресилъ насъ, бывшихъ мертвыми. Почему назвался свѣтомъ? Потому, что избавилъ насъ отъ тьмы. Почему назвался мышцею? Потому, что Онъ единосущенъ Отцу. Почему назвался словомъ? Потому, что Онъ родился отъ Отца: какъ мое слово происходитъ изъ моей души, такъ и Сынъ родился отъ Отца. Почему назвался одѣяніемъ? Потому, что я облекся въ Него, крестившись. Почему назвался трапезою? Потому, что я вкушаю Его, причащаясь таинъ. Почему назвался домомъ? Потому, что я живу въ Немъ. Почему назвался обитателемъ? Потому, что мы дѣлаемся храмомъ Его. Почему назвался главою? Потому, что я сталъ членомъ Его. Почему назвался женихомъ? Потому, что Онъ избралъ меня Себѣ въ невѣсту. Почему назвался непорочнымъ? Потому, что принялъ меня — дѣву. Почему назвался Владыкою? Потому, что я — раба Его.

9. Смотри, какъ Церковь, какъ я говорилъ, называется иногда невѣстою, иногда дщеріею, иногда дѣвою, иногда рабою, иногда царицею, иногда неплодною, иногда горою, иногда раемъ, иногда многоплодною, иногда лиліею, иногда источникомъ, и всякими именами. Только, слыша это, не представляй, увѣщеваю тебя, чего-нибудь чувственнаго, но возвысь свой умъ; помни, что это не можетъ быть чувственнымъ. Напримѣръ: гора не то же, что дѣва, дѣва — не невѣста, царица — не тоже, что раба; а Церковь—все это. Почему? Потому, что это — не въ тѣлѣ, а въ душѣ; въ тѣлѣ это не помѣстилось бы, а въ душѣ находится великое море. *Преста царица одесную тебе* (Псал. XLIV, 10). Царица? Угнетенная, бѣдная, какъ стала царицею? И куда она взошла? Высоко предстала эта царица. Какимъ образомъ? Потому, что Царь сдѣлался рабомъ; Онъ не былъ такимъ, а потомъ сдѣлался. Помни же свойства Божества и помышляй о дѣлахъ Его домостроительства; помни, кѣмъ Онъ былъ и кѣмъ сдѣлался для тебя, и не смѣшивай предметовъ, и дѣла человѣколюбія не обращай въ по- 101
водъ къ богохульству. Онъ былъ высокъ, а она унижена; высокъ не по мѣсту, а по природѣ. Онъ есть Существо нетлѣнное, неизмѣняемое, безсмертное, непостигаемое умомъ, невидимое, необъятное, всегда пребывающее такимъ, каково есть, превосходящее ангеловъ, высшее горнихъ силъ, побѣждающее разумъ, превышающее умъ, такое, котораго невозможно видѣть, а въ которое можно только вѣровать. Ангелы видятъ Его и трепещутъ, херувимы предъ Нимъ закрываются крыльями,—всѣ въ страхѣ. Онъ

взираетъ на землю, и она колеблется; угрожаетъ морю, и оно изсыхаетъ; Онъ произвелъ рѣки изъ пустыни, поставилъ горы мѣрою и холмы вѣсомъ. Какъ мнѣ выразить, какъ представить? Величіе Его не имѣетъ предѣловъ, премудрость Его не имѣетъ числа: *не испытани судове Его, неизслѣдовани путіе Его* (Римл. xi, 33). Столь великъ и столь высокъ Онъ, если только можно безъ опасности сказать и это: столь великъ и столь высокъ! Но что мнѣ дѣлать? Я человѣкъ и выражаюсь по-человѣчески; я владѣю бреннымъ языкомъ и испрашиваю прощенія у Господа. Конечно, не по гордости я употребляю такія выраженія, но по скудной немощи и по свойству нашего языка. Помилуй, Господи: не по гордости употребляю я такія выраженія, но потому, что не имѣю другихъ. Впрочемъ я не останавливаюсь на скудости выраженій, но возношусь выше на крыльяхъ ума. Столь великъ и столь высокъ: это я говорю для того, чтобы ты, не останавливаясь на выраженіяхъ и на скудости словъ, научился и самъ дѣлать тоже. И зачѣмъ тебѣ удивляться, что я такъ дѣлаю, когда и Онъ самъ такъ поступаетъ, желая представить что-нибудь, превышающее человѣческія свойства? Такъ какъ Онъ бесѣдуетъ съ людьми, то употребляетъ и образы человѣческіе; они, хотя недостаточны для выраженія предмета рѣчи и не могутъ представить его во всей мѣрѣ, но достаточны для немощи слушателей.

10. Усиль свое вниманіе и не тяготись длиннотою рѣчи. Когда Онъ является, то является не тѣмъ, что Онъ есть, является не открытая сущность Его (никто не видѣлъ Бога такъ, каковъ Онъ есть, потому что, когда Онъ является со снисхожденіемъ, то трепещутъ херувимы; снисходитъ, и дымятся горы; снисходитъ, и изсыхаетъ море; снисходитъ, и колеблется небо; а если бы Онъ явился безъ снисхожденія, то кто перенесъ бы это?)—Онъ не является тѣмъ, что Онъ есть, а тѣмъ, что можетъ видѣть взирающій; почему иногда является ветхимъ, иногда новымъ, иногда въ огнѣ, иногда въ вѣтрѣ, иногда въ водѣ, иногда въ оружіи, не измѣняя Своей сущности, а перемѣняя видъ примѣнительно къ разнымъ обстоятельствамъ. Такъ точно и тогда, когда хочетъ сказать что-нибудь о себѣ, Онъ употребляетъ человѣческіе образы. Напримѣръ: (Господь) взошелъ на гору — *и преобразися предъ ними, и просвѣтися лице Его яко солнце, ризы же Его быша бѣлы яко снѣгъ* (Мате. xvii, 2). Онъ открылъ, говорится въ Писаніи, немного Божества, показалъ ученикамъ обитающаго въ Немъ Бога, *и преобразися предъ ними*. Вникните тщательно въ эти слова. *И преобразися предъ ними*, говорится, и заблистала одежда Его какъ свѣтъ, а лице Его какъ солнце. Я сказалъ: Онъ столь великъ и столь высокъ, и прибавилъ: помилуй меня, Господи;

(впрочемъ я не настаиваю на этомъ выраженіи, но недоумѣваю и 405
не знаю другого соотвѣтственнаго выраженія). И теперь хочу внушить тебѣ, что я научился этому отъ Писанія. Евангелистъ хотѣлъ показать блескъ Его и сказалъ: *просвѣтися*. Скажи мнѣ: какъ Онъ просвѣтился? Очень свѣтло. Какъ именно? *Яко солнце*. Ты говоришь: *яко солнце?* Да. Почему же? Потому, что я не знаю другого болѣе блестящаго свѣтила. И былъ Онъ *бѣлъ яко снѣгъ*. Почему же—*яко снѣгъ*? Потому, что я не знаю другого болѣе бѣлаго вещества. Но что Онъ не такъ только блисталъ, это видно изъ дальнѣйшаго. *И падоша ницъ ученицы* (Матѳ. xvii, 6). Если бы Онъ блисталъ какъ солнце, то ученики не пали бы: вѣдь на солнце они смотрѣли ежедневно и однако не падали; ясно, что Онъ блисталъ свѣтлѣе солнца и снѣга, и ученики, не перенесши этого блеска, упали.

11. Почему же, скажи мнѣ, евангелистъ, Онъ просіялъ свѣтлѣе солнца, а ты говоришь: *яко солнце?* Да; желая сдѣлать для тебя извѣстнымъ этотъ свѣтъ, я не знаю другого бóльшаго свѣтила, не знаю другого образа, господствующаго между свѣтилами. Такъ я сказалъ, но чтобы ты не останавливался на скудости выраженія, я указалъ тебѣ на паденіе учениковъ: они пали на землю, будучи поражены изумленіемъ. *Востаните* (ст. 7), сказалъ Господь, и поднялъ ихъ, а они были удручены. Они не перенесли чрезмѣрнаго блеска, но отяжелѣли глаза ихъ,—настолько явившійся свѣтъ былъ больше солнечнаго. А евангелистъ сказалъ: *яко солнце*, потому что это свѣтило, будучи знакомо намъ, превосходитъ всѣ прочія свѣтила. Или, какъ я сказалъ, столь великій и столь высокій оказалъ благоволеніе къ блудницѣ. Богъ оказалъ благоволеніе къ блудницѣ? Да, къ блудницѣ, т. е. къ нашему естеству. Къ блудницѣ благоволилъ Богъ? И человѣкъ, если стремится къ блудницѣ, осуждается: а Богъ оказалъ благоволеніе къ блудницѣ? Точно такъ. Человѣкъ стремится къ блудницѣ для того, чтобы сдѣлаться блудникомъ; а Богъ оказываетъ благоволеніе къ блудницѣ для того, чтобы блудницу сдѣлать дѣвою; такимъ образомъ пожеланіе человѣка служитъ въ погибель той, къ которой онъ стремится; благоволеніе Божіе служитъ во спасеніе той, къ которой Онъ благоволитъ. Столь великій и столь высокій благоволилъ къ блудницѣ? Для чего? Для того, чтобы сдѣлаться Женихомъ ея. Что же Онъ дѣлаетъ? Онъ не посылаетъ къ ней никого изъ рабовъ, не посылаетъ къ блудницѣ ни ангела, ни архангела, ни херувима, ни серафима, но самъ приходитъ съ своею любовію. Опять, слыша о любви, ты не разумѣй любви чувственной. Съ разборомъ извлекай мысли изъ выраженій, какъ прекрасная пчела, которая садится на цвѣты и извлекаетъ медъ, а травы

пролетаетъ мимо. Онъ благоволилъ къ блудницѣ и что дѣлаетъ? Не возводитъ ея горѣ, потому что Онъ не хотѣлъ возводить блудницу на небо, но самъ нисходитъ. Такъ какъ она не могла взойти на небо, то Онъ Самъ сошелъ на землю. Онъ приходитъ къ блудницѣ и не стыдится; входитъ въ ея хижину; взираетъ на нее нетрезвую. И какъ приходитъ? Не открытымъ существомъ Своимъ, а становится тѣмъ, чѣмъ была и блудница, не призрачно, а по естеству становится такимъ, чтобы она, увидѣвъ Его, не устрашилась, не удалилась, не убѣжала. Онъ приходитъ къ блудницѣ и дѣлается человѣкомъ. Какъ дѣлается? Зачинается въ утробѣ, растетъ мало по малу и проходитъ путь своего возрастанія. Кто возрастаетъ? Домостроительствующій, а не самое Божество, образъ
406 раба, а не лице Господа, моя плоть, а не Его сущность; Онъ возрастаетъ мало по малу и обращается между людьми. Онъ находитъ ту, къ которой пришелъ, покрытою ранами, одичавшею, обремененною бѣсами. И что дѣлаетъ? Подходитъ къ ней; а она увидѣла и отбѣжала. Онъ призываетъ волхвовъ. Чего вы боитесь? Я не судія, но врачъ: *не пріидохъ, да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. XII, 47). Тотчасъ Онъ призываетъ волхвовъ. О, необычайныя и дивныя дѣла! Волхвы являются первенцами. Держащій вселенную полагается въ ясляхъ и управляющій всѣмъ повивается пеленами; устрояется храмъ и вселяется Богъ. Приходятъ волхвы, и тотчасъ покланяются; приходитъ мытарь, и дѣлается евангелистомъ; приходитъ блудница, и дѣлается дѣвою; приходитъ хананеянка, и принимается съ человѣколюбіемъ. Любящему свойственно—не требовать отчета во грѣхахъ, но прощать беззаконія и прегрѣшенія. Что же Онъ дѣлаетъ? Принимаетъ ее и обручаетъ ее Себѣ. И что даетъ ей? Залогъ обрученія. Какой? [Печать] Духа Святаго. *Извѣствуяй же*, говоритъ Павелъ, *насъ съ вами во Христа и помазавый насъ Богъ, иже и запечатлѣ насъ и даде обрученіе Духа* (2 Кор. I, 21, 22). Онъ даетъ ей Духа. Затѣмъ говоритъ: не въ раю ли Я насадилъ тебя? Она отвѣчаетъ: да. Какъ же ты пала оттуда? Пришелъ діаволъ и вывелъ меня изъ рая. Ты насаждена была въ раю, а діаволъ изгналъ тебя оттуда; вотъ Я поселю тебя во Мнѣ, и Самъ стану носить тебя. Какимъ образомъ? Діаволъ не смѣетъ приступить ко Мнѣ; не на небо Я возвожу тебя, но здѣсь больше неба; въ самомъ Владыкѣ неба стану носить тебя. Пастырь носитъ, и волкъ уже не приступаетъ, или—лучше—пусть онъ приступаетъ. Господь носитъ наше естество, подходитъ діаволъ, и поражается. Я насадилъ тебя, говоритъ Онъ, въ Себѣ самомъ; поэтому Онъ и сказалъ: *Азъ есмь лоза, вы же рождіе* (Іоан. XV, 5); такъ Онъ насадилъ ее въ Себѣ самомъ. Что же далѣе? Но я грѣшникъ, говоритъ человѣкъ, я нечистъ. Не безпокойся объ

этомъ, отвѣчаетъ Господь, Я — врачъ. Я знаю мой сосудъ, знаю, какъ онъ испорченъ; прежде онъ былъ глиняный и испортился; Я исправляю его банею пакибытія и предаю его огню. Смотри же: Богъ взялъ персть отъ земли и сотворилъ человѣка, образовалъ его; пришелъ діаволъ, и извратилъ его; пришелъ самъ Богъ, снова взялъ человѣка, возстановилъ его, обновилъ его въ крещеніи, и не оставилъ тѣла его глинянымъ, но сдѣлалъ его „скудельнымъ". Онъ предалъ глину огню Духа: *той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Матѳ. III, 11); креститъ водою, чтобы обновить, а огнемъ, чтобы укрѣпить. Это именно издревле предсказывая, говорилъ пророкъ: *„яко сосуды скудельничи сокрушиши я"* (Псал. II, 9). Не сказалъ [просто]: „какъ сосуды глиняные", какими они бываютъ въ употребленіи, но, — „сосуды скудельничи", т. е., именно какими они бываютъ во время работы надъ ними на станкѣ горшечника; [разница въ томъ, что] въ работѣ у горшечника они [просто] глиняные, а у насъ сосуды „скудельные"[1]). Итакъ, пророкъ употребляетъ выраженіе: *„яко сосуды скудельничи сокрушиши я"*, предусматривая обновленіе [падшаго человѣка] чрезъ крещеніе. Онъ возстановляетъ, говоритъ, и обновляетъ. Я схожу въ [воду] крещенія, и мой видъ преобразуется, огнь Духа обновляетъ его, и онъ дѣлается скудельнымъ. Что это не пустыя слова, послушай Іова: *бреніе мя создалъ еси* (Іов. X, 9). А Павелъ уже говоритъ: *имамы же сокровище сіе въ скуделныхъ сосудѣхъ* (2 Кор. IV, 7). Но посмотри на твердость этого скудельнаго сосуда, который не огнемъ обожженъ, а Духомъ. Каковъ же этотъ 407
скудельный сосудъ? *Пять краты четыредесять развѣ единыя пріяхъ, трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми launched наметанъ быхъ*, и скудельный сосудъ не разбился; *нощь и день во глубинѣ сотворихъ*, былъ во глубинѣ, и скудельный сосудъ не распался; испыталъ *кораблекрушеніе*, а сокровище не погибло; корабль былъ въ водѣ, а грузъ плылъ (2 Кор. XI, 24, 25). *Имамы же сокровище.* Какое сокровище? Наитіе Духа, оправданіе, освященіе, искупленіе. Какое, скажи мнѣ, сокровище? *Во имя Іисуса Христа востани и ходи.— Енее, исцѣляетъ тя Іисусъ Христосъ.—Тебѣ глаголю, духъ лукавый, изыди изъ нея* (Дѣян. III, 6, IX, 34, XVI, 18).

12. Видишь ли сокровище, блистательнѣйшее царскихъ сокровищъ? Можетъ ли царскій жемчугъ сдѣлать то, что совершали

[1]) Глиняный = πήλινος = изъ мягкой глины; такими бываютъ сосуды во время работы надъ ними горшечника, отсюда названіе — „скудельничій". „Скудельный" = обожженый глиняный = ὀστράκινος.—Выраженіе *„сосуды скудельничи"* характоризуетъ людей ветхозавѣтныхъ, а слова апостола о *„сосудахъ скудельнихъ"* относятся къ людямъ, обновленнымъ благодатію крещенія.

слова апостольскія? Наложи тысячи діадемъ на мертваго, и онъ не встанетъ; а произнесено одно слово апостола, и оно возстановило мятежную природу и возвратило ее въ прежнее состояніе. *Имамы же сокровище сіе.* О, сокровище, не только сохраняющееся, но и сохраняющее тотъ домъ, въ которомъ оно находится! Понялъ ли ты, что я сказалъ? Земные цари и начальники, имѣя сокровища, приготовляютъ великіе домы, стѣны, запоры, двери, стражей, замки, чтобы сохранить сокровище; а Христосъ сдѣлалъ иначе: Онъ положилъ свое сокровище не въ каменный, а въ глиняный сосудъ. Если это сокровище велико, то почему слабый сосудъ? Именно потому-то и слабый сосудъ, что велико сокровище: не сосудъ хранитъ это сокровище, а оно хранитъ сосудъ. Я полагаю, говоритъ Онъ, сокровище, и кто можетъ похитить его? Приходилъ діаволъ, приходила вселенная, приходили тысячи, и не похитили сокровища; сосудъ былъ поражаемъ ударами, а сокровище не далось; онъ былъ потопляемъ въ морѣ, а оно не потонуло; онъ умеръ, а сокровище остается. Вотъ [какое сокровище] далъ Богъ [блудницѣ въ] залогъ [обрученія]. Гдѣ же хулящіе достоинство Духа? Слушайте: *извѣствуяй насъ съ вами во Христа Богъ, иже и даде обрученіе Духа* (2 Кор. I, 21, 22). Всѣ вы знаете, что залогъ есть малая часть всего; а какъ, послушай. Приходитъ кто-нибудь продать домъ за большую цѣну и говоритъ: дай мнѣ залогъ, чтобы мнѣ быть увѣреннымъ. Приходитъ кто-нибудь взять жену, условливается о приданомъ и другихъ вещахъ и говоритъ: дай мнѣ залогъ. Слышишь: и при продажѣ раба залогъ, и при всѣхъ договорахъ залогъ. Такъ и Христосъ, вступая съ нами въ завѣтъ, — потому что Онъ хотѣлъ взять меня, какъ невѣсту,— назначаетъ мнѣ и приданое, не деньгами, а кровію. Онъ назначаетъ мнѣ въ приданое воздаяніе благъ, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). Такимъ образомъ Онъ назначилъ мнѣ въ приданое безсмертіе, славословіе съ ангелами, избавленіе отъ смерти, свободу отъ грѣха, наслѣдіе царства,—какъ велико это богатство!—оправданіе, освященіе, избавленіе отъ настоящаго, полученіе будущаго. Велико дано мнѣ приданое! Слушай со вниманіемъ; посмотри, что Онъ дѣлаетъ. Онъ пришелъ взять блудницу, — такъ я называю ее потому, что
408 она была нечиста, — чтобы ты узналъ любовь Жениха. Онъ пришелъ, взялъ меня, назначаетъ мнѣ приданое, говоритъ: Я отдаю тебѣ Мое богатство. Какое? Ты, говоритъ, потеряла рай? Получи его. Ты, говоритъ, потеряла красоту? Получи ее; получи все это. Но только приданое это дано мнѣ не здѣсь.

18. Послушай, почему Онъ предвозвѣщаетъ объ этомъ приданомъ. Онъ назначилъ мнѣ въ приданое воскресеніе тѣлъ и не-

тлѣніе. Не всегда за воскресеніемъ слѣдуетъ нетлѣніе; это два отдѣльныя явленія: многіе воскресли и опять умерли, напр., Лазарь и тѣла святыхъ. А здѣсь не такъ, но Онъ обѣщаетъ воскресеніе, нетлѣніе, ликованіе съ ангелами, срѣтеніе Сына на облакахъ, — *и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Сол. IV, 17), — избавленіе отъ смерти, свободу отъ грѣха, уничтоженіе смерти. Каково это? *Око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящымъ Его* (1 Кор. II, 9). Ты даруешь мнѣ блага, которыхъ я не знаю? Да, говоритъ Онъ; здѣсь Я вступаю съ тобою въ союзъ; здѣсь ты люби Меня. Почему же Ты здѣсь не даешь мнѣ приданаго? Это будетъ тогда, когда ты придешь къ Отцу Моему, когда войдешь въ царскіе чертоги. Вѣдь теперь Я пришелъ къ тебѣ, а не ты ко Мнѣ? И пришелъ Я не для того, чтобы ты оставалась здѣсь, но чтобы взять тебя и вознестись. Не ищи же приданаго здѣсь; все въ надеждѣ, все въ вѣрѣ. Неужели здѣсь Ты ничего не дашь мнѣ? Прими залогъ, говоритъ Онъ, чтобы вѣрить Мнѣ касательно будущаго; прими задатокъ, прими обручальные дары. Поэтому и Павелъ говоритъ: *обручихъ бо васъ* (2 Кор. XI, 2).

Богъ даровалъ намъ настоящія блага, именно, какъ обручальные дары; настоящее есть обручальный даръ, залогъ; а все приданое находится тамъ. Какимъ образомъ? Сейчасъ объясню. Здѣсь я старѣю, а тамъ не старѣю; здѣсь умираю, а тамъ не умираю; здѣсь скорблю, а тамъ не скорблю; здѣсь бѣдность, и болѣзнь, и козни, а тамъ ничего подобнаго; здѣсь тьма и свѣтъ, а тамъ одинъ только свѣтъ; здѣсь притѣсненіе, а тамъ свобода; здѣсь болѣзнь, а тамъ здравіе; здѣсь жизнь, имѣющая конецъ, а тамъ жизнь, не имѣющая конца: здѣсь грѣхъ, а тамъ правда, грѣха же никакого; здѣсь зависть, а тамъ ничего подобнаго. Дай мнѣ, скажешь, это. Подожди, чтобы и сослужители твои спаслись, подожди. *Извѣствуяй васъ даде намъ залогъ.* Какой залогъ? Духа Святаго, даръ духовный. Я говорю о Духѣ. Онъ далъ апостоламъ печать, сказавъ: пріимите и дайте всѣмъ. Развѣ раздѣляется эта печать? Раздается и не раздѣляется; раздается и не уничтожается. Таковъ духовный даръ. Получилъ Духа святаго Петръ, получилъ и Павелъ; обошелъ вселенную, избавлялъ грѣшниковъ отъ грѣховъ, исцѣлялъ хромыхъ, одѣвалъ нагихъ, воскрешалъ мертвыхъ, очищалъ прокаженныхъ, заграждалъ уста діаволу, изгонялъ бѣсовъ, бесѣдовалъ съ Богомъ, насадилъ Церковь, разрушилъ капища, ниспровергъ жертвенники, истреблялъ пороки, насаждалъ добродѣтель, дѣлалъ людей ангелами.

14. Все это сдѣлалось съ нами: залогъ наполнилъ всю вселенную. Когда я говорю: всю вселенную, то разумѣю всю землю,

409 которую озаряетъ солнце, море, острова, горы, долины и холмы. Какъ птица, облетѣлъ ее Павелъ, побѣждая одними только устами. Дѣлатель палатокъ,—онъ работалъ рѣзцомъ и выдѣлывалъ кожи; и однако это ремесло не послужило ему препятствіемъ въ добродѣтели: дѣлатель палатокъ оказался сильнѣе бѣсовъ, некраснорѣчивый—мудрѣе философовъ. Почему? Онъ получилъ залогъ, имѣлъ печать и носилъ ее съ собою. Всѣ видѣли, что Царь принялъ на себя наше естество; видѣлъ бѣсъ, и отступалъ; видѣлъ онъ этотъ залогъ, и трепеталъ и удалялся; взирая даже на одежды апостольскія, онъ обращался въ бѣгство. О, сила Духа! Не только душѣ и тѣлу Онъ давалъ такую власть, но и одеждѣ, и не одеждѣ только, но и тѣни. Проходилъ Петръ, и тѣнь его прогоняла болѣзни, отгоняла бѣсовъ, воскрешала мертвыхъ. Обходилъ вселенную Павелъ, истреблялъ терніе нечестія и бросалъ сѣмена благочестія, какъ превосходный земледѣлецъ, употребляя плугъ ученія. И къ кому ходилъ онъ? Къ ѳракійцамъ, скиѳамъ, индійцамъ, маврамъ, сардійцамъ, готамъ, къ дикимъ существамъ, и обращалъ всѣхъ. Какимъ образомъ? Силою залога. Откуда получалъ достаточныя средства? Отъ благодати Духа. Онъ былъ простой, нагой, босой, но ему Богъ далъ *обрученіе духа*. Поэтому онъ и говоритъ: *и къ симъ кто доволенъ; но доволство наше отъ Бога, иже и удоволи насъ служители быти нову завѣту, не писмене, но духу* (2 Кор. II, 16, III, 5, 6). Смотри, что сдѣлалъ Духъ: Онъ нашелъ землю наполненною бѣсами—и сдѣлалъ ее небомъ. Не настоящее представляйте, но обратитесь мыслію къ тогдашнему. Тогда былъ плачъ, тогда вездѣ были жертвенники, вездѣ дымъ, смрадъ, вездѣ прелюбодѣянія, идолослуженіе, жертвы, вездѣ торжествующіе бѣсы, твердыни діавола, вездѣ вѣнчаемое блудодѣяніе; а Павелъ былъ одинъ. Какъ онъ не былъ потопленъ? Какъ не былъ растерзанъ? Какъ открывалъ уста? Онъ пришелъ въ Ѳиваиду, и плѣнилъ ея жителей; вошелъ въ царскіе чертоги, и царя сдѣлалъ ученикомъ; вошелъ въ судилище, и судья говоритъ ему: *вмалѣ мя препираеши христіанина быти*, судья сдѣлался ученикомъ (Дѣян. XXVI, 28); вошелъ въ темницу, и обратилъ темничнаго стража; прибылъ на островъ варваровъ, и ехидну сдѣлалъ учительницею; пришелъ къ народу римскому, и склонилъ на свою сторону сенатъ. Онъ ходилъ по рѣкамъ, ходилъ по пустыннымъ мѣстамъ всей вселенной; ни земля, ни море не остались чуждыми дѣяній его. Господь далъ ему *обрученіе печати*, далъ залогъ и сказалъ: это Я даю тебѣ теперь, а прочее обѣщаю. Потому и говоритъ пророкъ: *предста царица одесную тебе въ ризахъ позлащенныхъ* (Пс. XLIV, 10). Не объ одеждѣ говоритъ онъ, но о добродѣтели. Также въ другомъ мѣ-

стѣ Писаніе говоритъ: *како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна* (Матѳ. XXII, 12)? Не объ одеждѣ, конечно, говоритъ, но о прелюбодѣяніи, о гнусной и нечистой дѣятельности. Какъ нечистыя одежды означаютъ грѣхъ, такъ золотыя—добродѣтель. Но эта одежда—царская; самъ Онъ далъ ей и одежду; вѣдь она была нага, нага и безобразна. *Предста царица одесную тебе въ ризахъ позлащенныхъ*. Не объ одеждѣ говоритъ онъ, но о добродѣтели; не сказалъ: *въ золотѣ*. Замѣть: самое выраженіе это заключаетъ въ себѣ весьма высокій смыслъ. Не сказалъ пророкъ: *въ золотѣ*, но: *въ позлащенныхъ*. Слушай со вниманіемъ. Золотая одежда бываетъ вся золотая; а позлащенная бываетъ частію изъ 410
золота, а частію изъ шелка. Почему же онъ сказалъ, что невѣста носитъ одежду не золотую, а позлащенную? Вникни тщательно. Онъ разумѣетъ здѣсь церковную жизнь, а она разнообразна: не всѣ мы одинаковы по жизни, но одинъ подвизается въ дѣвствѣ, другой во вдовствѣ, иной въ другомъ видѣ благочестія. Одежда Церкви есть жизнь Церкви.

15. Такъ какъ Господь нашъ зналъ, что, если бы Онъ указалъ одинъ путь, то многіе были бы нерадивыми, то Онъ и указалъ разные пути. Ты не можешь идти путемъ дѣвства? Иди путемъ единобрачія. Не можешь чрезъ единобрачіе? Иди по крайней мѣрѣ чрезъ второй бракъ. Не можешь идти путемъ цѣломудрія? Иди путемъ милосердія. Не можешь идти путемъ милосердія? Иди путемъ поста. Не можешь тѣмъ? Иди этимъ. Не можешь этимъ? Иди тѣмъ. Поэтому пророкъ и показалъ не золотую, а *позлащенную* одежду. Она вмѣстѣ и шелковая, и пурпуровая, и золотая. Ты не можешь быть золотымъ? Будь шелковымъ; Я принимаю тебя, только бы въ одеждѣ. Въ этомъ смыслѣ и Павелъ говоритъ: *аще ли кто назидаетъ на основаніи семъ, злато, сребро, каменіе честное* (1 Кор. III, 12). Ты не можешь быть драгоцѣннымъ камнемъ? Будь золотомъ. Не можешь быть золотомъ? Будь серебромъ, только бы *на основаніи*. И еще въ другомъ мѣстѣ: *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ* (1 Кор. XV, 41). Ты не можетъ быть солнцемъ? Будь луною. Не можешь быть луною? Будь звѣздою. Не можешь быть великою звѣздою? Будь по крайней мѣрѣ малою, только бы на небѣ. Не можешь быть дѣвственницею? Живи въ бракѣ съ воздержаніемъ, только бы въ Церкви. Не можешь быть нестяжательнымъ? Будь милосердъ, только бы въ Церкви, только бы въ одеждѣ, только бы подъ руководствомъ царицы. Одежда *позлащенная*—различная одежда. Я не закрываю тебѣ пути; по обилію добродѣтелей сдѣлалось удобнымъ домостроительство Царя. *Въ ризахъ позлащенныхъ, одѣяна преиспещ-*

рена. Разнообразна одежда ея; и, если хочешь, вникни въ глубину сказаннаго изреченія. Посмотри на позлащенную одежду. Здѣсь одни—монашествующіе, другіе живутъ въ честномъ бракѣ, немного отставая отъ тѣхъ; иные единобрачные, другіе въ цвѣтущемъ вдовствѣ. Для чего рай? Для чего онъ разнообразенъ? Онъ имѣлъ различные цвѣты, и деревья, и много драгоцѣнностей. Много звѣздъ, а солнце одно; много родовъ жизни, а рай одинъ; много храмовъ, а рай одинъ; много храмовъ, а мать одна. Одинъ—тѣло, другой—глаза, иной—перстъ, но всѣ—одно; и малое, и великое, и меньшее—одно. Такъ, дѣва нуждается въ замужней женѣ: она произошла отъ брака, и не можетъ, слѣдовательно, презирать бракъ. И дѣва же—корень брака. Все соединено, малое съ великимъ, а великое съ малымъ. *Предста царица одесную тебе въ ризахъ позлащенныхъ, одѣяна преиспещрена.* Наконецъ: *слыши, дщи.* Устроитель брака говоритъ: ты идешь къ Жениху, который превосходитъ тебя по существу, превосходитъ тебя по природѣ. Я—устроитель брака. *Слыши, дщи.* И она тотчасъ сдѣлалась женою? Да; но, конечно, здѣсь нѣтъ ничего чувственнаго. Онъ сочетался съ нею какъ съ женою, любитъ ее
111 какъ дочь, заботится какъ о рабынѣ, хранитъ какъ дѣву, ограждаетъ какъ рай, лелѣетъ какъ свое тѣло, промышляетъ о ней какъ глава, произращаетъ какъ корень, пасетъ какъ пастырь, сочетавается какъ женихъ, прощаетъ какъ умилостивительная жертва, закалается какъ овца, хранитъ ея красоту какъ женихъ, печется о ней какъ мужъ. Здѣсь много мыслей, чтобы мы воспользовались хотя малою частію этого домостроительства. *Слыши, дщи, и виждь;* обрати вниманіе на дѣла брачныя и духовныя. *Слыши, дщи.* Прежде она была дщеріею бѣсовъ, дщеріею земли, недостойною земли, а теперь стала дщеріею Царя. Этого хотѣлъ любящій ее. Кто любитъ, тотъ не разбираетъ внѣшняго вида; любовь не смотритъ на безобразіе; потому она и называется любовію (ἔρως), что часто любитъ и безобразное. Такъ поступилъ и Христосъ: Онъ увидѣлъ безобразную,—потому что ее нельзя было назвать благообразною,—и возлюбилъ ее, и сдѣлалъ ее новою, не имѣющею скверны или порока. О, Женихъ, обращающій въ красоту безобразіе невѣсты! *Слыши, дщи, слыши и виждь.* Употребляетъ два выраженія: *слыши* и *виждь*; оба зависятъ отъ тебя, одно отъ глазъ, а другое отъ слуха. Такъ какъ приданое ея заключалось въ слухѣ,—если нѣкоторые глубже проникаютъ, то пусть подождутъ слабѣйшихъ; я хвалю и васъ, преуспѣвшихъ, прощаю и тѣхъ, которые идутъ сзади,—такъ какъ приданое ея заключалось въ слухѣ (что значитъ: въ слухѣ? въ вѣрѣ,—потому что *вѣра отъ слуха* Римл. x, 17; въ вѣрѣ, а не въ обладаніи, не на са-

момъ опытѣ), то я и говорилъ, что Богъ раздѣлилъ приданое ея на двѣ части: одно даровалъ ей вмѣсто залога, а другое обѣщалъ ей въ будущемъ. Что же Онъ даровалъ ей? Даровалъ ей прощеніе грѣховъ, помилованіе отъ наказанія, оправданіе, освященіе, искупленіе, тѣло Господне, трапезу божественную, духовную, воскрешеніе мертвыхъ. Все это имѣли апостолы. Такимъ образомъ одно Онъ далъ, а другое обѣщалъ; и одно было на опытѣ и въ обладаніи, а другое въ надеждѣ и вѣрѣ. Послушай еще: что Онъ даровалъ? Крещеніе, жертву. Это на опытѣ. А посмотри, что Онъ обѣщалъ? Воскресеніе, нетлѣніе тѣлъ, единеніе съ ангелами, ликованіе съ архангелами, жизнь вмѣстѣ съ Нимъ, жизнь нетлѣнную, блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящымъ Его* (1 Кор. II, 9).

16. Вы понимаете сказанное; не забывайте же этого; я о томъ и стараюсь, чтобы вы понимали. Приданое этой невѣсты раздѣлено на двѣ части, на настоящее и будущее, на видимое и слышимое, на даруемое и ожидаемое вѣрою, на испытываемое и предвкушаемое, на блага настоящей жизни и блага по воскресеніи. Одно ты видишь, а о другомъ слышишь. Итакъ смотри же, что Онъ говоритъ ей, дабы она не думала, что получила только это, хотя и это было велико, невыразимо и выше всякаго представленія. *Слыши, дщи, и виждь;* о томъ послушай, а на это посмотри, чтобы не говорить: опять въ надеждѣ, опять въ вѣрѣ, опять въ будущемъ? *И виждь*: одно Я даю, а другое обѣщаю, то въ надеждѣ, а это получи въ залогъ, это прими въ задатокъ, это возьми въ ручательство. Я обѣщаю тебѣ царство; вѣруй на осно- 412
ваніи настоящаго, вѣрь Мнѣ. Ты обѣщаешь мнѣ царство? Да; Я даровалъ тебѣ больше,—Владыку царства: *иже Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его, како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. VIII, 32)? Даруешь воскресеніе тѣлъ? Да; Я даровалъ тебѣ больше. Что? Избавленіе отъ грѣховъ. Почему же больше? Потому, что грѣхъ родилъ смерть. Я умертвилъ этого отца: неужели не умерщвлю дочь? Я высушилъ корень: неужели не истреблю плода? *Слыши, дщи, и виждь.* Что мнѣ видѣть? Мертвыхъ воскрешаемыми, прокаженныхъ очищаемыми, море укрощаемое, разслабленнаго укрѣпляемаго, рай отверзаемый, хлѣбы умножаемые, грѣхи отпускаемые, хромого скачущимъ, разбойника дѣлающимся жителемъ рая, мытаря дѣлающагося евангелистомъ, блудницу дѣлающеюся почтеннѣе дѣвы. *Слыши и виждь.* О томъ послушай, а на это посмотри. Въ настоящемъ ты можешь удостовѣриться на дѣлѣ, а въ будущемъ Я далъ тебѣ залогъ. Оно еще лучше. Что же скажешь ты? Все это—Мое. *Слыши, дщи, и виждь.*

Это приданое отъ Бога. Что же приноситъ невѣста? Посмотримъ. И ты должна принести; что же принесешь ты, чтобы не остаться тебѣ безъ приданаго? А что я могу принести, говоритъ она, отъ жертвенниковъ, отъ дыма, отъ бѣсовъ? Что я могу принести? Что? Расположенность и вѣру. *Слыши, дщи, и виждь.* Какихъ же дѣлъ ты желаешь отъ меня? *Забуди люди твоя.* Какихъ людей? Бѣсовъ, идоловъ, дымъ, смрадъ, кровь. *И виждь, и забуди люди твоя и домъ отца твоего* (Пс. XLIV, 11). Оставь отца и иди ко Мнѣ. Я оставилъ Отца и пришелъ къ тебѣ: неужели ты не оставишь своего отца? Впрочемъ подъ этимъ выраженіемъ: я *оставилъ*, сказанномъ о Сынѣ, не разумѣй разлученія. Я снизошелъ, говоритъ Онъ, по домостроительству, принялъ плоть. Какъ жениху и невѣстѣ, намъ нужно оставить родителей, чтобы сочетаться другъ съ другомъ. *Слыши, дщи, и виждь, и забуди люди твоя и домъ отца твоего.* А что ты дашь мнѣ, если я забуду? *И возжелаетъ царь доброты твоея* (Псал. XLIV, 12). Господь дастъ тебѣ Свою любовь, а съ нею вмѣстѣ ты пріобрѣтаешь и все то, что принадлежитъ Ему, — если только вы можете понять сказанное; это—мысль тонкая, и я хочу обуздать языкъ іудеевъ.

Впрочемъ усильте ваше вниманіе; слушаетъ ли кто, или не слушаетъ, я воздѣлываю землю, я работаю плугомъ. *Слыши, дщи, и виждь, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея.* Іудей разумѣетъ здѣсь красоту чувственную, не духовную, а тѣлесную.

17. Обрати вниманіе, мы изслѣдуемъ, что такое красота тѣлесная, и что—духовная. Есть душа, есть тѣло,—двѣ сущности: есть красота тѣлесная, и есть красота душевная. Что такое красота тѣлесная? Густыя брови, веселый взглядъ, румяныя щеки, розовыя губы, высокая шея, волнистые волосы, длинные пальцы, стройный ростъ, цвѣтущая бѣлизна. Эта тѣлесная красота бываетъ отъ природы или отъ воли? Извѣстно, что отъ природы. Послушай мнѣній философовъ: эта красота, красота лица, глазъ, волосъ, чела, бываетъ отъ при-
113 роды или отъ воли? Очевидно, отъ природы. Безобразная, хотя бы употребляла безчисленное множество украшеній, не можетъ сдѣлаться красивою по тѣлу, потому что природныя свойства постоянны, опредѣленны, неизмѣнны. Красивая всегда остается красивою, хотя бы и не употребляла никакого украшенія, а безобразная не можетъ сдѣлать себя красивою, равно какъ красивая—безобразною. Почему? Потому, что эти свойства отъ природы. Видишь ли тѣлесную красоту? Обратимся внутрь души; предъ нею тѣло — раба предъ госпожею. Обратимся же къ душѣ. Посмотри на эту красоту, или—лучше—послушай о ней, потому что ты не можешь видѣть ее,—она невидима. Послушай же объ этой красотѣ.

Итакъ, что такое красота душевная? Цѣломудріе, скромность, милосердіе, любовь, дружелюбіе, доброжелательство, повиновеніе Богу, исполненіе закона, правда, сокрушеніе сердца. Это — красоты души. Онѣ — не отъ природы, а отъ воли. Неимѣющій ихъ можетъ пріобрѣсть, а имѣющій, если будетъ нерадивъ, теряетъ ихъ. Какъ о тѣлѣ я говорилъ, что безобразная не можетъ сдѣлаться красивою, такъ о душѣ скажу противное: безобразная душа можетъ сдѣлаться благообразною. Что было безобразнѣе души Павла, когда онъ былъ богохульникомъ и гонителемъ, и что прекраснѣе его, когда онъ говорилъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ* (2 Тим. IV, 7)? Что безобразнѣе души разбойника, и что благообразнѣе его, когда онъ услышалъ: *аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43)? Что безобразнѣе мытаря, когда онъ похищалъ, и что благороднѣе его, когда онъ произнесъ свое сужденіе? Видишь, что красоту тѣла ты не можешь измѣнить, такъ какъ она не отъ воли, а отъ природы. А благообразіе души пріобрѣтается у насъ волею. Отсюда мы и получаемъ опредѣленіе предмета. Какое? То, что душевная красота происходитъ отъ повиновенія Богу. Если 414
даже безобразная душа будетъ повиноваться Богу, она изгладитъ свое безобразіе и сдѣлается благообразною. *Савле, Савле, что мя гониши; рече же: кто еси Господи; азъ есмь Іисусъ* (Дѣян. IX, 4, 5). Савлъ повиновался, и повиновеніе сдѣлало безобразную душу его благообразною. Мытарю Господь сказалъ: *иди, гряди въ слѣдъ Мене* (Мѳ. IX, 9; Лк. V, 27). Мытарь всталъ, и сдѣлался апостоломъ, безобразная душа его сдѣлалась благообразною. Отъ чего? Отъ повиновенія. Такъ и рыбакамъ Господь сказалъ: *грядита по мнѣ и сотворю вы ловца человѣкомъ* (Мѳ. IV, 19), и отъ повиновенія души ихъ сдѣлались благообразными. Посмотримъ же, о какой красотѣ говоритъ Онъ здѣсь. *Слыши дщи, и виждь, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея.* Какой возжелаетъ красоты? Душевной. Въ чемъ эта красота? Въ томъ, что она забыла. *Слыши,* говоритъ Онъ, *и забуди.* Это зависитъ отъ воли. *Слыши,* сказалъ Онъ. Безобразная слушаетъ, и тѣлесное безобразіе ея не уничтожается. А скажи грѣшнику: *слыши,* и, если онъ послушаетъ, то смотри, какое будетъ благообразіе. Поэтому, такъ какъ безобразіе невѣсты было не естественное, а произвольное, вслѣдствіе того, что она нѣкогда не послушала Бога и преступила заповѣдь, — то Онъ и врачуетъ ее сообразно съ этимъ. Она была безобразна не отъ природы, а отъ воли; и благообразною сдѣлалась чрезъ повиновеніе. *Слыши, дщи, и виждь, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея.* А чтобы ты зналъ, что онъ говоритъ не о чемъ-либо чув-

ственномъ, и, слыша о красотѣ, не разумѣлъ ни глазъ, ни носа, ни устъ, ни шеи, но—благочестіе, вѣру, любовь, вообще внутреннее, Онъ прибавилъ: *вся слава дщере царевы внутрь* (Пс. XLIV, 14). За все это возблагодаримъ Бога, Подателя: Ему одному подобаетъ слава, честь, держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА,

когда Сатурнинъ и Авреліанъ были отправлены въ ссылку, и Гайна вышелъ изъ города, и о сребролюбіи.

413—414 1. Долго я молчалъ и спустя много времени опять возвратился къ вашей любви; впрочемъ это—не отъ какой-нибудь безпечности или тѣлеснаго разслабленія, а отъ того, что я успокои-
415 валъ смятенія, укрощалъ волны, утишалъ бурю, спасалъ терпѣвшихъ кораблекрушеніе, старался ввести утопавшихъ въ тихую пристань. Я—общій отецъ всѣхъ; мнѣ необходимо заботиться не только о стоящихъ, но и о падшихъ, не только о плывущихъ при попутномъ вѣтрѣ, но и о колеблемыхъ волнами, не только о живущихъ въ безопасности, но и о находящихся въ опасностяхъ. Потому и въ минувшіе дни я на время оставлялъ васъ, и вездѣ ходилъ, увѣщевая, упрашивая, умоляя избавить тѣхъ господъ отъ бѣдствія. Когда же тѣ горестныя событія прекратились, я опять возвратился къ вамъ, находящимся въ безопасности и совершающимъ свое плаваніе въ полномъ спокойствіи. Къ тѣмъ я ходилъ, чтобы прекратить бурю, а къ вамъ возвратился, чтобы у васъ не было бури; къ тѣмъ я отправлялся, чтобы избавить ихъ отъ бѣдствій, а къ вамъ прибылъ, чтобы вы не подверглись бѣдствіямъ. Мнѣ надобно заботиться не только о стоящихъ, но и о падшихъ, и опять—не только о падшихъ, но и о стоящихъ: о тѣхъ, чтобы встали; объ этихъ, чтобы не пали; о тѣхъ, чтобы освободились отъ тяготѣющихъ надъ ними бѣдствій, объ этихъ, чтобы не подверглись угрожающимъ горестямъ. Нѣтъ ничего твердаго, ничего постояннаго въ дѣлахъ человѣческихъ, но они подобны разъяренному морю и ежедневно испытываютъ удивительныя и жестокія крушенія.

Все исполнено смутъ и волненій; вездѣ скалы и стремнины; вездѣ подводные камни и утесы; вездѣ страхи, опасности, подозрѣнія, ужасы и безпокойства. Никто никому не довѣряетъ, каждый боится ближняго. Можетъ быть, скоро наступитъ то время,

которое описывая пророкъ говорилъ: *не вѣрите другомъ, ни надѣйтеся на старѣйшины*, каждый берегись своего ближняго; *отъ сожительницы твоея хранися, еже сказати ей что* (Мих. VII, 5). Почему? Потому, что настало время лукавое; *всякъ братъ запинаніемъ запнетъ, и всякъ другъ льстивно наскочитъ* (Іерем. IX, 4). Нѣтъ вѣрнаго друга, нѣтъ надежнаго брата. Исчезло благо любви, всѣмъ овладѣла междоусобная война, междоусобная, и притомъ не явная, а скрытная. Всюду личины безъ счету; много овечьихъ шкуръ, а подъ ними вездѣ скрываются безчисленные волки, и гораздо безопаснѣе было бы жить между врагами, нежели между мнимыми друзьями. Тѣ, которые вчера заискивали, и льстили, цѣловали руки, теперь вдругъ оказались врагами и, сбросивъ личину, сдѣлались злѣйшими изъ всѣхъ обвинителей; кому недавно выражали благодарность, тѣхъ нынѣ обвиняютъ и порицаютъ.

2. Какая же причина всего этого? Любовь къ деньгамъ, неистовая страсть сребролюбія, эта неисцѣлимая болѣзнь, пламя неугасимое, сила, покорившая себѣ всю вселенную. Поэтому, что говорили мы прежде, то самое не перестанемъ говорить и теперь, хотя многіе тогда обвиняли насъ и говорили: перестанешь ли ты вооружаться языкомъ своимъ противъ богатыхъ? Перестанешь ли непрестанно враждовать противъ нихъ? Но противъ нихъ ли я враждую? Противъ ли нихъ вооружаюсь? Не за нихъ ли скорѣе 416
я все говорю и дѣлаю, тогда какъ они изощрили мечи свои сами на себя? Не доказалъ дѣйствительный опытъ, что я, обличая и и постоянно укоряя, заботился объ ихъ пользѣ, а они, осуждая насъ за слова наши, были скорѣе сами себѣ врагами? Вы видѣли, какъ произнесенныя нами слова оправдались на дѣлѣ. Не говорилъ ли я всегда, что богатство — бѣглый рабъ, переходящій отъ одного къ другому? И, о, если бы оно только переходило, но не убивало; если бы перебѣгало, но не губило! А теперь оно и оставляетъ безъ своего заступленія, и предаетъ мечу, и ввергаетъ въ пропасть, какъ злой предатель, причемъ и враждуетъ особенно противъ тѣхъ, которые любятъ его. [Богатство] — это неблагодарный рабъ, неутолимый человѣкоубійца, неукротимый звѣрь, скала обрывистая со всѣхъ сторонъ, подводный камень, непрерывно обуреваемый волнами, море вздымаемое безчисленными вѣтрами, свирѣпый тиранъ, властелинъ жесточе всякаго варвара, врагъ непримиримый, непріятель неумолимый, не прекращающій никогда своей вражды къ тѣмъ, которые владѣютъ имъ.

3. Не такова бѣдность: [въ ней все] противоположно сказанному сейчасъ. Она — безопасное прибѣжище, тихая пристань, всегдашнее спокойствіе, неомрачаемая опасностями радость, чистое удовольствіе, жизнь невозмутимая и безмятежная, благопо-

лучіе ненарушимое, источникъ мудрости, узда надменности, свобода отъ наказанія, корень смиренія. Для чего же, скажите мнѣ, вы убѣгаете отъ этой бѣдности и гоняетесь за тѣмъ, что враждебно, убійственно, злѣе всякаго звѣря? Вѣдь таково именно сребролюбіе, такова именно неистовая страсть къ деньгамъ. Для чего ты всегда держишь при себѣ твоего постояннаго врага? Для чего раздражаешь звѣря, котораго нужно укрощать? А какъ онъ можетъ, скажешь, сдѣлаться ручнымъ? Если вы послушаетесь моихъ словъ хотя нынѣ, когда паденія близъ насъ, когда несчастіе во всей свѣжести, когда всѣ въ смятеніи и унынiи. Какъ этотъ звѣрь перестанетъ быть звѣремъ? Я могу измѣнить его, если вы захотите; сила слова произведетъ это. Какъ же онъ измѣнитъ свое звѣрство? Чтобы узнать это, нужно посмотрѣть, какъ онъ дѣлается свирѣпымъ. А какъ онъ дѣлается свирѣпымъ? Какъ львы, тигры и медвѣди, будучи заперты и заключены во мракѣ, приходятъ въ ярость и сильно злятся, такъ и богатство, если его запираютъ и закапываютъ, бываетъ свирѣпѣе льва и вездѣ наводитъ страхъ. А если ты выведешь его изъ мрака и посѣешь въ нѣдра бѣдныхъ, то этотъ звѣрь становится овцею, предатель — защитникомъ, подводный камень—пристанью, кораблекрушеніе—тишиною. Тоже можешь видѣть и на корабляхъ: когда грузъ бываетъ чрезмѣрно тяжелъ, то судно тонетъ, а когда соразмѣренъ, то оно идетъ по вѣтру. Тоже бываетъ и въ нашихъ домахъ: когда ты соберешь богатства больше потребности, то и слабый напоръ вѣтра, и случайное стеченіе неожиданныхъ обстоятельствъ потопляетъ корабль вмѣстѣ съ людьми; если же ты будешь собирать столько, сколько требуетъ нужда, то, хотя бы возстала сильная буря, ты удобно пройдешь чрезъ волны. Итакъ, не желай большаго, чтобы не лишиться всего; и не собирай больше нужнаго, чтобы не по-
417 терять и нужнаго; не преступай установленныхъ предѣловъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не остаться безъ всякаго имущества, но отсѣкай излишнее, чтобы тебѣ быть богатымъ въ необходимомъ. Не видишь ли, что и земледѣльцы обрѣзываютъ виноградъ, чтобы вся сила растенія обнаруживалась не въ листьяхъ и вѣтвяхъ, а въ корнѣ? Тоже дѣлай и ты: отсѣкай листья и все попеченіе направляй къ принесенію плодовъ. Если же ты пренебрегаешь этимъ во время благоденствія, то ожидай несчастія; во время тишины жди бури; во время здоровья ожидай болѣзни, во время богатства думай о бѣдности и нищетѣ. *Помяни*, сказано въ Писаніи, *время глада во время сытости, нищету и убожество въ день богатства* (Сир. XVIII, 25). Если ты будешь такъ настроенъ, то и богатствомъ станешь распоряжаться съ здравою разсудительностію, и приключившуюся бѣдность будешь переносить съ непоколебимымъ му-

жествомъ. Зло, неожиданно случившееся, возмущаетъ и тревожитъ насъ; а ожидаемое, случившись, причиняетъ невеликое смущеніе. Такимъ образомъ ты получишь два блага: во-первыхъ, ты не опьянѣешь и не обезумѣешь отъ благоденствія, и во-вторыхъ, не будешь смущаться и тревожиться при перемѣнѣ на противное, особенно если всегда будешь ожидать противнаго; здѣсь ожиданіе замѣнитъ опытъ. Напримѣръ: ты богатъ? Каждый день жди бѣдности. Для чего и почему? Потому, что это ожиданіе можетъ быть для тебя особенно полезно. Кто ожидаетъ бѣдности, тотъ и при богатствѣ не надмевается, не предается изнѣженности и разсѣянности, не домогается чужого, потому что страхъ ожиданія, какъ бы нѣкоторый наставникъ, вразумляетъ, удерживаетъ помыслы и не позволяетъ развиваться худымъ росткамъ отъ сребролюбія, страхомъ противнаго, какъ будто какимъ серпомъ, останавливая ихъ и отсѣкая.

4. Итакъ, вотъ какое получишь ты величайшее благо. А другое, не меньшее этого, состоитъ въ томъ, что ты не будешь тяготиться бѣдностью, когда она дѣйствительно наступитъ. Пусть же ожиданіе предваряетъ скорби, чтобы не приходилось испытывать ихъ на дѣлѣ. Испытаніе потому и приходитъ, что не бываетъ ожиданія: если бы послѣднее исправляло человѣка, то въ первомъ не было бы нужды. Свидѣтелемъ этого былъ пророкъ Іона—у ниневитянъ. Они, по предсказанію пророка, ожидали подвергнуться невыносимому бѣдствію, и этимъ ожиданіемъ имѣвшихъ наступить золъ отвратили гнѣвъ Божій. А іудеи, не повѣривъ пророку, предсказывавшему взятіе Іерусалима, потерпѣли это бѣдствіе; такъ, *премудръ, убоявся, уклонится отъ зла: безумный же, на себе надѣявся, смѣшавается со беззаконнымъ* (Притч. XIV, 16). Кто, живя въ благоденствіи, всегда готовъ быть бѣднымъ, тотъ не скоро сдѣлается бѣднымъ; а въ чемъ не хотѣлъ ты вразумиться ожиданіемъ, то хорошо узнаешь на опытѣ. Итакъ, живя въ богатствѣ, ожидай бѣдности; наслаждаясь благоденствіемъ, жди голода; пользуясь славою, жди безславія; наслаждаясь здоровьемъ, жди болѣзни. Размышляй всегда о томъ, что дѣла человѣческія по своимъ свойствамъ нисколько не лучше рѣчныхъ потоковъ, быстролетнѣе дыма, разсѣивающагося въ воздухѣ, и ничтожнѣе бѣгущей тѣни. Если ты будешь держаться такихъ 418
мыслей, то ни блага не могутъ произвести въ тебѣ надменности, ни скорби — унизить тебя; если ты не очень будешь занятъ настоящими благами, то не станешь огорчаться и лишеніемъ ихъ. Если ты пріучишь душу свою къ ожиданію противнаго, то противное большею частію и не случится съ тобою, а если и случится, то не сильно тронетъ тебя.

5. А чтобы вы знали, что я говорю это не по догадкамъ, хочу разсказать вамъ одно древнее событіе. Былъ нѣкоторый мужъ дивный, великій и славный во всей вселенной, блаженный Іовъ, подвижникъ благочестія, вселенскій вѣнценосецъ, совершившій всѣ подвиги, торжествовавшій безчисленныя побѣды надъ діаволомъ. Онъ былъ богатъ и бѣденъ, славенъ и уничиженъ, многочаденъ и бездѣтенъ; былъ въ царскихъ чертогахъ, былъ и на гноищѣ; облачался въ блестящую одежду, а потомъ былъ терзаемъ червями; пользовался услугуми безчисленныхъ рабовъ, а потомъ терпѣлъ безчисленныя оскорбленія, когда возстали слуги, поносили друзья, злоумышляла жена. Сперва все стекалось къ нему какъ бы изъ источниковъ: обиліе богатства, величіе власти, высота славы, миръ и безопасность, почести и угожденія, тѣлесное здоровье, благополучіе дѣтей, и ничего не было у него прискорбнаго, богатство у него было въ безопасности, благоденствіе постоянное; и весьма справедливо, потому что Богъ ограждалъ его со всѣхъ сторонъ. Но впослѣдствіи все это исчезло, и въ домъ его вторглись тысячи бурь, всѣ онѣ слѣдовали одна за другою непрерывно, и всѣ съ величайшею силою: имущество отнято было у него все вдругъ; рабы и дѣти погибли насильственною и преждевременною смертію, будучи поражены за трапезою во время пиршества, не ножемъ или мечемъ, а сильнымъ вѣтромъ, разрушившимъ ихъ домъ. Послѣ того жена воздвигла свои козни и направила ихъ противъ праведника; также и рабы и друзья, изъ которыхъ одни плевали ему въ лице, какъ самъ онъ говоритъ: *ни лица моего пощадѣша отъ плюновенія* (Іов. xxx, 10), другіе нападали на него. Онъ изгнан былъ изъ своего дома, и мѣстомъ жительства его сдѣлалась навозная куча, гдѣ отвсюду стекались къ нему рои червей, гдѣ этотъ адамантъ обливался кровію и гноемъ и, взявъ черепокъ, соскабливалъ гной, сдѣлавшись палачемъ самъ для себя. Страданія слѣдовали за страданіями, мученія были невыносимыя; ночь была тяжелѣе дня, а день ужаснѣе ночи, какъ самъ онъ говоритъ: *аще усну, глаголю: когда день; егда же востану, паки: когда вечеръ; исполненъ же бываю болѣзней отъ вечера до утра* (Іов. vп, 4). Во всемъ были для него утесы и скалы; утѣшающаго—ни одного, а оскорбляющихъ—множество. И однако среди такой бури и волнъ, поистинѣ невыносимыхъ, онъ всему противустоялъ мужественно и непоколебимо. А причиной этому было именно то, о чемъ я говорилъ, т. е., что онъ ожидалъ бѣдности, когда былъ еще богатъ; когда былъ здоровъ, онъ ожидалъ болѣзни; когда былъ отцемъ столь многихъ дѣтей, ожидалъ вдругъ сдѣлаться бездѣтнымъ. Этотъ страхъ онъ всегда чувствовалъ, это безпокойство онъ всегда питалъ, зная свойство дѣлъ человѣче-

скихъ и размышляя объ ихъ скоротечности. Потому и говорилъ 419
онъ: *страхъ, егоже ужасахся, пріиде ми, и егоже бояхся, срѣте мя* (Іов. III, 25). Своими помыслами онъ всегда обращался къ нему, ожидая, предчувствуя, предощущая; поэтому, когда бѣдствіе наступило, оно не смутило его: *ни умирихся*, говоритъ онъ, *ниже умолчахъ, ниже почихъ, и найде ми гнѣвъ* (Іов. III, 26). Не сказалъ: ни умиряюсь, ниже умолкаю, но: *ни умирихся*, во времени прошедшемъ: хотя дѣла мои располагали меня къ высокомѣрію, но ожиданіе скорбей не позволяло мнѣ успокоиться; хотя чрезвычайное благоденствіе побуждало къ роскоши, но безспокойство, внушаемое ожидаемымъ, отгоняло безпечность; хотя настоящее принуждало къ наслажденію, но забота объ ожидаемомъ пресѣкала его. Поэтому, увидѣвъ совершившимся на дѣлѣ то, о чемъ онъ часто помышлялъ, онъ переносилъ это мужественно; увидѣвъ давно обдуманные и ожиданіемъ предъиспытанные подвиги, онъ не смутился. А что, и обладая благами, онъ не слишкомъ привязывался къ нимъ, о томъ послушай, что говоритъ онъ: *аще вчинихъ злато въ крѣпость мою, и аще на каменія многоцѣнная надѣяхся, аще же и возвеселихся, многу ми богатству сущу, аще же и на
безчисленныхъ положихъ руку мою* (Іов. XXXI, 24, 25). Что говоришь 420
ты, человѣкъ? Ты не радовался, когда текло къ тебѣ богатство? Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ. Почему же? Потому, что я видѣлъ непостоянство и скоротечность его, видѣлъ непрочность пріобрѣтенія. *Или не видимъ*, говоритъ онъ, *солнца возсіявшаго оскудѣвающа, луны же умаляющіяся? Не въ нихъ бо есть* (Іов. XXXI, 26). Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: если свѣтила, находящіяся на небѣ и непрестанно сіяющія, подвергаются нѣкоторымъ перемѣнамъ, если солнце какъ бы оскудѣваетъ и луна ущербляется, то не крайнее ли безуміе считать постоянными и неподвижными вещи земныя? Вотъ почему онъ и настоящимъ благамъ не слишкомъ радовался, и о потерянныхъ не сильно скорбѣлъ, такъ какъ хорошо зналъ свойства ихъ. Слыша это, возлюбленные, и мы не будемъ тяготиться бѣдностію и надмеваться богатствомъ, но, при превратности вещей, сохраняя неизмѣняемымъ духъ свой, будемъ пожинать плоды любомудрія, чтобы и здѣсь наслаждаться удовольствіемъ, и получить будущія блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа.

СЛОВО

о возвращении св. Іоанна изъ Азіи въ Константинополь [1].

421 1. Моисей, великій рабъ Божій, глава пророковъ, перешедшій море, потрясавшій воздухомъ, доставлявшій (чудныя) снѣди, брошенный родительницею и спасенный гонительницею, — потому что родила его мать, а унесла и воспитала египтянка, — воспитывавшійся въ Египтѣ, а обитавшій на небѣ, воздвигшій столь великіе и славные трофеи, этотъ великій и дивный мужъ, оставивъ народъ свой на сорокъ дней, нашелъ его устроившимъ идола и производившимъ возмущенія. А я не былъ здѣсь не сорокъ только дней, но и пятьдесятъ, и сто, и болѣе, и нашелъ васъ радующимися и пребывающими въ истинѣ и въ страхѣ Божіемъ. Неужели же я выше Моисея? Нѣтъ; сказать это было бы крайне безумно. Но народъ этотъ выше того народа. Поэтому Моисей, сойдя съ горы укорялъ Аарона за народное возмущеніе и гнѣвно осуждалъ его, зачѣмъ онъ уступилъ волѣ толпы; а я, прибывъ къ вамъ, воздамъ вамъ похвалы и вѣнки. Гдѣ вѣроломство, тамъ необходимо слѣдуетъ обвиненіе и укоризна; а гдѣ исправность, тамъ — одобренія, похвалы и вѣнки. Хотя и долгое время провелъ я вдали отъ васъ, но не жалѣю о томъ: я полагался на силу вашей любви и непорочность вашей вѣры; я зналъ, что обрученная мнѣ жена крѣпка въ своей чистотѣ. Какъ обыкновенно бываетъ въ мірскомъ супружествѣ? Когда мужъ знаетъ, что жена его безстыдна, то онъ не позволяетъ ей и выглянуть изъ дома, и когда принужденъ бываетъ совершить путешествіе, то, побуждаемый какъ бы какимъ жаломъ подозрѣнія, старается возвратиться скорѣе. А у кого жена воздержна и чиста, тотъ спокойно медлитъ внѣ дома, полагаясь на вѣрность жены, какъ на достаточное обезпеченіе семейнаго очага. Это именно испытали на себѣ я и Моисей; онъ, имѣя женою неисправимое общество, оставилъ ее, и она соблудила; поэтому Богъ, отправляя его, говорилъ: *иди скоро, сниди отсюду, беззаконноваша бо людіе твои* (Исх. XXXII 7). А я не получилъ такого повелѣнія. И когда приключилась мнѣ небольшая тѣлесная слабость, отсутствіе ваше не безпокоило меня, но, увѣренный въ васъ, я спокойно ждалъ исцѣленія моей болѣзни. *Не требуютъ бо здравіи врача, но болящіи* (Матѳ. IX, 12). И то, что я нѣсколько пробылъ вдали отъ васъ, было, думаю, не къ ущербу вашему, а къ богатству. (Ваша добродѣтель вышла

[1] Это, а также слѣдующія два слова, имѣются только въ латинскомъ переводѣ.

чистою изъ этого испытанія, и хотя) она возращена мною, или — лучше — благодатію Божіею, но, конечно, это — вашъ вѣнецъ, вашъ успѣхъ. Поэтому я радуюсь и торжествую, какъ бы летаю на крыльяхъ, и величія моей радости не могу выразить. Что же я сдѣлаю? Какъ покажу восторгъ души моей? Призываю во свидѣтельство ваше сознаніе. Я вижу, какъ отъ моего прибытія ваши сердца исполнились радости; и эта радость — мой вѣнецъ, моя похвала. Но, если присутствіе мое, — одного человѣка, — исполнило столь многочисленный народъ такою радостію, то подумайте, какова должна быть моя при свиданіи съ вами? Старецъ Іаковъ, увидѣвъ одного сына, 422
Іосифа, радовался и обновлялся духомъ; а я не одного Іосифа, а всѣхъ васъ, подобныхъ ему, вижу и радуюсь. Въ вашемъ лицѣ я возвратилъ себѣ мой рай, лучшій и древняго рая. Тамъ былъ змій, строившій козни, а здѣсь Христосъ, совершающій таинства; тамъ была Ева обольщавшая, а здѣсь Церковь вѣнчающая; тамъ былъ обольщаемъ Адамъ, а здѣсь прилѣпляется къ Богу народъ; тамъ различныя деревья, а здѣсь различныя дарованія; въ раю деревья увядающія, а въ Церкви древа, приносящія плоды. Въ томъ раю каждый родъ сѣмени оставался въ своемъ состояніи, а въ этомъ раю, если я найду дикій виноградъ, сдѣлаю изъ него богатую виноградную лозу, и, если найду дикое оливковое дерево, сдѣлаю изъ него истинную оливу. Таково свойство этой земли. Итакъ, я радуюсь, не требуя объясненія; а въ томъ, что вы были въ разлукѣ со мною столь долгое время, примите мое объясненіе, возлюбленные. Если вы посылаете куда-нибудь раба и онъ долго не возвращается, то вы требуете объясненія, гдѣ и почему онъ замедлилъ, гдѣ потерялъ столько времени. И я — рабъ вашей любви: вы купили меня не деньгами, а своею любовью. Радуюсь, что я проданъ въ такое служеніе и никогда не желаю освободиться отъ этого рабства. Это служеніе, для меня прекраснѣе свободы; это служеніе дало мнѣ мѣсто на этой священной каѳедрѣ; это служеніе — не по необходимости, а по волѣ. Подлинно, кто съ полною охотою не сталъ бы служить вашей любви, — вамъ, умѣющимъ такъ любить? Если бы я имѣлъ даже каменную душу, ваша любовь сдѣлала бы ее мягче воска. Что скажу о вашемъ благожеланіи и расположеніи, которое вы показали вчера, когда радостные голоса ваши достигали неба? Вы освящали самый воздухъ, и изъ города сдѣлали Церковь. Я былъ чтимъ, а Богъ прославляемъ; еретики покрывались стыдомъ, а Церковь увѣнчивалась, потому что велика бываетъ радость матери, когда веселятся сыны ея, и велика радость пастырю, когда прыгаютъ агнцы стада. Я пришелъ радоваться вашимъ добродѣтелямъ; я слышалъ, какъ вы боролись съ еретиками, и укоряли ихъ въ неправильномъ совершеніи крещенія. На-

прасно ли я говорилъ, что чистая жена въ отсутствіе мужа отвергаетъ прелюбодѣевъ, въ отсутствіе пастыря прогоняетъ волковъ? Здѣсь безъ кормчаго пловцы спасли корабль, безъ вождя воины одержали побѣду, безъ учителя ученики сдѣлали успѣхи, безъ отца сыновья укрѣпились. Или лучше — не безъ отца, — потому что вашъ успѣхъ — моя радость, ваше прославленіе — мой вѣнецъ. Но мы желали, говорите вы, праздновать съ тобою Пасху. Буду надѣяться, что ваша любовь не откажетъ мнѣ въ извиненіи, тѣмъ болѣе, что гнѣвъ вашъ уже разсѣялся при нашей встрѣчѣ. Если отецъ, принявъ блуднаго сына, тотчасъ примирился съ нимъ и не подвергъ его наказанію, но тогда же обнялъ, то тѣмъ болѣе сдѣ-
423 лаютъ это сыновья, принимая отца. Впрочемъ отвѣчаю и на это. Вы желали праздновать Пасху вмѣстѣ со мною? Никто не препятствуетъ вамъ праздновать ее вмѣстѣ со мною теперь. Но, можетъ быть, вы скажете: неужели мы будемъ праздновать двѣ Пасхи? Нѣтъ, одну, только многократно. Какъ солнце восходитъ каждый день, и однако мы не говоримъ, что много солнцевъ, но одно солнце, ежедневно восходящее, такъ и Пасха совершается всегда, и, хотя празднуется всегда, остается однимъ нашимъ праздникомъ. Мы не походимъ на іудеевъ, не служимъ мѣсту и не подчинены необходимости времени, укрѣпляясь словами Господними: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете,* говорится въ Писаніи, *смерть Господню возвѣщаете* (1 Кор. XI, 26). Мы и теперь возвѣщаемъ смерть Христову. Тогда былъ праздникъ, и теперь праздникъ: гдѣ торжествуетъ любовь, тамъ и праздникъ, и когда я встрѣтилъ радующихся сыновъ, тогда и торжествую величайшій праздникъ. Вѣдь и тотъ праздникъ Пасхи — отъ любви: *тако бо возлюби Богъ міръ,* говоритъ апостолъ, *яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть* (Іоан. III, 16). Но многіе, говорите, въ твое отсутствіе крещены. Что же? Благодать оттого не уменьшается, даръ Божій не храмлетъ; я не присутствовалъ при ихъ крещеніи, но они крещены въ присутствіи Христовомъ. Креститъ развѣ человѣкъ? Человѣкъ простираетъ десницу, а управляетъ рукою Богъ. Касательно благодати не сомнѣвайся, возлюбленный; она есть даръ Божій. Тщательно вникли въ сказанное: если по какой-нибудь причинѣ нужна тебѣ царская грамота и ты, подавъ прошеніе, получилъ подписанную грамоту, то ты не изслѣдуешь, какимъ перомъ подписалъ ее царь, и на какой бумагѣ, и какими или которыми чернилами, а спрашиваешь только объ одномъ, подписана ли она царемъ. Такъ и въ крещеніи: бумага есть совѣсть, перо — языкъ священника, рука — благодать Святаго Духа. Поэтому чрезъ меня ли, или чрезъ того, кто исполняетъ должность священника, пишетъ эта рука, мы — служители, а не виновники дѣла. И Павелъ — служитель.

Тако насъ, говоритъ онъ, *да непщуетъ человѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ* (1 Кор. IV, 1). *Что имаши, его же неси пріялъ* (ст. 7)? Что я имѣю, то принялъ; а что принялъ, то не мое, а даръ того, кто даровалъ. Итакъ, не сомнѣвайся, возлюбленный: благодать Божія совершенна; мѣсто не препятствуетъ, здѣсь ли ты крестился, или на кораблѣ, или на пути. Филиппъ крестилъ во время пути, Павелъ — въ узахъ; Христосъ крестилъ разбойника на крестѣ изъ своей раны, и онъ тотчасъ удостоился отверзть двери рая. Итакъ, ничто не омрачаетъ моей радости и восхищенія при возвращеніи къ вамъ. И я прошу васъ и впредь продолжать ваши молитвы обо мнѣ: вѣдь съ ними я отправлялся въ Азію, съ ними возвратился сюда, съ ними переплылъ море и, ими споспѣшествуемый, плавалъ благополучно. Не безъ васъ взо- 434
шелъ я на корабль, не безъ васъ сошелъ съ него, не безъ васъ я въ городѣ, не безъ васъ въ Церкви: я отторгнутъ былъ отъ васъ тѣломъ, но соединенъ съ вами любовію. Я и на морѣ видѣлъ вашу церковь, и въ восторгѣ радовался. Такова сила любви; она не поддается ограниченіямъ. (Духомъ) я входилъ въ церковь, предстоялъ предъ алтаремъ, возносилъ молитвы и говорилъ: Господи! сохрани Церковь, которую Ты ввѣрилъ мнѣ; тѣломъ я удаленъ отъ нея, но съ нею Твое милосердіе, приведшее меня туда и даровавшее мнѣ болѣе, нежели сколько я заслуживалъ. И вотъ Господь умножилъ ее, о чемъ свидѣтельствуетъ множество присутствующихъ. Я вижу, что виноградъ цвѣтетъ, шиповъ и тернія нѣтъ и слѣдовъ, овцы веселятся, и волка нѣтъ нигдѣ, а если бы гдѣ онъ и былъ найденъ, то онъ измѣнится и сдѣлается овцею, потому что такова ваша вѣра и любовь, что вашею ревностію поощряете и прочихъ. Самъ Господь сохранилъ васъ, самъ Онъ возвратилъ и меня. Находясь въ немощи, я чувствовалъ помощь вашихъ молитвъ, которыхъ ежедневно прошу у васъ для моего ободренія. Мое путешествіе увѣнчало вашъ городъ. Теперь для всѣхъ сдѣлалось яснымъ, что вы любили меня съ самаго начала,—потому что и въ отсутствіи моемъ вы также были расположены ко мнѣ, какъ и въ присутствіи. Когда я былъ въ Азіи для исправленія церквей, то приходившіе отсюда туда возвѣщали намъ и говорили: ты воспламенилъ городъ. Въ самомъ дѣлѣ, любовь отъ времени обыкновенно увядаетъ, а ваше расположеніе ежедневно возрастало; и кого вы такъ любили въ его отсутствіи, того присутствующаго, надѣюсь, будете любить еще болѣе. Вотъ мое сокровище, вотъ мое богатство! Поэтому я и прошу вашихъ молитвъ. Молитвы ваши — для меня стѣна и твердыня. Не говори: я слабъ, какъ могу молиться за священника? Ты слышалъ, что говоритъ Писаніе: *молитва же бѣ прилежна* (Дѣян. XII, 5). И эта молитва Церкви сня-

ла оковы съ Петра и усиливала ревность къ проповѣди въ Павлѣ. Молитва угасила огненную пещь, молитва заградила уста львовъ, молитва укрощала возмущеніе, молитва отверзла рай, молитва разрѣшила затворы неба, молитва оплодотворила неплодную, молитва Корнилія проникла небеса, молитва оправдала мытаря. Такой твердыни прошу у васъ, такой милости требую; и Богъ славы, пріемлющій молитвы ваши, да дастъ мнѣ при отверстіи устъ моихъ слово, которымъ я могъ бы научить ввѣренный мнѣ народъ во спасеніе чрезъ Христа Господа нашего, съ Которымъ Богу Отцу, со Святымъ Духомъ, честь, слава и держава во вѣки вѣковъ Аминь.

СЛОВО

о принятіи Северіана [1]).

423 1. Какъ главѣ необходимо быть въ связи съ тѣломъ, такъ Церкви — съ священникомъ и народу — съ правителемъ; и какъ вѣтвямъ необходимо соединяться съ корнемъ и рѣкамъ съ источниками, такъ сыновьямъ—съ отцемъ и ученикамъ съ учителемъ. Это не напрасно высказали мы вашей любви, но такъ какъ мнѣ нужно объявить вамъ нѣчто, [то я и хочу подготовить васъ], чтобы потомъ никто не смущался и какъ-нибудь не прервалъ нашей рѣчи,
424 но чтобы возрастало въ васъ повиновеніе учениковъ и видно было, какое расположеніе вы питаете къ отцу. Украсьте меня, дѣти, и возложите на меня вѣнецъ вашей покорности, сдѣлайте, чтобы всѣ почитали меня блаженнымъ и прославьте мое ученіе своимъ послушаніемъ, по увѣщанію апостола, который говоритъ: *повинуйтеся наставникомъ вашымъ и покоряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ*
425 *вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). Это я предварительно возвѣщаю, чтобы кто-нибудь не пренебрегъ нашимъ увѣщаніемъ. Я—отецъ, и мнѣ необходимо давать совѣты дѣтямъ; что въ плотскихъ отцахъ дѣлаетъ естество плоти, то въ насъ благодать Духа. Я — отецъ, и крайне заботливый о дѣтяхъ, такъ что готовъ пролить за васъ кровь свою. И это — не заслуга моя; таковъ апостольскій законъ и заповѣдь Господа, говорящаго: *па-*

[1]) Епископъ Габальскій Северіанъ былъ изгнанъ изъ Константинополя народомъ за вражду противъ св. Іоанна Златоустаго, а потомъ возвращенъ въ Константинополь.

стырь добрый душу свою полагаетъ за овцы своя (Іоан. x, 11). И вы тоже дѣлаете для насъ, такъ какъ привязаны къ намъ подобною же любовію. Такъ и Павелъ, слышите, что говоритъ: *цѣлуйте Прискиллу и Акилу, споспѣшника моя о Христѣ Іисусѣ, иже по души моей своя выя положиша* (Римл. xvi, 3, 4). Подлинно, какъ прекрасно пастырю быть закланнымъ за овецъ, такъ же прекрасно и овцамъ въ самой смерти не отдѣляться отъ пастыря; если они будутъ съ нимъ нераздѣльно, то не станутъ бояться волка—діавола. Стѣна любви крѣпче адаманта. *Братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ и высокъ* (Притч. xviii, 19). Съ этого началъ я свое слово, чтобы вы съ любовію выслушали то, что мы скажемъ, и чтобы кто-нибудь изъ васъ не сталъ возмущаться. Говоримъ о такомъ дѣлѣ, о которомъ достойно говорить въ Церкви и о которомъ достойно слушать съ охотою. Говоримъ съ вами о мирѣ. И что приличнѣе священнику Божію, какъ не располагать народъ къ миру? Противорѣчія не бываетъ тамъ, гдѣ и посольство священно, и посолъ любезенъ. Говоримъ о мирѣ, для котораго Сынъ Божій снизошелъ на землю, чтобы кровію Своею примирить не только то, что на землѣ, но и то, что на небѣ, и земное соединить съ небеснымъ. Говоримъ о мирѣ, для котораго Сынъ Божій пострадалъ, для котораго Онъ пригвожденъ былъ ко кресту и погребенъ. Миръ Онъ оставилъ намъ вмѣсто всякаго наслѣдственнаго имѣнія и далъ Церкви вмѣсто стѣнъ, его положилъ щитомъ противъ діавола, имъ вооружилъ насъ, какъ мечемъ противъ бѣсовъ; въ мирѣ указалъ Онъ вѣрнымъ спокойнѣйшую пристань и въ 426
немъ даровалъ намъ средство къ умилостивленію Бога и способъ къ очищенію грѣховъ. Объ этомъ мирѣ я пришелъ къ вамъ ходатаемъ. Не покройте меня стыдомъ, не обезчестьте моего посольства; согласитесь со мною, прошу васъ. Много уже было въ Церкви печальныхъ событій, исповѣдуюсь предъ Богомъ; но я не одобряю возмущеній, не люблю мятежей. Оставимъ же это; перестаньте, успокойтесь, умирите духъ, обуздайте гнѣвъ; довольно уже страдала Церковь; пусть будетъ конецъ, пусть прекратятся смуты. Это и Богу угодно, и благочестивѣйшему государю пріятно. Надобно повиноваться и царямъ, особенно когда они сами повинуются церковнымъ законамъ; если апостолъ говоритъ: *начальствующымъ и владѣющымъ покаряйтеся* (Тит. iii, 1), то не тѣмъ ли болѣе — царю благочестивому и заботящемуся о Церкви? Итакъ, если я приготовилъ ваши души къ принятію моего посольства, то примите брата нашего, Северіана епископа. Благодарю васъ, что рѣчь мою сопровождаете похвалами. Вы даете мнѣ плоды повиновенія; теперь я радуюсь, что посѣялъ доброе сѣмя, потому что вотъ уже и собираю снопы пшеницы. Да наградитъ васъ

Господь за вашу благосклонность и послушаніе! Теперь вы принесли Богу истинную жертву мира, потому что, услышавъ это имя, никто не возмутился, но съ любовію вы принимаете его, и какъ скоро мы произнесли слово, тотчасъ вы изгнали изъ души весь гнѣвъ. Примите же его съ искреннимъ сердцемъ, съ отверстыми объятіями. Если произошло что-нибудь прискорбное, забудьте: во время мира не должно быть воспоминанія о раздорѣ, чтобы радость была на небѣ, радость на землѣ, радость и духовный восторгъ въ Церкви Божіей. Впрочемъ, будемъ молиться, чтобы Богъ благоволилъ сохранять Церковь въ мирѣ, даровалъ ей миръ твердый и непрерывный, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Богу Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО О МИРѢ,

произнесенное еп. Северіаномъ, когда онъ принятъ былъ блаженнымъ Іоанномъ, епископомъ Константинопольскимъ.

425 При рожденіи Господа и Спасителя Нашего и въ тѣлесномъ Его присутствіи небесные лики ангеловъ благовѣствовали пастырямъ, говоря: *возвѣщаемъ вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ* (Лук. II, 10). Отъ святыхъ ангеловъ заимствуя этотъ возгласъ, мы возвѣщаемъ вамъ сегодня великую радость. Сегодня Церковь въ мирѣ, а еретики въ гнѣвѣ. Сегодня корабль Церкви въ пристани, а ярость еретиковъ мечется на волнахъ. Сегодня пастыри Церкви въ спокойствіи, а еретики въ смятеніи. Сегодня овцы Господни въ безопасности, а волки неистовствуютъ. Сегодня виноградъ Господень въ изобиліи, а дѣлатели нечестія въ нуждѣ. Сегодня народъ Христовъ ликуетъ, а враги истины унижены. Сегодня Христосъ въ радости, а діаволъ въ печали. Сегодня ангелы въ веселіи, а демоны въ смущеніи. Но что много говорить? Сегодня Христосъ, Царь мира, выступивъ со своимъ миромъ, обратилъ въ бѣгство всякій раздоръ; прогналъ ссоры, разсѣялъ
426 несогласіе. И какъ солнечный свѣтъ озаряетъ небо, такъ Церковь озарило сіяніе мира. О, какъ вожделѣнно и самое имя мира, этого твердаго основанія вѣры Христовой и небеснаго оружія алтаря Господня! Что еще сказать о мирѣ? Миръ есть имя Самого Христа, какъ говоритъ и апостолъ: Христосъ *бо есть миръ нашъ сотворивый обоя едино* (Еф. II, 14), [соединившій] то, что не вѣрою, но завистью діавола было разъединено. И какъ при въѣздѣ [въ городъ] царя улицы принимаютъ праздничный видъ, весь городъ

убирается цвѣтами и различными украшеніями, и съ пути устраняется все, что могло бы оскорбить взоръ царя, такъ и теперь—при торжественномъ шествіи Христа, Царя мира, пусть будетъ устранено все печальное; пусть будетъ изгнана ложь, когда возблистала истина, пусть бѣжитъ прочь несогласіе, когда возродилось согласіе. Часто можно видѣть, какъ при изображеніи [двухъ] царей или братьевъ художникъ, желая наглядно выразить ихъ взаимное единодушіе, изображаетъ позади ихъ согласіе въ видѣ изящной женской фигуры, обнимающей своими руками обоихъ, показывая такимъ образомъ, что тѣ, которыхъ видятъ раздѣлен- 427
ными тѣлесно, въ мысляхъ и волѣ единодушны; такъ точно теперь миръ Божій, ставъ посрединѣ и заключивъ насъ всѣхъ въ любвеобильныя объятія, соединеніемъ рукъ внушаетъ намъ при различіи тѣлъ слиться въ одну душу. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, исполняется слово пророческое, которое говоритъ: *и совѣтъ миренъ будетъ между обѣма* (Зах. VI, 13). Еще только вчера общій отецъ нашъ въ евангельскомъ словѣ предрекалъ миръ: и вотъ сегодня мы утвердили слова мира. Вчера онъ со словами мира раскрылъ для насъ свои объятія: и сегодня мы съ умягченнымъ сердцемъ и простертыми руками спѣшимъ къ Господу съ дарами мира. Война уже прекратилась, торжествуетъ блаженство мира. Теперь діаволъ въ печали, и все полчище демоновъ испускаетъ вопли Теперь радость на небесахъ, и ликованіе среди ангеловъ, которымъ особенно пріятенъ миръ. Этому дѣлу [состоявшемуся примиренію] удивляются и небесныя силы, потому что ихъ [всегда] имѣетъ при Себѣ Тотъ неизсякаемый Источникъ мира, изъ котораго какъ бы каплями увлажняется и наша земная нива. Поэтому, хотя миръ собственно на землѣ, блескъ хвалы его разливается до небесъ; небесные ангелы восхваляютъ его и говорятъ: 428
слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе (Лук. II, 14). Видишь, какъ всѣ небесные и земные взаимно обмѣниваются благами мира? Небесные ангелы возвѣщаютъ миръ землѣ, святые на землѣ восхваляютъ Сѣдящаго на небесныхъ Христа, Который есть миръ нашъ, и въ таинственныхъ ликахъ восклицаютъ: *осанна въ вышнихъ* (Мѳ. XXI, 9). Итакъ, скажемъ и мы. *слава въ вышнихъ Богу*, Который низложилъ діавола и вознесъ Христа Своего. *Слава въ вышнихъ Богу*, Который сокрушилъ раздоръ и возстановилъ согласіе. Конечно, я не могу забыть хитрости діавола, коварство котораго небезъизвѣстно и вамъ. Видѣлъ сатана твердость вашей вѣры, ваше непоколебимое постоянство въ этомъ благочестіи догматовъ, видѣлъ изобиліе у васъ плодовъ добрыхъ дѣлъ: и вотъ все это приводитъ его въ неистовство, онъ воспламеняется бѣшеной яростью, чтобы разрушить дружбу, искоренить

любовь и расторгнуть миръ. Но да будетъ всегда съ нами миръ Божій, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Богу Отцу и Духу Святому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

предъ отправленіемъ въ ссылку.

427 1. Много волнъ и сильна буря; но мы не боимся потопленія, потому что стоимъ на камнѣ. Пусть бушуетъ море, — разрушить камень оно не можетъ. Пусть поднимаются волны,—потопить корабль Іисусовъ онѣ не въ силахъ. Чего, скажи мнѣ, бояться намъ? Смерти ли? *Но мнѣ еже жити Христосъ, и еже умрети пріобрѣтеніе есть* (Филип. I, 21). Ссылки ли, скажи мнѣ? *Но Господня земля и исполненіе ея* (Псал. XXIII, 1). Отнятія ли имущества? Но *ничтоже внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. VI, 7). И все страшное въ мірѣ для меня презрѣнно, а благопріятное смѣшно. Я не боюсь бѣдности, не желаю богатства; не страшусь смерти, не желаю жить, развѣ для вашего преуспѣянія. Поэтому я и нынѣшнее вспоминаю, и убѣждаю вашу любовь
428 сохранять мужество. Никто не можетъ разлучить насъ; что Богъ сочеталъ, то человѣкъ раздѣлить не можетъ. Если женѣ и мужу сказано: *сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину: еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Матѳ. XIX, 5, 6); если ты не можешь расторгнуть брака, — то тѣмъ болѣе можешь ли разрушить Церковь Божію? Ты возстанешь на нее, не имѣя возможности повредить Тому, противъ кого враждуешь. Войною противъ меня ты дѣлаешь меня болѣе славнымъ, а собственную силу разрушаешь; *жестоко ти есть противу рожна прати* (Дѣян. XXVI, 14).
429 Острія ты не притупишь, а ноги обагришь кровію; такъ и волны не разрушаютъ камня, а сами превращаются въ пѣну. Нѣтъ ничего, человѣкъ, сильнѣе Церкви; прекрати войну, чтобы тебѣ не разрушить своей силы, не вноси войны въ небо. Если ты воюешь съ человѣкомъ, то или побѣждаешь, или бываешь побѣжденъ; а когда воюешь съ Церковію, то побѣдить тебѣ невозможно, потому что Богъ сильнѣе всѣхъ. *Или раздражаемъ Господа; еда крѣпчайши Его есмы* (1 Кор. X, 22)? Богъ утвердилъ: кто осмѣлится поколебать? Ты не знаешь могущества Его. Онъ *призираетъ на землю, и творитъ ю трястися* (Пс. CIII, 32); повелѣваетъ, и колеблющееся

утверждается. Если Онъ утвердилъ колебавшійся городъ, то тѣмъ болѣе можетъ утвердить Церковь. Церковь сильнѣе неба: *небо и земля прейдутъ, словеса же Моя не прейдутъ* (Матѳ. XXIV, 35). Какія *словеса? Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI, 18).

2. Если не вѣришь слову, вѣрь дѣламъ. Сколько было тирановъ, хотѣвшихъ одолѣть Церковь! Сколько сковородъ! Сколько печей, звѣриныхъ зубовъ, изощренныхъ мечей! И не одолѣли. Гдѣ враждовавшіе? Они умолкли и преданы забвенію. А гдѣ Церковь? Она сіяетъ свѣтлѣе солнца. Ихъ дѣла исчезли, а дѣла ея безсмертны. Если христіане не побѣждены тогда, когда были малочисленны, то какъ ты можешь побѣдить ихъ, когда благочестіемъ полна вселенная? *Небо и земля прейдутъ, словеса же Моя не прейдутъ*. И весьма справедливо, потому что для Бога Церковь вожделѣннѣе неба. Небеснаго тѣла не принялъ Онъ, а плоть Церкви принялъ. Небо для Церкви, а не Церковь для неба. Ничто изъ случившагося пусть не смущаетъ васъ. Одолжите меня этимъ—вѣрою неизмѣнною. Развѣ вы не знаете, что Петръ, идя по водамъ и немного усумнившись, сталъ утопать не отъ безпорядочнаго движенія воды, а отъ слабости вѣры? Развѣ по человѣческимъ опредѣленіямъ мы пришли сюда? Развѣ человѣкъ привелъ насъ, чтобы человѣкъ могъ и извести? Это говорю я не по гордости, — да не будетъ, — и не по тщеславію, а желая утвердить колеблющееся въ васъ. Діаволъ захотѣлъ поколебать Церковь послѣ того, какъ успокоился городъ. Проклятый и коварнѣйшій діаволъ, ты не одолѣлъ стѣнъ, и надѣешься поколебать Церковь? Но развѣ Церковь — въ стѣнахъ? Церковь — во множествѣ вѣрующихъ. Вотъ, сколько твердыхъ столповъ, не желѣзомъ связанныхъ, но скрѣпленныхъ вѣрою! Не говорю, что столь великое множество сильнѣе огня; даже, если бы былъ и одинъ, ты не одолѣлъ бы его. Ты знаешь, какія раны нанесены тебѣ мучениками. Нерѣдко [мученіямъ] подвергалась нѣжная, неискусобрачная отроковица; она была мягче воска, и становилась тверже камня. Ты строгалъ ея ребра, а вѣры ея не похитилъ. Естество плоти ослабѣвало, а сила вѣры не оскудѣвала; тѣло истощалось, а душа юнѣла; составъ изнемождался, а благочестіе оставалось неизмѣннымъ. Ты не одолѣвалъ одной женщины, и надѣешься одолѣть столь многочисленный народъ? Развѣ не слышишь, что говоритъ Господь: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII, 20)? А гдѣ связанъ любовію столь многочисленный народъ, ужели тамъ нѣтъ Его? Я имѣю отъ Него залогъ; вѣдь развѣ на собственную силу я надѣюсь? Я владѣю Его Писаніемъ. Это — мой жезлъ, это — моя опора, это—моя безмятеж-

430 ная пристань. Хотя бы возмущалась вселенная, я держусь Его Писанія; я читаю его; эти письмена — моя стѣна и безопасность. Какія письмена? *Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матө. XXVIII, 20). Христосъ со мною, и кого мнѣ бояться? Хотя бы волны поднимались на меня, хотя бы моря, хотя бы ярость правителей, все это для меня ничтожнѣе паутины. Если бы не удерживала меня любовь къ вамъ, я не отказался бы идти куда угодно и сегодня. Я всегда говорю: *Господи! да будетъ воля Твоя* (Матө. VIII, 10); не то да будетъ, чего хочетъ тотъ или этотъ, но чего хочешь Ты. Это — моя твердыня, это — мой камень неподвижный, это — мой жезлъ несокрушимый. Если Богу угодно, чтобы это было, да будетъ! Если же Онъ хочетъ, чтобы я былъ здѣсь, благодарю Его. Какъ угодно Ему, за все благодарю.

3. Пусть не смущаетъ васъ никто; усердно молитесь. Это сдѣлалъ діаволъ, чтобы прекратить ваше усердіе къ священнослуженію. Но онъ не успѣлъ въ этомъ; мы нашли васъ еще болѣе ревностными и пламенными. Завтра я выйду на богослуженіе съ вами. Гдѣ я, тамъ и вы; гдѣ вы, тамъ и я: мы—одно тѣло; тѣло отъ головы, и голова отъ тѣла не отдѣляется. Мы раздѣлены мѣстомъ, но соединены любовію, и самая смерть не можетъ разлучить насъ; хотя бы и умерло мое тѣло, живетъ душа, и помнитъ о народѣ. Вы мнѣ отцы: какъ я могу забыть васъ? Вы мнѣ отцы, вы мнѣ жизнь, вы мнѣ похвала. Если вы успѣваете, я прославляюсь; моя жизнь, мое богатство хранится въ вашей сокровищницѣ. Тысячу разъ готовъ я быть убитымъ за васъ, и это считаю не заслугой съ моей стороны, а исполненіемъ долга, потому что *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. X, 11); тысячу разъ готовъ я быть убитымъ, и тысячу разъ подвергаться отсѣченію головы. Для меня эта смерть—переходъ къ безсмертію; эти козни для меня—средство къ достиженію безопасности. Развѣ изъ-за денегъ подвергаюсь я кознямъ, чтобы мнѣ скорбѣть? Развѣ — за грѣхи, чтобы мнѣ сѣтовать? Нѣтъ, за любовь къ вамъ, за то, что я все дѣлаю, чтобы привести васъ въ безопасность, чтобы никто не проникъ въ паству, чтобы стадо пребывало невредимымъ. Этого достаточно, чтобы мнѣ заслужить вѣнецъ. Чего не потерпѣлъ бы я за васъ? Вы мнѣ сограждане, вы мнѣ отцы, вы мнѣ братья, вы мнѣ дѣти, вы мнѣ члены, вы мнѣ тѣло, вы мнѣ свѣтъ, даже гораздо усладительнѣе этого свѣта. Развѣ доставляютъ мнѣ солнечные лучи что-нибудь такое, что — ваша любовь? Солнечные лучи приносятъ мнѣ пользу въ настоящей жизни, а ваша любовь сплетаетъ мнѣ вѣнецъ въ будущей. Это говорю я въ уши слушающихъ; а какія уши усерднѣе вашихъ къ слушанію? Вы бодрствовали столько дней, и ничто не утомило

васъ; ни продолжительность времени, ни страхи, ни угрозы не произвели въ васъ ослабленія; во всемъ вы оказались мужественными. И что я говорю: оказались? Вы сдѣлали то, чего я всегда желалъ: презрѣли дѣла житейскія, отказались отъ земли, переселились на небо, освободились отъ тѣлесныхъ узъ, подвизались въ блаженной любви къ истинѣ. Вотъ мои вѣнцы, вотъ ободреніе, вотъ утѣшеніе, вотъ мое помазаніе, вотъ жизнь, вотъ залогъ безсмертія!

4 [1]). Но я вижу нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые убѣждали 431
меня оставаться при моихъ убѣжденіяхъ. Многія изъ благопріятныхъ дѣлъ обращаются въ противныя; и я уже подпалъ злобѣ тѣхъ, кому казался ревнителемъ. Одни, нападая на образъ жизни, своими нападками достигаютъ побѣды благодаря разнообразію взглядовъ [на этотъ предметъ]; другіе, правда, не угрожали сами, но принимали сторону первыхъ. Теперь время сказать о моей скорби. Законъ остается въ силѣ, но законодатель побѣждается. Дѣти! Свидѣтельствуюсь вашею любовію: я вижу козни, поднимающія войну и оскорбляющія Бога; вижу борьбу потерянною и подвигоположника скорбящимъ; вижу убѣжденіе въ истинѣ ослабѣвшимъ, а козни торжествующими. Мнѣ говорятъ: ты крестилъ послѣ принятія пищи. Если я дѣлалъ это, да буду анаѳема, да не считаюсь въ главѣ епископовъ, да не буду вмѣстѣ съ ангелами, да не буду угоденъ Богу. Впрочемъ, если я и крестилъ, вкусивъ пищи, то не сдѣлалъ ничего непристойнаго. Выслушай внимательно, что я говорю и что говорить не перестану. Говорить — для меня необременительно, а для васъ — полезно. Но возвратимся къ предмету. Говорятъ, что я крестилъ, вкусивъ пищи. Пусть же низложатъ Павла за то, что онъ совершилъ крещеніе темничнаго стража послѣ вечери. Дерзаю сказать: пусть низложатъ и самого Христа за то, что Онъ преподалъ своимъ ученикамъ причащеніе послѣ вечери. Нѣтъ, это у насъ въ надлежащемъ порядкѣ и уваженіи; это — свѣтлыя дѣла мира; это — похвала народу. Это — мой вѣнецъ, а вашъ плодъ. Вы знаете, возлюбленные, за что еще хотятъ низложить меня. За то, что я не разстилалъ ковровъ, не облачался въ шелковыя одежды и не угождалъ чревоугодію другихъ. Порожденія аспида еще процвѣтаютъ; еще осталось сѣмя Іезавели; но еще подвизается и благодать со Иліею. Вспомнимъ дивнаго и богатаго вѣстника жизни, т. е. Іоанна, бѣдняка, у котораго не было даже и свѣтильника, но который имѣлъ лампаду Христову, котораго главы пожелала сослужительница Евы, бывшая препятствіемъ для святыхъ, гнав-

[1]) Этотъ и слѣдующіе параграфы возбуждаютъ сомнѣніе въ своей подлинности.



шая пророковъ, коварно проповѣдавшая постъ, знавшая пляску, достойную названія эхидниной, плясавшая во время некончившагося пиршества. Она не пожелала жизни, не пожелала множества денегъ, или царскаго достоинства, или изобилія въ чемъ-нибудь другомъ. Но, скажи мнѣ, человѣкъ, чего пожелала она? Головы человѣка. Что я говорю? Не просто человѣка, но благовѣстника. Однако, и получивъ говову, она не одержала побѣды. Она потребовала головы и отсѣкла ее, получивъ на блюдѣ удовлетвореніе беззаконнаго желанія. Смотри же и подивись силѣ
432 Божіей. Невинный обличалъ и былъ усѣченъ; но усѣченный — въ десницѣ Христовой, а она подверглась неотвратимому наказанію. [Теперь] опять сѣмя той [Іезавели], это тернистое произрастеніе обнаруживается и преуспѣваетъ. Но, тогда какъ Иродіада требуетъ головы Іоанна, мы ликуемъ не тѣмъ ликованіемъ, которое выражается движеніемъ ногъ, а вдохновеннымъ ликованіемъ Маріами. Іоаннъ же опять взываетъ и говоритъ: *не достоитъ тебѣ имѣти жену брата твоего* (Марк. VI, 18).

5. Что еще сказать? Настоящее время есть время слезъ. Все стремится къ безславію, и все подлежитъ суду времени. Все оцѣнивается золотомъ. Между тѣмъ святый Давидъ говоритъ и взываетъ: *богатство аще течетъ, не прилагайте сердца* (Пс. LXI, 11). А кто, скажи мнѣ, былъ человѣкъ, произнесшій это изреченіе? Не возсѣдалъ ли онъ на высотѣ царскаго престола? Не былъ ли облеченъ царскою властію? Но онъ не склонялся на хищеніе; помыслы его не были направлены къ истребленію благочестія; заботился онъ не о сокровищахъ, а о воинскихъ дружинахъ, и не угождалъ женѣ. Избѣгайте же вы, жены, чуждыхъ вамъ собраній; не внушайте мужьямъ худыхъ совѣтовъ, но утверждайтесь въ томъ, что сказано. Погасили ли мы вашъ пламень? Смягчилось ли ваше сердце? Впрочемъ я знаю, что дщери Маріами получатъ пользу; прочія же пресытились безъ вина и упились сребролюбіемъ, какъ взываетъ и проповѣдуетъ блаженный Павелъ: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (1 Тим. VI, 10). Такъ безумныя женщины заграждаютъ слухъ свой, и, вмѣсто добраго сѣмени, произращаютъ терніе. Но увѣщеваю васъ, не допустите, чтобы наше сѣмя бросаемо было какъ бы на камень. Мы — нива Христа, отъ Котораго услышимъ: *добрѣ, рабе благій, вниди* въ домъ Мой; но какъ бы, вмѣсто этого не было сказано: *злый рабе* (Матѳ. XXV, 23, 26)! Увѣщеваю же васъ, да просвѣтится жизнь ваша предъ человѣками, да не обуяемъ своей соли, но будемъ прославлять и благодарить — богатые богатаго, бѣдные человѣколюбиваго и нищелюбиваго Христа, сильные мощную руку Его. Это — касательно васъ. А мнѣ Богъ попускаетъ терпѣть то, что умышляютъ противъ

меня, можетъ быть, для того, чтобы испытать меня бѣдствіями, потому что побѣда непремѣнно сопровождается трудами и вѣнецъ уготовляется подвигами. Такъ и божественный Павелъ говорилъ: *теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды* (2 Тим. IV, 7—8). Этого вѣнца да сподобитъ васъ Владыка всѣхъ во вѣки! Аминь.

БЕСѢДА

по возвращеніи изъ изгнанія [1]).

Подлинно, велика буря, и свирѣпы волны; но я не боюсь 431
потопленія, потому что стою на камнѣ. Пусть бушуетъ море, по-
колебать камня оно не можетъ; пусть возстаютъ волны, корабль
Іисусовъ потопуть не можетъ. Къ чему же все это? Мнѣ ли, кому
еже жити—Христосъ, и еже умрети пріобрѣтеніе (Филип. I, 21),
бояться смерти? Страшиться ли мнѣ изгнанія, когда я знаю, что 432
Господня земля и исполненіе ея (Псал. XXIII, 1)? Или опасаться
лишенія имущества, когда я знаю, что если *ничтоже внесохомъ
въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (I Тим. VI, 7)?
Что̀ есть въ мірѣ устрашающаго, я презираю; надъ тѣмъ, что
есть въ немъ привлекательнаго, я смѣюсь. Богатства я не желаю, 433
бѣдности не страшусь, смерти не боюсь. Самой жизнью я дорожу
только для вашего преуспѣянія, и умоляю вашу любовь, чтобы
вы были спокойны. Никто не можетъ разлучить насъ съ вами.
Что Христосъ соединилъ, того человѣкъ не разлучитъ. Если о
мужѣ и женѣ сказано: *сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и
матерь и прилѣпится къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину*
(Быт. II, 24), и если это брачное сочетаніе не можетъ быть разрушено человѣкомъ, тѣмъ болѣе не можетъ быть разлучена церковь съ пастыремъ. Ты нападаешь на меня? Но какой вредъ причинитъ мнѣ твое нападеніе, кромѣ того только, что меня ты своими нападеніями сдѣлаешь болѣе славнымъ, а свою силу сокрушишь? *Жестоко ти есть противу рожна прати* (Дѣян. IX, 15); острія ты не притупишь, а свои ноги обагришь кровью. Развѣ волны, которыя бьютъ о камень, достигаютъ чего-нибудь большаго, кромѣ того, что сами разбиваются и обращаются въ пѣну? Нѣтъ ничего сильнѣе Церкви Христовой. Кто съ ней захочетъ бороться, тотъ неизбѣжно погубитъ свои силы: это все равно, что ополчиться войной противъ неба. Когда ты воюешь съ человѣкомъ, ты можешь побѣдить или быть побѣжденнымъ, а церковь

[1]) Эта бесѣда, весьма сходная съ предшествующей, въ изданіи Миня существуетъ только на латинскомъ языкѣ, съ котораго и сдѣланъ переводъ ея.

побѣдить никакая сила не можетъ. Церковь—Божія, а Богъ всего сильнѣе. *Или раздражаемъ Господа, еда крѣпчайши его есмы?* (1 Кор. x, 22). Господь основалъ, а ты пытаешься ниспровергнуть? Или хочешь испытать могущество Божіе? Онъ *призираетъ на землю и творитъ ю трястися* (Псал. ciii, 32); повелѣваетъ, и трусъ прекращается. Развѣ ты не видѣлъ, сколько разъ Онъ утверждалъ твой потрясенный городъ? Тѣмъ болѣе можетъ Онъ оградить отъ потрясеній Свою Церковь. Церковь выше земли, она превосходитъ даже небо. *Небо и земля мимоидутъ, словеса же Моя не мимоидутъ* (Мѳ. xxiv, 35). Какія слова? *Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Мѳ. xvi, 18). Если не вѣришь слову, то дѣламъ долженъ повѣрить. Сколькими тиранами воздвигались гоненія на Церковь Божію? Сколько употреблялось ими мученій, крестовъ, сколько костровъ, печей, дикихъ звѣрей, изощренныхъ мечей? И они ничего не достигли. Гдѣ теперь тѣ, которые дѣлали это, и гдѣ тѣ, которые мужественно перенесли все это. Теперь тѣ подвергаются вѣчнымъ мученіямъ, а эти ублажаются вѣчнымъ веселіемъ. Церковь превзошла своимъ блескомъ блескъ солнца, а ея гонители объяты вѣчнымъ мракомъ. Развѣ ты не знаешь, что [нѣкогда] было только одиннадцать, и они не были побѣждены? Теперь, когда вселенная наполнена множествомъ вѣрующихъ, какъ они могутъ быть побѣждены? *Небо и земля мимоидутъ, словеса же Моя не мимоидутъ.* И несомнѣнно такъ, потому что для Бога церковь дороже неба. Не Церковь для неба, а небо для Церкви. Итакъ, прошу, пусть ничто не смущаетъ васъ изъ того, чему вы были свидѣтелями. Будемъ имѣть предъ глазами примѣръ Петра: онъ ходилъ по водамъ, но усомнился, и тогда едва не погибъ, не отъ сильныхъ волнъ, но по слабости вѣры. Развѣ по человѣческой волѣ мы
434 пришли сюда, или человѣкомъ можемъ быть удалены отсюда? Это я говорю не изъ надменности или самохвальства, но чтобы укрѣпить сердца ваши, объятыя смущеніемъ. Вспомните, какъ *подвижеся и трепетна бысть земля* (Псал. xvii, 8), но городъ не былъ разрушенъ. Нечестивѣйшій діаволъ, какъ ты думаешь, что можешь одолѣть Церковь, послѣ того какъ не могъ разрушить и потрясенныхъ стѣнъ? А Церковь не въ стѣнахъ, но во множествѣ вѣрующихъ. Какъ сильны вы, какъ непоколебимо вы стоите, связанные не желѣзомъ, а вѣрою! Но что я говорю о такомъ множествѣ? Одного вѣрнаго ты не можешь одолѣть. О, діаволъ, развѣ ты не знаешь, что причинили тебѣ мученики? Часто [на мученія] выходила дѣвица нѣжнаго возраста, юныхъ лѣтъ, и оказывалась крѣпче желѣза; ты строгалъ ребра ея, но вѣры поколебать не могъ. Часто тѣло истощалось въ мученіяхъ, а крѣпость вѣры не

ослабѣвала; плоть изнурялась, а духъ не поддавался испытанію; существо изнемогало, а терпѣніе пребывало. Если такимъ образомъ одна дѣвица тебя побѣждала, то какъ ты надѣешься побѣдить вѣру этого столь великаго и столь вѣрнаго множества? Развѣ ты не слышишь гласа Господа, говорящаго: *идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мѳ. xviii, 20)? Что же тамъ, гдѣ связано узами любви такое множество вѣрныхъ? Не на собственныя силы я полагаюсь, меня поддерживаетъ Писаніе Господа моего; я опираюсь на Его руку, она послужитъ мнѣ надежной опорой и сдѣлаетъ меня безопаснымъ и спокойнымъ. Хотя бы вселенная поколебалась, я держусь обѣтованія Господня. *Я читаю Его руку.* [Въ Писаніи Господь подаетъ мнѣ руку, какъ тогда Петру]; вотъ моя несокрушимая защита. Вы хотите, чтобы я напомнилъ вамъ это обѣщаніе Господне? *Се*, говоритъ, *Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. xviii, 20). Со мной Христосъ,—кого мнѣ бояться? Хотя бы волны неистовствовали, и все море устремилось противъ меня, или ярость правителей, все это для меня паутина, даже ничтожнѣе паутины. И если бы не ваша немощь, я сегодня же не усомнился бы идти, куда угодно. Я всегда повторяю: Господи, *да будетъ воля Твоя* (Мѳ. vi, 10); не то, что́ хочетъ тотъ или другой, но что Ты хочешь. Твоя воля для меня крѣпче всякой башни, скала непоколебимая, опора надежная. Если Ты хочешь удержать меня здѣсь, я благодарю; если не хочешь, одинаково благодарю. Пусть никто не смущаетъ васъ, братіе, только молитесь: вѣдь діаволъ и дѣлаетъ все это только для того, чтобы разсѣять ваше усердіе и прервать ваши подвиги въ молитвѣ и бдѣніяхъ. Но пусть же не удастся ему расхитить ваше усердіе къ церкви: пусть онъ найдетъ васъ бодрыми и еще болѣе возбудитъ вашу ревность. Завтра я выйду съ вами на молитву: и гдѣ я, тамъ будете и вы; гдѣ вы, тамъ буду и я. Мы одно тѣло, и ни голова отъ тѣла, ни тѣло отъ головы не можетъ быть отдѣлено; хотя бы раздѣляло насъ другъ отъ друга пространство, мы соединены любовью. Самая смерть не разлучитъ меня съ вами: пусть умретъ мое тѣло, душа моя жива и помнитъ о васъ. Вы мнѣ отцы, вы мнѣ мать, вы мнѣ жизнь, вы мнѣ друзья; если вы преуспѣваете, я буду радоваться. Вы мой вѣнецъ и мое богатство; вы мое сокровище. Тысячу разъ готовъ я
принести себя въ жертву за васъ; и это не заслуга съ моей сто- 435
роны, а мой долгъ. *Пастырь добрый* долженъ *душу свою полагать за овцы своя* (Іоан. x, 11); такая смерть уготовляетъ безсмертіе. Не земныя богатства и не какой-нибудь грѣхъ, — по справедливости, тогда я терпѣлъ бы огорченія, — навлекли на меня эти козни, но моя любовь къ вамъ, именно, что я все дѣлаю для вашего пре-

успѣянія и никому не допускаю вторгаться въ это благоустроенное стадо, но соблюдаю васъ въ непорочной вѣрѣ. Вотъ въ чемъ причина моихъ бѣдствій, и этого достаточно мнѣ для полученія вѣнца. Да и чего я не потерпѣлъ бы ради васъ? Вы мои граждане, вы мои братья, вы мои дѣти, вы мои члены, вы мое тѣло, вы для меня свѣтъ, даже вожделѣннѣе этого свѣта. Могутъ ли лучи солнца доставить мнѣ то, чѣмъ украшаетъ меня ваша любовь? За любовь вашу приготовляется мнѣ вѣнецъ въ будущемъ
436 вѣкѣ, а блескъ солнца этого доставить не можетъ. Это я говорю въ уши слушающихъ. А что внимательнѣе и охотнѣе къ слушанію, чѣмъ ваши уши? Вотъ сколько дней уже вы бодрствуете, и никого изъ васъ не склонилъ сонъ, никого не обезсилила продолжительность времени. Никто не уступилъ страху или угрозамъ, но то, чѣмъ хотѣли устрашить васъ, сдѣлало васъ болѣе сильными. Теперь я вижу въ васъ то, чего всегда желалъ: вы пренебрегли земными непріятностями и въ лице всѣхъ объявили, что совсѣмъ теперь не заботитесь о землѣ и земныхъ дѣлахъ. Теперь мнѣ уже кажется, что вы переселились на небо, освободились отъ узъ тѣла и преуспѣваете въ этой блаженной и небесной философіи. Теперь я спокоенъ за васъ; это мое утѣшеніе, это, какъ бальзамъ, подкрѣпляетъ меня въ моемъ подвигѣ, дѣлаетъ болѣе сильнымъ для борьбы и возводитъ къ безсмертной и вѣчной радости. За все это воздадимъ благодареніе Богу, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА,

когда отправлялся въ ссылку.

435 1. Торжественное у насъ слово, братія мои; блистательное собраніе наше подобно морю обширному и полноводному, но не возмущаемому яростію вѣтровъ, — потому что здѣсь матерь мира, укрощающая ярость вѣтровъ. *Мати Сіонъ речетъ, человѣкъ и человѣкъ родися въ немъ, и той основа и* (Пс. LXXXVI, 5). Дѣти мои, меня намѣреваются убить? Но что мнѣ бояться смерти? *Мнѣ еже жити Христосъ, и еже умрети пріобрѣтеніе есть* (Фил. I, 21). Пошлютъ въ ссылку? *Но Господня земля и исполненіе ея* (Пс. XXIII, 1). Отнимутъ у меня имущество? Но *ничтоже внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим, VI, 7). Вы знаете, братія, за что хотятъ низложить меня, — за то, что я не разстилалъ ковровъ, не облачался въ шелковыя одежды, не угождалъ

чревоугодію другихъ, не приносилъ имъ золота и серебра. А мнѣ говорятъ: ты крестилъ послѣ принятія пищи и питья. Если я дѣлалъ это, да буду анаѳема, да не считаюсь въ числѣ епископовъ, да не буду вмѣстѣ съ ангелами, да не буду угоденъ Богу. Впрочемъ, хотя бы я и крестилъ, вкусивъ пищи, то не сдѣлалъ бы ничего непристойнаго. Пусть же низложатъ и Павла апостола
за то, что онъ послѣ вечери крестилъ темничнаго стража; пусть 436
низложатъ и самого Господа за то, что Онъ послѣ вечери преподалъ причащеніе ученикамъ. Много вижу я волнъ, и жестокую бурю, и уготованныя копья, и, какъ кормчій въ великую бурю, сижу на двухъ кормахъ корабля, т. е. ветхомъ и новомъ завѣтахъ, и веслами отражаю бурю; не деревянными веслами, а честнымъ крестомъ Господнимъ обращаю бурю въ тишину. Господь повелѣваетъ, и рабъ увѣнчавается; для того Онъ самъ и предаетъ его діаволу. Развѣ неизвѣстно людямъ, что чистѣйшій сосудъ особенно блистаетъ близъ нечистаго? Братія, три предлагаю вамъ предмета: вѣру, терпѣніе, цѣломудріе. Если хотите пребывать въ вѣрѣ, подражайте блаженному Аврааму, достигшему престарѣлаго возраста и пожавшему зрѣлые плоды. Если хотите пребывать въ терпѣніи, подражайте блаженному Іову; вы знаете его жизнь, слышали объ его терпѣніи, не безъизвѣстна вамъ и его кончина. Если же хотите соблюдать цѣломудріе, подражайте блаженному Іосифу, проданному въ Египетъ и избавив-
шему Египетъ, изнуряемый голодомъ. Онъ подвергался искуше- 437
нію отъ прелюбодѣйцы египтянки, порабощенной страстію любви, пристававшей къ нему и говорившей: *лязи со мною* (Быт. xxxix, 12). Хотѣла лишить его цѣломудрія въ Египтѣ египтянка; такъ и здѣсь египтянинъ [1]). Однако ни та не довела святого до паденія, ни этотъ здѣсь; но только обнаружилось свободное цѣломудріе, благородство дѣтей и развращеніе варварской женщины.

2. Братія, воръ не приходитъ туда, гдѣ хворостъ, сѣно и дрова, но — туда, гдѣ лежитъ зотото, или серебро, или жемчугъ; такъ и діаволъ не входитъ туда, гдѣ прелюбодѣй, или богохульникъ, или хищникъ, или корыстолюбецъ, но — туда, гдѣ провождающіе пустынную жизнь. Братія, станемъ ли мы изощрять языкъ противъ царицы? Но что мнѣ сказать? Іезавель неистовствуетъ, и Илія убѣгаетъ; Иродіада веселится, и Іоаннъ заключается въ узы; египтянка клевещетъ, и Іосифъ отводится въ темницу. Такъ, если изгонятъ меня, я уподоблюсь Иліи; если бросятъ въ грязь,— Іереміи; если въ море,—пророку Іонѣ; если въ ровъ,—Даніилу;

---

[1]) Разумѣется Ѳеофилъ александрійскій, врагъ святителя.

если побьютъ меня камнями,— Стефану; если обезглавятъ,— Іоанну Предтечѣ; если будутъ бить палками,— Павлу; если распилятъ пилою,—Исаіи; и о, еслибы пилою деревянною, чтобы мнѣ насладиться любовію ко кресту! Огрубѣвшая во плоти враждуетъ противъ безплотнаго, занятая омовеніями, умащеніями и мужемъ враждуетъ противъ чистой и непорочной Церкви. Но и сама она станетъ сидѣть вдовою еще при жизни мужа, потому что, будучи женщиною, хочетъ сдѣлать вдовою Церковь. Вчера вечеромъ она называла меня тринадцатымъ апостоломъ, а сегодня назвала меня Іудою; вчера благосклонно сидѣла вмѣстѣ со мною, а сего-
438 дня напала на меня, какъ дикій звѣрь. Пусть погаснетъ у насъ солнце и затмится луна; только бы не забыть словъ Іова. Іовъ, претерпѣвшій такіе удары, не произносилъ ничего иного, кромѣ: *буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. I, 21). Когда жена кричала и говорила ему: *рцы глаголъ нѣкій ко Господу, и умри* (Іов. II, 9), то онъ, укоряя ее, говорилъ: *вскую яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси* (ст. 10). О, неблагодарная жена! О, растравительница болѣзней! Развѣ тебѣ, жена, когда ты была нездорова, Іовъ говорилъ что-нибудь подобное? Не облегчалъ ли онъ твоей болѣзни молитвами и благодѣяніями? Когда онъ жилъ въ царскихъ чертогахъ, имѣлъ богатство и царскую прислугу, ты не говорила ничего подобнаго; а теперь, когда видишь его сидящимъ на гноищѣ и покрытымъ червями, говоришь: *рцы глаголъ нѣкій ко Господу, и умри*. Развѣ не довольно для него временнаго испытанія, и ты этими словами хочешь доставить ему и вѣчное мученіе? Что же блаженный Іовъ? *Вскую*, говоритъ онъ, *яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси? Аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ?* А эта беззаконная и ненавистная, эта, говорю, новая Іезавель не взываетъ и не говоритъ...... но посылаетъ ко мнѣ консуловъ и трибуновъ, и только угрожаетъ. Но что̀ это для меня? Паутины, производимыя паукомъ. Братія, всѣ вы знаете, что побѣда пріобрѣтается трудами и вѣнецъ назначенъ за подвиги, какъ и божественный Павелъ недавно говорилъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія* (2 Тим. IV, 7, 8). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

по возвращеніи изъ первой ссылки [1]).

1. Что я скажу, или о чемъ буду говорить? *Благословенъ* 439
Богъ! Эти слова говорилъ я, уходя отъ васъ; это же опять повторяю, или — вѣрнѣе — и тамъ я не переставалъ говорить тоже самое. Вы помните, какъ я представлялъ вамъ Іова и говорилъ: *буди имя Господне благословено во вѣки* (Іов. I, 21). Это оставилъ я вамъ въ напутствіе; это же опять предлагаю въ благодарность: *да будетъ имя Господне благословено во вѣки.* Различны обстоятельства, но одно славословіе. Изгоняемый — я благословлялъ, и возвращаясь — благословляю. Различны обстоятельства, но одна цѣль зимы и лѣта, одна цѣль — благосостояніе нивы. Благословенъ Богъ, попустившій мнѣ удалиться; благословенъ Онъ, повелѣвшій мнѣ опять возвратиться; благословенъ Богъ, попустившій бурю; благословенъ Богъ, прекратившій и произведшій тишину. Говорю это, научая васъ благословлять Бога. Случилось ли хорошее? Благословляй Бога, и хорошее останется. Случилось ли худое? Благословляй Бога, и худое прекратится. Такъ и Іовъ, когда былъ богатъ, благодарилъ, и когда сдѣлался бѣднымъ, славословилъ; и тогда не забывалъ Бога, и потомъ не богохульствовалъ. Различны были обстоятельства, но одно душевное расположеніе. Такъ мужество кормчаго ни тишиной не разслабляется, ни бурей ни подавляется. Благословенъ Богъ и тогда, когда я былъ разлученъ съ вами, и когда снова встрѣтился съ вами. То и другое—дѣло одного промышленія. Я отдѣленъ былъ отъ васъ тѣломъ, но не былъ отдѣленъ отъ васъ душею. Видите ли, что сдѣлало коварство враговъ? Оно усилило расположенность, воспламенило любовь, доставило мнѣ тысячи доброжелателей. Прежде любили меня мои, а теперь почитаютъ и іудеи; думали удалить меня отъ моихъ, и привлекли ко мнѣ чужихъ. Но не имъ, а Божію имени благодареніе за то, что злоба ихъ обратилась къ нашей чести. Такъ, іудеи распяли нашего Господа, а Имъ спасена вселенная, но не іудеевъ благодарю за это, а Распятаго. Пусть видятъ, каковъ Богъ нашъ, какой миръ произвело коварство ихъ, какую приготовило славу. Прежде наполнялась одна только Церковь, а теперь и площадь стала Церковію; одна глава и тамъ и здѣсь.
Никто не налагалъ молчанія на ваше собраніе, и однако всѣ молчатъ, всѣ сокрушаются. А прежде одни пѣли, другіе хвалили 440
поющихъ. Сегодня конскія скачки, и никого нѣтъ тамъ, но всѣ

---

[1]) Существуетъ только въ лат. переводѣ.

стеклись въ Церковь, какъ потоки. Потоки — ваше множество, и рѣка—ваши голоса, восходящіе къ небу и выражающіе любовь къ отцу. Ваши молитвы для меня славнѣе діадемы. Мужи и жены—вмѣстѣ. Конечно, *о Христѣ Іисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. III, 28). Какъ *я возглаголю силы Господни* (Псал. CV, 2)? Видите, какъ истинно то, что я всегда говорилъ вамъ, т. е. кто мужественно переноситъ искушеніе, тотъ собираетъ отъ него и великіе плоды.

2. Я призвалъ васъ къ апостоламъ [1]). Такъ, мы изгнанные пришли къ тѣмъ, которые были изгоняемы. Мы подверглись кознямъ, и они были гонимы. Мы пришли къ Тимоѳею, новому Павлу, пришли къ святымъ тѣламъ, носившимъ на себѣ язвы Христовы. Никогда не бойся искушенія, если имѣешь доблестную душу; чрезъ это всѣ святые удостоились вѣнцовъ. Велико страданіе для тѣла, но еще большее успокоеніе для души. О, если бы вамъ всегда быть въ такихъ страданіяхъ! Такъ и пастырь радуется, перенося труды для овецъ. Что мнѣ говорить? Гдѣ сѣять? Нѣтъ для меня незанятой страны. Гдѣ мнѣ трудиться? Нѣтъ для меня открытаго виноградника. Гдѣ мнѣ созидать? Храмъ переполненъ, сѣти мои разрываются отъ множества рыбъ. Что же мнѣ дѣлать? Не имѣю времени для дѣланія. Поэтому я и поучаю васъ не какъ нуждающихся въ ученіи, но чтобы показать искреннюю любовь мою къ вамъ. Вездѣ зеленѣютъ колосья; столько овецъ, и нигдѣ — волка; столько колосьевъ, и нигдѣ — терній; столько винограда, и нигдѣ—лисицы! Хищные звѣри потонули, и волки разбѣжались. Кто прогналъ ихъ? Не я, пастырь, но вы, овцы. О, доблесть овецъ! Въ отсутствіи пастыря онѣ прогнали волковъ. О, красота невѣсты, или — лучше — цѣломудріе! Въ отсутствіи мужа она прогнала прелюбодѣевъ! О, красота и цѣломудріе невѣсты! Она обнажила свою красоту, показала свою чистоту. Какъ ты прогнала прелюбодѣевъ? Любовію къ мужу. Какъ ты прогнала пре-
441 любодѣевъ? Превосходствомъ цѣломудрія; я не брала оружія, не брала ни копьевъ, ни щитовъ; я показала имъ свою красоту, и они не вынесли ея блеска. Гдѣ же они теперь? Въ стыдѣ. А гдѣ мы? Въ радости. Цари съ нами, начальники съ нами. И что мнѣ сказать? О чемъ говорить? *Да приложитъ Господь на вы и*
442 *на сыны ваша* (Пс. CXIII, 22), и усердіе ваше да удержитъ въ своей сѣти! Здѣсь мы прекратимъ слово, за все благодаря человѣколюбиваго Бога, Которому слава во вѣки. Аминь.

---

[1]) Т. е. въ константинопольскую церковь св апостоловъ, гдѣ почивали мощи св. Тимоѳея.

БЕСѢДА

по возвращеніи изъ первой ссылки.

1. Когда фараонъ отнялъ у Авраама Сарру, нечестивый, 443
варваръ, египтянинъ — прекрасную и благообразную жену, взирая неправедными глазами на ея красоту и намѣреваясь совершить съ нею прелюбодѣяніе, тогда Богъ не въ самомъ началѣ наказалъ его, — чтобы открылось и мужество праведника, и цѣломудріе жены, и распутство варвара, и человѣколюбіе Божіе. Мужество праведника обнаружилось въ томъ, что онъ благодушно переносилъ случившееся; цѣломудріе жены въ томъ, что, попавши въ варварскія руки, она сохранила чистоту; распутство варвара въ томъ, что онъ взошелъ на чужое ложе; человѣколюбіе Бога проявилось въ томъ, что, противъ чаянія людей, Онъ доставилъ тогда вѣнецъ праведнику. Это происходило тогда съ Авраамомъ; тоже произошло и нынѣ съ Церковію. Тамъ египтянинъ, и здѣсь египтянинъ; тотъ имѣлъ копьеносцевъ, и этотъ — сподвижниковъ; тотъ покушался противъ Сарры, этотъ — противъ Церкви; тотъ держалъ ее одну ночь, этотъ входилъ сюда на одинъ день; даже и на одинъ день не было бы попущено ему, но попущено для того, чтобы открылось цѣломудріе невѣсты; онъ вошелъ, но красота ея цѣломудрія не растлилась, хотя онъ уже приготовлялъ прелюбодѣйство, и рукописанія были составлены, и многіе изъ находящихся въ домѣ подписались. Орудія козней были готовы, но цѣль не достигнута. Открылось его лукавство и Божіе человѣколюбіе. Но тотъ варваръ, сознавъ тогда свой грѣхъ, исповѣдалъ свое беззаконіе и сказалъ Аврааму: *что сіе сотворилъ еси мнѣ, яко реклъ еси, яко сестра ми есть,* и я едва не согрѣшилъ (Быт. XII, 18)? А этотъ и послѣ беззаконія продолжаетъ борьбу. Жалкій и несчастный, ты *согрѣшилъ еси, умолкни* (Быт. IV, 7), не прилагай грѣха ко грѣху! И та возвратилась, получивъ египетское богатство, а Церковь возвратилась, владѣя богатствомъ душевнымъ, и явилась цѣломудреннѣйшею. Посмотри на неистовство этого варвара. Ты изгналъ пастыря, — для чего же разгонялъ стадо? Ты низложилъ кормчаго, — для чего же разламывалъ рули? Ты изгналъ виноградаря, — для чего же повреждалъ виноградныя лозы? Для чего разорялъ монастыри? Ты подражалъ нашествію варваровъ.

2. Онъ сдѣлалъ все, чтобы открылось ваше мужество; сдѣлалъ все, чтобы узнать, что здѣсь—паства, пасомая Христомъ. Пастырь былъ вдали, а стадо пребывало вмѣстѣ, и исполнялось апостольское изреченіе: *не въ пришествіи моемъ точію, но и во отшествіи моемъ, со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Фил. II, 12). Такъ угрожали боящіеся вашего мужества, усердія, любви и привязанности ко мнѣ: „мы ничего не смѣемъ,— говорили они,— сдѣлать въ городѣ: дайте намъ его внѣ города". Возьмите же меня внѣ города, чтобы вамъ познать расположенность Церкви, познать доблесть дѣтей моихъ, силу воиновъ, крѣпость ратоборцевъ, блескъ діадемъ, обиліе богатства, величіе любви, твердость терпѣнія, цвѣтъ свободы, славу побѣды, позоръ вашего пораженія. О, необычайныя и дивныя дѣла! Пастырь внѣ, а стадо ликуетъ; военачальникъ вдали, а воины ратуютъ. И не только
444 Церковь вмѣщала воиновъ, но и весь городъ сталъ Церковію; освятились улицы, площади, воздухъ; еретики обращались, іудеи становились лучшими, іереи домогались осужденія, а іудеи, славословя Бога, прибѣгали къ намъ. Такъ было и при Христѣ: Каіафа распялъ Его, а разбойникъ исповѣдалъ. О, необычайныя и дивныя дѣла! Священники убили Его, а волхвы поклонились Ему. Но да не смущаетъ это Церкви; если бы этого не было, то не открылось бы наше богатство; хотя оно и существовало, но не открылось бы. Какъ Іовъ всегда былъ праведнымъ, но не возвеличился бы въ такой степени, если бы не было ранъ и червей, такъ не обнаружилось бы и наше богатство, если бы не было козней. Богъ, какъ бы оправдываясь предъ Іовомъ, говорилъ: *мниши ли Мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися праведенъ* (Іов. XL, 3)? Они строили ковы, воевали—и побѣждены. Какъ воевали? Палицами. Какъ поражены? Молитвами. *Аще тя кто*, говорится, *ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. V, 39). А ты вносишь въ Церковь палицы и ведешь войну. Гдѣ [возглашается]: *миръ всѣмъ*, тамъ ты начинаешь войну; не стыдишься, жалкій и несчастный, ни мѣста, ни священнаго сана, ни величія власти. Крещальня наполнилась кровію; гдѣ даруется отпущеніе грѣховъ, тамъ произвелъ ты пролитіе крови. Въ какомъ войскѣ бываетъ подобное? Царь, входя сюда, отлагаетъ щитъ и діадему, а ты вошелъ, схвативъ палицы; онъ оставляетъ внѣ и знаки царскаго достоинства, а ты внесъ сюда и знаки войны. Впрочемъ, невѣстѣ моей ты нисколько не повредилъ, и она продолжаетъ являть свою красоту.

3. Поэтому я радуюсь не только тому, что вы побѣдили, но что побѣдили въ моемъ отсутствіи. Если бы я былъ здѣсь, то мы раздѣлили бы съ вами побѣду; но такъ какъ я отсутствовалъ,

то побѣда принадлежитъ вполнѣ вамъ. Впрочемъ и это—моя
хвала, и опять я раздѣляю съ вами побѣду, потому что я вос-
питалъ васъ такъ, что и въ отсутствіи отца вы показали соб-
ственную доблесть. Какъ доблестные ратоборцы показываютъ свою
силу и въ отсутствіи наставника, такъ и доблесть вашей вѣры
явила свою красоту въ отсутствіи учителя. И нужны ли слова?
Самые камни взываютъ, стѣны издаютъ голосъ. Ступай въ цар-
скіе чертоги, и тотчасъ услышишь: народъ константинопольскій...
Ступай на море, въ пустыню, въ горы, въ дома — вездѣ изобра-
жается ваша хвала. Чѣмъ побѣдили вы? Не деньгами, а вѣрою.
О, народъ, любящій учителя! О, народъ, любящій отца! Блаженъ
этотъ городъ,—не своими колоннами и золотою кровлею, но ва-
шею добродѣтелію! Столько козней, а молитвы ваши побѣдили;
и весьма справедливо, потому что усердны были молитвы, и
текли источники слезъ. У тѣхъ — стрѣлы, а у васъ — слезы; у
тѣхъ—ярость, а у васъ—кротость; дѣлай, что хочешь, а вы моли-
тесь. Гдѣ же теперь тѣ, которые противились? Брались ли мы 445
за оружіе? Натягивали ли луки? Пускали ли стрѣлы? Мы моли-
лись, и тѣ бѣжали. Они разсѣялись, какъ паутина; а вы стоите,
какъ скала. Блаженъ я чрезъ васъ. И прежде я зналъ, какимъ
владѣю богатствомъ, но теперь пришелъ въ удивленіе. Я былъ
вдали отъ васъ, и городъ переселился; ради одного человѣка
море стало городомъ; жены, мужья, дѣти незрѣлаго возраста,
женщины съ дѣтьми на рукахъ своихъ, осмѣлились идти на море,
презрѣли волны; рабъ не побоялся своего господина, и женщина
забыла о своей естественной слабости. Площадь стала Церковію;
все было въ движеніи ради насъ. Кого вы не научили? И царица
присоединилась къ вашему сонму; я не умолчу объ ея ревности.
Не изъ лести царицѣ говорю это, но изъ уваженія къ благоче-
стію. Не скрою ея ревности; вѣдь она не прибѣгла къ силѣ, но
поспѣшила возстановить добродѣтель. Тогда я былъ отводимъ,
вы знаете, какъ,— нужно же сказать и о прискорбномъ, чтобы вы
познали радостное, — вы знаете, какъ я былъ отводимъ и какъ
возвратился. *Сѣющіи слезами, радостію пожнутъ: ходящіи хождаху
и плакахуся, метающе сѣмена своя: грядуще же пріидутъ радостію,
вземлюще рукояти своя* (Пс. cxxv, 5, 6). Эти слова стали дѣломъ.
Съ благодарностію вы приняли того, кого отпустили съ печалію;
и не въ продолжительное время, но въ одинъ день все рѣши-
лось. Но и это промедленіе было для васъ; а Богъ рѣшилъ такъ съ
самаго начала.

4. Скажу вамъ сокровенное. Я переплылъ море, одинъ вмѣщая
въ себѣ Церковь, потому что для любви нѣтъ границъ; и корабль
не былъ тѣсенъ, потому что вы не *тѣсно вмѣщаетеся въ насъ* (2 Кор.

VI, 12). Я удалился, заботясь о вашихъ дѣлахъ, отдѣленный отъ васъ тѣломъ, но соединенный съ вами душею. Я удалился, молясь Богу и полагаясь на вашу любовь. Я удалился и въ уединеніи заботился о вашихъ дѣлахъ, въ одиночествѣ размышлялъ о ссылкѣ. Вдругъ, въ позднее время, въ первый же день, эта боголюбивѣйшая [царица] присылаетъ письмо, въ которомъ заключались такія слова [здѣсь нужно привести самыя слова ея]: „да не подумаетъ твоя святость, что я знала о случившемся; я не повинна въ крови твоей; люди злые и развращенные устроили эти козни; моихъ же слезъ свидѣтель Богъ, Которому я священствую.“ Какое совершала она жертвенное возліяніе? Слезы ея были жертвеннымъ возліяніемъ! „Которому я священствую“. Вотъ жрица, рукоположившая сама себя, приносящая жертву Богу и возливающая слезы, исповѣданіе и покаяніе, не за священника, а за Церковь, за разсѣянный народъ! Вспомнила, вспомнила она и о дѣтяхъ, и о крещеніи. „Я помню, что твоими руками крещены мои дѣти“. Это писала царица. Между тѣмъ священники, всѣ по ненависти, не знали даже мѣста, гдѣ я остановился; а она,—скажу по-истинѣ удивительное,—страшась какъ бы за свое дитя, вездѣ обходила, не лично, но собственнымъ отрядомъ воиновъ, потому что она тоже не знала мѣста, гдѣ я находился. Она всюду посылала, безпокоясь, чтобы пастырь не былъ коварно захваченъ и убитъ, чтобы не потерять добычи. „Объ этомъ только я стараюсь съ своей стороны; того только домогаюсь, чтобы они
446 не преодолѣли“. Враги вездѣ обходили, разставляя сѣти, чтобы поймать и захватить меня въ свои руки. А она умоляла и касалась колѣнъ царскихъ, стараясь сдѣлать и мужа своего участникомъ въ этой ловитвѣ. Какъ Авраамъ убѣждалъ Сарру, такъ она—мужа. „Мы потеряли священника, но возвратимъ его; у насъ нѣтъ надежды удержаться на престолѣ, если не возвратимъ его; мнѣ невозможно имѣть общеніе съ кѣмъ-либо изъ совершившихъ это“,—говорила она, проливая слезы, умоляя Бога, употребляя всѣ мѣры. И вы знаете, съ какою благосклонностію она приняла насъ, какъ обнимала, какъ бы собственные члены, и говорила, какъ вмѣстѣ съ вами и она безпокоилась. Эти слова не сокрылись отъ вашей признательности, потому что вы имѣете въ ней матерь церквей, питательницу монаховъ, покровительницу святыхъ, опору бѣдныхъ. Ея хвала становится хвалою Богу, вѣнцемъ церквей. Говорить ли о пламенной ея любви? Сказать ли о доброжелательствѣ ко мнѣ? Вчера, въ поздній вечеръ, она прислала ко мнѣ съ такими словами: „скажите ему: молитва моя исполнилась; я достигла желаемаго; я увѣнчана лучше, нежели діадемою; я восприняла священника, возвратила главу

тѣлу, кормчаго кораблю, пастыря паствѣ, жениха брачному чертогу".

5. Прелюбодѣи посрамлены. Буду ли я жить, или умру, я за все спокоенъ. Вы видите послѣдствія искушенія. Что мнѣ дѣлать, чтобы воздать вамъ воздаяніе, достойное вашей любви? Достойное—не могу, но какое могу, воздаю. Я люблю васъ такъ, что готовъ пролить кровь свою для вашего спасенія. Никто не имѣетъ такихъ дѣтей, никто—такого стада, никто—такой цвѣтущей нивы. Мнѣ не нужно воздѣлывать землю; я сплю, и колосья цвѣтутъ. Мнѣ не нужно трудиться; я отдыхаю, и овцы побѣждаютъ волковъ. Кѣмъ я назову васъ? Овцами или пастырями, или кормчими, или воинами, или военачальниками? Всѣ эти названія справедливо могу приписать вамъ. Видя благочиніе, называю васъ овцами; видя заботливость, называю пастырями; видя мудрость, называю кормчими; видя мужество и твердость, называю всѣхъ васъ воинами и военачальниками. О, трудъ! О, заботливость народа! Вы прогнали волковъ, и не перестаете заботиться. Пловцы, бывшіе съ вами, обратились противъ васъ и начали войну противъ корабля. Вы взываете: прочь этотъ клиръ, другой клиръ для церкви! Для чего такъ взывать? Они удалились, они прогнаны, безъ всякаго преслѣдованія они обратились въ бѣгство. Не человѣкъ осуждаетъ ихъ, а совѣсть. *Аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣлъ быхъ убо* (Пс. LIV, 13). Не противъ насъ возстали бывшіе съ нами; тѣ, которые вмѣстѣ съ нами управляли кораблемъ, захотѣли потопить корабль. Тѣмъ болѣе удивляюсь я вашему благоразумію. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы побудить васъ къ возмущенію. Возмущеніе — ихъ дѣло, а ваше дѣло—ревность. Вы не требовали умертвить ихъ, но — воспрепятствовать имъ въ этомъ и ради васъ и ради Церкви, чтобы она опять не подверглась потопленію. Ваше мужество не попустило быть бурѣ, но ихъ намѣреніе произвело волненія. А я сужу не по концу дѣла, а по ихъ намѣренію. Ты—человѣкъ, предстоящій предъ жертвенникомъ, принявшій на себя попеченіе о такомъ
множествѣ народа, обязанный устранять прискорбное, ты усилилъ 447
бурю, направилъ мечъ противъ себя самого, погубилъ своихъ дѣтей намѣреніемъ, если не самымъ дѣломъ. Но Богъ воспрепятствовалъ этому. И теперь я удивляюсь вамъ и хвалю васъ, что послѣ войны и по водвореніи мира вы заботитесь, чтобы миръ былъ совершеннымъ. Подлинно, кормчему должно быть въ согласіи съ пловцами; а если они будутъ несогласны, то потонетъ судно. Вы, при помощи благодати Божіей, возстановили миръ; васъ я сдѣлаю и участниками въ безопасности. Ничего не стану дѣлать безъ васъ, равно какъ и безъ боголюбивѣйшей царицы,

потому что и она заботится, старается и употребляетъ всевозможныя мѣры, чтобы насажденное осталось твердымъ, чтобы Церковь пребывала безмятежною. Такъ я воздалъ похвалу и вашему
448 благоразумію, и попечительности царей, потому что они не столько заботятся о войнѣ, сколько о Церкви, не столько о городѣ, сколько о Церкви. Будемъ молить Бога, будемъ просить о томъ, будемъ пребывать въ молитвахъ, и, послѣ того какъ прекратились бѣдствія, не предадимся безпечности. Поэтому-то и до сего дня мы продолжаемъ молиться о прекращеніи бѣдствій. Будемъ же благодарить Бога; какъ тогда были мужественны, такъ и теперь будемъ усердны. И за все это возблагодаримъ Бога, Которому слава и держава, съ Сыномъ и съ благимъ Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о женѣ хананейской, сказанная по возвращеніи (святителя) изъ ссылки.

449 1. Велика буря, но она не помѣшала усердію пришедшихъ сюда; велики искушенія, но они не уничтожили вашей привязанности. Церковъ не перестаетъ испытывать нападенія и побѣждать, подвергаться козням и преодолѣвать. Чѣмъ болѣе иные нападаютъ на нее, тѣмъ болѣе она умножается; волны разсѣеваются, а камень стоитъ неподвижно. Днемъ поученія, ночью всенощныя бдѣнія; день соревнуетъ ночи; и тамъ собранія, и здѣсь собранія; ночь дѣлаетъ изъ торжища церковь; усердіе сильнѣе огня. Вы не нуждаетесь въ увѣщаніи, и сами показываете усердіе. Кто не удивится? Кто не изумится? Не только бывшіе нашими не отсутствуютъ, но и не бывшіе присутствуютъ. Такова польза испытаній. Какъ дождь, падая на землю, пробуждаетъ сѣмена, такъ и испытанія, входя въ душу, возбуждаютъ усердіе. По слову Божію, Церковь непоколебима: *врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI, 18). Кто нападаетъ на нее, тотъ губитъ самого себя, а Церковь являетъ сильнѣйшею; кто нападаетъ на нее, тотъ разрушаетъ собственныя силы, а нашъ трофей дѣлаетъ блистательнѣйшимъ. Славенъ былъ Іовъ и прежде, но послѣ сталъ еще славнѣе: не такъ былъ онъ славенъ, когда имѣлъ неболѣзненное тѣло, какъ славенъ сталъ тогда, когда былъ увѣнчанъ гноемъ ранъ. Никогда не бойся испытаній, если душа твоя приготовлена къ нимъ. Скорбь

не вредитъ, но *содѣловаетъ терпѣніе* (Рим. v, 3). Какъ огонь не портитъ золота, такъ и скорбь не вредитъ доблести. Что дѣлаетъ огонь съ золотомъ? Очищаетъ его. Что производитъ скорбь въ переносящемъ ее? Терпѣніе. Она возвышаетъ его, прогоняетъ лѣность, сосредоточиваетъ душу, дѣлаетъ умъ осмотрительнѣе. Враги воздвигли гоненіе для того, чтобы разогнать овецъ, а вышло противное: оно привело пастыря.

Въ какомъ положеніи наши дѣла? Въ благополучномъ. Въ какомъ ихъ дѣла? Въ безславномъ. Гдѣ ихъ дѣла? Ихъ и не 450
видно. По торжищу хожу — и никого не вижу. Были листья, но подулъ вѣтеръ, и они опали; была мякина, и развѣялась, а зрѣлый плодъ открылся; было олово, и растаяло, а золото осталось чистымъ. Кто гонитъ ихъ? Никто; но совѣсть—ихъ врагъ, сопровождающій грѣхи. Они знали, что дѣлали. Такъ и Каинъ хотѣлъ убить брата своего; когда онъ хотѣлъ убить, то дѣйствовала страсть, а когда совершилъ преступленіе, то *стеня и трясыйся* сталъ ходить по всей вселенной (Быт. iv, 14). И они, если не убили на дѣлѣ, то убили намѣреніемъ. Убійство совершено, насколько зависѣло отъ злобы ихъ; но жизнь сохранена по милости Божіей. Говорю это для возбужденія вашей ревности, чтобы вы никогда не боялись испытаній. Ты — камень? Не бойся же волнъ, — такъ какъ *на семъ камени*, сказалъ Господь, *созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. xvi, 18). Бываютъ войны иногда внѣ, иногда внутри; но ничто не потопитъ этого корабля.

2. Впрочемъ, чтобы не истратить всего времени на осужденіе враговъ, предоставимъ ихъ угрызенію совѣсти; пусть этотъ палачъ терзаетъ ихъ душу и умъ съ нечестивыми пожеланіями, пусть они бѣгаютъ, когда никто не гонитъ, пусть подвергаются стыду, когда никто не враждуетъ противъ нихъ; а сами мы предложимъ обычную трапезу. Несправедливо тратить время на обличеніе враговъ и оставлять дѣтей изнуряться голодомъ. Итакъ, вчера предлагалъ намъ трапезу Павелъ, сегодня Матѳей; вчера дѣлатель палатокъ, сегодня мытарь; вчера хулитель, сегодня похититель; вчера гонитель, сегодня корыстолюбецъ. Но хулитель не остался хулителемъ, а сдѣлался апостоломъ, и похититель не остался похитителемъ, а сдѣлался евангелистомъ. Я упоминаю о прежнихъ порокахъ ихъ и о послѣдующихъ добродѣтеляхъ для того, чтобы ты зналъ, какова польза покаянія, чтобы тебѣ никогда не отчаиваться въ своемъ спасеніи. Учители наши прежде извѣстны были по грѣхамъ, а впослѣдствіи прославились праведностію; мытарь и богохульникъ—крайнія степени нечестія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое званіе мытаря? Узаконенное хищничество, дерзновенное насиліе, несправедливость, защищающаяся

закономъ; мытарь хуже разбойниковъ. Что такое званіе мытаря?
451 Насиліе, укрывающееся подъ предлогомъ закона, обращающее врача въ палача. Разумѣете ли, что я сказалъ? Законы суть врачи, а здѣсь они дѣлаются палачами, потому что не лѣчатъ рану, а увеличиваютъ ее. Что такое званіе мытаря? Безстыдный грѣхъ, ничѣмъ не оправдываемое воровство, хуже грабительства. Грабитель по крайней мѣрѣ стыдится, когда воруетъ; а этотъ похищаетъ съ дерзостію. И такой мытарь вдругъ сдѣлался евангелистомъ. Какъ и какимъ образомъ? *Преходя*, говорится въ евангеліи, *Іисусъ видѣ Матоеа, на мытницѣ сѣдяща, и глагола ему: по Мнѣ гряди* (Мате. IX, 9). О, сила слова! Брошена уда, и плѣнника сдѣлала воиномъ, грязь обратила въ золото; брошена уда, и тотчасъ мытарь *воставъ по немъ иде*. Онъ былъ во глубинѣ нечестія, и взошелъ на высоту добродѣтели. Итакъ, возлюбленные, пусть никто не отчаивается въ своемъ спасеніи. Грѣхъ не въ нашей природѣ; мы сподоблены воли и свободы. Ты — мытарь? Можешь сдѣлаться евангелистомъ. Ты — богохульникъ? Можешь сдѣлаться апостоломъ. Ты — разбойникъ? Можешь пріобрѣсти рай. Ты — волхвъ? Можешь поклониться Владыкѣ. Нѣтъ такого грѣха, который не изглаждался бы покаяніемъ. Для того Христосъ и избралъ крайнія степени нечестія, чтобы никто при концѣ не могъ чѣмъ-нибудь оправдываться.

8. Не говори мнѣ: я погибъ,—что мнѣ остается дѣлать? Не говори мнѣ: я согрѣшилъ,—что мнѣ дѣлать? У тебя есть Врачъ, который выше болѣзни; у тебя есть Врачъ, который побѣждаетъ силу болѣзни; у тебя есть Врачъ, который лѣчитъ однимъ мановеніемъ; у тебя есть Врачъ, который исцѣляетъ одной волей, который и можетъ и хочетъ врачевать. Если онъ произвелъ тебя изъ небытія, то тѣмъ болѣе можетъ исправить тебя, уже существующаго и поврежденнаго. Развѣ ты не слышалъ, какъ Онъ, взявъ персть отъ земли, образовалъ человѣка? Какъ сдѣлалъ землю плотію? Какъ устроилъ нервы, какъ кости, какъ кожу, какъ жилы, какъ носъ, какъ глаза, какъ рѣсницы, какъ брови, какъ языкъ, какъ грудь, какъ руки, какъ ноги, какъ все прочее? Взята была земля,—одно вещество; явилось творчество и образовало разнообразныя произведенія. Ты не можешь сказать, какимъ образомъ ты созданъ? Точно также не можешь сказать, какимъ образомъ истребляются грѣхи. Если огонь, падая въ терніе, истребляетъ его, то тѣмъ легче воля Божія истребляетъ и съ корнемъ исторгаетъ наши прегрѣшенія и грѣшника дѣлаетъ подобнымъ безгрѣшному. Не спрашивай, какъ это бываетъ, не изслѣдуй, какъ это совершается, но вѣруй чуду. Ты скажешь: я согрѣшилъ много и грѣхи мои велики. Но кто же безъ грѣха? Ты скажешь:

я согрѣшилъ тяжело, больше и хуже всѣхъ людей. Но тебѣ достаточно принести такую жертву: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Признайся, что ты согрѣшилъ, и это послужитъ началомъ твоего исправленія. Сѣтуй, умились, проливай слезы. Развѣ другое что пролила (евангельская) блудница? Ничего другого, кромѣ слезъ раскаянія. Она взяла себѣ руководителемъ покаяніе, и пришла къ Источнику.

4. Но выслушаемъ, что говоритъ мытарь и евангелистъ. *И изшедъ оттуду Іисусъ отъиде во страны Тирскія и Сидонскія. И се жена* (Матѳ. XV, 21, 22). Удивляется евангелистъ: *се жена*, древнее орудіе діавола, изгнавшая меня изъ рая, мать грѣха, 452
путеводительница преступленія, такая жена, той же самой природы, приходитъ къ Іисусу. Новое и необычайное чудо! Іудеи убѣгаютъ, а жена идетъ за Нимъ. *И се жена, отъ предѣлъ тѣхъ изшедши, возопи къ Нему глаголющи: помилуй мя, Господи, сыне Давидовъ.* Жена дѣлается благовѣстницею, исповѣдуетъ и божество Его и домостроительство; словомъ: *Господи* [исповѣдуетъ] владычество; а словами: *сыне Давидовъ* — принятіе Имъ плоти. *Помилуй мя.* Посмотри на любомудрую душу. *Помилуй мя*, говоритъ она; я не имѣю добрыхъ дѣлъ, не имѣю дерзновенія по своей жизни; прибѣгаю къ милости, къ общей пристани грѣшниковъ; прибѣгаю къ милосердію, гдѣ нѣтъ судилища, гдѣ спасеніе подается безъ испытанія; такимъ образомъ, будучи грѣшницею и беззаконницею, она осмѣлилась приступить къ Іисусу. Замѣть еще любомудріе жены: она не проситъ Іакова, не умоляетъ Іоанна, не обращается къ Петру, не раздѣляетъ сонма ихъ. Я не имѣю нужды въ посредникѣ, но, взявъ ходатаемъ своимъ покаяніе, приступаю къ самому Источнику; Онъ для того и пришелъ, для того и принялъ плоть, чтобы и я бесѣдовала съ Нимъ. Вверху херувимы трепещутъ, внизу блудница бесѣдуетъ съ Нимъ! *Помилуй мя:* простое слово, но въ немъ находитъ она неизчерпаемое море спасенія. *Помилуй мя:* для этого Ты пришелъ, для этого Ты принялъ плоть, для этого Ты сдѣлался тѣмъ, что и я. На небѣ трепетъ, на землѣ дерзновеніе! *Помилуй мя:* я не имѣю нужды въ посредникѣ; самъ Ты помилуй меня. Что тебѣ нужно? Ищу милости. Чѣмъ ты страдаешь? *Дщи моя злѣ бѣснуется:* природа моя терзается, жалость возбуждается. Такъ она пришла ходатайствовать за дочь; не принесла больной, а принесла вѣру. Онъ — Богъ и все видитъ. *Дщи моя злѣ бѣснуется.* Ужасное страданіе; естественное чувство жалости, какъ жало, терзаетъ мою утробу, возмущаетъ внутренность. Что мнѣ дѣлать? Я погибаю. Почему же ты не говоришь: помилуй дочь мою, но: *помилуй мя?* Она больна до безчувствія, не сознаетъ своего страданія, не чувствуетъ своей

боли; отсутствіе сознанія, или—лучше—безчувствіе служитъ для нея завѣсою несчастія. Помилуй меня, свидѣтельницу ежедневныхъ страданій; у меня въ домѣ зрѣлище несчастія. Куда мнѣ уйти? Въ пустыню? Но я не смѣю оставить ее одну. Дома ли остаться? Но здѣсь я нахожу внутренняго врага, волны въ пристани, зрѣлище несчастія. Какъ мнѣ назвать ее? Мертвою? Но она движется. Живою? Но она не сознаетъ, что дѣлаетъ. Не могу найти слова для выраженія этой болѣзни. *Помилуй мя.* Если бы умерла дочь моя, то я не такъ страдала бы; я предала бы тѣло ея въ нѣдра земли, и съ теченіемъ времени забыла бы о несчастіи, и рана зажила бы; теперь же у меня постоянно предъ глазами трупъ, растравляющій мои раны, усиливающій мои страданія. Каково мнѣ смотрѣть на ея извращающіеся глаза, изгибающіяся руки, распущенные волосы, истекающую пѣну, на этого палача, который находится внутри и не обнаруживается, на мучителя, который невидимъ, а удары его видимы? Я поставлена зрительницею бѣдствій другихъ, поставлена необходимостію природы. *Помилуй мя.* Ужасна эта буря,—страданіе и вмѣстѣ страхъ; страданіе природы и страхъ отъ бѣса; я не могу ни подойти, ни коснуться ея. Состраданіе побуждаетъ меня, а страхъ отгоняетъ меня. *Помилуй мя.*

5. Представь любомудріе жены. Она не пошла къ волхвамъ, не призвала колдуновъ, не дѣлала привязокъ, не стала нанимать во-
453 рожей—женщинъ, которыя вызываютъ бѣсовъ и усиливаютъ рану; но, оставивъ дѣла діавола, обратилась къ Спасителю душъ нашихъ. *Помилуй мя, дщи моя злѣ бѣснуется.* Вы понимаете это страданіе,—[тѣ изъ васъ], которые стали отцами, помогите моему слову и вы, которыя стали матерями; я не могу выразить словами бѣдствія, которое терпѣла эта женщина. *Помилуй мя, дщи моя злѣ бѣснуется.* Видишь ли любомудріе жены? Видишь ли ея твердость, мужество, терпѣніе? *Онъ же не отвѣща ей словесе* (Матѳ. xv, 23). Странныя дѣла! Она проситъ, умоляетъ, оплакиваетъ свое несчастіе, усиливаетъ свое сѣтованіе, высказываетъ страданіе,—и Человѣколюбецъ не отвѣчаетъ, Слово молчитъ, Источникъ не отверзается, Врачъ не подаетъ врачества. Что это за необыкновенное, что за странное дѣло? Къ другимъ Ты самъ приходишь, а эту, пришедшую къ Тебѣ, отгоняешь? Но посмотри на мудрость Врача: *Онъ же не отвѣща ей словесе.* Почему? Потому, что обращалъ вниманіе не на слова, но зналъ тайныя помышленія. *Онъ же не отвѣща ей словесе.* Что же ученики? Такъ какъ жена не получала отвѣта, то они подошли къ Нему и сказали: *отпусти ю, яко вопіетъ въ слѣдъ насъ.* Но ты слышишь внѣшній голосъ, а Я—внутренній; великъ вопль устъ ея, но больше вопль души. *Отпусти ю, яко вопіетъ въ слѣдъ насъ.*

Другой Евангелистъ говоритъ: *предъ* нами (Марк. VII, 25). Слова противоположныя, но неложныя, — потому что она дѣлала то и другое. Сперва она кричала сзади; когда же Онъ не отвѣчалъ, то она подошла спереди, какъ песъ, лижущій ноги господина своего. *Отпусти ю*: она составила зрѣлище, собрала народъ. Они имѣли въ виду человѣческую скорбь, а Господь — человѣколюбіе и спасеніе жены. *Отпусти ю, яко воніетъ въ слѣдъ насъ*. Что же Христосъ? *Нѣсмь посланъ*, говоритъ Онъ, *токмо ко овцамъ погибшымъ дому Израилева* (Матѳ. XV, 24). Отвѣтомъ Своимъ Онъ еще болѣе растравилъ рану. Онъ былъ врачъ, разсѣкающій не для того, чтобы раздѣлить, а чтобы соединить.

6. Здѣсь слушайте меня со вниманіемъ и обратите ко мнѣ умъ вашъ, потому что я хочу изслѣдовать глубокій предметъ. *Нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшымъ дому Израилева*. Неужели это все? Неужели Ты сдѣлался человѣкомъ, принялъ плоть, совершилъ такія дѣла домостроительства для того, чтобы спасти одинъ этотъ уголъ (земли), и притомъ погибающій? А вся вселенная,— скиѳы, ѳракіяне, индійцы, мавры, киликійцы, каппадокійцы, сиріяне, финикіяне и вся земля, которую освѣщаетъ солнце, развѣ лишатся этого? Развѣ Ты пришелъ для однихъ іудеевъ, а язычниковъ оставляешь въ пренебреженіи? Развѣ Ты не взираешь на смрадъ, не смотришь на дымъ, не обращаешь вниманія на оскорбленіе Отца Твоего, на поклоненіе идоламъ, на почитаніе бѣсовъ? Между тѣмъ пророки не такъ говорили; а что, наприм., говоритъ Твой праотецъ по плоти? *Проси отъ мене и дамъ ти языки достояніе твое, и одержаніе твое концы земли* (Пс. II, 9). И Исаія, видѣвшій херувимовъ: *и будетъ корень Іессеовъ, и возстаяй владѣти языки, на того языцы уповати будутъ* (Исаіи XI, 10). И Іаковъ: *не оскудѣетъ* 454
князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложеная ему, и той чаяніе языковъ (Быт. XLIX, 10). И Малахія: *зане въ васъ затворятся двери* мѣдныя и не измѣнится предположенное: *зане отъ востокъ солнца и до западъ имя Мое прославися во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ ѳиміамъ приносится имени Моему, и жертва чиста* (Мал. I, 10, 11). И еще Давидъ: *вси языцы восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радованія: яко Господь вышній, страшенъ, Царь велій по всей земли. Взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ* (Псал. XLVI, 1 — 6). И еще другой: *возвеселитеся языцы съ людьми его* (Втор. XXXII, 43). И Ты самъ, пришедши, не призвалъ ли тотчасъ волхвовъ, эту твердыню язычниковъ, силу діавола, могущество бѣсовъ, и по снисхожденію не сдѣлалъ ли ихъ провозвѣстниками? Ты призываешь волхвовъ; пророки говорятъ о язычникахъ; и по воскресеніи изъ мертвыхъ Ты говоришь ученикамъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и*

Святаго Духа (Матѳ. xxviii, 19). Когда же пришла эта несчастная, бѣдная, просящая о дочери, умоляющая облегчить ея несчастіе, тогда Ты говоришь: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшымъ дому Израилева?* Когда пришелъ сотникъ, Ты говоришь: *Азъ пришедъ исцѣлю его* (Матѳ. viii, 7); когда говорилъ разбойникъ, Ты отвѣчаешь: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. xxiii, 43); когда принесенъ разслабленный, Ты говоришь: *востани, возми одръ твой и иди* (Матѳ. ix, 6); когда умеръ Лазарь, Ты говоришь: *Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. xi, 43), и четверодневный вышелъ. Прокаженныхъ Ты очищаешь, мертвыхъ воскрешаешь, разслабленнаго укрѣпляешь, слѣпыхъ исцѣляешь, разбойниковъ спасаешь, блудницу дѣлаешь цѣломудреннѣе дѣвы, а этой не отвѣчаешь ничего? Что за новое, что за необычайное, что за странное дѣло?

7. Внимательно слушайте, чтобы узнать твердость этой жены, и мудрость и попечительность Господа, чтобы видѣть, какъ медленіе приноситъ пользу, чтобы видѣть, какъ отказъ доставляетъ богатство, чтобы и тебѣ, если ты будешь молиться и не получать, никогда не оставлять молитвы. Слушай же съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда іудеи были избавлены отъ владычества египтянъ и, избѣгши рукъ фараона, прошли пустыню и намѣревались вступить въ землю хананеевъ, идолопоклонниковъ и нечестивцевъ, которые покланялись камнямъ, почитали деревья и обнаруживали въ жизни великое нечестіе, то Богъ далъ имъ слѣдующій законъ: *ниже сватовства сотвориши съ ними: дщери своея не даси сыну его, и дщере его да не поймеши сыну твоему* (Втор. vii, 3); не давай имъ золота, не сообщайся съ ними въ трапезѣ, не живи вмѣстѣ и не дѣлай ничего подобнаго, потому что нечестивы эти народы, къ которымъ Я ввожу тебя, чтобы ты овладѣлъ ими. Такимъ образомъ почти самъ законъ предписывалъ іудеямъ: не покупай, не продавай, не заключай браковъ и договоровъ, а будь хотя и близокъ къ нимъ по мѣсту жительства, но далекъ по образу жизни. У тебя не должно быть ничего общаго съ ними: ни договоровъ, ни продажи, ни купли, ни сватовства, ни замужества, чтобы необходимость родственныхъ отношеній не вовлекла тебя въ нечестіе, чтобы, давая и получая, ты не сдѣлался другомъ ихъ; но будь всегда врагомъ ихъ. У тебя не должно быть ника-
455 кого общенія съ хананеями: не принимай отъ нихъ ни золота, ни серебра, ни одежды, ни дочери, ни сына, и ничего другого подобнаго, но живи самъ по себѣ; у тебя есть языкъ, который отличаетъ тебя отъ нихъ, и этотъ законъ Я далъ тебѣ, почему законъ и называется огражденіемъ. Какъ виноградъ окружается оградою, такъ іудеи — закономъ, чтобы они, преступивъ его, не смѣшались съ хананеями. А у тѣхъ были незаконныя смѣшенія,

извращеніе законовъ природы, поклоненіе идоламъ, боготвореніе деревьевъ, оскорблявшее Бога, приношеніе въ жертву дѣтей, униженіе отцовъ, безчестіе матерей, — все извращено, все искажено; они жили бѣсовскою жизнію. Поэтому іудеи не имѣли съ ними никакихъ сношеній, ни договоровъ, ни торговли; законъ, подъ угрозою тяжкихъ наказаній, запрещалъ браки съ ними, договоры, сватовство; іудеи ничего общаго не имѣли съ ними. Итакъ закономъ было запрещено имѣть сношеніе съ хананеями, давать имъ золото, или что-нибудь другое, чтобы дружеское отношеніе не послужило поводомъ къ нечестію. Законъ окружалъ іудеевъ, подобно оградѣ: *виноградъ*, сказалъ Господь, *насадихъ и огражденіемъ оградихъ* (Исаіи v, 2), т. е. закономъ, который состоитъ не изъ вѣтвей, а изъ заповѣдей, который ограждалъ ихъ и отдѣлялъ. Такимъ образомъ хананеи были люди отверженные, презрѣнные, нечестивые, развратные, преступные, нечистые; поэтому іудеи, исполняя законъ свой, не хотѣли даже слушать ихъ. А такъ какъ эта женщина была изъ хананеевъ, *се*, говоритъ Евангелистъ, *жена хананейска отъ предѣлъ тѣхъ изшедши* (Матѳ. xv, 22), такъ какъ эта женщина была изъ хананеевъ, и приступила ко Христу,—то Онъ (и поступилъ съ нею такъ, чтобы имѣть право) сказать: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ* (Іоан. viii, 46)? Нарушалъ ли Я законъ? Сдѣлавшись человѣкомъ, Онъ исполнялъ и человѣческія дѣла.

8. Слушайте же со вниманіемъ слова мои. Эта женщина была хананеянка, изъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ господствовали развратъ, неистовство, нечестіе, власть діавола, бѣсовскія пиршества, гдѣ попирали природу и унижались до безсмыслія безсловесныхъ, до неистовства бѣсовъ; а законъ предписывалъ: не имѣй ничего общаго съ хананеями, не давай и не принимай отъ нихъ, не бери жены, не принимай сына, не заключай ни договоровъ, ни условій, ограждая іудеевъ какъ бы оградою. И такъ какъ самъ Христосъ, пришедши на землю и облекшись въ оружіе человѣческое, былъ въ свое время обрѣзанъ, приносилъ жертвы и приношенія и все прочее, хотя Онъ имѣлъ прекратить законъ, — то, дабы не сказали, что Онъ потому уничтожилъ законъ, что не имѣлъ силъ исполнить его, поэтому Онъ сперва исполняетъ его, а потомъ уже прекращаетъ; дабы ты не подумалъ, что Онъ безсиленъ, для этого Онъ исполнялъ все по обычаю, и потому говорилъ: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ*. Такъ какъ, говорю, по закону не должно было имѣть никакого общенія съ хананеями, то, дабы іудеи не стали обвинять Его и говорить: мы не вѣримъ Тебѣ потому, что Ты беззаконникъ, Ты нарушаешь законъ, пошелъ въ страну хананейскую, сообщаешься съ хананеями, тогда какъ законъ запре-

щаетъ сообщаться съ ними,—поэтому-то Онъ сначала и не говоритъ ей ничего. Замѣть, какъ Онъ и законъ исполняетъ, и жену не лишаетъ спасенія, іудеямъ заграждаетъ уста, и ее обращаетъ къ себѣ. *Онъ же*, сказано, *не отвѣща ей словесе*, какъ бы внушая слѣдующее: не ищи предлоговъ къ обвиненію Меня; смотри: Я не говорю, не вступаю въ бесѣду; вотъ несчастіе, и Я не являю Своего дѣйствія; вотъ кораблекрушеніе, и Я, кормчій, не укрощаю
456 бури по причинѣ вашей безразсудности, чтобы вы не имѣли повода обвинять Меня: вотъ эта женщина собрала вокругъ Меня зрителей и не получаетъ отвѣта, чтобы вы не сказали: Ты предался хананеямъ, нарушилъ законъ, и на этомъ основаніи мы можемъ не вѣрить Тебѣ. Видишь, какъ Онъ не отвѣчаетъ женѣ, чтобы отвѣтить іудеямъ; молчаніе Его къ женѣ было голосомъ обличенія безразсудности іудеевъ.

9. Это дѣлалъ Онъ не по собственному достоинству, но по снисхожденію къ немощи іудеевъ. Такъ и тогда, когда Онъ очистилъ прокаженнаго, сказалъ: *иди, принеси даръ, его же повелѣ въ законѣ Моисей* (Матѳ. VIII, 11). Ты очистилъ и отсылаешь его къ закону Моисея? Да. Для чего? Изъ-за іудеевъ, чтобы они не стали обвинять меня въ нарушеніи закона. Поэтому, когда Онъ исцѣлялъ прокаженнаго, то исцѣлилъ его необыкновеннымъ образомъ; а какъ, послушай. *И се прокаженъ пришедъ кланяшеся Ему, глаголя: Господи, аще хощеши, можеши мя очистити. И простеръ руку Іисусъ, коснуся ему, глаголя: хощу, очистися* (Матѳ. VIII, 2, 3). Но по закону не позволялось прикасаться къ прокаженному. Такъ, когда пришелъ къ пророку Елисею военачальникъ Нееманъ, зараженный проказою, то ученикъ сказалъ ему: вотъ прокаженный военачальникъ стоитъ внѣ. Пророкъ приказываетъ ученику выйти и сказать ему: *шедъ измыйся во Іорданѣ* (4 Цар. V, 10); а самъ не рѣшился выйти, посмотрѣть на прокаженнаго и коснуться его. Такъ какъ и Елисей очистилъ прокаженнаго, то, дабы не сказали іудеи, что Христосъ очищалъ подобно Елисею, для того этотъ не рѣшается коснуться прокаженнаго, а Христосъ касается и говоритъ: *хощу, очистися. И простеръ руку* Свою, *коснуся ему.* Для чего прикоснулся? Для того, чтобы показать тебѣ, что Онъ не рабъ, подчиненный закону, а Владыка, стоящій выше закона. Чѣмъ же Онъ исполнилъ законъ? Тѣмъ, что сказалъ: *хощу, очистися,* а не тотчасъ коснулся его. Предшествовало слово, прогнало болѣзнь, а потомъ Онъ коснулся нечистаго и сказалъ: *хощу, очистися.* Какъ? *Абіе очистися.* Евангелистъ не нашелъ выраженія,—потому что слово *абіе* (тотчасъ) выражаетъ не такъ скорое дѣйствіе,—не нашелъ выраженія, соотвѣтствующаго быстротѣ дѣйствія. *Абіе*, т. е. какъ? Въ то самое время, какъ было произнесено слово, уничтожилась

болѣзнь, прошла проказа, и прокаженный сталъ чистымъ. Затѣмъ Онъ говоритъ: *шедъ покажися іереови, и принеси даръ егоже повелѣ Моисей, во свидѣтельство имъ.* Кому? Іудеямъ, чтобы они не говорили, что Я нарушилъ законъ. Я исцѣлилъ, и говорю: принеси законный даръ, чтобы въ тотъ день прокаженный обвинилъ ихъ, сказавъ: Онъ повелѣлъ мнѣ принести даръ по закону. И какъ многое Христосъ совершалъ ради іудеевъ, чтобы сдѣлать ихъ во всемъ безотвѣтными, такъ Онъ поступилъ и здѣсь. *Помилуй мя: дщи моя злѣ бѣснуется. Онъ же не отвѣща ей словесе, и приступльше ученицы Его, моляху Его глаголюще: отпусти ю, яко вопіетъ въ слѣдъ насъ.* Что же Онъ? *Нѣсмь посланъ,* говоритъ Онъ, *токмо къ овцамъ погибшымъ дому Исраилева.* Чтобы не сказали іудеи: Ты оставилъ насъ, и пошелъ къ чужимъ, и потому мы не вѣруемъ Тебѣ,— Онъ говоритъ: вотъ, приходятъ и изъ язычниковъ, и Я не принимаю ихъ; васъ, убѣгающихъ отъ Меня, 457
призываю: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися* (Матѳ. XI, 28), и вы не идете; а эту отгоняю, и однако она остается. *Людіе, ихже не вѣдѣхъ,* сказалъ Господь, *работаша Ми, въ слухъ уха послушаша Мя* (Псал. XVII, 45); и въ другомъ мѣстѣ: *явленъ бысь не ищущымъ Мене, обрѣтохся не вопрошающымъ о Мнѣ* (Исаіи LXV, 1). *Отпусти ю, яко вопіетъ въ слѣдъ насъ.* Посмотримъ же, что отвѣчаетъ Христосъ. *Нѣсмь посланъ, токмо къ овцамъ погибшымъ дому Исраилева.* Не были ли это слова отказа? Онъ какъ бы такъ говоритъ: отойди; нѣтъ ничего общаго между тобою и Мною; не для тебя пришелъ Я, но пришелъ для іудеевъ. *Нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшымъ дому Исраилева.* Услышавъ это, она сказала: *ей, Господи, помози ми,* и поклонилась Ему, говоря это. Онъ же сначала не отвѣчалъ ей, а потомъ, посмотри, каковъ былъ отвѣтъ: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ* (Матѳ. XV, 25, 26). О, попечительность врача! Въ самомъ отказѣ Онъ обращаетъ ее къ Себѣ. *Нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ.* У какихъ чадъ? У іудеевъ. *И поврещи псомъ,* т. е. вамъ.

10. Поистинѣ Господь сказалъ это для посрамленія іудеевъ,— потому что они, называемые чадами, сдѣлались псами. Поэтому и Павелъ говоритъ: *блюдитеся отъ псовъ, блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей, блюдитеся отъ сѣченія: мы бо есмы обрѣзаніе* (Фил. III, 2, 3). А язычники назывались псами и сдѣлались чадами. *Чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. IV, 19). Эта похвала есть обвиненіе для іудеевъ. *Нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ.* Что же жена? *Ей, Господи.* О, твердость жены; о, ревность души! Врачъ говоритъ: нѣтъ; а она говоритъ: да. Господь говоритъ: нѣтъ; а она говоритъ: да,— не обвиняя и не укоряя Его, но ожидая спасенія. *Нѣсть добро*

отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ.—Ей, Господи. Ты называешь меня псомъ, а я называя Тебя Господомъ; Ты унижаешь меня, а я прославляю Тебя. *Ей, Господи: ибо и пси ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ* (Матѳ. xv, 27). О, мудрость жены! Изъ того же примѣра она заимствуетъ приличное доказательство. Ты называешь меня псомъ; я и буду питаться, какъ песъ; не отказываюсь отъ этого униженія, не избѣгаю этого названія; приму пищу пса: такъ указываетъ она на дѣло обыкновенное. Ты стой на своемъ; Ты назвалъ меня псомъ, дай же мнѣ крупицу; Ты сдѣлался защитникомъ моей просьбы; покажи при отказѣ снисхожденіе. *Ей, Господи: ибо и пси ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ*. Что же тотъ, который отказывалъ, отвергалъ, отгонялъ, говорилъ: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ*, также говорилъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшымъ дому Израилева?* О, жено, говоритъ Онъ, *веліа вѣра твоя* (Матѳ. xv, 28). Ты вдругъ сталъ хвалить, прославлять жену? Уже не отгоняешь, не отвергаешь ея?—Успокойся; для этого Я и медлилъ. Вѣдь если бы Я сначала отпустилъ ее, то ты не узналъ бы ея вѣры; если бы она сразу получила, то тотчасъ и ушла бы, и никто не видѣлъ бы ея сокровища. Для того Я и медлилъ даяніемъ, чтобы всѣмъ показать
453 ея вѣру. *О, жено!* Богъ говоритъ ей: о, *жено!* Пусть выслушаютъ это тѣ, которые молятся безъ усердія. Когда я говорю кому-нибудь: проси Бога, молись Ему, прибѣгай къ Нему съ молитвою, то онъ отвѣчаетъ: я просилъ однажды, дважды, трижды, десять, двадцать разъ, и еще не получилъ. Не переставай просить, братъ, пока не получишь; конецъ молитвы—полученіе просимаго. Тогда перестань, когда получишь, или лучше и тогда не переставай, но и тогда пребывай въ молитвѣ. Если ты не получилъ, то молись, чтобы получить; если же ты получилъ, то благодари за то, что получилъ. Многіе приходятъ въ церковь, произносятъ тысячи стиховъ молитвы, и выходятъ, не зная, что говорили они; уста ихъ движутся, а слухъ не слышитъ. Ты самъ не слышишь своей молитвы: какъ же хочешь, чтобы Богъ услышалъ твою молитву? Ты говоришь: я преклонялъ колѣна; но умъ твой блуждалъ внѣ: тѣло твое было внутри церкви, а мысль твоя—внѣ; уста произносили молитву, а умъ исчислялъ доходы, договоры, условія, поля, владѣнія, собранія друзей. Діаволъ золъ; онъ знаетъ, что во время молитвы мы дѣлаемъ великіе успѣхи; потому тогда онъ и нападаетъ на насъ. Часто, лежа спокойно на постели, мы ни о чемъ не мыслимъ; а когда приходимъ молиться, то являются тысячи помысловъ, чтобы мы вышли безъ пользы.

11. Итакъ, возлюбленный, зная, что такъ бываетъ во время

молитвъ, подражай хананеянкѣ; хотя ты—мужъ, однако подражай женѣ, иноплеменницѣ, слабой, отверженной и презираемой. Ты не имѣешь бѣсноватой дочери? Но ты имѣешь грѣшную душу. Что сказала хананеянка? *Помилуй мя: дщи моя злѣ бѣснуется.* Такъ и ты скажи: *помилуй мя*: душа моя *злѣ бѣснуется.* Грѣхъ есть великій бѣсъ. Бѣсноватый возбуждаетъ состраданіе, а грѣшникъ—ненависть; тотъ заслуживаетъ прощеніе, а этотъ не имѣетъ оправданія. *Помилуй мя:* краткое слово, но оно нашло море человѣколюбія,—потому что гдѣ милость, тамъ всѣ блага.

Даже когда ты будешь внѣ церкви, взывай и говори: *помилуй мя;* говори, хотя не двигая устъ, но взывая умомъ; Богъ слышитъ и тѣхъ, которые молчатъ. Для этого требуется не мѣсто, а прежде всего настроеніе. Іеремія былъ въ грязной ямѣ, и привлекъ къ себѣ Бога; Даніилъ былъ во рвѣ львиномъ, и благорасположилъ къ себѣ Бога; три отрока были въ пещи, и воспѣвая умилостивили Бога; разбойникъ былъ пригвожденъ ко кресту, и крестъ не воспрепятствовалъ ему, но отверзъ рай; Іовъ сидѣлъ на гноищѣ, и пользовался милостію Божіею; Іона былъ во чревѣ кита, и Богъ внималъ ему. Будешь ли ты въ умывальницѣ, молись; будешь ли въ дорогѣ, или на постели, и гдѣ бы ты ни былъ, молись. Ты—храмъ Божій: не ищи же мѣста; нужно только душевное расположеніе. Хотя бы ты стоялъ предъ судіею, молись; когда гнѣвается судія, молись. Нѣкогда впереди было море, позади египтяне, а по срединѣ Моусей; великое было затрудненіе для молитвы, но велика была и широта молитвы. Сзади гнались египтяне, впереди было море, а по срединѣ нужно было молиться. Моисей ничего не произносилъ. а Богъ говоритъ ему: *что вопіеши ко Мнѣ* (Исх. XIV, 15)? Уста его не говорили, но умъ взывалъ. Такъ и ты, возлюбленный. когда стоишь предъ судіею гнѣвнымъ, безпощаднымъ, угрожающимъ величайшими наказаніями, или предъ другими палачами, дѣлающими то же самое, то молись Богу; и въ то время, когда ты будешь молиться, волны утихнутъ. Судія противъ тебя? Ты прибѣгай къ Богу. Начальникъ нападаетъ на тебя? Ты призывай Господа. Развѣ Онъ — че- 459
ловѣкъ, чтобы тебѣ искать Его въ какомъ-нибудь мѣстѣ? Богъ всегда *близъ есть.* Если ты хочешь просить человѣка, то сначала спрашиваешь, что онъ дѣлаетъ, не спитъ ли, не занятъ ли; и слуга не отвѣчаетъ тебѣ. А у Бога нѣтъ ничего такого: куда бы ты ни ушелъ и сталъ призывать Его, Онъ слышитъ; ни занятія, ни посредникъ, ни слуга не отдѣляютъ Его отъ тебя. Скажи: *помилуй мя,* и Богъ мгновенно дѣлается присущимъ. *Еще глаголющу ти,* говоритъ пророкъ, *речетъ: се пріидохъ* (Исаіи LVIII, 9). О, слово, исполненное благости! Онъ не ожидаетъ окончанія мо-

литвы; еще прежде, нежели окончишь молитву, ты уже получаешь даръ. *Помилуй мя.* Будемъ же, увѣщеваю васъ, подражать этой хананеянкѣ. *Помилуй мя: дщи моя злѣ бѣснуется,* говорила она. Господь же говоритъ ей: *о, жено, велія вѣра твоя: буди тебѣ якоже хощеши* (Матѳ. xv, 28). Гдѣ еретикъ? Не сказалъ Онъ: Я буду просить Отца Моего; не сказалъ: Я буду молить родившаго Меня. Имѣлъ ли Онъ здѣсь нужду въ молитвѣ? Нѣтъ. Почему? Потому, что была великая вѣра, былъ великій сосудъ, потому и излилась великая благодать. Гдѣ нужна еще молитва, тамъ—слабый сосудъ. *О, жено, велія вѣра твоя.* Ты не видѣла мертваго воскрешаемымъ, ни прокаженнаго очищаемымъ, ты не слушала пророковъ, не изучала закона, ты не видѣла моря раздѣляемымъ, не видѣла никакого другого знаменія совершаемымъ Мною, но даже была унижена Мною и приведена въ смущеніе; Я отвергъ страданіе твое, и однако ты не отошла, а осталась; получи же накопецъ и отъ Меня достойную и надлежащую похвалу: *о, жено, велія вѣра твоя.* Жена эта умерла, но похвала ея остается, блистая свѣтлѣе діадемы. Куда бы ты ни пошелъ, вездѣ слышишь слова Христовы: *о, жено, велія вѣра твоя.* Войди въ церковь персовъ, и услышишь
460 Христа, говорящаго: *о, жено, велія вѣра твоя*; равно какъ и въ церковь готовъ, варваровъ, индійцевъ, мавровъ, и какую только страну освѣщаетъ солнце. Христосъ произнесъ одно слово, и это слово не умолкаетъ, но громкимъ голосомъ возвѣщаетъ ея вѣру, взывая: *о, жено, велія вѣра твоя: буди тебѣ якоже хощеши.* Не сказалъ: пусть исцѣлится дочь твоя, но: *якоже хощеши.* Ты исцѣли ее; ты будь врачемъ; тебѣ ввѣряю врачество; поди, приложи его, *буди тебѣ якоже хощеши.* Воля твоя пусть исцѣлитъ ее. Такъ хананеянка исцѣлила (дочь) волею своею, и Сынъ ли Божій не исцѣляетъ Самъ Собою? *Буди тебѣ якоже хощеши.* Жена не повелѣвала и не запрещала бѣсу, но только захотѣла, и хотѣніе жены исцѣлило больную и изгнало бѣсовъ. Гдѣ тѣ, которые дерзаютъ говорить, что Сынъ совершалъ чудеса молитвою? *Буди тебѣ якоже хощеши.* Посмотри и на величіе словъ Его, въ нихъ Онъ подражаетъ Отцу Своему. Когда Богъ творилъ небо, то сказалъ: *да будетъ* небо, *да будетъ* солнце, и *бысть* солнце; *да будетъ* земля, и *бысть* земля; повелѣніемъ Онъ произвелъ бытіе (Быт. гл. I). Такъ и Христосъ говоритъ: *буди тебѣ якоже хощеши.* Сродство выраженій доказываетъ общность природы ихъ. *И исцѣлѣ дщи ея.* Когда? *Отъ того часа* (Матѳ. xv. 28); не въ то время, когда мать ея пришла домой, но еще прежде, нежели пришла. Она пришла найти ее бѣснующеюся, и нашла здоровою, исцѣленною ея желаніемъ. Будемъ же за все это благодарить Бога: Ему подобаетъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

о томъ, что кто самъ себѣ не вредитъ, тому никто вредить не можетъ.

1. Знаю, что для людей грубыхъ, пристрастныхъ къ настоящему, прилѣпившихся къ землѣ и раболѣпствующихъ чувственнымъ удовольствіямъ, а къ духовнымъ предметамъ не очень расположенныхъ, настоящее слово покажется необычнымъ и страннымъ; они будутъ и громко смѣяться и осуждать насъ, какъ будто мы съ самаго начала рѣчи говоримъ невѣроятное. Однако мы не оставимъ своего намѣренія, но по этому самому особенно и приступимъ съ великимъ усердіемъ къ доказательствамъ того, что предложили. И если такіе люди захотятъ, не смущаясь и не тревожась, дождаться конца бесѣды, то я увѣренъ, что они согласятся съ нами, будутъ осуждать самихъ себя за прежнее заблужденіе, станутъ говорить противное, извиняться и просить прощенія въ томъ, что они имѣли неправильное понятіе о вещахъ, и много будутъ благодарить насъ, какъ больные благодарятъ врачей, избавившись отъ болѣзней, мучившихъ ихъ тѣло. Поэтому не высказывай мнѣ имѣющагося у тебя теперь сужденія, но подожди слѣдствій нашихъ словъ, и тогда ты въ состояніи будешь произнести неложный приговоръ, такъ какъ ничто по невѣдѣнію не помѣшаетъ истинному сужденію. Такъ и по житейскимъ дѣламъ засѣдающіе судьи, хотя видятъ, что первый ораторъ говоритъ сильно и все потопляетъ своимъ краснорѣчіемъ, не рѣшаются произнести приговоръ прежде, нежели выслушаютъ съ долготерпѣніемъ и другого, противорѣчащаго ему; но хотя бы первый казался говорящимъ правду, они сохраняютъ безпристрастное вниманіе и для другого. Въ томъ и состоитъ достоинство судей, чтобы, со всею точностію узнавъ дѣло съ обѣихъ сторонъ, потомъ произносить собственное сужденіе. Такъ и теперь общее у людей предубѣжденіе, съ теченіемъ времени укоренившееся въ умахъ многихъ, точно какой ораторъ, по всей вселенной возвѣщаетъ и говоритъ такъ: все низвратилось, въ родѣ человѣческомъ, вездѣ великое смятеніе, ежедневно многіе терпятъ обиды, угнетенія, притѣсненія, ущербъ, слабые отъ сильнѣйшихъ, бѣдные отъ богатыхъ; и какъ невозможно исчислить волнъ морскихъ, такъ и множества обижаемыхъ, угнетаемыхъ, страждущихъ; ни дѣйствіе законовъ, ни страхъ судилищъ, и ничто не останавливаетъ этой заразы и болѣзни, но съ каждымъ днемъ умножается зло; вездѣ стонъ, плачъ, слезы обижаемыхъ, и поставленные для исправле-

459—460 461

нія этого судьи сами увеличиваютъ бурю и усиливаютъ болѣзнь. Поэтому многіе изъ неразумныхъ и несчастныхъ, впадая въ необычайное неистовство, обвиняютъ промыслъ Божій, когда видятъ, что смиреннаго часто влекутъ, терзаютъ, мучатъ, а дерзкій, наглый, безчестный и происшедшій отъ безчестныхъ обогащается, облекается властію, бываетъ для многихъ страшенъ, причиняетъ безчисленныя бѣдствія смиреннымъ, и эти несправедливости бываютъ и въ городахъ, и въ селахъ, и въ пустыняхъ, и на сушѣ, и на морѣ. Итакъ намъ необходимо предложить это слово для опроверженія вышесказаннаго, выступивъ на подвигъ, хотя необычный и страшный, какъ я вначалѣ сказалъ, но благопотребный, справедливый и полезный для тѣхъ, которые хотятъ внимать и поучаться. Въ немъ будетъ доказано (не бойтесь же),—что каждый обижаемый не отъ другихъ терпитъ вредъ, но самъ отъ себя.

462 2. А чтобы рѣчь наша была болѣе ясною, прежде всего изслѣдуемъ, что такое вредъ и какого рода вещей онъ обыкновенно касается; также, въ чемъ состоитъ совершенство человѣка, что́ вредитъ ему, и что́ вредитъ ему только повидимому, а на самомъ дѣлѣ не вредитъ. Напримѣръ,—нужно подтвердить рѣчь примѣрами,—каждая вещь терпитъ вредъ отъ чего-нибудь: желѣзо отъ ржавчины, шерсть отъ моли, стада овецъ отъ волковъ. Добротность вина теряется когда оно перемѣняетъ вкусъ и окисаетъ; а добротность меда, когда онъ лишается свойственной ему сладости и перемѣняется въ горькую жидкость. Хлѣбу на полѣ вредитъ прѣлость и засуха, винограднымъ плодамъ, листьямъ и вѣтвямъ — злой рой саранчи, другимъ деревьямъ — червь и тѣламъ безсловесныхъ — различныя болѣзни; но чтобы, исчисляя все, слишкомъ не распространить слова, скажемъ, что и нашему тѣлу вредятъ горячки, разслабленія и множество другихъ болѣзней. Итакъ, если для каждаго изъ этихъ предметовъ есть что-нибудь, повреждающее его добротность, то посмотримъ, что вредитъ человѣческому роду и отъ чего повреждается совершенство человѣка. Многіе усматриваютъ различныя и необыкновенныя причины. Намъ нужно высказать и погрѣшительныя мнѣнія и, опровергнувъ ихъ, потомъ указать на то, что подлинно вредитъ нашему достоинству, и ясно доказать, что никто не могъ бы сдѣлать намъ несправедливости или причинить вреда, если бы мы не выдавали сами себя. Многіе, по своимъ погрѣшительнымъ мнѣніямъ, считаютъ вреднымъ для нашего достоинства разное,— одни бѣдность другіе тѣлесную болѣзнь, иные потерю имѣнія, другіе злословіе, иные смерть, и непрестанно о томъ сокрушаются и плачутъ, и жалѣя испытывающихъ это, оплакивая ихъ и поражаясь, говорятъ другъ другу: какая бѣда случилась съ та-

кимъ-то,—онъ вдругъ лишился всего имѣнія! А иной говоритъ о другомъ: такой-то подвергся жестокой болѣзни и посѣщающіе его врачи отчаялись въ его жизни! Одинъ сѣтуетъ и плачетъ о заключенныхъ въ темницѣ, другой объ изгнанныхъ изъ отечества и отправленныхъ въ ссылку, иной о лишенныхъ свободы, другой о похищенныхъ врагами и взятыхъ въ плѣнъ, иной о потонувшемъ или сгорѣвшемъ, другой о задавленномъ обрушившимся зданіемъ. А никто не плачетъ о живущихъ нечестиво, но, что всего хуже, часто даже называютъ ихъ счастливыми; это бываетъ причиною всѣхъ золъ. Итакъ,—но не бойтесь, о чемъ я и вначалѣ просилъ, — покажемъ, что ничто изъ вышесказаннаго не вредитъ человѣку осторожному и не можетъ причинить вредъ его достоинству. Подлинно, скажи мнѣ, какой вредъ причиненъ достоинству человѣка тѣмъ, что онъ лишился всего имѣнія, или что у него отняли все клеветники, разбойники, или домашніе злодѣи? Впрочемъ, если угодно, изобразимъ напередъ, въ чемъ состоитъ достоинство человѣка, указавъ предварительно на другія существа, дабы сдѣлать рѣчь вразумительнѣе и яснѣе для многихъ.

3. Въ чемъ же состоитъ доброта коня? Въ томъ ли, чтобы онъ имѣлъ золотую узду и такую же подпругу, множество попонъ изъ шелковыхъ тканей, ковры разноцвѣтные и златотканные, бляхи съ драгоцѣнными камнями и гриву, перевитую золотыми лентами, или въ томъ, чтобы онъ былъ скоръ на бѣгу, 463
крѣпокъ ногами, выступалъ стройно и имѣлъ копыта, какимъ надобно быть у добраго коня, одаренъ былъ крѣпкими силами, чтобы пробѣгать большія пространства, быть годнымъ на войнѣ, стоять въ строю съ великою бодростію и въ случаѣ бѣгства спасать всадника? Не очевидно ли, что въ послѣднемъ состоитъ доброта коня, а не въ первомъ? Что также назвалъ бы ты добротою ословъ и лошаковъ? Не то ли, чтобы они могли легко носить тяжести, удобно совершать путешествія и имѣли ноги твердыя, подобно камню? Скажемъ ли мы, что внѣшнее что-нибудь, лежащее на нихъ, увеличиваетъ собственную ихъ доброту? Нѣтъ. Какой хвалимъ мы и виноградъ: тотъ ли, на которомъ много листьевъ и вѣтвей, или тотъ, который обремененъ плодами? Въ чемъ поставляемъ доброту и маслины: въ томъ ли, когда она имѣетъ большія вѣтви и весьма много листьевъ, или въ томъ, когда она приноситъ обильные плоды и вся ими усѣяна? Такъ точно поступимъ и въ отношеніи къ людямъ: опредѣлимъ достоинство человѣка, и вреднымъ для него будемъ считать только то, что вредитъ ему. Въ чемъ состоитъ достоинство человѣка? Не въ богатствѣ, такъ чтобы тебѣ бояться бѣдности: не въ тѣ-

лесномъ здоровьи, такъ чтобы страшиться болѣзни; не во мнѣніи народномъ, такъ чтобы смотрѣть на худую молву; не въ жизни пустой и безцѣльной, такъ чтобы для тебя была страшна смерть; и не въ свободѣ, такъ чтобы убѣгать рабства,—но въ точномъ соблюденіи истиннаго ученія и въ добродѣтельной жизни. А этого и самъ діаволъ отнять не можетъ у того, кто имѣя сохраняетъ это съ надлежащимъ тщаніемъ. Знаетъ объ этомъ и бѣсъ лукавѣйшій и лютѣйшій. Поэтому и Іова онъ лишилъ имущества не для того, чтобы сдѣлать его бѣднымъ, но чтобы заставить его произнести какое-нибудь богохульное слово; и тѣло его поразилъ не для того, чтобы сдѣлать его больнымъ, но чтобы поколебать добродѣтель души. Но не смотря на то, что употребилъ всѣ свои хитрости, изъ богатаго сдѣлалъ его бѣднымъ (что для насъ кажется ужаснѣе всего), изъ многочаднаго бездѣтнымъ, и растерзалъ все тѣло его гораздо хуже, нежели палачи въ судилищахъ (вѣдь не такъ когти ихъ терзаютъ ребра попавшихся въ нихъ руки, какъ уста червей грызли плоть его), и распространилъ худую о немъ молву (вѣдь друзья въ его присутствіи говорили, что онъ не довольно наказанъ за свои грѣхи, и много взводили на него обвиненій), и не изъ города только или изъ дома изгналъ его и переселилъ въ другой городъ, но смрадный пометъ сдѣлалъ для него и домомъ и городомъ,—однако не только ни мало не повредилъ ему, но своими кознями сдѣлалъ его еще болѣе славнымъ. Онъ не только не отнялъ у Іова ничего изъ имущества, хотя и отнялъ столько, но доставилъ ему еще большее богатство—добродѣли. Подлинно, Іовъ сталъ имѣть послѣ того большее дерзновеніе, какъ подвизавшійся труднѣйшимъ подвигомъ. Если же тотъ, кто столько потерпѣлъ, и притомъ потерпѣлъ не отъ человѣка, а отъ злѣйшаго всѣхъ людей бѣса, нисколько не понесъ вреда, то кто послѣ того можетъ имѣть извиненіе, когда говоритъ: такой-то сдѣлалъ несправедливость и нанесъ вредъ? Если діаволъ, исполненный такой злобы, употребивъ всѣ свои орудія и пустивъ всѣ стрѣлы и всѣ, какія бываютъ съ людьми, бѣдствія съ преизбыткомъ обративъ и на домъ и на тѣло пра-
464 ведника, не сдѣлалъ никакого вреда этому мужу, но, какъ я сказалъ, еще болѣе пользы принесъ ему, то какъ могутъ иные обвинять того или другого, какъ будто они отъ нихъ потерпѣли вредъ, а не отъ самихъ себя?

4. Какъ же, скажешь, развѣ не сдѣлалъ діаволъ вреда Адаму, не довелъ его до паденія и не изгналъ изъ рая? Нѣтъ, не онъ сдѣлалъ это, а нерадивость падшаго, невниманіе къ себѣ и небодрствованіе. Тотъ, кто, употребивъ столько и такихъ средствъ, не могъ побѣдить Іова, могъ ли бы при меньшихъ усиліяхъ пре-

одолѣть Адама, если бы этотъ по своему небреженію не выдалъ самъ себя? Какъ? Неужели тотъ, у кого по llознямъ клеветниковъ отнято имѣніе, не потерпѣлъ вреда, лишившись всего имущества, потерявъ отеческое наслѣдство и впавши въ крайнюю бѣдность? Не потерпѣлъ вреда, а еще получилъ пользу, если онъ внимателенъ къ самому себѣ. Скажи мнѣ, какой вредъ причинило это апостоламъ? Не съ голодомъ ли, жаждою и наготою непрестанно боролись они? Но поэтому самому они и были весьма славны и знамениты и великую получали помощь отъ Бога. Какой вредъ Лазарю причинили болѣзнь, раны, нищета и безпомощное одиночество? Не за это ли особенно и сплетены ему вѣнцы? Какой вредъ былъ для Іосифа отъ того, что объ немъ была худая молва и въ собственной его землѣ и въ чужой? Его считали и распутникомъ и блудникомъ. Повредило ли ему рабство? Повредило ли удаленіе изъ отечества? Не поэтому ли особенно мы и восхищаемся имъ и изумляемся ему? Но что я говорю объ удаленіи изъ отечества, о бѣдности, худой молвѣ и рабствѣ? Самая смерть какой вредъ причинила Авелю, смерть и насильственная, и безвременная, и нанесенная братнею рукою? Не потому ли и прославляется онъ по всей вселенной? Видишь ли, какъ рѣчь моя доказала болѣе, нежели сколько обѣщала? Она показала, что не только никто не терпитъ вреда отъ кого-либо другого, но еще большую пользу получаютъ внимательные къ самимъ себѣ. Для чего же, скажешь, наказанія и мученія? Для чего геенна? Для чего столько угрозъ, если никто не терпитъ вреда и никто не дѣлаетъ вреда? Что говоришь ты? Для чего смѣшиваешь выраженія? Я не сказалъ, что никто не дѣлаетъ вреда, но что никто не терпитъ вреда. Какъ же, скажешь, можетъ быть, чтобы никто не терпѣлъ вреда, когда многіе дѣлаютъ вредъ? Такъ, какъ я только что сказалъ. Іосифу сдѣлали вредъ братья, но самъ онъ не потерпѣлъ вреда; и на Авеля злоумышлялъ Каинъ, но онъ не получилъ вреда отъ злоумышленія. Для того и наказанія и мученія. Не за добродѣтель страждущихъ Богъ уничтожаетъ наказанія, но за нечестіе порочныхъ опредѣляетъ мученія. Хотя страждущіе отъ злоумышленниковъ и дѣлаются славнѣе, но это зависитъ не отъ намѣренія злоумышляющихъ, а отъ мужества подвергающихся злоумышленію. Поэтому послѣднимъ опредѣляются и готовятся награды за любомудріе, а первымъ наказанія за злобу. Лишенъ ли ты богатства? Говори: *нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отъиду* (Іов. I, 21); присовокупи и апостольское изреченіе: *ничто же бо внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. VI, 7). Идетъ ли о тебѣ худая молва и безчисленными злословіями осыпаютъ тебя? Вспомни слѣдующее из-

реченіе: *горе вамъ, егда добрѣ рекутъ вамъ вси человѣцы* (Лук. VI,
465 26); и еще: *возрадуйтеся и взыграйте, егда пронесутъ имя ваше яко зло* (Лук. VI, 22, 23). Изгнанъ ли ты за предѣлы отечества? Представь себѣ, что ты не имѣешь здѣсь отечества, но если хочешь быть любомудрымъ, то и всю землю тебѣ заповѣдано считать чуждою. Подвергся ли ты жестокой болѣзни? Скажи апостольскія слова: *аще внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. IV, 16). Потерпѣлъ ли кто насильственную смерть? Представь себѣ Іоанна, и голову его, отсѣченную въ темницѣ, принесенную на блюдѣ и отданную въ награду за пляску блудницы. Представь себѣ и награды за это: всѣ эти страданія, когда они причиняются кому-нибудь несправедливо, очищаютъ грѣхи и доставляютъ праведность. Такъ велика отъ нихъ польза для тѣхъ, которые переносятъ ихъ мужественно!

5. Итакъ, если ни лишеніе богатства, ни клеветы и злословія, ни изгнаніе, ни болѣзни и страданія, ни самая смерть, которая кажется всего страшнѣе, не причиняютъ вреда испытывающимъ это, но еще приносятъ пользу, — то отъ чего, укажи мнѣ, можетъ кто-нибудь потерпѣть вредъ, когда отъ этого онъ не терпитъ никакого вреда? Напротивъ я постараюсь доказать, что тѣ особенно и терпятъ вредъ, испытываютъ мученія и неисцѣльно страждутъ, которые причиняютъ это другимъ. Кто можетъ быть несчастнѣе Каина, который такъ поступилъ съ братомъ? Кто жалче жены Филипповой, которая отсѣкла у Іоанна голову, или — братьевъ Іосифа, которые продали его и удалили за предѣлы отечества? Кто несчастнѣе діавола, который подвергъ Іова такимъ бѣдствіямъ? Вѣдь онъ не только за прочія дѣла, но и за это злоумышленіе понесетъ великую казнь. Видишь ли, какъ и здѣсь слово наше показало больше обѣщаннаго, т. е. что не только угнетаемые не терпятъ никакого вреда отъ злоумышленниковъ, но даже все обращается на голову злоумышляющихъ? Подлинно, если не богатство, и не свобода, и не жизнь въ отечествѣ, и не другое что-нибудь изъ вышесказаннаго составляетъ достоинство человѣка, а добродѣтели души, то слѣдуетъ, что когда вредъ касается тѣхъ благъ, то человѣческое достоинство нисколько не терпитъ вреда. А что, если бы кто-нибудь лишился душевнаго любомудрія? И въ этомъ случаѣ, получая вредъ, онъ терпитъ его не отъ другого, а собственно самъ отъ себя. Какъ, скажешь, собственно самъ отъ себя? Когда онъ, испытывая отъ кого-нибудь бичеваніе, или отнятіе имущества, или иное тяжкое притѣсненіе, произнесетъ богохульное слово, то здѣсь онъ терпитъ вредъ и вредъ весьма великій, но не отъ притѣснителя, а отъ собственнаго малодушія. Я и прежде говорилъ, и теперь скажу: никакой чело-

вѣкъ, хотя бы онъ былъ тысячекратно золъ, не можетъ ни на кого напасть свирѣпѣе и съ большею яростію, нежели злой бѣсъ и непримиримый врагъ нашъ діаволъ,—однако и этотъ злой бѣсъ не могъ преодолѣть и низложить человѣка, жившаго прежде закона и прежде благодати, хотя со всѣхъ сторонъ пускалъ въ него столько язвительныхъ стрѣлъ. Таково благородство души! А Павелъ? Не потерпѣлъ ли онъ столько бѣдствій, что и исчислить трудно? Онъ жилъ въ темницахъ, былъ окованъ цѣпями, водимъ съ мѣста на мѣсто, терпѣлъ бичеванія отъ іудеевъ, былъ побиваемъ камнями, былъ терзаемъ по спинѣ не только ремнями, но и жезлами, тонулъ въ морѣ, часто попадалъ въ руки разбойниковъ, терпѣлъ гоненіе отъ единоземцевъ, непрестанно былъ поражаемъ врагами и знакомыми, подвергался безчисленнымъ злоумышле- 466
ніямъ, боролся съ голодомъ и наготою, и другія постоянныя и непрестанныя переносилъ бѣдствія и скорби. Но что говорить много? Онъ умиралъ каждодневно, и однако, перенося столько и такихъ бѣдствій, онъ не только не произнесъ ни одного богохульнаго слова, но радовался и хвалился этимъ. Въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ: *радуюся во страданіихъ моихъ* (Кол. I, 24); въ другомъ: *не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ* (Рим. V, 3). Если же онъ при такихъ страданіяхъ радовался и хвалился, то какое извиненіе, какое оправданіе будешь имѣть ты, когда не переносишь и малѣйшей части ихъ, а богохульствуешь?

6. Но, скажешь, инымъ образомъ я терплю вредъ, — тѣмъ, что, если не богохульствую, то, лишившись богатства, дѣлаюсь несостоятельнымъ для подаванія милостыни. Это — предлогъ и отговорка! Если ты объ этомъ скорбишь, то твердо знай, что бѣдность не бываетъ препятствіемъ милостынѣ. Хотя бы ты былъ тысячекратно бѣденъ, все же ты не бѣднѣе той, которая имѣла только горсть муки (3 Цар. XVII, 12), и той, у которой было только двѣ лепты (Лук. XXI, 2), изъ которыхъ та и другая, издержавъ все свое имѣніе на бѣдныхъ, удостоились дивной похвалы; и великая бѣдность не была препятствіемъ столь великому человѣколюбію, но милостыня, состоявшая изъ двухъ лептъ, была такъ богата и значительна, что затмила всѣхъ богачей, и богатствомъ расположенія и избыткомъ усердія превзошла тѣхъ, которые клали много статировъ [1]). Слѣдовательно и здѣсь ты не терпишь вреда, но еще большую получаешь пользу, чрезъ малое приношеніе пріобрѣтая вѣнцы болѣе блистательные въ сравненіи съ тѣми, которые положили много. Впрочемъ, хотя бы тысячу разъ мы говорили это, плотолюбивыя души, любящія житейскія удовольствія

[1]) Статиръ — монета въ четыре драхмы, около одного рубля.

и пристрастившіяся къ настоящимъ благамъ, не легко согласятся оставить эти увядающіе цвѣты (таковы пріятности настоящей жизни) и не рѣшатся оставить эти тѣни, но даже лучшіе изъ людей стремятся за тѣми и другими благами, а несчастнѣйшіе и жалкіе большею частію гоняются за здѣшними благами, а за тамошними — весьма мало. Сорвемъ же блестящую и благовидную маску съ гнуснаго и безобразнаго лица этихъ предметовъ и покажемъ мерзость блудодѣйцы. Вѣдь такова именно жизнь, провождаемая въ сластолюбіи, сребролюбіи и честолюбіи: она гнусна, безобразна, исполнена великой мерзости, непріятна, тягостна и полна горечи. Подлинно, плѣнившіеся ею совершенно лишены извиненія особенно потому, что для нихъ любезна и вожделѣнна эта жизнь, исполненная непріятностей и великой горечи, состоящая изъ безчисленныхъ золъ, опасностей, кровопролитій, пропастей, подводныхъ камней, убійствъ, страха, трепета, зависти, ненависти, коварства, и непрестанныхъ безпокойствъ и заботъ, не доставляющая никакой пользы и не приносящая никакого плода отъ такихъ бѣдствій, кромѣ мученія, наказанія и вѣчнаго страданія. Не смотря на то, что она такова, многимъ она кажется блаженною и вожделѣнною, что впрочемъ служитъ знакомъ безумія плѣняющихся, а не блаженства самаго обладанія ею. Такъ и малыя дѣти гоняются за игрушками и восхищаются ими, а о предметахъ, свойственныхъ совершеннолѣтнимъ, и понятія имѣть не могутъ. Но для тѣхъ извиненіемъ служитъ несовершенный возрастъ, а эти не имѣютъ никакого оправданія, имѣя дѣтскій умъ въ совершенномъ возрастѣ и поступая даже безсмысленнѣе дѣтей.

467 А почему, скажи мнѣ, вожделѣнно богатство? О немъ надо мнѣ начать рѣчь, потому что оно для многихъ, зараженныхъ этою жестокою болѣзнію, кажется драгоцѣннѣе и здоровья, и жизни, и народной похвалы, и добраго мнѣнія, и отечества, и домашнихъ, и друзей, и родныхъ, и всего прочаго. До самыхъ облаковъ достигаетъ пламя этого костра, и сушу и море обнялъ огонь этой печи. Никто не тушитъ этого пламени, а раздуваютъ всѣ, какъ тѣ, которые уже плѣнены, такъ и тѣ, которые еще не плѣнены, чтобъ быть плѣненными. Каждый можетъ видѣть, какъ всѣ, и мужчина и женщина, и рабъ и свободный, и богатый и бѣдный, каждый по своимъ силамъ, день и ночь несутъ бремя, доставляющее великую пищу этому огню, бремя не дровъ и хвороста (не таковъ этотъ пламень), но душъ и тѣлъ, неправды и беззаконія. Именно этимъ обыкновенно поддерживается такой пламень. Богатые никогда не оставляютъ этой безумной страсти, хотя бы овладѣли всею вселенною, и бѣдные стараются сравняться съ ними, и какое-то неисцѣлимое соревнованіе, необузданное бѣшенство и неизлѣчимая болѣзнь

объемлетъ души всѣхъ. Всякую другую любовь преодолѣла эта любовь и изгнала вонъ изъ души; не смотрятъ ни на дружбу, ни на родство, — что я говорю: дружбу и родство? — даже на жену и дѣтей, любезнѣе которыхъ ничего не можетъ быть для мужей; но все брошено и попрано, потому что эта жестокая и безчеловѣчная владычица овладѣла душами всѣхъ плѣненныхъ. Подлинно она, какъ безчеловѣчная владычица, какъ жестокая госпожа, какъ свирѣпый варваръ, какъ всенародная и жадная блудница, срамитъ, терзаетъ и безчисленнымъ подвергаетъ опасностямъ и мученіямъ тѣхъ, которые отдались ей въ рабство; но сколь она ни страшна и сурова, сколь ни груба и свирѣпа, хотя имѣетъ лице варварское, или, вѣрнѣе, звѣрское и свирѣпѣе, чѣмъ у волка и льва, для плѣненныхъ ею она кажется кроткою, любезною и слаще меда. Она ежедневно куетъ на нихъ мечи и оружіе, роетъ пропасти, влечетъ ихъ къ безднамъ, стремнинамъ и подводнымъ камнямъ и сплетаетъ для нихъ безчисленныя сѣти мученія; а между тѣмъ и плѣнники ея и желающіе быть плѣнниками думаютъ, будто она дѣлаетъ ихъ счастливыми. Какъ свинья, валяясь въ нечистотѣ и грязи, утѣшается и услаждается, равно какъ и жуки, непрестанно копающіеся въ навозѣ, — такъ точно и преданные сребролюбію бываютъ несчастнѣе этихъ животныхъ: мерзость здѣсь больше и грязь зловоннѣе. Предаваясь страсти, они думаютъ получить отъ того великое удовольствіе,—что́ зависитъ не отъ свойства самаго предмета, но отъ души, страждущей такимъ безуміемъ. А это хуже скотскаго безумія. Какъ причиною того, что животныя остаются въ грязи и навозѣ, бываетъ не грязь и навозъ, а безсмысліе попадающихъ туда житотныхъ, — такъ разсуждай и объ людяхъ.

7. Но какъ исцѣлить намъ такихъ людей? Для этого нужно, чтобы они захотѣли открыть намъ слухъ свой и расположили умъ свой къ принятію словъ нашихъ. Безсловесныхъ животныхъ невозможно исправить и отклонить отъ нечистой жизни, потому 468
что они безъ разума; а благороднѣйшихъ существъ, одаренныхъ и разумомъ и словомъ, т. е. людей, если они захотятъ, удобно и весьма легко можно отклонить отъ этой грязи, зловонія, нечистоты и мерзости. Почему тебѣ, человѣкъ, богатство кажется драгоцѣннымъ? Конечно, по удовольствію, получаемому отъ трапезъ? По чести и множеству слугъ, угождающихъ тебѣ за него? Потому, что ты можешь отмщать оскорбляющимъ тебя и быть для всѣхъ страшнымъ? Другихъ причинъ представить ты не можешь, кромѣ удовольствія, лести, страха и мщенія, потому что обыкновенно богатство отнюдь не дѣлаетъ никого ни мудрѣе, ни цѣломудреннѣе, ни смиреннѣе, ни благоразумнѣе, не дѣлаетъ ни добрымъ, ни человѣколюбивымъ, не ставитъ выше ни гнѣва,

ни чрева, ни удовольствій, не учитъ ни умѣренности, ни смиренію, и никакой другой добродѣтели не вселяетъ и не насаждаетъ въ душѣ. Ты не можешь сказать, чтобы ты искалъ и желалъ его по какой-нибудь изъ этихъ причинъ, потому что оно не только не способно насаждать или возращать что-нибудь доброе, но если даже найдетъ добро, уже находящееся въ человѣкѣ, то повреждаетъ, останавливаетъ и изсушаетъ его; а иное и вовсе истребляетъ и вноситъ противное тому, — безмѣрное невоздержаніе, непристойную раздражительность, несправедливый гнѣвъ, гордость, надменность, безуміе. Впрочемъ, не буду говорить объ этомъ, потому что страждующіе такою болѣзнію, всецѣло предавшись наслажденію и сдѣлавшись его рабами, не терпятъ слушать о добродѣтели и порокѣ и видѣть себя въ то же время осуждаемыми и обличаемыми. Оставимъ же рѣчь объ этомъ и поставимъ на видъ другое; посмотримъ, доставляетъ ли богатство какое-нибудь удовольствіе или какую-нибудь честь. Я вижу все противное. И во-первыхъ, если хотите, обратимъ вниманіе на трапезы богатыхъ и бѣдныхъ, и спросимъ вкушающихъ: кто изъ нихъ особенно получаетъ чистое и истинное удовольствіе? Тѣ ли, которые цѣлый день возлежатъ на скамьяхъ, соединяютъ ужины съ обѣдами, переполняютъ чрево, притупляютъ чувства, чрезмѣрною тяжестію снѣдей погружаютъ свою ладью и обременяютъ свой корабль, потопляя свое тѣло, какъ бы при кораблекрушеніи, связываютъ себѣ и ноги, и руки, и языкъ, и все тѣло свое цѣпями пьянства и пресыщенія, которыя тяжелѣе желѣзныхъ цѣпей, не имѣютъ надлежащаго и чистаго сна, бываютъ не свободны отъ страшныхъ сновидѣній, дѣлаются несчастнѣе бѣснующихся, произвольно принимая въ душу какого-то бѣса, становятся посмѣшищемъ для рабовъ, или, лучше, предметомъ сожалѣнія и слезъ для самыхъ кроткихъ изъ нихъ, не узнаютъ никого изъ присутствующихъ, не могутъ ничего ни сказать, ни выслушать, но переносятся на рукахъ другими со скамьи на постель? Или тѣ, которые трезвы и бодрственны, опредѣляютъ мѣру (ѣды и питья) нуждою, плывутъ по попутному вѣтру, и величайшее услажденіе пищею и питьемъ находятъ въ голодѣ и
469 жаждѣ? Вѣдь ничто не доставляетъ такого удовольствія и здоровья, какъ то, чтобы приниматься за пищу и питье при голодѣ и жаждѣ, сытость измѣрять одною нуждою, не преступать ея предѣловъ и не обременять тѣла сверхъ его силы.

8. Если ты не вѣришь словамъ моимъ, то посмотри на тѣло тѣхъ и другихъ и на душу каждаго изъ нихъ. Не у тѣхъ ли, которые живутъ умѣренно (не указывай мнѣ на рѣдкіе случаи, когда кто-нибудь бываетъ слабъ здоровьемъ по какому-либо дру-

гому обстоятельству, но суди потому, что происходитъ всегда и непрестанно), — не у тѣхъ ли, которые живутъ умѣренно, тѣло здорово, чувства свѣтлы и съ великою легкостію исполняютъ свое дѣло, а у неумѣренныхъ оно слабо, мягче всякаго воска и подвержено множеству болѣзней? У нихъ скоро является и подагра, и непріятное трясеніе тѣла, и безвременная старость, и головныя боли, и разслабленіе и разстройство желудка, и потеря аппетита, и непрестанно они нуждаются во врачахъ, въ постоянныхъ лѣкарствахъ и въ каждодневномъ лѣченіи. Это ли, скажи мнѣ, удовольствіе? Кто такъ назоветъ это изъ тѣхъ, которые знаютъ, что такое удовольствіе? Удовольствіе бываетъ тогда, когда удовлетвореніе слѣдуетъ за аппетитомъ; если же удовлетвореніе дѣлается, а аппетита вовсе нѣтъ, то удовольствіе теряется и исчезаетъ. Поэтому-то больные, хотя бы предъ ними лежала пріятнѣйшая пища, съ отвращеніемъ и какъ бы съ непріятностію вкушаютъ ее, потому что у нихъ нѣтъ аппетита, который дѣлаетъ удовлетвореніе пріятнымъ. Вѣдь не свойство пищи и питія, но аппетитъ вкушающихъ обыкновенно производитъ желаніе и доставляетъ удовольствіе. Поэтому и одинъ добрый мужъ, точно знавшій удовольствія и умѣвшій судить объ этомъ, говорилъ: *душа въ сытости сущи, сотамъ ругается* (Прит. XXVII, 7), выражая, что не въ свойствѣ трапезы, но въ расположеніи вкушающихъ состоитъ удовольствіе. Поэтому и пророкъ, исчисляя чудеса, бывшія въ Египтѣ и въ пустынѣ, между прочимъ, сказалъ, что *Богъ отъ камене меда насыти ихъ* (Пс. LXXX, 17), хотя нигдѣ не видно, чтобы камень источалъ для нихъ медъ. Что же значатъ эти слова? Такъ какъ евреи, утомившись отъ труда и путешествія и сильно мучась жаждою, припадали къ холоднымъ струямъ, получая великое наслажденіе вслѣдствіе жажды, то онъ, желая представить это удовольствіе отъ питья воды, назвалъ воду медомъ не потому, чтобы она перемѣнилась въ медъ, но потому, что пріятность воды равнялась его сладости, такъ какъ пившіе воду приступали тогда къ ней съ жаждою. Если же это такъ, и никто не можетъ противорѣчить этому, хотя бы онъ былъ самый безсмысленный, то не очевидно ли, что при трапезахъ бѣдныхъ бываетъ чистое, истинное и великое удовольствіе, а при трапезахъ богатыхъ непріятность, отвращеніе, омерзеніе, и, какъ сказалъ мудрый мужъ, *и сладкая горьку являются* (Прит. XXVII, 7)?

9. Но, богатство, скажешь, доставляетъ уваженіе имѣющимъ его и удобство мстить врагамъ. Итакъ потому, скажи мнѣ, богатство кажется любезнымъ и вожделѣннымъ для васъ, что оно питаетъ въ насъ сильнѣйшія страсти, приводитъ въ дѣйствіе 470
гнѣвъ, поднимаетъ славолюбіе до высочайшей степени, надме-

ваетъ и доводитъ до безумія? Но потому особенно и нужно, не оглядываясь, бѣжать отъ него, что оно вселяетъ въ умъ нашъ нѣкоторыхъ дикихъ и свирѣпыхъ звѣрей, лишаетъ истиннаго уваженія у всѣхъ, а доставляетъ обманутымъ иного рода уваженіе, подкрашенное только его красками, и заставляетъ считать это уваженіе истиннымъ, хотя оно по свойству своему не таково, а только по виду кажется такимъ. Подобно тому, какъ произведенная притираніями и прикрасами красота непотребныхъ женщинъ, не составляя красоты, представляетъ для обольщающихся гнусное и безобразное лице хорошимъ и благообразнымъ, хотя оно на самомъ дѣлѣ не хорошо, — такъ точно и богатство заставляетъ принимать лесть за уваженіе. Не смотри же на похвалы, произносимыя открыто изъ страха и ласкательства,—это краски и прикрасы; но вникни въ совѣсть каждаго, кто такъ льститъ тебѣ, и увидишь тысячи обвинителей, которые внутренно говорятъ противъ тебя, отвращаются и ненавидятъ тебя болѣе, нежели злые враги и непріятели. Если бы когда-нибудь случившаяся перемѣна обстоятельствъ сняла и обличила эту, изъ страха составленную, маску, какъ солнце жаркими лучами своими обнаруживаетъ тѣ лица,—тогда ты ясно увидѣлъ бы, что ты во все прежнее время былъ въ крайнемъ неуваженіи у своихъ угодниковъ и считалъ себя почитаемымъ отъ тѣхъ, которые весьма ненавидятъ тебя, осыпаютъ тебя въ мысляхъ своихъ безчисленными злословіями и желаютъ видѣть тебя въ крайнихъ бѣдствіяхъ. И ничто не доставляетъ такого уваженія, какое доставляетъ добродѣтель, уваженіе не вынужденное, уваженіе не притворное и не прикрытое какою-либо маскою обмана, но истинное, искреннее, и не измѣняемое никакими трудными обстоятельствами.

10. Ты хочешь отмстить оскорбившимъ тебя? Но поэтому самому, какъ я уже сказалъ, особенно и нужно избѣгать богатства. Оно обыкновенно заставляетъ тебя поднимать мечъ противъ себя самого, подвергаетъ тебя строжайшему суду въ будущемъ и приготовляетъ невыносимыя наказанія. Мщеніе есть столь великое зло, что и Божіе человѣколюбіе прекращалось отъ него и уже данное прощеніе въ безчисленныхъ грѣхахъ чрезъ него отмѣнялось. Такъ тотъ, которому прощено было десять тысячъ талантовъ и за простую просьбу дарована была столь великая милость, когда сталъ требовать отъ подобнаго себѣ раба сто динаріевъ, т. е. сталъ требовать наказанія за проступки въ отношеніи къ нему, то жестокостію къ своему товарищу произнесъ приговоръ противъ себя самого; и не за другое что-нибудь, а только за это онъ и преданъ былъ мучителямъ, и былъ наказанъ,

и долженъ былъ уплатить множество талантовъ, и никакого не получилъ прощенія и оправданія, но потерпѣлъ жесточайшія мученія, и повелѣно было взыскать съ него весь долгъ, который прежде человѣколюбіе Божіе простило ему. Итакъ, потому ли, скажи мнѣ, богатство вожделѣнно для тебя, что оно легко ведетъ тебя къ такому грѣху? Напротивъ, поэтому-то и надо отвращаться отъ него, какъ отъ врага, непріятеля и страшнаго убійцы. Но бѣдность, скажешь, производитъ скорби, часто вынуждаетъ про- 471
износить богохульныя слова и рѣшаться на низкія дѣла. Нѣтъ, не бѣдность, а малодушіе. Такъ и Лазарь былъ бѣденъ, и весьма бѣденъ; къ бѣдности присоединялась болѣзнь, которая, будучи горше всякой бѣдности, дѣлала эту бѣдность еще несноснѣе; къ болѣзни — еще безпомощное состояніе и неимѣніе благодѣтелей, которыя дѣлали и бѣдность и болѣзнь еще болѣе горькими. Каждое изъ этихъ бѣдствій и само по себѣ мучительно, а когда нѣтъ и благодѣтелей, то бѣдствіе становится еще больше, пламень сильнѣе, боль мучительнѣе, буря свирѣпѣе, волненіе страшнѣе, печь жарче. Если же вникнуть точнѣе, то прибавится къ этому и четвертое бѣдствіе,—невоздержаніе и роскошь жившаго въ сосѣдствѣ богача. Если желаешь найти что-нибудь и пятое къ усиленію пламени, то ясно увидишь, что и это находилось у него. Вѣдь богачъ не только роскошествовалъ, но видѣлъ дважды, трижды, или вѣрнѣе многократно въ день (Лазаря),—такъ какъ онъ лежалъ у двери, представляя жалкое зрѣлище несчастія, и однимъ видомъ могъ бы смягчить даже каменную душу,—и не смотря на это, богачъ, по своему безчеловѣчію, не склонялся на помощь бѣдному, а самъ имѣлъ сибаритскую трапезу, полныя чаши, обильно разливаемое вино, блестящія толпы поваровъ, тунеядцевъ и льстецовъ съ самаго утра, и хоры поющихъ, (толпы) виночерпіевъ и смѣхотворцевъ; измышлялъ всякаго рода невоздержаніе, пьянствовалъ и пресыщался, роскошествовалъ и въ одеждѣ, и въ трапезѣ, и во многомъ другомъ, проводя такъ все время; а объ этомъ бѣдномъ и не думалъ, видя каждый день, какъ онъ мучится отъ сильнаго голода, отъ тяжкой болѣзни, отъ множества ранъ, отъ безпомощнаго состоянія и происходящихъ отсюда золъ. Тунеядцы и льстецы лопались отъ пресыщенія, а бѣднякъ, столь бѣдный и столь много страдавшій, не получалъ даже крупицъ отъ трапезы, при всемъ своемъ желаніи; и однако все это нисколько не причинило ему вреда; онъ не выразилъ негодованія, не произнесъ богохульнаго слова, но какъ золото, очищаясь въ сильнѣйшемъ огнѣ, болѣе свѣтлѣетъ, такъ и онъ, объятый страданіями, стоялъ выше всего—и страстей и происходящихъ отсюда у многихъ огорченій. Если просто бѣдные, взирая на богатыхъ,

терзаются завистію, и мучатся ненавистію, и жизнь свою считаютъ не жизнію, имѣя притомъ въ достаточной мѣрѣ необходимую пищу и благодѣтелей; то этотъ бѣднякъ, будучи бѣденъ такъ, какъ никто другой, и не только бѣденъ, но и боленъ, и не имѣя никакого благодѣтеля и утѣшителя, но лежа среди города какъ бы въ самой безлюдной пустынѣ, истаевая отъ сильнѣйшаго голода и видя, что у богача все льется какъ изъ источниковъ, а онъ не получаетъ никакого человѣческаго утѣшенія, но служитъ постоянною трапезою для языковъ собакъ (тѣло его было такъ дрябло и разслаблено, что онъ не могъ отгонять и ихъ),—
472 чего бы не потерпѣлъ, если бы не былъ весьма мужественъ и любомудръ? Видишь ли, что кто самъ себѣ не дѣлаетъ вреда, тотъ не терпитъ ничего худого, хотя бы всѣ оскорбляли его? Я опять повторяю тѣ же слова.

11. Подлинно, какой вредъ причинили этому ратоборцу болѣзнь, неимѣніе благодѣтелей, нападеніе псовъ, худое сосѣдство богача, великая роскошь его, надменность и гордость? Сдѣлался ли онъ отъ того слабѣе въ подвигахъ добродѣтели? Поколебалась ли твердость его? Нисколько; напротивъ, такое множество бѣдствій и такая жестокость богача еще болѣе укрѣпили его, сдѣлались поводомъ къ безчисленнымъ для него вѣнцамъ, умножили награды, усугубили воздаяніе, послужили къ большему возмездію. Онъ увѣнчанъ не за бѣдность только, и не за голодъ, и не за раны, и не за лизаніе псовъ; но за то, что, имѣя такого сосѣда, который каждодневно видѣлъ его и постоянно презиралъ его, онъ переносилъ мужественно и съ великимъ терпѣніемъ это искушеніе, не мало, но весьма много усиливавшее и бѣдность, и болѣзнь, и безпомощное его состояніе.

А что было, скажи мнѣ, съ блаженнымъ Павломъ? Ничто не препятствуетъ опять упомянуть объ этомъ мужѣ. Не безчисленное ли принялъ онъ множество испытаній? А какой потерпѣлъ вредъ? Не за то ли особенно онъ и увѣнчанъ, что терпѣлъ голодъ, страдалъ отъ холода и наготы, многократно подвергался бичеваніямъ, былъ побиваемъ камнями и утопалъ? Но Павелъ, скажешь, былъ избранникъ Христовъ. И Іуда былъ въ числѣ двѣнадцати учениковъ, и онъ былъ призванъ Христомъ; но ни то, что онъ былъ въ числѣ двѣнадцати, ни самое призваніе не принесло ему пользы, такъ какъ онъ не имѣлъ сердца, расположеннаго къ добродѣтели. Павелъ, и борясь съ голодомъ, и не имѣя необходимой пищи, и столь много каждодневно претерпѣвая бѣдствій, съ великою бодростью пробѣгалъ путь, ведущій на небо; а Іуда, будучи призванъ еще прежде него, пользуясь тѣмъ же, чѣмъ и онъ, будучи посвященъ въ

таинства вышней мудрости, пріобщившись священной трапезы и страшной вечери, получивъ такую благодать, что могъ воскрешать мертвыхъ, очищать прокаженныхъ и изгонять бѣсовъ, многократно слыша ученіе о нестяжательности, столько времени обращаясь съ самимъ Христомъ и имѣя ввѣренныя ему деньги бѣдныхъ, чтобы этимъ онъ укрощалъ свою страсть (такъ какъ онъ былъ воръ), — при всемъ томъ не сдѣлался лучшимъ, хотя пользовался такимъ снисхожденіемъ. Христосъ, зная, что онъ сребролюбивъ и по любви къ деньгамъ погибнетъ, не только не наказалъ его тогда за это, но, дабы укротить его страсть, ввѣрилъ ему и деньги для бѣдныхъ, чтобы онъ, имѣя чѣмъ насытить свое корыстолюбіе, не впалъ въ страшную пропасть, меньшимъ зломъ отвращая большее.

12. Такъ вездѣ тому, кто самъ себѣ не хочетъ сдѣлать вреда, никто другой не можетъ повредить; и напротивъ, кто не хочетъ бодрствовать и исполнять должное съ своей стороны, тому никогда никто не доставитъ пользы. Поэтому и дивная исторія Писаній, какъ бы на какой высокой, великой и широкой картинѣ, описываетъ для тебя жизнь древнихъ, продолжая повѣство- 473
ваніе отъ Адама до пришествія Христова, и представляетъ тебѣ какъ падавшихъ, такъ и увѣнчанныхъ, дабы всячески вразумить тебя, что тому, кто самъ себѣ не дѣлаетъ вреда, никто другой повредить не можетъ, хотя бы вся вселенная подняла противъ него жестокую войну. Ни затруднительность обстоятельствъ, ни перемѣны времени, ни угнетенія сильныхъ, ни тучи злоумышленій, ни множество несчастій, ни совокупность всѣхъ человѣческихъ бѣдствій не можетъ ни мало поколебать мужественнаго, внимательнаго и бдительнаго человѣка; напротивъ, нерадиваго, безпечнаго, не заботящагося о самомъ себѣ ничто не сдѣлаетъ лучшимъ, хотя бы употреблены были тысячи пособій. То же показываетъ намъ и притча о тѣхъ людяхъ, изъ которыхъ одинъ построилъ домъ свой на камнѣ, а другой на пескѣ (Матѳ. VII, 24 и сл.); это не для того, чтобы мы представляли песокъ и камень, или строеніе изъ камней и кровлю, или рѣки и дождь, и сильные вѣтры, устремляющіеся на зданія, но чтобы отъ нихъ умозаключали о добродѣтели и порокѣ, и видѣли отсюда, что, кто не вредитъ самому себѣ, тому никто не сдѣлаетъ вреда. Итакъ ни порывисто падавшій дождь, ни рѣки, стремившіяся съ великою быстротою, ни жестокіе вѣтры, ударявшіе съ сильнымъ порывомъ, нисколько не поколебали того дома, но онъ остался твердымъ и неподвижнымъ, дабы ты зналъ, что кто не выдаетъ самъ себя, того никакое испытаніе поколебать не можетъ. А домъ другого скоро обрушился не отъ силы испытаній (иначе и съ

другимъ было бы то же),—но отъ собственнаго безумія (строителя); онъ палъ не потому, что подулъ вѣтеръ, но такъ случилось съ нимъ потому, что онъ былъ построенъ на пескѣ, т. е. на нерадѣніи и злѣ. Вѣдь онъ еще и ранѣе, нежели буря устремилась на него, былъ слабъ и готовъ къ паденію. Такія зданія, хотя бы никто не трогалъ ихъ, сами собою разрушаются, потому что основаніе ихъ расторгается и совершенно разсыпается. Какъ паутина сама собою разрывается, хотя бы никто не прикасался къ ней, а адамантъ и подъ ударами остается цѣлымъ,—такъ точно и тѣ, которые не вредятъ сами себѣ, хотя бы испытывали безчисленное множество ударовъ, становятся болѣе твердыми; а предающіе самихъ себя, хотя бы никто не трогалъ ихъ, сами собою увлекаются, теряются и погибаютъ. Такъ погибъ Іуда, который не только не подвергался никакому подобному испытанію, но и пользовался великимъ попеченіемъ (Господа).

13. Хочешь ли, я покажу тебѣ, какъ оправдываются эти слова и на цѣлыхъ народахъ? Какого народъ іудейскій удостоился промышленія? Не вся ли видимая тварь готова была на служеніе іудеямъ? Не новый ли и необыкновенный былъ у нихъ образъ жизни? Они не посылали на рынокъ, и пользовались съѣстными припасами, не тратя серебра, ни бороздъ не проводили, ни плуга не влачили, ни земли не воздѣлывали, ни сѣмянъ не бросали, ни въ дождяхъ не имѣли нужды, ни въ вѣтрахъ, ни во временахъ года, ни въ лучахъ солнца, ни въ теченіи луны, ни въ благораствореніи воздуха, ни въ другомъ чемъ-нибудь подобномъ, ни гумна не готовили, ни хлѣба не молотили, ни въ вѣяніи не нуждались для отдѣленія зеренъ отъ плевелъ, ни жер-
474 showing новъ не вращали, ни сушильни не строили, ни дровъ и огня не приносили въ домъ, ни въ искусствѣ печенія хлѣба не нуждались, ни заступа не брали въ руки, ни серпа не точили и ни въ другомъ какомъ-нибудь художествѣ не имѣли нужды, напримѣръ въ тканіи, зодчествѣ или шитьѣ обуви, но все доставляло имъ слово Божіе. Они имѣли трапезу готовую, безъ пота и трудовъ,—таково было свойство манны; она была всегда нова, свѣжа, не причиняла имъ никакихъ хлопотъ и не изнуряла трудомъ. Даже одежды у нихъ, и обувь, и самое тѣло не подвергались свойственной имъ тлѣнности; въ такое продолжительное время одежда ихъ не износилась, и ноги ихъ не покрылись мозолями, хотя они ходили столь много. О врачахъ и лѣкарствахъ, или о чемъ-нибудь другомъ, относящемся къ этому искусству, они и не вспоминали, такъ далека была отъ нихъ всякая болѣзнь! *Изведе ихъ*, говоритъ Писаніе, *съ сребромъ и златомъ, и не бѣ въ колѣнахъ ихъ боляй* (Псал. civ, 37). Они такъ ѣли и такъ пили,

какъ бы оставили этотъ міръ и переселились въ другую лучшую вселенную; и пламеннѣйшіе лучи солнца не поражали головъ ихъ, потому что пламень затѣняло облако, которое вездѣ висѣло надъ ними и, передвигаясь, служило покровомъ для всего народа. И во время ночи они не имѣли нужды въ свѣтильникѣ, который бы разсѣевалъ тьму, но столпъ огненный былъ для нихъ источникомъ неизреченнаго свѣта, доставляя имъ двѣ услуги,— и освѣщая, и указывая имъ путь; онъ не только свѣтилъ, но точнѣе всякаго путеводителя водилъ этотъ многочисленный народъ по пустынѣ. Ходили же они не только по сушѣ, но и по морю, какъ по сушѣ, преодолѣвали предѣлы природы, пѣшествуя по страшному морю, какъ бы по твердому и крѣпкому камню. Когда эта стихія находилась у нихъ подъ ногами, тогда она была подобна сушѣ, ровнымъ полямъ и нивамъ; а когда вступили въ нее враги, тогда она оказала дѣйствія, свойственныя морю; для нихъ была колесницею, а для непріятелей ихъ — гробомъ; тѣхъ съ легкостію переправляла, а этихъ съ великою свирѣпостію потопляла. Безпорядочные потоки водъ оказывали порядокъ и покорность, свойственныя людямъ разумнымъ и мудрымъ, исполняя должность то стража, то палача, въ одинъ и тотъ же день обнаруживая противоположныя дѣйствія. А что сказать о камняхъ, которые источали потоки водъ? Что о тучахъ птицъ, которыя множествомъ своихъ тѣлъ покрывали всю землю? Что о чудесахъ, бывшихъ въ Египтѣ и въ пустынѣ? Что о трофеяхъ и побѣдахъ, совершенныхъ безъ пролитія крови? Вѣдь они, какъ бы играя, а не воюя, побѣждали противниковъ. И надъ властителями своими (египтянами) они одержали верхъ безъ оружія, и сражавшихся съ ними по исшествіи изъ Египта преодолѣвали при звукахъ трубъ и пѣніи, такъ что эти дѣйствія были болѣе ликованіемъ, нежели войною, болѣе церемоніей [1]), нежели сраженіемъ. Подлинно, всѣ эти чудеса были не для того только, чтобы сдѣлать нужное для нихъ, но чтобы они точнѣе сохранили и ученіе о богопознаніи, которое преподалъ имъ Моисей. Отвсюду раздавались голоса, возвѣщавшіе о Господѣ. Объ этомъ возвѣщало море, то дѣлаясь проходимымъ для пѣшихъ, то становясь 475
опять моремъ; и струи Нила гласили то же, измѣняясь въ кровь; и жабы, и рои саранчи, и скнипы, и зараза говорили это всему народу; и чудеса въ пустынѣ, и манна, и столпъ, и облако, и перепелы, и все прочее было для нихъ тогда вмѣсто книги и письменъ, никогда не изглаждаемыхъ, постоянно каждый

[1]) Μυσταγωγία — тайноводство, посвященіе въ тайны, церемонія.

день служа имъ напоминаніемъ и отзываясь въ сердцѣ ихъ. Однако, послѣ такого о нихъ промышленія, послѣ несказанныхъ благодѣяній, послѣ великихъ чудесъ, послѣ неизреченнаго попеченія, послѣ непрестаннаго ученія, послѣ внушенія словами, послѣ убѣжденія дѣлами, послѣ знаменитыхъ побѣдъ, послѣ славныхъ трофеевъ, послѣ обилія трапезы, послѣ избытка воды, послѣ неизъяснимой славы, какою были отличены предъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, они были неблагодарны и безчувственны, поклонились тельцу, стали служить головѣ вола, и искали себѣ боговъ, тогда какъ имѣли въ свѣжей памяти совершенныя въ Египтѣ благодѣянія Божіи и пользовались отъ Него еще многимъ и другимъ.

14. Напротивъ, ниневитяне, народъ варварскій и иноплеменный, не удостоившійся ничего такого, ни малаго, ни великаго, ни ученія, ни чудесъ, ни дѣлъ, ни словъ, какъ только увидѣли человѣка, спасшагося отъ кораблекрушенія, который никогда прежде не бывалъ у нихъ, но въ первый разъ явился, пришелъ и сказалъ: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. III, 4), то отъ этихъ простыхъ словъ перемѣнились, исправились и, оставивъ прежнее нечестіе, обратились чрезъ покаяніе къ добродѣтели, такъ что измѣнили Божіе о нихъ опредѣленіе, поддержали колеблющійся городъ, отклонили небесный гнѣвъ и избавились отъ всякаго зла. *Видѣ Богъ*, говоритъ Писаніе, *яко возвратися кійждо отъ пути своего лукаваго, и обратишася* къ Господу (Іон. III, 9). Какъ, скажи мнѣ, обратились они? Велики были ихъ пороки, невыразимо нечестіе, неизлѣчимы раны, что̀ и пророкъ выразилъ, сказавъ: *взыде вопль злобы ихъ* до неба (Іон. I, 2), означая разстояніемъ мѣста великость ихъ пороковъ. И однако столь великое нечестіе, такъ возросшее и такъ высоко поднявшееся, что оно достигало до самаго неба, они въ три дня, въ столь краткое время, послѣ немногихъ словъ, выслушанныхъ отъ человѣка неизвѣстнаго, чужеземнаго, подвергшагося кораблекрушенію, такъ изгладили, такъ истребили, такъ удалили отъ себя, что удостоились слѣдующихъ словъ: *и видѣ Богъ, яко возратися кійждо отъ пути своегѡ лукаваго, и раскаяся Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ* (Іон. III, 10). Видишь ли, что внимательный и бдительный не только не терпитъ никакого вреда отъ людей, но отклоняетъ и небесный гнѣвъ; а кто самъ предаетъ себя и вредитъ себѣ, тотъ не много получаетъ пользы, хотя бы удостоился множества благодѣяній? Ни іудеямъ не принесло пользы такое множество чудесъ, ни ниневитянамъ не повредило то, что они не имѣли ихъ; но такъ какъ они сами были расположены къ добру, то въ короткое время сдѣла-
476 лись лучшими, хотя были варвары, иноплеменники, не слыхали

никакихъ божественныхъ глаголовъ и жили гдѣ-то далеко отъ Палестины.

15. Какой также, скажи мнѣ, вредъ причинили добродѣтелямъ трехъ отроковъ случившіяся съ ними бѣдствія? Не тогда ли, какъ они были еще молоды, и весьма молоды, въ раннемъ возрастѣ, подверглись они страшному наказанію и плѣну, были далеко отведены и, пришедши въ чужую землю, лишены и отечества, и дома, и храма, и жертвенника, и жертвъ, и приношеній, и возліяній, и самаго пѣснопѣнія? Для нихъ не только домъ ихъ былъ не доступенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разнообразные виды богослуженія. Не были ли они преданы въ варварскія руки, болѣе волкамъ, нежели людямъ, и, что всего тяжелѣе, находясь въ варварской землѣ и тягчайшемъ плѣнѣ, не имѣли ни учителя, ни пророка, ни начальника? *И нѣсть*, говорится въ Писаніи, *князя, и пророка, и вожда, ни мѣста, еже пожрети предъ Тобою, и обрѣсти милость* (Дан. III, 38). Притомъ они введены были въ царскій домъ, какъ бы на какую-нибудь скалу, и утесъ, и въ море, наполненное подводными камнями, и принуждены были плыть по этому страшному морю безъ кормчаго, безъ рулевого, безъ корабельщиковъ и безъ парусовъ, или какъ бы въ темницѣ заключены были въ царскихъ чертогахъ. Они любили мудрость, стояли выше житейскихъ дѣлъ, попрали всякую гордость человѣческую, отличались легкимъ крыломъ, и потому пребываніе тамъ считали усугубленіемъ своихъ бѣдствій. Находясь внѣ дворца, въ частномъ домѣ, они могли бы пользоваться большою свободою; а поступивъ въ эту темницу (вѣдь они считали всю тамошнюю пышность не лучше темницы, утесовъ и подводныхъ камней),—они тотчасъ встрѣтили ужасное затрудненіе. Царь повелѣлъ имъ участвовать въ собственной его трапезѣ, роскошной, нечистой и скверной; а имъ это было не позволительно и казалось тяжелѣе смерти; они оставлены были одни, какъ агнцы между множествомъ волковъ. Необходимо было или мучиться голодомъ, или идти на смертную казнь, или вкушать запрещенныя явства. Что же дѣлаютъ эти юноши,—сироты, плѣнники, пришельцы, рабы дающихъ имъ такія повелѣнія? Они не подумали, что достаточнымъ для нихъ извиненіемъ можетъ послужить необходимость и насиліе властелина города; но употребляютъ всѣ способы и усилія, чтобы избѣжать грѣха, хотя были совершенно беззащитными. Ни деньгами они не могли склонить на свою сторону,—какъ это возможно для плѣнниковъ?—ни дружбою и знакомствомъ,—какъ это возможно для пришельцевъ?—ни властію не могли заставить,—какъ это возможно для рабовъ?—ни многочисленностію преодолѣть,—какъ это возможно только для троихъ? Поэтому они пришли и стали словами убѣж-

дать того евнуха, который имѣлъ здѣсь власть. Увидѣвъ, что онъ боится, трепещетъ и заботится о собственномъ спасеніи, и непреоборимый страхъ смерти потрясаетъ душу его: *боюся азъ,* говорилъ онъ, *господина моего царя, да не когда увидитъ лица ваша уныла, паче отроковъ сверстниковъ вашихъ, и осудите главу мою царю* (Дан. I, 10), они удаляютъ отъ него это опасеніе и убѣж-
477 даютъ оказать имъ милость. И такъ какъ они сдѣлали все съ своей стороны, то и Богъ послѣ того сдѣлалъ свое: не Божіимъ только дѣломъ было то, за что они имѣли получить награду, но прежде всего это зависѣло отъ ихъ душевнаго расположенія, которое они показали доблестнымъ и твердымъ,—потому и пріобрѣли себѣ Божіе благословеніе и довершили то, чего домогались.

16. Видишь ли, что никто другой не можетъ причинить вреда тому, кто не вредитъ самъ себѣ? Вотъ, ни молодость, ни плѣнъ, ни сиротство, ни удаленіе въ чужую землю, ни одиночество, ни неимѣніе заступниковъ, ни строгое повелѣніе, ни великій страхъ смерти, стѣснявшій душу евнуха, ни бѣдность, ни малочисленность, ни пребываніе среди варваровъ, ни то, что властители были ихъ врагами, ни то, что они преданы были въ руки самого царя, ни разлука со всѣми родными, ни удаленіе отъ священниковъ и пророковъ и прочихъ, кто бы заботился о нихъ, ни неимѣніе жертвъ и возліяній, ни лишеніе храма и пѣснопѣній, и ничто подобное не причинило имъ вреда, но тогда они сдѣлались гораздо болѣе славными, нежели когда пользовались этимъ въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, совершивъ первый подвигъ, украсившись свѣтлымъ вѣнцемъ, сохранивъ законъ и въ чужой землѣ, поправъ повелѣніе тирана, побѣдивъ страхъ предъ мстителемъ, и не потерпѣвъ никакого вреда, но совершивъ это дѣло съ такою легкостію, какъ будто бы находились въ домѣ и пользовались всѣми благами, они потомъ призваны были къ другимъ подвигамъ. И опять они остались тѣми же. Имъ предстоялъ подвигъ еще труднѣе прежняго, была разжена печь и варварское войско вмѣстѣ съ царемъ вооружилось противъ нихъ; всѣ персидскія силы пришли въ движеніе и все устроено было, чѣмъ бы обольстить ихъ, или принудить: разнообразные роды музыки, различные способы мученій, угрозы, страшныя со всѣхъ сторонъ явленія и еще болѣе страшныя слова; но не смотря на то, такъ какъ они не измѣнили сами себѣ, а сдѣлали съ своей стороны все нужное, то нисколько не потерпѣли вреда, а напротивъ украсились вѣнцами, еще свѣтлѣе прежнихъ. Навуходоносоръ связалъ ихъ и бросилъ въ печь, но не причинилъ имъ вреда, а еще больше доставилъ пользы и сдѣлалъ ихъ болѣе славными. Тѣ, которые не имѣли ни храма (опять скажу то же), ни жертвенника, ни оте-

чества, ни священниковъ, ни пророковъ, въ чужой и варварской странѣ, даже среди самой печи, среди всего войска, въ глазахъ самого царя, совершавшаго это, воздвигли блистательный трофей и одержали знаменитую побѣду, воспѣвъ дивную и преславную пѣснь, которая съ того времени донынѣ поется по всей вселенной и будетъ воспѣваема въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Такъ, кто самъ себѣ не дѣлаетъ вреда, тотъ не можетъ испытать никакого вреда отъ другихъ; я не перестану постоянно повторять это изреченіе. Если плѣнъ, и рабство, и одиночество, и удаленіе отъ отечества и отъ всѣхъ родныхъ, и смерть, и сожиганіе, и столь великое войско, и столь жестокій тиранъ тремъ отрокамъ, юнымъ плѣнникамъ, рабамъ, пришельцамъ, бывшимъ въ чужой землѣ, не могли причинить никакого вреда въ собственной ихъ добродѣтели, но такое насиліе еще послужило для нихъ поводомъ къ большему дерзновенію, то что можетъ повредить человѣку бдительному? Ничто не можетъ, хотя бы вся вселенная вооружилась противъ него. Но тогда Богъ, скажешь, предсталъ имъ и избавилъ ихъ отъ пламени. Точно такъ; но если и ты сдѣлаешь все 478
съ своей стороны, то конечно вслѣдъ затѣмъ и Богъ сдѣлаетъ все съ своей стороны.

17. Впрочемъ я не потому удивляюсь этимъ отрокамъ, ублажаю ихъ и почитаю достойными подражанія, что они попрали пламень и превозмогли дѣйствіе огня, но потому, что они были связаны, брошены въ печь и преданы огню за истинное ученіе. Отъ этого произошелъ весь трофей ихъ, и какъ только они были брошены въ печь, то уже возложенъ былъ на нихъ вѣнецъ, который началъ сплетаться еще прежде исполненія дѣла, когда они, съ великою отвагою и дерзновеніемъ представъ предъ царя, говорили: *нетребѣ намъ о глаголѣ семъ отвѣщати тебѣ: есть бо Богъ нашъ на небесѣхъ, Ему же мы служимъ, силенъ изъяти насъ отъ пещи, огнемъ горящія, и отъ руку твоею избавити насъ, царю: аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и тѣлу златому, еже поставилъ еси, не кланяемся* (Дан. ш, 16—18). За эти слова я прославляю ихъ; при этихъ словахъ получивъ побѣдную награду, они пошли къ свѣтлому вѣнцу мученичества, присоединивъ къ исповѣданію на словахъ исповѣданіе на дѣлѣ. А что огонь устыдился тѣлъ ихъ, вверженныхъ въ печь, расторгъ узы ихъ, доставивъ имъ возможность свободно ходить тамъ, и забылъ о собственномъ дѣйствіи, и огненная печь сдѣлалась источникомъ прохладныхъ водъ, это уже было чудомъ Божіей благодати и вышняго чудодѣйствія. Такимъ образомъ эти ратоборцы еще прежде, нежели совершилось такое чудо, какъ только вошли въ пламень, уже воздвигли трофей, одержали побѣду, украсились

вѣнцемъ, прославились на небесахъ и на землѣ, и ничего не оста-
валось болѣе къ ихъ прославленію. Что же можешь ты ска-
зать на это? Отправленъ ли ты въ ссылку и изгнанъ изъ очече-
ства? И они также. Попалъ ли ты въ плѣнъ и подъ власть вар-
варовъ? То же, какъ видишь, было съ ними. Никого не имѣешь
ты, кто бы тамъ находился при тебѣ, помогалъ тебѣ, наставлялъ
и научалъ тебя? И они лишены были этой помощи. Тебя связали?
Тебя жгутъ? Тебя умерщвляютъ? Мучительнѣе этого ты не мо-
жешь ничего сказать; но вотъ и они, прошедши все это, послѣ
каждаго мученія дѣлались славнѣе, знаменитѣе, и собирали большее
богатство на небесахъ. Іудеи, имѣя и храмъ, и жертвенникъ, и
кивотъ, и херувимовъ, и очистилище, и завѣсу, и безчисленное
множество священниковъ, и каждодневныя службы, и жертвы ут-
реннія, и вечернія, непрестанно слушая пророковъ, живыхъ и
умершихъ, оглашавшихъ слухъ ихъ, сохраняя воспоминаніе о чу-
десахъ, бывшихъ въ Египтѣ, въ пустынѣ, и о всѣхъ прочихъ,
имѣя ихъ написанными на рукахъ своихъ и на порогахъ, испы-
тавъ великія тогдашнія чудотворенія и другія благодѣянія, не
только не получили никакой пользы, но еще получили вредъ, по-
ставивъ идоловъ въ самомъ храмѣ, закалая сыновъ своихъ и до-
черей подъ деревьями, совершая эти беззаконныя и нечестивыя
479 жертвоприношенія почти по всей странѣ Палестинской, и дѣлая
тысячи другихъ гнуснѣйшихъ дѣлъ. А отроки, находясь среди
варваровъ, въ непріятельской и враждебной землѣ, въ домѣ ти-
рана, лишенные всякаго попеченія, подвергаясь мученію и дѣй-
ствію огня, отъ этого не только не потерпѣли никакого вреда, ни
малаго, ни великаго, но еще болѣе прославились. Итакъ, зная это
и подобное тому собирая изъ боговдохновенныхъ и божественныхъ
Писаній (а много можно найти такихъ примѣровъ и на другихъ
различныхъ лицахъ),—не станемъ думать, что затруднительность
времени или обстоятельствъ, или необходимость и принужденіе,
или насиліе властителей могутъ служить для насъ достаточнымъ
оправданіемъ въ нашихъ грѣхахъ. О чемъ я вначалѣ сказалъ,
480 тѣмъ же теперь и окончу рѣчь: если кто терпитъ вредъ и обиды,
тотъ непремѣнно терпитъ самъ отъ себя, а не отъ другихъ,
хотя бы много было людей, обижающихъ и притѣсняющихъ его.
А если кто не терпитъ самъ отъ себя, то, хотя бы нападали на
него всѣ вообще жители всей земли и моря, они не могутъ при-
чинить ни малаго вреда бдительному о Господѣ и внимательному.
Будемъ же, увѣщеваю васъ, бдѣть и бодрствовать всегда и ста-
немъ мужественно переносить всѣ скорби, дабы получить намъ
вѣчныя и нетлѣнныя блага во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Ко-
торому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

къ тѣмъ, которые соблазняются происшедшими несчастіями, а также о гоненіи и бѣдствіи народа и многихъ священниковъ, и о непостижимомъ, и противъ Іудеевъ [1]).

Врачи, когда хотятъ лѣчить находящагося въ горячкѣ, 479–
или страдающаго какой-нибудь другой болѣзнью, прежде всего стараются видѣть самыхъ страждущихъ, потому что, находясь вдали отъ нихъ, они не могли бы облегчить ихъ страданія; таково ихъ искусство и природа самыхъ болѣзней. Мы, не намѣреваясь лѣчить ни того ни другого въ отдѣльности, но всѣхъ соблазняющихся, не нуждаемся ни въ чемъ таковомъ. Мы не просимъ позволенія войти въ домъ нашихъ больныхъ, не имѣемъ нужды знать, въ какомъ мѣстѣ они лежатъ, не хотимъ даже видѣть болящихъ. Мы не вооружены инструментами, не застав-
ляемъ лѣчимыхъ болящихъ входить въ расходы, приказывая имъ 481
покупать лѣкарства; но хотя они не знакомы намъ, хотя бы они жили на крайнихъ предѣлахъ вселенной, хотя бы среди варваровъ, хотя бы находились въ безднѣ нищеты, такъ что не имѣютъ и необходимой пищи, ничто подобное не служитъ препятствіемъ для такихъ уврачеваній; но оставаясь въ одномъ мѣстѣ, безъ инструментовъ, безъ лѣкарства, безъ яствъ, питій, денегъ и безъ долгаго путешествія изгоняемъ таковую болѣзнь. Какъ и какимъ образомъ? А именно — изготовивъ лѣкарство въ видѣ бесѣды, которая становится для больныхъ всѣмъ этимъ и даже больше, чѣмъ все сказанное. Она питаетъ лучше хлѣба, исцѣляетъ лучше лѣкарствъ, выжигаетъ сильнѣе огня, не причиняя никакой боли, останавливаетъ смрадное теченіе дурныхъ мыслей, сильнѣе желѣза безболѣзненно разсѣкаетъ загнившія раны, и при этомъ не требуетъ никакого расхода денегъ, не повергаетъ въ нищету. Итакъ, приготовивъ такое лѣкарство, мы предлагаемъ его всѣмъ, и всѣ навѣрно воспользуются лѣченіемъ, если отнесутся къ сказанному со вниманіемъ и благосклонностью.

---

[1]) Это разсужденіе, по свидѣтельству Георгія Александрійскаго, написано святителемъ изъ Кукуза въ утѣшеніе своимъ страждущимъ послѣдователямъ.

Глава I. Какъ и въ отношеніи тѣла не мало, а весьма много значитъ, для исцѣленія болящаго, знать причины болѣзни (потому что, зная это, больной не только освободится отъ одержащей его болѣзни, но и послѣ нея не подпадетъ такой же болѣзни, такъ какъ, зная причину, отъ которой онъ уже однажды подвергся ей, будетъ остерегаться ея),—такъ и мы прежде всего покажемъ болящимъ такою болѣзнью, откуда явилась къ нимъ такая болѣзнь изъ болѣзней. Вѣдь если узнать это и тщательно остерегаться, то можно избавиться отъ такой болѣзни, и не теперь только, но навсегда, какъ отъ нея, такъ и отъ другихъ, еще худшихъ. Свойство этого лѣкарства таково, что исцѣляетъ не только настоящую болѣзнь, но составляетъ предохранительное средство и отъ другихъ болѣзней. Вѣдь въ настоящей жизни не одна, двѣ или три, но много такихъ вещей, которыя соблазняютъ слабѣйшихъ; и слово наше обѣщаетъ освободить отъ всего этого страждущихъ, только бы они хотѣли (какъ я уже сказалъ выше) внимать и сохранять сказанное. Приготовляя же это лѣкарство, я составляю его не изъ божественныхъ только Писаній, но и изъ того, что постоянно бываетъ и случается въ настоящей жизни, такъ что и не читающимъ Писанія можетъ стать полезнымъ это общее лѣченіе, если захотятъ (воспользоваться имъ), о чемъ я не перестану повторять постоянно. По принужденію и насилію лѣкарство это не могло бы оказать пользы хоть одному, не желающему его или не принимающему Божественныхъ вѣщаній. А отсюда, именно гораздо болѣе отсюда, чѣмъ изъ изображенія обыденныхъ дѣлъ, и приходитъ исцѣленіе, такъ какъ откровеніе Божіе должно быть болѣе достойно вѣры,
483 чѣмъ все видимое. Поэтому, сильнѣе будутъ наказаны тѣ, которые, получивъ Писаніе, не извлекаютъ изъ него надлежащей пользы. И такъ, чтобы они не пострадали черезъ это, мы и позаботимся объ ихъ исправленіи, указавъ сначала причину болѣзни.

Глава II. Въ чемъ же заключается причина такого недуга? Она заключается въ хлопотливомъ и разнообразномъ любопытствѣ, въ желаніи видѣть причину всего совершающагося, проникнуть въ непостижимое и неизреченное промышленіе Божіе, въ дерзкомъ стремленіи постигнуть безграничное и неизслѣдуемое, и разсуждать обо всемъ. Былъ ли кто-нибудь мудрѣе Павла? Скажи мнѣ, не былъ ли онъ сосудомъ избранія? Не великую ли и неизреченную получилъ онъ благодать Духа? Не имѣлъ ли онъ въ себѣ Христа говорящимъ? Не имѣлъ ли онъ обѣтованія въ неизреченныхъ глаголахъ Бога? Не одинъ ли онъ слышалъ то, что никому невозможно говорить изъ людей? Не былъ ли восхищенъ до рая? Не возносился ли до третьяго неба? Не проходилъ

ли землю и море? Не учился ли любомудрію у варваровъ? Не имѣлъ ли многихъ и различныхъ дѣйствій Духа? Не обращалъ ли цѣлые народы и города? Не всю ли вселенную Богъ отдалъ ему въ руки? Но послушай, какъ именно такой столь мудрый, могучій и духовный мужъ, наслаждавшійся такимъ преимуществомъ, когда начиналъ разсуждать о промышленіи Божіемъ, и не обо всемъ промышленіи, а только о части его,—послушай, какъ онъ поражался, какъ онъ восторгался, какъ удивлялся и преклонялся предъ непостижимымъ. Даже въ созерцаніи онъ не доискивался, какъ Богъ промышляетъ объ ангелахъ и архангелахъ, о херувимахъ и серафимахъ, о всѣхъ невидимыхъ силахъ, какъ о солнцѣ, землѣ и лунѣ, какъ о всемъ родѣ человѣческомъ, какъ о безсловесныхъ, о растеніяхъ, сѣменахъ и травахъ, и воздухѣ и вѣтрахъ, источникахъ, рѣкахъ и вообще о природѣ, объ умноженіи и содержаніи всего этого; но онъ разсматривалъ одну только часть этого промышленія въ отношеніи іудеевъ и эллиновъ (и именно о нихъ только онъ и ведетъ рѣчь, показывая, какъ Богъ призывалъ язычниковъ, какъ оттолкнулъ іудеевъ и какъ, по Своему милосердію, Онъ созидалъ спасеніе тѣхъ и другихъ), — послушай, что онъ говоритъ. Видя открытое безграничное море и въ немъ въ одной только части желая изслѣдовать глубину этого промышленія, онъ, пораженный неизреченной необъятностью этой вселенной, восторгаясь и поражаясь несказанностью, безграничностью, невыразимостью и непостижимостью премудрости и промышленія Божія, отступилъ, произнося такія изреченія и послѣ великаго изумленія восклицая такія слова: *о, глубина богатства и премудрости и разума Божія!* Потомъ, показавъ, что, и видя эту глубину, онъ не могъ постигнуть ея,—продолжаетъ: *яко не испытани судове Его и не изслѣдовани путіе Его* (Римл. XI, 33)! Не сказалъ только — необъятны, но — *не испытани судове Его.* Не только никто не можетъ обнять, но никто не можетъ сдѣлать и начала изслѣдованія, такъ что не только не можетъ дойти до конца, но не можетъ изслѣдовать 483
и самаго начала Его домостроительства. Сказавъ, *какъ не испытани судове Его и не изслѣдовани путіе Его,* восторгаясь и поражаясь, онъ закончилъ свое славословіе, — продолжая говорить: *кто бо разумѣ умъ Господень? Или кто совѣтникъ Ему бысть? Или кто прежде даде Ему и воздастся Ему? Яко изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая. Тому слава во вѣки. Аминь* (Римл. XI, 34—36). Сказанное же значитъ: Онъ есть источникъ, Онъ есть виновникъ благъ, не нуждается ни въ чьемъ общеніи, не нуждается ни въ какомъ совѣтѣ; ни у кого Онъ не заимствуетъ знаній или разума, какъ хочетъ, такъ и чудодѣйствуетъ; Самъ есть начало, причина

и источникъ всѣхъ благъ, Самъ Творецъ, Самъ произвелъ все несуществовавшее, и Самъ, сотворивши все, управляетъ и сохраняетъ, какъ хочетъ, потому что *изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ—всяческая*, — каковое изреченіе означаетъ, что Онъ виновникъ и творецъ всего существующаго, всѣмъ управляетъ и все сохраняетъ. Потомъ, опять вспоминая о данномъ намъ дарѣ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *благодареніе же Богови о неисповѣдимѣмъ Его дарѣ* (2 Кор. IX, 25). А что дарованный намъ миръ не только превосходитъ всякое слово, всякое объясненіе, но и стоитъ выше всякаго разума, объясняя это, апостолъ говоритъ: *и миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша* (Филип. IV, 7). Если же такова у Него безграничная глубина богатства и премудрости и разума, такъ неиспытуемы суды Его и неизслѣдимы пути Его, неисповѣдимъ Его даръ и миръ превосходитъ всякій разумъ—не мой, или твой, или кого-нибудь другого, не Павла только и Петра, но и умъ архангеловъ и высшихъ силъ,—то скажи мнѣ, какое можешь имѣть себѣ извиненіе, какое снисхожденіе, предаваясь такому безумію и глупости, когда желаешь постигнуть непостижимое и доискиваешься основанія всякаго промышленія Божія? Если даже Павелъ, обладавшій такимъ знаніемъ, имѣвшій такое неизреченное дерзновеніе и исполненный такихъ даровъ благодати, устраняется отъ этого и отказывается отъ достиженія познанія, и не только не можетъ найти, но даже и приступить къ своему изслѣдованію, потому что это невозможно,—то не будешь ли ты несчастнѣе всѣхъ, не подвергнешься ли самому жестокому безумію, идя такимъ противоположнымъ съ нимъ путемъ? И не только онъ сказалъ это, но разсуждая съ коринѳянами о знаніи и показывая, насколько, если бы даже мы и научились многому, все-таки будемъ имѣть лишь малую и даже малѣйшую часть этого знанія, онъ говоритъ такъ: *аще ли кто мнится вѣдѣти что, не у что разумѣ, якоже подобаетъ разумѣти* (1 Коринѳ. VIII, 2). Потомъ, объясняя, что намъ многаго недостаетъ въ знаніи и что въ будущее время откроется больше, теперь же дано намъ мало,—продолжаетъ: *отчасти бо разумѣваемъ, и отчасти пророчествуемъ: егда же пріидетъ совершенное, тогда, еже отчасти, упразднится* (1 Коринѳ. XIII, 9—10). Онъ не остановился и здѣсь, но желая показать, какое разстояніе отдѣляетъ насъ отъ этого знанія и
484 какъ многаго недостаетъ намъ, поясняетъ это нѣкоторымъ образомъ, говоря: *егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышляхъ; егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая. Видимъ убо нынѣ яко зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу* (1 Коринѳ. XIII, 11, 12). Видишь ли, какое разстояніе? Такое же, какъ между возрастомъ мла-

денца и совершеннолѣтіемъ мужа, какое между зерцаломъ въ гаданіи и яснымъ видѣніемъ вещей для яснаго зрѣнія,—что и значитъ—*лицемъ къ лицу*; почему же безумствуешь и яришься, тщетно и напрасно стараясь преодолѣть препятствія? Почему не убѣждаешься изреченіемъ Павла: *тѣмже убо, о человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови? Егда речетъ зданіе создавшему его: почто мя сотворилъ еси тако* (Римл. IX, 20)?

Видишь ли, какого онъ требуетъ послушанія, какого молчанія? И онъ говоритъ это, не лишая насъ свободной воли, отнюдь нѣтъ, но показывая, что испытующему слѣдуетъ быть столь же безгласнымъ, какъ по своей природѣ глина, которая повинуется всему, что бы ни дѣлалъ съ ней художникъ, не противится и не обнаруживаетъ любопытства. Упоминая о глинѣ и горшечникѣ, онъ этимъ напоминаетъ намъ и о нашей природѣ. Наша сущность такая же, какъ горшечника и глины, а гдѣ одна и та же сущность, тамъ одинаково должно быть и послушаніе. Если же здѣсь безгранично разстояніе по сущности, знанію и всему другому, то какое можетъ получить снисхожденіе тотъ дерзкій и безстыдный человѣкъ, который хочетъ проникнуть въ тайну сотворившаго его Бога? Подумай, о, человѣкъ, кто ты? это именно онъ выражаетъ словами: *ты кто?* Не есть ли ты глина? Не пепелъ ли и пыль? Не копоть ли и дымъ? Не сѣно ли, или цвѣтъ сѣна? Такіе именно образы постоянно имѣютъ въ виду пророки, желая изобразить суетность нашей природы. Изслѣдуемый же тобой безсмертенъ, неизмѣненъ, всегда существуетъ, и Существо есть нескончаемое, неизъяснимое, неизреченное, непостижимое — не мнѣ и не тебѣ только, не пророкамъ и апостоламъ, но и высшимъ силамъ, тѣмъ чистымъ, невидимымъ, безплотнымъ силамъ, которыя постоянно пребываютъ на небѣ.

Глава III. Итакъ, когда ты знаешь, что серафимы летаютъ вокругъ высокаго и превознесеннаго престола, закрывая себѣ крылами лица, ноги, спину и оглашая небо кликами своего изумленія, ты не думай, что у нихъ дѣйствительно есть ноги и крылья: они вѣдь силы невидимыя. Но при посредствѣ этихъ образовъ размышляй о необъятности и непостижимости Сидящаго на престолѣ (Ис. II, 2, 3), потому что Онъ непостижимъ и недоступенъ даже для нихъ, хотя и снисходитъ къ нимъ; никогда Онъ не являлся такимъ, каковъ Онъ есть. Вѣдь Богъ не сидитъ, не пребываетъ на тронѣ, не занимаетъ какого-нибудь мѣста. Если же даже изображаемаго возсѣдающимъ на престолѣ, окруженнаго ангелами (все это говорится по снисхожденію, потому что Онъ не сидитъ), ангелы не могутъ видѣть Его и, чтобы выносить исходящую отъ Него молнію, закрываютъ себѣ лица

крыльями, и только славословятъ, только поютъ, воспѣваютъ съ великимъ трепетомъ, вознося таинственную священнодѣйственную
485 пѣснь, то не отступишь ли и не скроешься ли ты, желающій съ такимъ безумствомъ простирать твое суетное любопытство на промышленіе Бога, могущество Котораго неизреченно, невыразимо и непостижимо даже для высшихъс илъ? Тайны Его съ точностью вѣдомы только Его Сыну и Св. Духу, и никому другому, и объ этомъ свидѣтельствуетъ евангелистъ Іоаннъ, а также и апост. Павелъ. Первый изъ нихъ, сынъ грома, особенно возлюбленный Христомъ, имѣвшій то отличіе, что былъ свидѣтельствомъ величайшей добродѣтели и пользовался такимъ дерзновеніемъ, что даже наклонялся на грудь къ Нему, такъ говоритъ: *Бога никто же видѣ нигдѣ же*; при чемъ знаніе называетъ видѣніемъ: *Единородный Сынъ сый въ лонѣ Отчи, Той исповѣда* (Іоан. I, 18). То же и Самъ Христосъ, объясняя народу еврейскому, говоритъ: *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца* (Іоан. VI, 46). Сосудъ же избранія, обращаясь къ разсужденію о домостроительствѣ Божіемъ и желая высказать и то неизреченное, что онъ узналъ, такъ говоритъ: *но глаголемъ премудрость Божію — въ тайнѣ сокровенную, юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу, юже никто же отъ князей вѣка сего разумѣ: аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли. Но якоже есть писано: ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 7—9). Какъ же мы узнали это, Павелъ? Кто открылъ, кто объяснилъ все это, что было невидимо и неслышано, и не входило въ сердце человѣка? Скажи и покажи, кто сообщилъ намъ такое знаніе? *Намъ же,* говоритъ, *Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ* (1 Коринѳ. II, 10). Потомъ, дабы не подумалъ кто, что существуетъ только то, что Богъ открылъ намъ черезъ него, и что онъ не имѣетъ всего знанія, продолжаетъ: *Духъ бо вся испытуетъ и глубины Божія. Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ? Такожде и Божія никто же вѣсть, точію Духъ Божій* (тамъ же, ст. 11); а это означаетъ: какъ человѣкъ самъ знаетъ, что въ немъ, а также и то, чего желаетъ и что имѣетъ въ мысли, знаетъ все съ точностью, такъ и Духъ Святый съ точностью знаетъ все невыразимое знаніе Божіе. Говоря же: *такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій*, онъ разумѣетъ не людей только, но не исключаетъ изъ этого точнаго знанія и всѣхъ высшихъ тварей. Поэтому и премудрый увѣщеваетъ такъ: *высшихъ себе не ищи, и крѣпльшихъ себе не испытуй: яже ти повелѣнна, сія разумѣвай; вящшая бо разума человѣческаго показана ти суть* (Сир. III, 21, 23). Сказанное же означаетъ: все, что ты

имѣешь, это ты познаешь не отъ самого себя, природа недостаточна тебѣ для познанія всего, но ты получаешь знаніе свыше, потому что оно гораздо больше, чѣмъ можетъ быть воспринято твоимъ разумомъ. Какъ же ты думаешь глубочайшее познать 486
самъ собой, когда и то, что знаешь, въ большей части превосходитъ твой разумъ, и знаніе это получаешь отъ другихъ? То же поясняя, Павелъ сказалъ: *что же имаши, его же нѣси пріялъ? Аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемь* (1 Кор. IV, 7)? Перестань же заниматься подобнымъ любопреніемъ и держись того мудрѣйшаго совѣта, который гласитъ: *и нѣсть рещи: что сіе, на что сіе? Вся бо сія во время свое взыскана будутъ* (Сир. XXXIX, 22).

Глава IV. Поэтому именно законодатель (Моисей), послѣ того какъ все твореніе уже совершилось и приняло надлежащую красоту, и все гармоническое, удивительное и всякаго изумленія достойное дѣло было закончено, а между тѣмъ многіе изъ неразумныхъ и безумствующихъ стали дѣлать нареканія на твореніе, смотри, какъ онъ, опровергая ихъ неумѣстныя сужденія и сумасбродные голоса, однимъ словомъ запретилъ ихъ безстыдный языкъ, говоря: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло* (Быт. I, 31). Между тѣмъ, среди видимаго, былъ не только свѣтъ, но и тьма; не только плоды, но и тернія; не только плодоносныя травы, но и дикія; не только открытыя равнины, но также горы, ущелья и пропасти; не только люди, но и ядовитыя пресмыкающіяся; не только рыбы, но и киты; не только удобныя для плаванія моря, но и неудобныя для плаванія воды; не только солнце, луна и звѣзды, но и громъ и молнія; не только пріятные вѣтры, но и бури; не только голуби и пѣвчія птицы, но также соколы, вороны, коршуны и другіе плотоядныя птицы; не только овцы и волы, но и волки, пантеры и львы; не только олени, зайцы и газели, но также и скорпіоны, ехидны и другія; и среди растеній не только растенія полезныя, но также растенія ядовитыя, и многіе этимъ стали соблазняться и порождать ереси. Несмотря на это, когда все было создано и получило свойственную себѣ красоту, Творецъ, по свидѣтельству бытописателя, похвалилъ сотворенное, не только каждое изъ нихъ, но и всѣ вмѣстѣ, дабы, зная Его отзывъ, никто не былъ столь дерзкимъ и безстыднымъ, чтобы любопытствовать о видимомъ. Поэтому, говоря, что явился свѣтъ, онъ прибавилъ: *и видѣ Богъ свѣтъ, яко добро*; и такъ послѣ каждаго творенія. Потомъ, чтобы не все называть по имени, и не удлиннять слова, онъ обо всемъ отзывается вмѣстѣ и опять говоритъ: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло.* Это не значитъ, что только уже послѣ творенія Богъ узналъ, что все сотво-

ренное хорошо; отнюдь нѣтъ. Вѣдь если и человѣкъ-художникъ раньше произведенія своего искусства знаетъ, что все, имѣющее произойти отъ него, будетъ хорошо, тѣмъ болѣе неизреченная мудрость, одной волей произведшая все, раньше произведенія знала, что все будетъ хорошо. Даже она и не произвела бы, если бы не знала этого. Для чего же говорится такъ? А по той причинѣ, о которой я сказалъ. Итакъ, слушая, какъ говоритъ тебѣ пророкъ, что Богъ видѣлъ все и похвалилъ, не доискивайся другого основанія и доказательства красоты этихъ
487 вещей и не говори: какъ хорошо? Вѣдь яснѣе доказательства, извлекаемаго изъ самаго творенія, то свидѣтельство, какое дастъ о нихъ отзывъ и сужденіе ихъ Творца. Потому (бытописатель) и пользуется этимъ болѣе сильнымъ выраженіемъ. Подобно тому, какъ если кто, желая купить лѣкарства, а самъ будучи неопытенъ въ нихъ, прежде всего старается показать ихъ врачу, чтобы, ясно увидѣвъ, что тотъ похвалилъ ихъ, уже не добиваться никакого другого свидѣтельства объ ихъ качествахъ, а услышавъ, что ихъ видѣлъ врачъ и похвалилъ, довольствуется отзывомъ знатока,— такъ и Моисей, желая устранить всякое безстыдное любопытство имѣющихъ впослѣдствіи наслаждаться твореніями, объявилъ, говоря, что Богъ видѣлъ все и похвалилъ, сказавъ, что все хорошо, и не просто хорошо, но очень хорошо. Поэтому не любопытствуй, не подвергай сотворенное напраснымъ разсужденіямъ, имѣя такое свидѣтельство о добротѣ ихъ; если же не удовольствуешься этимъ изреченіемъ, а захочешь войти въ изслѣдованіе сотвореннаго, то этимъ самымъ не только повергаешь себя въ бездну разсужденій и въ производящую сильное волненіе бурю, но еще болѣе того — подвергнешь себя жестокому кораблекрушенію. Да ты и не могъ бы найти всѣхъ основаній для каждаго существующаго творенія, а изъ кажущагося тебѣ теперь хорошимъ будешь порицать многое, если будешь пользоваться заблуждающимся разумомъ. Разумъ человѣческій такъ слабъ, что часто переходитъ въ противоположное, и по вопросу о твореніи существуетъ столько мнѣній, прямо противоположныхъ между собою! Такъ эллины, чрезмѣрно восторгаясь твореніемъ, превзошли въ этомъ отношеніи мѣру и считали его божествомъ. Затѣмъ манихеи и другіе еретики, изъ которыхъ одни признавали его не дѣломъ добраго Бога, а другіе, отдѣляя одну часть его, приписывали его самобытному веществу и считали его недостойнымъ творчества Божія. Такимъ образомъ, какъ я сказалъ, если кто будетъ пользоваться собственнымъ разсужденіемъ и неразумными знаніями, то и изъ кажущагося хорошимъ будетъ порицать многое. Что можетъ быть прекраснѣе солнца? А между тѣмъ это яркое и пріятное

свѣтило причиняетъ вредъ больнымъ глазамъ, попаляетъ землю, посылая слишкомъ горячіе лучи, порождаетъ лихорадку, часто изсушаетъ плодъ, дѣлаетъ его безполезнымъ, дѣлаетъ деревья безплодными и часть вселенной сдѣлало необитаемой для насъ. Что же, скажи мнѣ,—можно ли за это порицать солнце? Никакъ; но заставляя смолкнуть разумъ съ его безпокойствомъ, оснуемся на той скалѣ, именно на изреченіи, которое гласитъ: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло*. Поэтому и то, что я только-что перечислилъ, очень хорошо и полезно, и, какъ я сказалъ выше, къ этому изреченію нужно постоянно возвращаться и говорить: вотъ все, что сотворилъ Богъ, весьма хорошо. Но развѣ хорошо жить въ роскоши, веселиться, пребывать въ удовольствіи? Послушай, что говоритъ Соломонъ, испытавшій всѣ виды роскоши: *благо ходити въ домъ плача, нежели ходити въ домъ пира* (Еккл. VII, 5). Но пріятна ли ночь (вѣдь нужно пользоваться словомъ противниковъ)? Но и она есть покой отъ трудовъ, освобожденіе отъ заботъ, удаленіе страданій, конецъ страховъ и опас- 488
ностей; она обновляетъ тѣло, укрѣпляетъ мысль, возстановляетъ изможденную плоть. Но болѣзнь развѣ не есть зло? А за что же Лазарь получилъ свой вѣнецъ? Но бѣдность? А за что прославленъ Іовъ? Но разныя постоянныя огорченія?—А чѣмъ прославились апостолы? Какой же путь ведетъ къ жизни? Не узкій ли и затруднительный? Итакъ не говори: для чего это, къ чему это? Но въ разсужденіи домостроительства и творенія Божія соблюдай, о, человѣкъ, по отношенію къ сотворившему тебя Богу то же молчаніе, какое хранитъ глина по отношенію къ горшечнику.

Глава V. Итакъ что же? Скажутъ: развѣ ты не хочешь, чтобы я видѣлъ и увѣровалъ, что Богъ промышляетъ обо всемъ? Очень хочу и прошу, но особенно сильно желаю, чтобы ты не подвергалъ промышленіе любопытству и не умствовалъ о немъ. Если ты узналъ и убѣдился въ этомъ, не доискивайся ничего; если же колеблешься, то спроси землю, небо, солнце, луну, спроси различные роды безсловесныхъ, земныя травы, безгласныхъ рыбъ, камни, горы, ущелья, пропасти, ночь и день,—потому что промышленіе Божіе яснѣе солнца и его лучей. И во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, въ пустынѣ, и въ населенной мѣстности и въ необитаемой, и на землѣ и въ морѣ, и вездѣ, куда бы ты ни пошелъ, увидишь ясные и достаточные слѣды этого промышленія, какъ древніе, такъ и новые, и они свидѣтельствуютъ объ этомъ болѣе могущественнымъ голосомъ, чѣмъ голосъ нашего разума, и желающему слушать повѣствуютъ о всемъ Его попеченіи. Вотъ почему и пророкъ, желая показать намъ необычайную силу этихъ

голосовъ, сказалъ: *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ* (Псал. XVIII, 4). Вѣдь нашъ языкъ понятенъ только для одинаково говорящихъ и непонятенъ для иноязычныхъ; языкъ же творенія понятенъ для всѣхъ народовъ по всей вселенной.

Глава VI. Итакъ, для благомыслящихъ людей достаточно и даже болѣе всякаго доказательства отъ дѣлъ одного этого отзыва Божія, чтобы не только показать промышленіе Божіе, но и великую любовь Его къ намъ. Вѣдь Онъ не только промышляетъ о насъ, но и любитъ безгранично—любовью безстрастной, но пламенной и сильной, искренней и неразрушимой, которая никогда не можетъ потухнуть. И Св. Писаніе, желая показать это, приводитъ примѣры изъ среды людей, приводитъ много свидѣтельствъ объ этой любви, объ этомъ промышленіи и попеченіи. Оно не хочетъ даже, чтобы мы только останавливались на этихъ примѣрахъ, но чтобы подвергли ихъ своему разумѣнію, и приводитъ эти примѣры не какъ достаточные для показанія любви, но какъ наиболѣе извѣстные для слушателей, такіе, которые лучше всего
489 другого могутъ показать это. Вотъ, напримѣръ: обращаясь къ плачущему, скорбящему и взывающему: *остави мя Господь и Богъ* Исраилевъ *забы мя*, пророкъ говоритъ: *еда забудетъ жена отроча, свое, еже не помиловати исчадія чрева своего* (Ис. XLIX, 14, 15), т. е. подобно тому, какъ женщина не можетъ забыть своихъ дѣтей, такъ и Богъ не забываетъ рода человѣческаго. Потомъ, чтобы ты зналъ, что такой образъ пророкъ привелъ не для того, чтобы показать такую только степень любви Божіей, какая есть у матери къ плодамъ своего чрева, но что онъ указалъ на эту любовь какъ на превосходную степень любви (а любовь Бога еще выше ея), онъ прибавилъ: *аще же забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь* (Ис. XLIX, 15). Видишь ли, какъ Онъ превзошелъ самую степень любви матери? И дабы ты зналъ, что Его любовь много превосходитъ и любовь матери и любовь отца къ дѣтямъ, пророкъ говоритъ: *якоже щедритъ отецъ сыны, ущедри Господь боящихся Его* (Псал. CII, 13). И здѣсь опять пророкъ приводитъ тотъ же образъ любви, потому что знаетъ, что онъ превосходитъ всѣ другіе. Господь же пророковъ и всѣхъ, объясняя, что попеченіе Божіе много превосходитъ самую степень такой любви, и что насколько велико различіе между свѣтомъ и тьмой, злобой и добротой, настолько и степень благости и промышленія Божія, превосходитъ любовь отца, послушай что говоритъ: *кто есть отъ васъ человѣкъ, его же аще воспроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему? Или аще рыбы проситъ, еда змію подастъ ему? Аще убо вы лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадамъ вашымъ, кольми паче*

Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него (Матѳ. VII, 9—11). Этимъ Онъ показываетъ, что насколько велико различіе между зломъ и добротой, настолько благость Божія стоитъ выше попеченія отцовъ. Я привелъ этотъ примѣръ для того, чтобы, когда приведу и другіе примѣры любви, ты не ограничивался предѣлами смысла, выраженнаго пророкомъ, но, имѣя это наставленіе, шелъ бы дальше и видѣлъ несказанное превосходство Его любви. Онъ не ограничивается и предѣлами природы, но, идя дальше ихъ, приводитъ и другія свидѣтельства. Такъ дѣлаетъ любящій: онъ хочетъ доказать свою любовь любимому возможно больше; такъ дѣлаетъ и Господь, приводя множество всякихъ сравненій не для того, чтобы ты могъ измѣрить все величіе Его благости, но потому, что сила этихъ сравненій превосходитъ всѣ другія, извѣстныя слушателямъ. Черезъ Давида Онъ говоритъ: *яко по высотѣ небеснѣй отъ земли, утвердилъ есть Господь милость Свою на боящихся Его* (Пс. CII, 11), и: *елика отстоятъ востоцы отъ западъ, удалилъ есть отъ насъ беззаконія наша* (ст. 12); а черезъ Исаію: *не суть бо совѣти Мои, якоже совѣти ваши, ниже якоже путіе ваши, путіе Мои, глаголетъ Господь. Но якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ, и помышленія ваша отъ мысли Моея* (Исаіи LV, 8, 9). А это Онъ сказалъ послѣ того, 490
какъ, бесѣдуя объ отпущеніи грѣховъ, говорилъ: *яко попремногу оставлю грѣхи ваша* (Ис. LV, 7). Затѣмъ показавъ, какъ именно много, Онъ привелъ и еще примѣръ, и не довольствуясь и имъ однимъ, приводитъ еще и другой, болѣе рѣзкій образъ. У пророка Осіи Онъ говоритъ: *что тя устрою, Ефремъ? Защищу ли тя, Исраилю? Якоже Адаму устрою тя, и якоже Севоимъ, превратися сердце Мое въ немъ, смятеся раскаяніе Мое* (Ос. XI, 8). Сказанное же означаетъ: Я не допустилъ и слова угрозы, говоритъ. Хотя Онъ разсудаетъ по-человѣчески, но ты не долженъ приписывать Ему что-нибудь человѣческое,—отнюдь нѣтъ; но на основаніи этого рѣзкаго выраженія ты признавай Его любовь богоподобную, искреннею и неразрушимую. Какъ кто-нибудь, любящій кого безумно, не хотѣлъ бы оскорбить любимаго даже словомъ, такъ то же самое говоритъ и Онъ: поелику Я сказалъ это и опечалилъ тебя словомъ, *превратися сердце Мое въ немъ*. Потому Онъ не избѣгаетъ употребленія и самыхъ сильныхъ выраженій, чтобы показать Свою любовь, а такова и есть особенность любящаго. Но Онъ не останавливается и здѣсь, а идетъ дальше, приводя и другой, еще болѣе сильный примѣръ, говоря: *и будетъ якоже радуется женихъ о невѣстѣ, тако возрадуется Господь о тебѣ* (Ис. LXII, 5),—потому что особенно въ началѣ любовь и бываетъ горячей, жгучей и сильной. Сказано же такъ не для того, чтобы ты подразумѣвалъ что-

нибудь человѣческое (о чемъ не перестану повторять), но чтобы изъ этого ты увидѣлъ теплоту, искренность, силу и пламенность Его любви. Говоря затѣмъ, что Онъ любитъ какъ отецъ и болѣе, чѣмъ отецъ, какъ мать и болѣе, чѣмъ мать, какъ новобрачный и болѣе, чѣмъ новобрачный, и что Онъ превосходитъ нѣжность новобрачнаго настолько же, насколько небо выше земли и еще болѣе того, насколько востокъ отстоитъ отъ запада и даже болѣе того, — Онъ не останавливается даже на этихъ образахъ, а идетъ ещедальше, чтобы показать это на еще болѣе сильномъ примѣрѣ. Такъ, когда Іона, послѣ своего бѣгства и примиренія Бога съ ниневитянами, видѣлъ, что угрозы его не переходили въ дѣло и онъ мрачно и безпокойно поддался немощи человѣческой природы, то Господь повелѣлъ солнцу усилить пламя своихъ лучей, а потомъ Онъ же повелѣлъ землѣ произвесть для него огромную тыкву, которая могла бы давать тѣнь головѣ пророка, каковымъ средствомъ оживилъ его члены и положилъ конецъ его бѣдствіямъ, а затѣмъ и опять огорчилъ его, заставивъ изчезнуть закрывавшее его растеніе, — когда онъ видѣлъ это, и былъ то доволенъ, то огорченъ,—послушай, что говоритъ ему Господь: *ты оскорбился еси о тыквѣ, о ней же не трудился еси, ни воскормилъ еси ея. Азъ же не пощажду ли Ниневіи града великаго, въ немъ же живутъ множайшіи неже дванадесять темъ человѣкъ, иже не познаша десницы своея, ниже шуйцы своея* (Іон. IV, 10, 11); а это означаетъ: не столько тебя услаждала тѣнь тыквы, сколько Меня обрадовало спасеніе ниневитянъ, и гибель тыквы не столько огорчила тебя, сколько ихъ гибель огорчила бы Меня. Потому погибель ихъ
491 была не по душѣ Мнѣ. Видишь ли, какъ и здѣсь Онъ идетъ дальше взятаго образа. Онъ не просто говоритъ: *ты оскорбился еси о тыквѣ*, но еще прибавляетъ: *о ней же не трудился еси, ни воскормилъ еси ея.* Такъ какъ земледѣльцы особенно любятъ насажденныя ими растенія, на которыя тратятъ много труда, то, желая показать, что и Онъ любитъ людей по образу этой любви, Онъ прибавилъ: если ты такъ скорбишь о дѣлѣ другого, говоритъ, тѣмъ болѣе Я забочусь о собственномъ дѣлѣ, о томъ, чего Я самъ творецъ. Потомъ Онъ смягчаетъ и сàмое нечестіе ниневитянъ, говоря, что они *не познаша десницы или шуйцы своея;* Онъ оправдываетъ ихъ тѣмъ, что они грѣшили болѣе по невѣдѣнію, чѣмъ по злобѣ, чтò и показалъ конецъ ихъ покаянія. Затѣмъ, увѣщевая и другихъ, которые плачутъ какъ будто оставленные, Онъ говоритъ такъ: *вопросите Мене о сынѣхъ Моихъ, и о дѣлѣхъ руку Моею заповѣдите Мнѣ* (Ис. XLV, 11). Сказанное же означаетъ: напоминаетъ ли кто отцу и увѣщеваетъ ли его, чтобы онъ заботился о ребенкѣ? Или художнику и ремесленнику — чтобы

онъ не давалъ погибнуть своему дѣлу? Если же въ отношеніи людей достаточно самой природы и искусства, чтобы обнаружить попеченіе, то неужели вы думаете, что Я нуждаюсь въ увѣщаніи, чтобы заботиться о Моихъ дѣтяхъ и дѣлахъ? Сказалъ же Онъ это для того, чтобы, не призывая Его, знали, что еще и раньше призванія Богъ дѣлаетъ Самъ, но вмѣстѣ желаетъ, чтобы Его и призывали, потому что отсюда бываетъ великая польза для призывающихъ. Видишь ли, какъ яснѣе и свѣтлѣе солнца изъ этихъ свидѣтельствъ просіяваетъ доказательства Его неизреченнаго промышленія? Подумай въ самомъ дѣлѣ: Онъ привелъ въ примѣръ отца, мать, новобрачнаго и новобрачную, разстояніе неба и земли, апостоловъ въ узахъ, садовника, трудящагося надъ своими растеніями, домостроителя въ отношеніи къ своимъ сооруженіямъ, выставилъ любящаго человѣка, опасающагося какъ бы и словомъ не огорчить любимаго, и все это приведено для того, чтобы показать, что благость Божія настолько же выше всего этого, насколько благо выше зла.

Глава VII. Итакъ для людей благомыслящихъ, какъ я сказалъ, довольно и этого; но такъ какъ есть люди упорные, противящіеся, не вѣрующіе и преданные плоти, то мы покажемъ промышленіе Божіе, насколько возможно для насъ, изъ самыхъ дѣлъ Его. Все промышленіе и даже большую часть его показать было бы не легко: такъ оно безконечно и неизреченно, проявляется въ маломъ и великомъ, въ видимомъ и невидимомъ. Поэтому мы приведемъ свидѣтельства только изъ видимаго. Это чудесное твореніе Онъ создалъ не для кого другого, какъ для тебя; твореніе, столь прекрасное и великое, столь разнообразное и многоразличное, столь богатое, пригодное и во всѣхъ отношеніяхъ полезное и для питанія, и для поддержанія тѣла, и для любомудрія души, и для приведенія къ познанію Бога, — все это Онъ сдѣлалъ для тебя. Вѣдь ангелы не нуждаются въ этомъ, потому что они существовали уже раньше сотворенія міра. Что они дѣйствительно гораздо старше міра, — послушай, что Богъ говоритъ Іову: *егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша Мя гласомъ веліимъ вси ангели* 492
Мои (Іов. XXXVIII, 7), т. е. восхвалили пораженные красотой и пользой, разнообразіемъ, блескомъ, свѣтлостью, согласіемъ и всѣмъ другимъ, что они знаютъ лучше насъ. И Онъ украсилъ міръ не звѣздами только, а украсилъ и солнцемъ и луной, чтобы во всякое время доставлять тебѣ великое удовольствіе и великую пользу отъ обоихъ.

Въ самомъ дѣлѣ что можетъ быть красивѣе неба, то освѣщаемаго солнцемъ и луной, то какъ бы зрачками глазъ озпрающаго землю безчисленнымъ множествомъ звѣздъ, и дающаго мореплавателямъ

и путешественникамъ путеводителей и руководителей? Когда бу-
шуютъ волны и разъяренные валы устремляются на корабль,
когда вѣтеръ яростно дуетъ и наступаетъ мрачная и безлун-
ная ночь, тогда мореплаватель, разсѣкая море и сидя на кормѣ,
довѣряетъ себя руководительству неба, и находящаяся на высотѣ
звѣзда, несмотря на раздѣляющее ее разстояніе, кажется какъ
бы недалеко, руководитъ его съ точностью и приводитъ къ при-
стани, не подавая голоса, но самымъ видомъ показывая ему
путь и давая возможность ему разсѣкать море, съ точностью по-
казываетъ время, чтобы онъ то удерживалъ корабль въ пристани,
то съ увѣренностью пускался въ нѣдра волнъ и по незнанію буду-
щаго не подвергался неразумно бурѣ и кораблекрушенію. Звѣзды
не только измѣряютъ для насъ годы и указываютъ признаки вре-
менъ, но съ великою точностью обозначаютъ часъ и движеніе вся-
кой ночи, показываютъ, прошла ли она, или не достигла и поло-
вины своего теченія и наоборотъ, что̀ полезно не только морепла-
вателямъ, но и вообще путешественникамъ, чтобы они не пуска-
лись въ путь ночью въ неблагопріятное время, или чтобы не про-
должали сидѣть дома въ благопріятное время. Наблюденія надъ
звѣздами и теченіемъ луны съ точностью показываютъ это. Какъ
солнце устанавливаетъ часы дня, такъ луна устанавливаетъ часы
ночи, доставляя много и другой пользы, давая воздуху благотвор-
ное теченіе, производя росу, полезную для сѣмянъ, и вообще при-
нося много пользы въ жизни людей. Занимая середину между
хоромъ звѣздъ и солнечнымъ блескомъ, она меньше солнца, зато
гораздо больше и красивѣе звѣздъ. Не мало вообще удовольствія
и пользы для зрителей проистекаетъ и изъ самаго разнообразія,
такъ что мы получаемъ великую пользу и отъ временъ, и отъ ча-
совъ, отъ мѣры, отъ великаго и малаго, отъ всего разнообразія
несказаннаго. Одно меньше, другое больше и свѣтлѣе, и всѣ они
являются въ различныя времена. Поистинѣ несравнимая пре-
мудрость Божія повсюду показываетъ въ своихъ дѣлахъ великое
разнообразіе, давая доказательство своего чудеснаго могущества,
а вмѣстѣ съ тѣмъ заботясь о пользѣ зрителей доставляя великую и
неизреченную пользу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и удовольствіе. Вѣдь что мо-
493 жетъ быть пріятнѣе неба, то какъ бы раскинутаго надъ головой чи-
стаго и прозрачнаго полотна, то какъ многоцвѣтнаго луга, блистаю-
щаго вѣнкомъ своимъ? Но не такъ пріятно видѣть лугъ днемъ,
какъ пріятно видѣть ночью небо, украшенное многочисленными
цвѣтами звѣздъ, цвѣтами никогда не вянущими, всегда показываю-
щими свою красоту. А что можетъ быть пріятнѣе, когда по проше-
ствіи уже ночи, хотя солнце еще и не встало, небо покрывается
пурпурной завѣсой, и зарумянивается при появленіи солнца?

Что можетъ быть красивѣе вида самаго солнца, когда оно, прогоняя зарю, въ малый промежутокъ времени озаряетъ всю землю, все море, всѣ горы, долины, холмы, все небо снопами лучей, когда оно, снимая ночное покрывало съ видимаго, все обнажаетъ передъ нашими глазами? Кто могъ бы достаточно выразить восторгъ при видѣ его движеній, порядка, неизмѣннаго и ненарушимаго служенія въ продолженіе столькихъ лѣтъ, постоянно цвѣтущей красоты его, блеска и яркости, чистоты, соприкасающейся со столькими тѣлами и никогда не оскверняющейся? При этомъ оно въ высшей степени полезно сѣменамъ, растеніямъ, людямъ, четвероногимъ, рыбамъ, птицамъ, камнямъ, травамъ, землѣ, морю, воздуху, — однимъ словомъ всему видимому. Все нуждается въ немъ и получаетъ пользу, и отъ его вліянія становятся лучше не только растенія и тѣла, но и воды, и озера, и источники, и рѣки, и самая природа воздуха становится легче, чище и прозрачнѣе. Поэтому и псалмопѣвецъ, желая показать его красоту, его постоянную ясность, не умаляющуюся прелесть, никогда не вянущій цвѣтъ, все величіе его благообразія, непрестанное служеніе, сказалъ такъ: *въ солнцѣ положи селеніе Свое* (Пс. XVIII, 5), то есть, въ самыхъ небесахъ. Называя его селеніемъ Божіимъ, онъ прибавляетъ: *и той яко женихъ исходяй отъ чертога своего.* Потомъ, разъясняя пользу его служенія, онъ прибавилъ: *возрадуется, яко исполинъ тещи путь свой.* Затѣмъ, указывая на его достаточность и пользу для всей вселенной, говоритъ: *отъ края небесе исходъ его и срѣтеніе его до края небеси.* Затѣмъ, показывая его пригодность и полезность для всѣхъ, прибавляетъ: *и нѣсть, иже укрыется теплоты его.* Можно бы, если бы ты не усталъ, показать промышленіе Божіе и отъ другихъ вещей: отъ облаковъ, отъ временъ года, отъ солнцестоянія, отъ вѣтровъ, отъ моря, отъ различныхъ породъ въ немъ, отъ земли и живущихъ на ней четвероногихъ, пресмыкающихся, птицъ воздушныхъ и покоющихся на землѣ, отъ амфибій, живущихъ въ озерахъ, источникахъ и рѣкахъ, отъ обитаемой вселенной и отъ необитаемыхъ странъ, отъ произрастающихъ сѣмянъ, деревьевъ, травъ, произрастающихъ въ пустыняхъ и не въ пустыняхъ, произрастающихъ въ равнинахъ и долинахъ, на горахъ и на холмахъ, отъ произрастающихъ самопроизвольно и отъ произрастающихъ вслѣдствіе труда и земледѣлія, отъ животныхъ, кроткихъ и не кроткихъ, дикихъ и ручныхъ, малыхъ или великихъ, отъ птицъ, четвероногихъ, рыбъ, растеній и травъ, являющихся зимой, лѣтомъ, или осенью, отъ 494
явленій дня или ночи, отъ дождей, отъ теченія года, отъ смерти, отъ жизни, отъ наложеннаго на насъ труда, отъ скорби, отъ радости, отъ даваемыхъ намъ яствъ и питій, отъ ремеслъ, отъ

искусствъ, отъ деревъ, отъ камней, отъ содержащихъ въ себѣ металлы горъ, отъ пригоднаго для плаванія моря и отъ непригоднаго для того, отъ острововъ, отъ пристаней, отъ рѣкъ, отъ поверхности моря, отъ глубины водъ, отъ природы и стихій, изъ которыхъ состоитъ нашъ міръ, отъ распредѣленія временъ, отъ различной продолжительности дня и ночи, отъ болѣзни и здоровья нашихъ членовъ, отъ состоянія души, отъ искусства и мудрости, проявляющихся въ человѣческомъ родѣ, отъ пользы служащихъ намъ безсловесныхъ растеній и другихъ тварей, отъ самомалѣйшихъ и самыхъ ничтожныхъ животныхъ. Что можетъ быть меньше и безобразнѣе пчелы? Что негоднѣе муравья и стрекозы? А между тѣмъ и эти насѣкомыя громогласно свидѣтельствуютъ о промышленіи, силѣ и премудрости Божіей. Поэтому и пророкъ, столь сподобившійся Св. Духа, обозрѣвая дѣла творенія и называя лишь нѣкоторыя изъ нихъ, съ великимъ восторгомъ выразилъ удивленіе къ нимъ, восклицая: *яко возвеличишася дѣла Твоя Господи, вся премудростію сотворилъ еси* (Пс. сш, 24).

И все это, человѣкъ, для тебя. И вѣтры для тебя (скажемъ опять, возвращаясь къ началу своего разсужденія), чтобы освѣжать истомленное трудомъ тѣло, чтобы прогонять грязь и пыль и избавлять отъ непріятности, причиняемой дымомъ, печами и всякими нездоровыми испареніями, умѣрять теплоту лучей солнца, дѣлать болѣе легкимъ зной, питать сѣмена, давать прозябаніе растеніямъ, чтобы сопутствовать тебѣ на морѣ и служить на землѣ, тамъ быстрѣе стрѣлъ устремляя корабли и дѣлая, такимъ образомъ, плаваніе легкимъ и быстрымъ, а здѣсь помогая тебѣ очищать воздухъ, отдѣлять мякину отъ зерна и облегчать твой тяжелый трудъ; чтобы дѣлать для тебя воздухъ пріятнымъ и легкимъ, чтобы различнымъ образомъ увеселять тебя, то производя слабое и пріятное журчаніе, то слегка волнуя травы, приводя въ движеніе листву деревъ; чтобы весной и лѣтомъ доставлять тебѣ сонъ пріятнѣе и сладче самаго меда, чтобы какъ бываетъ съ деревьями, такъ тоже производить и на моряхъ и на рѣкахъ, и, поднимая волны въ воздухѣ, доставлять тебѣ и прекрасное зрѣлище, и великую пользу. Они полезны также и для водъ, не давая имъ гнить отъ застоя, но постоянно двигая, возбуждая и волнуя ихъ, оживляя и дѣлая ихъ болѣе пригодными для пищи обитающихъ въ нихъ животныхъ. Если бы ты захотѣлъ полюбопытствовать касательно ночи, то увидишь и здѣсь великое промышленіе Творца. Она успокоиваетъ твое утружденное тѣло, возстановляетъ твои изможденные ежедневнымъ трудомъ
495 члены, своимъ возвращеніемъ оживляетъ ихъ, своимъ покоемъ

даетъ имъ новую жизненность; и не это только, но освобождаетъ тебя отъ повседневныхъ скорбей, освобождаетъ отъ безвременныхъ заботъ; часто она ослабляетъ горячку болящаго, даетъ сонъ вмѣсто лѣкарства, направляетъ искусство врачей къ благопріятной цѣли и освобождаетъ отъ многихъ трудовъ. Такова ея пригодность, такова ея полезность, такъ что часто самый день оказывается потеряннымъ для тѣхъ, которые лишены были покоя въ теченіе ея. Если бы кто мысленно устранилъ это спокойствіе, этотъ покой, это отдохновеніе во время ночи, которое оживляетъ все—и истомленную душу и изможденное тѣло, даетъ намъ возможность приниматься за дневные труды въ лучшемъ настроеніи, то увидѣлъ бы, что станетъ безполезной и самая жизнь. Если бы кто и въ теченіе ночи, какъ и въ теченіе дня, сталъ бодрствовать и трудиться, или даже ничего не дѣлать, и это въ продолженіе значительнаго времени, то онъ скоро умретъ; а если и не умретъ, то, подвергаясь продолжительной болѣзни, ничѣмъ не воспользуется для себя отъ собственной дѣятельности вслѣдствіе полнаго истощенія силъ.

Если бы мы распространили наше разсужденіе и на безчисленное множество рыбъ, живущихъ въ прудахъ, въ источникахъ, въ моряхъ, удобныхъ или неудобныхъ для плаванья, или на безконечныя породы птицъ, которыя летаютъ въ воздухѣ, держатся на землѣ, живутъ одинаково и на землѣ и въ водѣ,—вѣдь между ними нѣкоторыя ведутъ такую именно двоякую жизнь,—которыя ручны или дики, которыя дики по своей натурѣ, но способны или неспособны дѣлаться ручными, съѣдобны или не съѣдобны, и разсмотрѣли бы красоту перьевъ и пѣвучій голосъ каждой, если бы изслѣдовали нѣкоторыя различія, представляемыя ими намъ въ отношеніи пѣнія, пищи, рода жизни, привычекъ и нравовъ; если бы обозрѣли всю пользу, которую мы извлекаемъ изъ нихъ, всѣ оказываемыя намъ ими услуги, если бы поговорили о ихъ величіи или малости, о мукахъ ихъ рожденія, о всемъ великомъ и безконечномъ, находимомъ въ нихъ разнообразіи; если бы вошли въ подробности касательно рыбъ, если бы отсюда перешли къ растеніямъ, произрастающимъ по всей землѣ и къ приносимымъ каждымъ изъ нихъ плодамъ, если бы изслѣдовали ихъ употребленіе, ихъ благовоніе, расположеніе листьевъ, цвѣтъ, форму, великость или малость, ихъ пользу, способы проявленія ими своихъ качествъ различіе въ ихъ корѣ, въ ихъ стволахъ, въ ихъ вѣтвяхъ; если бы разсмотрѣли луга и сады, если бы, наконецъ, поговорили о всѣхъ производящихъ ихъ мѣстахъ и способѣ нахожденія, уходѣ и воздѣлываніи, и о томъ, какъ служатъ они намъ лѣкарствами,— и послѣ всего этого если бы опять обратились къ горамъ, столь

многочисленнымъ и столь богатымъ металлами, и обратили свое изслѣдованіе на всѣ другіе предметы еще болѣе многочисленные, чѣмъ какіе видимъ въ природѣ, то какое разсужденіе, или сколько времени было бы достаточно для подробнаго изслѣдованія всего этого! И все это, человѣкъ, для тебя: и искусство для тебя, и ремесла, города и селенія, и сонъ для тебя, и смерть и жизнь для тебя, и столь многочисленныя явленія природы, и не только теперешній міръ для тебя, но и еще лучшій для тебя. А
496 что есть лучшій міръ и онъ также для тебя, послушай, что говоритъ Павелъ: *яко сама тварь свободится отъ работы истлѣнія* (Рим. VIII, 21), т. е. отъ тлѣннаго бытія. Какимъ же образомъ для тебя предназначена и эта честь, поясняя это, онъ прибавилъ: *въ свободу славы чадъ Божіихъ* (тамъ же). Если бы не слишкомъ длиннымъ и не черезъ мѣру большимъ вышло мое слово, то я много бы пофилософствовалъ о смерти, и въ ней вполнѣ показалъ бы премудрость и промышленіе Божіе, много сказалъ бы объ этомъ тлѣніи, объ этомъ гніеніи, объ этихъ червяхъ, объ этомъ могильномъ пеплѣ, которые наиболѣе вызываютъ жалобъ и скорбей у большинства людей; изъ того, что наши тѣла разрушаются въ прахъ и пыль и дѣлаются добычей червей, и отсюда я показалъ бы неизреченное Божіе промышленіе и попеченіе. Вѣдь отъ этого именно промышленія, отъ этой благости, которая создала все несуществовавшее, отъ нея именно вышелъ и законъ, повелѣвающій умирать, и имѣть такую кончину. Хотя это и различныя вещи, однако всѣ происходятъ отъ одной и той же благости. И отходящій отсюда не получаетъ вреда, и живущій получаетъ величайшее благо, пожиная пользу въ другомъ тѣлѣ. Когда человѣкъ видитъ, какъ тотъ, который вчера или завчера ходилъ рядомъ съ тобой, теперь сдѣлался добычей червей и разрушается въ прахъ, въ пыль и въ пепелъ, то хотя бы онъ имѣлъ гордость діавола, онъ будетъ страшиться и трепетать, сдѣлается болѣе степеннымъ, научится любомудрствовать и впуститъ въ свою душу смиреніе, эту мать всѣхъ благъ. Такимъ образомъ ни отходящій не терпитъ никакого вреда, потому что онъ, совлекая съ себя это тѣло, получитъ тѣло нетлѣнное и безсмертное, ни находящійся еще въ жизни отъ этого ничего не теряетъ, а напротивъ пріобрѣтаетъ величайшую пользу. Не случайнымъ учителемъ любомудрія вошла смерть въ нашу жизнь, воспитывая умъ, укрощая страсти души, утишая волны и водворяя тишину. Итакъ зная и изъ сказаннаго и изъ многаго другого, что промышленіе Божіе просіяваетъ яснѣе свѣта, не любопытствуй понапрасну, не предавайся тщетной попыткѣ изслѣдовать причины всего. Самое наше бытіе Онъ даровалъ намъ по Своей благости, не имѣя нужды въ на-

шемъ служеніи. И нужно благоговѣть передъ Нимъ и преклоняться не только потому, что Онъ сотворилъ насъ, или даровалъ намъ душу безтѣлесную и разумную, и не потому, что создалъ насъ лучшими всѣхъ другихъ, и не потому, что далъ намъ господство и предоставилъ власть надъ всѣмъ видимымъ, но потому, что самъ Онъ нисколько не нуждается въ насъ. Чудесность Его благости въ томъ и заключается, что все это Онъ сдѣлалъ, нисколько не нуждаясь въ нашемъ служеніи; прежде чѣмъ явились мы, и ангелы, и высшія силы, Онъ имѣлъ уже собственную славу и блаженство, и сотворилъ насъ по одному Своему человѣколюбію, и не только все создалъ для насъ, но еще и больше того.

Глава VIII. Для этого же Онъ далъ намъ и писанные законы, посылалъ пророковъ, творилъ чудеса, и раньше всего этого, создавая человѣка. Онъ далъ ему особаго учителя,—врожденный законъ, какъ бы кормчаго для корабля, какъ всадника для коня, поставивъ его надъ нашимъ разумомъ. Поэтому уже Авель зналъ его, хотя письмена еще не существовали, не было ни пророковъ, ни апостоловъ, ни писаннаго закона, а былъ только законъ прирожденный. Тоже и Каинъ, и онъ также зналъ этотъ законъ, и оба они знали его, признавали его господство. Хотя не оба они шли однимъ и тѣмъ же путемъ, но одинъ путемъ зла, а другой путемъ добродѣтели, однако и тогда Богъ не оставилъ Каина, хотѣлъ поднять его отъ паденія, и давалъ возможность наслаждаться попеченіемъ, сначала увѣщевая его и давая ему совѣты, а потомъ поучая и назидая его страхомъ и опасеніями. Хотя многіе люди отвергали столь великое благодѣяніе, т. е. это естественное познаніе, имѣющее столь большую пользу для насъ, однако и тогда Богъ не оставлялъ ихъ, не предавалъ ихъ погибели, но продолжалъ назидать и увѣщевать ихъ посредствомъ дѣлъ, посредствомъ благодѣяній, посредствомъ наказаній, посредствомъ всего творенія, ежедневно совершающаго свое дѣло, исполняющаго обычныя задачи, посредствомъ необычайныхъ и непредвидѣнныхъ событій, посредствомъ праведниковъ, жившихъ вначалѣ. Людей достойнѣйшихъ и исполненныхъ любомудрія Онъ съ этою цѣлію переводилъ съ мѣста на мѣсто. Такъ Аврааму Онъ велѣлъ переселяться то въ Палестину, то въ Египетъ, а Іакову въ Сирію; Моисею опять въ Египетъ, тремъ отрокамъ въ Вавилонъ, равно какъ Даніилу и Іезекіилю, а Іереміи въ Египетъ. Потомъ Онъ даровалъ законъ, посылалъ пророковъ; Онъ поражалъ и опять воздвигалъ Свой народъ, отдавалъ его въ рабство и освобождалъ его, и отъ начала до конца все дѣлалъ и совершалъ для нашего рода. Не ограничиваясь назиданіемъ насъ посредствомъ одного голоса природы, такъ какъ многіе люди, увлекаемые общимъ безуміемъ, не полу-

чали отсюда никакого плода, Онъ приступалъ къ новымъ способамъ вразумленія и наконецъ, чтобы завершить свои блага, послалъ Сына Своего, Сына истиннаго, Единороднаго, и Онъ, будучи одной съ Нимъ природы, становится подобнымъ мнѣ, ходилъ по землѣ, вращался среди людей, ѣлъ и пилъ, обходилъ землю, поучая, назидая, вразумляя, творя чудеса, для нихъ пророчествовалъ, ихъ увѣщевалъ, имъ преподавалъ совѣты, за нихъ страдалъ, за нихъ терпѣлъ, за нихъ подвергался нареканіямъ, за нихъ былъ преданъ. Одно Онъ представлялъ имъ уже и здѣсь, а другое отложилъ для будущаго. Но Его обѣтованія были вѣрны, и подтверждались сотворенными Имъ чудесами, когда Онъ былъ еще на землѣ, и исполненіемъ всѣхъ предсказаній. *Кто возглаголетъ силы Господни? Слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Пс. cv, 2). Кто не пришелъ бы въ восторгъ, кто не пораженъ бы былъ неизреченностью Его попеченія, при мысли о томъ, какъ изъ-за неблагодарныхъ рабовъ Онъ предалъ смерти Своего Единороднаго Сына, смерти ужасной, позорной, свойственной самымъ дерзкимъ разбойникамъ, смерти неправедныхъ? Вѣдь Онъ былъ пригвожденъ ко кресту, подвергался оплеванію и заушеніямъ, Его били по щекѣ, и издѣвались надъ Нимъ, и вмѣсто благодарности за Его благодѣяніе Онъ былъ погребенъ, и гробъ его запечатанъ; и все
498 это Онъ потерпѣлъ для тебя, ради попеченія о тебѣ, дабы уничтожить тираннію грѣха, дабы разрушить твердыню діавола, порвать узы смерти, открыть намъ врата неба, освободить отъ тяготѣвшаго на тебѣ проклятія, отмѣнить первородное осужденіе, научить терпѣнію и воспитать въ силѣ, дабы ничто не огорчало тебя въ настоящей жизни,—ни оскорбленія, ни обиды, ни позоръ, ни бичи, ни нареканія враговъ, ни невзгоды, ни нападенія, ни клеветы, ни злыя подозрѣнія, и не что другое подобное. Для этого Онъ и самъ претерпѣлъ все это, испыталъ вмѣстѣ съ тобой, и надъ всѣмъ этимъ Онъ восторжествовалъ, поучая и тебя не бояться ничего подобнаго. Но не довольствуясь и этимъ, Онъ, отошедши на небеса, далъ тебѣ неизреченный даръ св. Духа и послалъ апостоловъ распространять Свое ученіе. И видя, какъ эти проповѣдники жизни переносили тысячи золъ, подвергались бичеванію и оскорбленіямъ, были потопляемы, терпѣли голодъ и жажду, ежедневно находились въ опасности, ежедневно подвергались смерти, Онъ все это сносилъ для тебя, изъ любви къ тебѣ. Для тебя, человѣкъ, Онъ приготовилъ и царство, для тебя назначилъ неизреченное благо, это наслѣдіе на небесахъ, эти различные и многообразные дары, это блаженство, котораго нельзя изъяснить никакимъ словомъ. Имѣя столько доказательствъ промышленія Божія, доказательствъ въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ, доказательствъ

въ настоящей жизни и въ будущей, доказательствъ, которыя уже есть, которыя будутъ, которыя доставляетъ намъ каждый изъ переживаемыхъ дней, доказательствъ съ самаго начала творенія, доказательствъ въ серединѣ и въ концѣ, доказательствъ постоянныхъ, доказательствъ со стороны тѣла, со стороны души,—видя цѣлыя облака отовсюду доставляемыхъ свидѣтельствъ, возвѣщающихъ о Его промышленіи, — неужели ты еще сомнѣваешься? Нѣтъ, ты не сомнѣваешься; ты вѣришь въ промышленіе, ты убѣжденъ въ его существованіи. Итакъ не любопытствуй болѣе, ясно видя, что имѣешь Господа, Который любвеобильнѣе отцовъ, попечительнѣе матерей, болѣе исполненъ любви, чѣмъ новобрачный и новобрачная, радуется твоему спасенію и радуется даже болѣе, чѣмъ какъ радовался бы ты, избавившись отъ опасности смерти (какъ и показалъ чрезъ Іону), и видя всѣ эти доказательства любви, какую только отецъ можетъ имѣть къ дѣтямъ, или мать къ своимъ чадамъ, садовникъ къ растеніямъ, домостроитель къ своему искусству, новобрачный къ новобрачной, юноша къ дѣвицѣ, и желая удалить отъ тебя всякое зло, насколько востокъ удаленъ отъ запада, насколько небо выше земли (что и показали мы), и не только это, но и гораздо больше того,—какъ мы и показали, касаясь словомъ всего и приводя различные примѣры не только изъ понятныхъ образовъ, но и изъ превосходящихъ самое разумѣніе. Поистинѣ необъяснимо промышленіе Божіе, непостижимо Его попеченіе, неизреченна Его благость, и невообразимо Его человѣколюбіе.

Итакъ, видя все это, изъ того ли, что Онъ возвѣстилъ, изъ 499
того ли, что сдѣлалъ и что сдѣлаетъ, не любопытствуй и не испытывай, не говори: для чего это? Это было бы неразумно и свидѣтельствовало бы о крайнемъ безуміи и глупости, такъ какъ вѣдь никогда не спрашиваютъ врача, зачѣмъ онъ рѣжетъ, прижигаетъ, даетъ намъ горькое лѣкарство, хотя бы онъ былъ просто рабъ,—и больной, даже будучи его господиномъ, молча переноситъ всѣ свои боли, даже благодаритъ его за это прижиганіе, за это лѣкарство, и хотя не знаетъ, что можетъ выйти отсюда (а многіе врачи, дѣлая это, убивали многихъ), однако повинуется ему во всемъ съ полной покорностью. То же самое и въ отношеніи мореплавателей, домостроителей, и всѣхъ занимающихся другими ремеслами. Поэтому, говорю я, было бы смѣшно и подумать, чтобы человѣкъ не знающій и неопытный сталъ доискиваться причины всякихъ явленій у Художника, подвергая своему любопытству несказанную мудрость Его, мудрость неизреченную, невыразимую, непостижимую, и доискиваться, для чего существуетъ то-то и то-то, особенно вполнѣ зная, что мудрость Его непогрѣшима, что бла-

гость Его велика, что промышленіе неизреченно, что все существующее направляется Имъ къ нашей пользѣ, только бы мы со своей стороны содѣйствовали промышленію, потому что Онъ никого не хочетъ погубить, но спасти. Такимъ образомъ не будетъ ли крайнимъ безуміемъ съ самаго начала и немедленно подвергать любопытству дѣла Того, Который хочетъ и желаетъ всѣхъ спасти, не ожидая даже окончанія того, что совершается?

Глава IX. Лучше всего было бы не любопытствовать ни сначала, ни послѣ; если же ты слишкомъ любопытенъ и нетерпѣливъ, то подожди хоть конца и посмотри, къ чему все это направляется, а прежде всего не бойся и не волнуйся. Какъ незнакомый съ дѣломъ, увидѣвъ, что золотыхъ дѣлъ мастеръ сначала расплавляетъ золото и затѣмъ мѣшаетъ его съ пепломъ и пылью, не ожидая конца, подумаетъ, что онъ погубилъ золото; или человѣкъ, родившійся и воспитавшійся на морѣ, будучи сразу перенесенъ на середину земли, никогда не слышавъ ранѣе о томъ, какъ обработываютъ ее, вдругъ увидѣлъ бы, какъ хлѣбъ, обыкновенно хранимый въ житницѣ, охраняемый дверями и запорами, предохраняемый противъ сырости, теперь самъ владѣлецъ всего этого хлѣба разсѣеваетъ и разбрасываетъ его по равнинѣ, отдаетъ на попраніе всѣмъ, кто проходитъ по его полю, и не только не охранетъ противъ сырости, но даже бросаетъ его въ грязь и сырость, не приставляетъ къ нему и сторожей,—не подумалъ ли бы онъ, что хлѣбъ этотъ погубленъ, и не сталъ ли бы онъ порицать земледѣльца, дѣйствующаго такимъ образомъ? Между тѣмъ, это осужденіе выходило бы не изъ сущности дѣла, а изъ неопытности и непониманія человѣка, который слишкомъ скоро произноситъ свой судъ. Пусть онъ подождетъ лѣта, когда явится роскошная жатва, наточены будутъ серпы, когда окажется что хлѣбъ, разбросанный тамъ и сямъ, оставленный безъ охраны, предоставленный тлѣнію и гніенію, повергнутый въ грязь, выросъ, умножился, сдѣлался еще прекраснѣе, сбросилъ съ себя ветхость, украсился бóльшей силой, имѣя какъ бы копьеносцевъ и ополченіе, поднимáетъ вверхъ голову, увеселяетъ зрителя, и доставляетъ большую пользу,—и тогда онъ чрезвычайно удивится тому, что
500 послѣ такихъ превратностей плодъ получилъ такое благообразіе и такую красоту! Поэтому и ты, человѣкъ, не подвергай своему любопытству общаго для всѣхъ насъ Господа; если же ты настолько любопытенъ и дерзокъ, чтобы предаваться даже такому безумству, то по крайней мѣрѣ подожди окончанія. Вѣдь если земледѣлецъ ожидаетъ въ теченіе всей зимы, взирая не на то, чему подвергается хлѣбъ во время холода, а на то, чѣмъ ему предстоитъ наслаждаться въ будущемъ, то тѣмъ болѣе и Тотъ,

Кто обрабатываетъ всю вселенную и заботится о нашихъ душахъ, достоинъ того, чтобы ты подождалъ конца; конецъ же я разумѣю не только въ настоящей жизни (часто бываетъ и здѣсь), но и въ будущей. Конецъ обѣихъ этихъ жизней направляется къ одному и тому же домостроительству, именно къ нашему спасенію и прославленію. Если по времени онѣ и разъединены, то по цѣли совпадаютъ между собою; и подобно тому, какъ въ теченіе года бываетъ зима и лѣто, но оба эти времени сводятся къ одному и тому же, именно къ созрѣванію плодовъ, такъ то же примѣнимо и къ нашимъ дѣламъ. Поэтому, когда ты видишь, что церковь разсѣяна и до крайности страдаетъ, что свѣтильники ея подвергаются гоненію и бичеванію, настоятели ея сосланы далеко, то не смотри на это только, но и на то, что выйдетъ отсюда,—на вѣнцы, награды, возмездія, предоставляемыя побѣдителямъ: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Матѳ. х, 22), говоритъ Писаніе. Въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда еще не извѣстно было ученіе о воскресеніи, то и другое совершалось въ настоящей жизни; при Новомъ же Завѣтѣ не всегда такъ, но бываетъ здѣсь скорбь, а блаженства нужно ожидать въ будущей жизни. Хотя блага выпадали (іудеямъ) и въ настоящей жизни, но они были бы гораздо болѣе достойны удивленія, если бы не наслаждались ими, потому что, не зная еще ясно ученія о воскресеніи и видя, что все идетъ вопреки обѣтованій Божіихъ, они не смущались, не боялись, и не безпокоились, а предавались Его непостижимому промышленію, нисколько не соблазняясь тѣмъ, что все совершается наоборотъ, но, зная всю безграничность и неистощимость Его премудрости, ожидали бы конца; а еще лучше, если бы и раньше конца съ благодарностью переносили все случающееся съ ними и не переставали славословить Бога, посылающаго страданія. Быть можетъ, разсужденіе это покажется вамъ неяснымъ; поэтому я попытаюсь сдѣлать его яснѣе.

Глава X. Когда Авраамъ сдѣлался уже старъ, и вслѣдствіе преклоннаго возраста омертвѣлъ для чадорожденія, такъ какъ для того, чтобы сдѣлаться отцомъ, жизненныхъ силъ у него оставалось не больше, какъ у умершаго,—когда этотъ праведникъ состарился, и очень состарился, далеко за предѣлы естественнаго чадорожденія, притомъ и сожительницей имѣя Сарру, болѣе безплодную, чѣмъ камень, Богъ обѣтовалъ ему, что онъ будетъ отцомъ стольких потомковъ, что своимъ множествомъ 501
они превзойдутъ самое множество звѣздъ. Къ этому было много препятствій, потому что патріархъ достигъ уже послѣдняго предѣла своего возраста, а его жена была вдвойнѣ безплодной и по своему возрасту, и по природѣ; она была безплодной

не по старости только, а и по самой природѣ, потому что, и будучи молодой, она была безполезнымъ орудіемъ природы; вообще эта женщина была безплодной. Поэтому Павелъ, указывая на это обстоятельство, сказалъ: *и мертвости ложеснъ Сарриныхъ* (Рим. IV, 19). Не просто сказалъ—*мертвость Саррина*, чтобы не подразумѣвать только возраста, но *мертвость ложеснъ* ея, сдѣлавшуюся не отъ времени только, но отъ самой природы. Несмотря, какъ я сказалъ, на столько великихъ препятствій и зная, что это есть обѣтованіе Божіе, какъ оно богато источниками и средствами, какъ оно не останавливается предъ препятствіями ни въ законахъ природы, ни въ трудности самаго дѣла, ни въ чемъ-либо другомъ, а идетъ вопреки всего, приводя обѣтованное въ исполненіе, (Авраамъ) принялъ сказанное, повѣрилъ обѣтованію и, всецѣло изгнавъ опасеніе изъ разума, счелъ все это достовѣрнымъ, думая, какъ это и дѣйствительно, что у Бога достаточно могущества, чтобы сдержать Свое слово, и не доискивался, какъ и какимъ образомъ все будетъ, для чего все это случилось не въ молодости, а въ старости, и вообще такъ поздно. Поэтому и Павелъ прославляетъ его, радостнымъ голосомъ говоря: *иже, паче упованія, во упованія вѣрова, во еже быти ему отцу многимъ языкамъ.* (Рим. IV, 14). Что такое: *паче упованія, во упованія*? Вопреки упованію человѣческому—во упованіе Божіе, все побѣждающее, все могущее, все совершающее. И онъ повѣрилъ не только тому, что будетъ отцомъ, но и отцомъ многихъ народовъ, и это онъ — старецъ, бездѣтный, имѣвшій жену безплодную и состарившуюся,—какъ сказано ему: *тако будетъ сѣмя твое, и не изнемогъ вѣрою, ни усмотри своея плоти уже умерщвленныя, столѣтенъ нѣгдѣ сый, и мертвости ложеснъ Сарриныхъ. Въ обѣтованіи же Божіи не усумнѣся невѣрованіемъ, но возможе вѣрою, давъ славу Богови, и извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити* (Рим. IV, 19—21). Изреченіе же это означаетъ: тотчасъ ободрившись и отбросивъ отъ себя немощь человѣческую, всецѣло полагаясь на обѣщавшаго, принимая во вниманіе Его неизреченную силу, онъ убѣдился вполнѣ, что все сказанное будетъ. И онъ особенно прославляетъ Бога не тѣмъ, что любопытствовалъ или добивался познаній, но тѣмъ, что смирился передъ непостижимостью Его премудрости и силы и нисколько не сомнѣвался въ сказанномъ. Видишь ли, что особенно славить Бога значитъ всегда преклоняться передъ непостижимостью Его промышленія и передъ неизреченною силою Его премудрости, а не любопытствовать, не доискиваться и не совопросничать: для чего это, къ чему это, какъ это будетъ? Удивительно же не это одно, а то, что, и получивъ повелѣніе принесть въ жертву сына своего

единороднаго и истиннаго, послѣ такого обѣтованія, онъ не смутился тогда, хотя было много причинъ, которыя могли бы смутить человѣка невнимательнаго и не бодрствующаго. И прежде всего могло бы смутить самое повелѣніе: неужели Богъ принимаетъ такія жертвы, неужели повелѣваетъ отцамъ быть дѣтоубійцами, разрушать жизнь насильственной кончиной, предавать 502
дѣтей безвременной смерти, собственноручно убивать рожденныхъ отъ себя, — неужели Онъ хочетъ осквернять Свой жертвенникъ пролитіемъ такой крови, вооружая десницу отца противъ единороднаго сына, дѣлать праведника свирѣпымъ убійцей? Кромѣ того, не могла не волновать и не устрашать и сама природа, не потому только, что онъ былъ отецъ, но и потому, что онъ былъ отецъ любящій, былъ отецъ сына истиннаго и единороднаго, который былъ красивъ видомъ и хорошъ умомъ. Притомъ (сынъ его) находился и въ такомъ возрастѣ, и въ такомъ разцвѣтѣ добродѣтели, что вдвойнѣ сіялъ и благообразіемъ души и благообразіемъ тѣла. Любовь у него къ сыну была не малая, и именно потому, что онъ получилъ его вопреки всякой надежды. Вы знаете, какъ любезны тѣ дѣти, которыя являются вопреки надеждъ и ожиданій, а не по закону природы,— а таковъ и былъ (Исаакъ). Но помимо всего этого, что особенно могло причинять соблазнъ, такъ это было самое обѣтованіе и обѣщаніе: приказаніе стояло въ полномъ противорѣчіи съ нимъ. Обѣщаніе было таково: *тако будетъ сѣмя твое, яко звѣзды небесныя* (Быт. xv, 5) Повелѣніе же состояло въ томъ, чтобы сына единороднаго, отъ котораго должна была наполниться вся вселенная, онъ взялъ изъ среды людей и предалъ смерти и жесточайшему закланію. Но и это не смутило праведника, и этого не убоялся онъ, и это нисколько не причинило ему страданія, какъ оно причинило бы страданіе всякому неразумному и пресмыкающемуся. Онъ не сказалъ самому себѣ: что это? Неужели я обманутъ, неужели обольщенъ? Неужели это повелѣніе Божіе? Нѣтъ, не повѣрю; мнѣ постыдно сдѣлаться дѣтоубійцей, и этой кровью осквернить мою десницу; какъ же исполнится обѣтованіе, и если я вырву корень, откуда же явятся вѣтви и откуда плоды? Если изсушить источникъ, откуда потекутъ рѣки? Если я убью сына, откуда явится множество потомковъ, превосходящихъ множество звѣздъ? Какъ Онъ обѣщалъ одно и теперь повелѣваетъ противоположное? Онъ ничего не сказалъ подобнаго и не подумалъ даже; но опять, полагаясь на всемогущество Того, Кто далъ ему это обѣтованіе, на безконечное могущество, которое, столь богатое средствами и способами устранять всѣ препятствія, стоитъ выше всѣхъ законовъ природы и сильнѣе всего существующаго, не встрѣчаетъ ничего такого, что бы могло про-

тивиться ему,— онъ исполнилъ бы повелѣніе и съ великою увѣренностью заклалъ бы своего сына, обагрилъ бы свою десницу, окровавилъ бы свой ножъ и опустилъ бы мечъ на шею сына, да онъ и исполнилъ все это—если не на дѣлѣ, то въ мысли. Поэтому и Моисей, удивляясь ему, говоритъ: *и бысть по глаголѣхъ сихъ, Богъ искушаше Авраама и рече ему: пойми сына твоего возлюбленнаго, его же возлюбилъ еси, Исаака, и вознеси его на едину отъ горъ, ихже ти реку* (Быт. XXII, 1, 2). Это ли слова обѣщанія, слова обѣтованія, говорящія, что онъ будетъ отцомъ множества потомковъ, и сѣмя его будетъ, какъ звѣзды небесныя? Видишь, какъ послѣ такихъ словъ, услышавъ, что должно принесть въ жертву своего сына, онъ взялъ его,—того, отъ котораго долженъ былъ получить множество потомковъ, чтобы именно умертвить и принести его въ жертву, удалить изъ среды людей, вознести на алтарь Богу. Поэтому и
503 Павелъ, удивляясь ему, такъ опять увѣнчалъ и прославлялъ его, говоря: *вѣрою приведе Авраамъ Исаака искушаемь*; и затѣмъ показавъ, какое именно онъ совершилъ дѣло и какую обнаружилъ вѣру, продолжаетъ: *и единороднаго приношаше обѣтованія пріемый* (Евр. XI, 17). А это означаетъ: нельзя сказать, что у Авраама было два родныхъ сына и, что, по принесеніи въ жертву одного, онъ могъ надѣяться, что будетъ отцомъ множества народовъ отъ другого; но у него былъ только одинъ сынъ и къ этому одному относилось обѣтованіе; и хотя этого именно онъ и долженъ былъ принести въ жертву, однако, какъ при обѣтованіи о его рожденіи вѣрѣ его не воспрепятствовало ни собственное омертвѣніе, ни природное безплодіе его жены, такъ и здѣсь онъ не смущенъ былъ смертью (сына). Сравни же все это съ совершающимся теперь, и увидишь свое малодушіе, увидишь суетность соблазняющихся, и тебѣ будетъ ясно, что этотъ соблазнъ происходитъ въ тебѣ не отъ чего-либо другого, какъ отъ того, что ты не преклоняешься предъ неизъяснимымъ промышленіемъ Божіимъ, а стараешься во всемъ доискиваться способа Его домостроительства, добиваешься причины всего совершающаго, и во все хочешь проникнуть своимъ любопытствомъ. Если бы все это допустилъ Авраамъ, то онъ поколебался бы въ вѣрѣ. Но онъ не допустилъ, поэтому и прославился и получилъ обѣщанное: онъ не смутился ни старостью, ни послѣдовавшимъ затѣмъ повелѣніемъ. Онъ не думалъ, что это повелѣніе можетъ послужить препятствіемъ обѣтованію, или что эта жертва разрушитъ обѣтованіе, и не впадалъ въ отчаяніе касательно обѣтованія, хотя уже и достигши самаго предѣла земной жизни. Не говори мнѣ, что Богъ зналъ, что повелѣніе это не будетъ приведено въ исполненіе и что десница праведника не обагрится кровью; но смотри на то,

что праведникъ не зналъ ничего объ этомъ, ничего о томъ, что онъ получитъ своего сына обратно, и такимъ образомъ возвратится съ нимъ домой, такъ какъ напротивъ всѣ его мысли были заняты принесеніемъ его въ жертву. Поэтому и дважды призывается онъ съ неба. Богъ не просто сказалъ ему: *Авраамe*, но дважды: *Авраамe, Авраамe*, такимъ призываніемъ возбуждая и укрѣпляя въ немъ склонность къ приказываемому жертвоприношенію: такъ безусловно было это повелѣніе. Видишь, какъ все въ его мысли было исполнено, и не было никакого соблазна. Причина же этого заключается въ томъ, что онъ своимъ любопытствомъ не проникалъ въ дѣло Божіе. А что Іосифъ? Скажи мнѣ,— развѣ онъ не вѣровалъ также? Вѣдь и ему дано было отъ Бога великое обѣтованіе, а въ дѣйствительности опять случилось все вопреки этому обѣтованію. Въ сновидѣніяхъ ему дано было обѣтованіе, что братья будутъ поклоняться ему, и это возвѣщено было двоякимъ образомъ,—сначала при посредствѣ свѣтилъ, а затѣмъ при посредствѣ сноповъ. Все же происшедшее послѣ этихъ видѣній было вопреки видѣніямъ. Прежде всего, противъ него подъ отеческимъ кровомъ началась жестокая вражда, и его братья, порывая съ нимъ всякую связь, разрушая законы родства и разрывая узы братскаго расположенія, наконецъ, уничтожая самыя велѣнія природы, сдѣлались вслѣдствіе этихъ видѣній врагами и непріятелями ему, даже злѣе враговъ по отношенію къ своему 504
брату, и какъ дикіе и свирѣпые звѣри, имѣя среди себя агнца, ежедневно злоумышляли противъ него. Матерью же этой вражды была неразумная зависть и несправедливая ревность: пылая гнѣвомъ, они ежедневно замышляли убійство, а зависть разжигала въ нихъ какъ бы огненную печь, изъ которой вырывалось пламя. Но такъ какъ они не могли причинить ему никакого вреда, пока онъ находился и жилъ со своими родителями, то они чернили его поведеніе, распространяли о немъ постыдную молву, возводили злыя обвиненія, желая подорвать этимъ любовь къ нему отца и сдѣлать его воспріимчивымъ къ навѣту. Потомъ, встрѣтивъ его вдали отъ отцовскаго глаза, увидѣвъ его въ пустынѣ, куда онъ принесъ имъ пищу и пришелъ повидѣться съ ними, они не устыдились повода его прибытія, не устыдились и братской трапезы, но наточили противъ него ножи и задумали погубить его; всѣ сдѣлались братоубійцами, хотя ровно ничего не могли выставить противъ обреченнаго ими на погибель; за то именно, за что слѣдовало бы увѣнчать и прославлять его, они относились къ нему съ завистью, враждой и клеветой. Онъ не только не удалился отъ общенія съ ними, но и при такой ихъ злобѣ обнаружилъ братскую любовь; а они порѣшили уничтожить его и, насколько

отъ нихъ зависѣло, убили его, обагрили свои руки и совершили братоубійство. Но безконечная премудрость Божія, все благоустрояющая и въ неблагоустроенномъ, въ самой бѣдственности и даже въ самыхъ вратахъ смерти исхитила его изъ ихъ злодѣйскихъ рукъ. Одинъ именно изъ братьевъ посовѣтовалъ имъ воздержаться отъ такого гнуснаго убійства, а это конечно внушилъ ему Богъ и тѣмъ воспрепятствовалъ убійству. Но ужасное дѣло не остановилось здѣсь, а продолжалось дальше. Хотя братья и встрѣтили препятствіе къ умерщвленію его, однако духъ ихъ еще пылалъ гнѣвомъ, ярость бушевала въ нихъ, велико было пламя ихъ страсти и оно перешло въ другую форму гнѣва. Снявъ съ него одежды и связавъ его, они бросили его въ яму—эти жестокіе, безчеловѣчные люди, и затѣмъ стали наслаждаться принесенной имъ пищей: самъ онъ, находясь въ ямѣ, трепеталъ за свою жизнь, они же упитывались и упивались.

Но безуміе ихъ не остановилось и здѣсь: увидѣвъ варварскихъ людей, которые изъ обитаемой ими страны направлялись въ Египетъ, они продали имъ своего брата, подготовляя ему этимъ другую смерть, еще болѣе продолжительную и жестокую, исполненную всякой бѣдственности. Будучи еще юношей нѣжнымъ, воспитаннымъ въ отцовскомъ домѣ съ великой свободой, совсѣмъ незнакомый съ рабствомъ и связанной съ рабствомъ бѣдственностью,—подумай только, что онъ тогда выстрадалъ, сразу сдѣлавшись рабомъ вмѣсто свободнаго, чужеземцемъ вмѣсто гражданина, и повергаясь въ ужасный плѣнъ. Не только онъ былъ повергнутъ въ рабство, но и лишенъ отца и матери и всего ему
505 принадлежащаго; нагой, уведенный въ чужую землю, бездомный и не имѣя своего города, онъ подвергнутъ былъ закону рабства въ варварскихъ рукахъ. Развѣ недостаточно было всего этого для того, чтобы повергнуть его въ страхъ? Развѣ легко было сносить внезапность, неожиданность, непредвидѣнность и жестокость судьбы и притомъ со стороны братьевъ,—тѣхъ братьевъ, которыхъ онъ любилъ и по отношенію къ которымъ не оказалъ ни великой ни малой несправедливости, а скорѣе благодѣтельствовалъ имъ? И однако ничто такое не смутило его, а отведенный купцами въ Египетъ, онъ переходилъ изъ одного рабства въ другое. Тамъ онъ опять сдѣлался рабомъ,— еврей жилъ въ варварскомъ домѣ,— это—благородный-то и свободный двоякой свободой, свободой тѣла и свободой души! Но и тутъ онъ не возмущался и не смущался случившимся, хотя и помнилъ о видѣніяхъ, которыя возвѣщали ему совсѣмъ иное; онъ даже и не любопытствовалъ, что же изъ всего этого будетъ? Между тѣмъ, какъ братоубійцы, эти волки и звѣри, совершивъ такое беззаконіе, наслаждались въ

отеческомъ домѣ, юноша, которому обѣщано было господствовать надъ ними, будучи теперь плѣнникомъ, рабомъ, уведеннымъ на чужбину, сносилъ крайнюю бѣдственность, и не только не господствовалъ надъ ними, но сдѣлался ихъ рабомъ, вынося какъ разъ противоположное тому, что обѣщано было ему въ видѣніи. Не только не получилъ онъ тогда господства, но лишенъ былъ и отечества и свободы и лицезрѣнія родителей. Но бѣдственность его не остановилась и здѣсь, а передъ нимъ открылась другая болѣе глубокая пропасть; опять предстояла ему смерть и гибель, смерть невыносимѣйшая, и гибель, исполненная стыда. Госпожа дома, смотря на него порочными глазами, увлеченная красотой юноши, очарованная его прекраснымъ лицемъ, начала строить противъ него козни и умыслы. Утопая въ роскоши, она ежедневно старалась уловить юношу въ собственные покои, ввергнуть его въ блудодѣйство и предать смерти безсмертной. Сжигаемая страстью и ежедневно палимая этой нечистой любовью, она ежедневно выходила на такую охоту и, заставъ его одного, насильственно старалась склонить къ этой порочной любви, принуждала вступить съ нею въ незаконную связь и старалась лишить его цѣломудрія. Но и здѣсь праведникъ не допустилъ себя до грѣха, но, съ великой легкостью преодолѣвъ и силу похоти, и страсти молодого возраста, и козни сладострастной жены, и соблазны госпожи, и волненія юности, и все то, что могло привесть къ паденію, и лицо и ярость госпожи, онъ какъ орелъ на легкихъ крыльяхъ поднялся въ высь, сбросилъ съ себя одежды и, оставляя ихъ въ сладострастныхъ рукахъ, вышелъ нагой, безъ одежды, имѣя свѣтлымъ одѣяніемъ для себя цѣломудріе, свѣтлѣе всякой багряницы. А этимъ опять онъ наточилъ противъ себя мечъ, опять предстояла ему смерть, еще сильнѣе вздымались волны, такъ какъ ярость этой женщины воспылала сильнѣе вавилонской печи. Похоть ея воспылала еще больше, а гнѣвъ, эта другая свирѣпѣйшая страсть, соединился съ великимъ звѣрствомъ, и 506
она стала умышлять на его жизнь и прибѣгла къ мечу, чтобы совершить беззаконнѣйшее убійство, старалась погубить поборника цѣломудрія и подвижника твердости и терпѣнія. Поспѣшивъ къ своему мужу, она разсказала обо всемъ случившемся — не такъ конечно, какъ было въ дѣйствительности, но какъ она сама лицемѣрно изложила это происшествіе, внушила судьѣ все, что хотѣла, жаловалась на оскорбленіе и, какъ потерпѣвшая ущербъ, требовала отомщенія, въ доказательство чего указывала и на одежды невиннаго юноши, оставшіяся въ ея нечистыхъ рукахъ. И обманутый судья не повелъ обвиняемаго въ судилище, не далъ ему слова, но человѣка, никогда не видѣвшаго судилища, осудилъ

какъ уличеннаго въ прелюбодѣяніи, ввергъ его въ темницу и обременилъ оковами. И вотъ человѣкъ, который заслуживалъ бы вѣнцовъ за свою добродѣтель, оказался въ темницѣ, вмѣстѣ съ обманщиками, грабителями гробницъ, убійцами и самыми послѣдними негодяями. И однако, ничто подобное не смутило его. Другой узникъ, провинившійся передъ царемъ, былъ отпущенъ, а онъ долженъ былъ долгое время оставаться въ темницѣ и нести тяжелое наказаніе за то, за что должно бы увѣнчать и прославлять его. И однако онъ не возмущался и не смущался, и не говорилъ: что это? Для чего это? Я, которому обѣщано господствовать надъ братьями, не только не получилъ такой чести, но и лишенъ отечества, и дома, и родителей, и свободы, и безопасности, и именно со стороны тѣхъ, которые должны бы поклоняться мнѣ. Послѣ совершенія ими надо мною злодѣйства я сдѣлался рабомъ варваровъ и постоянно мѣнялъ господъ. Однако, и здѣсь еще не прекратилась моя бѣдственность, а повсюду мнѣ угрожаютъ бѣдствія и козни. Послѣ коварства братьевъ, послѣ бѣдствія и рабства какъ перваго, такъ и второго, опять мнѣ угрожали смерть и коварство жесточе прежняго, и навѣты, и пагуба, и неправедное судилище, и постыдное обвиненіе, угрожавшее гибелью. Не получивъ права слова, я просто и безъ суда ввержень былъ въ темницу и обремененъ узами вмѣстѣ съ прелюбодѣями, братоубійцами и самыми негодными людьми. Виночерпій избавился и отъ узъ и отъ темницы; я же не могу пользоваться послѣ него никакой безопасностью; хотя ему исполнился на дѣлѣ сонъ по моему толкованію, но я нахожусь въ невыносимомъ бѣдствіи. Это ли возвѣщали бывшія мнѣ видѣнія? Это ли возвѣщало извѣстное число звѣздъ? Это ли возвѣщали снопы? Куда же дѣвались обѣтованія? Куда дѣвались обѣщанія? Неужели я былъ обманутъ? Неужели я былъ обольщенъ? Гдѣ же наконецъ покланяются мнѣ братья, мнѣ, рабу, плѣннику, узнику, объявленному прелюбодѣемъ, находящемуся въ крайней опасности, столь далеко живущему отъ нихъ? Все исчезло и погибло.—Ничего подобнаго онъ не говорилъ и не думалъ, а ожидалъ конца, зная, какъ безконечна и находчива премудрость Божія, и не только не смущался, но даже восторгался и хвалился по поводу всего происходившаго.

А что, скажи мнѣ, было съ Давидомъ? Развѣ онъ, послѣ
507 того какъ уже пользовался царствомъ, принялъ по голосу Божію скипетръ народа еврейскаго и одержалъ блистательную побѣду надъ варварами, развѣ онъ не перенесъ самыхъ тяжелыхъ бѣдствій, подвергаясь враждѣ и навѣтамъ отъ Саула, опасаясь за самую свою жизнь, вовлекаемый въ народную борьбу, постоянно

гонимый въ пустыню, сдѣлавшійся бродягой, лишеннымъ города и дома переселенцемъ? Нужно ли говорить много? Наконецъ онъ лишился отечества и совсѣмъ удаленъ былъ изъ собственной страны, жилъ у враждебныхъ, самыхъ непріязненныхъ варваровъ, ведя жизнь тяжелѣе рабства, такъ какъ не имѣлъ даже и необходимой пищи. И все это онъ терпѣлъ послѣ посѣщенія его Самуиломъ, послѣ возліянія на него елея, послѣ обѣтованія ему царства, послѣ скипетра, послѣ діадемы, послѣ рукоположенія Божія и избранія; и несмотря на это ничто не смущало его, и онъ не говорилъ: что это? Я, царь, которому слѣдовало бы пользоваться властью, не могу имѣть и такой безопасности, какая принадлежитъ самому простому человѣку, а сдѣлался бродягой, бѣглецомъ, человѣкомъ безъ города и безъ дома, странникомъ, удалился въ варварскую страну, лишенъ необходимой пищи и ежедневно вижу, какъ угрожаетъ мнѣ крайняя опасность. Гдѣ же обѣщаніе царства? Гдѣ обѣтованіе мнѣ владычества?—Ничего подобнаго онъ не говорилъ и не думалъ; онъ не смущался тѣмъ, что было, но ожидалъ исполненія обѣщанія. Можно бы разсказать еще о тысячѣ другихъ людей, которые, подвергаясь самымъ жестокимъ бѣдствіямъ, не страшились, а полагаясь на обѣщанія Божія, хотя бы случилось и противное имъ, такимъ прекраснѣйшимъ терпѣніемъ заслужили себѣ свѣтлые вѣнцы. Такъ и ты, возлюбленный, терпи самъ и ожидай конца, — потому что все исполнится здѣсь ли, или въ будущемъ вѣкѣ. Повсюду преклоняйся передъ непостижимостью промышленія и не говори: какъ же за всѣ бѣдствія будетъ дано возмездіе? И не доискивайся, какимъ способомъ совершаются дѣла Божіи.

Глава XI. Всѣ эти праведники не доискивались того, какъ и какимъ образомъ совершается все это; но видя, что все это непостижимо для человѣческаго разума, не устрашались и не возмущались, а все мужественно сносили, имѣя величайшую увѣренность въ силѣ обѣщающаго дать будущія блага, и не впадали, въ виду противоположной дѣйствительности, въ отчаяніе. Они ясно видѣли, что, будучи благоустрояющимъ и мудрымъ, Богъ можетъ и послѣ разрушенія все возстановить лучше прежняго, и съ великою точностью исполнить обѣщанное. Такъ и ты, возлюбленный, когда тебя въ настоящей жизни обнимаетъ скорбь, прославляй Бога; когда подвергаешься и бѣдствіямъ, также благодари, нисколько не смущайся, потому что промышленіе Божіе безконечно и неизслѣдимо, и все получитъ свой должный конецъ въ настоящей ли жизни, или въ будущей. Если же бы кто, слушая меня, по своему малодушію подумалъ, что все должно 508
совершиться еще здѣсь, то мы скажемъ, что истинная жизнь и

непроходящія блага ожидаютъ насъ только тамъ. Настоящая жизнь есть лишь путь, а тамошняя жизнь есть отечество; здѣшняя подобна весеннимъ цвѣтамъ, а тамошняя подобна недвижимымъ скаламъ; тамъ вѣнцы и награды не будутъ имѣть конца, тамъ назначаются награды побѣдителямъ, тамъ наказанія и муки нестерпимыя для дѣлающихъ злое. Что же, скажетъ кто-нибудь, ожидаетъ тамъ соблазняющихся? Но почему ты не говоришь о тѣхъ, которые особенно прославились, а указываешь на тѣхъ, которые сначала носили маску благочестія, а теперь изобличены? Не видишь ли, какъ очищается золото, какъ обнаруживается олово, какъ солома отдѣляется отъ хлѣба, волки отъ овецъ, притворяющіеся отъ истинно живущихъ въ благочестіи? Когда увидишь смущеніе таковыхъ, подумай о славѣ тѣхъ. Нѣкоторые поколебались, но еще больше таковыхъ, которые остались твердыми, заслужили великую себѣ награду, не отступая ни передъ силой навѣтовъ, ни передъ трудностью временъ. Смущающіеся пусть поразсудятъ сами съ собой: вѣдь три отрока были лишены и священниковъ, и храма, и жертвенника, и всего другого, что полагалось по закону, и однако, живя среди варваровъ, съ великой точностью исполняли законъ; то же самое было и съ Даніиломъ и со многими другими; и они, уведенные въ плѣнъ, не нарушали ничего, между тѣмъ какъ другіе, оставаясь дома и пользуясь всѣмъ въ своемъ отечествѣ, пали и были осуждены.

Глава XII. Если бы ты изслѣдовалъ, для чего допускается все это, и не преклонился передъ неизреченными тайнами дѣйствій Божіихъ, а старался все разузнать, постепенно проникая дальше и доискиваясь многаго другого, напримѣръ: для чего явились ереси, для чего діаволы, для чего демоны, для чего злые люди, соблазняющіе многихъ, и главнѣе всего этого — для чего приближается антихристъ, имѣющій такую силу къ обольщенію, что, какъ говоритъ Христосъ, онъ будетъ дѣлать нѣчто такое и такъ, что въ состояніи будетъ соблазнить даже и избранныхъ. Но ты не долженъ доискиваться этого, а все нужно предоставить неисповѣдимой премудрости Божіей. Кто уже твердо увѣровалъ, то хотя бы ярились безчисленныя волны, хотя бы поднимались безчисленныя бури, онъ не только не потерпитъ никакого вреда, но сдѣлается еще болѣе сильнымъ; слабый, разсѣянный и малодушный человѣкъ часто падаетъ, когда никто не толкаетъ его. Если же хочешь узнать и причину этого, послушай нашего наставленія. Есть много и другого, что̀ различнымъ образомъ засвидѣтельствовало бы намъ о домостроительствѣ Божіемъ; но мы скажемъ о томъ, что намъ извѣстно. Мы говоримъ, что соблазны

попускаются для того, чтобы не уменьшалась твердость мужественныхъ; вотъ что въ бесѣдѣ съ Іовомъ заявилъ Богъ, говоря: *мниши ли Мя инако тебе сотворша, развѣ да явишися праведенъ* (Іов. xl, 8). Также и Павелъ говоритъ: *подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ васъ* (1 Кор. xi, 19). Когда ты слышишь это изреченіе: *подобаетъ бо и ересемъ быти*, то не думай, что онъ говоритъ это въ смыслѣ приказанія или законоположенія; совсѣмъ нѣтъ, но онъ предсказываетъ этимъ будущее и заранѣе напоминаетъ бодрствующимъ о предстоящей имъ пользѣ отъ этого. Когда вы устоите противъ обольщенія, говоритъ, тогда именно яснѣе обнаружится ваша добродѣтель. Поэтому же, а также и по другой причинѣ попущены были злые люди, именно, чтобы и они не были лишены возможности извлечь пользу изъ могущей произойти съ ними перемѣны. Такъ именно спасенъ былъ Павелъ, такъ разбойникъ, такъ блудница, такъ мытарь, такъ и многіе другіе. Если же бы прежде, чѣмъ обратиться, они были взяты отсюда, никто изъ нихъ не спасся бы. Касательно антихриста Павелъ высказываетъ и другую причину. Какую же именно? А ту, чтобы устранить всякую возможность извиненія для іудеевъ. Какое бы могли имѣть извиненіе тѣ, которые, не принявъ Христа, стали бы вѣровать въ антихриста? Поэтому и говоритъ апостолъ: *да судъ пріимутъ вси, не вѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ* (2 Θесс. II, 11), т. е. антихристу. Вѣдь іудеи говорили, что не вѣровали Христу потому, что Онъ называлъ самого Себя Богомъ: *каменіе не мещемъ на Тя, но о хулѣ яко Ты человѣкъ сый, твориши Себе Бога* (Іоан. x, 33), хотя они и слышали, что Онъ наибольшее могущество приписывалъ Отцу и говорилъ, что пришелъ съ Его соизволенія, что и засвидѣтельствовалъ многими дѣлами: что же они скажутъ, когда примутъ антихриста, который будетъ говорить, что онъ есть Богъ и, ничего не упоминая объ Отцѣ, все будетъ дѣлать вопреки Ему? Поэтому Христосъ, укоряя ихъ, предсказывалъ, говоря: *Азъ пріидохъ во имя Отца Моего и не пріемлете Мене; аще инъ пріидетъ во имя свое, того пріемлете* (Іоан. v, 43). Вотъ почему и допущенъ соблазнъ. Если ты говоришь, что есть соблазняющіеся, то я представлю тебѣ еще больше тѣхъ, которые прославились, и опять тебѣ скажу то же самое, что не должно, чтобы ради небреженія и лѣности другихъ получили ущербъ въ воздаяніи наградъ могущіе бодрствовать и внимать и лишились изъ-за этого многочисленныхъ вѣнцовъ. Они не стали бы подвергаться испытанію, если бы не получали залоговъ награды за эту борьбу; если слабые и получаютъ вредъ отсюда, то они не могутъ по крайней мѣрѣ обвинять въ этомъ кого-нибудь другого, а должны самихъ себя винить въ паденіи, осо- 509

бенно въ виду примѣра тѣхъ, которые не только не соблазнились, но сдѣлались еще болѣе славными и сильными.

Глава XIII. Какими священниками пользовался Авраамъ, скажи мнѣ, какими учителями? Какими назиданіями? Какими увѣщаніями, какими совѣтами? Тогда не было еще ни Писаній, ни закона, ни пророковъ и ничего другого подобнаго: онъ плылъ по неизслѣдованному морю, шелъ неиспытаннымъ путемъ, притомъ и родившись въ нечестивомъ домѣ и отъ нечестиваго отца. Но ничто такое не повредило ему, а онъ просіялъ такою добродѣтелью, что и долго спустя, послѣ пророковъ, послѣ закона и долгаго воспитанія, которое посредствомъ знаменій и чудесъ
510 Христосъ преподавалъ людямъ,—все это предваряя, онъ показалъ на дѣлѣ именно искреннюю и горячую любовь, пренебреженіе къ деньгамъ, попеченіе о близкихъ по рожденію; попирая все земное, и отбросивъ славу и распущенную жизнь, онъ сталъ жить строже монаховъ, обитающихъ на вершинахъ горъ. У него не было даже и дома, а была только палатка изъ листьевъ, едва способная прикрывать голову праведнику; будучи самъ чужеземцемъ, онъ не пренебрегалъ гостепріимствомъ, а самъ будучи чужеземцемъ на чужбинѣ, принималъ тѣхъ, которые приходили въ полдень, и служилъ имъ. Онъ служилъ имъ самъ, и въ этомъ добромъ дѣлѣ соучастницей сдѣлалъ и жену свою. А чего только онъ не сдѣлалъ для своего племянника, хотя тотъ худо относился къ нему, хотѣлъ захватить даже лучшую часть пастбища, и это послѣ предложеннаго ему выбора? Не пролилъ ли онъ изъ-за него и крови? Не вооружалъ ли всѣхъ домочадцевъ, не повергалъ ли себя явной опасности? Когда ему приказано было оставить домъ, отойти въ чужую страну, не тотчасъ ли же онъ послушался? Оставляя и отечество, и друзей, и всѣхъ родственниковъ, и вѣруя въ повелѣніе Божіе, не оставилъ ли онъ все наличное, ожидая неизвѣстнаго съ гораздо большей увѣренностью, чѣмъ наличное, ради обѣтованія Божія, которому онъ вѣрилъ непреклонно? Послѣ всего этого, съ наступленіемъ голода, онъ опять сдѣлался странникомъ, и однако не боялся и не смущался, а опять проявилъ то же послушаніе, любомудріе и терпѣніе, и отправился въ Египетъ, и повинуясь голосу повелѣвающаго Бога, не разлученъ ли онъ былъ съ своей женой, не видѣлъ ли онъ, какъ египтянинъ оскверняль ее, насколько было возможно для него, и будучи пораженъ въ самое чувствительное мѣсто, не потерпѣлъ ли онъ того, что хуже самой смерти? Что можетъ быть, скажи мнѣ, тяжелѣе, какъ видѣть, что жена, связанная съ нимъ закономъ брака, послѣ столькихъ обѣтованій похищена была у него варварскимъ нечестіемъ, введена внутрь царскихъ палатъ и оскор-

блена? Если даже въ дѣйствительности и не случилось такъ, то онъ все-таки ожидалъ этого, и все сносилъ мужественно, такъ что ни бѣдствія не смущали его, ни благоденствіе не возгордило его, но и во времена бѣдственности онъ сохранилъ то же самое состояніе духа. А когда обѣщанъ былъ ему сынъ, то не было ли безчисленныхъ препятствій, — препятствій отъ самаго разума? Но, преодолѣвая всѣ ихъ, подавляя всѣ сомнѣнія, не возсіялъ ли онъ вѣрою? Когда же потомъ ему дано было повелѣніе принести своего сына въ жертву, не повелъ ли онъ его съ великой скоростью, какъ будто велъ его на бракъ какъ жениха? Какъ будто попирая самую свою природу и переставъ быть человѣкомъ, не принесъ ли онъ эту странную и необычайную жертву и не одинъ ли выдержалъ борьбу, не призывая къ себѣ на помощь ни жены, ни домочадца, ни кого-либо другого? Онъ зналъ, хорошо зналъ высоту цѣли, тягость этого повелѣнія, величіе этой борьбы; поэтому 511
одинъ порѣшилъ совершить это дѣло и, совершивъ этотъ подвигъ, получилъ вѣнецъ и былъ провозглашенъ побѣдителемъ. Какой священникъ наставлялъ его на это? Какой учитель, какой пророкъ? Ровно никто, но онъ самъ имѣлъ благомыслящую душу, а ея и достаточно было во всѣхъ этихъ дѣлахъ. А что было съ Ноемъ? Какого имѣлъ онъ священника, какого учителя, какого наставника? Не одинъ ли онъ, когда вся вселенная погрузилась въ зло, шелъ противоположнымъ путемъ, соблюдалъ добродѣтель, и такъ просіялъ, что при потопленіи вселенной и самъ спасся и другихъ избавилъ отъ обуревающихъ опасностей доблестью собственной добродѣтели? Почему онъ сдѣлался праведникомъ, почему совершеннымъ? Имѣлъ ли онъ какого священника или учителя? Никто не могъ бы сказать, что имѣлъ. А сынъ его, хотя и имѣвшій надлежащаго учителя, именно добродѣтель своего отца, пользуясь наставленіями и черезъ дѣла, видя исходъ самыхъ дѣлъ, имѣя урокъ и въ погибели (рода человѣческаго) и въ спасеніи своего семейства, былъ злымъ по отношенію къ нему, посмѣялся надъ наготой родителя и отдалъ его на посмѣяніе. Видишь ли, что повсюду требуется благородство души? А что, скажи мнѣ, было съ Іовомъ? Какихъ пророковъ онъ слышалъ, какимъ ученьемъ онъ пользовался? Никакимъ. Однако и онъ, не имѣя ничего такого, съ великимъ рвеніемъ проявлялъ всѣ виды добродѣтели. Свое имѣніе онъ дѣлилъ съ нуждающимися, и не только имѣніе, но и самое тѣло. Въ своемъ дому онъ принималъ странниковъ и домъ его принадлежалъ скорѣе послѣднимъ, чѣмъ самому владѣльцу; крѣпостью же своего тѣла онъ помогалъ угнетаемымъ, силой и мудростью языка поражалъ клеветниковъ и обнаруживалъ евангельское благоразуміе, про-

являвшееся во всѣхъ его дѣлахъ. Смотри же: *блажени нищіи духомъ*, говоритъ Христосъ (Матѳ. v, 3), а это онъ и оправдывалъ своими дѣлами. *Азъ же презрѣхъ*, говоритъ, *судъ раба моего, или рабыни, прящимся имъ предо мною: что бо сотворю, аще испытаніе сотворитъ мнѣ Господь? Еда не якоже и азъ бѣхъ во чревѣ, и тіи быша? Бѣхомъ же въ томъ же чревѣ* (Іов. XXXI, 13 — 15). *Блажени кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю* (Матѳ. v, 5). А что кротче было того, о которомъ домочадцы говорили: *кто убо далъ бы намъ отъ плотей его насытитися* (Іов. XXXI, 31)? — такъ они сильно любили его. *Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся* (Матѳ. v, 4); и этой добродѣтели онъ не былъ чуждъ. Послушай, что онъ говоритъ: *аще же и согрѣшая неволею не посрамихся народнаго множества, еже не повѣдахъ предъ ними беззаконія моего* (Іов. XXXI, 33 — 34). Человѣкъ такого настроенія очевидно плакалъ съ великимъ избыткомъ. *Блажени алчущіи и жаждущіи правды* (Матѳ. v, 6). Смотри, и это съ избыткомъ исполнялось имъ: *сотрохъ*, говоритъ, *членовныя неправедныхъ, отъ среды же зубовъ ихъ грабленіе изъяхъ* (Іов. XXIX, 17). *Въ правду же облачахся, одѣвахся же въ судъ яко въ ризу* (тамъ же, 14). *Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ* (Матѳ. v, 7); а Іовъ былъ милостивъ не только въ
512 деньгахъ, не только въ томъ, что одѣвалъ нагихъ, кормилъ алчущихъ, помогалъ вдовамъ, защищалъ сиротъ, исцѣлялъ раны, но и самымъ сочувствіемъ души. *Азъ же о всякомъ немощнѣмъ восплакахся, воздохнувъ же, видѣвъ мужа въ бѣдахъ* (Іов. XXX, 25). Какъ бы будучи общимъ отцомъ для всѣхъ несчастныхъ, онъ приходилъ на помощь въ несчастьи къ однимъ, оплакивалъ бѣдствія другихъ и обнаруживалъ милосердіе въ словахъ и дѣлахъ, своимъ состраданіемъ и своими слезами дѣлаясь какъ бы общимъ покровомъ для всѣхъ. *Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. v, 8). И это также оправдалось на немъ. Послушай, что Богъ свидѣтельствуетъ о немъ: *нѣсть, яко онъ, на земли человѣкъ непороченъ, истиненъ, благочестивъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. I, 8). *Блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное* (Матѳ. v, 10). И въ этомъ отношеніи онъ совершилъ великое множество подвиговъ и получилъ награды. Его не только гнали люди, но на него напалъ и самъ начальникъ всякаго зла, демонъ, который, употребивъ всѣ свои козни, напалъ на него, изгналъ его изъ дома и отечества, повергъ на навозъ, лишилъ всѣхъ денегъ, имѣній, дѣтей, здоровья, самаго тѣла, предавъ его самому жестокому голоду; послѣ чего даже и нѣкоторые изъ друзей его оскорбляли и растравляли раны его души. *Блажени есте, егда поносятъ вамъ и иждепутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитеся,*

яко мзда ваша многа на небесѣхъ (Матѳ. v, 11, 12). И это блаженство оправдалось на немъ съ великой полнотой. Даже и близкіе къ нему люди тогда клеветали на него, говоря, что онъ наказанъ меньше, чѣмъ погрѣшилъ, возводили на него великія обвиненія, ложныя слова и тяжкія клеветы. Но онъ избавилъ ихъ отъ угрожавшей имъ опасности тяжкаго удара, нисколько не упрекая ихъ за все сказанное ими. И здѣсь опять исполнилось надъ нимъ изреченіе: *любите враги ваша, молитеся за творящихъ вамъ напасти* (Матѳ. v, 44). И онъ любилъ своихъ враговъ, молился за нихъ, утишалъ гнѣвъ Божій и искупилъ грѣхи ихъ; хотя не имѣлъ возможности слышать ни пророковъ, ни евангелистовъ, ни учителей, ни кого-нибудь другого, кто бы наставлялъ его добродѣтели. Видишь ли, каково благородство души, и какъ она бываетъ достаточно добродѣтельна, хотя бы не пользовалась никакимъ попеченіемъ? Между тѣмъ самые предки его не только не были благочестивы, но отличались великимъ зломъ. О предкѣ именно его говорилъ Павелъ: *да не кто блудодѣй, или сквернитель, яко же Исавъ, иже за ядь едину отдалъ есть первородство свое* (Евр. xii, 16).

Глава XIV. А что, скажи мнѣ, было съ апостолами? Не слу- 513
чались ли съ ними тысячи соблазновъ? Послушай, что говоритъ Павелъ: *вѣси ли сіе, яко отвратишася отъ мене вси иже отъ Асіи, отъ нихъ же есть Фигеллъ и Ермогенъ* (2 Тим. i, 15). Не пребывали ли эти учители въ узахъ? Не подвергались ли оковамъ? Не терпѣли ли всякаго зла отъ домашнихъ, какъ и отъ чужихъ? Не вторгались ли въ паству послѣ нихъ и вмѣсто нихъ лютые волки? Не предсказывалъ ли это Павелъ ефесянамъ, призвавъ ихъ въ Милетъ? *Азъ бо вѣмъ сіе, яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящіи стада. И отъ васъ самѣхъ востанутъ мужіе, глаголющіи развращенная, еже отторгати ученики въ слѣдъ себе* (Дѣян. xx, 29, 30). Развѣ мѣдникъ Александръ не причинялъ ему тысячей непріятностей, повсюду гоня его, возставая и нападая на него и повергая его въ такія бѣдствія, что онъ и ученика своего предостерегалъ отъ этого, говоря: *отъ него же и ты себе блюди: зѣло бо противится словесемъ нашимъ* (2 Тим. iv, 15). А развѣ весь народъ галатскій не былъ совращенъ тайными лжебратьями и увлеченъ въ іудейство? А развѣ не въ началѣ самой проповѣди Стефанъ, слова котораго текли сильнѣе рѣкъ, всѣхъ приводя въ молчаніе и заключая нечестивыя уста іудеевъ, и который не находилъ себѣ противника, такъ что никто не могъ противостоять ему, когда онъ ниспровергалъ іудейское ученіе, одерживалъ свѣтлые трофеи и блистательныя побѣды, — этотъ благородный мужъ, мудрецъ и исполненный благодати, принесшій такую пользу церкви, хотя и не долго трудился въ дѣлѣ про-

повѣди, развѣ онъ не былъ внезапно взятъ и осужденъ, и казненъ какъ богохульникъ? А что было съ Іаковомъ? Не въ самомъ ли началѣ взятъ онъ былъ, такъ сказать, со своего поприща и обезчещенный, отданъ Иродомъ въ руки іудеевъ, такъ что потерялъ жизнь, такой-то столпъ, и такое-то утвержденіе истины? Многіе ли тогда не смущались этимъ событіемъ? Но стоявшіе продолжали стоять и даже еще болѣе укрѣплялись. Послушай, что говоритъ Павелъ въ своемъ посланіи къ филиппійцамъ: *разумѣти же хощу вамъ братіе, яко яже о мнѣ паче во успѣхъ благовѣствованія пріидоша: яко узы мои явлены о Христѣ быша во всемъ судищи и въ прочихъ всѣхъ: и множайшіи братія о Господѣ надѣявшіися о узахъ моихъ, паче дерзаютъ безъ страха слово Божіе глаголати* (Фил. I, 12—14). Видишь ли ты это мужество? Видишь ли дерзновеніе? Видишь ли твердость души? Видишь ли любомудріе настроенія? Видя, что ихъ учитель заключенъ въ темницу и узы, подвергался пыткамъ и побоямъ и терпѣлъ безчисленное множество подобныхъ вещей, они не только не смущались и не волновались, но получали еще больше дерзновенія, страданіями учителя возбуждались еще къ большей ревности въ борьбѣ. Но, скажешь ты, другіе падали. Не противорѣчу и я этому, потому что въ виду всего совершившагося необходимо было многимъ и пасть; но что я уже говорилъ и не перестану говорить, скажу и теперь. Все это праведники должны приписывать себѣ, а не природѣ вещей. Отходя отсюда, Христосъ оставилъ намъ такое наслѣдіе, говоря: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. XVI, 33), и еще: *и предъ владыки же и цари ведени будете* (Матѳ. X, 18), и аще: *пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу* (Іоан. XVI, 2). Напрасно поэтому повсюду указываешь ты мнѣ на соблазняющихся; всегда случалось то же самое. Да и что
514 и говорить объ апостолахъ? Сколько было людей, которые соблазнились у самаго креста общаго всѣмъ намъ Господа и, сдѣлавшись болѣе злыми и дерзкими, проходя, издѣвались надъ Нимъ, говоря: *разоряяй церковь и треми денми созидаяй, спасися самъ: аще Сынъ еси Божій, сниди со креста и увѣруемъ въ Тя* (Матѳ. XXVII, 40). И однако они не имѣли себѣ извиненія въ крестѣ, потому что во всемъ этомъ ихъ обвиняетъ разбойникъ. И онъ также видѣлъ, какъ распинали (Христа), и не только не соблазнился, но и получилъ отсюда больше повода для любомудрія и, побѣдивъ все человѣческое и вознесшись на крыльяхъ вѣры, любомудрствовалъ о будущемъ. Видя Христа оскорбляемымъ, бичуемымъ, осмѣиваемымъ, пьющимъ желчь, біеннымъ, отвергаемымъ народомъ, осужденнымъ на судилищѣ, присужденнымъ къ смерти, онъ ничѣмъ этимъ не смутился; но, видя крестъ и вби-

ваемые гвозди, видя всѣ издѣвательства, совершаемыя развращеннымъ народомъ, самъ онъ пошелъ прямымъ путемъ, говоря: *помяни мя во царствіи твоемъ* (Лук. xxiii, 42). И этимъ онъ заставилъ смолкнуть обвинителя, исповѣдывалъ собственные грѣхи и любомудрствовалъ о воскресеніи, хотя не видѣлъ, ни какъ мертвые воскресали, ни какъ прокаженные очищались, ни какъ утишалось море, изгонялись демоны, умножались хлѣбы, ни всего того, что видѣлъ народъ іудейскій, и несмотря на все это, распялъ Христа. Видя Христа уничиженнымъ, онъ исповѣдывалъ въ немъ Бога, вспомнилъ о царствіи и размышлялъ о будущемъ; а они, видѣвъ, какъ Христосъ совершалъ чудеса, наслаждаясь ученіемъ Его и черезъ слова и черезъ дѣла, не только не получили пользы, но и повергли съ въ крайнюю бездну погибели, вознеся Его на крестъ. Видишь ли, что неразумные и негодные не получаютъ пользы даже и отъ добра; благоразумные же и бдительные получаютъ величайшую пользу и отъ того, чѣмъ соблазняются другіе. То же самое можно видѣть и на Іудѣ, и на Іовѣ. Іуда не получилъ спасенія даже отъ Христа, спасшаго вселенную, а Іовъ не потерпѣлъ вреда даже и отъ губительнаго діавола. Но одинъ изъ нихъ, перенося тысячи золъ, получилъ вѣнецъ, а другой, видя чудеса и самъ совершая ихъ, воскрешая мертвыхъ и изгоняя бѣсовъ (вѣдь и онъ имѣлъ такую власть), слыша множество поученій о царствіи и гееннѣ, принимая участіе въ таинственной трапезѣ, будучи допущенъ къ страшной вечери и вообще пользуясь такимъ же благоволеніемъ и промышленіемъ, какимъ пользовались Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, и даже еще большими, — послѣ всего такого благоволенія и снисхожденія, каковыми пользовался въ избыткѣ, такъ какъ ему были поручены даже и деньги для нищихъ, послѣ всего этого, онъ все-таки впалъ въ безуміе и, чрезъ сребролюбіе поддавшись сатанѣ, по собственной волѣ сдѣлался 515
предателемъ и совершилъ величайшее изъ золъ, продавъ за тридцать сребрениковъ такую кровь и предавъ Господа коварнымъ поцѣлуемъ. Кто бы не соблазнился этимъ, совершеннымъ со стороны ученика, предательствомъ? А что сказать о обитателѣ пустыни, о плодѣ безплодной, о сынѣ Захаріи, который, удостоившись крестить тую святую и страшную голову, дѣлается Предтечей собственнаго Господа? Когда онъ пребывалъ въ темницѣ, былъ усѣченъ и сдѣлался предметомъ награды для блудной плясуньи, какъ многіе соблазнялись тогда! Но что я говорю, тогда? Какъ многіе и теперь, послѣ столь долгаго времени, слыша это, соблазняются! Да что говорить объ Іоаннѣ, объ его темницѣ, его усѣкновеніи? Зачѣмъ обращаться къ служителямъ, когда можно обратиться къ самому Господу?

Глава XV. А крестъ Христовъ, искупившій вселенную, разсѣявшій заблужденіе, землю превратившій въ небо, разсѣкшій узы смерти, сдѣлавшій адъ ненужнымъ, разрушившій твердыню діавола, закрывшій уста демонамъ, обратившій людей въ ангеловъ, разрушившій жертвенники и ниспровергшій капища, насадившій на землѣ новое и необычайное любомудріе, произведшій безчисленныя блага, страшныя, великія и возвышенныя, — развѣ онъ не былъ соблазномъ для многихъ? Развѣ Павелъ не взываетъ ежедневно, говоря и не стыдясь: *мы же проповѣдуемъ Христа распята іудеемъ убо соблазнъ, еллиномъ же безуміе* (1 Кор. I, 23). Но что же, скажи мнѣ, неужели не нужно было являться Христу, не нужно было приносить эту страшную жертву? Неужели не нужно было совершать этихъ спасительныхъ дѣлъ — потому только, что это было соблазномъ для погибающихъ, и тогда, и послѣ того, и на всѣ времена? Кто настолько безуменъ, кто настолько нелѣпъ, чтобы говорить это? Здѣсь нужно имѣть въ виду не соблазняющихся, сколько бы ихъ ни было, а спасенныхъ, исправленныхъ и наслаждающихся любомудріемъ, и не нужно говорить что-либо о соблазняющихся, потому что они должны приписывать это самимъ себѣ; такъ то же самое и теперь. Соблазнъ произошелъ не отъ природы самого креста, а по причинѣ самихъ соблазняющихся, почему и говоритъ Павелъ: *самимъ же званнымъ, іудеемъ же и еллиномъ, Христа Божію силу и Божію премудрость* (тамъ же 24). Вѣдь и солнце причиняетъ вредъ больнымъ глазамъ, но что же отсюда? Неужели не должно быть солнцу? Медъ кажется горькимъ для больныхъ. Что же, неужели и его надо удалить? Не были ли сами апостолы для однихъ запахомъ смертоноснымъ на смерть, а для другихъ запахомъ жизни на жизнь (2 Кор. II, 16)? Равнымъ образомъ въ виду погибающихъ развѣ не должно живымъ наслаждаться такимъ попеченіемъ? Самое пришествіе Христа, наше спасеніе, источникъ благъ, жизнь, безчисленныя благодѣянія, сколькихъ людей обременяли они, сколькихъ лишили извиненія и снисхожденія? Не слышишь ли, что говоритъ Христосъ объ іудеяхъ: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли,*
516 *нынѣ же извиненія не имутъ о грѣсѣ своемъ* (Іоан. XV, 22). Что же? Такъ какъ послѣ Христова пришествія грѣхъ ихъ сдѣлался неизвинительнымъ, такъ неужели изъ-за этихъ злыхъ Онъ не долженъ былъ приходить ради тѣхъ, которые имѣли воспользоваться благомъ? Кто бы сказалъ это? Конечно никто, кромѣ крайне неразумныхъ. А сколько людей, скажи мнѣ, соблазнились вслѣдствіе самыхъ Писаній? Сколько ересей возникло подъ предлогомъ ихъ? Такъ неужели слѣдовало бы уничтожить Писанія ради соблазнившихся? Или не слѣдовало бы давать ихъ съ самаго начала? Отнюдь

нѣтъ; но всѣмъ слѣдовало давать ради тѣхъ, которые имѣли получить отъ нихъ пользу. Соблазнившіеся (опять я не перестану говорить это) пусть сами себѣ приписываютъ соблазны; а для тѣхъ, которые имѣли получить отъ нихъ величайшую пользу, развѣ не было бы великою несправедливостью, если бы по причинѣ неразумія и нерадѣнія другихъ и тѣ, кто имѣли бы получить отъ нихъ великую пользу, были бы лишены этой пользы? Итакъ не говори мнѣ о погибающихъ, потому что, какъ я уже сказалъ въ предшествующей бесѣдѣ, никто изъ тѣхъ, которые сами себѣ не вредятъ, не получаютъ вреда и отъ другихъ, хотя бы подвергалась опасности самая ихъ жизнь.

Глава XVI. Какой вредъ, скажи мнѣ, получилъ Авель, убитый братской рукою и потерпѣвшій безвременную и насильственную смерть? Не больше ли онъ получилъ пользы, пріобрѣтя блистательнѣйшій вѣнецъ? Какой вредъ получилъ Іаковъ, столько потерпѣвшій отъ своего брата, сдѣлавшійся лишеннымъ отечества бѣглецомъ, странникомъ и рабомъ, и доведенный до крайняго голода? Сколько потерпѣлъ Іосифъ, подобнымъ же образомъ лишенный отечества и дома, сдѣлавшійся плѣнникомъ, рабомъ и узникомъ, подвергавшійся крайнимъ опасностямъ и перенесшій столько клеветъ? Что потерпѣлъ Моисей, столько разъ оскорбляемый своимъ народомъ, при чемъ тѣ самые, которымъ онъ благодѣтельствовалъ, строили ему козни? А что было съ пророками, которые всѣ терпѣли зло отъ іудеевъ? Что было съ Іовомъ, на котораго возставалъ діаволъ съ безчисленными кознями? Что было съ тремя отроками? Что съ Даніиломъ, которому угрожала крайняя опасность его жизни и свободѣ? Что было съ Иліей, который, живя въ крайней бѣдности, гонимый, угнетаемый, пребывая въ пустынѣ, всегда былъ бѣглецомъ и странникомъ? Что было съ Давидомъ, который столько потерпѣлъ сначала отъ Саула, а послѣ и отъ собственнаго сына? Развѣ не больше просіялъ онъ, перенося самыя крайнія бѣдствія, чѣмъ когда наслаждался благоденствіемъ? А что было съ Іоанномъ, пострадавшимъ чрезъ усѣкновеніе? Что было съ апостолами, изъ которыхъ одни были умерщвлены, а другіе подвергались всевозможнымъ бѣдствіямъ? Что было съ мучениками, которые испускали духъ среди ужасныхъ мученій? Не всѣ ли они тогда именно особенно и просіявали, когда подвергались испытаніямъ когда подвергались навѣтамъ, когда мужественно выдерживали крайнюю бѣдственность?

Глава XVII. Прославляя общаго намъ Господа за все другое, не особенно ли мы прославляемъ Его, восторженно восхваляемъ за крестъ, за эту безславную смерть? Не выставляетъ ли Павелъ признакомъ Его любви къ намъ то именно, что Онъ умеръ, что

517 Онъ умеръ за людей? Не говоря о небѣ, землѣ, морѣ, объ всемъ другомъ, что сотворилъ Христосъ для нашей пользы и наслажденія, онъ постоянно возвращается къ кресту, говоря: *составляетъ же Свою любовь къ намъ Богъ, яко еще грѣшникомъ сущимъ намъ Христосъ за ны умре* (Римл. V, 8, 9). И отсюда онъ подаетъ намъ добрыя надежды, говоря: *аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его, множае паче примирившеся спасемся въ животѣ Его* (Римл. V, 10). Не этимъ ли особенно онъ и самъ хвалится, много размышляетъ, ликуетъ и восторгается отъ удовольствія, такъ говоря въ посланіи къ галатамъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. VI, 14). И что удивляешься, если Павелъ ликуетъ, восторгается и хвалится этимъ? Самъ Христосъ, потерпѣвшій столько, называетъ это дѣло славой: *Отче*, говоритъ Онъ, *пріиде часъ, прослави Сына Твоего* (Іоан. XVII, 1), и ученикъ, написавшій это, говоритъ: *не убо бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. VII, 39), разумѣя подъ славой крестъ. Когда же хотѣлъ показать имъ Его любовь, то о чемъ говорилъ? О чудесахъ ли, знаменіяхъ и необычайныхъ дѣйствіяхъ? Отнюдь нѣтъ; но указываетъ на крестъ, говоря: *тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь, не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан. III, 16). И Павелъ тоже говоритъ: *иже убо Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его; како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. VIII, 32). А когда хочетъ привести къ смиренію, то, дѣлая увѣщанія, онъ говоритъ такъ: *аще убо кое утѣшеніе о Христѣ, или аще кая утѣха любве, аще кое общеніе духа, аще кое милосердіе и щедроты, исполните мою радость, да тожде мудрствуете, ту же любовь имуще, единодушни, единомудренни: ничтоже по рвенію или тщеславію, но смиренномудріемъ другъ друга честію болша себѣ творяще* (Фил. II, 1—3), затѣмъ, давая совѣтъ, говоритъ: *сіе бо да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ: Иже во образѣ Божіи сый не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу: но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся яко же человѣкъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. II, 5—8). И опять, разсуждая о любви, говоритъ слѣдующее: *и ходите въ любви, якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ, и предаде Себе за ны приношеніе и жертву Богу въ воню благоуханія* (Еф. V, 2). Увѣщевая женъ къ единомыслію съ мужьями, онъ говоритъ: *мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби церковь, и Себе предаде за ню* (Еф. V, 25). Затѣмъ и самъ Христосъ, показывая, насколько Онъ стремился къ этому и насколько жаждалъ страданій, когда первый изъ апостоловъ, основаніе церкви, глава сонма учениковъ,

по невѣдѣнію сказалъ: *милосердъ Ты Господи; не имать быти Тебѣ сіе,*—послушай, что Онъ отвѣчалъ ему: *иди за Мною, сатано, соблазнъ Ми еси* (Матѳ. XVI, 22, 23). Самою строгостью этого укора Онъ показываетъ, съ какимъ ревніемъ стремился Онъ къ этому дѣлу. Свое воскресеніе Онъ совершилъ тайно и въ сумракѣ, предоставляя свидѣтельство о немъ послѣдующему времени; крестъ же Онъ потерпѣлъ на виду всего города, въ самый праздникъ, среди народа іудейскаго, въ присутствіи обоихъ судилищъ—римскаго и іудейскаго, при стеченіи всѣхъ на праздникъ, среди дня, на виду всей вселенной. А такъ какъ все происходившее видѣли только присутствующіе, то Онъ повелѣлъ затмиться солнцу и возвѣстить объ этомъ злодѣяніи по всей вселенной. Хотя для многихъ, какъ я сказалъ, это сдѣлалось соблазномъ, но нужно обращать вниманіе не на нихъ, а на спасенныхъ, на избавленныхъ. И что ты удивляешься, если въ настоящей жизни крестъ такъ славенъ, что Христосъ называетъ его славой, и Павелъ хвалится имъ. Въ тотъ страшный и ужасный день, когда Онъ придетъ показать славу Свою, когда явится во славѣ Отца Своего, когда настанетъ страшный судъ, когда весь родъ человѣческій предстанетъ передъ Нимъ, когда рѣки взволнуются, когда ангелы и высшія силы внезапно снизойдутъ вмѣстѣ съ Нимъ, когда будутъ раздаваться безчисленныя награды, когда одни просіяютъ какъ солнце, а другіе какъ звѣзды, когда явятся сонмы мучениковъ и апостоловъ, когда выступятъ ряды пророковъ и сонмы благородныхъ мужей,—тогда именно въ этомъ блескѣ, въ этомъ сіяніи придетъ и Онъ, испуская блистательные лучи. *Тогда*, говоритъ Писаніе, *явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси, солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего* (Матѳ. XXIV, 30, 29). О, блескъ страданія, о свѣтлость креста! Солнце помрачается и звѣзды падаютъ какъ листья, крестъ же сіяетъ свѣтлѣе всѣхъ ихъ, наполняя все небо. Видишь ли, какъ прославляется этимъ Господь, какъ Его уничиженіе превращается въ славу, когда въ тотъ день Онъ явится предъ всей вселенной съ такимъ блескомъ? 518

Глава XVIII. И ты также, когда увидишь, что нѣкоторые соблазняются случившимся, прежде всего подумай о томъ, что соблазнъ происходитъ не отсюда, а отъ собственной слабости, о чемъ свидѣтельствуютъ тѣ, которые не подвергаются соблазну. Потомъ обрати вниманіе и на то, что вслѣдствіе этого многіе особенно просіяли, прославляя Бога съ великимъ усердіемъ, благодаря Его за это. Поэтому, смотри не на падающихъ, а на мужественно стоящихъ, на пребывающихъ неподвижными и на дѣлающихся болѣе сильными; не на тѣхъ, которые боятся, но на тѣхъ, которые плывутъ по прямому направленію, и плывущихъ прямо

гораздо больше. Но если бы даже и больше было первыхъ, то лучше одинъ дѣлающій волю Божію, чѣмъ тысячи беззаконныхъ.

Глава XIX. Подумай, сколько людей удостоилось мученическаго вѣнца. Одни были бичуемы, другіе ввергались въ темницу,
519 иные заключались въ оковы, какъ злодѣи, иные изгонялись изъ отечества, иные лишались имущества, иные высылаемы были на чужбину, иные терпѣли смерть,—одни и дѣйствительно, а другіе хотя бы только въ намѣреніи. И когда они видѣли, какъ изготовлялись на нихъ копья, точились мечи, такъ что они ежедневно находились подъ ударами новыхъ угрозъ, какъ начальники, пылая гнѣвомъ, угрожали имъ смертью, выставляли передъ ними тысячи всякихъ пытокъ и наказаній, они и тогда не падали и не смущались, но неподвижно стояли (какъ) на скалѣ, готовые все это перенесть и потерпѣть, только бы не участвовать въ беззаконіи совершающихъ зло,—и не только мужи, но и жены. Эту борьбу выдерживали и женщины, и часто даже мужественнѣе самихъ мужчинъ. И не только женщины, но юноши и даже дѣти. Итакъ скажи мнѣ, неужели весь этотъ сонмъ мучениковъ мало пользы принесъ церкви? Всѣ они мученики; вѣдь мучениками были не только тѣ, которыхъ влекли въ судилище, которымъ приказывали приносить жертвы, и они, оставаясь непреклонными, потерпѣли все это, но и тѣ, которые готовы были потерпѣть все изъ-за благоугожденія Богу. И если внимательно разсмотрѣть, то послѣдніе даже болѣе, чѣмъ первые. Вѣдь не одно и то же, когда кто-нибудь, имѣя избирать между мученіями и вѣчной погибелью своей души, терпитъ все, чтобы не погибнуть, и когда кто за меньшее добро терпитъ то же мученіе. Что мученическій вѣнецъ получаютъ не только потерпѣвшіе муку, но и тѣ, которые готовы къ ней, и даже, какъ я сказалъ прежде, потерпѣвшіе за меньшее суть большіе мученики, это я попытаюсь доказать на основаніи изреченія Павла. Приступивъ къ перечисленію просіявшихъ среди предковъ, блаженный Павелъ, начавъ съ Авеля, затѣмъ переходитъ къ Ною, Аврааму, Исааку, Іакову, Моисею, Іисусу (Навину), Давиду, Самуилу, Иліѣ, Елисею, Іову, и говоритъ такъ: *тѣмже убо и мы толикъ имуще облежащъ насъ облакъ свидѣтелей* (Евр. xii, 1). Между тѣмъ, не всѣ они въ дѣйствительности были умерщвлены, а вѣрнѣе ни одинъ изъ нихъ, кромѣ двухъ-трехъ, напр. Авеля, Іоанна, а другіе всѣ закончили жизнь собственной смертью. Самъ Іоаннъ былъ умерщвленъ не за то, что ему приказывали принести жертву и онъ не послушался, не за то, что онъ, приведенный къ жертвеннику, не хотѣлъ поклониться идолу, а за одно только слово. Онъ говорилъ Ироду: *не достоитъ ти имѣти* жены Филиппа, брата твоего (Матѳ. xiv, 4). За это онъ ввергнутъ былъ въ темницу и

потерпѣлъ смерть. Но если за обличеніе незаконнаго брака, каковой онъ видѣлъ передъ собой (вѣдь онъ даже не исправилъ совершаемаго грѣха, а только говорилъ и не хотѣлъ перестать),— если за то только, что говорилъ, не дѣлая ничего больше, онъ считается мученикомъ и даже первымъ изъ мучениковъ, за то, что былъ усѣченъ, то потерпѣвшіе столько наказаній и выступавшіе не противъ Ирода, а противъ властелиновъ всей вселенной, и противившіеся не беззаконному браку, а защищавшіе законы отечества и правила церкви, словами и дѣлами, обнаружи- 520
вавшіе мужество, подвергавшіеся смерти ежедневно — и мужи, и женщины, и дѣти, то развѣ они не были бы достойны причисленія къ сонму мучениковъ? Такъ, Авраамъ, который въ дѣйствительности и не умертвилъ своего сына, а умертвилъ его только въ своемъ намѣреніи, услышалъ говорящій свыше голосъ: *не пощадѣлъ еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради* (Быт. xxii, 12). Такъ всегда намѣреніе, когда оно исходитъ изъ добродѣтели, получаетъ полный вѣнецъ. Если же тотъ, кто не пощадилъ сына, провозглашенъ былъ таковымъ, то тѣ, которые не щадили самихъ себя, подумай, какую получатъ они награду за то, что не одинъ, не два и не три дня, а въ теченіе всей своей жизни твердо исполняли повелѣнія, подвергаясь поношеніямъ, оскорбленіямъ, бѣдствіямъ и клеветамъ. А это не малая заслуга. Поэтому и Павелъ, восторгаясь ею, говоритъ: *ово убо поношеньми и скорбми позоръ бывше, ово же общницы бывше живущымъ тако* (Евр. x, 33). Что же говорить о тѣхъ, которые не только сами умирали, но и побуждали къ стойкости и другихъ мужей и женъ? Апостолъ восхваляетъ ихъ. Многіе раздавали свои имущества, чтобы доставить нѣкоторое утѣшеніе узникамъ и изгнанникамъ въ постигшемъ ихъ бѣдствіи, и съ радостью принимали расхищеніе ихъ имуществъ, по слову апостольскому; другіе лишались то отечества, то самой жизни. Поэтому, видя такое богатство, такую пользу для церкви, видя, сколько собрано сокровищъ, видя, какъ раньше павшіе сдѣлались потомъ сильнѣе огня и, избѣгая театровъ, удаляются въ пустыни и превращаютъ долины и горы въ церкви, видя, какъ никто не пасетъ стада, а между тѣмъ овцы соблюдаютъ порядокъ какъ при пастухахъ, какъ воины въ отношеніи мужества и стойкости соблюдаютъ порядокъ при военачальникѣ, и всѣ съ надлежащей ревностью и тщательностью исполняютъ повелѣнія, — неужели ты не удивишься и не поразишься, какое отсюда произошло благо? Не только живущіе благочестиво, но многіе изъ тѣхъ, которые увлекались зрѣлищами и ристалищами, охваченные ревностью сильнѣе огня, оставили все это безумство, пошли противъ самихъ мечей, привлекаемые

къ начальникамъ и подвергаемые пыткамъ насмѣхались надъ угрозами, показывая, какова сила добродѣтели и какъ самый негодный человѣкъ, когда онъ раскается и обратится, возвышается до свода самаго неба. Видя такіе подвиги, столько сплетаемыхъ вѣнковъ, такое назиданіе, — откуда, скажи мнѣ, можетъ явиться соблазнъ? Отъ погибшихъ, скажетъ кто-нибудь. Но какъ я уже сказалъ и не перестану говорить, эту причину своей погибели они должны приписывать сами себѣ. Это именно показало вамъ все изложенное слово. Но я укажу и на другое благо. Какъ многіе изъ тѣхъ, которые носятъ маску благочестія и которые имѣютъ прозрачную честность, почитаются великими, хотя и не состоятъ таковыми, какъ многіе изъ нихъ внезапно въ наше время разоблачались и, обличенные въ своемъ обманѣ, являлись таковыми, каковы они есть, а не такими, какъ они ложно и обманно
521 хотѣли казаться? Между тѣмъ весьма и весьма полезно различать тѣхъ, которые покрыты лишь овечьей шкурой, и волковъ, скрывающихся такъ, не смѣшивать съ дѣйствительными овцами. Это время сдѣлалось печью, которая обличила монету, имѣющую въ себѣ мѣдь, расплавляла олово, сжигала солому, ложно придававшую больше цѣны драгоцѣннымъ веществамъ. На это именно указываетъ и Павелъ, говоря: *подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ васъ* (1 Кор. xI, 19).

Глава XX. Итакъ, не смущайся этимъ, — ни тѣмъ, что священники теперь, сдѣлавшись негодными, свирѣпѣе всякаго волка набрасываются на паству, ни тѣмъ, что начальники и правители обнаруживаютъ большую жестокость. Вспомни, что съ апостолами случалось нѣчто еще болѣе жестокое. Тогда именно скипетроносецъ, будучи тайной беззаконія (какъ назвалъ его Павелъ), совершалъ всѣ виды зла, всѣхъ увлекалъ ко злу; однако и онъ не могъ повредить ни церкви, ни благороднымъ тѣмъ мужамъ, а сдѣлалъ ихъ еще болѣе славными; священники же іудейскіе были такъ негодны и лукавы, что нужно было запрещать народу ревностно слѣдовать ихъ жизни: *на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите* (Матѳ. xxIII, 2—3). Что можетъ быть лукавѣе священниковъ, ревность въ подражаніи которымъ оказывается гибельной, и однако, несмотря на то, что тогда властвовали такіе люди, лица просіявшія, увѣнчанныя, не только не потерпѣли никакого вреда, а прославились еще больше. Поэтому не нужно удивляться тому, что произошло. Повсюду испытанія бодрствующимъ приходятъ и отъ своихъ, и отъ чужихъ. Такъ и Павелъ, видя цѣлыя тучи надвигающихся на нихъ опасностей и боясь, чтобы нѣкоторые изъ учениковъ не устрашились, — въ своемъ по-

сланіи говорилъ: *и послахомъ Тимоѳея, яко ни единому смущатися въ скорбехъ сихъ: сами бо вѣсте, яко на сіе лежимъ* (1 Ѳес. III, 2—3). Сказанное же означаетъ: такова наша жизнь, таково свойство апостольскаго призванія, — чтобы переносить безчисленныя бѣдствія. *Яко на сіе лежимъ*, говоритъ онъ. Что такое — *на сіе лежимъ?* Какъ съѣстные припасы предназначены для того, чтобы идти въ продажу, такъ и апостольская жизнь для того, чтобы подвергаться поношенію, терпѣть всякое зло, никогда не успокоиваться, никогда не имѣть облегченія. Но бдительные не только не терпятъ отсюда никакого вреда, но и получаютъ большую пользу. Поэтому апостолъ восхваляетъ ихъ, узнавши, что они стояли мужественно. И о другихъ говоритъ, что они, ободренные его узами и его оковами, дерзали безбоязненно проповѣдывать. А что было, скажи мнѣ, во времена Моисея? Въ варварской странѣ не попустилъ ли Богъ волхвамъ показать свою силу? Не эту ли исторію припоминаетъ Павелъ, говоря: *яко же Іанній и Іамврій противистася Моисею, такожe и сіи противляются истинѣ* (2 Тим. III, 8). Такъ всегда 522
не было недостатка въ соблазнахъ, равно какъ не было недостатка и въ увѣнчанныхъ ради нихъ. Обо всемъ этомъ поразмысли, и не объ этомъ только, а и о томъ, какая польза была отъ этого. Посмотри и на то, что есть и другія непостижимыя причины для этого; вѣдь не все возможно намъ знать, но (несомнѣнно), что за бѣдствіями слѣдуютъ событія гораздо болѣе благопріятныя и совершаются чудесныя дѣла. Такъ сначала Іосифъ находился въ бѣдствіи, и долго совершались событія, казавшіяся противными обѣтованію; но потомъ произошло даже больше того, что было обѣщано. И на крестѣ не тотчасъ же и не сначала совершилось избавленіе, но сначала предшествовалъ соблазнъ, и если съ цѣлью удивить и исправить злодѣевъ и было нѣсколько знаменій, то всѣ они вскорѣ исчезли. Если и разорвалась завѣса въ храмѣ, камни распались и солнце помрачилось, то все это произошло въ теченіе одного дня, и вскорѣ было забыто многими. Послѣ же этого вскорѣ апостолы, находясь въ бѣгствѣ, въ гоненіи, въ борьбѣ, въ навѣтахъ, скрываясь, трепеща и подвергаясь опасностямъ, проповѣдывали слово (Божіе); народъ іудейскій, будучи въ это время въ силѣ, гналъ, преслѣдовалъ, терзалъ и мучилъ вѣрующихъ, и такъ какъ заодно съ ними были и начальники, то ежедневно они хватали и влекли апостоловъ (въ судилища). Да что я говорю о народѣ и начальникахъ іудейскихъ? Одинъ дѣлатель палатокъ, занимавшійся выдѣлкой кожъ, именно Павелъ (а что можетъ быть пустѣе дѣланія палатокъ?) объятъ былъ такимъ безумствомъ, что хваталъ мужей и женъ и отдавалъ подъ стражу. И Распятый, видя все это, попускалъ ему. Но посмотри, какъ вно-

слѣдствіи этотъ самый гонитель превзошелъ всѣхъ (въ вѣрѣ) и его дѣятельность просіяла ярче солнца, и обняла всю вселенную.

Глава XXI. Если же скажешь: для чего въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ допускается столько опасностей и столько навѣтовъ? то узнай и причину этого. Какая же это была причина? Настоящая жизнь есть ристалище, упражненіе и борьба, печь, мастерская для добродѣтели. Какъ кожевникъ, получая кожи, сначала разминаетъ ихъ, растягиваетъ, колотитъ, бьетъ о стѣны и камни, и черезъ тысячи разныхъ приспособленій дѣлаетъ ихъ пригодными для окраски, и потомъ придаетъ имъ хорошій цвѣтъ; и какъ мастера золотыхъ дѣлъ бросаютъ золото въ огонь, подвергаютъ его пробѣ въ печи, такъ чтобы сдѣлать его наиболѣе чистымъ; и какъ воспитатели юношей упражняютъ ихъ на ристалищахъ посредствомъ различныхъ трудовъ, давая имъ болѣе сильныхъ противниковъ, чтобы они, все исполняя при упражненіи съ тѣлами учителей, могли оказаться стойкими и въ дѣйствительной борьбѣ,
523 способными встрѣтить противниковъ и легко поразить ихъ, — такъ дѣйствуетъ и Богъ въ настоящей жизни: желая приготовить души къ добродѣтели, Онъ и угнетаетъ ихъ, и удручаетъ, и подвергаетъ самымъ тяжелымъ испытаніямъ, такъ чтобы падающихъ и слабыхъ устранить, а людей достойныхъ сдѣлать еще болѣе достойными, недоступными для навѣтовъ демона и для сѣтей діавола, и особенно всѣхъ достойными полученія будущихъ благъ. Человѣкъ, говоритъ Писаніе, не перенесшій испытаній, не обладаетъ опытностью, какъ и Павелъ говоритъ: *скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство* (Римл. v, 3, 4). Чтобы сдѣлать насъ болѣе твердыми и терпѣливыми, Богъ попускаетъ всякія испытанія на насъ. Поэтому Онъ попустилъ Іову перенести всякія бѣдствія, чтобы онъ сдѣлался еще болѣе опытнымъ въ добродѣтели и заградилъ уста діавола; потому же Онъ удручалъ и апостоловъ, чтобы они сдѣлались болѣе мужественными и обнаруживали собственную силу. А это причина не малая. Поэтому и Павлу, когда онъ искалъ облегченія и отдыха отъ обуревающихъ золъ, Онъ сказалъ: *довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 9).

Глава XXII. Даже и тѣ, кто еще не приняли ученія христіанскаго, могутъ получить отсюда великую пользу, если будутъ внимательны. Видя, какъ праведники сносили несправедливости, терпѣли оскорбленія, были заключаемы въ темницы, подвергались клеветамъ, окружались кознями, были обезглавливаемы, сжигаемы, бросаемы въ море и не устрашались никакого бѣдствія, — подумай, съ какимъ удивленіемъ относились къ этимъ чудеснымъ борцамъ и тогдашніе и теперешніе люди. Все случившееся не

только не причиняетъ соблазна людямъ бдительнымъ, но и оказывается источникомъ многаго назиданія. Поэтому и Павелъ услышалъ, что *сила Моя въ немощи совершается*. Это можно встрѣтить и въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ. Подумай, что долженъ былъ испытать Навуходоносоръ, когда на глазахъ столь многочисленнаго войска онъ былъ побѣжденъ тремя отроками, тремя рабами, тремя плѣнниками, обремененными цѣпями, преданными пламени, не въ состояніи былъ распорядиться тѣлами трехъ порабощенныхъ и подвластныхъ ему отроковъ, лишенныхъ отечества, свободы, чести, власти, имущества, поселенныхъ вдали отъ родины. Если же бы не случилось этого испытанія, не было бы и столь свѣтлой награды, не было бы столь блистательнаго вѣнца. Подумай, что долженъ былъ испытать Иродъ, когда онъ, будучи обличаемъ узникомъ, видѣлъ, что этотъ узникъ вслѣдствіе узъ не только не потерялъ своего дерзновенія, а напротивъ — предпочиталъ скорѣе погибнуть, чѣмъ отказаться отъ прекраснѣйшаго дара — свободы слова. Подумай, что всякій, видя или слыша это, изъ жившихъ ли тогда, или родившихся позже, при всей своей немощи, если только обладаетъ хотя слабымъ умомъ, получаетъ отсюда величайшую пользу. Не говори мнѣ о поступкахъ людей неразумныхъ, которые лѣнивы и преданы плоти, и легче листьевъ (носимыхъ вѣтромъ). Таковые падаютъ не только отъ великихъ бѣдствій, но и почти отъ всего, что происходитъ вокругъ ихъ, какъ это было съ народомъ іудейскимъ, который, и вкушая манну, и вкушая хлѣбъ, одинаково былъ недоволенъ, и находясь въ Египтѣ, и будучи избавленъ отъ Египта, въ присутствіи Моисея и по его отшествіи. Но указывай на тѣхъ, которые внимательны, которые 521
бодрствуютъ, и сообрази, какую они могутъ извлекать отсюда пользу, видя душу безстрастную, разумъ не порабощенный, языкъ дерзновенный, человѣка, который, будучи пустынножителемъ, торжествуетъ надъ царемъ; будучи узникомъ, не уступаетъ; будучи усѣкаемъ, не молчитъ. Не останавливайся даже и на этомъ, а изслѣдуй и то, что было потомъ. Иродъ усѣкъ, а Іоаннъ былъ усѣченъ. Кто же изъ нихъ ублажается всѣми? Кто считается ревнителемъ? Кто прославляется? Кто увѣнчивается? Кто восхваляется? Кто славословится? Кто служитъ предметомъ удивленія? Кто обличаетъ доселѣ? Не тотъ ли, кто въ каждой церкви провозглашаетъ: *не достоитъ ти имѣти жены брата твоего Филиппа* (Матѳ. XIV, 4)? А (Иродъ) развѣ не осуждается и послѣ своей кончины за свое прелюбодѣйство, беззаконіе и безумство? Пойми, послѣ всего сказаннаго, какова сила узника, какова слабость тирана. Послѣдній не могъ заставить смолкнуть и одного языка, а уничтожая его, онъ на мѣсто него и вмѣстѣ

съ нимъ открылъ тысячи устъ. А Іоаннъ тотчасъ же сталъ устрашать его и послѣ казни (вѣдь совѣсть Ирода потрясалась такимъ страхомъ, что онъ сталъ думать, будто Іоаннъ, воскресши изъ мертвыхъ, началъ творить чудеса), и теперь, въ теченіе всего времени, онъ обличаетъ всю вселенную и чрезъ самого себя и чрезъ другихъ. Каждый, читая это Евангеліе, говоритъ: *не достоитъ ти имѣти жены Филиппа брата твоего*; да и помимо Евангелія, въ собраніяхъ и обществахъ, въ домахъ и на рынкѣ, повсюду, хотя бы ты пошелъ въ страну персовъ, хотя бы въ страну индійцевъ, хотя бы въ страну мавровъ, хотя бы въ любую страну, въ которой свѣтитъ солнце, и до самыхъ послѣднихъ предѣловъ ея, вездѣ услышишь ты этотъ голосъ и увидишь, какъ праведникъ тотъ еще и теперь вопіетъ, проповѣдуетъ, обличаетъ зло тирана, и никогда не молчитъ, такъ что и самая продолжительность времени не ослабляетъ его обличеній. Какой же вредъ получилъ этотъ праведникъ отъ своей кончины? Что вреднаго отъ насильственной смерти? Что отъ узъ? Что отъ темницы? Не исправилъ ли онъ людей благоразумныхъ тѣмъ, что онъ говорилъ тамъ, что онъ выстрадалъ тамъ, и теперь проповѣдуя то же, что проповѣдывалъ и при жизни? Поэтому не говори, почему допущено ему было умереть. Это была не смерть, а вѣнецъ, не кончина, а начало лучшей жизни. Научись же любомудрствовать, и не только не получишь никакого вреда изъ всего этого, а получишь величайшую пользу.

А что сказать о египтянкѣ? Не обвиняла ли она Іосифа? Не распространяла ли о немъ худой славы? Не оклеветала ли его? Не ввергла ли его въ темницу? Не подвергала ли его крайней опасности? Не хотѣла ли погубить, когда онъ былъ у нея?
525 Но какой вредъ ему былъ тогда, или теперь? Подобно тому, какъ горячіе угли, скрытые подъ соломой, сначала кажутся потухшими, но внезапно начинаютъ пожирать лежащее надъ ними, и воспламеняемые этой самой соломой, высоко выбрасываютъ пламя,— такъ и добродѣтель, которая казалась подавленной клеветой, затѣмъ вслѣдствіе самыхъ препятствій разцвѣтаетъ еще болѣе и поднимается до самаго неба. Можно ли было сдѣлать что-нибудь для этого юноши лучше того, что сдѣлано было для него клеветой и навѣтами, хотя бы взять самый престолъ въ Египтѣ и даже царство тамъ? Всегда съ страданіями связываются слава, благоденствіе, вѣнцы. Развѣ не прославляютъ его по всей вселенной? И самая продолжительность времени не ослабила воспоминанія о немъ, но блистательнѣе и тверже царскихъ статуй его добродѣтель и мудрость воздвигли себѣ, такъ сказать, статуи по всей вселенной въ странѣ римлянъ и въ странѣ варваровъ, въ со-

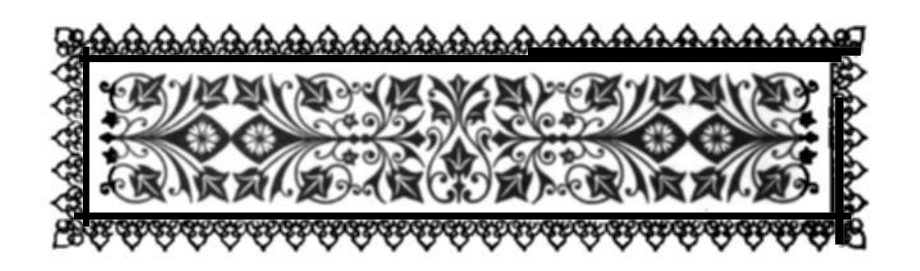
вѣсти каждаго и въ языкѣ каждаго. Мы всѣ еще видимъ, какъ онъ, будучи узникомъ и рабомъ, поучалъ эту жалкую и негодную блудницу должнымъ образомъ вести себя, дѣлалъ все отъ него зависящее для спасенія, возбуждалъ въ ней стыдливость, погашалъ печь, старался освободить ее отъ этой страшной бури и направить въ пристань. Но такъ какъ буря продолжалась, корабль сталъ тонуть, и она потерпѣла кораблекрушеніе, то онъ бѣжитъ отъ разъяренныхъ волнъ, спасается на непоколебимой скалѣ цѣломудрія, оставляя свои одежды въ рукахъ безстыдницы и являясь въ своей наготѣ болѣе блистательнымъ, чѣмъ тѣ, которые были въ пурпурныхъ одеждахъ, и уподобляясь доблестному воину, торжествующему побѣдителю, получаетъ трофей цѣломудрія. Воспоминаніе не ограничивается и этимъ, а идя дальше, мы видимъ, какъ онъ опять отводится въ темницу, какъ онъ, связанный и плѣненный, проводитъ тамъ долгое время. Поэтому-то и опять мы особенно удивляемся ему, восторгаемся имъ и восхваляемъ его. Всякій, даже будучи уже цѣломудреннымъ, думая о немъ, становится еще болѣе цѣломудреннымъ; всякій безстыдный, — узнавъ о такой добродѣтели, подъ вліяніемъ этого событія приходитъ къ цѣломудрію и исправляется вслѣдствіе этой исторіи. Итакъ, припоминая все это, не бойтесь, а извлекайте пользу изъ происшедшихъ событій, и терпѣніе подвижниковъ да будетъ для васъ учителемъ твердости, и видя, какъ вся жизнь благородныхъ и славныхъ мужей возвышалась чрезъ это, не унывайте и не возмущайтесь ни собственными, ни чужими испытаніями. Вѣдь и церковь сначала подвергалась всевозможнымъ бѣдствіямъ, а потому такъ и умножилась. Не удивляйтесь же, потому что въ этомъ нѣтъ ничего необычайнаго. Но подобно тому, какъ въ настоящей жизни, не тамъ, гдѣ находится солома, сѣно или песокъ, но тамъ, гдѣ находятся золото и жемчугъ, тамъ именно постоянно собираются и злоумышляютъ пираты и морскіе грабители, разбойники и раскапыватели гробницъ, — такъ и діаволъ тамъ именно и строитъ свои козни, гдѣ видитъ богатства, скопляемыя душей и умножающіяся сокровища благочестія. Но если тѣ, которые подвергаются libri козням, будутъ бодрствовать, то не только ничего не потеряютъ, но получатъ еще большее богатство добро- 526
дѣтели, какъ это случилось и теперь.

Глава XXIII. Въ этомъ же можно видѣть и величайшій признакъ богатства, благъ и могущества церкви. Когда лукавый демонъ увидѣлъ, что она процвѣтаетъ и благоденствуетъ, въ короткое время поднялась на высоту, проявляетъ большую дѣятельность, добродѣтельные все болѣе преуспѣваютъ, а грѣшные раскаиваются, такъ что это общество распространялось по всей

вселенной, то онъ привелъ въ движеніе всѣ свои козни и поднялъ ожесточенныя войны. Подобно тому, какъ онъ угнеталъ Іова то потерей имущества, то смертью дѣтей, то болѣзнью тѣла, то злословіемъ его жены, то оскорбленіями, насмѣшками и издѣвательствами друзей, такъ онъ нападалъ и на церковь, возбуждая противъ нея, насколько возможно было, и ея друзей, и ея враговъ, и тѣхъ, которые вступили въ духовный чинъ, зачислились въ сонмъ вѣрующихъ, были почтены саномъ епископа, и наконецъ всякихъ лицъ всякаго состоянія. Между тѣмъ, несмотря на всѣ такія козни, не только онъ не могъ поколебать ея, но даже сдѣлалъ ее еще блистательнѣе. Нисколько не смутившись, она продолжала поучать всѣхъ, какъ она поучаетъ и теперь, обуздывать страсти, сносить испытанія, показывать терпѣніе, пренебрегать житейскимъ, не увлекаться богатствомъ, пренебрегать честью, презирать смерть, не увлекаться жизнью, оставлять отечество, соотечественниковъ, друзей, родныхъ, быть готовыми ко всякимъ бѣдствіямъ, идти противъ мечей, и все, что есть свѣтлаго въ настоящей жизни, именно почести, славу, власть, роскошь, все это считать ничтожнѣе весеннихъ цвѣтовъ. И этому поучаетъ не одинъ кто-нибудь, не двое, и не трое, а весь народъ (христіанскій), и не словами только, а и дѣлами, изъ-за которыхъ страдаютъ, которыми побѣждаютъ, чрезъ которыя преодолѣваютъ злоумышленниковъ, чрезъ которыя дѣлаются тверже адаманта и и крѣпче всякаго камня; при этомъ не берутся за оружіе, не поднимаютъ войны, не прибѣгаютъ къ луку или стрѣламъ, а будучи каждый огражденъ стѣной терпѣнія, благоразумія, честности и мужества, они, перенося зло, еще большимъ безчестіемъ покрываютъ дѣлающихъ таковое.

Глава XXIV. И вотъ теперь они со свѣтлымъ лицемъ и свободными очами, пользуясь неизреченнымъ дерзновеніемъ, выступаютъ на площади, наполняютъ дома, стекаются на собранія, между тѣмъ какъ дѣлавшіе имъ зло всевозможными кознями теперь скрываются, имѣя внутри себя злую совѣсть, трепещутъ, боятся и мучатся. Подобно тому, какъ дикіе звѣри, которымъ угрожаетъ смерть, послѣ перваго и второго удара, съ особенной яростью бросаются на остріе копій, и сами себѣ наносятъ еще болѣе жестокіе удары и ранятъ себя до сердца; подобно тому, какъ волны, ударяясь въ скалы, съ особенной силой разбиваются и разсѣеваются,—такъ и злоумышленники роютъ ямы скорѣе для себя, чѣмъ для другихъ. Вѣдь у людей, которые подвергаются кознямъ, есть вселенная, есть друзья, которые хвалятъ ихъ,
527 удивляются имъ, провозглашаютъ о нихъ, увѣнчиваютъ ихъ, зная или не зная ихъ, узнавая о нихъ по ихъ дѣламъ, по молвѣ

о нихъ, при чемъ многіе жалѣютъ ихъ, сочувствуютъ имъ, доставляютъ имъ все полезное; сами же злоумышленники имѣютъ еще болѣе лицъ, которыя ненавидятъ ихъ, осуждаютъ, укоряютъ, обличаютъ, пристыжаютъ ихъ, желаютъ видѣть ихъ въ наказаніи и бѣдствіи. И все это еще здѣсь; что же предстоитъ имъ тамъ? Если соблазнившій и одного осуждается на такое наказаніе, что ему лучше повѣсить себѣ жерновъ на шею и утонуть въ морѣ, то подумай, какимъ подвергнутся наказаніямъ во время страшнаго суда, какимъ подвергнутся бѣдствіямъ тѣ, которые возмущаютъ всю вселенную, ниспровергаютъ церковь, разрушаютъ всякій миръ, производя повсюду тысячи соблазновъ? Тѣ же, которые страдаютъ отъ нихъ, послѣ того, что они выстрадали, станутъ вмѣстѣ съ мучениками, вмѣстѣ съ апостолами, вмѣстѣ съ благородными и возвышенными мужами, блистая добродѣтелями, страданіями, вѣнками, наградами, всякимъ дерзновеніемъ. Они 528
увидятъ ихъ наказываемыми, и не смогутъ избавить ихъ отъ этого наказанія, хотя бы и чрезвычайно хотѣли этого; а послѣдніе будутъ возносить мольбу, но не будутъ услышаны. Если одинъ богачъ, пренебрежительно отнесшійся къ Лазарю, подвергся такому наказанію, и не получилъ никакого облегченія, то чему подвергнутся тѣ, которые преслѣдовали и соблазняли столь многихъ? Размышляя обо всемъ этомъ, а также изслѣдуя все, что свидѣтельствуетъ объ этомъ Божественное Писаніе, приготовляйте для себя стѣну крѣпкую, а для немощныхъ еще и надлежащее лѣкарство, и оставайтесь твердыми и непоколебимыми, ожидая предстоящихъ вамъ благъ. Во всякомъ случаѣ предстоитъ вамъ награда не только равная трудамъ, но и неизреченно превосходящая ихъ. Такъ-то человѣколюбивъ Богъ: съ великимъ любочестіемъ вознаграждаетъ Онъ воздаяніями и наградами тѣхъ, которые дѣлаютъ или говорятъ доброе, получить каковыя и да сподобимся мы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.



ПИСЬМА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

1. Иннокентію, епископу римскому [1]).

Высокопочтеннѣйшему господину моему, боголюбезнѣйшему епископу Иннокентію, Іоаннъ — (желаетъ) о Господѣ радоваться.

529 Еще прежде полученія нашего посланія ваше благоговѣніе, думаю, слышали уже о совершившемся у насъ здѣсь беззаконіи. Бѣдствіе такъ велико, что едва ли во всей вселенной осталось гдѣ-нибудь мѣсто, куда бы не проникъ слухъ объ этой печальной трагедіи, и вездѣ этотъ слухъ, распространившійся до самыхъ послѣднихъ предѣловъ земли, возбудилъ прискорбіе и огорченіе. Но такъ какъ не скорбѣть только надобно, а стараться поправить дѣло и принять мѣры къ тому, чтобы утишить эту прискорбнѣйшую церковную бурю, то мы сочли необходимымъ упросить почтеннѣйшихъ господъ моихъ, благоговѣйнѣйшихъ епископовъ: Димитрія, Пансофія, Паппа и Евгенія,
530 оставивъ свои паствы, пуститься въ это необъятное море, совершить такое дальнее странствованіе, прибѣгнуть къ любви вашей и, разъяснивъ вамъ подробно все, по возможности ускорить такимъ образомъ исправленіе совершившагося. Вмѣстѣ съ ними мы послали также честнѣйшихъ и возлюбленныхъ діаконовъ Павла и Киріака; а въ то же время и сами, какъ бы въ видѣ частнаго письма, хотимъ вкратцѣ изложить любви вашей все дѣло. Именно, предстоятель александрійской церкви Ѳеофилъ, вслѣдствіе раз-

[1]) Написано вскорѣ послѣ пасхи 404 года.

ныхъ жалобъ на него, дошедшихъ до слуха благочестивѣйшаго императора, получивъ приказаніе лично явиться (въ Константинополь) одной своей особой, прибылъ сюда, взявъ съ собою весьма значительное число египетскихъ епископовъ и такимъ образомъ какъ бы желая показать съ самаго начала, что онъ прибылъ собственно на войну, на сраженіе. Затѣмъ, прибывъ въ великій и боголюбезный городъ Константина, онъ не отправился прежде всего въ церковь, какъ того требовалъ обычай и издавна заведенный порядокъ, не посѣтилъ и насъ и не принялъ съ нами участія ни въ словѣ, ни въ молитвѣ, ни въ пріобщеніи; но, высадившись съ корабля и пройдя мимо церковныя предверія, остановился на жительство гдѣ-то за городомъ, и хотя мы усердно просили и его, 531
и прибывшихъ съ нимъ, остановиться у насъ (потому что все было для него готово,—и помѣщеніе, и все, что было нужно), но ни онъ, ни другіе не согласились. Видя все это, мы пришли въ большое смущеніе, тѣмъ болѣе, что никакъ не могли догадаться о причинѣ такой незаслуженной вражды къ намъ; однако дѣлали съ своей стороны все, чего требовало отъ насъ приличіе, настоятельно упрашивая его пожаловать къ намъ и сказать, изъ-за чего съ самаго перваго своего шага онъ повелъ противъ насъ такъ рѣшительно войну и возмутилъ весь городъ. Когда же онъ не хотѣлъ объяснить причины своего недовольства, а обвинители его, съ другой стороны, настаивали на своемъ требованіи, благочестивѣйшій императоръ, позвавъ насъ, приказалъ намъ переправиться на другой берегъ пролива, гдѣ онъ остановился, и разобрать тамъ поданную на него жалобу. Въ ней шла рѣчь о насильственномъ вторженіи, объ убійствахъ и множествѣ другихъ подобнаго рода вещей; но мы, зная отеческіе законы, уважая и почитая (столь высоко поставленную) особу и сверхъ того имѣя уже отъ него посланіе, гласившее, что судопроизводства не должно переносить за продѣлы епархій и что въ каждой епархіи епархіальныя дѣла должны вестись своимъ судомъ, не взялись судить его и рѣшительно отказались. Между тѣмъ онъ, какъ бы продолжая свои первыя нападенія, призвалъ къ себѣ моего архидіакона и чрезъ него съ полнѣйшимъ самовластіемъ, какъ будто церковь уже вдовствовала и не имѣла епископа, переманилъ къ себѣ весь клиръ: церкви, разумѣется, стояли пустыми, такъ какъ то изъ той, то изъ другой клириковъ водили къ нему, настроивали подавать на насъ прошенія и поощряли къ доносу. Устроивъ это, онъ обратился къ намъ и прислалъ намъ вызовъ на судъ, еще самъ не оправдавшись отъ существовавшихъ противъ него обвиненій, что было совершенно противно и церковнымъ правиламъ, и всѣмъ законамъ.

2. Зная, что насъ зовутъ не въ судилище (сюда мы тысячу разъ готовы бы были явиться), а къ непріятелю и врагу, какъ это можно уже было видѣть изъ предшествовавшаго и какъ подтвердилось впослѣдствіи, мы послали къ нему епископовъ: Димитрія писинунтскаго, Евлизія апамейскаго, Лупикина аппіарійскаго, также—пресвитеровъ: Германа и Севера, и отвѣтили съ свойственною намъ уступчивостію, сказавъ, что суда не избѣгаемъ, но избѣгаемъ явнаго непріятеля и открытаго врага. Въ самомъ дѣлѣ, кто еще до полученія на насъ прошеній поступалъ съ нами такъ, какъ онъ, съ перваго своего шага, кто удалилъ себя отъ церкви, отъ пріобщенія, отъ молитвы, кто поощрялъ обвинителей, увлекалъ къ себѣ клиръ и приводилъ въ запустѣніе церкви, можетъ ли тотъ съ правомъ взойти на тронъ нашего судіи, никакимъ образомъ ему не приличествующій? Да и несообразно (съ постановленіями), чтобы пришлецъ изъ Египта судилъ обитающихъ во Ѳракіи, притомъ — пришлецъ, самъ подлежащій суду,
532 врагъ и непріятель. Но, ни на что не обращая вниманія, онъ порѣшилъ непремѣнно исполнить то, что задумалъ. Хотя мы объявили, что мы готовы оправдываться отъ обвиненій въ присутствіи хотя бы сотни, хотя бы тысячи епископовъ, и доказать, что мы невинны, такъ какъ дѣйствительно — невинны, — онъ не хотѣлъ ничего слышать, и, несмотря на наше отсутствіе, на наше обращеніе къ собору, воззваніе къ правосудію, несмотря на то, что мы избѣгали не суда, а явной непріязни, принялъ (нашихъ) обвинителей, разрѣшилъ бывшихъ у меня лишенными пріобщенія, принялъ на насъ прошенія отъ такихъ лицъ, которыя еще сами не оправдались отъ обвиненій, и составилъ протоколъ, во всемъ этомъ, отъ начала до конца, дѣйствуя противозаконно и съ церковными правилами несообразно. Нужно ли много говорить далѣе? Употребляя всѣ мѣры, всѣ средства, онъ не успокоился до той минуты, пока насильственно и самовластно не извергъ насъ изъ города и изъ церкви,— въ глубоко позднюю вечернюю пору, при слѣдованіи за нами всего народа. Городской куріосъ [1]) протащилъ меня чрезъ весь городъ, насильно привели, бросили меня въ корабль, и я поплылъ ночью,—все это за то, что я осмѣлился сдѣлать воззваніе къ собору о правосудіи. Кто въ состояніи выслушать это безъ слезъ, хотя бы имѣлъ каменное сердце?

---

[1]) Названіе должности по полицейскому управленію столицы. На куріосахъ лежала обязанность производить слѣдствія по преступленіямъ и проступкамъ, совершавшимся въ столицѣ, и о виновныхъ доносить высшему начальству.

Но, какъ я уже сказалъ выше, такъ какъ не оплакивать только должно бѣдственныя событія, но стараться ихъ исправить, то я умоляю любовь вашу — возбудиться, проникнуться состраданіемъ и сдѣлать все, чтобы прекратить это зло. Впрочемъ враги наши не закончили этимъ своихъ преступныхъ дѣйствій, но и послѣ продолжали дѣйствовать по-прежнему. Потомъ благочестивѣйшій императоръ съ позоромъ изгналъ тѣхъ, кто въ наше отсутствіе безстыдно ворвались въ церковь, и многіе изъ присутствовавшихъ въ городѣ епископовъ, видя ихъ беззаконный образъ дѣйствій, поспѣшили удалиться въ свои епископіи, чтобы не участвовать въ ихъ насиліи, все сокрушавшемъ, какъ какой-нибудь всегубительный пожаръ; между тѣмъ мы снова были призваны въ городъ и въ церковь, изъ которой такъ неправедно были изгнаны: болѣе тридцати епископовъ вводили насъ, и боголюбезнѣйшій императоръ съ своей стороны прислалъ для этого нотарія; онъ же (Өеофилъ) мгновенно обратился въ бѣгство. Зачѣмъ и для чего? Вступая, мы просили боголюбезнѣйшаго императора созвать соборъ для возмездія за прежде бывшее. Такъ, зная за собою дѣло и опасаясь обличенія, онъ, — когда царскія грамоты были уже разосланы повсюду и отвсюду созывали всѣхъ,—тайно, середи ночи, сѣлъ на корабль и уѣхалъ вмѣстѣ со всѣми своими.

3. Однако мы, несмотря на это, съ полнымъ дерзновеніемъ нашей чистой совѣсти, снова обратились къ благочестивѣйшему императору съ настоятельною просьбою опять о томъ же, и государь, дѣйствуя съ подобающимъ ему благочестіемъ, послалъ къ нему грамоту, снова вызывая его, вмѣстѣ со всѣми его споспѣшниками, изъ Египта, чтобы онъ далъ отчетъ въ происшедшемъ и не думалъ, чтобы то, что такъ несправедливо и своевольно, несмотря на отсутствіе наше, сдѣлано одною партіею, было достаточно для его оправданія. Но онъ не послушался и царской гра- 533
моты, и остался дома—подъ предлогомъ будто бы возможнаго въ противномъ случаѣ возмущенія со стороны народа и неумѣстной, обременительной подчасъ, привязанности къ нему нѣкоторыхъ его почитателей, хотя до полученія царской грамоты тотъ же самый народъ неоднократно осыпалъ его безчисленными поношеніями. Впрочемъ не будемъ пересказывать теперь всего, такъ какъ тѣмъ, что сказали, хотимъ только показать, что онъ задыхался въ злодѣяніяхъ. Довольно прибавить, что и послѣ этого мы не успокоились и настоятельно просили, чтобы составлено было судилище, въ которомъ можно бы было спрашивать и отвѣчать; мы говорили, что мы готовы доказать, что мы невинны, а они крайне преступны. Здѣсь оставалось еще нѣсколько сирійцевъ, въ то

время засѣдавшихъ съ нимъ и дѣлавшихъ съ нимъ все сообща; мы приступили къ нимъ съ готовностію судиться съ ними, мы много разъ настойчиво требовали этого, прося передать намъ протоколъ, или обвинительныя прошенія, — по крайней мѣрѣ, сообщить, какого рода эти обвиненія, или кто эти обвинители: но ничего подобнаго не добились, и — снова были извержены изъ церкви. Въ состояніи ли я буду разсказать теперь всѣ, сопровождавшія это, обстоятельства, превосходящія уже всякую трагедію? Какое слово изобразитъ это? Чей слухъ узнаетъ объ этомъ безъ содроганія? Между тѣмъ, какъ мы дѣлали такого рода, какъ я выше сказалъ, предложенія, вдругъ, въ самую великую субботу, когда день склонялся уже къ вечеру, огромная масса солдатъ ворвалась въ церковь, силою разогнала весь, бывшій съ нами, клиръ и обступила алтарь съ оружіемъ въ рукахъ. Женщины, раздѣвшіяся въ это время въ молитвенныхъ домахъ для воспріятія крещенія, бѣжали нагими со страха отъ этого ужаснаго вторженія, такъ какъ имъ не давалось времени позаботиться о подобающемъ женщинамъ благоприличіи; многія изъ нихъ были вытолкнуты даже ранеными,—купели наполнились кровью и святая вода въ нихъ окрасилась кровавымъ цвѣтомъ. Но этимъ не кончились ужасы. Солдаты, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ намъ извѣстно, были вовсе некрещенными, проникли даже въ мѣсто, гдѣ лежали святые дары, осмотрѣли всю внутренность святилища,—святѣйшая кровь Христова, какъ это понятно при такомъ погромѣ, пролилась на одежды вышесказанныхъ солдатъ, и все пришло въ такой страшный безпорядокъ, какъ будто совершилось варварское нашествіе. Жителей гнали вонъ; весь народъ выбрался за городъ; церкви въ такой праздникъ остались пустыми, безъ прихожанъ, и болѣе сорока епископовъ, имѣющихъ съ нами общеніе, безъ повода и безъ причины были изгнаны вмѣстѣ съ народомъ и съ клиромъ: вездѣ — стенанія, вопли, слезы, — на площадяхъ, въ домахъ, въ уединенныхъ убѣжищахъ, и во всемъ городѣ не осталось мѣста, гдѣ бы не было видно слѣдовъ этого бѣдствія; преступленіе было такъ громадно, что намъ сострадали не только потерпѣвшіе отъ него, но и не бывшіе его жертвою, не только единовѣрные, но и еретики, іудеи, язычники; словомъ сказать, точно городъ взятъ былъ приступомъ,—въ такомъ все было смятеніи, волненіи и ужасѣ! И это было сдѣлано безъ вѣдома благочестивѣйшаго императора, подъ
543 покровомъ ночи, по распоряженію, а во многихъ случаяхъ и подъ предводительствомъ епископовъ, которые не постыдились идти, имѣя впереди себя отрядныхъ командировъ вмѣсто діаконовъ. Съ наступленіемъ дня всѣ жители выселились уже за стѣны го

рода, размѣстившись подъ деревьями, по лѣсамъ, и тамъ проводили праздникъ, какъ овцы разсѣянныя.

4. По описанному здѣсь вамъ легко догадаться обо всемъ прочемъ, потому что, какъ я выше сказалъ, словами невозможно обнять все въ подробности. Особенно прискорбно то, что всѣ эти столь многочисленныя и столь тяжелыя бѣдствія еще и теперь не кончились, да и нѣтъ надежды, чтобы кончились; напротивъ, зло съ каждымъ днемъ распространяется, и мы сдѣлались посмѣшищемъ для многихъ, или вѣрнѣе, никто не смѣется, даже самые безнравственные люди, а всѣ оплакиваютъ эту, какъ я сказалъ, громадность зла, это небывалое поруганіе надъ законами.

Въ состояніи ли кто описать безпорядки, возникшіе въ прочихъ церквахъ? Зло, разумѣется, не остановилось здѣсь, но проникло и на востокъ. Подобно тому, какъ если въ головѣ образуется жестокая боль, то прочіе члены разслабѣваютъ, такъ точно и теперь, едва только начались описанныя бѣдствія въ этомъ великомъ городѣ, какъ уже мгновенно смятеніе разлилось повсюду, и вездѣ клиры возстали противъ епископовъ, епископы раздѣлились или намѣреваются раздѣлиться съ епископами, паствы—съ паствами, вездѣ страшныя бѣдствія и всей вселенной преставленіе. Итакъ, честнѣйшіе и благоговѣйнѣйшіе господа мои, зная теперь все это, покажите подобающее вамъ мужество и усердіе, чтобы остановить таковое, распространившееся въ церквахъ, поруганіе законовъ. Если этотъ обычай войдетъ въ силу, если позволительно будетъ всякому желающему, несмотря ни на какую дальность разстоянія, вторгаться въ чужіе округи, извергать всѣхъ, кого угодно, дѣлать по собственному произволу все, что захочется, то знайте, что все погибнетъ, своего рода безпощадная война обойметъ всю вселенную, всѣ будутъ всѣхъ извергать и въ свою очередь извергаться другими. Поэтому, чтобы такое смятеніе не объяло всю подсолнечную, потрудитесь объявить посланіемъ, что все, такъ противозаконно сдѣланное, въ отсутствіе наше, одною партіею, когда мы притомъ отнюдь не уклонялись отъ суда, не имѣетъ никакой силы, какъ оно дѣйствительно не имѣетъ по существу дѣла, и обличенныхъ въ таковомъ преступленіи предать наказанію по церковнымъ законамъ; а намъ, какъ мы ни въ какой винѣ не уличены, не изобличены, и никакой вины за нами не доказано, дозвольте непрерывно пользоваться вашими посланіями, вашею любовью и всѣмъ прочимъ, какъ и прежде. Если же эти закононарушители вздумаютъ теперь предъявлять какія-либо обвиненія, по которымъ несправедливо извергли насъ, не сообщивъ намъ ни протокола, ни обвинительныхъ жалобъ, даже не указавъ, кто насъ обвиняетъ, то пусть

составится неподкупное судилище, и мы готовы судиться, защищаться и доказать, что мы невинны въ томъ, что на насъ взводятъ, какъ и дѣйствительно невинны; теперь же сдѣланное ими
535 совершенно несообразно ни съ чѣмъ, ни съ законами, ни съ церковнымъ канономъ. Но что я говорю о церковномъ канонѣ? Такой несправедливости никогда не допускалось даже въ мірскихъ судахъ, — скажу болѣе: ни въ какомъ варварскомъ судилищѣ; конечно, ни скиѳы, ни савроматы, никогда подобнымъ образомъ не произносили приговора, выслушавъ дѣло только отъ одной стороны, въ отсутствіе обвиненнаго, который уклоняется не отъ суда, но отъ враждебности, который согласенъ предстать предъ тысячью судей, который говоритъ, что онъ невиненъ, что онъ готовъ предъ лицомъ всей вселенной опровергнуть обвиненія противъ себя и доказать совершенную свою непричастность къ нимъ. Обсудивъ все это и отъ господъ моихъ, благочестивѣй-
536 шихъ братій нашихъ, упомянутыхъ епископовъ, подробнѣе разузнавъ все, постарайтесь подать намъ возможную съ своей стороны помощь. Этимъ вы не намъ только угодите, но всей совокупности церквей, и заслужите награду у Бога, Который ради мира церквей все дѣлаетъ. Постоянно здравствуя, молись обо мнѣ, честнѣйшій и святнѣйшій владыко.

---

2. Иннокентію, епископу римскому [1]).

535 Іоаннъ — о Господѣ радоваться.

Тѣломъ каждый изъ насъ привязанъ къ одной мѣстности, но крыломъ любви свободно можетъ летать по всей вселенной. Такъ и мы, несмотря на то, что отдѣлены отъ васъ такою дальностію разстоянія, всегда близки къ вашему благоговѣнію и ежедневно соприсутствуемъ съ вами, видя очами любви ваше душевное мужество, искренность вашего расположенія, вашу твердость, непоколебимость, ваше великое, непрерывное и постоянное стремленіе — насъ утѣшить. Чѣмъ выше вздымаются волны, чѣмъ болѣе открывается подводныхъ камней и скалъ, чѣмъ чаще взрывы бури, тѣмъ болѣе возрастаетъ ваша неусыпность, и ни огромная дальность разстоянія, ни продолжительность времени, ни затруднительное положеніе дѣлъ, не могли породить въ васъ безпечности: съ неутомимою бодростію вы соревнуете лучшимъ

---

[1]) Писано, вѣроятно, въ 406-мъ году.

изъ кормчихъ, которые тогда особенно воодушевляются, когда видятъ, что волненіе достигло крайняго предѣла, море бушуетъ, всплескъ волнъ оглушителенъ и день обратился въ глубочайшую ночь. Поэтому мы глубоко благодарны вамъ и желали бы посылать къ вамъ несчетное множество писемъ, находя въ томъ величайшее для себя удовольствіе. Но такъ какъ пустынность мѣстности намъ не дозволяетъ этого, потому что никто, не только изъ отправляющихся туда, но даже изъ обитающихъ вокругъ насъ, не можетъ легко къ намъ добраться вслѣдствіе отдаленности мѣста, въ которомъ мы заключены, лежащаго на самыхъ крайнихъ границахъ, и вслѣдствіе опасности со стороны разбойниковъ, осаждающихъ всѣ дороги, то мы просимъ васъ, чѣмъ продолжительнѣе наше молчаніе, тѣмъ болѣе сожалѣть о насъ, а не заключать изъ того о нашемъ нерадѣніи. И что, дѣйствительно, не изъ небрежности мы молчали, то — вотъ, какъ только послѣ долгаго времени представился намъ теперь случай видѣть честнѣйшаго и возлюбленнаго пресвитера Іоанна и діакона Павла, мы немедленно пишемъ и безпредѣльно благодаримъ васъ за то, что вы показали себя любвеобильными отцами по своему къ намъ благорасположенію и усердію. Что только было во власти вашего благоговѣнія, сдѣлано все надлежащее, такъ что плевелы зла и соблазны должны бы были уже истребиться, церкви — получить миръ и свѣтлую тишину, всѣ дѣла — идти въ порядкѣ,
попранные законы и нарушенныя постановленія отцовъ—быть 536
отомщены. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ ничего этого еще не исполнилось, и прежде беззаконновавшіе продолжаютъ усиливать свои прежнія беззаконія новыми,—я не хочу уже въ подробности разсказывать обо всемъ, что было сдѣлано ими послѣ того, такъ какъ такой разсказъ превзошелъ бы предѣлы исторіи, не только письма,— то я прошу неусыпную вашу душу о томъ, чтобы, если распространившіе повсюду смятенія будутъ нераскаянно и неисцѣльно упорствовать въ своей болѣзни, то и рѣшившіеся уврачевать зло не приходили бы въ отчаяніе и не уступали, постоянно имѣя въ виду высокое значеніе этого важнаго дѣла. Предлежащая вамъ борьба идетъ за всю почти вселенную,—за попраніе церквей, за разсѣяніе паствъ, за нападенія на клиры, за ссылки епископовъ, за нарушеніе отеческихъ постановленій. Поэтому, снова и снова, несчетное число разъ умоляемъ вашу рачительность, чѣмъ сильнѣе буря, тѣмъ болѣе показать усердія. Мы надѣемся, что дѣло поправится лучше. А если бы этого и не сбылось, во всякомъ случаѣ вамъ уготованъ за вашъ подвигъ вѣнецъ у человѣколюбиваго Бога, а неправедно гонимымъ такое проявленіе вашей любви послужитъ въ немалое утѣшеніе. Вотъ

уже третій годъ живемъ мы въ ссылкѣ, будучи обречены въ жертву голода, язвы, войнъ, непрерывныхъ осадъ, невыразимой пустынности, исаврійскихъ мечей и ежедневно грозящей смерти; но даже и намъ постоянство и твердость вашего благорасположенія и дерзновенія и обиліе вашей богатой и искренней любви доставляютъ не мимолетное облегченіе и утѣшеніе. Это — наша стѣна, наша твердыня, необуреваемая наша пристань, наша сокровищница неисчислимыхъ благъ, наша радость и основа нашего удовольствія. И если бы насъ снова перевели отсюда въ страну еще болѣе пустынную, мы отправились бы, унося съ собою это великое утѣшеніе въ нашихъ страданіяхъ.

Возлюбленному брату Іоанну Иннокентій.

537 Хотя человѣку невинному приличествуетъ ожидать всѣхъ благъ и просить милости отъ Бога, однако и мы, совѣтуя терпѣть, отправили съ діакономъ Киріакомъ подобающее посланіе, дабы оскорбленіе съ его нападеніями не было сильнѣе чистой совѣсти съ ея надеждами. Тебя, учителя и пастыря стольких людей, не требуется наставлять въ томъ, что всѣ лучшіе люди всегда и постоянно испытываются, пребываютъ ли они въ силѣ терпѣнія и не падаютъ ли подъ тяжестью труда и страданья, и что совѣсть есть крѣпкій оплотъ противъ всѣхъ незаслуженныхъ несчастій, не преодолѣвшій которыхъ терпѣніемъ даетъ основаніе
538 для неблагопріятныхъ о себѣ предположеній. Все долженъ переносить тотъ, кто полагается прежде всего на Бога, а потомъ на собственную совѣсть. Добрый мужъ можетъ быть испытываемъ въ терпѣніи, быть же побѣжденнымъ не можетъ: мысль его охраняется Божественнымъ Писаніемъ, такъ какъ чтенія изъ божественныхъ книгъ изобилуютъ примѣрами, которые нами указываются народу и которые свидѣтельствуютъ, что почти всѣ святые различными способами и часто были притѣсняемы и какъ бы нѣкоторому испытанію подвергались, и такимъ путемъ получили вѣнецъ терпѣнія. Да утѣшаетъ любовь твою, дорогой братъ, сама твоя совѣсть, которая въ несчастіяхъ должна служить отрадою для добродѣтели. Предъ очами Господа Христа, чистая совѣсть да утверждается въ пристани мира.

Иннокентій епископъ пресвитерамъ, діаконамъ и всему клиру и народу церкви константинопольской, подчиненнымъ епископу Іоанну, возлюбленнымъ братьямъ, радоваться. 587

Изъ письма любви вашей, посланнаго съ пресвитеромъ Германомъ и діакономъ Кассіаномъ, съ тревогою и безпокойствомъ ознакомился я съ зрѣлищемъ золъ, которое представили вы предъ моими глазами; неоднократно перечитывая письмо, я узналъ, отъ какихъ великихъ бѣдъ и затрудненій страдаетъ вѣра. Здѣсь можетъ помочь одно утѣшеніе — терпѣніе: Богъ нашъ скоро дастъ конецъ такимъ бѣдствіямъ, и самое перенесеніе ихъ послужитъ во благо. Это необходимое утѣшеніе мы усматриваемъ изложеннымъ въ началѣ письма любви вашей, превознося похвалами вашу мысль, которая обставлена многими свидѣтельствами, располагающими къ терпѣнію,—такъ что утѣшеніе, которое мы должны были дать вамъ своимъ письмомъ, вы сами предвосхитили въ вашемъ письмѣ. Господь нашъ обыкновенно даетъ страждущимъ это терпѣніе для того, чтобы даже и въ скорбяхъ рабы Христовы сами утѣшали себя, размышляя о томъ, что переносимое ими уже раньше случалось со святыми мужами. Даже и мы сами изъ письма вашего можемъ почерпнуть утѣшеніе, такъ какъ мы не чужды соучастія въ скорби вашей и сами сострадаемъ вамъ. Да и кто могъ бы снести злодѣянія людей, которымъ прежде всего приличествовало быть ревнителями спокойствія, мира и согласія? Теперь, въ противность этому, неповинные епископы прогоняются съ занимаемыхъ ими въ своихъ церквахъ каѳедръ. Братъ и сослужитель нашъ Іоаннъ, вашъ епископъ, первый несправедливо испыталъ это, не будучи выслушанъ и на судѣ: никакого обвиненія не предъявляется и не выслушивается. И что за пагубное измышленіе! Чтобы не было и не изыскивалось повода для суда, на мѣсто живыхъ іереевъ ставятся другіе; какъ будто люди, начавшіе съ такого преступленія, могли быть кѣмъ-либо признаны имѣющими добрую цѣль и поступившими справедливо. Мы не знаемъ, чтобы такъ когда-нибудь поступали наши отцы; напротивъ, такія дѣйствія воспрещались, и никому не предоставлялось — на мѣсто кого-либо, бывшаго въ живыхъ, посвящать другого. Незаконное посвященіе не можетъ отнять у другого его достоинства; не можетъ быть епископомъ тотъ, кто по- 538
ставляется несправедливо на мѣсто другого. Что касается соблюденія каноновъ, то мы говоримъ, что нужно подчиняться только тѣмъ, которые опредѣлены въ Никеѣ; имъ однимъ должна слѣ-

довать каѳолическая церковь и ихъ однихъ признавать. Если же кѣмъ-либо будутъ предложены другіе каноны, отличающіеся отъ никейскихъ, и если бы было обнаружено, что эти каноны составлены еретиками, то каѳолическіе епископы должны ихъ отвергнуть. Измышленнаго еретиками нельзя объединить съ каѳолическими канонами: они всегда стремятся ослабить мысль никейскихъ отцовъ чѣмъ-либо противнымъ и недозволеннымъ. Итакъ, мы говоримъ не только то, что не слѣдуетъ держаться этихъ каноновъ, но то, что ихъ должно осудить вмѣстѣ съ еретическими и схизматическими ученіями, какъ это и прежде сдѣлали на сардикійскомъ соборѣ епископы, раньше насъ жившіе. Честнѣйшіе братья, лучше, если будетъ осуждено сдѣланное должнымъ образомъ, чѣмъ — если получитъ нѣкоторую устойчивость то, что сдѣлано вопреки каноновъ. Но что противъ этого сдѣлаемъ мы въ настоящее время? Необходимо будетъ разслѣдованіе, произведенное соборомъ, о необходимости созванія котораго мы говорили уже давно: одинъ онъ могъ бы утишить эти бури. Для того, чтобы соборъ состоялся, полезно будетъ ожидать врачеванія золъ отъ мановенія великаго Бога и Христа Его. Всѣ волненія, воздвигнутыя нынѣ завистію діавола для испытанія вѣрныхъ, улягутся; твердые и стойкіе въ вѣрѣ, мы не должны терять надежды на полученіе отъ Бога чего бы то ни было. Мы много размышляемъ о томъ, какъ долженъ состояться вселенскій соборъ, чтобы волею Божіею успокоились тревога и смятеніе. Итакъ, будемъ пока ждать и, окруживъ себя стѣною терпѣнія, станемъ надѣяться, что съ помощію Божіею все будетъ возстановлено. О всемъ же, вами перенесенномъ, мы уже раньше посредствомъ разспросовъ вполнѣ освѣдомились отъ соепископовъ, бѣжавшихъ въ Римъ, хотя и въ разное время, именно отъ Димитрія, Киріака, Евлисія и Палладія, которые теперь находятся съ нами.

Сакра [1]) Гонорія Августа, посланная къ государю востока
539 Аркадію.

Хотя по поводу женскаго изображенія [2]), въ новой копіи пущеннаго по провинціямъ и, по причинѣ толковъ людей недоброжелательныхъ, сдѣлавшагося извѣстнымъ во всемъ свѣтѣ, я напоминалъ въ другомъ письмѣ, что, вслѣдствіе сожалѣнія о такомъ фактѣ и вслѣдствіе пріостановки въ выполненіи предполо-

---

[1]) Т. е. Sacra epistola = августѣйшее посланіе.

[2]) См. „Полное собраніе Твореній св. Іоанна Златоуста“, т. I, стр. XCVI.

женія, завистливая молва ослабѣваетъ, и народный языкъ не имѣетъ матеріала для своихъ обличеній, — хотя и относительно гибели Иллиріи съ искреннимъ расположеніемъ выразили мы предъ вами свое сожалѣніе о томъ, почему вы не хотите признать этого ущербомъ для государства и отчего это сдѣлалось извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ, а не изъ письма вашей любви,—но не подобаетъ намъ скрыть предъ вашей свѣтлостью и того, что недавно произошло въ церковныхъ дѣлахъ не безъ опасности для государства и о чемъ быстрая молва, всегдашняя вѣстница всего худого, не умолчала, и, соотвѣтственно природѣ человѣческой, всегда возбуждающейся къ злословію новыми случаями, она, при оказавшемся поводѣ къ порицанію, по пристрастію къ жестокимъ пересудамъ, направляетъ свою злобу на несчастные случаи.

Недавно передавали, что въ Константинополѣ, въ священнѣйшій день досточтимой Пасхи, когда богослуженіе, долженствовавшее совершиться въ присутствіи государей, собрало въ одно мѣсто почти все населеніе сосѣднихъ городовъ, вдругъ каѳолическія церкви были заперты, священнослужители заключены подъ стражу, чтобы именно въ то время, когда милостію государевою открываются для преступниковъ печальные затворы темницъ, ужасная тюрьма заключила въ себѣ служителей благочестиваго закона и мира; совершеніе всѣхъ таинствъ встрѣтило препятствія, какъ въ военное время; нѣкоторые убиты въ самыхъ святилищахъ церковныхъ, и около алтарей свирѣпствовало такое насиліе, что и досточтимые епископы отправлялись въ ссылку, и кровь человѣческая—страшно сказать!—обагряла небесныя тайны.

Внезапно услышавъ объ этомъ, мы—признаюсь—были встревожены. Да и кто при такомъ кровавомъ преступленіи не побоялся бы гнѣва всемогущаго Бога? Или какимъ образомъ онъ могъ бы считать себя находящимся внѣ крайней опасности, угрожавшей римскому міру и всѣмъ людямъ, когда — о, великіе государи, братъ и племянникъ, досточтимые Августы!—самъ основатель нашей имперіи и правитель ввѣреннаго намъ государства, всемогущій Богъ, гнѣвается на гибельныя и отвратительныя преступленія? И если бы между представителями церкви шло дѣло о какомъ-нибудь религіозномъ вопросѣ, должно бы состояться совѣщаніе епископовъ, — такъ какъ имъ принадлежитъ истолкованіе 540
предметовъ вѣры. Однако пусть попеченіе государево простирается нѣсколько дальше—на таинственные и каѳолическіе вопросы; неужели же возбужденное неудовольствіе должно было доходить до изгнанія священнослужителей, до убійства людей, такъ что тамъ, гдѣ приносятся чистыя молитвы, даются искренніе обѣты, совер-

шаются жертвоприношенія, тамъ же обнажился бы мечъ, не легко устремляемый и на гортань преступниковъ? Сами наконецъ факты показываютъ, какими очами воззрѣлъ на это Богъ. Прежде всего, именно это было признакомъ предстоящаго напоминанія, и, о, если бы только это одно! Боязливость человѣческая, проникнутая сознаніемъ такого великаго преступленія, производитъ то, что, испытавъ ужасное мщеніе, мы боимся чего-либо болѣе тяжкаго, отъ чего да избавитъ всемогущій Богъ.

Слышу, что святой храмъ, украшенный отъ богатствъ столь многихъ императоровъ, знаменитый цѣнными украшеніями, почитаемый вслѣдствіе моленія въ немъ государей, горѣлъ, и это несравненное украшеніе константинопольской церкви, по Божію попущенію, превратилось въ пепелъ: Богъ оставилъ оскверненныя тайны и отвратилъ Свои глаза отъ того мѣста, которое напитала уже кровь, чтобы никто не могъ обращаться съ мольбами къ небесному милосердію у окровавленныхъ алтарей. Священныя зданія, славившіяся не меньшимъ великолѣпіемъ, вслѣдствіе свирѣпствовавшаго пожара, когда пламя распространилось шире, также были пожраны огнемъ; и устроенныя нашими предками украшенія общественныхъ мѣстъ также сгорѣли,—какъ будто наступилъ нѣкоторый конецъ міра. Хотя я, довольно часто испытывавшій несправедливости, долженъ былъ бы молчать, и любезнѣйшему брату своему и соучастнику въ царствѣ не указывать на это съ такою точностію,—но, выполненіе обязанностей родственныхъ предпочитая мученіямъ безмолвной скорби, я убѣждаю и увѣщеваю, чтобы все это, если возможно, было исправлено съ измѣненіемъ образа дѣйствій въ послѣдующее время къ лучшему, и чтобы божественный гнѣвъ, который, какъ видно изъ обстоятельствъ, возбужденъ, усердными моленіями былъ утоленъ.

Примите отъ меня высшее доказательство откровенности. Потому именно считаю я нужнымъ указать на это вашей милости, чтобы самое молчаніе мое не сдѣлало меня предъ кѣмъ-либо подозрительнымъ, какъ будто я приношу безмолвное поздравленіе, и чтобы кто-нибудь не подумалъ, что я единомышленъ съ этимъ, и чтобы не показалось, что я, часто напоминавшій, какъ бы этого не случилось, не скорблю, когда фактъ совершился. Кто, не забывшій, что онъ—христіанинъ, могъ бы не испытывать скорби при видѣ внезапно проникшихъ въ область религіи волненій, настолько значительныхъ, что все положеніе каѳолической вѣры необходимо колеблется? Указанное дѣло было дѣломъ внутреннимъ епископовъ, и оно должно было кончиться по созваніи собора; послѣ отправленія той и другой стороной пословъ къ епископамъ вѣчнаго города и Италіи, ожидалось, на основаніи об

щаго взгляда, рѣшеніе, которое опредѣлило бы правила дисциплины; слѣдовало бы быть безпристрастнымъ и ничего новаго не 541
предпринимать, пока вырабатывалось бы опредѣленіе. Между тѣмъ явилась удивительная какая-то поспѣшность, такъ что, не дождавшись писемъ епископовъ, къ которымъ обратились за совѣтами обѣ стороны чрезъ своихъ пословъ, не изслѣдовавши дѣла, отправляютъ въ изгнаніе предстоятелей, присужденныхъ къ карѣ прежде, чѣмъ стало извѣстно рѣшеніе епископскаго суда. Наконецъ, какъ преждевременно было это осужденіе, показало само дѣло. Тѣ, отзывъ которыхъ ожидался, предварительно сообщивъ епископу Іоанну объ общеніи мира, рѣшили утвердить это единеніе и положили, что раньше суда никто не долженъ быть удаляемъ отъ общенія.

Что теперь остается иного, какъ не то, чтобы каѳолическую вѣру раздирали схизмы, чтобы на почвѣ такого разномыслія воз- 542
никали ереси, всегда враждебныя единенію, чтобы народу уже не вмѣнялось въ вину его раздѣленіе на несогласныя секты, если сама государственная власть даетъ матеріалъ для несогласій и если ею раздувается горящій трутъ раздоровъ. Дабы этого вновь не произошло, на великую пагубу роду человѣческому, нужно молиться, чтобы Богъ, снисходя къ человѣческимъ прегрѣшеніямъ, дурное дѣло направилъ къ доброму концу и благопоспѣшенію. Что касается насъ, мы можемъ только бояться современнаго; что же касается милости всегда милосердаго Бога, то освобожденіе отъ наказанія будетъ свидѣтельствовать не о заслугѣ, а о снисхожденіи.

---

3. Епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ, заключеннымъ за благочестіе въ темницу [1]).

Блаженны вы въ темничномъ заключеніи, въ цѣпяхъ и узахъ; 541
блаженны троекратно, тысячекратно блаженны вы, возбудившіе во всей вселенной нѣжное участіе къ себѣ и содѣлавшіе своими приверженцами даже людей, далеко отъ васъ находящихся! Повсюду, на морѣ и сушѣ, прославляются ваши подвиги, ваше мужество, ваша непреклонная воля, вашъ чуждый раболѣпства образъ мыслей. Не сломило васъ ничто — изъ всего, что считается страшнымъ, — ни судилище, ни палачъ, ни безчисленныя пытки, ни тысячекратныя угрозы смертью, ни судьи съ пламенемъ въ устахъ,

---

[1]) Писано, вѣроятно, къ концѣ 404-го года.

ни враги, скрежещущіе зубами и воздвигающіе всевозможныя интриги, ни безсовѣстная клевета, ни безтыдныя обвиненія, ни ежедневно предъ глазами являющаяся смерть; для утѣшенія во всемъ этомъ вамъ достаточно было причины всего этого. За то всѣ открыто возлагаютъ на васъ вѣнцы и провозглашаютъ вашу славу, — не друзья только, но и сами враги и виновники вашихъ истязаній; если же иные — и не открыто, то стоитъ только заглянуть въ ихъ совѣсть, въ глубинѣ ея и у нихъ окажется великое удивленіе вамъ. Таково свойство добродѣтели: ей удивляются даже и тѣ, кто ее преслѣдуетъ. Таково свойство зла: его презираютъ даже тѣ, кто его дѣлаетъ. И все это еще здѣсь; а что — тамъ, на небѣ, какое слово въ состояніи это выразить? Ваши имена уже вписаны въ книгу жизни и вы сопричислены къ сонму святыхъ мучениковъ. Ясно знаю я все это, не потому, чтобы входилъ на небо, но потому, что узналъ изъ божественныхъ вѣщаній. Если (Іоаннъ), этотъ плодъ неплодной, этотъ гражданинъ пустыни, возставшій противъ беззаконнаго брака (Ирода Филиппа) и могшій не отвратить беззаконіе, а только обличать его, будучи ввержен за то въ темницу и обезглавленъ, содѣлался мученикомъ и первымъ изъ мучениковъ, — то подумайте, какую получите награду вы, возставшіе за преступленіе отеческихъ законовъ и постановленій, за попраніе и нарушеніе правъ священства, и столько пострадавшіе за правду и за праведное обличеніе безстыдныхъ клеветъ! *Не достоитъ ти имѣти жену Филиппа, брата твоего* (Матѳ. XIV, 4), сказалъ тогда этотъ добродѣтельный и великій мужъ, и этого было достаточно, чтобы получить ему неизреченное дерзновеніе. Такъ и вы сказали: вотъ наши тѣла, — ихъ можно подвергнуть наказаніямъ, мученіямъ, пыткамъ, — губи, изводи ихъ, какими хочешь, мученіями; но мы не соглашаемся клеветать и лучше готовы тысячу разъ умереть. Правда, вы не обезглавлены; но вы подвергнуты еще
512 гораздо большимъ жестокостямъ. Не одно и то же — сложить голову въ краткое мгновеніе времени, или бороться такъ долго со столькими скорбями, опасеніями, угрозами, темницами, ссылками, судилищами, усиліями палачей, безстыдными устами клеветниковъ, со столькими порицаніями, поношеніями, насмѣшками. Это — гораздо высшій видъ подвижничества, и блаженный Павелъ полагаетъ его въ числѣ великихъ подвиговъ, говоря такъ: *воспоминайте первыя дни ваша, въ нихже просвѣтившеся, многъ подвигъ подъясте страданій* (Евр. X, 32). Говоря далѣе о самомъ подвигѣ, онъ описалъ его слѣдующими словами: *ово убо поношеньми и скорбми позоръ бывше, ово же общницы бывше страждущимъ тако* (ст. 33). Если и раздѣлявшіе поношенія были уже подвижники, то тѣмъ болѣе претерпѣвшіе ихъ. Вы не одну, не двѣ, не три, вы пере-

несли много смертей, если и не на дѣлѣ, то въ душѣ. *Радуйтеся убо и веселитеся* (Матѳ. v, 12): такъ повелѣлъ Владыка небесный — не скорбѣть только и не сокрушаться, но веселиться и радоваться, когда имя ваше проносятъ яко зло. Если же при клеветѣ радоваться должно, то, когда къ клеветамъ привходятъ еще удары, мученія, наточенные мечи, темницы, оковы, ссылки, новыя ссылки, безчисленныя скопища враговъ, подумай, какая тогда награда, до какой степени тогда высоко будетъ воздаяніе! Итакъ радуйтеся, веселитеся, мужайтеся, укрѣпляйтеся, помышляйте, сколько другихъ людей вы воздвигли на подвигъ вашими страданіями, у сколькихъ подняли духъ, сколько утвердили колебавшихся, — не только находящихся при васъ, но и отсутствующихъ, — принесши величайшую пользу не только тѣмъ, кто могъ видѣть все, что вы перенесли, но и тѣмъ, кто въ своей дали могъ только о томъ слышать. Постоянно да будетъ въ устахъ вашихъ это апостольское слово, что *не достойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. viii, 18). Надѣйтесь, что очень скоро наступитъ конецъ испытаній и совершенное освобожденіе, и молитесь всегда о насъ. Хотя мы отдѣлены отъ васъ большимъ протяженіемъ пространства и уже много времени съ вами разлучены, но обнимаемъ васъ, какъ бы живя и находясь вмѣстѣ съ вами, и цѣлуемъ каждаго изъ васъ въ любезную главу, съ распростертыми руками принимая увѣнчанныхъ борцовъ и надѣясь даже отсюда, отъ великой нашей любви къ вамъ, получить себѣ величайшую пользу. Если же любящіе васъ должны ожидать себѣ великой награды, то подумайте, какія уготованы воздаянія вамъ, просіявшимъ во столькихъ подвигахъ.

---

4. ПИСЬМА КЪ ОЛИМПІАДѢ.

Госпожѣ моей достопочтеннѣйшей и боголюбезнѣйшей діакониссѣ Олимпіадѣ, епископъ Іоаннъ, о Господѣ радоваться. Письмо І-е.

1. Хочу излѣчить рану твоего унынія и разсѣять мысли, собирающія это облако скорби. Что, въ самомъ дѣлѣ, смущаетъ твой духъ, почему ты печалишься и скорбишь? Потому, что сурова и мрачна эта буря, которой подверглись церкви? Потому, что все превратила она въ безлунную ночь и день-ото-дня все болѣе усиливается, причиняя тяжкія кораблекрушенія? Потому, что ростетъ гибель вселенной? Знаю это и я, да и никто не будетъ преко- 549

словить этому. Если желаешь, я изображу даже тебѣ и картину того, что теперь происходитъ, чтобы сдѣлать для тебя болѣе ясными настоящія печальныя событія. Мы видимъ, что море бурно вздымается отъ самаго дна; одни корабельщики плаваютъ по поверхности водъ мертвые, другіе ушли на дно; корабельныя доски развязываются, паруса разрываются, мачты разламываются, весла повыпадали изъ рукъ гребцовъ, кормчіе сидятъ, вмѣсто рулей, на палубахъ, обнимаютъ руками колѣна и только рыдаютъ, громко кричатъ, плачутъ и сѣтуютъ о своемъ безысходномъ положеніи; они не видятъ ни неба, ни моря, а повсюду лишь такую глубокую, безпросвѣтную и мрачную тьму, что она не дозволяетъ имъ замѣчать даже и находящихся вблизи, слышится шумное рокотаніе волнъ, и морскія животныя отовсюду устремляются на пловцовъ. Но до коихъ поръ, впрочемъ, гнаться намъ за недостижимымъ? Какое бы подобіе ни нашелъ я для настоящихъ бѣдствій, слово слабѣетъ предъ ними и умолкаетъ. Впрочемъ, хотя я и вижу все это, я все-таки не отчаиваюсь въ надеждѣ на лучшія обстоятельства, памятуя о Томъ Кормчемъ всего этого, Который не искусствомъ одерживаетъ верхъ надъ бурей, но однимъ мановеніемъ прекращаетъ волненіе моря. Если же Онъ дѣлаетъ это не съ самаго начала и не тотчасъ, то потому, что таковъ у Него обычай: не прекращать опасностей вначалѣ, а тогда уже, когда онѣ усилятся и дойдутъ до послѣднихъ предѣловъ, и когда большинство потеряетъ уже всякую надежду; тогда-то Онъ, наконецъ, совершаетъ чудесное и неожиданное, проявляя и собственное Свое могущество и пріучая къ терпѣнію подвергающихся опасностямъ. Итакъ, не падай духомъ.

Вѣдь одно только, Олимпіада, страшно, одно искушеніе, именно только грѣхъ, — и я не перестаю до сихъ поръ напоминать тебѣ это слово, — все же остальное — басня, — укажешь ли ты на козни или на ненависть, или на коварство, на ложные допросы или бранныя рѣчи и обвиненія, на лишеніе имуществъ или изгнанія, или заостренные мечи, или морскую бездну, или войну всей все-
550 ленной. Каково бы все это ни было, оно и временно и скоропреходяще, и имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ смертному тѣлу и нисколько не вредитъ трезвой душѣ. Поэтому и блаженный Павелъ, желая показать ничтожество радостей и печалей, приключающихся въ настоящей жизни, разъяснилъ все однимъ изреченіемъ: *видимая бо временна* (2 Кор. IV, 18). Итакъ, зачѣмъ тебѣ бояться временнаго, протекающаго подобно рѣчнымъ потокамъ? — потому что таково настоящее, все равно — будетъ ли оно радостно, или печально. Другой же пророкъ все человѣческое счастіе сравнилъ не съ травою даже, а съ другимъ, болѣе ничтожнымъ веществомъ,

назвавши все вмѣстѣ цвѣтомъ травы, и счелъ (этимъ цвѣтомъ) не часть только счастья, напримѣръ—только богатство, или только роскошь, или обладаніе властью, или почести; но все, что у людей считается славнымъ, обнявъ однимъ именемъ „славы“, уподобилъ затѣмъ травѣ, сказавъ: *всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный* (Ис. XL, 6).

2. Однако ужасно и тяжело, скажешь, несчастіе. Но смотри, какъ и оно, въ свою очередь, приравнивается пророкомъ къ другому образу,—и относись съ презрѣніемъ и къ нему. Именно, уподобляя бранныя рѣчи, оскорбленія, укоризны, насмѣшки со стороны враговъ и злые замыслы извѣтшавшей одеждѣ и изъѣденной молью шерсти, пророкъ говорилъ: *не бойтеся укоренія человѣка и похуленію ихъ не покоряйтеся,* потому что состарѣются, какъ риза, и будутъ изъѣдены, какъ шерсть молью (Ис. LI, 7—8). Итакъ, пусть не смущаетъ тебя ничто изъ того, что происходитъ. Перестань звать на помощь то того, то другого, и гнаться за тѣнями (а такова человѣческая помощь), но призывай непрестанно Іисуса, Которому ты служишь, чтобы Онъ только благоизволилъ: и всѣ бѣдствія прекратятся въ одинъ мигъ. Если же ты призывала, а бѣдствіе не устранено, то таковъ у Бога обычай: не сначала (я повторю то, что сказалъ выше) удалять бѣдствія, но когда они достигнутъ наибольшей высоты, когда усилятся, когда враждующіе изольютъ почти всю свою злость,—тогда, наконецъ, все сразу измѣнять въ состояніе тишины и производить неожиданныя перемѣны. Онъ можетъ произвести не только тѣ блага, какихъ мы ожидаемъ и надѣемся (получить), но и гораздо большія и безконечно цѣннѣйшія. Поэтому и Павелъ говорилъ: *Могущему же паче вся творити по преизбыточествію, ихже просимъ или разумѣемъ* (Еф. III, 20). Развѣ Онъ не могъ, въ самомъ дѣлѣ, сначала же не допустить тремъ отрокамъ подвергнуться искушенію (Дан. III)?
Могъ, но не пожелалъ, чтобы доставить имъ чрезъ это большую 551
выгоду. Съ этой цѣлью Онъ допустилъ и то, чтобы они были преданы въ руки иноплеменниковъ, и — чтобы печь была разожжена до несказанной степени, и — чтобы гнѣвъ царскій пылалъ сильнѣе печи, и — чтобы крѣпко связаны были ихъ руки и ноги, и — чтобы, наконецъ, ввергнуты они были въ огонь; и когда всѣ, созерцавши ихъ, отчаялись въ ихъ спасеніи, тогда-то нежданно и вопреки всякой надеждѣ проявилось чудное дѣло превосходнѣйшаго Художника—Бога, и просіяло съ превосходною силою. Именно, — огонь связывался, а узники разрѣшались; печь сдѣлалась храмомъ молитвы, источникомъ и росою, и стала почетнѣе царскихъ дворцовъ,—и надъ огнемъ, этой всепожирающей силой, которая преодолѣваетъ и желѣзо, и камни, и побѣждаетъ всякое

вещество, одержала верхъ природа волосъ. И здѣсь стоялъ согласный хоръ святыхъ, призывавшихъ всю тварь, и небесную и земную, къ дивному пѣснопѣнію: они пѣли, возсылая благодарственные гимны за то, что были связаны, за то, что — насколько это зависѣло отъ враговъ — были сожигаемы, за то, что были изгнаны изъ отечества, за то, что стали плѣнниками, за то, что были лишены свободы, за то, что сдѣлались не имѣющими городовъ, безпріютными и переселенцами, за то, что жили въ чужой и иноплеменной землѣ, — таково свойство благодарной души. И вотъ, когда и злодѣянія враговъ были кончены (что еще могли бы они предпринять послѣ смерти?), и добродѣтель борцовъ проявилась во всей своей полнотѣ, когда сплетенъ былъ для нихъ вѣнецъ, собраны были награды, и ничего уже не осталось больше для ихъ прославленія,—тогда-то именно бѣдствія устраняются, и тотъ, кто возжегъ печь и предалъ отроковъ столь великой мукѣ, начинаетъ дивно прославлять этихъ святыхъ борцовъ и дѣлается вѣстникомъ необычайнаго чуда Божія, посылаетъ во всѣ стороны вселенной письма, полныя благохваленія, повѣствуя въ нихъ о случившемся, и дѣлается такимъ образомъ достовѣрнымъ вѣстникомъ чудесъ дивнотворца Бога, потому что если онъ самъ (прежде) былъ врагомъ и непріятелемъ, то писанное имъ не возбуждало уже къ себѣ подозрѣнія и у враговъ.

3. Видишь искусство Бога? Видишь Его мудрость? Видишь, что Онъ совершаетъ не то, что согласно съ обычными мнѣніями и ожиданіями? Видишь Его человѣколюбіе и попечительность? Поэтому не смущайся и не тревожься, но пребывай постоянно, благодаря Бога за все, славословь Его, призывай, проси, умоляй, и хотя бы наступили безчисленныя смятенія и волненія, или происходили предъ глазами твоими бури, пусть ничто это не смущаетъ тебя. Господь вѣдь у насъ не сообразуется съ затруднительностью обстоятельствъ, даже если все впадаетъ въ состояніе крайней гибели, такъ какъ Ему возможно поднять упавшихъ, вывести на дорогу заблудшихъ, исправить подпавшихъ соблазну, исполненныхъ безчисленныхъ грѣховъ освободить отъ нихъ и сдѣлать праведными, оживотворить лишенныхъ жизни, возстановить еще съ большимъ блескомъ то, что разрушено до
552 основанія и обветшало. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ дѣлаетъ, что рождается то, чего не было, и даруетъ бытіе тому, что нигдѣ вовсе не проявлялось, то гораздо скорѣе Онъ исправитъ существующее уже и происшедшее. Но, скажешь, много погибающихъ, много соблазняющихся? Много и подобнаго часто уже случалось; но впослѣдствіи все однако получало соотвѣтствующее исправленіе, исключая тѣхъ, кто упорно пребывалъ въ неисцѣлимой

болѣзни и послѣ перемѣны обстоятельствъ. Зачѣмъ ты смущаешься и грустишь, если тотъ изгнанъ, а тотъ, напротивъ, возвращенъ? Христа распинали и требовали освобожденія разбойника Вараввы, развращенный народъ кричалъ, что лучше долженъ быть спасенъ человѣкоубійца, чѣмъ Спаситель и Благодѣтель. Скольких людей, ты думаешь, это тогда соблазнило? Скольких это тогда погубило? Но лучше слѣдуетъ повести рѣчь съ болѣе раннихъ событій. Этотъ Распятый не тотчасъ ли по Своемъ рожденіи сдѣлался переселенцемъ и бѣглецомъ, и со всѣмъ Своимъ домомъ, находясь еще въ колыбели, переселялся въ чужую землю, отводимый въ страну иноплеменниковъ, отдѣленную (отъ Его родины) столь большимъ пространствомъ пути? И вотъ по этой причинѣ явились потоки крови, беззаконныя убійства и закланіе; все только-что явившееся на свѣтъ поколѣніе убивалось, какъ бы въ бою на войнѣ; дѣти, отрываемыя отъ сосцовъ, предавались закланію, и когда еще было молоко въ гортани, вонзался мечъ чрезъ горло и шею. Что тяжелѣе этого печальнаго событія? И это дѣлалъ искавшій убить Христа; и долготерпѣливый Богъ терпѣлъ, когда дерзко измышлялось такое ужасное злодѣяніе, когда лилось столько крови, — терпѣлъ, хотя могъ бы воспрепятствовать, показывая столь великое долготерпѣніе вслѣдствіе тайныхъ и мудрыхъ Своихъ плановъ. Когда, затѣмъ, (Христосъ) возвратился изъ страны иноплеменниковъ и выросъ, противъ Него начала возбуждаться вражда отовсюду. Спачала недоброжелательствовали и завидовали ученики Іоанна, хотя самъ Іоаннъ относился съ почтеніемъ къ дѣлу Его, и говорили, что *Иже бѣ съ тобою объ онъ полъ Іордана, се Сей крещаетъ и вси грядутъ къ Нему* (Іоан. III, 26); это были слова людей, находившихся въ состояніи раздраженія, одержимыхъ завистію и изнуряемыхъ этою болѣзнію. Потому-то одинъ изъ учениковъ, сказавшихъ эти слова, даже спорилъ съ нѣкоторымъ іудеяниномъ и состязался объ очищеніи, крещеніе сравнивая съ крещеніемъ, крещеніе Іоанново—съ крещеніемъ учениковъ Христа. *Бысть*, говорится, *стязаніе отъ учениковъ Іоанновыхъ* съ нѣкоторымъ іудеяниномъ *о очищеніи* (Іоан. III, 25). Когда, опять, Христосъ началъ творить знаменія, сколько было злословія? Одни называли Его самаряниномъ и бѣснующимся, говоря, что *самарянинъ еси Ты, и бѣса имаши* (Іоан. VIII, 48), другіе — обманщикомъ, говоря: *нѣсть Сей отъ Бога, но льститъ* народъ (Іоан. VII, 12), иные — волшебникомъ, говоря, что *о князѣ бѣсовстѣмъ* Веельзевулѣ *изгонитъ бѣсы* (Матѳ. IX, 34), и это повторяли постоянно; называли врагомъ Богу и любящимъ ѣсть и служить чреву, любящимъ пить вино и другомъ людей порочныхъ и развращенныхъ: *пріиде*,

553 говорится, *сынъ человѣческій ядый и пія*, и говорятъ: вотъ *сей человѣкъ ядца и винопійца, другъ мытаремъ и грѣшникомъ* (Лук. VII, 34). Когда же бесѣдовалъ съ блудницею, называли Его лжепророкомъ: *аще бы былъ пророкъ*, говорится, то зналъ бы, кто эта женщина, говорящая съ Нимъ (Лук. VII, 39); и ежедневно изощряли зубы противъ Него. И не іудеи только такъ враждовали противъ Него, но и тѣ сами, которые, казалось, были братьями его, не относились къ Нему искренно, и изъ среды домашнихъ была возбуждаема противъ Него вражда. Какъ растлѣнны были и они, это усматривай изъ словъ, какія сказалъ евангелистъ: *ни братія бо Его вѣроваху въ Него* (Іоан. VII, 5).

4. Если, затѣмъ, ты вспоминаешь, что многіе соблазняются и вводятся въ заблужденіе теперь, то (спрошу тебя): сколько, думаешь ты, изъ учениковъ Его соблазнилось во время креста? Одинъ предалъ, другіе убѣжали, третій отрекся, и когда всѣ отстали—былъ ведомъ только одинъ связанный. Сколько, ты думаешь, соблазнилось въ то время изъ тѣхъ, которые недавно зрѣли Его творящимъ знаменія, воскрешающимъ мертвыхъ, очищающимъ прокаженныхъ, изгоняющимъ бѣсовъ, источающимъ хлѣбы и совершающимъ другія чудеса, (соблазнилось при видѣ того), какъ Его только вели связаннымъ, когда Его окружали ничтожные воины, и священники іудейскіе слѣдовали за Нимъ, производя шумъ и смятеніе, при видѣ того, что все враги только, захвативъ Его, держатъ въ своей средѣ, и что предатель присутствуетъ при этомъ и торжествуетъ? А что, когда Его бичевали? И вѣроятно, при этомъ присутствовало безчисленное множество людей, потому что былъ славный праздникъ, который собиралъ всѣхъ, а городомъ, пріявшимъ это зрѣлище беззаконія, была столица, и происходило это въ самый полдень. Итакъ, сколько людей, думаешь, присутствовало тогда и соблазнялось, видя, какъ Онъ былъ связанъ, подвергнутъ бичеванію, обливался кровью, испытывался судилищемъ игемона, и при этомъ не было никого изъ Его учениковъ? А что, когда совершались надъ Нимъ разнообразныя издѣвательства, слѣдовавшія непрерывно одно за другимъ, когда то увѣнчивали Его терніемъ, то облекали въ хламиду, то давали въ руки трость, то, падая, покланялись Ему, проявляя всѣ виды издѣвательства и осмѣянія? Сколько людей, ты думаешь, соблазнялось, сколько приходило въ смущеніе, сколько приводилось въ замѣшательство, когда били Его по ланитѣ и говорили: *прорцы намъ, Христе, кто есть ударей Тя* (Матѳ. XXVI, 68)? Когда водили Его туда и сюда, истратили весь день на остроты и ругательства, на издѣвательство и осмѣяніе, и это—въ срединѣ іудейскаго зрѣлища? А что, когда рабъ архіерея ударялъ Его? А что,

когда воины раздѣляли Его одежды? А когда Онъ, обнаженный, былъ вознесенъ на крестъ со слѣдами бичей на спинѣ, и былъ распинаемъ? Вѣдь даже и тогда эти дикіе звѣри не смягчались, но дѣлались еще болѣе бѣшеными, и злодѣянія усугублялись, и издѣвательства усиливались. Одни говорили: *разоряяй церковь, и треми денми созидаяй ю* (Матѳ. XXVII, 40). Другіе говорили: *иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти* (ст. 42)? Иные 554
говорили: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста и увѣруемъ* въ Тебя (ст. 40, 42). А что, когда напитавши губу желчію и уксусомъ, оскорбляли Его? А что, когда, разбойники поносили Его? А что (о чемъ я и прежде говорилъ: о томъ страшномъ и беззаконнѣйшемъ дѣлѣ), когда говорили, что болѣе достойно требовать освобожденія не Его, а того разбойника, вора и виновника безчисленныхъ убійствъ, и, получивши отъ судьи право выбора, предпочли Варавву, желая не только распять Христа, но и запятнать Его худою славою? Думали, что отсюда можно сдѣлать выводъ, что Онъ былъ хуже разбойника, и такъ беззаконенъ, что Его не могли спасти ни человѣколюбіе, ни достоинство праздника. Вѣдь все они дѣлали ради того, чтобы перемѣнить мнѣніе о Немъ въ худую сторону; потому-то распяли вмѣстѣ съ Нимъ и двухъ разбойниковъ. Но истина не осталась скрытою, а просіяла даже сильнѣе. И въ присвоеніи царской власти обвиняли Его, говоря: *всякъ, иже царя себе творитъ*, не другъ *Кесарю* (Іоан. XIX, 12),—на Того, Кто не имѣлъ, гдѣ преклонить главу, возводя обвиненіе въ желаніи царской власти. И въ богохульствѣ дѣлали ему ложное обвиненіе: первосвященникъ разодралъ свои одежды, говоря: *хулу глагола: что еще требуемъ свидѣтелей* (Матѳ. XXVI, 65)? А смерть какова? Развѣ не насильственная? Развѣ не смерть осужденныхъ? Не смерть проклятыхъ? Развѣ не самая постыдная? Развѣ не смерть самыхъ послѣднихъ беззаконниковъ, недостойныхъ даже испустить и дыханіе на землѣ? А устройство погребенія не совершается ли въ качествѣ милости? Нѣкто, придя, испрашивалъ себѣ Его тѣло. Такимъ образомъ, даже и погребающій Его не былъ изъ числа близкихъ, облагодѣтельствованныхъ Имъ, изъ числа учениковъ, насладившихся столь полной близостью къ Нему и вкусившихъ спасенія, такъ какъ всѣ они сдѣлались бѣглецами, всѣ убѣжали. А та худая молва, которую распустили по воскресеніи, сказавши, что пришли ученики Его и *украдоша Его* (Матѳ. XXVIII, 13), сколь многихъ соблазнила, сколь многихъ ввела въ обманъ? Эта молва тогда находила довѣріе, и хотя она была ложна и куплена за деньги, все же возъимѣла силу въ сознаніи нѣкоторыхъ, послѣ печатей, послѣ столь великой очевидности истины. Народъ же и не зналъ ученія о воскресеніи. Это и неудивительно, когда и

сами ученики не вѣрили: тогда они и не знали, говорится, *яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути* (Іоан. XX, 9). Итакъ, сколько, думаешь, соблазнилось въ тѣ дни? Но долготерпѣливый Богъ переносилъ, все устрояя по Своей неизглаголанной мудрости.

5. Потомъ, послѣ трехъ дней, ученики опять скрываются,
555 прячутся, становятся изгнанниками, пребываютъ въ трепетѣ и постоянно мѣняютъ мѣсто за мѣстомъ, чтобы укрыться, и послѣ пятидесяти дней начавъ показываться и творить знаменія, даже и тогда не пользовались безопасностью. Но и среди болѣе слабыхъ происходило множество соблазновъ, когда ученики были подвергаемы плетямъ, когда церковь была потрясаема, когда ученики изгонялись, когда враги во многихъ мѣстахъ дѣлались сильными и производили смятенія. Такъ, когда, благодаря знаменіямъ, ученики пріобрѣли бо́льшее дерзновеніе, тогда опять смерть Стефана причинила тяжелое преслѣдованіе, разсѣяла всѣхъ и ввергла церковь въ смятеніе; ученики опять въ страхѣ, опять въ бѣгствѣ, опять въ тревогѣ. И все же дѣла церкви постоянно росли, процвѣтали чрезъ знаменія, свѣтлѣли вслѣдствіе (положенныхъ въ ихъ основаніе) началъ. Одинъ былъ спущенъ чрезъ окно, и такимъ образомъ избѣжалъ рукъ начальника; другихъ вывелъ ангелъ, и такимъ образомъ освободилъ отъ узъ; иныхъ, изгоняемыхъ тѣми, которые обладали могуществомъ, принимали и услуживали всякимъ образомъ торговцы и ремесленники, торгующія пурпуромъ женщины, приготовляющіе палатки и кожевники, живущіе на самыхъ окраинахъ городовъ, подлѣ самаго берега моря. А часто ученики Христовы даже не осмѣливались и показываться въ срединѣ городовъ; если же они сами и осмѣливались, то не дерзали оказывавшіе имъ гостепріимство. Такъ-то текли дѣла посреди искушеній, посреди успокоеній, и раньше соблазненные впослѣдствіи поправлялись, заблудшіе приводились опять на путь, и разрушенное до основанія устраивалось еще лучше. Поэтому когда св. Павелъ просилъ, чтобы проповѣдь распространялась только среди тишины, всемудрый и все прекрасно устрояющій Богъ не сдѣлалъ по волѣ ученика, не внялъ ему, несмотря и на частыя его просьбы, но сказалъ: *довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Если желаешь и теперь поразмыслить наряду съ печальными событіями и о радостныхъ, то увидишь много если не знаменій и чудесъ, то во всякомъ случаѣ похожаго на знаменія и неизреченное множество доказательствъ великаго промышленія Божія и помощи. Но, чтобы ты не все услышала отъ насъ безъ всякаго труда, эту часть я оставляю тебѣ, дабы ты тщательно собрала все (радостное) и сопоставила съ печальнымъ, и, занявшись прекрас-

нымъ дѣломъ, отклонила себя такимъ образомъ отъ уныиія, потому что и отсюда ты получишь большое утѣшеніе. Утѣшь весь твой благословенный домъ, передавъ отъ насъ великое привѣтствіе. Пребывай сильною и радостною, достопочтеннѣйшая и боголюбезнѣйшая моя госпожа!

Если желаешь писать мнѣ пространно, то извѣсти меня объ этомъ, не обманывая меня однако, что ты оставила всякое уныніе и проводишь жизнь въ спокойствіи. Въ томъ вѣдь, и заключается лѣкарство моихъ писемъ, чтобы доставить тебѣ большую радость: и ты будешь получать отъ меня письма постоянно. Но 556
не пиши мнѣ опять: „я получаю большое утѣшеніе отъ твоихъ писемъ“, потому что это знаю и я; (пиши) — что получаешь такое (утѣшеніе), какое я хочу, что не смущаешься, не плачешь, а проводишь жизнь въ спокойствіи и радости.

Къ ней же письмо II-е.

1. Хотя и того письма, которое недавно пришло къ твоей благопристойности, достаточно было, чтобы успокоить горючесть твоей скорби, но такъ какъ властная сила унынія весьма изнурила тебя, то я счелъ необходимымъ къ первому письму присоединить и второе, чтобъ ты могла воспользоваться изобильнымъ утѣшеніемъ и чтобъ твое здоровье на будущее время не подвергалось опасности. Итакъ сюда! Я хочу разсѣять пепелъ твоего унынія, прибѣгнувъ къ другимъ средствамъ. Хотя я и думаю, что уныніе изъ гнойной раны и опухоли превратилось въ пепелъ, однако даже и при такихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ пренебрегать заботою о твоемъ здоровьѣ, потому что и пепелъ, если тщательно не сдувать его, наноситъ вредъ самому лучшему изъ членовъ, мутя прозрачность глаза и разстраивая все зрѣніе безпечнаго человѣка. Итакъ, чтобы не случилось того же и здѣсь, уничтожимъ старательно и остатокъ зла. Но и ты возстань и протяни намъ руку, потому что какъ обычно случается съ тѣлами больныхъ, что уничтожается (всякая) польза для здоровья, если врачи будутъ исполнять свой долгъ, а тѣ не станутъ выполнять требуемаго отъ нихъ, такъ обыкновенно бываетъ и съ душою. Чтобы этого не случилось, старайся же и ты съ подобающею тебѣ разсудительностію содѣйствовать намъ съ своей стороны, чтобы такимъ образомъ польза происходила съ обѣихъ сторонъ. Но, можетъ быть, ты скажешь: я желаю, но не могу, потому что не въ состояніи удалить отъ себя густое и мрачное облако унынія, даже и

при упорной настойчивости. Это только отговорка и предлогъ. Я знаю благородство твоего ума, знаю крѣпость твоей богобоязненной души, знаю обиліе разсудительности, силу любомудрія, знаю, что тебѣ достаточно только приказать свирѣпѣющему морю унынія, чтобы все сдѣлалось спокойнымъ. А чтобъ это стало для тебя болѣе легкимъ, окажемъ и мы, съ своей стороны, содѣйствіе. Какъ же именно будешь ты въ состояніи легко сдѣлать это? Съ одной стороны, обдумывая все заключающееся въ первомъ письмѣ (потому что многое въ немъ сказано нами въ виду этого предмета), съ другой—дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что я теперь приказываю.

Что же именно? Когда услышишь, что одна изъ церквей пала, а другая колеблется, третья заливается свирѣпыми волнами, иная претерпѣла другія непоправимыя бѣдствія, одна взяла волка вмѣсто пастыря, другая морского разбойника вмѣсто кормчаго,
557 третья — палача вмѣсто врача, то хотя скорби, — потому что не должно переносить этого безъ боли, — но скорби такъ, чтобы печаль не переходила должныхъ границъ. Въ самомъ дѣлѣ, если и въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ мы сами погрѣшаемъ и въ которыхъ имѣемъ дать отчетъ, излишняя скорбь не необходима и не безопасна, а напротивъ даже очень пагубна и вредна, то еще болѣе излишнее и напрасное и, сверхъ того, сатанинское и пагубное для души дѣло малодушествовать и сокрушаться о погрѣшностяхъ другихъ.

2. И чтобы знать тебѣ, что излишняя скорбь дѣйствительно дѣло сатаны, я разскажу тебѣ древнюю исторію. Одинъ коринѳскій мужъ (1 Кор. v), причастившійся святыхъ водъ и очищенный чрезъ таинство крещенія, получившій участіе въ страшной трапезѣ и сдѣлавшійся участникомъ всѣхъ вообще нашихъ таинствъ (а многіе говорятъ, что онъ занималъ даже мѣсто учителя), послѣ этого священнаго введенія въ общеніе таинствъ, послѣ того какъ былъ допущенъ ко всѣмъ неизреченнымъ благамъ и занималъ въ церкви первыя ступени, согрѣшилъ тягчайшимъ грѣхомъ. Посмотрѣвъ нечестивыми глазами на жену своего отца, онъ не остановился на этой безчестной похоти, но привелъ свое необузданное желаніе даже и въ дѣйствіе: и то, на что онъ отважился, было не только блудъ, но и прелюбодѣяніе, а лучше сказать, дѣло гораздо болѣе тяжкое, чѣмъ и прелюбодѣяніе. Поэтому и блаженный Павелъ, услышавъ (о преступленіи) и не въ силахъ будучи дать свойственное грѣху и надлежащее имя, иначе показалъ тяжесть этого беззаконія, говоря такъ: *отнюдъ слышится въ васъ блуженіе, и таково блуженіе, яково же ни во языцѣхъ именуется* (1 Кор. v, 1). Не сказалъ: и не терпимо, но: и не именуется, желая показать крайнюю степень этого беззаконія. Онъ

предаетъ его діаволу, отлучаетъ отъ всей церкви и не дозволяетъ, чтобы онъ съ кѣмъ-либо участвовалъ въ общей трапезѣ. Съ таковымъ, говоритъ онъ, не слѣдуетъ и ѣсть вмѣстѣ (ст. 11). Наконецъ проникается духомъ (ревности), требуя для грѣшника высшей мѣры наказанія, воспользовавшись для этого въ качествѣ палача сатаною, чтобы чрезъ этого послѣдняго изможднть плоть преступника. И однако тотъ самый Павелъ, который отсѣкъ грѣшника отъ церкви, не позволилъ ему даже участвовать съ кѣмъ-нибудь въ общей трапезѣ, повелѣлъ всѣмъ плакать за него [*и вы разгордѣсте*, говоритъ, *и не паче плакасте, да изъмется отъ среды васъ содѣявый дѣло сіе* (ст. 2)], отовсюду изгонялъ его какъ какую-нибудь заразу, закрылъ для него доступъ во всякій домъ, предалъ сатанѣ, требовалъ для него столь великаго наказанія,—этотъ самый Павелъ, когда увидѣлъ, что онъ пораженъ скорбію и раскаялся въ своемъ грѣхѣ, и что самыми дѣлами свидѣтельствуетъ объ отреченіи (отъ грѣха), и самъ такъ опять измѣнился, что тѣмъ, кому предписалъ вышесказанное, далъ затѣмъ противоположное приказаніе. Въ самомъ дѣлѣ, сказавши: отсѣките, отвергните, плачьте и да возьметъ его діаволъ, что говоритъ онъ теперь? *Утвердите къ нему любовь, да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый, и да не обидимы будемъ отъ сатаны: не неразумѣваемъ бо умышленій его* (ст. 7, 8, 11). Видишь, какъ неумѣренная скорбь является сатанинскимъ дѣломъ 558
и произведеніемъ его коварства; видишь, какъ и спасительное лѣкарство онъ дѣлаетъ вредоноснымъ вслѣдствіе неумѣренности? И дѣйствительно оно становится вредоноснымъ и предаетъ ему (сатанѣ) человѣка, когда онъ впадетъ въ неумѣренность. Вотъ почему Павелъ и говорилъ: *да необидимы будемъ отъ сатаны*. Смыслъ его словъ таковъ: овца покрылась множествомъ шелудей, была отчуждена отъ стада, отлучена отъ церкви, но поправилась отъ болѣзни и сдѣлалась овцою, какою была прежде (такова сила покаянія), наконецъ возвратилась въ наше стадо; привлечемъ же ее къ себѣ всецѣло, примемъ съ распростертыми руками, обхватимъ, обнимемъ, введемъ въ единеніе съ нами самими, потому что если бы мы не захотѣли сдѣлать этого, то значило бы, что діаволъ обманываетъ насъ, захватывая не своего, но того, который сдѣлался нашимъ,—захватывая по причинѣ нашей безпечности, утопляя его благодаря неумѣренному унынію и, наконецъ, дѣлая его своею собственностію. Поэтому-то апостолъ и присоединилъ: *не неразумѣваемъ бо умышленій его*, такъ какъ діаволъ имѣетъ обыкновеніе вовлекать неосторожныхъ въ обманъ, даже и при посредствѣ того, что часто приноситъ пользу, если это полезное получаетъ не должное примѣненіе.

3. Если же Павелъ не дозволяетъ предаваться излишней печали даже и въ виду допущеннаго грѣха, и притомъ грѣха столь тяжкаго, но спѣшитъ, торопится, дѣлаетъ все и заботится, чтобы уничтожить бремя уныніи, называя неумѣренность сатанинскою, говоря, что она выгодна для діавола и есть дѣло его злости и безчестныхъ его намѣреній, то какъ же не признакъ крайняго безумія и сумасшествія убиваться и скорбѣть изъ-за того, въ чемъ согрѣшили другіе, и за что другіе же должны дать отчетъ,—убиваться и скорбѣть до такой степени, чтобы привлекать въ свою душу неизреченный мракъ, безпокойство, смущеніе, тревогу и невыразимую бурю? Если же ты опять скажешь мнѣ то же самое, что хотя и желаю, но не имѣю силы, то и я опять скажу тебѣ то же самое, что это — только предлогъ и отговорка, потому что я знаю силу твоей любомудрой души.

А чтобы и инымъ способомъ сдѣлать для тебя болѣе легкими и сопротивленіе этому неумѣстному и пагубному унынію, и побѣду надъ нимъ, для этого опять исполняй — что я приказываю. Когда услышишь, что кто-либо разсказываетъ объ этой гибели, то быстро убѣгай отъ размышленій объ этомъ, бѣги къ мысли о томъ страшномъ днѣ и размышляй о страшномъ сѣдалищѣ, о Судьѣ неподкупномъ, о рѣкахъ огня, протекающихъ предъ тѣмъ сѣдалищемъ и шумящихъ сильнѣйшимъ пламенемъ, объ изощренныхъ мечахъ, жестокихъ наказаніяхъ, о мученіи, не имѣющемъ конца, мракѣ безпросвѣтномъ, тьмѣ кромѣшной, червѣ смертоносномъ, узахъ неразрѣшимыхъ, скрежетѣ зубовъ и плачѣ неутѣшномъ, о зрѣлищѣ вселенной, лучше же — зрѣлищѣ той и другой твари: высшей и низшей. И *силы небесныя*, говорится, *подвигнутся* (Матѳ. XXIV, 29), потому что, хотя онѣ и ничего не сознаютъ за собой и не должны давать отчета, но, созерцая судимыми весь родъ человѣческій и безчисленные народы, предстоятъ
559 тамъ не безъ страха. Столь великъ тогда будетъ страхъ. Итакъ помышляй объ этомъ и о тѣхъ обличеніяхъ, спастись отъ которыхъ не будетъ никакой возможности. Тотъ Судья не нуждается ни въ обвинителяхъ, ни въ свидѣтеляхъ, ни въ доказательствахъ, ни въ уликахъ, но все, какъ оно было сдѣлано, объявляетъ публично и предъ глазами согрѣшившихъ. Тогда не будетъ никого, кто явился бы и спасъ бы отъ наказанія, (не помогутъ) ни отецъ, ни сынъ, ни дочь, ни мать, ни другой какой-либо родственникъ, ни сосѣдъ, ни другъ, ни защитникъ, ни деньги, ни обиліе богатства, ни величіе власти; все это удалено, какъ пыль отъ ногъ, и одинъ только подсудимый ожидаетъ за свои дѣла или оправдательнаго или обвинительнаго приговора. Тогда никто не судится за то, въ чемъ согрѣшилъ другой, и лишь за то, въ

чемъ погрѣшилъ каждый самъ. Итакъ, соединивши все это, пріумноживъ тотъ страхъ и противопоставивъ его сатанинской и душевредной печали, стань такимъ образомъ противъ нея въ боевомъ строю, въ которомъ и показавшись только, ты будешь въ состояніи разсѣять и уничтожить ее легче, чѣмъ паутину. Въ самомъ дѣлѣ, печаль эта, кромѣ того, что суетна и безполезна, еще и очень гибельна и вредна: а этотъ страхъ и необходимъ, и выгоденъ, и полезенъ, и соединенъ съ большою прибылью. Но я, впрочемъ, незамѣтно увлекся полетомъ слова и предложилъ неподходящее къ тебѣ увѣщаніе. Вѣдь это для меня и для тѣхъ, которые, подобно мнѣ, погружены во множество грѣховъ, необходима эта рѣчь, потому что она устрашаетъ и возбуждаетъ, а тебя, цвѣтущую такимъ множествомъ добродѣтелей и коснувшуюся уже самаго свода небесъ, она вовсе не можетъ поражать страхомъ. Поэтому, бесѣдуя съ тобой, я обращусь къ пѣсни другого рода и стану ударять по другой струнѣ, потому что этотъ страхъ не можетъ поразить тебя, а если и поражаетъ, то только въ такой развѣ степени, въ какой — и ангеловъ. Итакъ перейдемъ къ другому, а вмѣстѣ съ нашею рѣчью перейди сюда и сама ты, а именно помышляй о воздаяніяхъ за свои добродѣтели, о блестящихъ наградахъ, о свѣтлыхъ вѣнцахъ, о хороводѣ вмѣстѣ съ дѣвами, о священныхъ обителяхъ, о небесномъ брачномъ чертогѣ, объ удѣлѣ общемъ съ ангелами, о полномъ дерзновеніи и общеніи съ Женихомъ, о томъ удивительномъ шествіи съ факелами, о благахъ, превосходящихъ и слово, и умъ.

4. Не противорѣчь моимъ словамъ, если даже я и причислилъ тебя, прожившую во вдовствѣ, къ хору тѣхъ святыхъ дѣвъ. Ты часто слышала меня и наединѣ, и публично бесѣдовавшаго о томъ, какъ вообще опредѣляется дѣвство, и что никогда нельзя было бы воспрепятствовать тебѣ быть сопричисленною къ хору тѣхъ дѣвъ, а лучше сказать — превзойти и ихъ въ значительной степени, тебѣ, которая проявила великое любомудріе и въ остальныхъ добродѣтеляхъ. Вотъ почему и Павелъ, давая опредѣленіе дѣвства, назвалъ дѣвою не ту, которая не знаетъ брака и свободна отъ сожительства съ мужемъ, но ту, которая „печется о Господнихъ" (1 Кор. VII, 34). И Самъ Христосъ, показывая, насколько важнѣе дѣвства милостыня, скипетръ которой ты сама крѣпко держишь и за которую давно стяжала себѣ вѣнецъ, изгналъ изъ того сонма половину дѣвъ, такъ какъ онѣ вошли безъ этой добродѣтели, лучше же сказать, потому, что не владѣли ею въ достаточной степени, — потому, что масло у нихъ было, но не въ достаточной мѣрѣ, — а тѣхъ, которыя вошли безъ дѣвства, но облечены были добродѣтелью милостыни, принялъ съ великой 560

честью, называя ихъ и благословенными Отца и призывая къ Себѣ, даруя имъ участіе въ царствѣ Своемъ и провозглашая (объ ихъ добродѣтели) передъ всей вселенной (Матѳ. XXV), и въ присутствіи ангеловъ и всей твари не отказался назвать ихъ питавшими Его и оказывавшими гостепріимство. Этотъ блаженный голосъ и сама ты услышишь тогда и въ изобиліи вкусишь эту награду. Если же только за милостыню такое великое воздаяніе, такіе вѣнцы, такое отличіе, такой почетъ и слава, то, если бы я перечислилъ и остальныя твои добродѣтели, какой великой милости ты заслуживала бы,—ты, которая должна бы въ силу этого уже праздновать, радоваться и ликовать, и увѣнчивать себя, а между тѣмъ убиваешь себя печалью изъ-за того, что такой-то неистовствуетъ, а такой-то низринулся съ крутизны, и дѣлаешь болѣе легкимъ нападеніе на твою святую душу для діавола, котораго ты до сего дня непрестанно уничтожала. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ бы кто-нибудь сказать о твоемъ терпѣніи, которое такъ разнообразно проявляется во множествѣ видовъ и образовъ? Какое слово, опять, будетъ у насъ достаточно, каковы должны быть разсказы, если кто-нибудь сталъ бы перечислять твои страданія, начиная съ дѣтскаго возраста до настоящаго времени, страданія отъ домашнихъ, отъ чужихъ, отъ друзей, отъ враговъ, отъ находящихся въ родствѣ, отъ тѣхъ, кто ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ не стояли, отъ обладающихъ могуществомъ, отъ людей простыхъ, отъ начальниковъ, отъ частныхъ людей, отъ принадлежащихъ къ клиру? Вѣдь каждое изъ этихъ страданій, если бы кто сталъ излагать его только само по себѣ, въ состояніи превратить разсказъ о немъ въ цѣлую исторію. А если бы кто перешелъ къ другимъ видамъ этой добродѣтели и сталъ повѣствовать о страданіяхъ, причиненныхъ тебѣ уже не со стороны другихъ людей, а тобою же, то какой камень, какое желѣзо, какой адамантъ онъ найдетъ не побѣжденными тобою? Въ самомъ дѣлѣ, получивъ такое мягкое и нѣжное тѣло, выросшее во всякомъ видѣ роскоши, ты такъ преслѣдовала его разнообразными страданіями, что оно находится теперь въ положеніи нисколько не лучшемъ того, какъ если бы оно уже умерло: ты зажгла въ себѣ такое множество болѣзней, что стали напрасны и искусство врачей и сила лѣкарствъ и всякія попеченія, и всецѣло предалась непрерывнымъ страданіямъ.

5. Если же кто-нибудь пожелалъ бы разсказать о твоей воздержности и терпѣливости, проявляющихся за обѣдомъ и во время ночей, то какъ много пришлось бы ему говорить? Впрочемъ, въ отношеніи къ тебѣ эти добродѣтели нельзя уже назвать ни воздержаніемъ, ни терпѣливостью; для нихъ намъ слѣдуетъ искать

другое — гораздо болѣе сильное названіе. Въ самомъ дѣлѣ, мы говоримъ, что тотъ воздерженъ и твердъ, кто, обезпокоиваемый какою-либо страстью, одерживаетъ верхъ надъ нею. Тебѣ же не 561
надъ чѣмъ одерживать верхъ, потому что ты, съ самаго начала напавши на плоть, съ большою стремительностью потушила ея страсти, не обуздавъ коня, но связавъ и повергнувъ на землю и заставивъ его лежать неподвижно. И если тогда ты вполнѣ овладѣла воздержаніемъ, то теперь владѣешь наконецъ безстрастіемъ. Страсть къ роскоши не надоѣдаетъ уже тебѣ, и ты не трудишься, чтобы преодолѣть ее, но, разъ навсегда истребивъ ее и сдѣлавъ плоть свою недоступною для нея, ты пріучила свой желудокъ вкушать пищи и питья лишь столько, сколько нужно, чтобы не умереть и не потерпѣть за это наказанія. Вотъ почему я и называю это не постомъ и не воздержаніемъ, но чѣмъ-то инымъ, бо́льшимъ этого. То же самое можно видѣть и въ твоемъ священномъ бодрствованіи, потому что, когда потушена была вышеупомянутая страсть, вмѣстѣ съ нею была потушена и страсть ко сну, такъ какъ сонъ питается пищею. Ты уничтожила эту страсть и другимъ образомъ, сначала насилуя самую природу и проводя цѣлыя ночи безъ сна, а впослѣдствіи, въ силу постоянной привычки, возведя это и на степень природнаго свойства, до того, что какъ для другихъ спать — дѣло сообразное съ природой, такъ для тебя — бодрствовать. Все это удивительно и изумительно уже и само по себѣ. Если кто-нибудь обратитъ вниманіе на время, — на то, что достигла этихъ добродѣтелей въ незрѣломъ возрастѣ, затѣмъ — на отсутствіе людей, которые могли бы научить, и на множество соблазнителей, а также и на то, что все это совершалось въ душѣ, недавно вышедшей изъ нечестиваго дома и только-что обратившейся къ истинѣ, и что все это происходило въ женскомъ тѣлѣ и притомъ, вслѣдствіе знатности и роскоши предковъ, тѣлѣ нѣжномъ, — то какія моря чудесъ откроются предъ нимъ, если онъ станетъ разсматривать все это въ отдѣльности одно отъ другого? Объ остальномъ — смиренномудріи, любви и прочихъ добродѣтеляхъ твоей святой души не стану, поэтому, и упоминать. И въ самомъ дѣлѣ, только-что я вспомнилъ объ этихъ добродѣтеляхъ и перечислилъ ихъ, какъ умъ мой опять заструился безчисленными источниками, и вынуждается сказать, хотя бы отчасти, о видахъ и этихъ добродѣтелей, подобно какъ и предшествующей, или лучше — только объ ихъ основаніяхъ, потому что объ этомъ надо было бы говорить безъ конца. Но чтобы не уклониться отъ того предмета, который я рѣшился раскрыть, я не дозволяю себѣ унестись въ безпредѣльное море. Если бы теперь не было у меня назначено съ корнемъ исторгнуть у тебя уныніе, то я съ удоволь-

ствіемъ занялся бы этими рѣчами и поплылъ бы по безпредѣльному морю, а лучше сказать — по морямъ, пролагая разнообразные пути каждой твоей добродѣтели, изъ которыхъ всякій путь рождалъ бы опять море, и у меня была бы рѣчь или о терпѣніи, или смиренномудріи и милостынѣ, разнообразно проявляющейся и распространившейся до самыхъ концовъ вселенной, или о любви, одерживающей верхъ надъ безчисленными страстями, или о безмѣрномъ благоразуміи, исполненномъ великой благодати и превосходящемъ мѣры природы. А если бы кто желалъ перечислить порожденныя отсюда добродѣтели, то онъ сталъ бы дѣлать то же самое, какъ если бы кто вздумалъ считать морскія волны.

6. Поэтому, пробѣжавъ мимо безпредѣльныхъ этихъ морей, я попытаюсь показать льва по ногтю, сказавши нѣсколько словъ о твоемъ платьѣ, объ одеждахъ, облегающихъ тебя просто и коекакъ. Повидимому эта добродѣтель меньше остальныхъ; но если
562 бы кто изслѣдовалъ ее тщательно, то нашелъ бы, что она очень велика и требуетъ души мудрой, презирающей все житейское и стремящейся къ самому небу. Вотъ почему не только въ новомъ завѣтѣ, но даже и въ ветхомъ, когда Богъ велъ человѣческій родъ посредствомъ тѣни и образа и когда образъ жизни устроялся болѣе плотски, когда не было еще никакой рѣчи о небесномъ, никакого указанія на будущее, никакого намека на господствующее теперь любомудріе, когда законы евреевъ писались въ очень грубой и плотской формѣ, въ то еще время Богъ строго запрещалъ проявляющуюся въ одеждахъ страсть къ украшеніямъ, говоря чрезъ пророка: *сія глаголетъ Господь* на начальныя дщери *Сіони: понеже вознесошася дщери ихъ, и ходиша высокою выею, и помаваніемъ очесъ и ступаніемъ ногъ, ризы влекущія, и ногами купно играющыя. И смиритъ Господь началныя дщери Сіони, и открыетъ срамоту ихъ, и отъиметъ славу ризъ ихъ, и будетъ* тебѣ *вмѣсто вони добрыя смрадъ, и вмѣсто пояса ужемъ препояшешися, и вмѣсто украшенія, еже на главѣ* твоей, *плѣшь имѣти будеши дѣлъ твоихъ ради, и вмѣсто ризы багряныя препояшешися вретищемъ* (Ис. III, 16, 17, 18, 23): это тебѣ будетъ вмѣсто украшенія. Видишь, какой чрезвычайный гнѣвъ? Видишь, какое сильное наказаніе и мщеніе? Видишь, какой жестокій плѣнъ? Отсюда догадывайся о величинѣ грѣха, потому что Человѣколюбецъ никогда не наслалъ бы столь тяжкаго наказанія, если бы грѣхъ, навлекавшій его, не былъ еще болѣе тяжкимъ. Если же грѣхъ великъ, то очевидно, что и добродѣтель, которая ему противостоитъ, весьма велика. Поэтому-то и Павелъ, бесѣдуя съ женщинами, любящими мірскую жизнь, не только отклоняетъ ихъ отъ ношенія золотыхъ украшеній, но не дозволяетъ облекаться и

въ дорогія одежды. Онъ зналъ, зналъ ясно, что это опасная и трудноодолимая болѣзнь души, болѣзнь, которая служитъ величайшимъ доказательствомъ растлѣннаго ума и для борьбы съ которою нуженъ умъ очень мудрый, что и доказываютъ не только женщины, слѣдующія обыкновенному образу жизни и вступившія въ бракъ съ мужьями, изъ каковыхъ ни одна безъ труда не оказалась послушною этому совѣту, но и такія женщины, которыя, повидимому, были мудры и получили въ удѣлъ — принадлежать къ сонму дѣвъ. Многія изъ такихъ женщинъ, приступивъ къ борьбѣ съ властною силою природы и въ чистотѣ совершая путь дѣвства, подражая въ этомъ ангельскому образу жизни и въ смертномъ тѣлѣ показывая зачатки воскресенія, потому что въ томъ вѣкѣ, говоритъ Христосъ, *ни женятся, ни посягаютъ* (Лук. xx, 35), — соревнуя безплотнымъ силамъ и въ тлѣнномъ тѣлѣ споря съ нетлѣніемъ и, — что для многихъ даже и слышать трудно, — самыми дѣлами счастливо выполняя это, отталкивая отъ себя похоть какъ бы бѣшеную и постоянно нападающую собаку, успокоивая свирѣпѣющее море и спокойно плывя среди дикихъ волнъ, счастливо 563
несясь съ попутнымъ вѣтромъ по взволнованному морю, стоя въ печи естественной страсти и не будучи сожигаемы, но попирая эти угли, какъ грязь, — многія и изъ такихъ дѣвъ были постыдно и плачевно плѣнены этою страстью и, превозмогши большее, были покорены этимъ порокомъ.

7. Дѣйствительно, дѣвство столь великое дѣло и требуетъ такого великаго труда, что Христосъ, сойдя съ неба для того, чтобы сдѣлать людей ангелами и здѣсь насадить вышній образъ жизни, не рѣшился даже и при такой цѣли предписать его и возвести на степень закона, и несмотря на то, что далъ законъ и умирать (что могло бы быть тяжелѣе этого?), постоянно распинать себя и благодѣтельствовать врагамъ, дѣвства тѣмъ не менѣе не узаконилъ, а предоставилъ на добровольный выборъ слушателей, сказавъ: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. xix, 12). Велико, дѣйствительно, бремя этого дѣла, трудность этихъ подвиговъ и потъ отъ этихъ состязаній, равно какъ и мѣсто этой добродѣтели весьма обрывисто. Это доказываютъ и тѣ, которые процвѣтали многими добродѣтелями въ ветхомъ завѣтѣ. Такъ даже тотъ великій Моисей, глава пророковъ, преискренній другъ Божій, насладившійся такимъ дерзновеніемъ, что могъ исторгнуть отъ ниспосланнаго Богомъ пораженія шестьсотъ тысячъ подлежавшихъ наказанію, — этотъ столь великій и славный мужъ, несмотря на то, что приказалъ морю и раздѣлилъ воды, расторгнулъ скалы, измѣнилъ воздухъ, воду нильскую превратилъ въ кровь, воздвигнулъ противъ фараона полчище жабъ и саранчи, измѣнилъ всю

тварь, показалъ другія безчисленныя чудеса и представилъ много примѣровъ добродѣтели,— а онъ блисталъ и тѣмъ и другимъ,— даже и онъ былъ не въ силахъ посмотрѣть на эти состязанія, но нуждался въ бракѣ, сожительствѣ съ женой и проистекающей отсюда безопасности, даже и онъ не отважился пуститься въ море дѣвства, боясь несущихся оттуда волнъ. Равнымъ образомъ и патріархъ, приносившій въ жертву сына, былъ въ состояніи преодолѣть властнѣйшее чувство природы и могъ убить сына, и притомъ сына Исаака въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, въ самую лучшую пору юности, единороднаго, дорогого, даннаго вопреки всякой надеждѣ, сына, который былъ единственною его опорой, и притомъ во время глубокой старости, сына украшеннаго многими добродѣтелями, и его-то онъ былъ въ состояніи возвести на гору, намѣреваясь на ней совершить свое дѣло, построилъ жертвенникъ, сложилъ дрова, положилъ жертву, взялъ ножъ и вонзилъ его въ гортань сына (Быт. XXII). И въ самомъ дѣлѣ онъ вонзилъ, и этотъ адамантъ обагрился кровію, а лучше сказать — и адаманта твердѣйшій, такъ какъ тотъ владѣетъ твердостью по природѣ, а этотъ подражалъ естественной твердости черезъ свою мудрость, проистекавшую изъ доброй его воли, и проявилъ своими дѣлами безстрастіе ангеловъ. И все же, оказавшись въ состояніи довести до конца столь великое и прекрасное состязаніе, выступивъ изъ границъ самой природы, онъ не отважился приступить
564 къ подвигамъ дѣвства, но убоялся и самъ этихъ опасностей и предпочелъ покой, какой даетъ бракъ.

8. Если угодно, къ упомянутымъ лицамъ присоединю и Іова, праведнаго, любящаго истину, благочестиваго, воздерживающагося отъ всякаго дурнаго дѣла (Іов. I). Этотъ Іовъ сокрушилъ уста діавола, ударяемый, не ударяя, онъ опустошилъ весь его колчанъ и, постоянно поражаемый отъ него стрѣлами, онъ выдержалъ всякій видъ искушеній, и каждый — съ совершеннымъ превосходствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что въ жизни кажется печальнымъ, и въ дѣйствительности является таковымъ? Это, по преимуществу— бѣдность, болѣзнь, потеря дѣтей, возстаніе враговъ, неблагодарность друзей, голодъ, постоянныя страданія плоти, обиды, клевета и стяжаніе дурного о себѣ мнѣнія. Все это излилось на одно тѣло и было приготовлено противъ одной души; и что было еще тяжелѣе — все это налегло на человѣка неприготовленнаго къ тому. Этими словами я хочу сказать слѣдующее: тотъ, кто родился отъ бѣдняковъ и воспитался въ такого же рода домѣ, легко можетъ перенести тяжесть бѣдности, такъ какъ онъ упражнялся въ перенесеніи ея и привыкъ къ ней; тотъ же, кто обладаетъ великимъ имуществомъ и изобилуетъ великимъ богатствомъ,

а потомъ сразу подвергнется измѣненію своей участи на противоположную ей, не можетъ легко перенести перемѣны, потому что она, приключившись внезапно, человѣку неопытному кажется болѣе тяжелою. Опять, человѣкъ незнатный и родившійся отъ незнатныхъ же родителей, живущій въ постоянномъ пренебреженіи со стороны другихъ, былъ бы не особенно смущенъ, если бы его стали злословить и оскорблять; но тотъ, кто пользовался великою славою, кого всѣ охраняли, кто былъ на устахъ у всѣхъ и о комъ повсюду громко говорили, — (такой человѣкъ), ниспавъ въ безславіе и ничтожество, испыталъ бы то же самое, что и человѣкъ, который изъ богатаго вдругъ сдѣлался бѣднымъ. Равнымъ образомъ, опять, человѣкъ, лишившійся дѣтей, даже если бы онъ лишился всѣхъ ихъ, но не въ одно и то же время, имѣетъ утѣшеніе за умершихъ въ остающихся, и когда горе, вызванное смертью первыхъ, прекратится, то, если со временемъ присоединится и смерть еще слѣдующаго, это горе для него бываетъ уже болѣе тихимъ, потому что оно приходитъ не тогда, когда рана свѣжая, но когда она уже успокоилась и исчезла, что, конечно, не мало убавляетъ скорби. Іовъ увидѣлъ, что весь сонмъ похищенъ у него въ одинъ мигъ, и притомъ горчайшимъ родомъ смерти. Въ самомъ дѣлѣ, смерть была и насильственная, и безвременная, даже время и мѣсто не мало увеличивали скорбь, потому что смерть произошла во время пира и въ домѣ, открытомъ для гостей, такъ что домъ этотъ для нихъ сдѣлался могилою. Что могъ бы кто-нибудь сказать о томъ необыкновенномъ, неподдающемся объясненію, голодѣ, голодѣ добровольномъ и невольномъ? Не знаю, какъ мнѣ назвать его, потому что не нахожу и имени, которое можно бы приложить къ этому виду неожиданно обрушившагося несчастія. И въ самомъ дѣлѣ, онъ воздерживался отъ находившейся предъ нимъ трапезы и не касался лежавшей предъ его глазами пищи, потому что зловоніе отъ бывшихъ на тѣлѣ ранъ, встрѣчаясь съ желаніемъ пищи, уничтожало это желаніе, и самую трапезу дѣлало отвратительной. Указывая на это, онъ говоритъ: *смрадъ бо зрю брашна моя* (Іов. VI, 7). Сила голода заставляла его касаться предлежавшихъ яствъ, но невѣроятное зловоніе, происходившее отъ тѣла, преодолѣвало силу голода. Вотъ почему я и сказалъ, что не знаю, какъ его назвать. Добровольнымъ? Но онъ желалъ 565
вкусить предлежавшихъ яствъ. Невольнымъ? Но пища была налицо, и никто не препятствовалъ вкушать ее. Какъ могъ бы я разсказать о мукахъ, потокахъ червей, о стекавшемъ гноѣ, объ упрекахъ отъ друзей, презрѣніи отъ слугъ? Слуги мои, говоритъ, не пощадили меня отъ оплеваній лица (Іов. XXX, 10). А объ оскорблявшихъ, нападавшихъ на него? *Ихже*, говоритъ онъ, *не вмѣ-*

няхъ достойными псовъ моихъ стадъ, эти теперь напали на меня, и даютъ наставленія мнѣ люди ничтожные (Іов. XXX, 1). Тяжело и на самомъ дѣлѣ. Сказать ли мнѣ о главнѣйшемъ изъ бѣдствій, о вершинѣ несчастія, наиболѣе давившей его? Буря смятеній, бывшихъ въ его разсудкѣ — вотъ что больше всего невыносимо давило его, и чистая совѣсть его болѣе всего превращала это во внутреннюю бурю, помрачала разсудокъ и приводила въ замѣшательство кормчаго. Въ самомъ дѣлѣ, люди, сознающіе за собою много грѣховъ, если и потерпятъ какое-нибудь несчастіе, по крайней мѣрѣ, могутъ найти причину происходящаго, взвѣшивая свои грѣхи и такимъ образомъ устраняя смущеніе, рождающееся отъ неизвѣстности. Опять, если что-нибудь подобное испытаютъ люди, не сознающіе за собою ничего, но украшенные добродѣтелями, то, зная ученіе о воскресеніи и помышляя о будущихъ воздаяніяхъ, знаютъ, что приключающаяся имъ борьба служитъ основаніемъ и для безчисленныхъ вѣнцовъ. Этотъ же, и будучи праведнымъ, и ничего не зная о воскресеніи, больше всего обуреваемъ былъ сомнѣніемъ, не зная причины того, что испытывалъ, и мучился незнаніемъ ея болѣе, чѣмъ червями и страданіями. И чтобы ты поняла, что это такъ, обрати вниманіе на слѣдующее: когда человѣколюбивый Богъ счелъ Іова достойнымъ того, чтобы сказать ему причину этой борьбы, сказать, что все это допущено за тѣмъ, чтобы обнаружилась его праведность, то онъ такъ ожилъ духомъ, какъ будто бы не испыталъ ни одной изъ тѣхъ печалей, что онъ и выразилъ въ произнесенныхъ имъ тогда словахъ. И все-таки, несмотря на то, что онъ страдалъ, прежде чѣмъ понялъ причину, онъ мужественно переносилъ страданія, и послѣ потери всего произнесъ тѣ удивительныя слова: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако* и *бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. I, 21).

9. Но подъ вліяніемъ любви къ этому мужу, я, кажется, ушелъ очень далеко отъ предложеннаго для разсужденія предмета: поэтому, присоединивъ еще нѣсколько словъ, я снова займусь тѣмъ, что мною раньше предположено. Итакъ, этотъ столь великій и славный мужъ, поправшій столько законовъ природы,— даже и онъ не осмѣлился устремиться на это состязаніе, а насладился и жизнью съ женою и сдѣлался отцомъ многихъ дѣтей. Столь велика трудность дѣвства, такъ высоки и велики соединенныя съ нимъ подвиги и тяжелы труды, и требуютъ для себя большой твердости духа. И все же многія изъ приступившихъ
566 къ этому подвигу не побороли страсти къ щегольству въ одеждахъ, но были плѣнены и покорены ею болѣе, чѣмъ даже мірскія женщины. Не говори мнѣ того, что онѣ не носятъ на себѣ

золота, не одѣваются въ шелковыя и шитыя золотомъ платья и не имѣютъ украшенныхъ драгоцѣнными камнями ожерельевъ. Что всего тяжелѣе и что особенно ясно обнаруживаетъ ихъ болѣзнь и властную силу страсти, это—то, что онѣ всѣми мѣрами старались и усиливались посредствомъ простыхъ своихъ одеждъ превзойти украшеніе облеченныхъ въ золото и въ шелковыя платья, и такимъ образомъ казаться болѣе ихъ прелестными, занимаясь, какъ сами онѣ думали, безразличнымъ дѣломъ, а какъ показываетъ сущность дѣла, гибельнымъ и вреднымъ, и ведущимъ въ глубокую пропасть. Вотъ почему тысячами устъ должно провозглашать о тебѣ,—по той именно причинѣ, что съ чѣмъ бороться оказалось труднымъ для дѣвъ, то оказалось такъ не трудно и легко для живущей во вдовствѣ, какъ и показано на опытѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не невыразимой только простотѣ одѣянія, превосходящей простоту одеждъ и самихъ нищихъ, дивлюсь я, но въ особенности отсутствію всякой изысканности и искусственности въ одеждѣ, обуви, походкѣ, а это все—краски добродѣтели, извнѣ живописующія таящуюся въ душѣ мудрость. *Одѣяніе мужа*, говорится, *и смѣхъ зубовъ, и стопы человѣка возвѣстятъ, яже о немъ* (Сир. XIX, 27). Въ самомъ дѣлѣ, если бы ты со всей рѣшительностью не низвергла долу и не попрала земныхъ размышленій о блескѣ этой жизни, то ты и не обнаружила бы въ такой степени презрѣнія къ нимъ, не побѣдила бы и не отогнала бы съ такою силою этого тягчайшаго грѣха. Никто да не обвиняетъ меня въ излишней рѣзкости слова, если я назвалъ этотъ грѣхъ тягчайшимъ. Если этотъ грѣхъ и на мірскихъ еврейскихъ женщинъ, и въ то еще время, навлекъ столь великое наказаніе, то какое могутъ получить извиненіе тѣ, которыя должны имѣть жительство на небесахъ и подражать ангельской жизни, которыя проводятъ жизнь въ благодати, если онѣ отваживаются на то же самое еще въ гораздо большей мѣрѣ? Въ самомъ дѣлѣ, когда увидишь, какъ дѣва нѣжится въ одеждахъ, влечетъ платье по землѣ, за что пророкъ произнесъ обвиненіе, ступаетъ гордой поступью, и голосомъ, и глазами, и одеждой готовитъ губительную чашу для взирающихъ на нее безстыдными глазами, болѣе и болѣе роетъ ямы для проходящихъ мимо и отсюда разставляетъ силки, то какъ ты назовешь ее послѣ этого дѣвою, а не причислишь ее къ женщинамъ-блудницамъ? Не столько дѣйствительно послѣднія обольщаютъ, сколько первыя, отвсюду распростирающія крылья удовольствія. Вотъ почему ублажаемъ тебя, вотъ почему удивляемся тебѣ, такъ какъ ты, освободившись отъ всего этого, и здѣсь показала образецъ умерщвленія, не наряжаясь, но обнаруживая юношескую отвагу, не украшаясь, но вооружаясь на борьбу.

567 10. Теперь, когда мы показали льва по ногтю, да и то отчасти (потому что я не раскрылъ вполнѣ и этой твоей добродѣтели, боясь, какъ я раньше сказалъ, войти въ безпредѣльныя моря остальныхъ твоихъ добродѣтелей, — впрочемъ мы теперь и не ставили себѣ цѣли сказать похвалу твоей святой душѣ, а старались приготовить лѣкарство утѣшенія), снова повторимъ сказанное прежде. А что мы прежде сказали? Переставъ размышлять о томъ, почему тотъ согрѣшилъ и почему другой впалъ въ ошибку, помышляй постоянно о подвигахъ твоей выносливости въ трудахъ, твоего терпѣнія, поста, молитвъ, священныхъ всенощныхъ бодрствованій, воздержанія, милостыни, страннолюбія, разнообразныхъ трудныхъ и частыхъ испытаній. Помышляй, какъ съ перваго возраста до настоящаго дня ты непрестанно питала алчущаго Христа, напояла жаждущаго, одѣвала нагого, гостепріимно принимала Его странникомъ, посѣщала больного, приходила къ связанному. Имѣй въ мысляхъ море твоей любви, которое ты открыла до такой степени, что оно съ большою стремительностью достигаетъ самыхъ границъ вселенной, потому что не только твой домъ открытъ для всякаго пришедшаго, но и повсюду на землѣ и на морѣ многіе воспользовались твоею щедростью, благодаря твоему гостепріимству. Объединивъ все это, наслаждайся и увеселяйся надеждою на будущіе вѣнцы и награды. Если же желаешь увидѣть наказанными этихъ беззаконниковъ, питающихся кровію и совершившихъ гораздо болѣе еще тяжкія преступленія, то увидишь тогда и это, подобно тому какъ и Лазарь видѣлъ горящаго въ пламени богача (Лук. XVI, 2, 3), потому что хотя вслѣдствіе различія ихъ жизни имъ было назначено и различное мѣсто, и пропасть раздѣляла ихъ, и одинъ былъ на лонѣ Авраама, другой въ огнѣ невыносимымъ, — все же Лазарь и увидѣлъ его, и услышалъ его голосъ, и отвѣчалъ. Это тогда будетъ и съ тобою. Если, въ самомъ дѣлѣ, презрѣвшій и одного человѣка терпитъ такія наказанія и если, опять, соблазнившему и одного — лучше повѣсить себѣ мельничный жерновъ на шею и броситься въ море, (Матѳ. XVIII, 6), то соблазнившіе такую великую часть вселенной, истребившіе столько церквей, наполнившіе все смятеніемъ и замѣшательствомъ, превзошедшіе даже разбойниковъ и варваровъ жестокостью и безчеловѣчіемъ и приведенные въ такое крайнее неистовство ихъ вождемъ - діаволомъ и содѣйствующими ему демонами, что сдѣлали смѣшнымъ и для іудеевъ и для эллиновъ то страшное ученіе, полное святости и достойное давшаго его, потопившіе безчисленныя души и причинившіе по всей вселенной безчисленныя кораблекрушенія, зажегшіе столь великій костеръ, разсѣкшіе тѣло Христа и члены его разсѣявшіе во многихъ

мѣстахъ,— говоритъ вѣдь апостолъ: *вы есте тѣло Христово и уди отъ части* (1 Кор. xii, 27),— впрочемъ зачѣмъ я стараюсь изобразить ихъ безуміе, для разъясненія котораго слово безсильно,— такъ какому наказанію, думаешь ты, подвергнутся эти губители и кровопійцы? Если не напитавшіе алчущаго Христа присуждаются вмѣстѣ съ діаволомъ къ неугасимому огню, то подумай, 568
какое наказаніе потерпятъ люди, предавшіе голоду сонмы монаховъ и дѣвъ, обнажившіе одѣтыхъ, не только не принявшіе гостепріимно странниковъ, но даже и выгнавшіе ихъ, не только не посѣтившіе больныхъ, но измучившіе ихъ еще болѣе, не только не обращавшіе вниманія на связанныхъ, но и устраивавшіе, чтобы были ввергнуты въ темницу и разрѣшенные отъ узъ. И вотъ, ты увидишь тогда, какъ они будутъ горѣть въ пламени, будутъ сожигаемы, связаны, какъ будутъ скрежетать зубами, вопіть, наконецъ, напрасно плакать и безполезно и безъ выгоды для себя раскаиваться, подобно тому, какъ тотъ богачъ. И они въ свою очередь увидятъ тебя, увѣнчанную въ томъ блаженномъ удѣлѣ, ликующую вмѣстѣ съ ангелами, соцарствующую Христу, и сильно будутъ призывать на помощь и плакать, раскаиваясь въ тѣхъ обидахъ, какія они тебѣ причинили, принося къ тебѣ мольбу, вспоминая о твоемъ состраданіи и человѣколюбіи,— и ничего уже для нихъ болѣе не будетъ.

11. Итакъ, помышляй и постоянно напоминай обо всемъ этомъ своей душѣ, и ты будешь въ состояніи разсѣять этотъ пепелъ. А такъ какъ есть еще, какъ мнѣ думается, и нѣчто другое, что заставляетъ тебя сильно страдать, то приготовимъ и для этого размышленія лѣкарство черезъ то, что сказано и что теперь скажемъ. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что ты страдаешь не только по указаннымъ причинамъ, но и вслѣдствіе того, что разлучена съ нашимъ ничтожествомъ, думаю, что объ этомъ ты постоянно плачешь и всѣмъ говоришь: не слышимъ того языка, не наслаждаемся ученіемъ, къ которому привыкли, и томимся голодомъ, и чѣмъ Богъ угрожалъ нѣкогда евреямъ, теперь терпимъ мы— не алканіе хлѣба и не жажду воды, но голодъ божественнаго ученія (Амос. viii, 11). Что же мы на это скажемъ? А то, что тебѣ вполнѣ возможно и при нашемъ отсутствіи бесѣдовать съ нами письмами. И мы будемъ прилагать стараніе, всякій разъ какъ встрѣтимся съ доставителями писемъ, постоянно посылать тебѣ частыя и длинныя письма. Если же ты желаешь слышать наше ученіе въ живой рѣчи, то можетъ быть и это случится, и ты опять увидишь насъ, а вѣрнѣе— не можетъ быть, а нисколько не сомнѣвайся въ этомъ. Напомнимъ тебѣ, что мы сказали это не необдуманно и не съ цѣлью обмануть тебя и ввести въ заблужденіе,

но ты услышишь и отъ живого голоса то, что теперь узнаешь чрезъ письма. Если же ожиданіе печалитъ тебя, то пойми, что и оно для тебя не безполезно, а принесетъ тебѣ великую награду, если ты будешь мужественна, не станешь произносить ни одного горькаго слова, а будешь и за это прославлять Бога, что ты дѣйствительно постоянно и дѣлаешь. Перенести разлуку съ любимою душою,—это подвигъ не малый, для него нужна и очень мужественная душа и любомудрый умъ. Кто это говоритъ? Если кто умѣетъ любить искренно, если кто знаетъ силу любви, тотъ
569 знаетъ, что я говорю. Но, чтобы намъ не блуждать въ поискахъ искренно любящихъ (а дѣйствительно, это—рѣдкое явленіе), поспѣшимъ къ блаженному Павлу, и тотъ скажетъ намъ, какъ великъ этотъ подвигъ и сколь великой души требуетъ онъ для себя. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ Павелъ, совлекшій съ себя плоть и сложившій тѣло, обходившій вселенную почти обнаженною душою, изгнавшій изъ духа всякую страсть, подражавшій безстрастію безтѣлесныхъ силъ, обитавшій на землѣ, какъ бы на небѣ, стоявшій вверху съ херувимами, участвовавшій съ ними въ той таинственной пѣсни, хотя и переносилъ безъ труда все остальное, какъ бы страдая въ чужомъ тѣлѣ,—и тюрьмы, и узы, и изгнанія, и бичеванія, и угрозы, и смерть, и побіеніе камнями, и погруженіе въ море, и всѣ виды наказанія,—но, разлученный съ одною любимою имъ душою, онъ такъ былъ разстроенъ и смущенъ, что тотчасъ и ушелъ изъ города, въ которомъ ожидалъ увидѣть любимаго человѣка и не нашелъ его. И объ этомъ вмѣстѣ съ нимъ знаетъ Троада, оставленная имъ по этой причинѣ, такъ какъ она тогда не могла показать ему того, кого онъ любилъ. *Пришедъ*, говоритъ онъ, *въ Троаду во благовѣстіе Христово и двери отверзенѣ ми бывшей о Господѣ, не имѣхъ покоя духу моему, не обрѣтшу ми Тита брата моего, но отрекся имъ, изыдохъ въ Македонію* (2 Кор. XII, 12—13). Что это, о, Павелъ? Заключенный въ колодки, живя въ тюрьмѣ, имѣя отпечатлѣвшіеся слѣды бичеваній, съ текущею по спинѣ кровью, ты вводилъ въ таинства, крестилъ, приносилъ жертву и не пренебрегъ даже и однимъ человѣкомъ, который долженъ былъ получить спасеніе; а придя въ Троаду и видя, что нива расчищена и готова принять сѣмена, что рыбная тоня наполнена и доставляетъ тебѣ большую легкость, ты выбросилъ изъ рукъ такую прибыль, и несмотря на то, что по этой причинѣ ты и пришелъ (*пришедъ*, говоритъ, *въ Троаду во благовѣстіе*, т. е. ради евангелія), и никто не оказывалъ тебѣ противодѣйствія (*двери*, говоритъ, *отверзенѣ ми бывшей*), ты, однако, тотчасъ ушелъ? Да, говоритъ, потому что я былъ одержимъ силою унынія, потому что мой духъ очень смущало отсутствіе Тита,

и печаль такъ овладѣла и осилила меня, что принудила сдѣлать это. А что, дѣйствительно, онъ испыталъ это вслѣдствіе унынія, о томъ намъ нѣтъ нужды заключать по какимъ-нибудь догадкамъ; мы можемъ заключать и узнать это отъ самого же Павла, такъ какъ онъ, указавъ причину своего удаленія, сказалъ: *не имѣхъ покоя духу моему, не обрѣтшу ми Тита, но отрекся имъ, изыдохъ.*

12. Видишь, какой величайшій подвигъ—быть въ состояніи спокойно перенести разлуку съ любимымъ человѣкомъ, и [какъ горестно и печально это дѣло, какъ оно требуетъ для себя души возвышенной и мужественной? Этотъ подвигъ совершаешь и ты сама. Но чѣмъ болѣе великъ подвигъ, тѣмъ больше и вѣнецъ и блистательнѣе награды. Да будетъ тебѣ это утѣшеніемъ въ ожиданіи, равно какъ и то, что мы опять во всякомъ случаѣ увидимъ тебя, изобилующую наградою за этотъ подвигъ, увѣнчиваемую и осыпаемую славнѣйшими похвалами. Въ самомъ дѣлѣ, для 570
любящихъ недостаточно одного лишь соединенія другъ съ другомъ душою, они не довольствуются этимъ для утѣшенія себя, а нуждаются и въ тѣлесномъ присутствіи другъ подлѣ друга; и если это не приходитъ, то исчезаетъ не малая доля радости. Что дѣйствительно такъ,—и это мы узнаемъ, если опять придемъ къ питомцу любви. Посылая письмо македонянамъ, онъ такъ говорилъ: *мы же, братіе, осиротѣвше отъ васъ ко времени часа, лицемъ, а не сердцемъ, лишше тщахомся лице ваше видѣти: азъ убо Павелъ единою и дважды, и возбрани намъ сатана. Тѣмже уже не терпяще, благоволихомъ остатися во Аѳинѣхъ едини, и послахомъ Тимоѳеа* (1 Ѳесс. II, 17, 18; III, 1, 2). О, какая сила заключается въ каждомъ выраженіи! Хранящееся въ его душѣ пламя любви онъ показываетъ съ большою ясностью. Въ самомъ дѣлѣ, не сказалъ: будучи разлучены съ вами, или: будучи отдѣлены отъ васъ, или: разставшись, или: будучи въ отсутствіи, но—*осиротѣвше отъ васъ.* Онъ отыскалъ выраженіе, достаточно сильное, чтобы показать страданіе его души. Хотя для всѣхъ онъ самъ былъ въ качествѣ отца, но говоритъ словами осиротѣлыхъ дѣтей, въ незрѣломъ возрастѣ лишившихся своего родителя, желая показать крайнюю степень своей печали. Дѣйствительно, нѣтъ ничего горестнѣе преждевременнаго сиротства, когда возрастъ не можетъ помочь сиротамъ ни въ какомъ дѣлѣ, и нѣтъ людей, которые бы искренно позаботились о нихъ, (а наоборотъ) является внезапно множество готовыхъ напасть и имѣющихъ противъ нихъ злые замыслы, когда сироты какъ агнцы бываютъ поставлены въ средину волковъ, которые отовсюду терзаютъ ихъ и наносятъ удары. Никто не можетъ изобразить словомъ величину этого несчастія. Вотъ почему и Павелъ, отыскивая повсюду слово, которое могло бы

выразить какъ одиночество, такъ и тяжелое несчастіе, употребилъ это выраженіе, чтобы показать то, что онъ терпѣлъ въ разлукѣ съ любимыми. Дальше онъ опять усиливаетъ его непосредственно слѣдующими за нимъ словами. *Осиротѣвше*, говоритъ онъ, не на (долгое) время, но *ко времени часа*, и будучи разлучены не мыслію, но однимъ только *лицемъ*, мы даже и при такихъ обстоятельствахъ не переносимъ происходящей отъ этой разлуки скорби; хотя мы и имѣемъ достаточное утѣшеніе въ томъ, что соединены душою, что вы находитесь въ нашемъ сердцѣ, что мы видѣли васъ вчера и третьяго дня, однако все это не избавляетъ насъ отъ унынія. Чего же ты хочешь и желаешь, скажи мнѣ, и желаешь такъ сильно? Видѣть самое лицо ихъ. *Лишше*, говоритъ, *тщахомся лице ваше видѣти*. Что говоришь ты, высокій и великій мужъ? Ты, который имѣешь міръ распятымъ въ себѣ и самъ распятъ міру, ты, который освободился отъ всего плотского, сталъ почти безтѣлеснымъ, — до такой степени сдѣлался плѣненнымъ любовію, что спустился въ бренную, сотворенную изъ земли и чувственную плоть? Да, говоритъ, и я не стыжусь своихъ словъ, но еще и горжусь, и ищу этого потому, что имѣю изобилующую во мнѣ любовь-мать благъ. И не просто тѣлеснаго присутствія ищетъ онъ, но болѣе всего желаетъ увидѣть ихъ
571 лицо. *Лишше*, говоритъ, *тщахомся лице ваше видѣти*. Итакъ, скажи мнѣ, ты стремишься увидѣть ихъ очи и желаешь созерцанія ихъ лица? Даже и очень, говоритъ онъ, такъ какъ здѣсь мѣсто собранія органовъ чувствъ. Обнаженная отъ тѣла душа, сама по себѣ сблизившись съ другою душою, не будетъ въ состояніи ни сказать чего-либо, ни услышать, а если я буду пользоваться тѣлеснымъ присутствіемъ, то и скажу что-либо, и услышу отъ любимыхъ. Поэтому я желаю увидѣть ваше лицо: тамъ есть и языкъ, который издаетъ звукъ и сообщаетъ намъ о происходящемъ внутри насъ, и слухъ, который воспринимаетъ слова, и глаза, живописующіе душевныя движенія, такъ что при посредствѣ ихъ можно лучше насладиться бесѣдою съ любимою душою.

13. И чтобы ты поняла, какъ онъ пламенѣетъ желаніемъ этого созерцанія, обрати вниманіе на слѣдующее. Сказавъ: *лишше тщахомся*, онъ не удовольствовался этимъ выраженіемъ, но прибавилъ: *многимъ желаніемъ* (1 Θесс. II, 17). Потомъ не перенося того, чтобы его смѣшивали съ прочими, но показывая, что онъ любитъ сильнѣе прочихъ, словами: *лишше тщахомся и хотѣхомъ пріити къ вамъ* (1 Θесс. II, 18) онъ отдѣлилъ себя отъ остальныхъ и, поставивъ только себя одного, прибавилъ: *азъ убо Павелъ единою и дважды*, чѣмъ и показываетъ, что онъ старался больше остальныхъ. Затѣмъ такъ какъ ему не удалось (придти къ солунянамъ),

онъ не довольствуется письмами, но посылаетъ своего спутника Тимоѳея, который долженъ былъ быть для него вмѣсто писемъ, почему и прибавляетъ: *тѣмже уже не терпяще.* Какое опять благородство въ выраженіи! Какая сила изреченія, показывающая неудержимую и нестерпимую его любовь! И подобно тому какъ кто-нибудь, будучи сожигаемъ огнемъ и стараясь найти какое-нибудь облегченіе отъ пламени, употребляетъ всѣ средства, такъ и онъ, пламенѣя, задыхаясь и сгарая любовью, придумывалъ, насколько ему позволяли обстоятельства, возможное утѣшеніе. *Уже* говоритъ, *не терпяще, послахомъ Тимоѳеа служителя Евангелія, и спосиѣшника нашего* (1 Ѳесс. III, 1, 2.), отдѣливши самый необходимый членъ нашего собранія и промѣнявъ печаль на печаль. А что онъ не легко переносилъ отсутствіе и Тимоѳея, а избралъ себѣ эту великую печаль изъ-за нихъ, это онъ показалъ словами: *благоволихомъ остатися едини.* О, душа, совершенно претворившаяся въ самую любовь! Какъ только былъ разлученъ съ однимъ братомъ, уже говоритъ, что сдѣлался одинокимъ, и это тогда, когда имѣлъ съ собою многихъ другихъ.

Вотъ объ этомъ постоянно заботься и сама, и чѣмъ это дѣло для тебя мучительнѣе, тѣмъ болѣе считай его полезнымъ,—если переносишь съ благодарностью. Вѣдь не только наносимые тѣлу удары, но и страданіе души приноситъ неизреченные вѣнцы, и душевное страданіе даже больше, чѣмъ тѣлесное, если поражаемые переносятъ съ благодарностью. Подобно тому какъ если бы ты мужественно переносила терзанія и бичеванія тѣла, прославляя за это Бога, то получила бы большое вознагражденіе, такъ точно и за эти страданія души ожидай теперь великихъ воздаяній. Ожидай же и того, что, во всякомъ случаѣ, ты опять увидишь 572
насъ, освободишься отъ этой скорби и получишь происходящую изъ печали большую прибыль,—и тогда, и теперь. Этого достаточно тебѣ для утѣшенія, лучше же не тебѣ только, но и кому угодно, хотя бы то былъ безумный и имѣлъ каменную душу. А гдѣ столь великое благоразуміе, гдѣ такое богатство богобоязненности и высота мудрости, и душа, презрѣвшая блескъ житейскихъ благъ, тамъ легче и уходъ за болѣзнію. Покажи же и въ этомъ твою любовь къ намъ, покажи, что мы и чрезъ письма имѣемъ у тебя большую силу и именно такую же, какую имѣли при личномъ присутствіи. А ясно ты покажешь это, если мы узнаемъ, что наши письма принесли тебѣ нѣкоторую пользу, лучше же — не только нѣкоторую пользу, но и такую именно, какой мы желаемъ. А желаемъ мы, чтобы ты теперь пребывала въ той же самой радости, въ какой мы видѣли тебя, живя тамъ. И если мы узнаемъ это, то и сами будемъ наслаждаться не малымъ утѣшеніемъ въ томъ

одиночествѣ, въ какомъ мы находимся. Поэтому, если желаешь и намъ сообщить хорошее расположеніе духа (а я знаю, что желаешь и даже весьма озабочена этимъ), то покажи, что удалила весь соръ унынія и что живешь спокойно, и дай намъ эту награду за наше къ тебѣ благожеланіе и любовь, а ты знаешь, ясно знаешь, что опять ободришь нашъ духъ, если счастливо совершишь это и согласно съ истиной извѣстишь насъ объ этомъ письмомъ.

Къ ней же письмо III-е.

1. И тѣла, которыя боролись съ сильными лихорадками не сразу освобождаются отъ вреда, причиняемаго лихорадками, и моря, которыя вели состязаніе съ суровыми вѣтрами, не сразу стихаютъ отъ волненія поднявшихся волнъ, а медленно и постепенно. Для тѣлъ требуется много времени, чтобы послѣ избавленія отъ лихорадокъ возвратиться въ состояніе полнаго здоровья и уничтожить слабость, оставшуюся въ нихъ послѣ болѣзни; равно и воды, и послѣ того какъ прекратятся вѣтры, долго еще бурлятъ и волнуются, то уносясь вдаль, то съ большою стремительностью возвращаясь назадъ,—и имъ нужно время, чтобы, возвратиться въ состояніе полнаго покоя. Эти вступительныя слова сказаны мною къ твоей богобоязненности не безъ цѣли; а для того, чтобы ты поняла, что и это письмо мы посылаемъ тебѣ, вызванные къ тому необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, хотя предыдущими письмами мы и уничтожили властъ унынія, и разрушили до основанія ея крѣпость, но рѣчь наша должна ревностно наблюдать за тѣмъ, чтобы пріобрѣсть для тебя и полный миръ, уничтожить воспоминаніе о всѣхъ тревогахъ, происшедшихъ отъ унынія, дать тебѣ чистый и постоянный покой и доставить тебѣ полную радость. О томъ мы и стараемся, чтобы не только освободить тебя отъ унынія, но и исполнить еще большой и постоянной
573 радости. Это возможно, если ты захочешь. Причины радости лежатъ не въ неизмѣнныхъ законахъ природы, которыхъ уничтожить и перемѣнить для насъ невозможно, а въ свободныхъ размышленіяхъ нашей воли, управлять которыми для насъ легко. И ты знаешь, если только помнишь, что недавно (а немного времени прошло съ тѣхъ поръ) я сказалъ много пространныхъ бесѣдъ объ этомъ, когда именно я постоянно собиралъ исторіи, которыя, затѣмъ, и предлагалъ слушателямъ. Въ самомъ дѣлѣ, причина радости обыкновенно лежитъ не столько въ природѣ

обстоятельствъ, сколько въ разумѣ людей. Если же это такъ, если многіе, изобилуя богатствомъ, считаютъ жизнь невыносимой, а другіе, живя въ крайней бѣдности, всегда остаются радостнѣе всѣхъ, если люди, пользующіеся охранною стражею и славою и честью, часто призываютъ проклятіе на свою жизнь, а незнатные и рожденные отъ незнатныхъ и никому неизвѣстные считаютъ себя счастливѣе многихъ, — потому что не столько въ природѣ обстоятельствъ, сколько въ разумѣ людей, лежитъ причина радости (не перестану постоянно повторять это), — не падай духомъ, сестра, а возстань, протяни руку нашему слову и доставь намъ эту прекрасную помощь, чтобы мы совершенно исхитили тебя изъ горькаго плѣна размышленій. Если ты не пожелаешь и сама проявить такого же усердія, какое и мы проявляемъ, то у насъ не будетъ никакой пользы отъ лѣченія. И что удивительнаго, если такъ бываетъ у насъ? Вѣдь даже и тогда, когда увѣщеваетъ и совѣтуетъ всемогущій Богъ, а слушатель не повинуется Его словамъ, не бываетъ никакой пользы; напротивъ, это служитъ лишь къ большему наказанію не повиновавшагося. Указывая на это, Христосъ говорилъ: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли: нынѣ же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ* (Іоан. XV, 22). Вотъ почему и оплакивая по той же самой причинѣ Іерусалимъ, Онъ говорилъ: *Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя* къ нему, *колькраты восхотѣхъ собрати чада* ваши, *и не восхотѣсте! Се оставляется домъ вашъ пустъ* (Матѳ. XXIII, 37, 38).

2. Итакъ, зная это, моя боголюбезнѣйшая госпожа, трудись, соревнуй и, имѣя помощь въ сказанномъ нами, старайся всѣми силами вытѣснять и изгонять тѣ размышленія, которыя смущаютъ тебя и производятъ безпокойство и такую бурю. Впрочемъ, мнѣ думается, что никто не долженъ и сомнѣваться въ томъ, что ты станешь дѣлать это и будешь послушна нашему увѣщанію. Намъ же остается теперь только приготовить для тебя мечи и копья, лукъ и стрѣлы, панцырь, щитъ и поножи, чтобы однимъ ты могла защищать себя, и другимъ поражать, уничтожать и умерщвлять нападающія на тебя тревожныя размышленія. Откуда же мы приготовимъ для тебя эти орудія и пращи, такъ чтобы ты не позволяла даже близко и подходить непріятелямъ, а чтобы побѣдоносно гнала ихъ прочь какъ можно дальше? Отъ самого же унынія, если мы немного поразсудимъ о немъ и покажемъ, какъ оно тяжело и несносно. Подлинно, уныніе есть тяжкое мученіе душъ, нѣкоторая неизреченная мука и наказаніе, горшее всякаго
наказанія и мученія. И въ самомъ дѣлѣ, оно подобно смертонос- 574
ному червю, касаясь не только плоти, но и самой души, оно —

моль, поѣдающая не только кости, но и разумъ, постоянный палачъ, не ребра разсѣкающій, но разрушающій даже и силу души, непрерывная ночь, безпросвѣтный мракъ, буря, ураганъ, тайный жаръ, сожигающій сильнѣе всякаго пламени, война безъ перемирія, болѣзнь, затемняющая многое изъ воспринимаемаго зрѣніемъ. И солнце, и этотъ свѣтлый воздухъ, кажется, тяготятъ находящихся въ такомъ состояніи, и самый полдень для нихъ представляется подобнымъ глубокой ночи. Вотъ почему и дивный пророкъ, указывая на это, говорилъ: *зайдетъ солнце* для нихъ *въ полудне* (Амос. VIII, 9), не потому, что свѣтило скрывается, и не потому, что прерывается обычный его бѣгъ, а потому, что душа, находящаяся въ состояніи унынія, въ самую свѣтлую часть дня воображаетъ себѣ ночь. Подлинно, не такъ великъ мракъ ночи, какъ велика ночь унынія, являющаяся не по закону природы, а наступающая съ помраченіемъ мыслей, — ночь какая-то страшная и невыносимая, съ суровымъ видомъ, жесточайшая всякаго тирана, не уступающая скоро никому, кто пытается бороться съ ней, но часто удерживающая плѣненную душу крѣпче адаманта, когда послѣдняя не обладаетъ большою мудростію.

3. Что за нужда мнѣ много говорить отъ себя, когда можно обратиться къ тѣмъ, которые были плѣнены уныніемъ, и отсюда понять всю его силу? Впрочемъ, если тебѣ угодно, раскроемъ его сначала съ другой стороны. Когда Адамъ совершилъ тотъ тяжкій грѣхъ и вмѣстѣ съ собою подвергъ осужденію весь человѣческій родъ, тогда онъ былъ осужденъ на трудъ (Быт. III); совершившая же большій грѣхъ, и настолько большій, что грѣхъ Адама по сравненію съ этимъ можетъ даже и не считаться грѣхомъ, — *Адамъ*, говорится, *не прельстися, жена же прельстившися, въ преступленіи бысть* (1 Тимоѳ. II, 14), — эта, говорю, которая прельстилась и *въ преступленіи бысть* и приготовила какъ для самой себя, такъ и для мужа, смертоносный напитокъ, осуждается на великую печаль, потому что послѣдняя можетъ угнести сильнѣе, чѣмъ трудъ. *Умножая*, говорится, *умножу печали твоя, и воздыханія твоя:* въ печаляхъ *родиши чада* (Быт. III, 16). Нигдѣ не назначается ей работа, нигдѣ — потъ и нигдѣ — трудъ, но уныніе и стенаніе, и проистекающее отсюда наказаніе, равносильное и трудамъ, и безчисленнымъ смертямъ, а вѣрнѣе — даже и много тягостнѣе ихъ.

Впрочемъ что хуже смерти? Не кажется ли она главнымъ изъ людскихъ бѣдствій, страшнымъ и невыносимымъ, и достойнымъ безконечнаго плача? Не сказалъ ли Павелъ, что она — наказаніе за самое тяжкое беззаконіе? Онъ сказалъ, что этому наказанію подвергаются тѣ, кто недостойно приступаетъ къ священнымъ

таинствамъ и принимаетъ участіе въ той страшной трепезѣ, говоря такъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливы, и спятъ доволни* (1 Кор. xi, 30). И всѣ законодатели не присуждаютъ ли къ этому наказанію тѣхъ, кто совершилъ самыя ужасныя злодѣянія? 575
И Богъ въ законѣ не наложилъ ли этого крайняго наказанія на великихъ грѣшниковъ? Не изъ-за страха ли предъ смертію тотъ патріархъ, побѣдившій и самую природу, рѣшился отдать свою собственную жену въ жертву варварскаго сладострастія и египетской тиранніи, самъ устраивалъ это дѣяніе безчестія и увѣщевалъ жену вмѣстѣ съ нимъ притворствовать въ этомъ тяжкомъ и печальномъ дѣлѣ? И онъ даже не стыдится указать причину такого притворства: *будетъ*, говоритъ, *егда увидятъ тя*, такъ блистающую юностью и обладающую красотой лица, *убіютъ мя, тебе же снабдятъ. Рцы убо, яко сестра моя, да добро мнѣ будетъ тебе ради, и будетъ жива душа моя, тебе ради* (Быт. xii, 12—13). Видишь страхъ, видишь трепетъ, потрясающій эту высокую и любомудрую душу? Видишь адамантъ, сокрушенный страхомъ? Онъ лжетъ объ ея происхожденіи, даетъ женѣ одно лицо вмѣсто другого и дѣлаетъ агницу легко уловимою для волковъ, и что всего невыносимѣе для мужей, именно видѣть, что жена обезчещивается, лучше же—даже только подозрѣвать ее, то самое, и даже еще болѣе тяжкое (потому что въ данномъ случаѣ было не подозрѣніе, но обезчещеніе, на которое дерзали самымъ дѣломъ), онъ не только видитъ, но и устраиваетъ такъ, чтобы на него дерзнули, и это кажется ему и легкимъ, и выносимымъ. Такъ страсть преодолѣвала страсть, страсть тяжкая побѣждалась тягчайшей, и боязнь смерти одержала верхъ надъ ревностью. И тотъ великій Илія изъ-за страха передъ смертью сталъ бѣглецомъ, изгнанникомъ и переселенцемъ, испугавшись только угрозы распутной и нечестивой женщины (3 Цар. xix),—тотъ, кто заключилъ небо и совершилъ столько чудесъ, не перенесъ страха предъ ея словами, но ужасъ такъ потрясъ эту возвышавшуюся до небесъ душу, что онъ оставилъ разомъ и отечество, и такой народъ, изъ-за котораго раньше подвергнулся столь великимъ опасностямъ, и одинъ только прошелъ сорокодневный путь, и переселился въ пустыню,—и это сдѣлалъ послѣ того дерзновенія, послѣ такой свободы рѣчи, послѣ столь великаго проявленія мужества. Подлинно, весьма страшна природа смерти. Вотъ почему, несмотря на то, что она ежедневно нападаетъ на нашъ родъ, она при каждомъ мертвецѣ такъ устрашаетъ, смущаетъ и поражаетъ насъ, какъ будто бы она является тогда неожиданно. И ни врачество со стороны времени, ни ежедневное упражненіе въ этомъ созерцаніи, не въ силахъ успокоить насъ; уныніе и ужасъ этотъ не старѣетъ и отъ

времени, но постоянно остается молодымъ и полнымъ силъ, и (смерть) ежедневно приходитъ, неся страхъ свѣжій и цвѣтущій. И это очень естественно. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ не устрашиться и не впасть въ робость, когда увидитъ, какъ тотъ, кто вчера или за нѣсколько дней предъ тѣмъ ходилъ, дѣйствовалъ, занимался множествомъ дѣлъ относительно дома, жены, дѣтей, слугъ, а часто стоялъ и во главѣ цѣлыхъ городовъ, грозилъ, устрашалъ, отмѣнялъ наказанія, налагалъ ихъ, совершалъ безчис-
576 ленныя дѣла по городамъ и странамъ, — вдругъ лежитъ безгласнѣе камней и ничего не чувствуетъ въ то время, какъ рыдаетъ несмѣтное число людей, убиваются ближайшіе, жена сокрушается скорбью, бьетъ себя по щекамъ, рветъ волосы на головѣ и съ великимъ воплемъ разставляетъ кругомъ себя сонмы служанокъ? Кто можетъ не устрашиться, когда увидитъ, что все внезапно ушло прочь: и разсудокъ, и умъ, и душа, и цвѣтъ лица, и движеніе членовъ, — что на смѣну всему тому пришло не радостное: нѣмота и безчувственность, тлѣніе, сукровица, черви, пепелъ, прахъ, зловоніе, совершенное уничтоженіе, и что все тѣло спѣшитъ открыть отвратительныя и безобразныя кости?

4. И все-таки смерть, внушающая такой страхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и дѣйствительность и робость указанныхъ святыхъ, много легче унынія. Изъ-за него вѣдь я началъ эти длинныя рѣчи, чтобы пояснить тебѣ, какому ты подвергаешься наказанію и какого въ противовѣсъ ему ожидаешь вознагражденія благами, а вѣрнѣе—и гораздо большаго. И чтобы ты поняла, что дѣйствительно это такъ, обращусь теперь къ тѣмъ, кто былъ плѣненъ этою страстью, къ чему я спѣшилъ и прежде. Такъ, когда пришелъ Моисей и возвѣщалъ освобожденіе и избавленіе отъ египетскихъ бѣдствій, то еврейскій народъ не хотѣлъ даже и выслушать; и законодатель, указывая причину этого, говорилъ: *глагола же Моисей* народу, и не послушалъ народъ *Моисея отъ малодушія* (Исх. VI, 9). Равнымъ образомъ, когда Господь произносилъ іудеямъ великія угрозы за великое беззаконіе, то, послѣ угрозъ плѣномъ, пребываніемъ въ чужой землѣ, рабствомъ, голодомъ, язвами, употребленіемъ въ пищу человѣческаго мяса, присоединяетъ и это наказаніе, говоря: дамъ имъ *сердце печалное, и оскудѣвающая очеса, и истаявающую душу* (Второз. XXVIII, 65). Но зачѣмъ нужно говорить объ іудеяхъ, народѣ своенравномъ, неблагодарномъ, преданномъ рабству плоти, не умѣвшемъ любомудрствовать, когда можно заимствовать доказательство отъ мужей великихъ и возвышенныхъ? Въ самомъ дѣлѣ, вотъ сонмъ апостоловъ, три года бывшій вмѣстѣ съ Христомъ и наученный многому относительно безсмертія и прочихъ тайнъ; они творили дивныя и необычайныя знаменія

и видѣли Его столько времени творившимъ чудеса, получили участіе въ трапезѣ съ Нимъ, въ бесѣдѣ и такихъ рѣчахъ, и наставлены были во всякомъ родѣ ученія; эти апостолы, постоянно удерживавшіе Христа, привязанные къ Нему, какъ грудныя дѣти, и безпрестанно спрашивавшіе Его: *камо идеши?*—когда услышали слова, наводившія на нихъ уныніе, такъ были подавлены силою этого унынія и до такой степени исполнились печали, что уже не разспрашивали Его объ этомъ. И укоряя ихъ за это, Христосъ говорилъ: вы слышали, что Я *иду къ пославшему Мя*, и иду къ вамъ *и никтоже отъ васъ вопрошаетъ Мене*: *камо идеши? Но, яко сія глаголахъ вамъ*, печаль наполнила ваше сердце (Іоан. XVI, 5—6). Видишь, какъ сила унынія затемнила любовь, какъ она сдѣлала ихъ своими плѣнниками и подчинила себѣ? А опять тотъ славный Илія (не отстану отъ него даже и теперь), послѣ бѣгства и удаленія изъ Палестины, не вынося тягости унынія (и дѣйствительно, онъ очень унывалъ; на это указалъ и писавшій исторію, говоря, что *отъиде души ради своея*, 3 Цар. XIX, 3), — послушай, что 577
говоритъ въ своей молитвѣ: *довлѣетъ нынѣ, Господи, возьми душу мою отъ мене, яко нѣсмь азъ лучшій отецъ моихъ* (4). Такъ (смерть)— это страшилище, эту высшую степень наказанія, эту главу золъ, это возмездіе за всякій грѣхъ, онъ проситъ какъ желаннаго и хочетъ получить въ качествѣ милости. До такой степени уныніе ужаснѣе смерти: чтобы избѣжать перваго, онъ прибѣгаетъ къ послѣдней.

5. Здѣсь я хочу разрѣшить тебѣ одинъ вопросъ. Я вѣдь знаю твою любовь къ рѣшеніямъ подобныхъ вопросовъ. Итакъ, что же это за вопросъ? Если онъ думалъ, что смерть легче, то зачѣмъ онъ убѣжалъ, оставивши и отечество, и народъ, чтобы не подвергнуться смерти? Почему онъ тогда избѣгалъ ея, а теперь ищетъ ее? Чтобы тебѣ знать и отсюда въ особенности, насколько уныніе тягостнѣе смерти. Когда потрясъ его одинъ только страхъ смерти, онъ естественно дѣлалъ все, чтобы избѣжать ея. А послѣ того какъ обнаружило свою природу уныніе, поѣдая, истощая, убивая его своими зубами, сдѣлавшись для него невыносимымъ, тогда, наконецъ, онъ счелъ, что самое тяжелое (т. е. смерть) легче его. Такъ и Іона, избѣгая унынія, прибѣгнулъ къ смерти, и самъ проситъ себѣ смерти, говоря: *пріими душу мою отъ мене, яко* лучше *ми умрети, нежели жити* мнѣ (Іон. IV, 3). И Давидъ, пиша псаломъ или отъ собственнаго своего лица, или отъ лица другихъ, печалившихся, показываетъ то же самое. *Внегда востати грѣшному предо мною*, говоритъ онъ, *онѣмѣхъ и смирихся, и умолчахъ отъ благъ: и болѣзнь моя обновися. Согрѣхся сердце мое во мнѣ, и въ поученіи моемъ разгорится огнь* (Псал. XXXVIII, 2—4): страсть

унынія онъ обозначаетъ чрезъ тотъ огонь, болѣе сильный, чѣмъ этотъ огонь. Поэтому, уже не перенося ударовъ и страданій отъ унынія, онъ говоритъ: *глаголахъ языкомъ моимъ* (ст. 4). И что ты говоришь, скажи мнѣ? И этотъ проситъ смерти, говоря: *скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моихъ кое есть, да разумѣю что лишаюся азъ* (ст. 5). Хотя и другими словами, но тѣми же самыми мыслями, онъ говоритъ то, что и Илія: что сказалъ тотъ словами: *яко нѣсмь азъ лучшій отецъ моихъ*, но же намекнулъ и этотъ, говоря: *скажи ми, Господи, кончину мою, да разумѣю что лишаюся азъ*. По какой причинѣ, говоритъ онъ, я оставленъ, отхожу позже и пребываю въ настоящей жизни, когда прочіе отошли изъ этой жизни? И до такой степени онъ ищетъ смерти,—самъ ли онъ, или тѣ, отъ лица кого онъ говоритъ,—что, хотя ея и нѣтъ еще налицо, онъ желаетъ по крайней мѣрѣ узнать время ея прихода: *скажи ми*, говоритъ, *кончину мою*, чтобы и отсюда извлечь себѣ величайшее утѣшеніе. Такъ то, что страшно, дѣлается вожделѣннымъ по причинѣ огня, воспламеняющагося въ душѣ: *въ поученіи моемъ разгорится огнь*. Поэтому за столь великое наказаніе
578 ожидай великихъ возмездій, многихъ наградъ, невыразимыхъ воздаяній, свѣтлыхъ и весьма цвѣтущихъ вѣнцовъ за столь великія состязанія, потому что не только дѣланіе чего-либо хорошаго, но и претерпѣваніе какого-либо зла влечетъ много воздаяній и великія награды. Къ рѣчи объ этомъ, очень полезной какъ для тебя, такъ и для всѣхъ, и достаточной для того, чтобы ободрить къ терпѣнію и возбудить сердце, и не позволять ему приходить въ изнеможеніе при трудахъ, сопряженныхъ съ перенесеніемъ страданій, я теперь и обращусь.

6. Итакъ, что уныніе тягостнѣе всѣхъ бѣдствій, что оно — вершина и глава несчастій, это достаточно доказало наше слово; поэтому остается сдѣлать сравненіе добродѣтелей и страданій, чтобы ты ясно поняла, что вознагражденія назначены не только за добродѣтели, но и за страданія, и вознагражденія очень великія, и за страданія не меньше, чѣмъ за добродѣтели, а скорѣе иногда даже бóльшія — за страданія. Введемъ, если угодно, великаго борца терпѣнія, блиставшаго и тѣмъ и другимъ, адаманта, скалу, хотя бывшаго въ странѣ Авситидійской, но освѣтившаго всю вселенную полнотою своей добродѣтели, и скажемъ какъ объ его добродѣтеляхъ, такъ и страданіяхъ, чтобы тебѣ знать, чѣмъ онъ сильнѣе просіялъ. Итакъ, какія его добродѣтели? Домъ мой, говоритъ онъ, былъ открытъ для всякаго пришедшаго и былъ общимъ пристанищемъ для странниковъ (Іов. XXXI, 32). Почти всѣми своими благами онъ владѣлъ для нуждающихся. Я былъ, говоритъ, глазомъ слѣпыхъ и ногою хромыхъ. *Азъ быхъ отецъ*

немощнымъ, распрю же, ея же не вѣдяхъ, изслѣдихъ: и *сотрохъ членовныя неправедныхъ*, и *отъ среды зубовъ ихъ грабленіе изъяхъ* (Іов. XXIX, 15—17). *Немощніи же, аще когда чесого требоваху, не неполучиша* (XXXI, 16). И не вышелъ никто *изъ дверей моихъ тщимъ нѣдромъ* (ст. 34). Замѣтила ты различные виды человѣколюбія, разнообразныя пристани милостыни, замѣтила, какъ онъ помогаетъ нуждающимся всякимъ способомъ? Видишь, какъ онъ облегчаетъ бѣдность, покровительствуетъ вдовѣ, защищаетъ обижаемыхъ, страшенъ для оскорбляющихъ? Онъ показывалъ усердіе не до такой только степени, что былъ готовъ оказать помощь и быть союзникомъ (это свойственно многимъ), но и доводитъ дѣло до конца, и притомъ съ большимъ рвеніемъ. *Сотрохъ членовныя неправедныхъ*, говоритъ онъ, противопоставляя сварливости тѣхъ свою собственною предусмотрительность. Онъ противопоставилъ свою заботливость не только злобѣ людей, но даже и кознямъ природы, исправляя ея погрѣшности избыткомъ своей помощи. Такъ какъ онъ не могъ возвратить имъ членовъ, слѣпымъ—глазъ, хромымъ—ногъ, то былъ для нихъ вмѣсто членовъ, и тѣ, у кого были попорчены глаза и повреждены голени — одни чрезъ него видѣли, другіе ходили. Что могло бы быть равнымъ этому его человѣколюбію? Ты знаешь и остальныя его добродѣтели,—чтобы мнѣ, перечисляя все, не удлиннить рѣчи, снисходительность, кротость, благоразуміе, справедливость, — знаешь, какъ онъ, будучи суровымъ для поступающихъ несправедливо (это, конечно, удивительно), былъ ласковъ и кротокъ, и слаще самаго меда какъ 579
для всѣхъ остальныхъ, такъ и для своихъ слугъ, которые, являя великое доказательство любви, какою они его любили, говорили *кто далъ бы намъ отъ плотей его насытитися* (Іов. XXXI, 31)? Если же онъ былъ до такой степени вожделѣннымъ и для слугъ, въ отношеніи къ которымъ часто необходимо быть и страшнымъ, то гораздо болѣе онъ былъ вожделѣннымъ для всѣхъ остальныхъ людей.

7. Итакъ, собравши это и больше этого, иди сюда вмѣстѣ со мной къ перечисленію его страданій, и, сравнивъ, посмотримъ, когда онъ былъ болѣе славнымъ, — тогда ли, когда онъ проявлялъ тѣ добрѣтели, или — когда терпѣлъ скорби, доставлявшія ему большое уныніе? Итакъ, когда Іовъ былъ болѣе славнымъ? Тогда ли, когда онъ открывалъ свой домъ всѣмъ приходящимъ, или — когда онъ, послѣ того какъ домъ обрушился, не произнесъ ни одного горькаго слова, но прославилъ Бога? Однако, одно было добродѣтель, а другое — страданіе. Когда онъ былъ болѣе сіяющимъ, скажи мнѣ, — тогда ли, когда онъ приносилъ жертвы за дѣтей и сближалъ ихъ между собою въ цѣляхъ единомыслія,

или — когда онъ, послѣ того какъ они были засыпаны и окончили жизнь самымъ горькимъ видомъ смерти, перенесъ случившееся съ большою мудростію? Когда онъ лучше заблисталъ, — тогда ли, когда отъ стрижки овецъ его нагрѣвались плечи обнаженныхъ, или — когда, услышавши, что огонь упалъ съ неба и истребилъ стадо вмѣстѣ съ пастухами, онъ не смутился этимъ, не пришелъ въ замѣшательство, но кротко снесъ несчастіе? Когда онъ былъ болѣе великимъ, — тогда ли, когда пользовался здоровьемъ тѣла для защиты обижаемымъ, сокрушая челюсти неправедныхъ, исторгая изъ зубовъ ихъ похищенное ими, и былъ пристанищемъ для угнетаемыхъ, или — когда видѣлъ тѣло свое, этотъ щитъ для обижаемымъ, съѣдаемымъ червями и, сидя на навозной кучѣ, самъ скоблилъ его, взявши глиняный черепокъ? *Обливаю грудіе земли гной стружа*, говоритъ онъ (Іов. VII, 5). Хотя то все были добродѣтели, а это все — страданія, однако послѣднія показали его болѣе славнымъ, чѣмъ первыя, потому что они составляли самую трудную часть состязанія, требовавшую для себя бо̀льшаго мужества, болѣе энергичной души, болѣе возвышеннаго разума и обладанія большей любовью къ Богу (чѣмъ добродѣтели). Вотъ почему, когда были только добродѣтели, діаволъ, хотя и безстыдно и совершенно разбойнически, но все же возражалъ: *еда туне Іовъ чтитъ* Бога (Іов. I, 10)? А когда приключились и несчастія, то діаволъ, закрывши свое лицо, обратился въ бѣгство, не имѣя уже возможности прикрыться даже и тѣнью какого-либо безстыднаго противорѣчія, потому что это — вершина вѣнца, это — высшая степень добродѣтели, это — ясное доказательство мужества, это — тщательнѣйшее напряженіе мудрости. И самъ этотъ блаженный Іовъ, объясняя, насколько сила унынія тягостнѣе смерти, называетъ послѣднюю покоемъ. *Смерть мужу*, говоритъ онъ, *покой* (Іов. III, 23), и проситъ ее себѣ въ качествѣ милости, чтобы только освободиться отъ унынія, говоря: *аще бо далъ бы* и *да пріидетъ прошеніе мое, и надежду мою далъ бы*
580 Богъ. *Наченъ Господь да уязвляетъ мя*, и *до конца да не убіетъ мя. Буди же ми градъ гробъ, на его же стѣнахъ скакахъ въ немъ* (Іов. VI, 8—10). До такой степени уныніе тяжелѣе всего; а чѣмъ оно тяжелѣе, тѣмъ большими сопровождается оно и воздаяніями.

8. А чтобы ты узнала и съ другой стороны, сколь велика выгода отъ страданій, даже если бы кто-нибудь пострадалъ и не изъ-за Бога (и никто да не считаетъ этого преувеличеніемъ), а все-таки страдалъ бы и переносилъ бы благородно и кротко, за все прославляя Бога, — обрати вниманіе на то, что самъ онъ не зналъ, что терпѣлъ это изъ-за Бога, однако, за это награждался вѣнцомъ, такъ какъ, и не зная причины несчастій, переносилъ

ихъ мужественно. И Лазарь, подвергшись недугу (это конечно ему случилось претерпѣть не изъ-за Бога), такъ какъ всецѣло претерпѣлъ, показалъ стойкость и мужественно перенесъ отсутствіе тѣхъ, кто прислуживалъ бы ему, перенесъ уныніе, производимое язвами, голодомъ, презрѣніемъ и жестокостью со стороны богача, — ты знаешь, сколь великіе онъ получилъ вѣнцы. Между тѣмъ, мы ничего не можемъ сказать объ его добродѣтели, — ни того, что онъ жалѣлъ бѣдныхъ, ни того, что̀ помогалъ обижаемымъ, и дѣлалъ что-нибудь хорошее въ этомъ родѣ, а знаемъ только объ его лежаніи при воротахъ богача, о болѣзни, языкахъ собакъ, презрѣніи къ нему со стороны богача, что̀ все относится къ испытыванію несчастій. И все же хотя онъ и не совершилъ чего-либо благороднаго, онъ получилъ тотъ же самый удѣлъ, что̀ и патріархъ, совершившій столь много дѣлъ добродѣтели, получилъ только за то, что мужественно переносилъ уныніе, производимое страданіями. Послѣ этого я желаю сказать и о другомъ, что хотя и кажется страннымъ, однако истинно: именно, если кто совершитъ весьма хорошее и благородное дѣло, но безъ труда, опасности и страданій, тотъ не получаетъ какой-либо большой награды. *Кійждо свою мзду пріиметъ по своему труду* (1 Кор. III, 8), не сообразно съ величиною добродѣтельнаго поступка, а соотвѣтственно тяжести претерпѣннаго имъ. Вотъ почему и Павелъ, хвалясь, хвалится не только доброю дѣятельностью и совершеніемъ чего-либо благороднаго, но и перенесеніемъ несчастій. Произнесши слова: *служителіе Христовы суть, не въ мудрости глаголю, паче азъ* (2 Кор. XI, 2—3), и стараясь путемъ сравненія показать свое превосходство надъ ними, онъ не сказалъ: столь многимъ и столь многимъ я проповѣдывалъ, но, пропустивъ, что совершилъ онъ добродѣтельнаго, исчисляетъ страданія, какія потерпѣлъ онъ, говоря: *въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертехъ многащи. Отъ іудей пятькраты четыредесять разѣ единыя пріяхъ, трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся со мною, нощь и день во глубинѣ сотворихъ. Въ путныхъ шествіихъ множицею: бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи. Въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, и наготѣ. Кромѣ внѣшнихъ нападеніе* на меня *еже по вся дни* (2 Кор. XI,23 — 28).

9. Видишь рядъ страданій и поводы къ похвальбѣ? Затѣмъ онъ присоединяетъ къ нимъ дѣла добродѣтели, но и здѣсь опять большее превосходство принадлежитъ страданію, а не подвигамъ добродѣтели. Сказавъ: *нападеніе* на меня *еже по вся дни*, т. е. го- 581

воря о постоянныхъ заключеніяхъ въ тюрьму, безпокойствахъ, опасностяхъ (это и значитъ выраженіе: нападеніе на меня), онъ присоединилъ: *попеченіе всѣхъ церквей* (2 Кор. xi, 28). Не сказалъ: исправленіе, но *попеченіе*, что болѣе относилось къ страданію, чѣмъ къ дѣламъ добродѣтели. Подобнымъ образомъ и слѣдующія слова: *кто изнемогаетъ*, говоритъ онъ, *и не изнемогаю* (ст. 29)? Не сказалъ: исправляю, но: *изнемогаю,* и опять: *кто соблазняется и азъ не разжизаюся?* Не сказалъ: я освободилъ отъ соблазна, но: я сдѣлался участникомъ въ уныніи. Потомъ, показывая, что все это въ особенности сопровождается наградами, присоединилъ: *аще хвалитися подобаетъ, о немощи моей похвалюся* (ст. 30). Дальше опять прибавляетъ въ томъ же родѣ: бѣгство чрезъ окно, съ помощью корзины, по стѣнѣ, — а это опять было страданіе. Итакъ, если страданія несутъ великія награды, а уныніе тягостнѣе и мучительнѣе всякихъ страданій, то подумай, сколь велики воздаянія. Не перестану постоянно повторять тебѣ это, чтобы исполнить теперь то, что я пообѣщалъ вначалѣ, именно, чтобы изъ самаго унынія заимствовать размышленія, которыя рождали бы тебѣ облегченіе унынія.

А чтобы ты и съ другой стороны поняла, какъ прекрасно дѣлать что-нибудь со страданіями и сколь далеко отъ этого исполнять то же самое безъ труда, прими къ свѣдѣнію слѣдующее. Навуходоносоръ, царь вавилонскій, владѣвшій царскими скипетрами и діадемами, нѣкогда возвѣстилъ слово благовѣстія, именно: послѣ событія въ печи и извѣстнаго чуда онъ принялъ на себя дѣло проповѣди во вселенной, не только языкомъ, но и письмами, и во всѣ стороны земли писалъ такъ: *Навуходоносоръ царь всѣмъ людемъ, племеномъ и языкомъ*, живущимъ *во всей земли, миръ вамъ да умножится. Знаменія и чудеса, яже сотвори со мною Богъ Вышній, угодно быстъ предо мною возвѣстити вамъ, коль великая и крѣпкая: царство Его царство вѣчное, и власть Его въ родъ и родъ* (Дан. ш, 98—100). И сдѣлалъ постановленіе, что всякій народъ, племя, языкъ, если скажетъ даже слово противъ Бога Сидраха, Мисаха и Авденаго, погибнетъ, и домъ его преданъ будетъ разграбленію. И присоединяетъ: *понеже нѣсть Бога другаго, иже возможетъ избавити лице* (ст. 96). Видишь угрозу въ письмахъ? Видишь страхъ? Видишь наставленіе? Видишь высокаго вѣстника и письма, разсѣянныя по всей вселенной? Итакъ, что же, скажи мнѣ? Получитъ ли онъ одну и ту же награду съ апостолами за то, что такимъ образомъ возвѣстилъ о силѣ Бога, за то, что проявилъ такое великое усердіе всюду возвѣстить слово? Не получитъ даже и самой незначительной части ея, но меньшую послѣдней въ безконечной степени. Однако, онъ совершилъ то же самое дѣло, что и они. Но такъ какъ

здѣсь нѣтъ сопряженнаго съ благовѣстіемъ труда и страданій, 582
то и воздаяніе уменьшается. Одинъ дѣлалъ это, опираясь на власть и безъ опасенія, а другіе, совершая проповѣдь, встрѣчали препятствія, были гонимы, подвергались мученію, бичеваніямъ, бѣдствовали, были низвергаемы, бросаемы въ море, изнуряемы голодомъ, ежедневно умирали, терзаясь душою своей, болѣя съ каждымъ изъ больныхъ, воспламеняясь съ каждымъ изъ соблазняющихся; вотъ за эти труды, и въ особенности за уныніе, и были имъ назначены очень большія награды. *Кійждо*, говорится, *свою мзду пріиметъ, по своему труду* (1 Кор. III, 8): не перестану постоянно повторять этого. Вотъ почему человѣколюбивый Богъ, несмотря на то, что Павелъ часто молилъ освободить его отъ страданій и унынія, и скорби, и опасностей, не исполнилъ его желанія. *О семъ трикраты Господа молихъ*, говоритъ Павелъ (2 Кор. XII, 8), и не имѣлъ успѣха въ просьбѣ. Въ самомъ дѣлѣ, за что онъ долженъ былъ получить величайшія награды? За то, что проповѣдывалъ безъ труда, проводя спокойную и радостную жизнь? За то, что раскрывалъ ротъ и, сидя дома, приводилъ въ движеніе языкъ? Но это было бы легко и первому встрѣчному, и человѣку очень лѣнивому, и ведущему жизнь изнѣженную и распущенную. А теперь вполнѣ несомнѣнно получитъ воздаянія и вѣнцы за раны, за разные виды смерти, за бѣгство по землѣ и по морю, за самое уныніе, за слезы, за скорби (*три лѣта*, говорится, *нощь и день не престаяхъ уча со слезами единаго когождо васъ*,— Дѣян. XX, 31).

10. Итакъ, соображая и помышляя о томъ, какъ велика польза отъ скорбной и полной труда жизни, радуйся и веселись, такъ какъ ты съ юнаго возраста шла по пути прибыльному и полному безчисленныхъ вѣнцовъ и среди безпрерывныхъ и сильныхъ страданій. Въ самомъ дѣлѣ, тебя не переставала постоянно осаждать болѣзнь тѣла различныхъ видовъ и свойствъ, болѣзнь болѣе тяжелая, чѣмъ безчисленные виды смерти; безчисленныя ругательства, оскорбленія и ябеды не переставали устремляться противъ тебя; сильные (наконецъ) и непрерывные приступы унынія и источники слезъ постоянно обезпокоивали тебя. Каждое изъ этихъ (страданій) само по себѣ было въ состояніи принести большую пользу претерпѣвшимъ. Такъ Лазарь изъ-за одной только болѣзни получилъ одинаковый удѣлъ съ патріархомъ, и злословіе фарисея принесло мытарю оправданіе, которое превосходило оправданіе фарисея; равнымъ образомъ, и глава апостоловъ слезами излѣчилъ язву своего тяжкаго грѣха. Итакъ, когда каждое изъ вышеуказанныхъ страданій, даже и въ отдѣльности только взятое, кажется достаточнымъ (для принесенія страдальцу большой пользы), то подумай, сколь великія награды получишь сама ты, претер-

пѣвши всѣ вмѣстѣ страданія съ большимъ превосходствомъ и притомъ перенося ихъ постоянно. Ничто вѣдь, ничто не дѣлаетъ людей такъ славными и достойными удивленія, и ничто такъ не преисполняетъ безчисленныхъ благъ, какъ множество искушеній, опасности, труды, скорби унынія, постоянныя козни даже и со стороны тѣхъ, отъ кого никоимъ образомъ не слѣдовало бы этого ожидать, если все это притомъ кротко переносится. Такъ и сына Іакова ничто не сдѣлало такъ блаженнымъ и славнымъ, какъ тог-
583 дашняя клевета, темница, и узы, и происшедшее отсюда несчастіе. Конечно велика и добродѣтель его цѣломудрія, когда онъ одержалъ верхъ надъ египетскою распущенностью и оттолкнулъ отъ себя ту жалкую женщину, призывавшую его къ беззаконному сожительству; но не такъ велико это, какъ страданія. Въ самомъ дѣлѣ, что похвальнаго, скажи мнѣ, не совершить прелюбодѣянія, не разрушить чужого брака, не осквернить брачнаго ложа, отнюдь ему не принадлежащаго, не причинить обиды своему благодѣтелю и не покрыть позоромъ дома своего начальника? Но что сдѣлало его великимъ, это, главнымъ образомъ, опасность, злоумышленіе,неистовство плѣненной страстью женщины, причиненное ему насиліе, неизбѣжная тюрьма спальни, которую приготовила ему прелюбодѣйка, сѣти, которыя она повсюду разставила, обвиненіе, клевета, темница, узы, отведеніе его въ противность всякой справедливости послѣ столь великаго подвига, за который должно было бы его увѣнчать, въ крѣпость въ качествѣ осужденнаго и подлежащаго отвѣтственности и заключеніе его вмѣстѣ съ самыми послѣдними преступниками, грязь, желѣзныя цѣпи, бѣдствіе тюрьмы. Я вижу, что онъ тогда сіялъ больше, чѣмъ — когда, сидя на египетскомъ престолѣ, раздавалъ нуждающимся хлѣбъ, уничтожалъ голодъ и дѣлался общею пристанью для всѣхъ. Тогда я вижу его болѣе сіяющимъ, когда его обнимали цѣпи на ногахъ и оковы на рукахъ, чѣмъ — когда въ блестящихъ одеждахъ онъ былъ облеченъ столь великимъ могуществомъ. Одно время было временемъ труда и дѣятельности,—я говорю о времени темницы,— а другое временемъ роскоши и отдохновенія отъ напряженій, и чести, которое доставляло большое удовольствіе, но не большую прибыль. Вотъ почему я не такъ ублажаю его, когда онъ былъ почитаемъ отцомъ, какъ прославляю, когда ему завидовали братья и когда онъ имѣлъ сожителями враговъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ юнаго его возраста была возбуждена противъ него тяжкая война изъ отцовскаго же дома, когда враждовавшіе хотя и не могли ни въ чемъ его обвинить, но томились и разрывались отъ злобы вслѣдствіе того, что онъ пользовался бо́льшимъ расположеніемъ со стороны отца, — впрочемъ законодатель Моисей сказалъ, что эта сила

любви свое начало вела не отъ добродѣтели сына, но отъ времени его рожденія. Такъ какъ онъ былъ рожденъ послѣ остальныхъ дѣтей и въ глубокой старости отца (а такія дѣти вожделѣнны, потому что они рождаются сверхъ ожиданія), поэтому и былъ любимъ. Любилъ его отецъ, говорится, *яко сынъ старости ему быть* (Быт. XXXVII, 3).

11. А написалъ это законодатель, какъ я думаю, повѣствуя не о томъ, что было, но указывая лишь предлогъ и отговорку отца. Такъ какъ онъ сталъ замѣчать, что мальчику завидуютъ, то, желая ослабить страсть братьевъ, выдумалъ причину любви, которая не рождала бы большой къ нему зависти. Что дѣйствительно не это было причиной нѣжной любви, а процвѣтающая добродѣтель души, болѣе зрѣлая, чѣмъ возрастъ, ясно изъ отношеній Іакова къ Веніамину. Въ самомъ дѣлѣ, если бы тотъ былъ любимъ по этой причинѣ, то гораздо болѣе слѣдовало бы быть любимымъ тому, кто былъ моложе его. Вѣдь онъ былъ рожденъ 584
послѣ Іосифа, и скорѣе этотъ былъ для него сыномъ старости. Но, какъ я и сказалъ, это былъ вымыселъ отца, желавшаго прекратить братскую войну; однако, и такимъ образомъ онъ былъ не въ силахъ достигнуть цѣли, напротивъ пламя разгоралось еще сильнѣе. И такъ какъ до поры они ничего не были въ силахъ сдѣлать, то наносили ему гнусное безчестіе, взводили постыдное обвиненіе; такимъ образомъ братья предупредили варварскую женщину и явились гораздо худшими, чѣмъ она. Та была безчестною въ отношеніи къ чужому, а эти въ отношеніи къ брату. Даже и здѣсь они не остановились въ проявленіи своей порочности, но вели борьбу все дальше и дальше, и, взявши одного въ пустынѣ, хотѣли убить, затѣмъ продали, сдѣлали рабомъ вмѣсто свободнаго, и притомъ продали въ самое горькое рабство. Вѣдь даже и не иноплеменникамъ какимъ-нибудь отдали они брата, а варварамъ, говорившимъ другимъ языкомъ и уходившимъ въ варварскую страну; Богъ же, намѣреваясь сдѣлать его болѣе славнымъ, выносилъ, когда это происходило, и долго терпѣлъ, когда однѣ опасности смѣняли другія. Послѣ зависти и постыдной клеветы они предали его убіенію и рабству, болѣе тяжелому, чѣмъ убіеніе. Не пробѣги съ небрежностью мимо того, что сказано, но поразмысли, каково было благородному мальчику, воспитанному въ отцовскомъ домѣ со всякою свободою, съ такой любовью отца, вдругъ быть проданнымъ братьями, которые ни въ чемъ не могли его обвинить, и быть выдану иноплеменникамъ иноязычнымъ и свирѣпымъ, которые скорѣе были звѣрями, чѣмъ людьми; каково было сдѣлаться ему изгнанникомъ и переселенцемъ, рабомъ и чужеземцемъ вмѣсто

свободнаго и гражданина, и, насладившись столь великимъ счастіемъ, впасть въ самое крайнее бѣдствіе рабства, будучи совершенно къ нему непривычнымъ, получить самыхъ жестокихъ господъ и быть отведеннымъ въ чужую и варварскую землю. Но и здѣсь несчастія не остановились; напротивъ, послѣ тѣхъ дивныхъ сновидѣній, предвозвѣщавшихъ поклоненіе ему братьевъ, опять одни злоумышленія смѣнили другія. Въ самомъ дѣлѣ, эти купцы, взявши его, не удержали у себя, но опять продали его другимъ, худшимъ варварамъ. Ты знаешь, что значитъ въ разсужденіи несчастія вымѣнивать однихъ господъ на другихъ. Когда пріобрѣтающіе опять чужеземцы, и притомъ болѣе суровы, чѣмъ прежніе владѣльцы, то это дѣлаетъ рабство болѣе тяжкимъ. Такимъ образомъ, онъ оказывается въ Египтѣ, томъ Египтѣ, который тогда велъ войну съ Богомъ и неистовствовалъ, откуда являлись безстыдныя уста, откуда богохульные языки. И онъ оказывается у египтянъ, изъ которыхъ и одинъ только былъ въ состояніи сдѣлать великаго Моисея бѣглецомъ и изгнанникомъ. Послѣ того, какъ онъ тамъ немного успокоился, такъ какъ человѣколюбивый Богъ, чудно устрояющій дѣла, сдѣлалъ дикаго звѣря, купившаго его, овцой, тотчасъ опять начали приготовляться для него арена, ристалище, и борьба, и состязанія, и труды, болѣе сильные, чѣмъ прежніе. Госпожа, увидѣвши его беззаконными глазами и покоренная красотой его лица, и совсѣмъ плѣненная страстью, вслѣдствіе этого необузданнаго любовнаго влеченія къ нему сдѣлалась львицею вмѣсто женщины. И опять врагомъ былъ сожитель, имѣя къ тому предлогъ противоположный предлогу прежнихъ его враговъ, потому что тѣ выгнали его изъ дома по
585 ненависти, а эта—любя и сожигаемая страстью къ юношѣ; и произошла двойная, лучше же тройная и многообразная война. |Въ самомъ дѣлѣ, въ виду того, что онъ перепрыгнулъ чрезъ сѣти и въ краткій моментъ времени разсѣкъ петлю, не подумай, что онъ совершилъ этотъ подвигъ безъ труда: онъ вытерпѣлъ дѣйствительно великій трудъ.

12. И если хочешь ясно понять и это, поразмысли, что такое молодость и цвѣтущая пора юности. Онъ былъ тогда въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, когда пробуждается очень сильное пламя природы, когда поднимается большая буря страсти, когда разсудокъ дѣлается болѣе слабымъ. Вѣдь души юношей ограждаютъ себя не очень большимъ благоразуміемъ и не проявляютъ большого рвенія къ добродѣтели; между тѣмъ буря страстей бываетъ очень тяжкою, а управляющій страстями разсудокъ слабымъ. Вмѣстѣ же съ природою и возрастомъ была къ тому же сильная необузданность и женщины. И подобно тому, какъ тѣ

персидскія руки зажигали съ большимъ усердіемъ вавилонскую печь, доставляя огню обильную пищу и бросая въ пламень разнообразныя воспламеняющія средства, — такъ точно и тогда та жалкая и несчастная женщина зажигала пламя болѣе тягостное, чѣмъ та печь,—женщина, отъ которой пахло благовоніями, которая околдовывала юношу подрумяненными щеками, подкрашенными глазами, изнеможеннымъ голосомъ, движеніями, сладострастною походкою, мягкими одеждами, золотыми украшеніями и другими подобными безчисленными чарами. Какъ искусный охотникъ, намѣреваясь овладѣть трудно уловимымъ животнымъ, пускаетъ въ ходъ всѣ орудія своего искусства, такъ точно и она, зная цѣломудренность юноши (потому что въ теченіе такого времени она не могла оставаться незамѣченною), пришла къ рѣшенію, что для плѣненія юноши ей нужно большое вооруженіе, и потому употребляла въ дѣло всѣ оружія необузданности. Даже и этими одними она не довольствовалась, но выжидала удобнаго времени и мѣста, удобнаго для охоты. Поэтому, плѣненная страстью, она не тотчасъ сдѣлала нападеніе, но ждала долгое время, страдая этою безчестною страстью и приготовляясь, боясь, чтобы, вслѣдствіе поспѣшности и небрежно обдуманныхъ ея замысловъ, добыча не ускользнула. И однажды, найдя его одного только въ домѣ, исполнявшаго обычныя дѣла, она, наконецъ, копаетъ глубочайшую пропасть и, отовсюду распростерши крылья удовольствія, какъ бы уже имѣя юношу въ сѣтяхъ, входитъ, напавъ одна на одного; лучше же не одна, потому что она имѣла себѣ помощниками и возрастъ, и природу, и свои орудія; наконецъ она насильно влечетъ этого благороднаго юношу къ беззаконному дѣлу. Что тяжелѣе этого искушенія? Какой печи и пламени не сильнѣе это, — чтобы цвѣтущій юноша, рабъ, одинокій, изгнанный изъ отечества, чужеземецъ, переселенецъ, захваченный въ такомъ уединеніи (потому что и это также ведетъ къ таковому плѣненію) столь сладострастною и неистовствующею госпожою, столь богатою и облеченною такимъ великимъ могуществомъ, былъ ею удерживаемъ, и обольщаемъ, и ведомъ къ господскому ложу, и это послѣ столь великихъ опасностей и злокозненій? Вѣдь ты знаешь, что большинство людей, когда случится быть искушенными бѣдствіями и находиться въ несчастіяхъ, а потомъ призванными къ роскоши и покою и жизни изнѣженной и распущенной, бѣгутъ на зовъ очень охотно. Но не таковъ этотъ; напротивъ, онъ твердо стоялъ, во всемъ показывая свою твердость. 586
Я смѣло могъ бы назвать равными между собою эту спальню и вавилонскую печь, и Даніиловъ ровъ со львами, и чрево морского звѣря, въ которое попалъ пророкъ, скорѣе же я назвалъ бы

ее даже гораздо болѣе тяжелою, чѣмъ тѣ. Тамъ побѣда со стороны злоумышленія была погибелью тѣла, здѣсь же совершенною гибелью души и смертью безсмертною, несчастіемъ, не имѣющимъ облегченія. Здѣсь былъ не только опасный этотъ ровъ, но и то, что вмѣстѣ съ насиліемъ и коварствомъ (эта спальня) была полна великаго ласкательства, сильнаго и различнаго, многообразнаго огня, не тѣло жгущаго, но сожигающаго самую душу. Указывая на это самое, Соломонъ, который въ особенности точно зналъ, каково сходиться съ женщиною, имѣющею мужа, говоритъ: *вяжетъ ли кто огнь въ нѣдра, ризъ же не сожжетъ ли? Или ходити кто будетъ на угліяхъ огненныхъ, ногъ же не сожжетъ ли? Тако* входящій *къ женѣ мужатѣй* и *всякъ прикасайся ей* не будетъ оставленъ безъ наказанія (Притч. VI, 27—29). Смыслъ его словъ таковъ: какъ невозможно, говоритъ онъ, чтобы кто-нибудь, находясь въ огнѣ, не горѣлъ, такъ невозможно и то, чтобы кто-нибудь, находясь въ связи съ женщинами, избѣжалъ происходящаго отсюда воспламененія. Этотъ же перенесъ то, что было гораздо болѣе тяжело. Самъ онъ не коснулся ея, но тою былъ удерживаемъ, схваченный одинъ только одною, и это послѣ того, какъ онъ былъ приведенъ въ изнеможеніе столь великими уже бѣдствіями, изнуренъ такими злыми кознями и желалъ успокоенія и безопасности.

13. И все-таки, находясь въ такихъ сѣтяхъ и видя, что на него нападаетъ многообразный звѣрь и всячески терзаетъ его— прикосновеніемъ, голосомъ, глазами, румянами, подкрашиваніемъ, посредствомъ золотыхъ вещей, благовоній, одеждъ, обращеній, словъ, наряда, въ который она была облечена, посредствомъ одиночества, посредствомъ того, что это оставалось скрыто отъ другихъ, посредствомъ богатства, могущества, посредствомъ того, что эта женщина вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла своимъ союзникомъ, о чемъ я прежде сказалъ, возрастъ, природу, рабство, пребываніе его въ чужой странѣ,—онъ побѣдилъ все то пламя. Я говорю, что это искушеніе много тяжелѣе и зависти братьевъ, и родственной ненависти, и продажи, и власти варваровъ, и длиннаго путешествія, и пребыванія въ чужой землѣ, и темницы, и узъ, и продолжительнаго времени, и бывшаго здѣсь бѣдствія; подлинно, опасность превышала крайніе предѣлы. А послѣ того какъ онъ избѣжалъ и этой войны, и повѣялъ здѣсь исполненный росы вѣтеръ, явившійся какъ по благодати Божіей, такъ и вслѣдствіе добродѣтели юноши,—а у него было столько спокойствія и цѣломудрія, что онъ постарался положить конецъ ея бѣшенству,—послѣ того какъ, говорю, онъ вышелъ неприкосновеннымъ, подобно юношамъ, избѣжавшимъ персидскаго племени (*и вони огненны не бяше въ нихъ*, говорится,
587 Дан. III, 94), послѣ того какъ показалъ себя великимъ борцомъ

цѣломудрія и уподобился адаманту, посмотримъ, чего онъ тотчасъ вкусилъ, и какія награды слѣдуютъ за побѣдителемъ. Опять злыя козни и пропасти, смерть и опасности, клевета и безразсудная ненависть. Въ самомъ дѣлѣ, та жалкая женщина удовлетворяетъ тогда любовь гнѣвомъ, и страсть соединяетъ со страстью, къ безстыдному влеченію присоединяетъ беззаконный гнѣвъ, и послѣ прелюбодѣянія дѣлается и человѣкоубійцею. Дыша крайней свирѣпостью и смотря кровожадными глазами, она учреждаетъ развращенный судъ, ставитъ судьею господина того юноши, своего собственнаго мужа, варвара, египтянина, и вноситъ обвиненіе безъ свидѣтеля. Она не позволяетъ обвиняемому даже и войти въ судилище, но обвиняетъ безъ опасенія, полагаясь на безразсудство и благосклонность къ ней судьи, на достовѣрность, внушаемую ея собственнымъ лицомъ, и на рабское положеніе обвиняемаго, и, сказавъ противоположное тому, что было на самомъ дѣлѣ, она побѣдила судью и склонила его вынести согласный ея желаніямъ приговоръ, осудить невиннаго и наложить тягчайшее наказаніе, и тотчасъ—темница, заключеніе и узы. И тотъ достойный удивленія мужъ былъ осужденъ, даже и не увидѣвъ судьи. И что было особенно тягостно, онъ осуждался какъ прелюбодѣй, какъ пожелавшій господскаго ложа, какъ осквернившій чужой бракъ, какъ пойманный, какъ изобличенный. И судья, и обвинительница, и послѣдовавшее наказаніе дѣлали то, что это дѣяніе во мнѣніи большинства людей, не знавшихъ истины, казалось достойнымъ довѣрія. Но ничто это не смутило юношу, и онъ не сказалъ: это ли отвѣты на сновидѣнія? это ли конецъ тѣхъ видѣній? это ли награды за цѣломудріе? Безразсудный судъ, несправедливый приговоръ, и опять безчестная молва! Какъ распутникъ, я былъ выгнанъ недавно изъ отцовскаго дома, какъ прелюбодѣй и осквернившій цѣломудріе женщины, теперь ввожусь въ темницу, и всѣ думаютъ такъ обо мнѣ. И братья, которые должны бы покланяться мнѣ (потому что такъ вѣщали сновидѣнія), находятся на свободѣ, въ безопасности и нѣгѣ, въ отечествѣ и отцовскомъ домѣ, а я, который долженъ бы царствовать надъ ними, связанъ здѣсь вмѣстѣ съ расхитителями гробницъ, вмѣстѣ съ разбойниками, вмѣстѣ съ ворами; и послѣ изгнанія изъ отечества я не освободился отъ безпокойствъ и непріятностей, но и въ чужой землѣ опять слѣдуютъ за мной пропасти и изостренные мечи. Тогда какъ сдѣлавшая это и оклеветавшая меня, и за каждый изъ обоихъ дерзкихъ поступковъ заслуживавшая бы казни, теперь ликуетъ и торжествуетъ, какъ бы увѣнчанная трофеями и блестящими наградами за побѣду,—я, ни въ чемъ не поступившій несправедливо, подвергаюсь крайнему наказанію.

Ничего подобнаго не сказалъ онъ и не подумалъ; но какъ борецъ, шествующій среди вѣнковъ, онъ радовался и веселился, не питая злобы ни къ братьямъ, ни къ прелюбодѣйкѣ. Изъ чего это видно? Изъ того, что онъ самъ однажды говорилъ одному изъ тѣхъ, кто тамъ былъ въ это время связанъ. Онъ до такой степени былъ далекъ отъ плѣненія уныніемъ, что разсѣевалъ печали и у
другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ увидѣлъ, что нѣкоторые
588 тамъ смущены, разстроены и печалятся, онъ тотчасъ подошелъ, чтобы узнать причину. И узнавъ, что безпокойство происходитъ вслѣдствіе видѣнныхъ сновъ, истолковалъ сновидѣнія. Потомъ, прося напомнить царю относительно его освобожденія,— потому что хоть онъ и былъ благороденъ, и достоинъ удивленія, но все же былъ человѣкъ и не желалъ страдать въ тѣхъ узахъ,—итакъ прося напомнить о немъ предъ царемъ и убѣдить послѣдняго освободить его изъ оковъ, и вынуждаемый при этомъ сказать и о причинѣ, по которой онъ былъ вверженъ въ темницу, чтобы и тотъ, прося за него, имѣлъ благовидный предлогъ къ защитѣ его, онъ не вспомнилъ ни о комъ изъ своихъ обидчиковъ, но, освободивши себя самого отъ обвиненій, на этомъ только и остановился и не указалъ погрѣшившихъ противъ него. Я, говоритъ онъ, *татбою украденъ быхъ изъ земли еврейскія, и здѣ ничто сотворихъ, и ввергоша мя въ ровъ сей* (Быт. XL, 15). И ради чего не говоришь ты о блудницѣ, прелюбодѣйкѣ, братоубійцахъ, зависти, продажѣ, неистовствѣ госпожи, нападеніи, ея распущенности, сѣтяхъ, хитрости, клеветѣ, неправомъ судѣ, развращенномъ судьѣ, беззаконномъ рѣшеніи, приговорѣ, не имѣющемъ основанія? Почему ты молчишь объ этомъ и скрываешь? Потому, что я не умѣю помнить зла, говоритъ онъ, такъ какъ это для меня служитъ вѣнцами и наградами, и основаніями къ вящшей пользѣ.

14. Видишь любомудрую душу? Видишь душу чистую отъ гнѣва и высшую сѣтей? Видишь, какъ онъ больше сострадаетъ обидчикамъ, чѣмъ помнитъ зло? Чтобы не выдать ни братьевъ, ни той плотоядной женщины, онъ говоритъ: *татбою украденъ быхъ изъ земли еврейскія, и здѣ ничто сотворихъ*. И нигдѣ онъ не вспоминаетъ ни о лицѣ, ни о рвѣ, ни объ измаильтянахъ, ни о чемъ-либо другомъ. Но и послѣ этого все-таки на его долю выпало необыкновенное испытаніе. Получившій отъ него столь великое утѣшеніе и освобожденный, согласно съ его предсказаніемъ, отъ узъ, и призванный къ прежней чести, забылъ о благодѣяніи и просьбѣ праведнаго. И одинъ былъ слугою въ царскихъ дворцахъ, наслаждаясь большимъ счастіемъ, а другой, сіяя свѣтлѣе солнца и испуская столь блестящіе лучи добродѣтели, жилъ еще въ темницѣ, и не было никого, кто бы напоминалъ о немъ царю.

Такъ надлежало, чтобы ему были сплетены еще большіе вѣнцы и были приготовлены еще цѣннѣйшія награды. Вотъ почему тогда устроялись и болѣе длинные пути для бѣговъ, по изволенію Бога, Который хотя и позволялъ оставаться мѣстамъ борьбы, однако не совсѣмъ покидалъ его въ опасности, а соизволялъ злоумышляющимъ обнаруживать свои козни лишь настолько, насколько нужно было, чтобы не уничтожить и борца, а равно не устранить и противника добродѣтели. Такъ, хотя Онъ попустилъ, чтобы юноша былъ ввергнутъ въ ровъ, чтобы была окровавлена его одежда, однако не позволилъ братьямъ дойти до убійства; правда, это присовѣтовалъ одинъ изъ братьевъ, но все, однако, произошло согласно божественному провидѣнію. То же случилось и въ исторіи съ египетской женщиной. Почему, въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, столь пылкій и необузданный человѣкъ (вы вѣдь знаете племя 589
египтянъ), гнѣвливый и сердитый (вѣдь и эта страсть присуща имъ съ избыткомъ), не убилъ и не предалъ тотчасъ же огню того, который, какъ онъ вѣрилъ, былъ прелюбодѣй и оскорбилъ его жену? Почему онъ, будучи до такой степени безразсуднымъ, что объявилъ приговоръ на основаніи показаній только одной стороны и не далъ обвиняемому права слова, проявилъ во время наказанія большую снисходительность, и это тогда, когда видѣлъ, что жена неистовствуетъ, бѣснуется, оплакиваетъ нанесенное ей насиліе, носитъ разорванныя одежды и оттого еще сильнѣе воспламеняется и плачетъ и вопитъ? И все-таки, ничто изъ этого не побудило его къ убійству. Какъ это возможно, скажи мнѣ? Не очевидно ли, что Кто обуздалъ львовъ и охладилъ печь, Тотъ сдержалъ безмѣрный гнѣвъ и этого звѣря и угасилъ лютое его негодованіе, чтобы, соотвѣтственно этому, умѣрилось и наказаніе? То же случилось, какъ можно видѣть, и въ темницѣ. Богъ попустилъ, чтобы Іосифъ былъ связанъ и находился вмѣстѣ съ осужденными, однако исторгъ его отъ жестокости тюремщика. Ты знаешь, что такое тюремщикъ; но къ Іосифу тогда онъ былъ милостивъ и кротокъ, и не только не угнеталъ его какими-нибудь трудами, но даже сдѣлалъ начальникомъ надъ всѣми бывшими тамъ, и это послѣ того, какъ принялъ его въ качествѣ прелюбодѣя осужденнаго, и прелюбодѣя отмѣннаго,—потому что дѣяніе это, думали, было дерзко предпринято въ отношеніи къ дому не ничтожному, но великому и блестящему. Однако, ничто это не устрашило тюремщика и не заставило его быть къ юношѣ суровымъ. Такъ и вѣнцы сплетались страданіями, и помощь Божія притекала съ великимъ изобиліемъ. Я хотѣлъ бы написать письмо еще длиннѣе, но такъ какъ и это, думаю, слишкомъ превзошло мѣру, то, закончивъ здѣсь рѣчь, я убѣждаю твое благо-

честіе, о чемъ я и всегда просилъ, удалять отъ себя уныніе, прославлять Бога, что ты всегда совершала и постоянно совершаешь, принося Ему благодареніе за всѣ эти тягости и горести. Такимъ образомъ и сама ты пріобрѣтешь величайшія блага, и діаволу нанесешь смертельный ударъ, и намъ доставишь большое утѣшеніе, и будешь въ состояніи удалить облако унынія съ большою легкостью, и насладиться невозмутимымъ покоемъ. Итакъ не ослабѣвай, но, освободившись отъ этого дыма (потому что, если захо-
590 чешь, разсѣешь все это уныніе легче дыма), опять извѣсти насъ объ этомъ, чтобы мы, находясь и вдали отъ тебя, получили отъ такого письма большую радость.

Къ ней же письмо IV-е.

1. Нисколько не безпокойся за насъ въ виду суровости зимы, болѣзни нашего желудка и набѣговъ исаврянъ, и не мучь себя заботами. Зима была, какъ обыкновеннно бываетъ въ Арменіи; больше нельзя сказать ничего, и намъ она не особенно вредитъ. Мы вѣдь, предвидя ее, принимаемъ мѣры, чтобы устранить происходящій отсюда вредъ: постоянно зажигаемъ огонь, всячески загораживаемъ комнату, гдѣ остаемся, пользуясь коврами, и все время остаемся дома. Правда, намъ это непріятно, но, въ виду проистекающей отсюда пользы, можно сносить, потому что, пока мы остаемся дома, не особенно мучимся отъ холода; а когда бываемъ вынуждены чуть выйти и побыть на свѣжемъ воздухѣ, причиняемъ себѣ немалый вредъ. Поэтому и твою честность умоляю, и какъ величайшей милости прошу, больше заботиться объ излѣченіи болѣзни твоего тѣла. Правда, и уныніе производитъ болѣзнь; но когда еще и тѣло изстрадалось и совершенно ослабѣло, и остается въ большомъ пренебреженіи, не пользуется ни врачами, ни благорастворенностью воздуха, ни обиліемъ необходимыхъ вещей, то сообрази, что отсюда бываетъ немалое приращеніе опасности. Поэтому прошу твою честность пользоваться и разными опытными врачами, и лѣкарствами, которыя могутъ устранять такого рода болѣзни. Такъ и мы за нѣсколько дней предъ этимъ, когда, вслѣдствіе состоянія воздуха, желудокъ у насъ былъ расположенъ ко рвотамъ, воспользовавшись и другими родами попеченія, а равно лѣкарствомъ, присланнымъ отъ госпожи моей, благопристойнѣйшей Синклитіи, устранили болѣзнь, не встрѣтивъ при этомъ нужды употреблять его больше трехъ дней.

Поэтому прошу тебя и самой пользоваться имъ, и позаботиться чтобы намъ опять послали его, потому что когда мы снова стали чувствовать разстройство, то опять воспользовались имъ и все исправили. Дѣйствительно, оно успокоиваетъ внутреннія воспаленія, вытягиваетъ влагу, снабжено въ подобающей мѣрѣ теплотою, влагаетъ необычайную бодрость и возбуждаетъ позывъ къ пищѣ,— 591
доказательство всему этому оно дало намъ въ нѣсколько дней. Поэтому, постарайся упросить господина моего, почтеннѣйшаго Өеофила комита, чтобы онъ опять приготовилъ и прислалъ его намъ. Пусть не печалитъ тебя то, что мы здѣсь зимуемъ, потому что теперь мы чувствуемъ себя гораздо легче и здоровѣе, чѣмъ въ прошломъ году; если бы и ты сама проявляла подобающую о себѣ заботу, то чувствовала бы себя гораздо лучше. Если же говоришь, что болѣзни у тебя родились отъ унынія, то зачѣмъ опять требуешь отъ насъ писемъ, когда нисколько не воспользовалась ими для пріобрѣтенія хорошаго расположенія духа, но до такой степени предалась власти унынія, что желаешь даже теперь переселенія изъ этой жизни? Развѣ ты не знаешь, какая великая награда назначена для благодарной души и за болѣзнь? Развѣ не часто я бесѣдовалъ съ тобой относительно этого предмета, и когда находился вмѣстѣ съ тобою, и чрезъ письма? Но такъ какъ, можетъ быть, или множество дѣлъ, или самая природа болѣзни и непрерывныя несчастія не дозволяютъ тебѣ держать сказанное постоянно въ свѣжей памяти, то послушай, какъ мы станемъ напѣвать опять то же самое язвамъ твоего унынія: *таяжде бо писати*, говоритъ апостолъ, *мнѣ убо нелѣностно, вамъ же твердо* (Филипп. III, 1).

2. Итакъ, что́ я и говорю, и пишу? Для стяжанія славы, Олимпіада, нѣтъ ничего равнаго терпѣнію, проявляющемуся при болѣзняхъ. Подлинно, эта добродѣтель царица благъ по преимуществу и вершина вѣнцовъ; и подобно тому какъ оно царствуетъ надъ остальными добродѣтелями, такъ точно и въ немъ самомъ въ особенности этотъ видъ блистательнѣе прочихъ. Сказанное, быть можетъ, неясно; поэтому поясню его. Итакъ, что же такое я говорю? Ни потеря имущества, даже если бы кто-нибудь лишился всего, что имѣлъ, ни лишеніе чести, ни изгнаніе изъ отечества и отведеніе въ чужую страну, ни мученіе трудомъ и работою, ни жизнь въ темницѣ, ни пребываніе въ узахъ, ни порицанія, бранныя рѣчи и насмѣшки,— не сочти, въ самомъ дѣлѣ, мужественнаго перенесенія всего этого даже и за малый видъ терпѣнія; а что это такъ, показываетъ Іеремія, столь великій и славный мужъ, который не мало былъ смущенъ этимъ искушеніемъ (Іер. XV),— но, продолжаю: ни это все, ни потеря дѣтей, даже если бы они

были похищены всѣ разомъ, ни непрерывно наступающіе враги, никакое другое подобнаго рода бѣдствіе, даже и самая вершина того, что считается печальнымъ, — смерть, до такой степени страшная и ужасная, не такъ тяжела, какъ тѣлесный недугъ. Показываетъ это величайшій борецъ терпѣнія, который, послѣ того какъ впалъ въ тѣлесную болѣзнь, считалъ смерть освобожденіемъ отъ тѣснившихъ его несчастій, и когда терпѣлъ всѣ другія напасти, не чувствовалъ, хотя и получалъ удары одинъ за другимъ и послѣдній изъ нихъ смертельный. Не маловажнымъ вѣдь, а напротивъ дѣломъ самой крайней злобы противъ него было то, чтобы человѣку не молодому и не впервые теперь лишь выступающему на состязанія, но уже изнуренному множествомъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ стрѣлъ, нанести смертельный ударъ чрезъ гибель дѣтей и ударъ до такой степени тяжелый, чтобы погубить дѣтей обоихъ половъ и всѣхъ разомъ, въ раннемъ
592 возрастѣ и насильственною смертью, и въ самомъ родѣ смерти приготовить имъ внезапную могилу. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не увидѣлъ ихъ ни лежащими въ постели, не лобызалъ ни рукъ ихъ, не слышалъ ни послѣднихъ словъ, не прикоснулся ни къ ихъ ногамъ и колѣнамъ, не сомкнулъ устъ, не закрылъ глазъ ихъ, когда они умирали, между тѣмъ это немало содѣйствуетъ утѣшенію отцовъ, лишающихся своихъ дѣтей; онъ не проводилъ въ могилу раньше однихъ, найдя въ другихъ, по возвращеніи, утѣшеніе своей скорби по умершимъ, — нѣтъ, онъ услышалъ, что всѣ они были засыпаны во время пира, изобиловавшаго не пьянствомъ, а любовью, за трапезой братской любви, возлежа на ложѣ, и все смѣшалось вмѣстѣ — кровь, вино, бокалы, кровля, трапеза, пыль, члены дѣтей. И все-таки когда онъ услышалъ объ этомъ и прежде того объ остальныхъ несчастіяхъ, которыя были тяжки и сами по себѣ, потому что и (все прочее) несчастнымъ образомъ погибло — и стада овецъ, и всѣ стада скота, — одни, какъ говорилъ злой вѣстникъ печальнаго происшествія, были истреблены ниспавшимъ небеснымъ огнемъ, другія всѣ разомъ были похищены различными непріятелями и убиты вмѣстѣ съ самими пастухами; и все-таки, говорю, видя такую бурю, разразившуюся въ одинъ мигъ надъ полями, надъ домомъ, надъ животными, надъ дѣтьми, видя волны, слѣдующія одна за другой, непрерывные утесы, глубокій мракъ и невыносимый напоръ волнъ, онъ не поддавался унынію и почти не замѣчалъ происшедшаго, развѣ лишь настолько, насколько онъ былъ человѣкъ и отецъ. Но когда онъ былъ преданъ болѣзни и язвамъ, тогда сталъ искать и смерти, тогда началъ и плакать и сѣтовать, чтобы ты поняла, что это всего тяжелѣе и представляетъ высочайшій видъ терпѣнія. Не

безызвѣстно это и самому злому демону. Вотъ почему, когда онъ, употребивъ всѣ тѣ средства, увидѣлъ, что борецъ остается невозмутимымъ и спокойнымъ, то устремился къ этому величайшему состязанію, говоря, что все остальное выносимо, лишится ли кто дитяти, или имущества, или чего-нибудь другого (потому что это обозначается словами: *кожу за кожу*, — Іов. II, 4), а смертельный ударъ тотъ, когда кто получитъ въ удѣлъ страданія тѣлесныя. Вотъ почему, когда онъ былъ побѣжденъ послѣ этой борьбы, онъ не могъ и голоса поднять, хотя прежде спорилъ крайне безстыдно. Здѣсь же, говорю, и онъ уже не нашелъ возможнымъ выдумать чего-нибудь безстыднаго, но удалился съ закрытымъ отъ стыда лицомъ.

3. Но если тотъ желалъ смерти, не вынося страданій, то не думай, что это для тебя служитъ оправданіемъ въ желаніи самой смерти. Въ самомъ дѣлѣ, поразмысли, когда тотъ желалъ и при какомъ положеніе дѣлъ, а именно, когда законъ не былъ данъ, пророки не являлись, благодать въ такой степени не была излита, и самъ онъ не получилъ участія въ другихъ родахъ цѣломудрія. Что дѣйствительно отъ насъ требуется больше, чѣмъ отъ жившихъ въ то время, и что намъ надлежатъ болѣе трудные подвиги, 593
послушай, какъ говоритъ объ этомъ Христосъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. V, 20). Поэтому не думай, что желаніе смерти теперь свободно отъ вины, но слушай голоса Павла, который говоритъ: *разрѣшитися и со Христомъ быти, много паче лучше: а еже пребывати во плоти, нужнѣйше васъ ради* (Филипп. I, 23—24). Чѣмъ больше усиливаются мученія, тѣмъ больше увеличиваются и вѣнцы; чѣмъ больше обжигаютъ золото, тѣмъ чище оно становится; чѣмъ обширнѣйшее море переплываетъ купецъ, тѣмъ больше собираетъ онъ товаровъ. Итакъ, не подумай, что тебѣ предлежитъ малое состязаніе, — нѣтъ, подлежитъ болѣе высокое, чѣмъ все то, что ты претерпѣла, разумѣю состязаніе по поводу болѣзни тѣла. Такъ и Лазарю (хоть я и часто говорилъ тебѣ это, но ничто не мѣшаетъ сказать то же и теперь) этого было достаточно для спасенія (Лук. XVI); и въ нѣдра того, кто открывалъ домъ для приходящихъ, кто, по повелѣнію Божію, постоянно былъ переселенцемъ, и кто заклалъ родного сына, единороднаго, даннаго въ глубокой старости, отошелъ тотъ, кто не сдѣлалъ ничего подобнаго, такъ какъ онъ легко перенесъ бѣдность и болѣзнь, и отсутствіе покровителей. Для тѣхъ, кто благородно переноситъ что-нибудь, это, дѣйствительно, столь великое благо, что Богъ, если найдетъ кого согрѣшившимъ весьма тяжко, освобождаетъ отъ тяжелаго бремени грѣховъ; а если найдетъ украшеннаго добродѣтелями и праведнаго, то и для того дѣлается при-

бавка не малаго, но даже и очень великаго дерзновенія предъ Нимъ. Такъ страданія плоти служатъ и блестящимъ вѣнцомъ для праведныхъ, сіяющимъ гораздо свѣтлѣе солнца, и величайшей очистительной жертвой для согрѣшившихъ. Вотъ почему обезчестившаго отцовскій бракъ и осквернившаго его ложе Павелъ предаетъ на погибель плоти, очищая его этимъ способомъ. Что происшедшее дѣйствительно служило очищеніемъ отъ столь великаго позора, послушай, что говоритъ апостолъ: *да духъ спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа* (1 Кор. v, 5). И обвиняя другихъ въ иномъ ужаснѣйшемъ грѣхѣ, именно недостойно вкушавшихъ святой трапезы и тѣхъ неизреченныхъ таинъ, и сказавъ, что таковой *повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни* (1 Кор. xi, 27), смотри, какъ, говоритъ онъ, и они очищаются отъ этого тяжелаго грѣха; онъ говоритъ такъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи* (ст. 30). Показывая, затѣмъ, что дѣло у нихъ не ограничится этимъ наказаніемъ, а что будетъ нѣкоторая выгода отсюда — освобожденіе отъ дачи отчетовъ за этотъ грѣхъ, онъ прибавилъ: *аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были*. Теперь же *судими отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (ст. 31—32). А что и люди, совершившіе великія добродѣтели, получаютъ отсюда большую пользу, это ясно какъ изъ жизни Іова, который по этой причинѣ засіялъ сильнѣе, такъ и изъ жизни Тимоѳея, который, будучи столь прекраснымъ и получивъ столь великое служеніе, и вмѣстѣ съ Павломъ облетая все-
591 ленную, страдалъ недугомъ не два или три дня, не десять, не двадцать, не сто, а непрерывно въ теченіе многихъ дней, когда тѣло у него изнемогло въ очень сильной степени. Указывая на это, Павелъ говорилъ: *мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тимоѳ. v, 23). И тотъ, кто воскрешалъ мертвыхъ, не исцѣлилъ его немощи, но оставилъ его въ горнилѣ болѣзни, чтобы и отсюда для него собралось величайшее богатство дерзновенія. Чего самъ онъ вкусилъ отъ Господа и чему былъ наставленъ отъ Него, тому онъ училъ и ученика, потому что если самъ и не впадалъ въ болѣзнь, то искушенія однако мучили его не меньше болѣзни и приносили плоти большое страданіе. *Дадеся ми*, говоритъ онъ, *пакостникъ плоти, аггелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ* (2 Кор. xii, 7), разумѣя удары, оковы, узы, темницы, то, что его часто водили, терзали и мучили бичами палачи. Вотъ почему онъ, не вынося страданій, приключающихся благодаря этому съ тѣломъ, говорилъ: *о семъ трикраты Господа молихъ* (подъ *трикраты* разумѣя здѣсь: *часто*), чтобы освободиться отъ этого пакостника (ст. 8). Потомъ, когда не получилъ просимаго, онъ понялъ пользу этого, успокоился и радовался по поводу про-

исходящаго. Такъ и ты, хотя и остаешься дома и пригвождена къ постели, не думай, что ведешь праздную жизнь, потому что, имѣя постояннаго и вмѣстѣ съ тобою живущаго палача — эту чрезмѣрную болѣзнь, ты терпишь страданія, болѣе тяжкія, чѣмъ тѣ, когда кого влачатъ, терзаютъ и мучатъ палачи, и кто когда терпитъ самыя крайнія бѣдствія.

4. Итакъ, не желай теперь смерти и не пренебрегай заботами о своемъ тѣлѣ, потому что и это не безопасно. Потому и Павелъ совѣтуетъ Тимоѳею тщательно заботиться о себѣ. Относительно болѣзни достаточно сказать этого. Если же разлука съ нами причиняетъ тебѣ уныніе, то ожидай конца и этому. И это я сказалъ теперь не для того, чтобы утѣшить тебя, но потому, что я знаю, что такъ непремѣнно будетъ. Если бы этому не надлежало совершиться, то я давно, думается мнѣ, умеръ бы, потому именно, что на меня потокомъ устремились испытанія. Помимо всего того, что я претерпѣлъ въ Константинополѣ, надо знать, сколько вытерпѣлъ я по удаленіи оттуда въ продолженіе этого длиннаго и труднаго пути, вытерпѣлъ такого, что̀ въ большей части способно было причинить смерть, сколько, затѣмъ, послѣ прибытія сюда, сколько послѣ переселенія изъ Кукуза, сколько послѣ пребыванія въ Арависсѣ. Но всего этого мы избѣжали и теперь здоровы и находимся въ полномъ благополучіи, такъ что всѣ и армяне изумляются, что при такомъ немощномъ и сухо- 595
щавомъ тѣлѣ я переношу такой невыносимый холодъ, что могу дышать, тогда какъ люди, привыкшіе къ зимѣ, немало страдаютъ отъ нея. Однако мы остались невредимы до сего дня, и избѣжавъ рукъ разбойниковъ, которые часто нападали, и живя при недостаткѣ вещей необходимыхъ, и не имѣя возможности пользоваться даже банею. Когда мы жили въ Константинополѣ, то постоянно имѣли въ томъ нужду, а теперь находимся въ такомъ состояніи, что даже и не желаемъ подобнаго рода утѣшенія, напротивъ, мы стали здѣсь еще и здоровѣе. Ни суровость климата, ни пустынность мѣстъ, ни скудость съѣстныхъ припасовъ, ни отсутствіе прислужниковъ, ни невѣжество врачей, ни недостатокъ бань, ни постоянное заключеніе, какъ будто въ темницѣ, въ одномъ жилищѣ, ни то обстоятельство, что я лишенъ возможности двигаться, въ чемъ я всегда имѣлъ нужду, ни постоянное пребываніе въ дыму и около огня, ни страхъ предъ разбойниками, ни постоянныя нападенія, ни другое что-нибудь въ этомъ родѣ—ничто не побѣдило насъ; напротивъ, мы чувствуемъ себя здоровѣе, чѣмъ были тамъ, но потому, однако, что тщательно заботились о себѣ. Итакъ, соображая все это, удаляй отъ себя уныніе, которое владѣетъ тобою теперь по этимъ причинамъ, и

не требуй отъ себя самой чрезмѣрныхъ и тяжелыхъ удовлетвореній. Я послалъ тебѣ, что я недавно написалъ, именно, что, кто не поступаетъ несправедливо съ собою, тому не въ силахъ будетъ повредить никто другой; и разсужденіе, которое я послалъ теперь твоей честности, преслѣдовало эту именно цѣль. Итакъ, постоянно пробѣгай его, а когда бываешь здорова, читай и вслухъ. Это будетъ для тебя, если захочешь, достаточнымъ лѣкарствомъ. Если же станешь спорить съ нами и не будешь заботиться о себѣ, и, несмотря на безчисленныя убѣжденія и увѣщанія, которыми можешь ты пользоваться, не пожелаешь подняться изъ болотъ унынія, то неохотно и мы будемъ откликаться и отправлять тебѣ частыя и длинныя письма, если ты не намѣреваешься получать изъ нихъ какую-нибудь пользу для пріобрѣтенія хорошаго расположенія духа. Какъ же мы узнаемъ это? Узнаемъ, если ты будешь не говорить, а если станешь показывать дѣлами, потому что и теперь ты говорила, будто не иное что, а уныніе причинило тебѣ эту болѣзнь. Такъ какъ ты сама слѣдовательно призналась въ этомъ, то, если не освободишься отъ болѣзни, мы не повѣримъ, что освободилась и отъ унынія. Въ самомъ дѣлѣ, если оно причиняетъ болѣзнь, какъ и сама ты извѣстила, то очевидно, что, по удаленіи его, уничтожена будетъ и болѣзнь; по извлеченіи корня, погибаютъ и его отпрыски, такъ что, если они останутся цвѣтущими и полными силъ, и будутъ приносить неподобающій плодъ, то мы не можемъ быть убѣждены, что ты освободилась отъ корня. Поэтому покажи мнѣ не слова, а дѣла, и если будешь здорова, то увидишь, что опять будутъ посылаться тебѣ письма, превосходящія мѣру словъ. Не считай также малымъ для тебя утѣшеніемъ, что мы живы, что здоровы, что, находясь въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, мы освободились отъ болѣзни и недуга, что, какъ я узналъ, очень печалитъ и огорчаетъ нашихъ враговъ. Соотвѣтственно этому и вамъ слѣдуетъ считать
596 это величайшимъ ободреніемъ, и главнымъ утѣшеніемъ. Не называй одинокими твоихъ спутниковъ, которые теперь, благодаря страданіямъ, какія они терпятъ, еще болѣе начертаны въ небесахъ. Я очень скорбѣлъ изъ-за монаха Пелагія [1]). Поразмысли, поэтому, сколь великихъ вѣнцовъ достойны тѣ, кто стоитъ благородно на своемъ посту, когда даже мужи, проводившіе жизнь въ столь великихъ аскетическихъ подвигахъ и отличавшіеся выносливостью въ трудахъ, оказываются такъ легко поддающимися обману.

---

[1]) Подъ этимъ Пелагіемъ нѣкоторые разумѣютъ ересіарха.

Къ ней же письмо V-е.

Усилились ваши мученія, устроены опять болѣе широкія мѣста борьбы, болѣе длинные бѣга въ ристалищахъ, въ большее пламя раздувается гнѣвъ злоумышляющихъ противъ васъ. Но не надо смущаться и пугаться, напротивъ, потому-то въ особенности и слѣдуетъ радоваться и веселиться, увѣнчиваться и ликовать. Если бы вы въ предшествующее время не нанесли діаволу смертельныхъ ударовъ, то этотъ звѣрь не разсвирѣпѣлъ бы до такой степени, чтобы пойти дальше. То, что онъ нападаетъ и набрасывается сильнѣе, что онъ проявляетъ больше безстыдства и обильнѣе изливаетъ ядъ, служитъ, слѣдовательно, доказательствомъ какъ вашего мужества и побѣды, такъ и горшаго его пораженія. Такъ было и въ отношеніи къ блаженному Іову; и тогда діаволъ послѣ того какъ былъ побѣжденъ въ дѣлѣ лишенія праведника имущества и отнятія дѣтей, давая ясное доказательство, что получилъ тяжелыя раны, устремился къ главѣ бѣдствій—осадѣ плоти, источнику червей, хору ранъ,—это я называю хоромъ, вѣнцомъ, и роемъ безчисленныхъ наградъ. Даже и здѣсь онъ не остановился; нѣтъ, когда у него не оставалось никакого другого подобнаго средства (потому что онъ навлекъ ту болѣзнь, какъ крайній предѣлъ несчастій), онъ опять сталъ пускать въ ходъ и другія хитрости, вооружая жену, подстрекая друзей, возбуждая и дѣлая дерзкими слугъ, растравляя всѣмъ этимъ его раны. То же самое не перестаетъ онъ предпринимать и теперь, впрочемъ на свою же голову, потому что благодаря этому ваши дѣла съ каждымъ днемъ становятся блистательнѣе, величественнѣе и свѣтлѣе, богатство ваше пріумножается еще больше, выгоды еще изобильнѣе, являются другъ за другомъ непрерывные вѣнцы, чрезъ самыя несчастія много возрастаетъ ваше мужество, и козни враговъ укрѣпляютъ ваше терпѣніе. Такова природа мученія; тѣхъ, кто кротко и благородно переноситъ его, оно дѣлаетъ выше несчастій, выше стрѣлъ діавола, и научаетъ презирать злыя козни. Такъ и деревья, растущія въ тѣни, бываютъ слабѣе и меньше способны къ рожденію плодовъ, тѣ же, которыя испытываютъ разныя перемѣны воздуха и подвергаются нападеніямъ вѣтровъ и жару солнечнаго луча, становятся крѣпче, изобилуютъ листьями, и гнутся подъ тяжестью плодовъ. Такъ бываетъ обыкновенно и на морѣ. Тѣ, кто впервые взошли на корабль, хотя бы они были и очень мужественны, вслѣдствіе своей неопытности смущаются, безпокоятся, подвергаются головокруженіямъ, а кто переплыли много морей, 597

кто перенесли много бурь и подводныхъ скалъ и утесовъ, нападенія морскихъ звѣрей, и злоумышленія морскихъ разбойниковъ и пиратовъ, кто выносили непрерывныя морскія бури, тѣ сидятъ на кораблѣ съ большей отвагой, чѣмъ иные ходятъ по землѣ, садясь не внутри у основанія корабля, но и на самыхъ его бортахъ, стоя безъ боязни и на носу, и на кормѣ; равно и тѣ, которые сначала на глазазъ всѣхъ лежали съ дрожью и страхомъ, послѣ того какъ испытаютъ большую бурю, и канатъ влекутъ, и паруса растягиваютъ, и за весла берутся, и смѣло бѣгаютъ по всему кораблю. Итакъ, ничто изъ приключающагося да не смущаетъ васъ. Враги невольно поставили насъ въ такое состояніе, что мы не можемъ потерпѣть зла. Истративши всѣ свои стрѣлы, они этимъ не достигли ничего большаго, кромѣ того, что подвергли себя безчестію и насмѣшкамъ, и всюду являются, какъ общіе враги вселенной. Таково возмездіе злоумышляющимъ, таковъ конецъ войнъ. Ахъ, какъ велика добродѣтель и презрѣніе настоящихъ вещей! Чрезъ злоумышленія она получаетъ пользу, чрезъ злоумышляющихъ увѣнчивается, чрезъ дѣлающихъ зло она начинаетъ блистать сильнѣе, чрезъ пытающихся уничтожить ее она дѣлаетъ слѣдующихъ за ней болѣе сильными, болѣе возвышенными, непокоримыми, непреодолимыми, не имѣющими нужды ни въ оружіи, ни въ копьяхъ, ни въ стѣнахъ, ни во рвахъ, ни въ башняхъ, ни въ деньгахъ, ни въ войскахъ, но только въ твердой волѣ и постоянной душѣ, и посрамляетъ всякое человѣческое злоумышленіе.

2. Итакъ, моя боголюбезнѣйшая госпожа, постоянно твердя это и себѣ самой, и тѣмъ, которыя вмѣстѣ съ тобою ведутъ эту прекрасную борьбу, возбуждай души всѣхъ, набирай свой боевой строй, чтобы для тебя былъ двойной и тройной и многократный вѣнецъ добродѣтели, какъ за то, что сама терпишь, такъ и за то, что и другихъ побуждаешь къ тому же; убѣждай ихъ кротко переносить все и пренебрегать тѣнями, презирать обманъ сновидѣній, попирать грязь, и вовсе не говорить о дымѣ, не думать, что вамъ въ тягость паутины, и бѣжать мимо гніющей травы. А именно всѣмъ этимъ, да и того еще ничтожнѣе, является суета человѣческаго благоденствія. И не легко можно найти образъ, который точно выражалъ бы суету его. Кромѣ этого своего ничтожества, оно приноситъ еще тѣмъ, кто сильно жаждетъ его, и немалый вредъ, не только въ будущемъ вѣкѣ, но и въ настоящей жизни, и даже въ тѣ самые дни, когда имъ повидимому наслаждаются. Подобно тому, какъ добродѣтель, въ то самое время, когда она подвергается нападенію, торжествуетъ и процвѣтаетъ, является болѣе свѣтлою, такъ и порокъ, въ то са-

мое время, когда ему прислуживаютъ и льстятъ, обнаруживаетъ свое безсиліе и дѣлаетъ себя предметомъ большого смѣха и крайняго осмѣянія. Что, въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, было болѣе достойно сожалѣнія, чѣмъ Каинъ, и именно въ то самое время, 598
когда онъ, казалось, одолѣлъ брата и одержалъ надъ нимъ верхъ, и былъ исполненъ злобы и гнѣва, гнѣва беззаконнаго и гнуснаго? Что порочнѣе той десницы, которая, казалось, побѣдила, десницы, которая нанесла ударъ и совершила убійство, и того постыднѣйшаго языка, который замыслилъ хитрость и распростеръ сѣти? И зачѣмъ я говорю о членахъ, совершившихъ убійство? Все тѣло несло наказаніе, будучи постоянно предано стенанію, страху. О, дивное дѣло! О, необычайная побѣда! О, неслыханный трофей! Закланный и лежащій мертвымъ увѣнчивался и прославлялся, а побѣдившій и одержавшій верхъ оставался не только не увѣнчаннымъ, но за эту-то самую побѣду и былъ караемъ и предавался невыносимымъ наказаніямъ и постоянному мученію; пораженный и умершій обвинялъ того, кто двигался, жилъ и говорилъ, безгласный обвинялъ говорящаго; а лучше сказать, даже и не умершій, а одна только кровь, въ отдѣльности и отъ тѣла, имѣла достаточно силъ для этого. Такъ велико богатство людей добродѣтельныхъ, даже и умершихъ! Такъ велико бѣдствіе дурныхъ, даже и живыхъ! Если же таковы награды во время самой борьбы, то представь, какъ велики вознагражденія послѣ состязаній, во время воздаянія, при раздачѣ тѣхъ благъ, которыя превышаютъ всякое слово. Печали, каковы бы они ни были, причиняются людьми, и отображаютъ ничтожность тѣхъ, кѣмъ они наносятся; а дары и награды даются отъ Бога; поэтому они таковы, какими естественно быть дарамъ, даваемымъ со стороны неизреченной щедрости. Итакъ, радуйся и веселись, нося вѣнокъ, торжествуя, попирая жала враговъ болѣе, чѣмъ иные грязь. Извѣщай постоянно насъ о своемъ здоровьѣ, чтобы и отсюда мы получили большую радость. Ты вѣдь знаешь, что намъ, и пребывающимъ въ уединеніи, будетъ немалымъ утѣшеніемъ, когда мы постоянно будемъ узнавать о твоемъ здоровьѣ. Будь здорова!

Къ ней же письмо VI-е.

Пишу я это къ твоей благопристойности, только что поднявшись отъ самыхъ вратъ смерти. Вотъ почему я очень обрадовался, что слуги твои вышли на встрѣчу теперь, когда мы уже входили въ гавань, потому что, если бы они встрѣтились со мною, когда я еще качался въ морѣ и подвергался тяжкимъ вол-

намъ болѣзни, мнѣ не легко было бы обмануть твою богобоязненность, возвѣщая радостное вмѣсто печальнаго. Дѣйствительно, буря, бывшая сильнѣе обыкновенной, причинила намъ очень тяжкую и бурю желудка, такъ что эти два мѣсяца я провелъ ничуть не лучше мертвыхъ, а даже еще и хуже ихъ. Я жилъ лишь настолько, насколько чувствовалъ отовсюду окружавшія меня несчастія; все для меня было ночью, и день, и утро, и полдень, и я цѣлый день проводилъ пригвожденнымъ къ постели. Принимая всякія мѣры, я былъ однако не въ силахъ устранить
599 вредъ, проистекавшій отъ холода; несмотря на то, что я зажигалъ огонь, терпѣлъ страшнѣйшій дымъ, заключился въ одной комнатѣ, закутывался множествомъ одѣялъ и даже не осмѣливался переступить порога, я тѣмъ не менѣе страдалъ постоянными рвотами, головной болью, отвращеніемъ къ пищѣ и непрерывной безсонницей. Такъ я проводилъ безъ сна длинныя моря ночи. Но, чтобы не мучить больше твоей души, занимаясь воспоминаніемъ непріятностей, скажу тебѣ, что теперь мы отъ всего этого избавились. Лишь только наступила весна и немного измѣнился воздухъ, все уничтожилось само собою. Тѣмъ не менѣе мнѣ и теперь нужна большая аккуратность въ образѣ жизни; поэтому я не обременяю желудка пищею, чтобы онъ безъ труда могъ переваривать ее. Не мало причинило намъ безпокойства и извѣстіе, что ты находишься при послѣднемъ дыханіи. Но благодаря сильной любви къ тебѣ, попеченію и заботливости о твоихъ дѣлахъ, мы еще раньше полученія писемъ отъ твоей благопристойности освободились отъ этого безпокойства, когда многіе пришли оттуда и возвѣстили о твоемъ здоровьѣ.

Теперь я очень радъ и веселъ, не потому только, что ты избавилась отъ болѣзни, но прежде всего потому, что такъ благородно переносишь приключающіяся скорби, называя все это пустяками, и что всего важнѣе, это то, что ты называешь этимъ именемъ даже и болѣзни тѣла, что свойственно душѣ, полной силъ и изобилующей богатымъ плодомъ мужества. То вѣдь, что ты не только благородно переносишь несчастія, а даже и не замѣчаешь ихъ, когда они находятся налицо, напротивъ, презираешь ихъ и съ большою легкостью налагаешь на себя вѣнокъ терпѣнія, не употребляя ни напряженій, ни трудовъ, ни безпокойствъ, и другимъ не доставляя ихъ, а какъ бы ликуя и торжествуя, это служитъ доказательствомъ высочайшаго любомудрія. Поэтому я радуюсь и ликую, восхищаюсь отъ радости, не чувствую ни настоящаго одиночества, ни остальныхъ несчастій, веселясь, радуясь и величаясь твоимъ величіемъ духа и непрерывными побѣдами, не ради тебя только, но и ради того вели-

каго и многолюднаго города, для котораго ты стала и вмѣсто
башни, и гавани, и стѣнъ, издавая голосъ ясный чрезъ посред-
ство дѣлъ и своими страданіями научая тотъ и другой полъ безъ
труда приступать къ подобнымъ состязаніямъ, выходить со вся-
кимъ мужествомъ на борьбу и легко выносить труды, происхо-
дящіе отъ такихъ подвиговъ. И удивительно то, что, не выступая
на площадь и не ходя въ центрѣ города, а сидя въ небольшомъ
домикѣ и въ спальнѣ, ты внушаешь бодрость и укрѣпляешь го-
товящихся къ борьбѣ, и когда море такъ свирѣпствуетъ и волны
такъ вздымаются, отовсюду показываются скалы, подводные камни,
утесы и дикіе звѣри, и все охватываетъ глубочайшая ночь, ты,
какъ бы въ полдень и среди тишины, какъ будто вѣтеръ дуетъ
въ корму, распустивши паруса терпѣнія, плывешь съ большою 600
легкостью, не только не испытывая волненія вслѣдствіе этой же-
стокой бури, а даже и не обрызгиваемая водою; и весьма есте-
ственно, потому что таковы кормила добродѣтели. И купцы, и
кормчіе, и матросы, и моряки, когда замѣтятъ скопленіе облаковъ
или вторженіе неукротимыхъ вѣтровъ, или шумъ волны, кипя-
щей сильною пѣною, задерживаютъ корабли внутри гавани; а
если они въ это время случайно гдѣ-нибудь качаются по вол-
намъ моря, то придумываютъ и принимаютъ всѣ мѣры, чтобы
причалить корабль къ пристани или къ острову, или берегу. А
ты, несмотря на всякіе вѣтры, несмотря на то, что отовсюду
вздымаются такія свирѣпыя волны, что глубина морская перевер-
нулась вверхъ дномъ отъ суровости бури, и одни потонули въ глу-
бинѣ, другіе мертвыми плаваютъ на поверхности водъ, третьи
нагими несутся на доскѣ, ты, устремляясь въ самую средину
моря бѣдствій, все это называешь пустяками и въ бурю плывешь
съ попутнымъ вѣтромъ. Такъ и должно быть. Въ самомъ дѣлѣ,
кормчіе, пусть даже они будутъ безъ конца свѣдущи въ морской
наукѣ, все же не обладаютъ въ достаточной мѣрѣ искусствомъ,
чтобы противостать всякой бурѣ; поэтому избѣгаютъ часто сра-
женія съ волнами. У тебя же есть знаніе, которое выше всякой
бури, сила любомудрой души, которая крѣпче безчисленныхъ
войскъ, сильнѣе оружія и надежнѣе башенъ и стѣнъ. Въ самомъ
дѣлѣ, воинамъ и оружіе, и стѣны, и башни полезны только для
безопасности тѣла, да и то не всегда и не при всѣхъ обстоятель-
ствахъ; бываютъ случаи, когда и это все побѣждается и остав-
ляетъ беззащитнымъ тѣхъ, кто къ этому прибѣгаетъ. Между тѣмъ
твое оружіе сокрушаетъ не варварскія стрѣлы, не изобрѣтенія
вражескихъ людей, не нападенія и хитрости; нѣтъ, оно попрало
принужденія природы, уничтожило власть ихъ и разрушило ихъ
крѣпость. Постоянно сражаясь съ демонами, ты одержала безчи-

сленныя побѣды, а между тѣмъ не получила ни одного удара, напротивъ, стоишь неуязвимая среди такого роя стрѣлъ, и копья, которыя бросаютъ въ тебя, возвращаются обратно на тѣхъ, кто ихъ мечетъ. Такова мудрость твоего искусства: чрезъ что испытываешь страданія, чрезъ то отражаешь отъ себя причиняющимъ ихъ; черезъ что служишь предметомъ злоумышленія, чрезъ то опечаливаешь враждующихъ, имѣя порочность тѣхъ отличнымъ поводомъ къ тому, чтобы получить большую славу. Хорошо и и сама зная это, и по опыту понимая, ты естественно называешь все это пустякомъ. Дѣйствительно, какъ не назвать тебѣ этого пустякомъ, скажи мнѣ, тебѣ, которая получила смертное тѣло и, однако, такъ же презираешь смерть, какъ иные спѣшатъ оставить чужую землю и возвратиться въ свое отечество, — тебѣ, которая страдаешь жесточайшей болѣзнью и, однако, находишься въ болѣе пріятномъ состояніи, чѣмъ тѣ, которые имѣютъ здоровое тѣло и исполнены силъ,—тебѣ, которая не унижаешься оскорбленіями, не превозносишься почестями и славою, между тѣмъ какъ это было уже причиною безчисленныхъ бѣдствій для многихъ, которые, просіявъ въ санѣ священства и достигши послѣдней старости и глубочайшей сѣдины, упали отсюда и выставлены на общее позорище желающимъ ихъ осмѣивать? А ты, женщина, облеченная и въ тщедушное тѣло, и перенесшая столько нападеній, не только не потерпѣла ничего подобнаго, но еще и
601 многимъ другимъ попрепятствовала потерпѣть то же. Тогда какъ тѣ даже и не выступили далеко въ состязаніяхъ, а упали въ самомъ началѣ, соскакивая съ самаго, такъ сказать, барьера, ты, несмѣтное число разъ обогнувъ самый дальній столбъ въ ристалищѣ, за каждый бѣгъ получила награду, показавъ разнообразные виды борьбы и состязаній. Это и вполнѣ естественно, потому что не отъ возраста и не отъ тѣла зависятъ состязанія добродѣтели, а отъ одной только души и воли. Оттого-то и женщины были увѣнчаны, и мужи были повергнуты, оттого-то и дѣти были прославлены, и состарѣвшіеся были посрамлены. Итакъ, всегда должно удивляться слѣдующимъ за добродѣтелью, въ особенности же когда найдутся любящіе ее въ такое время, когда большинство бросаютъ ее. По этой-то причинѣ подобаетъ крайне удивляться и твоей благопристойности, потому что, въ то время какъ столько мужей, женщинъ, людей состарѣвшихся, которые, казалось, въ великой степени владѣли добродѣтелью, обратились въ бѣгство, лежатъ на глазахъ у всѣхъ и пали не вслѣдствіе сильнаго натиска въ войнѣ и не отъ сильной стычки съ врагами, а прежде битвы, были побѣждены прежде боя, ты сама послѣ стольkихъ битвъ и сраженій не только не пришла въ изнеможеніе и

не изнурилась множествомъ бѣдствій, а напротивъ еще больше молодѣешь, и приращеніе состязаній даетъ тебѣ приращеніе силы, потому что воспоминаніе о томъ, что̀ ты уже съ похвалою совершила, для тебя дѣлается поводомъ къ веселію и радости, и бо̀льшему утѣшенію. Вотъ почему мы радуемся, ликуемъ, веселимся; не перестану постоянно повторять этого и всюду возвѣщать причину своей радости. Поэтому, если тебя и опечаливаетъ наше отсутствіе, то утѣшеніе, даруемое твоими добродѣтелями, зато для тебя очень велико, когда и мы, отдѣленные отъ тебя такимъ длиннымъ промежуткомъ пути, получаемъ отсюда, т. е. отъ твоего мужества, немалую радость.

Къ ней же письмо VII-е.

1. Что ты говоришь? Ты не поставила трофея и не одержала блестящей побѣды? Ты не наложила на себя постоянно цвѣтущаго вѣнка? Но не о томъ ли говоритъ вся вселенная, по всей землѣ воспѣвающая твои добродѣтели? Хотя сраженія и состязанія были устроены въ одномъ мѣстѣ, и пути твоихъ бѣговъ въ ристалищѣ и твоя борьба, исполненная вмѣсто пота кровью, были только тамъ, но слова о тѣхъ дѣлахъ и радость за нихъ распространились до предѣловъ вселенной. Ты же, желая ихъ сдѣлать бо̀льшими и приготовить для себя больше наградъ, приложила къ нимъ и вѣнцы, рождаемые смиренномудріемъ, говоря, что настолько отстоишь отъ этихъ трофеевъ, насколько мертвые отъ живыхъ. Что это слова смиренномудрія, я лучше попытаюсь доказать тебѣ изъ того самаго, что произошло. Ты изгнана изъ отечества, изъ дома, оторвана отъ друзей, отъ родственниковъ, удалилась въ чужую страну; ты не переставала ежедневно умирать, восполняя избыткомъ своей воли то, чего недоставало у природы. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ, будучи человѣкомъ, нельзя умереть много разъ самымъ опытомъ, то ты сдѣлала это волею. И особенно важно то, что ты, одно претерпѣвая, а другое ожидая по- 602
терпѣть, не перестала возносить за это славословіе Богу, Который попускалъ этому случаться, равно какъ не перестала наносить смертельный ударъ діаволу. Что онъ дѣйствительно получилъ смертельный ударъ, это показалъ онъ тѣмъ, что послѣ того вооружился болѣе сильнымъ оружіемъ; вотъ почему и то, что было позже, оказалось болѣе тяжкимъ, чѣмъ бывшее раньше. Какъ скорпіонъ или змѣя, когда получитъ сильный ударъ, поднимается,

выпустивши далеко свое жало противъ ударившаго, представляя какъ доказательство большой боли порывистую стремительность противъ бьющаго, такъ точно и тотъ безстыдный звѣрь, когда получилъ глубокія раны отъ твоей дивной и высокой души, напалъ сильнѣе и причинилъ большія искушенія. Причинилъ ихъ онъ, а не Богъ; но Богъ попустилъ, умножая твое богатство, увеличивая прибыль, доставляя болѣе многочисленную награду, болѣе изобильное воздаяніе. Итакъ, не смущайся и не тревожься! Кто, въ самомъ дѣлѣ, когда-нибудь уставалъ обогащаться? Кто былъ смущенъ, достигая высшей власти? Если же собирающіе эти людскія блага, смертныя и болѣе слабыя, чѣмъ тѣнь, и увядающія скорѣе, чѣмъ завялые цвѣты, радуются, ликуютъ, восторгаются отъ удовольствія, которое одновременно и является, и отлетаетъ, и подобно теченію рѣчныхъ потоковъ,—то гораздо болѣе справедливо тебѣ, если ты прежде была въ уныніи, настоящій удобный случай сдѣлать для себя поводомъ къ величайшей радости. Твое сокровище, которое ты собрала, неприкосновенно, и достоинство, созданное этими страданіями, не знаетъ смѣны и не ожидаетъ конца,—оно безконечно, не пресѣкается ни трудностію обстоятельствъ, ни злоумышленіями людей, ни нападеніями демоновъ, ни самою смертію. Если же хочешь ужь плакать, то оплакивай тѣхъ, кто совершаетъ подобное, виновниковъ этихъ золъ, рабовъ, которые и на будущее время скопили себѣ самимъ величайшее наказаніе, и здѣсь уже получили крайнее наказаніе, такъ какъ очень многіе презираютъ ихъ, считаютъ врагами, проклинаютъ и осуждаютъ. Если же они не чувствуютъ этого, то по этой причинѣ въ особенности жалки и достойны слезъ, подобно тому, какъ одержимые душевною болѣзнію, которые необдуманно и безумно поносятъ и бьютъ встрѣчающихся, а часто и своихъ благодѣтелей и друзей, не замѣчая сумасшествія, въ припадкѣ котораго они бѣснуются. Потому-то они и болѣютъ неизлѣчимо, не подпуская къ себѣ ни врачей, не вынося ни лѣкарствъ, но даже желающимъ прислуживать и благодѣтельствовать имъ отплачивая противоположнаго рода дѣлами. Такъ точно и (твои враги) достойны сожалѣнія по этой причинѣ, если только они не чувствуютъ столь великой своей низости. Если же они не обращаютъ вниманія на осужденіе другихъ, то имъ нельзя ускользнуть отъ обличенія собственной совѣсти, обличенія неизбѣжнаго, неподкупнаго, не отступающаго ни предъ какимъ страхомъ, не искажаемаго ни лестью, ни даяніемъ денегъ, не исчезающаго отъ продолжительности времени.

2. Такъ сынъ Іакова, сказавшій отцу, что злой звѣрь съѣлъ
603 Іосифа, сочинившій это прискорбное происшествіе и этою маскою

задумавшій прикрыть братоубійство, обманулъ тогда отца, но совѣсти своей не обманулъ и не заставилъ молчать; нѣтъ, она продолжала возставать противъ него, постоянно вопіять, и нельзя было никогда заставить ее смолкнуть. Дѣйствительно, тотъ, кто отрекся предъ родителемъ отъ дерзкаго поступка, на который онъ отважился, кто не сказалъ о немъ никому изъ остальныхъ людей, по прошествіи долгаго времени, когда никто не обвинялъ его, никто не укорялъ, никто не наступалъ и не припоминалъ о той выдуманной басиѣ, подвергаясь опасности за свободу и самую жизнь, показалъ, что обвинитель совѣсти въ столь продолжительное время не заставленъ молчать и не укрощенъ, говоря слѣдующія слова: *ей, во грѣсѣхъ бо есмы брата ради нашего, егда моляшеся намъ, презрѣхомъ* горе его и скорбь души его *и* теперь *кровь его взыскуется* отъ насъ (Быт. XLII, 21—22). Между тѣмъ иное было обвиненіе, которое возбуждалось противъ него,— онъ обвинялся въ воровствѣ, и былъ ведомъ въ судъ какъ будто похитившій золотой кубокъ; но такъ какъ онъ не сознавалъ за собою ничего подобнаго, то и не скорбѣлъ изъ-за этого и говорилъ, что онъ терпитъ это не изъ-за того, въ чемъ его обвиняли и за что вели связаннымъ, а за то, въ чемъ никто не обвинялъ, и не требовалъ отчета, за что никто не влекъ его въ судъ, лучше же: на что онъ теперь не дерзнулъ, въ томъ именно онъ самъ дѣлается и уликою противъ себя, и обвинителемъ. На него напала совѣсть, и онъ, съ такою безбоязненностью пролившій кровь брата и нисколько о томъ не печалившійся, теперь дѣлался и сочувствующимъ брату, и обвинялъ сонмъ участвовавшихъ съ нимъ въ кровопролитіи, и трогательно разсказывалъ о всей жестокости, говоря: когда онъ очень просилъ насъ, и мы презрѣли горе его и скорбь души его. Достаточно было природы, говоритъ онъ, чтобы смягчить насъ и склонить къ состраданію, а онъ еще присоединилъ и слезы, и мольбу, но даже и этимъ не склонилъ насъ, мы презрѣли горе его и скорбь души его. За это, говоритъ онъ, намъ приготовлено судилище, за это мы рискуемъ кровью, такъ какъ и мы согрѣшили противъ крови. Такъ и Іуда, не вынося обличенія совѣсти, устремился къ петлѣ и окончилъ жизнь чрезъ повѣшеніе. Когда онъ дерзалъ на ту безстыдную сдѣлку, говоря: *что ми хощете дати и азъ вамъ его предамъ* (Матѳ. XXVI, 15)?—то не стыдился слушателей, что, будучи ученикомъ, онъ замышлялъ такое злодѣйство относительно Учителя, не былъ опечаленъ и въ слѣдующіе затѣмъ (до предательства) дни, но, будучи еще опьяненъ удовольствіемъ сребролюбія, не особенно чувствовалъ обвиненіе совѣсти. Но когда онъ совершилъ грѣхъ и взялъ деньги, и удовольствіе отъ корысти кончилось, а обви-

неніе за грѣхъ, наконецъ, зацвѣло, тогда, несмотря на то, что никто не принуждалъ его, никто не заставлялъ, никто не убѣждалъ, онъ пошелъ самъ собою, съ пренебреженіемъ бросилъ деньги давшимъ ихъ и признался въ своемъ беззаконіи, говоря вслухъ имъ: *согрѣшихъ предавъ кровь неповинную* (Матѳ. XXVII, 4). Такъ онъ не вынесъ обличенія совѣсти.

604 Таково свойство грѣха. Прежде, чѣмъ онъ совершенъ, онъ опьяняетъ своего плѣнника, а когда бываетъ приведенъ къ исполненію и совершенъ, тогда пріятность его уходитъ прочь и потухаетъ, а стоитъ уже одинъ только обвинитель, при чемъ совѣсть занимаетъ мѣсто палача и терзаетъ согрѣшившаго, предъявляетъ ему крайнія наказанія и давитъ его тяжелѣе всякаго свинца.

3. И такого рода наказанія здѣсь; а каковы наказанія будутъ назначены совершившимъ такія злодѣянія въ будущей жизни, ты знаешь. О нихъ, поэтому, надо проливать слезы, о нихъ слѣдуетъ плакать, потому что и Павелъ дѣлаетъ такъ, радуясь вмѣстѣ съ переносящими бѣдствія и состязающимися, и испытывающими несчастія, а согрѣшающихъ оплакивая. Поэтому онъ и говорилъ: *да не* како *пришедша мя смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшшихъ и не покаявшихся* въ распутствѣ *и нечистотѣ, яже содѣяша* (2 Кор. XII, 21), состязающимся же говорилъ: *радуюся и сорадуюся всѣмъ вамъ* (Филипп. II, 17). Поэтому, ничто да не смущаетъ тебя—ни случившееся, ни впредь угрожающее. Волны, вѣдь, не колеблютъ скалы, но чѣмъ съ бóльшею стремительностію ударяются объ нее, тѣмъ сильнѣе разбиваются. То же самое случилось и впредь случится и здѣсь, лучше же: даже гораздо бóльшее. Волны не колеблютъ скалы, тебя же не только не поколебали, но и сдѣлали еще сильнѣе. Таковъ порокъ, такова добродѣтель. Одинъ, воюя, уничтожается, а другая, подвергаясь нападенію, сіяетъ еще сильнѣе. Одна получаетъ награды не только послѣ состязаній, но и во время самыхъ состязаній, и самое состязаніе для нея становится побѣдной наградою, а другой, когда побѣдитъ, тогда еще болѣе опозоривается, тогда наказывается, тогда исполняется великаго безчестія и, прежде назначеннаго ему наказанія, терпитъ казнь въ самомъ дѣяніи, а не только послѣ его совершенія. Если слова мои неясны, то выслушай блаженнаго Павла, который различаетъ и то и другое. Пиша нѣкогда римлянамъ, и обличая безнравственную жизнь нѣкоторыхъ, и показывая, чтò и прежде наказанія, въ самомъ уже дѣяніи, соединяется съ наказаніемъ, онъ, вспомнивъ о противозаконныхъ смѣшеніяхъ женщинъ и мужей, преступившихъ границы природы и выдумавшихъ нѣкоторую неестественную страсть, говоритъ слѣдующимъ образомъ: *жены бо ихъ измѣниша есте-*

ственную подобу въ преестественную. Такожде и мужи, оставльше естественную подобу женска пола, разжегошася похотію своею другъ на друга, мужи на мужехъ студъ содѣвающе, и возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ воспріемлюще (Римл. I, 26—27). Что говоришь ты, Павелъ? Вѣдь дерзающіе на это находятъ удовольствіе и совершаютъ это противозаконное смѣшеніе съ любовію? Какъ же ты сказалъ, что они наказываются въ самомъ уже этомъ дѣяніи? Потому, говоритъ онъ, что я высказываю сужденіе не на основаніи удовольствія больныхъ, а на основаніи самаго существа
дѣла. Такъ и прелюбодѣй, хотя и находитъ повидимому удоволь- 605
ствіе, еще прежде наказанія (за свой поступокъ) терпитъ казнь въ самомъ прелюбодѣяніи, дѣлая душу худшею и болѣе дурною. И человѣкоубійца, прежде чѣмъ увидѣть судилище и заостренные мечи и дать отчетъ въ томъ, на что онъ дерзнулъ, погибъ уже во время самаго совершенія убійства, такъ какъ и онъ опять дѣлаетъ свою душу болѣе дурною. Чѣмъ бываетъ болѣзнь въ тѣлѣ, лихорадка или водянка, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ, чѣмъ бываетъ ржавчина на желѣзѣ, моль на шерсти, червь на деревѣ, и черви на рогахъ, тѣмъ же является и порокъ въ отношеніи къ душѣ. Онъ дѣлаетъ ее рабскою и несвободною; да, что я говорю: рабскою и несвободною? Онъ дѣлаетъ ее душою безсловесныхъ, превращая одну душу въ волка, другую въ душу собаки, иную—змѣи, иную—ехидны, иную въ душу другого звѣря. Это разъясняютъ пророки и всѣмъ поставляютъ въ извѣстность происходящую вслѣдствіе порока перемѣну: одинъ изъ нихъ говорилъ: *пси нѣміи не* могущіе *лаяти* (Исаіи LVI, 10), сравнивая испорченныхъ и тайно злоумышляющихъ людей съ бѣшеными собаками, потому что послѣднія, когда приходятъ въ бѣшенство, нападаютъ не съ лаемъ, а подступаютъ молча, причиняя укушеннымъ больше вреда, чѣмъ лающія. Другой, опять, называлъ извѣстныхъ людей вороною (Iерем. III, 2). Иной говорилъ: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Псал. XLVIII, 13). Превосходнѣйшій же изъ пророковъ, сынъ неплодной, стоя подлѣ Iордана, нѣкоторыхъ назвалъ и змѣями, и порожденіями ехиднъ. Что же можетъ быть равнымъ этому наказанію, когда происшедшій по образу Божію и вкусившій столь великой чести, когда разумное и кротчайшее животное впадаетъ въ такое звѣрство?

4. Видишь, какъ и прежде полученія наказанія порокъ въ самомъ себѣ имѣетъ наказаніе? Пойми, какъ то же бываетъ и въ отношеніи къ добродѣтели, какъ и добродѣтель прежде полученія наградъ бываетъ себѣ самой наградою. Подобно тому, какъ бываетъ въ тѣлѣ,— ничто вѣдь не препятствуетъ опять воспользоваться тѣмъ же са-

мымъ примѣромъ, такъ какъ онъ хорошо разъясняетъ дѣло,— подобно тому, повторяю, какъ бываетъ въ тѣлѣ, что тотъ, кто здоровъ, обладаетъ крѣпкимъ тѣломъ и свободенъ отъ всякой болѣзни, въ силу этого самаго и безъ веселья уже веселится, въ здоровьѣ находя радость, и ни перемѣны въ воздухѣ, ни зной, ни холодъ, ни скудость стола, ни что-нибудь другое въ этомъ родѣ не можетъ опечалить его, такъ какъ здоровье въ состояніи отстранить отъ него происходящій отъ всего этого вредъ, такъ точно случается обыкновенно и въ отношеніи къ душѣ. Поэтому и Павелъ, будучи бичуемъ, гонимъ, терпя безчисленныя несчастія, радовался, говоря такъ: *радуюся во страданіяхъ моихъ о васъ* (Колосс. I, 24). Не только въ царствѣ небесномъ назначена награда за добродѣтель, но и въ самомъ страданіи, потому что и потерпѣть что-нибудь за истину величайшая награда. Вотъ почему и сонмъ апостоловъ съ радостью возвратился изъ іудейскаго синедріона, не только по причинѣ царства небеснаго, но и потому, что за имя Іисуса сподобились принять безчестіе (Дѣян. V, 41), такъ какъ это и само по себѣ было величайшей
606 честью и вѣнцомъ, наградой и основаніемъ неувядающаго веселія. Итакъ радуйся и ликуй! Подлинно, не мало, но даже очень велико это состязаніе съ клеветою, въ особенности когда оно бываетъ вслѣдствіе такого великаго обвиненія, изъ-за какого теперь оклеветали насъ, обвиняя въ поджогѣ въ общественномъ судилищѣ. Потому и Соломонъ, желая изобразить суровость состязанія, говоритъ: *видѣхъ оклеветанія бывающая подъ солнцемъ: и се слезы оклеветанныхъ, и* не было *утѣшающаго* ихъ (Еккл. IV, 1). Если же борьба велика, а она и на самомъ дѣлѣ велика, то и назначенный за нее вѣнецъ, очевидно, очень великъ. Поэтому и Христосъ повелѣваетъ радоваться и ликовать ведущимъ эту борьбу съ подобающимъ терпѣніемъ. *Радуйтеся*, говоритъ, и ликуйте, *егда рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Матѳ. V, 11—12). Видишь, виновниками какой радости, какой награды, какого веселія бываютъ у насъ враги? Не странно ли, поэтому, устраивать себѣ самой бѣдствія, какихъ не были въ состояніи причинить тебѣ тѣ, а причинили лишь противоположное имъ? Что же такое я говорю? Тѣ не только не были въ состояніи наказать тебя, но доставили тебѣ еще поводъ къ радости и предлогъ къ неувядающему веселію; а ты, до такой степени муча себя уныніемъ, наказываешь себя, разстраиваешься, смущаешься и исполняешься большой печали. Это слѣдовавало бы тѣмъ дѣлать съ собою, если бы только когда-нибудь они пожелали познать свои собственные пороки. Тѣмъ справедливо было бы теперь горевать, плакать, стыдиться, закрыть свои

лица, зарыться и не видѣть этого солнца, а, заключившись гдѣ-либо во тьмѣ, оплакивать свои пороки и тѣ бѣдствія, въ какія они ввергли столько церквей, а тебѣ должно веселиться и радоваться, потому что ты достигла обладанія главою добродѣтелей. Ты вѣдь знаешь, знаешь ясно, что нѣтъ ничего равнаго терпѣнію, что оно въ особенности царица добродѣтелей, основаніе совершенствъ, безмятежная пристань, миръ во время войнъ, тишина во время бури, безопасность среди злоумышленій, знаешь, что оно дѣлаетъ обладающаго имъ крѣпче адаманта, что ему не въ силахъ повредить ни выдвигаемыя оружія, ни построенныя въ боевомъ порядкѣ войска, ни подводимыя машины, ни стрѣлы, ни пускаемыя копья, ни самое полчище демоновъ, ни страшные полки супротивныхъ силъ, ни самъ діаволъ, выступающій въ бой со всѣмъ своимъ войскомъ и хитростью. Чего же ты боишься? Ради чего страдаешь, ты, которая научилась презирать даже самую жизнь, если потребуетъ время? Но ты желаешь увидѣть конецъ тѣснящихъ тебя несчастій? Будетъ и это, и будетъ скоро, при 607
Божіемъ изволеніи. Итакъ, радуйся и веселись, и находи утѣху въ твоихъ добродѣтеляхъ, и никогда не отчаивайся въ томъ, что мы опять увидимъ тебя и напомнимъ тебѣ объ этихъ словахъ.

Къ ней же письмо VIII-е.

Не суждено было мнѣ, очевидно, и удалившись изъ города, освободиться отъ тѣхъ, кто сокрушаетъ мой духъ. Встрѣчающіеся съ нами на дорогѣ, одни съ востока, другіе изъ Арменіи, иные и изъ другихъ мѣстъ вселенной, смотря на насъ, проливаютъ источники слезъ, рыдаютъ и сопровождаютъ насъ сѣтованіями во время всего пути. Я сказалъ это, чтобы вы знали, что мнѣ многіе сострадаютъ вмѣстѣ съ вами, а и это немало значитъ для утѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, если пророкъ оплакиваетъ противоположное, какъ тяжкое и невыносимое, говоря: *и ждахъ соскорбящаго, и не бѣ, и утѣшающихъ, и не обрѣтохъ* (Псал. LXVIII, 21), то, очевидно, доставляетъ большое утѣшеніе и то, когда имѣешь сообщниками унынія всю вселенную. Если же ты ищешь и другого утѣшенія, то обрати вниманіе на то, что мы, претерпѣвъ столько великихъ бѣдствій, остаемся здоровы, находимся въ безопасности, и совершенно спокойно подсчитываемъ наши разнообразныя и непрерывныя страданія, мученія, злоумышленія, находя постоянно удовольствіе въ воспоминаніи о нихъ. Итакъ, и сама обдумывая

это, разсѣй облако унынія и постоянно пиши намъ о твоемъ здоровьѣ. Я и теперь, когда мой любезнѣйшій господинъ Аравій послалъ намъ письмо, удивился, почему твоя честность не написала, хотя госпожа моя, благородная его жена, съ тобою очень дружна. Помышляй и о томъ, что всѣ радости и печали настоящей жизни мимолетны. Хотя и узки врата, и путь узокъ, но онъ все-таки путь (Матѳ. VII, 13—14),—напомню тебѣ изреченіе, о которомъ я часто бесѣдовалъ съ тобою. Если и широки врата и путь широкъ, однако и это путь.

Итакъ, освободившись отъ земли, лучше же — отъ самыхъ узъ плоти, расправь крыло твоего любомудрія и не позволь, чтобы оно было потопляемо тѣнью и дымомъ (а таково все человѣческое). Но если ты и увидишь, что тѣ, кто причинилъ намъ столько несправедливостей, и владѣютъ своими городами, и наслаждаются честью и охранною стражею, то приговаривай это изреченіе: *пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу* (Матѳ. VII, 13), и потому лучше проливай по нимъ слезы и скорби. Тотъ, кто дѣлаетъ здѣсь что-либо худое, да сверхъ того еще, что не потерпѣлъ за это наказанія, наслаждается и честью со стороны людей, отойдетъ (отсюда), имѣя почесть величайшимъ отягчающимъ наказаніе обстоятельствомъ. Вотъ почему и тотъ богачъ былъ жестоко палимъ огнемъ, терпя наказанія не изъ-за одной только жестокости, которую онъ проявилъ въ отношеніи къ Лазарю, но и
608 изъ-за благоденствія, постоянно наслаждаясь которымъ, при столь великой жестокости, онъ однако и благодаря ему не сдѣлался лучшимъ. Бесѣдуя съ собою объ этомъ и тому подобномъ (мы не перестаемъ постоянно твердить тебѣ объ этомъ), моя боголюбезнѣйшая госпожа, отложи въ сторону это тяжкое бремя унынія и извѣсти насъ объ этомъ, чтобы, узнавъ, какъ я и прежде писалъ, что тебѣ бываетъ нѣкоторая польза въ дѣлѣ утѣшенія и отъ нашихъ писемъ, я чаще употреблялъ лѣкарство.

Къ ней же письмо IX-е.

Всякій разъ какъ я увижу толпы мужей и женщинъ, которыя высыпаютъ на дорогахъ, на станціяхъ, по городамъ, и смотрятъ на насъ, и плачутъ, я понимаю, какъ обстоитъ дѣло у васъ. Въ самомъ дѣлѣ, если эти, увидѣвши насъ теперь въ первый разъ, такъ сокрушаются уныніемъ, что не могутъ легко придти въ себя, и несмотря на наши мольбы, просьбы и совѣты проли-

ваютъ горячіе источники слезъ, то у васъ очевидно буря еще суровѣе. Но чѣмъ суровѣе буря, тѣмъ больше и награды, если вы постоянно переносите ее съ благодареніемъ и съ подобающимъ мужествомъ, какъ дѣйствительно вы и переносите. Такъ и кормчіе, когда дуетъ сильный вѣтеръ, если распустятъ паруса свыше надлежащей мѣры, опрокидываютъ корабль, а если станутъ управлять имъ соотвѣтственнымъ образомъ и какъ слѣдуетъ, то плывутъ съ полной безопасностью. Итакъ, зная это, моя боголюбезнѣйшая госпожа, не отдай себя во власть унынія, но разсудкомъ одерживай верхъ надъ бурей: вѣдь ты въ состояніи, и буря не больше твоего искусства. Посылай намъ письма, извѣщая объ этомъ, чтобы мы, живя въ чужой землѣ, получили большую радость, узнавъ, что ты перенесла это уныніе съ подобающимъ тебѣ благоразуміемъ и мудростію. Это я написалъ твоей честности, когда уже шелъ близъ Кесаріи.

Къ ней же письмо x-e.

Пусть разсѣется у тебя и этотъ страхъ,—страхъ за наше путешествіе. Какъ я раньше написалъ, тѣло у насъ поздоровѣло и пріобрѣло большую крѣпость, такъ какъ и погода въ отношеніи къ намъ была благопріятна, и тѣ, кто ведутъ насъ, проявляютъ всякое усердіе свыше нашихъ желаній, чтобы успокоить насъ, и это доказываютъ самымъ дѣломъ. Я послалъ это письмо, собираясь выйти изъ Никеи, въ третій день мѣсяца іюля. Пиши намъ постоянно о твоемъ здоровьѣ. Тебѣ въ этомъ случаѣ окажетъ услуги мой господинъ Пергамій, которому я весьма довѣряюсь. Извѣщай насъ не только о твоемъ здоровьѣ, но и о томъ, что у тебя разсѣялось облако унынія, потому что если мы узнаемъ объ этомъ изъ твоихъ писемъ, то и сами станемъ чаще писать, какъ достигающіе чрезъ письма нѣкоторой пользы. Итакъ, если желаешь наслаждаться частыми письмами, то покажи намъ ясно, что отъ этого происходитъ нѣкоторая польза, и ты увидишь, какъ мы щедро будемъ доставлять ихъ. Вотъ и теперь, когда оттуда 609
пришли многіе, которые могли принести намъ письма, я очень измучился, не получивъ письма отъ твоей честности.

Къ ней же письмо XI-е.

Насколько у насъ усиливаются испытанія, настолько умножается у насъ и утѣшеніе, и тѣмъ болѣе отрадныя надежды имѣемъ мы на будущее; теперь же у насъ все несется по теченію, и мы плывемъ при попутномъ вѣтрѣ. Кто видѣлъ? Кто слышалъ? Подводные камни и утесы, разражаются вихри и бури, безумная ночь, глубокій мракъ, крутизны и скалы; и мы, плывя чрезъ такое море, находимся ничуть не въ худшемъ положеніи, чѣмъ качающіеся въ гавани. Итакъ, соображая это, моя боголюбезнѣйшая госпожа, будь выше этихъ смятеній и бурь, и удостой извѣстить меня о твоемъ здоровьѣ. Что касается насъ, то мы здоровы и радостны. Тѣло у насъ стало крѣпче, и мы дышемъ чистымъ воздухомъ, и воины префекта, уѣзжающіе вмѣстѣ съ нами, такъ прислуживаютъ, что устраняютъ для насъ нужду даже и въ слугахъ, исполняя дѣла слугъ; они приняли на себя эту обязанность изъ-за любви къ намъ и всюду охраняютъ, такъ какъ каждый считаетъ себя счастливымъ ради этого служенія. Одно печалитъ насъ, неувѣренность, что и сама ты здорова. Извѣсти же насъ объ этомъ, чтобы мы вкусили происходящей и отсюда радости, и много возблагодарили господина моего любезнѣйшаго сына нашего Пергамія. И если ты пожелаешь послать намъ письмо, то для этого воспользуйся имъ, такъ какъ онъ и искренній другъ, и весьма намъ преданъ, и очень почитаетъ твою благопристойность и богобоязненность.

Къ ней же письмо XII-е.

Избѣжавъ болѣзни, которую я перенесъ на пути и остатки которой принесъ въ Кесарію, и возвратившись, наконецъ, къ полному здоровью, посылаю твоей богобоязненности письмо изъ самой Кесаріи, въ которой, найдя большой уходъ, я почувствовалъ себя легче, получивъ наилучшихъ и весьма знаменитыхъ врачей, лѣчившихъ нась не однимъ только искусствомъ, а главнымъ образомъ состраданіемъ и нѣжной любовью; одинъ изъ нихъ пообѣщалъ даже уйти вмѣстѣ съ нами, равно какъ и весьма много другихъ знатныхъ людей. Мы часто пишемъ о нашихъ дѣлахъ, а сама ты, въ чемъ я тебя прежде упрекалъ, дѣлаешь это рѣдко. И чтобы

ты поняла, что это дѣло твоего нерадѣнія, и что не недостатокъ въ тѣхъ, кто носилъ бы письма, причиняетъ это, обрати вниманіе на слѣдующее: господинъ мой братъ блаженнаго епископа Максима третьяго дня встрѣтился съ нами, и когда мы попросили у него писемъ, сказалъ, что ты не пожелала дать ему никакого письма, равно какъ не далъ и Тигрій пресвитеръ, когда тотъ потребовалъ отъ него. Прошу, упрекни за это его, искренняго и горячаго нашего друга, равно какъ и всѣхъ остальныхъ, окружающихъ епископа Киріака. Что касается того, чтобы пере- 610
мѣнять мѣсто изгнанія, то не безпокойте изъ-за этого ни его, ни кого другого. Мы получили милость. Можетъ быть, они желали (исходатайствовать перемѣну мѣста изгнанія), и не были въ состояніи (достигнуть цѣли). Слава Богу за все; не перестану всегда повторять этого при всемъ, что со мной случается. Но пусть они не могли сдѣлать этого. Неужели они не могли и писать? Много поблагодари моихъ госпожъ, сестеръ моего господина честнѣйшаго епископа Пергамія, проявлящихъ ради насъ много усердія. Онѣ сдѣлали то, что господинъ мой областной начальникъ, зять его, очень къ намъ расположенъ, такъ что и онъ очень желалъ насъ тамъ увидѣть. И сама ты постоянно извѣщай насъ о своемъ здоровьѣ, и о тѣхъ, кто насъ любитъ. Относительно же насъ не заботься, потому что мы здоровы и радостны, и до сегодняшняго дня пользуемся большимъ отдыхомъ. Мы желаемъ узнать относительно спутниковъ епископа Киріака, освобождены ли они, и никто намъ ничего яснаго объ этомъ не сообщилъ; хоть вы выясните намъ это. Скажи епископу Киріаку, что я вслѣдствіе печали не посылаю ему письма.

Къ ней же письмо XIII-е.

Наконецъ то мы едва-едва перевели дыханіе, придя въ Кукузъ, откуда и посылаемъ письмо; наконецъ то едва-едва увидѣли свѣтъ (избавившись) отъ дыма и облака разныхъ бѣдствій, постигшихъ насъ на пути. Теперь, когда скорби миновали, разсказываемъ о нихъ твоему благочестію. Я не желалъ этого сдѣлать въ то время, когда находился въ нихъ, чтобы особенно не опечалить тебя. Почти вѣдь тридцать дней, а то и больше я боролся съ жесточайшими лихорадками, и въ такомъ состояніи шелъ этимъ длиннымъ и труднымъ путемъ, будучи осаждаемъ и другими тяжкими болѣзнями, происходившими отъ желудка. Пред-

ставь, что̀ отсюда происходило, когда не было ни врачей, ни бань, ни необходимыхъ вещей, ни другихъ удобствъ, когда отовсюду осаждалъ насъ страхъ предъ исаврянами и остальныя бѣдствія, какія обычно рождаютъ неудобства дорогъ, забота, безпокойство, уныніе, отсутствіе тѣхъ, кто услуживалъ бы. Но теперь все это кончилось. Придя въ Кукузъ, мы сбросили съ себя и остатки всякой болѣзни и находимся въ безукоризненнѣйшемъ здоровьѣ, равно какъ освободились отъ страха предъ исаврянами, такъ какъ здѣсь есть много воиновъ, которые вполнѣ приготовлены къ бою съ ними; отовсюду къ намъ въ обиліи притекаютъ необходимыя вещи, такъ какъ всѣ принимаютъ насъ со всякою любовію, хотя
611 мѣстность чрезвычайно пустынна. Но здѣсь случайно оказался господинъ мой Діоскоръ, который и отправилъ съ этой цѣлью въ Кесарію своего слугу, приглашая и прося не предпочесть его дому другого; то же дѣлали очень многіе и другіе, но я счелъ необходимымъ предпочесть этого остальнымъ, и мы остановились въ его домѣ. Онъ дѣлается для насъ всѣмъ, такъ что мы постоянно даже упрекаемъ его изъ-за большой его щедрости и довольства, которое онъ желаетъ доставить намъ. Такъ изъ-за насъ онъ даже удалился жить въ помѣстье, чтобы всячески услужить намъ, и устраиваетъ намъ жилище, удобное для зимы, совершая и предпринимая все ради этого дѣла; и вообще въ услугахъ относительно меня нѣтъ никакого недостатка. Многіе и другіе повѣренные и экономы, получивъ письменныя приказанія отъ своихъ господъ, постоянно являются, готовые всячески успокоить насъ. Обо всемъ этомъ я сказалъ тебѣ, и одно, болѣе раннее, я оплакалъ, а другое пріятное изложилъ, чтобы кто-нибудь необдуманно не перевелъ насъ отсюда. Если, въ самомъ дѣлѣ, желающіе оказать намъ милость предоставятъ на нашу волю быть тамъ, гдѣ мы желаемъ, и не задумаютъ назначать намъ опять другое мѣсто, какое сами пожелаютъ, то прими эту милость. Если же они, насильно переселяя насъ отсюда, намѣрены послать насъ въ другое мѣсто, и намъ будетъ предстоять опять дорога, опять путешествіе, то для меня это будетъ весьма тяжело: во-первыхъ (надо бояться), чтобы они какъ-нибудь не послали насъ въ болѣе отдаленную или въ болѣе непріятную мѣстность, а потомъ (надо знать), что путешествованіе для меня тяжелѣе безчисленныхъ изгнаній. Трудность этого путешествія свела насъ къ самымъ вратамъ смерти. Живя теперь въ Кукузѣ, мы опять собираемся съ силами, благодаря постоянному сидѣнію и покою, и при посредствѣ спокойствія врачуемъ бѣдствіе, которое случилось съ нами въ теченіе продолжительнаго времени, и наши разбитыя кости, изстрадавшуюся плоть. Въ тотъ же самый день, въ который явились и мы, пришла и госпожа

моя діаконисса Савиніана [1]), разбитая и изстрадавшаяся, такъ какъ она находится въ такомъ возрастѣ, когда и двигаться трудно, но юная по усердію и не чувствующая никакихъ печалей. Она сказала, что готова отправиться даже въ Скиѳію (потому что такая молва была сильна), когда мы будемъ отведены туда. Она готова, какъ говоритъ, никуда больше не возвращаться, а жить тамъ, гдѣ будемъ находиться и мы. И сыны церкви приняли ее съ полнымъ расположеніемъ и любовью. И господинъ мой Констанцій [2]), богобоязненнѣйшій пресвитеръ, давно здѣсь былъ бы. Онъ даже писалъ мнѣ, прося, чтобы я позволилъ ему придти сюда, такъ какъ безъ моего согласія онъ не осмѣлился бы прибыть, хотя и сильно желаетъ этого и, какъ говоритъ, не имѣетъ возможности оставаться тамъ, потому что ищетъ убѣжища и скрывается: столь великія, какъ говоритъ онъ, тѣснятъ его бѣдствія. Итакъ
прошу: не поступи иначе относительно мѣста (моего изгнанія). 612
Если же опять попробуешь испытать ихъ намѣреніе, то сама отъ себя ничего не говори, а сообразно съ твоимъ благоразуміемъ испытай, гдѣ они рѣшили (поселить меня): вѣдь ты можешь сдѣлать это. И если замѣтишь, что гдѣ-нибудь тамъ вблизи въ приморскомъ городѣ—или въ Кизикѣ, или по близости отъ Никомидіи, то прими это. Если же гдѣ-нибудь дальше тѣхъ мѣстностей или дальше настоящаго мѣста, или такъ же далеко, какъ и это мѣсто, то не соглашайся, потому что для меня это весьма обременительно и тяжело. Здѣсь мы пока наслаждаемся большимъ отдыхомъ, такъ что и въ два дня мы могли удалить отъ себя всю непріятность, происшедшую съ нами вслѣдствіе дороги.

Къ ней же письмо XIV-е, въ которомъ разсказывается о томъ, что случилось съ нимъ (святителемъ) въ Кесаріи.

1. Зачѣмъ ты плачешь? Зачѣмъ бьешь себя въ грудь и требуешь себѣ наказаній, которыхъ и враги твои не въ силахъ были потребовать отъ тебя, до такой степени предавши свою душу власти унынія? Письма, которыя ты послала намъ чрезъ Патрикія, обнаружили эти твои духовныя раны. Поэтому я очень

---

[1]) По мнѣнію Тильмона, эта діаконисса была теткою (по отцу) св. І. Златоуста.

[2]) Этому Констанцію св. І. Златоусть писалъ даже особое (221-е) письмо.

скорблю и печалюсь, что ты, обязанная употреблять всѣ средства и дѣлать все, чтобы отгонять отъ твоей души уныніе, бродишь, собирая горестныя размышленія, выдумывая то, чего нѣтъ (вѣдь ты говорила это), и напрасно и попусту и къ величайшему вреду терзая себя. Почему, въ самомъ дѣлѣ, тебя печалитъ то, что ты была не въ силахъ переселить насъ изъ Кукуза? Насколько отъ тебя зависѣло, ты переселила, употребивъ всѣ средства и сдѣлавши все. Если же дѣло не пришло къ концу, то не слѣдуетъ скорбѣть и изъ-за этого. Можетъ быть, Богу угодно было устроить для меня болѣе длинные пути бѣговъ, чтобы были и болѣе блестящіе вѣнцы. Итакъ, зачѣмъ скорбишь изъ-за того, благодаря чему мы прославляемся, тогда какъ тебѣ слѣдовало бы торжествовать и ликовать и увѣнчивать себя ради того, что мы удостоены столь великаго дѣла, далеко превосходящаго наше достоинство? Но тебя печалитъ пустынность здѣшнихъ мѣстъ? И что, однако, пріятнѣе здѣшняго мѣстопребыванія? Спокойствіе, тишина, полное отсутствіе хлопотъ, здоровье тѣла. Если городъ не имѣетъ ни рынка, ни товаровъ, то для меня это не имѣетъ никакого значенія, потому что все притекаетъ ко мнѣ, какъ бы изъ источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, у меня есть и господинъ мой здѣшній епископъ и господинъ мой Діоскоръ, которые непрестанно совершаютъ дѣло нашего успокоенія. И прекрасный Патрикій скажетъ тебѣ, какъ мы проводимъ жизнь въ радости, въ веселіи, среди большихъ ухаживаній за нами, поскольку, по крайней мѣрѣ, дѣло касается здѣшняго моего пребыванія. Если же ты оплакиваешь случившееся въ Кесаріи, то и это дѣлаешь недостойно тебя. Точно также и тамъ были сплетены намъ опять блестящіе вѣнцы, такъ что всѣ насъ прославляютъ, превозносятъ похвалами, удивляются, изумляются, за что мы потерпѣли бѣдствія и изгнаны. Но вотъ о чемъ пусть никто пока не знаетъ, хотя многіе объ этомъ и разглашаютъ.
613 Господинъ мой Пэаній объявилъ мнѣ, что тамъ (въ Кесаріи) находятся пресвитеры самого Фаретрія, которые говорили, что они съ нами имѣютъ общеніе и не имѣютъ ничего общаго съ противниками, ни сближаясь съ ними, ни входя въ общеніе. Итакъ, чтобы намъ не смутить ихъ, пусть никто не знаетъ этого, потому что весьма тяжело случившееся съ нами. Хотя я не потерпѣлъ ничего другого ужаснаго, однако то, что случилось тамъ, было въ состояніи доставить мнѣ безчисленныя награды: до такой степени мы находились въ опасности даже относительно своей жизни. Но, прошу, пусть остается это у тебя тайной, и я разскажу тебѣ объ этомъ вкороткѣ, не съ цѣлію опечалить, а чтобы обрадовать, такъ какъ то, что я постоянно шествую чрезъ такого рода испытанія и что ихъ навлекаютъ на меня тѣ, со стороны кого я ни-

какъ не ожидалъ, служитъ для меня основаніемъ къ наградѣ, — въ этомъ мое богатство, здѣсь истребленіе моихъ грѣховъ. Когда мы, избавившись отъ галатійца [1]), который угрожалъ намъ почти смертію, намѣревались вступить въ Каппадокійскую страну, многіе встрѣчались съ нами на пути, говоря, что „господинъ Фаретрій ожидаетъ тебя и всюду ходитъ, чтобы не потерпѣть неудачи въ дѣлѣ встрѣчи съ тобою, и все дѣлаетъ и предпринимаетъ, чтобы увидѣть тебя и обнять, и показать всю свою любовь; онъ возбудилъ даже мужскіе и женскіе монастыри. Я же, слыша это, ничего этого не ожидалъ, но представлялъ себѣ противоположное; впрочемъ никому изъ возвѣщавшихъ это я ничего такого не говорилъ.

2. Когда, наконецъ, я вступилъ въ Кесарію, убитый, изможденный, находясь въ самой высшей степени развитія пламени лихорадки, грустя, страдая до крайности, я добрелъ до гостинницы, лежащей на самомъ краю города, и старался найти врачей, и погасить ту печь: это была самая высшая ступень развитія трехдневной лихорадки. Сюда присоединялось еще утомленіе отъ дороги, усталость, разбитость, отсутствіе тѣхъ, кто услуживалъ бы, недостатокъ необходимыхъ вещей, то, что у насъ не было никакого врача, что мы были измучены напряженіемъ, жаромъ и бодрствованіями, такъ что я вошелъ въ городъ почти-что мертвецомъ. Тогда-то явились весь клиръ, народъ, монашествующіе, монахини, врачи, отъ которыхъ я пользовался большимъ попеченіемъ, такъ какъ всѣ во всемъ намъ услуживали и помогали. Однако, и при такихъ обстоятельствахъ, тѣснимый сильнымъ пламенемъ (лихорадки), я былъ въ крайней опасности. Наконецъ, мало по малу болѣзнь начала прекращаться и стихать. Фаретрія же не было нигдѣ; онъ ожидалъ нашего отшествія, хотя—почему у него такъ было рѣшено, не знаю. Итакъ, когда я увидѣлъ, что бѣда незамѣтно прекратилась, я сталъ, наконецъ, подумывать о путешествіи, чтобы достигнуть Кукуза и немного отдохнуть отъ
бѣдствій пути. Когда у насъ обстояло такъ дѣло, вдругъ сооб- 614
щаютъ, что безчисленное множество исаврянъ сдѣлало набѣгъ на Кесарійскую страну, что они зажгли какое-то большое село и причинили крайнія бѣдствія. Услышавъ это, трибунъ взялъ имѣвшихся у него воиновъ и пошелъ, потому что боялись, чтобы тѣ не напали и на городъ, и всѣ были въ страхѣ, всѣ въ тревогѣ, жертвуя ради опасности самымъ основаніемъ отечества, такъ что даже сами старцы занимались охраною стѣнъ. Когда дѣла были

---

[1]) Это, вѣроятно, былъ Леонтій, архіепископъ анкирскій въ Галатіи, весьма непріязненный къ Златоусту.

въ такомъ положеніи, вдругъ около разсвѣта отрядъ монаховъ (такъ надо сказать и выразить этимъ именемъ ихъ бѣшенство) напалъ на домъ, гдѣ мы были, грозя спалить его, поджечь, причинить намъ крайнее бѣдствіе, если мы не уйдемъ. И ни страхъ предъ исаврянами, ни болѣзнь, такъ сильно тѣснившая насъ, ни что другое не сдѣлало ихъ болѣе снисходительными; они наступали, дыша такой яростію, что и сами преторіанскіе воины испугались ихъ. Дѣйствительно они и имъ грозили ударами и хвастались, что они уже постыдно избили многихъ преторіанскихъ воиновъ. Преторіанцы, услышавъ это, прибѣжали къ намъ и молили и просили: освободи насъ отъ этихъ звѣрей, пусть даже попадемся въ руки исаврянъ. Городской префектъ, услышавъ объ этомъ, прибѣжалъ къ нашему дому, желая помочь намъ. Монахи не послушались и его увѣщаній, но и самъ онъ оказался безсиленъ предъ ними. Видя, что дѣло въ весьма затруднительномъ положеніи, и не дерзая ни посовѣтовать намъ уйти на явную гибель, ни опять оставаться въ городѣ, вслѣдствіе такого ихъ неистовства, онъ послалъ къ Фаретрію, прося уступить намъ немного дней, какъ въ виду нашей болѣзни, такъ и въ виду грозящей опасности. Но и при такихъ обстоятельствахъ не было никакого успѣха; напротивъ и на слѣдующій день они явились еще неистовѣе, и никто изъ пресвитеровъ не осмѣливался заступиться и помочь намъ, но, стыдясь и краснѣя [потому что это, говорили они, происходило по приказанію Фаретрія], скрывались, прятались и не внимали, когда мы ихъ звали. Зачѣмъ много говорить? Несмотря на то, что грозили такіе ужасы, несмотря на то, что почти очевидна была смерть, и меня убивала лихорадка (потому что мы еще не избавились отъ происходящихъ отсюда бѣдствій), въ самый полдень бросившись въ носилки, я былъ вывезенъ оттуда, при рыданіяхъ, воплях, проклятіяхъ сдѣлавшему это отъ всего народа, при общихъ сожалѣніяхъ и плачѣ. А когда я вышелъ изъ города, то и нѣкоторые изъ клириковъ незамѣтно вышли и съ сѣтованіями провожали насъ. И въ то время, когда мы слышали, какъ нѣкоторые говорили: куда вы отводите
615 его на явную смерть?—другой изъ числа любившихъ насъ говорилъ намъ: удались, прошу тебя; попадись исаврянамъ, только избавься отъ насъ; кому бы ты ни попался, ты попадешь въ безопасное положеніе, если избѣжишь нашихъ рукъ. Когда услышала и увидѣла это прекрасная Селевкія, благородная жена моего господина Руфина (она весьма о насъ позаботилась), то увѣщевала и просила, чтобы я заѣхалъ въ ея загородный домъ, находящійся на разстояніи пяти миль отъ города, и вмѣстѣ съ нами послала людей, и мы удалились туда.

3. Но и тамъ это злоумышленіе не думало отстать отъ насъ. Когда Фаретрій узналъ, то, какъ она говорила, высказалъ ей много угрозъ. Когда же она гостепріимно приняла меня въ свой загородный домъ, я ничего этого не зналъ; выйдя къ намъ, она скрывала это отъ насъ, управляющему же, находящемуся тамъ, объявила, чтобы онъ доставилъ намъ всякій покой, и, если бы напали на насъ монашествующіе, желая оскорбить насъ или побить, собралъ бы земледѣльцевъ изъ остальныхъ ея помѣстій и такимъ образомъ приготовился къ бою противъ нихъ. Приглашала она укрыться и въ ея жилищѣ, имѣющемъ крѣпость и неприступномъ, чтобы мнѣ избѣжать рукъ епископа и монаховъ. Но я не согласился, а остался въ загородномъ домѣ, не зная ничего, что затѣмъ готовилось. И этого для нихъ было недостаточно, чтобы оставить свое бѣшенство противъ насъ. Потомъ въ полночь, когда я ничего этого не зналъ (а Фаретрій, какъ она говоритъ, сильно грозилъ ей, принуждая и заставляя ее изгнать насъ и изъ загороднаго дома), эта женщина, не вынося его докучливости, хотя я не зналъ объ этомъ, объявила, что напали варвары,—такъ она стыдилась сказать о принужденіи, которое потерпѣла. И войдя ко мнѣ въ полночь, пресвитеръ Евиѳій разбудилъ меня спавшаго, и громкимъ голосомъ сказалъ: встань, прошу тебя, варвары напали, они здѣсь близко. Вообрази, какой я былъ, слушая это. Потомъ,—когда я сказалъ ему: что же слѣдуетъ дѣлать? убѣжать въ городъ мы не можемъ, чтобы не потерпѣть болѣе тяжкаго, чѣмъ то, что сдѣлали бы намъ исавряне,—онъ началъ принуждать насъ уходить. Ночь была безлунная, самая полночь, мрачная, темная; и это опять ставило насъ въ безпомощное положеніе; никого не было возлѣ, никто не помогалъ, потому что всѣ насъ покинули. Тѣмъ не менѣе, побуждаемый страхомъ и ожидая тотчасъ смерти, я, изстрадавшійся, всталъ, приказавъ зажечь факелы. Но пресвитеръ приказалъ потушить и ихъ, чтобы, говорилъ онъ, варвары, привлекаемые къ намъ свѣтомъ, какъ-нибудь не напали на насъ. Были потушены и факелы. Потомъ мулъ, несшій наши носилки (потому что путь былъ очень неровный, крутой и каменистый), упавъ на колѣна, повалилъ меня, находившагося внутри носилокъ, и еще немного, я долженъ бы погибнуть; затѣмъ, вскочивши на ноги, я побрелъ, поддерживаемый пресвитеромъ Евиѳіемъ (онъ и самъ упалъ съ подъяремнаго животнаго), и такимъ 616
образомъ шелъ, ведомый за руку, лучше же тащимый, потому что по такой неудобной мѣстности и недоступнымъ горамъ идти въ полночь было нельзя. Представь, что пришлось терпѣть мнѣ, тѣснимому такими бѣдствіями, да еще въ приступѣ лихорадки, мнѣ, который не зналъ ничего изъ того, что было подстроено, а

боялся варваровъ, дрожалъ и ожидалъ попасть въ ихъ руки. Не кажется ли тебѣ, что одни только эти страданія, даже если бы со мною не случилось ничего другого, въ состояніи разрѣшить многія изъ нашихъ прегрѣшеній и доставить мнѣ большой поводъ къ славѣ? Причина же этихъ страданій, какъ я думаю, та, что тотчасъ, какъ только вошелъ я въ Кесарію, всѣ знатные люди, бывшіе викаріи, президы, софисты, трибуны[1]), весь народъ ежедневно смотрѣли меня, услуживали, хранили какъ зѣницу ока; это, думаю, раздражило Фаретрія; равно и зависть, выгнавшая насъ изъ Константинополя, и здѣсь не отстала отъ насъ, какъ мнѣ думается; этого я не утверждаю, а предполагаю. Кто могъ бы разсказать объ остальномъ, бывшемъ съ нами на пути, объ ужасахъ, опасностяхъ?

Ежедневно вспоминая объ этомъ и всегда нося это въ мысли, я восхищаюсь отъ радости и ликую, какъ имѣющій великое сберегаемое сокровище: такъ я чувствую себя. Въ виду этого прошу и твою честность радоваться, веселиться, ликовать, прославлять Бога, удостоившаго насъ потерпѣть такія бѣдствія. Прошу имѣть это при себѣ и никому не говорить, хотя и весьма естественно, что воины префекта могутъ наполнить весь городъ разсказами объ этомъ, такъ какъ и сами они подверглись крайнимъ опасностямъ.

4. Тѣмъ не менѣе отъ твоего благочестія пусть никто не узнаетъ этого, напротивъ, ты и говорящихъ останавливай. А если ты скорбишь по причинѣ остатковъ зла, то знай ясно, что я совершенно освободился отъ всего и у меня теперь тѣло крѣпче, чѣмъ когда жилъ тамъ. А холода что ты боишься? У насъ и жилища устроены удобныя, и господинъ мой Діоскоръ дѣлаетъ и предпринимаетъ все, чтобы мы не замѣтили холода даже и въ малой степени. Если можно судить по началу, то настоящій климатъ мнѣ кажется восточнымъ, и нисколько не хуже климата Антіохіи. Такая же теплота, такая же благорастворенность воздуха. Ты весьма опечалила меня, сказавши, что, можетъ быть, ты печалишься и изъ-за насъ, какъ бывшихъ нерадивыми. Однако я за много дней передъ этимъ послалъ твоей честности письмо,
617 прося не двигать меня отсюда. Я же могъ сообразить, что тебѣ потребуется сильная защитительная рѣчь и много трудовъ и усилія, чтобы смочь оправдаться въ такихъ словахъ. Отчасти, пожа-

[1]) Οἱ ἀπὸ βικαρίων — бывшіе прежде викаріями, правителями діоцезовъ (первый чинъ послѣ префекта); οἱ ἀπὸ ἡγεμόνων (ex praesidibus) — бывшіе президами, начальниками провинцій; οἱ ἀπὸ τριβούνων — бывшіе начальниками надъ трибами.

луй, ты и оправдалась, сказавши: я объ этомъ только думаю, чтобы увеличить свою скорбь. Но и это, т. е. говорить, (что) я стремлюсь размышленіями къ скорбямъ, я опять считаю величайшимъ преступленіемъ, потому что, когда тебѣ надо дѣлать и предпринимать все для уничтоженія горя, ты творишь волю діавола, умножая уныніе и печаль. Или ты не знаешь, сколь великое зло уныніе? Наконецъ, нисколько не бойся за исаврянъ, потому что они отступили въ свою страну, и начальникъ провинціи сдѣлалъ все ради этого, и мы, будучи здѣсь, гораздо болѣе находимся въ безопасности, чѣмъ когда были въ Кесаріи. Въ концѣ концовъ, я никого такъ не боюсь, какъ епископовъ, исключая немногихъ. Итакъ, за исаврянъ отнюдь ничего не бойся, потому что они удалились и съ наступленіемъ зимы сидятъ дома, и выйдутъ развѣ только ужъ послѣ пятидесятницы. Какъ же ты говоришь, что не получаешь писемъ? Я уже послалъ тебѣ три длинныхъ письма, одно чрезъ воиновъ префекта, другое чрезъ Антонія, а третье чрезъ Анатолія, твоего слугу; въ особенности два изъ нихъ, на подобіе спасительнаго лѣкарства, способны утѣшить всякаго унывающаго, всякаго соблазняющагося и привести къ полной радости. Поэтому, взявши ихъ, прочитывай непрерывно и постоянно, и ты увидишь ихъ силу, вполнѣ испытаешь лѣкарство и получишь помощь, и насъ извѣстишь, что произошла для тебя отъ нихъ нѣкоторая польза. У меня готово и третье подобное имъ письмо, котораго я не пожелалъ послать теперь, очень опечалившись тѣмъ, что ты говоришь: „я собираю для себя горестныя размышленія и вымышляю то, чего нѣтъ", произнося слова недостойныя тебя самой, за которыя и самъ я стыжусь и закрываю свое лицо. Впрочемъ, прочитай тѣ письма, и ты больше не будешь говорить этого, хотя бы безъ конца домогалась унынія. Такъ какъ ты писала намъ и относительно епископа Ираклида, то, если онъ пожелаетъ, ему должно выразить протестъ, и такимъ образомъ избавиться отъ всѣхъ непріятностей, потому что ничего другого не остается. Я же, хотя и не достигалъ ничего великаго, тѣмъ не менѣе уговорилъ мою госпожу Пентадію, чтобы она проявила всякое стараніе, не придумаетъ ли для него какого-нибудь утѣшенія въ несчастіи. А ты говорила, что осмѣлилась извѣстить меня объ этихъ бѣдствіяхъ вслѣдствіе приказанія со стороны Ираклида. Какая это смѣлость!

Итакъ, я не переставалъ говорить и не перестану, что печально одно только — грѣхъ, все же остальное — пыль и дымъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, тяжкаго обитать въ темницѣ и имѣть на себѣ узы? Почему тяжело терпѣть несчастія, когда терпѣніе бѣдствій дѣлается основаніемъ столь великой награды? А чѣмъ тя-

жело изгнаніе? Чѣмъ тяжело лишеніе имущества? Слова эти не заключаютъ ничего ужаснаго на самомъ дѣлѣ, это пустыя слова, сказанныя подъ вліяніемъ печали! Въ самомъ дѣлѣ, если ты ука-
618 жешь на смерть, то скажешь о долгѣ природы, который непремѣнно надо потерпѣть, хотя бы и никто не причинялъ; если укажешь на изгнаніе, не скажешь ни о чемъ другомъ, какъ о томъ лишь, что изгоняемый видитъ (новую) страну и много городовъ; если укажешь на лишеніе имущества, то скажешь о свободѣ и разрѣшеніи отъ налагаемыхъ имъ узъ.

5. Не перестань, насколько отъ тебя зависитъ, услуживать епископу Маруѳѣ [1]), чтобы онъ поднялся изъ пропасти, потому что я въ немъ въ особенности нуждаюсь въ виду положенія дѣлъ въ Персіи. Узнай отъ него, если для тебя будетъ возможно, какъ о томъ, что хорошаго совершено тамъ его трудами, такъ и о томъ, изъ-за чего онъ явился здѣсь, и извѣсти насъ, отдала ли ты два письма, которыя я послалъ ему. Если онъ пожелаетъ намъ послать письмо, то и мы ему напишемъ, а если не пожелаетъ, то пусть онъ хоть разъяснитъ твоей богобоязненности, была ли какая-либо польза тамъ, и надѣется ли онъ дѣйствовать съ успѣхомъ по своемъ возвращеніи. По этой причинѣ я вѣдь и старался съ нимъ сблизиться. Тѣмъ не менѣе все, что отъ тебя зависитъ, пусть будетъ сдѣлано, и хотя бы всѣ полетѣли внизъ головой, ты исполняй свой долгъ. Награда твоя будетъ совершенна. Итакъ, всячески и насколько возможно расположи его къ себѣ. Не пренебреги, прошу тебя, тѣмъ, что я намѣреваюсь говорить, но покажи объ этомъ большое стараніе. Дали мнѣ знать монахи — марсы и готы, у которыхъ постоянно скрывался епископъ Серапіонъ, что пришелъ діаконъ Модуарій съ извѣстіемъ, что тотъ достойный удивленія епископъ Унила, котораго я недавно хиротонисалъ и послалъ въ Готію, совершивши много великихъ дѣлъ, умеръ; и пришелъ этотъ діаконъ съ письмами царя готовъ, въ которыхъ онъ просилъ послать къ нимъ епископа. Такъ какъ, въ виду грозящей намъ катастрофы, я не вижу никакого другого средства устроить это дѣло, кромѣ медленія и отсрочки (имъ вѣдь невозможно теперь отплыть ни въ Босфоръ, ни въ другія стороны), то постарайся пока задержать ихъ по причинѣ зимы; но не пробѣги мимо этого съ небрежностію, потому что это дѣло весьма важное. Есть два обстоятельства, которыя въ особенности печалятъ меня, если они случатся, — чего да не будетъ! — во-первыхъ, что епископъ будетъ поставленъ тѣми, которые совершили столько золъ и которыми быть поставляемымъ дѣло незаконное, во-вто-

[1]) Епископъ мартиропольскій.

рыхъ, что можетъ быть избранъ кто-нибудь неосмотрительно. Что они не стараются о томъ, чтобы избрать благороднаго человѣка, ты знаешь и сама. Если же это случится, чего да не будетъ, то ты знаешь и сама, что затѣмъ послѣдуетъ. Итакъ, чтобы не случилось ничего этого, приложи всякое стараніе. А если бы можно было безъ шума и тайно убѣжать къ намъ Модуарію, то этимъ было бы достигнуто очень многое. Если же нельзя, то пусть будетъ, какъ велятъ обстоятельства. Какъ та, бросивши два обола, превзошла всѣхъ, бросившихъ больше, потому что она этимъ исто- 619
щила все свое имѣніе (Лук. XXI, 2—4), такъ и тѣ, кто со всею силою стараются относительно дѣлъ, исполнили все, что имъ подобаетъ, хотя бы не было никакой пользы (отъ ихъ стараній) и имѣютъ совершенную награду. Много благодарю епископа Иларія за то, что онъ написалъ мнѣ, прося позволить ему удалиться въ свой городъ и привести въ порядокъ тамошнія дѣла, и опять явиться къ намъ. Такъ какъ присутствіе его весьма полезно (потому что онъ и богобоязненъ, и мужъ постоянный, и ревностный), то я просилъ его, чтобы онъ, удалившись, скоро возвратился. Поэтому, постарайся, чтобы письмо было отдано ему скоро и въ сохранности и не было оставлено въ пренебреженіи, потому что онъ съ большою страстію и пыломъ просилъ нашихъ писемъ, да и присутствіе его весьма полезно. Итакъ, всячески позаботься о письмахъ: если тамъ нѣтъ пресвитера Елладія, то постарайся, чтобы оно было отдано друзьямъ чрезъ какого-нибудь человѣка разсудительнаго и съ умомъ.

Къ ней же письмо XV-е.

Ты ли ожидала, съ юности показавшая такое любомудріе и поправшая человѣческую гордость, что будешь жить невозмутимой и мирной жизнью? И какъ это возможно? Въ самомъ дѣлѣ, если люди, противоборствуя людямъ, получаютъ безчисленныя раны и въ состязаніяхъ, и на войнахъ, то ты, которая приступила къ самимъ началамъ и властямъ, къ міродержителямъ тьмы вѣка сего, къ духамъ злобы (Ефес. VI, 12), и приступила такъ мужественно, ты, которая поставила такіе трофеи и причинила столько печалей тому свирѣпому и проклятому демону, какъ ты могла надѣяться, что будешь жить тихой спокойной жизнью! Итакъ не слѣдуетъ тревожиться изъ-за того, что много повсюду войнъ и смятеній и много тревогъ, а напротивъ, нужно было бы

дивиться тогда, если бы ничего этого не случилось. Съ добродѣтелью соединенъ трудъ и опасность. Это ты знаешь и сама прежде нашихъ писемъ, и нисколько не будешь имѣть нужды учиться отъ другихъ, да и мы пишемъ это, уча не незнающую. Мы знаемъ, вѣдь, что тебя не сможетъ смутить ни изгнаніе изъ отечества, ни потеря имущества (а это для многихъ невыносимо), ни оскорбленіе, ни иное какое-либо подобнаго рода горе. Въ самомъ дѣлѣ, если сообщники терпящихъ эти бѣдствія дѣлаются достойными соревнованія, то гораздо больше тѣ, кто въ нихъ находится. Вотъ почему Павелъ за то и другое хвалитъ увѣровавшихъ изъ евреевъ, говоря: *воспоминайте первыя дни, въ нихже просвѣтившеся многія страсти претерпѣсте страданій: ово убо, поношеньми и скорбми позоръ бывше: ово же, общницы бывше* терпящихъ *тако* (Евр. x, 32—33). Поэтому и мы не пишемъ длиннаго письма. Къ побѣдителю, поставившему блестящій трофей, никто вѣдь не является для помощи, но только для похвалъ. Такъ точно и мы, зная, какое великое любомудріе показала ты относительно
620 случившагося съ тобою, ублажаемъ тебя, удивляемся твоему терпѣнію въ настоящее время, и тѣмъ воздаяніямъ, которыя тебѣ за это назначены. А такъ какъ я хорошо знаю, что ты желаешь узнать и о нашихъ дѣлахъ (потому что я долго молчалъ), то скажу тебѣ, что хотя отъ тяжкаго недуга мы освободились, но остатки болѣзни еще носимъ (доселѣ). Мы пользуемся весьма хорошими врачами, но недостатокъ необходимыхъ вещей разрушаетъ происходящую отъ лѣченія пользу. Дѣйствительно, здѣсь не только скудость лѣкарствъ и прочаго, что можетъ поправить утомленное тѣло, но еще и голодъ, и зараза составляютъ предметъ заботы. Наконецъ, эти бѣдствія увеличиваютъ еще непрерывныя разбойническія нападенія, которыя простираются до самыхъ дальнихъ путей, заграждаютъ и отрѣзываютъ всѣ дороги, причиняя отсюда и путникамъ большую опасность. Дѣйствительно, Андроникъ, какъ онъ говоритъ, попался въ самыя руки разбойниковъ и спасся отъ нихъ, будучи ограбленъ. Поэтому прошу твою благопристойность никого уже сюда не посылать, потому что надо опасаться, чтобы предлогъ путешествія къ намъ не сдѣлался для приходящаго сюда причиною убіенія, а ты знаешь, какую принесетъ это намъ скорбь. Но если ты нападешь на какого-нибудь заслуживающаго довѣрія человѣка, который пойдетъ сюда по другой нуждѣ, то чрезъ него извѣщай насъ о твоемъ здоровьѣ. Нарочно же для этого, равно какъ ради нашихъ нуждъ, пусть никто не приходитъ сюда въ виду страха, о которомъ мы сказали.

Къ ней же письмо XVI—е.

И то и другое — дѣло неизреченнаго человѣколюбія Бога, — какъ то, что Онъ попускаетъ навести на тебя столь великія и до такой степени непрерывныя искушенія, чтобъ блистательнѣе были для тебя вѣнцы, такъ и то, что Онъ дѣлаетъ весьма скорое освобожденіе отъ нихъ, чтобъ ты, съ другой стороны, не мучилась продолжительностью причиняемыхъ бѣдствій. Такъ точно Богъ управлялъ жизнію и тѣхъ благородныхъ мужей, разумѣю апостоловъ и пророковъ, то позволяя волнамъ возбуждаться, то запрещая морю золъ и послѣ тягостной бури производя пріятную тишину. Поэтому перестань плакать и мучить себя печалью и не смотри только на причиняемыя непрерывныя и частыя несчастія, а смотри и на весьма быстрое освобожденіе отъ нихъ и на рождающуюся для тебя отсюда неизреченную награду и воздаяніе. Всѣ нанесенныя тебѣ несчастія сравнительно съ тѣми наградами, которыя за нихъ должны быть даны тебѣ, не что иное, какъ паутина, тѣнь и дымъ, или и того еще ничтожнѣе. Чтó, въ самомъ дѣлѣ, значитъ быть изгнану изъ города и мѣнять мѣста за мѣстами, быть отовсюду гониму, терпѣть лишеніе имущества, быть влачимымъ по судилищамъ, подвергаться терзаніямъ со стороны воиновъ, терпѣть страданія отъ получившихъ безчисленныя благодѣянія, и быть оскорбляему и отъ слугъ, и отъ свободныхъ, — чтó это значитъ, когда наградой за это будетъ небо и тѣ чистыя блага, которыхъ нельзя и выразить словомъ, которыя не имѣютъ конца, но доставлявляютъ собою вѣчное наслажденіе? Итакъ, пере- 621
ставъ размышлять о козняхъ, оскорбленіяхъ, лишеніи имуществъ, постоянныхъ переселеніяхъ, провожденіи жизни въ чужой землѣ, и попирая это легче всякой грязи, думай о тѣхъ сокровищахъ, которыя собраны тебѣ за это на небесахъ, о прибыли неиждиваемой и богатствѣ неприкосновенномъ. Но тѣло твое вслѣдствіе этихъ трудовъ и бѣдствій приведено въ плохое состояніе, и козни враговъ причинили болѣзнь? Опять указываешь мнѣ основаніе для другой награды, великой и неизреченной. Ты знаешь, знаешь ясно, что значитъ благородно и съ благодарностью перенести болѣзнь тѣла. Это, о чемъ я часто говорилъ, увѣнчало Лазаря, это опозорило діавола при состязаніяхъ, какія велъ Іовъ, и явило борца, благодаря такому терпѣнію, болѣе славнымъ. Это прославило его больше и любви къ бѣднымъ, и презрѣнія имущества, и той внезапной потери дѣтей, и безчисленныхъ напастей, и совершенно заградило безстыдныя уста того злого демона. Итакъ,

и сама непрестанно размышляя объ этомъ, радуйся и веселись, доведя до конца величайшій подвигъ и кротко перенося главное изъ испытаній, прославляя за это человѣколюбиваго Бога, Который хотя и можетъ все сразу уничтожить, но попустилъ этому быть, чтобы эта прекрасная прибыль была для тебя болѣе блестящею. Потому и мы не перестаемъ ублажать тебя. Мы обрадовались, что ты, освободившись отъ тяжбъ и хлопотъ, какъ тебѣ подобало, положила дѣлу конецъ и порѣшила его,—ни малодушно не отвергая ихъ (тяжбъ и хлопотъ), ни упорно не настаивая на нихъ, и не втянувши себя въ суды и проистекающія отъ нихъ бѣдствія, а прошла среднимъ путемъ, получивъ приличную тебѣ свободу и во всемъ показавъ большое благоразуміе, доказавъ и долготерпѣніе, и твердость, и стойкость, и способность твоего благоразумія не поддаваться обману.

Къ ней же письмо XVII-е.

Ничего страннаго и неестественнаго не случилось съ твоимъ благочестіемъ, — напротивъ, вполнѣ естественно и такъ и слѣдовало быть, что силы души стали у тебя крѣпче, вслѣдствіе непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ испытаній, и ты пріобрѣла больше рвенія и силы къ состязаніямъ, а отсюда и большое удовольствіе. Такова ужъ природа страданія: когда оно нападаетъ на душу благородную и полную силы, оно обыкновенно производитъ это. И подобно тому, какъ огонь дѣлаетъ золото болѣе чистымъ, когда соединится съ нимъ, такъ и страданіе, нападая на золотыя души, дѣлаетъ ихъ болѣе чистыми и испытанными. Потому и Павелъ говорилъ: *скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство* (Римл. v, 3 — 4). Поэтому и мы ликуемъ и радуемся, и отъ такого твоего мужества получаемъ величайшее утѣшеніе въ этомъ одиночествѣ. Поэтому, хотя бы окружили
622 тебя безчисленные волки и многія толпы злобствующихъ, мы нисколько не боимся, но молимся, чтобы исчезли и настоящія испытанія и другія не приключились, исполняя Господень законъ, повелѣвающій молиться о томъ, чтобы не войти въ искушеніе (Матѳ. xxvi, 41); если же попущено будетъ имъ снова случиться, то мы спокойны за твою золотую душу, которая собираетъ себѣ и отсюда величайшее богатство. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, будутъ въ состояніи испугать тебя тѣ, кто отваживается на все на свою же голову? Убыткомъ имущества? Но я хорошо знаю, что это для тебя пепелъ и считается ничтожнѣе всякой грязи. Изгнаніемъ

изъ отечества и дома? Но ты умѣешь и въ большихъ и многолюдныхъ городахъ жить какъ бы въ пустыняхъ, все время будучи предана тишинѣ и спокойствію, и поправши житейскую мишуру. Они угрожаютъ смертію? Но, ты и въ этомъ предупредила ихъ, такъ какъ въ продолженіе всего времени заботилась объ этомъ, и если они повлекутъ тебя на убіеніе, то повлекутъ на него мертвое тѣло. Зачѣмъ нужно много говорить? Никто не будетъ въ состояніи сдѣлать тебѣ ничего такого, чего бы онъ не нашелъ давно уже въ совершенствѣ перенесеннымъ тобою, потому что во всемъ этомъ ты наупражнялась, всегда идя тѣснымъ и узкимъ путемъ. Научившись въ такихъ упражненіяхъ этому прекраснѣйшему знанію, ты явилась блистательнѣе теперь во время состязаній, не только нисколько не смущаясь случающимся, но и окрыляясь радостью, ликуя и торжествуя. Къ чему пріучилась ты путемъ упражненія, состязаніями въ томъ и занимаешься ты теперь съ большою легкостію, въ женскомъ тѣлѣ, болѣе слабомъ, чѣмъ паутины, съ большимъ смѣхомъ попирая бѣшенство мужей, полныхъ силъ и точащихъ на тебя зубы, и будучи готова претерпѣть больше, чѣмъ они готовятъ. Блаженна ты и трижды блаженна ради проистекающихъ отсюда вѣнцовъ, а вѣрнѣе и ради самыхъ состязаній. А такова природа этихъ состязаній, что они и прежде наградъ, на самыхъ мѣстахъ, для нихъ назначенныхъ, имѣютъ и вознагражденія, и воздаянія, удовольствіе, которымъ ты теперь наслаждаешься, радость, мужество, твердость, терпѣніе, равно какъ и то, что ты непреодолима, непокорима, выше всего, что ты такъ обучила себя упражненіями, что не можешь потерпѣть ни отъ кого ничего ужаснаго, что ты въ такія бури стоишь на скалѣ, и въ бушующемъ морѣ носишься при попутномъ вѣтрѣ съ полнымъ спокойствіемъ. Таковы награды за мученіе въ здѣшней жизни и прежде царства небеснаго. Я знаю да, знаю, что теперь ты, окрыляемая радостью, даже не думаешь, что облечена тѣломъ, но если потребуетъ время, совлечешь его съ себя легче, чѣмъ другія одежды, въ которыя они одѣты. Итакъ, радуйся и веселись и за себя и за тѣхъ, которые умерли блаженною смертію, не на ложѣ и не въ домѣ, а въ темницахъ, узахъ и мукахъ. Скорби же и проливай слезы только за тѣхъ, кто дѣлаетъ это, потому что и это достойно твоего любомудрія. А такъ какъ ты желаешь знать и о здоровьѣ нашего тѣла, то (знай, что) мы освободились отъ недуга, который раньше нѣсколько безпокоилъ насъ, и теперь чувствуемъ себя легче, если только наступившая зима опять не причинитъ вреда нашему слабому желудку. Относительно исаврянъ мы находимся въ полной безопасности.

---

5. Къ Картеріи [1]).

623 Часто ли, рѣдко ли пишешь ты къ намъ, мы какое съ начала имѣли мнѣніе о любви твоей, такое и теперь хранимъ неизмѣнно: увѣрены, что, пишешь ли, или молчишь, ты одинаково усердна въ расположеніи къ намъ. Да пошлетъ тебѣ Богъ скорѣйшее выздоровленіе и избавленіе отъ всякой болѣзни. Мы были очень озабочены, услышавъ о томъ, что ты больна. Поэтому усердно просимъ тебя увѣдомлять насъ, сколько возможно чаще, о своемъ положеніи и о томъ, поправляется ли оно къ лучшему. Тебѣ извѣстно, какъ мы скорбимъ, слыша о твоей болѣзни, и какъ радуемся, какъ бы окрыляемся отъ удовольствія, когда услышимъ, что пользуешься полнымъ здоровьемъ. Такъ, зная это, честнѣйшая и благороднѣйшая госпожа моя, не пропускай случаевъ писать къ намъ всегда, какъ только представится возможность, и увѣдомлять о своемъ здоровьѣ. Ты доставляешь намъ немалую радость, посылая къ намъ такія письма.

6. Къ Маркіану и Маркеллину [2]).

Намъ хотѣлось бы лично видѣться съ людьми, такъ горячо намъ преданными, какъ вы. Но такъ какъ это невозможно (потому что дальность пути, зимнее время и опасеніе разбойниковъ рѣшительно не допускаютъ поѣздки), то желательно бы было, по крайней мѣрѣ, чаще встрѣчать случаи для отправки писемъ отъ насъ къ вамъ, чтобы имѣть возможность вполнѣ удовлетворить нашему желанію — къ вамъ писать. Но такъ какъ и этого не дозволяютъ намъ пустынность мѣста, въ которомъ мы живемъ, и удаленность его отъ большой дороги, то усердно прошу извинить насъ, если мы не часто это дѣлаемъ, и, пишемъ ли мы, или молчимъ, имѣть одинаковое мнѣніе о нашей къ вамъ любви, въ полной увѣренности, что молчаніе наше, часто очень продолжительное, происходитъ отъ пустынности мѣста, а не нерадѣнія нашего.

---

[1]) Писано изъ Кукуза въ 404-мъ году.
[2]) Писано въ 404-мъ, или 405-мъ году.

7. Къ Агапиту [1]).

Знаю, что твоя искренняя, горячая, безхитростная и неподдѣльная любовь къ намъ неугасима ни множествомъ дѣлъ, ни долговременностію, ни дальностію пути; знаю и то, какъ усердно желаешь ты видѣть насъ лицомъ къ лицу и лично съ нами побесѣдовать. Но такъ какъ теперь это очень затруднительно — и по дальности пути, и по времени года, и по страху, наводимому исаврійцами, то доставь намъ удовольствіе, почаще сообщая намъ письменно увѣдомленія о здоровьѣ твоемъ и всего твоего дома. Если мы часто будемъ получать отъ твоего благородства и достопочтенности такія письма, то это принесетъ намъ, въ нашей пустынѣ, большое утѣшеніе. Тебѣ не безъизвѣстно, какъ вожделѣнно намъ твое здоровье, мой многоуважаемый и достопочтеннѣйшій владыко.

8. Къ Алфію [2]).

Блаженъ, — троекратно, тысячекратно блаженъ ты, поступая 624
такъ и прилагая свое усердіе къ такимъ дѣламъ, которыя предуготовляютъ тебѣ на небесахъ великую награду и неисчерпаемое сокровище. Ничѣмъ ты не окрылилъ такъ нашу душу, какъ увѣдомивъ насъ касательно господина моего, пресвитера Іоанна, съ какимъ усердіемъ постарался ты поднять его и отправить въ Финикію. Ты умолчалъ, что при этомъ далъ ему и денегъ, и это — совершенно въ духѣ твоего благочестія; но отъ насъ это не скрылось: мы знаемъ это, знаемъ и то, съ какою щедростію ты далъ ихъ. Никогда не перестанемъ прославлять и ублажать тебя за то, что ты оказываешь себя богатымъ въ такихъ вещахъ, которыми должно богатѣть, и усердно просимъ тебя писать къ намъ постоянно. Много бы мы дали, если бы можно было и лично видѣть тебя. Но такъ какъ это до сихъ поръ невозможно, то пиши къ намъ постоянно и увѣдомляй о здоровьѣ твоемъ и всего твоего дома. Эти увѣдомленія принесутъ намъ большое утѣшеніе. Итакъ, зная, сколько они доставятъ намъ радости, не лиши насъ такого удовольствія.

---

[1]) Писано изъ Кукуза въ 404-мъ году.
[2]) Писано, вѣроятно, въ 405-мъ году.

9. Къ Касту, Валерію, Діофанту и Киріаку, пресвитерамъ антіохійскимъ [1]).

Не удивляюсь, что длинное наше письмо вы назвали короткимъ. Таково свойство любящихъ: они не знаютъ пресыщенія, не чувствуютъ избытка; но чѣмъ болѣе получаютъ отъ любимыхъ, тѣмъ болѣе просятъ. Поэтому, если бы теперь пришло къ вамъ письмо въ десять разъ болѣе прежняго, то и оно не избѣжало бы упрека въ краткости и было бы названо тоже небольшимъ, или лучше, не только названо, но и дѣйствительно показалось бы вамъ небольшимъ. Такъ точно и мы сами, до какой бы степени вы ни дошли въ расположеніи къ намъ, не чувствуемъ полнаго удовлетворенія, но всегда желаемъ усиленія вашей привязанности и постоянно просимъ васъ возвратить намъ долгъ нашей къ вамъ любви (потому что *ни единому же ничимже*, говоритъ апостолъ, *должни бывайте, точію еже любити другъ друга*,—Рим. XIII, 8),—долгъ, правда, всегда уплачиваемый, но соразмѣрно тому всегда и отпускаемый вновь, такъ что, получая щедрую уплату по нему отъ васъ, мы думаемъ, что полнаго разсчета не получимъ никогда. Уплачивайте же намъ всегда этотъ прекрасный долгъ, приносящій обоюдную радость. Въ самомъ дѣлѣ, какъ уплачивающіе, такъ и получающіе его, пріобрѣтаютъ равное удовольствіе, такъ какъ и тѣ и другіе остаются одинаково въ выигрышѣ. Въ денежныхъ разсчетахъ этого, конечно, не можетъ быть: тамъ уплачивающій соразмѣрно уплатѣ становится бѣднѣе, а получающій—богаче. Но не такъ это бываетъ обыкновенно въ договорѣ любви. Здѣсь уплатившій не лишается того, чѣмъ уплатилъ, какъ лишается денегъ по переходѣ ихъ къ получателю; но по мѣрѣ того, какъ платитъ, становится еще богаче. Итакъ, зная это, почтеннѣйшіе и благоговѣйнѣйшіе господа мои, не переставайте никогда оказывать къ намъ ваше живое расположеніе. Хотя вы совсѣмъ не имѣете нужды въ такомъ съ нашей стороны увѣщаніи, но такъ какъ мы очень жаждемъ любви вашей, то напоминаемъ объ этомъ даже и не нуждающимся въ напоминаніяхъ и просимъ васъ постоянно писать къ намъ и увѣдомлять о своемъ здоровьѣ. Правда, вамъ не нужно напоминать и въ этомъ
625 послѣднемъ отношеніи; но мы никогда не перестанемъ повторять и этой своей просьбы, — также потому, что исполненіе ея намъ очень желательно. Мы знаемъ, до какой степени это затрудни-

[1]) Писано въ 405-мъ году.

тельно въ настоящую пору, когда по времени года и по неудобствамъ сообщенія встрѣчается мало путешественниковъ, которые могли бы послужить вамъ для этой цѣли: при всемъ томъ просимъ васъ писать такъ часто, какъ только это будетъ возможно и удобно при такихъ препятствіяхъ, и надѣемся получить отъ вашей любви эту радость. Господину моему, благоговѣйнѣйшему пресвитеру Роману, мы послали теперь, по вашему наказу, особое письмо, принося вамъ за это великую благодарность. Мы видимъ новое доказательство великой вашей любви и крайней привязанности къ намъ въ томъ, что вы, и чрезъ посредство переписки, и лично, съ неослабнымъ усердіемъ стараетесь тѣснѣе сблизить насъ съ такими достойными людьми. Получивъ такимъ образомъ наше письмо къ нему, потрудитесь отдать его по принадлежности и сверхъ письма лично передайте ему также привѣтствіе отъ насъ. Давно уже, съ самаго начала, мы были горячими друзьями его; скажите ему, что и доселѣ мы хранимъ ту же любовь къ нему, находя въ томъ величайшее для себя удовольствіе, и если долго къ нему не писали, то не по нерадѣнію, но потому, что надѣялись получить письмо отъ его благоговѣнія. А такъ какъ онъ пожелалъ, чтобы мы писали къ нему первые, то вотъ — исполняемъ и это и усердно просимъ его также писать къ намъ постоянно.

10. Къ пресвитеру Роману [1].

Ты знаешь самъ, честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій мой господинъ, какъ всегда мы были расположены къ твоему благоговѣнію и съ какимъ постоянствомъ всегда хранили доселѣ союзъ съ тобою по закону любви, удивляясь твоему доброму нраву и поражаясь благообразіемъ твоей добродѣтельной жизни, которымъ ты привязываешь къ себѣ каждаго. Потому-то, несмотря на дальность разстоянія, мы всегда вспоминаемъ о тебѣ и никогда, въ какую бы пустыню насъ ни заточили, не можемъ забыть о твоей любви; но постоянно представляемъ и воображаемъ тебя очами любви какъ бы въ нашемъ присутствіи и подлѣ насъ, или лучше, непрестанно видимъ тебя и предъ всѣми прославляемъ твое благоговѣніе. Просимъ же и тебя всегда помнить о насъ, хранить къ намъ во всей силѣ и теперь ту любовь, которую ты оказывалъ

[1]) Изъ Кукуза въ 405 г.

къ намъ съ самаго начала, прилежно молиться о нашемъ смиреніи, писать къ намъ, когда только будетъ возможно, и увѣдомлять насъ о своемъ здоровьѣ, чтобы, живя и въ пустынѣ, мы могли пріобрѣсть великое утѣшеніе себѣ въ той мысли, что, несмотря на такую дальность разстоянія, пользуемся содѣйствіемъ твоихъ молитвъ.

11. Къ Исихію [1]).

Ты изволишь просить прощенія въ томъ, что не могъ прибыть ко мнѣ, извиняясь нездоровьемъ. А я хвалю и благодарю тебя и за твое намѣреніе, по которому ты какъ бы прибылъ ко мнѣ и въ отношеніи моей любви ничего не потерялъ сравнительно съ тѣми, которые и дѣйствительно пришли. Силенъ Богъ—избавить тебя отъ обдержащей тебя болѣзни и возвратить тебѣ полное здоровье; тогда мы насладимся съ тобою и личною бесѣдою. Намъ
626 очень бы хотѣлось видѣть тебя, обнять и облобызать твою любезную намъ особу. Въ ожиданіи же того, пока твое благородство хвораешь и время года представляетъ также затрудненіе, мы не перестанемъ постоянно писать къ твоей честности, находя въ томъ удовольствіе и для самихъ себя.

12. Къ епископу Елпидію.

Мы хотѣли бы постоянно писать къ твоему благоговѣнію,—ты знаешь это и самъ, честнѣйшій владыко; но такъ какъ этого не дозволяетъ намъ то обстоятельство, что часто къ намъ никто не ѣздитъ (потому что пустынность мѣстности и усиливающее ее опасеніе со стороны разбойниковъ, кромѣ же того—и настоящая пора года, заграждающая всѣ дороги, дѣлаютъ Кукузъ ни для кого недоступнымъ), то, какъ только случатся письмоносцы, мы съ живѣйшимъ удовольствіемъ исполняемъ свое желаніе. Это самое дѣлаемъ и теперь чрезъ господъ моихъ честнѣйшихъ пресвитеровъ, принося должное привѣтствіе твоему благочестію и прося, какъ только будетъ возможно, писать къ намъ и увѣдомить насъ о своемъ здоровьѣ. Тебѣ не безъизвѣстно, мой

[1]) Это и четыре слѣдующихъ письма писаны изъ Кукуза въ 404-мъ году.

честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій владыко, какъ намъ желательно всегда знать о немъ. Хотя насъ поселили на самыхъ крайнихъ предѣлахъ нашей вселенной, при всемъ томъ мы не можемъ забыть твоей искренней, горячей, неподдѣльной и безхитростной любви, и куда бы насъ ни удалили, мы пойдемъ, унося ее съ собою, какъ величайшее утѣшеніе.

13. Къ епископу Магну.

Хотя самъ ты не прислалъ намъ письма, несмотря на то, что сюда прибыли господа мои пресвитеры; но мы, помня твою прежнюю дружбу, отдавая дань удивленія твоимъ достоинствамъ и душевному мужеству и зная любовь, которую ты всегда оказывалъ намъ, первые обращаемся съ письмомъ къ твоей мѣрности и свидѣтельствуемъ тебѣ благодарность за расположеніе, которое ты показалъ къ намъ, потому что отъ насъ не укрылось это, несмотря на то, что мы живемъ въ такой дали. Итакъ просимъ тебя, какъ только будетъ возможно, постоянно писать къ намъ и радовать насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ. Когда мы слышимъ, что наши крѣпкіе и мужественные друзья, такъ зорко и неусыпно бодрствующіе въ попеченіи о церквахъ, живутъ во здравіи, то получаемъ отъ этого великое утѣшеніе. Зная это, мой честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій владыко, не поставь въ трудъ постоянно увѣдомлять насъ о томъ. Такимъ образомъ, хотя бы насъ отправили на самые крайніе предѣлы вселенной, мы получимъ большое облегченіе, постоянно пользуясь этимъ утѣшеніемъ.

14. Къ епископу Домну.

И за присылку честнѣйшаго пресвитера для того, чтобы навѣстить насъ, и за письмо приношу великую благодарность твоему благоговѣнію, честнѣйшій владыко. То и другое — знакъ искренней любви и горячаго расположенія. Чрезъ это, и живя въ пустынѣ, мы получаемъ великое утѣшеніе. Имѣть такихъ до- 627
стойныхъ мужей такими горячими приверженцами — это доставляетъ не малое подкрѣпленіе пользующимся ихъ любовью. Я желалъ бы лично видѣться съ твоимъ благоговѣніемъ и насла-

диться твоимъ пріятнѣйшимъ обществомъ. Но такъ какъ этого нельзя (мнѣ невозможно, а твоей честности, при заботахъ о своей собственной церкви, неудобно), то по необходимости приходится прибѣгнуть къ другому средству и искать себѣ отрады въ письмахъ. И письмо, проникнутое искреннею любовью, не мало можетъ служить къ утѣшенію въ разлукѣ. Итакъ, чтобы постоянно поддержать въ насъ это утѣшеніе, не поставь въ трудъ писать къ намъ о своемъ здоровьѣ такъ часто, какъ только это будетъ возможно и исполнимо. Мы считаемъ твою дружбу величайшимъ сокровищемъ и неистощимымъ запасомъ всякихъ благъ. И если этого рода блага, то есть письма твои, мы будемъ имѣть удовольствіе получать постоянно, то и пустыня здѣшняя не дастъ намъ тогда себя почувствовать, такъ какъ твои посланія будутъ приносить намъ большую радость.

---

15. Къ пресвитеру Василію.

Хотя мы никогда не имѣли удовольствія знать тебя лично, но, слыша о твоей душевной доблести и о ревности, которую имѣешь ты къ дѣлу искорененія заблужденій между язычниками и обращенія ихъ къ истинѣ, свидѣтельствуемъ тебѣ свое уваженіе и почтеніе — такъ, какъ будто бы лично знали тебя, жили вмѣстѣ и долгое время были близко знакомы. Поэтому и первые обращаемся къ тебѣ съ письмомъ, ублажая тебя за то, что ты совершаешь, удивляясь тебѣ и вмѣстѣ прося, чтобы и ты писалъ къ намъ, какъ только будетъ возможно. Хотя тѣломъ мы раздѣлены, но любовью соединены съ тобою, всегда съ заботливостію думая о твоемъ благоговѣніи. Зная это, не поставь въ трудъ писать къ намъ постоянно и увѣдомлять о своихъ подвигахъ, такъ какъ, даже въ пустынѣ живя, мы извлечемъ отсюда большое утѣшеніе.

---

16. Къ Халкидіи и Асинкритіи [1]).

Да не смущаютъ васъ никакія огорченія и да не тревожитъ вашу душу безпрерывное волненіе въ ходѣ дѣлъ. Таковъ уже этотъ тѣсный и скорбный путь: онъ представляетъ много неудобствъ, требуетъ большихъ усилій и трудовъ. Но все это про-

---

[1]) Писано изъ Кукуза въ 405-мъ году.

ходитъ и кончается съ настоящею жизнію. Хотя и тѣсенъ этотъ путь, но все же онъ—только путь; а награды за кроткое и мужественное перенесеніе его постоянны, безсмертны и гораздо выше его трудностей. Имѣя такимъ образомъ въ виду съ одной стороны мимолетность и временность скорби, а съ другой—постоянство и вѣчность наградъ, мужественно переносите все, не смущаясь встрѣчающимися непріятностями. Одно только есть истинное горе, это—грѣхъ; а все прочее: изгнанія, лишеніе имуществъ, заточенія, клеветы и все подобное—тѣнь, дымъ, паутина, или что-нибудь еще болѣе ничтожное. Привыкши уже переносить много испытаній и въ прежнее время, покажите и теперь приличное вамъ терпѣніе. Оно можетъ укрѣпить васъ въ твердости, безопасности и мирѣ и сдѣлаетъ васъ еще славнѣе. Какъ только 628
найдете, что кто-нибудь по своей надобности отправляется сюда, пишите намъ неопустительно о своемъ здоровьѣ. Вы знаете, какъ мы дорожимъ имъ и какъ желаемъ почаще получать о немъ свѣдѣнія.

17. Къ епископу Еортію [1]).

Я ожидалъ отъ твоей честности получить письмо съ увѣдомленіемъ о твоемъ здоровьѣ. Ты знаешь, какъ всегда мы были расположены къ твоему благоговѣнію, честнѣйшій владыко. Но такъ какъ, можетъ быть, недостатокъ случая переслать письмо отнялъ у васъ всякую возможность сдѣлать это, то мы, встрѣтивъ людей, отправляющихся къ твоему благоговѣнію, первые обращаемся съ письмомъ къ твоей честности и усердно просимъ тебя писать къ намъ постоянно, какъ только будетъ возможно, и увѣдомлять о своемъ здоровьѣ. Мы живемъ въ пустыннѣйшемъ мѣстѣ, пустыннѣе котораго нѣтъ во всей нашей вселенной; мы—постоянно въ осадѣ отъ страха со стороны разбойниковъ и терпимъ множество скорбей, какъ это естественно на чужой сторонѣ и въ такой пустынѣ; при всемъ томъ если отъ васъ, отъ всѣхъ, такъ горячо насъ любящихъ, мы будемъ часто получать письма съ увѣдомленіями о вашемъ здоровьѣ, то несмотря на всѣ свои горькія обстоятельства, мы найдемъ въ нихъ большое утѣшеніе. Ты знаешь, какова сила любви; знаешь, что не личное только присутствіе любезныхъ, но и письмо отъ нихъ приноситъ большое подкрѣпленіе. Зная это, ущедри намъ эту радость, увѣдомляя почаще о своемъ здоровьѣ, о которомъ намъ особенно желательно имѣть свѣдѣніе.

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году.



18. Къ Маркеллину [1]).

Давно уже оба мы хранили молчаніе относительно другъ друга; но о старинной и искренней любви твоей къ намъ мы не забыли, а соблюдаемъ ее всецѣло, и куда бы насъ ни отправили, мы унесемъ ее съ собою, какъ величайшее утѣшеніе. Поэтому вотъ и теперь, встрѣтивъ отправляющихся къ твоему благородству, мы воздаемъ тебѣ должное привѣтствіе и увѣдомляемъ, что хотя бы насъ удалили на самые крайніе предѣлы вселенной, мы пойдемъ туда, мысленно имѣя тебя напечатлѣннымъ въ нашемъ сердцѣ. А такъ какъ при такомъ расположеніи съ нашей стороны намъ весьма пріятно не только писать къ особамъ, столько любимымъ, но и отъ нихъ получать письма, то удвой намъ нашу радость, честнѣйшій владыко, и, какъ только будетъ возможно, пиши намъ постоянно, увѣдомляя о своемъ здоровьѣ. Ты знаешь, какъ желательно намъ имѣть о немъ свѣдѣніе и какое утѣшеніе мы пріобрѣтемъ отъ того, даже живя на чужбинѣ.

---

19. Къ Евоаліи [2]).

Хотя я рѣже получаю письма отъ твоей скромности, чѣмъ самъ посылаю къ твоей мѣрности, однако не перестану писать постоянно. Дѣлая это, я доставляю удовольствіе себѣ самому, веду переписку съ особою, такъ искренно, такъ задушевно, такъ горячо и постоянно къ намъ расположенною. Но кромѣ того, такъ
629 какъ намъ весьма желательно имѣть свѣдѣніе о томъ, какъ идутъ твои дѣла, то мы желали бы постоянно получать письма и отъ тебя, чтобы всегда имѣть свѣдѣніе о томъ, чего желаемъ тебѣ, именно о томъ, что ты живешь въ благодушіи и полномъ благополучіи. Что, пользуясь этимъ, ты прилагаешь большое попеченіе о своей душѣ и, оставляя въ сторонѣ все житейское, шествуешь по дорогѣ къ небу, въ этомъ, конечно, и сомнѣваться нечего. Я знаю благородство твоей души, свободу, независимость отъ дѣлъ и отчужденіе отъ житейскихъ заботъ. Итакъ, чувствуя, сколько ты доставишь намъ этимъ удовольствія, постарайся писать къ намъ, какъ мы выше сказали, постоянно, какъ только будетъ возможно

---

[1]) Писано, вѣроятно, въ 405-мъ году.

[2]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году.

и исполнимо, чтобы намъ получить такимъ образомъ большое подкрѣпленіе въ борьбѣ съ лишеніями такой пустыни, въ какой мы проводимъ жизнь. Когда отъ васъ, отъ любящихъ насъ искренно, часто приходятъ къ намъ письма съ увѣдомленіями о вашемъ здоровьѣ, то они не просто только радуютъ насъ, но доставляютъ намъ такое удовольствіе, что мы становимся совершенно нечувствительны къ пустынности мѣста, въ которомъ живемъ.

---

20. Къ Адоліи [1]).

И тѣмъ доказала ты твою искреннюю и горячую любовь, что, даже находясь въ болѣзни, ты такъ постоянно къ намъ пишешь. Съ своей стороны мы желаемъ, чтобы ты выздоровѣла и пріѣхала, когда будетъ можно, сюда повидаться. Впрочемъ ты и сама знаешь это, моя скромнѣйшая и благоговѣйнѣйшая госпожа. Но теперь, какъ я писалъ и прежде, мы чрезвычайно озабочены (такъ какъ догадываемся изъ твоихъ писемъ, что болѣзнь твоя весьма сильна); такъ поэтому, какъ только твое здоровье сколько-нибудь поправится къ лучшему, пожалуйста поскорѣе постарайся увѣдомить насъ о томъ, чтобы снять съ нашей души тяжелѣйшую тревогу. Тебѣ не безъизвѣстно, до какой степени мы безпокоимся теперь о твоей болѣзни. Итакъ, зная, въ какой мы теперь тревогѣ, постарайся сдѣлать то, о чемъ мы просили. Впрочемъ, ты не особенно нуждаешься въ убѣжденіи къ этому: и я увѣренъ, что, какъ только случатся письмоносцы, ты не преминешь съ каждымъ писать къ намъ.

---

21. Къ Картеріи [2]).

Это — сильное доказательство твоей любви, твоей душевной заботливости и горячаго расположенія къ намъ, что ты не только прислала многосоставной (мази), но наблюла, чтобы употребленіе ея могло принесть пользу, и прислала вмѣстѣ съ ней также нарднаго и виннаго масла для поправленія ея, если она отъ дальней дороги слишкомъ засохнетъ. Ты пишешь, что ты сама приготовила ее, не довѣрила другимъ, и не наскоро сдѣлала, а сдѣ-

---

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ или 405-мъ году.

[2]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году.

лала ее старательно; и послѣ этого твое расположеніе къ намъ рѣшительно поражаетъ насъ. Свидѣтельствуемъ тебѣ за это благодарность, на одно только жалуясь, что ты не прислала намъ въ письмѣ того, чего особенно желательно было намъ, именно — добрыхъ извѣстій о своемъ здоровьѣ. И такъ какъ мы
630 доселѣ озабочены, не зная, въ какомъ положеніи твоя болѣзнь, то, если въ скорости пришлешь намъ письмо съ увѣдомленіемъ, что твоя болѣзнь кончилась, ты доставишь намъ этимъ величайшее удовольствіе. Итакъ, зная, какъ сильно желаемъ мы получить свѣдѣніе о томъ, что ты дѣйствительно поднялась послѣ этой немощи, доставь намъ эту радость: она послужитъ намъ среди лишеній нашей пустыни и нашего осаднаго положенія немалымъ утѣшеніемъ.

22. Къ Алфію [1]).

Дай тебѣ Богъ награду, и въ настоящей жизни, и въ будущемъ вѣкѣ, за твою искреннюю и горячую любовь къ намъ, неподдѣльную, нелицемѣрную, непоколебимую и неизмѣнную. Не мало уже показалъ ты, честнѣйшій и благороднѣйшій господинъ мой, доказательствъ расположенія къ намъ, не смотря на такую отдаленность своего мѣстопребыванія: они — многочисленны и велики. Приносимъ тебѣ благодарность за это, и желали бы писать къ тебѣ постоянно, но не можемъ, сколько желали бы, а пишемъ, сколько можемъ. Ты знаешь, что въ настоящее время дороги отъ зимней непогоды и отъ разбойническихъ нападеній почти непроходимы. Не упрекай насъ поэтому въ нерадѣніи, если мы будемъ долго хранить молчаніе, и припиши это отсутствію письмоносцевъ, а не небрежности нашей. Если бы только возможно было чаще пересылать письма, мы не сочли бы за трудъ писать къ тебѣ неопустительно. Мы находимъ удовольствіе для самихъ себя въ томъ, чтобы чаще воздавать тебѣ должное привѣтствіе. Зная это, пиши намъ постоянно и ты о своемъ здоровьѣ. Того, что, какъ говоришь, ты послалъ намъ, никто намъ сюда не доставилъ, но посланный воротился съ дороги, боясь разбойниковъ. Впрочемъ, усердно просимъ тебя впередъ не дѣлать этого и не вводить себя въ хлопоты и затрудненія. Твое искреннее и горячее расположеніе служитъ намъ великимъ подаркомъ съ твоей стороны, и, постоянно пользуясь имъ, мы всегда съ усладою вспоминаемъ о твоей любви.

[1]) Изъ Кукуза въ 405-мъ году.

23. Къ пресвитеру монаху Марону [1]).

Такъ, любовью и расположеніемъ мы соединены съ тобою и видимъ тебя, какъ будто бы ты находился теперь здѣсь. Таковы глаза любви: они не загораживаются дальностію разстоянія и не слабѣютъ отъ времени. Хотѣли бы мы поэтому и чаще писать къ твоему благоговѣнію. Но такъ какъ это совершенно неисполнимо по затруднительности дороги и по рѣдкости путниковъ, то мы привѣтствуемъ твою честность такъ часто, какъ только возможно, и извѣщаемъ тебя, что постоянно имѣемъ тебя въ памяти, нося въ душѣ своей, гдѣ бы мы ни были. Увѣдомляй насъ почаще и ты о своемъ здоровьѣ, чтобы, будучи раздѣлены съ тобою тѣлесно, но постоянно зная о твоемъ благоденствіи, мы были благодушнѣе и могли много утѣшаться этимъ, живя въ пустынѣ. Вѣдь слышать о твоемъ здоровьѣ доставляетъ намъ не малую радость. Но прежде всего, пожалуйста, молись о насъ.

---

24. Къ епископу Транквилину [2]).

Честнѣйшаго господина моего, епископа Селевка, сюда привела любовь къ намъ, а отсюда ведетъ стремленіе къ твоей любви. 631
Оно заставило его забыть и зимнюю непогоду, и трудность дороги, и собственную сильнѣйшую болѣзнь. Отдавая честь усердію его расположенія, воздай ему, мой честнѣйшій владыко, награду за его долгія лишенія и окажи ему и теперь обычную свою любовь къ нему. Притомъ и мы препровождаемъ его въ твои руки, какъ въ необуреваемую пристань, зная твою большую привѣтливость, твою искреннюю, горячую, твердую и неизмѣнную любовь. Если кто поѣдетъ оттуда и будетъ удобно, напиши намъ, пожалуйста, о своемъ здоровьѣ. Евпсихій доселѣ еще не прибылъ; поэтому мы ничего не могли узнать о томъ, что, какъ говоришь ты въ послѣднемъ своемъ письмѣ, онъ долженъ былъ намъ пересказать, такъ какъ онъ совсѣмъ къ намъ не являлся. Зная это, сообщи намъ, пожалуйста, теперь, по крайней мѣрѣ, о томъ, о чемъ прежде черезъ него хотѣлъ увѣдомить, а также, если есть и еще что-нибудь, что намъ необходимо знать, и извѣсти о своемъ

---

[1]) Время написанія этого письма неопредѣленно указывается между 404-мъ и 407-мъ годами.

[2]) Какъ это, такъ и два слѣдующихъ письма, писаны изъ Кукуза въ 404-мъ или 405-мъ году.

здоровьѣ. Горячо желая его тебѣ и постоянно заботясь о немъ, мы всегда желаемъ имѣть о немъ свѣдѣніе.

25. Къ главному врачу Имнитію [1]).

Хотя мы не постоянно пишемъ къ твоей честности, но постоянно имѣемъ тебя въ памяти, получивъ въ теченіе нѣсколькихъ дней большое доказательство твоей усерднѣйшей, горячей и искренней дружбы. Поэтому препровождаемъ въ твои руки, какъ въ пристань, и господина моего, честнѣйшаго епископа Селевка. Онъ страдаетъ жесточайшимъ кашлемъ, который настоящая пора года раздражаетъ сильнѣе и дѣлаетъ еще жесточе. Распознавъ свойство его недуга, постарайся, честнѣйшій мой господинъ, избавить его отъ этого водоворота, противопоставивъ напору болѣзни силу твоей науки, при посредствѣ которой ты часто многихъ, бывшихъ въ опасности совершенно потонуть подъ ударами подобныхъ волнъ, скоро спасалъ отъ кораблекрушенія.

26. Къ Халкидіи.

Я знаю, что любовь, которую имѣла ты къ намъ издавна и изначала, хранишь ты въ цѣлости и даже дѣлаешь въ ней приращеніе, не только не позволяя ей гаснуть отъ дальности разстоянія и продолжительности времени, но возжигая ее болѣе и болѣе. Знаю и то, что ты получаешь наши письма съ большою радостію и что, пишешь ли ты сама, или молчишь, ты одинаково къ намъ расположена. Въ теченіе многихъ лѣтъ я дѣйствительно видѣлъ много опытовъ твоего расположенія. Но потому-то мы и просимъ твою честность быть къ намъ всегда такъ расположенною, что имѣемъ уже много залоговъ, много памятниковъ искренности твоей любви. Потому-то и носимъ тебя постоянно въ душѣ, напечатлѣвъ въ умѣ своемъ, и хранимъ незабвенную о тебѣ память, хотя и не можемъ постоянно къ тебѣ писать, встрѣчая препятствіе въ недостаткѣ письмоносцевъ. Зная это, скромнѣйшая и благоговѣйнѣйшая госпожа моя, пиши къ намъ сама по-
632 стоянно о своемъ здоровьѣ. Хотя мы, не получивъ отъ тебя письма, всегда распрашиваемъ прибывшихъ оттуда о тебѣ; но намъ желалось бы непосредственно отъ твоей скромности получать письма, сообщающія радостныя извѣстія о твоемъ благоденствіи.

[1]) Въ большей части изданій и манускриптовъ читается: *Имитію*.

27. Къ Асинкритіи [1])

Знаю, что ты теперь находишься въ большой скорби. Но какъ это знаю, такъ вѣдаю и то, что за эти скорби тебѣ уготована большая награда, положено великое возмездіе и воздаяніе. Хотя горе — горе и есть; но оно приноситъ пользу душѣ и обезпечиваетъ большіе задатки. Зная и размышляя объ этомъ, ищи здѣсь высшаго утѣшенія, обращая взоръ не на жестокость только скорбей, но и на проистекающую отъ нихъ пользу, и пиши постоянно къ намъ о своемъ здоровьѣ. Въ настоящее время мы очень болѣемъ, слыша, что ты хвораешь. Поэтому весьма желали бы получить въ возможной скорости свѣдѣніе о томъ, есть ли какое-нибудь облегченіе въ положеніи твоего здоровья, чтобы успокоиться въ своей заботѣ о немъ.

28. Къ Валентину.

Третье письмо посылаю тебѣ теперь, не получивъ самъ ни одного отъ твоего великолѣпія. Что ты получилъ наши письма съ большою радостію, оказалъ вручившему ихъ тебѣ достойный тебя почетный пріемъ и сдѣлалъ съ своей стороны все, въ чемъ нужна была твоя сила, — это мы знаемъ и все это намъ вполнѣ извѣстно, а письма отъ тебя все таки мы не получили никакого. Если бы такъ долго хранилъ молчаніе кто-нибудь другой, менѣе благородный человѣкъ, то мы согласны, что ему можно бы было извиниться множествомъ дѣлъ. Но такъ какъ мы знаемъ возвышенность твоей души, твою горячую, искреннюю, неподдѣльную, твердую и постоянную любовь къ намъ, то отъ твоей достопочтенности такого извиненія не примемъ. Не можешь сказать намъ и того, чтобы на этотъ разъ ты не жилъ тамъ, потому что мы и это знаемъ. Одно только можетъ насъ достаточно удовлетворить за твое долгое молчаніе, если къ будущемъ ты соблаговолишь вознаградить опущенное въ прошедшее время и станешь присылать намъ вороха писемъ съ медотодочивыми увѣдомленіями о твоемъ здоровьѣ и благополучіи. Хотя мы живемъ въ пустынѣ, въ тяжеломъ осадномъ положеніи, и окружены тысячами опасностей,— при всемъ томъ мы не перестаемъ заботиться о твоей достопо-

---

[1]) Настоящее и два слѣдующихъ письма писаны изъ Кукуза въ 404-мъ году.



чтенности и ежедневно развѣдываемъ, какъ идутъ твои дѣла. Итакъ, хотя для того, чтобы мы узнавали это не отъ другихъ, но отъ самого тебя, чье расположеніе намъ такъ сладко и вожделѣнно, пиши намъ постоянно о своемъ здоровьѣ. Получая письма, приносящія намъ добрыя вѣсти, мы получаемъ все, чего желаемъ отъ тебя.

29. Къ Кандидіану.

683 Велико разстояніе пути, раздѣляющее насъ; не мало прошло и времени послѣ того, какъ мы разстались съ твоею достопочтенностію; кромѣ того — многое множество неотступныхъ дѣлъ, страшнѣйшая пустынность нашего мѣстопребыванія, невыносимое осадное положеніе, нападенія, набѣги разбойничьи, разныя другія стѣсненія, немощь здоровья... Но при всемъ этомъ ничто не ослабило нашей любви къ тебѣ: мы хранимъ ее въ полной силѣ и въ полномъ цвѣтѣ, нося тебя въ умѣ своемъ, гдѣ бы мы ни были, имѣя незабвенную о тебѣ память и навсегда запечатлѣвъ въ своемъ сердцѣ благородство твоей души, независимость, неизмѣнность, непреклонность твоей искренней любви и горячность твоего расположенія къ намъ. Такъ мы живемъ здѣсь, находя величайшее утѣшеніе среди лишеній своей безпріютной пустыни въ воспоминаніи о твоихъ подвигахъ. Пиши же и ты къ намъ постоянно, достопочтеннѣйшій и великолѣпнѣйшій господинъ мой, радуя насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ. Ты знаешь, что мы дорожимъ имъ до такой степени, что намъ болѣе всего желательно имѣть о немъ свѣдѣніе, и что, если писать къ тебѣ составляетъ намъ радость, то наша радость удвоится, когда и отъ твоего великолѣпія мы будемъ получать такія письма.

30. Къ Вассіанѣ [1]).

Давно ты молчишь, не смотря даже на то, что имѣешь подлѣ себя честнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго господина моего, діакона Өеодота, который легко можетъ найти отправляющихся оттуда сюда. Но мы и при этомъ не допускаемъ подозрѣнія, чтобы твоя любовь къ намъ сдѣлалась сколько-нибудь холоднѣе, потому что много разъ уже имѣли случай вполнѣ удостовѣриться въ

[1]) Изъ Кукуза въ 405-мъ году, какъ и письмо къ Өеодоту.

ней на опытѣ и знаемъ, что она чиста, неподдѣльна, искрення и неизмѣнна. Поэтому, пишешь ли ты, или молчишь, мы одинаково расположены къ твоему благородству и смѣло надѣемся, что твое расположеніе къ намъ всегда пребудетъ цѣло и невредимо. Тѣмъ не менѣе, и при такой съ нашей стороны увѣренности, намъ было бы весьма пріятно — постоянно получать отъ васъ письма, радующія насъ извѣстіями о здоровьѣ вашемъ и всего вашего дома, такъ какъ мы горячо желаемъ его вамъ и крѣпко дорожимъ имъ, какъ тебѣ это извѣстно. Зная это, скромнѣйшая и благороднѣйшая госпожа моя, доставь намъ это удовольствіе, легкое, удобное, справедливое и могущее принесть намъ большое подкрѣпленіе среди лишеній нашей жизни въ пустынѣ.

---

31. Къ діакону Θеодоту.

Знаю самъ, что ты не сталъ бы только писать къ намъ, когда бы могъ лично прибыть, и что, оставивъ все, ты хотѣлъ бы быть вмѣстѣ съ нами, если бы не было препятствій, и препятствій чрезвычайно важныхъ, какъ-то: настоящая пора года, затруднительное положеніе дѣлъ и усиливающаяся съ каждымъ днемъ пустынность здѣшняго мѣстопребыванія. Нѣтъ ни малѣйшей надобности и разузнавать мнѣ объ этомъ. Какъ скоро я разъ узналъ, что ты насъ горячо любишь, то, само собою разумѣется, 634
знаю уже и это. Хотя мы и безъ твоего также напоминанія писали уже ко всѣмъ, но во всякомъ случаѣ благодаримъ тебя за такую предупредительную къ намъ внимательность, вслѣдствіе которой въ концѣ своего письма ты въ заключеніе просишь насъ объ этомъ. Это—знакъ души, горячо озабоченной нашимъ дѣломъ, старательной, попечительной, умѣющей искренно любить. Итакъ, говорю, я всѣмъ уже писалъ. Между прочимъ недавно мы послали также письмо и къ госпожѣ моей Картеріи; но теперь узнали, что она не живетъ тамъ и предприняла далекое путешествіе. Такъ, если есть какая-нибудь возможность переслать ей наше письмо туда, то перешли, ежели сочтешь нужнымъ; а если нельзя, то сходи къ честнѣйшимъ и благороднѣйшимъ господамъ моимъ: Маркелліану и другимъ, и скажи, чтобы они, когда будутъ писать къ ней, оправдали насъ передъ нею и написали, что мы не по небрежности и не все это время не писали къ ней и что продолжительное ея путешествіе препятствовало намъ писать къ ней чаще.

---

32. Къ пресвитеру Симмаху [1]).

Нисколько не ново и не странно, что идущій тѣснымъ путемъ терпитъ стѣсненія. Таково естественное свойство добродѣтели: ея путь усѣянъ трудами, тяжелыми усиліями, кознями и опасностями. Но таковъ путь; а за нимъ — вѣнцы, награды, блага неизреченныя и безконечныя. Такъ, утѣшай себя этимъ. Притомъ и радости и скорби текущей жизни протекаютъ вмѣстѣ съ нею и вмѣстѣ съ этой жизнію оканчиваются. Слѣдовательно, ни радостями нечего надмѣваться, ни отъ скорбей нечего падать духомъ и крушиться. Хорошій кормчій не зѣваетъ во время тишины, но не смущается и въ бурю. Зная все это, утѣшай себя и ищи въ этомъ лучшаго подкрѣпленія. Пиши намъ постоянно о своемъ здоровьѣ. Хотя мы раздѣлены съ тобою большимъ протяженіемъ пространства и давно уже разстались съ твоей мѣрностью, но не разстались съ любовью къ тебѣ и всегда носимъ ее съ собою незабвенно и неослабно, гдѣ бы мы ни были, потому что такова уже природа искренней дружбы.

33. Къ Руфину.

Хотѣлъ бы я чаще писать къ твоему благоговѣнію, потому что люблю тебя, и очень люблю, достопочтеннѣйшій и благоговѣйнѣйшій мой владыко; и то и другое ты самъ знаешь. Но такъ какъ одно отъ насъ зависитъ, а другое не отъ насъ, въ любви мы — господа себѣ, а касательно постоянной переписки — не совсѣмъ, потому что часто мѣшаетъ затруднительность сообщенія и неудобная пора года, то первую обязанность мы исполняемъ непрерывно, но вторую — когда только возможно, а пожалуй, впрочемъ, и ее исполняемъ тоже непрерывно. Въ самомъ дѣлѣ, если чернилами и на бумагѣ мы не постоянно пишемъ къ тебѣ, то мыслію и въ душѣ — постоянно: таково свойство искренней дружбы.

34. Къ Намеѣ [2]).

635 Что ты увертываешься, извиняясь и прося прощенія въ томъ, за что мы хвалимъ и прославляемъ тебя, принимая твое письмо

[1]) Между 404 и 407-мъ годами, какъ и слѣдующее письмо.
[2]) Изъ Кукуза въ 405-мъ году.

и упрекая за то, что ты прислала его такъ поздно и не скоро? Если ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что писать къ намъ — большая дерзость съ твоей стороны, то, оставивъ это, озаботься нашимъ обвиненіемъ тебя въ медлительности и оправдайся. Чѣмъ больше будешь говорить, что ты и въ отсутствіе наше любишь насъ такъ же искренно, какъ любила при нашемъ личномъ присутствіи, тѣмъ болѣе увеличишь свою вину. Если бы ты была къ намъ просто расположена, какъ и другіе, и тогда не было бы причины молчать такое долгое время; а какъ скоро ты говоришь, что имѣешь къ намъ такую искреннюю и горячую любовь, что не отказалась бы даже предпринять къ намъ путешествіе, какъ оно ни трудно и какъ ни страшно по причинѣ множества осаждающихъ дорогу разбойниковъ, если бы не воспрепятствовало тебѣ твое нездоровье, то тебѣ остается уже только одинъ способъ оправдаться — слать намъ безсчетно и постоянно свои письма, которыя могутъ загладить вину твоего долгаго молчанія. Дѣлай же это, и тогда мы — вполнѣ удовлетворены. Какъ ни поздно пришло настоящее твое письмо, но, какъ оно проникнуто горячею любовью, то уплачиваетъ долгъ за прошедшее время. Однако смотри, чтобы слѣдующія за нимъ письма не подражали ему въ запаздываніи, потому что тѣмъ только можно будетъ доказать, что и настоящее твое письмо пришло поздно не по лѣности твоей, а по напрасной, какъ ты говоришь, боязни, если слѣдующія за нимъ будутъ приходить къ намъ скоро и достаточно часто.

35. Къ Аравію.

Я знаю твою любовь, знаю, что твое расположеніе горячо, искренне, неподдѣльно, постоянно, и что ни затруднительное положеніе дѣлъ, ни куча заботъ, ни множество непріятныхъ обстоятельствъ, ни продолжительность времени, ни дальность разстоянія — не могутъ сдѣлать его слабѣе. Но потому-то такъ сильно и желаю постоянно получать письма отъ твоего благородства съ радостными извѣстіями о твоемъ здоровьѣ. Если мы и упрекаемъ тебя, то упрекаемъ не по подозрѣнію тебя въ небрежности, а по своему нетерпѣливому желанію получать такія письма, какъ можно, чаще. Зная это, честнѣйшій и благороднѣйшій мой владыко, доставь намъ это удовольствіе, легкое, удобное и приносящее намъ большую радость даже въ нашей жизни среди пустыни.

36. Къ Алфію [1]).

Я хотѣлъ бы чаще писать, но рѣдкость случаевъ переслать письмо не даетъ мнѣ возможности привесть свое желаніе въ исполненіе; въ самомъ дѣлѣ, пустынность здѣшней мѣстности, опасеніе исаврійцевъ и жестокость зимы не позволяютъ часто никому къ намъ добраться. Притомъ, пишемъ ли мы, или молчимъ, мы всегда сохраняемъ одинаковое къ тебѣ расположеніе, вполнѣ чувствуя твое усердіе и заботливость, которую ты имѣешь о спасеніи своей души, стараясь успокоить живущихъ въ благочестіи и посвящая себя этому доброму дѣлу. Поэтому, честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій мой господинъ, пиши къ намъ ты постоянно о здоровьѣ своемъ
636 и всего своего дома. Тогда, даже въ своей жизни среди пустыни, мы найдемъ большую радость, получая такія письма отъ твоей честности.

---

37. Къ Діогену [2]).

Объ искренности твоей любви къ намъ мы знали и прежде; но гораздо болѣе убѣдились въ ней теперь, когда, не смотря на препятствія, представляемыя зимнею непогодою, ты не только не забываешь насъ, но сталъ къ намъ еще внимательнѣе, выказывая еще большую о насъ заботливость. Благодаримъ тебя за это и не перестанемъ ежедневно вспоминать объ этомъ съ похвалою. Безъ сомнѣнія ты получишь за это неизреченную награду отъ человѣколюбиваго Бога, котораго воздаянія безмѣрно превосходятъ все, что могутъ воздать въ благодарность, дѣломъ или словомъ, люди. Но мы платимъ тебѣ тѣмъ, чѣмъ можемъ: непрестаннымъ прославленіемъ, восхваленіемъ и ублаженіемъ тебя, любовью, уваженіемъ, почтеніемъ, всегдашнимъ воспоминаніемъ о тебѣ, единеніемъ и неразрывною связью съ тобою по закону любви. Впрочемъ, ты и самъ хорошо знаешь, многоуважаемый и достопочтеннѣйшій мой владыко, что мы всегда принадлежали къ числу ревностнѣйшихъ твоихъ друзей. Поэтому усердно прошу тебя по поводу присланныхъ тобою подарковъ: не безпокойся о насъ нисколько. Удовольствовавшись и насладившись честью полученія ихъ, мы возвращаемъ ихъ тебѣ не изъ пренебреженія, не потому, чтобы не были увѣрены въ твоемъ благородствѣ, но потому, что

---

[1]) Писано, вѣроятно, въ 405 году.

[2]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и два слѣдующихъ письма.

не терпимъ нужды. Точно такъ же поступили мы и въ отношеніи ко многимъ другимъ лицамъ,—такъ какъ и многіе другіе, достойные тебя по благородству и горячо намъ преданные, дѣлали намъ, какъ легко можетъ удостовѣриться твоя достопочтенность, тоже самое: и предъ всѣми ними намъ достаточно было въ оправданіе того же, что мы просимъ уважить и тебя самого. Если бы мы дѣйствительно были въ нуждѣ, то потребовали бы нужнаго съ полною откровенностію, какъ своей собственности, и ты увидишь это на опытѣ. Итакъ, получи назадъ все и береги тщательно, чтобы, если когда-нибудь велитъ время, мы могли смѣло спросить это у твоей достопочтенности.

38. Къ нему же.

Только что написалъ предшествующее письмо, какъ вижу честнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго Афраата. Онъ такъ неотступно присталъ къ намъ, — не хотѣлъ ѣхать отсюда и грозилъ даже не взять нашего письма, если я не приму всего, присланнаго тобою, что я наконецъ придумалъ дать такой оборотъ этому дѣлу, который непремѣнно понравится твоему благородству и совершенно успокоитъ твою мѣрность. Афраатъ скажетъ тебѣ о немъ, и ты вели ему самому быть исполнителемъ этого добраго распоряженія. Конечно, ты понимаешь, какъ много выиграетъ дѣло и отъ личнаго присутствія его въ Финикіи и отъ щедротъ твоего великолѣпія. За то и другое наградитъ тебя Господь, то есть, какъ за то, что ты окажешь такое щедрое вспоможеніе людямъ, которые проповѣдуютъ язычникамъ въ Финикіи слово Божіе и стараются объ устроеніи тамъ церквей, такъ и за то, что выберешь и пошлешь утѣшить ихъ такого усерднаго человѣка, особенно въ настоящую пору, когда они находятся въ крайнемъ затрудненіи 637
и терпятъ притѣсненія отъ многихъ. Итакъ, взявъ во вниманіе высокое значеніе этого великаго дѣла, не задерживай Афраата нисколько, и немедленно снаряди его туда въ дорогу, въ полной увѣренности, достопочтеннѣйшій мой владыко, что этимъ добрымъ усердіемъ ты заслужишь себѣ у человѣколюбиваго Бога щедрое воздаяніе.

39. Къ Адоліи.

Что ты была больна, — мы это знаемъ, трудно была больна и даже была совсѣмъ при смерти, потомъ освободилась отъ болѣзни и, избавившись совершенно отъ опасности, теперь по не-

многу выздоравливаешь. Но не изъ твоихъ писемъ я узналъ все это, — что было очень прискорбно,—а со стороны и отъ другихъ. Конечно, мы рады уже, что ты избавилась отъ болѣзни. Но изъ того, что мы рады этому, вовсе еще не слѣдуетъ, что мы кротко переносимъ твое долгое молчаніе въ подобныхъ обстоятельствахъ. Мы желали, какъ тебѣ извѣстно, чтобы ты пріѣхала сюда. И дѣйствительно, если бы болѣзнь не остановила, то не было бы никакого препятствія. Зима здѣсь доселѣ похожа на самую пріятнѣйшую весну; Арменія избавилась отъ исаврійцевъ. Разумѣется, мы тебя не принуждаемъ, не заставляемъ противъ воли ѣхать сюда. Но, чему уже ни опасеніе исаврійцевъ, ни суровость зимы, ни утомительность дороги и ничто рѣшительно не можетъ попрепятствовать, того просимъ отъ горячаго и искренняго расположенія къ намъ, то есть: писать къ намъ постоянно. Если бы мы имѣли счастіе постоянно получать отъ тебя письма съ пріятными извѣстіями о твоемъ здоровьѣ и благодушіи, то это принесло бы намъ здѣсь немалое подкрѣпленіе. Подумай, какою ты такимъ образомъ будешь радовать насъ радостію, и не поставь въ трудъ дѣлать это. Ты знаешь, какъ мы дорожимъ твоимъ благородствомъ и какую всегда оказывали любовь къ твоей мѣрности.

40. Къ пресвитеру Николаю [1]).

Сильно ты обрадовалъ насъ и доставилъ намъ большое удовольствіе, увѣдомивъ, что ты много заботишься о Финикіи и, не смотря на такую дальность своего разстоянія, письмами поощряешь трудящихся тамъ, выказывая такимъ образомъ апостольскую ревность. Постоянно прославляемъ и ублажаемъ тебя поэтому, какъ за то, что ты прежде послалъ туда монаховъ, такъ и за то, что теперь, при такомъ затруднительномъ положеніи дѣлъ, ты не только не отозвалъ ихъ, но приказалъ имъ тамъ остаться, поступая подобно отличнѣйшему кормчему, или добросовѣстному врачу. Когда кормчій видитъ, что волны поднимаются, тогда прилагаетъ гораздо болѣе усердія. Когда врачъ замѣчаетъ, что горячка достигла высочайшей степени воспаленія, тогда напрягаетъ все свое искусство. Такъ и ты, чеснѣйшій и благоговѣйнѣйшій мой господинъ, поступилъ достойно своей доблести, когда, увидавъ, что дѣла идутъ дурно и непріязненно, съ особенною силою настоялъ, чтобы находящіеся тамъ не бѣжали изъ строя, но оставались на

[1]) Настоящее и три слѣдующихъ письма написаны изъ Кукуза въ 405-мъ году.

своихъ мѣстахъ и дѣлали свое дѣло. Продолжая такимъ образомъ дѣйствовать съ прежнею своею ревностію, поторопи немедленно отправиться туда господина моего, честнѣйшаго пресвитера Геронтія, если только онъ поправился и совершенно выздоровѣлъ. 688
Намъ было бы весьма пріятно повидаться съ нимъ, если бы онъ заѣхалъ къ намъ сюда; но такъ какъ положеніе тамошнихъ дѣлъ требуетъ особенной поспѣшности и неусыпности, такъ что не возможно тратить много времени въ дорогѣ, къ тому же и наступающая зима можетъ преградить ему путь, то усердно просимъ твою честность поторопить его, если только онъ поправился, ѣхать прямо туда, а вмѣстѣ съ нимъ постарайся отправить и любезнѣйшаго, дорогого нашего пресвитера Іоанна. Ты знаешь, что особенно въ настоящую пору тамошнія дѣла требуютъ тѣмъ болѣе труженниковъ, чѣмъ шире разрослось зло. Понимая это, зная, какое великое дѣло — спасеніе души, и имѣя въ виду, какъ много уже сдѣлано прежнимъ усердіемъ твоей честности, пожалуйста, и самъ и черезъ другихъ, чрезъ кого только можно, употреби всѣ усилія, чтобы то, что уже сдѣлано, осталось прочно навсегда, а къ этому прибавлялись бы все болѣе и болѣе значительныя приращенія. Ты обрадовалъ насъ никакъ не менѣе тѣхъ, кто прибылъ сюда; мысленно какъ будто бы и ты пріѣхалъ, и хотя тебя нѣтъ здѣсь видимымъ образомъ, но очами любви мы постоянно тебя видимъ, вездѣ нося тебя въ своей душѣ. Можетъ быть, доведется намъ и лично видѣться, когда позволитъ время. Но въ настоящую пору, хотя намъ и очень хотѣлось бы видѣться и обняться съ твоею любовью, мы также считаемъ, что твое присутствіе тамъ необходимо. Я увѣренъ, что ты все сдѣлаешь и употребишь всѣ усилія, чтобы наполнить Финикію доблестными труженикам, — находящихся уже тамъ утверждая еще болѣе, чтобы они не возвращались оттуда, бросивъ тамошнія дѣла, а между тѣмъ по близости къ себѣ выискивая новыхъ людей и высылая ихъ туда съ полнымъ усердіемъ. Такимъ образомъ всѣмъ, и близкимъ и дальнимъ, ты принесешь величайшую пользу, уподобляясь ароматамъ, которые не только наполняютъ своимъ благовоніемъ то мѣсто, гдѣ они заключены, но и далеко распространяются въ воздухѣ.

41. Къ пресвитеру Геронтію.

Я писалъ къ твоему благоговѣнію, полагая, что ты уже въ Финикіи; а потому теперь пишу опять тоже самое, о чемъ говорилъ въ прежнемъ письмѣ, именно, ч. › въ настоящее время

особенно необходимо все сдѣлать и все перенесть, чтобы добрая ваша нива не осталась безплодною и чтобы не погибло даромъ ничего, что уже тамъ сдѣлано. Такъ, когда пастухи видятъ, что овцамъ ихъ отвсюду грозитъ большая гибель, то становятся особенно неусыпны и дѣятельны, берутся за пращу и прибѣгаютъ къ разнымъ другимъ средствамъ, чтобы прогнать отъ стада всякую опасность. Если Іаковъ, которому ввѣрены были безсловесныя овцы, работалъ цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ, не зная сна, томясь отъ холода и зноя, и работалъ за самую послѣднюю плату наемщика, то подумай, чего не обязаны сдѣлать и перенесть тѣ, кому ввѣрены овцы словесныя, чтобы не погибла ни одна изъ нихъ. Усердно прошу поэтому твое благоговѣніе: чѣмъ страшнѣе буря, чѣмъ больше зла, чѣмъ сильнѣе препятствія, чѣмъ многочисленнѣе навѣтники, тѣмъ рѣшительнѣе возстань и самъ, убѣждай
639 и другихъ взяться вмѣстѣ съ тобою за эту добрую стражбу, и съ возможною скоростію поторопись прибыть туда. Уже за самую поѣздку ты получишь не малую награду; если же за одну поѣздку награжденъ будешь, то тѣмъ болѣе, когда возмешься за дѣла и окажешь большое усердіе. Чѣмъ сидѣть дома, гораздо лучше и полезнѣе предпринимать подобныя путешествія. Будучи тамъ, ты можешь имѣть все, что и теперь имѣешь: и посты, и бдѣніе, и другіе подвиги воздержанія. А сидя дома, нельзя пріобрѣсть того, чего можно достигнуть, живя тамъ, — спасенія столь многихъ душъ, награды за опасности, воздаянія за полную готовность къ перенесенію ихъ, такъ какъ и за одну готовность къ нимъ полагается уже воздаяніе. Итакъ подумай, сколько пріобрѣтешь себѣ новыхъ вѣнцовъ, и не медли, не откладывай, но, поправившись, пожалуйста, прямо отсюда же отправляйся туда, нисколько не безпокоясь о нужныхъ вещахъ. Я уже сказалъ господину моему, честнѣйшему и благоговѣйнѣйшему пресвитеру Констанцію, чтобы, на постройки ли понадобится что-нибудь тратить, или на нужды братій, доставлять вамъ все съ полнымъ избыткомъ, и даже теперь съ болѣе полнымъ, чѣмъ прежде. Имѣя такимъ образомъ въ виду и обезпеченіе тамъ всѣхъ потребностей, и, прежде всего, богоугодность самаго дѣла, пожалуйста, отбросивъ всякую медлительность, поторопись поскорѣе и уже изъ самой Финикіи дай намъ о томъ знать, чтобы утѣшить насъ въ нашей тяжелой жизни среди пустыни. Дѣйствительно, если мы получимъ извѣстіе, что ты отправился туда съ полною рѣшительностію все сдѣлать и все перенесть ради спасенія душъ тамошнихъ язычниковъ, то мы въ состояніи будемъ отъ такого удовольствія забыть даже, что живемъ въ пустынѣ. Намъ тоже хотѣлось бы повидаться съ тобою; но такъ какъ то, о чемъ я говорилъ, гораздо необходимѣе и можно

опасаться, чтобы зима не загородила тебѣ дороги отъ насъ туда, то потому мы тебя и торопимъ, и просимъ усердно поскорѣе отправиться туда прямо.

42. Къ пресвитерамъ Симеону и Марію и къ монашествующимъ въ странѣ Апамейской.

Хотя мы отдѣлены отъ васъ большимъ разстояніемъ и живемъ въ самой жесточайшей пустынѣ, при всемъ томъ, узнавъ о вашей душевной доблести и великихъ подвигахъ воздержанія, которыми вы просвѣщаете всѣхъ вокругъ себя, мы горячо васъ полюбили. И такъ какъ, между тѣмъ, намъ невозможно сподобиться лично увидѣть васъ, и по зимней порѣ года, и по дальности дороги, то мы поусердствовали прибыть къ вамъ письменно и неотступно просимъ ваше благоговѣніе прилежно молиться объ окончаніи объявшихъ вселенную бѣдствій, побуждать всѣхъ къ этому съ полнымъ самоотверженіемъ и, сколько возможно, чаще писать къ намъ о своемъ здоровьѣ, чтобы, будучи удалены отъ васъ и сосланы на самые крайніе предѣлы вселенной, мы могли найти себѣ великое утѣшеніе, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что будемъ постоянно имѣть свѣдѣніе о вашемъ благоденствіи. Очень 640
обрадовалъ насъ любезнѣйшій, дорогой нашъ пресвитеръ Іоаннъ, не смотря на такое затруднительное положеніе обстоятельствъ рѣшившійся снарядиться и отправиться въ Финикію. Вы понимаете все величіе этого подвига и потому усердно прошу васъ: если найдете доблестныхъ мужей, которые могли бы вмѣстѣ съ нимъ содѣйствовать совершенію столь важнаго предпріятія, то, пожалуйста, съ возможною готовностію пошлите ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Вамъ извѣстно, какую великую награду вы пріобрѣтете за это.

43. Къ монашествующимъ Ромулу и Визу.

Хотѣлось бы мнѣ видѣть васъ здѣсь, потому что, представляя васъ себѣ по слухамъ о вашемъ благоговѣніи, я очень полюбилъ васъ; но такъ какъ это пока невозможно — и по дальности пути, и по зимней порѣ года, и по страху, наводимому исаврійцами, то я возъимѣлъ усердіе прибыть письменно къ вашей честности съ изъявленіемъ расположенности, которую мы питаемъ къ вашему благоговѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, можно дружески полюбить людей, которые далеко отъ насъ и которыхъ мы никогда не видали. Такова сила любви: она не задерживается дальностію

разстоянія, не слабѣетъ отъ долговременности, не побѣждается наведеніемъ искушеній; но, побѣждая все это, становится выше всего и востекаетъ на высоту недосягаемую. Такъ точно и мы, горячо полюбивши васъ, не сдѣлались ни отъ чего подобнаго менѣе къ вамъ внимательны, но какъ сами пишемъ къ вамъ, такъ и васъ усердно просимъ увѣдомлять насъ о своемъ здоровьѣ. Такимъ образомъ даже среди своей жизни въ пустынѣ мы найдемъ большое утѣшеніе себѣ, когда будемъ слышать, что люди, провождающіе такую жизнь и шествующіе такимъ тѣснымъ и скорбнымъ путемъ, здравствуютъ и благоденствуютъ.

44. Къ Адоліи [1]).

Хотя сама ты рѣдко пишешь, тѣмъ не менѣе мы, какъ только узнаемъ, что кто-нибудь отправляется отсюда къ вамъ, неопустительно всякій разъ пишемъ къ твоему благородству. Мы высказывали желаніе, чтобы ты пріѣхала сюда повидаться съ нами; горячо желаемъ этого и теперь. Но такъ какъ это, по всей вѣроятности, показалось трудно твоему благородству (хотя опасность со стороны исаврійцевъ миновала совершенно), то мы не перестаемъ утѣшать себя, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что постоянно пишемъ къ твоей честности. Въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ, какъ только встрѣтимъ случай переслать къ тебѣ письмо, принимаясь писать къ тебѣ, мы испытываемъ необыкновенное удовольствіе. Зная это, скромнѣйшая и благоговѣйнѣйшая госпожа моя, постарайся, пожалуйста, и ты постоянно извѣщать насъ о своемъ здоровьѣ и благодушіи. Какъ относительно поѣздки мы нисколько не упрекаемъ тебя, потому что это могло показаться тебѣ обре-
641 менительнымъ, такъ, напротивъ, никогда не перестанемъ жаловаться на твое долгое молчаніе, потому что горячо желаемъ постоянно имѣть свѣдѣніе о благоденствіи твоемъ и всего твоего дома.

45. Къ бывшему дукѣ Ѳеодосію [2]).

Много меда заключаетъ въ себѣ твое письмо или, лучше сказать, ты сдѣлалъ его даже пріятнѣе меда. Въ самомъ дѣлѣ,

[1]) Изъ Кукуза, какъ полагаютъ въ 404-мъ году.

[2]) Между 404 и 407-мъ годами. Дуками назывались начальники пограничныхъ округовъ имперіи. По сложеніи съ нихъ должности, за ними удерживался титулъ бывшихъ дуковъ — ἀπὸ δουκῶν.

чѣмъ чаще подавать медъ лакомящимся его сладостію, тѣмъ уже менѣе онъ кажется имъ пріятнымъ, такъ какъ пресыщеніе разрушаетъ силу удовольствія; напротивъ, твои письма, радующія насъ извѣстіями о твоемъ здоровьѣ, такъ далеки отъ этого недостатка, что тогда особенно и доставляютъ намъ радости, когда чаще приходятъ. Итакъ, ты облобызалъ мое письмо. А я облобызалъ тебя самого, виновника письма, обнялъ тебя, обѣими руками обвившись вокругъ шеи, и, расцѣловавъ твою любезную мнѣ голову, почувствовалъ большое подкрѣпленіе. Мнѣ показалось, что не письмо только твое пришло, но будто бы ты самъ пріѣхалъ и находишься вмѣстѣ съ нами. Такое впечатлѣніе произвело на меня твое письмо. Впрочемъ, такова всегда природа искренней любви: хотя бы лучи ея проникали только чрезъ письма, они дѣлаютъ видимымъ самый источникъ этихъ писемъ, что и привелось намъ испытать. И ни давность времени, ни дальность разстоянія, ни тяжелое положеніе обстоятельствъ, ничто рѣшительно не помѣшало намъ при этомъ. Зная это, достопочтеннѣйшій мой владыко, не поставь въ трудъ постоянно увѣдомлять насъ о своемъ здоровьѣ и благодушіи, равно какъ и о благоденствіи всего своего дома. Тебѣ извѣстно, какъ желательно намъ всегда имѣть объ этомъ свѣдѣніе.

---

46. Къ діакону Ѳеодоту [1]).

Скоро ты забылъ насъ, къ горькой печали вслѣдствіе разлуки съ тобою прибавивъ намъ еще новую скорбь — своимъ долгимъ молчаніемъ. На недостатокъ времени ты не можешь сослаться: прошло уже такъ много дней, что весьма легко можно было обернуться назадъ. А извиняться опасеніемъ исаврійскихъ набѣговъ мы тебѣ не позволимъ, потому что слишкомъ для этого тебя любимъ. Послѣ твоего отъѣзда многіе оттуда прибыли сюда. Что же за причина твоего молчанія? Мѣшкотность и равнодушіе. Впрочемъ, мы избавимъ тебя отъ упрековъ за прежнюю небрежность, если ты постараешься на будущее время учащеніемъ писемъ вознаградить потерянное. Ты знаешь, какъ намъ будетъ 642
пріятно, если ты постоянно будешь увѣдомлять насъ о своемъ здоровьѣ.

---

[1]) Изъ Кукуза въ 405-мъ году.

47. Къ Халкидіи и Асинкритіи [1]).

Знаю, что васъ смущаетъ непрерывность постоянныхъ испытаній, постигающихъ господина моего, честнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго пресвитера. Но не страшитесь ничего подобнаго. Кто терпитъ это ради Бога, тотъ, чѣмъ жесточе его страданія, тѣмъ высшей сподобится награды. Утѣшая себя этимъ, мужественно и съ благодарностію переносите огорченія, прославляя Бога за все, встрѣчающееся въ жизни. Такимъ образомъ и вы содѣлаетесь общницами съ нимъ въ уготованныхъ ему наградахъ и вѣнцахъ, за то, что кротко и мужественно переносили испытаніе. Вы знаете, что настоящая жизнь есть только путь, что и радости и печали ея проходятъ одинаково, что *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* и что тѣсенъ и скорбенъ *путь, вводяй въ животъ*. Утѣшаясь этимъ, а также и его присутствіемъ съ вами, разсѣйте всякую тѣнь унынія, радуясь и веселясь за его страданія, потому что его ожидаетъ за нихъ неизреченное и нетлѣнное вознагражденіе.

48. Къ бывшему консулярію Θеодоту [2]).

Вотъ что значитъ быть отцомъ! Ты не только не огорчаешься, что сынъ твой имѣетъ стремленіе къ истинному любомудрію, но радуешься этому, употребляешь всѣ средства, чтобы онъ достигъ самаго верха любомудрія, и даже не тяготишься удаленіемъ его отъ родины, отъ дома, отъ твоего собственнаго присмотра, напротивъ того думаешь, что онъ теперь ближе къ тебѣ, когда становится добродѣтельнѣе. Глубоко благодаримъ тебя за это и съ своей стороны удивляемся, какимъ это образомъ, давши намъ такой безцѣнный подарокъ, своего сына, ты счелъ себя еще обязаннымъ сдѣлать намъ честь и угощеніями другого рода. Честь мы приняли; но самыя вещи присланныя возвращаемъ обратно, не изъ пренебреженія къ твоему благородству (какъ это можно въ отношеніи къ человѣку, такъ горячо насъ любящему?), а потому, что считаемъ излишнимъ гоняться за тѣмъ, въ чемъ не имѣемъ нужды. Что же касается добраго чтеца Θеодота, то мы желали бы оставить его при себѣ и заняться его воспитаніемъ; но такъ какъ вся здѣшняя мѣстность наполнена убійствами, смяте-

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году.

[2]) Писано въ 406 году. Консуляріями назывались начальники нѣкоторыхъ провинцій.

ніемъ, кровопролитіемъ, пожарами, потому что исаврійцы все истребляютъ огнемъ и мечемъ, и мы постоянно движемся съ мѣста на мѣсто, каждый день перемѣняя свое мѣстопребываніе, то мы 643
сочли необходимымъ отправить его отъ себя, обстоятельно наказавъ господину моему, благоговѣйнѣйшему діакону Ѳеодоту, неусыпно о немъ заботиться и имѣть о немъ полнѣйшее попеченіе. Постарайся и ты обращаться такъ же съ своимъ сыномъ, и тогда непремѣнно похвалишь наше рѣшеніе и принесешь намъ за настоящее увѣщаніе большую благодарность.

49. Къ Касту, Валерію, Діофанту и Киріаку, пресвитерамъ антіохійскимъ [1]).

Что честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій господинъ мой, пресвитеръ Констанцій, оставилъ насъ, о томъ жалѣю; но, что онъ отправился къ вамъ, этому радуюсь, и больше радуюсь, чѣмъ о разлукѣ съ нимъ жалѣю. Я вполнѣ увѣренъ, что въ вашей любви онъ найдетъ себѣ необуреваемую пристань. Хотя бы отовсюду грозили безчисленныя опасности и высоко вздымались волны, — ваше положеніе таково, что, благодаря отличающему васъ мужеству и вашей неизмѣнной расположенности и любви, подъ вашей защитою можно и среди бури наслаждаться ясной тишиною. Когда онъ явится къ вамъ, сдѣлайте для него, пожалуйста, все, какъ вамъ подобаетъ. Вы знаете, какая награда будетъ ожидать васъ, если постараетесь помочь человѣку, на котораго напрасно и злостно клевещутъ. Мы не чего-нибудь домогаемся, а того только, чтобы его не обижали вопреки всякой справедливости, чтобы не таскали и не перетаскивали его напрасно, терзая по судамъ за то, за что его слѣдовало наградить и прославить. Итакъ, касательно его такова наша просьба; касательно же себя самихъ просимъ васъ постоянно писать къ намъ и радовать насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ. Хотя мы отдѣлены отъ васъ большимъ пространствомъ, при всемъ томъ всегда постоянно носимъ васъ въ своей душѣ, близки къ вамъ и непрестанно васъ видимъ. Таковы глаза любви у людей, умѣющихъ искренно любить. Но вы хорошо знаете это и сами, такъ какъ и вы умѣете любить искренно.

[1]) Изъ Кукуза въ 405-мъ году.

50. Къ Транквилину [1]).

Все уступаетъ времени и проходитъ, дряхлѣя и старѣясь: и тѣлесная красота, и величественныя зданія, и цвѣтущіе луга и сады, и все, что ни есть на землѣ; одна только любовь избѣжала общаго разрушенія и не только не вянетъ отъ долговременности, но не пресѣкается и самою смертію. Такъ и въ насъ, какъ ни давно разстались мы съ твоею мѣрностью, она хранится къ тебѣ въ полномъ цвѣтѣ: на словахъ — и теперь, а въ душѣ — всегда. Потому-то мы и пишемъ постоянно къ твоему благоговѣнію. А такъ какъ намъ весьма желательно имѣть свѣдѣніе, какъ идетъ твое здоровье (ты вѣдь знаешь, сколько мы дорожимъ имъ), то, если будетъ возможно и если легко найдешь случай, съ кѣмъ можно было бы отправить къ намъ письмо, пожалуйста, съ свойственною тебѣ добротою дай намъ знать объ этомъ. Какъ живемъ
644 мы, что дѣлается въ Арменіи, что во Ѳракіи, обо всемъ томъ разскажетъ твоей искренней и горячей любви податель этого письма.

51. Къ епископу Киріаку.

Господинъ мой Сопатръ, начальникъ Арменіи, — той Арменіи, въ которой мы въ настоящее время заключены, — Арменіею правитъ, какъ отецъ, а о насъ оказываетъ попеченіе болѣе отца. Желая и стараясь отблагодарить его за такое съ его стороны благорасположеніе, мнѣ кажется, я нашелъ наконецъ отличнѣйшее средство отблагодарить его при пособіи твоей неусыпно заботливой о насъ души. Какъ и какимъ образомъ? — У него есть сынъ, который давно уже живетъ тамъ (у васъ), обучаясь наукамъ. Если ты потрудишься принимать его у себя съ готовностію и съ свойственною тебѣ любовію и сдѣлаешь ему что-нибудь полезное, тогда мы будемъ уплатившими свой долгъ. Сдѣлай же это и познакомь его также съ тамошними сановными людьми, которые были бы и знакомы тебѣ и въ состояніи сдѣлать для него чужую сторону пріятнѣе родной. Этимъ ты доставишь удовольствіе ему, доставишь удовольствіе мнѣ, доставишь удовольствіе и себѣ самому, оказавъ полезную услугу въ лицѣ сына человѣку честному и человѣколюбивому, общему пристанищу бѣдныхъ.

[1]) Между 404-мъ и 407-мъ годами.

52. Къ Маркіану и Маркеллину [1]).

Въ вашемъ философскомъ и возвышенномъ образѣ мыслей, въ вашемъ неизмѣнномъ и непреклонномъ настроеніи вы найдете достаточное подкрѣпленіе себѣ среди тѣхъ горестей, которыя вы, какъ видно изъ вашего письма, испытываете. Въ самомъ дѣлѣ, какъ человѣку вялому и распущенному не можетъ принесть большой пользы даже тишина и самое благопріятное теченіе обстоятельствъ, такъ твердаго, установившагося и ко всему готоваго мужа никогда не поколеблетъ никакая жестокая буря, напротивъ — сдѣлаетъ его еще славнѣе. Таково уже природное свойство испытаній: тѣмъ, кто переноситъ ихъ мужественно, они приносятъ большія награды и блистательные вѣнцы. Зная это и почерпая отсюда достаточное утѣшеніе среди бѣдствій, не смущайтесь, честнѣйнѣйшіе и благороднѣйшіе господа мои, ничѣмъ и не переставайте писать къ намъ постоянно. Намъ желательно бы было лично видѣться и обняться съ вами, но такъ какъ это пока невозможно по разнымъ препятствіямъ, то не поставьте въ трудъ постоянно писать къ намъ и увѣдомлять о своемъ здоровьѣ. Вы знаете сколько вы доставляете намъ этимъ удовольствія и какъ много это насъ радуетъ.

---

53. Къ Касту, Валерію, Діофанту и Киріаку, пресвитерамъ антіохійскимъ [2]).

Языкомъ я рѣдко сношусь къ вашимъ благоговѣніемъ, но душой — постоянно и весьма часто. Считайте же, что вы получили отъ насъ не столько писемъ, сколько получили исписанной чернилами бумаги, но столько, сколько намъ хотѣлось бы послать къ вамъ. И какъ скоро такъ будете смотрѣть на дѣло, то увидите, что нами посланы къ вамъ ворохà писемъ. Если же вамъ ихъ никто не доставляетъ, то, конечно, молчаніе наше есть слѣдствіе не нашей небрежности, а затруднительности нашего положенія. Я сказалъ это для того, чтобы, пишемъ ли мы, или молчимъ, 645
вы не измѣняли своего мнѣнія о нашей любви къ вамъ. Гдѣ бы мы ни были, мы вездѣ о васъ помнимъ, напечатлѣвъ васъ въ своемъ сердцѣ. Приносимъ вамъ теперь великую благодарность за то, что вы приняли добраго монаха съ свойственнымъ вамъ

---

[1]) Изъ Кукуза, вѣроятно, въ 404-мъ году.

[2]) Вѣроятно, въ 406-мъ году.

благорасположеніемъ и укротили людей, которые такъ не кстати вздумали съ нимъ ссориться. Не даромъ же я говорилъ, и безъ всякой лести вамъ, что, хотя бы отовсюду вздымались безчисленныя волны, у васъ будетъ тишина. И если вы такъ легко избавляете другихъ отъ кораблекрушеній, то ясно, что сами стоите далеко внѣ опасности. Пишите же намъ постоянно о своемъ здоровьѣ. Вы знаете, какъ намъ желательно всегда имѣть о немъ свѣдѣніе. Ваши письма, радующія насъ извѣстіями о вашемъ благоденствіи, имѣютъ такую силу, что, хотя мы въ настоящее время отовсюду окружены опасностями, войнами, смятеніями, безпорядками, ежедневно грозящими смертію, при всемъ томъ, какъ только получимъ связку вашихъ посланій, забываемъ все отъ удовольствія и пріобрѣтаемъ вновь прежнюю бодрость. Искренняя любовь производитъ то, что письма, заключающія въ себѣ подобныя извѣстія, какъ бы переносятъ насъ въ кругъ людей, съ которыми мы тѣлесно разлучены.

54. Къ діакону Θеодоту [1]).

Ты избавился, честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій господинъ мой, отъ бѣдствій, свирѣпствующихъ теперь въ Арменіи; а насъ, кромѣ здѣшнихъ смятеній, или — точнѣе — ежедневно грозящихъ смертію опасностей, сильно тяготитъ и разлука съ такимъ любезнымъ, искренно и неподдѣльно расположеннымъ къ намъ человѣкомъ, какъ ты. Къ этому присоединилось еще другое горе — долгое молчаніе твоей мѣрности. Съ того времени, какъ ты уѣхалъ отсюда, мы получили отъ тебя теперь всего только второе письмо: говорю это не въ укоръ тебѣ, а по чувству собственной скорби. Что дорога, ведущая къ намъ сюда, дѣйствительно въ настоящее время непроходима для путешественниковъ, это всякій знаетъ, и, конечно, это можетъ послужить тебѣ въ оправданіе; но все это вовсе не утѣшительно для насъ, напротивъ, потому-то мы особенно и горюемъ, что и послѣднее, оставшееся намъ послѣ разлуки съ тобою, утѣшеніе отнято у насъ такимъ образомъ. Такъ какъ это препятствіе до сихъ поръ не устранено, и ужасы, напротивъ, съ каждымъ днемъ увеличиваются все болѣе, то, пожалуйста, за огорченіе, причиняемое намъ твоимъ долгимъ молчаніемъ, вознаграждай насъ другимъ способомъ: не забывай насъ, и когда будешь къ намъ писать, то пиши письма какъ можно

[1]) Вѣроятно, изъ Арависса въ 406-мъ году.

длиннѣе, обстоятельно разсказывая въ нихъ о своемъ здоровьѣ, благодушіи и благополучіи. Такимъ образомъ отнимаемое у насъ временемъ ты можешь вознаградить длиннотою писемъ.

55. Къ нему же [1].

И это — твое (письмо), нашего, ревностнѣйшаго и горячаго друга! Только что я прочиталъ первое твое письмо, какъ получаю второе: оба въ одинъ день,—и сильно обрадовался. Второе письмо твое заключаетъ въ себѣ нѣчто болѣе, представляя намъ не твои 646
только рѣчи, но и твое собственное писаніе, что и увеличило нашу радость, потому что мы могли увидѣть въ немъ обликъ не твоей только горячей и искренней души, но въ добавокъ еще и твоей руки. Дѣлай же такъ постоянно и не скупись доставлять утѣшеніе, которое самъ придумалъ для насъ такимъ образомъ. Тащить тебя сюда уже не смѣемъ: таковы бѣдствія Арменіи: они охватили все, какъ и другая зима. Куда ни поѣдешь, вездѣ увидишь потоки крови, кучи мертвыхъ тѣлъ, до основанія разрушенныя жилища, раззоренные города. Мы считаемся въ безопасности, заключившись въ этой крѣпости, какъ въ жестокой тюрьмѣ; при всемъ томъ не можемъ пользоваться спокойствіемъ вслѣдствіе ежедневныхъ опасеній, смертоносныхъ слуховъ, постояннаго ожиданія приступа со стороны исаврійцевъ и тѣлесной немощи, съ которою боремся доселѣ. Но, и при всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ, мы находимъ не малое утѣшеніе въ своемъ горестномъ положеніи, когда получаемъ письма, радующія насъ извѣстіями о твоемъ здоровьѣ.

56. Къ пресвитеру Николаю.

Принимаемъ это, какъ знакъ твоей искренней и горячей любви, что даже изъ такой дали ты безпокоишься о нашей безопасности. Прежде, въ самый разгаръ зимы, мы постоянно переходили съ мѣста на мѣсто, останавливаясь то въ городахъ, то въ ущельяхъ и лѣсистыхъ долинахъ, и всюду преслѣдуемые исаврійцами. Наконецъ, когда здѣшнія бѣдствія нѣсколько поутихли, — оставивъ пустыни, мы поспѣшно двинулись въ Арависсъ, находя его крѣпость безопаснѣе другихъ мѣстъ, и теперь

[1]) Изъ Арависса въ 406-мъ году, какъ и два слѣдующихъ письма.

живемъ въ ней (а не въ самомъ городѣ, потому что и это даже не безопасно) хуже, чѣмъ въ любой тюрьмѣ. Кромѣ уже того, что смерть ежедневно, такъ сказать, стучится къ намъ въ двери, — потому что исаврійцы проникли всюду, вездѣ истребляя огнемъ и мечемъ людей и жилища, — мы опасаемся еще голода, которымъ грозитъ намъ наше стѣсненное положеніе и многочисленность сбѣжавшагося сюда народа. Зимняя пора года и непрерывное бѣгство изъ одного мѣста въ другое повергли насъ въ продолжительную болѣзнь: трудный періодъ ея въ настоящее время миновался, но нѣкоторые слѣды еще остались. При всемъ томъ, даже среди столькихъ бѣдствій и такихъ опасностей, мы почерпаемъ величайшее утѣшеніе въ вашей любви — горячей, искренней и неизмѣнной. Зная это, не поставьте въ трудъ постоянно радовать насъ извѣстіями о вашемъ здоровьѣ. Хотя мы и далеко отъ васъ живемъ, — при всемъ томъ крѣпко связаны съ вами узами любви. Приношу великую благодарность твоей честности за то, что, даже среди такихъ смутъ, окружающихъ тебя, ты оказываешь большое усердіе къ дѣламъ въ Финикіи. Если получишь еще какія-нибудь извѣстія оттуда, не полѣнись сообщить намъ. Къ намъ ни откуда никто не можетъ скоро добраться,
647 такъ какъ всѣ дороги, ведущія сюда, отвсюду заграждены. Но, хотя и трудно вести съ нами постоянную переписку, при всемъ томъ пиши, какъ только представится возможность, и сообщай намъ обо всемъ, что тамъ дѣлается, увѣдомляя въ то же время о здоровьѣ всѣхъ васъ, о которомъ намъ въ особенности желательно имѣть свѣдѣніе.

57. Къ пресвитерамъ и монахамъ: Аѳонію, Ѳеодоту и Херею.

Желалъ бы и я повидаться съ вами здѣсь; но такъ какъ много тому препятствій, то не смѣю требовать этого теперь, а прошу васъ оказать намъ помощь, оставаясь и вдали отъ насъ, содѣйствіемъ вашихъ дерзновенныхъ молитвъ (а этого рода помощь не слабѣетъ отъ времени и не задерживается дальностію разстоянія, но, гдѣ бы ни жилъ человѣкъ, имѣющій дерзновеніе предъ Богомъ, какъ вотъ и вы, онъ можетъ принесть такимъ образомъ величайшую пользу и далеко отъ него живущимъ), сверхъ же молитвъ прошу васъ также постоянно радовать насъ и извѣстіями о своемъ здоровьѣ. Какъ ни много волнъ окружаетъ насъ отвсюду: и пустынность мѣста, и осадное положеніе, и нашествіе исаврійцевъ, и ежедневно грозящая смерть (мы по-

стоянно живемъ объ руку съ смертію, заключившись въ этой крѣпости, какъ въ тюрьмѣ, и страдая тяжкимъ тѣлеснымъ недугомъ), — при всемъ томъ, не смотря на все злополучіе, мы почерпаемъ не малое утѣшеніе среди этихъ бѣдствій въ вашей любви. Хотя мы и не много времени пробыли вмѣстѣ съ вами, но получили много доказательствъ вашего искренняго, горячаго, болѣе, чѣмъ медъ, сладкаго, неизмѣннаго, крѣпкаго и непоколебимаго расположенія, которое вы оказывали къ намъ и при личномъ свиданіи и заочно. Вотъ почему и вдали отъ васъ, и среди стольких треволненій, мы отдыхаемъ душею при воспоминаніи о вашей доблести, какъ бы въ отрадной пристани, считая вашу любовь величайшимъ для себя сокровищемъ. Съ прошествіемъ зимы и наступленіемъ весны, мы избавились отъ сильнаге напора болѣзни; но остатки ея еще есть, и они поддерживаются постояннымъ безпокойствомъ, возбуждаемымъ нападеніями исаврійцевъ. Не забывайте же насъ никогда, какое бы разстояніе ни раздѣляло насъ, и не поставьте за трудъ писать къ намъ постоянно, какъ только дозволитъ возможность, радуя насъ извѣстіями о вашемъ здоровьѣ.

58. Къ Малху [1]).

Не падай духомъ, и не приписывай своимъ грѣхамъ прекрасной кончины твоей блаженной дочери. Она вступила въ необуреваемую пристань, достигла жизни, не имѣющей конца, и, избавившись отъ волненій настоящаго вѣка, стала на камнѣ, гдѣ всѣ, собранныя ею, блага неотъемлемо лежатъ вокругъ нея, какъ бы въ неприкосновенной уже сокровищницѣ. Надобно радоваться, веселиться и торжествовать, что ты душу ея, какъ отличный земледѣлецъ — спѣлый плодъ, представилъ общему всѣхъ Владыкѣ. Прилагая изъ этихъ и изъ подобныхъ размышленій извлекаемыя лѣкарства къ сердечной боли, поразившей тебя и скромнѣйшую госпожу мою, ея мать, увеличь такимъ образомъ отложенную вамъ награду, чтобы вамъ получить ве- 648
ликое воздаяніе отъ человѣколюбиваго Бога не только за прекрасное воспитаніе ея, но и за кроткое и благодушное перенесеніе этой прекрасной съ нею разлуки.

[1]) Между 404-мъ и 407-мъ годами.

59. Къ Алфію [1]).

Хотя и далеко отъ тебя живемъ мы, но веселимся, радуемся, ликуемъ, слыша о твоихъ подвигахъ и обильной щедрости, которую ты оказываешь бѣднымъ. Хотѣлось бы намъ лицомъ къ лицу увидѣться съ твоею честностію и при личномъ свиданіи лично засвидѣтельствовать тебѣ нашу великую благодарность. Къ сожалѣнію это до сихъ поръ невозможно, потому что опасность со стороны исаврійцевъ увеличивается все болѣе и болѣе, и всякое сообщеніе въ настоящее время преграждено, а я увѣренъ, что если бы этого не было, то и ты не пожалѣлъ бы трудовъ пріѣхать сюда и прибылъ бы къ намъ самъ. Но такъ какъ это до сихъ поръ невозможно, то вотъ мы пишемъ къ тебѣ, привѣтствуемъ твою честность, и усердно просимъ тебя, какъ только дозволятъ обстоятельства, постоянно писать къ намъ и увѣдомлять насъ о здоровьѣ твоемъ и всего твоего дома. Такого рода письма твоей честности доставятъ намъ въ нашей здѣшней жизни не малое утѣшеніе.

60. Къ Агапиту.

Хотя много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ твоею достопочтенностію, и велико пространство, раздѣляющее насъ,—при всемъ томъ мы связаны съ тобою любовію и живемъ близко къ тебѣ, или—лучше—хранимъ тебя въ своей душѣ, нося съ собою всюду, гдѣ бы мы ни были. Твою старинную къ намъ дружбу, горячую, искреннюю, крѣпкую и непреклонную, мы навсегда запечатлѣли въ своемъ сознаніи. И наше расположеніе къ тебѣ, честнѣйшій и достопочтеннѣйшій владыко, все также живо, какъ и прежде, и не слабѣетъ ни отъ давности времени, ни отъ дальности разстоянія. Прошу же тебя, не поставь въ трудъ писать къ намъ, сколько возможно, постоянно о своемъ здоровьѣ. Ты знаешь, сколько мы дорожимъ имъ и какую ты доставишь намъ радость, увѣдомляя насъ о его состояніи.

---

[1]) Настоящее и пять слѣдующихъ писемъ писаны изъ Кукуза въ 404-мъ году.

61. Къ Исихію.

Желалъ бы я повидаться съ тобою, и ни страхъ, наводимый исаврійцами, ни слабость здоровья не помѣшали бы мнѣ, если бы мнѣ позволялось переѣзжать по желанію, куда захочу; но тебя, хотя ты воленъ въ этомъ, не зову сюда и не прошу оставить домъ и пріѣхать къ намъ. Хотя и время года позволяетъ это, и поѣздка не велика (потому что небольшое разстояніе раздѣляетъ насъ),—при всемъ томъ не рѣшаюсь тащить тебя сюда изъ опасенія за тебя со стороны исаврійцевъ. Вмѣсто того прошу постоянно писать къ намъ о своемъ здоровьѣ; въ этомъ отношеніи нападенія разбойниковъ, конечно, уже не могутъ служить тебѣ препятствіемъ. Сдѣлай же намъ эту милость: тебѣ это 619
легко и удобно; а намъ принесетъ большую радость. Ты знаешь самъ, сколько доставишь намъ удовольствія, оказывая намъ такую благосклонность.

62. Къ Арматію.

Что это значитъ? Ты предоставляешь намъ полную волю свободно распоряжаться для своихъ надобностей принадлежащими тебѣ людьми и лишаешь насъ того, въ чемъ мы особенно имѣемъ надобность, то есть, своихъ писемъ, которыя доставляли бы намъ извѣстія о твоемъ здоровьѣ. Или не знаешь, что именно это болѣе всего дорого и желанно искреннимъ и задушевнымъ друзьямъ, какъ вотъ и намъ теперь? Итакъ, если хочешь, честнѣйшій мой владыко, сдѣлать намъ милость, то отмѣни данное твоимъ людямъ приказаніе служить намъ въ тѣлесныхъ нуждахъ (такъ какъ мы ни въ чемъ такомъ не имѣемъ нужды,—все течетъ у насъ рѣкою) и доставь намъ самъ при посредствѣ небольшого количества бумаги и чернилъ величайшее одолженіе, котораго мы особенно желаемъ удостоиться отъ тебя. Оно состоитъ въ томъ, чтобы ты постоянно писалъ къ намъ о здоровьѣ—своемъ и всего своего дома. Если бы можно было намъ видѣться другъ съ другомъ, то я попросилъ бы, какъ величайшей милости, того, чтобы ты доставилъ мнѣ удовольствіе лично увидѣть такъ горячо любящаго насъ друга, какъ ты, и поднялъ бы себя изъ дома. Но такъ какъ страхъ, наводимый исаврійцами, препятствуетъ этому, то утѣшай насъ, не скупясь, своими письмами, и тогда—всѣ наши желанья тобой удовлетворены.

63. Къ Халкидіи.

Я весьма желаю, чтобы господинъ мой, честнѣйшій (вашъ) пресвитеръ, былъ съ нами. Но, хотя ты полагаешь, что ему полезно прибыть сюда, я предпочитаю пріѣзду его къ намъ его безопасность и освобожденіе его отъ настоящихъ смятеній. Не думай же, чтобы мы препятствовали ему, если онъ хочетъ пріѣхать къ намъ. Доселѣ мы удерживали его отъ исполненія этого намѣренія только потому, что самое свойство его дѣла не требуетъ настоятельно прибытія его сюда, и мы боялись, не попалъ бы онъ еще въ руки исаврійцевъ. Но если дѣйствительно необходимо пріѣхать ему сюда, то мы усердно просимъ и убѣждаемъ его рѣшиться на это путешествіе. Хотя мы и раздѣлены тѣлесно, но узами любви связаны съ нимъ по прежнему. Не смущайся же, прошу тебя, происшедшими огорченіями. Чѣмъ болѣе непріятностей, тѣмъ выше будетъ твоя заслуга, тѣмъ обильнѣе будетъ тебѣ награда и воздаяніе отъ человѣколюбиваго Бога, если ты благодушно и мужественно перенесешь встрѣтившіяся затрудненія. Въ такомъ случаѣ ты и легче побѣдишь ихъ, и награда, отлагаемая тебѣ на небесахъ за претерпѣніе ихъ, будетъ обильнѣе и гораздо выше самыхъ страданій.

64. Къ Асинкритіи.

650 И прежде писалъ я твоей честности, что, по причинѣ твоей любви, мы считаемъ и тебя въ числѣ тѣхъ, которые прибыли къ намъ лично, и теперь повторяю опять то же самое, именно, что мысленно прибыла къ намъ и ты. Поэтому, хотя тѣлесное нездоровье и замѣшательства, охватившія Арменію, и воспрепятствовали тебѣ дѣйствительно пріѣхать, тѣмъ не менѣе мы, зная твое желаніе и намѣреніе, сохраняемъ то же мнѣніе о твоемъ къ намъ расположеніи, какое имѣли и прежде. Не переставай же постоянно писать къ намъ и увѣдомлять о ходѣ своей болѣзни и о своемъ здоровьѣ. Въ настоящее время мы очень огорчены, слыша, что ты больна. Чтобы не тревожиться намъ, увѣдоми насъ поскорѣе, выздоравливаешь ли ты отъ своей болѣзни.

65. Къ пресвитеру Роману [1]).

Не въ Арменіи только и не въ Каппадакійской только странѣ, но и въ болѣе отдаленныхъ краяхъ, молва о твоей любви и о расположеніи, какое ты всегда оказывалъ къ намъ, прогремѣла торжественнѣе трубы. Считая величайшею для себя честію такое расположеніе къ намъ твоего благоговѣнія, мы съ своей стороны не перестаемъ прославлять тебя и усердно просимъ тебя постоянно писать къ намъ о своемъ здоровьѣ. Хотя мы и въ пустынѣ живемъ, хотя и далеко отъ васъ удалены,—при всемъ томъ мы связаны съ тобою узами любви, питая къ тебѣ то же расположеніе, какое изстари оказывали мы къ твоей честности, или даже въ настоящее время еще болѣе горячее и живое. Ни давность времени, ни дальность разстоянія не сдѣлали насъ равнодушнѣе,—напротивъ, сдѣлали расположеннѣе къ тебѣ. Зная это, честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій мой владыко, и понимая, какое удовольствіе доставишь ты намъ болѣе частою перепиской съ нами, пиши къ намъ о своемъ здоровьѣ, но особенно вспоминай насъ всегда въ своихъ святыхъ молитвахъ, чтобы такимъ образомъ, не смотря на отдаленность разстоянія, мы могли воспользоваться твоимъ многимъ содѣйствіемъ.

---

66. Къ Гемеллу [2]).

Что это? Когда такой славный и обширный городъ совершаетъ блистательное празднество (такъ я называю твое вступленіе въ должность), ты ставишь насъ еще въ большое уныніе, такъ упорно храня молчаніе! Если бы это сдѣлалъ кто-нибудь другой изъ обыкновенныхъ людей, я легко понялъ бы причину. Я объяснилъ бы себѣ это тѣмъ, что многіе, съ возвышеніемъ по службѣ, обыкновенно возвышаются вмѣстѣ и въ надменности. Но когда дѣло касается твоего великолѣпія,—человѣка съ философскимъ настроеніемъ мысли, который отлично постигаетъ сущность этихъ временныхъ и преходящихъ вещей, не обольщается мишурой и вывѣсками и смотритъ на вещи такъ, какъ онѣ есть, безъ прикрасы,—то я рѣшительно не могу понять причины молчанія. Что ты и теперь любишь насъ также, какъ и прежде, или даже болѣе прежняго, въ этомъ я вполнѣ убѣжденъ. Но почему,

[1]) Изъ Кукуза въ 405-мъ г.

[2]) Изъ Кукуза въ 404-мъ или 405-мъ году.

при такомъ расположеніи къ намъ, ты ничего не пишешь такъ долго, не умѣю сказать и совершенно недоумѣваю по этому самому. Разрѣши же намъ эту загадку въ своемъ письмѣ, если не тяжело
651 и не трудно. Но прежде, чѣмъ будешь писать, скажи доставившимъ тебѣ настоящее письмо, т. е. господину моему, честнѣйшему и благоговѣйнѣйшему пресвитеру, и сопровождающимъ его, что это молчаніе, въ чемъ мы увѣрены, не было слѣдствіемъ небрежности. Довольно будетъ сказать это, чтобы имъ достигнуть благосклонности у твоей достопочтенности.

67. Къ Фирмину [1]).

Пребыванію твоему съ нами болѣзнь твоя много помѣшала; но любви не измѣнила между нами нисколько. Довольно было намъ одинъ разъ побыть съ тобою, чтобы сдѣлаться твоими горячими друзьями навсегда. Ты заставилъ насъ такъ полюбить себя тѣмъ, что самъ съ первой нашей встрѣчи обнаружилъ къ намъ такую пылкую и безпредѣльную любовь, не выжидая указаній опыта, но съ перваго взгляда рѣшивши свой выборъ и крѣпко привязавши насъ къ себѣ. Потому-то вотъ мы и пишемъ къ тебѣ и увѣдомляемъ тебя о томъ, что тебѣ желательно знать о насъ. Именно: мы здоровы; путь свой совершили благополучно; наслаждаемся теперь отдыхомъ и полнымъ досугомъ; пользуемся у всѣхъ большою расположенностію; чувствуемъ невыразимое облегченіе въ душѣ. Никто насъ здѣсь не тревожитъ, никто не нападаетъ на насъ. Да и что удивительнаго, если такъ покойно въ городѣ, когда и всю дорогу мы проѣхали совершенно свободно Увѣдомь же и ты насъ о себѣ. Если мы доставили тебѣ удовольствіе сообщеніемъ этихъ извѣстій, то и сами будемъ очень рады услышать о твоемъ здоровьѣ. Ты, конечно, понимаешь, какъ пріятно людямъ, умѣющимъ искренно любить, слышать добрыя вѣсти о тѣхъ, кого они любятъ.

68. Къ главному врачу Имнитію.

Не перестаемъ мы передъ всѣми прославлять тебя, и какъ честнаго человѣка, и какъ прекраснаго врача, и какъ друга, умѣющаго искренно любить. Какъ только зайдетъ у насъ здѣсь

[1]) Настоящее и одиннадцать слѣдующихъ писемъ писаны изъ Кукуза въ 404-мъ году.

рѣчь о нашей болѣзни,—по необходимости придешь ты на память въ этихъ разсказахъ, и, многократно испытавши на себѣ твои великія познанія и твою благорасположенность, не можемъ же мы проходить молчаніемъ твоихъ благодѣяній и разглашаемъ о нихъ всѣмъ съ чувствомъ величайшаго удовольствія. Ты внушилъ намъ такую любовь къ себѣ, что, даже пользуясь совершеннымъ здоровьемъ, мы много бы дали за то, чтобы притащить тебя сюда, хотя бы только затѣмъ, чтобы на тебя взглянуть. Но такъ какъ это неудобно и по трудности дороги, и по страху, наводимому исаврійцами, то за это мы не беремся пока, а просимъ только постоянно къ намъ писать. Ты въ состояніи вознаградить насъ постоянною перепискою за удовольствіе личнаго свиданія съ тобою, разслащая свои письма медомъ твоей добродушной любезности.

69. Къ Киеирію.

Пребываніе наше у васъ тамъ было непродолжительно, но отъ него возродилась между нами великая, высокая и благородная любовь. Умѣющимъ искренно любить не нужно для этого много времени; здѣсь все можетъ совершиться въ короткій срокъ. Такъ точно случилось это и съ нами: мы такъ горячо полюбили васъ, какъ будто бы жили съ вами долгое время. Поэтому теперь и пишемъ къ вамъ, увѣдомляя, что мы здоровы и живемъ въ 552
спокойствіи и тишинѣ. Мы увѣрены, что, извѣщая васъ объ этомъ, мы дѣлаемъ вамъ удовольствіе. Но и отъ васъ мы просимъ подобнаго же увѣдомленія. Не сочтите за трудъ писать къ намъ постоянно, радуя насъ извѣстіями о вашемъ здоровьѣ. Увѣдомляя насъ о томъ, о чемъ мы постоянно желали бы имѣть свѣдѣніе, вы доставите намъ такимъ образомъ величайшее удовольствіе, котораго не ослабитъ въ насъ даже и жизнь на чужой сторонѣ.

70. Къ Леонтію.

Изъ вашего города насъ выгнали; но любви къ тебѣ изъ насъ не выгнали. То зависѣло отъ другихъ — остаться ли тамъ, или быть изгнанными, а это зависитъ отъ насъ. Никто поэтому не въ состояніи лишить насъ этого и, куда бы насъ ни удалили, всюду мы унесемъ съ собою сладость любви къ тебѣ и вездѣ съ наслажденіемъ будемъ вспоминать о твоемъ благородствѣ, сое-

диняя въ одно представленіе твою приверженность къ намъ, твое усердіе, твой умъ, твою привѣтливость, гостепріимство, всѣ другія прекрасныя качества твоей души, и такимъ образомъ воспроизводя себѣ твою доблестную личность. Ты такъ насъ привязалъ и такъ овладѣлъ нами, что намъ весьма желательно было бы повидаться съ тобою; но такъ какъ это въ настоящее время не возможно, то утѣшь насъ своими письмами. Съ твоимъ умомъ, ты въ состояніи вознаградить насъ частою перепискою за удовольствіе личнаго свиданія съ тобою.

71. Къ Фавстину.

Мы прибыли въ Кукузъ въ добромъ здоровьѣ (такъ я начинаю свое письмо сообразно съ твоимъ желаніемъ) и нашли, что это мѣстечко нисколько не опасно, совершенно спокойно, совершенно тихо: никто его не тѣснитъ и никто на него не нападаетъ. Да и что удивительнаго, если такъ спокойно въ городѣ, когда мы свободно и безпрепятственно проѣхали всю необыкновенно пустынную, опасную и подозрительную дорогу, ведущую сюда, пользуясь большею безопасностію, чѣмъ въ благоустроеннѣйшихъ городахъ? Въ награду за эти добрыя вѣсти съ нашей стороны пиши къ намъ постоянно о своемъ здоровьѣ. Живя здѣсь въ полной тишинѣ, мы постоянно воспроизводимъ себѣ благородство твоего образа мыслей, твою любовь къ свободѣ, ненависть къ злу, откровенную прямоту, все богатство твоихъ необозримыхъ добродѣтелей, и съ услажденіемъ вспоминаемъ о тебѣ, нося въ своей душѣ твой образъ всюду, гдѣ бы мы ни были, и пламенѣя
653 къ тебѣ безпредѣльною любовью. Намъ желательно бы было поэтому видѣть тебя прибывшимъ сюда. Но такъ какъ это трудно, то мы прибѣгаемъ къ другому средству и просимъ тебя утѣшать насъ письмами. Постоянное полученіе писемъ съ извѣстіями о твоемъ здоровьѣ принесетъ намъ величайшее подкрѣпленіе.

72. Къ епископу Люцію.

Хотя насъ отдѣляетъ отъ твоего благоговѣнія большое разстояніе пути, тѣмъ не менѣе намъ извѣстно твое отчужденіе отъ зла и прискорбіе, какое возбудили въ душѣ твоей люди, совершившіе столько беззаконій и наполнившіе вселенную столькими соблазнами. Свидѣтельствуемъ тебѣ поэтому нашу благодарность и никогда не перестанемъ прославлять и ублажать тебя за то,

что, не смотря на такой напоръ зла, когда столь многіе слѣпо несутся на скалы и утесы, ты продолжаешь идти прямою дорогою, осуждая происшедшее и отвращаясь отъ совершившихъ его, какъ и слѣдуетъ тебѣ. Но въ то же время просимъ остаться твердымъ въ этой доброй рѣшимости и показать еще большую ревность. Ты знаешь, какъ велика будетъ ваша награда, какъ блистательны ваши вѣнцы и воздаянія вамъ за то, что, когда столь многіе производятъ смятеніе, вы идете напротивъ и такимъ образомъ успѣшно содѣйствуете исправленію существующаго зла. Не подлежитъ сомнѣнію, что если вы рѣшитесь стать твердо, то, хотя вы составляете меньшинство по числу, вы одолѣете большинство, превозносящееся злобою. Нѣтъ ничего сильнѣе добродѣтели и стремленія содѣйствовать огражденію Церкви. Избравъ такимъ образомъ рѣшеніе, могущее привлечь на васъ высокое благоволеніе Божіе, постарайтесь до конца исполнить вашъ долгъ, содѣлавшись по своей непоколебимости крѣпчайшею оградою всѣхъ церквей вселенной.

---

73. Къ епископу Марію.

Еще при самомъ началѣ бури, возмутившей церковь, мы замѣтили неуклонную прямоту твоего образа мыслей, и теперь, когда бѣдствія увеличились, слышимъ опять о твоемъ благоговѣніи, что ты остаешься вѣренъ своему прежнему рѣшенію. Поэтому, не смотря на отдаленность своего мѣстопребыванія, воздавая тебѣ должное привѣтствіе, мы ублажаемъ и прославляемъ тебя за то, что когда большинство увлеклось въ бездну погибели и склонилось на сторону тѣхъ, которые такъ беззаконно поступили противъ церкви, ты пошелъ по противоположному пути, отвернулся отъ дерзнувшихъ произвесть эти беззаконія и сохранилъ подобающую тебѣ независимость. Имѣя въ виду всю важность этого великаго дѣла и долгъ каждаго уклоняться отъ пути лукавнующихъ, а также и то, что неизмѣнное и непреклонное рѣшеніе ваше послужитъ средствомъ и началомъ къ исправленію зла,—пожалуйста, стой твердо, съ подобающимъ тебѣ мужествомъ, и поощряй къ тому же другихъ, кого только можешь. Тогда достаточно будетъ для пособія вамъ одной правоты дѣла, и Богъ
благословитъ ваше рѣшеніе, избравшее правый путь среди такой 654
сумятицы, и подастъ вамъ побѣду.

---

74. Къ епископу Евлогію [1]).

Хотя бы насъ удалили на самые крайніе предѣлы вселенной, и тогда мы не могли бы забыть любви твоей и унесли бы всюду твой образъ съ собою: до такой степени ты увлекъ и плѣнилъ насъ, честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій мой владыко! Такъ и теперь, живя въ Кукузѣ, самомъ пустынномъ мѣстечкѣ со всего нашего государства, мы постоянно вспоминаемъ о твоей добротѣ, любезности, обходительности, о твоемъ искреннемъ, огненномъ и живомъ расположеніи къ намъ, о твоей, болѣе пламенной, чѣмъ огонь, ревности, о всѣхъ другихъ доблестяхъ твоей души, и, услаждаясь этими воспоминаніями, разглашаемъ предъ всѣми о твердости твоего рѣшенія и непоколебимости, какую показалъ ты въ отношеніи къ воюющимъ противъ церкви и наполнившимъ вселенную столькими соблазнами хотя — все это вовсе не нуждается въ нашемъ разглашеніи, потому что самыми дѣлами своими ты самъ провозгласилъ это во всеуслышаніе всего Востока и даже за его предѣлами. Свидѣтельствуемъ тебѣ за это нашу благодарность, ублажаемъ, прославляемъ тебя и усердно просимъ пребыть навсегда вѣрнымъ показанной тобою ревности. Не одно и тоже — соблюдать правоту, когда дѣла несутся по благопріятному теченью, или — не только не увлечься, но остаться непоколебимымъ, когда многіе покушаются раззорить церковь, отвращаясь отъ нихъ съ достодолжнымъ мужествомъ. Въ настоящемъ случаѣ подобная непоколебимость послужитъ, не сколько-нибудь, но чрезвычайно много, къ исправленію зла. Что при такомъ взглядѣ на дѣло твоего благоговѣнія пойдутъ по слѣдамъ твоимъ всѣ, честнѣйшіе и благоговѣйнѣйшіе господа мои, епископы палестинскіе, въ этомъ, конечно, не должно и сомнѣваться. Я очень хорошо знаю, что въ дѣлахъ подобной важности ты умѣешь такъ же неразрывно соединить и связать ихъ съ собою сладостью любви къ тебѣ. какъ соединено и связано тѣло съ головою, и это есть равнымъ образомъ новое и величайшее доказательство твоей доблестности.

75. Къ Іоанну, епископу Іерусалимскому.

Мы удалены въ Кукузъ, но не удалились отъ любви къ вамъ. То зависѣло отъ другихъ, а это — отъ насъ. Поэтому и отсюда,

[1]) Епископъ Евлогій былъ митрополитомъ Кесаріи палестинской, то есть главою всѣхъ палестинскихъ церквей, исключая іерусалимскую.

не смотря на такую отдаленность, мы пишемъ къ вамъ и усердно просимъ ваше благоговѣніе сохранять и теперь то мужество, какое вы показали съ самаго начала, отвратившись отъ людей, наполнившихъ церкви столькими смятеніями, и завершить его достойнымъ начала, или даже еще болѣе блистательнымъ, концомъ. Не малая награда отложена вамъ будетъ за то, если вы, какъ должно, прервете всѣ сношенія съ людьми, которые произвели такую бурю, наполнивъ столькими соблазнами почти всю вселенную, и не будете имѣть съ ними ничего общаго. Отъ этого зависитъ безопасность церквей; въ этомъ — ихъ огражденіе; въ этомъ — ваши вѣнцы и побѣдныя почести. Зная это, честнѣйшій и благоговѣй- 655
нѣйшій мой владыко, позаботься обезопасить церкви, въ ожиданіи такимъ образомъ величайшаго за это воздаянія, и никогда не забывай о насъ, крѣпко любящихъ твое благоговѣніе и ввѣряющихся твоей расположенности. Мы знаемъ, какую любовь оказываешь ты къ намъ, видя это по самымъ дѣламъ твоимъ.

76. Къ Θеодосію, епископу скиθопольскому.

По мѣсту мы далеко отъ васъ отстоимъ, но по любви мы подлѣ васъ, — неразлучны и связаны съ вами душой. Такова любовь: ее не затрудняетъ пространство, не расторгаетъ разстояніе; но легко облетаетъ она всю вселенную, соединяя взаимно любящихъ другъ друга. Это самое и мы испытываемъ теперь, всюду нося васъ въ своемъ сердцѣ. Усердно поэтому просимъ васъ, какъ поступали вы прежде, украшая самихъ себя и ограждая церкви, такъ поступайте и теперь и отвращайтесь съ подобающимъ вамъ мужествомъ отъ людей, которые внесли столько смятеній во всю вселенную и возмутили церкви. Это будетъ началомъ прекращенія бури, это будетъ огражденіемъ церквей, это будетъ исправленіемъ зла, если вы, здоровые, прервете всѣ сношенія съ запятнавшими себя такою язвою и не будете имѣть съ ними ничего общаго. Имѣя такимъ образомъ въ виду воздаяніе за подвигъ и уготованные за него вѣнцы, постарайся оказать достодолжное мужество въ этомъ дѣлѣ и не забывай никогда насъ, любящихъ тебя, чѣмъ доставишь намъ величайшее одолженіе.

77. Къ епископу Моисею.

Думаю, что ты не нуждаешься въ нашемъ письмѣ для того, чтобы показать должное мужество и отвернуться отъ людей, произ-

ведшихъ столько зла въ церквахъ и наполнившихъ вселенную смятеніями; своими дѣлами ты уже высказалъ свой образъ мыслей. Но такъ какъ мнѣ всегда и при всякомъ случаѣ весьма пріятно обращаться съ привѣтствіемъ къ твоему благоговѣнію, то повторяю тебѣ и теперь свою усердную просьбу — отвращаться отъ нихъ съ должнымъ мужествомъ и поощрять всѣхъ другихъ къ тому же. Съ одной стороны вамъ отложена будетъ не малая награда за то, если вы, какъ должно, рѣшитесь прервать всѣ сношенія съ людьми, поднявшими такую бурю и посѣявшими всюду безчисленные соблазны; съ другой — самыя дѣла примутъ чрезъ это весьма благопріятный оборотъ. Усердно просимъ тебя также никогда не забывать насъ, горячо тебя любящихъ. Тебѣ извѣстно, какое чувство расположенія мы всегда питали и питаемъ къ твоему благоговѣнію.

78. Къ пресвитеру Роману [1]).

Это совершенно по твоему, совершенно въ характерѣ твоего великаго, высокаго и философскаго духа, что даже среди невзгоды такого множества неблагопріятныхъ обстоятельствъ ты не забылъ любви нашей, но по прежнему непреклонно и неослабно хранишь къ намъ дружбу. Положительно узналъ я это отъ прибывшихъ
656 оттуда; но былъ увѣренъ въ томъ и прежде, чѣмъ услышалъ отъ другихъ. Я знаю крѣпость и постоянство твоей души, прочность и неизмѣнность твоего образа мыслей. Поэтому, принося великую благодарность твоему богопочтенію, умоляю твое благоговѣніе и прошу, какъ величайшей милости, постоянно писать къ намъ по мѣрѣ возможности. Ты понимаешь, какъ утѣшительно намъ, живя въ чужой сторонѣ, получать письма съ радостными извѣстіями о твоемъ здоровьѣ. Мы тѣмъ болѣе горячо желаемъ благоденствія и здоровья твоему благоговѣнію, что твое здоровье служитъ для многихъ опорою, пристанищемъ, защитою, и есть залогъ неисчислимаго множества великихъ дѣлъ.

79. Къ пресвитеру Моисею [2]).

Величіе похвалъ, расточаемыхъ въ письмѣ твоей честности, далеко превышаетъ наше убожество. Поэтому, оставивъ восхвале-

[1]) По Ватиканскому кодексу: *къ пресвитеру монаху Роману.*
[2]) Писано между 404-мъ и 407-мъ годами.

ніе, не переставай молиться, какъ о всей совокупности церквей, такъ и о нашемъ смиреніи, усердно прося человѣколюбиваго Бога прекратить обнявшія вселенную бѣдствія. Только молитвами и можетъ быть поправлено настоящее положеніе дѣлъ, и притомъ — преимущественно вашими молитвами, стяжавщими великое дерзновеніе у Бога. Не переставайте же молиться прилежно и не поставьте за трудъ, по мѣрѣ возможности, постоянно писать къ намъ, тѣмъ болѣе, что и разстояніе не велико. Мы горячо желаемъ имѣть свѣдѣнія о вашемъ здоровьѣ, такъ какъ здоровье каждаго изъ васъ служитъ для многихъ опорою и утѣшеніемъ. Всегда драгоцѣнна ваша жизнь, но особенно теперь, среди такого вихря и мрака, когда вы, являясь подобно яснымъ свѣтиламъ небеснымъ, можете проливать свой свѣтъ обуреваемымъ и утопающимъ. Такимъ образомъ, если хотите, чтобы и мы благодушествовали, присылайте намъ чаще письма съ добрыми извѣстіями о вашемъ здоровьѣ, и мы имѣли бы не малое утѣшеніе, еслибы постоянно получали такого рода свѣдѣнія о вашей честности.

80. Къ пресвитерамъ монахамъ: Афѳонію, Ѳеодоту, Херею и ко всему вашему братству [1]).

Личное свиданіе съ любимыми, конечно, всего болѣе способно утѣшить любящихъ. Такъ блаженный Павелъ, постоянно и непрерывно носившій въ своемъ сердцѣ всю совокупность вѣрующихъ и не забывавшій о нихъ ни на одно мгновеніе ни въ заключеніи, ни въ узахъ, ни даже среди произнесенія оправдательныхъ рѣчей, какъ это выразилъ онъ, сказавъ: *за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ, во узахъ моихъ и во отвѣтѣ и извѣщеніи благовѣстія* (Филипп. I, 7), при всемъ томъ съ живѣйшимъ усердіемъ желалъ личнаго съ ними свиданія, какъ это видно изъ его словъ: *мы же, осиротѣвше отъ васъ ко времени часа, лицемъ, а не сердцемъ лишше тщахомся лице ваше видѣти многимъ желаніемъ* (1 Сол. II, 17). Тоже самое чувствуемъ теперь и мы, горячо желая личнаго свиданія какъ съ видѣвшими, такъ и съ невидавшими насъ никогда. Но такъ какъ это пока невозможно (потому что и дальность 657
разстоянія препятствуетъ, и время года, и опасность со стороны разбойниковъ, да и помимо всего этого неудобно намъ отлучаться изъ своего мѣстопребыванія и предпринимать далекія путешествія), то, прибѣгая къ другому средству, мы письменно воздаемъ

[1]) Изъ Кукуза въ 405-мъ году.

вамъ должное привѣтствіе, прежде же всего умоляемъ васъ и просимъ, какъ величайшей милости, непрестанно поминать насъ въ молитвахъ своихъ и со всеусердіемъ, со слезами припадать къ человѣколюбивому Богу съ мольбою о нашемъ смиреніи. Вы, избѣжавшіе водоворота житейскихъ дѣлъ, освободившіеся отъ копоти и шума свирѣпствующихъ въ мірѣ бѣдствій и управившіе свои души, какъ бы въ своего рода тихую и необуреваемую пристань, въ пріютъ этого добраго любомудрія, — вы, превратившіе ночи въ дни священными всенощными бдѣніями и среди ночей видящіе яснѣе, чѣмъ другіе видятъ днемъ, — вы скорѣе всѣхъ можете оказать намъ помощь — вашими молитвами. Мы можемъ воспользоваться ими, не смотря на такое дальнее разстояніе наше отъ васъ, и нѣтъ такого далекаго мѣста, равно какъ и времени, которое могло бы помѣшать этого рода помощи дойти до насъ. Протяните же руку и помогите намъ своими молитвами. Это преимущественно — самый высокій видъ любви. А кромѣ молитвъ вашихъ, не поставьте въ трудъ и увѣдомлять насъ о своемъ здоровьѣ, чтобы и отсюда мы могли извлечь величайшее подкрѣпленіе себѣ, услаждаясь вашею любовью и представляя васъ себѣ какъ бы лично присутствующими вмѣстѣ съ нами, такъ какъ искренняя любовь даетъ способность составить соотвѣтственное ей понятіе даже и о наружности никогда не видѣнныхъ любимыхъ лицъ. Хотя бы пришлось намъ жить въ еще болѣе тяжкой пустынѣ, чѣмъ теперь, мы почерпнемъ отсюда величайшее утѣшеніе.

81. Къ діакониссѣ Пентадіи [1]).

О твоей любви къ намъ я зналъ и прежде, видѣвъ ее изъ самыхъ дѣлъ твоихъ; но теперь увѣрился въ ней еще яснѣе на основаніи того, что ты намъ писала. Весьма превозносимъ тебя за это, — не за то только, что ты прислала намъ письмо, но и за то, что описала въ немъ все, происшедшее у васъ. Это — знакъ полнаго довѣрія къ намъ и заботливости о нашемъ дѣлѣ. Радуемся, веселимся, торжествуемъ и, не смотря на свою жизнь въ такой пустынѣ, чувствуемъ величайшее утѣшеніе, видя твое мужество, твою стойкость, непреклонность, необыкновенное благоразуміе, свободу рѣчи, высокое дерзновеніе, которымъ ты посрамила противниковъ, нанесла роковой ударъ діаволу и въ то же время воодушевила подвизающихся за истину, пріобрѣла себѣ, какъ до-

[1]) Въ 404-мъ, или 405 году.

блестный герой въ бою, великолѣпный трофей, одержавъ блистательную побѣду, и возвеселила насъ до такой степени, что мы, забывъ объ изгнаніи, о чужой сторонѣ, о пустынѣ, въ которой живемъ, воображаемъ, будто бы находимся теперь тамъ, среди васъ, и услаждаемся твоею душевною доблестію. Радуйся же и веселись, одержавши такую побѣду, легко заградивши пасти такихъ звѣрей, замкнувши ихъ безстыдные языки и зажавши ихъ 658
бѣшеныя уста. Вотъ что значитъ истина, за которую ты подвизалась и за которую неоднократно приносила себя на закланіе: немногими словами она одерживаетъ верхъ надъ клеветою, тогда какъ ложь, хотя бы прикрывали ее безчисленными изворотами многословныхъ рѣчей, не смотря на то выходитъ наружу, падаетъ сама собою и оказывается слабѣе паутины. Радуйся же и веселись (я не перестану постоянно повторять эти слова), мужайся, укрѣпляйся и съ посмѣяніемъ смотри на всѣ, взводимые ими противъ тебя, навѣты! Чѣмъ лютѣе они свирѣпствуютъ, тѣмъ глубже наносятъ себѣ самимъ раны, нисколько не вредя тебѣ, какъ волны не въ состояніи вредить скалѣ, но ослабляя и уничтожая самихъ себя и нагромождая себѣ самимъ чрезмѣрныя мученія въ будущемъ. Не бойся нисколько ихъ угрозъ, хотя бы они скрежетали зубами, безумѣли отъ ярости и жаждали крови, отъ злобы впадая въ лютость дикихъ звѣрей. Тотъ, кто доселѣ вырывалъ тебя изъ ихъ разнообразныхъ и многоразличныхъ козней, — Тотъ сохранитъ тебя въ полной безопасности, бодрою и мужественною и въ будущемъ, и ты скажешь сама: *стрѣлы младенецъ быша язвы ихъ, и изнемогоша на ня языцы ихъ* (Псал. LXIII, 8, 9). Что было, то и будетъ: ты пріобрѣтешь себѣ еще большую награду и заслужишь еще болѣе блистательные вѣнцы; а они, оставшись нераскаянными, подвергнутъ себя еще большему наказанію. Къ какимъ козням они не прибѣгали? Какого рода не предпринимали средствъ, надѣясь поколебать твою крѣпкую, вѣрную Богу, благородную и мужественнѣйшую душу? Тебя, ничего не знавшую кромѣ церкви и своего терема, повели на площадь, съ площади въ судъ, изъ суда въ темницу. Наострили языки лжесвидѣтелей, сплели безсовѣстную клевету, произвели убійства, пустили цѣлые потоки крови, губили молодыхъ огнемъ и желѣзомъ, терзали взрослыхъ, не считая числа и не разбирая достоинства, побоями, мученіями и безчисленными истязаніями, — все употребили они, чтобы принудить и заставить тебя по страху сказать не то, что ты несомнѣнно знала. Но ты, какъ орелъ, воспаряющій въ высь, разорвавъ ихъ сѣти, поднялась на свойственную тебѣ высоту свободы и не только не дозволила имъ сбить себя, но уличила ихъ въ клеветѣ по настоящему обвиненію въ поджогѣ, на которое

особенно много разсчитывали эти жалкія и бѣдныя созданія. Обративъ такимъ образомъ взглядъ на все прошедшее и взявъ во вниманіе, что, какихъ волнъ и какой бури ни поднимали они противъ тебя, какого урагана и водоворота ни производили, а ты все мирно плыла среди этого бѣснующагося моря,—надѣйся, что скоро доплывешь и до пристани, въ которой ждутъ тебя многочисленные вѣнцы. Ты желаешь имѣть свѣдѣніе и о насъ? Мы живы, здоровы и не страдаемъ болѣе никакою болѣзнью. Да если бы и захворали, то совершенно достаточнымъ лѣкарствомъ для выздоровленія послужила бы намъ искренняя, горячая, крѣпкая и неизмѣнная любовь твоего благоговѣнія. Такъ какъ возможность
659 постоянно знать о твоемъ благоденствіи и полномъ благополучіи составляетъ для насъ такимъ образомъ необыкновенно большую радость, то мы усердно просимъ тебя, что впрочемъ и безъ нашего прошенія ты всегда дѣлаешь, сколько возможно чаще увѣдомлять насъ о здоровьѣ твоемъ, всего твоего дома и твоихъ близкихъ. Тебѣ извѣстно, до какой степени мы заботимся о тебѣ и обо всемъ твоемъ благословенномъ домѣ.

---

82. Къ Пеанію.

Тяжкія дѣла совершились; но надобно жалѣть не о тѣхъ, кто пострадалъ и выстоялъ мужественно, а о тѣхъ, кто все это сдѣлалъ. Какъ могучіе звѣри, съ большою яростію налегая на острія копьевъ, тѣмъ самымъ глубже вонзаютъ въ свои внутренности смертоносное желѣзо, такъ точно совершившіе эти беззаконія собираютъ на свою собственную голову жестокій огонь геенны. И если они тщеславятся тѣмъ, что дѣлаютъ, то еще болѣе возбуждаютъ состраданія и еще болѣе достойны слезъ, потому что тѣмъ болѣе жестокія уготовляютъ себѣ муки. Итакъ, о нихъ надобно жалѣть всегда; что же касается тѣхъ, кого такъ немилосердно они закалаютъ въ жертву, то должно радоваться наградамъ и вѣнцамъ, которые ожидаютъ этихъ подвижниковъ на небѣ, и видѣть въ ихъ подвигѣ величайшее и яснѣйшее доказательство окончательнаго пораженія діавола. Если бы это пораженіе было не окончательно, то онъ не хрипѣлъ бы такъ страшно гортанью своихъ служителей. Взявъ во вниманіе все это, утѣшься вполнѣ, достопочтеннѣйшій мой владыко, и пиши намъ постоянно о своемъ здоровьѣ. Мы желали бы видѣть и обнять твою любезную намъ особу, но такъ какъ это въ настоящее время не возможно, то усердно прошу твое благородство,—какъ съ своей стороны по-

стоянно увѣдомлять насъ о своемъ благоденствіи, такъ и другимъ, кто насъ очень любитъ, доставлять возможность безъ затрудненія вести съ нами переписку.

83. Къ діакониссѣ Ампруклѣ и находящимся съ нею [1].

Волны, ударяя въ скалы, не могутъ потрясти ихъ нисколько, но, чѣмъ сильнѣе напоръ удара, тѣмъ страшнѣе разбиваются сами и исчезаютъ. То же самое можно видѣть теперь на васъ и на тѣхъ, кто напрасно и суетно строитъ противъ васъ козни. Вамъ отсюда большее дерзновеніе предъ Богомъ и больше славы у людей; а имъ—осужденіе, стыдъ и позоръ. Вотъ что значитъ добродѣтель, вотъ что—зло: та процвѣтаетъ еще болѣе, когда нападаютъ на нее; а это, даже само нападая, постепенно теряетъ силу и съ соотвѣтственной скоростью погибаетъ совершенно. Имѣя такимъ образомъ величайшее утѣшеніе себѣ въ самой причинѣ происшедшаго съ вами, радуйтесь, веселитесь и укрѣпляйтесь. Вы знаете, какія награды заслужили вы себѣ за свое мужество въ этой борьбѣ и какія блага ожидаютъ васъ за твердое и благодушное перенесеніе бѣдствій: *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). Притомъ всѣ настоящія скорби проходятъ 660
и оканчиваются съ настоящею жизнію; пріобрѣтаемыя же ими награды—безсмертны. Сверхъ того, еще прежде полученія наградъ, вы имѣете уже здѣсь не малое блаженство, питаясь упованіемъ на свою чистую совѣсть и ожиданіемъ будущихъ вѣнцовъ. Впрочемъ я увѣренъ, что ты знаешь все это безъ нашего письма, и распространился въ увѣщаніяхъ для того, чтобы сдѣлать свое посланіе длиннѣе. Я хорошо знаю, какъ горячо, до чрезвычайности горячо, ты любишь наши письма, и въ этомъ, конечно, заключается причина постоянныхъ упрековъ намъ съ твоей стороны за то, что мы не часто пишемъ. По твоему необыкновенному пристрастію къ письмамъ нашимъ, мы не въ состояніи были бы удовлетворить твоего желанія даже и тогда, если бы писали къ тебѣ ежедневно. Дай тебѣ Богъ награду и воздаяніе за такую любовь къ намъ и въ настоящей жизни, и въ будущемъ вѣкѣ. Будь увѣрена, мы будемъ писать къ тебѣ постоянно, не пропуская ни одного случая, потому что, дѣлая это и постоянно обращаясь къ тебѣ съ нашими искренними привѣтствіями, мы доставляемъ чрезъ то величайшее удовольствіе себѣ самимъ. Кромѣ того мы всегда хранимъ въ полной силѣ ту любовь, которую ты

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году.

возбудила въ насъ самаго начала, и она не ослабнетъ въ насъ даже тогда, когда бы намъ пришлось быть въ разлукѣ съ вами еще болѣе времени, чѣмъ теперь. Мы непрерывно носимъ васъ въ своемъ сердцѣ, изумляясь вашей непоколибимой твердости и вашему великому мужеству. Пиши же и сама къ намъ постоянно, радуя насъ извѣстіями о здоровьѣ своемъ и всего своего дома, и мы почерпнемъ отсюда величайшее утѣшеніе.

84. Къ пресвитеру Ипатію [1]).

Ты знаешь самъ, честнѣйшій мой господинъ, какую награду, какія воздаянія, какіе вѣнцы несутъ вамъ ваши страданія ради Бога: не смущайся же совершающимися дѣлами,—такъ какъ, напротивъ, надобно жалѣть о тѣхъ, кто дѣлаетъ зло. Они именно нагромождаютъ на свою голову безчисленныя наказанія. А ты, съ свойственнымъ тебѣ достоинствомъ оказывая надлежащее мужество, разрывай ихъ козни и навѣты легче паутины и пиши къ намъ постоянно, радуя насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ. Получая такого рода письма отъ твоей честности, мы почерпнемъ изъ нихъ большое утѣшеніе въ своей изгнаннической жизни.

85. Къ Халкидіи [2]).

Необыкновенно мы были огорчены, узнавъ, что ты такъ больна. Тебѣ извѣстно, какъ мы дорожимъ твоимъ здоровьемъ, моя скромнѣйшая и благоговѣйнѣйшая госпожа. Чтобы не томить насъ тяжелою заботою, постарайся съ первымъ представляющимся случаемъ увѣдомить насъ, кончилась ли твоя болѣзнь и совершенно ли ты выздоровѣла. Не смотря на свою тягостную жизнь въ такой пустынѣ, мы чувствуемъ необыкновенную радость, когда получаемъ извѣстія о здоровьѣ и благодушіи людей,
661 такъ искренно насъ любящихъ, какъ вы. Итакъ, зная, сколько ты доставишь намъ удовольствія, если пришлешь подобнаго рода извѣстіе, не медли и не откладывай, но, пожалуйста, тотчасъ же исполни нашу просьбу. Какъ теперь ты повергла насъ въ постоянную скорбь, увѣдомивъ о своей болѣзни, такъ несказанно обрадуешь насъ тогда, когда пришлешь извѣстіе о своемъ выздоровленіи.

---

[1]) Изъ Кукуза въ 405-мъ году.

[2]) Изъ Кукуза въ 404 году.

86. Къ Асинкритіи [1]).

Душевно желалъ бы я писать къ вамъ постоянно, — потому что, гдѣ бы мы ни были, мы никогда не можемъ забыть вашего расположенія, уваженія и почтенія, какое вы всегда оказывали къ намъ, и всегда неослабно хранимъ память о васъ, всюду нося ее въ своемъ сердцѣ. Если же въ дѣйствительности мы пишемъ не такъ часто, какъ намъ хотѣлось бы, или даже рѣдко, то причиной этого не небрежность наша, а неизбѣжное положеніе обстоятельствъ и непроходимость дороги отъ насъ въ настоящее время. Зная это, скромнѣйшая и благороднѣйшая госпожа моя, пишемъ ли мы, или молчимъ, одинаково будь увѣрена въ расположеніи, какое мы всегда къ вамъ оказывали.

---

87. Къ Маркіану и Маркеллину [2]).

Та же причина долгаго молчанія и съ нашей стороны, какая со стороны вашего благородства, но—молчанія не сердцемъ, а только устами. Въ душѣ мы постоянно обращаемся къ вамъ, непрерывно привѣтствуемъ вашу благороднѣйшую и достойнѣйшую душу и неразлучны съ вами, навсегда запечатлѣвъ васъ въ своемъ сердцѣ: таково свойство искренней любви. Зная это, любезнѣйшіе и честнѣйшіе господа мои, пишите намъ по мѣрѣ возможности и увѣдомляйте насъ о своемъ здоровьѣ. Но будьте увѣрены, что и въ то время, когда не будете писать, мы неизмѣнно сохранимъ то же мнѣніе о любви вашей, какъ если бы вы и писали, основываясь въ своемъ сужденіи на вашемъ образѣ мыслей.

---

88. Къ пресвитеру Северу [3]).

Хотя мы живемъ въ самой пустынной сторонѣ, однакожъ мы часто пишемъ къ твоей мѣрности и постоянно всегда распрашиваемъ пріѣзжающихъ изъ тѣхъ мѣстъ о твоемъ здоровьѣ. И я не знаю, изъ-за чего, будучи такимъ страстнымъ приверженцемъ нашимъ и имѣя полное удобство пересылать сюда свои письма, ты такъ долго хранишь молчаніе. Правда, даже при твоемъ дол-

---

[1]) Изъ Кукуза, вѣроятно, въ 405-мъ году.

[2]) Изъ Кукуза, вѣроятно, въ 404-мъ году.

[3]) Между 404-мъ и 407-мъ годами.

гомъ молчаніи, мы почерпаемъ величайшее утѣшеніе себѣ въ размышленіи о горячности, искренности, и неподдѣльности того расположенія, которое ты всегда оказывалъ къ намъ. При всемъ томъ, однако, намъ желательно было бы имѣть также удовольствіе постоянно получать отъ тебя и письма съ увѣдомленіями о твоемъ здоровьѣ и изъ твоихъ собственныхъ устъ, изъ твоихъ собственноручныхъ извѣстій, узнавать то, что мы узнаемъ черезъ другихъ. Исполни же наше желаніе, по крайней мѣрѣ, теперь, честнѣйшій мой владыко; ты понимаешь, сколько доставишь намъ этимъ удовольствія. Что же касается насъ, то пишемъ ли мы, или не пишемъ, мы никогда не забываемъ тебя и, гдѣ бы мы ни
662 были, неизмѣнно сохраняемъ ту любовь, которую всегда оказывали къ твоему благоговѣнію. Дѣлая это, мы самимъ себѣ доставляемъ величайшее удовольствіе.

89. Къ чтецу Θеодоту [1]).

Что ты говоришь? Волнъ поднялось противъ тебя больше, чѣмъ ты ожидалъ, и потому ты скорбишь? Но поэтому-то именно надобно радоваться и торжествовать. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступалъ въ подобныхъ случаяхъ блаженный Павелъ, говоря, напримѣръ: *не точію же, но и хвалимся въ скорбѣхъ* (Рим. v, 3), или въ другомъ мѣстѣ: *радуюся во страданіихъ моихъ* (Колосс. I, 24). Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ сильнѣе и порывистѣе буря, тѣмъ больше прибыли, блистательнѣе вѣнцы за терпѣніе, тѣмъ выше награды. Впрочемъ, въ тебѣ я совершенно увѣренъ: я знаю твою неизмѣнность, непреклонность и твердость; и если скорблю и плачу, то о тѣхъ, кто строитъ противъ тебя козни,—о томъ, что люди, которые должны бы были прилагать попеченіе о тебѣ, оказываются въ числѣ твоихъ враговъ. Одно только меня огорчаетъ касательно тебя, именно—болѣзненное состояніе твоихъ глазъ, на которое усердно прошу тебя обратить полное вниманіе; необходимо посовѣтоваться съ врачами и позаботиться съ своей стороны. Что же касается навлекаемыхъ на тебя преслѣдованій, то прошу тебя (какъ и выше сказалъ) радоваться этому, какъ и я радуюсь при этомъ за тебя. Я знаю, какой плодъ произрастетъ тебѣ отсюда за терпѣніе. Не бойся же ничего и не смущайся ничѣмъ, что бы ни произошло. Одно только есть истинное горе, это—грѣхъ. Все же прочее, при неусыпности и бодрствованіи съ твоей стороны, послужитъ величайшимъ источникомъ благопрі-

---

[1]) Писано, вѣроятно, въ 406-мъ году.

обрѣтенія и съ большимъ избыткомъ принесетъ тебѣ тѣ неизреченныя блага, которыя на небесахъ. Совершая такимъ образомъ ежедневно этого рода благопріобрѣтеніе, радуйся и веселись. Не сочти также за трудъ постоянно писать къ намъ. Намъ, конечно, было бы весьма пріятно, еслибы ты къ намъ пріѣхалъ; но такъ какъ не только зимніе холода, а и лѣтніе жары одинаково тебѣ вредны, то мы боимся подвергать тебя неблагопріятному вліянію погоды, особенно — при твоемъ страданіи глазами. Занявшись внимательно излѣченіемъ ихъ, увѣдомляй насъ всякій разъ, какъ будешь къ намъ писать, поправляются ли они сколько-нибудь у тебя, чтобы такимъ образомъ, не смотря на дальность разстоянія между нами, много утѣшить насъ этимъ.

90. Къ діакониссѣ Ампруклѣ и находящимся съ нею [1]).

Какъ ни далеко живу я отъ вашей честности, но знаю о вашихъ прекрасныхъ и мужественныхъ подвигахъ не меньше присутствующихъ съ вами, и весьма порадовался вашему мужеству, терпѣнію, вашей крѣпкой и несокрушимой душевной силѣ, непреклонности въ образѣ мыслей, свободѣ рѣчи и прямотѣ. Никогда не перестану ублажать васъ, потому что вы заслужили себѣ такимъ образомъ не только настоящія, но и будущія блага, тѣ неизреченныя, всякій умъ и всякое слово превосходящія, наслажденія, которыя ожидаютъ васъ въ вѣкѣ будущемъ. Но ты очень опечалила насъ, не удостоивъ увѣдомить насъ объ этомъ 663
въ нашей отдаленной глуши. Я знаю, что это произошло, конечно, не изъ небрежности, такъ какъ, пишешь ли ты къ намъ, или молчишь, увѣренъ въ твоей горячей, искренней, неподдѣльной, безхитростной, крѣпкой и непоколебимой любви, но оттого, что некому было написать письмо съ твоихъ словъ. Въ такомъ случаѣ тебѣ слѣдовало бы, однако, писать къ намъ на своемъ природномъ языкѣ и собственноручно. Какъ тебѣ извѣстно, мы горячо желаемъ постоянно получать письма отъ твоего благоговѣнія, чтобы ежедневно имѣть свѣдѣніе о твоемъ здоровьѣ, и почерпаемъ отсюда не малое утѣшеніе въ своемъ пустынническомъ заточеніи и въ горькихъ обстоятельствахъ здѣшней жизни. Зная такимъ образомъ, честнѣйшая и благоговѣйнѣйшая моя госпожа, какъ много дорожимъ мы этимъ, не упускай доставлять намъ это прекрасное удовольствіе. Много людей изъ разныхъ мѣстъ прибыло

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году.

сюда отъ васъ. Конечно, я не осуждаю тебя, почему никто изъ нихъ не принесъ намъ письма отъ твоей скромности; очень могло быть, что всѣ они не извѣстны твоему благоговѣнію. Но, по крайней мѣрѣ, теперь, когда стало возможно пересылать къ намъ письма съ полнымъ удобствомъ, и въ особенности, когда у васъ были такія происшествія, я горячо желалъ бы получать отъ тебя извѣстія. Вознагради же опущенное въ протекшее время, и частою, безсчетною присылкою писемъ утѣшь насъ за свое прежнее продолжительное молчаніе.

91. Къ діакониссѣ Пентадіи [1]).

Ублажаю тебя за вѣнцы, которыми ты вновь украсила себя теперь, рѣшившись мужественно перенесть все за истину. Самъ Богъ со многою силою поможетъ тебѣ поэтому въ предстоящей борьбѣ, потому что сказано: *даже до смерти подвизайся о истинѣ, и Господь поборетъ по тебѣ* (Сирах. IV, 32). Такъ и сбылось. По крайней мѣрѣ доселѣ, ведя добрую борьбу, ты пріобрѣла уже себѣ свыше великую славу, чему я искренно радуюсь. Но я узналъ, что ты думаешь объ отъѣздѣ и хочешь переселиться оттуда. Усердно прошу твою честность не думать и даже не помышлять ни о чемъ подобномъ. Во-первыхъ, потому именно, что ты дѣйствительно — утвержденіе своего города, пристань широкая, опора, крѣпкая стѣна всѣхъ удрученныхъ. Не выпускай же изъ своихъ рукъ такого благопріобрѣтенія, не убѣгай отъ такой богатой прибыли, когда каждый день ты собираешь столько сокровищъ, благодаря своему присутствію тамъ. Какъ видящіе твои подвиги, такъ и слышащіе о нихъ получаютъ не малую пользу. А ты знаешь, какую награду принесетъ тебѣ это. Итакъ, во-первыхъ, какъ я сказалъ, потому мы просимъ тебя остаться тамъ, что ты уже опытомъ достаточно доказала пользу, которую приносишь своимъ пребываніемъ тамъ. Затѣмъ, и время года не дозволяетъ этого. Ты знаешь слабость своего здоровья и чувствуешь сама, какъ не легко будетъ тебѣ двинуться въ такую непогодь и стужу. Сверхъ того, и исаврійскіе грабежи, какъ мы слышимъ, процвѣтаютъ. Сообразивъ все это, какъ женщина разсудительная, ни въ какомъ случаѣ не рѣшайся ѣхать въ настоящую пору. Пожалуйста, напиши намъ объ этомъ въ скорости, и постоянно увѣдом-
664 ляй насъ о своемъ здоровьѣ. Мы и теперь уже поскорбѣли, не

[1]) Въ 404-мъ или 405-мъ году.

получивъ письма отъ твоей честности, и задались заботою, не болѣзнь ли помѣшала тебѣ въ этомъ. Чтобы снять съ насъ такимъ образомъ и эту тяготу, поскорѣе пришли намъ письмо съ увѣдомленіемъ объ этомъ.

92. Къ Халкидіи [1]).

Дай тебѣ Богъ награду и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ, за уваженіе, почтеніе и искреннюю любовь къ намъ. Не теперь только, но издавна, съ самаго начала, я несомнѣнно знаю, съ какимъ усердіемъ ты къ намъ расположена. А потому, какъ ни далеко живу я отъ васъ, какихъ ни представляетъ помѣхъ дальность разстоянія между нами и какъ ни удрученъ я разнаго рода горестями, проистекающими то вслѣдствіе пустынности здѣшняго мѣста, то вслѣдствіе постоянныхъ опасностей и непрерывныхъ нападеній со стороны разбойниковъ, то вслѣдствіе рѣдкости здѣсь врачей,—ничто не въ состояніи воспрепятствовать мнѣ непрерывно помнить о твоей мѣрности; не смотря ни на что, я доселѣ храню въ полной силѣ ту любовь, которую, съ самаго начала, возъимѣлъ къ тебѣ и къ твоему дому, не дозволяя ей ослабнуть ни подъ вліяніемъ времени, ни отъ дальности разстоянія. Вотъ что значитъ искренно любить! Послѣ этого я усердно прошу тебя, обращаясь къ твоему благоразумію и благоговѣнію, мужественно переносить все, встрѣчающееся въ жизни. Ты знаешь, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ своихъ донынѣ ты постоянно боролась съ разными и почти со всевозможными испытаніями, и ты легко можешь одержать побѣду на аренѣ терпѣнія, какъ уже и одерживала ее много разъ, предуготовивъ себѣ такимъ образомъ блистательные вѣнцы въ будущемъ. А если настоящее испытаніе труднѣе предшествовавшихъ, то и вѣнецъ выше. Не смущайся же никакими, постигающими тебя, нападеніями, но чѣмъ выше волны, чѣмъ страшнѣе буря, тѣмъ больше разсчитывай на пріобрѣтеніе, тѣмъ выше, тѣмъ больше, тѣмъ блистательнѣе жди наградъ за свои подвиги. *Не достойны бо страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. VIII, 18). Все въ этой жизни—и радостное, и печальное—есть только путь; и то и другое одинаково проходитъ; ничего нѣтъ въ ней твердаго и постояннаго, но, подобно всему въ природѣ, и радости ея и горе являются и исчезаютъ. Какъ странники, или путешественники, идутъ ли луговой поляной, или дикими пропастями, ни тамъ не

[1]) Писа ю, вѣроятно, въ 406-мъ году.

закрѣпляютъ себѣ на вѣкъ радости, ни отсюда не выносятъ на всю жизнь печали, потому что они странники, а не мѣстные жители, они только проходятъ чрезъ то и чрезъ другое и стремятся къ своему отечеству, — такъ прошу и васъ ни свѣтлой стороною настоящей жизни не увлекаться, ни въ горестяхъ ея не погружаться съ головою, а смотрѣть всегда на то только, какимъ бы образомъ съ полнымъ дерзновеніемъ явиться въ общее всѣмъ намъ отечество. Вотъ это есть постоянное, прочное и безсмертное благо; а все прочее — цвѣтъ травной, дымъ, или что-нибудь еще ничтожнѣе того.

93. Къ Асинкритіи и находящимся съ ней [1]).

665 Я знаю вашу любовь и расположеніе, которое вы по своему усердію питаете къ намъ, и хотѣлъ бы писать къ вамъ постоянно; но страхъ, наводимый исаврійцами, загородивъ всѣ дороги, часто отнимаетъ возможность найти людей, которые могли бы оказать намъ въ этомъ дѣлѣ необходимую услугу. По крайней мѣрѣ, всякій разъ, какъ только встрѣтимъ удобный случай, мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность послать вамъ свое привѣтствіе, убѣждая васъ, по обыкновенію, нисколько не смущаться и не тревожиться при этихъ постоянныхъ и непрерывныхъ испытаніяхъ. Если купцы и мореплаватели, занимающіеся морской торговлею, для незначительныхъ товаровъ переплываютъ столь обширныя моря и смѣло идутъ на встрѣчу такимъ волнамъ; если военные люди изъ-за небольшой и временной платы бываютъ готовы жертвовать даже самой жизнью; если въ теченіе жизни они часто бываютъ принуждены выдерживать борьбу съ голодомъ, совершать тяжелые, длинные переходы, жить постоянно въ чужихъ земляхъ, а наконецъ многіе изъ нихъ дѣйствительно подвергаются преждевременной и насильственной смерти, не пріобрѣтая уже за это никакой платы, ни большой, ни малой, — то какое можетъ быть извиненіе для малодушныхъ, неспособныхъ жертвовать своей жизнью, когда передъ глазами ихъ лежитъ небесная награда и за кончину ожидаетъ несравненно большее и высшее воздаяніе? Размышляя обо всемъ этомъ и зная, что настояще есть дымъ и сновидѣніе, что всякое человѣческое благополучіе нисколько не прочнѣе весеннихъ листьевъ, которые растутъ и тутъ же засыхаютъ, будь выше всѣхъ этого рода стрѣлъ. Можно

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году.

даже совершенно попрать житейскую прелесть, если захочешь. Смотри только на одно, какимъ бы образомъ съ живымъ усердіемъ закончить тебѣ тотъ тѣсный путь, который ведетъ къ Нему.

---

94. Къ пресвитерамъ: Касту, Валерію, Діофанту и Киріаку [1]).

Что бываетъ съ золотомъ, прошедшимъ многократно черезъ огонь, то же самое обыкновенно бываетъ и съ золотыми душами подъ вліяніемъ испытаній. Вещество золота, пробывъ въ огнѣ столько времени, сколько нужно по требованію искусства, становится отъ дѣйствія его гораздо чище и блистательнѣе; и люди съ душею, подобною золоту, пройдя горнило непрерывныхъ испытаній, дѣлаются несравненно блистательнѣе и драгоцѣннѣе всякаго золота. Потому-то, не смотря на такую отдаленность отъ васъ, мы не перестаемъ постоянно васъ ублажать. Вы знаете, вы положительно знаете, что всѣ эти козни могутъ принесть вамъ только прибыль, что благополучіе настоящей жизни есть только пустое слово, не заключающее въ себѣ никакой дѣйствительности, а блага будущія прочны, непреходящи, постоянны, безсмертны. И не въ томъ только состоитъ дивное свойство добродѣтели, что она доставляетъ намъ такого рода награды, но—что еще прежде этихъ наградъ самые подвиги ея служатъ уже сами себѣ наградами, что не только по окончаніи зрѣлища она раздаетъ отличія побѣдителямъ, но и среди самой арены сплетаетъ уже для подвижниковъ блистательные вѣнцы. Потому и Павелъ не только радуется и веселится при мысли о воздаяніяхъ за скорби, но смотритъ съ торжествомъ и на самыя скорби, когда говоритъ: *не точію же, но и хвалимся въ скорбѣхъ* (Римл. v, 3). Перечисляя рядъ наградъ 666
за скорби, онъ говоритъ, что скорбь рождаетъ терпѣніе—эту матерь всѣхъ благъ, эту необуреваемую пристань, эту основу мирной жизни, болѣе крѣпкую, чѣмъ скала, болѣе твердую, чѣмъ алмазъ, болѣе могущественную, чѣмъ всякое оружіе, болѣе надежную, чѣмъ всѣ крѣпостныя стѣны. Въ свою очередь терпѣніе, при надлежащей степени развитія, дѣлаетъ своихъ питомцевъ испытанными, мужественными и рѣшительно непобѣдимыми. Оно уже никогда не допуститъ ихъ ни смутиться, ни поскользнуться, при какомъ бы ни было бѣдствіи; но какъ скала, чѣмъ болѣе бьетъ въ нее волнъ, тѣмъ она дѣлается только чище, нисколько не сдвигаясь съ мѣста, и легко разбиваетъ напоръ рвущихся на нее

[1]) Изъ Кукуза въ 405-мъ году.

валовъ, уничтожая ихъ не нанесеніемъ, а принятіемъ ударовъ,— такъ и мужъ, вышедшій испытаннымъ изъ школы терпѣнія, становится выше всѣхъ козней. И, что особенно удивительно, онъ дѣлается сильнѣе и побѣдоноснѣе надъ зломъ также не дѣланіемъ, а перенощеніемъ зла. Пишу вамъ это не потому, чтобы вы нуждались въ нашихъ наставленіяхъ,—я знаю ваше благоразуміе, и вы доказали его самымъ дѣломъ,—то, о чемъ мы философствовали теперь только на словахъ, то самое вы проповѣдали во всеуслышаніе собственною непоколебимостію въ перенесеніи страданій. Итакъ не потому, чтобы вы нуждались въ нашихъ наставленіяхъ, пишу вамъ это, но потому только, что, какъ вы долго молчали, или—лучше—такъ какъ съ обѣихъ сторонъ длилось долгое молчаніе, то я и захотѣлъ сдѣлать свое письмо длиннѣе. А когда пишешь къ такимъ доблестнымъ подвижникамъ терпѣнія, какъ вы, то о чемъ болѣе и поговорить, какъ не о томъ, чѣмъ вы сдѣлались столько славны и знамениты? Однако и сказаннымъ выше не ограничиваются плоды подвижничества; они идутъ дальше, разростаясь болѣе и болѣе. Испытанность, говоритъ апостолъ, рождаетъ упованіе (Рим. v, 4),—упованіе, имѣющее непремѣнно оправдаться самымъ дѣломъ, а не такое, какъ обыкновенное человѣческое упованіе, которое часто, изнуривъ трудами положившихся на него, не въ состояніи бываетъ затѣмъ дать своимъ поклонникамъ отвѣдать плода отъ своихъ трудовъ и вмѣстѣ съ потерею трудовъ приноситъ имъ стыдъ и бѣдствія со всѣхъ сторонъ. Не таково то упованіе, потому что оно—не человѣческое. Желая выразить все это однимъ словомъ, Павелъ сказалъ: *упованіе же не посрамляетъ* (Рим. v, 4). Дѣйствительно, оно не только не приноситъ потери тому, кто подвизается на этомъ поприщѣ, и не только не посрамляетъ, но вознаграждаетъ его богатствомъ и славою въ гораздо высшей степени сравнительно съ настоящею цѣною его трудовъ и подвиговъ. Такова рука, дарующая вознагражденія за эти труды! Можетъ быть, мы и переступили мѣру письма, но только не во мнѣніи такъ горячо привязанныхъ къ намъ друзей, какъ вы. Я увѣренъ, что, разсуждая объ этомъ не по правиламъ епистолярной письменности, а по уставамъ дружбы, вы найдете и это письмо короткимъ. При всемъ томъ, хотя бы оно показалось вамъ короткимъ, я непремѣнно хочу просить у васъ вознагражденія себѣ за него,—не того, чтобы вы меня любили, потому что нѣтъ надобности просить у васъ того, чѣмъ вы сами по собственному побужденію всегда съ большимъ избыткомъ и платите мнѣ, и одолжаетесь вновь,— и не того, чтобы вы отвѣчали на наше письмо, такъ какъ я знаю, что и объ этомъ нѣтъ надобности напоминать вамъ со стороны,—какого же, нако-

нецъ, вознагражденія? Докажите намъ, что вы ликуете, радуетесь 667
и веселитесь, что причиненныя вамъ бѣдствія ничего вамъ не сдѣлали, что, напротивъ, козни враговъ доставляютъ вамъ поводъ къ величайшему удовольствію. Если мы получимъ отъ васъ письмо съ такимъ радостнымъ извѣстіемъ, то это письмо послужитъ для насъ утѣшеніемъ, лѣкарствомъ и уврачеваніемъ среди всѣхъ золъ, которымъ мы въ настоящее время преданы на жертву, каковы: пустынническое одиночество, голодъ, зараза, исаврійскія войны и всякаго рода болѣзни. Представивъ себѣ такимъ образомъ, какое вы доставите намъ одолженіе, пожалуйста, пишите къ намъ, и пишите именно такъ, чтобы, не смотря на дальнее разстояніе, которое раздѣляетъ насъ съ вами, исполнить насъ живѣйшей радости.

---

95. Къ епископу Урбицію [1]).

Хотя я давно уже не вижусь съ твоимъ благоговѣніемъ, тѣмъ не менѣе нисколько не охладѣлъ оттого въ любви къ тебѣ. Таково свойство искренней любви. Она не увядаетъ отъ долговременности, не тускнѣетъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни и постоянно сохраняетъ свою силу. Потому-то, не смотря на множество окружающихъ насъ напастей, не смотря на то, что мы заброшены теперь въ самое пустынное мѣсто вселенной и живемъ въ постоянномъ страхѣ со стороны разбойниковъ, среди непрерывной своего рода осады (въ самомъ дѣлѣ, Кукузъ постоянно въ осадномъ положеніи, потому что всѣ дороги къ нему загорожены разбойниками), при всемъ томъ мы нисколько не охладѣли къ твоему благоговѣнію, но пишемъ къ тебѣ, посылаемъ тебѣ должное привѣтствіе и усердно просимъ тебя писать въ свою очередь къ намъ, если это не тяжело и не трудно. Для насъ будетъ весьма большимъ удовольствіемъ получать письма отъ людей, такъ искренно насъ любящихъ, какъ вы, и при этомъ представлять себѣ васъ присутствующими.

---

96. Къ епископу Руфину.

Я знаю прочность твоей любви. Хотя мы и недолго жили съ тобою когда-то въ Антіохіи, честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій мой владыко, но видѣли много опытовъ твоей мудрости и любви

---

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и четыре слѣдующихъ письма.

къ намъ твоего благоговѣнія. Послѣ того прошло уже много времени. Но мы до сихъ поръ сохраняемъ полнѣйшую любовь къ тебѣ и представляемъ себѣ твое присутствіе такъ живо, какъ будто видѣли тебя вчера или третьяго дня. Поэтому пишемъ къ тебѣ теперь и просимъ не забывать насъ никогда. Насъ сослали въ Кукузъ, самое пустынное мѣсто нашей вселенной, и почти ежедневно мы здѣсь въ осадѣ отъ нападенія исаврійцевъ. При всемъ томъ, не смотря на такое горестное положеніе, мы почерп-
668 немъ величайшее утѣшеніе въ своихъ страданіяхъ, если будемъ положительно знать, что пользуемся у васъ тѣмъ искреннимъ расположеніемъ, на которое твердо надѣемся отъ любви вашей.

97. Къ епископу Вассу.

Что это? Такую любовь оказывалъ ты къ намъ и въ прежнее время, и недавно въ Константинополѣ, — теперь же, слыша, что мы стали сосѣдями съ твоею честностію, ты не удостоишь насъ даже письмомъ! Или не увѣренъ, до какой степени расположены мы къ твоему благоговѣнію и какъ тѣсно связаны съ тобою узами дружбы? А я ожидалъ, что ты самъ пріѣдешь сюда и утѣшишь насъ въ нашей печальной пустынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть пустыннѣе Кукуза, который, не говоря уже о пустынности его мѣстоположенія, постоянно сверхъ того въ осадѣ отъ нападенія исаврійцевъ? Но если поѣздка къ намъ дѣло не легкое, какъ по опасенію со стороны этихъ разбойниковъ, такъ и по трудности самой дороги, то не поставь за трудъ, по крайней мѣрѣ, писать къ намъ и радовать насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ, чтобы доставить намъ такимъ образомъ большое утѣшеніе въ нашей жизни на чужой сторонѣ.

98. Къ Анатолію, епископу аданскому.

Слыша отъ многихъ о горячей любви, которую ты питаешь къ намъ, не смотря на то, что не знакомъ съ нами лично, я желалъ бы повидаться съ твоею честностію. Но какъ это доселѣ было невозможно, и надежда на наше свиданіе не сбыточна, то я вознаграждаю себя письменнымъ собесѣдованіемъ съ тобою, находя и въ этомъ способѣ сообщенія величайшее для себя удовольствіе. Хотя Кукузъ, куда насъ привезли теперь, есть мѣсто самое пустынное, чрезвычайно опасное и состоящее въ осадномъ положеніи отъ постояннаго страха со стороны разбойниковъ, но

все это нисколько насъ не смущаетъ и не тревожитъ, какъ скоро мы пользуемся вашей любовью. Пусть тѣломъ мы далеко отстоимъ отъ васъ; за то душею мы связаны съ вами весьма тѣсно и при нашемъ всегдашнемъ сопребываніи съ вами по сердечному расположенію къ вамъ, при постоянномъ нашемъ, гдѣ бы мы ни были, помышленіи о васъ, намъ кажется, что мы живемъ въ вашемъ безмятежномъ и не вѣдающемъ военныхъ бурь городѣ.

---

99. Къ епископу Θеодору [1]).

Если бы можно было намъ пойти, обняться съ твоимъ благоговѣніемъ и насладиться личнымъ свиданіемъ съ твоей любовью, то мы сдѣлали бы это съ живымъ усердіемъ и со всевозможною скоростію. Но такъ какъ это теперь не въ нашей власти, то мы
исполняемъ тоже самое посредствомъ письма. Хотя бы насъ за- 669
точили на самые крайніе предѣлы вселенной, никогда мы не можемъ забыть твоей любви, искренней, горячей, неподдѣльной и безхитростной, которую ты оказывалъ къ намъ изстари и изначала, какъ оказалъ ее и теперь. Намъ не безъизвѣстно, какъ твердо, и словомъ и дѣломъ, стоялъ ты, честнѣйшій и боголюбезнѣйшій мой владыко. Если же изъ этого и ничего не вышло, во всякомъ случаѣ самъ Богъ заплатитъ тебѣ за твое стараніе и усердіе полнѣйшею наградою. Съ своей стороны мы никогда не перестанемъ питать благодарность къ твоему святительству и прославлять предъ всѣми твое благоговѣніе, усердно прося тебя вмѣстѣ съ тѣмъ неослабно сохранить ту же любовь къ намъ навсегда. Не смотря на свое заточеніе въ пустынѣ, мы чувствуемъ необыкновенное утѣшеніе при мысли, что въ сердцѣ [1]) хранится у насъ

---

[1]) Вѣроятно, къ Θеодору Мопсуестскому, съ молодыхъ лѣтъ близкому другу, согражданину по мѣсту родины и сотоварищу св. Іоанна Златоуста по антіохійскому училищу св. писанія.

[2]) *Въ сердцѣ* (ἐν καρδίᾳ). Монфоконъ и др. находятъ болѣе правильнымъ другое чтеніе,—*въ Киликіи* (ἐν Κιλικίᾳ). Изъ четырехъ греческихъ кодексовъ, которыми пользовался Монфоконъ для провѣрки въ настоящемъ случаѣ текста прежнихъ изданій, только два, именно: одинъ изъ ватиканскихъ кодексовъ и кодексъ королевской парижской библіотеки, имѣютъ чтеніе: ἐν καρδίᾳ, тогда какъ другіе два, изъ которыхъ одинъ древнѣе всѣхъ прочихъ, не подтверждаютъ этого чтенія. Сверхъ того въ одномъ кодексѣ сенъ-жерменской библіотеки подъ № 326, котораго древность возводится къ девятому столѣтію, сохранился между прочимъ древній латинскій переводъ настоящаго письма, замѣчательный тѣмъ, что не только въ текстѣ его соблюдено чтеніе: *въ Киликіи*, но и въ самомъ заглавіи поставлено имя Θеодора Мопсуестскаго: „incipit Johannis Constanti-

такое великое сокровище и богатство — любовь твоей неусыпно бодрствующей и благородной души.

---

100. Къ епископу Палладію [1]).

Что касается лично нашей участи, мы нисколько не нуждаемся въ утѣшеніи, потому что для утѣшенія въ ней намъ достаточно знать причину, по которой она такъ сложилась. Но мы плачемъ о бурномъ времени, наступившемъ для всей совокупности церквей, о крушеніи, постигшемъ вселенную, и усердно просимъ васъ споспѣшествовать своими молитвами тому, чтобы наконецъ прекратилось это всеобщее разрушеніе и всѣ дѣла приняли свѣтлый и мирный оборотъ. Не прерывайте же этого дѣла. Теперь, когда вы скрываетесь въ потаенныхъ убѣжищахъ, вамъ тѣмъ удобнѣе прилежно и съ сокрушеннымъ сердцемъ предаться молитвѣ. А это не маловажное дѣло — молиться человѣколюбивому Богу! Не прерывайте же, говорю, этого дѣла и, по мѣрѣ возможности, постоянно пишите къ намъ. Какъ ни велико разстояніе, отдѣляющее насъ отъ вашей мѣрности, при всемъ томъ мы непрерывно и ежедневно заботимся о вашемъ положеніи, разспрашивая и разузнавая о васъ отъ пріѣзжающихъ оттуда (которыхъ, къ сожалѣнію, приходится встрѣчать не часто). Сдѣлайте же одолженіе, если только будетъ возможно, доставьте намъ такимъ образомъ средство положительнѣе знать обо всемъ и ра-

---

nopolitani ad Theodorum *Mopsuestenum* Episcopum". Наконецъ такъ же точно читалъ это мѣсто, относя самое письмо къ лицу Өеодора Мопсуестскаго, Факундъ, епископъ герміанскій, знаменитый защитникъ Өеодора Мопсуестскаго, какъ это видно изъ его сочиненія pro defensione trium capitulorum, написаннаго около 542-го года, — см. кн. 7, гл. 7, стр. 633 по изданію Сирмонда. Въ самомъ дѣлѣ, если принять это чтеніе, то не остается сомнѣнія, что письмо дѣйствительно было писано къ Өеодору Мопсуестскому. Впрочемъ, замѣчаетъ Тильемонъ, если и не принимать его, оставаясь при другомъ чтеніи, то надобно держаться опять того же мнѣнія. Изъ всѣхъ епископовъ, носившихъ имя Өеодора, извѣстны только двое, къ кому могло быть обращено настоящее письмо, именно: Тіанскій въ Каппадокіи и Мопсуестскій въ Киликіи. Но съ Тіанскимъ Өеодоромъ св. Іоаннъ Златоустъ никогда не былъ въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ, тѣмъ менѣе — *изстари и изначала*, какія высказываетъ онъ къ лицу, которому пишетъ настоящее письмо, и въ какихъ дѣйствительно былъ съ Өеодоромъ Мопсуестскимъ. — Должно однако прибавить, что это мнѣніе было отвергнуто на пятомъ вселенскомъ соборѣ, — къ сожалѣнію, безъ указанія какого бы то ни было основанія, см. *Labbaei* Concilior. coll. tom. 5, pag. 490.

[1]) Между 404-мъ и 407 годами.

дуйте насъ извѣстіями о вашемъ здоровьѣ, изъ которыхъ, не смотря на свою жизнь въ пустынѣ, мы почерпнемъ для себя великое утѣшеніе.

---

101. Къ епископу Елпидію [1]).

Это достойно тебя, это совершенно такъ, какъ слѣдуетъ бодрому и неусыпному кормчему, что ты не упалъ духомъ, когда поднялась такая страшная буря, но продолжаешь свои заботы и попеченія, употребляя по возможности съ своей стороны всѣ средства, являясь всюду въ своихъ письмахъ, сплочивая и близкихъ 670
и дальнихъ, возбуждая и поощряя всѣхъ и каждаго не поддаваться силѣ волненія, но держаться крѣпко и не робѣть, хотя бы на встрѣчу шли тысячи еще болѣе страшныхъ валовъ, — такимъ образомъ, непоколебимо стоя на одномъ мѣстѣ и въ то же время всюду летая своими увѣщаніями. Намъ извѣстны всѣ твои дѣла, какъ ни велико разстояніе, раздѣляющее насъ съ тобою. Ублажаемъ и громко прославляемъ за нихъ твое благоговѣніе, твою душевную бодрость, твою непреклонную волю, твой юношескій пылъ въ такіе преклонные годы. Явленіе, впрочемъ, совершенно естественное: если бы предстоявшія дѣла требовали тѣлесной силы, тогда старость служила бы препятствіемъ; но какъ скоро они требуютъ мудрости душевной, то сѣдина обыкновенно нисколько не препятствуетъ ихъ совершенію. И дѣйствительно, она не воспрепятствовала тебѣ, и твоимъ благоговѣніемъ сдѣлано было все возможное съ твоей стороны. Что труды твои и твоя неусыпная дѣятельность принесутъ надлежащій плодъ, въ этомъ, конечно, не должно и сомнѣваться. Но, не довольствуясь заботою о всей вселенной, по великой и горячей любви къ намъ ты заботишься еще лично о насъ и желаешь знать, что за мѣсто, въ которомъ живемъ мы, каково здѣсь наше положеніе, кто эти добрые люди, которые раздѣляютъ съ нами нашу жизнь и которыхъ ты хочешь знать, чтобы поблагодарить ихъ за это. Никогда не перестанемъ мы восхвалять, прославлять, превозносить и благодарить тебя за такую любовь къ намъ предъ лицомъ всѣхъ, кто живетъ съ нами, или у насъ бываетъ. Но еще несравненно болѣе, выше самой заслуги, наградитъ тебя за это человѣколюбивый Богъ, котораго воздаянія безмѣрно превосходятъ все, что могутъ принесть въ благодарность, словомъ или дѣломъ, люди.

---

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году. Елпидій былъ епископомъ лаодикійскимъ.

Въ удовлетвореніе твоего желанія знать о нашемъ положеніи, извѣщаемъ тебя, что, хотя Кукузъ, куда мы сосланы, представляетъ собою самое пустынное мѣсто, при всемъ томъ пустынность его намъ нисколько не ощутительна: такъ покойно, такъ свободно живемъ мы здѣсь, такъ усердно всѣ стараются намъ услужить. Остатки моего недуга молитвами твоими прошли, и теперь мы пользуемся совершеннымъ здоровьемъ; страхъ, который наводили исаврійцы, прекратился,—никакой опасности болѣе не существуетъ и спокойствіе наше ничѣмъ не нарушается. При насъ находятся честнѣйшіе пресвитеры Констанцій и Евиѳій; но надобно ожидать, что въ скоромъ времени прибудетъ еще нѣсколько человѣкъ, которыхъ до настоящаго времени держали въ оковахъ: теперь всѣ они освобождены, и я увѣренъ, что они прилетятъ къ намъ. Не переставай же молиться о насъ, душевно любящихъ
671 тебя, достоуважаемый и боголюбезнѣйшій владыко, и постоянно, какъ только возможно будетъ, пиши къ намъ и увѣдомляй насъ о своемъ здоровьѣ. Ты понимаешь, что намъ пріятно было бы, если бы было можно каждый день получать объ этомъ свѣдѣніе. Господину моему, честнѣйшему и благоговѣйнѣйшему пресвитеру Асинкритію [1]) съ его милыми дѣтками, и всему клиру твоего благоговѣнія, пожалуйста, передай отъ насъ искреннее привѣтствіе.

102. Къ пресвитеру Ѳеофилу [2]).

Не получивъ никакого пособія отъ тѣхъ лицъ, которымъ мы препоручили тебя, какъ человѣкъ благомыслящій и признательный, ты цѣнишь и одно намѣреніе наше, какъ будто бы получилъ все. Но мы не намѣрены этимъ удовольствоваться: мы много говорили объ этомъ предметѣ съ господиномъ моимъ Ѳеодоромъ префектомъ, препровождавшимъ насъ въ Кукузъ, и писали о немъ ко многимъ лицамъ въ своихъ письмахъ. Выйдетъ ли что-нибудь изъ нашихъ писемъ, или письма и останутся только письмами, безъ всякаго послѣдствія у тѣхъ лицъ, которыя ихъ получатъ, ты постарайся въ скорости увѣдомить насъ о томъ. Уже изъ того, что ты говоришь съ нами объ этомъ, мы видимъ, какъ сильна твоя любовь и какъ велико твое довѣріе къ намъ. Такъ увѣдомь же насъ, выйдетъ ли что-нибудь, или не выйдетъ ничего, чтобы въ первомъ случаѣ мы могли засвидѣтельствовать

[1]) По рукописи Фабриція: *Асинкриту*.
[2]) Вскорѣ по пріѣздѣ въ Кукузъ, въ 404-мъ году.

признательность тѣмъ, кто принесетъ пользу своей душѣ,—право не тебѣ, а себѣ окажетъ милость тотъ, кто сдѣлаетъ это, — а въ послѣднемъ поспѣшили бы придумать другой, кратчайшій и удобнѣйшій, путь, который бы уже несомнѣнно привелъ тебя къ полному утѣшенію и совершенно освободилъ отъ всякихъ стѣсненій. Истинно, мы себѣ самимъ дѣлаемъ величайшее одолженіе, заботясь о человѣкѣ съ такой благородной и независимой душею, какъ ты. Да, пиши къ намъ постоянно, радуя насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ и о своихъ успѣхахъ.

---

103. Къ Валентину [1]).

Что это? Ты знаешь, какъ мы всегда рады твоему благополучію, какъ ликуемъ при твоихъ повышеніяхъ,—ты долженъ былъ прежде всѣхъ увѣдомить насъ о той высокой чести, которой теперь достигъ, и между тѣмъ допустилъ, что мы узнали объ этомъ прежде отъ другихъ, да еще и не думаешь, что теперь тебѣ должно много оправдываться передъ нами въ томъ, что ты, насколько это отъ тебя зависѣло, такое долгое время самовольно лишалъ насъ такой великой радости. Конечно, истинное твое достоинство, самый высшій твой санъ—это твоя душевная доблесть. Но такъ какъ ты и эти житейскія выгоды умѣешь употреблять на пользу своей же души, и чѣмъ болѣе пріобрѣтаешь силы, тѣмъ просторнѣе открываешь пріютъ всѣмъ нуждающимся, то мы справедливо радуемся этому и торжествуемъ теперь, а по тому самому отнюдь не прощаемъ тебѣ вины твоего молчанія. Какъ же тебѣ лучше оправдаться передъ нами? Чаще писать и постоянно увѣдомлять насъ о здоровьѣ—своемъ и всего своего дома. 672
Послѣ того, какъ мы указали тебѣ такимъ образомъ даже самый способъ оправданія, тебѣ остается только исполнить то, что отъ тебя требуется. И если послѣ этого письма ты будешь еще продолжать молчаніе, то мы припишемъ его тогда уже твоему крайнему нерадѣнію, и намъ это будетъ больно. Впрочемъ, я положительно увѣренъ, что ты сочтешь величайшимъ для себя наказаніемъ заставить насъ страдать отъ этого, потому что знаю, какъ искренно и горячо ты любишь насъ въ душѣ.

---

[1]) Изъ Кукуза, въ 404-мъ году.

104. Къ Ѳеодорѣ [1]).

Рѣдко я пишу къ твоей скромности, по трудности найти людей для доставки писемъ, но вспоминаю о тебѣ не только нерѣдко, а напротивъ постоянно. Одно отъ насъ зависитъ, другое—не отъ насъ, постоянно помнить мы всегда властны, а присылать письма не всегда. Поэтому одно исполняется нами неизмѣнно, другое же по мѣрѣ возможности. Прежнія наши письма къ тебѣ заключали въ себѣ привѣтствія, а настоящее сверхъ того—просьбу о милости. Какого рода милости? Такого рода, что она принесетъ болѣе выгоды тебѣ, если ты ее окажешь, нежели тому, кто ея удостоится, и дающему будетъ полезнѣе, чѣмъ принимающему. Именно, до насъ дошло, что, за оскорбленіе твоей честности, Евстаѳій изгнанъ тобою изъ твоего дома и удаленъ съ глазъ. Какъ было дѣло и за что собственно онъ подпалъ подъ такой гнѣвъ, не могу сказать, потому что ничего не знаю. Но вотъ что я долженъ сказать тебѣ по горячей заботливости о твоемъ спасеніи. Ты знаешь, какъ ничтожна настоящая жизнь, какъ похожа она на весенній цвѣтокъ, на пустую тѣнь, на обманчивое сновидѣніе, и увѣрена, что настоящую дѣйствительность, неустранимую и неизмѣнную, составляетъ то, что ожидаетъ насъ по переселеніи изъ этого міра. Все это ты многократно слыхала отъ насъ; да и сама всегда разсуждаешь такъ же точно. Поэтому, не удлинняя письма, скажу прямо: если онъ изгнанъ несправедливо, по чьей-нибудь клеветѣ, то ты, изъ уваженія къ справедливости, поправь дѣло; а если справедливо, то опять сдѣлай тоже самое изъ уваженія къ законамъ человѣколюбія, и отъ этого сама болѣе получишь пользы, чѣмъ онъ. Какъ тотъ, кто потребовалъ отъ подобнаго себѣ раба уплаты ста динаріевъ, не столько повредилъ ему, сколько нанесъ роковой ударъ самому себѣ, за точную требовательность отъ подобнаго себѣ раба лишившись прощенія долга въ десять тысячъ талантовъ,—такъ, напротивъ, кто прощаетъ прегрѣшенія ближняго, тотъ чрезъ это самое смягчаетъ строгость отчета, который самъ долженъ будетъ дать въ будущемъ вѣкѣ, и чѣмъ больше отпускаетъ вину, тѣмъ большаго сподобится снисхожденія. Но различіе не въ количествѣ только: во всякомъ случаѣ, милость онъ можетъ оказать только такого рода, какую въ состояніи оказать рабъ; а вознагражденіе получитъ такое, какое въ состояніи дать только Владыка. Не говори же мнѣ теперь, что оскорбившій тебя виноватъ въ томъ-то и въ томъ-то.

---

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ или 405 году.

Чѣмъ тяжелѣе будутъ по твоему показанію его проступки, тѣмъ яснѣе докажешь ты необходимость оказать ему снисхожденіе, 673
такъ какъ тѣмъ болѣе можешь такимъ образомъ заслужить себѣ милосердія въ будущей жизни. Отбрось свой гнѣвъ; укроти здравымъ размышленіемъ свое сердце; принеси это въ жертву Богу. Сдѣлай это въ удовольствіе намъ, за нашу любовь къ тебѣ, и покажи, что даже наше коротенькое письмо имѣетъ у тебя такую большую силу. Сдѣлай это ради себя самой, ради тѣхъ великихъ благъ, о которыхъ я говорилъ, чтобы возвратить себѣ такимъ образомъ спокойствіе, изгнать изъ души происходящую отъ гнѣва тревогу и затѣмъ, съ полнымъ дерзновеніемъ, просить у человѣколюбиваго Бога входа въ царство небесное. Доброта къ ближнему есть великая очистительная жертва за грѣхи: *аще*, сказано, *отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Матѳ. VI, 14). Подумай же обо всемъ этомъ и пришли письмо съ увѣдомленіемъ, сколько имѣло успѣха наше посланіе. Наше дѣло кончено; мы сдѣлали все, что въ нашей власти: мы убѣждали, мы просили, мы умоляли, какъ о милости, мы внушали тебѣ это какъ долгъ. Теперь о тебѣ только вся забота. Исполнится ли, или не исполнится наша просьба, мы получимъ награду за это увѣщаніе,—такъ какъ и за слова можно получить вознагражденіе. Все наше усердіе трепетно обращено теперь только къ тому, чтобы и ты получила пользу чрезъ выполненіе нашихъ словъ на самомъ дѣлѣ, чтобы настоящими дѣяніями своими твоя скромность благоугодно пріобрѣтала себѣ будущія и безсмертныя блага.

105. Къ епископамъ и пресвитерамъ, находящимся въ заключеніи [1]).

Вы содержитесь въ темницѣ, вы окованы цѣпями, вы заключены вмѣстѣ съ людьми грубыми и грязными. Но по этому самому есть ли еще кто блаженнѣе васъ? Что такое золотой вѣнецъ, возлагаемый на голову, въ сравненіи съ этой цѣпью, облегающею десницу ради Бога? Какіе пышные пространные чертоги могутъ соперничать съ этой мрачной и грязной, отвратительной и бѣдственной тюрьмой, въ которую заключенъ человѣкъ по такой причинѣ? Итакъ торжествуйте, веселитесь, ликуйте и радуйтесь въ полной увѣренности, что постигшія васъ бѣдствія доста-

[1]) Писано въ началѣ ссылки, въ 404-мъ году.

вять вамъ величайшія блага. Это — посѣвъ, предвѣщающій неизреченно обильную жатву; это — борьба, ведущая къ побѣдѣ и наградамъ; это — плаваніе, приносящее огромныя выгоды. Имѣя все это въ виду, радуйтесь и веселитесь, честнѣйшіе и благоговѣйнѣйшіе господа мои, и непрестанно благодарите за все Бога, нанося тѣмъ роковой ударъ діаволу и уготовляя себѣ великую награду на небесахъ. *Недостойны бо страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися* въ васъ (Рим. VIII, 18). Пишите также постоянно къ намъ. Намъ весьма желанно получать отъ людей, преданныхъ узамъ за Бога, письма съ извѣстіями о вашихъ страданіяхъ, и это доставитъ намъ въ нашей жизни на чужой сторонѣ большое утѣшеніе.

106. Къ пресвитеру Ѳеофилу [1]).

Итакъ, по крайней мѣрѣ, послѣ того, какъ я открылъ тебѣ
674 двери переписки, докажи, что причиною прежняго молчанія была не лѣность, а ожиданіе съ нашей стороны дозволенія писать къ намъ, и пиши къ намъ безсчетно, увѣдомляя о своихъ успѣхахъ, которыми, какъ тебѣ извѣстно, мы столько дорожимъ. Не допускай себя до того, чтобы уныніе окончательно овладѣло тобою и повергло тебя въ безмолвіе; разорвавъ его сѣть, какъ легкую паутину, бодро явись во главѣ своего строя, приводя въ смущеніе враговъ рѣшительною смѣлостію и неустрашимостію. Настоящее время есть время пріобрѣтенія славы и великихъ выгодъ. Но сидя на берегу, купецъ не навезетъ себѣ товаровъ; онъ долженъ переплыть обширныя моря, испытать борьбу съ волнами, помѣриться силами съ голодомъ и съ морскими животными, перенесть множество другихъ трудностей. Подумай же объ этомъ и, имѣя въ виду, что настоящее бѣдственное время есть время пріобрѣтенія выгодъ, великой славы и неизреченныхъ наградъ, расправь крылья своего духа, стряхни съ себя прахъ унынія и съ бодрою легкостію облети всю фалангу, сдружая, поощряя, возбуждая, укрѣпляя всѣхъ и усиливая общую ревность. О всемъ этомъ увѣдомляй насъ въ своихъ письмахъ, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что долженъ будешь самъ повѣствовать въ нихъ о своихъ собственныхъ подвигахъ, и поступая такъ въ исполненіе нашего приказанія. Доставь намъ это удовольствіе, чтобы и вдали отъ васъ мы могли пріобрѣсть себѣ большую радость, узнавая отъ твоего благоговѣнія о томъ, о чемъ желаемъ знать.

---

[1]) По дорогѣ въ Кукузъ, въ 404-мъ году.

107. Къ Өеодорѣ [1]).

Мы убиты, мы измучены, мы перенесли тысячу смертей. Подробнѣе могутъ разсказать тебѣ объ этомъ податели этого письма, хотя они провели съ нами всего одно мгновеніе, такъ что подъ гнетомъ постоянныхъ припадковъ лихорадки я не могъ и поговорить съ ними сколько-нибудь. Между тѣмъ, не смотря на болѣзнь, я долженъ былъ ѣхать и день и ночь, томимый зноемъ, изможлаемый невозможностію заснуть, погибая отъ неимѣнія самыхъ необходимыхъ предметовъ и недостатка людей, которые могли бы оказать помощь. Даже участь каторжниковъ и острожниковъ не такъ тяжела, какъ то, что мы вытерпѣли и до сихъ поръ терпимъ. Наконецъ-то уже, и едва-едва добрался я до Кесаріи, какъ мореходъ послѣ бури въ тихую пристань. Правда, пристань эта не въ состояніи вознаградить зла, причиненнаго бурею: такъ предшествовавшее время сокрушило насъ разъ навсегда! При всемъ томъ, прибывъ въ Кесарію, я нѣсколько ожилъ, потому что пью здѣсь чистую воду, потому что ѣмъ не затхлый и не пересохшій хлѣбъ, потому что моюсь уже не въ обломкахъ бочекъ, а нашелъ баню, какая бы она тамъ ни была, потому что, наконецъ, мнѣ дозволили лечь въ постель. Можно было бы разсказать и поболѣе этого, но, чтобы не обременить твою память, я ограничусь сказаннымъ и прибавлю одно только, что ты должна своими упреками не давать покоя тѣмъ, кто насъ любитъ, за то, что и при такомъ множествѣ приверженцевъ, не смотря на такую 675
силу ихъ, намъ не оказали даже того снисхожденія, какое оказываютъ преступникамъ, чтобы поселить насъ въ какомъ-нибудь болѣе спокойномъ и близкомъ мѣстѣ, — что, не смотря на разстроенное состояніе нашего здоровья и на страхъ, наводимый тамъ повсюду исаврійцами, намъ отказали даже въ этой скромной и ничего не стоющей милости. Слава Богу и за это! Мы никогда не перестанемъ прославлять Его за все. *Буди имя Его благословенно во вѣки* (Іов. I, 21). Сильно, впрочемъ, удивляюсь я и тебѣ: вотъ уже четвертое или пятое письмо посылаю теперь твоей скромности, а отъ тебя получилъ только одно и единственное. Между тѣмъ не было никакого препятствія писать чаще. Говорю это не въ осужденіе тебѣ: на любовь нѣтъ принужденія, всякому — добрая воля. Но очень скорблю, что ты такъ скоро выбросила насъ изъ головы и въ такое длинное время прислала намъ только одно письмо. Если наша просьба не тяжела тебѣ и не

[1]) Изъ Кесаріи Каппадокійской, по дорогѣ на мѣсто ссылки, въ 404-мъ году.

докучна, то дай намъ, по крайней мѣрѣ, то, въ чемъ ты властна и что отъ тебя зависитъ. А на счетъ другого мы уже не настаиваемъ, чтобы, кромѣ совершенной неудачи въ успѣхѣ, не показаться еще тебѣ тяжелыми и докучными.

108. Къ Аравію [1]).

Письмо твое яснѣйшимъ образомъ показало намъ, какое горнило горести носишь въ своей душѣ вслѣдствіе постигшей насъ участи. Конечно, мы знали это и прежде: мы никогда не въ состояніи забыть тѣхъ обильныхъ слезъ, которыя проливалъ ты еще въ самомъ началѣ зарожденія этихъ бѣдствій. Но и письмо твое, не менѣе тѣхъ слезъ и рыданій, обнаружило предъ нами, какая жгучая скорбь томитъ твое сердце. Человѣколюбивый Богъ вознаградитъ тебя за это, потому что есть награда и за скорбь, и награда великая и обильная. Во время бѣдствій іудейскаго народа были также люди, которые, не могши отвратить народныхъ преступленій, только стенали и плакали о нихъ, и эти люди пріобрѣли себѣ такую награду, что въ то время, какъ всѣ другіе были преданы на погибель и истребленіе, они одни избѣжали гнѣва. *Даждь*, сказалъ Господь, *знаменіе на лица мужей стенящихъ и болѣзнующихъ* (Іезек. IX, 4). Въ самомъ дѣлѣ, хотя они не могли остановить чужихъ беззаконій, но они дѣлали съ своей стороны все, что было въ ихъ власти, — они плакали, они рыдали о томъ, что дѣлалось, и такимъ образомъ стяжали себѣ право на совершенную безопасность. Рыдайте же, владыки мои, постоянно и вы о томъ, что теперь дѣлается, и молите непрестанно человѣколюбиваго Бога положить конецъ этому общему крушенію вселенной. Вы конечно знаете, вы положительно знаете, что смятенія и безпорядки распространились повсюду; а потому надобно молить Бога не объ одномъ только Константинополѣ, но обо всей вселенной, такъ какъ начавшееся тамъ зло, разлившись сокрушительнымъ потокомъ, наноситъ вредъ церквамъ по всей землѣ. О чемъ ты насъ просилъ, о томъ и мы тебя просимъ: все время, пока будемъ разлучены съ вами тѣлесно (душевно мы всегда соединены съ твоимъ благородствомъ и съ твоимъ домомъ), не поставь себѣ за трудъ постоянно писать къ намъ и радовать
676 насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ. Ты знаешь, какъ намъ бу-

[1]) Передъ прибытіемъ въ Кукузъ, въ 404-мъ году.

деть это пріятно. Ты наказалъ намъ, какъ я узналъ объ этомъ по отъѣздѣ, пріютиться въ твоемъ имѣніи; но послѣдовало повелѣніе отправить насъ уже не въ Севастію, а въ Кукузъ — пустыннѣйшее мѣстечко Арменіи и кромѣ того чрезвычайно опасное вслѣдствіе набѣговъ исаврійцевъ. Во всякомъ случаѣ приносимъ благодарность твоему благородству за честь, которую ты оказалъ намъ, и заботливость о нашемъ спокойствіи даже вдали отъ тебя, по которой ты приготовилъ намъ помѣщеніе и просилъ оставить насъ въ твоемъ домѣ. Если есть у тебя друзья въ Кукузѣ, то, пожалуйста, напиши имъ объ насъ.

---

109. Къ Маркіану [1]).

Блаженъ, трекратно, тысячекратно блаженъ ты за то, что среди такой страшной невзгоды, среди такого ужаснаго потрясенія дѣлъ, ты оказываешь такую великодушную щедрость нуждающимся. Не укрылось отъ насъ все величіе твоего человѣколюбія, по которому, ставъ общимъ пристанищемъ для всѣхъ, ты оберегаешь сирыхъ, утѣшаешь вдовъ, помогаешь ихъ бѣдности, устраняешь нищету, не давая имъ даже чувствовать ихъ стѣсненнаго положенія и замѣняя имъ всѣхъ и все, — по которому ты питаешь цѣлое общество, снабжая его хлѣбомъ, виномъ, масломъ и всѣмъ прочимъ. Награди тебя Богъ и въ настоящей жизни, и въ будущемъ вѣкѣ, за такое великодушіе, усердіе, нищелюбіе, за такую щедрость, готовность и искренность въ любви: ты красуешься и изобилуешь всѣми этими добродѣтелями, уготовляя себѣ чрезъ нихъ величайшія награды въ будущемъ вѣкѣ. Мы узнали обо всемъ этомъ въ своемъ заточеніи, среди разнаго рода прискорбныхъ обстоятельствъ; постоянное опасеніе исаврійцевъ, пустынность нашего мѣстопребыванія, суровость зимней поры года сильно тяготили нашу душу, но, какъ только получили мы эти извѣстія о твоей честности, съ тѣхъ поръ не чувствуемъ болѣе ни малѣйшаго ощущенія какой бы то ни было горести и обрѣли себѣ такое великое утѣшеніе въ твоихъ доблестныхъ подвигахъ, что торжествуемъ теперь, радуемся и веселимся. помышляя о томъ неизреченномъ богатствѣ, которое собираешь ты себѣ на небесахъ. Если хочешь доставить намъ новую радость, то не поставь себѣ за трудъ постоянно писать къ намъ и увѣдомлять

---

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ или 405-мъ году.

насъ о своемъ здоровьѣ. Намъ весьма желательно имѣть свѣдѣніе о твоемъ благоденствіи. Но ты знаешь это и самъ, такъ какъ знаешь также, до какой степени крѣпко мы всегда тебя любимъ.

---

110. Къ пресвитерамъ и монахамъ, проповѣдующимъ въ Финикіи вѣру язычникамъ [1]).

Когда видятъ кормчіе, что море бушуетъ и вздымается, что волненіе и буря усиливаются, то не только не покидаютъ корабля, а напротивъ прилагаютъ тогда еще болѣе старанія и усердія,—и сами не спятъ, и другихъ будятъ. Равнымъ образомъ, когда врачи замѣчаютъ, что горячка развилась и достигла высшей степени, то не только не оставляютъ больного, но также — употребляютъ тогда съ своей стороны всѣ мѣры, удвоивая въ себѣ и въ других
677 гихъ стараніе и попечительность, пока наконецъ не восторжествуютъ надъ зломъ. Къ чему говорю я это? Къ тому, чтобы кто-нибудь не соблазнилъ васъ, вслѣдствіе происшедшаго смятенія, оставить Финикію и удалиться оттуда. Нѣтъ, чѣмъ болѣе затрудненій, чѣмъ страшнѣе волны, чѣмъ смятеніе сильнѣе, тѣмъ болѣе приложите старанія, бодрственности и неусыпности, тѣмъ болѣе покажите усердія, чтобы ваше прекрасное зданіе не рушилось, чтобы столько трудовъ не погибло безъ пользы и воздѣланная вами почва не пропала даромъ. У Бога достанетъ стредствъ— и прекратить смуты, и вознаградить васъ за терпѣніе. Но награда ваша не была бы такъ велика, если бы дѣло совершалось легко, какъ она велика теперь, когда оно соединено съ большими затрудненіями, съ большимъ безпокойствомъ, съ большими задержками. Взявъ такимъ образомъ во вниманіе тѣ усилія, которыя вы уже употребили, тѣ труды, которые подъяли, тѣ подвиги, которые совершили, то положеніе дѣла, что, по милости Божіей, вы уничтожили уже значительную часть невѣрія и распространеніе вѣры въ Финикіи имѣетъ возрастающій успѣхъ, наконецъ ту надежду, что при существующихъ обстоятельствамъ ваша награда будетъ обильнѣе и заслуга выше, что скоро Богъ устранитъ всѣ препятствія и даруетъ вамъ великое воздаяніе за ваше терпѣніе, — стойте крѣпко, держитесь. У васъ ни въ чемъ не будетъ недостатка и теперь, и я приказалъ доставлять вамъ одежду, обувь и все нужное для содержанія бра-

---

[1]) Изъ Кукуза въ 405-мъ году.

тіи, въ томъ же изобиліи и съ тою же щедростію, какъ доставлялось прежде. И если уже мы, находясь въ такомъ горькомъ и бѣдственномъ положеніи и живя въ пустынномъ Кукузѣ, до такой степени заботимся о вашихъ дѣлахъ, то тѣмъ болѣе вамъ, при полномъ изобиліи всего, въ отношеніи, разумѣется, необходимыхъ потребностей, должно исполнить съ своей стороны все надлежащее. Не слушайте же, умоляю васъ, никого, кто сталъ бы васъ пугать. Кромѣ того, обстоятельства подаютъ надежду на благопріятнѣйшій оборотъ; вы можете удостовѣриться въ этомъ изъ отвѣтныхъ писемъ, посылаемыхъ господиномъ моимъ, благоговѣйнѣйшимъ пресвитеромъ Констанціемъ. И если вы останетесь, то преодолѣете всѣ препятствія, сколько бы ихъ ни существовало. Ничто не можетъ бороться съ несокрушимымъ терпѣніемъ: оно подобно скалѣ; а всѣ эти смуты и козни, направляемыя противъ Церкви, похожи на волны, которыя, ударяя въ скалу, разбиваются сами, обращаясь въ пѣну. Вспомните, сколько терпѣли блаженные апостолы и отъ своихъ, и отъ чужихъ; все время своей проповѣди они провели среди искушеній, опасностей и козней, томясь въ темницахъ, въ узахъ, въ ссылкахъ, изнемогая отъ бичеваній, отъ голода, отъ недостатка одежды. При всемъ томъ, находясь даже въ темничномъ заключеніи, они не оставляли порученнаго имъ дѣла. Такъ блаженный Павелъ, будучи заключенъ въ темницу, послѣ бичеванія, обливаясь кровью, забитый въ колодки, не смотря на всѣ эти страданія, священнодѣйствовалъ въ самой темницѣ и крестилъ темничнаго сторожа, всемѣрно исполняя свое дѣло. Подкрѣпляя себя этими и подоб- 678
ными размышленіями,—повторяю вашей любви,—держитесь твердо, не колеблясь, не поддаваясь обольщеніямъ, ожидая исполненія нашей надежды на Бога и Божіей помощи, противъ которой все безсильно. Постарайтесь тотчасъ же по полученіи сего отписать намъ обо всемъ. Для того послали мы на это дѣло и благоговѣйнѣйшаго пресвитера Іоанна, чтобы убѣдить васъ и не допустить васъ поколебаться въ своемъ рѣшеніи подъ какимъ-либо вліяніемъ. Я свое дѣло сдѣлалъ: умолялъ, совѣтовалъ, доставилъ все нужное въ такомъ изобиліи, чтобы вамъ ни въ чемъ не было недостатка. Если вы не захотите принять моихъ представленій и послушаетесь своихъ обольстителей и подстрекателей, я не виноватъ. По крайней мѣрѣ вы знаете, на кого падетъ грѣхъ и бѣда. Но, чтобы ничего такого не вышло, прошу васъ, послушайтесь меня, какъ человѣка, который горячо васъ любитъ. Въ случаѣ же, если что вамъ понадобится, или напишите намъ, или, если угодно, пришлите тогда къ намъ кого-нибудь, и у васъ не будетъ недостатка ни въ чемъ рѣшительно.

111. Къ Гемеляю [1]).

Другіе поздравляютъ твою достопочтенность съ полученіемъ должности, а я, поздравляя городъ, поздравляю и твое великолѣпіе не съ должностными почестями (ты выше подобныхъ вещей), но съ доставленною тебѣ такимъ образомъ возможностію безпрепятственно и въ обширнѣйшемъ кругѣ дѣйствій выказать свою правдивость и свое человѣколюбіе и принесть соотвѣтственно тому пользу. Я увѣренъ, ты вразумишь даже крѣпко привязанныхъ къ землѣ, питающихся такими грезами, какъ людская слава, что величіе начальника состоитъ не въ тогѣ, не въ поясѣ и не въ крикахъ глашатая, а въ томъ, чтобы поднять на ноги подавленное, поправить худо сдѣланное, карать неправду, не попускать правдѣ терпѣть гоненіе отъ силы. Я знаю твою прямоту, свободу твоего слова, возвышенность твоего духа, твое равнодушіе къ житейскимъ разсчетамъ, твое отвращеніе отъ всего злого, твое добросердечіе и человѣколюбіе — качество, прежде всего необходимое въ начальникѣ. Поэтому не сомнѣваюсь, что ты будешь пристанью для обуреваемыхъ, опорою для изнеможенно падающихъ на подкосившіяся ноги, спасительною крѣпостью для несправедливо преслѣдуемыхъ силою, и тебѣ это будетъ легко. Тебѣ не нужно будетъ ни труда, ни усилій, ни долгаго времени, чтобы сдѣлаться всѣмъ этимъ. Но какъ является солнце — и мракъ исчезаетъ мгновенно, такъ и тебѣ стоило только явиться на своемъ креслѣ—и, я увѣренъ, съ перваго же дня ты уже остановилъ покушенія обидчиковъ, избавивъ ихъ жертвы отъ грозившей опасности еще прежде, чѣмъ онѣ должны бы были прибѣгнуть къ суду: для того, чтобы этому быть такъ, достаточно одного общаго мнѣнія о любомудріи твоей души. Вотъ почему, несмотря на свое заточеніе въ пустынѣ и множество другихъ прискорбныхъ обстоятельствъ своего положенія, я исполненъ великой радости, такъ какъ считаю защиту всякаго угнетаемаго общею нашею радостію.

112. Къ епископу Киріаку, находящемуся также въ изгнаніи [2]).

681 Дай я опять облегчу рану твоей глубокой скорби и разсѣю помыслы, составляющіе это мрачное облако. Что значитъ, что ты скорбишь и грустишь? То ли, что жестокая буря и страшное ко-

[1]) Изъ Кукуза, въ 404-мъ или 405-мъ году.

[2]) Это письмо, по всей вѣроятности, не подлинно, такъ какъ и по характеру мыслей, и по свойству языка въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не пред-

раблекрушеніе объяли церковь? Это знаю и я, и никто противъ этого не говоритъ. Мало того, если хочешь, я представлю тебѣ картину настоящаго хода дѣлъ. Взгляни на море: вотъ оно взмутилось до самаго дна бездны; мореплаватели, бросивъ кормила и весла, сложили руки на колѣни, растерялись отъ непосильности борьбы съ бурей, не смотрятъ ни на небо, ни на воду, ни на сушу, и валяются на подстилкахъ, рыдая и плача. Такъ бываетъ на морѣ. А на нашемъ морѣ теперь смятеніе еще хуже, волны еще хуже. Но призывай Христа, Владыку нашего, который не искусствомъ укрощаетъ бурю, но однимъ мановеніемъ смиряетъ волны. Если же ты призывалъ уже много разъ, но не былъ услышанъ, не отчаивайся: такъ обыкновенно поступаетъ человѣколюбивый Богъ. Развѣ не могъ Онъ освободить тѣхъ трехъ отроковъ 682
еще прежде, чѣмъ они были брошены въ разженную печь? Однако они были взяты въ плѣнъ, отведены въ непріятельскую землю, лишены отцовскаго наслѣдія, наконецъ — всѣ отчаялись за нихъ и все было для нихъ кончено, и тогда уже Христосъ, истинный Богъ нашъ, содѣлалъ чудо и отстранилъ огонь. Не вынося добродѣтели праведныхъ, огонь устремился вонъ и попалилъ бывшихъ у печи халдеевъ. Послѣ того печь сдѣлалась для нихъ церковію; они призвали всю тварь, все видимое и невидимое, ангеловъ и силы и, такимъ образомъ соединивши все въ одно собраніе, сказали: *благословите вся дѣла Господня Господа* (Дан. III, 57). Видишь ли, какъ терпѣніе праведныхъ и огонь превратило въ росу, и мучителя посрамило, — и онъ разсылаетъ по всей вселенной грамоту, говоря: *великъ Богъ Седраха, Мисаха и Авденаго* (Дан. III, 95)? И смотри еще, какое строгое наказаніе назначилъ онъ всякому, кто сказалъ бы слово противъ нихъ: домъ его въ казну и имущество его на разграбленіе (Дан. III, 96)! Не падай же духомъ и не отчаивайся [1]). Вотъ я [2]), когда изгоняли меня

ставляютъ собою компиляціи, или даже буквальной выписки изъ подлинныхъ твореній Златоуста, рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ произведеній великаго святителя.

[1]) Доселѣ письмо представляетъ собою сперва почти буквальную выписку, а потомъ передѣлку, изъ первыхъ двухъ отдѣловъ 1-го письма и небольшого мѣста изъ 9-го отдѣла 8-го письма Златоуста къ Олимпіадѣ.

[2]) Во всѣхъ своихъ письмахъ къ лицамъ, терпѣвшимъ гоненіе, Златоустъ утѣшаетъ страдальцевъ похвалою ихъ твердости, или указаніемъ на ожидающія ихъ небесныя награды, — вообще говоритъ объ ихъ нравственныхъ заслугахъ; но никогда, какъ здѣсь, не выставляетъ себя самого, забывая лицо, къ которому пишетъ. Онъ нерѣдко упоминалъ о врагахъ своихъ, называя ихъ нарушителями церковнаго мира, но никогда не приписывалъ своихъ бѣдствій собственно императрицѣ. Впрочемъ, все это мѣсто заимствовано изъ 2-й бесѣды его предъ отправленіемъ въ первую ссылку (см. стр. 458).

изъ города, не заботился ни о чемъ этомъ и говорилъ самому
683 себѣ: если императрица хочетъ отправить меня въ ссылку, пусть ссылаетъ,—*Господня земля и исполненіе ея* (Псал. XXIII, 1). Если она хочетъ перепилить меня пилой, пусть перепилитъ,—у меня есть образецъ—Исаія. Если желаетъ повергнуть меня въ море, я припомню Іону. Если желаетъ бросить меня въ печь,—есть три отрока, которые претерпѣли то же самое. Если желаетъ отдать меня звѣрямъ,—я припомню Даніила, брошеннаго львамъ въ ямѣ. Если желаетъ побить меня камнями, пусть побиваетъ,—у меня есть первомученикъ Стефанъ. Если желаетъ взять мою голову, пусть возметъ,—у меня есть Іоаннъ Креститель. Если желаетъ взять мое имущество, пусть возьметъ его,—*нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отыду* (Іов. I, 21). Но апостолъ увѣщеваетъ меня: *лица Богъ человѣча не пріемлетъ* (Гал. II, 6), и въ другомъ мѣстѣ: *аще бо быхъ еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ* (Гал. I, 10). И Давидъ вооружаетъ меня, говоря: *глаголахъ о свидѣніихъ твоихъ предъ цари, и не стыдяхся* (Пс. CXVIII, 46). Многое выставили противъ меня. Говорятъ [1]), будто я пріобщилъ нѣсколько человѣкъ послѣ того, какъ они ѣли. Если я это сдѣлалъ, то пусть изгладится мое имя изъ списка епископовъ и пусть не напишется въ книгѣ православной вѣры. Если я сдѣлалъ что-нибудь такое, то пусть изгонитъ меня Христосъ изъ Своего царства. Впрочемъ если уже они говорятъ это противъ меня и обвиняютъ меня за это, то пусть осудятъ и Павла, который послѣ вечери крестилъ цѣлый домъ (Дѣян. XVI, 33); пусть осудятъ и самого Господа, который послѣ вечери преподалъ причащеніе апостоламъ. Говорятъ [2]), что я преспалъ съ женщиною. Но обнажите тѣло мое, и вы увидите мертвенность моихъ членовъ. Все это они сдѣлали изъ зависти. Можетъ быть, братъ Киріакъ, огорчаетъ тебя то, что изгнавшіе насъ свободно ходятъ по площади въ сопровожденіи множества тѣлохранителей? Но ты

которое, равно какъ и первое его слово по тому же случаю, не было написано имъ самимъ, а записано съ его словъ кѣмъ-либо изъ его слушателей, и притомъ съ такою неточностію, что оба слова предъ отправленіемъ въ ссылку, по всей вѣроятности, представляютъ собою двѣ разныхъ редакціи одного и того же въ дѣйствительности произнесеннаго слова. Попятно, какъ мало можно имѣть довѣрія къ настоящему тону этого мѣста.

[1]) Сравненіе этого обвиненія съ изложеніемъ обвиненій въ 1-й и 2-й бесѣдахъ предъ отправленіемъ въ ссылку (см. стр. 447, 458) показываетъ, что тамъ, или здѣсь, допущена весьма значительная неточность.

[2]) Ни откуда, кромѣ этого мѣста, не видно, чтобы на св. Іоанна Златоуста кто-либо взносилъ подобную клевету. Можно думать поэтому, что враждебная рука приводитъ здѣсь эту нелѣпую выдумку для того, чтобы навлечь новую тѣнь на жизнь святителя.

опять вспомни о богатомъ и Лазарѣ, — какъ одинъ изъ нихъ страдалъ въ настоящемъ вѣкѣ и какъ другой наслаждался счастіемъ. Чѣмъ повредила тому его бѣдность? Не борцемъ ли и побѣдителемъ отнесенъ онъ на лоно Авраамово? Напротивъ, что пользы принесло богатство тому, который облачался въ порфиру и виссонъ? Гдѣ ликторы, гдѣ тѣлохранители? Гдѣ златоуздные кони? Гдѣ прихлѣбники и царственная трапеза? Не отведенъ ли онъ въ гробъ, какъ связанный разбойникъ, вынося изъ міра обнаженную душу, и не взываетъ ли напрасно: *отче Аврааме, посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего, и устудитъ языкъ мой, яко лютѣ стражду во пламени семъ* (Лук. XVI, 24)? Зачѣмъ называешь ты отцемъ Авраама, жизни котораго не подражалъ? Онъ всякаго человѣка принималъ въ домъ свой, а ты не позаботился и объ этомъ бѣднякѣ. Нѣтъ мѣста скорби и сожалѣнію [1]) о томъ, кто, имѣя столько богатствъ, не сдѣлалъ себя достойнымъ капли воды. Онъ не подавалъ бѣдному даже крошекъ; потому теперь не получаетъ и капли воды. Въ зиму онъ не сѣялъ милости; пришло лѣто,—онъ и не пожалъ ея. По устроенію Владыки наказаніе нечестивымъ и упокоеніе праведнымъ поставлены другъ противъ друга, такъ чтобы тѣ и другіе могли видѣть другъ друга и 684
другъ друга узнавать. Тогда каждый мученикъ узнаетъ своего мучителя и каждый мучитель своего мученика, котораго казнилъ. И это—не мое слово. Послушай, что говоритъ Премудрость: *тогда станетъ въ дерзновеніи мнозѣ праведникъ предъ лицемъ оскорбившихъ его* (Прем. V, 1). Какъ путешественникъ, совершающій путь въ знойное время и сжигаемый жаждою, найдя чистый источникъ,— или какъ человѣкъ, мучимый сильнымъ голодомъ, сидя за столомъ, наполненнымъ разнообразными явствами, но будучи не допускаемъ высшею силою ни прикоснуться къ столу, ни отвѣдать тѣхъ яствъ, чувствуетъ скорбь и мученіе тѣмъ сильнѣе, что сидитъ за столомъ, и не можетъ отвѣдать кушаній, сидитъ подлѣ источника, и не можетъ напиться воды, такъ и въ день суда нечестивые видятъ святыхъ радующимися, и не могутъ насладиться царской трапезы. Вотъ почему и Богъ, желая наказать Адама, заставилъ его воздѣлывать землю противъ рая, чтобы, ежедневно и ежечасно взирая на то вожделѣнное мѣсто, изъ котораго вышелъ, онъ всегда имѣлъ скорбь въ душѣ. Если здѣсь мы не находимся вмѣстѣ другъ съ другомъ, за то тамъ никто не воспрепятствуетъ намъ жить вмѣстѣ, и мы увидимъ тогда изгнавшихъ насъ, какъ Лазарь видитъ богатаго и какъ мученики — своихъ му-

[1]) Напротивъ, вездѣ Златоустъ пишетъ, что о такихъ-то людяхъ и надобно жалѣть. См. его письма: 82-е къ Пеанію, 84-е къ Ипатію и др.

чителей. Не отчаивайся же и помни, что говоритъ пророкъ: *не бойтеся укоренія человѣча, и похуленію ихъ не покаряйтеся. Якоже бо шерсть молію, тако снѣдены будутъ, и яко одежда обветшаютъ* (Ис. LI, 7—8). Помысли [1]) о Владыкѣ, какъ Онъ, держащій своею дланію міръ, преслѣдуемъ былъ съ самыхъ пеленъ и принужденъ былъ потерпѣть изгнаніе въ варварскую землю, подавая намъ примѣръ не падать духомъ во время искушеній. Вспомни о страданіяхъ Спасителя, — сколько поношеній претерпѣлъ Онъ за насъ! То называли Его самаряниномъ, то бѣсноватымъ, сластолюбцемъ и лжепророкомъ. Такъ говорили: *се человѣкъ ядца и винопійца* (Лук. VII, 34), или: *о князѣ бесовстѣмъ изгонитъ бѣсы* (Матѳ. XI, 34). Что претерпѣлъ Онъ, когда хотѣли низринуть Его со скалы, или плевали Ему въ лицо,—когда облекли Его въ хламиду, увѣнчали терніемъ и падали предъ Нимъ на колѣни, издѣваясь и употребляя всевозможные виды ругательствъ? Что претерпѣлъ Онъ, когда били Его по ланитамъ, или поили уксусомъ и желчію,—когда били тростію по головѣ и когда окружали Его тѣ кровожадные псы? Что претерпѣлъ Онъ, когда вели Его обнаженнымъ на страданіе и всѣ ученики оставили Его,—одинъ изъ нихъ предалъ Его, другой отрекся, прочіе же разбѣжались, и Онъ одинъ стоялъ нагимъ среди многочисленной толпы? Тогда былъ праздникъ, на который собирались всѣ. Что претерпѣлъ Онъ, когда распяли Его, какъ злодѣя, на крестѣ между разбойниками, — когда Онъ висѣлъ не погребеннымъ, и не снимали Его
685 съ креста до тѣхъ поръ, пока кто-то не выпросилъ позволенія похоронить Его? Вспомни, что Онъ не былъ удостоенъ погребенія, что распустили противъ Него злую молву, будто ученики Его украли Его и Онъ не воскресъ. Припомни и объ апостолахъ, какъ они были преслѣдуемы повсюду и скрывались, не имѣя возможности открыто являться въ городахъ, — какъ Петръ скрывался у Симона кожевника, а Павелъ у женщины, торговавшей пурпуромъ, — какъ вообще они не могли смѣло положиться на богатыхъ. Но послѣ все обратилось имъ во благо. Такъ не унывай теперь и ты. Слышалъ и я объ этомъ шутѣ Арсакіѣ, котораго императрица посадила на каѳедру [2]), что онъ подвергъ бѣдстві-

[1]) Все, что ниже говорится о Спасителѣ и объ апостолахъ, составляетъ сокращеніе 3-го, 4-го и 5-го отдѣловъ перваго письма къ Олимпіадѣ.

[2]) Знаменитый патріархъ константинопольскій Фотій обратилъ вниманіе въ своей Библіотекѣ на настоящее мѣсто о преемникѣ Златоуста Арсакіѣ. Правда, онъ старался объяснить неприличную его рѣзкость перемѣною, происшедшею въ положеніи приверженцевъ св. Іоанна Златоуста, не отвергая подлинности письма; однако замѣтилъ, что подобныя выраженія противорѣ-

ямъ всю братію, не пожелавшую имѣть съ нимъ общеніе; многіе такимъ образомъ даже умерли изъ-за меня въ темницѣ. Этотъ волкъ въ овечьей шкурѣ, хотя по наружности епископъ, но на дѣлѣ — прелюбодѣй, потому что какъ женщина, при живомъ мужѣ живя съ другимъ, становится прелюбодѣйцею, такъ равно прелюбодѣй и онъ, не по плоти, но по духу, еще при моей жизни восхитилъ мою церковную каѳедру. Я пишу тебѣ это письмо изъ Кукуза, куда велѣла сослать насъ императрица. Много горя испытали мы въ дорогѣ, но не сокрушаемся ни о чемъ. Когда мы проходили по Каппадокіи и Таврокиликіи [1]), то цѣлые сонмы отцевъ, мужей святыхъ, и многочисленныя толпы монаховъ и дѣвственницъ выходили намъ на встрѣчу, проливая безсмертные источники слезъ [2]). Смотря на наше шествіе въ ссылку, они рыдали и говорили другъ ко другу: лучше было бы солнцу скрыть лучи свои, чѣмъ умолкнуть устамъ Іоанна. Это меня возмутило и опечалило, такъ какъ я видѣлъ, что всѣ обо мнѣ плакали. Обо всемъ же другомъ, что случилось со мной, я не заботился. Епископъ этого города принялъ насъ очень хорошо и показалъ къ намъ большую любовь, такъ что, если бы можно было, уступилъ бы намъ и свою каѳедру, когда бы мы не остались въ должныхъ границахъ. Итакъ, прошу тебя, умоляю и припадаю къ ногамъ твоимъ,— сбрось съ себя бремя унынія, вспоминай о насъ предъ Богомъ и, пожалуйста, отвѣчай намъ на наше письмо.

---

113. Къ пресвитеру Руфину [3]).

Дошло до насъ, что въ Финикіи опять возгорѣлось зло и усилилось бѣшенство язычниковъ: много монаховъ частію ранено, частію даже убито. Тѣмъ настоятельнѣе поэтому убѣждаю тебя ѣхать туда съ возможною скоростію и стать въ боевой порядокъ. Я увѣренъ, что, съ помощію молитвы, кротости, терпѣнія и своего обычнаго мужества, ты однимъ появленіемъ своимъ обратишь не-

---

чать тому, что по другимъ указаніямъ внушалъ св. Іоаннъ Златоустъ константинопольскому народу и клиру. См. Photii Biblioth. cod. 277 edit. Hoeschel. col. 1565.

[1]) Златоустъ обыкновенно называетъ мѣсто своей ссылки неопредѣленно Арменіею. Авторъ настоящаго письма объясняетъ, что это—та Арменія, которая называлась Таврокиликіею.

[2]) То есть слезы, которыя должны сдѣлаться для нихъ источникомъ безсмертія.

[3]) Изъ Кукуза въ 406-мъ году.

пріятелей въ бѣгство, разсѣешь ихъ ярость, возвратишь на нашу
686 сторону сочувствующихъ намъ и вообще сдѣлаешь много добра. Не медли же и не откладывай; поторопись съ возможною скоростію, и пусть настоящія извѣстія возбудятъ въ тебѣ все твое усердіе. Если бы ты увидѣлъ загорающійся домъ, то, конечно, не отступилъ бы назадъ, но поспѣшилъ бы, въ такомъ случаѣ, къ нему съ особенною скоростію, чтобы предупредить пламя, и, какъ собственными усиліями, такъ и при содѣйствіи другихъ, постарался бы всѣми мѣрами погасить огонь. Такъ точно и въ настоящемъ случаѣ, когда поднялся тамъ такой пожаръ, постарайся безотложно прибыть туда, и, безъ сомнѣнія, получится польза и дѣло много поправится. Во время мира и тишины, при отсутствіи враговъ, всякій можетъ учить требующихъ огласительнаго наставленія въ вѣрѣ; но противостать мужественно, когда діаволъ бѣснуется и демоны вооружаются, вырывать людей изъ его рядовъ и не допускать другихъ впасть въ его руки — это уже дѣло мужа доблестнаго, души бодрственной, это уже дѣло твоего высокаго и недремлющаго духа, это дѣло достойное безчисленныхъ вѣнцовъ и неизреченныхъ наградъ, это уже апостольское дѣло. Чувствуя такимъ образомъ, что настоящее время представляетъ тебѣ случай снискать славу и достигнуть неизреченныхъ выгодъ и благопріобрѣтеній, не пропускай такого сокровища, — отправляйся, пожалуйста, сколько возможно скорѣе, и тотчасъ же, по прибытіи туда пиши къ намъ. Какъ только узнаемъ мы, что ты прибылъ въ предѣлы Финикіи, мы успокоимся, отбросимъ заботу и оставимъ опасенія. Тогда мы будемъ уже увѣрены за будущее, — увѣрены, что, подобно опытному и доблестному воителю, ты совершишь все, чтобы поднять лежащихъ, укрѣпить и утвердить стоящихъ, собрать разсѣявшихся, отыскать и возвратить погибшихъ и разбить всю діавольскую фалангу. Я знаю, я несомнѣнно знаю твою душевную зоркость, твою сердечную заботливость, твою разсудительность, находчивость, обходительность, мужество, непреклонность и терпѣливость. Да, пиши къ намъ постоянно; и даже прежде, чѣмъ пріѣдешь въ Финикію, пиши сколько возможно чаще съ дороги. Вотъ теперь я теряюсь въ догадкахъ, почему ты не прислалъ намъ никакого письма съ прибывшими къ намъ отъ господина моего, честнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго пресвитера Θеодота. Чтобы не томить насъ опять неполученіемъ извѣстій отъ твоей честности, пиши къ намъ, если будетъ возможно, постоянно съ каждой станціи, такъ чтобы намъ знать, сколько дороги ты проѣхалъ и близко ли тебѣ осталось до тѣхъ мѣстъ. Мы такъ безпокоимся, такъ озабочены тамошними дѣлами, что намъ хотѣлось бы получать подобное свѣдѣніе отъ тебя

ежедневно. Зная это, честнѣйшій господинъ мой, доставь намъ это величайшее одолженіе и, какъ до отъѣзда, такъ и по отъѣздѣ, пиши постоянно и увѣдомляй насъ обо всемъ, чтобы, если все успѣшно пойдетъ, мы могли порадоваться и повеселиться, а
если встрѣтятся препятствія, постараться, съ своей стороны, всѣми 687
мѣрами и всѣми способами устранить ихъ. Будь увѣренъ, мы не пожалѣемъ въ такомъ случаѣ никакихъ усилій, ни своихъ лично, ни другихъ, чрезъ кого только можно будетъ дѣйствовать, и если бы для того, чтобы доставить тебѣ всѣ удобства, понадобилось хотя бы десять тысячъ разъ писать въ самый Константинополь, мы не откажемся даже и отъ этого. Въ виду такого нашего усердія, покажи и ты, съ своей стороны, стараніе и неусыпность. Если понадобится послать тебѣ братій, увѣдоми насъ и объ этомъ. А на счетъ останковъ святыхъ мучениковъ не безпокойся: я тотчасъ же послалъ господина моего, благоговѣйнѣйшаго пресвитера Терентія къ господину моему благоговѣйнѣйшему епископу Отрею арависскому. Онъ имѣетъ и несомнѣнно подлинные, и въ большомъ количествѣ, — и чрезъ нѣсколько дней мы вышлемъ ихъ тебѣ въ Финикію. Смотри же, употреби съ своей стороны всѣ мѣры. Ты видишь, съ какою готовностію выполняется все, что зависитъ отъ насъ. Постарайся, чтобы успѣть тебѣ до наступленія зимы покончить стоящія безъ крышъ церкви.

114. Къ Поливію [1]).

Другой, на нашемъ мѣстѣ, сталъ бы жаловаться и сѣтовать на невыносимую стужу, на страшную пустынность здѣшней стороны, на жестокую свою болѣзнь (такъ какъ намъ здѣсь пришлось и похворать); а я, оставляя это, жалуюсь на разлуку съ вами, которая для меня тяжелѣе и пустынности, и болѣзни, и холода. Теперь же зима сдѣлала ее еще жесточе, чѣмъ прежде. Прежде имѣлъ я, по крайней мѣрѣ, одно утѣшеніе, облегчавшее горечь разлуки, — могъ бесѣдовать съ вами письменно; но наступившая зима отняла у насъ и это единственное удовольствіе, засыпавъ всѣ дороги множествомъ снѣга, что нельзя ни къ намъ ни откуда добраться и погостить у насъ, ни отъ насъ поѣхать и прокатиться къ вамъ. Не менѣе, если еще не гораздо болѣе, производитъ въ настоящее время то же самое страхъ, наводимый исаврійцами,

[1]) Писано, вѣроятно, въ 406-мъ году.

усиливая пустынность и разгоняя всѣхъ, обращая въ бѣгство, дѣлая всѣхъ изгнанниками. Никто не смѣетъ теперь жить дома и всякій, покидая свое жилище, спѣшитъ куда-нибудь укрыться. Въ городахъ остаются только стѣны и крыши, а лѣса и ущелья становятся городами. Какъ дикіе звѣри — барсы или львы считаютъ, что пустыни для нихъ гораздо безопаснѣе населенныхъ городовъ, такъ и мы, жители Арменіи, каждый день принуждены перебѣгать съ мѣста на мѣсто, проводя жизнь какихъ-то кочевниковъ или номадовъ и не смѣя нигдѣ остановиться: до такой степени всюду здѣсь царствуютъ смятеніе и тревога. Кого найдутъ дома, тѣхъ рѣжутъ, жгутъ, обращаютъ изъ свободнаго состоянія въ рабство. А кто при одномъ слухѣ бѣжитъ, тѣ становятся бездомными скитальцами, или тоже гибнутъ. Сколько въ самомъ дѣлѣ погибло молодыхъ людей, которые, часто въ самую полночь, въ леденящій холодъ, вынуждены были мгновенно бѣжать изъ
688 дому по страшному слуху о появленіи непріятелей, какъ бы спасаясь отъ пожара! Не нужно было исаврійскихъ мечей, чтобы проститься имъ съ жизнію. Они гибли, замерзая въ снѣгу, и такимъ образомъ причина ихъ бѣгства отъ смерти становилась для нихъ причиною смерти еще болѣе жестокой. Въ такомъ-то положеніи наши дѣла. Мы разсказали тебѣ объ этомъ не для того, чтобы тебя опечалить (хотя, конечно, разсказъ нашъ глубоко огорчитъ тебя), но для того, чтобы открыть тебѣ причину нашего долгаго молчанія и объяснить, почему именно мы такъ давно къ тебѣ не писали. До такой степени всѣ насъ оставили, что нельзя найти никого изъ пріѣзжихъ, и мы принуждены теперь отправить отсюда и послать къ вашей достопочтенности живущаго съ нами пресвитера. Принявъ его съ свойственнымъ тебѣ расположеніемъ, поскорѣе отправь его къ намъ назадъ съ радостнымъ извѣстіемъ о здоровьѣ твоей мѣрности. Ты знаешь, съ какимъ нетерпѣніемъ ждемъ мы получить это свѣдѣніе.

---

115. Къ Маріиніану [1]).

Всѣмъ пріятна весна, потому что она украшаетъ лицо земли цвѣтами и все покрываетъ зеленью; но мнѣ особенно пріятна еще тѣмъ, что возвращаетъ полное удобство письменно бесѣдовать съ моими знакомыми. Хотѣлось бы мнѣ видѣться съ вами лично, но такъ какъ это невозможно, то съ величайшимъ усер-

---

[1]) Изъ Арависса въ 406-мъ году.

діемъ принимаюсь я за то, что возможно, и начинаю къ вамъ писать. Не съ такимъ удовольствіемъ моряки и карабельщики разсѣкаютъ морскую поверхность, когда наступаетъ благопріятное для мореплаванія время года, съ какимъ я берусь теперь за перо, бумагу и чернила, намѣреваясь писать въ вашей мѣрности. Въ теченіе зимы, когда все цѣпенѣло отъ мороза и невыразимое множество снѣга закрывало всѣ дороги, нельзя было ни къ намъ ни откуда добраться, ни отъ насъ никуда выѣхать. Потому, запершись въ здѣшнихъ комнаткахъ, какъ въ тюрьмѣ, имѣя языкъ какъ будто связанный цѣпями, мы по неволѣ хранили долгое молчаніе, лишенные средствъ къ отправкѣ писемъ. Но какъ скоро весна открыла дороги для проѣзда, то и съ нашего языка пали оковы, и мы, собравъ въ дорогу живущаго съ нами пресвитера, посылаемъ его къ вашему благородству узнать о вашемъ здоровьѣ. Прими его, достопочтеннѣйшій мой владыка, съ свойственнымъ тебѣ расположеніемъ, и встрѣть съ подобающею тебѣ любовью; а когда онъ соберется въ обратный путь, пожалуйста, увѣдоми насъ о своемъ здоровьѣ. Ты знаешь, какъ нетерпѣливо ждемъ мы получить объ этомъ свѣдѣніе.

---

116. Къ Маркіану и Маркеллину [1]).

Какъ прекрасенъ и любезенъ для насъ этотъ союзъ вашъ, скрѣпленный не однимъ закономъ природы, но и узами нѣжнѣйшей любви! Мы хвалимся, мы гордимся поэтому вашею дружбою, и намъ хотѣлость бы лично повидаться съ вами. Но такъ какъ это пока невозможно, то мы дѣлаемъ то, что возможно: постоянно пишемъ къ вамъ и всегда вспоминаемъ о васъ, всюду нося васъ въ своемъ сердцѣ, гдѣ бы мы ни были, такъ что дальность разстоянія въ этомъ отношеніи нисколько не отдѣляетъ насъ отъ вашей мѣрности. Таковы крылья любви: дорога и разстояніе для нея ничего не значатъ, и она легко поднимается выше прискорбнаго положенія обстоятельствъ. Оттого-то, не смотря на лишенія 689
пустынническои жизни, на осадное стѣсненіе, на постоянные разбойничьи набѣги, не смотря на всѣ окружающія насъ бѣдствія, мы ни мало не ослабѣли въ дружбѣ и неизмѣнно хранимъ живѣйшее расположеніе къ намъ. Усердно просимъ васъ поэтому чаще писать къ намъ и радовать насъ извѣстіями о вашемъ здоровьѣ. Вы знаете, сколько утѣшенія принесетъ намъ это въ нашей жизни среди пустыни.

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году.

117. Къ Касту, Валерію, Діофанту и Киріаку, пресвитерамъ антіохійскимъ [1]).

Любовь — своего рода жестокая и принудительная вещь, жесточе любого неотступнаго заимодавца. Не такъ тѣ, наступя на шею, требуютъ денегъ отъ своихъ должниковъ, какъ вы, наложивши на насъ цѣпь любви, понуждаете расплачиваться съ вами письмами, какъ ни часто уплачиваемъ мы свои обязательства. Впрочемъ, такова уже природа этого долга: сколько его платишь, столько вновь въ него входишь. Поэтому, хотя вы часто получаете отъ насъ письма, вы тѣмъ не менѣе не удовлетворяетесь. И эта ненасытность есть дѣло опять той же любви. Она подобна морю, которое, отовсюду принимая въ себя безчисленное множество рѣкъ, никогда не наполняется. Такова точно вмѣстимость воспріемлемости и вашего слуха: чѣмъ болѣе мы вносимъ въ него, тѣмъ болѣе возжигаетъ въ васъ пламень расположенія къ намъ. Не думайте же, чтобы мы хранили теперь нѣсколько времени молчаніе потому, что заподозрѣли искренность вашей къ намъ дружбы. Мы поступили бы совершенно наоборотъ, если бы дѣйствительно подозрѣвали это, и стали бы писать къ вамъ тогда гораздо чаще. Какъ здоровые не имѣютъ надобности во врачѣ, такъ напротивъ, небрежные и охладѣвающіе требуютъ особеннаго попеченія. Если бы таким образомъ мы находили, что ваше расположеніе къ намъ начинаетъ колебаться, то мы поспѣшили бы съ своей стороны употребить всѣ мѣры, чтобы снова возжечь его болѣе. Напротивъ того, будучи крѣпко убѣждены и несомнѣнно зная, что, пишемъ ли мы къ вамъ, или не пишемъ, оно всегда пребудетъ въ васъ твердо, непоколебимо, постоянно, неизмѣнно, непреклонно, свѣжо и сильно, мы думали, что для этого вовсе нѣтъ необходимости въ нашихъ письмахъ, и если писали, то писали единственно по чувству взаимнаго къ вамъ влеченія. Такъ и теперь мы пишемъ къ вамъ не по нуждѣ, а по любви. Пусть, съ разныхъ сторонъ, поднимаются безпрерывныя бури и высоко вздымаются безчисленныя волны; предшествующее время достаточно показало, что ничто не можетъ нанести вамъ вреда и повергнуть васъ въ смятеніе малодушія. Такимъ образомъ мы пишемъ къ вамъ совсѣмъ не потому, чтобы вы нуждались теперь въ нашемъ утѣшеніи, но чтобы сказать вамъ только, что мы радуемся, ликуемъ и торжествуемъ отъ удовольствія при мысли, что, не смотря на такое разстояніе между нами, мы пользуемся такою любовію

[1]) Изъ Кукуза, въ 405-мъ году.

вашей мѣрности. Въ полной увѣренности, что вамъ весьма пріятно будетъ узнать о нашемъ положеніи, увѣдомляю васъ, что я освободился отъ болѣзненной немощи желудка и въ настоящее время здоровъ. Насъ не тяготятъ и не безпокоятъ болѣе ни осадное положеніе, ни разбойничьи набѣги, ни безлюдье, ни разныя другія непріятности; все это прошло и мы наслаждаемся теперь безопасностію, спокойствіемъ и совершенною тишиною, ежедневно думая о вашихъ дѣлахъ и заводя о нихъ рѣчь съ каж- 690
дымъ, кто къ намъ приходитъ. Вотъ что значитъ искренно любить: кто кому дорогъ, тотъ у того постоянно и на языкѣ. Тоже самое теперь и съ нами, — потому что мы горячо васъ любимъ, какъ вамъ извѣстно. Послѣ всего этого, надѣюсь, вы не будете думать, чтобы мы охладѣли, или когда-нибудь сдѣлались равнодушны въ расположеніи къ вамъ. *Любы николиже отпадаетъ* (Кор. XIII, 8), и сколько бы ни прошло времени, до какой бы степени ни возросло затруднительное положеніе обстоятельствъ, какъ бы ни увеличилось разстояніе, раздѣляющее насъ съ вами, она ничѣмъ не пресѣчется и никогда не ослабѣетъ, но будетъ отъ этого усиливаться и возрастать.

118. Къ епископу Елпидію [1]).

Не изъ пренебреженія и не по равнодушію къ любви твоей мы не писали къ тебѣ до сихъ поръ, но бѣдственныя наши обстоятельства были причиною этого продолжительнаго съ нашей стороны молчанія. Во-первыхъ —, мы никакъ не можемъ установиться на одномъ мѣстѣ, но живемъ то въ Кукузѣ, то въ Арависсѣ, то въ какомъ-либо ущельѣ, или гдѣ-нибудь въ пустынѣ: до такой степени всюду здѣсь царствуютъ смятеніе и тревога. Огонь и желѣзо пожираютъ все — и людей, и жилища; цѣлые города истребляются окончательно вмѣстѣ со всѣмъ народонаселеніемъ, и гонимые постоянно новыми и новыми тревожными слухами, мы каждый день переселяемся изъ одного мѣста въ другое, испытывая такимъ образомъ своего рода новый мучительный видъ ссылочной жизни и ежедневно ожидая смерти. Даже запершись теперь въ крѣпости, какъ въ тюрьмѣ, мы не можемъ быть совершенно спокойны, потому что исаврійцы смѣло нападаютъ и на подобнаго рода мѣста. Къ этому приключилась еще съ нами жестокая болѣзнь, и хотя труднѣйшій періодъ ея въ настоящее время мы кое какъ миновали, но слѣды ея еще чув-

[1]) Писано въ 406-мъ году.

ствуемъ. Наконецъ, все это время мы были какъ будто бы заключены на какомъ-нибудь островѣ, заброшенномъ среди непроходимаго моря: такъ трудно было намъ встрѣтить пріѣзжаго откуда-либо; опасеніе этихъ ужасовъ загородило всѣ дороги къ намъ. Прошу же извинить насъ, честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій мой владыко, — ты знаешь, какую любовь, изстари и изначалала, мы всегда питали къ твоему благоговѣнію, — и не переставай молиться о насъ. Мы крѣпко надѣемся, что, если ты не встрѣтишь затрудненія въ отправкѣ писемъ, тебѣ не надобно будетъ напоминать о томъ, чтобы постоянно писать къ намъ о своемъ здоровьѣ. Равнымъ образомъ и съ своей стороны, какъ только позатихнутъ здѣсь страсти и можно будетъ выглянуть изъ нашей тюрьмы и сколько-нибудь вздохнуть отъ томящей насъ осады, мы будемъ постоянно писать къ твоей честности. Дѣлая это, мы доставляемъ себѣ самимъ величайшее удовольствіе.

119. Къ Гемелу.

Какъ благородна и юношески бодра та душа, которая заимствуетъ наслажденіе и спокойное самообладаніе не откуда-либо извнѣ, а извнутри, изъ самой себя, и, что въ особенности достойно удивленія, по поводу такихъ предметовъ, которые большинству кажутся страшными и опасными! Сколько надобно ума, сколько надобно философской мудрости, чтобы, будучи ненави-
691 димъ извѣстными лицами, не только не смущаться и не тяготиться, но благородно гордиться этимъ, и не только гордиться, но жалѣть ненавидящихъ, стараться измѣнить ихъ и сдѣлать благосклонными? Поэтому дивимся, изумляемся тебѣ, достопочтеннѣйшій и великолѣпнѣйшій владыко, и вмѣстѣ свѣтло торжествуемъ, имѣя честь украшаться дружбою твоего великолѣпія, какъ блистательнымъ вѣнкомъ. Въ своемъ письмѣ ты просишь молитвъ нашихъ. Знай, что и прежде этого письма мы непрестанно молили Бога увидѣть, чтобы твоя, столь великая и философская душа совершила священное таинство [1]) и сподобилась священныхъ тѣхъ и страшныхъ таинъ. И если бы намъ пришлось получить радостное извѣстіе объ исполненіи этого, то мы не считали бы себя въ ссылкѣ, забыли бы о своей пустынѣ и, безъ сомнѣнія, избавились бы отъ тѣлесной немощи, съ которою въ настоящее время ведемъ борьбу. Знаю я, достопочтеннѣйшій

[1]) По всей вѣроятности, разумѣется принятіе святого крещенія.

мой владыка, что твое желаніе и усердіе есть—сподобиться тѣхъ неизреченныхъ благъ отъ нашей скудости; намъ также, какъ ты знаешь, это было бы весьма желательно. Но если за нами задержка, то самое дѣло не допускаетъ никакой задержки. За отсутствіемъ нашимъ, ты во всякомъ случаѣ можешь легко найти очень близкихъ намъ людей, которые могутъ ввести тебя въ это тайноводство [1]). И если это исполнится, мы будемъ также рады, какъ если бы и сами послужили въ преподаніи тебѣ этого пренебеснаго дара, такъ какъ благодать одна и та же.

120. Къ Адоліи [2]).

Что говоришь? Опять жалуешься на козни и на то, что терпишь большое горе? Но что же, скажи мнѣ, препятствуетъ тебѣ удалиться въ мирную пристань и избавиться отъ всѣхъ этихъ треволненій? Не пѣлъ ли я тебѣ постоянно, все это время и однако ты никогда не хотѣла насъ послушать? Нѣтъ, ты и себѣ самой причиняешь безчисленныя горести, постоянно падая въ болото и мараясь грязью этихъ безконечныхъ дѣлъ, и насъ непрерывно, то и дѣло, огорчаешь, подвергаясь этому. Неужели, думаешь, мнѣ пріятно было теперь слышать, о чемъ ты пишешь въ своемъ письмѣ, что тебѣ измѣнили и сдѣлали съ тобой ужасныя вещи твои самые близкіе люди, или (буду лучше говорить собственными твоими словами) твои довѣренные пріятели? Долго ли же еще будешь помрачать свой ясный душевный взоръ въ этомъ чаду? Долго ли же еще не освободишься отъ этого жестокаго рабства? И что тебѣ препятствуетъ теперь же пріѣхать сюда и сообща посовѣтоваться съ нами обо всемъ? Сама же ты говоришь, что ничего бы этого ты не испытала, если бы сдѣлала такъ. Я совершенно изумляюсь, недоумѣваю и не нахожу рѣшительно никакой причины, почему ты такъ долго не ѣдешь къ намъ, если только не по легкомыслію и трусливости. Разстояніе — небольшое; время года— весьма благопріятное для поѣздки, не томитъ ни холодомъ, ни зноемъ. Вѣроятно, опять этотъ всегдашній источникъ всѣхъ твоихъ бѣдъ, — вѣроятно, говорю, эта забота о житейскихъ дѣ- 692
лахъ,— она и теперь составляетъ тебѣ препятствіе. Пріѣдешь ли

---

[1]) Разумѣется опять принятіе святаго крещенія и затѣмъ пріобщеніе евхаристіи. Какъ предшествующее, такъ и настоящее выраженіе постоянно употребляются въ твореніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Діонисія Ареопагита, именно въ Церковной Іерархіи.

[2]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и слѣдущее письмо къ Діогену.

ты, я буду очень радъ; не пріѣдешь, я не осужу тебя и не разсержусь, а буду такъ же любить, какъ и всегда любилъ твою мѣрность. Во всякомъ случаѣ мнѣ прискорбно только и очень больно знать, что ты вовлечена теперь въ безконечныя хлопоты и по прежнему обременена безчисленнымъ множествомъ житейскихъ заботъ. И если бы ссылочная неволя не удерживала насъ здѣсь своими путами, я не огорчалъ бы твое благоговѣніе, но, хотя бы былъ еще больнѣе, нежели сколько боленъ теперь, пріѣхалъ бы къ тебѣ самъ и до тѣхъ поръ не успокоился бы, пока, употребивъ всѣ мѣры и всѣ средства, не вырвалъ бы тебя изъ этой бездны, изъ этого болота, изъ этой сточной ямы безчисленныхъ золъ. А какъ это невозможно, то я и желалъ бы, чтобы ты пріѣхала посовѣтоваться съ нами объ этомъ. Если же и это окажется неудобно и трудно, тогда мы не перестанемъ, по крайней мѣрѣ, письменно предлагать тебѣ свои совѣты и увѣщанія — разорвать сѣти, перерубить веревки, разбить оковы, которыми связана твоя душа, и выступить на путь независимости и полной свободы. Такимъ образомъ ты не только пріобрѣла бы себѣ радость здѣсь, но легко заслужила бы и небо. Предпошли добровольно въ неприкосновенныя сокровищницы то, что спустя нѣсколько времени по неволѣ должна будешь оставить, прощаясь съ здѣшнею жизнію, и чрезъ это ты предуготовишь себѣ тѣ вѣнки, которые никогда не гибнутъ и не увядаютъ.

121. Къ Діогену.

Дорого заплатилъ бы я за удовольствіе видѣть твою мѣрность, достопочтеннѣйшій мой владыко, — ты знаешь это и безъ нашего письма, такъ какъ тебѣ хорошо извѣстно, какую любовь питаемъ мы къ твоей достопочтенности. Но какъ это невозможно (по дальности разстоянія, по неимѣнію нами свободы ѣздить, куда бы намъ пожелалось, наконецъ — по усиленію съ каждымъ днемъ страха, наводимаго исаврійскими набѣгами), то я усердно прошу твое благородство по возможности чаще радовать насъ тѣмъ, что составляетъ величайшее наше утѣшеніе среди одиночества, лишеній, всякихъ другихъ горестей здѣшней жизни, и постоянно увѣдомлять насъ о своемъ здоровьѣ, равно какъ здоровьѣ всего твоего дома. Правда, и этой радостью намъ нельзя насладиться съ полнымъ довольствомъ, потому что рѣдко кто ѣздитъ отъ васъ сюда. Но, хотя и трудно то, о чемъ мы просимъ, постарайся, пожалуйста, сколько возможно будетъ, и постоянно извѣщай насъ о своемъ благоденствіи. О себѣ увѣдомляемъ, что живемъ въ на-

стоящее время совершенно спокойно и мирно, пользуясь при умѣренномъ здоровьѣ полнымъ досугомъ, и если что особенно безпокоитъ насъ, такъ это только разлука съ вами, съ людьми, насъ любящими. Но твое благоразуміе можетъ сказаннымъ способомъ облегчить намъ и это послѣднее горе. Сдѣлай же такую милость, чтобы намъ имѣть возможность, не смотря на далекое 693
разстояніе между нами, питаться твоею сладкою, горячею и искреннею любовью.

---

122. Къ діакону Θеодоту [1]).

Не безъизвѣстно мнѣ самому, что ты давно былъ бы съ нами, если бы не удерживало тебя опасеніе исаврійцевъ. Если достало у тебя терпѣнія пробраться къ намъ во время все леденившаго холода и снѣжныхъ вьюгъ, то, конечно, ты не замедлилъ бы уже прибыть сюда теперь, когда. съ наступленіемъ весны, въ воздухѣ водворилась совершенная тишина. Я знаю нѣжность, преданность, горячность и искренность твоего расположенія, твою исполненную благородной независимости душу. Тѣмъ болѣе поэтому мнѣ прискорбно, что въ такую благорастворенную пору года ты возбудилъ въ нашей душѣ настоящую зиму печали своею продолжительною разлукою съ нами. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы привлечь тебя сюда, хотя ты самъ тысячу разъ этого желаешь (у насъ здѣсь вездѣ война, какъ ты можешь это разузнать отъ прибывающихъ отсюда къ вамъ), но чтобы сообщить тебѣ, что и мы, при всемъ своемъ досугѣ и спокойствіи, не можемъ жить безпечально въ разлукѣ съ твоею честностію, и чтобы, зная это, ты постоянно писалъ къ намъ, какъ съ тѣми, кто отъ насъ ѣздитъ туда, такъ и съ тѣми, кто оттуда отправляется и прибываетъ сюда. Весьма благодарны тебѣ, честнѣйшій мой владыко, за твою заботливость и безпокойство касательно здѣшнихъ ужасовъ. Стѣснительность нашего осаднаго положенія, дѣйствительно, увеличивается съ каждымъ днемъ, и мы сидимъ въ этой крѣпости, совершенно какъ въ западнѣ. А однажды отрядъ исаврійцевъ въ триста человѣкъ ворвался въ городъ среди самой ночи, сверхъ всякаго чаянія и ожиданія, и едва не захватилъ и насъ. Но рука Божія безъ нашего вѣдома скоро обратила ихъ назадъ, такъ что мы не испытали не только самой бѣды, но даже и никакого страха,

---

[1]) Изъ Арависса, въ 406-мъ году, какъ и слѣдующее письмо къ чтецу Θеодоту.

и узнали обо всемъ этомъ уже послѣ, по наступленіи дня. Порадуйся за насъ этому счастію и помолись Богу, чтобы Онъ утвердилъ насъ въ полной безопасности, а также — освободилъ отъ одержащей насъ болѣзни. Правда, отъ опасно болѣзненнаго положенія мы избавились, но слѣды болѣзни еще остаются и постоянно напоминаютъ о прежнихъ страданіяхъ. Пишемъ тебѣ объ этомъ не для того, чтобы тебя опечалить, но чтобы побудить тебя усерднѣе молиться о насъ. Поручаю твоему благоговѣнію господина моего, честнѣйшаго чтеца Θеодота; будь ему по возможности во всемъ пристанищемъ. Много у него, какъ мы узнали, горя.

123. Къ чтецу Θеодоту.

Не трудись извиняться въ томъ, что скоро уѣхалъ отсюда, указывая на болѣзненное состояніе своихъ глазъ, на здѣшнюю стужу, и оправдывая этимъ свой отъѣздъ. Чувство любви намъ говоритъ, что ты все еще у насъ и съ нами теперь по прежнему; а со временемъ мы надѣемся и опять имѣть удовольствіе лично увидѣться съ тобою. Не безпокойся. Если зима выгнала тебя изъ Арменіи, то еще не вытѣснила изъ нашей души; напротивъ, мы
691 постоянно о тебѣ думаемъ. И если бы эта исаврійская война, загородившая всѣ дороги, не затрудняла насъ въ пересылкѣ писемъ, мы писали бы къ тебѣ безсчетно часто. Да и теперь мы не писали все протекшее время только на бумагѣ; въ сердцѣ же, совершенно наоборотъ, заняты были тобою и твоими обстоятельствами непрерывно, и въ мысляхъ писали къ тебѣ постоянно. Зная это, думай и ты, что ты все еще у насъ и живешь вмѣстѣ съ нами въ Арменіи. Если кто-нибудь станетъ тебѣ строить козни и дѣлать зло, будь выше этихъ стрѣлъ, потому что не переносить зло, а дѣлать зло — вотъ что въ дѣйствительности значитъ страдать отъ зла. Одобряя твое мужество и твердость, мы особенно уважаемъ тебя за то, что среди поднявшейся противъ тебя, такой необыкновенной, бури ты остался неприкосновенъ для ея ужасовъ. Плыви же и далѣе съ великимъ удовольствіемъ по этому тихому и безбурному морю. Не удивляйся, что я называю это море безбурнымъ, когда у тебя на памяти такъ много напастей. Я говорю, основывая свое сужденіе не на намѣреніи волнующихъ его, а на спокойствіи, доставляемомъ добродѣтелью. Что я хочу этимъ сказать? Великій и высокій образъ жизни, направленной къ снисканію неба, по природѣ вещей представляется какъ будто труднымъ; но, при мужествѣ и готовности ко всему принимающихъ его на себя, въ дѣйствительности становится очень легокъ. И что осо-

бенно удивительно въ этомъ любомудріи, такъ это преимущественно то, что искренно и горячо проходящій его среди бѣснующагося моря плыветъ совершенно тихо и благополучно, среди отвсюду возникающихъ смятеній наслаждается полнѣйшимъ спокойствіемъ и среди безчисленнаго множества направляемыхъ отвсюду стрѣлъ остается совершенно невредимъ, принимая, конечно, на себя удары, но не чувствуя отъ нихъ никакого вреда. Пожинай же, зная это и всегда руководствуясь своимъ любомудріемъ, неблекнущую радость ожиданія вѣнцовъ, уготованныхъ тебѣ у Бога за твои добрые подвиги. Постоянно пиши къ намъ, какъ только будетъ возможно, и увѣдомляй о своемъ здоровьѣ, какъ душевномъ, такъ и тѣлесномъ. Все свободное время употребляй на чтеніе Священнаго Писанія и занимайся имъ столько, сколько дозволитъ болѣзненное состояніе твоихъ глазъ, такъ чтобы, если когда-нибудь будетъ у насъ время заняться изъясненіемъ его смысла благородной душѣ твоей, можно было взяться за это съ достаточнымъ удобствомъ; знаніе буквы Писанія послужитъ тебѣ значительнымъ пособіемъ легче со временемъ усвоить заключающійся въ ней смыслъ.

124. Къ діакону Өеодоту [1]).

Перестань обвинять насъ въ медлительности, чтобы самому не подвергнуться прежде осужденію въ томъ же самомъ. Получивши отъ насъ столько же писемъ, сколько посылалъ къ намъ самъ, не считая одного, — ты говоришь такъ, какъ будто совсѣмъ засыпалъ насъ письмами, разсчитывая тою мнимо частою посылкою писемъ съ своей стороны побудить насъ къ дѣятельной перепискѣ. Можно любить, и не отвѣчая на письма; а я и писать не отсталъ, и любить не перестаю. Нѣтъ, хотя бы наша разлука про- 695
должилась еще долѣе и хотя бы насъ увели въ страну еще болѣе пустынную, мы не можемъ ни забыть тебя въ своей душѣ, ни любить менѣе того, какъ всегда любили. Пиши же къ намъ, зная это, самъ постоянно о своемъ здоровьѣ. Вамъ это болѣе удобно, чѣмъ намъ. Впрочемъ, если когда-нибудь и попрепятствуетъ тебѣ пора года, или жестокость исаврійскихъ бѣдствій, мы постараемся утѣшить себя, въ случаѣ твоего долгаго молчанія, увѣренностію въ томъ расположеніи, которое ты къ намъ имѣешь.

[1]) Писано, вѣроятно, въ 406-мъ году.

125. Къ епископу Елпидію [1].

Знаю, что рѣдко писалъ къ твоей честности; но не по доброй волѣ, а по необходимости я поступалъ такъ. Пора года, пустынность мѣста, въ которомъ мы заключены строже, чѣмъ въ тюрьмѣ, малочисленность пріѣзжающихъ сюда, рѣдкость при всемъ томъ встрѣтить между ними людей, которымъ можно бы было довѣриться, наконецъ болѣзнь, жестоко мучившая насъ и державшая всю зиму въ постели, — все это по неволѣ заставляло насъ молчать, но не въ душѣ, а только на бумагѣ. Сочти, что ты получилъ отъ насъ не столько, сколько мы успѣли переслать, но гораздо болѣе писемъ. И ты найдешь, что это дѣйствительно такъ, если будешь считать не тѣ только, на которыя нами употреблены бумага и чернила, но и тѣ, на которыя мы хотѣли бы ихъ употребить. Въ душѣ мы постоянно писали къ тебѣ, всегда неразрывны съ тобою, и ни дальность разстоянія, ни давность времени, ни прискорбное положеніе обстоятельствъ, ничто не въ состояніи ослабить въ насъ расположенія къ твоей честности. Всегда оно пребудетъ въ насъ неизмѣнно, и хотя бы насъ удалили въ страну еще болѣе пустынную, чѣмъ эта, мы и туда пошли бы, запечатлѣвъ въ своемъ сердцѣ и унося съ собою нашего ревностнаго и горячаго друга. Такова искренняя любовь: она не уступаетъ ни времени, ни мѣсту, ни дальности разстоянія, ни горькому положенію обстоятельствъ. Впрочемъ, ты знаешь это и самъ, такъ какъ и самъ умѣешь любить искренно.

126. Къ Θеодору, консулярію Сиріи [2].

Ты говоришь, что сочтешь величайшимъ знакомъ нашего вниманія къ тебѣ, если, послѣ перваго, придетъ отъ насъ второе письмо къ твоей свѣтлости. Съ своей стороны мы готовы были бы безсчетное число разъ писать къ такому честному и доброму человѣку, къ ревностному нашему другу, съ такою радостію встрѣчающему наши письма, если бы у насъ было довольно людей, которые могли бы оказать намъ въ этомъ дѣлѣ необходимую услугу. Но какъ этого нѣтъ, то усердно просимъ твою свѣтлость

[1] Изъ Кукуза въ 404-мъ году.
[2] Между 404-мъ и 407-мъ годами.

не измѣрять нашей любви количествомъ писемъ, а, — пишемъ ли мы, или молчимъ, — сохранять о ней неизмѣнно свое прежнее мнѣніе, въ полномъ убѣжденіи, что причиною продолжительнаго нашего молчанія служитъ не наша невнимательность, а пустынность мѣста нашего жительства.

127. Къ діакону Ѳеодоту [1]).

Не малымъ утѣшеніемъ въ этой страшной пустынѣ служила мнѣ прежде возможность постоянно писать къ твоей любви: но 696
и это удовольствіе отнято теперь у насъ исаврійцами. Съ наступленіемъ весны разцвѣли и ужасы ихъ нашествія. Они разлились по всей странѣ и сдѣлали совершенно непроходимыми всѣ большія дороги. Нѣсколько благородныхъ женщинъ взято уже ими въ плѣнъ; нѣсколько извѣстныхъ людей убито. Усердно поэтому прошу извинить насъ, если мы въ послѣднее время не постоянно писали. Въ полной увѣренности, что тебѣ весьма желательно знать о состояніи нашего здоровья, увѣдомляемъ тебя, что, тяжело пространдавъ всю прошедшую зиму, мы поправились теперь нѣсколько, и хотя по непостоянству погоды разстроились опять (у насъ здѣсь и теперь еще лютая зима), но надѣемся и окончательно выздоровѣть, какъ скоро наступитъ настоящее лѣто. Ничто такъ не вредно нашему здоровью, какъ холодъ, и ничто такъ не помогаетъ намъ, какъ лѣто и пріятная возможность отогрѣться.

128. Къ бывшему консулярію Ѳеодоту [2]).

Да снизойдутъ на тебя всѣ блага за то, что ты принялъ своего сына съ такою честію. Онъ самъ откровенно сообщилъ намъ объ этомъ, желая засвидѣтельствовать свою признательность къ отцу и въ то же время порадовать насъ. Оказанный ему пріемъ вдвойнѣ намъ пріятенъ: потому, во-первыхъ, что его благополучіе составляетъ вмѣстѣ наше собственное благополучіе; а во вторыхъ, и потому, что значительную долю въ приращеніи твоего благо-

---

1) Изъ Кукуза въ 405-мъ году.

2) Вѣроятно, въ 406-мъ году, какъ и слѣдующее письмо къ епископу Елпидію.

расположенія къ нему мы можемъ приписывать вліянію нашего письма. Продолжай же, многоуважаемый и благороднѣйшій мой владыко, ухаживать за этою прекрасною отраслью твоего рода. Какимъ образомъ ухаживать? Поддерживай постоянно въ своемъ сынѣ и развивай въ немъ любовь къ тому превосходнѣйшему образу философской жизни, который онъ проходитъ теперь. Тогда твоя прекрасная отрасль скоро принесетъ намъ плоды, потому что благородныя души совершенно чужды той медленности, какою отличаются растенія, посаженныя въ нѣдрахъ земли. Едва только зарождается въ нихъ прекрасное стремленіе къ добродѣтели, какъ они уже поднимаются въ своемъ ростѣ до высоты самаго неба и становятся такъ плодовиты, что изобиліемъ и достоинствомъ своихъ плодовъ затмѣваютъ всякое богатство, такъ какъ плоды эти не гибнутъ вмѣстѣ съ настоящею жизнію, а переходятъ съ нами въ жизнь будущую.

129. Къ епископу Елпидію.

На бумагѣ рѣдко, но въ душѣ очень часто мы пишемъ къ твоему богопочтенію, не забывая тебя ни на одинъ день, и этого неразрывнаго сопребыванія съ тобою не могутъ лишить насъ ни давность времени, ни дальность разстоянія, ни прискорбное положеніе обстоятельствъ. Такова сила любви: она не уступаетъ и не
697 поддается ничему подобному, но стоитъ превыше всего. Не измѣряй же, честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій мой владыко, нашей привязанности къ твоей мѣрности количествомъ писемъ, и изъ нашего долгаго молчанія не выводи никакого подозрительнаго заключенія, зная наши чувства и расположеніе, какое мы всегда оказывали къ твоему благоговѣнію. Такъ и сами мы, рѣдко получая письма отъ твоей любви, нисколько не заключаемъ изъ этого, чтобы ты сталъ равнодушнѣе къ намъ, но твердо знаемъ и увѣрены, что ты постоянно сохраняешь къ намъ живѣйшее расположеніе, не только не ослабѣвая въ немъ вслѣдствіе непрерывно возникающихъ бѣдствій, но дѣлаясь еще усерднѣе, за что мы весьма благодарны тебѣ. Въ полной увѣренности, что тебѣ желательно знать о настоящемъ нашемъ положеніи здѣсь, увѣдомляемъ тебя, что мы теперь здоровы, пользуемся совершеннымъ отдыхомъ и спокойствіемъ и живемъ въ безопасности, освободившись до поры отъ исаврійскихъ ужасовъ. Что касается армянской зимы, то я научился наконецъ переносить ее и терплю отъ нея

вредъ весьма умѣренный сравнительно съ тѣмъ, какому естественно подвергаться при такомъ слабомъ здоровьѣ: сижу постоянно взаперти дома, когда бываетъ невыносимая стужа, и рѣдко выглядываю за двери. За то другими, пріятнѣйшими временами года мы пользуемся столько, что легко можно вознаградить ослабленіе, производимое зимою.

130. Къ Поливію [1]).

Изъ черты городской земли и изъ городскихъ стѣнъ насъ изгнали; но собственно изъ города ([2]) изгнать не могли. Если городъ — вы, а мы всегда съ вами и въ васъ, то ясно, что, и живя здѣсь, мы живемъ въ томъ городѣ. Вы не изгнали насъ изъ своихъ душъ: я въ этомъ увѣренъ; точно также и мы, куда бы насъ ни удалили, всюду унесемъ въ своемъ сердцѣ всѣхъ васъ, нашихъ ревностныхъ приверженцевъ. Это не даетъ намъ чувствовать ни пустынности мѣста нашего заключенія (хотя оно самое пустынное во всей вселенной), ни осаднаго положенія его со стороны разбойниковъ (хотя оно ежедневно въ осадѣ), ни происходящаго вслѣдствіе того голода, потому что тѣломъ мы пригвождены здѣсь, а душею постоянно у васъ. Но при такомъ расположеніи нашихъ чувствъ намъ совершенно естественно желать личнаго свиданія съ вами и скорбѣть при его невозможности. А такъ какъ оно доселѣ невозможно, между тѣмъ возможна переписка, которая служитъ лучшимъ его вознагражденіемъ, то вознагради насъ ею съ возможною щедростію, и мы будемъ вполнѣ утѣшены. Ты въ состояніи, достопочтеннѣйшій мой владыко, своими письмами возбудить въ насъ сладостное ощущеніе личнаго свиданія съ тобою.

131. Къ Діогену.

Пустынное мѣсто — Кукузъ, и кромѣ того опасное для жительства, постоянно находящееся въ осадномъ положеніи вслѣдствіе страха, наводимаго разбойниками; но ты, и не бывши въ

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и слѣдующее письмо къ Діогену.
[2]) То есть, Константинополя.

немъ, превратилъ его въ рай. Въ самомъ дѣлѣ, когда доходятъ до насъ вѣсти о твоей великой ревности, о твоей искренней и горячей любви къ намъ (а отъ насъ ничто не скрывается, не смотря на такую отдаленность нашего мѣстопребыванія), то, считая благорасположеніе къ намъ твоей мѣрности величайшимъ для себя сокровищемъ и неизреченнымъ богатствомъ, мы проникаемся такою радостію и почерпаемъ отсюда такое величайшее утѣшеніе, что представляется, будто бы живемъ въ самомъ безопасномъ го-
698 родѣ. Если хочешь такимъ образомъ доставить намъ еще новое удовольствіе, то, усердно прошу, удостой насъ своихъ писемъ и увѣдомляй о своемъ здоровьѣ. Хотя это и трудно по дальности разстоянія и по очень значительному отдаленію мѣсточка, въ которомъ мы живемъ, отъ большой дороги, но для любящаго такъ, какъ ты любишь, и неудобное дѣлается удобнымъ. Подумай, сколько одолжишь ты насъ, если будешь часто писать къ намъ, и доставь намъ это счастье. Намъ очень прискорбно, что, пославъ тебѣ теперь уже два письма, мы не получили отъ твоей мѣрности еще ни одного.

---

132. Къ пресвитеру Николаю [1]).

Хотѣлось бы и мнѣ, и очень бы хотѣлось увидѣться и обняться съ твоею мѣрностію. Ты знаешь это и безъ нашего письма; любя, ты по самому себѣ можешь прозрѣвать желанія людей, искренно любящихъ. Но такъ какъ этого нельзя, то я дѣлаю, что можно: пишу пока, посылаю тебѣ свои привѣтствія и настоятельно прошу тебя также чаще писать къ намъ и увѣдомлять о своемъ здоровьѣ. Сдѣлай же намъ это одолженіе. Хотя и не нужно долго просить тебя объ этомъ, однако мы всегда будемъ напоминать тебѣ на счетъ этого. Среди окружающей насъ пустынности и ежедневныхъ ужасовъ, производимыхъ разбойническими нападеніями, при болѣзненномъ состояніи нашего здоровья и другихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ нашего положенія, намъ слишкомъ дорого и утѣшительно знать о васъ — друзьяхъ нашихъ, что вы живы, здоровы и благополучны, хотя бы затѣмъ ты увѣдомлялъ насъ о тысячахъ невзгодъ. Но какъ же и какимъ образомъ? — Такъ, что человѣку мужественному, бодрому и неусыпному можно благополучно плыть и среди бурь житейскаго моря, тогда какъ

[1]) Въ 405-мъ или 406-мъ году.

слабодушный, вялый и сонливый пугается и теряетъ присутствіе духа даже во время тишины.

133. Къ пресвитерамъ и монахамъ Θеодоту, Николаю и Херею [1].

Вы указываете на нашествіе исаврійцевъ, какъ на причину,
по которой не могли къ намъ прибыть. Но я утверждаю, что вы
прибыли къ намъ, что вы съ нами и что нашествіе исаврійцевъ
нисколько не помѣшало вашему прибытію. Таковы крылья любви:
мгновенно и безъ всякаго труда они переносятъ насъ всюду, сколько
бы гдѣ ни существовало препятствій. Если же намъ не пришлось
еще увидѣться другъ съ другомъ тѣлесно, то молитесь неотступно,
и человѣколюбивый Богъ дастъ это. Постоянно нося васъ въ своемъ
сердцѣ, я также горячо желаю личнаго свиданія съ вами и увѣ-
ренъ, что оно сбудется, если вы будете прилежно просить объ этомъ
Того, Кто можетъ прекратить всякую бурю и водворить вездѣ
ясную тишину. Въ удовольствіе ваше увѣдомляемъ васъ о себѣ,
что мы пользуемся теперь совершеннымъ спокойствіемъ и отды-
хомъ. Что касается нашего здоровья, то, не смотря на многія невыгод-
ныя для него обстоятельства, какъ то: рѣдкость врачей, недостатокъ въ
необходимыхъ предметахъ содержанія (здѣсь ничего не продается и
даже лѣкарствъ не добыть), несчастный климатъ (потому что лѣтній 699
жаръ мучитъ насъ здѣсь не менѣе холода, отличаясь въ своемъ
родѣ одинаковою жестокостію), тяжелое и непрерывное осадное
положеніе, постоянное и ежеминутное опасеніе нападенія исавріи-
цевъ, — несмотря такимъ образомъ на всѣ эти и весьма многія
другія вредныя для него обстоятельства, можно сказать, что
опасное положеніе въ состояніи его прошло, и мы имѣемъ право
въ нѣкоторой степени назвать себя здоровыми. Не переставайте
же и вы постоянно писать къ намъ и радовать насъ извѣстіями
о вашемъ здоровьѣ. Мы считаемъ вашу любовь величайшимъ для
себя утѣшеніемъ, подкрѣпленіемъ, сокровищемъ, составляющимъ
наше благополучіе, и когда вспомнимъ объ искренности вашего
расположенія, о неизмѣнности вашего сочувствія, о непреклон-
ности и твердости вашей любви (а мы всегда и постоянно о ней
помнимъ), то какъ будто бы вступаемъ, послѣ многочисленныхъ
бѣдствій, въ гостепріимную и необуреваемую пристань.

---

[1]) Настоящее и два слѣдующихъ письма писаны изъ Кукуза въ 405-мъ году.

134. Къ Аноемію [1]).

Другіе поздравляютъ твою достопочтенность съ консульствомъ и префектствомъ; я же поздравляю самыя эти должности съ назначеніемъ на нихъ твоего великолѣпія. Не онѣ тебя украсили, но ты украсилъ ихъ собою. Таково величіе добродѣтели: не отвнѣ заимствуетъ она славу, но заключаетъ ее въ себѣ самой и — отъ себя сообщаетъ честь всякаго рода гражданскимъ достоинствамъ, а не получаетъ ее отъ нихъ. Поэтому мы совсѣмъ не стали расположеннѣе къ тебѣ теперь, чѣмъ прежде. Твое гражданское возвышеніе, въ существѣ дѣла, ничего тебѣ не прибавило: не префекта и консула мы любимъ, а добродушнѣйшаго Аноемія, господина моего, многоразумнаго мужа, исполненнаго великаго любомудрія. Потому же мы ублажаемъ тебя, не за то, что ты возсѣлъ на это кресло, а за то, что ты получилъ такимъ образомъ обширнѣйшую возможность показать свой умъ и свое человѣколюбіе. Поздравляемъ также всѣхъ неправедно гонимыхъ, видя въ твоей душѣ широкую пристань, которая въ состояніи предотвратить безчисленное множество крушеній и несчастнымъ, стоявшимъ уже на краю погибели, дать силу снова плыть благополучно. Намъ радостно, намъ восхитительно думать, что твое вступленіе во власть есть общій праздникъ всѣхъ обиженныхъ. И мы празднуемъ этотъ праздникъ, видя въ величіи твоихъ подвиговъ свое собственное торжество.

---

135. Къ епископамъ Киріаку, Димитрію, Палладію и Евлизію [2]).

Блаженны, трекратно, многократно блаженны вы за тѣ добрые труды, подвиги, усилія, лишенія и опасности, которые вы подъяли для церквей всей вселенной, — славны вы чрезъ это на землѣ,
700 славны и на небѣ. Если всѣ, не потерявшіе смысла, люди величаютъ и превозносятъ васъ, изумляясь вашей непреклонности, вашему мужеству, терпѣнію, постоянству, то человѣколюбивый Богъ, всегда награждающій труды гораздо выше самой заслуги, безъ сомнѣнія, наградитъ васъ такими благами, какими достойно Бога наградить подвижниковъ, такъ мужественно ратующихъ за

---

[1]) Аноемій былъ консуломъ вмѣстѣ съ Стилихономъ въ 405-мъ году. Изъ Θеодосіева кодекса (Jmperator. Honorii et Theodos. lex 14, lib. 12, titul. 12) видно, что онъ былъ префектомъ преторія, ἔπαρχος τῶν πραιτωρίων.

[2]) Всѣ они жили вмѣстѣ въ Римѣ. См. Церк. Ист. Созомена кн. 8, гл. 26.

миръ всей вселенной. Поэтому мы непрестанно ублажаемъ васъ, съ услажденіемъ всегда вспоминая и лелѣя васъ въ своемъ сердцѣ, не смотря на великое разстояніе, насъ раздѣляющее. Честнѣйшій діаконъ Киріакъ [1]) не могъ теперь отплыть къ вамъ, потому что удрученъ большимъ горемъ. Въ замѣнъ того, господа мои, благоговѣйнѣйшій пресвитеръ Іоаннъ и честнѣйшій діаконъ Павелъ, гонимые здѣсь повсюду и не имѣющіе мѣста ни стать, ни укрыться, по необходимости рѣшились отправиться къ вашей любви и быть тамъ съ вами. Примите ихъ съ любовію и окажите имъ подобающее вамъ благоволеніе.

136. Къ Аврелію, епископу кареагенскому [2]).

Ахъ, и какую безграничную силу имѣетъ благородная душа, изобилующая великими плодами любви и благоговѣнія! Не смотря на огромное разстояніе, раздѣляющее насъ съ тобою, ты такъ плѣнилъ и привязалъ насъ къ себѣ, какъ будто бы всегда былъ и жилъ вмѣстѣ съ нами. Молва о горячности твоей любви, о твоей откровенной прямотѣ и прозорливости, какъ сладкое благоуханіе, достигла и до нашихъ предѣловъ, лежащихъ на самомъ краю вселенной. Глубоко благодаримъ твое благоговѣніе и ублажаемъ тебя за тѣ великіе труды и усилія, которые ты подъялъ для блага вселенской церкви и которыми предуготовилъ себѣ величайшіе вѣнцы у человѣколюбиваго Бога. Вмѣстѣ съ тѣмъ усердно просимъ тебя продолжать свои подвиги на этомъ добромъ поприщѣ. Ты знаешь воздаянія за нихъ: если вообще поддерживающій кого бы ни было одного, неправедно обижаемаго и гонимаго, заслуживаетъ неизреченную награду у Бога, то подумай, какое возмездіе получишь ты за свое доброе стараніе избавить отъ смятеній и отъ волненія такое множество взволнованныхъ церквей и привесть ихъ въ тихую пристань мира.

137. Къ епископу Максиму.

Когда я подумаю о вашихъ трудахъ и усиліяхъ, продолжающихся долгое время, то чувствую необыкновенное и величайшее

[1]) О діаконѣ Киріакѣ см. также у Созомена въ указанномъ мѣстѣ.

[2]) Слѣдующія двадцать два письма, начиная съ письма къ Аврелію и оканчивая письмомъ къ Италикѣ, съ большею или меньшею вѣроятностію относятся всѣ къ 406-му году.

утѣшеніе въ своихъ незаслуженныхъ страданіяхъ, почерпая величайшее подкрѣпленіе себѣ въ вашей любви, такой горячей и искренней, въ вашей сердечной заботливости, въ вашемъ напря-
701 женномъ и неусыпномъ стараніи исправить совершившееся. Необыкновенно воодушевляетъ меня мысль, что живя отъ насъ такъ далеко, никогда не видавши насъ, никогда не бывъ видѣны нами и не обмѣнявшись съ нами ни однимъ словомъ, — вдругъ, единственно по чувству противозаконности происшедшихъ событій, вы показали къ намъ такую любовь, какую только отцы показываютъ къ дѣтямъ, или даже превзошли отцовъ своею о насъ попечительностію. Благодаримъ, превозносимъ, ублажаемъ за это ваше благоговѣніе и усердно просимъ васъ продолжать по прежнему, и то усердіе, какое показали сначала, довесть до конца. Хотя бы положеніе дѣла отъ этого и не поправилось, — во всякомъ случаѣ, какъ я выше сказалъ, намъ весьма утѣшительно будетъ знать, что мы пользовались и пользуемся такою любовью вашей честности.

138. Къ епископу Аселлу.

Знаю, что нѣтъ надобности писать къ вамъ, чтобы васъ побуждать и склонять къ принятію мѣръ для устраненія обнявшихъ восточныя церкви бѣдствій. Послѣ того, что вы уже сдѣлали, по собственному побужденію показавъ столько усердія, это очевидно. Но такъ какъ наши бѣдствія еще не прекратились по безчувственности виновниковъ ихъ, то мы сочли необходимымъ обратиться къ вашему благоговѣнію съ усердною просьбою не ослабѣвать и не отчаиваться, но дѣйствовать съ прежнимъ усердіемъ и снова употребить всѣ зависящія отъ васъ средства. Чѣмъ неизлѣчимѣе въ своемъ упорствѣ люди, возстающіе на благосостояніе церкви, тѣмъ большему они подвергнутъ себя осужденію и тѣмъ блистательнѣе будетъ награда, тѣмъ выше будетъ слава вамъ за вашу неослабную борьбу съ ними.

139. Къ епископамъ [1].

И каждому отдѣльно, и всѣмъ вмѣстѣ, мы обязаны вамъ благодарностію, — не мы только лично, но всѣ разнообразно гонимые на востокѣ епископы, клирики разныхъ городовъ и міряне, — за

[1]) Вѣроятно, къ епископамъ западныхъ церквей.

то, что вы съ отеческою любовію обнаружили къ намъ сострадание, благородно возстали за насъ и употребили всѣ зависѣвшія отъ васъ средства. Всѣ поэтому величаютъ и превозносятъ васъ, непрестанно прославляя ваши подвиги. Но если у людей такая слава, то подумайте, какое воздаяніе уготовано вамъ у человѣколюбиваго Бога! Не переставайте же, честнѣйшіе и благоговѣйнѣйшіе владыки мои, зная это, прилагать съ своей стороны попеченіе, хотя бы возмутители церквей неизлѣчимо страдали въ своемъ упорномъ ослѣпленіи. Чѣмъ многочисленнѣе будутъ препятствія и чѣмъ болѣе трудности, тѣмъ выше будетъ вамъ и награда. Если подавшій чашу холодной воды не останется безъ воздаянія за свое скромное благорасположеніе (Матѳ. x, 42), то подумайте, какія награды получите вы, рѣшившись такъ много сдѣлать и претерпѣть для умиренія церквей, и какое воздаяніе ожидаетъ васъ за этотъ добрый подвигъ!

---

140. Къ нимъ же.

Не перестаемъ постоянно свидѣтельствовать вамъ свою бла- 702
годарность. Хотя много неправдъ потерпѣли мы отъ враговъ, за то съ вашей стороны пользовались въ то же время усердною помощію, обильною любовію, искреннимъ благорасположеніемъ, живѣйшимъ сочувствіемъ, — и это составляетъ намъ не малое утѣшеніе среди жестокихъ лишеній ссылки, въ которой насъ держатъ, равно какъ разныхъ другихъ, постигающихъ насъ, бѣдствій. Усердно просимъ поэтому ваше благоговѣніе и на будущее время оказывать къ намъ прежнее расположеніе и сочувствіе. Ваше участіе въ настоящихъ дѣлахъ имѣетъ важность не для насъ только лично; его значеніе распространяется на всю совокупность церквей. Не городъ, не два, не три города, но цѣлые народы во всѣхъ странахъ земли объяты смятеніемъ. Вамъ слѣдуетъ поэтому показать усердіе, соотвѣтственное тому, какого естественно ожидать отъ людей, заботящихся и трудящихся для блага такого множества душъ. Правда, вы уже много потрудились и сдѣлали съ своей стороны, — мы это знаемъ и постоянно благодаримъ васъ за это; тѣмъ не менѣе просимъ васъ и впередъ дѣлать тоже. Ваше постоянство, ваше терпѣніе, ваша настойчивость могутъ и горячихъ противниковъ, неизлѣчимо страдающихъ въ своемъ упорствѣ, избавить отъ властвующаго теперь надъ ними помѣшательства. А хотя бы, не смотря на всѣ ваши усилія, они такъ

и остались неизлѣчимыми, во всякомъ случаѣ вамъ за это доброе дѣло послѣдуетъ высшая награда, совершеннѣйшее воздаяніе и блистательнѣйшій вѣнецъ.

---

141. Къ нимъ же.

Хотѣлось бы намъ видѣть васъ и тѣлесными очами, но такъ какъ это невозможно при удерживающихъ насъ узахъ изгнанія, то мы ежедневно созерцаемъ васъ очами любви, обнимаемъ своею душею и непрестанно прославляемъ и превозносимъ за то усердіе и ту ревность, которыя съ самаго начала досёлѣ вы постоянно оказывали къ благосостоянію восточныхъ церквей. Усердно просимъ васъ при этомъ завершить свои подвиги достойнымъ начала концомъ. Если возмутившіе всѣхъ и все наполнившіе смятеніями отличаются такимъ рвеніемъ, то вамъ, старающимся исправить ихъ злыя дѣла, тѣмъ болѣе слѣдуетъ показать особенное терпѣніе и постоянство въ своемъ добромъ усердіи. Тогда награда ваша будетъ болѣе и воздаяніе вамъ выше, если, не смотря на многочисленность препятствій, вы не отступите, но будете и твердо и неослабно отражать затрудненія своею неусыпностію и ревностію.

---

142. Къ Хроматію, епископу аквилейскому [1].

703 Дошла и до насъ многозвучная труба, — громкая молва о твоей горячей и искренней любви къ намъ, пронесшаяся чрезъ столь великое разстояніе до самыхъ концовъ земли. И мы, отдаленные отъ тебя на такое разстояніе, не менѣе присутствующихъ вмѣстѣ съ тобою, знаемъ, до какой степени любовь твоя сильна и пламенна, рѣчи — открыты, свободны и прямодушны, заступничество — непоколебимо. Намъ весьма хотѣлось бы поэтому сподобиться лично увидѣть тебя. Но такъ какъ пустыня, къ которой мы теперь прикованы, лишила насъ и этого счастія, то, встрѣтивъ случай писать къ вамъ съ господиномъ моимъ, честнѣйшимъ и благоговѣйнѣйшимъ пресвитеромъ, мы

---

[1]) Объ этомъ епископѣ упоминается у Палладія въ жизнеописаніи св. Іоанна Златоуста, гл. 4, — и съ большою честію говорится у блаж. Іеронима въ предисловіи къ книгамъ Паралипоменонъ и въ одномъ изъ писемъ.

пользуемся имъ, чтобы исполнить свое желаніе въ предѣлахъ возможности, принесть вамъ свои привѣтствія и засвидѣтельствовать великую благодарность за то усердіе, которое въ теченіе всего этого долгаго времени вы оказывали съ неутомимымъ постоянствомъ. При этомъ усердно просимъ васъ, при возвращеніи его въ обратный путь, написать намъ о своемъ здоровьѣ и вообще увѣдомлять насъ о себѣ всякій разъ при появленіи возможности переслать съ кѣмъ-нибудь письмо, если только найдутся люди, которые рѣшатся отправиться въ эту пустыню. Ты понимаешь, сколько мы почерпнули бы удовольствія, если бы чаще получали радостныя извѣстія о здоровьѣ людей, такъ горячо къ намъ расположенныхъ.

143. Къ епископамъ.

Самое положеніе дѣлъ звучнѣе всякой трубы гласитъ повсюду о вашей достохвальной ревности и томъ живѣйшемъ усердіи защитить истину, котораго ни дальность разстоянія, ни давность времени, ни безпримѣрное упорство одержимыхъ неизлѣчимымъ ослѣпленіемъ и ничто другое не могло въ васъ ни уничтожить, ни ослабить. Съ своей стороны мы также при всякомъ случаѣ свидѣтельствуемъ вамъ великую благодарность и постоянно ублажаемъ васъ за тѣ вѣнцы, которые этимъ добрымъ подвигомъ вы заслужили себѣ у человѣколюбиваго Бога. Намъ хотѣлось бы лично увидѣть васъ. Но какъ это невозможно при удерживающихъ насъ узахъ изгнанія, то, пользуясь услугами господина моего, честнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго пресвитера, мы пишемъ вамъ съ нимъ и, посылая должное привѣтствіе, извѣщаемъ васъ, что вы воспламенили горячую любовь къ себѣ во всемъ востокѣ и пріобрѣли такъ много преданныхъ почитателей, что нѣтъ числа людямъ, которые раздѣляютъ съ вами ваше справедливое негодованіе по поводу совершившихся беззаконій. Просимъ васъ до конца сохранить прежнее свое усердіе. Вы сами знаете, сколько пріобрѣтете такимъ образомъ вѣнцовъ, этими временными и скоропреходящими трудами предуготовляя себѣ многообильныя и безсмертныя награды у человѣколюбиваго Бога.

144. Къ епископамъ, прибывшимъ съ запада [1]).

И прежде удивлялись мы вашему усердію, вашей заботливости о возстановленіи церковнаго благосостоянія, вашей крѣпкой и искренней любви, вашему мужеству, непоколебимому терпѣнію и тому постоянству, которое выдержали вы въ теченіе столь
704 долгаго времени. Теперь же, послѣ того, какъ для блага церкви вы рѣшились предпринять такое дальнее морское путешествіе, сопряженное съ неимовѣрными трудностями и лишеніями, мы совершенно изумляемся величію вашей непреклонной настойчивости. Намъ желательно бы было постоянно писать къ вамъ и приносить должгое привѣтствіе вашему благоговѣнію. Но это невозможно (по жительству нашему въ такомъ мѣстѣ, которое со всѣхъ сторонъ заграждено пустынею и вслѣдствіе того почти совершенно недоступно). Пользуясь въ настоящій разъ услугами господина моего, честнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго пресвитера, мы обращаемся къ вашей любви и усердно просимъ васъ увѣнчать ваше дѣло соотвѣтствующимъ началу концомъ. Вы знаете, какая награда ожидаетъ васъ за терпѣніе и какія великія воздаянія уготованы у человѣколюбиваго Бога людямъ, трудящимся и воспринимающимъ на себя такіе подвиги для общаго умиротворенія.

---

145. Къ нимъ же.

Своимъ отличнымъ усердіемъ, своими трудами и усиліями вы доставляете и себѣ самимъ не малую славу и намъ утѣшеніе. Поэтому, не смотря на свое заточеніе въ такой дали, мы превозносимъ, благодаримъ, прославляемъ и ублажаемъ васъ. Намъ хотѣлось бы также чаще писать къ вамъ, и мы извлекли бы изъ того величайшее для себя подкрѣпленіе, если бы имѣли возможность пересылать къ вамъ свои письма. Къ сожалѣнію, это

[1]) Настоящее и три слѣдующихъ письма къ епископамъ, прибывшимъ съ запада, при нѣкоторой разности въ выраженіяхъ, въ сущности всѣ одного содержанія, и написаны по одному и тому же случаю. Можно думать, что св. Іоаннъ Златоустъ, обращаясь въ каждомъ изъ нихъ ко всѣмъ епископамъ, прибывшимъ съ запада, въ то же время желалъ, чтобы каждому изъ прибывшихъ, или по крайней мѣрѣ каждому изъ болѣе вліятельныхъ между ними, былъ врученъ особый экземпляръ его письма. Тоже самое должно замѣтить касательно писемъ: 152-го. 153-го и 154-го.

не легко при нашемъ жительствѣ на самыхъ окраинахъ вселенной, куда никто не въ состояніи безъ особеннаго труда къ намъ проникнуть. Встрѣтивъ въ настоящее время случай писать съ господиномъ моимъ, честнѣйшимъ и благоговѣйнѣйшимъ пресвитеромъ, мы приносимъ вамъ должное привѣтствіе и усердно просимъ ваше благоговѣніе не упускать изъ вниманія высокой важности настоящаго дѣла и, хотя много уже потрачено на него времени, хотя болѣзненное упорство противниковъ между тѣмъ постоянно возрастаетъ и не поддается излѣченію, при всемъ томъ по прежнему содѣйствовать съ своей стороны исправленію совершившагося. Чѣмъ болѣе трудности, тѣмъ выше и обильнѣе будетъ вамъ у человѣколюбиваго Бога награда за этотъ добрый подвигъ.

---

146. Къ нимъ же.

Среди бѣдствій, объявшихъ здѣшнюю страну, величіе вашего усердія служитъ намъ не малымъ утѣшеніемъ. Уже и прежнія ваши дѣйствія, ваша неусыпная внимательность, попечительность и заботливость подавали намъ большое ободреніе, но то, что вы теперь сдѣлали еще, для блага церкви предпринявъ такое далекое путешествіе, рѣшительно оживило всѣхъ насъ. Всѣ мы сообща свидѣтельствуемъ вамъ поэтому великую благодарность за ваши непомѣрные труды и усилія, за ваши добрые по- 705
двиги, и непрестанно ублажаемъ васъ за добрую вашу ревность и тщаніе. По этому случаю мы упросили отправиться къ вамъ и господина моего, честнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго пресвитера. Примите же его съ подобающею вамъ благосклонностію и, пожалуйста, увѣнчайте свое дѣло концомъ достойнымъ начала. Пусть виновники такого бурнаго смятенія и такой жестокой войны, охватившей церкви, неизлѣчимо упорствуютъ доселѣ въ своемъ ослѣпленіи; тѣмъ болѣе должно о нихъ скорбѣть и плакать, и тѣмъ болѣе должно изумляться и отдавать честь вамъ за то, что, не смотря на увеличеніе бѣдствій, вы съ неизмѣннымъ постоянствомъ болѣе и болѣе увеличиваете и свое усердіе къ исправленію ихъ.

---

147. Къ епископу, прибывшему съ запада.

Когда подумаю, сколько тяжелыхъ трудовъ перенесъ ты и у себя дома, и въ продолженіе такого дальняго морского путешествія, для блага церкви, то, не дожидаясь окончанія дѣла, невольно славлю, превозношу и ублажаю тебя. Выйдеть ли что-нибудь изъ вашего усердія, честнѣйшій мой владыко, или первоначальные виновники смятеній останутся непреклонны въ своемъ упорномъ ослѣпленіи, не поддаваясь излѣченію, — во всякомъ случаѣ вамъ принадлежитъ полнѣйшая награда за ваше намѣреніе и за выполненіе всѣхъ средствъ съ своей стороны. Ублажаемъ и прославляемъ васъ поэтому, непрестанно свидѣтельствуя вамъ свою благодарность. Намъ хотѣлось бы также чаще писать къ вамъ, но пустынность мѣста, въ которомъ мы заключены, не дозволяетъ намъ этого. Къ счастію, въ настоящее время встрѣтился удобный случай писать къ вамъ съ господиномъ моимъ, честнѣйшимъ и благоговѣйнѣйшимъ пресвитеромъ. Пользуясь имъ, приносимъ вамъ должное привѣтствіе. И прежде многократно обращали мы къ вамъ свои рѣчи — въ душѣ и въ сердцѣ; но чернилами и на бумагѣ передаемъ ихъ вамъ теперь въ первый разъ, потому что въ первый разъ нашли теперь человѣка, который къ вамъ ѣдетъ. Примите же его достойно себя, окажите ему свойственную вамъ любовь и осчастливьте его вашимъ расположеніемъ. Ваша благосклонность будетъ ему отраднымъ утѣшеніемъ и сладкою наградою за тѣ лишенія, которыя придется ему испытать въ дорогѣ. А о томъ, что теперь надобно всѣмъ особенно усилить свои старанія о благосостояніи церквей, не нахожу ни малѣйшей надобности и напоминать вамъ, — вы это показали самыми дѣлами.

---

148. Къ римскимъ пресвитерамъ, прибывшимъ съ епископами.

Много трудовъ перенесли вы, предпринявъ такое дальнее морское путешествіе, много лишеній—не ради тлѣнныхъ житейскихъ дѣлъ, а ради блага церкви. Еще гораздо болѣе поэтому самыхъ трудовъ вашихъ будутъ тѣ награды, которыя вы получите за нихъ отъ человѣколюбиваго Бога. Въ вашихъ трудахъ и лишеніяхъ есть такимъ образомъ своя утѣшительная сторона, какъ для васъ, такъ и для насъ: для васъ въ томъ, что доблестный вашъ подвигъ направленъ къ умиротворенію такого множества

церквей и потому послужитъ къ большему увеличенію вашихъ 706
вѣнцовъ въ день воздаянія; для насъ же въ томъ, что они показываютъ намъ, какою любовью мы имѣемъ счастіе пользоваться у васъ, какой великой заботливости о себѣ удостоились со стороны такого множества такихъ достойныхъ мужей и какъ крѣпко, не смотря на такое далекое разстояніе, отдѣляющее насъ тѣлесно, вы привязали насъ къ себѣ узами любви. Глубоко благодаримъ васъ за это и непрестанно прославляемъ ваше великое къ намъ благоволеніе. Правда, уже самый ходъ дѣлъ громко говоритъ о немъ, но и мы своими устами постоянно провозглашаемъ его. Если же теперь въ первый разъ къ вамъ пишемъ, то это произошло не вслѣдствіе нашей небрежности, а по прискорбной пустынности мѣста, гдѣ мы живемъ. Встрѣтивъ теперь возможность писать къ вамъ съ господиномъ честнѣйшимъ и благоговѣйнѣйшимъ пресвитеромъ, отправляющимся въ мѣсто вашего пребыванія, приносимъ вамъ должное привѣтствіе и усердно просимъ васъ, принявъ нашего посланника съ свойственною вамъ любовью, при возвращеніи его въ обратный путь увѣдомить насъ о своемъ здоровьѣ, составляющемъ предметъ нашихъ горячихъ благожеланій. Касательно же той мѣры усердія, которую должно показать теперь къ самому существу дѣла, для котораго вы прибыли, по моему убѣжденію нѣтъ ни малѣйшей надобности напоминать вашему благоговѣнію, такъ какъ это вы ясно доказали вашею живѣйшею заботливостью о немъ во все предшествующее время.

---

149. Къ Анисію, епископу ѳессалоникскому.

Мало и рѣдко мы пишемъ къ любви твоей; но это долгое молчаніе произошло не по доброй нашей волѣ и не по пренебреженію къ любви вашей, а вслѣдствіе пустынности мѣста, въ которомъ мы заключены. Нашедши теперь возможность писать съ господиномъ моимъ, честнѣйшимъ и благоговѣйнѣйшимъ пресвитеромъ, посылаемъ твоей честности давно должное привѣтствіе и свидѣтельствуемъ великую благодарность твоему благоговѣнію за непреклонную настойчивость и мужество, показываемыя тобою въ дѣлахъ церковныхъ. Прими же нашего посланника, честнѣйшій мой владыко, достойно себя, окажи ему подобающую тебѣ благосклонность и не переставай употреблять всѣ мѣры и средства, способствующія востановленію общаго благосостоянія церквей. Ты знаешь, какъ высоко значеніе этого великаго дѣла, какъ велико

количество церквей, для которыхъ вы взяли на себя этотъ добрый подвигъ, и какіе вѣнцы уготованы вамъ у человѣколюбиваго Бога за ваши труды для общаго умиротворенія.

150. Къ Анисію, Нумерію, Өеодосію, Евтропію, Евстаөію, Маркеллу, Евсевію, Максиміану, Евгенію, Геронтію и Өирсу и всѣмъ православнымъ епископамъ Македоніи.

Велико было доселѣ усердіе вашей любви, и мы свидѣтельствуемъ вамъ благодарность за то, что въ теченіе такого долгаго времени вы стояли непреклонно съ подобающимъ вамъ мужествомъ, не поддаваясь никому изъ желающихъ увлечь васъ на свою сторону; но вмѣстѣ съ этимъ просимъ васъ и завершить вашъ подвигъ надлежащимъ концомъ. Чѣмъ болѣе вамъ трудовъ,
707 тѣмъ выше будутъ и воздаянія и награды за нихъ у человѣколюбиваго Бога. Намъ хотѣлось бы лично видѣть вашу честность, но такъ какъ узы изгнанія не дозволяютъ намъ этого и привязываютъ насъ къ одному мѣсту, то мы посылаемъ къ вамъ господина моего, честнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго пресвитера, и, принося чрезъ него должное привѣтствіе, просимъ васъ принять увѣреніе въ чувствахъ нашей постоянной, великой и глубокой благодарности къ вашему богочестію и снисходительно извинить насъ за наше предшествующее долгое молчаніе, тѣмъ болѣе, что отнюдь не по невниманію и не по пренебреженію къ вамъ мы такъ долго ничего не писали. Въ первый только разъ нашли мы теперь человѣка, который можетъ отправиться туда, гдѣ вы теперь находитесь, и доставить вамъ наше письмо; а потому теперь только и пишемъ вамъ, увѣдомляя о своемъ положеніи. Примите же его благосклонно, съ искреннимъ расположеніемъ, и, пожалуйста, увѣдомьте насъ о вашемъ здоровьѣ. И пребывая въ пустынѣ, мы найдемъ въ этихъ извѣстіяхъ величайшее для себя утѣшеніе.

151. Къ Александру, епископу кориөскому.

Ты знаешь, какую любовь мы оказывали твоей честности и какую привязанность получили къ тебѣ послѣ непродолжительнаго съ тобою сопребыванія. Поэтому намъ очень удивительно,

что въ теченіе такого долгаго времени ты ни разу не рѣшился написать къ намъ. Знаю, что ты укажешь на затруднительность доставки писемъ. Это правда. Хотя и много ѣздятъ отъ васъ, но едва ли кто изъ ѣдущихъ съ вашей стороны скоро проберется туда, гдѣ мы теперь находимся. При всемъ томъ, этого не достаточно намъ для объясненія, почему ни одного разу не получили мы отъ тебя письма. На этотъ предлогъ могли бы сослаться и мы: однако мы не молчимъ подобно тебѣ, но, собравъ въ путь господина моего, честнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго пресвитера, посылаемъ его отсюда между прочимъ навѣстить твою честность, принесть тебѣ настоящее наше привѣтствіе и узнать о твоемъ здоровьѣ, составляющемъ предметъ нашихъ горячихъ благожеланій. Встрѣть же его благосклонно, съ любовью и лаской, какъ бы отчасти насъ самихъ, и, когда онъ соберется въ обратный путь, не поставь за трудъ увѣдомить насъ о своемъ благоденствіи. Намъ, пребывающимъ въ пустынѣ, ты доставишь этимъ извѣстіемъ величайшее утѣшеніе.

---

152. Къ епископамъ, прибывшимъ вмѣстѣ съ прибывшими съ запада епископами.

И прежде удивлялись мы вашему усердію и неусыпной попечительности о пользахъ церковныхъ, оказываемой вами, но теперь, когда въ довершеніе всего вы рѣшились предпринять съ тою же цѣлію такое дальнее путешествіе и, не долго раздумывая, съ свойственнымъ вамъ мужествомъ совершили такой трудный путь, вы совершенно изумили насъ и переполнили чувствомъ живѣйшей благодарности, которое поэтому мы постоянно выражаемъ къ вамъ, какъ письменно — въ настоящее время, такъ и помимо писемъ. Не только насъ, но и всѣхъ на востокѣ вы изу- 708
мили и сдѣлали проповѣдниками своей непреклонной твердости, своей горячей любви и неизмѣнности въ своихъ расположеніяхъ. Ни дальности пути, ни трудностей путешествія никто не считаетъ теперь чѣмъ-нибудь тяжелымъ и обременительнымъ, какъ скоро идетъ дѣло о томъ, чтобы поспѣшить къ вамъ и видѣть ваши великіе подвиги. Такъ господинъ мой, честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій пресвитеръ, при всей слабости своего здоровья, рѣшился все перенесть, чтобы только прибыть съ этою цѣлію къ вамъ и имѣть счастіе воспользоваться личнымъ съ вами сопребываніемъ. Примите его съ свойственною вамъ любовью и, хотя

бы бѣдствія наши еще болѣе возростали,—усердно просимъ васъ—не откажитесь содѣйствовать ихъ устраненію и положите своему подвигу конецъ достойный начала. Вы знаете, какъ велика будетъ вамъ награда у человѣколюбиваго Бога за ваши труды, предпринимаемые для блага такого множества церквей, приведенныхъ въ смятеніе, и за всемѣрныя ваши старанія ввесть ихъ въ тихую пристань.

---

153. Къ епископамъ, прибывшимъ вмѣстѣ съ западными епископами.

Велики были и прежніе подвиги вашей честности: праведное и должное негодованіе, изъявленное вами по поводу бѣдствій, охватившихъ такое множество церквей, соболѣзнованіе объ ихъ положеніи, переходъ отъ чувства къ дѣлу и принятіе всѣхъ мѣръ въ ихъ пользу съ своей стороны. Но еще выше настоящій подвигъ вашей любви, такъ какъ каждый изъ васъ оставилъ теперь домъ, рѣшился предпринять такое дальнее путешествіе, жить на чужбинѣ и переносить всѣ трудности, сопряженныя съ продолжительнымъ странствованіемъ, единственно для блага церкви. Безпредѣльно благодаримъ васъ за это и превозносимъ, ублажая за тѣ неизчислимыя награды, которыя вы предуготовляете себѣ такимъ образомъ у человѣколюбивиго Бога. Такъ какъ между тѣмъ намъ нельзя ни прибыть къ вамъ, какъ изгнаннику, ни даже часто къ вамъ писать по затруднительности найти людей для отправки писемъ (въ противномъ случаѣ мы писали бы къ вамъ безсчетно),—то мы упросили теперь господина моего, честнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго пресвитера, который впрочемъ и самъ имѣлъ сильнѣйшее желаніе отправиться къ вамъ и увидать ваше благоговѣніе, такъ чтобы онъ и намъ доставилъ ваши письма, и самъ воспользовался счастіемъ лично насладиться вашею любовію. Примите же его достойнымъ васъ образомъ и, если будетъ можно, не сочтите за трудъ увѣдомить насъ о своемъ здоровьѣ. Намъ весьма желательно знать, что вы благоденствуете, и это доставитъ намъ большое утѣшеніе въ прискорбной жизни нашей среди пустыни.

---

154. Къ нимъ же.

Приносимъ вамъ великую благодарность за вашу непреклонную настойчивость, старательность и попечительность, за всѣ ваши труды и усилія и за настоящее далекое путешествіе, которое совершили вы для блага церкви. Чѣмъ большему подвергнуть себя 709
осужденію приводящіе все въ смятеніе, тѣмъ выше будетъ награда вамъ за ваше терпѣливое усердіе исправить то, что худо сдѣлано другими. Намъ хотѣлось бы прибыть къ вамъ и имѣть счастіе лично видѣть ваше благоговѣніе, но такъ какъ неизбѣжныя условія ссылочной жизни не дозволяютъ намъ этого, то, съ трудомъ нашедши наконецъ человѣка, отправляющагося къ вамъ,— господина моего, честнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго пресвитера,— мы посылаемъ съ нимъ настоящее письмо, чтобы принесть вамъ должное привѣтствіе и поблагодарить васъ и за все прежнее, и за все настоящее, и за все вообще, сдѣланное вами для устраненія зла. Хотя бы въ концѣ всего не было достигнуто ни малѣйшаго успѣха, вы свое дѣло сдѣлали, и потому имѣете полнѣйшую награду у человѣколюбиваго Бога за то неутомимое усердіе и самопожертвованіе, съ какимъ въ продолженіе всего времени вы старались уврачевать происшедшее зло.

---

155. Къ матронѣ Пробѣ, въ Римѣ.

Какъ ни велико разстояніе, раздѣляющее насъ, тѣмъ не менѣе мы знаемъ о горячности и искренности твоей любви къ намъ съ такою же достовѣрностію, какъ будто бы сами были у тебя и видѣли все, получая эти пріятныя намъ извѣстія о твоей мѣрности отъ людей, пріѣзжающихъ оттуда къ намъ. Приносимъ тебѣ за это нашу великую и глубокую благодарность; гордимся и хвалимся расположеніемъ къ намъ твоего благородства и, поручая твоей скромности возлюбленныхъ нашихъ, благоговѣйнѣйшаго пресвитера Іоанна и честнѣйшаго діакона Павла, препровождаемъ ихъ въ твои руки, какъ въ мирную пристань. Встрѣть ихъ, честнѣйшая и благороднѣйшая моя госпожа, пожалуйста, достойнымъ себя образомъ. Ты знаешь, какъ велика будетъ тебѣ награда за это гостепріимство. И, если будетъ можно, почаще увѣдомляй насъ о своемъ здоровьѣ, такъ какъ, чрезвычайно дорожа имъ, мы горячо желаемъ постоянно имѣть о немъ свѣдѣніе.

---

156 Къ Юліанѣ и находящимся съ нею.

Чѣмъ тяжелѣе вина людей, до такой степени простершихъ беззаконіе, тѣмъ болѣе будетъ награда вамъ за ваше усердіе устранить это беззаконіе и за показанные вами при этомъ старанія и труды. Намъ не безъизвѣстны ни добрыя дѣла ваши, внушенныя вамъ вашимъ къ намъ расположеніемъ, ни усердіе, какое вы оказываете какъ къ занимающему насъ дѣлу, такъ и къ гостепріимству, которымъ пользуются у васъ лица, посланныя нами въ мѣсто вашего жительства. Благодаря васъ за это, просимъ васъ съ тою же къ намъ благосклонностію дѣйствовать еще болѣе твердо и рѣшительно. Вы знаете, какъ высоко значеніе этого важнаго дѣла и какую награду получите вы за свои посильныя старанія утишить такое страшное смятеніе и такія свирѣпыя волны, надлежащимъ образомъ содѣйствуя исправленію возникшаго зла.

---

157. Къ Италикѣ.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, какъ по природѣ, такъ и по дѣятельности и по занятіямъ, есть различіе между полами, — различается, говорю, мужескій полъ отъ женскаго. Женщинѣ назна-
710 чено домашнее хозяйство; мужчинѣ — занятія и общественными и политическими дѣлами. Но въ подвигахъ ради Бога и въ трудахъ на пользу церкви подобнаго различія нѣтъ, и случается наоборотъ, что въ трудахъ и добрыхъ подвигахъ этого рода женщина беретъ на себя даже долю болѣе значительную, чѣмъ мужчина. Желая показать между прочимъ это, въ посланіи къ отечественному вашему городу Павелъ съ похвалою упоминаетъ имена многихъ женщинъ, которыя, по его словамъ, не мало потрудились въ дѣлѣ исправленія мужчинъ и наведенія ихъ на истинный путь (Рим. гл. XVI). Съ какою цѣлію говорю я все это? Для того, чтобы вы не считали чужимъ для себя дѣломъ принимать участіе въ заботливости и трудахъ, клонящихся къ исправленію церковнаго состоянія, но сознавали своимъ долгомъ, и сами непосредственно, и черезъ другихъ, чрезъ кого только можете, привносить съ своей стороны надлежащее усердіе къ укрощенію общаго волненія и смятенія, обнявшаго восточныя церкви. Чѣмъ жесточе это волненіе и чѣмъ свирѣпѣе эта буря,

тѣмъ болѣе будетъ вамъ и награда за вашу рѣшимость все сдѣлать и все перенесть для возстановленія нарушеннаго мира и за ваше усердіе возвратить къ должному порядку все пришедшее въ безпорядокъ.

---

158. Къ Монцію [1]).

Далеко мы живемъ отъ тебя по тѣлесному пребыванію, но по душевнымъ расположеніямъ — не только близко, а совершенно вмѣстѣ и неразрывно, такъ что каждый день вспоминаемъ о твоей горячей привязанности къ намъ, о твоемъ гостепріимствѣ, дружелюбіи, усердіи, безпримѣрной внимательности, которую ты всегда оказывалъ, и, услаждая себя воспоминаніемъ о твоемъ благородствѣ, говоримъ со всѣми о неподдѣльномъ твоемъ расположеніи, чуждомъ всякаго коварства. Поэтому намъ хотѣлось бы имѣть переписку съ твоимъ благородствомъ, и мы просимъ тебя писать къ намъ постоянно и радовать насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ, такъ какъ увѣренность въ твоемъ благоденствіи принесетъ намъ большое утѣшеніе. Намъ очень пріятно всегда знать о немъ. Не лишай же насъ этого удовольствія и пиши всякій разъ, какъ представится возможность, радуя насъ своими извѣстіями.

---

159. Къ Елладію [2]).

Не долго мы были съ тобою, между тѣмъ получили полную увѣренность въ горячности и искренности твоей любви. Благородныя души привязываютъ къ себѣ скоро. Такъ и ты въ короткое время внушилъ намъ живѣйшую преданность къ твоему благородству. Посылая тебѣ поэтому свое письмо, увѣдомляемъ о себѣ, что мы живемъ здѣсь тихо и совершенно спокойно, пользуясь со стороны всѣхъ большимъ благорасположеніемъ и услужливою внимательностію. Чтобы и намъ наслаждаться знаніемъ о вашемъ положеніи, не поставь за трудъ постоянно писать къ намъ и радовать насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ, такъ какъ, получая отъ твоего благородства подобныя извѣстія, мы извлечемъ изъ нихъ большое для себя утѣшеніе.

---

[1]) Между 404-мъ и 407-мъ годами.

[2]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и слѣдующее письмо къ Евпрію

160. Къ Евиѳію.

711 Хотя разстались мы съ твоимъ благородствомъ тѣлесно, но
по чувству любви остались неразлучны съ твоею душею. Такъ
прочны задатки дружбы, которые ты положилъ въ насъ, оказавъ
тамъ полную внимательность къ намъ и расположеніе. Гдѣ бы
мы ни были поэтому, мы всегда будемъ свидѣтельствовать благо-
дарность твоему благородству. Въ свою очередь усердно просимъ
тебя также постоянно писать къ намъ и радовать насъ извѣстіями
о своемъ здоровьѣ. Что касается насъ, то, совершивъ всю дорогу
безъ приключеній и благополучно, мы живемъ теперь въ Кукузѣ,
712 наслаждаясь тишиною этого мѣстечка, спокойствіемъ въ немъ, и
пользуясь большою внимательностію и благорасположеніемъ. Из-
вѣстія о вашемъ благоденствіи доставили бы намъ большую ра-
дость. Постарайся же писать къ намъ чаще и безъ перерывовъ,
увѣдомляя о здоровьѣ — своемъ и всего своего дома. Такимъ об-
разомъ мы извлечемъ изъ этого величайшее для себя утѣшеніе.

ЕГО ЖЕ ПИСЬМА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

(68 писемъ).

161. Къ заключеннымъ въ Халкидонѣ епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ [1]).

711 Блаженны вы и своими узами и тѣми чувствами, съ которыми переносите узы, показывая среди ихъ мужество апостольское. Такъ и апостолы, будучи бичуемы, преслѣдуемы, заключаемы въ узы, съ великою радостію переносили все это. Но они не только переносили это съ великою радостію, а дѣлали въ то же время среди узъ свое дѣло, заботясь о всей вселенной. Усердно прошу поэтому вашу любовь и въ этомъ отношеніи не отставать отъ нихъ: по чѣмъ болѣе ваши страданія причиняютъ вамъ боли, тѣмъ болѣе покажите усердія въ непрерывной заботливости о церквахъ по всей вселенной, къ надлежащему исправленію настоящаго ихъ положенія, и не бросайте надежды, оглядываясь на свою малочисленность и на повсюдность преслѣдованій. Ваши

---

[1]) Написано, какъ полагаютъ, по дорогѣ въ Кукузъ въ 404-мъ году.

страданія пріобрѣтутъ вамъ болѣе дерзновенія у Бога, — слѣдовательно, принесутъ и болѣе силы. Дѣйствуйте же, пользуясь случаями, ревностно, и какъ непосредственно своими усиліями, такъ и черезъ другихъ, чрезъ кого только будетъ можно, словомъ и дѣломъ старайтесь разсѣять наступившую бурю. Можетъ быть, ваше усердіе принесетъ величайшую пользу; но если бы оно и ничего не принесло, — и тогда вы будете имѣть у человѣколюбиваго Бога награду за доброе намѣреніе и стараніе.

---

162. Къ Агапиту [1]).

Много тяжкихъ и непрерывныхъ трудовъ перенесъ господинъ мой, благоговѣйнѣйшій и честнѣйшій пресвитеръ Елпидій, усердствуя избавить горцевъ, то есть жителей горы Аманона, отъ обдержавшаго ихъ языческаго нечестія. И дѣйствительно, онъ избавилъ ихъ отъ него, научилъ вѣрѣ, построилъ церкви, основалъ монастыри: все это твоему благородству можно узнать отъ кого угодно. Зная, что ты горячо любишь благоговѣйныхъ и доблестныхъ людей, въ полной увѣренности, что доставлю тебѣ удовольствіе, представляя тебѣ человѣка, совершившаго такой подвигъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя непреодолимое побужденіе привѣтствовать тебя при каждомъ удобномъ случаѣ, я далъ ему настоящее письмо, въ которомъ приношу должное привѣтствіе и рекомендую 712
твоему благородству этого человѣка. Встрѣть же его достойнымъ себя образомъ, честнѣйшій и высокоуважаемый мой владыко, и покажи ему на дѣлѣ, что онъ не даромъ и не напрасно явился къ тебѣ съ нашимъ посланіемъ, но что письмо это въ состояніи было доставить ему счастіе пріобрѣсть твою полную любовь и благосклонность. Мы будемъ особенно благодарны тогда твоей прозорливости за ту утѣшительную мысль, что, не смотря на такую отдаленность нашего мѣстопребыванія, мы можемъ еще посредствомъ письма доставить твою любовь лицамъ, искренно считающимъ за счастіе ею пользоваться. Этотъ человѣкъ именно — одинъ изъ такихъ и глубоко уважаетъ твою степенность, вслѣдствіе чего и просилъ у насъ настоящаго письма съ большимъ усердіемъ.

---

[1]) Вѣроятно, изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и два слѣдующихъ письма.

163. Къ Исихію.

Намъ хотѣлось бы, чтобы ты пріѣхалъ къ намъ повидаться и осчастливить насъ своимъ любезнымъ и пріятнѣйшимъ обществомъ, но какъ это трудно тебѣ по неудобству дороги, по многочисленности дѣлъ и по слабости твоего здоровья, то намъ пріятно было бы найти утѣшеніе себѣ въ перепискѣ съ тобою, которой уже не могутъ препятствовать ни болѣзненное здоровье, ни гористая дорога. Окажи же намъ эту милость, легкую и ничего не стоющую тебѣ, но способную доставить намъ большое удовольствіе и не мало облегчить прискорбную тяжесть тѣлесной разлуки съ тобою. Если ты подашь намъ это утѣшеніе, то намъ будетъ думаться, что мы постоянно живемъ вмѣстѣ съ твоею честностію. Правда, чувство любви само по себѣ въ состояніи возбудить подобнаго рода представленіе, но это представленіе много выигрываетъ въ живости при содѣйствіи переписки.

164. Къ Артемидору.

Господинъ мой Антіохъ надѣется достигнуть твоего полнаго благоволенія, явившись къ твоей мѣрности съ письмомъ отъ насъ. Докажи же, честнѣйшій мой владыко, что онъ не ошибочно такъ думалъ: прими его съ свойственною тебѣ благосклонностію и, если онъ ищетъ чего-нибудь основательно и справедливо, пожалуйста, помоги ему и покажи на дѣлѣ, что онъ не даромъ и не напрасно пришелъ къ тебѣ съ настоящимъ нашимъ
713 посланіемъ, но что письмо наше пособило ему снискать благоволеніе и справедливое содѣйствіе съ твоей стороны. Ему ты доставишь такимъ образомъ благодѣяніе, но и мнѣ будетъ честь за то, что онъ достигъ этого благодѣянія.

165. Къ Евѳаліи [1]).

Искреннѣйшею и горячею любовью, неподдѣльнымъ и нелицемѣрнымъ расположеніемъ проникнуто твое письмо. Свидѣтельствуемъ тебѣ великую благодарность какъ за него, такъ и за величайшее проявленіе въ немъ твоей искренней къ намъ

[1]) Настоящее и два слѣдующихъ письма писаны изъ Кукуза въ 405 году.

дружбы. Да наградитъ тебя Богъ за такое расположеніе и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ,—да оградитъ, да охранитъ и утвердитъ тебя въ ненарушимомъ спокойствіи и благодушіи. Ты знаешь, честнѣйшая моя госпожа, какую большую радость доставляетъ намъ, не смотря даже на прискорбную жизнь въ пустынѣ, постоянно слышать о твоемъ благополучіи. Увѣдомляй же насъ всегда о немъ и не переставай радовать извѣстіями о своемъ здоровьѣ, такъ какъ, и въ пустынѣ живя, мы почерпнемъ отсюда большое утѣшеніе.

---

166. Къ Адоліи.

Пріѣхать сюда, можетъ быть, трудно тебѣ по слабости здоровья, — другого препятствія нѣтъ, такъ какъ опасность со стороны разбойниковъ совершенно миновала,—но въ чемъ же трудность писать? Тутъ уже на разбойниковъ нельзя ссылаться. Говорю это къ тому, что, посылая теперь тебѣ шестое, кажется, письмо, я получилъ только два отъ твоего благородства. Впрочемъ, будешь ли ты наконецъ писать, или будешь молчать, мы свою обязанность исполняемъ. Мы никогда не въ состояніи будемъ забыть твоей старинной искренней дружбы и, всегда сохраняя ее въ полной силѣ, по мѣрѣ возможности пишемъ. Но, горячо заботясь о твоемъ положеніи, мы горячо желали бы и отъ тебя получать письма съ радостными извѣстіями о твоемъ здоровьѣ. Не отнимай же у насъ этого утѣшенія, но, зная, сколько доставишь намъ удовольствія, хотя бы и трудно было тебѣ писать, возьми на себя этотъ трудъ, въ уваженіе нашей горячей любви къ тебѣ, и увѣдомляй насъ о своемъ благоденствіи, о которомъ мы горячо желали бы каждый день получать свѣдѣніе.

---

167. Къ пресвитеру Ипатію.

Никогда не перестану ублажать твою честность за терпѣніе, мужество и то великое постоянство, которое ты показалъ и показываешь доселѣ среди искушеній. И въ предшествующемъ письмѣ я писалъ, что тебѣ уготована двойная, тройная награда, какъ за твою собственную непреклонную твердость, такъ и за ревность, которую ты возбуждаешь въ другихъ, въ такой глубокой старости показывая такое неутомимое усердіе въ гонимой паствѣ.

Намъ пріятно было бы постоянно писать къ твоей честности;
714 но какъ это неудобно по зимней порѣ года, по страху, наводимому разбойниками, наконецъ вслѣдствіе пустынности мѣста нашего пребыванія,—то мы привѣтствуемъ твое благоговѣніе по мѣрѣ возможности и настоятельно просимъ тебя постоянно писать къ намъ и радовать насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ, которымъ мы очень дорожимъ. Ублажаемъ также честнѣйшихъ діаконовъ Евсевія и Лампротата, твоихъ сообщниковъ въ борьбѣ съ гоненіями. Вы знаете, какіе вѣнцы, какая награда и какое щедрое воздаяніе уготованы вамъ за нее. Стойте же, зная это, крѣпко и непоколебимо: даруя вамъ обильную награду за терпѣніе въ будущемъ, Богъ скоро прекратитъ настоящія бѣдствія. Пишите также къ намъ постоянно и радуйте насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ, составляющемъ предметъ нашихъ горячихъ благожеланій.

---

168. Къ епископамъ [1]).

Жестоко и многоразлично смятеніе, охватившее восточныя церкви, но и усердіе, привнесенное вашимъ благоговѣніемъ къ его устраненію, также велико и обильно. Пусть доселѣ нѣтъ еще никакого успѣха; мы можемъ только жалѣть неизлѣчимо больныхъ, не поддающихся врачепію, но тѣмъ не менѣе всегда будемъ превозносить и ублажать васъ за то, что, несмотря на такую долговременную безуспѣшность въ поправленіи дѣлъ, вы не отступаете предъ затрудненіями и не бросаете надежды, а даже усиливаете свои старанія, съ живѣйшею заботливостью оказывая зависящую отъ васъ помощь, въ осужденіе не хотящимъ васъ послушать и въ славу, великую заслугу, своего собственнаго усердія. Не только мы, но и всѣ во вселенной прославляютъ и величаютъ васъ за то, что при всей отдаленности мѣста своего жительства, ни вслѣдствіе дальности разстоянія, ни вслѣдствіе давности времени, вы не оказались сравнительно равнодушнѣе другихъ, но приняли такое полнѣйшее участіе съ своей стороны, какъ будто бы были соприкосновенны къ мѣсту событій, своими глазами видѣли совершившіяся беззаконія. Пусть, говорю, первоначальные виновники этихъ бѣдъ не хотятъ еще отказаться отъ своего предосудительнаго рвенія и отъ своей неразумной борьбы:

[1]) По всей вѣроятности, писано въ 406-мъ году, какъ и три слѣдующихъ письма.

это не должно васъ смущать и лишать бодрости. Чѣмъ болѣе будетъ вамъ труда, тѣмъ выше будетъ и вѣнецъ, когда Богъ опредѣлитъ вамъ тѣ неизреченныя, неизъяснимыя и всякое слово превышающія воздаянія.

---

169. Къ Венерію, епископу медіоланскому.

Ваше мужество, прямоту и свободу рѣчи въ защитѣ истины всѣ знали и прежде; но настоящее время осязательнѣе показало въ васъ ваше братолюбіе, любовь, зоркую внимательность, живое сочувствіе и попечительность въ отношеніи къ положенію церквей. Кормчаго въ особенности выказываетъ буря на морѣ; лучшаго врача — жестокіе телѣсные недуги; равнымъ образомъ высокодо- 715
блестнаго мужа, посвятившаго свою жизнь благоговѣнію — трудное время. Такъ сбылось это съ вами, и съ вашей стороны сдѣлано было все для исправленія существующаго положенія дѣлъ, безъ малѣйшаго упущенія. Но такъ какъ произведшіе и производящіе доселѣ существующія смятенія дошли до такого безумія, что не только не стыдятся своихъ прежнихъ дѣйствій, но подвизаются съ новою силою на томъ же поприщѣ, то я прошу всѣхъ васъ вообще — усилить заботливость и съ теченіемъ времени не только не ослаблять своего усердія, но увеличивать его болѣе и болѣе, сколько бы ни представилось новыхъ затрудненій. Чѣмъ болѣе трудовъ и усилій требуетъ совершеніе какихъ бы то ни было доблестныхъ и великихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе оно заслуживаетъ награды сравнительно съ совершеніемъ тѣхъ же самыхъ дѣлъ легкимъ и удобнымъ. *Кійждо*, говоритъ блаженный Павелъ, *свою мзду пріиметъ по своему труду* (1 Кор. III, 8). Многочисленность трудовъ, слѣдовательно, не должна охлаждать васъ; напротивъ, должна возбуждать, — потому что чѣмъ болѣе возрастутъ искушенія, тѣмъ болѣе увеличатся вѣнцы и умножатся награды, уготованныя вамъ за эти добрые подвиги.

---

170. Къ Исихію, епископу салонскому [1]).

Хотя велико разстояніе пространства между нами и твоею честностію, и мы удалены на самыя окраины вселенной, тѣмъ

[1]) Исихій, епископъ города Салона въ Далматіи, извѣстенъ своею перепискою съ блаж. Августиномъ, который между прочимъ съ похвалою упоминаетъ о немъ также въ своемъ сочиненіи „О градѣ Божіемъ". Ему приписываютъ толкованіе на книгу Левитъ.

не менѣе мы близки, мы нераздѣльны съ тобою, благодаря крыльямъ любви, легко и удобно совершающимъ всякаго рода далекія путешествія. Приносимъ тебѣ теперь письменно должное привѣтствіе и просимъ тебя оказать свойственное тебѣ усердіе къ положенію восточныхъ церквей. Ты знаешь, какъ велика заслуга — подать руку церквамъ бѣдствующимъ, превратить въ тишину такое смятеніе и прекратить такую жестокую войну. Говоримъ это не потому, чтобы вамъ нужно было съ нашей стороны дѣлать напоминанія: не дожидаясь нашихъ писемъ, вы сами привели въ исполненіе должныя съ своей стороны мѣры; но, такъ какъ бѣдствія еще не кончились, а напротивъ усиливаются, то мы усердно просимъ васъ не оставлять дѣла и не терять надежды, но прилагать съ своей стороны лѣкарства до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать эти раны, разъѣдающія тѣло церкви. Чѣмъ болѣе потребуется трудовъ для достиженія предлежащей цѣли, тѣмъ болѣе будетъ вамъ положена награда.

171 Къ Гавденцію, епископу брешійскому [1].

Не безъизвѣстны намъ твои дѣла; напротивъ, такъ же положительно, какъ будто были очевидцами, мы знаемъ твое усердіе, неусыпность, заботливость, старанія и труды, оказанные тобою въ защиту истины, и глубоко благодарны тебѣ. Твоя горячая и искренняя любовь, не смотря на прискорбную жизнь въ пустынѣ, составляетъ величайшее наше утѣшеніе. Получивъ доказательство ея здѣсь, мы знаемъ, что и тамъ она хранится въ полной силѣ и не ослабѣла ни отъ давности времени, ни отъ дальности разстоянія. Глубоко благодаримъ тебя за это и усердно просимъ и впередъ оказывать то же усердіе. Ты знаешь, какъ
716 велико количество церквей, для блага которыхъ вамъ предстоитъ теперь подвигъ, и какъ высоко въ будущемъ значеніе этого великаго дѣла. Въ этомъ убѣжденіи, честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій мой владыко, пожалуйста, не ослабляй своего прежняго

[1]) Гавденцій былъ избранъ на каѳедру Брешійской (Brixianae) церкви соборомъ сѣверо-итальянскихъ епископовъ, подъ предсѣдательствомъ св. Амвросія Медіоланскаго, около 387-го года, заочно, во время своего путешествія по востоку, откуда былъ вслѣдствіе того немедленно вызванъ. Онъ принесъ съ собою изъ Кесаріи каппадокійской въ Брешію часть мощей св. сорока мучениковъ. Впослѣдствіи онъ ѣздилъ въ Константинополь по дѣлу св. Іоанна Златоуста и извѣстенъ также какъ писатель.

усердія. Кратковременными трудами вы предуготовите себѣ такимъ образомъ безсмертныя награды на небесахъ за эти добрые подвиги.

---

172. Къ діакониссѣ Пентадіи [1]).

Долго хранишь ты молчаніе, хотя отъ васъ много пріѣзжаетъ сюда. Что бы такое могло быть причиной? Безпокойное положеніе дѣлъ? Не можетъ быть; никогда не допущу этого: я знаю, что высокая и великая твоя душа въ состояніи сохранить спокойствіе во время самаго бурнаго плаванія и наслаждаться ясною тишиною среди волнъ. Ты доказала это самымъ дѣломъ; молва о твоихъ великихъ подвигахъ дошла до самыхъ послѣднихъ краевъ вселенной и всѣ прославляютъ тебя за то, что, будучи привязана къ одному мѣсту, ты возбуждаешь и возжигаешь своимъ благоговѣніемъ усердіе даже въ людяхъ, далеко отъ тебя живущихъ. Что же за причина твоего молчанія? Не могу понять. Вмѣсто того усердно прошу твою мѣрность съ подателемъ твоему благоговѣнію этого письма увѣдомить насъ о своемъ здоровьѣ, о благодушіи и спокойствіи, какъ своемъ лично, такъ и всего твоего дома: не смотря на заброшенность въ такую даль и на свою прискорбную жизнь въ такой ужасной пустынѣ, мы извлечемъ изъ этого извѣстія большое утѣшеніе.

---

173. Къ Алипію [2]).

Первый начиная къ намъ писать, ты опасаешься навлечь на себя укоръ въ опрометчивой поспѣшности, — говорю твоими собственными словами; но я такъ далекъ отъ этой мысли, что скорѣе готовъ за промедленіе обвинить тебя въ равнодушіи и похвалилъ бы тебя гораздо болѣе, если бы ты еще раньше прислалъ письмо. Въ доказательство этого ссылаюсь опять на твое собственное выраженіе. Кого горячо любишь, говоришь ты, къ тому пишешь, не смотря на его молчаніе. Такимъ образомъ опасеніе опрометчивости устранено и то, что напрасно возбуждало

---

[1]) Вѣроятно въ 405-мъ году.
[2]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году.

его, признано знакомъ живѣйшей любви; пиши же къ намъ теперь безъ счету. Ты знаешь, какое расположеніе мы питали и питаемъ къ твоей мѣрности. Пусть насъ сослали въ это пустыннѣйшее мѣстечко, пусть сошлютъ на самый край вселенной; твоей неподдѣльной и безхитростной любви мы никогда не въ состояніи забыть, и ежедневно вспоминаемъ о тебѣ, воспроизводя въ своей памяти твои душевныя доблести. Намъ хотѣлось бы вести съ вами болѣе частую переписку, но какъ это намъ трудно при такой отдаленности, между тѣмъ вамъ легко, то мы просимъ тебя постоянно писать къ намъ о здоровьѣ — своемъ и всего вашего
717 дома. Это доставитъ намъ и на чужой сторонѣ большое утѣшеніе.

174. Къ Прокопію [1]).

Не долго пробыли мы у тебя тамъ, достопочтеннѣйшій мой владыко, но получили много доказательствъ твоей искренней любви, добродушной внимательности и искренняго, горячаго расположенія. Насъ заточили на самый край вселенной и бросили въ ужаснѣйшую пустыню, но образъ твой запечатлѣнъ въ нашемъ сердцѣ и будетъ всюду съ нами, куда бы насъ ни удалили. Поэтому, не смотря на такую даль, мы пишемъ къ тебѣ теперь, чтобы принесть тебѣ должное привѣтствіе; а вмѣстѣ просимъ и твою мѣрность, если будетъ не тяжело и не трудно, оказать намъ милость и также порадовать насъ извѣстіемъ о своемъ здоровьѣ. Правда, мы получаемъ о немъ свѣдѣнія и безъ твоихъ писемъ, распрашивая пріѣзжающихъ съ той стороны, такъ какъ намъ всегда весьма пріятно слышать о твоемъ благоденствіи и твоихъ успѣхахъ, но намъ хотѣлось бы обо всемъ этомъ знать съ твоихъ словъ и изъ твоихъ собственноручныхъ извѣстій. Писать къ тебѣ и отъ твоего благородства получать письма—это составило бы намъ вдвойнѣ удовольствіе. Уважь же нашу справедливую просьбу и сдѣлай намъ это пріятнѣйшее одолженіе; оно доставитъ намъ большую радость.

---

[1]) Между 404-мъ и 407-мъ годами.

175. Къ Маркеллину [1]).

Насъ заточили въ самое пустыннѣйшее мѣстечко—Кукузъ; при всемъ томъ, когда подумаемъ о любви, какую вы къ намъ питаете, мы съ величайшимъ утѣшеніемъ чувствуемъ себя и въ пустынѣ богатыми. Не величайшее ли, въ самомъ дѣлѣ, сокровище—имѣть людей, которые тебя искренно любятъ. Разлучившись тѣломъ, мы неразрывны поэтому съ вами душею по узамъ тѣснѣйшей любви. Вслѣдствіе того пишемъ къ вамъ теперь, не смотря на такую даль, и приносимъ вамъ должное привѣтствіе. Тебѣ не безъизвѣстно, достопочтеннѣйшій мой владыко, что мы считаемъ тебя между первыми въ числѣ нашихъ друзей. Сдѣлай же и ты намъ это одолженіе и постоянно пиши къ намъ, радуя насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ. Въ обоюдной перепискѣ съ тобою мы почерпнемъ большое подкрѣпленіе, радость, и найдемъ величайшее утѣшеніе для себя въ своей жизни среди пустыни.

---

176. Къ Антіоху.

Можемъ ли мы когда-нибудь забыть твое добросердечное и горячее расположеніе, твою искренную и неподдѣльную любовь, твой высокій и независимый умъ, твою открытую душу? Хотя бы услали насъ на самый край вселенной, мы и туда унесли бы въ своемъ сердцѣ тебя, нашего преданнаго друга, тѣсно связаннаго 718
съ нами неразрывными отношеніями любви. Такъ и теперь, будучи сосланы въ самую глушь нашего государства, въ Кукузъ, не смотря на чрезвычайную рѣдкость здѣсь случаевъ для пересылки писемъ, послѣ величайшихъ усилій мы отыскали при всемъ томъ и нашли наконецъ человѣка, который доставитъ тебѣ настоящее наше письмо, чтобы обмѣняться словомъ съ твоею достопочтенностію и принесть твоему великолѣпію должное привѣтствіе. Напоминать тебѣ о томъ, чтобы постоянно писать къ намъ и радовать насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ, послѣ того, что ты уже дѣлалъ, конечно, нѣтъ надобности. Скажу только, что, получая письма отъ васъ, горячихъ друзей нашихъ, мы извлекаемъ изъ нихъ необыкновенное утѣшеніе. Кромѣ того, что они даютъ намъ знать о вашемъ благоденствіи, они оживляютъ самую любовь и

[1]) Настоящее и три слѣдующихъ письма писаны изъ Кукуза въ 404-мъ г.

всякій разъ пробуждаютъ въ насъ чувство какъ будто личнаго свиданія съ вами. Частая переписка между искренними друзьями, дѣйствительно, въ состояніи нѣкоторымъ образомъ замѣнить имъ удовольствіе взаимнаго сопребыванія.

177. Къ Врисону [1]).

Что это? Когда мы были тамъ, ты безъ числа усердствовалъ къ намъ и словомъ и дѣломъ, — всему городу, или, лучше сказать, всему свѣту сталъ извѣстенъ своею къ намъ привязанностію и не скрывалъ ея, а напротивъ, при всякомъ случаѣ выказывалъ и на дѣлахъ и на словахъ; теперь же не рѣшился ни одного разу написать къ намъ, и это тогда, когда мы особенно жаждемъ твоихъ посланій и ждемъ писемъ! Неужели не чувствуешь, сколько утѣшенія принесли бы намъ твои письма, плодъ такой искренней души, такой горячей дружбы? Говорю это не въ осужденіе тебя (я знаю, что пишешь ли ты, или молчишь, ты одинаково хранишь живое къ намъ расположеніе), но по нетерпѣливому желанію твоихъ посланій. Правда, хотя ты не пишешь, мы тѣмъ не менѣе всегда знаемъ о твоемъ благоденствіи и благодушіи, распрашивая пріѣзжающихъ оттуда, и весьма рады, что постоянно слышимъ пріятныя вѣсти; но намъ хотѣлось бы получать эти свѣдѣнія изъ твоихъ словъ и отъ твоей собственной руки. Если просьба наша не тяжела и не затруднительна, то теперь, по крайней мѣрѣ, сдѣлай намъ эту милость, которую мы примемъ какъ обязательнѣйшее и пріятнѣйшее одолженіе, съ величайшимъ удовольствіемъ.

178. Къ діакониссѣ Ампруклѣ [2]).

Получилъ второе твое письмо, которымъ, по твоему выраженію, ты опять первая открываешь съ нами переписку, моя чест-

[1]) Евнухъ императрицы Евдоксіи, нѣкоторое время управлявшій пѣвчими Константинопольской церкви. Ему поручено было императоромъ воротить св. Іоанна Златоуста послѣ первой его ссылки. См. *Сократа* Церк. Ист. кн. 6, гл. 8 и 16.

[2]) Фронтонъ Дюкъ думаетъ, что это та самая діакониса, которую Палладій въ жизнеописаніи св. Іоанна Златоуста, гл. 10, называетъ Проклой, или Прокулой. Свое предположеніе онъ основываетъ главнымъ образомъ на созвучіи именъ.

нѣйшая и скромнѣйшая госпожа. И опять скажу: не называй дерзостію этого предупрежденія насъ письмами и не считай грѣхомъ того, что составляетъ величайшую похвалу. Напротивъ, мы видимъ въ немъ доказательство твоей пылкой и горячей любви,
твоего искренняго, неподдѣльнаго и болѣе горячаго, чѣмъ пла- 719
мень, расположенія. Зная это, всегда съ щедростію дѣлай намъ это одолженіе, увѣдомляя о своемъ здоровьѣ, и пиши къ намъ безсчетно съ подобнаго рода извѣстіями. Если намъ постоянно будетъ извѣстно, что вы, друзья наши, благодушны, здоровы и спокойны, то это не только принесетъ намъ большое утѣшеніе въ нашемъ изгнаніи; но и въ высшей степени ободритъ насъ, не смотря на жизнь въ крайней глуши. Ты можешь сдѣлать намъ такимъ образомъ настоящій праздникъ. Не скупись же въ доставленіи намъ такого безцѣннаго удовольствія и непрерывно, по мѣрѣ силъ и возможности, радуй насъ извѣстіями о своемъ благоденствіи.

---

179. Къ Онисикратіи [1]).

Очень скорбимъ и мы, получивъ извѣстіе о твоей блаженной дочери. При всемъ томъ, зная любомудріе твоего ума и высоту души, мы вполнѣ увѣрены, что ты поставишь себя выше подобнаго рода волнъ. Конечно, не печалиться невозможно; но мы просимъ тебя дѣлать это въ мѣру и помнить, что человѣческія дѣла тлѣнны, что этого рода несчастія общи для всѣхъ, что это — общій законъ природы и опредѣленіе Бога, общаго всѣхъ насъ Владыки. Это — не смерть, а отшествіе и переселеніе отъ худшаго къ лучшему. Размышляя такимъ образомъ, мужественно переноси свое горе и благодари человѣколюбиваго Бога. Правда, ударъ тѣмъ жесточе, что еще такъ недавно ты испытала другой подобный; но тѣмъ блистательнѣе и вѣнецъ за терпѣніе, тѣмъ выше будетъ тебѣ и награда, если ты перенесешь несчастіе съ благодарностію и славословіемъ. Не заставляй слишкомъ скорбѣть и насъ и подай намъ извѣстіе, что наше письмо принесло тебѣ пользу. Возьми на себя трудъ увѣдомить насъ объ этомъ; да такъ и напиши, что облако твоей глубокой печали разсѣялось и боль поразившей тебя раны значительно утихла. Получивъ такое увѣдомленіе, мы засыплемъ тебя тогда своими письмами, потому что горячо дорожимъ спокойствіемъ твоего благородства, пользовавшись

---

[1]) Изъ Кукуза, вѣроятно, въ 405-мъ году.

со стороны твоей скромности всегда искреннимъ и неподдѣльнымъ почтеніемъ, уваженіемъ и любовью. Постоянно помня это, мы хранимъ къ тебѣ живѣйшее расположеніе, хотя и удалены на самый край свѣта.

180. Къ Пеанію [1]).

Ты оживилъ меня и привелъ въ восторгъ тѣмъ, что, сообщая печальныя извѣстія, присоединилъ къ нимъ изреченіе, которое надобно прилагать ко всѣмъ случайностямъ въ жизни, — сказавши: слава Богу за все. Это изреченіе — роковой ударъ діаволу. Кто его употребляетъ, для того оно величайшій залогъ неприкосновенности и радости среди всякаго рода опасностей. Какъ только произне-
720 сешь его, мгновенно разгоняются облака печали. Не переставай же повторять его всегда и учи другихъ употреблять его во всѣхъ случаяхъ. Тогда постигшая васъ буря, будь она еще суровѣе, превратится для васъ въ тишину; тогда объятые ею не только избавятся отъ ея ужасовъ, но и извлекутъ изъ нея сравнительно высшую для себя награду. Оно возвеличило Іова; оно, это самое изреченіе, обратило въ бѣгство діавола и заставило его отступить со стыдомъ, оно — всякаго страха изчезновеніе. Повторяй же его постоянно при всѣхъ встрѣчающихся событіяхъ. Что же касается мѣста нашего изгнанія, то пусть пока не хлопочутъ о немъ болѣе. Правда, Кукузъ — глухое мѣсто; но за то мы здѣсь спокойны и, благодаря постоянному жительству на одномъ мѣстѣ, успѣли значительно поправить свое здоровье, разстроенное въ дорогѣ. А если вы заставите насъ опять переѣзжать съ мѣста на мѣсто, это будетъ послѣдній конецъ намъ, особенно теперь, когда зима у воротъ. Пусть же никто и нигдѣ не настаиваетъ и не домогается касательно этого предмета. Вмѣсто того пиши намъ постоянно о своемъ здоровьѣ, о тамошнемъ житьѣ, успѣхахъ и о своемъ благодушіи. Не смотря на такую пустыню вокругъ себя, мы почерпнемъ величайшее утѣшеніе, получая подобнаго рода извѣстія отъ твоей честности.

181. Къ Гемеллу.

Пустынное мѣсто — Кукузъ, въ которомъ живемъ мы, — самое пустынное во всемъ нашемъ государствѣ. Но хотя бы насъ удалили на самый край свѣта, мы никогда не въ состояніи забыть

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и слѣдующее письмо къ Гемеллу.

любви твоей. Напротивъ того, живя на чужой сторонѣ, въ глуши, страдая еще остатками болѣзни, терпя постоянное безпокойство отъ осады разбойниками (потому что исаврійцы все еще занимаютъ всѣ дороги и повсюду распространяютъ кровопролитіе), мы непрестанно думаемъ о тебѣ, вспоминая про себя твое мужество, прямоту, искреннее и любезное расположеніе къ намъ, и утѣшаясь подобнаго рода мыслями. Пиши же ты къ намъ постоянно, достопочтеннѣйшій владыко, о своемъ здоровьѣ,—помогли ли тебѣ теплыя воды и какъ теперь твои дѣла. Пусть, и вдали живя, мы будемъ знать о твоемъ положеніи не менѣе обстоятельно, какъ и тѣ, кто всегда съ тобою. Ты знаешь, какъ драгоцѣнно намъ твое благоденствіе, какъ горячо мы тебя любимъ и какъ крѣпко привязаны къ твоему великолѣпію.

182. Къ Клавдіану [1]).

Что это? Такой горячій, такой страстный нашъ приверженецъ, пользовавшійся такою съ нашей стороны любовью и постоянно намъ преданный, ты не удостоилъ насъ даже письма въ теченіе столь долгаго времени и позволяешь себѣ такъ долго хранить совершеннѣйшее молчаніе! Что за причина? Неужели послѣ нашего отъѣзда ты выбросилъ насъ изъ своей головы и сталъ равнодушнѣе къ любви нашей? Не думаю; невозможно 721
ожидать подобной перемѣны отъ человѣка съ такою горячею и любящею душею. Не болѣзнь ли тебя удерживала? Но болѣзнь не можетъ быть препятствіемъ послать письмо. Прекративъ свое молчаніе, объясни намъ и его причину, о которой мы рѣшительно такимъ образомъ недоумѣваемъ, и поскорѣе пришли намъ письмо съ радостнымъ извѣстіемъ о своемъ здоровьѣ. Ты доставишь этимъ величайшее удовольствіе и вообще подашь намъ въ нашей пустынѣ большое утѣшеніе, присылая такого рода письма. Не будь же небреженъ: если и послѣ этого письма ты будешь по прежнему молчать, тогда мы уже не извинимъ тебя и припишемъ это крайней твоей непризнательности. А я знаю, что для тебя это горьче всякаго наказанія.

[1]) Между 404-мъ и 407-мъ годами.

183. Къ Аетію [1]).

Никогда не въ состояніи мы забыть твоей горячей, искренней, безпримѣсной, неподдѣльной и безхитростной любви, и всегда помнимъ о тебѣ, напечатлѣвъ въ своей душѣ твой образъ. Намъ хотѣлось бы даже постоянно тебя видѣть, но какъ это пока невозможно, то, исполняя свое желаніе въ предѣлахъ возможности, мы письменно приносимъ твоему благоговѣнію должное привѣтствіе и усердно просимъ тебя въ свою очередь постоянно писать къ намъ. Хотя мы живемъ въ совершенной глуши, въ осадѣ вслѣдствіе страха, наводимаго разбойниками, и нерѣдко бываемъ нездоровы, при всемъ томъ, получая отъ твоего благородства письма съ радостными извѣстіями о твоемъ здоровьѣ, мы найдемъ въ нихъ большое утѣшеніе для себя въ своей изгнаннической жизни. Не скупись же на это удовольствіе для насъ, зная, какое сдѣлаешь одолженіе, какую большую радость доставишь имъ, и постарайся чаще къ намъ писать, чтобы чаще насъ радовать.

184. Къ Студію, префекту города [2]).

Знаю, что при своемъ благоразуміи и любомудріи ты и безъ нашего письма кротко перенесешь разлуку съ блаженнымъ братомъ твоего великолѣпія, — говорю такъ, потому что не могу назвать его отшествія смертію. Но какъ и на насъ лежитъ долгъ сказать при этомъ съ своей стороны слово, то я усердно прошу твою достопочтенность, великолѣпнѣйшій владыко, показать себя и въ этомъ случаѣ, не тѣмъ, чтобы не скорбѣть, — это невозможно человѣку, существу, обложенному плотію, притомъ же при потерѣ такого брата, — но тѣмъ, чтобы положить мѣру скорби. Ты знаешь, что все человѣческое — временно, что наша жизнь —

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и четыре слѣдующихъ письма.

[2]) Т. е. Константинополя. Въ жизнеописаніи св. Іоанна Златоуста Палладій говоритъ объ этомъ Студіѣ, что онъ въ числѣ прочихъ лицъ принималъ живѣйшее участіе въ отстраненіи отъ епископа Іоанна взнесенныхъ на него клеветъ. Фронтонъ Дюкъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что это не тотъ Студій, который въ 459-мъ году, въ царствованіе императора Льва, построилъ церковь во имя св. Іоанна Предтечи для иноковъ такъ называемаго устава неусыпающихъ и помогъ такимъ образомъ основанію Студійскаго монастыря, получившаго огромную извѣстность во времена преподобнаго аввы Θеодора Студита.

потокъ рѣчной и что тѣхъ только можно назвать окончательно блаженными, кто съ доброю надеждою оставилъ эту жизнь. Они отходятъ не къ смерти, но отъ подвиговъ — къ наградамъ, отъ борьбы — къ вѣнцамъ, отъ взволнованнаго моря — къ необуреваемой пристани. Утѣшь же себя этою мыслію, какъ и мы, также глубоко скорбя, находимъ величайшее облегченіе своей скорби 722
въ добродѣтеляхъ этого мужа, въ которыхъ, конечно, и для тебя самого заключается величайшее утѣшеніе. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, отшедшій былъ человѣкъ дурной и злой, то слѣдовало бы сокрушаться и плакать о его кончинѣ; но когда онъ былъ таковъ и жилъ такъ, какъ весь городъ знаетъ, достодолжно, честно, всегда чтя правду, поступая во всемъ открыто, независимо, благородно, не дорожа настоящимъ и чуждаясь житейскихъ попеченій, то надобно радоваться и веселиться, какъ за него, такъ и за твою достопочтенность, тому, что у тебя есть теперь тамъ такой братъ и что онъ всѣ собранныя имъ въ теченіе жизни блага помѣстилъ въ неприкосновенной уже сокровищницѣ. Не отдавайся же, достопочтеннѣйшій мой владыко, недостойнымъ тебя помысламъ и не сокрушай себя печалью; покажи себя и теперь и, пожалуйста, напиши намъ, что и наше письмо не осталось для тебя совершенно безполезнымъ. Живя въ такой дали, мы поставимъ себѣ тогда въ особенную честь то, что въ состояніи были простымъ письмомъ не мало умѣрить твое настоящее горе.

185. Къ Исихію.

Что это? Такъ горячо ты насъ любишь (намъ извѣстно это, потому что горячо любящій не можетъ укрыться отъ любимаго), и не удостоишь насъ письма, — позволяешь себѣ молчаніемъ покрывать свою любовь! Что за причина? Не умѣю сказать; твое дѣло, прекративъ молчаніе, объяснить и его причину. Мы первые пишемъ теперь къ твоему благородству, именно для того, чтобы на будущее время тебѣ нельзя было ссылаться на это въ извиненіе. Пиши же къ намъ постоянно, многоуважаемый и благороднѣйшій владыко, и исполни наше желаніе. Плѣнившись одною молвою о тебѣ и по одной молвѣ привязавшись къ твоему благородству мы не въ состояніи уже затѣмъ ни сами молчать, ни тебѣ дозволить молчаніе, и ни за что не оставимъ тебя въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока ты не станешь писать къ намъ часто и постоянно, частою перепискою замѣняя намъ удовольствіе личнаго твоего присутствія.

186. Къ пресвитеру Даніилу.

Благословенъ Богъ, ниспосылающій утѣшеніе гораздо выше скорби и дающій вамъ столько терпѣнія, что вы переносите постигающія васъ горести съ великою радостію! Это удвояетъ вашу заслугу, что вы не только переносите, но еще радуетесь, что переносите ихъ; это и намъ доставляетъ большое утѣшеніе, когда мы слышимъ о вашемъ мужествѣ, терпѣніи, постоянствѣ, о вашей непоколебимости въ принятомъ вами рѣшеніи, открытой прямотѣ въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, непреклонной настойчивости и пламеннѣйшей ревности. Живя въ
723 пустынѣ, находясь въ осадномъ положеніи вслѣдствіе страха, наводимаго разбойниками, страдая наконецъ отъ зимней поры года, мы не чувствуемъ поэтому ни одного изъ этихъ неудобствъ и торжествуемъ, радуемся, гордимся въ виду величія вашихъ успѣховъ и такого съ вашей стороны постоянства. Пишите же къ намъ непрерывно и сколько возможно чаще какъ объ этомъ, такъ и о своемъ здоровьѣ, чтобы такимъ образомъ непрерывно насъ радовать. Вы доставите намъ этимъ величайшую радость и удовольствіе.

---

187. Къ Каллистрату, епископу исаврійскому.

Хотѣлось бы мнѣ увидѣть твое благоговѣніе здѣсь у себя и отдохнуть душею въ твоемъ пріятномъ обществѣ,—насладиться твоею искреннею и горячею любовью; но какъ это пока невозможно по времени года и по дальности разстоянія, то я письменно приношу тебѣ должное привѣтствіе и благодарю твое благоговѣніе за то, что ты первый прислалъ намъ письмо. Это—знакъ горячей и искренней дружбы, и ты поступилъ не только не неприлично, но напротивъ — совершенно достойно себя. Сдѣлай одолженіе, пиши къ намъ всегда такъ и почаще увѣдомляй насъ о своемъ здоровьѣ. А если бы твоему благоговѣнію можно было какъ-нибудь, при всѣхъ неудобствахъ, добраться до насъ, это было бы величайшимъ для насъ одолженіемъ, и ты крайне насъ обрадовалъ бы. По крайней мѣрѣ, я надѣюсь, что, когда наступитъ удобное для поѣздки время, ты не лишишь насъ своего посѣщенія, уважая наше желаніе увидѣться съ твоимъ благоговѣніемъ, тѣмъ болѣе, что исполненіе его не представитъ тогда

особенныхъ затрудненій. До той же поры, пожалуйста, пиши чаще, чтобы такимъ образомъ замѣнить намъ удовольствіе твоего личнаго присутствія.

---

188. Къ Геркулію[1]).

Напрасно трудишься извиняться въ своемъ долгомъ молчаніи, достопочтеннѣйшій и великолѣпнѣйшій мой владыко, ссылаясь между прочимъ на рѣдкость случаевъ къ пересылкѣ писемъ. Пишешь ли ты, или молчишь, мы неизмѣнно увѣрены въ любви твоей. Ты показалъ ее самымъ дѣломъ такъ ясно, что весь городъ знаетъ тебя, какъ горячаго и страстнаго нашего приверженца. При всемъ томъ, конечно, намъ было бы весьма желательно постоянно получать письма отъ твоей достопочтенности съ извѣстіями о твоемъ здоровьѣ. Ты самъ пишешь, что знать о нашемъ здоровьѣ составляетъ для тебя величайшее утѣшеніе въ разлукѣ съ нами (и знаешь, какъ много это значитъ для искренно любящаго человѣка, потому что самъ умѣешь любить искренно). Такъ точно дорого это и намъ. Постарайся же, сдѣлай милость, удовлетворить наше желаніе, тѣмъ болѣе, что, при нашей жизни въ такой глуши, это принесло бы намъ много утѣшенія.

---

189. Къ епископу Киріаку.

Выносимо ли это? Терпимо ли это? Возможна ли тутъ хотя тѣнь 724
извиненія? Среди такихъ прискорбныхъ обстоятельствъ, среди такихъ волненій, смятеній, ударовъ и бѣдствій, постигшихъ насъ,— въ продолженіе такого долгаго времени, ты ни одного разу не прислалъ намъ письма! Мы и разъ, и два, и множество разъ пишемъ къ тебѣ; а ты молчишь все это, такое долгое, время, и думаешь, что нѣтъ особеннаго грѣха въ такомъ безчувствіи къ намъ съ твоей стороны! Ты меня поставилъ въ совершенное недоумѣніе. Я рѣшительно не могу постигнуть причины твоего молчанія, когда вспомню о той горячей и искренней любви, которую ты всегда къ намъ оказывалъ. Не могу предположить ни безпечности, потому что знаю твою душевную неусыпность, — ни робости, потому что

---

[1]) Между 404-мъ и 407-мъ годами. Не болѣе этого можно сказать и о времени написанія слѣдующаго письма къ епископу Киріаку.

знаю твое мужество,—ни лѣни, потому что знаю твою живость и подвижность,—ни даже болѣзни, потому что и она не въ состояніи была бы тебѣ помѣшать, а кромѣ того я знаю чрезъ прибывшихъ оттуда, что ты здоровъ и благоденствуешь. Что за причина, не могу понять; скорблю только и крушусь. Постарайся же всѣми мѣрами избавить насъ и отъ печали, и отъ недоумѣнія. Если и послѣ настоящаго письма ты ничего не напишешь къ намъ теперь же, въ скорости, то такъ огорчишь насъ этимъ, что впослѣдствіи понадобится много труда, чтобы излѣчить насъ отъ этого горя.

190. Къ пресвитеру Салюстію [1]).

Весьма прискорбно было мнѣ услышать, что и ты, и пресвитеръ Ѳеофилъ,—оба вы ничего не дѣлаете. Я узналъ, что одинъ изъ васъ сказалъ только пять бесѣдъ до октября мѣсяца, а другой ни одной не говорилъ, и это показалось мнѣ тяжелѣе здѣшней пустыни. Благоволите, если это неправда, увѣдомить меня,—если же правда, исправиться; побуждайте другъ друга; этимъ вы меня очень огорчаете, какъ ни безмѣрно я люблю васъ. Но, что еще гораздо хуже, предаваясь такой бездѣятельности и лѣни и не исполняя своего долга, вы навлечете на себя такимъ образомъ большое осужденіе отъ Бога. Чѣмъ оправдаете вы себя въ томъ, что, когда другихъ гонятъ, ссылаютъ, преслѣдуютъ, вы не хотите даже своимъ появленіемъ или словомъ наставленія показать участіе къ бѣдствующей паствѣ?

191. Къ Пеанію.

Когда ты чувствуешь, достопочтеннѣйшій и медасладчайшій мой владыко, прискорбіе и тяжесть разлуки съ нами, то вспомни, какимъ дѣломъ ты заправляешь,—вспомни, что ты стараешься цѣлый городъ, или—лучше—дѣйствуя чрезъ этотъ городъ, цѣлую вселенную поставить на правый путь, и утѣшься, развеселись. Тому, кто приноситъ столько пользы, какъ ты, можно много радоваться. Если другіе безмѣрно радуются, собирая деньги,

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и слѣдующее письмо къ Пеанію.

гибнущія и погубляющія ихъ, и перенося при томъ долговременную разлуку съ своимъ домомъ, женою, дѣтьми и всѣми родными, то гдѣ положить предѣлъ радости тому богатству, тому безцѣнному сокровищу, которое ежедневно собираешь ты однимъ своимъ пребываніемъ тамъ? Говорю это не изъ лести тебѣ, — 725
здѣсь, заочно, тоже самое всѣ слышатъ отъ меня, — но по чувству живѣйшаго удовольствія, по чувству радости, въ одушевленіи отъ восторга. Въ самомъ дѣлѣ, тебѣ достаточно только показаться, чтобы обратить тамъ многихъ на правый путь, укрѣпить, поощрить, сплотить въ одно цѣлое. Ты — настоящій мой полководецъ; я знаю твои доблестные подвиги тамъ, твою ревность, бдительность, хлопоты, душевную тревогу, неустрашимость, свободу, съ какою ты возставалъ даже противъ епископовъ, когда того требовали обстоятельства, съ надлежащею, конечно, сдержанностію. И прежде я высоко цѣнилъ тебя за это, но еще гораздо выше ставлю въ настоящее время, когда, не имѣя ни одного помощника себѣ тамъ, — такъ какъ одни бѣжали, другихъ прогнали, третьи скрываются, — ты одинъ стоишь теперь во главѣ строя, украшая собою его чело, и не только не даешь никому перебѣжать на другую сторону, но даже изъ рядовъ противниковъ ежедневно привлекаешь кого-нибудь въ ряды твоей мѣрности. Но это еще не все. Не менѣе этого изумляетъ меня то, что, неизмѣнно оставаясь на одномъ мѣстѣ, ты простираешь въ то же время свою заботливость на всю вселенную, на дѣла въ Палестинѣ, въ Финикіи, въ Киликіи, дѣла которой, впрочемъ, требуютъ съ твоей стороны особеннаго попеченія. Палестиняне и финикійцы, какъ я вѣрно узналъ, не приняли посланнаго туда нашими противниками и даже не удостоили его отвѣта, но эгскій, какъ я слышалъ, и тарсійскій (епископы) на ихъ сторонѣ, и каставальскій [1]) писалъ сюда одному изъ нашихъ друзей, что константинопольцы принуждаютъ ихъ [2]) принять участіе въ своемъ беззаконіи, но что они пока противятся. Надобно, слѣдовательно, тебѣ особенно постараться, особенно позаботиться, чтобы и эту часть привесть въ порядокъ, — и написать къ своему двоюродному брату, владыкѣ моему, господину епископу Ѳеодору. Что касается Фаретрія, горько и крайне прискорбно: при всемъ томъ, такъ какъ пресвитеры его не сходятся съ нашими противниками, какъ ты пишешь, и не рѣшаются имѣть съ ними общеніе, говоря по крайней мѣрѣ, что держатся еще нашей стороны, то ты не со-

---

[1]) То есть, епископъ города Каставалъ, принадлежавшаго также, какъ города Эги и Тарсъ, къ Киликійской провинціи.

[2]) То есть, каставальскую епископію, — каставальцевъ.

общай имъ ничего этого, — то, что сдѣлалъ противъ насъ Фаретрій, дѣйствительно, не допускаетъ уже никакого извиненія. Весь клиръ его скорбѣлъ, сѣтовалъ, плакалъ и былъ всею душею за насъ. Но, говорю, чтобы не оттолкнуть ихъ и не сдѣлать непріязненнѣе къ намъ, ты, узнавъ все изъ донесенія чиновниковъ префектуры, удержи про себя и обращайся съ ними какъ можно мягче, — я знаю твою благоразумную находчивость, — скажи имъ, что вотъ и мы слышали, что онъ очень скорбѣлъ объ этомъ событіи и что онъ готовъ бы былъ все перенесть, чтобы только поправить все это дурное дѣло. Здоровье наше совершенно удовлетворительно; прошли и послѣдніе остатки болѣзни. Право, когда вспомнимъ, что это также составляетъ предметъ твоихъ заботъ, то одна мысль, что у насъ есть такъ горячо преданный намъ другъ, прибавляетъ намъ не мало силъ. Да наградитъ тебя Богъ за такое усердіе къ намъ, за такую любовь и ревность неусыпную, какъ въ настоящей жизни, такъ и въ будущемъ вѣкѣ,—да оградитъ, да охранитъ, да утвердитъ тебя въ ненарушимомъ спо-
726 койствіи и да сподобитъ неизреченныхъ своихъ благъ. Дай Богъ и намъ поскорѣе увидѣть тебя, насытиться изліяніями твоей нѣжной души и дождаться этого всерадостнаго праздника. Ты знаешь, что счастіе удостоиться твоего пріятнѣйшаго и вожделѣннѣйшаго общества и по прежнему опять пользоваться имъ составляетъ для насъ истинный праздникъ и торжество.

---

192. Къ Анатолію, чиновнику префектуры [1]).

Мало и рѣдко пишу я; да и давно уже не писалъ, къ твоему благородству; но не небрежность была причиною этого молчанія, а продолжительная моя болѣзнь. Что же касается душевныхъ нашихъ расположеній, то, зная искренность твоей любви къ намъ, независимость, прямоту и чистоту твоего образа мыслей, мы любимъ тебя неизмѣнно. Постоянно говоримъ мы каждому о той преданности, которою всегда пользовались со стороны твоего благородства — не только въ бытность нашу тамъ, но и заочно, такъ какъ намъ не безъизвѣстно, съ какимъ усердіемъ и послѣ нашего отъѣзда ты старался словомъ и дѣломъ помочь намъ. Награди тебя Богъ за твое доброе чувство и здѣсь, и въ будущемъ

[1]) Изъ Кукуза въ 405-мъ году.

вѣкѣ. Пріятно намъ писать къ тебѣ, но еще болѣе было бы пріятно вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ твоей мѣрности получать письма. Пиши же къ намъ, пожалуйста, и радуй насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ, чтобы утѣшить насъ въ нашей прискорбной жизни среди этой пустыни. Письмо любви твоей, давая намъ знать о твоемъ благоденствіи и благополучіи всѣхъ родныхъ твоихъ, — не смотря на жизнь въ чужой сторонѣ, принесетъ намъ много утѣшенія.

---

193. Къ діакону Ѳеодулу [1]).

Какъ ни жестока буря, какъ ни высоко поднялась она и какъ ни усердно люди, желающіе запятнать готскія церкви, стараются достигнуть своей цѣли, проникая всюду, — вы свое дѣло дѣлайте по прежнему. И хотя бы всѣ ваши старанія остались безуспѣшны, чего я не думаю, во всякомъ случаѣ вы заслужите себѣ у человѣколюбиваго Бога полнѣйшую награду за свое стараніе и намѣреніе. Постарайся же, мой возлюбленный, поусердствуй, позаботься всѣми силами, и самъ, и черезъ другихъ, чрезъ кого только будетъ можно, не допускать туда смятенія и волненій. Прежде же всего молитесь и прилежно, со всеусердіемъ, непрестанно просите человѣколюбиваго Бога, чтобы Онъ прекратилъ постигшія насъ нынѣ бѣдствія и подалъ церкви полный и глубокій миръ. А до тѣхъ поръ, какъ я и прежде писалъ, употребите всѣ мѣры какъ-нибудь замедлить дѣло. Пиши къ намъ постоянно, пока тамъ будешь.

---

194. Къ готскимъ монахамъ, въ имѣніи Промота [2]).

Еще прежде полученія вашего письма я узналъ, какія притѣсненія, какія козни, какія искушенія, какое оскорбительное 727

---

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и слѣдующее письмо къ готскимъ монахамъ.

[2]) Τοῖς ἐν τοῖς Προμώτου. Св. Іоаннъ Златоустъ образовалъ въ Константинополѣ общество монаховъ изъ готскихъ урожденцевъ, которые подъ его руководствомъ приготовляли себя къ миссіонерской дѣятельности между готами. Съ этою цѣлію готскіе монахи занимались изученіемъ Священнаго Писанія и упражнялись въ проповѣданіи слова Божія на готскомъ языкѣ Изъ бесѣды, произнесенной Златоустомъ въ присутствіи многочисленнаго собранія константинопольцевъ въ церкви св. Павла, послѣ того какъ на литургіи, совершав-

обхожденіе вы испытываете, и потому особенно ублажаю васъ, имѣя въ виду тѣ награды, воздаянія и вѣнцы, которые ожидаютъ васъ за это. Какъ строющіе вамъ козни и безпокоющіе васъ подвергаютъ себя тяжкому осужденію и навлекаютъ на свою голову огонь геенскій, такъ вы, претерпѣвъ это, сподобитесь великаго возмездія, великаго вознагражденія. Не смущайтесь же и не тревожьтесь поэтому, — напротивъ, радуйтесь и веселитесь, одушевляясь чувствами апостола, выразившимися въ его словахъ: *нынѣ радуюся во страданіяхъ моихъ* (Колосс. I, 24), или еще: *не точію же, но и хвалимся въ скорбѣхъ, вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство* (Рим. V, 3, 4). Сдѣлавшись такимъ образомъ искушеннѣйшими и постепенно богатѣя богатствомъ небеснымъ, радуйтесь тѣмъ болѣе, чѣмъ жесточе будутъ ваши страданія, если вамъ придется испытать еще болѣе сильное гоненіе. *Не достойны бо страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. VIII, 18). Намъ не безъизвѣстно, сколько вы показали терпѣнія, мужества, твердости, искренняго

шейся готами, прочитаны были по-готски чтенія изъ Апостола и Евангелія и готскій пресвитеръ сказалъ на своемъ природномъ языкѣ бесѣду, видно, какъ близко было это дѣло душѣ великаго святителя. Нѣкоторые изъ приготовленныхъ имъ миссіонеровъ, надобно думать, пріобрѣли уже своими трудами извѣстность между готами и значеніе въ готской церкви. Между тѣмъ св. Іоаннъ Златоустъ былъ осужденъ церковнымъ судомъ и низложенъ. Отлученіе и осужденіе его должно было быть признано и готскою церковію, объ утвержденіи которой онъ такъ отечески заботился; тѣмъ болѣе, что готскіе миссіонеры, болѣе или менѣе долженствовавшіе состоять подъ вѣдѣніемъ константинопольскаго епископа, должны были, слѣдовательно, дѣйствовать по указаніямъ епископа Арсакія, преемника св. Іоанна Златоуста. Но это отлученіе противъ святителя въ церквахъ, имъ основанныхъ, и между христіанами, имъ обращенными къ вѣрѣ, очевидно, могло произвесть соблазнъ и повредить распространенію православія между готами. Прискорбнѣе всего было то, что орудіемъ къ исполненію этого грустнаго дѣла должны были послужить тѣ самыя лица, извѣстныя уже готской церкви, которыя своимъ образованіемъ обязаны были незаконно отлученному архипастырю. Въ жизнеописаніи св. Іоанна Златоуста Палладій упоминаетъ о Марсѣ, вдовѣ Промота, въ числѣ лицъ враждебныхъ святителю. Очень вѣроятно, что готскіе монахи миссіонеры (οἱ ἐν τοῖς Προμώτου) имѣли свои монастыри на ея землѣ, или какія-нибудь угодья въ ея имѣніи, и что владѣтельница, по навѣту другихъ, или даже по настоянію властей, согласному съ ея собственными чувствами, дѣлала имъ разнаго рода притѣсненія за ихъ приверженность къ св. Іоанну Златоусту, съ цѣлію побудить ихъ отправиться къ готамъ прежде всего, конечно, для продолженія своей миссіонерской дѣятельности, но вмѣстѣ и для того, чтобы оффиціально огласить тѣмъ отлученіе ихъ просвѣтителя. По крайней мѣрѣ, принимая такого рода сближеніе выше изложенныхъ отрывочныхъ историческихъ указаній, можно ясно опредѣлить смыслъ недоговоренныхъ выраженій, какъ въ этомъ, такъ и въ предшествующемъ письмѣ.

и горячаго расположенія къ намъ, непреклонности, неизмѣнности и непоколебимости въ своемъ образѣ мыслей. Свидѣтельствуемъ вамъ великую благодарность за это и съ своей стороны. Мы постоянно отъ всей души заботимся о васъ, и дальность разстоянія нисколько не дѣлаетъ насъ равнодушнѣе къ любви вашей. Благодарю васъ также за то усердіе, съ какимъ вы постарались не допустить въ церковь готскую никакого смятенія и дѣло отсрочили. Не только не осуждаю васъ за то, что вы никого не послали, но хвалю и одобряю. Въ особенности похвально то, что всѣ вы согласно затруднились принять въ настоящее время это предложеніе. Старайтесь и впередъ, сколько отъ васъ будетъ зависѣть, какъ сами непосредственно, такъ и чрезъ другихъ, чрезъ кого только будетъ можно, отложить дѣло до срока. Успѣете ли въ этомъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ вы заслужите этимъ полнѣйшую награду за свое намѣреніе и благожеланіе.

195. Къ пресвитеру Акакію [1]).

Такой ревностный нашъ приверженецъ, такъ горячо расположенный къ намъ человѣкъ, ты ни разу не прислалъ намъ отъ себя письма. Мы писали къ тебѣ и разъ, и два; но ты сталъ отъ этого еще неподвижнѣе. Между тѣмъ съ твоей стороны было бы величайшимъ одолженіемъ увѣдомить насъ о своемъ здоровьѣ. Напиши же къ намъ, пожалуйста, поскорѣе. Намъ составляетъ большое утѣшеніе постоянно знать о здоровьѣ людей, столько насъ любящихъ, какъ вы.

196. Къ Салвіону [2]).

Пишешь ли ты, или молчишь, я положительно знаю, что ты насъ любишь. Ты не могъ остаться неизвѣстенъ, будучи до такой степени ревностнымъ нашимъ приверженцемъ. Всѣ говорятъ о тебѣ это, и многіе изъ пріѣзжихъ къ намъ разсказываютъ намъ о горячности и искренности твоей любви. Тѣмъ не менѣе намъ 728
пріятно было бы также постоянно получать отъ твоего благородства

[1]) Между 404-мъ и 407-мъ годами, какъ и слѣдующее письмо.
[2]) Варіантъ: *къ Галвіону*.

письма съ извѣстіями о твоемъ здоровьѣ, равно какъ о здоровьѣ государыни моей, твоей благородной супруги, и всего твоего дома, составляющемъ предметъ нашихъ усердныхъ благожеланій. Хотя исполненіе нашей просьбы и затруднительно въ настоящее время по зимней порѣ года и по рѣдкости случаевъ ѣзды къ намъ, но, зная наше желаніе, не поставь за трудъ, честнѣйшій мой владыко, писать къ намъ по мѣрѣ возможности и увѣдомлять о томъ, о чемъ просимъ. Ваше здоровье и благоденствіе мы считаемъ собственнымъ нашимъ сокровищемъ, счастіемъ и благополучіемъ. Не оставляй же насъ въ невѣдѣніи касательно предмета, составляющаго наше благополучіе, и за нашу горячую любовь къ тебѣ подай намъ въ просимыхъ нами извѣстіяхъ утѣшеніе, которое въ состояніи много насъ ободрить.

197. Къ Ѳеодору [1]).

Удивляюсь, какъ это случилось, что отъ другихъ, а не отъ тебя, узналъ я о нерадѣніи пресвитера Салюстія. Мнѣ извѣстно именно, что до октября мѣсяца онъ едва-едва сказалъ только пять бесѣдъ и что ни онъ, ни пресвитеръ Ѳеофилъ, — одинъ по лѣности, другой по трусости, — не ходятъ въ церковь. Ѳеофилу я послалъ рѣзкій упрекъ за его поведеніе; касательно же Салюстія пишу твоей честности, зная, какъ горячо ты его любишь, что мнѣ весьма пріятно и утѣшительно. Жалуюсь, однако, и на твою честность въ томъ, что ты не извѣстилъ меня объ этомъ и, тогда какъ долженъ былъ не только довесть это до моего свѣдѣнія, но и поправить, не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Усердно прошу тебя, по крайней мѣрѣ теперь, ради тебя самого и въ величайшее одолженіе намъ, пробуди его сколько возможно сильнѣе и не давай ему ни засыпать, ни забываться въ бездѣйствіи. Если онъ въ настоящее время, во время невзгоды и наступившихъ бурныхъ потрясеній, не окажетъ надлежащаго мужества, то будемъ ли мы до такой степени нуждаться въ немъ тогда, когда настанетъ миръ и тишина? Прошу же тебя во имя твоего собственнаго долга, побуждай и его и всѣхъ другихъ быть усерднѣе и внимательнѣе къ нуждамъ бѣдствующей паствы, будучи, впрочемъ, совершенно увѣренъ, что и безъ нашего письма ты стараешься объ этомъ по собственному желанію и побужденію.

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и три слѣдующихъ письма.

198. Къ пресвитеру Тимоѳею.

Мы писали уже и къ тебѣ и къ господину моему, честнѣйшему трибуну Маркіану, но ты ни отъ него не постарался прислать намъ письма, ни самъ не пишешь. При всемъ томъ, оставаясь вѣрными самимъ себѣ, мы не перестаемъ постоянно вспоминать о васъ и писать къ вамъ по мѣрѣ возможности, что исполняемъ и теперь, свидѣтельствуя вамъ безпредѣльную благодарность и ублажая васъ за то усердіе, которое вы показываете, и за тѣ опасности, которыя переносите. Вы предуготовляете себѣ такимъ образомъ великую славу и путемъ кратковременной скорби достигаете безконечныхъ наградъ на небѣ, несравненно превышающихъ величіе самыхъ заслугъ вашихъ. *Не достойны бо страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. VIII, 18). 729

---

199. Къ пресвитеру Ѳеофилу.

Очень прискорбно было мнѣ услышать, что и ты и пресвитеръ Салюстій не постоянно ходите въ церковь. Это меня необыкновенно опечалило. Усердно прошу васъ: если это ложь, постарайтесь меня увѣдомить; если же правда, оставьте такое нерадѣніе. Чѣмъ выше предлежитъ вамъ награда, если вы покажете, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ, должное мужество, тѣмъ наоборотъ строже будетъ осужденіе, если будете трусить, прятаться и не исполнять своего долга. Извѣстно вамъ, что потерпѣлъ тотъ, кто зарылъ данный ему талантъ. Не будучи повиненъ ни въ чемъ другомъ, онъ былъ осужденъ единственно за это и долженъ былъ неизбѣжно понести наказаніе. Постарайтесь же поскорѣе снять съ меня заботу. Какъ много чувствую я утѣшенія и ободренія, когда слышу, что вы съ полнымъ усердіемъ оберегаете всю нашу бѣдствующую паству, такъ напротивъ, когда узнаю, что кто-нибудь изъ васъ нерадѣетъ, тяжело скорблю о нерадѣющихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что касается самой паствы, то благодать Божія постоянно блюдетъ ее, какъ вы видите это на дѣлѣ; приставники же, по нерадѣнію не исполняющіе своего долга, навлекаютъ на себя своимъ нерадѣніемъ великое осужденіе.

---

200. Къ пресвитеру Филиппу.

Удивляюсь, почему ты не писалъ къ намъ въ продолженіе такого долгаго времени и, выказывая, не смотря на наше удаленіе, полную любовь къ намъ, не прислалъ намъ ни одного письма. По крайней мѣрѣ теперь не поставь въ трудъ написать къ намъ и увѣдомить насъ о своемъ здоровьѣ. Съ своей стороны мы, и не получая отъ тебя извѣстій, съ живѣйшимъ участіемъ слѣдимъ за твоими дѣлами. Такимъ образомъ намъ извѣстно, что вы отставлены теперь отъ школы [1]) за выказанное вами надлежащее дерзновеніе. Это ваша заслуга; это прибыль небесная; это вашъ вѣнецъ неувядаемый; это для васъ источникъ множества наградъ. Такъ разсуждая, мужественно переносите подобнаго рода случайности. У Бога всегда достанетъ средствъ прекратить эти искушенія, мгновенно водворить тишину и даровать вамъ за ваше терпѣніе великую награду и въ настоящей жизни, и въ будущемъ вѣкѣ.

201. Къ пресвитеру Севастіану [2]).

Хотя тѣлесно мы разлучены съ твоею честностію, но по любви неразрывны съ тобою и, гдѣ бы ни были, всегда помнимъ о тебѣ, хотя бы насъ удалили на самый край свѣта. Ни мало не сомнѣваюсь, что и ты, конечно, также незабвенно хранишь о насъ
730 память. Я знаю искренность твоего расположенія, крѣпость твоей любви и неизмѣнность твоихъ чувствъ. Просимъ тебя поэтому постоянно писать къ намъ и радовать насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ. Оно для насъ очень драгоцѣнно, и, получая о немъ постоянныя свѣдѣнія, мы извлечемъ изъ этихъ извѣстій, не смотря на свою жизнь въ пустынѣ, большое утѣшеніе.

---

[1]) Кромѣ учебныхъ заведеній, школами назывались въ Константинополѣ также отряды охранной императорской и дворцовой стражи и разнаго рода другія военныя учрежденія, равно какъ и самыя казармы или мѣста, въ которыхъ они помѣщались.

[2]) Между 404-мъ и 407-мъ годами, какъ и слѣдующее письмо къ пресвитеру Пелагію.

202. Къ пресвитеру Пелагію.

Я знаю твою кротость, скромность, честность, доброту, горячность твоей любви и искренность твоего расположенія къ намъ. Привѣтствую поэтому твою почтенность съ величайшимъ удовольствіемъ и увѣряю тебя, что, гдѣ бы мнѣ ни пришлось быть, ты всегда будешь въ моемъ сердцѣ. Но если намъ пріятно къ тебѣ писать, то не менѣе пріятно было бы и отъ тебя получать извѣстія о твоемъ здоровьѣ. Удвой же, прошу тебя, нашу радость и увѣдомляй насъ о немъ постоянно. Хотя бы насъ услали въ пустыню ужаснѣе этой, письма съ такими извѣстіями отъ васъ, друзей нашихъ, всегда принесутъ намъ много радости.

203. Къ Музонію [1]).

Мы писали уже къ твоему благородству, честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій мой владыко; пишемъ и еще теперь и, хотя ты ни разу къ намъ не писалъ, будемъ писать къ вамъ постоянно, исполняя свой долгъ. Намъ хотѣлось бы даже еще чаще это дѣлать, но такъ какъ мы живемъ въ большой глуши и городъ, служащій нашимъ мѣстопребываніемъ, находится въ постоянной осадѣ отъ страха, наводимаго разбойниками, кромѣ же того зимняя пора года преграждаетъ сообщенія съ нами, и такъ какъ вслѣдствіе всего этого немногіе могутъ во всякое время къ намъ ѣздить, то мы посылаемъ должное привѣтствіе твоему благоговѣнію по мѣрѣ возможности, какъ только встрѣтимъ случай съ кѣмъ-нибудь отправить свое письмо. Мы увѣрены въ искренности твоей любви, горячности твоего расположенія, неизмѣнности твоего образа мыслей, въ твоемъ благородствѣ и нелицемѣріи. Поэтому, гдѣ бы мы ни были, мы всегда помнимъ о тебѣ и никогда не въ состояніи забыть твоей мѣрности. Но если намъ пріятно къ тебѣ писать, то еще болѣе было бы радостно отъ тебя получать письма съ извѣстіями о твоемъ здоровьѣ. Доставь же намъ эту радость и увѣдомляй насъ о себѣ постоянно. Не смотря на дальность своего заточенія, мы извлечемъ такимъ образомъ изъ подобной переписки большое ободреніе для себя, какъ скоро будемъ знать, что вы, наши преданные и горячіе приверженцы, благоденствуете и благодушествуете.

---

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году.

204. Къ Валентину [1]).

731 Я знаю твое щедролюбіе, твою горячую любовь къ вспоможенію бѣднымъ и живое усердіе, съ какимъ ты всегда готовъ жертвовать для этого добраго дѣла и по которому не только оказываешь пособіе, но дѣлаешь это съ удовольствіемъ, уготовляя себѣ такимъ образомъ двойной, блистательнѣйшій, вѣнецъ человѣколюбія, какъ щедростію подаяній, такъ и настроеніемъ мысли, отъ котораго происходитъ эта щедрость. Получивъ въ настоящее время отъ честнѣйшаго пресвитера Домеціана, которому поручено попеченіе о тамошнихъ вдовахъ и дѣвственницахъ, увѣдомленіе, что онѣ терпятъ почти голодъ, мы прибѣгаемъ поэтому въ твои объятія, какъ въ пристань, въ надеждѣ, что ты положишь конецъ крушенію на этомъ морѣ голода. Итакъ, молю тебя, и молю усердно: пожалуйста, позови къ себѣ упомянутаго пресвитера и помоги имъ, сколько возможно. Милостыня, которую ты окажешь теперь, тѣмъ болѣе заслуживаетъ награды въ сравненіи съ милостынею, оказываемою при другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ жесточе буря и невзгода, которымъ подвержены въ настоящее время нуждающіеся въ ней, не пользуясь обыкновеннымъ источникомъ вспоможенія. Взявъ во вниманіе такимъ образомъ спасительность этого дѣла вообще и особенную заслугу его въ частности теперь вслѣдствіе особенности обстоятельствъ, пожалуйста, сдѣлай, что можешь. Нѣтъ надобности болѣе говорить, обращаясь къ человѣку столь человѣколюбивому и добросердечному, какъ ты. Тебѣ извѣстно, впрочемъ, что ты еще намъ долженъ по уплатѣ спортулъ [2]); но мы уже прощаемъ тебѣ этотъ долгъ въ пользу тѣхъ бѣдныхъ. Да, пожалуйста, напиши намъ, соблаговолилъ ли ты

---

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ, или 405-мъ году.

[2]) Фронтонъ Дюкъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе касательно этого слова. Σπόρτουλα — слово латинское, значитъ собственно: кузовокъ, лукошко, или плетеная изъ гибкихъ прутьевъ корзинка, въ какихъ римляне въ древности прятали свои деньги. Впослѣдствіи спортулой стали называть порціи кушанья, которыя (in sportellis) въ корзинкахъ отпускались, вмѣсто настоящаго обѣда, кліентамъ. Далѣе, съ теченіемъ времени, этимъ словомъ стали обозначать всякаго рода жалованье, выдачи въ видахъ вспоможенія, денежное вознагражденіе за труды, какъ напримѣръ: вознагражденіе, вмѣсто жалованья по закону, получавшееся отъ соприкосновенныхъ лицъ судьями за разборъ тяжебныхъ дѣлъ, и проч. Наконецъ, въ письмахъ св. Кипріана кароагенскаго спортулами называется содержаніе, получавшееся пресвитерами и вообще всѣми членами клира, подобно тому, какъ левиты въ ветхомъ завѣтѣ получали десятины плодовъ отъ народа. Подобное значеніе должно имѣть это слово и въ настоящемъ случаѣ, въ письмѣ св. Іоанна Златоуста.

принять нашу просьбу, и порадуй насъ извѣстіемъ о здоровьѣ своемъ и всего твоего благословеннаго дома.

205. Къ пресвитеру Евѳимію [1]).

Не сокрушайтесь, что васъ устранили отъ школы [2]), а напротивъ, имѣя въ виду, какую великую вы заслужили чрезъ это награду и какъ это возвысить блескъ вашихъ вѣнцовъ, радуйтесь и веселитесь среди этихъ притѣсненій и козней. Они принесутъ вамъ высшее обиліе благъ на небѣ, прославятъ васъ и увеличатъ ваше блаженство. Тѣсенъ и узокъ путь, ведущій къ жизни вѣчной. Не поставь за трудъ постоянно писать къ намъ о своемъ здоровьѣ. Тебѣ извѣстно, какъ крѣпки тѣ узы любви, которыми мы связаны съ тобою, и какъ неизмѣнно, гдѣ бы мы ни были, я помню о тебѣ, всегда горячо тебя любивши, а теперь еще тѣмъ болѣе, чѣмъ знаменитѣе ты сталъ своими страданіями.

206. Къ Северинѣ и Ромулѣ.

Если бы я не былъ вполнѣ увѣренъ въ искренности вашей любви и неизмѣнности усердія, которое вы всегда къ намъ оказывали, я обвинилъ бы васъ въ совершенномъ равнодушіи къ себѣ за то продолжительное молчаніе, которое вы храните, не смотря на многочисленность и постоянное полученіе вами нашихъ къ вамъ писемъ. Но какъ я знаю, что, пишете ли вы или молчите, вы неизмѣнно къ намъ расположены, то не буду осуждать 732
васъ за это молчаніе, хотя мнѣ и весьма бы желательно было почаще получать отъ васъ письма съ извѣстіями о вашемъ здоровьѣ. Вамъ нельзя даже сослаться на затруднительность въ пересылкѣ писемъ, такъ какъ добрѣйшій и любезнѣйшій другъ нашъ Салюстій, я увѣренъ, всегда готовъ оказать вамъ въ этомъ отношеніи услугу. Тѣмъ не менѣе опять я нисколько не осуждаю васъ, потому что нисколько не сомнѣваюсь въ вашей любви. Во всякомъ случаѣ, съ своей стороны я не перестану писать къ вамъ по мѣрѣ возможности постоянно, зная искренность и горячность вашего къ намъ расположенія.

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и два слѣдующихъ письма.

[2]) См. выше письмо къ пресвитеру Филиппу.

207. Къ Пеанію.

Мы ожили, мы воспрянули и не ощущаемъ болѣе тяжелаго чувства изгнаннической жизни на чужой сторонѣ, узнавъ, что твоя достопочтенность воротился въ городъ переносящій такія страданія. Намъ такъ пріятно не то, что ты получилъ повышеніе въ почестяхъ: твоя настоящая честь — твоя душевная добродѣтель, и ни прежде никто не могъ отнять ее у тебя, ни теперь никто тебѣ ея не возвратилъ (можно ли возвращать то, чего отнять нельзя?), — мы въ восторгѣ отъ того, что ты принесъ съ собою въ этотъ городъ величайшее утѣшеніе всѣмъ гонимымъ, обреченнымъ на закланіе, заключеннымъ въ узы, ставши для всѣхъ нихъ общимъ благодѣтелемъ и во всякое время открытою пристанью. Ты умѣешь пріобрѣтать то, что должно пріобрѣтать. Напиши же намъ теперь о своихъ великихъ подвигахъ и скажи опредѣленно, сколько лежавшихъ ты поднялъ, сколько упавшихъ поставилъ на ноги, сколько поколебавшихся утвердилъ, какому числу измучившихся въ теченіе этого долгаго времени подалъ пособіе, кого изъ равнодушныхъ обратилъ въ усердныхъ, кого изъ усердныхъ сдѣлалъ усерднѣйшими, — вообще опиши обстоятельно каждый свой подвигъ въ этой борьбѣ твоей. Я знаю все и безъ твоего письма, потому что знаю твою душу, мой доблестный атлетъ и дивный воитель; но мнѣ хочется услышать все это и изъ твоихъ любезнѣйшихъ мнѣ устъ. Удовлетвори же настоящую нашу просьбу; ты знаешь, какое сдѣлаешь намъ одолженіе, исполнивъ ее.

---

208. Къ пресвитеру Констанцію [1]).

Въ четвертый день мѣсяца Панема [2]), среди сборовъ къ отправкѣ изъ Никеи, посылаю настоящее письмо твоему богочестію, чтобы опять попросить тебя — о томъ же, о чемъ всегда постоянно просилъ, — не смотря ни на какое ожесточеніе разразившейся теперь бури и усиленіе волнъ, неопустительно исполнять свой долгъ въ отношеніи къ принятому тобою на себя съ самаго начала служенію, то есть, въ отношеніи къ истребленію язычества,
738 постройкѣ церквей и обращенію душъ: не уступай трудному по-

---

[1]) Изъ Никеи по дорогѣ къ мѣсту ссылки, въ 404-мъ году. Это письмо приводится у Никифора Каллиста, — см. кн. 13. гл. 27.

[2]) То есть, 4-го іюля.

ложенію обстоятельствъ и не оставляй дѣла. Кормчій, видя, что море ярится и бушуетъ, не бросаетъ кормила; и врачъ, замѣчая, что недугъ больного усиливается, не прекращаетъ лѣченія: напротивъ, тотъ и другой въ подобныхъ случаяхъ въ особенности напрягаютъ свое искусство. Такъ и ты, честнѣйшій и благоговѣйнѣйшій мой господинъ, употреби все свое усердіе и не ослабляй своей дѣятельности, уступая прискорбнымъ обстоятельствамъ. За то дурное, что возносятъ на насъ другіе, мы не дадимъ отчета, а получимъ еще награду. Но если сами не будемъ исполнять своего долга и станемъ нерадивы, то стѣсненное положеніе обстоятельствъ нисколько не защититъ и не извинитъ насъ въ этомъ. Павелъ, находясь въ темницѣ и будучи забитъ въ колодки (Дѣян. XVI, 24), дѣлалъ свое дѣло, равно какъ Іона — въ утробѣ морского чудовища, и три отрока — въ печи; всѣ эти разнаго рода заключенія ни въ комъ изъ нихъ не ослабили усердія. Имѣя это, владыка мой, въ виду, не прекращай своего попеченія ни о Финикіи, ни объ Аравіи, ни о церквахъ на востокѣ, и будь увѣренъ, что тѣмъ болѣе получишь награду, чѣмъ настойчивѣе, не смотря на такое множество препятствій, будешь исполнять свой долгъ. Не поставь за трудъ также писать къ намъ постоянно, и даже сколько возможно чаще. Какъ мы теперь узнали, намъ повелѣно отправиться уже не въ Севастію, а въ Кукузъ, куда тебѣ еще удобнѣе будетъ писать къ намъ. Пиши же намъ, сколько построено въ каждый годъ церквей, сколько святыхъ мужей препровождено въ Финикію и былъ ли какой успѣхъ. Найдя здѣсь одного монаха — затворника, я уговорилъ его пойти изъ Никеи къ твоему благоговѣнію и затѣмъ отправиться въ Финикію. Постарайся меня увѣдомить, прибылъ ли онъ къ тебѣ. Касательно Саламина — города, лежащаго на Кипрѣ и осаждаемаго ересью Маркіонистовъ, я говорилъ, съ кѣмъ слѣдуетъ, и все бы покончилъ, если бы къ тому времени не подоспѣло мое изгнаніе. Если узнаешь, что господинъ мой, епископъ Киріакъ, находится въ Константинополѣ, то напиши ему объ этомъ предметѣ, и онъ въ состояніи будетъ все это кончить. Въ особенности проси всѣхъ, имѣющихъ дерзновеніе къ Богу, молиться больше и со всѣмъ усердіемъ о прекращеніи настоящаго крушенія вселенной. Невыносимыя бѣдствія постигли и Азію, и разные другіе города и церкви. Не вдаваясь теперь касательно этого въ подробности, чтобы не отяготить тебя, скажу одно только, что много нужно молиться и прилежно просить.

---

209. Къ Касту, Валерію, Діофанту и Киріаку, пресвитерамъ антіохійскимъ [1]).

Вы пишите къ намъ, вы первые посылаете намъ письмо, вы просите насъ писать къ вамъ и велите не ограничиваться при этомъ обыкновенною мѣркою письма,—все это показываетъ, что вы ненасытно и страстно насъ любите. Послѣ того пустыня, въ которой мы живемъ, не можетъ уже казаться пустынею; послѣ того намъ нельзя не ободриться среди различныхъ, постоянно
734 постигающихъ насъ, горестей. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ сравниться съ любовью? Ничто. Это—корень, источникъ и матерь всѣхъ благъ; это—добродѣтель, чуждая какого бы то ни было лишенія,—добродѣтель, сопряженная съ удовольствіемъ и приносящая одну непрерывную радость искренно усвоившимъ ее. Глубоко благодаримъ васъ за то, что вы соблюли такое искреннее расположеніе къ намъ. Съ своей стороны и мы, гдѣ бы намъ ни пришлось быть, хотя бы насъ послали на самый край свѣта, въ страну еще болѣе пустынную, чѣмъ эта, всюду пойдемъ съ мыслію о васъ, запечатлѣвъ васъ въ своемъ умѣ и заключивъ въ сердцѣ, и ни дальность разстоянія, ни давность времени, ни оглушительный шумъ бѣдствій, не сдѣлали насъ равнодушнѣе къ вашей мѣрности: очами любви мы видимъ и созерцаемъ васъ передъ собою такъ, какъ будто бы только вчера, или недавно, были вмѣстѣ съ вами, или—лучше—какъ будто бы мы постоянно были съ вами неразлучны, какъ это и дѣйствительно такъ. Такова любовь! Она не расторгается разстояніями пространства, не блекнетъ отъ давности лѣтъ, не побѣждается стеченіемъ прискорбныхъ обстоятельствъ, но постоянно растетъ въ высь и разливается, какъ пламень. Впрочемъ, вы сами знаете это лучше всѣхъ, такъ какъ лучше всѣхъ умѣете и любить, за что мы такъ преданно васъ ублажаемъ. Пусть мы жалки и бѣдны, но Богъ имѣетъ довольно средствъ, чтобы вознаградить васъ за эту любовь тѣмъ выше и тѣмъ гораздо болѣе, такъ какъ Онъ всегда съ большимъ избыткомъ вознаграждаетъ за каждое доброе дѣло и слово. Мнѣ хотѣлось бы лично увидѣть васъ, насладиться пребываніемъ съ вами и насытиться живыми изъявленіями вашей любви, но какъ это невозможно, не по лѣности или нерадѣнію съ моей стороны, а вслѣдствіе неизбѣжныхъ условій моей ссылочной жизни, то не лишите меня, по крайней мѣрѣ, другого средства къ общенію съ

[1]) Настоящее и десять слѣдующихъ писемъ писаны изъ Кукуза, въ 404-мъ году

вами и пишите къ намъ сколько возможно чаще, увѣдомляя насъ о своемъ здоровьѣ. Если мы постоянно будемъ получать отъ васъ такого рода увѣдомленія, то извлечемъ изъ нихъ большое утѣшеніе для себя, не смотря на жизнь въ чужой сторонѣ. Не скупитесь же на такое удовольствіе для насъ, зная, сколько этимъ вы насъ обяжете и сколько доставите намъ этимъ радости. При письменномъ съ вами собесѣдованіи намъ будетъ казаться, что вы здѣсь съ нами, и наше представленіе о вашемъ пребываніи съ нами по чувству взаимной любви будетъ тогда гораздо живѣе.

210. Къ Исихію.

Пріятно было бы мнѣ, не писавши первымъ къ твоей мѣрности, получить отъ тебя письмо: это было бы несомнѣннымъ признакомъ твоей пламеннѣйшей любви къ намъ; но мы не дождались твоего письма и первые пишемъ теперь къ тебѣ, желая, хотя этимъ, показать горячую любовь, которую къ тебѣ питаемъ. Впрочемъ, благодаримъ тебя и за это; я увѣренъ, что ты допустилъ это не по недостатку вниманія къ намъ, а по своей крайней скромности. Не стѣсняйся же теперь въ выраженіяхъ своей къ намъ любви: пиши сколько возможно чаще и увѣдомляй насъ о своемъ здоровьѣ. Получая подобнаго рода письма, 735
мы извлечемъ изъ этихъ свидѣтельствъ вашей любви къ намъ большое для себя утѣшеніе, хотя бы насъ удалили на самый край свѣта, въ страну еще пустыннѣе этой. Ничто такъ не облегчаетъ душу и не доставляетъ столько радости, какъ чувство искренней взаимной любви. Ты понимаешь это самъ лучше всѣхъ, такъ какъ лучше всѣхъ умѣешь и любить.

211. Къ Маркіану и Маркеллину.

Что это? Питая къ намъ такую любовь (какъ намъ не безъизвѣстно это, не смотря на раздѣляющее насъ съ вами разстояніе, благодаря именно силѣ и пламенности вашей любви), вы молчите и не напишете къ намъ ни одного разу! Вы дѣлаете для насъ изъ этого настоящую загадку. Причина, которую приводите вы въ письмѣ своемъ къ господину моему, благоговѣйнѣйшему пресвитеру Констанцію, совсѣмъ не достаточна. Впрочемъ я не разбираю ея до точности. Пусть будетъ такъ и пусть

такова была причина вашего молчанія; но вотъ и она теперь устраняется: мы пишемъ къ вамъ первыми, свидѣтельствуя вамъ благодарность за искреннюю любовь, хранимую вами къ намъ съ такой неизмѣнностію, и усердно просимъ васъ, по мѣрѣ возможности, писать и къ намъ постоянно. Что вы не замедлили бы и сами лично прибыть къ намъ сюда, если бы не представилось вашей скромности указываемыхъ вами препятствій, я нисколько не сомнѣваюсь; готовъ сказать даже, что по расположенію своей воли вы какъ бы уже и прибыли къ намъ. Но какъ на самомъ дѣлѣ этого пока невозможно исполнить, то доставьте намъ утѣшеніе своими письмами, сообщая въ нихъ радостныя извѣстія о своемъ здоровьѣ, равно какъ и о здоровьѣ всего вашего дома. Постоянно получая отъ васъ такого рода увѣдомленія, мы найдемъ въ вашихъ письмахъ большое утѣшеніе для себя, хотя бы жили въ глуши еще жесточе этой.

---

212. Къ пресвитеру Констанцію.

Удивляюсь я, почему, такъ горячо насъ любя и будучи всегда готовъ не только помочь намъ и словомъ и дѣломъ, но и пострадать изъ за насъ (какъ намъ извѣстно это и не могло не быть извѣстно при моей искренней любви къ тебѣ), ты ни разу не писалъ къ намъ, не смотря даже на то, что мы стали теперь близко къ вамъ и мой почтенный и знаменитѣйшій братъ Ливаній прибылъ сюда. Говорю это не въ осужденіе тебя, но по чувству скорби. Я горячо расположенъ къ твоему благоговѣнію не по чему-нибудь другому, но прежде всего потому, что ты со всѣмъ усердіемъ печешься о душѣ своей и служишь общею пристанью для бѣдствующихъ къ крайней нуждѣ, устраняя нищету, помогая вдовству, облегчая положеніе сиротъ и замѣняя всѣмъ отца. Горячо любя тебя за это, я и желалъ бы поэтому имѣть переписку съ твоимъ благоговѣніемъ. Доставь же намъ это удовольствіе и удовлетвори наше желаніе. Получая отъ такого любезнаго намъ человѣка, какъ ты, собственноручныя письма съ извѣстіями о твоемъ здоровьѣ и благоденствіи всего твоего дома, мы найдемъ въ нихъ, среди лишеній своей жизни въ пустынѣ, необыкновенное для себя утѣшеніе.

---

213. Къ Маркіану и Маркеллину.

Теперь вы разрѣшили загадку. А что тогда приводившаяся вами причина была дѣйствительно неудовлетворительна, это вы сами 736
доказали настоящимъ своимъ поступкомъ, рѣшившись писать къ намъ прежде, чѣмъ успѣли получить наше письмо. Такова любовь по своей природѣ: она не терпитъ молчанія и ищетъ выразиться даже тогда, когда можно опасаться осужденія за смѣлость. Но мы такъ далеки отъ мысли осуждать васъ за то, что вы рѣшились первыми къ намъ писать, что наоборотъ — величаемъ, прославляемъ васъ за это и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, считаемъ теперь искренними своими друзьями, не потому только, что вы прислали намъ письмо, но именно потому, что прислали его, не дожидаясь нашего. Богъ дастъ, избавитесь и отъ болѣзни, — будете совершенно здоровы, и тогда будетъ вамъ весьма легко и лично увидаться съ нами. Намъ и теперь доставляетъ большое утѣшеніе уже то, что мы получаемъ письма отъ людей, такъ искренно къ намъ расположенныхъ, какъ вы; тѣмъ пріянѣе будетъ лично увидаться, и мы желали бы дождаться этого сколько возможно скорѣе, такъ какъ это составитъ для насъ величайшій праздникъ.

---

214. Къ Картеріи.

Что говоришь ты? Постоянныя болѣзни не дозволяютъ тебѣ прибыть къ намъ? Но ты прибыла, ты съ нами, ты все сдѣлала для насъ, если судить по расположенію твоей воли, и тебѣ нѣтъ ни малѣйшій надобности извиняться въ этомъ. Твоя горячая и искренняя любовь, постоянно хранимая тобою въ такой силѣ, въ состояніи замѣнить намъ много радостей. Ты очень озаботила насъ теперь, увѣдомивъ о своей болѣзни. Какъ скоро избавишься отъ нея (дастъ же Богъ, избавишься и будешь опять совершенно здорова), то немедленно увѣдоми насъ, чтобы снять съ насъ заботу. Что я всегда писалъ, то и теперь опять говорю, что, гдѣ бы намъ ни пришлось быть, хотя бы насъ удалили въ страну еще пустыннѣе этой, мы никогда не перестанемъ принимать участіе въ тебѣ и твоемъ положеніи. Ты представила намъ такіе залоги своей горячей и искренней любви, что они никогда не могутъ ни истребиться, ни поблекнуть отъ времени, и, близко ли мы будемъ отъ твоего благородства, или далеко, мы всегда сохранимъ къ тебѣ ту же любовь, зная искрен-

ность и неподдѣльность расположенія, которымъ всегда неизмѣнно у тебя пользовались.

215. Къ врачу Θеодору.

Ты ссылаешься на множество дѣлъ и отсюда выводишь оправданіе, почему не пріѣхалъ къ намъ; а мнѣ кажется, что тебѣ нѣтъ ни малѣйшей надобности прибѣгать къ извиненіямъ. Ты пріѣхалъ къ намъ и, что касается нашей любви, ничего не потерялъ въ этомъ отношеніи сравнительно съ другими пріѣхавшими, потому что мы судимъ, обращая вниманіе на расположеніе воли, и, отдавая тебѣ поэтому такую же честь, какъ и имъ, считаемъ тебя между первыми изъ нашихъ друзей и благодаримъ тебя за то, что ты, проведши съ нами немного времени, или даже меньше, чѣмъ немного, оказался столько же любящимъ насъ, какъ и люди, долго съ нами жившіе. Глубоко благодаримъ тебя за это и просимъ тебя постоянно писать къ намъ. Намъ желательно бы было лично увидѣть тебя здѣсь; но, чтобы
737 не быть несправедливыми ко множеству лицъ, нуждающихся въ твоемъ пособіи и твоихъ совѣтахъ, и не лишить ихъ такой спасительной пристани, мы не смѣемъ насильно звать тебя сюда. Взамѣнъ того просимъ тебя, по мѣрѣ возможности, постоянно писать къ намъ и радовать насъ извѣстіями о своемъ здоровьѣ. Получая отъ твоей мѣрности такого рода извѣстія, мы, и далеко отъ тебя находясь, извлечемъ изъ нихъ для себя много утѣшенія.

216. Къ Северѣ.

Никогда я не видалъ твоего благородства тѣлесными очами, но очами любви вижу тебя лучше всѣхъ, такъ какъ посредствующее между нами разстояніе, какъ бы оно ни было велико, нисколько не мѣшаетъ этого рода зрѣнію. Любезнѣйшій господинъ мой Ливаній, описавъ намъ ревность твоего благородства къ правой вѣрѣ и твое усердіе, очень ободрилъ насъ. Не смотря на то, что никогда не видали тебя, мы первые обращаемся поэтому съ письмомъ къ твоему благоговѣнію и просимъ тебя также написать къ намъ, когда будетъ возможно. Получивъ отъ твоей мѣрности письмо съ увѣдомленіемъ о твоемъ здоровьѣ и благоденствіи всего твоего дома, мы извлечемъ изъ него, среди прискорбной жизни на чужой сторонѣ, величайшее для себя утѣшеніе, потому что нѣтъ ничего дороже любви.

217. Къ епископу Елпидію.

Весьма благодаренъ я любезнѣйшему господину моему Ливанію за то, что онъ оставилъ свой домъ, прибылъ сюда и теперь опять отправляется къ твоему благоговѣнію, за что особенно благодарю его. Мнѣ всего дороже, чтобы ты со стороны всѣхъ пользовался всецѣлымъ почтеніемъ и уваженіемъ, — не потому, чтобы это тебѣ самому было нужно, но потому, что это полезно для блага церквей, какъ застигнутыхъ бурею, такъ и не испытывающихъ ея. Прими же его благосклонно, честнѣйшій и боголюбезнѣйшій мой владыко, и, разузнавъ отъ него подробно все, какъ о дѣлахъ въ Антіохіи, такъ и о нашемъ положеніи (такъ какъ онъ можетъ разсказать тебѣ и объ этомъ, не долго съ нами пробывши, но видѣвши, какъ мы живемъ), отпусти его обратно радостнымъ и веселымъ. Онъ преданъ твоему богочестію, но горячо любитъ и насъ. Передай, пожалуйста, отъ насъ привѣтъ любезнѣйшему и честнѣйшему владыкѣ моему, пресвитеру Асинкритію, съ его любезнѣйшими дѣтьми, и всему твоему клиру, которому въ короткое время внушилъ ты свою любовь къ намъ. Намъ не безъизвѣстно, до какой степени всѣ члены его любятъ насъ и готовы все для насъ сдѣлать и всѣмъ пожертвовать. А все это — дѣло твоего богочестія.

218. Къ Аделіи.

Часто мы пишемъ къ твоему благоговѣнію. Но намъ мало этого часто, — намъ хотѣлось бы писать къ тебѣ ежедневно: ты знаешь, въ какой степени расположены мы къ твоей мѣрности. А какъ это невозможно, то съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія мы посылаемъ тебѣ свое привѣтствіе всякій разъ, какъ только представляется возможность, выражая въ то же время 738
желаніе постоянно и непрерывно имѣть извѣстія о твоемъ здоровьѣ и благодушіи. Прошу же тебя: зная, какое ты доставляешь намъ удовольствіе, когда увѣдомляешь насъ объ этомъ, — пожалуйста, сдѣлай это одолженіе, пиши къ намъ объ этомъ постоянно. Напримѣръ, въ настоящій разъ намъ очень прискорбно, что, когда собирался отъ васъ ѣхать сюда честнѣйшій господинъ мой Ливаній, человѣкъ, такъ сказать, всѣмъ извѣстный и пользующійся нашею любовью, ты не написала съ нимъ къ намъ письма, не зная, вѣроятно, о его отъѣздѣ; но это-то намъ и

прискорбно, что ты не знаешь, кто отъ васъ ѣздитъ къ намъ. Мы, напротивъ, постоянно всѣми мѣрами развѣдываемъ и разузнаемъ, кто отсюда ѣдетъ къ вамъ, чтобы въ случаѣ возможности чрезъ посредство тѣхъ лицъ исполнить свое желаніе, то есть, непремѣнно написать къ твоей мѣрности.

---

219. Къ Картеріи.

Если бы ты вполнѣ знала, какое ты доставляешь намъ удовольствіе тѣмъ, что пишешь къ намъ, и пишешь постоянно, всегда услаждая свои письма медомъ любви своей, — то ты употребила бы всѣ средства, чтобы быть въ состояніи присылать намъ по письму ежедневно. Мы забываемъ даже, что мы въ Кукузѣ, что мы проводимъ жизнь въ глуши, — столько радости приносятъ намъ твои письма и твоя искренняя любовь! А сколько расположенія къ намъ, сколько нѣжной заботливости съ твоей стороны видно изъ того, что ты не только къ намъ пишешь, но убѣдила еще собраться въ путь и отправиться къ намъ сюда господина моего, любезнѣйшаго брата нашего Ливанія? Мы въ восторгѣ, мы торжествуемъ послѣ этого, потому что нѣтъ ничего дороже искренней любви. Ты изволишь просить, чтобы мы хранили то же расположеніе, какое отъ начала оказывали къ твоей мѣрности. Но мы не въ силахъ довольствоваться этою мѣрою и съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія замѣчаемъ, что наше расположеніе къ тебѣ возрастаетъ ежедневно. Мы постоянно думаемъ про себя о благородствѣ твоей души, о твоей прямотѣ, независимости, преданности въ любви, искренности и непритворствѣ, и эти мысли доставляютъ намъ величайшее наслажденіе. Просимъ тебя поэтому, не усумнись въ нашей любви и не поскорби на насъ за то, что мы возвращаемъ теперь назадъ присланное намъ твоею честностію. Что касается твоего усердія, то мы отнюдь не отвергаемъ его и въ этомъ отношеніи приняли все, что тобою прислано, но какъ въ настоящее время не чувствуемъ никакой нужды, то и положили, чтобы все это оставалось въ сохранности у твоего благородства. Если же когда-нибудь придетъ нужда, то ты увидишь, какъ смѣло и довѣрчиво мы напишемъ къ тебѣ, чтобы прислать намъ это. Такимъ образомъ мы оправдываемъ твои собственныя слова. Въ концѣ письма ты говоришь: „покажи, что ты удостоиваешь насъ своего довѣрія и пользуешься нашимъ, какъ своею собственностію". Итакъ, если тебѣ угодно, какъ и дѣйствительно ты хочешь этого, чтобы мы

такъ полагались на тебя и пользовались твоимъ, какъ своею собственностію, то пришли мнѣ это тогда, когда я напишу. Выражая желаніе, чтобы это было прислано мнѣ тогда, когда я захочу, а не тогда, когда мнѣ не нужно, я даю тебѣ такимъ образомъ очевиднѣйшее доказательство, что смотрю на это именно, какъ на 739
свою собственность. Покажи же и теперь свою искреннюю любовь и свое уваженіе къ намъ: уступи намъ въ этомъ и пришли поскорѣе письмо съ извѣстіемъ, что это тебѣ не было прискорбно. Въ противномъ случаѣ ты повергнешь насъ въ безпрерывную заботу, и мы постоянно будемъ думать, не опечалили ли какъ-нибудь тебя, потому что мы высоко дорожимъ твоею любовью и спокойствіемъ твоего благородства. Долго мы извинялись; увѣдоми же, какъ ты приняла наше извиненіе. Надобно знать твоей мѣрности, что въ отношеніи къ другимъ лицамъ, дѣлавшимъ намъ такія же присылки и также весьма искренно къ намъ расположеннымъ, намъ вовсе не было нужды прибѣгать къ извиненіямъ и довольно было просто отослать назадъ присланное ими; предъ твоею же честностію мы извиняемся, приносимъ просьбу не оскорбляться на насъ и будемъ постоянно повторять эту просьбу до тѣхъ поръ, пока ты не увѣдомишь насъ, что не оскорбляешься нисколько. Когда мы получимъ такое увѣдомленіе, то оно будетъ для насъ вдвое, втрое, во много разъ дороже того, что теперь было прислано, потому что это будетъ самымъ очевиднымъ свидѣтельствомъ того уваженія и почтенія, которое ты къ намъ имѣешь.

220. Къ (епископу) антіохійскому [1]).

Слѣдовало бы вашему благоговѣнію не измѣнять свои мысли по тому, что наговорятъ другіе, а во множествѣ лжи со всею осмотрительностію разслѣдывать истину. Если всѣ сплетни ты будешь принимать за правду, то каждый испугается; если же темное будетъ изслѣдуемо судомъ и по законамъ, то я охотно

[1]) То есть, къ преемнику св. Флавіана, Порфирію, епископу антіохійскому, который былъ въ числѣ непримиримыхъ враговъ св. Іоанна Златоуста. Основываясь на слогѣ рѣчи и судя по самому содержанію этого письма, Тильмонъ думаетъ, что оно принадлежитъ не св. Іоанну Златоусту, а пресвитеру антіохійскому Констанцію, которому принадлежатъ письма, помѣщаемыя ниже, и который, будучи вынужденъ Порфиріемъ оставить Антіохію, добровольно раздѣлялъ съ св. Іоанномъ Златоустомъ его изгнанническую жизнь. Мнѣніе это не лишено нѣкоторой вѣроятности, тѣмъ болѣе, что и другія письма Констанція сохранились также между письмами св. Іоанна Златоуста.

предсталъ бы предъ ваше судилище, если только кто-нибудь опять не навѣетъ на меня новыхъ стрѣлъ клеветы. Боюсь я, боюсь наконецъ тѣней и привидѣній, послѣ того какъ вы такъ судите. Друзья отреклись отъ дружбы, *ближніи отъ далече сташа* (Псал. XXXVII, 12) и дальніе изощряютъ стрѣлы клеветы. Вы сдѣлали, что я среди пристани потерпѣлъ крушеніе. Но пусть изгоняютъ меня изъ города и отлучаютъ отъ церкви: я готовъ подчиниться всякому наказанію. Я предпочелъ философствовать и мужественно переносить непріятности. Увѣренъ, вполнѣ увѣренъ, что пустыня будетъ для меня надежнѣе города и дикіе звѣри кротче друзей. Будь здоровъ.

---

221. Къ Врисону [1]).

Семьдесятъ почти дней проведши въ дорогѣ, — изъ чего можно понять твоей достопочтенности, сколько пришлось намъ перенесть разнаго рода бѣдъ, при постоянномъ опасеніи еще нападенія со стороны исаврійцевъ и непрерывной борьбѣ съ невыносимою горячкою, — наконецъ-то уже прибыли мы въ Кукузъ — мѣсто самое пустынное во всей вселенной. Говорю это не съ намѣреніемъ просить, чтобы вы хлопотали предъ кѣмъ-нибудь о перемѣщеніи насъ отсюда; самое страшное мы уже вынесли —
740 дорожное мученье; нѣтъ, указывая на это, я прошу у васъ милости — постоянно писать къ намъ и потому, что насъ переселили отъ васъ такъ далеко, не лишать насъ и этого утѣшенія. Вы понимаете, какъ утѣшительно намъ будетъ, въ нашемъ прискорбномъ и горестномъ положеніи, знать, что, по крайней мѣрѣ, вы, друзья наши, пользуетесь благодушіемъ, здоровьемъ и полною безопасностію. Пиши же къ намъ объ этомъ постоянно, чтобы отсюда намъ можно было извлечь много радости. Ты не только ободришь насъ, но доставишь намъ этимъ большое подкрѣпленіе; притомъ же не безъизвѣстно тебѣ, какъ дорого намъ твое благополучіе.

---

222. Къ Порфирію, епископу росскому [2]).

Я знаю, что твоя любовь къ намъ тверда, неизмѣнна, непреклонна, и что никакія тяжелыя обстоятельства не въ состояніи по-

---

[1]) По пріѣздѣ въ Кукузъ въ 404-мъ году. Часть этого письма приводитъ Никифоръ Каллистъ,—см. кн 13, гл. 27.

[2]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году, какъ и слѣдующее письмо къ Картерію.

колебать ея; ты доказалъ это дѣлами. Поэтому и мы, не смотря на заточеніе въ Кукузъ, самое пустыннѣйшее мѣсто всего нашего государства, и на постоянное опасеніе нападенія исаврійцевъ, при всѣхъ своихъ горестныхъ обстоятельствахъ, пишемъ къ тебѣ и приносимъ должное привѣтствіе твоему благоговѣнію, будучи раздѣлены съ тобою тѣлесно, но неразрывно связаны душею. Это доставляетъ намъ величайшее утѣшеніе. Если и очень тяжело здѣсь жить, то, по крайней мѣрѣ, весьма пріятно, что мы теперь сосѣди съ вами и можемъ постоянно, при незначительности между нами разстоянія, и сами писать къ вашему благоговѣнію, и отъ васъ получать письма. Наслаждаясь такимъ праздникомъ (такъ какъ я вижу въ этомъ праздникъ, торжество и источникъ величайшаго для себя удовольствія), мы совершенно забудемъ и пустыню, и опасенія, и болѣзни.

223. Къ игемону Картерію [1]).

Чрезвычайно пустынное мѣсто—Кукузъ; при всемъ томъ онъ не столько печалитъ насъ своею пустынностію, сколько радуетъ тишиною и совершеннымъ спокойствіемъ. Мы нашли въ этой пустынѣ какъ будто своего рода пристань, и теперь, живя здѣсь, отдыхаемъ отъ дорожныхъ бѣдствій и, пользуясь спокойствіемъ, стараемся загладить слѣды болѣзни и другихъ золъ, которыя пришлось намъ испытать. Говоримъ это твоей свѣтлости въ полномъ убѣжденіи, что тебѣ пріятно будетъ узнать объ облегченіи нашего положенія. Притомъ же мы никогда не въ состояніи заыть того, что ты сдѣлалъ для насъ тамъ, устранивъ ту безраз

[1]) Игемонами назывались предсѣдатели суда извѣстнаго округа (τοῦ ἡγεμονικοῦ δικαστηρίου),—напримѣръ: игемонъ Ливіи, игемонъ Каріи, игемонъ Неокесаріи. Препод. Макарій египетскій, разсуждая о постепенности въ дѣлѣ нравственнаго усовершенія, между прочимъ, говоритъ, что такъ бываетъ и въ отношеніяхъ гражданской жизни: сначала человѣкъ учится азбукѣ; потомъ проходитъ римскую школу; пройдя ее окончательно, онъ дѣлается опять новичкомъ, поступая въ школу грамматиковъ; успѣвъ лучше всѣхъ въ этой послѣдней школѣ, онъ дѣлается софистомъ и такимъ образомъ становится опять новичкомъ и низшимъ лицомъ между всѣми, занимающимися судопроизводствомъ; ставши первымъ между софистами, онъ дѣлается игемономъ, и т. д. (См. бес. 15, по франкф. изд. 1594 г. стр. 217). И въ самой благодати, говоритъ онъ же еще (тамъ же бес. 16 стр. 248), есть разныя степени и достоинства: иное дѣло полководецъ, сановникъ, имѣющій дерзновеніе предъ царемъ, и иное дѣло — игемонъ.

судную и нелѣпѣйшую суматоху и въ то же время употребивъ всѣ мѣры и принявъ съ своей стороны всѣ средства, чтобы доставить намъ безопасность. Прославляя тебя за это предъ всѣми и вездѣ, гдѣ бы мы ни были, приносимъ тебѣ, достопочтеннѣйшій мой господинъ, глубокую благодарность за такое попеченіе. Но,
741—742 чтобы намъ не только пользоваться любовью твоею, но и радоваться извѣстіями отъ тебя о твоемъ здоровьѣ, — сдѣлай намъ и эту милость. Не смотря на жизнь въ чужой землѣ, мы не лишимся еще радости и утѣшенія, если будемъ отъ твоей достопочтенности получать письма съ этими извѣстіями.

ПИСЬМА ПРЕСВИТЕРА КОНСТАНЦІЯ.

I. Письмо къ матери [1]).

741 Убѣждать сына, чтобы онъ, когда того требуетъ надобность, бѣжалъ изъ своего дома, кротко встрѣтить разлуку съ нимъ и даже неоднократно благодарить его за отъѣздъ — все это свойственно только матери истинно нѣжной и чадолюбивой. Ты побѣдила силу природы, повелѣвъ намъ промѣнять городъ на пустыню, безопасность на страхъ отъ исаврійцевъ, жизнь съ вами на разлуку, чтобы только не быть намъ вынужденными поступить противъ долга. Приносимъ тебѣ глубокую благодарность не за то, что родила, но за то, что такъ воспитываешь насъ, будучи матерью, какою быть должно,—тогда какъ другія, уступая слабости и стараясь объ удержаніи при себѣ дѣтей болѣе, нежели объ ихъ истинномъ благѣ, справедливо могутъ быть названы не матерями, а дѣтоубійцами. Но какъ въ настоящемъ случаѣ ты показала себя мужественною и болѣе твердою, чѣмъ самое желѣзо, предуготовивъ себѣ такимъ настроеніемъ души неизреченную награду отъ человѣколюбиваго Бога,—такъ, просимъ и умоляемъ тебя, и во всѣхъ другихъ случаяхъ держись того же любомудрія и будь убѣждена, что одно только есть несчастіе — грѣхъ, все же прочее, власть, слава, честь людская — одинъ миѳъ. Путь, ведущій къ

[1]) Настоящее и четыре слѣдующихъ письма антіохійскаго пресвитера Констанція сохранились вмѣстѣ съ письмами св. Іоанна Златоуста. Служа отчасти дополненіемъ къ источникамъ свѣдѣній о жизни святителя въ изгнаніи, они во всѣхъ изданіяхъ занимаютъ мѣсто на ряду съ собственными его письмами; а потому и мы оставляемъ за ними это мѣсто въ своемъ изданіи.

небу, по преимуществу есть путь, усѣянный скорбями. *Многими бо скорбми,* говоритъ Писаніе, *подобаетъ намъ внити въ царствіе* 742
Божіе (Дѣян. XIV, 22). И всѣ святые, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ, шли этимъ путемъ, подвергаясь постоянно навѣтамъ, гоненіямъ, будучи вынуждаемы спасаться бѣгствомъ и жить въ изгнаніи, не имѣя ни родины, ни дома, или претерпѣвая преждевременную смерть, и притомъ отъ тѣхъ, отъ кого всего менѣе слѣдовало. Что, скажи мнѣ, больнѣе или жесточе, какъ быть убитымъ братнею рукою и претерпѣть преждевременную и насильственную смерть послѣ отличія и столь высокой чести? Что больнѣе, какъ единственному и въ глубокой старости дарованному сыну узнать повелѣніе быть закланнымъ отцовскою рукою, или родителю его быть исполнителемъ этого закланія? Не говори мнѣ, что онъ послѣ получилъ назадъ своего сына здравымъ и невредимымъ. Праведникъ нисколько не предвидѣлъ этого; онъ возвелъ его на гору, построилъ жертвенникъ, возложилъ дрова, взялъ ножъ—въ полномъ убѣжденіи, что непремѣнно умертвитъ сына, и вонзилъ остріе,—да, онъ уже и вонзилъ его, сколько это зависѣло отъ его воли, за что и прославляетъ его вся вселенная. Укажу ли тебѣ на его внука? Увидишь, что опять отъ братней зависти онъ долженъ былъ бѣжать, лишиться родины, сдѣлаться рабомъ, наемникомъ на чужой сторонѣ, и опасаться за свою жизнь.
На Іосифа ли? Онъ былъ проданъ, служилъ рабомъ, былъ въ 743
узахъ столько лѣтъ, претерпѣлъ безчисленныя бѣдствія. На Моисея ли? Онъ перетерпѣлъ такъ много зла отъ іудеевъ! А бѣдствій апостоловъ и словомъ изобразить невозможно. Припоминая все это и имѣя въ виду награду за терпѣніе, мужественно переноси горести, принося тѣмъ жертву Богу, и прославляй Бога за все. Іовъ увѣнчанъ за изреченіе въ этомъ смыслѣ. Надѣйся также на перемѣну къ лучшему, молись непрестанно Богу объ этомъ и постарайся написать намъ, что наше письмо принесло тебѣ пользу въ отношеніи благодушія, если не хочешь смутить нашей радости. Мы живемъ здѣсь весьма пріятно, наслаждаясь сообществомъ святѣйшаго епископа, тишиною здѣшняго мѣста и совершенною безмятежностію. Страхъ отъ исаврійцевъ прекратился, такъ какъ зима прогнала ихъ въ ихъ землю. Не возмущай же такой пріятной нашей жизни. Если отъ твоей честности придетъ къ намъ письмо съ увѣдомленіемъ, что ты переносишь огорченія, какъ прилично тебѣ и достойно высокой души твоей, то это еще болѣе возвыситъ наше благодушіе. Плодотворное сообщество святѣйшаго епископа необыкновенно ободрило насъ, такъ что сдѣлало почти другимъ человѣкомъ и заставило насъ совершенно забыть, что мы въ чужой сторонѣ: такимъ обиліемъ радости

переполняетъ насъ счастье быть съ нимъ, — такое течетъ вокругъ насъ богатство духовное,—и мы постоянно и непрестанно благодаримъ за это Бога!

II. Его же письмо къ своей сестрѣ.

Насъ соединяютъ съ тобою любовью законъ природы и одновременное появленіе на свѣтъ; но не за это только, а по другой, гораздо болѣе уважительной, причинѣ, мы уважаемъ и любимъ твою честность, — за то, что ты не дорожишь ничѣмъ настоящимъ, что ты отвѣяла отъ себя этотъ дымъ, стряхнула эту пыль, попрала этотъ прахъ, облегчила свои крылья для полета по пути къ небу, и ни дума о мужѣ, ни забота о воспитаніи дѣтей, ни стараніе о домашнемъ хозяйствѣ, ни проистекающія отсюда безпокойства не въ состояніи остановить, или замедлить, твоего стремленія, напротивъ — самыя эти кажущіяся препятствія служатъ тебѣ только къ большему увеличенію скорости твоего полета. Даже бѣдность, смиряющая людей доблестныхъ [*нищета бо,* сказано (Притч. x, 4), *мужа смиряетъ*], не могла тебя унизить, но сдѣлала еще болѣе высокою. Такъ могущественна добродѣтель: ея не свяжутъ всѣ эти паутинныя тенеты; разрывая ихъ легче, чѣмъ настоящую паутину, она пріобрѣтаетъ только чрезъ то болѣе славы. Мы пишемъ это твоей честности не безъ цѣли; но, предполагая, что нашъ отъѣздъ и безпорядочное положеніе тамошнихъ дѣлъ очень смущаютъ и огорчаютъ тебя, мы хотимъ сказать такимъ образомъ твоему благоговѣнію, чтобы ты, имѣя въ виду, что наша жизнь есть путь, — тѣсный, когда она добродѣ-
744 тельна, и широкій, когда порочна, не завидовала благоденствующимъ въ грѣхахъ, но тѣмъ болѣе плакала о нихъ (такъ какъ самое благоденствіе ихъ служитъ имъ преддверіемъ будущаго мученія), и не жалѣла объ идущихъ путемъ тѣснымъ, но тѣмъ болѣе считала ихъ блаженными, если только они идутъ, не отставая отъ добродѣтели, — потому что и имъ равнымъ образомъ, послѣ добродѣтели, самая эта стѣсненность ихъ настоящаго положенія послужитъ въ преддверіе и въ приращеніе ихъ славы и вѣнцовъ. Такъ богачъ не за то только горѣлъ въ огнѣ, что былъ свирѣпъ и безчеловѣченъ, но и потому, что пользовался слишкомъ большимъ богатствомъ и услаждался роскошною трапезою; такъ и Лазарь увѣнчанъ за то, что, кромѣ великаго своего терпѣнія, переносилъ жестокую борьбу съ ранами, нищету, безпо-

мощность, отверженіе, презрѣніе, предоставленіе его въ пищу языкамъ псовъ. Хотя ты знаешь все это и безъ нашего письма, но мы сочли необходимымъ напомнить и написать тебѣ объ этомъ и съ своей стороны, чтобы ты не смутилась подъ гнетомъ унынія. Я не хочу обо всемъ говорить на бумагѣ; но я знаю положительно, сколько постигло васъ горестей, а потому и посылаю это письмо. Если хочешь, чтобы мы, не смотря на житье въ чужой сторонѣ, чувствовали себя весьма пріятно, то напиши намъ въ отвѣтъ и увѣдоми, что настоящее увѣщаніе наше произвело свое дѣйствіе, какъ мы того хотѣли и желали. Тогда, и живя далеко отъ васъ, мы получимъ отсюда много радости. Перенося въ свою очередь столько бѣдствій, мы не чувствуемъ ихъ нисколько, потому что имѣемъ въ виду награду за то, что переносимъ, и надѣемся дождаться очень скоро перемѣны дѣлъ къ лучшему, какъ это видно уже по самому началу. Смотри и ты на вещи такъ же и не разслабѣвай подъ тяжестью терпѣнія: занимайся и другими своими дѣтьми (заслуга, которая при настоящихъ обстоятельствахъ вмѣнится тебѣ сравнительно выше), и милую свою Епифанію старайся воспитать благоугодно Богу. Ты знаешь, какъ велика награда за воспитаніе дѣтей. Такъ, между прочимъ, прославился Авраамъ; за это увѣнчанъ Іовъ; и блаженный Павелъ постоянно заповѣдуетъ это родителямъ, говоря: *воспитовайте чадъ своихъ въ наказаніи и ученіи Господни* (Ефес. VI, 4). У тебя есть занятіе, которое можетъ отвлечь тебя отъ излишнихъ и неумѣстныхъ заботъ и отъ безполезнаго унынія, занятіе — весьма прибыльное, могущее принесть тебѣ обильнѣйшіе плоды добродѣтели, если только захочешь посвятить себя этому дѣлу. О государынѣ моей матери, конечно, нѣтъ надобности тебѣ и напоминать, потому что между прочими достоинствами я признаю за тобою и то доброе качество, а въ немъ — заслугу неизреченной награды, что ты въ уходѣ за нею превосходишь всякую служанку. Впрочемъ, такъ какъ мнѣ естественно сказать тебѣ слово и объ этомъ, то послушай, что замѣчаетъ блаженный Павелъ, говоря о почитаніи родителей: *яже есть заповѣдь первая во обѣтованіихъ* (Ефес. VI, 2). Если ты будешь такъ себя вести, то какъ себѣ предуготовишь великую славу, такъ и намъ сдѣлаешь большое удовольствіе. Послѣ всѣхъ нашихъ бѣдствій намъ будетъ казаться тогда, что съ нами не случилось ничего бѣдственнаго, и, одушевляясь высокою радостію при мысли о твоихъ добродѣтеляхъ, мы будемъ 745
представлять себѣ, что мы — дома, что мы живемъ неразлучно съ вами и все у насъ идетъ вполнѣ благополучно.

III. Его же письмо къ пресвитерамъ Валерію и Діофанту [1]).

Если бы я даже не писалъ къ вамъ, во всякомъ случаѣ вамъ слѣдовало писать ко мнѣ: таковъ законъ любви; любящіе не допускаютъ превзойти себя, но всегда стараются стать выше любимыхъ въ избыткѣ любви. Но я писалъ къ вамъ и разъ, и два; а вы при всемъ томъ не удостоиваете меня своихъ писемъ и храните такъ упорно молчаніе въ отношеніи къ человѣку, которому хотѣлось бы получать ихъ отъ васъ въ несмѣтномъ количествѣ. Говорю это не въ осужденіе васъ, — я не забылъ до такой степени своей мѣрки, — но по чувству боли и унынія. Чѣмъ нетерпѣливѣе жду вашихъ писемъ, тѣмъ мнѣ больнѣе, что ихъ все нѣтъ. Неужели, думаете, мы мало нуждаемся въ утѣшеніи, разлучившись съ матерью и сестрою, разставшись съ родиной, потерявъ возможность видѣться съ многочисленнымъ кругомъ своихъ знакомыхъ, живя въ пустынѣ страшнѣе всѣхъ пустынь и въ постоянной опасности со стороны исаврійцевъ? Но не говорю о своемъ личномъ положеніи. Ежедневно слышишь, что и общественныя бѣдствія разростаются по вселенной все болѣе и болѣе и съ каждымъ днемъ увеличиваются въ своихъ размѣрахъ, грозя какимъ-то страшнымъ крушеніемъ. Если бы возможно было мнѣ выразить словомъ весь гнетъ подавляющаго меня унынія, то, и безъ моихъ рѣчей, вы раскаялись бы тогда сами въ своемъ молчаніи. Кромѣ того прискорбно, что вы поступаете такъ со мною, не имѣя даже возможности сослаться на недостатокъ случаевъ для пересылки писемъ. Это значитъ... но я не хочу сказать ничего непріятнаго и предоставляю вамъ самимъ лучше знать, значитъ ли это или нѣтъ,—полное ваше пренебреженіе и презрѣніе къ намъ. Я и не жалуюсь на это,—пренебрегаете ли вы мной, или презираете наше ничтожество,—я прошу только ваше богочестіе, какъ бы вы на меня ни смотрѣли, утѣшить меня вашими многоутѣшительными посланіями. Постоянно прибываютъ къ намъ то одинъ, то другой, какъ и теперь — господинъ мой, честнѣйшій братъ Ливаній, а вы все не удостоиваете насъ своихъ писемъ. Не прибавляйте же, умоляю васъ, къ моему унынію новаго унынія. Впрочемъ, если и послѣ этого письма вамъ не угодно будетъ написать къ намъ, по нежеланію ли взять на себя такой трудъ или по равнодушію, мы и тогда не перестанемъ къ вамъ писать и въ своихъ письмахъ жаловаться и сѣтовать на ваше молчаніе. На это уже наша воля. Намъ и это будетъ нѣсколько

[1]) Изъ Кукуза въ 404-мъ году.

утѣшительно. Въ особенности же много, кромѣ этого, ободряетъ
насъ то, что даже до нашей пустыни, до самаго края земли (потому
что мы живемъ теперь почти на самомъ краю) достигла
громкая слава о вашихъ великихъ подвигахъ. Всѣ прославляютъ,
величаютъ, превозносятъ, ублажаютъ васъ за ваше мужество, —
за твердость, которую вы показываете на дѣлѣ въ исполненіе
словъ Писанія: *даже до смерти подвизайся о истинѣ, и Господь поборетъ
по тебѣ* (Сирах. IV, 32). По крайней мѣрѣ, вотъ какія
уже поднялись волны, какая возстала буря: и никто не могъ ни 746
смутить васъ, ни сколько-нибудь вамъ повредить; но желающіе
сдѣлать вамъ зло невольно сдѣлались только виновниками увеличенія
вашей славы. Радуйтесь поэтому, прошу васъ, и веселитесь;
а также непрестанно молите Бога, все дѣлающаго и все
преобразующаго, потому что Онъ, по Своей благости, можетъ
скоро съ преизбыткомъ исполнить все, о чемъ мы просимъ, или
только думаемъ (Ефес. III, 20).

IV. Его же письмо къ пресвитеру Касту.

Какъ ясно высказывается и какъ мало можетъ укрыться горячая душевная любовь, въ примѣръ этого можно указать на твою честность. Ты еще не зналъ, писали ли мы къ твоему благоговѣнію (хотя мы уже послали тебѣ письмо), между тѣмъ самъ дѣлаешь свое и пишешь къ намъ. Это показываетъ искренность твоего расположенія и доставляетъ намъ много радости и утѣшенія. Пожалуйста, пиши постоянно, по мѣрѣ возможности, чтобы такимъ образомъ постоянно поддерживать въ насъ эту радость и удовольствіе. Мы знаемъ, что въ этомъ отношеніи то неудобно, что не легко сюда къ намъ добраться, — это самое глухое мѣсто во всемъ свѣтѣ; но для любящихъ и неудобное дѣлается удобнымъ. Если только захочешь поискать и похлопотать, то ты всегда можешь найти тамъ у себя кого-нибудь, кто ѣдетъ къ намъ сюда по своимъ надобностямъ, и никогда не встрѣтишь недостатка въ попутчикахъ. Поэтому, честнѣйшій мой владыко, пиши къ намъ постоянно. Тебѣ это не составитъ ни тяжести, ни труда, а намъ доставитъ радость, которая насъ оживитъ и послужитъ къ нашему ободренію.

V. Его же письмо къ пресвитеру Киріаку.

Я вижу въ этомъ новый опытъ твоей горячей, искренней и непреклонной любви, которымъ ты доказалъ, что не въ лицо только, но и заочно высоко насъ цѣнишь. Ты говоришь, что мы не писали къ твоей честности; и однако это не было для тебя достаточнымъ основаніемъ также хранить молчаніе, но, не смотря на увѣренность въ томъ, что мы къ тебѣ не писали, ты шлешь намъ три письма. Между тѣмъ мы писали къ тебѣ и разъ, и два, и три, и много разъ. Такимъ образомъ счастливо выразились вмѣстѣ и твоя любовь, не нуждающаяся для возбужденія въ нашихъ письмахъ, и наша сочувственность. Зная теперь, какъ мы расположены къ твоей честности за то, что ты изобилуешь высочайшею изъ всѣхъ добродѣтелей, *союзомъ совершенства* (Колос. III, 14), будь щедръ въ доставленіи намъ этой радости. Сколько бы мы ни получили отъ тебя писемъ и какъ бы ни было велико ихъ число, мы не насытимся ими въ достаточной степени по горячему нашему расположенію къ твоей честности.

ПИСЬМА СВ. І. ЗЛАТОУСТА.

224. Къ Халкидіи и Асинкритіи [1]).

Нисколько не нужно вамъ оправдываться въ томъ, что вы не прибыли: цѣня ваше намѣреніе, я считаю, что прибыли и вы, и въ моемъ мнѣніи вы ничѣмъ не ниже дѣйствительно прибывшихъ сюда. Глубоко благодарю васъ за вашу искреннюю любовь и совершенно извиняю за непріѣздъ въ виду такихъ причинъ, какъ разстройство здоровья, время года и опасеніе разбойниковъ.
747—8 Постарайтесь взамѣнъ того постоянно писать къ намъ и увѣдомлять насъ о себѣ. Хотя мы далеко живемъ, но мы заботимся о вашемъ положеніи, и когда слышимъ, что, внѣ всякихъ опасностей и безпокойствъ, вы наслаждаетесь благоденствіемъ, то это доставляетъ намъ необыкновенную радость. Зная это, радуйте насъ постоянно такими желанными извѣстіями, чтобы, и въ пустынѣ живя, мы могли найти въ нихъ большое для себя утѣшеніе.

---

[1]) Писано изъ Кукуза въ 404-мъ году.

225. Къ монаху Кесарію [1]).

Читали мы письмо твоей честности, но читали не безъ слезъ, потому что какъ не плакать и не сокрушаться душевно, видя, что братъ, отъ юности избравшій монашескую жизнь и всецѣло посвятившій себя благочестію, внезапно палъ подъ ударами еретиковъ? 755—6

„Ты скажешь, конечно, что ты отъ заблужденія перешелъ къ лучшему, и изъявишь благодарность доставившимъ тебѣ ту дивную книгу, которую въ прекрасномъ письмѣ своемъ ты называешь превосходною, такъ какъ она ясно проповѣдуетъ, что (во Іисусѣ Христѣ) совершилось существенное стеченіе и богодостойное смѣшеніе божества съ плотію, чрезъ что и составилось одно естество. Но это, достопочтенный мой, есть нелѣпость безумнаго Аполлинарія; это — нечестивѣйшая ересь тѣхъ, которые вводятъ сліяніе и сраствореніе“, — ничѣмъ не отличающееся продолженіе ересей Арія, Аполлинарія, Савеллія и Манеса: по ихъ ученію выходитъ уже, что страданіе надобно относить и прилагать къ божеству Единороднаго; но это — чуждо христіанамъ. 757

Образумься же, возлюбленный, и возвратись опять въ прежнее состояніе, отказавшись отъ этого нечистаго мнѣнія, которое принадлежитъ Аполлинарію и такъ называемымъ синусіастамъ [2]).

---

[1]) Въ полномъ своемъ видѣ настоящее письмо дошло до нашего времени лишь въ средневѣковомъ латинскомъ переводѣ и только нѣкоторыя мѣста его, которыя мы въ своемъ переводѣ обозначили вносными знаками, сохранились на греческомъ языкѣ въ разныхъ твореніяхъ древнихъ греческихъ писателей, какъ то: Леонтія Іерусалимскаго († ок. 596 г.), Анастасія Пресвитера, ученика препод. Максима Исповѣдника († 662 г.), Іоанна Дамаскина († ок. 780 г.) и Никифора патріарха константинопольскаго († 829 г.). Всѣ поименованные писатели, пользуясь этимъ письмомъ въ своихъ сочиненіяхъ большею частію противъ монофизитовъ, указывали на него, какъ на подлинное твореніе св. Іоанна Златоуста, и приводили изъ него отрывки въ доказательство того, что и прежде Халкидонскаго собора отцы и учители церкви учили о неслитности естествъ въ лицѣ Іисуса Христа такъ же, какъ учитъ православная церковь послѣ. Не смотря на то, почти всѣ извѣстнѣйшіе римско-католическіе ученые, исключая Гардуина, отвергаютъ его подлинность и думаютъ, что оно принадлежитъ какому-нибудь неизвѣстному писателю, жившему послѣ времени Халкидонскаго собора, но безъ достаточныхъ основаній. Полное заглавіе этого письма, какъ по латинскому переводу, такъ почти и по греческой выдержкѣ изъ Никифора константинопольскаго, читается такъ: *Письмо къ монаху Кесарію блаженнаго Іоанна, епископа* (ἀρχιεπισκόπου) *константинопольскаго, изъ времени вторичной его ссылки.*

[2]) Такъ звали аполлинаристовъ, какъ это можно видѣть изъ твореній св. Григорія Богослова.

Нечестивыя ученія всегда оказываютъ вредное вліяніе на людей неповинныхъ, которые подобно намъ живутъ въ простотѣ. Эта книга принадлежитъ учителю ихъ Аполлинарію; ты пріобрѣлъ ее себѣ, и дурно сдѣлалъ. Помня, впрочемъ, прежнее житье съ нами твоей честности и видя изъ письма любви твоей, что ты, увлекшись ихъ безуміемъ, впалъ въ заблужденіе не только касательно таинства домостроительства, но даже и касательно общности именъ, мы рѣшились теперь, при Божіемъ содѣйствіи нашей немощи, представить тебѣ ясное изложеніе ученія объ этомъ— въ обличеніе неправаго мнѣнія тѣхъ, кто доставилъ тебѣ еретическую книгу, и въ исправленіе твоей честности.

Итакъ, возлюбленнѣйшій мой, когда ты называешь (Іисуса Христа) Богомъ, то исповѣдуешь въ Немъ то, что по естеству своему есть просто, несложно, неизмѣняемо, невидимо, безсмертно, неописуемо, непостижимо, и тому подобное. А называя Его человѣкомъ, ты обозначаешь въ Немъ то, что свойственно естеству немощному: Его алчбу, жажду, слезы надъ Лазаремъ, страхъ, пролитіе пота, и тому подобное, чего божество чуждо.

„Когда же ты называешь Его Христомъ, то выражаешь вмѣстѣ и то и другое въ Немъ: поэтому Христосъ можетъ быть на-
758 зываемъ и страстнымъ и безстрастнымъ, — страстнымъ по плоти, безстрастнымъ по божеству. То же самое, что о Христѣ, можетъ быть сказано о Сынѣ, объ Іисусѣ, о Господѣ, — такъ какъ всѣ эти имена суть общія и выражаютъ собою оба естества“, совмѣщеніе которыхъ подъ ними и вводитъ еретиковъ въ заблужденіе, какъ скоро они имя Христосъ принимаютъ вмѣсто общаго за собственное. Однако эти только общія имена и должно употреблять, когда исповѣдуешь таинство домостроительства. Въ самомъ дѣлѣ, если ты скажешь, что пострадалъ въ какомъ-либо смыслѣ Богъ, то скажешь невозможное, — скажешь богохульство и уклонишься въ нечестіе манихейства и другихъ подобныхъ ересей; если же опять скажешь, что пострадалъ человѣкъ, то будетъ явно, что у тебя храмъ плоти — храмъ пустой. Безъ обитающаго же храмъ не можетъ и назваться храмомъ, такъ какъ тогда онъ уже и не есть храмъ. Но, можетъ быть, скажутъ: какимъ же образомъ Господь сказалъ: *нынѣ же ищете Мене убити, человѣка, иже истину вамъ глаголахъ, юже слышахъ отъ Бога* (Іоанн. VIII, 40)? Вѣрное и совершенно точное выраженіе: отъ обитающаго въ Немъ божества Онъ не пересталъ быть человѣкомъ и, желая указать естество, подверженное страданію, употребилъ имя — человѣкъ, такъ какъ Христосъ есть и Богъ и человѣкъ, — Богъ по безстрастію, человѣкъ по страстности. Одинъ Сынъ, одинъ Господь, — безъ сомнѣнія, одинъ и тотъ же Онъ, обладая въ соединенныхъ есте-

ствахъ однимъ господствомъ, одною властію; но эти естества не единосущны [1]), и каждое изъ нихъ сохраняетъ безъ смѣшенія собственныя свойства, такъ какъ оба они — неслитны. Какъ хлѣбъ прежде, нежели онъ освятится, мы называемъ хлѣбомъ; когда же божественная благодать освятитъ его чрезъ посредство священника, то онъ уже не называется хлѣбомъ, но достойно называется тѣломъ Господнимъ, хотя естество хлѣба въ немъ остается,—и не двумя тѣлами, но однимъ тѣломъ Сына мы называемъ его,

„такъ и здѣсь, по внѣдреніи божественнаго естества въ тѣло,
то и другое вмѣстѣ составили одного Сына, одно лицо, при не-
раздѣльности въ то же время неслитно познаваемое — не въ
одномъ только естествѣ, но въ двухъ совершенныхъ. Въ против-
номъ случаѣ, если бы допускать одно естество, можно ли бы
было говорить о неслитности? Можно ли бы было говорить о не-
раздѣльности? Возможна ли была бы тогда рѣчь о самомъ еди-
неніи? Одному и тому же естеству съ самимъ собою ни соеди-
няться, ни сливаться, ни раздѣляться — невозможно. Какой же 759
адъ изрыгнулъ ученіе, что во Христѣ одно естество? Или, удер-
живая божественное естество, они отвергаютъ человѣческое, — слѣ-
довательно, отвергаютъ наше спасеніе; или, удерживая человѣче-
ское естество, отвергаютъ божественное: пусть же они скажутъ
намъ теперь, какое естество потеряло свои свойства? Если еще
есть рѣчь о единеніи, то необходимо должно допускать уже и
особенности, которыя подлежатъ единенію: иначе это — не еди-
неніе, но слитіе и исчезновеніе естествъ". Но, уклоняясь отъ
отвѣта на вопросъ, они сворачиваютъ тотчасъ на нѣчто дру-
гое, что на вопросъ прямо не отвѣчаетъ, и произносятъ не-
послѣдовательное положеніе: Богъ пострадалъ и не пострадалъ.
Если ихъ спросить: какимъ же это образомъ?—они ссылаются на
непостижимость и отвѣчаютъ: какъ восхотѣлъ. А о Христѣ па-
мять ихъ не вспоминаетъ! Будучи такимъ образомъ посрамлены въ
этомъ, они говорятъ затѣмъ: да, Христосъ не есть только Богъ,
а и человѣкъ; однако потомъ, „опять перескакивая на другое,
говорятъ: но послѣ единенія не должно говорить о двухъ есте-
ствахъ. Пойми же ты смыслъ этого слова. Ты сказалъ: единеніе?
А единеніе одного естества (безъ другого) не мыслимо" [2]), какъ

---

[1]) Говорится противъ синусіастовъ, которые, какъ это видно изъ твореній Аѳанасія Великаго, Григорія Богослова, Епифанія и друг., учили, что до явленія своего на землѣ Христосъ имѣлъ плоть небесную, предвѣчную, сосущную (συνουσιωμένην) и даже единосущную Божеству, въ которой и явился.

[2]) Изъ сочиненія преп. Іоанна Дамаскина противъ яковитовъ.

это мы выше сказали. *Слово плоть бысть* (Іоан. I, 14), говорятъ они; но пусть же они вникнутъ въ высокую мысль тайнозрителя, — онъ прибавилъ: *и вселися въ ны* (Іоан. I, 14). А развѣ не очевидно, что вселяющееся отлично отъ вселяемаго? *Аще бо быша разумѣли* (говорятъ они), *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II, 8). Но какъ скоро ты произносишь имя — Господь, то долженъ помнить, что это имя не собственное, а общее, выражающее собою и подверженность страданію и безстрастность. „Обыкновенно они предлагаютъ также въ возраженіе: развѣ не Божьяго тѣла и крови мы причащаемся вѣрно и благочестиво?
760 Да, надобно сказать имъ; но не потому, чтобы божество по естеству своему прежде вочеловѣченія обладало тѣломъ и кровію, а потому говорится такъ, что оно усвояетъ себѣ плоть. Какая нелѣпость! Какое нечестивое разсужденіе! Они готовы унизить достоинство божества; а съ другой стороны они не хотятъ и тѣла Господня признать тѣломъ истиннымъ. Подводя разныя мѣста изъ Священнаго Писанія, они воображаютъ, что оно превратилось въ божество и заключаютъ отсюда, что естество (во Іисусѣ Христѣ) одно; между тѣмъ, какое это естество (божеское или человѣческое), не находятся сказать“ [1]), чтобы по необходимости въ слѣдъ за Аполлинаріемъ не приписать потомъ страданія божеству и не отлучить себя отъ обѣтованныхъ благъ. Неужели же они не вострепещутъ и не вспомнятъ о вѣчномъ судѣ, услышавъ, что говоритъ Господь: *Азъ есмь, и не измѣняюся* (Малах. III, 6)? *Духъ убо бодръ, плоть же немощна. Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія. Прискорбна есть душа Моя — даже до смерти* (Матѳ. XXVI, 41, 39 и 38). *Осяжите Мя и видите, яко духъ плоти и кости не иматъ, якоже Мене видите имуща* (Лук. XXIV, 39). Развѣ все это приложимо къ божеству? Пусть послушаютъ они, что говоритъ также Петръ: *Христу пострадавшу за ны плотію* (1 Петр. IV, 1), а не сказалъ: божествомъ. Или еще: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѳ. XVI, 16), — сказалъ: живаго, а не умирающаго. И много подобныхъ мѣстъ представляетъ намъ Священное Писаніе; но еретики всегда превратно перетолковываютъ его.

„Оставляя ихъ пустословіе, возвратимся, возлюбленный, къ предмету нашей рѣчи. Итакъ благочестиво, и весьма благочестиво исповѣдывать, что смертію пострадавшій за насъ Христосъ — совершенъ по божеству, совершенъ и по человѣчеству, что Онъ есть — одинъ Сынъ Единородный, не раздѣляемый на двоицу сыновъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ носящій въ себѣ неслитными особыя

[1]) Оттуда же.

свойства двухъ нераздѣльныхъ естествъ, — не тотъ и этотъ,—отнюдь нѣтъ,—но одинъ и тотъ же Господь Іисусъ Христосъ, Слово Божіе, плотію облекшееся, притомъ плотію—не бездушною, какъ говорилъ нечестивый Аполлинарій. Этого будемъ держаться. Напротивъ, будемъ убѣгать раздѣляющихъ (Его): хотя въ Немъ и двойственно естество, тѣмъ не менѣе единеніе, которое мы исповѣдуемъ въ единомъ лицѣ сыновства, въ единствѣ ипостаси, нераздѣльно и нерасторжимо. Но будемъ убѣгать также и тѣхъ, которые послѣ единенія противоестественно проповѣдуютъ одно естество: предположеніемъ одного естества они становятся въ необходимость приписать страданіе безстрастному Богу, отвергая такимъ образомъ домостроительство спасенія и предвосхищая себѣ геенну діавола. Не выходя изъ размѣровъ письма, думаю, что этого достаточно для утвержденія твоей любви, мой достопочтенный“ [1]).

Похвала епископу Діодору, который предварительно проповѣдывалъ и восхвалялъ (Іоанна Златоуста [2]).

1. Недавно этотъ мудрый и доблестный учитель, оставивъ 761
болѣзнь тѣлесную и возшедши на это сѣдалище, говорилъ обо мнѣ въ началѣ своей бесѣды и назвалъ меня Іоанномъ Крестителемъ и гласомъ церкви, и жезломъ Моисея, и кромѣ того многими другими названіями. Онъ тогда хвалилъ меня, а вы восклицали; я же, сидя вдали, горько воздыхалъ. Онъ хвалилъ, выражая свое чадолюбіе; вы восклицали, выражая свое братолюбіе, а я воздыхалъ, тяготясь бременемъ тѣхъ похвалъ. Вѣдь великость похвалъ обыкновенно угнизаетъ совѣсть не менѣе грѣховъ; какъ
тотъ, кто, не сознавая за собою ничего добраго, но слыша какъ 762
другіе приписываютъ ему многія и великія добрыя дѣла, помышляетъ о настоящей молвѣ и будущемъ днѣ, когда все будетъ обнаружено и открыто и когда Судящій будетъ судить не по мнѣнію многихъ, но по самой истинѣ дѣлъ,—потому что Онъ *не по словеси судити имать*, говоритъ пророкъ, *ниже по глаголанію*

---

[1]) Изъ Анастасія Пресв. Никифора конст., І. Дамаскина и Леонтія іерусалимскаго.

[2]) Здѣсь разумѣется Діодоръ, епископъ тарсійскій, бывшій нѣкогда учителемъ св. Іоанна Златоуста, а самое слово въ похвалу ему произнесено святителемъ, какъ полагаютъ, въ 382 году по Р. Хр.

обличитъ (Ис. xi, 3), — такъ и я, представляя все это, скорблю при похвалахъ и добромъ мнѣніи многихъ, видя великое различіе между имъ и будущимъ приговоромъ. Нынѣ мы прикрываемся мнѣніемъ многихъ, какъ бы какими-нибудь масками, а въ тотъ день,
763 когда будутъ сняты эти маски, мы, стоя предъ престоломъ Судіи съ обнаженною головою, не въ состояніи будемъ получить никакой пользы отъ здѣшней молвы для тамошняго приговора, но по тому самому мы и будемъ наказаны еще болѣе, что, получая отъ многихъ много похвалъ и много одобреній, мы и отъ этого самаго не сдѣлались лучшими.

2. Итакъ, помышляя обо всемъ этомъ, я горько воздыхалъ. Потому и теперь я поспѣшно всталъ для того, чтобы отъ васъ, слышавшихъ тѣ похвалы, отстранить такую молву. Вѣдь и вѣнецъ, когда онъ бываетъ больше головы вѣнчаемаго, не касается висковъ и не держится на головѣ, но, какъ слишкомъ широкій по величинѣ своей, ниспускается чрезъ глаза до шеи и оставляетъ голову неувѣнчанною. Тоже самое испыталъ и я, такъ какъ вѣнецъ похвалъ оказался больше достоинства моей головы; и однако, не смотря на это, отецъ, по свойственной ему любви, не воздержался какимъ бы то ни было образомъ отъ возложенія его на меня. Такъ поступаютъ часто и цари: взявъ принадлежащую имъ діадему, они возлагаютъ ее на головы дѣтей; потомъ увидѣвъ, что дѣтская голова меньше вѣнца, удовлетворившись такимъ наложеніемъ, простымъ и сдѣланнымъ какъ-нибудь, наконецъ берутъ и возлагаютъ его на самихъ себя.

3. Поэтому, такъ какъ и отецъ возложилъ на меня приличествующій ему вѣнецъ, который оказался больше моей головы и котораго онъ не рѣшался возложить самъ на себя, то теперь я, снявъ его съ себя, возложу его обратно на голову отца, которой онъ принадлежитъ. Вѣдь хотя имя Іоанна у меня, но мудрость—у него; хотя имя это получилъ я, но любомудріемъ владѣетъ онъ. Поэтому и самое это имя справедливѣе было бы носить ему, нежели мнѣ, потому что соименность обыкновенно зависитъ не отъ сходства именъ, но отъ сродства дѣлъ, хотя бы имена были и различны. И Писаніе любомудрствуетъ объ этомъ не такъ, какъ свѣдущіе въ мірской философіи. Тѣ не считаютъ людей соименными, если не находятъ въ нихъ вмѣстѣ со свойствами и сходства именъ; а Писаніе не такъ, но когда оно видитъ великое сходство въ любомудріи, то, хотя бы принадлежащія одинаковымъ по образу жизни людямъ имена были различны, называетъ ихъ однимъ и тѣмъ же названіемъ. Доказательства этого не нужно искать далеко, но можемъ указать на этого самаго Іоанна, сына Захаріи. Когда ученики спросили (І. Христа), придетъ ли опять Илія, то

Онъ отвѣчалъ: *и аще хощете пріяти, той есть Илія хотяй пріити* (Матѳ. xi, 14). Онъ назывался Іоанномъ, но такъ какъ имѣлъ нравы Иліи, то и получилъ одинаковое съ нимъ названіе; такъ 764
какъ онъ владѣлъ духомъ Иліи, то получилъ и имя Иліи. Оба они обитали въ мѣстахъ пустынныхъ; одинъ одѣвался въ милоть, а другой въ волосяную одежду; и трапеза у нихъ была одинаково скудна и проста; одинъ изъ нихъ былъ служителемъ перваго пришествія (Христова), а другой будетъ служителемъ будущаго. Поэтому, такъ какъ и образъ жизни, и одежда, и мѣстопребываніе, и служеніе были у нихъ одинаковы и все было у нихъ сходно, то Христосъ и далъ обоимъ одно имя, выражая, что и тотъ, кто носитъ другое имя, можетъ быть соименнымъ тому, кому онъ подражаетъ въ образѣ жизни.

4. Итакъ, если таково несомнѣнное правило и таково опредѣленіе соименности въ божественномъ Писаніи, то покажемъ, что мудрый нашъ отецъ подражаетъ и образу жизни Іоанна, дабы вы знали, что справедливѣе можно бы приписать ему и это имя. У того не было ни стола, ни постели, ни дома на землѣ; и у этого ничего такого никогда не было. Свидѣтели — вы, какъ онъ проводилъ все время, показывая жизнь апостольскую, не имѣя никакой собственности, но получая пропитаніе отъ другихъ, а самъ непрерывно пребывая *въ молитвѣ и служеніи слова* (Дѣян. vi, 4). Тотъ проповѣдывалъ за рѣкою, пребывая въ пустыняхъ; и этотъ выводилъ нѣкогда за рѣку весь городъ и преподавалъ здравое ученіе. Тотъ жилъ въ темницѣ, и отсѣчена ему голова за ревность о законѣ; и этотъ часто былъ удаляемъ изъ отечества за ревность о вѣрѣ, и ему часто была отсѣкаема голова по той же самой причинѣ, если не на самомъ дѣлѣ, то въ намѣреніи. Враги истины, не вынося силы языка его, со всѣхъ сторонъ строили безчисленныя козни, но отъ всѣхъ ихъ Господь спасалъ его. Будемъ же слушать этотъ языкъ, чрезъ который онъ и подвергался опасностямъ и спасался. Не погрѣшилъ бы тотъ, кто сказалъ бы о немъ то же, что Моисей сказалъ о землѣ обѣтованной. Что же онъ сказалъ о ней? *Земля текущая млекомъ и медомъ* (Исх. iii, 8). Тоже можно сказать и объ его языкѣ; это — языкъ, текущій молокомъ и медомъ. Итакъ, чтобы намъ и насладиться этимъ молокомъ и насытиться этимъ медомъ, прекратимъ здѣсь наше слово и послушаемъ его лиры и трубы. Когда я представляю пріятность его словъ, то называю голосъ его лирою; а когда представляю силу мыслей, то—нѣкоторою воинственною трубою, такою, какую имѣли іудеи, когда разрушали стѣны Іерихона. Какъ тогда звукъ трубъ, поражая камни сильнѣе огня, все разрушалъ и истреблялъ, такъ и теперь голосъ его, не менѣе тѣхъ трубъ по-

765—6 ражая укрѣпленія еретиковъ, *низлагаетъ помышленія и всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. x, 5). Но чтобы вамъ узнать это не отъ нашего, но отъ его языка, прекратимъ наше слово, возсылая славу Отцу, подающему такихъ учителей; ибо Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

на Святую Пасху.

765—6 1. Всѣмъ намъ сегодня благовременно воскликнуть словами блаженнаго Давида: *кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Псал. cv, 2)? Вотъ наступилъ у насъ вожделѣнный и спасительный праздникъ, день воскресенія Господа нашего Іисуса Христа, основаніе мира, начало примиренія, прекращеніе враждебныхъ дѣйствій, разрушеніе смерти, пораженіе діавола. Сегодня люди соединились съ ангелами, и облеченные тѣломъ вмѣстѣ съ безтѣлесными силами теперь возносятъ пѣснопѣнія. Сегодня ниспровергнута власть діавола, сегодня разрушены узы смерти, уничтожена побѣда ада; сегодня благовременно сказать также слѣдующее пророческое изреченіе: *гдѣ ти, смерте,*
767 *жало? Гдѣ ти, аде, побѣда* (1 Кор. xv, 55. Ос. xiii, 14)? Сегодня нашъ Владыка Христосъ *сокруши врата мѣдная* (Ис. xlv, 2) и поразилъ самое лице смерти. Что я говорю: лице? Самое имя ея Онъ измѣнилъ, потому что она уже не называется смертію, но успокоеніемъ и сномъ. Прежде пришествія Христова и крестнаго домостроительства (нашего спасенія) самое названіе смерти было страшно. Такъ первый человѣкъ за великое наказаніе услышалъ слѣдующій приговоръ: *въ онь же аще день снѣсте, смертію умрете* (Быт. ii, 17). И блаженный Іовъ назвалъ ее тѣмъ же именемъ, сказавъ: *смерть мужу покой* (Іов. iii, 23). И пророкъ Давидъ сказалъ: *смерть грѣшниковъ люта* (Псал. xxxiii, 22). И не только смертію называлось разлученіе души съ тѣломъ, но и адомъ. Послушай, что говоритъ праотецъ Іаковъ: *сведете старость мою съ печаліе во адъ* (Быт. xlii, 38); также пророкъ: *разверзе адъ уста своя* (Ис. v, 14); и еще другой пророкъ говоритъ: *избавилъ еси мя отъ ада преисподнѣйшаго* (Пс. lxxxv, 13); и во многихъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта найдешь, что переселеніе отсюда называется смертію и адомъ. Когда же Христосъ Богъ нашъ принесенъ былъ въ жертву и совершилось воскресеніе, то человѣко-

любивый Владыка отмѣнилъ эти названія и ввелъ въ нашу жизнь новое дивное устройство: переселеніе отсюда уже называется вмѣсто смерти успокоеніемъ и сномъ. Откуда это видно? Послушай самого Христа, который говорилъ: *Лазарь другъ нашъ успе, но иду, да возбужу его* (Іоан. XI, 11). Какъ для насъ легко пробудить и поднять спящаго, такъ для общаго всѣхъ насъ Владыки легко—воскресить. И такъ какъ сказанныя Имъ слова были необычайны и дивны, то и ученики Его не поняли сказаннаго, доколѣ Онъ, снисходя къ ихъ слабости, не выразилъ этого яснѣе. И учитель вселенной, блаженный Павелъ, въ посланіи къ ѳессалоникійцамъ говоритъ: *не хощу васъ не вѣдѣти* о усопшихъ, *да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Ѳесс. IV, 13); и въ другомъ мѣстѣ: *ибо и* усопшіе *о Христѣ погибоша* (1 Кор. XV, 18). И еще: *мы живущіе оставшіи, не имамы предварити* усопшихъ (1 Ѳесс. IV, 15). И еще въ другомъ мѣстѣ: *аще бо вѣруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ* усопшихъ *во Іисусѣ приведетъ съ нимъ* (1 Ѳесс. IV, 14).

2. Видишь ли, что смерть вездѣ называется успокоеніемъ и сномъ, и что она, прежде имѣвшая лице страшное, теперь послѣ воскресенія сдѣлалась презираемою? Видишь ли свѣтлый трофей воскресенія? Чрезъ него доставлены намъ безчисленныя блага, чрезъ него разсѣяно бѣсовское обольщеніе, чрезъ него мы посмѣеваемся надъ смертію, чрезъ него мы презираемъ настоящую жизнь, чрезъ него мы одушевляемся надеждою на будущія блага, чрезъ него мы, облеченные плотію, можемъ быть нисколько не ниже существъ безтѣлесныхъ, если захотимъ. Сегодня совершилась блистательная побѣда; сегодня Владыка нашъ, воздвигнувъ трофей побѣды надъ смертію и ниспровергнувъ власть діавола, чрезъ воскресеніе открылъ намъ путь ко спасенію. Будемъ же всѣ радоваться, ликовать и веселиться. Хотя Владыка нашъ побѣдилъ и воздвигъ трофей побѣды, но и для насъ общая радость и веселіе, потому что все это Онъ совершилъ для нашего спасенія; и чѣмъ побѣдилъ насъ діаволъ, тѣмъ же преодолѣлъ 768
его Христосъ; Онъ принялъ тѣ же самыя оружія и ими поразилъ діавола; а какъ, послушай. Дѣва, древо и смерть были знаками нашего пораженія; дѣвою была Ева, потому что она еще не познала мужа, когда подверглась искушенію; древомъ было древо познанія добра и зла; смертію было наказаніе Адаму. Видишь ли, какъ дѣва, древо и смерть были знаками нашего пораженія? Посмотри же, какъ потомъ они же сдѣлались орудіями побѣды. Вмѣсто Евы — Марія, вмѣсто древа познанія добра и зла — древо креста, вмѣсто смерти Адама — смерть Господа. Видишь ли, что чѣмъ діаволъ побѣдилъ, тѣмъ же онъ и побѣжденъ? Древомъ по-

бѣдилъ Адама діаволъ, крестомъ поразилъ діавола Христосъ. То древо низринуло человѣка во адъ, а это древо, древо креста, и низринутыхъ туда опять извлекло изъ ада; то заставило пораженнаго скрыться, какъ плѣннаго и нагого, а это показало всѣмъ побѣдителя обнаженно пригвожденнымъ на высотѣ ко кресту. Та смерть подвергла осужденію всѣхъ живущихъ и послѣ Адама, а смерть Христа по-истинѣ воскресила всѣхъ, жившихъ и прежде Него. *Кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Ис. cv, 2)? Чрезъ смерть мы сдѣлались безсмертными, по паденіи возстали, послѣ пораженія стали побѣдителями.

3. Таковы дѣйствія креста; они — величайшее доказательство воскресенія. Нынѣ ликуютъ ангелы и веселятся всѣ небесныя силы, сорадуясь спасенію всего рода человѣческаго. Вѣдь если объ одномъ кающемся грѣшникѣ бываетъ радость на небѣ и на землѣ (Лук. xv, 7), то тѣмъ болѣе о спасеніи вселенной. Нынѣ Христосъ возвелъ въ прежнее достоинство человѣческую природу, освободивъ ее отъ власти діавола. Когда я вижу, что начатокъ мой такъ побѣдилъ смерть, то уже не боюсь, уже не страшусь борьбы, и не взираю на свою немощь, а помышляю о неизреченной силѣ Того, Кто готовъ помогать мнѣ въ борьбѣ. Побѣдившій владычество смерти и уничтожившій всю силу ея чего только не сдѣлаетъ для сроднаго Себѣ, образъ котораго Онъ благоволилъ принять на Себя по Своему великому человѣколюбію, и въ этомъ образѣ вступить въ борьбу съ діаволомъ? Сегодня во всей вселенной радость и духовное веселіе; сегодня сонмы ангеловъ и лики всѣхъ вышнихъ силъ радуются о спасеніи людей. Представь же, возлюбленный, величіе этой радости, когда и вышнія силы торжествуютъ вмѣстѣ съ нами; вѣдь и онѣ сорадуются нашимъ благамъ. Хотя благодать дарована Владыкою намъ, но она доставляетъ радость и имъ; поэтому они и не стыдятся праздновать вмѣстѣ съ нами. Но зачѣмъ я говорю, что эти сослужители наши (ангелы) не стыдятся праздновать съ нами? Самъ Владыка ихъ и нашъ не стыдится праздновать вмѣстѣ съ нами. И что я говорю: не стыдится? Онъ желаетъ праздновать вмѣстѣ съ нами. Откуда это извѣстно? Послушай, какъ Онъ самъ говорилъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами* (Лук. xxii, 15). Если же Онъ желалъ *ясти пасху,* то очевидно — и торжествовать съ нами. Поэтому, когда ты видишь, что не только ангелы и сонмы всѣхъ небесныхъ силъ, но и самъ Владыка ангеловъ празднуетъ
769 вмѣстѣ съ нами, то чего еще недостаетъ тебѣ для радости? Итакъ, пусть никто сегодня не скорбитъ по причинѣ своей бѣдности: вѣдь это — праздникъ духовный; пусть никто изъ богатыхъ не превозносится богатствомъ: вѣдь отъ богатства нисколько не можетъ

увеличиться этотъ праздникъ. На праздникахъ мірскихъ, житейскихъ, гдѣ великая пышность, мірская изысканность и роскошь трапезы, тамъ по справедливости бѣдному бываетъ грустно и прискорбно, а богатому пріятно и весело. Почему? Потому, что послѣдній облекается въ блистательную одежду и предлагаетъ богатую трапезу, а бѣдному бѣдность препятствуетъ показать такую же роскошь. Но здѣсь нѣтъ ничего подобнаго; всякое неравенство уничтожено; одна трапеза—и для богатаго и для бѣднаго, и для раба и для свободнаго. Богатъ ли ты, получишь нисколько не больше бѣднаго; бѣденъ ли ты, получишь нисколько не меньше богатаго, и отъ бѣдности нисколько не уменьшится твое духовное пиршество, потому что это—божественная благодать, которая не различаетъ лицъ. Что я говорю: для богатаго и для бѣднаго предлагается одна и та же трапеза? Для самого носящаго діадему, облеченнаго въ багряницу, владычествующаго надъ вселенною, и для бѣдняка, просящаго милостыни, предлагается одна и та же трапеза. Таковы дары духовные: Богъ допускаетъ къ участію въ нихъ, сообразуясь не съ званіемъ, а съ произволеніемъ и образомъ мыслей. Съ одинаковымъ дерзновеніемъ и честію и царь и бѣднякъ приступаютъ къ принятію и пріобщенію этихъ божественныхъ таинствъ. И что я говорю: съ одинаковою честію? Иногда бѣднякъ даже съ большимъ дерзновеніемъ. Почему? Потому, что царь, занятый заботами о дѣлахъ и окруженный множествомъ обстоятельствъ, со всѣхъ сторонъ обуревается непрестанными волнами, какъ бы находясь на морѣ, и дѣлается причастнымъ множеству грѣховъ; а бѣдный, свободный отъ всего этого, заботясь только о необходимой пищѣ, провождая необремененную дѣлами и безмятежную жизнь, какъ бы сидя въ тихой пристани, приступаетъ къ этой трапезѣ съ великимъ благоговѣніемъ.

4. И не отъ этого только, но и отъ другихъ многихъ причинъ происходятъ разныя скорби у посѣщающихъ мірскія пиршества. Бѣдному бываетъ тамъ грустно, а богатому весело не только по причинѣ трапезы и роскоши, но и по причинѣ свѣтлыхъ одеждъ и пышнаго одѣянія богача: что бываетъ съ ними по отношенію къ трапезѣ, тоже бываетъ и по отношенію къ одеждамъ. Когда бѣдный видитъ богатаго, одѣтаго въ драгоцѣнную одежду, то сокрушается скорбію, считаетъ себя несчастнымъ и много ропщетъ. А здѣсь устранена и эта скорбь, потому что здѣсь у всѣхъ одна одежда, спасительное одѣяніе, о которомъ Павелъ взываетъ, говоря: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27). Итакъ, увѣщеваю васъ, не будемъ оскорблять этого праздника, но станемъ соблюдать любомудріе, достойное благъ, дарованныхъ намъ благодатію Христовою. Не будемъ предаваться пьянству и объяденію, но

представляя себѣ щедрость Владыки, какъ Онъ одинаково почтилъ и богатыхъ и бѣдныхъ, и рабовъ и свободныхъ, и всѣмъ сообщилъ общій даръ, воздадимъ Благодѣтелю за Его благоволеніе къ намъ; а достаточное воздаяніе — благоугодная Ему жизнь и
770 душа трезвенная и бодрая. Для такого праздника и торжества нужны не деньги и не издержки, а одно доброе расположеніе и чистый умъ. Здѣсь предлагается для пріобрѣтенія не что-нибудь вещественное, но все духовное: слушаніе божественныхъ изреченій, молитвы отцовъ, благословенія священниковъ, пріобщеніе божественныхъ и неизреченныхъ таинствъ, миръ и единомысліе, дары духовные и достойные щедрости Дарующаго. Будемъ же праздновать этотъ праздникъ, въ который воскресъ Господь. Онъ воскресъ и воскресилъ вмѣстѣ съ Собою вселенную. Самъ Онъ воскресъ, расторгнувъ узы смерти, и насъ воскресилъ, расторгнувъ сѣти нашихъ грѣховъ. Адамъ согрѣшилъ — и умеръ; Христосъ не согрѣшилъ—и также умеръ. Это необычайно и дивно: тотъ согрѣшилъ—и умеръ, а этотъ не согрѣшилъ — и также умеръ. Почему и для чего? Для того, чтобы согрѣшившій и умершій могъ чрезъ несогрѣшившаго и умершаго освободиться отъ узъ смерти. Такъ часто бываетъ и съ денежными должниками: долженъ кто-либо кому-нибудь серебро и не можетъ заплатить, и за это задерживается; а другой, не будучи должникомъ, но имѣя возможность заплатить, уплачиваетъ и освобождаетъ виновнаго. Такъ было и съ Адамомъ и Христомъ. Адамъ сдѣлался должникомъ, повиннымъ смерти, и былъ во власти діавола; Христосъ не былъ должникомъ и не находился въ его власти, но пришелъ и уплатилъ смертію за находившагося въ его власти, чтобы освободить человѣка отъ узъ смерти. Видишь ли дѣйствіе воскресенія? Видишь ли человѣколюбіе Владыки? Видишь ли величіе Его попеченія? Не будемъ же неблагодарными къ такому Благодѣтелю, и потому, что прошелъ постъ, не будемъ нерадивы, но теперь еще больше, нежели прежде, будемъ пещись о душѣ, чтобы она въ то время, когда утучняется плоть, не сдѣлалась немощною, чтобы намъ, заботясь о рабѣ, не пренебрегать госпожею. Что пользы, скажи мнѣ, расторгаться отъ пресыщенія чрезъ мѣру и преступать предѣлы потребности? Это и тѣлу вредитъ и душу лишаетъ благородства. Будемъ довольствоваться умѣреннымъ и потребнымъ, чтобы и душѣ и тѣлу доставлять столько, сколько нужно, чтобы вдругъ не растратить всего добра, пріобрѣтеннаго постомъ. Не запрещаю ли я наслаждаться пищею и отдохновеніемъ? Я не запрещаю этого, но увѣщеваю ограничиваться потребностію и избѣгать великой роскоши, чтобы, преступая мѣру, не повредить здравію души. Вѣдь тотъ, кто преступаетъ предѣлы потребности, потомъ уже не въ состоя-

ніи будетъ вкушать удовольствіе; это особенно хорошо знаютъ тѣ, которые сами испытали это, получивъ себѣ чрезъ это безчисленные виды болѣзней и подвергшись многимъ страданіямъ. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что вы послушаетесь нашихъ увѣщаній, потому что знаю ваше послушаніе.

5. Поэтому, оканчивая здѣсь это увѣщаніе, я хочу обратить рѣчь къ тѣмъ, которые въ настоящую свѣтоносную ночь удостоились божественнаго дара крещенія,— къ этимъ прекраснымъ растеніямъ церкви, къ цвѣтамъ духовнымъ, къ новымъ воинамъ Христовымъ. Третьяго дня Владыка былъ на крестѣ, а нынѣ воскресъ; такъ и они третьяго дня были объяты грѣхомъ, а нынѣ воскресли вмѣстѣ съ Христомъ. Онъ умеръ плотію — и воскресъ, а они были мертвы грѣхомъ — и воскресли отъ грѣха. Земля произ- 771
ращаетъ намъ въ это время весны розы, лиліи и другіе цвѣты; а воды явили намъ нынѣ луга болѣе пріятные, нежели земля. Не удивляйся, возлюбленный, что изъ водъ являются цвѣтущіе луга, и въ началѣ земля не сама собою произвела растенія, но повинуясь повелѣнію Владыки. И воды тогда извели движущихся животныхъ потому, что услышали: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ* (Быт. I, 20); и повелѣніе стало дѣломъ: неодушевленное вещество произвело одушевленныхъ животныхъ. Такъ и нынѣ то же повелѣніе совершило все. Тогда Богъ сказалъ: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ*, а нынѣ происходятъ не гады, но духовные дары. Тогда воды произвели безсловесныхъ рыбъ; а нынѣ онѣ произвели намъ рыбъ словесныхъ и духовныхъ, уловленныхъ апостолами: *грядита по Мнѣ*, сказалъ имъ Христосъ, *и сотворю вы ловца человѣкомъ* (Матѳ. IV, 19). По-истинѣ это — новый способъ ловли; рыболовы извлекаютъ рыбу изъ воды — и умерщвляютъ пойманную, а мы ввергаемъ въ воду — и уловленные получаютъ жизнь. Была нѣкогда у іудеевъ водная купѣль; но послушай, какую она имѣла силу, чтобы ты точнѣе узналъ бѣдность іудеевъ и могъ уразумѣть наше богатство: *ангелъ*, сказано, *схождаше въ купѣль и возмущаше воду, и иже первѣе влазяше по возмущеніи воды здравъ бываше* (Іоан. V, 4). Сошелъ Владыка ангеловъ въ струи Іордана—и, освятивъ естество водъ, уврачевалъ всю вселенную. Потому тамъ сходившій послѣ перваго уже не получалъ исцѣленія, такъ какъ такая (только) благодать дана была іудеямъ немощнымъ, пресмыкавшимся долу; а здѣсь послѣ перваго сходитъ второй, послѣ второго третій и четвертый, и хотя бы ты назвалъ безчисленное множество, хотя бы всю вселенную погрузилъ въ эти духовныя струи, благодать не изсякаетъ, даръ не истощается, струи не оскверняются, щедрость не уменьшается. Видишь ли величіе дара? Послушайте вы, которые сегодня и въ

эту ночь вписаны въ граждане вышняго Іерусалима; оказывайте вы и бдительность, сообразную съ величіемъ даровъ, чтобы вамъ получить еще обильнѣйшую благодать такъ какъ благодарно-
772 стію за полученное привлекается щедрость Владыки. Не позволительно тебѣ, возлюбленный, жить потомъ безразлично; но ты назначь себѣ законы и правила, чтобы дѣлать все тщательно и обнаруживать великую осмотрительность даже и въ отношеніи къ тому, что считается безразличнымъ. Вѣдь вся настоящая жизнь есть подвигъ и борьба, и однажды вступившимъ на это поприще добродѣтели надлежитъ быть воздержными во всемъ: *всякъ же подвизаяйся*, говоритъ апостолъ, *отъ всѣхъ воздержится* (1 Кор. IX, 25). Не видишь ли, какъ въ гимнастической борьбѣ много заботятся о себѣ тѣ, которые выступаютъ на борьбу съ людьми, и съ какою выдержкою они упражняютъ свое тѣло? Такъ должно быть и здѣсь. Но такъ какъ у насъ борьба не съ людьми, а съ злыми духами, то и упражненіе наше и воздержаніе должны быть духовныя, потому что и оружія наши, въ которыя облекъ насъ Христосъ, суть духовныя. Итакъ, пусть и глазъ имѣетъ свои предѣлы и правила, чтобы не увлекаться тотчасъ всѣмъ, представляющимся ему; и языкъ пусть имѣетъ преграду, чтобы не предупреждать мысли. Для того и зубы и губы созданы къ охраненію языка, чтобы языкъ никогда не устремлялся неудержимо, растворивъ эти двери, но напередъ устраивалъ хорошо все, что относится къ нему, и потомъ выступалъ со всею благопристойностію и произносилъ такія слова, которыя доставляли бы пріятность слушающимъ, и говорилъ то̀, что̀ служитъ къ назиданію слушателей. Должно всячески воздерживаться и отъ непристойнаго смѣха, и походку имѣть тихую и спокойную, и одежду скромную, и вообще во всемъ нужно благоустроять себя вступившему на поприще добродѣтели, потому что благопристойность внѣшнихъ членовъ есть нѣкоторое выраженіе внутренняго состоянія души.

6. Если мы усвоимъ себѣ такую привычку съ самаго начала, то, идя потомъ по этому пути съ легкостію, будемъ преуспѣвать во всякой добродѣтели безъ большого труда, и пріобрѣтемъ себѣ великую помощь свыше. Такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи и съ безопасностію переплыть волны настоящей жизни и, ставъ выше сѣтей діавола, получить вѣчныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа.

Наше богатство и сокровище и источникъ вѣчной жизни — 773
домостроительство Спасителя. О немъ-то мы жаждемъ говорить и спѣшимъ проповѣдывать, но изъяснить его по достоинству мы не имѣемъ силы. Томясь желаніемъ и сознавая свое безсиліе, какъ бы къ какой спасительной пристани, прибѣгаемъ мы къ пророческому слову: *кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Псал. cv, 2). Даже этотъ великій пророкъ, которому Богъ *явилъ безвѣстная и тайная премудрости Своея* (Псал. L, 8) и котораго удостоилъ именоваться отцемъ Христа, Давидъ, блаженный и великій въ пророкахъ, славный въ царяхъ другъ Божій, столь угодный сердцу Его, что Самъ Богъ сказалъ: *обрѣтохъ Давида, сына Іесеова, мужа по сердцу Моему* (Дѣян. XIII, 22), — такой-то и столь великій мужъ говорилъ, обращая взоры къ величію богопознанія: *удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему* (Псал. cxxxvIII, 6). Какъ пророкъ не находитъ 774
словъ предъ величіемъ силы Божіей, такъ и Павелъ, богословъ и труба небесная, восклицаетъ: *о, глубина богатства и премудрости и разума Божія, яко неиспытани судове Его и неизслѣдовани путіе Его* (Рим. XI, 33). Если же уста пророковъ и апостоловъ, изливающія струи богопознанія, наполнившія всю землю, какъ множество водъ наполняетъ моря, если уже такіе и столь великіе потоки, обильно питающіе море благочестія, исповѣдали свое безсиліе показать силу Проповѣдуемаго, то что̀ значитъ предъ этимъ моремъ премудрости росинка слабѣйшаго слова? И, однако, величіе богословія не должно повергать насъ въ безмолвіе; напротивъ, вникая въ намѣренія Божіи, мы побуждаемся къ рѣшимости [преподавать] божественное ученіе. Вѣдь Богъ цѣнитъ не качество рѣчи, а расположеніе проповѣдника и любовь слушателей. Какъ нѣжно любящіе отцы, слушая своихъ дѣтей, лепечущихъ и запинающихся въ словахъ, не обращаютъ вниманія на недостатки рѣчи, но [радуются] природному влеченію, и лепетъ дѣтей для 775
нихъ пріятнѣе всякаго риторическаго краснорѣчія и философской высокопарности, — такъ и Богу угодны въ насъ не уста, лепечущія о богословіи, но желаніе и расположеніе, — когда мы проповѣдуемъ съ вѣрою и воспѣваемъ съ любовью. Конечно, человѣческимъ языкомъ нельзя говорить о Богѣ съ полною точностью; что бы мы ни сказали о немъ, все будетъ дѣтскимъ лепетомъ.

Почему? Потому именно, что, какъ Павелъ восклицаетъ, мы только *отъ части разумѣваемъ*, *отъ части пророчествуемъ* (1 Кор. XIII, 9). Но, хотя мы и лепечемъ, Богъ вручилъ намъ проповѣдь мира. Объ этомъ говорилъ Исаія: *и языцы немотствующіи скоро научатся глаголати миръ* (Ис. XXXII, 4). Вотъ и мы будемъ лепетать объ общемъ нашемъ Отцѣ и Владыкѣ. Онъ удостоилъ учениковъ Своихъ названія—*дѣти* (Іоан. XIII, 33); а если называетъ дѣтьми, то конечно приметъ и лепетъ дѣтей. Къ тому же, послѣ того какъ было проповѣдано возвѣщенное Имъ Самимъ многославное Его вознесеніе, благодать не стѣсняется временемъ и богословіе не ограничивается днями.

2. Въ прошлый разъ, какъ извѣстно Христу, намъ не удалось привести въ исполненіе свое желаніе взойти на гору Елеонскую; наше намѣреніе встрѣтило препятствіе въ непостоянствѣ воздуха и многочисленности народа. [Говорю это, чтобы у желающихъ обвинять меня напрасно отнять всякій поводъ]. Тогда, имѣя въ виду множество уже сказаннаго, мы на-скоро сократили рѣчь, чтобы не обременить вашу память обиліемъ словъ. Сегодня же мы восполнимъ тотъ свой долгъ. Такъ и законъ повелѣвалъ тому, кто не совершитъ Пасхи въ первый мѣсяцъ, исполнить свой долгъ во второй. А вы, конечно, должны знать, что Слово Божіе не ограничивается ни временами, ни днями, но во всякій день можетъ быть предлагаема проповѣдь и о крестѣ, и о страданіяхъ, и о воскресеніи, и о вознесеніи, и о второмъ пришествіи.

3. Предварительно мы разсмотримъ кое-что изъ божественныхъ словъ, читанныхъ сегодня, и затѣмъ, исчерпавъ евангельскіе источники, постепенно перейдемъ къ обѣщанному. *Сущу поздѣ, въ день той, во едину отъ субботъ, и дверемъ затворенным, идѣже бяху ученицы Его собрани,—пріиде Іисусъ* (Іоан. XX, 19). Послѣ того какъ Спаситель уготовалъ для насъ воскресеніе, онъ рѣдко является ученикамъ Своимъ въ другіе дни, кромѣ дня Господня. Какъ прежде, исполняя законъ, Онъ каждую субботу приходилъ въ синагогу, такъ со времени спасительнаго Своего воскресенія и дарованія залога міру, Онъ является предпочтительно въ день Господень, первый послѣ субботы, утверждая основаніе святого дня Господня. Для празднованія субботы наступилъ теперь конецъ, а положено начало установленію дня Господня, т. е. именно воскресенья, какъ вы помните изъ прежнихъ объясненій. Почему блаженный Матѳей, обозначая субботу, но вводя начало святого дня Господня, говорилъ: *въ вечеръ субботній*? Потому, что это былъ конецъ и вечеръ прежней субботы, *свитающи во едину отъ субботъ* (Матѳ. XXVIII, 1). И въ этотъ именно первый день послѣ суб-
776 боты, въ самый день святого праздника воскресенія, явился вос-

кресшій [Господь]. *Дверемъ затворениымъ, идѣже бяху ученицы Его собрани, страха ради Іудейска, пріиде Іисусъ и ста посредѣ* (Іоан. xx, 19). Гдѣ господствуетъ страхъ, туда приходитъ Тотъ, Кто избавляетъ отъ страха; гдѣ царитъ смятеніе, тамъ возсіяваетъ тишина; гдѣ корабль благочестія обуревается, туда приноситъ [Господь] искусство кормчаго. Утишающій бурю, вводящій корабль въ тихую пристань, въ самый разгаръ страха приноситъ лѣкарство. *Ста посредѣ*, и что говоритъ? *Миръ вамъ*. Пусть не мятутся мысли ваши, пусть не смущается сердце, не поддавайтесь искушеніямъ страха. *Миръ вамъ*. Миръ прекращаетъ войну, разсѣеваетъ страхъ, изгоняетъ вражду. *Миръ вамъ*. Часто преподавался людямъ миръ отъ Бога, но не чрезъ лице, облеченное властью, а чрезъ ангеловъ, пророковъ, судей. Только Спаситель, явившись, преподалъ миръ отъ Своего лица. Данъ былъ миръ Даніилу, но чрезъ ангела. Явился Даніилу ангелъ и сказалъ: *миръ тебѣ, мужу желаній, мужайся и крѣпися, Господь съ тобою* (Дан. x, 19). Гедеону также явился ангелъ и сказалъ: *миръ тебѣ* (Суд. vi, 23). Итакъ, возвѣщали миръ ангелы, но никогда самъ Владыка ангеловъ: Онъ посылалъ миръ чрезъ нихъ, а въ Себѣ самомъ хранилъ сокровище мира евангельскаго. Нерѣдко получавшіе миръ чрезъ ангеловъ пророки жаждали получить его непосредственно отъ лица Владыки мира. Такъ Исаія взывалъ: *Господи Боже нашъ, миръ даждь намъ* (Ис. xxvi, 12); не чрезъ другихъ, но отъ самого Себя дай миръ намъ. И вотъ теперь [послѣдовалъ] отвѣтъ на это моленіе: *миръ Мой даю вамъ* (Іоан. xiv, 27). *И сіе рекъ, показа имъ руцѣ и нозѣ и ребра Своя* (Іоан. xx, 20). Какъ возвратившійся съ войны полководецъ, украшенный пріобрѣтенными въ побѣдахъ ранами, не стыдится этихъ ранъ, потому что они славнѣе вѣнковъ, такъ и Спаситель, претерпѣвъ раны за истину и за весь родъ нашъ, не скрываетъ Своихъ страданій, но показываетъ [знаки ихъ], чтобы засвидѣтельствовать Свое мужество. Показалъ руки, израненные гвоздями, показалъ и ребро, изъ котораго источилъ намъ таинственный источникъ. Показалъ руки, чтобы удостовѣрить воскресеніе, чтобы убѣдить сомнѣвающихся, что возсталъ дѣйствительно Пострадавшій, что воскресло дѣйствительно умершее и погребенное тѣло.

4. *Возрадовашася убо ученицы, видѣвше Господа* (Іоан. xx, 20). Дарованъ миръ, разрѣшенъ страхъ, процвѣла радость. *Рече же имъ паки: миръ вамъ* (ст. 21). Почему — *паки?* Гдѣ желаетъ (Господь) утвердить дары благодати, тамъ повторяетъ и благословенія; какъ Аврааму сказалъ: *благословя благословлю тя, и умножая умножу тя* (Быт. xxii, 17), такъ даетъ миръ на миръ ближнимъ и дальнимъ. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы*

(Іоан. xx, 21). Обрати вниманіе, прошу тебя: смотри, какъ примѣняетъ Онъ домостроительство къ человѣческимъ понятіямъ. Не сказалъ: какъ родилъ Меня Отецъ [но: какъ послалъ], потому что гдѣ посланіе, тамъ берутся образцомъ человѣческія отношенія. Мы постоянно отмѣчаемъ подобныя выраженія, такъ какъ они служатъ къ объясненію домостроительства. А гдѣ рѣчь о самой природѣ, тамъ и говорится прямо [объ отношеніяхъ] Отца и Сына. *Якоже посла Мя.* Какъ Онъ послалъ Тебя? Умоляю, будьте внимательны. Ты посланъ какъ Владыка съ неба; и Самъ посылаешь такъ же, какъ Тебя послалъ Отецъ? Не способъ посланничества
777 Я разумѣю, отвѣчаетъ, здѣсь: *якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы*, но значеніе. Я посланъ былъ пострадать за міръ; васъ посылаю, чтобы украсить вселенную вашими страданіями. И такъ какъ смертная природа сама по себѣ не имѣла силъ возвыситься до подобія Господу, то продолжаетъ: *и сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ* (Іоан. xx, 22). Вникни, почему дунулъ Спаситель на апостоловъ въ самый день воскресенія? Потому ли, что безъ дуновенія не могъ дать апостоламъ Духа Святаго? [Нѣтъ, но] какъ при созданіи перваго человѣка *вдуну* (Господь) *въ лице его дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу* (Быт. II, 7), но потомъ человѣкъ своимъ грѣхопаденіемъ погубилъ даръ вдохновенія и, потерявъ животворящую силу, разрѣшился въ прахъ и низвелъ въ гробъ Его произведеніе, такъ теперь, обновляя Свое созданіе и возстановляя прежній даръ, Господь дунулъ въ лице апостоловъ, возвращая созданію древнюю жизнедѣятельную силу. И тѣмъ самымъ исполнились предсказанія пророковъ. Такъ, блаженный пророкъ Наумъ, провидя, что Спаситель, воставши изъ мертвыхъ, дуновеніемъ исполнитъ святыхъ апостоловъ божественной благодати, проповѣдуетъ народу, говоря: *празднуй Іудо праздники твоя, воздаждь* [Богу] *обѣты твоя, зане не приложатъ ктому еже проити во обетшаніе: скончася и извержеся. Взыде вдыхаяй въ лице Твое, отъемляй* [тя] *отъ оскорбленія* (Наум. I, 15; II, 1). И вотъ Господь говоритъ: *миръ вамъ, и сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ* (Іоан. xx, 22). Спаситель видѣлъ, что человѣческая природа изнемогаетъ подъ игомъ работы и уклоняется отъ борьбы по слабости; поэтому, Онъ восполняетъ недостатокъ ея силою Духа, чтобы утѣшить ее, удрученную нашею немощью, и какъ бы какой уздой укрѣпляетъ ее божественною благодатью, чтобы, воспринявъ отъ благодати то, чего не имѣла по природѣ, она вышла на борьбу, возбужденная силою Духа. *Пріимите Духъ Святъ: якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы.* Но Ты, Господи, шествуя какъ Владыка, увидѣлъ грѣшниковъ — и помиловалъ ихъ, отпустилъ намъ грѣхи

наши. Это — высшая милость. Мы идемъ къ безднѣ грѣховъ; грѣшниковъ множество, необходимо великое человѣколюбіе. А власти мы не имѣемъ: какое же можетъ быть сходство между нашимъ и Твоимъ посланничествомъ? Какъ бы въ отвѣтъ на это и въ оправданіе Своихъ словъ: *якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы,* Спаситель прибавляетъ: *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (Іоан. xx, 23). Какую имѣетъ власть Самъ, ту даетъ и апостоламъ, потому что, какъ невозможно подчинить народъ правителю, необлеченному отъ царя властью помилованія и наказанія и смерти, такъ и Спаситель, намѣреваясь поставить апостоловъ начальниками вселенной, облекаетъ ихъ властью помилованія и наказанія, въ этихъ словахъ: *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (Іоан. xx, 23). Невозможно, конечно, ни свидѣтельствовать мужественно, ни проповѣдывать ревностно, ни совершить вообще что-либо великое и трудное, если сила Духа Святаго не 778
подкрѣпитъ духа свидѣтеля [1]). Безъ ея содѣйствія невозможно быть свидѣтелемъ. Свидѣтелемъ я называю теперь не только воспріявшаго кончину путемъ страданій, но и свидѣтельствующаго словомъ благодати. Всякій вѣстникъ истины есть свидѣтель Божій. Такъ объ Іоаннѣ Крестителѣ Евангеліе говоритъ: *и свидѣтельствова Іоаннъ* истиною *глаголя, яко сей есть* Христосъ *Сынъ Божій* (Іоан. I, 32. 34). А онъ свидѣтельствуетъ не страданіемъ, а возгласомъ. Итакъ, невозможно быть свидѣтелемъ Божественнаго Слова, безъ содѣйствія Духа Святаго. Поэтому Спаситель предъ вознесеніемъ Своимъ говоритъ апостоламъ: *вы же сѣдите во градѣ Іерусалимстѣ, дондеже облечетеся силою свыше* (Лук. xxiv, 49), *и пріимете силу нашедшу Святому Духу* (Дѣян. I, 8). Не получивши этой силы, вы не можете быть свидѣтелями.

5. *Ѳома же единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый близнецъ, не бѣ ту съ ними* (Іоан. xx, 24). По великому домостроительству Христову Ѳома отсутствовалъ тогда, чтобы его сомнѣніе сдѣлало достовѣрнѣйшимъ воскресеніе, потому что, если бы Ѳома не былъ тогда въ отсутствіи и не усомнился бы въ воскресеніи, и Господь не разрѣшилъ бы его сомнѣнія очевиднымъ доказательствомъ, то чудо воскресенія продолжало бы соблазнять еще многихъ. А его сомнѣніе и послужило врачествомъ для всѣхъ вѣрныхъ. Потомъ, когда пришелъ Ѳома, другіе ученики говорили ему: *видѣхомъ Господа* (ст. 25). Тѣ съ гордостью говорили о томъ, что они видѣли, а онъ, какъ бы одержимый (духомъ) противорѣчія, но не невѣрія

[1]) Мученика, μάρτυρος.

(таково сомнѣніе), и горячо желая удостовѣриться, не сказалъ однако: „этого не можетъ быть". Тщательно вникни: онъ не отвергнулъ воскресенія, — не сказалъ: „невозможное вы говорите, несбыточныя вещи разсказываете", но искалъ удостовѣренія, говоря: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не иму вѣры* (Іоан. xx, 25). *И по днехъ осмихъ*. Смотри, — опять является въ день Господень: восемь дней прошло отъ одного дня Господня до другого. *И по днехъ осмихъ* послѣ воскресенія *паки пріиде Іисусъ, дверемъ затвореннымъ, и ста посредѣ ихъ, и рече: миръ вамъ* (ст. 26). Тамъ Онъ двукратно сказалъ: *миръ вамъ*, и здѣсь одинъ разъ, чтобы даръ мира вполнѣ былъ даромъ Святой Троицы. *Миръ вамъ. Потомъ глагола Ѳомѣ: принеси перстъ твой сѣмо* (ст. 27). Умоляю, будь внимателенъ. Спаситель не ждетъ, чтобы ученики сказали Ему о сомнѣніи Ѳомы: не научается сначала и тогда учитъ; но чтобы убѣдить его, что и не являясь Онъ былъ между ними, и чтобы тотъ изслѣдовалъ то, въ чемъ сомнѣвался, говоритъ Ѳомѣ: *принеси перстъ твой сѣмо*, какъ ты хотѣлъ, *и виждь руцѣ Мои, и принеси руку Твою, и вложи въ ребра Моя: и не буди невѣренъ, но вѣренъ* (ст. 27). Этимъ показываетъ, что ищущій
779 доказательствъ невѣренъ, а служащій вѣрѣ — вѣренъ. Одно и и то же ли — изслѣдовать ребра Христовы и язвы отъ гвоздей и спрашивать: какъ Онъ родился? Скорѣе — нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ѳома искалъ увидѣть слѣды гвоздей, видимые на тѣлѣ и доступные осязанію; онъ желалъ разсмотрѣть данное въ дѣйствительности, что онъ видѣлъ и прежде. А ты, любопытствуя о природѣ невидимой, существѣ непостижимомъ, о рожденіи неизреченномъ, о Родителѣ несказанномъ, о Рожденномъ непостижимомъ, не большую ли обнаруживаешь дерзость? Не хуже ли ты невѣрнаго? Если блаженный Ѳома за то, что изслѣдовалъ ребра, услышалъ: *не буди невѣренъ, но вѣренъ*, — (тѣмъ болѣе) ты, изслѣдующій природу безтѣлесную и силу непостижимую, *не буди невѣренъ, но вѣренъ*. Возблагодаримъ же благость Божію и долготерпѣніе, что перстъ Ѳомы сдѣлался жезломъ благочестія, сокрушающимъ ухищренія еретиковъ и заграждающимъ уста дерзающихъ говорить, что Христосъ призрачно воплотился и призрачно умеръ. Перстъ Ѳомы разрѣшилъ сомнѣнія еретиковъ съ такою же силою, какъ тотъ перстъ, противъ котораго были безсильны волхвы египетскіе, говорившіе: *перстъ Божій есть сіе* (Исх. viii, 19). А святому Ѳомѣ тогда — послѣ полнаго убѣжденія — прилично было повторить слова Давида: *въ день скорби моея Бога взыскахъ*, и такъ какъ руками искалъ, прибавить и дальнѣйшее: *рукама моима нощію предъ Нимъ, и не прелщенъ быхъ* (Псал. lxxvi, 3). *Не буди невѣренъ, но*

вѣренъ. А онъ, узнавши по язвамъ Пострадавшаго, и по предвѣдѣнію—Бога, восклицаетъ: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. XX, 28).

6. Пусть слушаютъ еретики. Если дѣйствительно Сынъ не хочетъ (этого) и не имѣетъ равнаго съ Отцемъ достоинства, то почему Онъ не отклоняетъ неподобающей Ему чести? Когда Онъ услышалъ отъ нѣкоего: *учителю благій*, тотчасъ возразилъ: *что Мя глаголеши блага? Никто же благъ токмо единъ Богъ* (Матѳ. XIX, 16, 17), хотя именованіе — благій употребляется и между нами Слышать *благій* по твоему мнѣнію Онъ отказался; не гораздо ли больше долженъ былъ отказаться принять — *Богъ и Господь?* Тамъ — *учителю благій*, и говоритъ: *что Мя глаголеши блага?* а здѣсь — *Господь мой и Богъ мой*, и не сказалъ: что называешь Меня Господомъ и Богомъ? Но тамъ, такъ какъ недостойно Его было обращеніе (потому что было сказано не — „Господь благій", а *учителю благій*), Онъ отклонилъ низкое, а здѣсь славное принялъ. И здѣсь укорилъ, но укорилъ напротивъ за то, что сказано было поздно. Не за то укорилъ Господь Ѳому, что онъ сказалъ — Господь мой, но за то, что сказалъ это позже (чѣмъ слѣдовало). *Яко видѣвъ Мя вѣровалъ еси, блажени не видѣвшіи и вѣровавше* (Іоан. XX, 29). Одинъ укоренъ, а всѣ мы ублажены; конечно, ублаженіе это простирается на всѣхъ насъ и на тѣхъ, которые послѣ насъ, потому что, не испытавъ чудесъ лично, но принимая на вѣру, всѣ мы являемся участниками этого великаго и славнаго блаженства.

7. Отъ этого повѣствованія, которое мы пробѣжали сокращенно, перейдемъ, если вы не утомились обиліемъ сказаннаго, къ другому пророческому изреченію. Какому же? *Пріидите, взыдемъ на гору Господню* (Мих. IV, 2; Ис. II, 3), такъ какъ съ горы Елеонской вознесся Спаситель. *Пріидите, взыдемъ на гору Господню* 780
и въ домъ Бога Іаковля. И день этотъ [1]) Богъ почтилъ также соименностью съ горой. Тамъ Спаситель вознесся съ горы, называемой Елеонской, а здѣсь произрастаетъ такъ называемая Масличная роща (ἡ ἐλαία), и близостью (къ городу), и соименностью воспроизводящая древнее повѣствованіе. Спаситель возвелъ учениковъ Своихъ на гору Елеонскую близъ Іерусалима. Обрати вниманіе на сходство—и тамъ, и здѣсь. *Пріидите, взыдемъ на гору Господню*. Взойдемъ желаніемъ и словомъ, и посмотримъ, какіе плоды принесло намъ спасительное вознесеніе.

8. Я хочу взять самую книгу Дѣяній и разсмотрѣть съ начала по порядку, чтобы вмѣстѣ съ вами исчерпать божественные

[1]) Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читается: „и нашъ городъ"...

источники и въ качествѣ испытателей истины, желающихъ богатѣть въ благочестіи, сообща изслѣдовать сокровища Священнаго Писанія. *Дѣянія*, говорится, *апостоловъ*. Самое надписаніе обнаруживаетъ всю суть дѣла и заглавіе является началомъ всего повѣствованія. Не всѣхъ, однако, апостоловъ дѣянія содержатся въ этой книгѣ: если изслѣдовать тщательно, то начальныя главы книги говорятъ о чудесахъ и ученіи Петра и только отчасти другихъ апостоловъ, а затѣмъ все повѣствованіе сосредоточивается на (дѣлахъ) Павла. Но если повѣствуется о Петрѣ и Павлѣ, какъ же книга называется Дѣяніями апостоловъ вообще? Такъ какъ, по (апостолу) Павлу, если прославляется одинъ членъ, вмѣстѣ съ нимъ прославляются и всѣ члены, то дѣеписатель и не написалъ: Дѣянія Петра и Павла, но употребилъ общее заглавіе: *Дѣянія апостоловъ*. Кто же составилъ эту книгу Дѣяній? (Сейчасъ) изслѣдуемъ. Многіе, не зная писателя ея, расходятся между собой во мнѣніяхъ и противорѣчатъ другъ другу: одни приписываютъ Дѣянія Клименту Римскому, другіе — Варнавѣ, третьи—евангелисту Лукѣ. Въ виду разногласія этихъ мнѣній, мы обратимся къ самому писателю за разъясненіемъ, кто онъ и что предпринимаетъ, и (посмотримъ), нѣтъ ли у него указаній на самого себя. *Первое убо слово сотворихъ о всемъ, о Θеофиле* (Дѣян. I, 1). Сказавъ *первое*, обращаетъ нашу мысль къ вопросу, какое слово называетъ первымъ, потому что, если бы написалъ только одну эту книгу, не могъ бы сказать: *первое слово сотворихъ*. Итакъ, разсматриваемая книга оказывается второю: первая уже написана раньше. А какую первую книгу написалъ, объясняетъ самъ: *первое убо слово сотворихъ о всемъ, о Θеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити*. Отсюда видно, что не дѣянія были предметомъ его перваго труда, а Евангеліе: *первое слово*—не о томъ, что сдѣлалъ Петръ и Павелъ, но о томъ, *яже начатъ Іисусъ творити же и учити*. Ясно, что Лука, написавшій Евангеліе, самъ написалъ и Дѣянія. Впрочемъ, посмотримъ внимательнѣе, онъ ли дѣйствительно. *Первое убо слово сотворихъ о всемъ, о Θеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити, даже до дне, въ оньже заповѣдавъ апостоломъ Духомъ Святымъ, ихже избра, вознесеся* (Дѣян. I,
781 12). Какъ бы такъ говоритъ: я описалъ дѣла Спасителя и Его ученіе до вознесенія. Прошу васъ, будьте внимательны. Первое, говоритъ, мое сочиненіе обнимаетъ дѣла Спасителя и Его ученіе, и доведена эта первая книга до вознесенія. А несомнѣнно, ни Матѳей, ни Маркъ, (развѣ отчасти), ни Іоаннъ—не довели Евангелія до вознесенія, только одинъ Лука. Матѳей такъ оканчиваетъ Евангеліе: *единіи же надесяте ученицы идоша въ Галилею въ гору, аможе повелѣ имъ Іисусъ. И видѣвше Его, поклонишася Ему. И рече: шедше, научите вся языки... И се*

Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка (Матѳ. XXVIII, 16—20). Таковъ конецъ Евангелія. О томъ, какъ вознесся [Господь, Матѳей] не сказалъ. Подобнымъ образомъ Маркъ говоритъ: *и изшедше* жены *бѣжаша отъ гроба — и никому же ничтоже рѣша: бояхубося* (Марк. XVI, 8). И послѣ другого говоритъ о вознесеніи вкратцѣ такъ: *Господь же убо по глаголаніи сего къ нимъ вознесеся на небо, и сѣде одесную Бога. Они же изшедше проповѣдаша всюду, Господу поспѣшествующу и слово утверждающу послѣдствующими знаменми. Аминь* (Марк. XVI, 19—20). Вотъ и конецъ Евангелія. Подробнаго разсказа о вознесеніи и у Марка не оказалось. Іоаннъ (въ концѣ своего Евангелія) разсказываетъ о явленіи Спасителя ученикамъ при озерѣ Тиверіадскомъ. *Глагола Петру: Петре, любиши ли Мя?* (Іоан. XXI, 15), и (такъ далѣе) до конца бесѣды (между ними). А здѣсь Іоаннъ остановился и не упомянулъ о вознесеніи, но говоритъ: *многа же и ина знаменія сотвори Іисусъ, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ* (Іоан. XXI, 25; ср. XX, 30). Такимъ образомъ, Іоаннъ и Матѳей совсѣмъ не вспомнили о вознесеніи, а Маркъ упомянулъ, но лишь вскользь. Только Лука продолжилъ полный разсказъ до вознесенія. На него и ссылается: *первое слово сотворихъ о всемъ, о Ѳеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити, даже до дне, въ оньже заповѣдавъ апостоломъ Духомъ Святымъ, ихже избра, вознесеся* (Дѣян. I, 1, 2).

9. Кто этотъ Ѳеофилъ? Въ то время онъ былъ игемономъ и, находясь въ должности, принялъ проповѣдь (евангельскую); какъ нѣкогда проконсулъ Кипра послѣдовалъ проповѣди Павла во время своего проконсульства, такъ и Ѳеофилъ, будучи игемономъ, былъ обращенъ (ко Христу) проповѣдью Луки. Самого же блаженнаго Луку онъ просилъ описать для него дѣянія апостоловъ. Ты научилъ, говоритъ, меня дѣламъ Христа; научи теперь и дѣламъ Его учениковъ. Поэтому, ему посвящаетъ (апостолъ) и второе свое слово. Вѣдь и Евангеліе Луки было написано для Ѳеофила. Откуда это видно? Самъ Лука говоритъ: *понеже убо мнози начаша чинити повѣсть о извѣствованныхъ въ насъ вещехъ, якоже предаша намъ, иже исперва самовидцы и слуги бывшіи словесе, изволися и мнѣ послѣдовавшу выше вся испытно, поряду писати тебѣ, державный Ѳеофиле, да разумѣеши, о нихже научился еси словесѣхъ* 782
утвержденіе (Лук. I, 1—4). *Державный* — тоже, что сіятельный; такой титулъ давался тогда сіятельнымъ. Откуда это видно? Фистъ игемонъ говоритъ Павлу: *бѣснуешися ли Павле?* А онъ отвѣчаетъ игемону: *не бѣснуюся державный Фисте* (Дѣян. XXVI, 24, 25). Такъ и здѣсь — *державный Ѳеофиле*. Итакъ, Лука, написавъ сначало Евангеліе и посвятивъ его Ѳеофилу, теперь тому же Ѳеофилу

посвящаетъ и второй свой трудъ. Какой же именно? *Первое убо слово сотворихъ о всемъ, о Θеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити.* И до чего довелъ ты свой разсказъ? *Даже до дне, въ оньже заповѣдавъ апостоломъ, ихже избра, вознесеся.* Иными словами: я написалъ, говоритъ, Евангеліе съ начала до того дня, въ который Онъ вознесся (на небо), давъ наставленія апостоламъ, которыхъ избралъ Себѣ ранѣе. Прошу тебя, обрати вниманіе. *Предъ ними же и постави Себе жива по страданіи Своемъ* (Дѣян. I, 3). Видишь смѣлость евангелиста? И въ дѣяніяхъ апостоловъ онъ не забываетъ о богословіи. Не сказалъ: „являясь которымъ“, но — *предъ нимиже и постави Себе жива.* [Какъ и] говорилъ [Христосъ]: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19). *Предъ нимиже и постави Себе жива по страданіи Своемъ во многихъ истинныхъ знаменіихъ денми четыредесятми являяся имъ и глаголя, яже о царствіи Божіи* (Дѣян. I, 3).

10. Обрати вниманіе, прошу тебя. *Во многихъ истинныхъ знаменіихъ денми четыредесятми являяся имъ и глаголя, яже о царствіи Божіи.* Въ теченіе сорока дней являлся (Спаситель) ученикамъ, (но) не каждый день. При томъ, послѣ воскресенія Онъ окружалъ Свою плоть многими (признаками) полной достовѣрности, чтобы отъ постояннаго лицезрѣнія не ослабѣло (благоговѣніе предъ) величіемъ силы. Въ виду этого было необходимо, чтобы воскресши Онъ являлся впредь въ божественныхъ чертахъ, а не въ привычномъ для наблюдателей видѣ; какъ и говоритъ (дѣеписатель): *во многихъ истинныхъ знаменіихъ денми четыредесятми.* Это было уже не обычное наблюденіе, но (подтверждаемое) нѣкоторыми несомнѣнными признаками Его бытія. Такъ, Онъ являлся ученикамъ въ различныхъ видахъ, съ различными голосами, различной наружности. Часто являлся имъ и не былъ ими узнаваемъ (напримѣръ), явился бывшимъ съ Петромъ на рыбной ловлѣ и говоритъ имъ: *дѣти, еда что снѣдно имате* (Іоан. XXI, 5), и они не узнали Его ни по внѣшнему виду, ни по голосу; но Онъ говоритъ имъ: *вверзите мрежу одесную страну корабля, и обрящете* (ст. 6); они бросили—и поймали множество рыбы. Не узнавши Его по виду, они тотчасъ узнали по этому явленію силы; тогда-то евангелистъ Іоаннъ говоритъ Петру: *Господь есть*, будучи убѣжденъ въ томъ не зрѣніемъ, но явленіемъ силы. Поэтому и Лука возглашаетъ: *во многихъ истинныхъ знаменіихъ денми четыредесятми являяся имъ и глаголя.*

Не просто являясь, но будучи видимъ извѣстное время. Изслѣдовавъ тщательно, мы находимъ, что послѣ воскресенія Спаситель одиннадцать разъ явился святымъ апостоламъ и затѣмъ вознесся къ Отцу. Такъ какъ Онъ имѣлъ одиннадцать учени-

ковъ—послѣ отпаденія Іуды, потерявшаго свое мѣсто и достоинство вслѣдствіе совершеннаго имъ злаго предательства,—то одиннадцать разъ и является апостоламъ; впрочемъ, не всѣмъ вмѣстѣ, а отдѣльно—то тѣмъ, то другимъ; напримѣръ, явился десяти 783
въ отсутствіе Ѳомы, а потомъ опять явился, когда и Ѳома былъ съ ними. Теперь изслѣдуемъ счисленіе, какъ получается, что Онъ являлся по числу одиннадцати апостоловъ одиннадцать разъ. Первое явленіе было Маріи, ходившей при гробѣ, и другимъ женамъ. Прежде всѣхъ увидѣли Его женщины, которыхъ и блаженный Исаія призываетъ: *жены, грядущыя съ позорища, пріидите* и *возвѣстите намъ* (Ис. XXVII, 11). Итакъ, явился женщинамъ. Требующій строгой точности можетъ видѣть, что мы не извращаемъ счета. Во-первыхъ, явился (Господь) женамъ—Маріи и прочимъ; потомъ—Петру, затѣмъ—Клеопѣ со спутникомъ на пути въ Эммаусъ, гдѣ Онъ узнанъ былъ ими въ преломленіи хлѣба. Но откуда видно, что прежде этихъ двухъ явился (Господь) Петру? Послѣ вечера (въ Эммаусѣ) Клеопа и спутникъ его спѣшили возвѣстить ученикамъ, что видѣли Господа, и нашли апостоловъ, говорящихъ, *яко воистину воста Господь и явися Симону* (Лук. XXIV, 34). (Значитъ) извѣстіе, что Петръ видѣлъ Господа, пришло прежде, чѣмъ эти двое передали о своемъ видѣніи. На это и Павелъ указываетъ, говоря: *предахъ бо вамъ исперва, еже и пріяхъ, яко Христосъ умре грѣхъ ради нашихъ по писанію, и яко воста и явися Кифѣ, таже единонадесятимъ* (1 Кор. XV, 4, 5). Прежде Петру, потомъ — этимъ двумъ. Итакъ, явился (Господь), во-первыхъ женамъ, во-вторыхъ — Петру, въ-третьихъ — Клеопѣ со спутникомъ, въ-четвертыхъ — десяти, *дверемъ затвореннымъ*, въ отсутствіе Ѳомы; потомъ одиннадцати вмѣстѣ съ Ѳомой — это уже въ-пятыхъ. Далѣе является пятистамъ братій; и это указываетъ Павелъ, говоря: *потомъ же явился боле пяти сотъ братіямъ, единою, отъ нихже множайшіи пребываютъ доселѣ* (1 Кор. XV, 6) это — шестое (явленіе). Потомъ явился семи на морѣ Тиверіадскомъ, ловившимъ рыбу; потомъ — по словамъ Павла — Іакову, наконецъ — всѣмъ апостоламъ. Прошу тебя, слѣди внимательно. Итакъ, ты имѣешь прежде всего женъ, Петра, Клеопу вдвоемъ, явленіе десяти кромѣ Ѳомы, явленіе одиннадцати, пятистамъ братій — въ-шестыхъ, въ-седьмыхъ — семи, въ-восьмыхъ — Іакову, въ-девятыхъ — семидесяти, въ-десятыхъ — на горѣ Галилейской, въ-одиннадцатыхъ—на горѣ Елеонской. Въ память вознесенія Спасителя, столь часто преподававшаго миръ, намъ нельзя не повторить счетъ для твердости еще разъ. Итакъ, имѣешь во-первыхъ — женъ, во-вторыхъ — Петра, въ-третьихъ — Клеопу вдвоемъ, въ-четвертыхъ — десять, въ-пятыхъ — одиннадцать, въ

шестыхъ — пятьсотъ, въ-седьмыхъ — семь, въ-восьмыхъ — Іакова, въ-девятыхъ — семьдесятъ, въ-десятыхъ — на горѣ Галилейской, въ-одиннадцатыхъ — на горѣ Елеонской.

11. *Являяся имъ денми четыредесятми и глаголя, яже о царствіи Божіи. Съ ними же и ядый повелѣ имъ отъ Іерусалима не отлу-*
784 *чатися, но ждати обѣтованія Отча, еже слышасте отъ Мене* (Дѣян. I, 3, 4), О, великое снисхожденіе Спасителя! О, многая благость! О, человѣколюбіе неизреченное! Пусть до страданій Твоихъ, Господи, Ты ѣлъ и возлежалъ вмѣстѣ съ учениками, зачѣмъ и по воскресеніи Своемъ Ты входишь съ ними въ такое общеніе? Чтобы этимъ, говоритъ, утвердить Ѳому въ истинѣ воскресенія. Если даже теперь, когда совершалось все это, есть невѣрующіе въ воскресеніе, то — не будь этого, т. е., если бы Онъ не ѣлъ и не пилъ вмѣстѣ съ учениками, кто могъ бы заградить необузданныя уста дерзающихъ легкомысленно говорить что угодно о домостроительствѣ Спасителя? Это научаетъ насъ почитать божественную и таинственную трапезу. Часто трапеза совершаетъ то, что недоступно слову. Часто безчисленные совѣтники не могутъ примирить обыкновенной вражды, а одна трапеза прекращаетъ войны. Продолжимъ взятый сейчасъ примѣръ. Мы не перестаемъ быть врагами Богу, оставаясь врагами Божественнаго Слова, какъ говоритъ Павелъ: *врази бывше, примирихомся Богу смертію Сына Его* (Рим. V, 10). Мы были врагами; былъ дарованъ законъ — и не примирилъ; пришли пророки — и не убѣдили; враги и непріятели Богу [какъ были, такъ и] остались. Много было гонителей противъ истины, много борцовъ противъ благочестія, много словъ, много наставленій, но ничто не прекратило войны. Пришелъ Христосъ, утвердилъ Свою трапезу, далъ Себя въ снѣдь и сказалъ: *пріимите, ядите* (Матѳ. XXVI, 26)—и тотчасъ прекратилъ войну и водворилъ миръ. Въ Египтѣ наказываетъ богоборцевъ—и никто не повинуется; поражаетъ мучителей—и никто не покоряется. Здѣсь предлагаетъ Себя въ снѣдь—и всѣ устыжаются и повинуются. Ударами не убѣдилъ, а снѣдаемый убѣждаетъ. Я разумѣю Снѣдаемаго на таинственной трапезѣ: *Азъ*, говоритъ, *есмь, хлѣбъ, сшедый съ небесе и даяй животъ міру* (Іоан. VI, 41, 33). Раздѣляя съ учениками трапезу, (Спаситель) говорилъ имъ, *яже о царствіи Божіи. И повелѣ имъ отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отча, еже слышасте отъ Мене* (Дѣян. I, 4). Да, мы слышали отъ Тебя, Господи; Ты говорилъ: *восхожду ко Отцу Моему* (Іоан. XX, 17) и умолю Его и пошлю вамъ Духа истины, Утѣшителя. Ты дѣйствительно говорилъ это, но когда обѣщалъ Отецъ? Не сказалъ (Господь): „ждати обѣтованія Моего,“ но — *обѣтованія Отча, еже слышасте отъ Мене*. Именно,

говоритъ, обѣщалъ Отецъ, а Я напомнилъ. Гдѣ же обѣщалъ Отецъ? Ты можешь просмотрѣть все Евангеліе, но не найдешь Словъ Отца, обѣщающаго ученикамъ дать Духа Святаго. Гдѣ же Онъ обѣщалъ? Устами пророковъ, — какъ говоритъ Павелъ: *Павелъ, рабъ Іисусъ Христовъ, званъ апостолъ, избранъ во благовѣстіе Божіе, еже прежде обѣща пророки Своими въ писаніяхъ святыхъ о Сынѣ Своемъ* (Рим. I, 18).

12. Итакъ, предвозвѣстившій Евангеліе обѣщалъ дать и Духа Святаго. Гдѣ же обѣщаніе Духа? Я ищу съ вами вмѣстѣ, какъ одинъ изъ васъ по вѣрѣ и любви ко Христу. Я не разъ говорилъ вашей любви, что овцы и пастыри—по человѣческому опредѣленію, а предъ Христомъ всѣ овцы: и пастыри, и пасомые— всѣ имѣютъ единаго верховнаго Пастыря. Итакъ, гдѣ обѣщалъ (Отецъ Духа Святаго)? Говоритъ Богъ устами пророка Іоиля: *въ* 785
послѣднія дни, глаголетъ Господь Вседержитель, *излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши и дщери вашя* (Дѣян. II, 16, 17; ср. Іоил. II, 28). Вотъ обѣщаніе. Гдѣ же исполненіе? Въ сошествіи Духа Святаго на апостоловъ, когда Онъ раздѣлилъ между ними роды языковъ, и они начали говорить (разными) языками. (Тогда) ихъ заподозрили, что они пьяны, и Петръ говоритъ: *мужіе Іудейстіи, не бо якоже вы непщуете, сіи пьяни суть. Есть бо часъ третій дне. Но сіе есть реченное пророкомъ Іоилемъ: въ послѣднія дни, глаголетъ Господь, излію отъ Духа Моего на всяку плоть* (Дѣян. II, 14—17; Іоил., II, 28). Вотъ обѣщаніе Отца. Откуда, однако, видно, что отъ лица Отца было это обѣщаніе? Если я знаю, что и Сынъ говорилъ чрезъ пророковъ, то какъ узнать, Отецъ ли былъ говорящимъ въ этомъ случаѣ? *Излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши и дщери вашя. И дамъ*, говоритъ, *знаменія на небеси горѣ и на земли низу, кровь и огнь и куреніе дыма* (Дѣян. II, 17, 19). Я много разъ говорилъ о крови, исшедшей изъ ребра, потому что это было величайшее чудо видѣть кровь, исходящую изъ мертваго тѣла; (пророкъ и провидѣлъ) кровь, истекшую изъ ребра,—огонь, сошедшій на апостоловъ. *Кровь и огнь и куреніе дыма. Солнце преложится во тму, и луна въ кровь, прежде даже не пріити дню Господню великому и просвѣщенному* (Дѣян. II, 19, 20). Изъ того, какъ выражается о Сынѣ, убѣдись, что говоритъ Отецъ: *прежде даже не пріити дню Господню;* а не сказалъ дню Моему. Почему? Если Ты даешь знаменія, то почему къ другому обращаешь мысль, говоря: *прежде даже не пріити дню Господню великому и просвѣщенному?* Нужно замѣтить это. Или, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что пророкъ говоритъ отъ своего лица: *прежде даже не пріити дню?* Но нельзя было пророку (о себѣ) сказать: *излію отъ*

Духа Моего на всяку плоть, прежде даже не пріити дню Господню великому и просвѣщенному. И будетъ всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется (ст. 17—21). Такъ могъ говорить только Богъ чрезъ пророковъ. А Павелъ прибавляетъ къ этому: *той Богъ всѣхъ, богатяй во всѣхъ призывающихъ Его. Всякъ бо, иже аще призоветъ имя Господне, спасется.* И потомъ, показывая, что это сказано о Христѣ, продолжаетъ: *како убо призовутъ, въ негоже не вѣроваша; како же увѣруютъ, егоже не услышаша; како же услышатъ безъ проповѣдающаго; како же проповѣдятъ, аще не послани будутъ; якоже есть писано: коль красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая* (Рим. x, 12—15). Замѣть это, прошу тебя. *Повелѣ*, говоритъ, *имъ отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отча, еже слышасте отъ Мене. Яко Іоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ, не по мнозѣхъ сихъ днехъ* (Дѣян. I, 4, 5). Послѣ сорока дней оставалось десять до дня Пятидесятницы, когда явился Духъ Святый и крестилъ апостоловъ не водою, а огнемъ.

786 13. Здѣсь должно разрѣшить вопросъ, затрудняющій многихъ. Именно, многіе спрашивали, были ли до страданій Спасителя апостолы крещены крещеніемъ евангельскимъ? Мы не навязываемъ своего мнѣнія и не довѣряемся человѣческимъ разсужденіямъ въ этомъ вопросѣ, но твердо держимся Писаній. (Въ Писаніяхъ) мы находимъ, что апостолы получили крещеніе до страданій Христовыхъ, крещеніе Іоанново. И Спаситель до страданій Своихъ не даетъ имъ другого крещенія, чтобы не упразднить проповѣди Іоанновой и не дать іудеямъ повода къ нападкамъ, что Онъ ввелъ свое особое крещеніе изъ гордости предъ Іоанномъ Крестителемъ, но позволяетъ ученикамъ имѣть залогъ воды, сохраняя для нихъ (на будущее время) благодать Духа. Поэтому, какъ не имѣющимъ еще Духа, говоритъ по воскресеніи: *пріимите Духа Свята*, и прибавляетъ: идите во Іерусалимъ и ждите тамъ *обѣтованія Отча, еже слышасте отъ Мене. Яко Іоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ, не по мнозѣхъ сихъ днехъ*. Не водою опять, потому что они уже получили (крещеніе водою), но Духомъ Святымъ; не прибавляетъ воду къ водѣ, но восполняетъ неполноту тѣмъ, чего не имѣли. *Вы же имате креститися Духомъ Святымъ не по мнозѣхъ сихъ днехъ*; вмѣсто того, чтобы сказать: чрезъ десять дней. Какая нужда въ такой отсрочкѣ? Зачѣмъ отсрочка? Десять дней полагаются между [обѣщаніемъ и исполненіемъ]: это — для испытанія вѣры апостоловъ. Когда благодать бездѣйствовала, и никто не являлся, вѣра ихъ подвергалась испытанію, сохранятъ ли они довѣріе къ Обѣщавшему. Обѣщалъ и сказалъ (Господь): *не по мнозѣхъ сихъ днехъ*. Не опредѣлилъ точно

(числа) дней, но просто — *не по мнозѣхъ сихъ днехъ*. Не все предоставляетъ намъ знать Спаситель, но указываетъ держаться мѣры божественнаго опредѣленія. Что слышишь, поучайся; чего не разумѣешь, не допытывайся. *Вы же имате креститися Духомъ Святымъ*. Когда Духъ Святый сошелъ на апостоловъ въ день Пятидесятницы, то наполнилъ весь домъ, гдѣ они сидѣли, чтобы они были крещены Духомъ Святымъ, какъ въ водѣ. А съ невидимымъ соединяетъ видимое явленіе, т. е. раздѣленіе языковъ. Такимъ образомъ, они были крещены Духомъ Святымъ. И что креститься Духомъ Святымъ было тоже самое, что принять Духа Святаго, подтверждаетъ другое повѣствованіе. Когда Петръ былъ укоряемъ учениками: „зачѣмъ ты пошелъ къ эллинамъ и огласилъ ихъ и далъ имъ крещеніе и таинства?" онъ отвѣчалъ: я былъ въ городѣ Іоппіи, и нѣкто Корнилій сотникъ прислалъ за мной и я придя проповѣдывалъ ученіе; но въ то самое время, когда я говорилъ, сошелъ на нихъ Духъ Святый, какъ на насъ въ началѣ. И чтобы показать, что то, что бывшіе съ Корниліемъ приняли Духа Святаго, было крещеніемъ, Петръ тотчасъ говоритъ: *помянухъ же глаголъ Господень, якоже глаголаше: Іоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян xi, 16).

14. Итакъ, до страданій Спасителя были крещены апостолы водою и омыты. Но то было омовеніе во оставленіе грѣховъ, а не сообщеніе Святаго Духа. *Пріиде Іоаннъ*, говоритъ евангелистъ, *проповѣдая въ пустыни крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ*. (Марк. i, 4). Но нужно объяснить, откуда мы знаемъ, что апостолы имѣли это крещеніе. Вѣдь (Господь) не сказалъ, что „Іоаннъ крестилъ васъ водою", но что онъ крестилъ вообще; а отсюда 787
еще не видно, крестилъ ли и апостоловъ. Откуда же это извѣстно? Выслушай разсудительно. Когда (при омовеніи ногъ) Петръ противорѣчилъ, говоря: *Господи, не умыеши ногу моею во вѣки*, Спаситель сказалъ: *аще не умыю тебе, не имаши части со Мною*. Петръ возразилъ: *Господи, не нозѣ мои токмо, но и руцѣ и главу*, а Спаситель на это отвѣтилъ: *измовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти* (Іоан. xiii, 8 — 10). Видишь, какъ утвердилъ Онъ крещеніе (Іоанново)? (Нужно имѣть въ виду, что) гдѣ не было призыванія Отца, Сына и Святаго Духа, тамъ крещеніе только покаянія, а гдѣ есть призываніе, тамъ крещеніе всыновленія. Спаситель не отмѣнилъ крещенія покаянія, но восполнилъ (призываніемъ Св. Троицы) и (затѣмъ) къ этому крещенію во имя Св. Троицы присоединилъ крещеніе Св. Духомъ. Еретики отвергли крещеніе, установленное во имя Святой Троицы, какое было у нихъ, — потому что не имѣли, несчастные, уваженія къ Владычнему гласу:

измовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти. Вы же имате креститися Духомъ Святымъ не по многихъ сихъ днехъ. И здѣсь (не замедлили обнаружиться) свойственныя человѣческой природѣ любопытство и суетность. Людямъ всегда свойственно спрашивать: когда это будетъ? Когда придетъ Христосъ? Чрезъ сколько лѣтъ конецъ? Когда наступитъ Его царство? Такъ и апостолы, поддаваясь человѣческой страсти, начинаютъ спрашивать Спасителя: *они же сошедшеся вопрошаху Его, глаголюще: Господи, аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево* (Дѣян. I, 6)? Хотя Онъ уже объяснялъ имъ, *егда пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Своей* (Матѳ. XXV, 31), они все-таки спрашиваютъ: *аще въ лѣто сіе?* Они хотѣли узнать, близко ли теперь ожидаемое (царствіе), медлитъ ли спасеніе? Но Спаситель отвѣчаетъ: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти* (Дѣян. I, 7). Апостоламъ не позволено разысканіе временъ: неужели же еретикамъ позволено изслѣдовать природу предвѣчную и существо премірное? (Конечно нѣтъ), — и если бы какой еретикъ сталъ спрашивать о подобныхъ вещахъ и сказалъ: какъ родилъ Отецъ, и какой способъ божественнаго рожденія? — ты обрати противъ него слова Господни: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта*; *нѣсть ваше* знать рожденіе и существо Божіи, и не только не *ваше*, но и ни ангеловъ, ни архангеловъ, ни всякой созданной силы. Кто же можетъ знать это? *Никто же знаетъ Сына токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ токмо Сынъ* (Матѳ. XI, 27); и *глубины Божіи* (никому невѣдомы), кромѣ *Духа Божія. Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта.* Ты не стыдишься умѣренности апостоловъ? Сотрапезники Спасителя, которымъ Онъ и явился, просвѣщенные Имъ, не допускаются знать, но научаются не превышать мѣры и слышать: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта*, а ты изслѣдуешь? Правда, Даніилу было дано знать времена и лѣта и мѣры; (ему было) сказано: *семьдесятъ седминъ сократишася о людехъ твоихъ отъ исхода словесе* дней, *еже соградити храмъ* [1]. *Седминъ седмь и седминъ шестьдесятъ двѣ и едина.* (Дан. IX, 24—27). Вотъ для него было доступно разумѣніе временъ, но со време-
788 немъ обуздывается дерзновеніе, чтобы люди научились, что если о временахъ не позволено знать, то тѣмъ болѣе не должно допытываться о божественномъ рожденіи. *Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти.* А сынъ не положилъ? Значитъ, только во власти Отца времена и лѣта, а Сынъ не имѣетъ участія? Но если Сынъ не имѣетъ участіе во временахъ и лѣтахъ и вѣкахъ, значитъ, Павелъ лжетъ, когда го-

[1]) *Іерусалимъ* — въ слав. Библіи.

воритъ: *въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сынѣ, Имже и вѣки сотвори* (Евр. I, 1, 2)? Если Сынъ — Творецъ вѣковъ, то и лежатъ они во власти Сына. Тоже самое, что говоритъ Павелъ (заключается и въ словахъ): *яже Отецъ положи во Своей власти*,— потому что властью Отца здѣсь называется Сынъ, какъ Его сила и мудрость. *Христосъ* есть *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. I, 24).

15. *Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, но пріимете силу нашедшу Святому Духу на вы* (Дѣян. I, 7, 8). *Пріимете силу* — не для того, чтобы — развѣдывать о временахъ и лѣтахъ, но чтобы вѣрить Владыкѣ. *И будете Ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи и даже до послѣднихъ земли.* Не измѣряй порядка словъ, но силу власти. Онъ сказалъ: „возвѣстите всюду"; это показываетъ Его силу, если слово перешло въ дѣло. Могу и я, не столько со властью, сколько съ тщеславіемъ, сказать предстоящимъ или немногимъ слугамъ и братьямъ: идите къ народамъ и научите всѣхъ, всѣхъ обратите, побѣдите варваровъ, поразите всѣхъ противящихся царству. Слова исходятъ, но если за ними не слѣдуетъ дѣло, я не только осуждаюсь, какъ лжецъ, но и наказываюсь, какъ безразсудный хвастунъ. Итакъ, нужно судить слова Спасителя не по тому, что Онъ сказалъ, но по тому, что сдѣлалъ. Онъ сказалъ: *научите вся языки* (Матѳ. XXVIII, 19). Если слова не оправдались дѣломъ, это было хвастовство, а не божественная власть. Сказалъ (также): проповѣдайте *до послѣднихъ земли.* Если есть какой-нибудь край, непричастный проповѣди, значитъ, повелѣніе оказалось ложнымъ. Если же блескъ дѣлъ затмилъ самыя слова, — истинны свидѣтели и истиненъ свидѣтельствуемый. *И сія рекъ, зрящымъ имъ взятся* (Дѣян. I, 9). Могъ, конечно, (Господь) вознестись не явно, но такъ какъ имѣлъ свидѣтелями воскресенія глаза учениковъ, то и теперь дѣлаетъ ихъ самовидцами вознесенія. *Зрящымъ имъ взятся: отступи отъ нихъ и возношашеся на небо, и облакъ подъятъ Его. И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему* (Дѣян. I 9; Лук. XXIV, 51; Дѣян. I, 10), вознесся, поднялся, несся вверхъ и взошолъ. *Не въ рукотворенная бо святая вниде Христосъ, но въ самое небо нынѣ да явится лицу Божію* (Евр. IX, 24). И не только взошелъ, но и прошелъ. *Имуще убо архіерея велика, прошедшаго небеса, Іисуса,* говоритъ Павелъ (Евр. IV, 14). Взошелъ, поднялся, вознесся, шелъ, прошелъ. Смотри. Взошелъ, какъ имѣющій власть, чтобы исполнилось слово пророческое: *взыде Богъ въ воскликновеніи* (Псал. XLVI, 6). Объ этомъ говоритъ пророкъ съ полною увѣренностью. *Взыде Богъ въ восклинковеніи: возмите врата* 789
князи ваша, и возмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы (Псал. XXIII, 7). Внидетъ: *не въ рукотворенная бо святая вниде Іисусъ, но*

въ самое небо—внидетъ Царь славы. Но случилось двѣ вещи. Какъ (ранѣе) земля была изумлена, увидѣвъ Спасителя, облеченнаго тѣломъ,—и какъ свойственно намъ, когда мы видимъ новое лицо, спрашивать: кто это?—о знакомомъ никто, конечно, не спрашиваетъ, такъ земля и при видѣ Спасителя, обладающаго божественною силою и повелѣвающаго вѣтрами и моремъ, спрашиваетъ: *кто есть сей, яко море и вѣтры повинуются Ему* (Матѳ. VIII, 27)? Итакъ, какъ земля въ изумленіи вопіяла: *кто есть сей?*—такъ теперь небо, видя во плоти Божество, съ изумленіемъ говоритъ: *кто есть сей Царь славы* (Псал. XXIII, 8)?

16. Вотъ еще достойное удивленія. Пришелъ Спаситель (на землю) и, придя, принесъ Духа Святаго, а взойдя (на небо), вознесъ тѣло святое, чтобы дать міру залогъ спасенія, силу Духа Святаго. Другимъ залогомъ спасенія для того же міра долженъ христіанинъ считать святое тѣло Христово. Говоря такъ, я имѣю въ виду и тебя, и каждое лицо христіанское. Я христіанинъ и Божій. На какомъ основаніи? Я имѣю Духа Святаго, съ неба сошедшаго. Хочешь ли другого доказательства? Я получилъ съ неба Духа Божія, я имѣю вѣрный залогъ спасенія. Какой залогъ? Вверху—тѣло Его, внизу—Духа Святаго въ насъ. Ты сомнѣваешься, еретикъ, что мы Божіи? Богъ и люди соединились въ одинъ родъ. Какъ бракъ соединяетъ различныя стороны, и по сочетаніи мужа съ женою цѣлыхъ два рода входятъ въ родство, причемъ одинъ оказывается племянникомъ, а другой — дядей, хотя бы никогда и не видали другъ друга, такъ по воплощеніи Христа — чрезъ Его плоть—вся церковь сдѣлалась родной Христу: и Павелъ родственникъ Христу, и Петръ, и всякій вѣрный, всѣ мы, всякій благочестивый. Поэтому говоритъ Павелъ: *родъ убо суще Божій* (Дѣян. XVII, 29). Впрочемъ, я знаю, въ какомъ смыслѣ это сказано, и не берусь изслѣдовать всю эту исторію: для моей цѣли достаточно одного того, что Павелъ утверждаетъ о родѣ. И опять въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *мы есмы тѣло Христово и уди отъ части отъ плоти Его* [1]). Иными словами: по плоти, которую Христосъ принялъ, мы родные Ему. Итакъ, имѣемъ залогъ Его — на небѣ, именно тѣло Его, отъ насъ заимствованное, и на землѣ — Духа Святаго, (обитающаго) съ нами. И вотъ удивительно: нельзя сказать, что Духъ сошелъ съ неба, и Его уже нѣтъ болѣе на небѣ, такъ что вымѣняли другъ у друга тѣло — небо, а Духъ — землю, но и съ нами Духъ, и вездѣ, и на небѣ. *Камо,* говоритъ (псалмопѣвецъ), *пойду отъ Духа Твоего* (CXXXVIII, 7)? И что удивляешься,

[1]) Здѣсь слиты во-едино два текста: 1) *вы есте тѣло Христово и уди отъ части* (1 Кор. XII, 27) и 2) *уди есмы тѣла Его, отъ плоти Его* (Еф. V, 30).

что Духъ и съ нами и на небѣ, а тѣло Христово и на небѣ и съ нами? Получило небо святое тѣло, приняла и земля Святаго Духа. Пришелъ Христосъ—и принесъ Святаго Духа, взошелъ—и вознесъ наше тѣло. И вотъ — образъ Адама, погребенный во гробѣ, является уже не среди ангеловъ, но превыше ангеловъ возсѣ-
даетъ со Отцемъ, чтобы и насъ посадить съ Собою. О, ужасное 790
и странное устроеніе! О, великій Царь, великій во всемъ, великій и удивительный! И какъ сказалъ пророкъ: *Господи Господь Нашъ, яко чудно имя Твое по всей земли, яко взятся великолѣпіе Твое превыше небесъ* (Псал. VIII, 2). *Взятся* Божество; слово въ слово: *зрящымъ имъ взятся*, великій во всемъ, великій Богъ, великій Господь. *Велій Господь и хваленъ зѣло* (Псал. XLVII, 2). Великій Богъ, великій Господь, великій и Царь: *Царь велій по всей земли* (Псал. XLVI, 3). *Горы Сіонскія, ребра сѣверовы, градъ Царя великаго* (Псал. XLVII, 3). Великій пророкъ, великій священникъ, великій свѣтъ, великій во всемъ. И Писаніе всегда съ воодушевленіемъ называетъ Его великимъ; напримѣръ, Павелъ говоритъ: *великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. II, 13), или Давидъ: *велій Господь и хваленъ зѣло* (Псал. XLVII, 2). Великій Царь, великій пророкъ; когда Іисусъ творилъ чудеса, говорили народы: *яко пророкъ велій воста въ насъ и яко посѣти Богъ людей своихъ* (Лук. VII, 16). И не только по Божеству великъ, но и по плоти; какъ по Божеству — Богъ великій, и Господь великій, и царь великій, такъ съ другой стороны — великій священникъ и великій пророкъ. Откуда это? Говоритъ Павелъ: *имуще убо архіереа велика, прошедшаго небеса, Іисуса Сына Божія, да держимся исповѣданія* нашего (Евр. IV, 14). Если (Господь) — архіерей великій и пророкъ великій, то подлинно посѣтилъ Богъ людей Своихъ и воздвигъ пророка великаго во Израилѣ. Если Онъ великій пророкъ, великій священникъ, великій царь, то и свѣтъ великій: *Галилея языковъ, людіе* сѣдящіи *во тмѣ, видѣша свѣтъ велій* (Ис IX, 2). Даже и день Его называетъ пророкъ великимъ: *прежде даже не пріити дню Господню великому и просвѣщенному* (Іоил. II, 31). Вездѣ слыша о великомъ и великихъ дѣлахъ Господнихъ, съ чего ты вздумалъ, еретикъ, раскалывать и умалять великое? Итакъ, будемъ имѣть залогъ нашей жизни на небѣ, (куда) мы совознесены съ Христомъ. И потомъ опять (будемъ) восхищены на облакахъ, если будемъ достойны встрѣтить на облакахъ. Подсудимый не устраиваетъ встрѣчи судьѣ, но является къ нему съ покорностью,— не устраиваетъ встрѣчи, потому что лишенъ смѣлости. Итакъ, будемъ молиться и мы всѣ, возлюбленные, чтобы намъ оказаться хотя бы въ послѣднихъ рядахъ встрѣчающихъ, потому что, какъ при встрѣчѣ царя, хотя бы не всѣ (участники) были равночестны, но почитаются имъ оди-

наково. такъ будетъ и тогда. Не всѣ одинаково потрудились: *кійждо свою мзду пріиметъ по своему труду* (1 Корон. III, 8). Да не будетъ никакихъ препятствій Слову Божію, но нераздѣльно съ истиною будемъ дерзновенны всѣ въ любви Христовой, питая народъ, орошая души, будучи раздѣлены душами, но не разъединены въ мысляхъ. Врагъ мира имѣетъ судящаго. Хотя бы мы и могли увѣрять людей, но такъ какъ предъ Богомъ мы открыты во всей наготѣ, то (Его именно) надзирающаго мысли и взыскивающаго всякое ложное слово, (призываемъ во) свидѣтели, что мы никогда не хотѣли и не хотимъ быть врагами мира. И если бы мы разрушили миръ, мы были бы врагами тѣхъ, которые слышали отъ
791 Христа: *миръ вамъ!* Но что мы хотимъ и стараемся и горячо желаемъ мира, свидѣтель Тотъ, Кто знаетъ это; объ остальномъ мы будемъ молчать. Принявшій Бога посредникомъ не оскорбляетъ вышняго судилища своими оправданіями. А Богъ силенъ дать миръ, утвердить миръ, водворить миръ и среди проповѣдающихъ, и среди
792 внимающихъ проповѣди, и среди учащихъ, и среди учащихся, чтобы, начавши съ мира и утвердившись въ мирѣ и исполнившись мира, намъ вознести отъ лица всѣхъ славу Богу мира, Отцу и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.



ТВОРЕНІЯ СОМНИТЕЛЬНЫЯ (SPURIA), ПРИПИСЫВАЕМЫЯ СВ. ІОАННУ ЗЛАТОУСТУ.

На Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

НЕРАЗРЫВНО и непоколебимо соединились между собой три 791
удивительныхъ чуда, неизвѣстныхъ отъ начала времени и превосходящихъ силы самой природы нашей. Да, тройной канатъ не легко разорвать. Чудеса эти слѣдующія: рожденіе незамужнею матерію, воскресеніе послѣ тридневной смерти, вознесеніе плоти на небеса. Исторія знаетъ рождающихъ неплодныхъ женщинъ, однакожъ, рождающихъ не внѣ брачнаго соединенія; знаетъ воскресавшихъ мертвецовъ, но воскресавшихъ не для безконечной жизни; знаетъ возносящагося пророка, но возносящагося какъ бы на небо, т. е., не на истинное небо. Илія перемѣнилъ одно мѣсто на другое, а Спаситель восшелъ туда же, откуда и нисшелъ,— восшелъ въ присутствіи мужей и женщинъ, во множествѣ созерцавшихъ Его до тѣхъ поръ, пока ихъ пристально смотрѣвшія въ высоту очи не ослабѣли, при чемъ ангелы дали имъ свидѣтельство касательно того, что они видѣли, и предвозвѣстили второе
Его пришествіе. *И се*, говоритъ Писаніе, *мужа два стаста предъ* 792
ними во одежди бѣлѣ, иже и рекоста: мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо? и проч. (Дѣян. I, 10—11). О, сколь много совершено благимъ Господомъ ради лукавыхъ рабовъ, для ихъ спасенія! Онъ нисшелъ съ небесъ, восшелъ на небеса, снова придетъ съ небесъ. Но какъ придетъ? Не другую воспріявъ ипостась, а въ плотскомъ образѣ, въ человѣческомъ видѣ; однакожъ, не

перенося уничиженія, какъ прежде, не засыпая въ кораблѣ, не испытывая тягостной жажды у колодца, не сидя *на жребяти осли* (Іоан. XII, 15), но устремляясь на осленкѣ *облачномъ;* не рыбарей ведя съ Собою, но сопровождаемый ангелами; не стоя возлѣ судейской каѳедры, но Самъ судя *концы вселенной* и самимъ ры-
793 барямъ даруя судейскую власть, какъ и Самъ учитъ, говоря Своимъ ученикамъ: *егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы своея, сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте коленома Израилевома* (Матѳ. XIX, 28). А іудеямъ: *и аще Азъ о веельзевулѣ изгоню бѣсы, сынове ваши о комъ изгонятъ? Сего ради тіи вамъ будутъ судіи* (Матѳ. XII, 27), потому что, будучи изъ іудеевъ, не мыслили по-іудейски, но своимъ сродникамъ, убійцамъ Господа, предпочли страданія Христовы и Его язвы. Великое чудо, необыкновенное судилище! Странно видѣть, что рыбарь судитъ, фарисей же судится, что дѣлатель палатокъ сидитъ съ дерзновеніемъ, архіерей же со стенаніями даетъ отчетъ. А зачѣмъ ударяли Господа по ланитѣ, били по главѣ и, наконецъ, *Наслѣдника* убили внѣ виноградника? Зачѣмъ ввергали Петра въ темницу? Зачѣмъ наносили Павлу *пять разъ по сороку ударовъ безъ одного* (2 Кор. XI, 24)? Но достойный удивленія въ глазахъ іудеевъ архіерей Ананія повелѣлъ своимъ слугамъ ударять по устамъ Павловымъ, по устамъ Павла, по устамъ благодати, по устамъ истины, по органу жизни, который звучитъ громче всякой трубы, стройнѣе всякой гармоніи, по органу Христову, по флейтѣ Духа. Павелъ своимъ языкомъ возвѣщалъ то, что было угодно Святому Духу. Поэтому думаю, что Давидъ говорилъ отъ лица Павла: *языкъ мой—трость книжника скорописца* (Псал. XLIV, 2). Что же говоритъ Ананіи Павелъ, заранѣе созерцая грозящее ему наказаніе? *Бити тя иматъ Богъ, стѣно повапленная* (Дѣян. XXIII, 3). Стѣна *повапленная* — гробъ украшенный, снаружи — врагъ, внутри — мертвецъ. Такъ какъ намъ предлежитъ дать отчетъ во всемъ, что сдѣлано нами во время своей жизни, такъ какъ предстоитъ всемірный судъ, на которомъ спросятъ о томъ, что мы сдѣлали со ввѣренными намъ талантами, взыщутъ за отверженіе таинственнаго брака, спросятъ о свѣтильникахъ брачной
794 горницы, о возрастаніи сѣмени, о плодѣ виноградника и обо всемъ, что Онъ открылъ намъ чрезъ Свои притчи, то взвѣсимъ свою жизнь, перемѣнимъ ея дѣла, не занимаясь болѣе мѣною серебра, не добывая себѣ золота, не ссужая деньгами за большіе проценты,—потому что Судья гнушается этого,—но доставляя пропитаніе бѣднымъ, проявляя страннолюбіе, призывая Бога и дѣлая все, что можетъ смягчить гнѣвъ Судьи. Взирая на Авраама, постигни выгоду отъ страннолюбія; о пользѣ усердной молитвы

заключай по примѣру ниневитянъ; взирай на сокровищницу милостыни въ Тавиѳѣ; она — бездыханная — лежала на одрѣ, готовились зарыть ее въ могилу; но *вдовицы*, окруживъ Петра и показывая дары мертвой, исторгли умершую изъ ада (Дѣян. IX, 36—41). Если слезы вдовицъ оживили мертвое тѣло, которое, очевидно, снова имѣло умереть впослѣдствіи, то чтó, по твоему мнѣнію, воздастъ Судья въ отплату за благодѣянія тѣмъ, которые щедрою рукою питали бѣдныхъ и не лишили себя ихъ свидѣтельскаго показанія? Тогдашній даръ будетъ неотъемлемъ, такъ какъ между нимъ и его обладателемъ станетъ уже не смерть, но взамѣнъ смерти будетъ имѣть мѣсто вѣчная жизнь. *Вострубитъ бо*, говоритъ Писаніе, *и мертвіи* во Христѣ *возстанутъ нетлѣнни* (1 Коѳ. XV, 52) и неизмѣнны, по примѣру Господа. И какъ Его *взяло* нѣкоторое *облако* (Дѣян. I, 9), такъ и мы, по слову Павла, *восхищени будемъ на облацѣхъ* (1 Солун. IV, 17). И какъ Онъ восшелъ при радостномъ крикѣ и трубномъ звукѣ, такимъ же точно образомъ и мы, услышавъ архангельскую трубу и стряхнувъ съ себя облако смерти, какъ сонъ, соединимся съ Начальникомъ жизни: *и тако*, говоритъ Писаніе, *всегда съ Господемъ будемъ* (1 Солун. IV, 17), помышляя о Господнемъ, охраняя Его заповѣди. Да удостоимся же всѣ мы услышать тотъ блаженный голосъ: *добрѣ, рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа* (Матѳ. XXV, 21). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Благословенъ Богъ! Сегодня благовременно всѣмъ намъ громко 793
произнести то пророческое изреченіе, сообща восхвалить нашего всѣхъ Господа и сказать: *кто возглаголетъ силы Господни? Слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Псал. CV, 2)? Сегодня нашъ *начатокъ* (1 Коѳ. XV, 23) восшелъ на небо и Тотъ, Кто воспріялъ Себѣ нашу плоть, получилъ Отческій престолъ, чтобы примирить рабовъ съ Богомъ, уничтожить древнюю вражду и даровать еще живущимъ на землѣ людямъ миръ вышнихъ силъ. Общія у насъ сегодня награды за побѣду надъ діаволомъ, общія воздаянія за борьбу, общія возмездія за подвиги, общіе вѣнцы, общая слава. Поэтому возвеселимся всѣ, видя, что нашъ *начатокъ* возсѣдаетъ въ горнихъ и что наше естество занимаетъ мѣсто на тронѣ *одесную* Бога. Если дивный пророкъ ублажаетъ *имѣющихъ племя въ Сіонѣ и южики во Іерусалимѣ* (Ис. XXXI, 9), то гораздо болѣе

надлежитъ радоваться и утѣшаться намъ, видящимъ, что нашъ *начатокъ* восшелъ на самую вершину неба и занялъ царскій престолъ. Въ самомъ дѣлѣ, размысли, возлюбленный, сколь велика благость нашего Бога и сколь неизреченно домостроительство Его, проявившееся въ отношеніи къ нашему роду, изъ-за діавольскаго обольщенія изгнанному изъ рая; и на какую высоту вдругъ Богъ возвелъ его, подпавшаго столь великому проклятію! И какимъ образомъ мы, оказавшіеся недостойными земли, сегодня возведены на небо, и наше естество, которое прежде было сочтено недостойнымъ даже и рая, заняло на небѣ первое мѣсто; естество, бывшее для демоновъ предметомъ поруганія, сегодня встрѣчаетъ поклоненіе себѣ со стороны ангеловъ и горнихъ силъ! О, блаженная
794 зависть! О, драгоцѣнныя козни! О, зависть — причина прекрасныхъ дѣлъ, виновница безчисленныхъ нашихъ благъ, ты родила законъ безсмертія. Тотъ лукавый демонъ, позавидовавъ нашему естеству, имѣвшему мѣстопребываніе на землѣ, теперь видитъ, что ему поклоняются на небѣ; и укравъ, какъ онъ думалъ, великое и несравненное, теперь видитъ, что мы наслаждаемся бо̀льшими и блистательнѣйшими, по сравненію съ прежними, благами. Поэтому-то сегодня я и веселюсь и радуюсь; приглашаю и васъ принять участіе въ моемъ ликованіи. Недостойные и земной чести, мы вознеслись къ наивысшему царству, поднялись выше небесъ, достигли царскаго престола; и естество, изъ-за котораго херувимъ охранялъ рай, шествуетъ, встрѣчая поклоненіе. Поэтому, возлюбленный, приди въ изумленіе предъ мудрымъ планомъ твоего Господа и прославь Его, столь многое тебѣ даровавшаго. Щедрость дара превзошла величину наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, обрати вниманіе: мы были изгнаны изъ рая, а введены въ самое небо; мы были осуждены на смерть, но даровано намъ безсмертіе; мы навлекли на себя неблаговоленіе и были отринуты, а теперь удостоены имени *чадъ* Божіихъ, и не только *чадъ*, но и — наслѣдниковъ, и не только — наслѣдниковъ, но и — сонаслѣдниковъ Христовыхъ. Смотри, насколько дарованное намъ Господомъ важнѣе по сравненію съ тѣмъ, что̀ было у насъ отнято! Но, когда ты слышишь, что Онъ восшелъ и вознесся, то остерегайся предположить, что въ отношеніи къ Богу возможно нисхожденіе въ смыслѣ мѣста; Божество все наполняетъ и всюду присутствуетъ, и нѣтъ мѣста, гдѣ бы Богъ не находился, какъ все надзирающій и какъ Творецъ всего. Тѣло, воспріявъ которое Онъ соблаговолилъ явится на землѣ, одного̀ происхожденія съ нашимъ; оно одинаково съ нашимъ во всѣхъ отношеніяхъ; возносящееся тѣло — наше. И поэтому сегодня всѣ вмѣстѣ громко произнесемъ то пророческое изреченіе: *взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ*

(Псал. XLVI, 6), и отпразднуемъ это свѣтлое и блистательное торжество, такъ какъ всѣ безъ исключенія насладились и даромъ Господнимъ. Какъ человѣколюбивый господинъ, полюбивъ своего слугу, не гнушается, вслѣдствіе любви къ нему, облекаться въ его платье, такъ и Господь нашъ Христосъ, возлюбивъ наше естество и видя, что оно впало въ бездну зла, что не имѣетъ никакой надежды на спасеніе и что нуждается въ великомъ снисхожденіи, соблаговолилъ воспріять наше тѣло. И поэтому, явившись въ мірѣ, Онъ освободилъ всѣхъ людей отъ заблужденія и возвелъ къ истинѣ; и въ Евангеліи восклицаетъ, говоря: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Матѳ. IX, 13). Итакъ, что́ восхотѣлъ, совершилъ; человѣческое естество, лежавшее *долу*, возставилъ, и проявилъ столь великое человѣколюбіе, что человѣческій разумъ не можетъ обнять смысла происшедшихъ событій. Скажи мнѣ, какимъ образомъ мы, навлекшіе на себя неблаговоленіе, оказавшіеся недостойными земли и лишенные земной чести, вдругъ возведены на столь великую высоту? Почему войнѣ наступилъ конецъ? Почему гнѣвъ болѣе не проявляется? Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно и величайшаго изумленія преисполненно то обстоятельство, что не мы обратились за помощію, но что Самъ Онъ, праведно негодующій на насъ, явился Ходатаемъ за насъ, и такимъ образомъ возникъ миръ. И Павелъ восклицаетъ, говоря: *по Христѣ убо молимъ, яко Богу молящу нами* (2 Кор. V, 20). Видишь ли изумительнѣйшую мудрость, видишь ли неизреченное Господне человѣколюбіе, замѣчаешь ли необыкновенное попеченіе? Теперь уничтожено жало смерти; теперь положенъ конецъ побѣдѣ ада; теперь ниспровергнуто могущество смерти; теперь упразднена вражда; теперь угасла долговременная война; люди тогда уподобились ангеламъ; они соединились съ послѣдними и, вслѣдствіе соименности той и другой сторонъ, возникъ тѣсный между ними союзъ. Общій всѣмъ Господь, примиривъ Своего Отца съ человѣческимъ родомъ, вознесся. А что Онъ вознесся по этой причинѣ, послушай о томъ Его Самого: *уне есть вамъ, да Азъ иду. Аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ* (Іоанн. XVI, 7). Въ доказательство нашего примиренія Онъ обѣщаетъ послать намъ Утѣшителя. Въ самомъ дѣлѣ, обрати вниманіе на то, что́ далѣе и съ какою заботливостью прибавлено Господомъ: и *Онъ*, говоритъ Господь, *наставитъ вы на всяку истину* (Іоанн. XVI, 13). Ясно, что ниспосланный Святой Духъ будетъ путеводить къ истинѣ всѣхъ насъ, заблуждающихся и склоняющихся то въ ту, то въ другую сторону. Такъ какъ Самъ Богъ гнѣвался на насъ, а мы въ такой степени отвращались отъ человѣколюбиваго Владыки, то Господь нашъ Христосъ, явившись

795

Посредникомъ, совершилъ примиреніе (Ефес. II). Онъ поистинѣ сокрушилъ *средостѣніе ограды* (Ефес. II, 14). Поэтому, взирая на Господа нашихъ *начатковъ*, мы имѣемъ уже добрыя надежды. И вотъ, что бы ты ни сказалъ, я болѣе не боюсь; скажешь ли о червѣ, или о пеплѣ, или объ огнѣ, или о наказаніи, или о скрежетѣ зубовъ, или о золѣ, или о чемъ бы то ни было, все презираю безъ труда, взирая на мои *начатки*, т. е., на Христа, Который возсѣдаетъ въ горнихъ и почти бесѣдуетъ со всѣми людьми и взываетъ: оставьте, наконецъ, свою безпечность и познайте свое благородство, размысливъ о количествѣ даровъ, во владѣніе которыми имѣете вступить, спустя немного времени. Живя вмѣстѣ съ апостолами, *повелѣ имъ отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отча* (Дѣян. I, 4). Замѣть и въ этомъ попеченіе Господа: видя немощь человѣческаго естества и зная, что оно сильно нуждается въ поддержкѣ, Онъ даровалъ помощь Святаго Духа, чтобы человѣкъ сталъ неодолимъ діавольскими кознями. Случилось подобное тому, какъ если какой-либо прекрасный полководецъ замѣтитъ, что находящіеся подъ его начальствомъ воины не выносятъ непріятельскихъ угрозъ, но поражены страхомъ, и укрѣпитъ всѣхъ ихъ, отовсюду оградивъ панцыремъ, щитомъ, шлемомъ и остальными
796 принадлежностями полнаго вооруженія; такъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, увидѣвъ, что могущество *противныхъ силъ* велико и что поэтому человѣческое естество имѣетъ большую нужду въ помощи, даровалъ благодать Святаго Духа, чтобы человѣкъ, прежде боявшійся демонскихъ полчищъ, теперь явился для нихъ страшнымъ и привелъ ихъ въ ужасъ, и чтобы однимъ только появленіемъ своимъ обратилъ коварнаго змія въ бѣгство. Такова благодать Святаго Духа: гдѣ бы она ни явилась, она обращаетъ демонскія полчища и всѣ враждебныя силы въ бѣгство. *Пріимете*, говоритъ Господь, *силу нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи, и даже до послѣднихъ земли* (Дѣян. I, 8). Что же это была за сила? Объ этомъ Онъ говорилъ имъ немного раньше: *болящія исцѣляйте, прокаженныя очищайте, бѣсы изгоняйте* (Матѳ. X, 8) и т. под.; по Его словамъ, не будетъ ни одной столь тяжкой болѣзни, которая не уступила бы силѣ Святаго Духа. Столь великихъ для насъ благъ явился причиною настоящій день. Сегодня ангелы, видя, что наше естество блистаетъ съ высоты Царскаго престола, получили то, чего давно сильно желали. А чтобы ты понялъ различіе между рабомъ и Господомъ, обрати вниманіе на то, что, когда возносился Илія онъ восходилъ на огненной колесницѣ: когда же Господь нашъ возносился со Своею плотію, при Его восхожденіи Ему служило облако. *Зрящымъ имъ*, говоритъ Писаніе, *взятся*,

и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ (Дѣян. I, 9). И тотъ, т. е., Илія восходилъ какъ бы на небо, потому что онъ былъ рабъ, а Христосъ вознесся на самое небо, потому что Онъ былъ Господь. *Се мужа два стаста во одежди бѣлѣ* и говорятъ имъ: *сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его* (Дѣян. I, 10, 11). Когда надлежало быть призваннымъ рабу, то за нимъ посылалась колесница; когда же — Сыну, то — царскій престолъ, и не просто престолъ, но самый Отческій престолъ. Послушай, что велегласно говоритъ объ Отцѣ Исаія: *се Господь сѣдитъ на облицѣ лецѣ* (Ис. XIX, 1). Поэтому Онъ ниспослалъ облако и Сыну. Илія, восходя, оставилъ свою *милоть* Елисею; Іисусъ же, возносясь, излилъ на Своихъ учениковъ благодатныя дарованія, производящія не одного пророка, но безчисленныхъ Елисеевъ, лучше же сказать: гораздо болѣе великихъ, чѣмъ Елисей, и болѣе, чѣмъ онъ, блистательныхъ. Обдумывая все это, возлюбленные, отплатимъ съ своей стороны нашему Господу своею прекрасною жизнію, чтобы, какъ Онъ прославилъ насъ Своими благодатными дарованіями, такъ и мы своими добродѣтельными поступками и прекрасною жизнію сдѣлали бы Бога милостивымъ. Итакъ, прославимъ нашего Господа и съ презрѣніемъ отнесемся къ заманчивому великолѣпію настоящихъ вещей; этого рода наставленіе — самое наилучшее; оно можетъ и невѣрныхъ руководствовать къ истинѣ, такъ какъ они не столько обращаютъ вниманія на наши слова, сколько на наши дѣла. Поэтому и Христосъ говорилъ: блаженъ, *иже сотворитъ и научитъ* (Матѳ. V, 19), — говорилъ, разъясняя, что ученіе дѣлами болѣе совершенно, чѣмъ наставленіе словами, и что оно въ бóльшей степени, чѣмъ послѣднее, въ состояніи привести на истинный путь людей невѣжественныхъ. Постараемся же угодить Богу и тщательно устроить свою жизнь, чтобы получить себѣ благодать Духа и, при помощи силы Его, съ бóльшею легкостью упражняться въ дѣлахъ добродѣтели, потому что гдѣ благодать увидитъ душу трезвую, тамъ она изливается обильно. Поэтому, прошу, настроимъ себя должнымъ образомъ, чтобы, укрѣпляемые силою Духа, мы безпечально провели настоящую жизнь, получили будущія блага и удостоились небеснаго царства, чтó да получимъ всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, искупившаго насъ честною кровію живоноснаго ребра Своего и освободившаго насъ отъ заблужденія и отъ рабства. Съ Нимъ подобаетъ честь и сила, всякая слава и великолѣпіе Отцу и Святому и Животворящему Духу нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

797 Предо мною открывается блистательное церковное зрѣлище, возбуждающее не суетный смѣхъ у людей, а неистовую скорбь у діавола. Онъ видитъ въ горнихъ тотъ *корень*, Который воскрешаетъ находящихся въ преисподней мертвецовъ; онъ видитъ, что на землѣ преданный имъ на крестную смерть теперь взираетъ съ неба; видитъ, что земля наполнилась ангелами; видитъ, что воздухъ необычно становится проходимымъ; видитъ, что небесныя силы выходятъ навстрѣчу и слышитъ, что однѣ изъ нихъ говорятъ: *возьмите врата князи ваша, и внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII, 7), а другія, въ свою очередь, встрѣчая и сопровождая Христа, восклицаютъ: *Господь силенъ въ брани* (—8). Въ какой *брани?* Въ той, которую Онъ предпринялъ за насъ со всеобщимъ врагомъ. Послѣдняго не былъ въ состояніи преодолѣть никто изъ людей: ни изъ пророковъ, ни изъ праведниковъ. Всѣ находились подъ тираннією царствовавшей тогда смерти, пока не явился Царь вѣковъ, который, связавъ сильнаго, взялъ его оружіе. И когда Господа пригвождали ко кресту, то силы небесныя были приведены этимъ въ изумленіе, вся тварь пришла въ смятеніе, видя новое таинство и созерцая страшное, происходившее на землѣ, зрѣлище. Земля поколебалась, море пришло въ движеніе, взволновалась бездна, вся тварь пришла въ страхъ; ужаснулись свѣтила небесныя, солнце и луна обратились въ бѣгство, звѣзды померкли, день не устоялъ; послѣ того, какъ разорвалась въ храмѣ завѣса, устрашенный ангелъ улетѣлъ оттуда; мракъ наполнилъ землю; стихіи отступились отъ своего порядка, день измѣнился. Видя своего Господа и Творца висящимъ на древлѣ, творенія не могли перенести этого. Тогда адъ подвергся разрушенію, врата его сокрушились и запоры его были сломаны. Объ этомъ пророчествуя, Давидъ говорилъ: *яко сокруши врата мѣдная, и вереи желѣзныя сломи* (Псал. CVI, 16). Царствовавшая смерть тогда низринута подъ ноги Христа и съ тріумфомъ повлечена какъ плѣнница. Воскресая нетлѣннымъ и преславнымъ тѣломъ, Онъ сокрушилъ силу врага, разстроилъ его замыслы, нисшелъ въ царство ада; разрушилъ вражій престолъ, совлекъ съ врага діадему, уничтожилъ его царскіе жезлы и сказалъ находившимся въ аду плѣнникамъ: идите, всѣ племена народовъ, къ Отцу и Богу; идите и получите освобожденіе отъ рабства; Я вывожу васъ изъ рабства на свободу, изъ тьмы въ свѣтъ, изъ области тиранна въ государство, управляемое Царемъ. Я—Христосъ — благовѣствую

вамъ жизнь. Поэтому уже и не бойтесь тиранна, но презирайте страхъ смерти, голодъ и скорбь, узы, темницу и бѣды. Этого боится войско тиранна, которое разбито; изъ всѣхъ только Я одинъ — побѣдоносный Царь, пострадавшій за васъ Своею плотію. Итакъ Онъ — поистинѣ непреодолимый и могущественный Господь; Онъ силенъ въ брани; Онъ — Царь славы, мужественно изведшій скованныхъ узниковъ и находившихся во гробахъ. Относительно Его говорилъ Давидъ: *возшелъ на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ* (Псал. LXVII, 19). Конечно, всякій христіанскій праздникъ — осужденіе діавола; а нынѣшній — въ особенности. Во всѣ остальные праздники проявляя свою злобу и нисколько не успѣвая въ своихъ намѣреніяхъ, онъ все-таки ликовалъ. Напримѣръ: когда Дѣва чудесно зачала, онъ приписалъ причину этого любодѣйному дѣянію; когда Она неизглаголанно родила, сталъ клеветать, что Она — не дѣва; когда питающаго всякую тварь вскармливала Мать, тогда діаволъ внушилъ Ироду мысль избить младенцевъ, надѣясь среди нихъ захватить неудержимаго; поспѣшавшему ко крещенію приготовляетъ затѣмъ искушеніе; когда Господь бесѣдовалъ съ іудеями, то, по дѣйствію діавола, подвергался съ ихъ стороны злословію, а когда творилъ чудеса, то, по діавольскимъ же навѣтамъ, іудеи пытались побить Его камнями; діаволъ предпочелъ Ему убійцу и разбойника; вмѣстѣ съ распятымъ распялъ разбойниковъ; у погребеннаго запечаталъ гробъ; когда Христосъ воскресъ, то діаволъ превратно толковалъ 798
Его воскресеніе; а когда Господь возносился и шествовалъ на небеса, то діаволъ уже не могъ сказать чего-либо, но въ еще бо́льшей, чѣмъ прежде, степени изранилъ свою голову. Поэтому сегодняшній праздникъ болѣе тягостенъ для діавола, чѣмъ всякое другое торжество, такъ какъ послѣдній видитъ, что ангельское воинство — все и повсюду ликуетъ, что одни ангелы сопутствуютъ Господу, а другіе шествуютъ впереди Его, иные — на встрѣчу Ему, нѣкоторые, въ свою очередь, бесѣдуютъ съ ликомъ апостоловъ и говорятъ: *мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо? Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде* снова *пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо* (Дѣян. I, 11). *Сей Іисусъ*, показавшій множество знаменій. Итакъ, день Господня вознесенія причинилъ діаволу, какъ сказано, скорбь, а вѣрнымъ — веселіе. Теперь возсіяла радостная весна и выросли очаровательные цвѣты; вѣтви виноградника обременены плодами, масличныя деревья цвѣтутъ, смоковницы уже произвели свои плоды, и густѣйшія нивы приводятся въ движеніе зефиромъ, подражая пріятному колебанію морскихъ волнъ. Вслѣдствіе Господня вознесенія все веселится вмѣстѣ съ нами. Поэтому и я произ-

несу предъ вами слова Давида, которыя онъ прекрасно изрекъ — по поводу Господня вознесенія: *вси языцы восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радованія. Господь во гласѣ трубнѣ взыде* (Псал. xlvi, 2. 6) туда, гдѣ Онъ былъ; вознесся туда, откуда и не отлучался. *Сшедый, той есть и восшедый превыше небесъ* (Ефес. iv, 10): не иной явился пророкамъ и обращался съ апостолами, не иной находился въ лонѣ Отца и былъ судимъ Пилатомъ, не иной былъ пригвожденъ ко кресту гвоздями и шествовалъ на херувимахъ, не иной былъ обвитъ Іосифовою плащаницею и объемлетъ дланію тварь, не иной былъ положенъ въ гробѣ и восхваляемъ серафимами; но именно Тотъ Самый, Который сидитъ съ Отцемъ и безсѣменно зачатъ въ дѣвственной утробѣ. *Взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ* (Псал. xlvi, 6). Творецъ вѣковъ, Тотъ, Который проивелъ все изъ небытія въ бытіе, Создатель Адама, Тотъ, Который произвелъ человѣческое естество, Который переселилъ угодившаго Ему Еноха въ страну жизни, сохранилъ Ноя среди вселенной, призвалъ патріарха Авраама изъ Халдейской земли, чрезъ Исаака предъизобразилъ таинство креста, даровалъ Іакову рожденіе двѣнадцати сыновей, подвергъ испытанію терпѣніе Іова, поставилъ Моисея вождемъ народа, преисполнилъ Самуила пророческимъ даромъ еще во чревѣ его матери, избралъ пастыря овецъ — Давида царемъ, даровалъ Соломону мудрость, въ вихрѣ вознесъ Илію на огненной колесницѣ, вдохнулъ въ пророковъ силу предвѣдѣнія будущаго, апостоламъ сообщилъ даръ исцѣленій,—Тотъ, Который сказалъ имъ же: *дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. xvi, 33),— Онъ—Господь славы, вознесшійся на небеса *въ воскликновеніи* (Псал. xlvi, 6) и сѣвшій одесную Отца. По *покореніи* Ему ангеловъ, властей и силъ (ср. 1 Корѳ. xv, 28), да пріиметъ наши напряженныя молитвы и да содѣлаетъ насъ побѣдителями искушеній міра! Да подчинитъ намъ все войско нечистыхъ духовъ, говоря намъ: *се даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію* (Лук. x, 19)! Да сохранитъ насъ невредимыми и безпорочными, здравыми и цѣлыми душею, тѣломъ и духомъ, исполненными
799 плодовъ правды и добродѣланія—Богъ *всяческихъ*, соблаговолившій собрать насъ во-едино для совершенія спасительнаго празднества! Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе,
800 Отцу, и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

Конечно, всякій праздникъ, имѣющій своимъ предметомъ 799
Христово домостроительство, радостенъ и веселитъ сердца вѣрныхъ; радостно также и сегодняшнее празднество. Почему оно радостно, покажемъ въ дальнѣйшей своей рѣчи. Какъ написано, Богъ совершилъ всѣ Свои дѣла въ шесть дней, а въ седьмой почилъ (Быт. II, 2). Поэтому и *въ послѣдокъ дній* (Евр. I, 2), благоволивъ *взыскати и спасти погибшее* и вочеловѣчившись, Слово Божіе такимъ же точно образомъ передало намъ, соотвѣтственно числу дней міротворенія, и праздники, имѣющіе своимъ предметомъ Его домостроительство. Итакъ, первый корень праздниковъ Христа — Его плотское отъ святой Дѣвы и Богородицы Маріи послѣ зачатія чудесное рожденіе. Черезъ послѣднее Христосъ Богъ, преклоняющій небеса, явился на землю, чтобы спасти погибшій міръ. При Христовомъ рожденіи ангелы, явившись пастырямъ и объясняя необыкновенное таинство чуда, восклицали: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Отсюда и справедливо рождество Христово названо первымъ праздникомъ. Второй же праздникъ — явленіе Христа Бога нашего, когда, придя на Іорданъ, Онъ показалъ всѣмъ людямъ снисхожденіе неизреченнаго Своего благоутробія, и когда былъ слышанъ съ неба голосъ Отца, свидѣтельствовавшій о Немъ: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ* (Матѳ. III, 17). А также и Духъ, сошедшій въ видѣ голубя, пребылъ на Немъ, такъ что въ одно мгновеніе времени ясно явилась вся единосущная Троица. Достойнымъ Ея очевидцемъ былъ Господенъ Предтеча—Іоаннъ. О данномъ богоявленіи и блаженный апостолъ Павелъ говоритъ: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ* (Тит. II, 11). Такъ какъ отсюда возникло спасеніе всѣхъ людей, то достойно и праздникъ называется со стороны благочестивыхъ весьма великимъ. Третій изъ праздниковъ — святой, досточтимый и всечестный день спасительнаго страданія Христа, истиннаго Бога нашего, когда, плотію пригвожденный на крестѣ, Онъ уничтожилъ запись, которую велъ противъ насъ грѣхъ, и когда однимъ только словомъ ввелъ въ рай — за преслушаніе изгнаннаго изъ него — Адама, такъ какъ Онъ говоритъ разбойнику: *днесь со мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43). Посему и этотъ праздникъ является весьма великимъ и въ преимущественной степени таковымъ, потому что Павелъ сказалъ: *пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ* (1 Кор. V, 7). Четвертый праздникъ — преславный

и примиряющій насъ съ Богомъ день святого воскресенія Христа — Бога нашего, когда, явившись къ обитателямъ ада, Онъ сокрушилъ *вѣчныя вереи*, расторгнулъ узы, воскресъ изъ мертвыхъ, одержалъ побѣду надъ адомъ, совоскресилъ съ Собою находившихся въ послѣднемъ праведниковъ и, войдя къ Своимъ ученикамъ, даровалъ имъ какъ бы въ награду миръ. Поэтому безъ всякаго съ чьей-либо стороны противорѣчія этотъ преславный день считается у вѣрныхъ матерью праздниковъ. Пятый праздникъ — святое вознесеніе Господне на небеса, о которомъ теперь и разсуждаемъ. Это праздникъ — пятый изъ числа остальныхъ, такъ какъ и самое „вознесеніе" случилось въ пятый день седмицы. Должны праздновать это событіе по той причинѣ, что сегодня Христосъ возвелъ на небеса *начатокъ* нашей бренности, то есть, плоть. Поэтому и апостолъ говорилъ: *совоскреси и спосади* насъ *на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ* (Ефес. II, 6). Откуда виновникъ всякаго зла и отецъ грѣха — діаволъ, изъ-за его чрезмѣрной гордости и необычайной кичливости, былъ низверженъ, тамъ на его мѣсто поставленъ Христомъ, по великому Его человѣколюбію, человѣкъ, изгнанный изъ рая вслѣдствіе злѣйшаго діавольскаго совѣта. Итакъ, настоящій праздникъ является достойнымъ чести и духовнаго ликованія. А такъ какъ въ началѣ бесѣды мы упомянули о седмеричномъ числѣ праздниковъ, соотвѣтствующемъ количеству дней міротворенія,
800 доселѣ же указали только пять праздниковъ, то необходимо сказать и о двухъ остальныхъ и затѣмъ уже вести рѣчь о подлежащей обсужденію исторіи (т. е., нынѣшняго празднества). Итакъ, шестой изъ числа праздниковъ — шестой достохвальный день сошествія Святаго Духа, когда въ видѣ огненныхъ языковъ Христомъ былъ посланъ съ небесъ святымъ апостоламъ даръ Святаго Духа, ожидавшійся ими, согласно Господню обѣтованію. Этотъ праздникъ названъ также и Пятидесятницею, вслѣдствіе исполненія седми седмицъ (послѣ воскресенія Христова). И этотъ, конечно, праздникъ безпрекословно является въ глазахъ благочестивыхъ христіанъ весьма великимъ. Седьмой праздникъ — ожидаемый день воскресенія мертвыхъ; этою надеждою проникнуты вѣрные; тогда человѣколюбивый и нелицепріятный Судія-Христосъ Богъ нашъ воздастъ каждому по его дѣламъ. Это — истинный *покой*, по поводу котораго и апостолъ Павелъ говорилъ: *потщимся внити во оный покой* (Евр. IV, 11). Тогда будетъ величайшій праздникъ, преисполненный радости, веселія и ликованія, для имѣющихъ наслѣдовать то, *ихъ же око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Коре. II, 9). Поэтому, возлюбленные, помолимся о томъ, чтобы

и намъ была дана возможность праздновать вмѣстѣ съ праведными въ чертогѣ небеснаго царства не только въ теченіе одного или двухъ, или трехъ дней, но въ продолженіе безконечныхъ вѣковъ. Итакъ, разсказавъ о семи праздникахъ, возвратимся къ рѣчи о томъ, что нами предположено сначала. Повѣствованіе наше касается нынѣшняго праздника, т. е., вознесенія Христова на небеса. Давидъ сказалъ: *приклони небеса и сниде, и мракъ подъ ногами Его* (Псал. XVII, 10). Онъ, очевидно, предвѣщалъ явленіе Слова съ небесъ на землю. Онъ сказалъ: *мракъ подъ ногами Его*, поясняя этимъ *одѣяніе* Божества плотью, такъ что, по причинѣ уничиженнаго и кроткаго Христова вида, пришествіе Его было не узнано большинствомъ народа. Опять тотъ же самый пророкъ говоритъ: Господи, *въ мори путіе твои, и стези твои въ водахъ многихъ, и слѣды твоя не познаются* (Псал. LXXVI, 20). *Аще бо быша разумѣли,* говоритъ св. апостолъ, *не быша Господа славы распяли* (1 Корѳ. II, 8). И снова сказалъ пророкъ Давидъ: *взыде на херувимы, летѣ на крилу вѣтреню* (Псал. XVII, 11). Онъ сказалъ: *на херувимы,* такъ какъ, и на небесахъ пребывая со Отцемъ, Господь шествовалъ на херувимахъ, и на землѣ обращаясь съ людьми, Онъ никоимъ образомъ не разлучался съ херувимскимъ и небеснымъ престоломъ. Говоря: *на крилу вѣтреню*, пророкъ намекаетъ на облака, на которыхъ Господь вознесся, какъ объ этомъ написано и въ Дѣяніяхъ апостольскихъ: *и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ* (Дѣян. I, 9). Затѣмъ, въ книгѣ Дѣяній говорится далѣе: *и егда взирающе бяху на небо, идущу Ему* (— 10), апостоловъ охватило неописанное удивленіе и на нихъ напалъ страхъ; умъ ихъ, смертныхъ по природѣ и незнакомыхъ съ подобнаго рода зрѣлищами, пришелъ въ изступленіе. Но, быть можетъ, кто-либо скажетъ, что Петръ, Іаковъ и Іоаннъ уже созерцали подобное раньше, именно преображеніе Господне. Конечно, они созерцали подобное и раньше: видѣли какъ преобразившагося Господа, такъ и осѣнившее Его облако; но не видѣли такого облака, которое было бы увлечено въ верхніе слои воздушнаго пространства и которое возносило бы на небеса Господа. То — чудо, чудо — и это; но одно чудо — страшнѣе другого: это — того; хотя въ обоихъ случаяхъ имѣли мѣсто могущество и таинство одного Бога, но это чудо — возвышеннѣе того. Тогда явились Петру и бывшимъ съ нимъ Моисей и Илія, бесѣдовавшіе съ Господомъ; теперь же херувимскій престолъ, то есть, невидимая сила, покрываемая облакомъ, вдругъ предстала и восхитила Господа, бесѣдовавшаго со Своими рабами. Тогда Петръ съ дерзновеніемъ отвѣчалъ: *Господи,* 801
добро есть намъ здѣ быти, сотворимъ здѣ три сѣни, Тебѣ едину и Моисеови едину, и едину Иліи (Матѳ. XVII, 4). Теперь же никто

изъ учениковъ не могъ ни говорить, ни даже открыть своихъ устъ, но они, пораженные величайшимъ страхомъ, стояли въ изумленіи. Писаніе затѣмъ присоединяетъ слѣдующія слова: *и се мужа два стаста предъ ними во одежди бѣлѣ, иже и рекоста* (Дѣян. I, 10, 11). Эта прибавка не излишняя. То обстоятельство, что мужи были облечены въ бѣлыя одежды, служитъ указаніемъ на величайшее празднество. Но что они сказали? *Мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо* (— 11)? Чрезвычайное чудо устрашило васъ; развѣ вы забыли Того, Который сказалъ *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. XX, 17)? Развѣ не поэтому Онъ говорилъ вамъ: *не оставлю васъ сиры* (Іоан. XIV, 18); и опять: *миръ Мой даю вамъ, миръ* Мой *оставляю вамъ* (Іоан. XIV, 27)? Не обѣщалъ ли Онъ вамъ послать Утѣшителя, то есть, Святаго Духа? *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имъ же образомъ видѣсте Его идуща на небо* (Дѣян. I, 11). *Такожде пріидетъ* на облакахъ небесныхъ, со славою и великимъ могуществомъ. *Такожде пріидетъ* въ то время, когда будетъ судить вселенную *въ правдѣ*. Ему Отецъ предоставилъ *всякій судъ*. Развѣ вы не помните, что, будучи съ вами, Онъ говорилъ: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. XXVIII, 18)? Тогда апостолы, придя въ себя, возвратились домой, прославляя и благословляя Господа, и ожидая божественнаго дара, то есть, пришествія Всесвятаго Духа. Итакъ, исполнилось сказанное въ псалмахъ: *взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ* (Псал. XLVI, 6). Ясно, что здѣсь пророкъ предуказалъ на двойственность естествъ воплотившагося Господа. Такимъ же точно образомъ и Ѳома, послѣ воскресенія Господа осязавъ ребро Его, воскликнулъ, говоря: *Господь мой и Богъ мой* (Іоанн. XX, 28). *Взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ* (Псал. XLVI, 6). *Въ воскликновеніи*,—потому что херувимы *непрестаннымъ гласомъ* возсылаютъ Богу трисвятую пѣснь. А какимъ
802 образомъ Господь вознесся на херувимскомъ престолѣ, мы уже выше разъяснили. *Во гласѣ трубнѣ*, очевидно, архангельскомъ, предвозвѣщавшемъ Его восхожденіе на небеса. Но также и Святой Духъ повелительнымъ голосомъ объявилъ горнимъ силамъ: *возьмите врата князи ваша, и возьмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII, 7). А силы говорили: *кто есть сей Царь славы* (—8)? Послѣ этого Духъ отвѣчалъ: *Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ въ брани* (—8). Онъ побѣдилъ врага, вооружился противъ діавольской тиранніи, принявъ человѣческое тѣло; *угасилъ* діавольскія *разжженныя стрѣлы*; пригвожденный ко кресту и вкусивъ смерть, хотя Онъ, какъ Богъ, безсмертенъ, Господь опустошилъ адъ и, явившись побѣдителемъ, воскресъ изъ мерт-

выхъ; и, возвративъ заблуждшую овцу, вотъ Онъ идетъ назадъ, неся ее на раменахъ къ девятидесяти девяти овцамъ, которыя не сбивались со своего пути и находились на горахъ, то есть, паслись на небесахъ. *Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ въ брани* (Псал. ххш, 8). И снова псалмопѣвецъ говоритъ: *Господь силъ, той есть Царь славы* (—10). Поэтому силы,—какъ только услышали: *Господь силъ*, — согласно восклицая обычное славословіе, приняли Господа съ радостію и сопровождали Его до *высокаго и превознесеннаго престола* (Ис. vi, 1). Исполнилось сказанное Давидомъ: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (Псал. сіх, 1). О, еретикъ, о какомъ естествѣ сказалъ Господь: *сѣди одесную Мене?* Развѣ не о той плоти, которая была воспринята отъ насъ и которая получила жизнь отъ святой Дѣвы? Да устыдятся, поэтому, исповѣдующіе, что во Христѣ — одно естество. Вполнѣ ясно, что божественное естество вѣчно было соединено съ престоломъ величія славы Господней. Да прославляется каѳолическая церковь! А насъ всѣхъ да содѣлаетъ Христосъ Богъ достойными вѣчнаго Своего царства! Ему слава и держава со безначальнымъ Отцемъ, со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа.

СЛОВО ПЯТОЕ.

Наступилъ день Господня вознесенія. И хотя многіе уже го- 801
ворили въ общественномъ собраніи, однако, и насъ, маловажныхъ людей, отецъ побуждаетъ къ бесѣдѣ. И намъ показалось справедливымъ соображеніе, что молчаніе лишь служитъ завѣсою недостатка краснорѣчія и скрываетъ обширность невѣжества. А такъ какъ вы вмѣстѣ съ отцемъ и горними силами склоняете собраніе къ рѣчамъ и повелѣваете говорить вмѣстѣ съ ними то, что о Господнемъ вознесеніи нѣкогда воскликнулъ и Давидъ: *возьмите врата князи ваша и возьмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы* (Псал. ххш,7), то сегодня и мы воспоемъ то, что имѣетъ отношеніе къ нынѣшнему празднику. Сегодня Господь нашъ Христосъ восходитъ къ Отчему престолу; сегодня Тотъ, Который воплотился, сидитъ вмѣстѣ съ Отцемъ, хотя Господь и прежде этого не разлучался съ Нимъ, да и теперь не впервые только началъ сидѣть съ Нимъ. Господь всегда почиваетъ въ нѣдрахъ Отца. Онъ одинъ только объемлетъ Отца и одинъ только объемлется Отцемъ. *Яко Азъ*, говоритъ Онъ, *во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоанн. хіv, 11). И Слово

было во Отцѣ и — на землѣ. Нисходя съ неба, Господь не сдѣлалъ пустымъ Отчаго лона, и, восходя на небо, Онъ не лишилъ земли Своего присутствія, но, и съ людьми обращаясь, Онъ пребывалъ вмѣстѣ съ Отцемъ, и, возсѣдая со Отцемъ, Онъ не разлучается съ людьми. *Се Азъ съ вами есмь*, говоритъ Онъ, *во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. xxviii, 20). Сегодня Господь Христосъ возносится изъ среды людей на небеса, уходя не такъ, какъ Енохъ, и восходя
802 на небо не по примѣру Иліи, подхваченнаго огненною колесницею; но возносится для того, чтобы послать ученикамъ силу Святаго Духа. Давидъ, за много поколѣній раньше созерцая радость этого вознесенія, предвозвѣстилъ слѣдующее: *взыде Богъ въ воскликновеніи* (Псал. xlvi, 6), Тотъ, Который создалъ Адама изъ праха, оправдалъ Авеля и *преложи* Еноха (Быт. v, 24). *Взыде Богъ въ воскликновеніи*, Тотъ, Который направлялъ Ноя и избралъ вѣрнаго Авраама. *Взыде Богъ въ воскликновеніи*, Тотъ, Который принялъ Исаака — незакланную жертву и преисполнилъ Іакова благословеніями. *Взыде Богъ въ воскликновеніи*, Тотъ, Который путеводилъ странствовавшаго Іосифа и допустилъ терпѣніе Іовлево. *Взыде Богъ въ воскликновеніи*, Тотъ, Который прославилъ Моисея и даровалъ первосвященство Аарону. *Взыде Богъ въ воскликновеніи*, Тотъ, Который укрѣпилъ Іисуса Навина и даровалъ Самуилу пророческую силу. *Взыде Богъ въ воскликновеніи*, Тотъ, Который сдѣлалъ сильнымъ Давида и мудрымъ Соломона. *Взыде Богъ въ воскликновеніи*, Тотъ, Который вдохновлялъ пророковъ и сообщилъ апостоламъ дары исцѣленій. *Взыде Богъ въ воскликновеніи* Тотъ, Который въ горнихъ — безъ матери и долу — безъ отца. *Взыде Богъ въ воскликновеніи* — предвѣчное порожденіе Отца и непосѣянное произрастеніе Дѣвы — Матери. *Взыде Богъ въ воскликновеніи* — Податель жизни и Раздаятель чудесныхъ даровъ. *Взыде Богъ въ воскликновеніи*, Тотъ, Который Своею смертью умертвилъ смерть и даровалъ жизнь человѣческому роду. *Взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ*. Ему — слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Пятидесятницу.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

803 Сегодня у насъ земля сдѣлалась небомъ, не потому, что звѣзды сошли съ неба на землю, но потому, что апостолы взошли превыше небесъ, такъ какъ излилась благодать Духа. Господь сдѣлалъ небомъ вселенную, не измѣнивъ естества, но возстановивъ человѣческую волю. Онъ нашелъ мытаря—и изъ него сдѣлалъ евангелиста; нашелъ богохульника—и измѣнилъ въ апостола; нашелъ разбойника—и ввелъ въ рай; нашелъ блудницу—и сдѣлалъ

ее честнѣе дѣвы; нашелъ волхвовъ—и превратилъ въ евангелистовъ; изгналъ порокъ—и ввелъ добродѣтель; принесъ Божію благодать. Земля сдѣлалась небомъ. И чтó такое звѣзды по сравненію съ апостолами? Звѣзды—на небѣ, апостолы—превыше неба. Помышляйте о *вышнихъ, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя* (Колосс. III, 1). Звѣзды—отъ чувственнаго огня; апостолы—отъ огня духовнаго. Звѣзды сіяютъ ночью, а днемъ не видны; апостолы же посылаютъ лучи своего свѣта и днемъ, и ночью. Когда появляется солнце, звѣзды скрываются; апостолы же блещутъ своими лучами и въ то время, когда сіяетъ Солнце правды. Звѣзды при воскресеніи упадутъ, какъ листья; апостолы же тогда будутъ восхищены на облакахъ. Среди звѣздъ одна—вечерняя, а другая—утренняя; среди же апостоловъ—ни одного „вечерняго", но всѣ „утренніе". Поэтому апостолы блистательнѣе самыхъ звѣздъ; и не ошибся бы тотъ, кто назвалъ бы ихъ свѣтилами вселенной, свѣтилами не тогда только, пока они жили, но даже и теперь, когда они уже умерли. Благодать святыхъ мужей не исчезаетъ съ ихъ смертью, не слабѣетъ съ ихъ кончиною, не разрѣшается въ землю. Объ этомъ свидѣтельствуютъ самыя дѣла. Они (т. е., апостолы) были рыбарями, рыбарями они и умерли; но сѣти ихъ дѣйствуютъ и нынѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ множество ежедневно получающихъ спасеніе. Они были виноградарями и, по ихъ смерти, виноградныя лозы доселѣ зеленѣютъ своими листьями и обременены плодомъ. Они—и виноградари, и рыбари, и столпы, и врачи, и военачальники, и учители. Столпы—потому что поддерживали крышу вѣры; гавани—потому что они 801 уняли волны нечестія; кормчіе—потому что руководили вселенную на пути отъ земли къ небу; пастыри—потому что прогнали волковъ и сохранили овецъ; виноградари—потому что вырвали терніе и посѣяли сѣмена благочестія; врачи—потому что исцѣлили наши раны. А чтобы ты узналъ, что такія слова—не звукъ только, я приведу въ примѣръ Павла, который совершилъ все это. Хочешь видѣть его сѣятелемъ? *Азъ насадихъ, Аполлосъ напои* (1 Коре. III, 6). Желаешь видѣть его зодчимъ? *Яко премудръ архитектонъ, основаніе положихъ* (1 Коре. III, 10). Желаешь видѣть его борцемъ? *Тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй* (1 Коре. IX, 26). Хочешь видѣть его воителемъ? *Нѣсть наша брань противу крови и плоти* (Ефес. VI, 12). Хочешь видѣть его скороходомъ? *Якоже ми отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнити благовѣствованіе* Божіе (Рим. XV, 19). Желаешь видѣть вождемъ? *Облекшеся въ броню вѣры*. Желаешь видѣть его подвижникомъ? *Подвигомъ добрымъ подвизахся* (2 Тимо. IV, 7). Хочешь видѣть его увѣнчаннымъ побѣдителемъ? *Прочее убо соблюдается мнѣ*

вѣнецъ правды (—8). Хотя онъ былъ и одинъ, но сталъ всѣмъ (т. е., и сѣятелемъ, и зодчимъ и проч.), подражая своему Господу. И Господь нашъ, будучи единымъ по Своей сущности, принималъ всевозможные виды. Зачѣмъ всевозможные? Ради нашего спасенія. Ты былъ вѣтвію, а Онъ сдѣлался корнемъ. *Азъ есмь лоза, вы же рождіе* (Іоанн. xv, 5. 1). Ты восхотѣлъ идти; Онъ сталъ для тебя путемъ. *Мною аще кто внидетъ и изыдетъ, пажить обрящетъ* (Іоан. x, 9). Ты сдѣлался овцою; Онъ сталъ для тебя пастыремъ. *Азъ есмь пастырь добрый; пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. x, 11). Ты сдѣлался грѣшникомъ; Онъ сталъ для тебя *агнцемъ Божіимъ, вземлющимъ грѣхъ міра* (Іоан. I, 29). Ты захотѣлъ ѣсть; Онъ сдѣлался для тебя трапезой. Ты пожелалъ пить; Онъ сдѣлался для тебя чашею. *Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. VI, 56). Ты захотѣлъ одѣться; Онъ сталъ для тебя одеждою. *Елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27). Ты восхотѣлъ стать невѣстою; Онъ сдѣлался для тебя же-
805 нихомъ. *Имѣяй невѣсту, женихъ есть* (Іоан. III, 29). Ты пожелалъ выдти замужъ; Онъ сталъ для тебя мужемъ. *Обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови* (2 Коре. XI, 2). Ты былъ блудницею и сдѣлался дѣвою. О, неслыханныя и необыкновенныя дѣла! Въ мірской жизни бракъ нарушаетъ дѣвство; въ духовной же области мужъ взялъ блудницу и содѣлалъ ее честнѣе дѣвы. Объясни, еретикъ, какимъ образомъ блудница сдѣлалась дѣвою? Я не могу подробно изслѣдовать это, но твердо вѣрю. Все же это совершила благодать Духа. Излилась благодать — *и явишася имъ раздѣлени языцы, яко огненни* (Дѣян. II, 3). Не *огненни*, но *яко огненни*. Если — огонь, то почему не горѣли? спрашиваетъ іудей. Лучше же я спрошу іудея: почему огонь не сожигалъ купину—сухое и удобосожигаемое вещество? Что сильнѣе огня? Что ничтожнѣе купины? Однако, и дерево не сгорало, и огонь не угасалъ. И опять, какимъ образомъ огонь не сжегъ тѣлъ трехъ отроковъ, но пламя превратилось въ росу и угли оказались какъ бы розовымъ кустомъ? Было состязаніе между огнемъ и тѣлами, и побѣда осталась на сторонѣ тѣлъ. То, что было мягче воска, оказалось болѣе твердымъ, нежели желѣзо. Объясни мнѣ эти древнія событія. Но тѣ предшествовали нынѣшнимъ, чтобы люди теперь повѣрили истинѣ. Почему Святый Духъ нисходитъ въ огнѣ? По причинѣ пылкости ума тѣхъ, которые приняли Его. И не по этой только причинѣ, но и по той, что Духъ такъ же уничтожаетъ грѣхи, какъ огонь истребляетъ терновникъ. Святой мужъ былъ ввerженъ въ ровъ, и *загородилъ уста львовъ.* Рыбари обошли вселенную, нашли ее больною и возстановили ея здоровье;

нашли мятежною и привели въ состояніе благочинія, не потрясая копьями, не бросая стрѣлъ, не пуская въ дѣло пращи, не прибѣгая къ помощи денежной силы и ораторскихъ рѣчей; но они не имѣли даже одеждъ и были *облечены* только *во Христа;* они были бѣдными и въ то же время богатыми: лишенные денегъ, они владѣли царствомъ; они были одиноки и въ то же время неодиноки: одиноки — потому что съ ними не было людей, неодиноки же — потому что съ ними былъ ихъ Господь. *Азъ съ вами есть,* говоритъ Господь, *до скончанія вѣка* (Матѳ. XXVIII, 20). Они обошли всю вселенную, какъ овцы среди волковъ. Кто видѣлъ, кто слышалъ подобное? Господь говоритъ: *посылаю васъ, яко овцы посредѣ волковъ* (Матѳ. X, 16). Какой пастырь посылаетъ овецъ *посредѣ волковъ?* Напротивъ, когда пастырь видитъ волка, то собираетъ овецъ. Христосъ же сдѣлалъ обратное по сравненію съ этимъ: послалъ овецъ къ волкамъ, и овцы не были пойманы дикими звѣрями, но сами волки стали кроткими, какъ овцы. И чтобы тѣ не говорили: мы—овцы, а Ты посылаешь насъ на съѣденіе волкамъ и въ пищу дикимъ звѣрямъ, Онъ однимъ словомъ устранилъ такую ихъ мысль. Не сказалъ: „отправьтесь", потому что, посылая ихъ, Онъ не имѣлъ въ виду ихъ собственной силы; но сказалъ: *се Азъ посылаю васъ.* Вы—немощны; за то силенъ посылающій васъ. Кто — Ты? Я — Тотъ, Который утвердилъ небо, основалъ землю, излилъ море, Который пригвоздилъ ко кресту направленное противъ васъ *рукописаніе,* отмѣнилъ ветхій законъ, возвратилъ васъ въ древнее отечество, — Тотъ, Который сокрушаю сильное и укрѣпляю слабое. Что могущественнѣе моря? А между тѣмъ малый песокъ сдерживаетъ его невыносимую силу. *Се Азъ посылаю васъ, яко овцы посредѣ волковъ.* Дикіе звѣри служатъ какъ бы стѣною для овецъ, чтобы послѣднія не стяжали себѣ спасенія бѣгствомъ. О, сила Пославшаго! Въ срединѣ—овцы, а кругомъ — волки; но волки перемѣнились и сдѣлались овцами, потому что они были волками не по природѣ своей, а по своему произволенію. *Се Азъ посылаю васъ.* Что же Ты повелѣваешь? *Будите мудри, яко змія, и цѣли, яко голубіе* (Мѳ. X, 16). Что значитъ: *мудри, яко змія?* Змій, хотя бы получившій и безчисленныя раны, но сохранившій невредимою свою голову, здоровъ весь. Такъ и ты, если врагъ пожелаетъ взять у тебя деньги, отдай ему; отдай, хотя бы онъ отнималъ у тебя твои сокровища и даже самую жизнь; только сохрани свою вѣру. *Будите мудри.* Пока сохраняется вѣра, все — весьма легко. Ты нагимъ вышелъ изъ чрева своей матери, нагимъ и уйдешь изъ этой жизни. Но кто-нибудь отправитъ тебя въ ссылку? *Господня земля, и исполненіе ея* (Псал. XXIII, 1). Быть можетъ, ты умираешь? Но смерть для

806 тебя — путешествіе. Только не потеряй своей вѣры, этого неубывающаго сокровища, — вѣры, которая неистощима. Свидѣтелями являются вотъ эти мученики. Такъ какъ они не потеряли своей вѣры, то и по смерти они — могущественнѣе живыхъ людей. Для того Я сталъ человѣкомъ и воспринялъ плоть, чтобы содѣлать вселенную Церковію. Для Бога весьма вожделѣнна Церковь, не стѣнами охраняемая, но ограждаемая вѣрою. Ради этой Церкви утверждено небо, излилось море, распростертъ воздухъ, основана земля, насажденъ рай, данъ законъ, посылались пророки, совершались чудеса, раздѣлялось и соединялось море, расторгалась и снова принимала прежній видъ скала, падала манна и внезапно приготовлялась трапеза. Ради Церкви являлись пророки, ради нея же — апостолы. И къ чему мнѣ говорить многое? Ради Церкви сдѣлался человѣкомъ Единородный Сынъ Божій, какъ объ этомъ говоритъ Павелъ: *Иже убо Своего Сына не пощадѣ* (Рим. VIII, 32). Богъ не пощадилъ Своего Сына, чтобы пощадить Церковь. Ради нея Онъ излилъ кровь Своего Сына. Эта кровь орошаетъ Церковь; поэтому произрастенія послѣдней не могутъ засохнуть и не теряютъ своихъ листьевъ. Они не подлежатъ неизбѣжнымъ условіямъ временъ года и не находятся въ зависимости отъ времени вообще, такъ чтобы лѣтомъ ихъ листья зеленѣли, а зимой отпадали. Не естественныя условія годовыхъ временъ здѣсь имѣютъ значеніе, но благодать Духа воздѣлываетъ Церковь; поэтому послѣдняя неразрушима. Однако, не то удивительно, что она неразрушима, но то, что неразрушима, не смотря на множество нападающихъ на нее враговъ. Сколь многіе искони враждовали противъ Церкви? Когда она была только что насаждена, многое было противъ нея приведено въ движеніе. Теперь, конечно, по благодати Божіей и силѣ Духа цари благочестивы, также и вожди, и вся вселенная исполнена вѣры; но въ началѣ и въ первую пору существованія Церкви цари были преданы нечестію, полководцы также; въ этомъ смыслѣ издавались повелѣнія правителей; горѣли жертвенники; всюду — дымъ и запахъ отъ сожигавшихся (языческихъ) жертвенныхъ животныхъ; воздухъ оскверняюся, земля дѣлалась нечистою, демоны неистовствовали, діаволъ ликовалъ, отецъ умерщвлялъ сына, сынъ безчестилъ отца. Узы естественнаго родства распадались, но не благочестіе. Гдѣ теперь дерзнувшіе враждовать съ Церковью? Когда она была только что насаждена, и въ то время не повредили ей; а когда коснулась неба, ужели ты надѣешься преодолѣть ее? Когда было одиннадцать апостоловъ, никто не препобѣдилъ ихъ; но эти одиннадцать уловили столь много миріадъ людей какъ бы сѣтями; теперь, когда преисполнены благочестія море, вселенная,

пустыня, города и всѣ предѣлы земли, ужели ты питаешь надежду преодолѣть Церковь? Конечно, ты не въ силахъ сдѣлать это. Христосъ объявилъ: *врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI, 18). Легче уничтожить небо и погубить землю, нежели достигнуть того, чтобы въ какомъ-либо отношеніи пострадала Церковь. Самъ Христосъ говоритъ: *небо и земля мимоидетъ, словеса же Моя не мимоидутъ* (Матѳ. XXIV, 35). И естественно, потому что слово Божіе могущественнѣе самого неба; вѣдь небо — дѣло слова. Богъ сказалъ: да произойдетъ небо — и Его слово стало дѣломъ. Жизнь природы потекла и ничто не препятствовало ей, такъ какъ Богъ былъ Владыкой природы, Который могъ и создать ее таковою, и созданную измѣнить. Я, утвердившій небеса, создалъ ее. Но не ради небесъ Я воспринялъ тѣло, чтобы ты понялъ, что Церковь — драгоцѣннѣе и неба, и ангеловъ, и всякой твари. Поэтому *небо и земля мимоидутъ, словеса же Моя не мимоидутъ*. Пусть предстанетъ іудей, пусть явится и эллинъ. Если Господни слова — пустой звукъ, пусть они опровергнутъ ихъ. Если же сказанное — истина, то да преклонятся предъ Божіимъ могуществомъ. Христосъ сказалъ: *небо и земля мимоидутъ, словеса же Моя не мимоидутъ*. О какихъ Его словахъ здѣсь рѣчь? Приведемъ ихъ и посмотримъ, не остались ли они праздными? Говорю это не потому, что одержимъ сомнѣніемъ, но заграждая уста еретику. Итакъ, *небо и земля мимоидутъ, словеса же Моя не мимоидутъ*. Какія слова? *Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI, 18). *На семъ камени*. Не сказалъ: на Петрѣ, потому что онъ создалъ Свою Церковь не на человѣкѣ, но на вѣрѣ. Что же это была за вѣра? *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (— 16). Церковь назвалъ скалою, 807
подвергающеюся дѣйствію волнъ, но не колеблющеюся. Церковь испытываетъ искушенія, но не побѣждается ими. Итакъ, что значитъ: *на камени?* Исповѣданіе состоитъ въ словахъ. Вѣдь ты не камни бросаешь? Не дерево? Не желѣзо? Нѣтъ, говоришь, здѣсь — рѣчь не о такого рода зданіи, которое, изъ чего бы оно ни состояло, подлежитъ разрушенію отъ руки времени. Исповѣданія же не могутъ преодолѣть и демоны. Объ этомъ свидѣтельствуютъ мученики, которые не потеряли своей вѣры, хотя ихъ ребра скоблились мечами. О, невиданныя и чудесныя дѣла! Стѣна подкапывается — и, однако, сокровище не похищается. Тѣло истощается — и, однако, вѣра не умерщвляется. Таково могущество мучениковъ. *На семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей*. Обратите вниманіе на точный смыслъ словъ. *Врата адова не одолѣютъ ей*. Почему же, говорятъ, Онъ не препятствуетъ искушеніямъ нападать на Церковь? Да, не препятствую, но не

для того ли, чтобы показать Свою силу? Еслибъ никто не обна-
руживалъ въ отношеніи къ Церкви непріязненныхъ дѣйствій, то
могли бы сказать: если бы она подвергалась вражескимъ нападе-
ніямъ, то была бы побѣждаема. Поэтому-то Онъ и дозволяетъ
врагамъ дѣлать на нее нападенія, чтобы побѣда достигалась ею
не при полномъ отсутствіи ея непріятелей. И не сказалъ: *врата
адова* не нападутъ на нее, но: *не одолѣютъ ей*. Она будетъ под-
вергаться вражескимъ нападеніямъ, но не будетъ побѣждена.
Церковь носится бурею по волнамъ, но не утопаетъ; обуревается,
но не скрывается подъ водой; въ нее попадаютъ стрѣлы, но не
причиняютъ ей ранъ; противъ нея дѣйствуютъ осадныя орудія,
но башня остается непоколебимою. Но зачѣмъ мнѣ говорить о
Церкви? Рыбарь произнесъ одно только слово — и оно стоитъ, какъ
непоколебимая башня. Сколько тиранновъ дѣлали попытку ли-
шить это слово всей его силы, но не успѣли въ своихъ намѣре-
808 ніяхъ, потому что оно основано *на камени*. Вникни въ дѣло! Ти-
ранны, цари, діадемы, изощренные мечи, зубы дикихъ звѣрей,
ужасы угрожающей смерти, раскаленныя рѣшетки, огненныя печи!
И хотя діаволъ опустошилъ свой колчанъ, но Церкви вреда не
принесъ. Почему? *Врата адова не одолѣютъ ей*. Сколь много съ
самаго начала было враговъ у Церкви? Но гдѣ враждовавшіе
противъ нея? Скрылись и преданы забвенію. А Церковь процвѣ-
таетъ. Гдѣ Клавдій? Гдѣ Августъ? Гдѣ Неронъ? Гдѣ Тиверій?
Это—одни голыя имена. Никто о нихъ не помнитъ. Такъ какъ
они враждовали противъ Церкви, то чрезъ то исчезла и память
о нихъ. Церковь же сіяетъ больше, нежели солнце. Куда бы ты
ни пошелъ: къ индійцамъ, къ маврамъ, къ британцамъ, во всю
вселенную, вездѣ найдешь: *въ началѣ бѣ Слово* (Іоанн. I, 1), и
добродѣтельную жизнь. Прежде этого времени даже города были
преисполнены нечестія; а теперь и пустыня всецѣло проникнута
благочестіемъ. Раньше и царицы плясали: когда праздновался
день рожденія Ирода, *пляса дщи Иродіадина* (Матѳ. XIV, 6); теперь же
и служанка не желаетъ этого дѣлать. До этого персы брали своихъ
матерей себѣ въ жены, а теперь блюдутъ дѣвство. До этого вре-
мени готы умерщвляли своихъ отцовъ; теперь же они ревностно
проливаютъ свою кровь за благочестіе. Раньше были нечестивы
и частныя лица; а теперь благочестивы и цари, и народы. Ны-
нѣшній царь, снявъ съ себя діадему и взявъ крестъ, въ столь
раннемъ возрастѣ обнаружилъ мудрость, достойную сѣдинъ, и въ
церкви забываетъ о своемъ царскомъ достоинствѣ. Внѣ церкви—
копья, а здѣсь — таинства; внѣ ея — щиты, а внутри — посвяще-
ніе въ таинства: Ѳеодосія сынъ и отецъ Ѳеодосія. За все это воз-
благодаримъ Бога; Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святую Пятидесятницу.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Явилась благодать Духа, потому что истиненъ Тотъ, Кто 807
обѣщалъ даръ Духа. Возвѣщавшійся Господомъ Христомъ Утѣшитель уже пришелъ, потому что не лживъ Тотъ, Который заранѣе открылъ намъ объ Его пришествіи; не рабъ предсказывалъ о явленіи раба, но Господь возвѣщалъ о Господѣ, обладающемъ равною съ Нимъ честью, и *благій* Учитель уступаетъ мѣсто такому же Учителю; лучше же сказать: съ соприсутствующимъ Онъ присутствуетъ, съ восходящимъ восходитъ и съ нисходящимъ нисходитъ. Благодать Троицы нераздѣлима: какъ не отсутствовалъ восшедшій, такъ присутствовалъ и грядущій. Богъ Слово вознесся, какъ человѣкъ, и, однако, присутствуетъ на землѣ; сошелъ Утѣшитель и, тѣмъ не менѣе, не покинулъ небесъ, но царствуетъ съ Отцемъ и озаряетъ землю; совершилъ домостроительство и послалъ апостоламъ роды языковъ. Внезапно услышали сильный шумъ, раздался звукъ бурнаго вѣтра, и явленіе Духа было подобно грамовому удару, потому что Духъ сошелъ на *сыновъ грома. И явишася имъ раздѣлени языцы, яко огненни* (Дѣян. II, 3). То, что было видно глазамъ, производило страхъ; а то, что совершилось, было вожделѣнно; пламя приближалось, но не жгло; огонь прикасался, но не воспламенялъ,—тотъ огонь, который даровалъ небесную мудрость, который раздѣлялся на безчисленное множество языковъ, который заключалъ въ себѣ безчисленные виды словъ,—тотъ огонь, который научалъ рыбарей мудрости, который дѣлалъ кожевника ораторомъ. Лучше же сказать: мудрецы не могутъ быть даже съ ними и сравниваемы. Первые были учителями одного только какого-либо народа, а послѣдніе (т. е. апостолы) сдѣлались наставниками вселенной. Мужъ—галилеянинъ говорилъ языкомъ мидянъ, зналъ по-пареянски и не несвѣдущъ былъ въ языкѣ эламитскомъ; въ своихъ устахъ онъ имѣлъ образы всякаго языка. Ни одинъ изъ слушателей не считалъ его варваромъ; никто изъ нихъ ни уклонился отъ слушанія его рѣчей, какъ непонятныхъ; напротивъ, его слушали, какъ гражданина всякаго народа, какъ человѣка, знакомаго съ языкомъ всей вселенной. Въ этомъ случаѣ мы получили первый плодъ благочестія. При построеніи башни языки народовъ были раздѣлены, и люди не
понимали языка другъ друга. Надлежало, чтобъ единомысліе, 808
проявлявшееся въ богопротивномъ замыслѣ, разстроилось вслѣдствіе непониманія одними словъ другихъ,—чтобы люди, соединившіеся между собою на порочное дѣло, разошлись въ силу

измѣненія ихъ языка, и чтобы въ безразсудствѣ своихъ намѣреній они убѣдились изъ ихъ рѣчи, когда говорящій въ сущности ничего не говорилъ, а слушающій не понималъ, такъ что напрасно тратилось время. Какая для тебя выгода въ высокомѣріи? Какой конецъ горделиваго дѣла? Зачѣмъ силишься схватить неуловимое? Къ чему стараешься похитить небо, когда ты недостоинъ пользоваться даже и землею? Зачѣмъ говоришь о томъ, что вверху—на небѣ, когда не понимаешь рѣчи даже своего сосѣда? Раздѣляю у тебя *языкъ* и полагаю конецъ дѣлу, не потому, что боюсь твоего восхожденія, и не потому, что опасаюсь за Свое царство, но потому, что Я озабоченъ твоимъ напраснымъ трудомъ и такимъ же утомленіемъ. Обыкновенно возвышаютъ къ небу не зданіе изъ камней и не башня, сооружаемая множествомъ рукъ, но колесницы боговѣдѣнія, кони правды, жизнь, которая чище свѣта, и крылья добродѣтели,—вотъ что возводитъ на тотъ путь. Благодаря мудрому и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣколюбивому управленію Божію, раздѣленіе языковъ положило конецъ дерзости тѣхъ строителей. Что Богъ взялъ отъ тѣхъ, какъ дурныхъ людей, то даровалъ апостоламъ, какъ людямъ добродѣтельнымъ. Чрезъ посредство языка наказавъ нечестивыхъ, при помощи того же орудія прославилъ святыхъ. Служители слова принимаютъ образы его, имѣя пользоваться благодатію не въ горделивыхъ цѣляхъ, но получая этотъ даръ для пользы (ближнихъ). Надлежало вѣдь наставникамъ вселенной знать и языки ея. Безсиленъ тотъ учитель, котораго не понимаютъ ученики. Лица, которымъ были ввѣрены столь великія таинства, необходимо прежде всего получили даръ знанія языковъ. Никто не можетъ посвящать въ таинства того, кто предварительно не увѣровалъ во Христа. Но никто не увѣруетъ, если прежде не пойметъ того, что̀ ему говорится. Съ этого и начала благодать Духа и поэтому прежде всего совершила чудо, касающееся язы-
809 ковъ. *Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (Псал. XVIII, 5). Надлежало овладѣть вселенною, надлежало распространиться *вѣщанію ихъ* по всѣмъ предѣламъ земли, надлежало имъ не оставить никого безъ наученія и безъ наставленія. *Явишася* въ образѣ огня *раздѣлени языцы.* Языки апостоловъ должны были дѣйствовать—на подобіе огня и обнаруживать двоякое ихъ употребленіе: попалять діавола и просвѣщать сидящихъ во тьмѣ. Обрати вниманіе на то, что для вѣрныхъ огонь—нѣжнѣе елея; замѣть, что для діавола языкъ—страшнѣе всякаго огня; посмотри, какъ языкъ сожигаетъ терніе нечестія и орошаетъ нивы благочестія; замѣть, что двѣнадцать учениковъ наставлены однимъ Учителемъ, что двѣнадцать военачальниковъ поставлены однимъ Царемъ, что двѣнадцать блестящихъ свѣтилъ возсіяваютъ изъ одной вершины, что двѣнадцать

чистыхъ лучей исходятъ изъ одного солнца, что двѣнадцать свѣтильниковъ зажигаются отъ одной искры, что двѣнадцать вѣтвой произрастаютъ отъ истинной виноградной лозы, что двѣнадцать *кошницъ* наполняются съ одной трапезы, что двѣнадцать рѣкъ вытекаютъ изъ одного источника, что двѣнадцать языковъ говорятъ съ помощію одной благодати. Не подумай, что апостолы были пьяны, что они упились виномъ; своимъ невѣріемъ не оскорби дара, не подражай достойнымъ проклятія людямъ и не называй дѣйствія Духа опьяненіемъ. Опьяненіе не можетъ даровать родовъ языковъ; напротивъ, оно связываетъ у каждаго и тотъ, какой у кого есть, дѣлаетъ человѣка безумнымъ, прерываетъ теченіе рѣчи; пьяный, подобно идущему во тьмѣ среди камней, спотыкается и ударяется своими зубами о землю. И хотя у него есть мыслительная способность, однако, онъ пользуется ею безпорядочно, создаетъ несуществующіе образы, сокращаетъ слоги произносимыхъ имъ словъ. Опьяненіе — сновидѣніе бодрствующаго, сонъ, видимый не спящимъ, бѣшенство, снѣдаемое жаждою, алчущій демонъ, діаволъ, сидящій въ винѣ — разбойникъ, устраивающій на пирушкахъ засады, попаляющій цѣльнымъ виномъ разсудокъ и изъ лѣкарства для одержимой уныніемъ души дѣлающій ядъ. Вотъ что обыкновенно производится опьяненіемъ. Въ послѣднемъ злочестивые несправедливо обвинили апостоловъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, если трезвые казались іудеямъ пьяными. Нѣкогда отъ нихъ терпѣли оскорбленія святые мужи, и 810
надъ пророками іудеи насмѣхались, какъ надъ пьяными. Хотя бы они и вздумали отрицать это, однако скажемъ имъ: *еда нѣсть сихъ, сынове Исраилевы; глаголетъ Господь: и напаясте освященныя* Мои *виномъ, и пророкомъ заповѣдасте, глаголюще: не прорицайте* (Амос. II, 11 — 12). Впрочемъ, и я самъ признаю, что апостолы были пьяны, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ именно ты называешь ихъ такими; ихъ опьяненіе было божественнѣйшее и духовное, испытавшій которое преисполняется мудрости, укрѣпляется умомъ, бодрствуетъ и трезвится въ дѣлѣ добродѣтели, учится любить Бога, не почувствуетъ жажды во вѣкъ, неистовствуетъ вмѣстѣ съ Павломъ, проявляетъ отважность въ отношеніи ко всякому огню и желѣзу, ввергаетъ себя въ опасности, всякое несчастіе привѣтствуетъ какъ радостное событіе; злословія приводятъ его въ восхищеніе, какъ если бы то были привѣтствія; обидами гордится, какъ похвалами, а узами за Спасителя, какъ царскими вѣнцами. Такая чаша сдѣлала апостоловъ пьяными. Изъ этого сосуда пили ученики Спасителя — и впали въ состояніе прекраснѣйшаго опьяненія, вполнѣ насытились святою трапезою и говорятъ вмѣстѣ съ блаженнымъ Давидомъ: *уготовалъ еси предо мною*

трапезу сопротивъ стужающимъ мнѣ; умастилъ еси елеомъ главу мою, и чаша Твоя упоявающи мя, яко державна. И милость Твоя поженетъ мя вся дни живота моего (Псал. XXII, 5—6). Тотъ, кто пьетъ изъ этой чаши, трезвенъ бываетъ во Христѣ, неразумнымъ же людямъ кажется пьянымъ, такъ какъ думаетъ о томъ, что́— Спасителево. Эту чашу и намъ изъ Своей крови растворилъ Господь Христосъ, и многихъ вмѣстѣ съ нами призвалъ въ качествѣ участниковъ Своего пира, собралъ безчисленныхъ евангельскихъ рыбъ, наполнилъ сѣть Петра, и произошло необыкновенное для послѣдняго зрѣлище: буря сдѣлала его рыбную ловлю болѣе блистательною. И кого не уловилъ убѣжденіями, тѣхъ поймалъ страхомъ, такъ какъ его ловлѣ содѣйствовало сіяніе молніи. Однако, никто да не вмѣнитъ этого новому стаду въ безчестіе, если овцы его были уловлены при помощи молніи, такъ какъ Христосъ обыкновенно чрезъ посредство послѣдней обуздываетъ непокорныхъ молодыхъ „коней." И кто знаетъ о призваніи блаженнаго Павла, тотъ радуется, призванный вмѣстѣ съ нимъ, и, въ молніи узрѣвъ Владыку Христа, становится Христовымъ ученикомъ. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святую Пятидесятницу.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

809 Не позволяетъ мнѣ бояться бѣдности своего языка та благодать, которая сегодня роздала языки, которая поставила необразованныхъ людей учителями міра, которая избрала рыбарей въ ораторы, а мудрецовъ міра посрамила въ ихъ поверхностной мудрости. И по какой другой причинѣ толпы людей, зараженныя идолослуженіемъ, устремились къ благочестію? Почему онѣ забыли о рабствѣ демонамъ — этимъ многочисленнымъ ихъ господамъ? Почему незначительное число учениковъ могло состязаться противъ полчищъ людей, а вмѣстѣ съ ними и демоновъ, еслибъ оно не было вооружено огнемъ Божества? Сегодня излились, при посредствѣ огня, источники благодати, и пламя, устремляющееся при дуновеніи вѣтра, сообщаетъ даръ Духа. Извѣщая Своихъ учениковъ объ этой благодати, Христосъ говорилъ: *не оставлю васъ сиры* (Іоан. XIV, 18): Отецъ посылаетъ вамъ иного Утѣшителя. Восшествіе Господне на небо служитъ ручательствомъ сошествія оттуда Духа. Надлежало принявшимъ Іисуса получить также и Духа, для того чтобы дѣло боговѣдѣнія въ нихъ достигало все болѣе и болѣе совершенной степени. Итакъ, Іисусъ, воспріявъ человѣческое естество и видъ, сродный съ нашимъ, возставилъ людей

къ принятію Духа. *Еще много имамъ глаголати*, говоритъ Онъ, *но не можете носити. Егда же пріидетъ* Утѣшитель, *Духъ истины*, 810
наставитъ вы на всяку истину (Іоан. XVI, 12, 13). Послѣ Меня придетъ Тотъ, Кто — одинаковой со Мной сущности. Явится къ вамъ Тотъ, Кто — отъ Отца и Кто — равенъ Отцу по Своему существу. Итакъ, то, что было возвѣщено имъ словами, они увидѣли исполнившимся на дѣлѣ. Касательно чего получили обѣщаніе, исполненія того твердо ожидали. *Егда скончавашася дніе Пятьдесятницы* (Дѣян. II, 1). Между вознесеніемъ Господнимъ и сошествіемъ Духа прошелъ короткій промежутокъ времени. Обѣщаніе Спасителя исполнилось самымъ дѣломъ. Сонмъ апостоловъ, крѣпко держась за Господне обѣтованіе, какъ бы за нѣкоторый якорь, ожидалъ явленія Духа. Когда теченіе дней достигло до числа пятидесяти, въ предѣлахъ котораго кругъ семи седмицъ, обращаясь по законному порядку, ограничивается праздниками, тогда происходитъ сошествіе Духа. Но Онъ не воспринялъ плоти, какъ Сынъ; явился не въ образѣ человѣка; и не видъ голубя указалъ на пришествіе Духа, какъ, напр., въ струяхъ іорданскихъ, — потому что Владычня сущность является такъ, какъ хочетъ; но съ неба загремѣлъ громъ, какъ бы труба, своимъ звукомъ превозмогая всякую силу слуха, и прилетѣвшее пламя произвело огненные языки. Раздѣленіе огня было матерью языковъ. Раздѣляясь, языки садились на темя учениковъ. Таковъ, слѣдовательно, 811
былъ образъ пришествія Духа. Господомъ избирается настоящій день предпочтительно предъ другими. Онъ пользуется этимъ праздникомъ не безъ основанія и не изъ торопливости; и не по прошествіи праздничнаго дня низводитъ Духа. Почему? Только слѣдующіе три праздника у іудеевъ всенародны. Первый—Пасха, въ который, принося въ жертву агнца, они не узнали истинннаго Агнца, и, почитая образъ, противозаконно поступили съ Виновникомъ образа. Чьей тѣни покланялись, къ явленію Того отнеслись съ пренебреженіемъ. Второй праздникъ, слѣдующій за первымъ, названъ Пятидесятницею, какъ совершаемый спустя семь седмицъ послѣ того. Въ эти праздники воспоминались тѣни, подобіе пустыни. Данные праздники необходимо собирали въ одинъ городъ всѣхъ вмѣстѣ іудеевъ. Такъ какъ во время перваго праздника былъ водруженъ крестъ и было вознесено на него страданіе, при чемъ зрителемъ дотолѣ являлся весь іудейскій народъ, члены которого по своей волѣ не вѣдали чуда воскресенія, проявляли невѣріе, скрывали это чудо, клеветали, — то въ слѣдующій затѣмъ праздникъ, когда по предписанію закона опять всѣ іудейскія колѣна собрались въ одно и то же мѣсто, благодать, улучивъ надлежащее время, изливается на учениковъ



и обращаетъ къ себѣ очи и уши всѣхъ для того, чтобы изли-
ваемый на Христовыхъ учениковъ даръ свидѣтельствовалъ о
Воскресшемъ,—для того, чтобы тѣ, которые не повѣрили Христову
воскресенію, видѣли ниспосылаемые съ небесъ дары,—и для
того, чтобы посылавшіеся запечатать гробъ сдѣлались зрителями
небесныхъ чудесъ. Итакъ, звукъ грома, огонь съ неба и боже-
ственная сила удостовѣряли явленіе Духа. Такимъ же нѣкогда
образомъ колебалось пламя и на Синайской горѣ, и Моисей среди
огня выслушивалъ отъ Бога законы. Теперь устремлялось иное—
отъ высшаго огня—пламя, спускавшееся на головы апостоловъ.
Тотъ, Кто тогда воздвигъ Моисея для сообщенія евреямъ закона,
теперь совершилъ сказанное для спасенія народовъ. Поэтому къ
нынѣшнимъ чудесамъ и присоединено воспоминаніе о чудесахъ
древняго времени. И снова посредствующимъ началомъ служитъ
огонь, сходствомъ созерцаемаго доказывающій, что тотъ же самый
Богъ свидѣтельствуетъ о Себѣ и настоящими чудесами. Въ видѣ
раздѣленныхъ языковъ сообщается благодать для того, чтобы
сдѣлать принимающихъ ее учителями, чтобы, шествуя въ огнѣ,
они стали наставниками вселенной. Нѣкогда дерзновенное стол-
потвореніе было причиной раздѣленія дотолѣ одной у всѣхъ
рѣчи и одного языка, и разногласіе языковъ положило конецъ
предпринятой противъ небесъ войнѣ. Безчисленные языки произ-
носили безчисленные же звуки, но не встрѣчали одинаковаго у
всѣхъ слуха, который понималъ бы все говоримое. Раздѣленіе
языковъ повлекло за собою раздѣленіе и мыслей; разстроенный
языкъ сковалъ руки строителей. Теперь же благодать соединила
уста, раздѣленныя языками, въ языкъ, понимаемый каждымъ въ
отдѣльности, расширяя чрезъ это границы наставленія и проклады-
вая многіе пути вѣры. О, необыкновенныя чудеса! Говорилъ апо-
столъ—и получалъ наставленіе индіецъ. Говорилъ еврей—и по-
учался варваръ. Прозвучала благодать—и слухъ воспринималъ
812 слово. Готы понимали рѣчь и еѳіопы—языкъ. Персы удивлялись
говорившему и варварскіе народы были укрѣпляемы однимъ язы-
комъ. Сколь много племенъ замѣчалось въ человѣческомъ родѣ.
столь же многими языками изобиловала и благодать. Раздѣляемое
естество огня умножаетъ дѣятельность. Богатство благодати слу-
житъ источникомъ свѣта. Опять, естество огня, возгораясь, не
уменьшается отъ этого; напротивъ, сообщеніе огня все новымъ и
новымъ предметамъ лишь усиливаетъ его; такъ и изліяніе благо-
дати увеличиваетъ ея волны. Одинъ свѣтильникъ возжигаетъ без-
численное множество факеловъ, и всѣ они свѣтятъ ярко, однако,
сіяніе свѣта его не ослабѣваетъ: такъ и благодать Духа, пере-
ходя съ однихъ на другихъ, наполняетъ собою и послѣднихъ, и

тѣхъ, съ кого на этихъ переходитъ. Итакъ, прежде всего благодать сошла на апостоловъ и овладѣла ими, какъ бы крѣпостью; чрезъ нихъ разливаясь на вѣрующихъ, все наполняетъ, и, однако, волны благодати не уменьшаются. Спустился огненный языкъ; каждый ученикъ былъ вмѣстилищемъ безчисленныхъ языковъ; ученики обращались съ рѣчью къ присутствующимъ, выступая на подвиги ученія. Присутствовавшіе при чудѣ были зрителями; множество слушателей, различающихся другъ отъ друга по своей народности, ясно понимало апостольскую рѣчь, убѣждавшую ихъ родными для каждаго словами. Чрезъ прикосновеніе огня, какъ бы путемъ окрашиванія, получая даръ рѣчи, апостолы воспринимали знаніе, имѣющее не временное происхожденіе. И вѣра была предметомъ наставленія, и благодать — предметомъ удивленія, и Богъ — предметомъ познанія. Однако, іудей насмѣхался, клеветнически объяснялъ чудо — какъ состояніе опьяненія, и таинство благодати называлъ дѣломъ свѣжаго вина. *Яко виномъ*, говоритъ Писаніе, *исполнени суть* (Дѣян. II, 13). О, столь обычная іудеямъ неблагодарность! Прими въ соображеніе время, іудей, и сдержи свой клеветническій языкъ. Гдѣ — свѣжее вино, когда уже наступаетъ время жатвы? Когда только что наступила весна, гдѣ можетъ имѣть мѣсто мысль о свѣжемъ винѣ? Принимай въ соображеніе время года и обуздывай свой языкъ. Что же Петръ, первенствовавшій въ отношеніи къ дарамъ Духа, изобиловавшій благодатью, преисполненный огня? Онъ пользуется своимъ языкомъ для защиты языковъ. *Не бо, якоже вы непщуете*, говоритъ онъ, *сіи піяни суть*, *но сіе есть реченное пророкомъ Іоилемъ*: *излію отъ Духа Моего* (Дѣян. II, 15, 16, 17; Іоил. II, 28). Пророкъ проповѣдуетъ о морѣ благодатныхъ дарованій. *Излію*, говоритъ, *отъ Духа Моего*. Но не сокращено ли затѣмъ русло? Не для іудеевъ ли только назначается этотъ даръ? Никоимъ образомъ. *Излію*, говоритъ, *на всяку плоть*. Познакомившись съ пророчествомъ, обратите вниманіе и на его исполненіе. Языкъ Духа предшествовалъ пророческому языку. Будемъ просить о томъ, чтобъ излилась на насъ хотя капля той благодати, дабы, сохраняя воспоминаніе о тѣхъ чудесахъ, мы вкусили доставляемую ею пользу. А если есть соотвѣтствующее расположеніе сердца, то даръ ниспосылается быстро, потому что одинъ и тотъ же Богъ, Который *дѣйствуетъ вся во всемъ*. Ему сила и держава въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда о Святомъ Духѣ.

813 1. Христолюбивые! Вчера нами прославлялось пришествіе святаго и достопокланяемаго Духа, чествуемое не въ силу человѣческихъ измышленій, но вслѣдствіе свидѣтельства со стороны Отчей силы. Слово Божіе узнается не изъ того, что мы мыслимъ или говоримъ, но чрезъ то, чѣмъ мы блистаемъ, и узнается благочестіе наше, и возвѣщается истина. Одно только слово Божіе, одно только наставленіе Святаго Духа служатъ и свѣтильникомъ благочестія, и проповѣдью боговѣдѣнія, и свѣтомъ божественнаго ученія. Необходимо подольше остановиться на повѣствованіи о Святомъ и достопокланяемомъ Духѣ и яснѣе сказать что-либо о святомъ и славномъ Его могуществѣ. Опять — воспользуемся тѣми же самыми словами, что и прежде—будемъ говорить о Святомъ Духѣ не на основаніи того, что мы сами мыслимъ, но на основаніи того, чему научаемся, чему о Немъ учатъ насъ божественныя слова, лучше же сказать: на основаніи того, что Самъ Онъ возвѣщаетъ о Себѣ, говоритъ устами пророковъ, чрезъ апостоловъ сообщаетъ Свой лучъ; по естеству Своему Онъ нераздѣлимъ, такъ какъ исходитъ отъ нераздѣльной и недѣлимой природы.

Имя же Его: Духъ Святый, Духъ истины, Духъ Божій, Духъ Господень, Духъ Отца, Духъ Сына, Духъ Христовъ. Такъ называетъ Его Писаніе. Лучше же сказать: Самъ себя — и Духомъ Божіимъ, и Духомъ, Который — отъ Бога. А чтобы, услышавъ наименованіе Духа Божіимъ, мы никогда не подумали, что Онъ называется такъ въ силу содружества съ Богомъ, Писаніе, говоря о Духѣ Святомъ, присоединяетъ: Божій, Который — отъ Бога. Одно значитъ сказать: „Божій“ и другое сказать: „Который—отъ Бога.“ Божіи — небо и земля, какъ созданныя Богомъ. Но ни о чемъ не говорится, что оно — отъ Бога, кромѣ того, что происходитъ изъ Его сущности. Духъ называется Святымъ. Это — главнѣйшее и первое Его наименованіе, заключающее въ себѣ наиболѣе выразительный смыслъ и
814 показывающее природу Святаго Духа. Святый Духъ, Духъ Божій. Кто называетъ Его Духомъ Божіимъ? Послушай Спасителя: *аще ли же Азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы* (Матѳ. XII, 28). Духъ Божій. Итакъ, чтобы,—какъ я сказалъ раньше, — кто-либо, услышавъ о Духѣ Божіемъ, не подумалъ, что здѣсь обозначается нѣкоторое содружество, а не общность естества, Павелъ говоритъ: *мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога* (1 Кор. II, 12). Въ свою очередь, Духъ называется Духомъ Отца, какъ объ этомъ говоритъ Спаситель святымъ апостоламъ: *не пецытеся, како или*

что возглаголете. Не вы бо будете глаголющіи, но Духъ Отца вашего глаголяй въ васъ (Матѳ. x, 19, 20). Подобно тому, какъ, сказавъ: „Духъ Божій,“ Писаніе присоединило: *Иже отъ Бога,* — такъ же, въ свою очередь, Духъ названъ и Духомъ Отца. А чтобы ты не подумалъ, что Онъ называется такъ въ виду Его содружества съ Отцемъ, Спаситель рѣшительно говоритъ: *егда же пріидетъ Утѣшитель, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. xv, 26). Тамъ говорится; „отъ Бога“, а здѣсь: „отъ Отца“. Что именно приписалъ Господь Себѣ Самому: *Азъ отъ Отца изыдохъ* (Іоан. xvi, 28, 27), это же приписываетъ и Святому Духу, говоря: *иже отъ Отца исходитъ*. Итакъ, Духъ есть Духъ Божій и Духъ отъ Бога Отца, и Онъ исходитъ отъ Отца. Что значитъ: „исходитъ“? Не сказалъ: „рождается“. Чего не написано, о томъ не должно и разсуждать. Сынъ рожденъ отъ Отца, а Духъ исходитъ отъ Отца.

Ты развѣдываешь отъ меня вообще о различіи, какимъ образомъ Тотъ рождается, а Этотъ исходитъ? Что же? Узнавъ, что Сынъ рожденъ, ты узналъ и объ образѣ Его происхожденія. И, когда ты слышишь, что проповѣдуется Сынъ, ты съ тѣмъ вмѣстѣ постигаешь и образъ Его рожденія. Имена—то, что почитается вѣрою и блюдется благочестивою мыслію. Какой же смыслъ слова: „исходитъ“? Чтобы избѣжать имени: „рожденіе“ и чтобы не назвать Духа Сыномъ, Писаніе говоритъ о Святомъ Духѣ: *иже отъ Отца исходитъ*. Оно называетъ Его исходящимъ, подобно тому какъ вода бьетъ ключемъ изъ земли. Какъ сказано о раѣ: *рѣка же исходитъ изъ Едема* (Быт. II, 10), такъ исходитъ и истекаетъ Духъ. Отецъ называется источникомъ *воды живы*, какъ объ этомъ 815
говоритъ пророкъ Іеремія: *ужасеся небо о семъ и вострепета попремногу* земля. *Два бо зла сотвориша людіе мои: Мене оставиша источника воды живы* (Іерем. II, 12, 13). Божественное слово, опредѣляя Отца — какъ источникъ *воды живы*, говоритъ объ исходящей изъ источника жизни живой водѣ: *иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. xv, 26). Что исходитъ? Духъ Святый. Какимъ образомъ? Какъ вода изъ источника. Но почему Святый Духъ называется водою? Спаситель говоритъ: *вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. VII, 38). Предлагая объясненіе касательно этой воды, евангелистъ присоединяетъ: *сіе же рече о Дусѣ, Егоже хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его* (—39). Итакъ, если евангелистъ Іоаннъ, давая объясненіе относительно Духа Святаго, назвалъ Его *живою* водою, а Отецъ говоритъ: *Мене оставиша источника воды живы*, то, слѣдовательно, Отецъ — источникъ Духа; поэтому Духъ отъ Отца и исходитъ. Слѣдовательно — повторяю — Духъ Святый называется Духомъ Божіимъ и Духомъ, Который — отъ Бога, Духомъ Отца и Духомъ,

Который — отъ Отца. Исаія отъ лица Христова свидѣтельствуетъ о Духѣ Господнемъ: *Духъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза мя* (Ис. LXI, 1). И Павелъ: *Господь же Духъ есть, а идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Коре. III, 17). Если гдѣ присутствуетъ Духъ и если поэтому тамъ — свобода, то ужели Онъ — рабъ? Если тѣхъ, на кого Онъ нисходитъ, Духъ Святый освобождаетъ отъ ига рабства и даруетъ имъ свободу, то какимъ образомъ Онъ — рабъ? Какимъ образомъ Онъ даруетъ то, чего не имѣетъ? Какимъ образомъ, Самъ будучи рабомъ, освобождаетъ другихъ? Развѣ ты не слышалъ, что говоритъ Павелъ: *законъ бо духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя естъ* (Рим. VIII, 2)? Ужели освобождаетъ рабовъ Духъ, не имѣющій въ Своемъ естествѣ элемента свободы? Вѣдь, если Онъ сотворенъ и порабощенъ, то не дѣлаетъ никого свободнымъ.

2. Да не обманутъ васъ своими уловками еретики. Я не говорю, что Духъ—рабъ, не говорю и того, что Онъ—тварь. Это— новая ересь. Угрожаетъ опасность введенія еретиками трехъ началъ: несозданнаго, сотвореннаго и иного, которое не знаю, какъ и назвать. Духъ Божій, Духъ, Который—отъ Бога, Духъ Отца, Духъ, Который—отъ Отца исходитъ, Духъ Господень, Духъ Сына. Апостолъ говоритъ: *и понеже есте сынове, посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца ваша, вопіюща: Авва Отче* (Галат. IV, 6). Видишь, Онъ названъ Духомъ Сына. Въ другомъ, въ свою очередь, мѣстѣ Павелъ называетъ Его Духомъ Христовымъ: *вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ, понеже Духъ* Христовъ *живетъ въ васъ* (Рим. VIII, 9). Прошу, обрати вниманіе на это святое сплетеніе. Павелъ выводитъ на сцену какъ бы нѣкоторую святую и живую вервь изъ сплетеннаго втрое могущества, соединяя нераздѣлимое естество и различными именами указывая на единую силу. *Вы же*, говоритъ апостолъ, *нѣсте во плоти, но въ дусѣ*. Вотъ—Духъ. *Понеже Духъ Божій живетъ въ васъ*. Вотъ — Духъ Божій. *Аще же кто Духа Христова не имать* (Римл. VIII, 9)... И, конечно, надлежало бы сказать: *Аще же кто Духа* Божія *не имать*; но сказалъ: *Духа Христова*. Апостолъ сказалъ: *Духъ Божій* и присоединилъ: *Духъ* Христовъ. *Аще же кто Духа* Христова *не имать, сей нѣсть Еговъ* (Рим. VIII, 9). Апостолъ сказалъ это для того, чтобъ показать, что если—Духъ, то и Христосъ, что одно и тоже есть: Христосъ присутствуетъ и Духъ присутствуетъ, и что одно и то же сказать: Духъ Божій и Духъ Христовъ. Поэтому Духъ Святый есть Духъ истины, подобно тому какъ можно было бы назвать Его и Духомъ Сына, потому что Спаситель говоритъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. XIV, 6). Духъ Святый называется Духомъ истины, Который есть Духъ Сына, какъ говоритъ Павелъ: *посла Богъ Духа Сына*

Своего (Галат. IV, 6). Итакъ, Онъ есть и Духъ Сына, и Духъ Того, Кто воскресилъ Іисуса Христа. Послушай самого Павла: *аще ли же духъ воскресившаго Іисуса* Христа *живетъ въ васъ* (Рим. VIII, 11). Это — имена святой и непорочной Силы, святаго и достопокланяе- 816
маго Духа. Есть и другія имена, соотвѣтствующія не естеству Его, но дѣятельности. Рѣчь — глубока, и для ея пониманія нужны уши внимательныя, незнакомыя съ колебаніями и исполненныя вѣры. Духъ называется Духомъ жизни, потому что Спаситель говоритъ: *Азъ есмь истина и животъ* (Іоан. XIV, 6). Духъ называется Духомъ жизни, подобно тому какъ и Павелъ говоритъ: *законъ бо Духа жизни* (Рим. VIII, 2). Эти имена указываютъ на одно и то же достоинство, на одно и то же естество. Есть и другія имена, которыя приписываются не Святому Духу, но силѣ, и дѣйствію Его, когда, напр., рѣчь идетъ объ Его дарахъ. Я говорю, сначала разъясняя свою мысль, а послѣ приводя свидѣтельство. Когда, по молитвамъ святыхъ, Духъ Святый даруетъ — или мнѣ, или другому христіанину — освященіе и я получу даръ, такъ что буду имѣть святое тѣло и святую душу, то сообщенный мнѣ даръ называется духомъ святости, то есть, благодатнымъ даромъ. Если Духъ Святый сообщитъ кому-либо, не имѣющему ни мудрости, ни вѣдѣнія, даръ: дастъ ему одну только вѣру, каковы, напр., многіе, обладающіе благодатными дарами, въ силу которыхъ они, и не зная Писаній, вѣрятъ въ нихъ,—то таковой даръ называется духомъ вѣры. Если кто получитъ отъ Святаго Духа силу и даръ вѣровать въ обѣтованныя блага, какія имѣютъ быть даны намъ въ будущемъ вѣкѣ, то онъ приметъ духъ обѣтованія. Если кто получитъ даръ мудрости, то такой даръ называется духомъ мудрости. И во всѣхъ случаяхъ благодатныя дарованія Духа называются духомъ. Къ нашимъ разъясненіямъ своихъ воззрѣній, дѣлаемымъ образно и отчасти, будь внимателенъ въ особенной степени. Итакъ, перейдемъ къ доказательствамъ. Когда кто-либо имѣетъ благодатный даръ любви, то говорятъ, что онъ имѣетъ духъ любви. Когда кто-либо получитъ благодатный даръ мученичества, то говорятъ, что онъ имѣетъ духъ силы, т. е., благодатный даръ. Такъ какъ то, что даруется, есть Духъ Святый, то и даръ называется тѣмъ же самымъ именемъ, какимъ — Тотъ, Кто его даетъ. Поэтому Павелъ говоритъ: *не пріясте бо духа работы паки въ боязнь, но пріясте духа сыноположенія* (Рим. VIII, 15). И опять: *не бо даде намъ духа страха, но* духа *силы и любве и цѣломудрія* (2 Тимо. I, 7). Духомъ же здѣсь называетъ благодатный даръ, какъ и въ томъ случаѣ, когда говоритъ: вы же *знаменастеся духомъ обѣтованія святымъ* (Ефес. I, 13). Гдѣ написано о Духѣ обѣтованія? Павелъ говоритъ: *имуще же тойже духъ вѣры* (2 Коре.

IV, 13) и обѣтованія, то есть благодатный даръ Духа. Итакъ, вотъ—духъ вѣры, духъ обѣтованія. Если кто—кротокъ и смиренъ сердцемъ, тотъ получилъ даръ кротости. Послѣдній—Божіе благодатное дарованіе. Объ этомъ говоритъ Павелъ: *аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовніи исправляйте таковаго духомъ кротости* (Галат. VI, 1), то есть, благодатнымъ даромъ кротости. *Блюдый*, говоритъ Писаніе, *себе, да не и ты искушенъ будеши* (Галат. VI, 1). Вотъ — духъ кротости. Иному дается освященіе души и тѣла, и оно называется духомъ святости, подобно тому какъ говоритъ апостолъ: *Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ, званъ апостолъ, избранъ въ благовѣстіе Божіе, еже прежде обѣща пророки Своими, по Духу святыни* (Рим. I, 1, 2, 4). Онъ сказалъ это въ обратномъ порядкѣ; смыслъ же его словъ—такой: Павелъ, сдѣлавшійся апостоломъ *по Духу святыни*. Многіе, слѣдуя первому изреченію, думали, что Павелъ говоритъ о Сынѣ Божіемъ, предопредѣленномъ *по Духу святыни*. Однако, на дѣлѣ—не такъ. Напротивъ, въ данномъ мѣстѣ говорится, что Павелъ былъ поставленъ въ апостола *по Духу святыни*. Когда былъ поставленъ? По воскресеніи Іисуса Христа. Такъ какъ прочіе апостолы были избраны до страданій Христовыхъ, а онъ—послѣ Христова воскресенія, то поэтому и говорится: *по Духу святыни*. Скажу также
817 и другое. Когда, во время святыхъ таинствъ, всѣ мы начинаемъ говорить: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ* (Матѳ. VI, 9), то, значитъ, мы получили даръ: духа *сыноположенія*, то есть, благодатный даръ Святаго Духа. Духъ называется духомъ ревности, какъ говоритъ Павелъ: *понеже и вы ревнители есте духовомъ* (1 Корѳ. XIV, 12), то есть, имѣете ревность къ духовнымъ дарованіямъ. *Понеже ревнители есте духовомъ*, то есть, благодатнымъ дарамъ. *И еще по превосхожденію путь вамъ показую* (1 Корѳ. XII, 31). *Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, ничтоже есмь* (1 Корѳ. XIII, 1, 2),—то есть, любовь важнѣе всякаго благодатнаго дарованія.

3. Но возвратимся къ подлежащему обсужденію вопросу. Опять выступаетъ Исаія: вѣдь одинъ и тотъ же Духъ говоритъ устами всѣхъ. Поэтому, какъ Павелъ сказалъ о духѣ жизни, духѣ любви, духѣ силы, духѣ цѣломудрія, духѣ обѣтованія, духѣ вѣры, духѣ кротости, духѣ *сыноположенія*, такъ и блаженный Исаія: *изыдетъ*, говоритъ онъ, *жезлъ изъ корене Іессеова* (Ис. XI, 1), то есть, царскій — Спасителя. Жезломъ называетъ царскій знакъ, какъ говоритъ и Давидъ: *жезлъ правости, жезлъ царствія твоего* (Псал. XLIV, 7). *Изыдетъ жезлъ изъ корене Іессеова, и цвѣтъ отъ* него *взыдетъ, и почіетъ на немъ Духъ Божій* (Ис. XI, 1, 2).

Здѣсь — имя естества Самого Духа. Затѣмъ слѣдуютъ Его

благодатныя дарованія: *духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія, духъ благочестія, духъ страха Божія* (—2, 3). Напримѣръ, кто-либо изъясняетъ Писаніе: или ты, вѣрный, или другой христіанинъ. Хотя бы смыслъ былъ теменъ и неясенъ, однако, Духъ Святый дастъ кому-либо силу разъяснить даже и сокровенныя мысли. Такой человѣкъ получилъ духа откровенія, то есть, благодатный даръ, открывающій непостижимое. Поэтому и апостолъ, желая, чтобы ученики благочестія понимали смыслъ Писаній, говоритъ: молюсь Богу, *да дастъ вамъ духа премудрости и откровенія, въ познаніе Его, просвѣщенна очеса сердца вашего* (Ефес. I, 17, 18). Ты видѣлъ духа откровенія? Но возвратимся къ предположенной рѣчи. Въ томъ случаѣ, гдѣ надлежитъ постигнуть глубины, онъ называется духомъ откровенія. Гдѣ должно имѣть любовь, называется духомъ любви. Гдѣ потребно, чтобы учитель говорилъ ясно, называется духомъ мудрости. Гдѣ надлежитъ, чтобы слушатель ясно понялъ, что говорится ему, называется духомъ разумѣнія. Духъ мудрости дается учащимъ, духъ разумѣнія — слушателямъ. Я проповѣдую, а ты въ состояніи уразумѣть меня, но не можешь учить другихъ. Это называется даромъ премудрости для наученія кого-либо. Богъ, желая показать, что какъ учащему Онъ посылаетъ слово мудрости, такъ и учащемуся — даръ разумѣнія, чтобы онъ понималъ Божіе, говоритъ: даромъ премудрости владѣютъ уста проповѣдника, даромъ разумѣнія — сердце учащееся. Премудрость — оружіе устъ; разумѣніе — оружіе сердца. Поэтому Давидъ говоритъ: *уста моя возглаголютъ премудрость, и поученіе сердца моего разумъ* (Псал. XLVIII, 4). Иной не получилъ благодати учительства, но получилъ благодать высказывать требуемое мнѣніе и подавать хорошій и достохвальный совѣтъ. Иногда учащій не въ состояніи предлагать нужнаго мнѣнія, потому что не получилъ этого дара: иной не все получаетъ, чтобы онъ не подумалъ, что благодатный даръ — дѣло природы. Одинъ получаетъ благодать учительства; а чтобы онъ не сталъ превозноситься, оказывается неспособнымъ для подаванія совѣта въ житейскихъ дѣлахъ. Другой же, не могущій учить, даетъ прекрасные совѣты. Оказывается, что ссужающій другихъ въ иныхъ случаяхъ самъ ссужается ими. Откуда это? Теперь я представлю доказательство того, что человѣкъ, получившій благодать учительства, имѣетъ нужду въ совѣтѣ другого лица. Моисей получилъ даръ премудрости, законодательства, учительства; возложилъ на себя обязанность творить судъ въ теченіе всего дня. Приходитъ тесть его Іоѳоръ, предлагая ему совѣтъ, и говоритъ: ты одинъ не въ состояніи совершать судопроизводство надъ столь великимъ народомъ; а если все-таки станешь дѣлать такъ, то совсѣмъ по-

губишь себя. Но что же предпринять? Поставь говоритъ, *десятоначальниковъ* и *пятьдесятоначальниковъ*, а также *стоначальниковъ*
818 и *тысященачальниковъ*, чтобы дѣла, превышающія силы *десятоначальника*, поступали къ *пятьдесятоначальнику*, а превосходящія способности послѣдняго переходили къ *стоначальнику*, превышающія же силы *стоначальника* — къ *тысященачальнику*, превышающія силы этого — къ тебѣ и превышающія твои — къ Богу. Если, говоритъ, случится какой-либо *тяжкій глаголъ*, то пусть доложатъ о немъ тебѣ. Если же что-либо окажется не по силамъ и тебѣ, то обратись съ этимъ къ Богу (Исх. XVIII, 13 — 28). Законодатель, будучи мудрымъ, принялъ мнѣніе частнаго лица; и это мнѣніе стало закономъ и образомъ будущаго. Такъ какъ Іоѳоръ, тесть Моисея, былъ жрецъ идольскій, а потомъ осудилъ свое заблужденіе и позналъ истину, то и сдѣлался образомъ церкви изъ язычниковъ: разумѣніе язычниковъ превзошло мудрость закона, не потому, что оно было языческое, а потому, что оно исправилось въ лучшую сторону. Въ самомъ дѣлѣ, когда было принято мнѣніе Іоѳора? Не въ то время, когда онъ былъ идольскимъ жрецомъ, но послѣ того, какъ позналъ Бога. Когда увидѣлъ дѣла Божіи и когда Моисей разсказалъ ему о чудесахъ въ Египтѣ, онъ говоритъ: *нынѣ увѣдѣхъ* (вотъ—раскаяніе!), *яко великъ Господь* Богъ вашъ *паче всѣхъ боговъ* (Исх. XVIII, 11). Итакъ, съ тѣхъ поръ, какъ позналъ истину, Іоѳоръ получилъ благодатный даръ подавать добрый совѣтъ.

4. Но возвратимся къ вопросу, подлежащему обсужденію. Тотъ, кто учитъ, получилъ духа премудрости, а кто учится, получилъ духа разумѣнія, чтобы понимать преподаваемое. Поэтому Исаія приписываетъ говорящему мудрость, а слушающему-разумѣніе, и говоритъ: *премудраго архитектона и разумнаго послушателя* (III, 3). Духъ совѣта дается совѣтнику, духъ силы — тому, кто принимаетъ совѣтъ. Совѣтникъ получаетъ благодатный даръ сказать что-либо полезное, принимающій же совѣтъ получаетъ благодать исполнить то, что̀ полезно. Духъ страха Божія. Каждое изъ этихъ благодатныхъ дарованій давалось для опредѣленной надобности. Когда при Моисеѣ въ пустынѣ строилась скинія, то, безъ сомнѣнія, въ то время была нужда не въ учительскомъ дарѣ, а въ дарѣ зодчаго, какимъ образомъ приготовить виссонъ, гіацинтъ, багряницу, порфиру. Богъ сообщилъ благодатный даръ — зодческій, даръ сшивать и ткать, плавить золото, обдѣлывать камни и соединять ихъ. Почему Богъ сообщилъ эти искусства? Потому что Онъ созидалъ на землѣ скинію. Скинія же была образомъ земли и неба. Небо и землю Богъ сотворилъ въ теченіе шести дней. Скинія устраивалась имѣющею

образъ неба и земли и была нужда въ дарѣ Святаго Духа, приводившемъ въ стройный порядокъ дѣло. То было время не учительства, но — примѣненія искусства ткать и прочихъ искусствъ. Богъ говоритъ: *се нарекохъ именемъ Веселеила, отъ племене Іудина, и наполнихъ его духомъ Божіимъ,* духомъ *премудрости и смышленія, и вѣдѣнія* (Исх. xxxi, 2, 3). Духомъ *премудрости*, чтобы совѣтовалъ дѣлавшимъ скинію, такъ ли имъ строить, или иначе. Духомъ *смышленія*, чтобы привелъ все въ стройный порядокъ. Духомъ *вѣдѣнія,* чтобы уразумѣлъ, какую имѣетъ силу то, чтò говорится Богомъ. Въ другомъ случаѣ Богъ обѣщаетъ сообщить благодать человѣколюбія и говоритъ: *излію на домъ Давидовъ духъ благодати и щедротъ* (Захар. xii, 10), то есть, даръ человѣколюбія. Въ свою очередь, сообщается благодатный даръ смиренномудрія. Откуда это ясно? Три отрока въ пещи, будучи праведными, попрали пламень, но, какъ смиренномудрые, называли себя грѣшными. Они попрали пламень, благодаря преизбытку своей праведности, и пещь превратили въ росу. Однако не возгордились и не сказали: „о, сколь велика наша праведность! Мы побѣдили естество, превзошли законъ“! Но поступаютъ, какъ праведники, и говорятъ, какъ грѣшники. Въ самомъ дѣлѣ, размысли. Они попирали пламень, ликовали, какъ святые, и говорили о себѣ, какъ о грѣшникахъ. *Согрѣшихомъ*, *беззаконновахомъ*, *неправдовахомъ. Вся елика навелъ еси на ны, истиннымъ судомъ сотворилъ есть. Яко беззаконновахомъ, отступивше отъ Тебе, и заповѣдей Твоихъ не послушахомъ, да благо намъ будетъ* (Дан. iii, 29, 30, 31). Поэтому, такъ какъ, будучи праведными, они уничижали себя, то и получили духа
смиренія, благодатный даръ смиренномудрія. Какъ таковые, увидѣвъ 819
проявленіе благодати, они говорятъ: *нѣсть* у насъ *во время сіе пророка, ниже приношенія, ниже кадила, ни мѣста, еже пожрети и обрѣсти милость* (—38, 39). Итакъ, вслѣдствіе того, что не имѣемъ ни города, ни храма, ни алтаря, ни ѳиміама, вмѣсто всего этого для насъ будетъ достаточно смиренномудрія. Поэтому они говорятъ: *но душею сокрушенною и духомъ смиреннымъ да пріяты будемъ*. Иной, когда бываетъ исполненъ благодати, принявъ во всей полнотѣ даръ, говоритъ: принялъ духа *исполненія*. Откуда это ясно? Іеремія говоритъ: *путь дщере людей Моихъ не во святое* и не въ сторону чистаго *духа исполненія* (Іерем. iv, 11, 12). Они, по его словамъ, не имѣютъ духа, который наполнялъ-бы ихъ. Апостолы, какъ написано, имѣли *духа исполненія*: тогда, говòритъ Писаніе, *Павелъ исполнился Духа свята* (Дѣян. xiii, 9), т. е., когда онъ изобличалъ *Еллима волхва* (—8). Видишь ли благодатныя дарованія? Я повторю имена неизреченнаго естества: Духъ Божій, Духъ, Который — отъ Бога, Духъ Господень, Духъ Отца, Духъ

Сына, Духъ Христовъ, Духъ Того, Кто воскресилъ Христа, Духъ жизни, Духъ истины. Затѣмъ—благодатныя дарованія: духъ силы, духъ любви, духъ цѣломудрія, духъ обѣтованія, духъ вѣры, духъ откровенія, духъ *сыноположенія*. Когда кто-либо получитъ благодатный даръ совершать судъ, тотъ принимаетъ духа суда, какъ говоритъ Исаія: *и очиститъ ихъ Господь духомъ суда и духомъ зноя* (IV, 4). Силу наказующую и очищающую онъ называетъ духомъ *суда* и духомъ *зноя*. Давидъ же проситъ *духа праваго*, который приводилъ бы на правый путь. И затѣмъ проситъ благодатнаго дара, управляющаго страстями и дѣлающаго то, чтобы душа не находилась въ рабствѣ у страстей. Такъ какъ сердце Давида развратилось и изъ состоянія цѣломудрія вступило на путь грѣха, страстей и удовольствія, и такъ какъ онъ несправедливо произнесъ рѣшеніе, погубившее мужа, сдѣлался рабомъ вожделѣнія и впалъ въ прелюбодѣяніе, то и проситъ Бога, говоря: *духъ правъ обнови во утробѣ моей*, и *не отвержи мене*, говоритъ, *отъ лица Твоего*, воздаждь ми радость спасенія Твоего *и духомъ владычнимъ утверди мя* (Псал. L, 12, 13, 14), то есть, благодатнымъ даромъ, управляющимъ страстями и властвующимъ надъ удовольствіями.

5. Это сказано нами о божественномъ достоинствѣ Святаго Духа и о различіи Его дѣйствій. Еретики же, не зная, что Писаніе, говоря о духѣ *святыни* или *обѣтованія*, имѣетъ въ виду дары Духа, относятъ это къ естеству Его и говорятъ, что Богъ далъ и Духъ Святый даровалъ. Видѣлъ ли ты, говорятъ, что это— даръ Божій? Они прочитали то, что касается даровъ, и отнесли это къ естеству, между тѣмъ какъ надлежало понять, какія имена выясняютъ естество и какія обозначаютъ благодать. Они исказили истину, все смѣшали, спутались, сбились съ пути истины, *омрачися неразумное ихъ сердце* (Рим. I, 21); *глаголющеся быти мудри, объюродѣша* (—22). Поэтому разсуждаютъ: такъ какъ, говорятъ, возбуждаешь вопросы о Духѣ и учишь на основаніи Писаній, желая имѣть Писанія своими свидѣтелями, то мы, побуждаемые самими Писаніями, говоримъ, что сказалъ Спаситель о Святомъ Духѣ. Что же Онъ говоритъ? *Егда же*, говоритъ, *пріидетъ Утѣшитель, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той наставитъ вы на всяку истину; не отъ Себе бо глаголати имать, но елика аще услышитъ, возвѣститъ вамъ, яко отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ* (Іоанн. XV, 26; XVI, 13, 14). Видѣлъ ли ты, говорятъ, что Духъ *не отъ Себе глаголати имать* (XVI, 13), но отъ І. Христа *пріиметъ* (14)? Не можетъ быть доказано достоинство Духа. Не выяснило ли, говорятъ, Писаніе, что Онъ подчиненъ власти Сына, что Сынъ ссужаетъ Его и что затѣмъ уже Духъ

доставляетъ Свои дары другимъ? Обрати особенное вниманіе на
дѣло. Когда что-либо изъ сказаннаго покажется тебѣ возбуж-
дающимъ недоумѣнія, ты не тотчасъ же нападай на данное вы-
раженіе, но подожди до конца мысли. Не видѣлъ ли ты, что,
когда строятся зданія, то все бываетъ безпорядочно поремѣ-
шано: известь, камни, бревна, все представляется твоимъ гла- 820
замъ въ смѣшанномъ видѣ, а въ очахъ мастера все кажется
соотвѣтствующимъ его цѣлямъ? Ему извѣстно, въ какое время
эти смѣшанныя вещества будутъ кстати въ томъ мѣстѣ и въ ка-
кое—въ другомъ; и то что теперь разбросано тамъ и здѣсь, при-
водится въ надлежащій гармоническій порядокъ, и въ резуль-
татѣ является красота зданія. Поэтому, когда замѣтишь, что го-
ворящій переходитъ отъ одного къ другому и отъ другого къ
третьему, то полагай, что онъ приготовляетъ себѣ матеріалы.
Когда я соберу послѣдніе, тогда и покажу гармоническій поря-
докъ въ своихъ разсужденіяхъ. Едино естество Сына и Духа,
едина сила, едина истина, едина жизнь, едина премудрость. Съ
тѣхъ поръ, какъ Спаситель соблагоизволилъ принять наше есте-
ство, Онъ исполняется Святаго Духа, не потому, что Онъ былъ
ниже Святаго Духа, а потому, что плоть должна была въ чело-
вѣческомъ образѣ воспріять сошествіе Духа; и не потому, что
Богъ Слово не могъ освятить естества, которое Онъ воспринялъ.
Еслибы ты согласился съ этимъ положеніемъ, то и Сынъ ока-
зался бы излишнимъ, такъ какъ достаточно было бы Отца для
освященія творенія. Ужели Отецъ принимаетъ Сына потому, что
Онъ — Отецъ — безсиленъ? Ужели Сынъ принимаетъ Духа по та-
кого же рода причинѣ? Но потому, что едино естество, которое
дѣйствуетъ вся во всѣмъ; одно совершаетъ Отецъ, и восприни-
мается во всей природѣ; другое же—Сынъ, и переходитъ во всю
природу; а третье — Духъ, и воспринимается во всемъ естествѣ.
Итакъ, когда природа разсматривается сама по себѣ, то она
равна и одинакова, полна властнаго достоинства, удивительна,
ни бѣдна, ни несовершенна, не возрастаетъ, не уменьшается, не
становится хуже, не получаетъ дополненіе. Когда же Богъ Слово
принялъ нашу плоть, то устроилъ ее по человѣческому образу,
принимающею Духа Святаго, какъ одного изъ пророковъ или
какъ одного изъ апостоловъ. Я сказалъ раньше, что Духъ нис-
ходитъ не потому, что недостаточно было божества Сына, но для
того, чтобы такимъ путемъ обнаружилось совершенное познаніе
Троицы. Итакъ, плоть Господня удостоилась Святаго Духа, и
затѣмъ Спаситель восхотѣлъ отдать въ собственность Святому
Духу то тѣло, какое Онъ — Господь—воспринялъ,—отдать для того,
чтобы все, что совершитъ Христосъ по плоти, приписывалось Свя-

тому Духу, жившему въ Немъ, какъ въ святомъ человѣческомъ храмѣ. Христосъ ради насъ — человѣкъ, а Самъ по Себѣ — Богъ. Онъ Самъ по Себѣ — Богъ, а человѣкъ — въ силу Своего человѣколюбія. Онъ изгонялъ демоновъ и восхотѣлъ приписать изгнаніе ихъ Святому Духу. И говоритъ: *аще ли же Азъ о Дусѣ* Святомъ *изгоню бѣсы* (Матѳ. XII, 28). Не сказалъ: Богомъ—Словомъ (изгоняю), но приписываетъ это Святому Духу, какъ бы святой мужъ, удостоенный Святаго Духа. Извѣстно, что когда Онъ вошелъ въ храмъ, то взялъ книгу пророка Исаіи и читалъ. Прочиталъ же написанное о Немъ Самомъ. *И разгнувъ*, передаетъ Писаніе, *книгу*, говоритъ: *Духъ Господень на Мнѣ* (Лук. IV, 17, 18). Развѣ это приличествуетъ Богу—Слову? Ужели Богъ говоритъ: *Духъ Господень на Мнѣ?* Не безпрекословно ли, что лице человѣка говоритъ: *Духъ Господень на Мнѣ, его же ради помаза Мя* (Ис. LXI, 1)? Духомъ, говоритъ, Святымъ Я помазанъ. Поэтому Петръ говоритъ: *Іисуса, иже отъ Назарета, Его же помаза Богъ Духомъ Святымъ и силою* (Дѣян. X, 38).

6. Здѣсь, прошу, остановимъ свое вниманіе. Все вышесказанное служитъ къ выясненію словъ: *отъ Моего пріиметъ* (Іоанн. XVI, 14). Мы не перескакиваемъ съ однихъ предметовъ на другіе, но, какъ я раньше сказалъ, заготовляемъ матеріалы, чтобы ты привелъ ихъ въ единое гармоническое цѣлое. I. Христосъ былъ удостоенъ Духа Святаго, крестился въ Іорданѣ; и говоритъ Іоаннъ: *видѣхъ разводящася небеса и Духа* Божія *сходяща, яко голубя, и* пребывающаго *на Немъ* (Іоан. I, 32, Марк. I, 10). Ты видѣлъ, какимъ образомъ Господь въ человѣческомъ видѣ принимаетъ Святаго Духа? Никто не нечестивъ въ такой степени, чтобы думать, что Божество приняло Духа. Іоаннъ Креститель говоритъ: *посредѣ же васъ стоитъ, Егоже вы не вѣсте, и азъ не видѣхъ Его, но пославый мя крестити водою, той мнѣ рече: надъ Негоже узриши Духа* Святаго *сходяща, яко голубя, и пребывающа на Немъ, Сей*
821 *есть Сынъ* Мой (Іоанн. I, 26, 31—34). Духъ Святый сошелъ, чтобы исполнилось пророчество Исаіи: *Духъ Господень на Мнѣ* (LXI, 1). Плоть крестилась, крестившійся тотчасъ вышелъ изъ воды и *возведенъ бысть Духомъ въ пустыню* (Матѳ. IV, 1). Былъ *возведенъ*, и плоть имѣла Святаго Духа, какъ бы воспитателя. Для чего Онъ былъ *возведенъ?* Чтобы дать намъ образъ: какъ Моя плоть руководствуется не вожделѣніями, но Духомъ, такъ должны поступать и вы. Поэтому и Павелъ говоритъ: *аще ли духомъ водими есте, нѣсте* во плоти; и: *елицы Духомъ Божіимъ водятся*, тѣ не находятся *подъ закономъ* (Галат. V, 18; Римл. VIII, 14). Руководствуется (Духомъ) плоть Христова; (Имъ же) будемъ руководиться и мы. Вѣдь по этой причинѣ Господь и принимаетъ на

Себя все, чтобы оставить намъ образъ. *Возведенъ бысть Духомъ, искуситися* (Матѳ. IV, 1),—и побѣдилъ діавола; не Божество побѣдило, потому что было бы безчестіемъ для Божества сказать о Себѣ, что Оно побѣдило. Богъ никогда ни побѣждается, ни побѣждаетъ, но всегда владычествуетъ. Если бы Онъ побѣждалъ, то вообще было бы возможно, что и Самъ былъ побѣждаемъ. Но Тотъ, Кто всегда владычествуетъ, есть Вседержитель, и подданные не возмущаются противъ Него, равно какъ и Онъ не преодолѣваетъ, съ извѣстными усиліями, Своихъ подчиненныхъ. Итакъ, если Господня плоть, Господень образъ, новый человѣкъ, небесный, новая отрасль, расцвѣтшая послѣ чудеснаго рожденія, если Онъ получилъ Святаго Духа, то ты имѣешь свидѣтельства, что Духъ пришелъ съ неба, что Духомъ Онъ былъ *возведенъ* (въ пустыню), чтобъ побѣдить діавола. Чтобы образъ Адамовъ, впадшій въ заблужденіе *сначала*, впослѣдствіи побѣдилъ, для этого приходитъ новый Человѣкъ, сопровождаемый силою Духа. Поэтому, какъ я сказалъ, Онъ *возведенъ бысть Духомъ въ пустыню, искуситися* (Матѳ. IV, 1). А когда Онъ возвратился въ качествѣ побѣдителя, Писаніе говоритъ о Немъ: *и возвратися Іисусъ въ силѣ духовнѣй* изъ пустыни (Лук. IV, 14). Итакъ, плоть имѣла Святаго Духа, не часть духовныхъ дарованій, какъ имѣемъ мы, когда одному сообщается мудрость, а другому—вѣдѣніе, но имѣла всѣ дарованія. Поистинѣ я одержимъ страхомъ и трепещу изъ боязни, чтобы безсиліе моего языка не уменьшило величія того, что возвѣщается. Итакъ, тѣло Господне и плоть святая, воспріявъ силу Святаго Духа, не получила, какъ говорится о какомъ-либо изъ апостоловъ и пророковъ, одинъ благодатный даръ или другой. Человѣкъ не можетъ всего вмѣстить. Поэтому Павелъ говоритъ: *еда вси апостоли? Еда вси пророцы? Еда вси дарованія имутъ исцѣленій* (1 Кор. XII, 29, 30)? Въ отношеніи къ намъ дарованія раздѣляются; въ плоти же Христовой всѣ проявленія благодати, всѣ дарованія были на-лицо, соотвѣтственно сущности плоти. И обрати вниманіе. Сначала Господь преисполнилъ Свой храмъ всякаго рода благодатныхъ силъ. Онъ имѣлъ даръ исцѣлять болѣзни, изгонять демоновъ, воскрешать мертвыхъ, предсказывать будущее, совершать дѣла истины; Онъ могъ дѣлать все и владѣлъ полнотою духовныхъ дарованій, съ тѣхъ поръ, какъ Господня плоть тѣла преисполнилась всякихъ благодатныхъ даровъ. Нужно было, чтобы затѣмъ и мы вообще получили нѣсколько отъ Господня тѣла, какъ бы изъ хранилища; дается отъ него и апостоламъ, и пророкамъ. Іоаннъ свидѣтельствовалъ, что въ Немъ, (т. е., Господѣ) была вся полнота Божества. И Павелъ: *въ томъ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (Колосс. II, 9). Не ска-

залъ просто: *въ томъ жило Божество*, но: *исполненіе Божества*, то есть, всякій даръ Божества.

А чтобы кто-либо не подумалъ, что *исполненіе Божества* обитало въ Богѣ — Словѣ, апостолъ говоритъ: *въ томъ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ*. Въ плоти Его — вся полнота премудрости, разума, силы, чудесъ, всякой дѣятельности. Затѣмъ отъ полноты Его мы всѣ заимствуемъ себѣ. Іоаннъ Креститель свидѣтельствуетъ: *и азъ не вѣдѣхъ Его, но пославый мя крестити, той мнѣ рече: надъ Негоже узриши Духа сходяща и пребывающа* (не сказалъ: сообщающаго Ему единый даръ, но: всего *пребывающа), той есть крестяй Духомъ Святымъ* и огнемъ (Іоанн. I, 33). Потомъ, желая показать, что Спаситель воспріялъ благодать не какъ человѣкъ Іоаннъ говоритъ: *не въ мѣру Богъ даетъ Духа. Отецъ любитъ сына и вся даде въ руцѣ Его* (Іоанн. III, 34, 35). Итакъ,
822 откуда мы получаемъ? *Отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ* (Іоанн. I, 16). Онъ получилъ полноту, а мы отъ нея. Какимъ образомъ? Съ того времени, какъ Духъ наполнилъ Собою Господню плоть, отъ нея Господь черпалъ, какъ изъ источника, и ссужалъ людей дарами. Прошу, обрати вниманіе. Онъ говоритъ: *егда пріидетъ Утѣшитель, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину, яко отъ Моего пріиметъ* (Іоанн. XVI, 13, 15, 7).

7. Обрати вниманіе на точный смыслъ словъ. Господь не сказалъ: отъ Меня, но: *отъ Моего. Отъ Моего*, отъ кого? *Отъ Моего* дастъ вамъ; однако Самъ *пріиметъ*. Получаетъ же не какъ ссужаемое въ долгъ, но, такъ какъ Онъ наполнилъ источникъ, какъ бы основаніе благодатныхъ дарованій, то почерпаетъ изъ вмѣстилища и предлагаетъ всѣмъ изъ Своего собственнаго достоянія. И откуда это извѣстно, что *принимать* значитъ *принимать* изъ Своего собственнаго достоянія? Слушай. Богъ преисполнилъ Моисея Духомъ, и говоритъ Моисей: *не возмогу азъ единъ* переносить бремя *людей сихъ*. Избери Себѣ другого. Богъ говоритъ ему: *собери семдесять* старцевъ, *и уиму отъ духа, иже въ тебѣ, и возложу на ня* (Числ. XI, 14, 16, 17). Не сказалъ: возьму твой *духъ*, но: *отъ духа, иже въ тебѣ;* возьму *отъ Моего*. Богъ говоритъ: въ тѣ дни *излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ* (Іоил. II, 28). Если Богъ, бравшій у Моисея, ссужался имъ, то и Духъ, бравшій отъ Сына, также ссужался Имъ. Моисей былъ образомъ Христа, потому что какъ духомъ, бывшимъ въ Моисеѣ, наполнены 70 старѣйшинъ, точно такъ отъ Христа вселенная получила Святаго Духа. *Отъ Моего пріиметъ*. Изъ того, что даровано одному только Мнѣ — Господнему человѣку, беретъ Себѣ Самъ давшій, Который сошелъ на Меня и остался во Мнѣ,—Который помазалъ Меня, освятилъ, привелъ въ пу-

стыню и возвратилъ Меня побѣдителемъ. *Отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ.* А чтобы показать, что Онъ вспомнилъ не о Святомъ Духѣ, а о дарахъ Его, тотчасъ послѣ словъ: *отъ Моего пріиметъ* присоединяетъ: *вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть* (Іоан. XVI, 15). Я получилъ то отъ Святаго Духа. Поэтому Я сказалъ: *отъ Моего пріиметъ.* Такъ какъ Богъ освятилъ плоть Духомъ Святымъ и Отецъ ниспослалъ въ плоть Христову даръ Духа, при чемъ благодать, придя, вложила въ Христа всѣ дары,— то Онъ и говоритъ: *отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ.* Что же значитъ выраженіе: *не отъ Себе глаголати иматъ, но елика аще услышитъ* (Іоанн. XVI, 13), *возвѣститъ вамъ* (—13, 14)? Раньше было сказано, что иное—Духъ Святый и иное—благодатное дарованіе; иное — царь и иное — даръ царя. Когда кто-либо ведетъ войну противъ многихъ и различныхъ варварскихъ народовъ, тотъ недоумѣваетъ, откуда начать войну. Если займется войною съ этими, то противъ него поднимаетъ свою голову другое крыло. Если онъ раздѣлитъ свое войско на двѣ части, то чрезъ это распадаются его силы. Мы—среди аріанъ, ниспровергающихъ славу Христову, и македоніанъ, оскорбляющихъ божескую славу Духа Если я скажу македоніанамъ о Сынѣ то, что исповѣдуется всѣми, то аріанинъ тотчасъ вступитъ въ пререканіе: „ужели ты убѣдилъ меня относительно Сына тѣмъ, что говорилъ со мною о Духѣ"?

8. А такъ какъ сегодня предположено вести рѣчь о Святомъ Духѣ (вѣдь по данной отъ Христа благодати мы часто одерживали верхъ по вопросу о Сынѣ; свидѣтелями сказаннаго являетесь вы, знающіе, что дѣло было ведено нами не посредствомъ искусныхъ софистическихъ пріемовъ, но съ помощію доказательствъ изъ Писанія), то, хотя я и желалъ теперь предложить слово о Сынѣ, всегда имѣющемъ въ Себѣ блистающую силу,—однако, ради того, чтобы представить доказательства противъ еретиковъ, хромающихъ по вопросу о Духѣ, я пока оставляю то слово въ сторонѣ. Невозможно, чтобы хромающій въ представленіяхъ о Духѣ шелъ прямо и въ вопросѣ о Сынѣ. Доселѣ ты не убѣдишь македоніанца подписаться подъ ученіемъ объ „единосущномъ" согласно съ Никейскимъ соборомъ, хотя они и говорятъ всегда: мы живемъ въ согласіи съ тою вѣрою, такъ какъ о Духѣ ничего не было сказано ясно. Объ этомъ предметѣ не было ни упорнаго спора, ни враждебныхъ пререканій. Однако, для того, чтобы вполнѣ убѣдить ихъ, я говорю: писано: *не отъ Себе глаголати иматъ* (Іоан. XVI, 13). Скажи македоніанцу: написано это и о Сынѣ; лучше же сказать: Онъ Самъ говоритъ о Себѣ: *Азъ отъ Себе не глаголю* (Іоанн. XIV, 10). Прошу, обрати вниманіе. Я привожу свидѣтельство изъ источника, признаваемаго и тобою Съ аріаниномъ

828 потребно спорить по поводу изреченія: *Азъ отъ Себе не глаголю,* подобнымъ образомъ и по вопросу о Духѣ. Съ тобой же, объявившимъ о себѣ, что ты благочестиво мыслишь, нѣтъ нужды вступать въ состязаніе. Ведя рѣчь о Христѣ, ты говоришь, что Онъ равенъ Богу, подобенъ Отцу во всемъ. Я ввелъ вопросъ, имѣя въ виду тебя, какъ исповѣдующаго славу Сына. Ты говоришь о Духѣ: *не отъ Себе глаголати имать.* Спаситель говоритъ о Себѣ: *Азъ отъ Себе не глаголю,* но говорю то, что услышалъ отъ Моего Отца. Вотъ и Сынъ *отъ Себе* не говоритъ. Между тѣмъ и Отцу, и Сыну честь—равная. Это говорю тебѣ, потому что аріанинъ сомнѣвается и въ томъ, и въ этомъ. Что испытываютъ претерпѣвающіе кораблекрушеніе, это же терпятъ и невѣрующіе, какъ говоритъ Павелъ: тѣ, которые въ вопросахъ вѣры потерпѣли кораблекрушеніе (сравн. 1 Тимо. I, 19)... Аріане, потерпѣвъ кораблекрушеніе, потеряли и славу Христа, и силу Святаго Духа. Македоніане, конечно, ревностно стараются о томъ, чтобъ подняться изъ глубины наверхъ, но половину своего груза потеряли и они, какъ объ этомъ говоритъ Павелъ: *аще же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть его* (Римл. VIII, 9). Поэтому обрати свое вниманіе, чтобы не показалось, что мы нападаемъ по примѣру борцовъ и съ заносчивостью предлагаемъ обоснованіе положеній. *Азъ отъ Себе не глаголю.* Растолкуй мнѣ, что значитъ выраженіе: „отъ *Себе не глаголю*", употребленное Спасителемъ? Вѣдь какое рѣшеніе придумаетъ македоніанецъ относительно Сына, это же найдетъ подходящимъ и по отношенію къ Духу Святому. Два равновѣсныхъ выраженія: „ни Духъ *отъ Себе*", „ни Сынъ *отъ Себе*" не говорятъ ничего. Но Сынъ имѣетъ нужду въ Отцѣ; въ Отцѣ же нуждается и Духъ. Доселѣ — равная честь принадлежитъ обоимъ. Итакъ, обрати вниманіе. Знаю, что я погрузился въ глубину, какъ знаетъ Христова сила, все испытующая. Скорѣе содрагаюсь отъ страха, нежели говорю,— боюсь того именно, что корабль устремится въ безпредѣльную бездну и не будетъ Духа. Дай мнѣ приготовленный корабль, кормчаго, корабельщиковъ, канаты, якоря, все въ готовомъ видѣ, и если нигдѣ нѣтъ дуновенія вѣтра, то, при отсутствіи дѣйствія послѣдняго, не безполезны ли всѣ тѣ приготовленія? Такъ обыкновенно бываетъ. Хотя бы рѣчь была и обширна, а мысль глубока, хотя бы были краснорѣчіе и умъ, но если нѣтъ Святаго Духа, доставляющаго Свою помощь, то все — безполезно.

9. Итакъ, почему о Себѣ, какъ и о Духѣ, Господь сказалъ: отъ *Себе не глаголю?* Какъ борцы, нападемъ на пререкающаго, постараемся вполнѣ убѣдить и самихъ себя, и тѣхъ, (т. е., еретиковъ), если только захотятъ послушаться насъ. Конечно, не принужденно приведемъ ихъ на путь истины, но станемъ къ нимъ

говорить, не убѣдятся ли они въ самомъ дѣлѣ. Ты не приди въ удивленіе, если я—человѣкъ—говорю это, когда Богъ говоритъ Іезекіилю: ступай *къ дому Израилеву, и речеши къ нимъ. Аще убо услышатъ, аще убо* увѣруютъ (Іезек. II, 3, 4, 5, 7). Говоримъ это, *аще убо услышатъ, аще убо* повѣрятъ, *аще убо* согласятся съ нами. Если же они (еретики) не согласятся съ нами, говорящими таковое, то мы въ этомъ неповинны. Такъ училъ и Павелъ, и послѣ изложенія своего ученія говоритъ: *свидѣтельствую* предъ всѣми, *яко чистъ азъ отъ крове всѣхъ* васъ. *Не обинухся бо сказати вамъ* путь *Божій* (Дѣян. XX, 26, 27). И теперь говорю: почему Спаситель сказалъ: отъ *Себе не глаголю*; и о Духѣ: *не отъ себе глаголати имать?* Прошу вашу любовь, остановимъ здѣсь свое вниманіе. Между тѣмъ какъ Христосъ — одинъ, явилось много лжехристовъ, какъ объ этомъ сказалъ Спаситель: прикрываясь Моимъ именемъ, придутъ многіе *лжехристи и лжепророцы* (Матѳ. XXIV, 24). Хотя Христосъ — одинъ и Его пришествіе было возвѣщено пророками, но и до явленія Его возникали нѣкоторые обольстители, говорившіе: мы — Христы. Ѳевда говоритъ: это—я. Іуда Галилеянинъ: это—я. И вводили многихъ въ заблужденіе. Спаситель, придя, говоритъ: *вси, елико ихъ пріиде прежде Мене, татіе* были *и разбойницы* (Іоан. X, 8). Такъ какъ эти, раньше другихъ бывшіе обольстителями, принявшими имя Христово, старались убѣдить народъ въ томъ, что они—Христы, являясь не одновременно, но каждый отдѣльно: одинъ—теперь, а другой—въ иное время, то Христосъ и говоритъ: *вси, елико ихъ пріиде прежде Мене, татіе* 824
были *и разбойницы. Но не послушаша ихъ овцы. Овцы* Мои *гласъ* Мой *слышатъ* и *вѣдятъ гласъ* Мой и *по* Мнѣ *идутъ* (— 3, 4, 8). Итакъ, пришли тѣ, лжехристы—и не научились ни отъ закона, ни у пророковъ, но говорили сами отъ себя и руководствуясь своимъ собственнымъ мнѣніемъ. Спаситель, придя, не отступилъ и отъ пророковъ, но говорилъ, напримѣръ, такъ: *добрѣ пророчествова Исаія, глаголя* (Матѳ. XV, 7); и въ другой разъ: не *писано* ли *въ законѣ вашемъ* (Іоан. VIII, 17? А когда приступилъ къ Нему діаволъ, Господь говоритъ ему: *писано есть: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши* (Матѳ. IV, 10). Итакъ, Христосъ, придя во плоти, не говорилъ *отъ* Себя, но—*отъ* пророковъ. Такъ какъ тѣ, которые пришли прежде Христа, не говорили во имя Христово, ни *отъ* закона, ни устами пророковъ, но, руководствуясь своимъ личнымъ мнѣніемъ, высказывали ошибочные взгляды и мысли, то Спаситель и говоритъ: *Азъ* отъ *Себе не глаголю*, какъ тѣ (Іоан. XIV, 10). Говорить *отъ* Себя — значитъ говорить помимо закона. Поэтому также надлежитъ говорить и намъ. Когда увидишь, что еретики выставляютъ съ своей

стороны Аристотелевскія или Платоновскія положенія, скажи: мы *отъ* себя не говоримъ; говоримъ то, что услышали отъ Христа. И откуда это видно, что говорящій *отъ* себя — лжепророкъ или что рѣчь на основаніи своего личнаго мнѣнія характеризуетъ лжепророка? Пророкъ Іезекіиль говоритъ: *Азъ, глаголетъ Господь* къ пророкамъ, вводившимъ въ заблужденіе Его народъ, *Азъ не послахъ ихъ*. Они говорили *отъ* себя, и проповѣдуютъ *отъ сердца своего* (Іезек. XIII, 1 и дал.). Такъ какъ лжепророки проповѣдывали *отъ* себя, то Спаситель, очищая Себя отъ такого подозрѣнія, говоритъ: *Азъ* отъ *Себе не глаголю*. Откуда это видно, что Спасителя подозрѣвали какъ обольстителя? Прежде всего установимъ именно это. Во время праздника *потченія сѣни* (Іоан. VII, 2) толпы народа искали Іисуса, говоря: гдѣ Онъ? И относительно Его было разногласіе: *овіи глаголаху, яко благъ есть, иніи же глаголаху: ни, но льститъ народы* (—12). Видишь ли, какъ и въ Немъ подозрѣвали обольстителя? Въ другой разъ послѣ святой смерти Спасителя архіереи говорятъ Пилату: *господи, помянухомъ, яко льстецъ онъ рече еще сый живъ: по тріехъ днехъ востану* (Матѳ. XXVII, 63). Это сказано мною для доказательства того, что Господь иными считался обольстителемъ. Такъ какъ Его считали таковымъ, то Онъ и говоритъ: *Азъ* отъ *Себе не глаголю*, но — *отъ* закона, *отъ* пророковъ, то, что услышалъ отъ Отца (Іоан. XIV, 10; XV, 15). Не по Своему божеству Я слышалъ отъ Отца, — въ законѣ, у пророковъ. Онъ говоритъ это отъ лица Своей плоти, чтобы разсѣять заблужденіе. *Азъ* отъ *Себе не глаголю, но яже слышахъ отъ Отца Моего*. Вы же говорите то, что услышали отъ отца вашего — діавола. А чтобы доказать, что діаволъ, всякій разъ какъ *глаголетъ*, въ чемъ-либо проявляетъ ложь, Господь говоритъ о немъ: *егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ* (Іоан. VIII, 44). *Азъ* отъ *Себе не глаголю*, но — *отъ* пророковъ, *отъ* закона. Это — истина. Итакъ, какъ Спаситель, устраняя подозрѣніе и удаляя дурныя касательно Его предположенія, говоритъ: *Азъ* отъ *Себе не глаголю*, подобно обольстителямъ, — точно такъ же должно говорить и о Духѣ.

10. Прошу, обратимъ здѣсь вниманіе на слѣдующее. По слову Спасителя, является много лжехристовъ и лжепророковъ; одинъ говорилъ: это — я, и другой: это — я, какъ и написано: *мнози пріидутъ во имя Мое, глаголюще: азъ есмь* Христосъ (Лук. XXI, 8), и обольстятъ многихъ, но вы не поддавайтесь обману. Подобно тому какъ имя Христово было усвояемо обольстителями, точно также многіе имѣли принять видъ людей, обладающихъ Святымъ Духомъ, Котораго они не имѣли, и говорить объ этомъ. Но тамъ являлся человѣкъ, конечно, и говорилъ: я — Христосъ; здѣсь же

никто не дерзалъ сказать: я — Духъ Святый, потому что Духъ сходилъ не въ тѣлесномъ образѣ, но невидимо. Сошелъ на Петра, сошелъ на Павла,—и всѣ признали, что обое имѣли Духа Господня. Явился Симонъ и говоритъ: имѣю Духа. По наружному виду никто не отличитъ человѣка, имѣющаго Духа, отъ неимѣющаго, — человѣка, имѣющаго нечистаго духа, отъ имѣющаго Духа Святаго. Если бы Духъ былъ видимъ, то Симонъ не обманулъ бы, такъ какъ послѣ разслѣдованія дѣла онъ былъ бы изобличенъ. Пришелъ Монтанъ, говоря: имѣю Святаго Духа; пришелъ Манихей и говоритъ: имѣю Святаго Духа. Онъ (Духъ) не былъ виденъ. Итакъ, чтобы люди не были вводимы въ обманъ именемъ, такъ 825
какъ благодатный даръ имѣлъ сойти невидимо, Господь говоритъ: *егда пріидетъ Утѣшитель, Духъ истины* (Іоанн. XVI, 13, 7), Который исходитъ отъ Отца, Онъ приведетъ вамъ на память Мои слова и *наставитъ вы на всяку истину. Не отъ Себе бо глаголати имать* (—13). Всякій разъ, какъ замѣтите, что кто-либо говоритъ: имѣю Святаго Духа, но возвѣщаетъ не евангельскія истины, а свои собственныя измышленія, — тотъ ведетъ рѣчь отъ себя, и въ немъ нѣтъ Святаго Духа. Вѣдь и о Самомъ Себѣ Господь говоритъ: *Азъ отъ Себе не глаголю,* для того, чтобы устранить отъ Себя подозрѣніе въ заблужденіи; скорѣе же, чтобы отдѣлить ошибку отъ истины и показать, кто имѣетъ Святаго Духа и кто нѣтъ, но лишь только притворяется, что имѣетъ, Господь говоритъ: *не отъ Себе* Духъ *глаголати имать*. Вы услышали отъ Меня, что Я передалъ. Когда придетъ невидимый Духъ, Онъ будетъ говорить Мое. Если вы замѣтите, что кто-либо повторяетъ слова Евангелія, то онъ дѣйствительно имѣетъ Святаго Духа. Духъ придетъ, чтобы привести вамъ на память то, чему Я научилъ васъ. Поэтому, если кто-либо изъ говорящихъ о себѣ, что онъ имѣетъ Духа, будетъ возвѣщать что-либо отъ себя, а не на основаніи Евангелій, то не вѣрьте ему. Слѣдуйте Моему ученію. *Не отъ Себе глаголати имать*. Но зато явленіе Его показываетъ, кто получилъ Духа Святаго и кто нѣтъ. Если кто повторяетъ слова Христовы, тотъ имѣетъ Святаго Духа. *Никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Коре. XII, 3). Пришелъ Манесъ, поистинѣ „μανείς“ (т. е. безумный), имѣющій имя, соотвѣтствующее его заблужденію, и говоритъ: я — Утѣшитель, Котораго обѣщалъ Спаситель Своимъ апостоламъ; Я—Сынъ Божій. Гдѣ — въ Евангеліи Іисуса Христа — ты слышалъ, что солнце и луна — творцы? Гдѣ Христосъ сказалъ, что они поглощаютъ души и возвращаютъ ихъ? Гдѣ ты прочиталъ это? Изъ того, что объ этомъ не говорится въ Писаніяхъ, но что Манесъ говоритъ здѣсь отъ себя, ясно, что онъ не имѣетъ Святаго Духа. Святой Духъ

не отъ Себе глаголати имать, но возвѣститъ вамъ то, что услышитъ, то есть, подтвердитъ то, что Я сказалъ. И обрати вниманіе на достойное удивленія. Подобно тому, какъ Спаситель, придя, сдѣлался дополненіемъ закона и пророковъ, такъ и Духъ—дополненіе Евангелія. Христосъ, придя, дополнилъ Собою то, что сказано было Отцомъ въ законѣ и устами пророковъ. Поэтому Павелъ говоритъ: Христосъ—*исполненіе* закона (ср. Рим. x, 4). Святый Духъ, придя, дополнилъ евангельское. Что—въ законѣ, то дополняетъ Христосъ; а что—въ ученіи Христа, то дополняетъ Духъ, не потому, что несовершенъ Отецъ, но какъ явился Христосъ, подтверждающій то, что—Отца, такъ явился и Святый Духъ, подтверждающій то, что—Сына. Откуда это ясно? Спаситель говоритъ ученикамъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ. Егда же пріидетъ Духъ* Святый, *наставитъ вы на всяку истину, не отъ Себе бо глаголати имать* (Іоан. xvi, 12, 13). Онъ дополняетъ Мое. Сынъ восполняетъ то, что—Отца, и отъ Себя не говоритъ. Духъ восполняетъ то, что—Сына, и отъ Себя не говоритъ. Но, если ты услышишь, что кто-либо говоритъ: „пошлю вамъ Святаго Духа", то не понимай словъ въ отношеніи къ Божеству, потому что Богъ не посылается. Это—имена, обозначающія дѣятельность, имена сокровенныя и ясныя: сокровенныя, если имѣть въ виду достоинство, ясныя, если—созерцаніе. Всякій, посылающій кого-либо, отправляетъ, конечно, въ тѣ мѣста, въ которыхъ самъ не находится. Предположи себѣ, что я на этомъ мѣстѣ разговариваю съ кѣмъ-либо. Не могу сказать послѣднему: „иди, я пошлю тебя сюда". Это не значитъ послать, но—вмѣстѣ съ собою посадить или подозвать къ себѣ. Если же Богъ всюду находится,—а *небо и землю*, говоритъ Онъ, *Азъ наполняю* (Іерем. xxiii, 24),—то куда же посылаетъ Онъ—вездѣсущій? *Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси. Аще возьму криле мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука Твоя наставитъ мя* (Псал. cxxxviii, 8,—10). Итакъ, куда же посылаетъ Богъ? Развѣ Самъ Онъ—не всюду, развѣ посылаемый имъ также не вездѣсущъ? Богъ послалъ Своего Сына въ міръ. Развѣ не
826 какъ присутствовавшаго въ послѣднемъ? Вѣдь міръ—отъ Сына. Поэтому пришелъ ли Онъ въ міръ въ качествѣ такого, кто до этого времени въ мірѣ не былъ? Какъ же евангелистъ Іоаннъ говоритъ: *вся тѣмъ быша; въ мірѣ бѣ и міръ тѣмъ бысть* (Іоанн. i, 3, 10)? Какимъ же образомъ Онъ посланъ въ міръ? Съ другой стороны, если посланъ посланный, а пославшій остался въ горнихъ, посланный же пребываетъ долу, то какъ Господь говорилъ: *и пославый Мя со Мною есть* (Іоан. viii, 29)?

11. Прошу, обрати свое особенное вниманіе, придай рѣчи

устойчивость. Еретикъ можетъ сказать: *со Мною есть* — это значитъ: помогаетъ Мнѣ, какъ и я говорю: со мною — Богъ. Не просто сказалъ но — что? *Отецъ во Мнѣ есть* (Іоанн. XIV, 10). Если Отецъ былъ съ Нимъ и въ Немъ пребывалъ, то какимъ образомъ Тотъ послалъ или какъ Этотъ былъ посланъ? Вѣдь, если пришли, то пришли оба, и никто не посланъ; или, съ другой стороны, оба остались. Если Отецъ остался въ горнихъ, то какъ же говоритъ Сынъ: Отецъ *со Мною есть?* Если пославшій остался въ горнихъ, то какимъ же образомъ посланный имѣетъ съ Собою пославшаго. Я, сказалъ Господь, въ Отцѣ и Отецъ со Мною (ср. Іоанн. X, 38). Какъ же посланъ тотъ, Который говоритъ: Отецъ — во Мнѣ? Какъ же, въ свою очередь, Отецъ послалъ Его? Итакъ, когда Господь говоритъ: пошлю вамъ Святаго Духа, то это значитъ: даръ Духа. И чтобы вы поняли, что посылается даръ, а что Духъ не посылается, Спаситель говоритъ апостоламъ: *сѣдите во градѣ Іерусалимстѣ, дондеже облечетеся силою свыше* (Лук. XXIV, 49) и получите силу сошедшаго на васъ Святаго Духа. Иное — сила, которая дается, и иное — Духъ, который даетъ. *Вся же дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляяй коемуждо* особо, *якоже хощетъ* (1 Коре. XII, 11). Итакъ, ты не въ состояніи доказать, что Духъ Святый посылается чистымъ Божествомъ. Если же я докажу тебѣ, что Творецъ неба и земли посылается Святымъ Духомъ, то что ты сдѣлаешь? Или отвергни Христа и уничтожь Писанія, или, будучи рабомъ Писаній, повинуйся имъ. Гдѣ, говоритъ, сказано это? Слушай, что̀ говоритъ Богъ устами пророка Исаіи, вѣстника благочестія: „*послушай*, говоритъ, Мене, *Іакове и Исраилю, его же Азъ призываю: Азъ есмь* Богъ *первый* (XLVIII, 12), Я — послѣ этого, и, кромѣ меня, нѣтъ Бога". Обрати свое вниманіе. Здѣсь слѣдуетъ то, что отыскивается. Кто же сказалъ это? Отецъ или Сынъ? Смотри, какъ подъ образомъ единоначалія онъ сокровенно проповѣдуетъ Троицу. *Азъ* — Богъ *первый и Азъ по сихъ, и развѣ Мене нѣсть Бога.* Кто говоритъ это? Творецъ, — потому что присоединяетъ: *и рука Моя основа землю* (— 13). Смотри, какъ говоритъ Творецъ: и Духъ Мой утвердилъ небо; я далъ Свои повелѣнія всѣмъ звѣздамъ; Я возбудилъ царя согласно съ правдою и всѣ Мои пути — правы. Назвавъ Себя Творцомъ и Создателемъ неба и земли, Онъ затѣмъ говоритъ слѣдующее: „не втайнѣ говорилъ Я вамъ это съ самаго начала и не въ мѣстѣ скрытомъ". Онъ сказалъ: „Я основалъ землю и сотворилъ небо; *егда бываху, тамо бѣхъ, и нынѣ Господь посла Мя, и Духъ Его*" (— 16). Тебя, сотворившаго небо и землю, сказавшаго звѣздамъ: *Господь посла Мя, и Духъ Его*, Богъ-Отецъ родилъ по божеству и послалъ плотски. Творецъ неба говоритъ: *Господь посла Мя, и Духъ Его.* Еретикъ принимаетъ

посольство Духа въ оскорбительномъ для Него смыслѣ. Отецъ послалъ, не удаляясь отъ Него и не удаляя Его отъ Себя; Сынъ послалъ Духа, не отдѣляя Его отъ Себя и Самъ не раздѣляясь съ Нимъ. Поэтому Писаніе говоритъ: Богъ излилъ Духа Своего (ср. Іоил. II, 28), то есть, даръ Святаго Духа. Божество не изливается, но — даръ. Поэтому, чтобы было доказано, что изливающееся — не Духъ Святый, а благодать божественнаго Духа, Давидъ говоритъ Христу: *изліяся благодать во устнахъ Твоихъ* (Псал. XLIV, 3). Изливается благодать, а не дарующій благодать. Итакъ, если возвѣщается одинаковая честь и если разъяснено выраженіе: „отъ Себя", равно какъ и другое: *„отъ Моего пріиметъ"* истолковано въ смыслѣ заимствованія какъ бы изъ источника, то еретики да не имѣютъ мѣста или лазейки, (чтобы тайно провести черезъ нее свое) нечестіе. Почти Святаго Духа, Котораго ты принялъ. Я часто говорилъ, что ты получилъ вознагражденіе: Христосъ взялъ отъ тебя твой образъ, а Самъ далъ тебѣ Своего Духа.

Въ день памяти мучениковъ; также о томъ, что Христосъ называется Пастыремъ и Агнцемъ; и о завѣсѣ, и о жертвѣ умилостивленія.

827 1. Снова — воспоминаніе о мученикахъ, снова — празднества благочестивыхъ, снова — рѣчь объ ангелахъ, снова — торжественное собраніе Церкви. Воспоминаніе — о тѣхъ, которые претерпѣли мученичество; честь же мучениковъ — слава Того, за Кого они подверглись мученіямъ. Чествуются мученики, пострадавшіе за Христа, воздается поклоненіе Христу, Который пострадалъ за всѣхъ. Тѣ своимъ страданіемъ возвели себя изъ состоянія уничиженія на высоту, а Спаситель съ высоты божества спустился въ уничиженное состояніе человѣческаго естества, не лишаясь Своего достоинства, но совершая дѣло Своего домостроительства. Мы слышали, что Онъ говорилъ: *Азъ есмь пастырь добрый,* полагающій *душу Свою за овцы* (Іоан. X, 11). Сказавъ это, Онъ и обнаружилъ Свое человѣколюбіе, и возвѣстилъ о Своемъ могуществѣ. Пострадать за овецъ — дѣло человѣколюбія; а то, что Онъ Самъ — по Своей волѣ — „положилъ" Свою душу, служитъ доказательствомъ Его могущества. Онъ не насилію покоряется, но совершаетъ дѣло Своего домостроительства. Хотя и говоритъ апостолъ, что Отецъ предалъ Его за насъ (Римл. VIII, 32), но онъ представляетъ страданіе Сына не вынужденнымъ, показывая, что воля

Сына находилась въ согласіи съ волею Отца. Сынъ предаетъ Себя, не необходимости подчиняясь, но содѣйствуя намѣренію Отца. Одно дѣло — рабски служить и другое — божески содѣйствовать. Вѣдь содѣйствуетъ Отцу Единородный Его Сынъ, хотя ученики еретиковъ и не желаютъ согласиться съ этимъ. Они, въ силу своей порочности, разсѣкая недѣлимое естество, проповѣдуютъ, что Отецъ — Творецъ, что Сынъ — служитель и что таковъ же — и Духъ Святый. Они не стыдятся даже и словъ Павла, который называлъ служителей благовѣстія не слугами, но сотрудниками Божіими, сказавъ: *Богу есмы споспѣшницы* (1 Коре. III, 9). Павелъ — споспѣшникъ, а Сынъ — служитель? Не разыскивай того, что сказалъ Христосъ устами Исаіи, но — то, что сказалъ Самъ лично. Самъ по Себѣ Онъ, конечно, Пастырь; а ради тебя сталъ Агнцемъ. Сегодня встрѣтились оба этихъ чтенія. Исаія читалъ о Немъ евнуху: *яко овча на заколеніе ведеся* (LIII, 7; Дѣян. VIII, 32). А Спаситель: *Азъ есмь пастырь добрый* (Іоанн. X, 11). Поэтому покажи мнѣ различіе между Агнцемъ и Пастыремъ: въ какомъ отношеніи 828
Онъ — Агнецъ, въ какомъ — Пастырь? Если ты не узнаешь различія наименованій, то откуда поймешь достоинство Его могущества? Ясно, конечно, что Агнцемъ Онъ является по причинѣ страданій, перенесенныхъ Имъ въ дѣлахъ домостроительства, а Пастыремъ — по причинѣ избытка человѣколюбія. Будучи Богомъ, Онъ не стыдится называть Себя Пастыремъ. Вѣдь надлежало намъ познавать Самого Бога и Царя. Но, вслѣдствіе того, что мы, какъ одаренные разумомъ люди, не познали Бога, Онъ желаетъ, чтобы мы, хотя бы какъ неразумныя овцы, познали своего Пастыря. Если бы, придя въ міръ, Спаситель нашелъ тебя разумнымъ человѣкомъ, то Онъ необходимо явился бы тебѣ какъ Богъ. Но, такъ какъ Онъ не нашелъ тебя человѣкомъ, а нашелъ какъ бы овцою блуждающею, начиная съ самыхъ древнихъ временъ, и призывающею устами пророковъ своего Господа: *заблудихъ, яко овча погибшее: взыщи раба Твоего* (Псал. CXVIII, 176), то поэтому и скрываетъ Свое царское достоинство и предлагаетъ пастырское попеченіе. По этой причинѣ и съ самаго начала устраиваетъ такъ, чтобы Его тѣло было положено въ ясляхъ, и для того приводитъ въ стѣснительныя условія какъ Свою Мать, такъ и Іосифа — служителя домостроительства. Я не могу назвать его ни отцомъ Спасителя, ни мужемъ Маріи, но — соучастникомъ и посредникомъ таинства. Вѣдь онъ былъ женихъ Дѣвы, а не мужъ; впрочемъ, по имени, конечно, мужъ, но въ дѣйствительности — служитель домостроительства. Итакъ, онъ вмѣстѣ съ Маріею приводится въ Виѳлеемѣ въ стѣснительное положеніе, такъ что вслѣдствіе тѣсноты въ жилищахъ Младенецъ по необходимости былъ положенъ въ ясляхъ.

Это стѣсненіе было дѣломъ Божіимъ, что бы Человѣколюбивый необходимо былъ положенъ въ то мѣсто,—что бы былъ положенъ, говорю, въ силу домостроительства, обусловившаго собою Его воплощеніе. Для чего Онъ устраиваетъ это? Такъ какъ ясли — трапеза безсловесныхъ, а человѣчество усвоило себѣ природу послѣднихъ — *человѣкъ, въ чести сый, не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. XLVIII, 13), — то Онъ и полагаетъ небесную пищу на трапезу неразумныхъ животныхъ, чтобы скотоподобные по душѣ, приходя къ яслямъ, какъ къ своей собственной трапезѣ, нашли здѣсь не скотскій кормъ, но говорящаго: *Азъ есмь хлѣбъ, сшедый съ небесе и даяй животъ міру* (Іоан. VI, 35, 41, 33). Итакъ, Агнцемъ является Господь въ цѣляхъ домостроительства, а Богомъ — ради Своей славы. Онъ полагаетъ Свою душу за овецъ (Іоанн. X, 11), не необходимости подчиняясь, какъ
829 я и раньше сказалъ, но Самъ принимая на Себя это дѣло. Все, что произошло во времена ветхозавѣтнаго богопочитанія, въ концѣ концовъ возводится къ Спасителю, будетъ ли то пророчество, или священство, или царское достоинство, или храмъ, или жертвенный алтарь, или завѣса, или ковчегъ, или очистилище, или манна, или жезлъ, или стамна, или что иное, — все имѣетъ отношеніе къ Нему.

Богъ издревле позволилъ сынамъ іудовымъ совершать жертвенное Ему служеніе не потому, что Онъ удовлетворялся жертвами, но потому, что желалъ отвлечь іудеевъ отъ языческихъ суевѣрій. Съ того времени направляя ихъ туда, куда Самъ хочетъ, налагаетъ на Себя то, чего меньше всего желалъ бы. Такъ какъ умъ іудейскій еще не могъ предпринять духовной дѣятельности, но былъ порабощенъ языческимъ привычкамъ и чувствовалъ влеченіе къ жертвенникамъ и жертвамъ, то Богъ, взявъ идольскія празднества, измѣняетъ ихъ сообразно съ духомъ благочестія и, такимъ образомъ, терпитъ то, чего не желалъ бы. И, какъ добрый отецъ, послѣ того какъ увидитъ, что сынъ его занимается шалостями, увлекаетъ его съ площади, дома же позволяетъ ему дѣлать все, что онъ хочетъ, и такимъ путемъ охраняетъ его благопристойность, отнимая у его забавъ черту безстыдства, — точно такъ и Богъ, желая при посредствѣ такого рода праздничныхъ собраній исправить іудеевъ въ сторону благочестія, позволилъ имъ приносить жертвы, даетъ имъ и жертвенный алтарь, повелѣваетъ приносить въ жертву и овецъ, и козла, и вола, и дѣлать все, что доставляло имъ радость. Бога это не услаждало.

2. А что это произошло въ цѣляхъ домостроительства, послушай, какъ Тотъ, Кто чрезъ посредство Моисея позволилъ со-

вершеніе жертвоприношеній и повелѣлъ, чтобы были различные виды жертвъ, устами пророковъ лишаетъ всякаго значенія то, что происходило лишь въ силу снисхожденія Его, показывая, что, какъ младенцамъ, Онъ позволилъ имъ это въ качествѣ „молока“, но не далъ въ видѣ „твердой пищи“. Онъ говоритъ устами Давида: *услышите, людіе Мои, возглаголю вамъ, Израилю, и засвидѣтельствую тебѣ: Богъ Богъ твой есмь Азъ. Не о жертвахъ твоихъ обличу тя, всесожженія же твоя предо Мною суть выну. Не пріиму отъ дому твоего тельцовъ, ниже отъ стадъ твоихъ козловъ* (Псал. XLIX, 7—9). А чтобы кто-нибудь не подумалъ, что Онъ не пріемлетъ потому, что гнушается этими жертвами, Господь далѣе поясняетъ сущность дѣла: она — въ томъ, что Богъ не имѣетъ нужды въ такихъ жертвоприношеніяхъ, а не въ томъ, что они вообще совершаются, и присоединяетъ: *еда ямъ мяса юнча и кровь козловъ пію? Пожри Богови жертву хвалы и воздаждь Вышнему молитвы твоя* (Псал. XLIX, 13, 14). Онъ показываетъ этимъ, что, не гнушаясь жертвами, отвергаетъ ихъ, но — въ виду того, что призываетъ іудеевъ къ лучшей и духовной жертвѣ. Итакъ, Онъ съ самаго начала позволилъ совершать жертвоприношенія, не потому, что они нравились Ему, но съ тою съ цѣлію, чтобы такъ начавшихъ исправить въ сторону благочестія. Дѣлая уступку произволенію іудеевъ, Онъ, какъ мудрый и великій, самымъ дозволеніемъ жертвоприношеній предуготовлялъ образъ будущихъ вещей, чтобы жертва, сама по себѣ и безполезная, однако, оказалась полезною, какъ таковой образъ. Обрати тщательное вниманіе на дѣло, потому что мысль глубока. Жертвы не были угодны Богу, какъ совершавшіяся не по желанію Его, а лишь по Его снисхожденію. Совершавшимся жертвоприношеніямъ Онъ придалъ образъ, соотвѣтствовавшій будущему домостроительству Христову, для того, чтобы, если сами по себѣ они и не достойны принятія, то сдѣлались бы благопріятными, по крайней мѣрѣ, въ силу выражаемаго ими образа. Всѣми жертвоприношеніями Онъ выражаетъ образъ Христовъ и оттѣняетъ будущія событія. Будетъ ли то приносимая въ жертву овца, она — образъ Спасителя; будетъ ли то волъ, онъ — образъ Господа; будетъ ли телецъ, или телица, или что-либо иное изъ того, что обыкновенно приносится въ жертву, будетъ ли то голубь и горлица, все имѣло отношеніе къ Спасителю. По этой причинѣ былъ и храмъ, чтобы былъ предуготовленъ образъ Господня храма. По этой причинѣ — овца, поэтому — іерей, поэтому — завѣса. А чтобы не впасть въ нѣко- 830
торое многословіе, я совѣтую тебѣ обратиться къ истолкователю того, что выше сказано, къ Павлу, который не позволяетъ тебѣ ничего мыслить безотносительно ко Христу, но все относитъ къ

Нему. Что же? Желая изложить евреямъ различіе таинствъ: что обозначала трапеза, что—жертвенный алтарь, что—завѣса, что—храмъ, что—священникъ, онъ относитъ все вообще ко Христу и показываетъ, что скинія—вся эта жизнь. Но *первая скинія*—образъ ветхаго завѣта, а *святая святыхъ*—образъ новаго завѣта (Евр. VIII, IX). Прошу, обрати тщательное вниманіе на дѣло. Храмъ былъ вообще одинъ, но раздѣлялся на тѣ и на иныя части: на *святое* и на *святая святыхъ*. Храмъ—образъ Господня тѣла; и послушай, что говоритъ Господь: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоанн. II, 19). Итакъ, подобно тому какъ въ томъ храмѣ одно было видимо всѣмъ, а другое—только одному первосвященнику, точно такъ же и въ домостроительствѣ Спасителя божество и сила божества, будучи сокровенными, дѣйствовали явно. Ты имѣешь образъ храма. Отыщи мнѣ находящуюся въ срединѣ завѣсу, отдѣляющую *святое* отъ *святаго святыхъ*, какая это завѣса; въ свою очередь, завѣса—образъ тѣла. Какъ завѣса раздѣляла то пространство по срединѣ, и отдѣляла доступное внѣшнему наблюденію отъ внутреннихъ таинствъ, такъ и тѣло Господа было завѣсою божества, не позволяя смертнымъ очамъ пристально взирать на ликъ Безсмертнаго. Это—не мое слово, но послушай, что говоритъ Павелъ: *имуще убо, братіе, путь новый и живый, егоже обновилъ есть намъ завѣсою, сирѣчь, плотію своею, да приступаемъ* (Евр. X, 19, 20, 22). Обрати особенное свое вниманіе. И плоть Свою Господь назвалъ храмомъ, и завѣсу—образомъ плоти. Далѣе, за завѣсу входилъ архіерей только однажды въ теченіе года. Не оставилъ безъ вниманія Павелъ и этого, но беретъ и это въ качествѣ образа Спасителя и говоритъ: *не въ рукотворенная святая вниде Христосъ, противообразная истинныхъ, но въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію о насъ* (Евр. IX, 24). Ты видишь архіерея, обрати вниманіе и на образъ. Въ свою очередь, приносилась въ жертву овца, и она была образомъ Спасителя: *яко овча, на заколеніе ведеся* (Ис. LIII, 7). Приносились въ жертву телецъ, волъ и все остальное, при чемъ архіерей бралъ своимъ пальцемъ нѣсколько крови приносимыхъ въ жертву животныхъ, входилъ во *святая святыхъ* и семь разъ кропилъ *прямо очистилищу* (Лев. XVI, 15). И самое очистилище было образомъ Спасителя, равно какъ и кровь, которою архіерей кропилъ, была тѣмъ же, чтобы и Покланяемый, и даръ, приносимый Ему, были однимъ и тѣмъ же. Тѣла тѣхъ животныхъ, кровь которыхъ приносилась во *святое*, сожигались внѣ стана, пепелъ ихъ освящалъ людей, и останки умерщевленныхъ животныхъ освящали оскверненныхъ лицъ. Итакъ, смотри. Живыя не освящали, а превращенныя въ пепелъ и принесенныя въ жертву при-

носили оскверненнымъ людямъ освященіе; и одни и тѣ же животныя сожигались внѣ стана, а приносились внутри. Поэтому апостолъ говоритъ: *ихъ же бо кровь животныхъ вносится во святая* святыхъ, *сихъ тѣлеса сжигаются внѣ стана* (Евр. xiii, 11). Указалъ образъ, истолковываетъ истину и говоритъ: *тѣмже Іисусъ, да освятитъ люди, внѣ вратъ пострадати изволилъ* (— 12). И что присоединяетъ къ этому? *Тѣмже убо да исходимъ къ Нему поношеніе Его носяще* (— 13). Ты имѣешь образъ, посмотри и на истину. Снова подвергни изслѣдованію кровь и очистилище. Кровь кропилась, очистилище принимало ее и происходило очищеніе. Что такое — очистилище? Опять послушай, что говоритъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ: *вси бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божія, оправдаеми туне благодатію Его,* кровію Его, *избавленіемъ, еже о Христѣ Іисусѣ, Его же предположи Богъ очи-* 831
щеніе вѣрою Его *въ крови Его* (23, 24, 25). И кровь Его, и очистилище Его. Все это сказано мною потому, что Спаситель Богъ и Единородный Сынъ Божій сдѣлался всѣмъ ради насъ, а не ради Себя. Иное совершалось ради насъ, а иное было выраженіемъ поклоненія Ему ради Него Самаго по Его божеству. „Иное" и „иное", не теперь раздѣленное, но соединенное домостроительствомъ, а раздѣляемое мыслію.

8. Итакъ, когда услышишь или объ архіереѣ, или пастырѣ или овцѣ, или храмѣ, или завѣсѣ, или очистилищѣ, или крови кропленія, или о чемъ-либо таковомъ, во всемъ познавай домостроительство, бывшее ради тебя.

Когда же увидишь, что Единородный сидитъ на одномъ и томъ же (съ Отцомъ) престолѣ (потому что церковь проповѣдывала Его и прославляла), то не стыдись божественныхъ изреченій. *Премудрость во исходѣхъ поется, въ стогнахъ же дерзновеніе водитъ. На краехъ же стѣнъ проповѣдуется* (Притч. i, 20, 21). Когда же замѣтишь, что возвѣщается Божія премудрость и сила, то размышляй о преизбыткѣ славы, о предвѣчномъ достоинствѣ, неумалимомъ, неизмѣнномъ, непреложномъ. *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоанн. i, 1). Всюду „было", а „не было" — нигдѣ. Если размыслишь о преизбыткѣ славы, то не соблазнись по поводу воплощенія Господня. Напримѣръ, я скажу: если услышишь, что еретикъ говоритъ: *яко Отецъ,* пославшій Меня, *болій Мене есть* (Іоан. xiv, 28), то скажи ему, что нѣтъ ничего удивительнаго, если Сынъ меньше Своего Отца въ виду Своего воплощенія, такъ какъ Онъ умалился даже и по сравненію съ ангелами. Ты, вслѣдствіе своей порочности, стараешься доказать, что Сынъ меньше Отца; я же доказываю, что Онъ, въ виду Его воплощенія, меньше даже и ангеловъ. Ты, конечно, желая доказать

различіе сущности Отца и Сына, приводишь изреченіе: *яко Отецъ*, пославшій Меня, *болій Мене есть;* я же доказываю, что, по смыслу этого изреченія, Онъ меньше не только Отца, но и ангеловъ. Блаженный Павелъ, приводя свидѣтельство Давида: *что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ* (Псал. VIII, 5, 6), истолковалъ его въ посланіи къ Евреямъ: а *умаленаго малымъ чимъ отъ ангелъ видимъ Іисуса, за пріятіе смерти* (Евр. II, 9).

Итакъ, зачѣмъ столь много трудишься и стараешься доказать, что Сынъ меньше Отца, когда Онъ меньше и ангеловъ, не со стороны Своего достоинства, но по причинѣ домостроительства? Потомъ ты слышалъ: пославшій Меня *Отецъ болій Мене есть*. Но развѣ ты не слышалъ этого евангельскаго голоса, который сегодня громко восклицалъ всѣмъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоанн. X, 30)? И обрати вниманіе на различіе. Гдѣ употребилъ „*едино*“, тамъ не сказалъ: „пославшій Меня“, но: „*Отецъ*“. Гдѣ желалъ доказать единство и тождество, тамъ не сказалъ: „Я и Тотъ, Кто послалъ Меня, *едино есма*“, но: „*Азъ и Отецъ*“. Между Отцомъ и Сыномъ нѣтъ ничего промежуточнаго. А гдѣ имѣетъ мѣсто: „*болій*“, тамъ присоединяетъ: „*пославшій Меня*“. Послать — дѣло домостроительства; и быть посланнымъ — не изъясненіе божества, но изъясненіе домостроительства. Вѣдь Богъ ни посылаетъ тѣлесно, ни посылается. А какимъ образомъ это — такъ, слушай. Тотъ, кто посылаетъ, посылаетъ въ тѣ мѣста, въ которыхъ самъ не находится лично. Поэтому покажи мѣсто, гдѣ не было бы Отца, покажи мѣсто, гдѣ не присутствовалъ бы Сынъ, укажи мѣсто, свободное отъ Святаго Духа. Конечно, можно указать мѣсто, еслибы ты буквально понялъ, что одинъ послалъ, а другой посланъ. Слѣдовательно, слово: „посланъ“ обозначаетъ не переходъ съ мѣста, но воплощеніе. Когда Писаніе говоритъ: *бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ* (Іоанн. I, 6), то мы не думаемъ, конечно, что Іоаннъ пришелъ съ небесъ. Если онъ тамъ былъ, то, скажешь, какъ онъ посланъ? Но, такъ какъ ему была поручена извѣстная задача, то ее Писаніе и назвало посланничествомъ. Исаія въ Іерусалимѣ въ самомъ храмѣ видѣлъ *Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (VI, 1). Находясь въ городѣ и въ храмѣ, созерцая видѣніе и удостоившись видѣть Бога, насколько это возможно человѣку, онъ услышалъ, что Богъ
832 говорилъ: *кого послю къ людемъ симъ* (— 8)? Онъ былъ среди народа и какимъ образомъ посылается къ народу? Такимъ образомъ, посланничество обозначаетъ не мѣстный переходъ и не рабское служеніе, но опредѣляемое человѣку назначеніе. Иначе же, если ты — рабъ буквы, то и постыдись ея. Если Господь посланъ, то

какъ же Онъ говоритъ: *и пославый Мя со Мною есть* (Іоанн. VIII, 29)? Никто, посылая, неидетъ вмѣстѣ съ посланнымъ, такъ какъ иначе значило бы не послать, а вмѣстѣ идти. *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ есть* (Іоанн. XIV, 10). Гдѣ тутъ посланничество? И чтобы кто-либо не подумалъ, что изреченіе: *пославый Мя* Отецъ *со Мною есть* произнесено въ отношеніи къ дѣятельности и помощи, Господь говоритъ: *Отецъ во Мнѣ пребываяй* (Іоанн. XIV, 10) и: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ* (—11). Это изреченіе предвозвѣстилъ Исаія, говоря: *утрудися Египетъ, и купли Еѳіопскія, и Саваимстіи мужи высоцыи къ тебѣ прейдутъ, и въ слѣдъ тебѣ пойдутъ связани узами ручными, и поклонятся тебѣ, и въ тебѣ помолятся, яко въ тебѣ Богъ есть, и нѣсть Бога развѣ Тебе* (Ис. XLV, 14). Какъ возможно это? Если въ немъ находится иной, то такимъ образомъ, кромѣ него, нѣтъ другого? *Яко въ тебѣ Богъ есть, и нѣсть Бога развѣ Тебе.* Развѣ это—не толкованіе того евангельскаго благовѣстія, которое говоритъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*, и обое *едино есма?* Выраженіе: *нѣсть Бога развѣ Тебе* есть толкованіе словъ: *едино есма.* И замѣть мудрость этого изреченія и полноту его силы. Изреченіе: *едино есма*—обоюдуострый мечъ, разсѣкающій еретиковъ. Слово: *едино* изобличаетъ безуміе аріанъ: а слово: *есма*—Савелліево сліяніе. *Яко въ тебѣ Богъ есть, и нѣсть Бога развѣ Тебе.* И чтобы показать, что одинъ и тотъ же Богъ—въ Богѣ, пророкъ присоединяетъ: *Ты бо еси Богъ, и не вѣдяхомъ* (Ис. XLV, 15). Ты не зналъ, что Онъ—Богъ? Развѣ не предвозвѣстилъ этого до тебя Моисей? Ты пришелъ не послѣ ли двадцать перваго рода отъ Моисея? Отъ Моисея до Давида семь поколѣній. Отъ Давида же до Исаіи двѣнадцать поколѣній. Вѣдь Исаія былъ за два поколѣнія до вавилонскаго плѣна. Итакъ, какимъ же образомъ о Томъ, Кого проповѣдали за пятнадцать поколѣній ранѣе пророки, что Онъ—Богъ, о Комъ Моисей говорилъ: слушай, Израиль, Господь Богъ твой—*Господь единъ есть*, о Комъ тоже самое восклицалъ Самуилъ, о Комъ это же проповѣдывалъ, конечно, и Давидъ, о Комъ тоже именно предсказывалъ и всякій пророкъ,—повторяю: какимъ же образомъ о Немъ говоритъ пророкъ Исаія: *Ты бо еси Богъ, и не вѣдяхомъ*, если только поистинѣ не намекаетъ на Спасителя, Который былъ, конечно, тогда, но оставался незнаемымъ? Словами: *Ты еси Богъ, и не вѣдяхомъ* пророкъ порицаетъ не свое невѣдѣніе, но воспринимаетъ на себя лицо народа. Ученіе: *Ты еси Богъ, и не вѣдяхомъ* стоитъ въ соотвѣтствіи со словами: *Господи, высока Твоя мышца, и не вѣдяша* (Ис. XXVI, 11). И, однако, что онъ могъ сказать: *Ты бо еси Богъ, и не вѣдяхомъ, Богъ Израилевъ*, всѣхъ *Спасъ* (Ис. XLV, 15), послушай ангеловъ, говорящихъ и благовѣствующихъ

пастырямъ: *не бойтесь*, благовѣствуемъ *вамъ радость велію, яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь* (Лук. II, 10, 11). *Ты бо еси Богъ Исраиля*, всѣхъ *Спасъ*. Вотъ *постыдятся и посрамятся вси противящіися* Тебѣ, *и пойдутъ въ студъ* (Ис. XLV, 15, 16), потому что станутъ подобными несуществующимъ и обветшаютъ, какъ одежда. *Противящимися* онъ называетъ тѣхъ, которые проявляютъ противодѣйствіе слову. Если ты скажешь эллину или кому-либо другому, чуждому истинной религіи, что есть Богъ, то онъ не споритъ; а если скажешь, что есть Христосъ, то онъ приходитъ въ неистовство, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ и блаженный Давидъ: *Господь воцарися, да гнѣваются людіе; сѣдяй на херувимѣхъ, да подвижится земля* (Псал. XCVIII, 1). Кто *сѣдяй?* Не ясно ли, что Тотъ, къ Которому говоритъ тотъ же самый пророкъ (т. е. Исаія): *Сѣдяй на херувимѣхъ* (XXXVII, 16), явись, возбуди могущество Свое и приди, чтобы спасти насъ? Видишь ли, что коварство, проявляемое еретиками, въ виду словъ такого рода, не имѣетъ мѣста? Но тамъ, гдѣ имѣется въ виду равночестность, говорится: *Азъ и Отецъ*; а гдѣ — домостроительство, читаемъ: *пославый Мя болій Мене есть*; въ виду посланничества Его, Господь — меньше по сравненію съ Отцомъ, но не въ виду божескаго Ихъ единенія.

833 4. Такимъ образомъ надлежитъ обращать вниманіе на Писанія и не проходить мимо божественныхъ изреченій. Ты теперь осуждаешь все Евангеліе, а Спаситель — ни одной буквы. Онъ желалъ, чтобы мы въ такой степени осторожно относились къ Писанію, что сказалъ: *аминь*, аминь, *глаголю вамъ*, легче можетъ случиться, что *прейдетъ небо и земля*, нежели *іота едина или едина черта отъ закона прейдетъ* (Матѳ. v, 18). Итакъ, Спаситель не относится съ презрѣніемъ даже и къ *іотѣ*, а ты разрушаешь все Писаніе. Слово ясно показываетъ намъ, что знаніе Писаній болѣе могуче, чѣмъ воскресеніе мертвыхъ. Не столько имѣетъ значенія воскресеніе мертвыхъ, сколько — чтеніе Писаній. Послушай патріарха Авраама, который слышитъ, что богачъ говоритъ ему: *отче Аврааме, помилуй мя, и посли Лазаря,* чтобы онъ сказалъ моимъ братьямъ, *да не пріидутъ на мѣсто сіе мученія* (Лук. XVI, 24, 28). И что онъ говоритъ? *Имутъ Моисеа и пророки: да послушаютъ ихъ. Онъ же рече: ни, отче Аврааме; аще кто отъ мертвыхъ* не *воскреснетъ, не имутъ вѣры*. Авраамъ же отвѣчаетъ ему: аминь, говорю тебѣ, *аще Моисеа и пророковъ не послушаютъ, и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры* (— 29, 30, 31). Обрати тщательное вниманіе. Ужели они не повѣрили бы, если бы воскресъ кто-либо изъ мертвыхъ? Никоимъ образомъ. И обрати вниманіе на слѣдующіе выводы. Допустимъ, что явился бы кто-

либо изъ древнихъ мертвецовъ: или изъ числа неизвѣстныхъ намъ, или изъ числа извѣстныхъ. Если онъ будетъ изъ числа неизвѣстныхъ, то это невѣдѣніе затемнило бы чудеса. Если бы сегодня явился Моисей, то откуда ты узналъ бы, что это былъ Моисей? Если бы сегодня явился Исаія, то откуда ты узналъ бы, что это былъ Исаія? А если бы воскресъ кто-либо другой, напр., изъ числа умершихъ въ наши дни, то снова чудо затемнилось бы: одни сказали бы, что это — тотъ, который умеръ; другіе же стали бы утверждать, что это — не умершій человѣкъ, но какой-либо демонъ и призракъ. У невѣрія нѣтъ недостатка въ злыхъ увертках. И что удивительнаго, если неблагодарный человѣческій духъ могъ бы наклеветать даже и на воскресшаго мертвеца? Когда былъ исцѣленъ слѣпой, то *овіи глаголаху, яко сей есть*; *иніи же глаголаху:* нѣтъ, но *подобенъ ему есть* (Іоанн. IX, 9). Когда же онъ сказалъ: *азъ есмь*, то хотя самъ и свидѣтельствовалъ о себѣ и вопіялъ о чудѣ, однако, тѣ неблагодарные отрицали послѣднее. Развѣ во времена Спасителя не воскресли многіе: *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ*, какъ говоритъ Писаніе, послѣ крестной смерти Господа *вставша изъ гробъ и внидоша во святый градъ, и явишася многимъ* (Матѳ. XXVII, 52, 53). Но чудо угасило ли невѣріе, преодолѣло ли упрямство? Чудеса предлагаются для невѣрныхъ, а не для вѣрующихъ. Невѣрный же при удобномъ случаѣ съ презрѣніемъ относится и къ чудесамъ. Но смотри, если бы они могли устыдиться воскресшаго мертвеца то, несомнѣнно, устыдились бы предъ Лазаремъ. Лазарь воскресъ изъ мертвыхъ. И когда, вслѣдствіе воскресенія Лазаря, многіе приходили посмотрѣть на Спасителя, то іудеи стали между собою совѣщаться о томъ, чтобы убить Лазаря. Смотри, какъ упрямство всюду остается равнымъ себѣ. Поэтому естественно патріархъ говорилъ, что если не слушаютъ Моисея и пророковъ, то, если бы даже воскресъ кто-либо изъ мертвыхъ, не повѣрятъ ему. И теперь еретики, если они не слушаютъ Моисея, пророковъ и Евангелій, не проявятъ послушанія, даже если бы кто-либо произнесъ и безчисленныя рѣчи. Но мы не отступимъ отъ своего пути. *Азъ есмь путь*, говоритъ Господь (Іоанн. XIV, 6). Поэтому тотъ, кто сходитъ съ пути, блуждаетъ. Кто шествуетъ независимо отъ указаній со стороны Писаній, тотъ подвергается дѣйствію бурь. Какъ въ морѣ носимый многими вѣтрами не можетъ совершать плаванія по прямому пути, но бросается различными вѣтрами туда и сюда, такъ и тотъ, кто предается вліянію различныхъ ученій и не слѣдуетъ ученію евангельскому, ничѣмъ не отличается отъ обуреваемаго волнами судна. Поэтому и Писаніе говоритъ: *не вѣй себе всякимъ вѣтромъ* (Сирах. V, 11); и толкователь присоединяетъ: и *не всякому сло-*

неси емли вѣры (XIX, 16). А чтобы ты узналъ, что *всякимъ вѣтромъ* Писаніе называетъ всякаго рода ученія, послушай, что говоритъ Павелъ; *да не бываемъ младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія* (Ефес. IV, 14). *Всякимъ вѣтромъ ученія*: это „всякимъ
834 вѣтромъ“ сказано вмѣсто словъ: „всякимъ ученіемъ“. Кто себя предаетъ послѣднему, тотъ обуревается волнами, подвергается дѣйствію бурь, претерпѣваетъ кораблекрушеніе. Одно плаваніе, одинъ путь, одна гавань: вѣра. Она путеводитъ, она замыкаетъ, она доставляетъ убѣжище. Кто отпалъ отъ вѣры, тотъ претерпѣваетъ кораблекрушеніе, какъ объ этомъ говоритъ Тимоѳею Павелъ, который пишетъ: *сіе завѣщаніе предаю ти, чадо Тимоѳее, да воинствуеши въ нихъ доброе воинство, имѣя вѣру и благую совѣсть, юже нѣціи отринувше, отъ вѣры отпадоша* (I Тим. I, 18, 19). Слѣдовательно, тотъ, кто отступаетъ отъ вѣры, претерпѣваетъ кораблекрушеніе. Слѣдующій же вѣрѣ вводитъ свой корабль въ спокойную гавань. Поэтому не станемъ увлекаться *всякимъ вѣтромъ*. Послѣ Господа нѣтъ мѣста другому ученію. Послѣ Моисея ожидался Христосъ; а послѣ Христа не ожидается никто другой. Поэтому Моисей, желая научить народъ тому, что не слѣдуетъ удовольствоваться одними своими только законами, но надлежитъ ожидать нѣкотораго въ данномъ случаѣ совершенства, говорилъ: *пророка возставитъ* вамъ *Господь Богъ* вашъ, *того послушайте* (Второз. XVIII, 15). Если бы Моисей сознавалъ совершенство своего ученія, то онъ не отсылалъ бы къ другому учителю, говоря: *пророка возставитъ* вамъ *Господь Богъ* вашъ отъ *братіи* вашей, *якоже мене*. Потому — пророка, что онъ изъ вашей среды. Богъ — не изъ вашей среды, а пророкъ — изъ вашей. Богъ — отъ Бога; а пророкъ, по своей плоти, изъ вашей среды. Поэтому и говоритъ Моисей: *якоже мене*, законодателя. Такъ какъ одинъ древній законодатель — Моисей, а второй законодатель — Спаситель, не одного народа, но вселенной, то и сказалъ Моисей: *якоже мене*, соотвѣтственно характернымъ чертамъ обоихъ и ихъ законодательству. Кто засвидѣтельствуетъ это слово? Давидъ, который жилъ, спустя немного поколѣній послѣ Моисея, восклицалъ: *воскресни, Господи, да не крѣпится человѣкъ, да судятся языцы предъ Тобою. Постави, Господи, законоположителя надъ ними* (Псал. IX, 20, 21). Итакъ, если бы Давидъ былъ до Моисея, то онъ естественно умолялъ бы о Моисеѣ; а если Моисей блисталъ раньше, Давидъ же родился послѣ Моисея, то зачѣмъ пророкъ Давидъ желалъ призвать иного еще законодателя, когда уже былъ другой, и зачѣмъ онъ говорилъ: *постави, Господи, законоположителя надъ ними?* Надъ кѣмъ, если не надъ язычниками? Говоритъ:

воскресни, Господи, да не крѣпится человѣкъ, да судятся языцы предъ Тобою. Вѣдь *законоположитель* данъ язычникамъ. Да узнаютъ язычники, что и они—люди. До законодателя они жили, какъ безсловесныя животныя. Если же придетъ Богъ—Слово, то исцѣлитъ ихъ, сдѣлавъ ихъ естество разумнымъ. Итакъ, Моисей, какъ я раньше сказалъ, говорилъ: *пророка вамъ возставитъ Господь Богъ, якоже мене*; а Давидъ: *постави, Господи, законоположителя надъ ними.* Павелъ же, придя послѣ Спасителя, будучи Его провозвѣстникомъ и видя, что тѣ древніе должны были ожидать Христа, а послѣ Христа—никого другого, поэтому говоритъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Галат. I, 9). Онъ исключаетъ всякое иное званіе и получаетъ ключи царствія. А что послѣ Христова ученія не должно ожидать другого, онъ говоритъ объ этомъ такъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ.* И чтобы наложить запрещеніе не только на обманъ со стороны другихъ людей, онъ продолжаетъ состязаніе и говоритъ: *и аще мы*(—8). Что же однако, означаетъ это *„и аще мы"*? Могъ ли апостолъ учить иначе? Ясно, что божественный Павелъ употребилъ гиперболу: хотя бы меня, говоритъ онъ, вы услышали проповѣдующимъ другое, думайте, что я говорю не отъ лица Бога. Поэтому онъ и говоритъ: *и аще мы.* Человѣческій языкъ—нѣчто ненадежное, а Божій языкъ не измѣняется. Поэтому и говоритъ апостолъ: *и аще мы или ангелъ съ небесе.* Ты не безъ основанія пришелъ къ тому предположенію, что ангелъ съ неба имѣлъ намѣреніе ввести чуждое ученіе. Однако апостолъ предостерегаетъ не отъ ангеловъ, но пресѣкаетъ коварство діавола: *и аще ангелъ съ небесе.* Не потому такъ говорилъ, что сознавалъ присущую ангеламъ способность сдѣлать подобное—вѣдь онъ зналъ, что у ангеловъ истина непоколебима—но, такъ какъ часто сатана преображается и демоны часто принимаютъ видъ ангеловъ, чтобы ввести ученіе, какое согласно съ ихъ намѣреніемъ, какъ и сказано въ Писаніи: *самъ бо сатана преобразуется во ангела свѣтла* (2 Коро. XI, 14), то поэтому отдѣ- 835
ляетъ истинныхъ ангеловъ отъ тѣхъ, которые только прикрываются ихъ видомъ, и противъ ангеловъ высказываетъ только простое мнѣніе, не оскорбляя ихъ, но преграждая путь демонамъ. Ангелы не проявляли негодованія, когда Павелъ говорилъ: *и аще ангелъ съ небесе благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ*, но радовались по поводу дерзновенія провозвѣстника, утверждавшаго и ограждавшаго божественную проповѣдь. Поэтому и сами ангелы, узнавъ, что не должно ничему вѣрить, какъ только слову апостоловъ, охраняютъ его и не проповѣдуютъ уже. Они, конечно, посылаются къ людямъ, и, однако, безъ всякаго

сомнѣнія не проповѣдують. Нѣкогда былъ посланъ ангелъ къ Корнилію; онъ является послѣднему и объявляетъ о своемъ служеніи, говоря: *Корниліе, молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога* (Дѣян. x, 4). Объявлять мое дѣло, а проповѣдывать -- апостольское. Ангелу принадлежитъ знаніе того, благопріятенъ ли Богу образъ служенія и молитвы; проповѣдь же ангелъ поручаетъ не себѣ, но апостоламъ. Поэтому присоединяетъ къ своей рѣчи: итакъ, *посли во Іоппію и призови Симона, нарицаемаго Петра. Той придя, речетъ тебѣ глаголы, въ нихже спасешися ты и весь домъ твой* (—5, 6). И что препятствовало ангелу самому тотчасъ возвѣстить это? Развѣ не достовѣрнѣе была бы проповѣдь ангела? Развѣ не болѣе увѣрился бы Корнилій, слыша о крестѣ отъ ангела, также о страданіи Христовомъ и о домостроительствѣ? Но ангелъ одновременно и остерегается, не желая открыть мѣста для демоновъ, и показываетъ намъ, что помимо апостольскаго ученія спастись невозможно. Если же ангелъ съ неба, проповѣдующій что-либо иное, предается анаѳемѣ, то человѣкъ, сочувствующій Аріевымъ догматамъ и учащій въ духѣ мнѣній Евномія и Савеллія, не по всей ли справедливости будетъ преданъ анаѳемѣ, если путемъ покаянія не исправится? Думайте, братья, что это сказано не нами, но святымъ мученикомъ и послами Отца. Это говорится въ честь мучениковъ. Вѣдь чествованіе мученика—охраненіе вѣры. Поэтому, если ты хочешь почтить мученика, то почти Того, за Кого онъ претерпѣлъ мученичество. Если тотъ пролилъ кровь за Христа, то ужели ты за Христа не прольешь крови? Итакъ, имѣя этотъ несомнѣнный признакъ вѣры, позаботимся о томъ, чтобы блистать и своими добрыми дѣлами, чтобы, посѣявъ добродѣтели, пожать воздаянія. Каждый—жнецъ правды за свои собственныя дѣла, какъ говоритъ и Павелъ: *дондеже время имамы, да дѣлаимъ благое* (Галат. vi, 10), потому что въ свое время пожнемъ, не терпя никакого ущерба. Въ какое свое время? Въ день воскресенія. Время это не наше собственное, но чужое. Здѣсь — сѣмена, а тамъ — колосья. Здѣсь сѣешь со скорбію, а тамъ жнешь съ радостію, какъ говоритъ Давидъ: *сѣющіи слезами, радостію пожнутъ* (Псал. cxxv, 5). О, если бы мы и посѣяли, и пожали съ веселіемъ, во Христѣ Іисусѣ — Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На поклоненіе честному и животворящему кресту, въ среднюю недѣлю великаго поста.

1. Наступилъ у насъ каждый годъ повторяющійся день, все- 835
честнѣйшая и свѣтоносная средняя седмица святаго поста, когда приносится треблаженный и животворящій крестъ Спасителя нашего Іисуса Христа и предлагается для поклоненія, при чемъ поклоняющіеся ему съ чистымъ сердцемъ и съ непорочными устами освящаются и дѣлаются болѣе ревностными и болѣе бодрыми для послѣдующаго шествованія на поприщѣ святаго поста. Поэтому, такъ какъ нынѣ — день, установленный для поклоненія честному кресту, то приступите сюда, друзья, обнимемъ его со страхомъ и любовію. Испуская лучи Христова воскресенія, онъ своими дарами всѣхъ просвѣщаетъ и освящаетъ. Будемъ же лобызать его, душевно радуясь. Сегодня — радость на небѣ и на землѣ, потому что предлагается міру свѣтоносный и животворящій Христовъ крестъ, силою котораго прогоняются демоны, изгоняются болѣзни, удаляется мрачная тьма и освѣщаются всѣ предѣлы земли. Сегодня Христова Церковь дѣлается другимъ раемъ, предложивъ публично всесвятое древо честнаго креста и торжественно предуказывая крестомъ на грядущія — страданіе Христа и Его воскресеніе. Сегодня исполнилось пророческое изреченіе, говорящее: вотъ *поклонимся на мѣсто, идѣже стоясте нозѣ* Бога нашего (Псал. cxxxi, 7). Радуйся же и веселись, Христова Церковь, приведи своихъ чадъ, очищенныхъ отъ страстей воздержа-
ніемъ и постомъ и блистающихъ сіяющими божественнымъ свѣ- 836
томъ добродѣтелями, и ликуй съ неизглаголаннымъ веселіемъ. Какъ нѣкогда въ пустынѣ тѣ, которые были укушены змѣею, взирая на мѣднаго змія, избавлялись отъ смерти, такъ и теперь прошедшіе половину поприща поста, прикасаясь ко кресту, умерщвляютъ духовнаго змія и сами получаютъ безсмертіе и, своимъ воздержаніемъ показавъ себя общниками Христовыхъ страданій, дѣлаются участниками и въ Христовомъ воскресеніи. И не только это совершивъ, но мужественно устремляясь и къ тому, что̀ слѣдуетъ далѣе, они возносятъ Богу побѣдные гимны. Крестъ Господень — оружіе, доставляющее трофеи и побѣды; онъ — непреоборимое оружіе царей, рогъ Церкви, истребитель враговъ и спасеніе вѣрныхъ; и дѣйствительно, блаженны и треблаженны тѣ, которые сподобляются обнимать его съ непорочными губами и съ чистыми устами. Поистинѣ они на дѣлѣ исполняютъ то, что сказано Господомъ: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе,*

и возьметъ крестъ свой, и по мнѣ грядетъ (Матѳ. XVI, 24). И смотри, какъ Онъ говоритъ, не дѣлая никому принужденія. Не сказалъ: хотите ли или нѣтъ, но вамъ надлежитъ испытать это; а какъ говорилъ? *Аще кто хощетъ по Мнѣ ити.* Я не дѣлаю насилія, не принуждаю; но дѣлаю каждаго господиномъ своего выбора, почему и говорю: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити.* Зову къ тому, что прекрасно и честно, а не къ худому и ненавистному, не къ наказанію и истязанію, но къ небесному царству и къ небесной жизни. Вѣдь и самыя естественныя особенности дѣла достаточно
837 имѣютъ силъ, чтобы привлечь къ себѣ. *Аще кто хощетъ по Мнѣ ити,* будетъ ли то мужъ или женщина, начальникъ или подчиненный, и если онъ желаетъ спастись, пусть идетъ этимъ путемъ. Три предмета, о которыхъ говорится: отреченіе отъ самого себя, подъятіе креста и слѣдованіе. Но сначала посмотримъ, что̀ значитъ отречься отъ самого себя. Узна̀емъ, что̀ значитъ отречься отъ другого, и тогда узна̀емъ, что̀ значитъ отречься и отъ самого себя. Итакъ, что значитъ отречься отъ другого? Отрекающійся отъ другого, напримѣръ, отъ брата или друга, или сосѣда, или кого бы то ни было иного, хотя бы видѣлъ этого бичуемымъ или заключаемымъ въ оковы, или терпящимъ что-либо иное, не защищаетъ его, не помогаетъ, не проявляетъ къ нему состраданія, не испытываетъ въ виду его никакого чувства скорби. Разъ навсегда отрекся отъ него, какъ бы отъ чужого. Такъ, слѣдовательно, Богъ желаетъ, чтобы мы не дорожили своимъ тѣломъ чтобы не уклонялись, хотя бы насъ ради Него подвергалъ кто либо бичеваніямъ, или наказывалъ, или гналъ, или причинялъ намъ что-либо другое. Это значитъ отречься; то есть, ничего да не имѣетъ человѣкъ для самого себя, но да предаетъ себя опасностямъ, состязаніямъ, и, когда страдаетъ другой, пусть будетъ настроенъ такимъ же образомъ. И не сказалъ Господь: „ἀρνησάσθω“ (пусть откажется отъ себя), но: „ἀπαρνησάσθω“ (пусть отречется отъ себя), этой малой прибавкой выражая наиболѣе высокую степень. *И возьметъ крестъ свой.* Ты видѣлъ, какъ небесный Царь вооружилъ слѣдующаго за Нимъ воина? Онъ не далъ щита, не далъ шлема, ни лука, ни панцыря, ни наколѣнниковъ, ни иного чего-либо изъ таковаго, но далъ то, что крѣпче всего этого, безопасность, проистекающую отъ креста, знаменіе побѣды надъ демонами. Это — мечъ, это — щитъ, это — панцырь, это — шлемъ, это — наколѣнники, это — надежная охрана, это — гавань, это — убѣжище, это — вѣнецъ, это — побѣдная награда, это — сокровищница всѣхъ благъ, какъ настоящихъ, такъ и имѣющихъ когда-либо быть. Подобно тому, какъ кто-либо, взявъ крѣпкое оружіе, даетъ его своимъ воинамъ, такъ дѣлаетъ и Христосъ. Посмотрите, го-

воритъ Онъ, на то, что совершилъ Мой крестъ; сдѣлайте и вы такого же рода оружіе — и совершите то, что хотите. А въ другомъ случаѣ Онъ обѣщалъ даже большее по сравненію съ тѣмъ, говоря: *вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоанн. XIV, 12). Что же значитъ это изреченіе: *возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ?* То ли, чтобы каждый изъ насъ носилъ древо? Никоимъ образомъ. Какая въ этомъ добродѣтель? Но то, чтобы мы были настроены къ перенесенію опасностей, „нося кровь свою въ душахъ", готовые къ претерпѣнію закланія и къ ежедневной смерти, все дѣлая такъ, какъ если бы мы уже не надѣялись, что наша жизнь не угаснетъ до наступленія вечера, — какъ бы несомнѣнно долженствующіе умереть. Это именно говорилъ и апостолъ Павелъ: *по вся дни умираю* (1 Корѳ. XV, 31). Не одна ли дана тебѣ природою смерть? Однако, если хочешь, можно безчисленное количество разъ умереть за своего Господа.

2. Такова благодать, что, въ силу щедрости Господа, назначающаго вѣнцы не только по окончаніи дѣлъ, но и за намѣреніе состязающихся, она превращаетъ бывающую у ея друзей бѣдность въ великое богатство. Но что значитъ: *возьметъ?* Пусть будетъ такъ готовъ къ тому, чтобы претерпѣть закланіе и быть распятымъ на крестѣ, говоритъ Господь, какъ готовъ тотъ, кто несетъ крестъ на своихъ плечахъ. Пусть считаетъ себя въ столь близкомъ сосѣдствѣ со смертью. Предъ такимъ человѣкомъ всѣ приходятъ въ изумленіе, потому что мы не такъ боимся вооруженныхъ безчисленнымъ человѣческимъ оружіемъ и крѣпкихъ мужествомъ, какъ человѣка, одареннаго такою свободою. Ничто въ такой степени не обращаетъ смерти въ бѣгство, какъ проявленіе къ ней презрѣнія. А чтобы никто не подумалъ, что достаточно только этого, т. е., быть готовыми къ смерти (вѣдь таковы и разбойники, и чародѣи, и всѣ убійцы), то для этого присоединилъ: *и по Мнѣ грядетъ*. Я не ищу, говоритъ Онъ, только мужественнаго человѣка, не ищу только неустрашимаго въ виду конца его жизни, но — честнаго, цѣломудреннаго, умѣреннаго и преисполненнаго всякаго рода добродѣтели. Ты видѣлъ услуги креста, не только въ отношеніи къ Господу, но столь сильно заявляющія о себѣ и въ рабахъ Его? Это сдѣлало Петра главою; это сдѣлало таковымъ же и Павла. Поэтому онъ и говорилъ: *кто ны разлучитъ отъ любве* Христовой? *Скорбь ли, или тѣснота,* 838
или бѣда, или мечь (Римл. XIII, 35)? Это сдѣлало мужественными воздерживающихся не только отъ яствъ, но и отъ страстей. Возлюбленные, оградимъ себя силою креста и, вооружившись по отношенію къ остальному, съ большею ревностью приступимъ

къ посту и съ презрѣніемъ отнесемся ко всѣмъ сладостямъ жизни. Богатство, слава, могущество, любовь и все таковое по той причинѣ и пріятно, что мы чрезмѣрно любимъ свою жизнь и, такъ сказать, пригвождены къ настоящей жизни. Когда же послѣдняя презрѣна нами, то для насъ не остается никакого смысла въ тѣхъ приманкахъ. Прекрасна настоящая жизнь, прекрасна и пріятна, такъ какъ она — даръ Божій; но когда явится будущая, тогда первая по справедливости окажется въ пренебреженіи.

Итакъ, да не устыдимся святыхъ символовъ нашего спасенія и да не оттолкнемъ отъ себя, предавшись невоздержности, пьянству и прожорливости, великое основаніе благъ, которымъ мы живемъ и существуемъ, но, какъ вѣнецъ, понесемъ, Христовъ крестъ, то есть, умертвимъ свои страсти. Вѣдь все у насъ совершается чрезъ него: надлежитъ ли возродиться, является крестъ, нужно ли питаться тою таинственною пищею, быть рукоположеннымъ или сдѣлать что-либо другое, всюду у насъ знакъ креста. Поэтому съ большою ревностью мы начертываемъ его на жилищѣ, на стѣнахъ, на окнахъ, на челѣ и въ умѣ. Это — знаменіе нашего спасенія, всеобщей свободы и милосердія Господня. Потому онъ и названъ печатью, что имъ, какъ бы нѣкоторою царскою печатью и перстнемъ, запечатываемъ всѣ Божіи залоги, какіе бы мы ни получили, и уже ничто злое не дерзаетъ приблизиться. Если мы вручимъ кому-либо власть надъ народомъ и если возведемъ кого-либо въ достоинство священства, то, послѣ того какъ совершимъ безчисленное множество моленій и призовемъ сошедшую затѣмъ благодать Духа, запечатлѣваемъ избранника крестомъ, какъ бы запирая сообщенный даръ въ надежномъ казнохранилищѣ. Такимъ образомъ крестъ употребляется и при священнодѣйствіяхъ. Крестъ Христовъ — мечъ и древо, на которомъ закланный іудеями-богоубійцами Христосъ разрушилъ дѣла діавола и низложилъ самого діавола, пригвоздивъ на немъ (т. е. древѣ) наши грѣхи. По этой причинѣ крестъ и употребляется при священнодѣйствіяхъ, какъ бы нѣкоторый мечъ и царскій бичъ, поражающій и прогоняющій всякій демонскій набѣгъ и сатанинское нападеніе. Поэтому божественные и священные учители, какъ бы нѣкоторые копьеносцы, предложивъ царскій бичъ, имъ прогоняютъ всякое непріятельское и враждебное войско, удѣляя божественные и царскіе дары лицамъ, посвящающимъ въ таинства, и вмѣстѣ съ ними воздавая почитаніе Царю-Христу.

3. Итакъ, когда ты запечатлѣваешь себя крестнымъ знаменіемъ, представляй въ мысляхъ все значеніе креста, и тогда ты

угасишь свой гнѣвъ и всѣ остальныя страсти. Всякій разъ какъ ограждаешь себя тѣмъ знаменіемъ, преисполни свое чело великимъ дерзновеніемъ; грудь, очи и всякій членъ представь въ качествѣ благоугодной Богу жертвы. Въ этомъ и состоитъ разумное служеніе Богу. Это знаменіе и во времена нашихъ предковъ отверзало заключенныя двери, оно угашало губительные яды, оно парализовало силу (ядовитаго растенія) цикуты, оно исцѣляло укушенія ядовитыхъ звѣрей. Если оно отверзло врата ада и открыло небесный сводъ, возстановило входъ въ рай и сокрушило силу діавола, то что удивительнаго, если оно преодолѣваетъ губительные яды? Поэтому вырѣжь его въ своемъ умѣ и обними его — спасеніе нашихъ душъ. Этотъ крестъ спасъ вселенную, прогналъ заблужденіе, возвратилъ истину, землю сдѣлалъ небомъ, людей содѣлалъ ангелами. Благодаря ему, демоны уже не страшны, но презрѣнны, и смерть не есть смерть, но сонъ и бодрствованіе. Благодаря ему, изсушаются плотскія страсти, враждующія съ тѣми, кто постится. Поэтому, если бы кто-либо изъ 839
іудеевъ сказалъ тебѣ: ты покланяешься Распятому? — то ты отвѣть ему яснымъ и сильнымъ голосомъ и съ радостнымъ лицемъ: да, и покланяюсь, и не перестану покланяться. И хотя бы онъ сталъ смѣяться, плачь о томъ, что онъ безумствуетъ и не понимаетъ того, что говоритъ; и возблагодари Господа Христа за то, что Онъ проявилъ къ намъ такія благодѣянія, которыхъ никто не въ состояніи даже и постигнуть безъ помощи небеснаго откровенія. Вѣдь и смѣется онъ потому, что, какъ *душевный человѣкъ, не пріемлетъ яже Духа* Божія (1 Коре. II, 14).

Но что говоритъ безумный, неблагодарный и непокорный іудей? „Если Христосъ есть Богъ, какъ вы говорите, и Сынъ Божій и пришелъ для спасенія людей, то зачѣмъ Онъ распятъ и умеръ такою позорною смертію?“ Мы отвѣтимъ ему немногими словами, выбравъ ихъ изъ писаній пророковъ. О, беззаконный и неблагодарный іудей, Христу надлежало быть распятымъ, потому что законъ и пророки возвѣстили такъ; человѣчеству надлежало получить спасеніе чрезъ Христа. Прежде всего Моисей говоритъ: вы увидите *животъ* вашъ *висящъ предъ очима* вашими, *и не будете вѣры яти житію* вашему (Второз. XXVIII, 66). И Исаія: *яко овча на заколеніе ведеся и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ* (Ис. LIII, 7). Также и Іеремія: *пріидите, и вложимъ древо въ хлѣбъ его* (Іерем. XI, 19). И: *даша цѣну* Его *на село скудельниче, якоже сказа мнѣ Господь* (Матө. XVIII, 10, 9). А что распятый Христосъ есть Богъ, послушай Ездру, который говоритъ: благословенъ Господь, распростершій Свои руки и спасшій Іерусалимъ предъ очами нашими. И когда змѣи умерщвляли народъ,

Моисей, по повелѣнію Божію, повѣсивъ змія на древѣ, говорилъ: взирайте на него, и не умрете (Числ. XXI). И опять Іеремія, какъ бы отъ лица распявшихъ Господа, говоритъ: *пріидите, и истребимъ его отъ земли живущихъ* (Іерем. XI, 19). И, въ свою очередь, Христосъ устами того же пророка говоритъ: *азъ же, яко агня незлобивое, ведомое на заколеніе, не разумѣхъ* (тамъ же). А также затѣмъ и Давидъ, какъ бы отъ лица Христа, говоритъ: *ископаша руцѣ мои и нозѣ мои, и раздѣлиша ризы моя себѣ, и о одежди моей меташа жребій* (Псал. XXI, 17, 19). И снова (Исаія): *простроxъ руцѣ Мои весь день къ людемъ непокаряющимся и противу глаголющимъ, иже не ходиша путемъ истиннымъ, но въ слѣдъ грѣховъ своихъ* (Ис. XV, 2). А что крестъ Христовъ и его образъ досточтимъ и достопокланяемъ, также и объ этомъ учатъ пророки. Давидъ говоритъ: *далъ еси боящимся Тебе знаменіе, еже убѣжати отъ лица лука* (Псал. LIX, 6). И опять: *сотвори со мною знаменіе во благо, и да видятъ ненавидящіи мя и постыдятся* (Псал. LXXXV, 17). А устами пророка Іезекіиля Богъ говоритъ: *даждь знаменія на лица мужей стенящихъ и болѣзнующихъ о всѣхъ беззаконіихъ. И идите, и изсѣцыте, и не помилуйте. Старца и юношу, и жены*, и младенцевъ, питающихся матернимъ молокомъ, *избійте въ потребленіе. А ко всѣмъ, на нихже есть знаменіе, не прикасайтеся* (Іезек. IX, 4—6). И Соломонъ говоритъ: благословите *древо, имже бываетъ правда* (Прем. Солом. XIV, 7). А Исаія говоритъ о томъ, откуда и какія были деревья, составлявшія крестъ: *кипарисомъ и певгомъ, и кедромъ, вкупѣ прославити мѣсто святое* (Ис. LX, 13). Моисей же, бросивъ кусокъ дерева въ Мерру, сдѣлалъ горькія воды сладкими, прообразуя этимъ Христовъ крестъ, усладившій міръ, который былъ проникнутъ горечью демоновъ. И жезлъ Моисеевъ, раздѣлившій скалу, прообразовалъ этимъ крестъ Христовъ, разверзшій человѣческія сердца и вложившій въ нихъ благодать Святаго Духа.

4. И это — поистинѣ путь жизни, и всѣ, остающіеся на немъ, живутъ. Оставившіе же его получатъ смерть и безконечное наказаніе. Законъ и пророки возвѣщаютъ Святую Троицу. И поистинѣ, возвѣщенный пророками и закономъ, грядущій во имя Господне—Господь Іисусъ Христосъ, Онъ не иной кто-либо, какъ только рожденный въ Виѳлеемѣ іудейскомъ отъ Дѣвы и Богородицы Маріи при кесарѣ Августѣ. Непринимающій Его и не
840 вѣрующій въ Него — отступникъ отъ Бога, и да будетъ ему анаѳема. Поэтому Исаія, говоря о васъ, впавшихъ въ заблужденіе, восклицаетъ: *плѣнени быша людіе мои, за еже не вѣдяти имъ Господа* (Ис. V, 13). Съ того времени, какъ пришелъ Христосъ, сила войска вашего, іудеи, уничтожена, священство отнято и вы

разсѣяны римлянами. О распявшихъ Христа Исаія говоритъ: за грѣхи наши Богъ отвратилъ отъ насъ Свое лицо, и оставшіеся изъ насъ — во грѣхахъ. Если бы не былъ Самъ Христосъ—Тотъ, Кто родился отъ Маріи, Кто избранъ Богомъ и есть истинный Его Сынъ, Кто возвѣщенъ закономъ и пророками, то вашъ народъ іудейскій былъ бы прославленъ, оказался бы въ состояніи возвыситься и царствовать, какъ умертвившій безбожника и обольстителя. Но съ тѣхъ поръ, какъ былъ водруженъ крестъ, и на немъ былъ распятъ вашими отцами Христосъ, съ того времени и до сегодня вашъ народъ обреченъ на погибель и безчестіе, и Богъ разгнѣвался на васъ сильнѣе, чѣмъ во времена вавилонскаго плѣна. Тогда по истеченіи семидесяти лѣтъ Богъ сжалился и отозвалъ васъ обратно. А теперь Онъ оттолкнулъ васъ отъ Себя совершенно; истину сказалъ отецъ вашъ, пророкъ и патріархъ Іаковъ, — всѣ ваши законныя установленія пали, вы изгнаны изъ Іудеи — вашей страны, разсѣяны по различнымъ мѣстамъ и служите предметомъ презрѣнія и поруганія во всей вселенной—отъ востока до послѣдняго края земли. А наши христіанскія дѣла съ каждымъ днемъ процвѣтаютъ, возрастаютъ и укрѣпляются, и проповѣдь о нашей благочестивой вѣрѣ распространилась по всей вселенной; надъ нами царствуетъ Христосъ; мы покланяемся честному и животворящему Его кресту и хранимъ послѣдній, какъ многоцѣнное сокровище. Крестъ Господень, дѣйствительно, блистательнѣе и великолѣпнѣе всякаго царскаго вѣнца. Но что я говорю: царскаго вѣнца? Онъ превосходитъ своимъ блескомъ даже самые солнечные лучи. Въ древнее время распятіе было наказаніемъ за порочную жизнь и безнравственныя дѣла; теперь же крестъ — символъ божественнаго дара, знаменіе духовнаго благородства, сокровище, котораго невозможно похитить, даръ, котораго невозможно отнять, основаніе святости. Его мы носимъ съ собою и на ложѣ, и за трапезой, и всюду, гдѣ бы мы ни были. Какъ многіе изъ воиновъ ни обѣдаютъ, ни спятъ безъ оружія, такъ и мы нынѣ привѣсимъ вмѣсто меча къ своему ложу крестъ, вмѣсто засова начертаемъ на дверяхъ его же, имъ же окружимъ всякій домъ вмѣсто стѣны, имъ оградимъ внутреннее и внѣшнее. Онъ сокрушилъ смерть, отверзъ небеса, сдѣлалъ чистою землю, возвелъ наше естество на царскій престолъ, положилъ конецъ тиранніи діавола. Образъ креста — двоякій: одинъ изъ вещества: или изъ золота, или изъ жемчуга, или изъ драгоцѣнныхъ камней, — онъ часто и похищается варварами или ворами; а другой — невещественный, потому что сущность его не изъ вещества, но она — изъ вѣры, матеріалъ — изъ внутренняго настроенія того, кто совершаетъ крестное зна-

меніе. Крестъ хранитъ спящихъ, онъ доставляетъ безопасность бодрствующимъ, онъ спасаетъ находящихся въ опасностяхъ, благодаря ему, прекращается война и утверждается миръ. Прославляю Твое, Господи, о мнѣ таинство домостроительства, исполненное долготерпѣнія и незлобія; покланяюсь честному и животворящему Твоему кресту, Господи; обнимаю *страсти* Твои, лобызаю гвозди и цѣлую язвы на членахъ Твоего тѣла; чрезмѣрно радуюсь *трости, копію* и *губѣ;* какъ царскую діадему, надѣваю на себя вѣнецъ изъ тернія; какъ блестящими камнями, горжусь заплеваніями, и, какъ наиболѣе великолѣпнымъ украшеніемъ, горжусь заушеніями. Исповѣдую, что Ты—истинный Богъ, одинъ изъ лицъ Святой Троицы — Іисусъ Христосъ, за меня воспріявшій страданіе, завернутый въ плащаницу, подвергнутый осмѣянію со стороны беззаконныхъ іудеевъ, наконецъ, погребенный и воскресшій въ третій день и снова грядущій судить живыхъ и мертвыхъ. Твоя слава и держава, съ Отцемъ и Всесвятымъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

о томъ, что не должно стыдиться прославлять честный крестъ, что крестомъ Христосъ спасъ насъ и что намъ надлежитъ хвалиться имъ; также о добродѣтели, о томъ, какъ (Христосъ) желаетъ нашего спасенія, и о милостынѣ.

841 1. Это, братья, то знаменіе, которое Господь обѣщалъ дать всѣмъ, говоря: *родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка* (Матѳ. XII, 39). Господь разумѣлъ смерть, погребеніе и воскресеніе. И, опять въ другомъ случаѣ выясняя силу креста, Онъ говорилъ: *егда вознесете Сына человѣческаго, тогда уразумѣете, яко Азъ есмь* (Іоанн. VIII, 28). Когда распнете Меня, говоритъ Онъ, и будете думать, что побѣдили Меня, тогда всего болѣе узнаете Мою силу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ былъ распятъ Христосъ, іудейскія обрядныя установленія прекратились, проповѣдь процвѣла, слово о Господѣ распространилось до границъ вселенной; силу Господню всегда возвѣщаютъ и земля, и море, и населенная, и ненаселенная части міра.

Поэтому никто да не стыдится священныхъ символовъ нашего спасенія и основанія благъ, которымъ мы живемъ и благодаря которому существуемъ; но будемъ носить Христовъ крестъ,

какъ бы вѣнецъ. Все, имѣющее отношеніе къ намъ, совершается при посредствѣ креста: нужно ли получить возрожденіе, является крестъ; нужно ли быть вскормленнымъ тою таинственною пищею, или быть рукоположеннымъ въ извѣстный церковный санъ, или сдѣлать что-либо другое, всюду — символъ нашей побѣды. Поэтому съ большою заботливостью начертываемъ его и въ жилищахъ, и на стѣнахъ, и на дверяхъ, и на челѣ, и въ умѣ. Это — знаменіе нашего спасенія и всеобщей свободы и доказательство милосердія Господа нашего: *яко овча на заколеніе ведеся* (Ис. LIII, 7). Поэтому, когда ограждаешь себя крестнымъ знаменіемъ, то размышляй въ своемъ умѣ о всемъ значеніи креста и угаси свой гнѣвъ, а также и всѣ прочія страсти. Когда ограждаешь себя крестнымъ знаменіемъ, то преисполни свое чело великимъ дерзновеніемъ, сдѣлай свободнымъ свой духъ. Знайте же, во всякомъ случаѣ, что доставляетъ намъ свободу. Поэтому и Павелъ, побуждая насъ къ этому самому, то есть, къ приличествущей намъ свободѣ, такъ наставляетъ, напомнивъ о крестѣ и крови Господнихъ. *Цѣною,* говоритъ онъ, *куплени есте*: *не будите раби человѣкомъ* (1 Коре. VII, 23). Подумай, говоритъ, о той цѣнѣ, какая уплачена за тебя, и не будешь рабомъ никого изъ людей. Цѣною онъ называетъ кровь, пролитую на крестѣ. Не просто пальцемъ надлежитъ напечатлѣвать его, но прежде всего расположеніемъ сердца съ великою вѣрою; и когда онъ такимъ образомъ бываетъ начертанъ на твоемъ лицѣ, то ни одинъ изъ нечистыхъ демоновъ не будетъ въ состояніи стать вблизи тебя, видя мечъ, которымъ нанесенъ ему ударъ, видя ножъ, отъ котораго онъ получилъ смертельную рану. И, если мы приходимъ въ ужасъ, видя тѣ мѣста, въ которыхъ подвергаются смертной 842
казни осужденные, то подумай, что испытаетъ діаволъ, видя оружіе, которымъ Христосъ уничтожилъ всю его силу и отрѣзалъ голову у дракона.

2. Итакъ, не устыдись столь великаго блага, чтобы и тебя не устыдился Христосъ, когда придетъ со славою Своею и когда предъ лицомъ Его явится знаменіе, сіяющее сильнѣе солнечнаго луча. Тогда именно явится крестъ, который будетъ говорить своимъ наружнымъ видомъ и предъ лицемъ всей вселенной станетъ вести защиту въ пользу Господа и доказывать, что Господь не пренебрегъ ничѣмъ изъ относящагося до спасенія людей. Это знаменіе и во времена нашихъ предковъ отверзало заключенныя двери, оно угашало силу губительныхъ ядовъ, оно парализовало силу (ядовитаго растенія) цикуты, оно исцѣляло укушенія ядовитыхъ звѣрей. Если оно открыло врата ада и отверзало небесный сводъ, если оно возстановило входъ въ рай

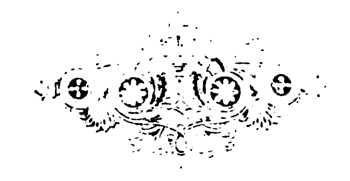
и сокрушило крѣпость діавола, то что удивительнаго, если оно преодолѣваетъ и губительные яды, и звѣрей, и остальное подобное же? Поэтому начертай его въ твоемъ умѣ и обними его — спасеніе нашихъ душъ. Этотъ крестъ обратилъ на истинный путь вселенную, изгналъ заблужденіе, возвратилъ истину, землю сдѣлалъ небомъ, людей содѣлалъ ангелами. Поэтому демоны уже не страшны, но презрѣнны; и смерть не есть смерть, но — сонъ. Отсюда все, что враждовало съ нами, низринуто на землю и попрано. Поэтому, если кто-либо скажетъ тебѣ: ты покланяешься Распятому? — то отвѣть яснымъ голосомъ и съ радостнымъ лицомъ: и покланяюсь, и никогда не перестану покланяться. А если онъ будетъ насмѣхаться, оплачь его въ виду того, что онъ безумствуетъ. Возблагодари Господа за то, что Онъ окружилъ насъ такими благодѣяніями, которыхъ безъ небеснаго откровенія никто не въ состояніи даже и постигнуть. Онъ смѣется по той причинѣ, что *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія* (1 Корѳ. II 14); вѣдь и дѣти испытываютъ тоже, когда увидятъ что-либо великое и достойное удивленія. Дитя будетъ смѣяться, хотя бы ты ввелъ его въ таинства. Эллины похожи на этихъ дѣтей, лучше же сказать: они болѣе несовершенны, чѣмъ даже послѣднія, а потому и болѣе несчастны, такъ какъ не въ незрѣломъ возрастѣ испытываютъ тоже, что и дѣти, а въ совершенномъ, почему не заслуживаютъ даже и снисхожденія. Мы же звонкимъ и сильнымъ голосомъ станемъ возглашать и говорить, и, хотя бы тутъ были всѣ эллины, скажемъ съ особеннымъ дерзновеніемъ, что крестъ — предметъ нашей гордости, что онъ — основаніе всѣхъ благъ и что, наконецъ, онъ же — наше дерзновеніе и всякаго рода вѣнецъ. Я желалъ бы имѣть возможность говорить вмѣстѣ съ Павломъ: *мнѣ міръ распялся, и азъ міру* (Галат. VI, 14), но, недопускаемый разнообразными страстями, не могу. Поэтому совѣтую какъ вамъ, такъ прежде васъ себѣ самому распяться *міру* и не имѣть ничего общаго съ землей, но питать любовь къ горнему
843 отечеству, къ славѣ, которой ожидаемъ оттуда, и къ вѣчнымъ благамъ. Мы — воины Царя небеснаго и надѣли на себя оружіе духовное. Итакъ, зачѣмъ же намъ проводить жизнь корчемниковъ и сборщиковъ, лучше же сказать: червей? Гдѣ — царь, тамъ надлежитъ находиться и воину. Вѣдь мы сдѣлались воинами не тѣхъ, которые находятся вдали отъ насъ, но находящихся вблизи. Земной царь, конечно, не потерпѣлъ бы, чтобы всѣ находились въ царскомъ дворцѣ или чтобы всѣ толпились по сторонамъ непосредственно около него; небесный же Царь желаетъ, чтобы всѣ находились вблизи Царскаго престола. Но какъ возможно, скажетъ кто-либо, чтобы мы, которые находимся здѣсь, стояли подлѣ того

трона? Возможно потому, что и Павелъ, будучи на землѣ, находился, однако, тамъ, гдѣ пребываютъ серафимы и херувимы, и онъ былъ ближе ко Христу, чѣмъ эти щитоносцы — къ своему царю. Эти часто обращаютъ свои глаза на многія мѣста, а на того ничто другое не производило впечатлѣнія, ничто другое не развлекало его, но весь свой умъ онъ устремилъ къ Царю и Господу.

8. Поэтому, если пожелаемъ, то и для насъ возможно тоже. Если бы Господь былъ раздѣленъ отъ насъ мѣстомъ, тогда ты основательно недоумѣвалъ бы; а если Онъ всюду присутствуетъ, то, слѣдовательно, близокъ къ тому, кто проявляетъ усердіе и употребляетъ крайнія усилія (въ дѣлѣ исканія Его). По этой причинѣ и пророкъ говорилъ: *не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Псал. XXII, 4). И, въ свою очередь, Самъ Богъ говорилъ: *Богъ приближаяйся Азъ есмь, а не Богъ издалеча* (Iерем. XXIII, 23). Поэтому, какъ грѣхи разлучаютъ насъ съ Нимъ, такъ праведныя дѣла соединяютъ Его и насъ. *И еще глаголющу ти*, говоритъ, скажу: *се пріидохъ* (Ис. LVIII, 9). Какой отецъ могъ бы когда-либо въ такой степени внимать своимъ дѣтямъ? Какая мать такъ настроена, чтобы непрерывно стоять (въ ожиданіи), не позовутъ ли ея когда-нибудь дѣти? Никого нѣтъ — ни отца, ни матери. А Богъ стоитъ, непрерывно ожидая, не позоветъ ли когда-нибудь Его кто-либо изъ Его рабовъ, и, если мы когда-либо позвали Его, какъ слѣдуетъ, Онъ ни разу не оставилъ нашей просьбы безъ вниманія. Поэтому и говоритъ: *еще глаголющу ти*, т. е., не жду, чтобы ты окончилъ свою молитву, но тотчасъ услышу тебя. Итакъ, будемъ звать Его, какъ Онъ хочетъ быть призываемымъ. А какъ Онъ хочетъ этого? *Разрѣшай*, говоритъ Онъ, *всякъ союзъ неправды, разрушай одолженія насильныхъ писаній, всякое писаніе неправедное раздери. Раздробляй алчущему хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой. Аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племене твоего не презри. Когда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ, и предъидетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія объиметъ тя. Тогда воззовеши* ко Мнѣ, *и услышу тя, еще глаголющу ти*, скажу: *се пріидохъ* (Ис. LVIII, 7 — 9). И кто можетъ совершить все это, скажетъ кто-нибудь? Скажи мнѣ: кто не можетъ? Что тяжелаго въ томъ, что сказано? Что труднаго? Что нелегкаго? Все это не только возможно, но и такъ легко, что многіе превзошли даже и мѣру, не только разорвавъ несогласныя съ правдою счетныя записи, но даже снявши съ себя все, что у нихъ было, не только радушно принимая бѣдныхъ въ свой домъ и приглашая ихъ къ своей трапезѣ, но даже трудясь до тѣлеснаго пота, чтобы пропитать ихъ, благодѣтельствуя не только родственникамъ, но и врагамъ.

Что же, словомъ, труднаго въ сказанномъ? Онъ не сказалъ: перейди гору, перейди море, раскопай столько-то и столько-то участковъ земли, оставайся безъ пищи, облекись во вретище; но: сдѣлай другихъ участниками въ пользованіи твоимъ домомъ, удѣляй свой хлѣбъ, разорви несогласныя съ правдою счетныя записи. Что легче этого? Скажи мнѣ. А если, по твоему мнѣнію, это — трудно, то посмотри, прошу, на награды, и тогда все будетъ тебѣ легко. Какъ цари во время состязаній на конскихъ ристали-
544 щахъ полагаютъ предъ состязающимися вѣнцы, одежды и побѣдныя награды, такъ и Христосъ полагаетъ посреди ристалища побѣдныя же награды, протягивая ихъ, какъ бы многими руками, словами пророка. Но у царей, какъ у людей, ихъ изобиліе истощается и предметы, щедро раздаваемые ими, издерживаются; поэтому цари ревностно стараются о томъ, чтобы показать незначительное въ качествѣ важнаго. По этой причинѣ, вручая всякій въ отдѣльности предметъ отдѣльному изъ своихъ слугъ, такимъ образомъ выносятъ ихъ на средину. Нашъ же Царь, напротивъ, собравъ все вмѣстѣ, такъ какъ Онъ весьма богатъ и не дѣлаетъ ничего на показъ, такимъ образомъ выставляетъ на средину все, что собрано; а то будетъ безчисленно и потребуетъ многихъ рукъ, которыя взяли бы. А чтобы ты понялъ это, разсмотри каждое изъ Божіихъ обѣщаній со тщательностію. *Тогда*, говоритъ Онъ, *разверзется рано свѣтъ твой*. Не кажется ли тебѣ, что рѣчь идетъ о какомъ-то одномъ дарѣ? Но онъ — не одинъ. Внутри себя онъ содержитъ многое: и вѣнцы, и побѣдныя награды, и другія воздаянія; и, если желаете, мы покажемъ все богатство по отдѣльнымъ его частямъ, насколько, конечно, мы въ силахъ показать это; только не утомитесь (слушая насъ). И прежде всего, постараемся понять, что значитъ: *разверзется*? Оно показываетъ намъ скорость и изобиліе и то, какъ сильно Онъ желаетъ нашего спасенія, какъ озабоченъ тѣмъ, чтобы блага сами изливались, и какъ старается объ этомъ. И ничто не будетъ въ состояніи препятствовать неизреченной Его стремительности. Всѣмъ этимъ показывается изобиліе благъ и безконечность ихъ богатства. А что значитъ: *рано*? Это значитъ, что не послѣ того, какъ ты окажешься въ искушеніяхъ, и не послѣ посѣщенія тебя несчастіями, но прежде, чѣмъ явится все это. Какъ относительно плодовъ говоримъ, что такой-то плодъ — ранній, именно явившійся прежде времени, такъ и здѣсь, въ свою очередь, обозначая скорость, Онъ сказалъ такимъ образомъ (т. е., употребивъ слово: *рано*), подобно тому какъ выше говорилъ: *еще глаголющу ти*, скажу: *се пріидохъ*. Но о какомъ Онъ говоритъ свѣтѣ, и что это вообще за свѣтъ? Не этотъ чувственный, но другой, во многихъ отношеніяхъ луч-

шій, который показываетъ намъ небо, ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, престолы, господства, начала, власти, все воинство, царскіе города, обители. Если ты удостоишься того свѣта и увидишь то, что сказано, то избавишься отъ геенны, отъ ядовитаго червя, отъ зубовнаго скрежета, отъ мучительныхъ узъ, отъ скорби и страданія, отъ безпросвѣтнаго мрака, отъ разсѣченія тебя пополамъ, отъ огненныхъ рѣкъ, отъ проклятія и отъ мѣстъ мученія, и удалишься туда, откуда *отбѣже* скорбь и печаль, гдѣ царятъ: великая радость, миръ, любовь, наслажденіе и веселіе, гдѣ жизнь безконечна, слава неизреченна и красота несказанна, гдѣ обители вѣчны, слава Царя неизглаголанна и гдѣ находятся тѣ блага, которыхъ глазъ нашъ не видѣлъ, ухо не слышало и мысль о которыхъ не приходила человѣку на умъ; гдѣ духовный Женихъ, небесные чертоги, дѣвы со свѣтлыми лампадами и слуги, держащіе въ рукахъ брачное одѣяніе; гдѣ находятся чертоги Господа и сокровищницы Царскія. Видѣлъ ли ты, сколь великія и сколь многія побѣдныя награды Онъ указалъ однимъ словомъ, и какъ собралъ все во-едино? Такимъ образомъ раскрывъ и каждое изъ послѣдующихъ словъ, мы нашли бы великое изобиліе и неизмѣримое море. Итакъ, не отложимъ на неопредѣленное время и не замедлимъ оказывать состраданіе нуждающимся; нѣтъ, прошу; но, хотя бы намъ нужно было все бросить, хотя бы намъ предстояло быть вверженными въ огонь, или отважиться противъ угрожающаго меча, или прыгать на ножи, или потерпѣть что-либо другое, будемъ переносить все спокойно, чтобы получить одѣяніе небеснаго царства и ту неизреченную славу. О, если бы мы всѣ достигли ея, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.



ОГЛАВЛЕНІЕ III-го ТОМА
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

БЕСѢДА НА ПРИТЧУ О ДОЛЖНИКѢ

десятью тысячами талантовъ, взыскивавшемъ сто динаріевъ (Матѳ. XVIII, 23 — 35), и о томъ, что злопамятство хуже всякаго грѣха.

Эта бесѣда произнесена святителемъ въ 387 году между Пасхой и Вознесеніемъ, послѣ продолжительнаго перерыва въ бесѣдахъ по случаю тяжкой болѣзни святителя. Поэтому въ самомъ вступленіи выражается радость проповѣдника по случаю возвращенія его къ своимъ слушателямъ послѣ продолжительнаго отсутствія вслѣдствіе именно болѣзни.

Посвятивъ великій постъ искорененію дурной привычки клясться, проповѣдникъ переходитъ къ обличенію другого порока и осуждаетъ гнѣвъ и страсть къ возмездію за обиды, что и дѣлаетъ чрезъ объясненіе притчи о рабѣ, который долженъ былъ десять тысячъ талантовъ.—Іисусъ Христосъ, чрезъ посредство этой притчи, хотѣлъ научить Своихъ учениковъ подавлять въ себѣ приступы гнѣва; это и доказываетъ вопросъ, съ которымъ ап. Петръ обращается по этому предмету къ Спасителю. —Должно прощать не семьдесятъ семь разъ, какъ толкуютъ нѣкоторые, но безконечное число разъ.—Отчетъ, котораго потребуетъ Царь Небесный, будетъ одинаково строгъ для всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній.—О томъ, что означаютъ слова: *неимущу же ему воздати.* — Какъ должникъ, опасавшійся быть осужден-

III. Бесѣда

о томъ что чтеніе Св. Писаній полезно и что оно дѣлаетъ внимательнаго недоступнымъ для рабства и стѣснительныхъ обстоятельствъ, также о томъ, что названіе апостоловъ есть названіе многихъ достоинствъ и что апостолы получили силу и власть гораздо большую, чѣмъ внѣшніе властители и самые цари, и наконецъ къ новопросвѣщеннымъ.

IV. Бесѣда

о томъ, что не безопасно для слушателей молчать о сказанномъ въ церкви, и для чего Дѣянія читаются въ пятидесятницу, и почему Христосъ по воскресеніи являлся не всѣмъ, и о томъ, что яснѣе лицезрѣнія Онъ представилъ доказательства воскресенія посредствомъ знаменій апостоловъ.

БЕСѢДЫ О ПЕРЕМѢНѢ ИМЕНЪ.

I. Бесѣда

по прочтеніи мѣста: «Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ» (Дѣян. XI, 1), когда всѣ ожидали, что будетъ сказана бесѣда на начало IX гл. Дѣяній,—о томъ, что призваніе Павла есть доказательство воскресенія.

Эта и слѣдующія три бесѣды имѣютъ своимъ общимъ содержаніемъ вопросъ о перемѣнѣ именъ.

БЕСѢДА

на слова апостола: «Вѣмы, яко любящымъ Бога вся поспѣшествуетъ во благое» (Римл. VIII. 28), о терпѣніи и о томъ, сколько пользы отъ скорбей.

Вступленіе этой бесѣды весьма похоже на вступленіе въ бесѣду о должникѣ десятью тысячами талантовъ. Какъ въ той, такъ и въ другой проповѣдникъ радуется, что послѣ продолжительной болѣзни онъ вновь, какъ бы по возвращеніи изъ долгаго путешествія, является среди собранія, которое его любитъ и которое любимо имъ съ своей стороны. Поэтому, нѣкоторые ученые выводятъ отсюда, что если бесѣда о должникѣ десятью тысячами талантовъ была произнесена, несомнѣнно, въ Антіохіи въ 387 году, то эта была произнесена въ Константинополѣ, такъ какъ трудно предполагать, чтобы одно и то же вступленіе было произнесено въ одномъ и томъ же городѣ.

БЕСѢДА

противъ не пришедшихъ въ собраніе и на слова апостола: «Аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его» (Римл. XII, 20), и о злопамятствѣ.

БЕСѢДЫ О ПРИСКИЛЛѢ И АКИЛѢ

на слова: «Цѣлуйте Прискиллу и Акилу» и проч. (Римл. XVI, 3).

Слово 1-е.

БЕСѢДА

на слова апостола: «имуще же той же духъ вѣры, по писаному» (2 Кор. IV, 13), и противъ манихеевъ и всѣхъ, порицающихъ ветхій завѣтъ и отдѣляющихъ его отъ новаго, а также и о милостынѣ.

БЕСѢДА

еще на тѣ же слова: «имуще же той же духъ вѣры, по писаному» (2 Кор. IV. 13), и почему всѣ вообще пользуются благами, и о милостынѣ.

БЕСѢДА

о наслажденіи будущими благами и ничтожествѣ настоящихъ.

БЕСѢДА

о томъ, что не должно разглашать грѣховъ братій и молиться о вредѣ врагамъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

БЕСѢДЫ НА ЕВТРОПІЯ

евнуха, патриція и консула.

Евнухъ Евтропій—человѣкъ самаго низкаго происхожденія и безъ всякихъ дѣйствительныхъ заслугъ, въ силу разныхъ козней и хитростей, сдѣлался всемогущимъ сановникомъ въ имперіи, такъ что императоръ Аркадій, всецѣло подчинившись его вліянію, засыпалъ его почестями и богатствомъ и даже возвелъ его въ достоинство консула. Злоупотребляя своимъ всемогуществомъ, онъ обременялъ народъ и гналъ церковь, и между другими несправедливыми законами, онъ достигъ отмѣны права убѣжища, которымъ пользовались въ то время церкви. Въ лицѣ св. Іоанна Златоуста онъ нашелъ себѣ противника, который возставалъ противъ всѣхъ его мѣропріятій и, укоряя его за всѣ злоупотребленія своимъ всемогуществомъ, искренно изображалъ тѣ опасности, которымъ онъ подвергалъ себя этимъ. Своими несправедливыми дѣйствіями онъ, наконецъ, возбудилъ противъ себя народъ и воиновъ, которые бурно потребовали отъ императора низложенія ненавистнаго временщика, и когда императоръ дѣйствительно порѣшилъ уступить этому народному требованію, то Евтропій избѣгая угрожавшей ему опасности, искалъ убѣжища въ храмѣ св. Софіи, т. е, прибѣгая къ тому же убѣжищу, право на которое было отмѣнено его же собственнымъ закономъ. Народъ и воины толпами собрались въ храмъ и требовали выдачи ненавистнаго сановника. Тогда въ защиту его выступилъ св. Іоаннъ Златоустъ и произнесъ эту знаменитую бесѣду, въ которой старался тронуть сердца разъяренныхъ людей и воиновъ и склонить ихъ въ пользу несчастнаго. Не стараясь оправдывать Евтропія, онъ показываетъ

Бесѣда I.

Бесѣда II

когда Евтропій, найденный внѣ церкви былъ схваченъ, и о садѣ и о писаніяхъ, и на слова: «предста царица одесную тебѣ» (Псал. XVI, 10).

СЛОВО

о принятіи Северіана.

СЛОВО О МИРѢ,

БЕСѢДА

предъ отправленіемъ въ ссылку.

БЕСѢДА

по возвращеніи изъ первой ссылки.

БЕСѢДА О ЖЕНѢ ХАНАНЕЙСКОЙ,

сказанная по возвращеніи святителя изъ ссылки.

СЛОВО

о томъ, что кто самъ себѣ не вредитъ, тому никто вредить не можетъ.

Это великолѣпное слово, самое заглавіе котораго заключаетъ въ себѣ какъ бы все христіанское любомудріе, было написано въ Кукузѣ въ 406 году.

Во вступленіи проповѣдникъ заявляетъ, что, вслѣдствіе почти всеобщаго предубѣжденія, высказанное имъ положеніе можетъ показаться невѣроятнымъ; но онъ желаетъ, чтобы его выслушали безъ всякаго предубѣжденія, и надѣется убѣдить въ его истинности. Прежде чѣмъ приступить къ самому предмету, онъ изслѣдуетъ, въ чемъ состоитъ вредъ, въ чемъ состоитъ истинная заслуга человѣка, и что дѣйствительно причиняетъ ему ущербъ. Чтобы сдѣлать предметъ болѣе яснымъ, онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, извлекаемыхъ изъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, и съ достаточностью уяснивъ, что ни богатство, ни здоровье, ни слава, ни свобода, ни даже жизнь не составляютъ истинной заслуги человѣка, онъ побѣдоносно доказываетъ примѣрами Іова, Авеля, Іосифа, Лазаря, ап. Павла, что гоненія и бѣдствія не только не причинили имъ никакого вреда, а, напротивъ, укрѣпили ихъ добродѣтель, возвысивъ ихъ славу, и что если Адамъ палъ подъ козньми діавола, то палъ скорѣе вслѣдствіе своей собственной немощи, чѣмъ злобы этого нечистаго духа, на котораго онъ хотѣлъ свалить свое паденіе. — Этотъ предметъ Златоустъ прерываетъ краснорѣчивымъ разсужденіемъ о богатствахъ. Въ самыхъ живыхъ краскахъ и сильныхъ чертахъ онъ изображаетъ страшную алчность, распространенную по землѣ и объемлющую всѣ сердца. Чтобы погасить огонь этой алчности, насколько возможно, онъ доказываетъ, что богатства не нужно желать

ПИСЬМА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

1) Къ Иннокентію, епископу римскому.

Къ ней же письмо V.

Къ ней же письмо VI.

Къ ней же письмо VII.

Къ ней же письмо VIII.

Къ ней же письмо IX.

Къ ней же письмо X.

СТРАН.

Къ ней же письмо XI.

Къ ней же письмо XII.

Къ ней же письмо XIII.

Къ ней же письмо XIV.

Къ ней же письмо XV.

Къ ней же письмо XVI.

Къ ней же письмо XVII.

ЕГО ЖЕ ПИСЬМА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

(68 писемъ).

ПИСЬМА ПРЕСВИТЕРА КОНСТАНЦІЯ.

ПИСЬМА СВ. I. ЗЛАТОУСТА.

БЕСѢДА НА ПРАЗДНИКЪ ПАСХИ.

СТРАН.

СОМНИТЕЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ (SPURIA),

приписываемыя св. Іоанну Златоусту.